ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ.

ТОМЪ VIII.

ВСЕМІРНАЯ ИСТОРІЯ

Ф. ШЛОССЕРА.

ТОМЪ VIII.

ИСТОРІЯ НОВѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ (1815—1872).

ЧАСТЬ II.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА,
Кузнецкій Мостъ, д. Третьякова.

1877.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 апрѣля 1877 года.

Типографія М. О. Вольфа (Смб., Фонтанка, № 59).

ОГЛАВЛЕНІЕ ВОСЬМАГО ТОМА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Отъ начала февральской революціи въ 1848 г. до смерти Фридриха VII, короля Даніи, 1848—1863 г.

Третій отдѣлъ.

стр.

I. Отъ начала итальянской войны до смерти Фридриха VII датскаго.

1. Итальянская война 5
   a. До австрійскаго ультиматума . . . . . —
   b. Монтебелло, Маджента и Сольферино 7
   c. Миръ 15

II. Исторія отдѣльныхъ государствъ.

A. Романскія государства:

1. Италія 19
2. Испанія и Португалія 41
3. Франція 44

B. Восточныя государства:

1. Турція 51
2. Греція 54
3. Россія 55
4. Австрія 64

C. Германскія государства:

1. Германія 77
   a. Отдѣльныя государства Германіи 81
   b. Пруссія 91
   c. Стремленія къ единству Германіи, начиная съ 1859 года 112
2. Скандинавія 125
3. Англія 129

III. Внѣевропейскія государства и страны.

1. Австралія. Африка 135
2. Азія 137
3. Америка 139

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ кончины Фридриха VII датскаго до франкфуртскаго мира.

стр.
Введеніе 167

Первый отдѣлъ.

I. Отъ кончины Фридриха VII датскаго до начала германской войны.

Сѣверная война Германіи:

a. До начала войны 171
b. До вѣнскаго мира 178
c. До гастейнской конвенціи 185
d. До начала германской войны 199

II. Исторія отдѣльныхъ европейскихъ государствъ, кромѣ Германіи.

A. Государства германскаго племени, кромѣ настоящей Германіи.

1. Скандинавія. 210
2. Англія 212

III. Нейтральныя государства.

Голландія, Бельгія и Швейцарія 216

B. Востокъ.

1. Греція 220
2. Турція 221
3. Россія 224

C. Государства романскихъ народовъ.

1. Италія и Португалія 227
2. Франція. 229
3. Италія 237

Второй отдѣлъ.

Отъ начала нѣмецко-итальянско-австрійской войны до начала германско-французской войны 247

I. Нѣмецко-австрійско-итальянская война.

1. Война до битвы при Кениггрецѣ 253
2. Битва при Кениггрецѣ 262
3. До прагскаго мира 267

II. Отдѣльныя государства.

A. Америка.

1. Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты 278
2. Мексиканская имперія 283

стр.

B. Европейскія государства.—Первая группа.

1. Англія 287
2. Россія 295
3. Турція и Греція 297
4. Бельгія и Голландія, Скандинавія и Швейцарія 302

C. Европейскія государства.—Вторая группа.

1. Австрія. 307
2. Италія 320
3. Германія 328
4. Франція 350
5. Испанія. 363

Третій отдѣлъ.

I. Французско-германская война.

1. Поводъ и начало войны 371
2. Война до битвы при Седанѣ 386
   a. Саарбрюкенъ и Вейсенбургъ, Вертъ и Шпихернъ . . . . . —
   b. Битвы близъ Метца 396
   c. Катастрофа близъ Седана 406
3. Битвы подъ Парижемъ 425
   a. Событія до капитуляціи Метца . . . . . —
   b. О капитуляціи Метца, 27 октября 1870 года до сраженій отъ 37 октября до 4 декабря 446
4. Миръ 455
   a. Возсозданіе новой германской имперіи . . . . . —
   b. Послѣднія сраженія въ департаментахъ 457
   c. Паденіе Парижа 460
   d. Послѣднія сраженія и заключеніе мира 468

II. Отдѣльныя государства Европы.

A. Великія державы.

1. Германская имперія 482
2. Франція. 500
3. Австрія. 516
4. Россія 524
5. Англія 526

B. Государства средней величины и небольшія.

1. Испанія. 530
2. Италія 535
3. Турція и Греція 539
4. Скандинавія 540
5. Бельгія, Голландія и Швейцарія 541

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ОТЪ НАЧАЛА

ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ ВЪ 1848 Г.

ДО

СМЕРТИ ФРИДРИХА VII, КОРОЛЯ ДАНІИ.

1848 — 1863.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

ОТЪ НАЧАЛА ИТАЛІЯНСКОЙ ВОЙНЫ ДО СМЕРТИ ФРИДРИХА VII ДАТСКАГО.

Отъ 1859 до 1863 года.

I. Италіянская война.

А. До австрійскаго ультиматума.

Слова, произнесенныя императоромъ Наполеономъ, произвели сильное впечатлѣніе на всю часть свѣта. Интересы различныхъ народовъ въ текущее время соединялись и переплетались совсѣмъ не такъ, какъ въ прежнія времена, и эта связь, для большинства людей, которые за годъ передъ тѣмъ на вопросъ о мирѣ и войнѣ смотрѣли холодно и равнодушно, или съ самоотверженіемъ предоставляли рѣшеніе ихъ на усмотрѣніе высшихъ властей, теперь съ жаромъ слѣдили за публичными преніями о текущихъ дѣлахъ, толковали о томъ, что пишутъ въ газетахъ, въ которыхъ, не стѣсняясь, обсуживали самые важные политическіе вопросы европейскихъ образованныхъ народовъ. Интересы, стоявшіе на первомъ планѣ этого промышленно-дѣятельнаго столѣтія, для своего процвѣтанія, нуждались въ мирѣ; были даже горячіе защитники мира, которые утверждали, что сильно развитая торговля, фабричная и промышленная дѣятельность дѣлаютъ всякую войну невозможною. Но, по выраженію императора французскаго, война-то и предстояла: а именно, война между Австріей и Франціей изъ-за Италіи. Но не изъ-за одной Италіи: дѣло шло,—такъ разсуждали люди, фантазія которыхъ разыгралась, о томъ, чтобы великое государство романскаго племени стало противъ германскаго; припоминали, что со времени парижскаго мира Франція и Россія въ дѣлахъ восточныхъ шли рука объ руку, какъ это выказалось при соединеніи обоихъ дунайскихъ княжествъ въ одно, и самые дальновидные уже видѣли, что государства романскаго и славянскаго племени непремѣнно вступятъ въ борьбу съ германскимъ, а досужее воображеніе людей опасливыхъ уже представляло себѣ кровавую племенную распрю, охватившую всю Европу и одинаково жестокую на каждой ея точкѣ. Въ Германіи люди, серьезно слѣдившіе за ходомъ событій, спрашивали себя: неужели борьба въ Италіи представляетъ императору Наполеону такую значительную выгоду, что онъ готовъ начать ее—или не есть ли это только прелюдія къ войнѣ съ Германіей? Особенно жарко обсуживали эти вопросы въ югозападной Германіи, гдѣ понимали ея плачевное политическое состояніе и гдѣ еще не позабыли, что вынесли отъ наполеоновскаго владычества.

А между тѣмъ положеніе дѣлъ было еще не совсѣмъ дурное и миръ еще можно было спасти. Началось съ того, что Англія сдѣлала попытку къ посредничеству: Пруссія поддерживала ее. Въ февралѣ 1859 года лордъ Коулей отправился въ Вѣну: онъ, по порученію министерства торіевъ, находившихся въ то

время въ силѣ, предложилъ, чтобы какъ австрійцы, такъ и французы очистили Церковную область, чтобы Австрія отказалась отъ своей покровительственной роли относительно мелкихъ итальянскихъ государствъ, на которыхъ вліяніе ея походило на вліяніе леннаго владѣтеля на вассаловъ; но во всемъ остальномъ территоріальныя отношенія останутся въ томъ же видѣ, какъ въ 1815 году было постановлено; только на этихъ условіяхъ Англія принимала на себя посредничество и обѣщалась установить переговоры къ общему согласію. Наполеонъ тоже показалъ видъ, будто онъ готовъ покончить недоразумѣнія миролюбиво, съ цѣлью протянуть время и воспользоваться имъ для окончанія своихъ военныхъ приготовленій, въ которыхъ ему содѣйствовала, между прочимъ, и Россія; для того, чтобы привести въ порядокъ и уладить италіянскія дѣла, она предложила составить конгрессъ изъ пяти великихъ державъ. Австрія заявила, что готова послать отъ себя полномочнаго представителя, но требовала только въ залогъ того, что она не сдѣлается жертвой хитрости, чтобы Сардинія показала примѣръ и прекратила вооруженія; объ этомъ условіи начались горячія разсужденія и совѣщанія. Казалось, что дѣла уладятся и миръ не будетъ нарушенъ; 20 апрѣля Кавуръ получилъ телеграмму отъ императора Наполеона, съ совѣтомъ не уклоняться отъ конгресса, а какъ на предварительное условіе согласиться на прекращеніе вооруженій и преимущественно распустить корпусъ волонтеровъ, въ который охотники стекались со всѣхъ сторонъ, такъ какъ Франція тоже согласна приступить къ разоруженію.

Это извѣстіе поразило Кавура, какъ громомъ; казалось, труды и неусыпныя заботы его разлетѣлись, какъ мечта, десятилѣтнія надежды, которыми Сардинія утѣшала себя, исчезли, и ей впередъ суждено играть жалкую и даже смѣшную роль. Викторъ Эмануилъ въ своей рѣчи, при открытіи піемонтскаго парламента 10 января, произнесъ многознаменательныя слова: «Піемонтъ не безчувственъ къ крикамъ страданія, какіе до него доносятся изъ разныхъ частей Италіи». По тайному договору король, готовый на самую тяжкую жертву для пользы Италіи, уступилъ Франціи Савойю—колыбель своей династіи; января 31, принцесса Клотильда, дочь Виктора Эмануила, вышла замужъ за двоюроднаго брата французскаго императора. Настроеніе духа во всей Италіи было крайне напряженное: всѣ какъ будто ждали рѣшительнаго измѣненія судьбы. Въ австрійскихъ областяхъ Италіи исчезли миролюбивыя стремленія 1857 года. Падуанскій и павійскій университеты были закрыты; даже въ гимназіяхъ замѣтно было волненіе, и не однажды доходило до того, что патруль и караулы принуждены были усмирять мальчиковъ. Въ такомъ же родѣ было настроеніе всей Италіи: въ Піемонтѣ утихла вся частная вражда въ виду наступавшей опасности; между прочимъ Массимо д'Азеліо, подобно Аристиду, явившемуся къ Ѳемистоклу передъ саламинской битвой, явился къ своему противнику Кавуру и просилъ его, чтобы онъ употребилъ его знанія или его жизнь на пользу отечества; даже изъ партіи мадзинистовъ самые благоразумные убѣдились, что въ настоящую минуту гораздо полезнѣе для общаго дѣла поддерживать правильно и стройно-организованное государственное стремленіе Піемонта, нежели тратить время и силы въ пустыхъ заговорахъ, или въ преждевременныхъ возстаніяхъ и тѣмъ ставить все народное благо на карту. Въ туринской палатѣ депутатовъ, законъ о займѣ въ 50 милліоновъ, по требованію правительства и на нужды его, былъ принятъ 116 голосами противъ 35, а въ сенатѣ большинствомъ 59 голосовъ, противъ 7. Все готовилось, все находилось въ такомъ напряженномъ состояніи, которое долго продолжаться не могло. Если дѣло протянулось бы, если бы оно было отдано на рѣшеніе конгресса съ его безконечными засѣданіями и разсужденіями, народъ потерялъ бы терпѣніе и революціонныя вспышки только испортили бы общее положеніе дѣлъ; кромѣ того, съ трудомъ собранныя и напряженныя силы небольшаго государства истощались бы въ безплодномъ ожиданіи, и если бы въ концѣ концовъ конгрессъ все-таки ничего не постановилъ и оставилъ дѣла въ томъ положеніи и владѣтелей въ такихъ границахъ, какъ прежде, съ фактическимъ преобладаніемъ Австріи, съ ея нескончаемыми обѣщаніями приняться за реформы, отъ которыхъ Англія ожидала всякихъ благъ и счастія для Италіи, тогда неминуемо, вмѣсто одушевленія, полнаго надежды, народомъ овладѣло бы

унніе, которое довело бы Италію до самаго печальнаго и нестерпимаго положенія—перспектива нерадостная!

Кавуръ былъ въ тревожномъ состояніи, но сами противники вывели его изъ него и спасли народъ отъ затрудненія, въ какомъ онъ находился; Кавуръ еще разсуждалъ надъ телеграммой, а къ нему уже ѣхалъ офицеръ съ порученіемъ представить туринскому кабинету ультиматумъ австрійскаго правительства.

Въ Австріи произошло то, чего никто не могъ ни ожидать, ни предвидѣть: самъ австрійскій императоръ, по своему собственному усмотрѣнію, по своей личной власти, приказалъ своимъ министрамъ сдѣлать шагъ, на который ни одинъ изъ нихъ, ни подъ какимъ видомъ, не рѣшился бы; онъ такимъ образомъ однимъ ходомъ испортилъ всю игру, клонившуюся очевидно въ несомнѣнную пользу Австріи. До сихъ поръ она находилась въ положеніи обиженной, терпѣвшей нападеніе страны, а тутъ вдругъ роль перемѣнилась и она сама сдѣлалась нападающей, зачинщицей и ставила императора Наполеона въ необходимость на что нибудь окончательно рѣшиться, а то онъ все еще медлилъ и колебался, опасаясь настроенія своихъ подданныхъ, принадлежащихъ къ клерикальной партіи и могущественнаго ея вліянія на императрицу. Апрѣля 23 фрейгеръ фонъ Келлерсбергъ прибылъ въ Туринъ. Онъ привезъ ультиматумъ, составленный министромъ графомъ Буоль отъ 19 числа: тутъ требовалось очень яснаго и опредѣленнаго д а, или н ѣ т ъ; вопросъ былъ поставленъ рѣзко: согласно ли правительство Сардиніи поставить свое войско на мирное положеніе и распустить корпусъ волонтеровъ? Посланный торопилъ отвѣтомъ и давалъ только трое сутокъ срока.

Первое извѣстіе о благопріятномъ для Кавура оборотѣ дѣла дошло до него изъ Неаполя; не медля ни минуты, онъ, не дожидаясь прибытія посланнаго, собралъ палаты, распущенныя по причинѣ праздника Пасхи. 23 явился онъ передъ собраніемъ палатъ, въ оживленной рѣчи бросилъ взглядъ на всѣ до сихъ поръ веденные переговоры, разъяснилъ положеніе дѣлъ и требовалъ для короля диктаторской власти, на время войны, теперь неизбѣжной: онъ доказывалъ необходимость «соединить въ королѣ всю законодательную и исполнительную власть и право, сохраняя отвѣтственность министровъ, королевскими декретами дѣлать всѣ нужныя распоряженія и совершать всѣ акты, клонящіеся къ защитѣ отечества и нашихъ законоположеній и учрежденій».

Съ 1848 года многому научились: теперь не было и помину о буйныхъ сходбищахъ и собраніяхъ; пресса на этотъ разъ не пускала въ ходъ своихъ необузданныхъ зажигательныхъ статей. Изъ Парижа тоже пришли хорошія вѣсти. Колебаніе императора прекратилось, война была неизбѣжна: 25 первые отряды французскаго войска уже переходили границу Сардиніи, а 26 французскій посланникъ въ Вѣнѣ объявилъ правительству, что Наполеонъ будетъ смотрѣть, какъ на военный вызовъ, если австрійскія войска перенравятся черезъ Тессино. Въ этотъ же самый день баронъ Келлерсбергъ выѣхалъ изъ Турина, послѣ того Кавуръ въ изысканно вѣжливыхъ выраженіяхъ послалъ ему сказать, что на вопросы ему нечего отвѣчать.

в. Монтебелло, Маджента и Сольферино.

Трудно догадаться, какая причина принудила Австрію къ этому рѣшительному и, надобно признаться, необдуманному шагу, тѣмъ болѣе, что она до сихъ поръ справедливо хвалилась своею умѣренностію и терпѣніемъ, съ какимъ встрѣчала всѣ вызовы Піемонта. Правда, настроеніе народовъ во всѣхъ югозападныхъ частяхъ Германіи было воинственное. Начнемъ съ Баваріи: тамъ, вслѣдствіе женитьбы кронпринца неаполитанскаго на баварской принцессѣ, уже господствовало направленіе враждебное Піемонту; въ Вюртембергѣ было не лучше; тамъ «Аугсбургская Газета», какъ оракулъ высшихъ слоевъ общества, сильно поджигала умы противъ Піемонта; она свои австрійскіе взгляды и понятія очень ловко проводила, какъ-чисто германскіе, и съумѣла доказать нѣмцамъ, что ихъ отечество въ опасности и что теперь настало время «Рейнъ защищать на берегахъ

По». Горячія головы, жадныя до дѣятельности, недолго думая, съ слѣпымъ одушевленіемъ бросились въ разставленную ловушку и приняли сторону военной политики, истинный смыслъ которой заключался въ томъ, чтобы подвергать Рейнъ опасности за тѣмъ, чтобы отстоять По для пользы Австріи. Впрочемъ, народы больше, нежели ихъ правительства, были одушевлены военнымъ пыломъ: опытный вюртембергскій король очень холодно отвѣчалъ на жаркую и шумную демонстрацію патріотическаго военнаго духа, съ которымъ его встрѣтили по возвращеніи изъ Ниццы, гдѣ онъ провелъ зиму. Не смотря на это, германскій союзный сеймъ, рѣшеніемъ отъ 24 апрѣля, опредѣлилъ поставить союзное войско на военное положеніе; эта мѣра была очень благоразумная, потому что положеніе дѣлъ во всякомъ случаѣ было очень серьезное. Къ счастію, Пруссія явилась въ этомъ случаѣ руководящей державой, и ея рѣшенія имѣли наибольшій вѣсъ; къ тому же, политика ея зависѣла отъ человѣка твердаго и знающаго. Апрѣля 17 къ прусскому двору пріѣхалъ эрцгерцогъ австрійскій, Альбрехтъ, чтобы пріобрѣсть безусловный союзъ Пруссіи, на который въ Австріи твердо разсчитывали, но онъ принужденъ былъ уѣхать, ничего не добившись.

Итакъ, война сосредоточилась на одномъ мѣстѣ; сдѣлать ее общею, не смотря на свое желаніе, Австріи не удалось, и мѣры, для того предпринятыя Францомъ-Іосифомъ, оказались недѣйствительными. Великая борьба началась: правители въ прокламаціяхъ обратились къ общественному мнѣнію Европы и призывали своихъ подданныхъ къ помощи, требовали отъ нихъ жертвъ и одобренія своимъ начинаніямъ. Въ манифестѣ къ своимъ подданнымъ, данномъ въ Лаксенбургѣ 28 апрѣля, Францъ-Іосифъ указывалъ на десятилѣтнее долготерпѣніе, съ какимъ Австрія встрѣчала вызовы своего слабѣйшаго сосѣда; онъ охотно избавилъ бы своихъ подданныхъ, говорилъ онъ, отъ жертвъ, какія требуетъ война; но сердце монарха должно оставаться твердымъ, чувство умолкнуть, когда честь и долгъ ему повелѣваютъ. Врагъ дѣйствуетъ за одно съ революціонною партіей, онъ нашелъ опору въ французскомъ императорѣ, который безъ основательныхъ причинъ вмѣшивается въ дѣла Италіи; о н ъ, Францъ-Іосифъ, обнажаетъ мечъ противъ революціоннаго ученія, которое проповѣдуется теперь даже на тронахъ, обнажаетъ его на защиту своего права, которое въ этомъ случаѣ обнимаетъ священнѣйшія блага и права человѣчества. Далѣе высказалъ онъ надежду, что и остальные германскіе народы не выдадутъ его войска, не покинутъ его, и, позабывъ о незавидной роли, какую играла Австрія въ войнѣ за независимость, указывалъ, какъ въ годину общей напасти, въ 1813 году, только благодаря дружнымъ, соединеннымъ усиліямъ и общему одушевленію, гордыня Наполеона, этого могущественнаго завоевателя, была смирена. Викторъ-Эмануилъ съ своей стороны тоже обратился къ своему народу, съ которымъ долженъ былъ отстаивать честь и славу защитника отечества и свободы всей Италіи: «защищая наслѣдственный престолъ мой и свободу моихъ народовъ, я въ тоже время обнажаю мечъ на защиту всего италіянскаго народа». Императоръ Наполеонъ, передовыя войска котораго, хотя въ незначительномъ числѣ, вошли уже въ Туринъ и Геную, объявлялъ въ своей прокламаціи отъ 3 мая: «Франція берется за оружіе не для завоеваній и не для того, чтобы господствовать, но для того, чтобы освободить Италію и возвратить ее самой себѣ; по винѣ Австріи, дѣла поставлены въ такое положеніе, что Австрія или будетъ царствовать до Альпъ, или Италія будетъ свободна до Адріи».

Военныя силы и средства были неравномѣрныя. Піемонтское войско, подъ начальствомъ своего короля, состояло изъ 65,000 человѣкъ и 120 орудій, французы, прибывшіе черезъ Монъ-Сени, горный проходъ Монъ-Женевры, черезъ Ниццу и по морю, и бывшіе подъ начальствомъ Наполеона, насчитывали 150,000 чел. и 162 орудія, въ числѣ которыхъ 37 было новѣйшей системы. Австрійское войско, пока состояло изъ 100,000 чел., но у него было 14 дней впереди: уже 29 апрѣля выше и ниже Павіи оно перешло черезъ Тессино; можно было ожидать, что оно немедленно начнутъ дѣйствовать.

Но дѣйствія-то и не было. Всѣ ожидали, что начальство надъ войскомъ поручено будетъ начальнику штаба, правой рукѣ Радецкаго, фельдцейхмейстеру Гессу, лучше всякаго другаго знакомому съ италіянскою мѣстностью и со спосо-

бомъ войны на ней, но, по непростительной ошибкѣ австрійскаго правительства, войско поручено было любимцу императора, графу Грюппе, полководцу съ недальними знаніями и неопытному, который до сихъ поръ въ Италіи, при враждебномъ столкновеніи, постоянно занималъ только очень подчиненное положеніе, но который отъ остальныхъ генераловъ Радецкаго отличался большею уступчивостію и угодливостію; Францъ Джулай, род. въ 1798 году, получивъ начальство надъ италіянскимъ войскомъ, очень чистосердечно сознался въ своей неспособности управлять имъ, и просилъ избавить его отъ этой чести; но просьбу его не уважили.

Джулай оставался въ бездѣйствіи, и далъ своимъ врагамъ время безпрепятственно совершить передвиженіе войска и соединиться. Вмѣсто того, чтобы переправившись на югъ, на правый берегъ По, по возможности разгромить слабое сардинское войско еще до появленія французовъ, и послѣ того постепенно нападать на ихъ отдѣльные корпуса, враздробь, по мѣрѣ ихъ появленія, онъ передвигалъ свое войско на лѣвомъ сѣверномъ берегу, гдѣ не было враговъ, потому что слабые отряды сардинскаго передоваго войска, изрѣдка попадавшіеся, не вступая въ сраженіе, отступали при первомъ появленіи австрійцевъ и стягивались къ центру своей операціонной линіи, къ крѣпости Алессандріи, на югъ отъ По; такимъ образомъ прошли три недѣли въ нерѣшительныхъ попыткахъ; въ оправданіе этого говорили что наступившіе дожди очень возвысили воду въ По и дѣлали переправу черезъ него невозможною, и приводили другія столько же неважныя причины. Между тѣмъ герцогъ тосканскій, опасаясь настроенія своихъ подданныхъ, съ жаромъ требовавшихъ немедленнаго присоединенія къ италіянско-сардинскому войску, не зная, какъ поступить, нашелъ самымъ удобнымъ для себя оставить герцогство; его примѣру послѣдовала герцогиня пармская 1 мая; а 5 того же числа австрійское войско опять возстановило здѣсь прежній порядокъ вещей, но неизвѣстно на долго-ли.

Газеты молчали о военныхъ дѣйствіяхъ; любопытство читателей съ каждымъ днемъ разгаралось все больше и больше. Мая 12 Наполеонъ прибылъ въ Геную; въ своемъ приказѣ къ войску, онъ припоминалъ солдатамъ ихъ обязанность и приводилъ имъ въ примѣръ великіе подвиги отцовъ ихъ, совершенные на этой самой почвѣ; онъ говорилъ, что путь къ славѣ имъ указываютъ побѣды при Мондови, Маренго, Лоди, Кастильони, Арколи, Риволи, и совѣтовалъ имъ идти по этой via sacra, полной славныхъ воспоминаній: «пусть въ вашихъ рядахъ царствуетъ строгая дисциплина, составляющая славу арміи; помните, здѣсь для васъ нѣтъ иныхъ враговъ, кромѣ тѣхъ, съ которыми вы встрѣтитесь на полѣ битвы; не увлекайтесь только пыломъ храбрости въ сраженіяхъ, этого одного только я опасаюсь»; для вѣрнѣйшаго противодѣйствія новоизобрѣтенному оружію, онъ совѣтовалъ больше всего полагаться на штыки, которые и здѣсь, какъ вездѣ и всегда, есть самое ужасное и сильное оружіе французской пѣхоты; «я уже слышу, что изъ конца въ конецъ Франціи раздается голосъ одобренія и надежды: вездѣ вѣрятъ, что новая молодая италіянская армія не постыдитъ своей старшей сестры.» 14 онъ перенесъ свою главную квартиру въ Алессандрію, поближе къ піемонтской, составлявшей лѣвое крыло соединенной арміи. Французское войско раздѣлялось на пять корпусовъ, находившихся подъ ближайшимъ начальствомъ маршаловъ: Барагэ д'Илье и Канробера, генераловъ — Макъ-Магона, Ниля, Реньо-де-Сенъ-Жанъ-д'Анжели и принца Наполеона, откомандированнаго въ Тоскану для формированія резервовъ, съ цѣлью, съ юга присоединиться къ дѣйствующей арміи. Готовился ли для него тронъ во Флоренціи или нѣтъ, показалъ дальнѣйшій ходъ событій. Окупаціонное войско, находившееся въ Римѣ, составляло отдѣльный корпусъ, не входившій въ составъ арміи. Церковная область объявлена была нейтральною; это было самое щекотливое и слабое мѣсто въ итальянской политикѣ; на первыхъ порахъ италіянскіе патріоты рѣшились отказаться отъ своихъ обычныхъ способовъ дѣйствій: они хотѣли предоставить дѣло законному ходу и ожидать рѣшенія отъ правильно веденной войны, не волновали народа, не производили возмущеній, чтобы не затруднять военныхъ операцій и не мѣшать имъ. Народный духъ неспокойнаго и пылкаго италіянскаго народа нашелъ себѣ представителя и поборника въ Гарибальди, который однакожь

очень далеко отъ королевской главной квартиры союзнаго войска, набиралъ, вооружалъ и обучалъ свой корпусъ волонтеровъ. Одинъ только Мадзини не могъ примириться съ піемонтскимъ и французскимъ вмѣшательствомъ, онъ не переставалъ предостерегать италіянцевъ отъ властолюбія Наполеона и савойскаго дома: это была самая лучшая изъ услугъ, какую онъ могъ оказать италіянскому дѣлу, потому что онъ этимъ прямо опровергалъ обвиненіе, на сколько его можно было опровергнуть, что піемонтское правительство дѣйствуетъ за одно съ революціонною партіей.

Первое серьезное столкновеніе произошло 19 мая. Джулай самъ не зналъ, что ему дѣлать съ войскомъ; онъ боялся, какъ бы союзники не обошли его, и потому схватился за средство, издавна излюбленное австрійскими генералами: онъ послалъ сильный отрядъ на рекогносцировку. Онъ хотѣлъ удостовѣриться, нѣтъ ли на правомъ берегу По, передъ Алессандріей сильнаго непріятельскаго корпуса. Съ этою цѣлью онъ отправилъ отрядъ въ 30,000, подъ начальствомъ графа Филиппа Стадіона, на правый берегъ По, съ приказаніемъ напасть на авангардъ непріятельскаго войска и тѣмъ принудить его развернуть свои силы. Такимъ образомъ въ предгоріяхъ Апеннинъ, по дорогѣ Тортона — Страделла — Піаченца, близъ мѣстечка Монтебелло, послѣ обѣда 19 числа, дѣло дошло до битвы. Французами командовалъ генералъ Форей; онъ постепенно вводилъ въ сраженіе одинъ отрядъ за другимъ; австрійскихъ войскъ было достаточно, и они оказались достойными соперниками французскихъ, но ими командовалъ человѣкъ незнающій и неловкій: онъ строго держался буквы даннаго ему предписанія, и къ вечеру отступилъ, не потерпѣвши настоящаго пораженія, но потерявъ все-таки 1,000 человѣкъ, относительно больше французовъ, у которыхъ выбыло изъ строя 700; но хуже было нравственное впечатлѣніе, произведенное на міръ: французы приписали себѣ рѣшительную побѣду въ этомъ первомъ столкновеніи съ австрійскими войсками. Напрасно преданныя Австріи газеты со всевозможною ученостью доказывали міру, что это вовсе было не сраженіе, а только усиленная рекогносцировка, и что Стадіонъ не бѣжалъ, а только отступилъ, исполняя данное ему порученіе и заставивъ французовъ развернуть свои боевыя силы: но первое впечатлѣніе, произведенное въ этой войнѣ и крайне важное по своимъ послѣдствіямъ, такъ и осталось не въ пользу австрійскаго оружія.

Между тѣмъ Гарибальди съ своими волонтерами съ сѣверной стороны приближался къ правому флангу австрійскаго войска, и употреблялъ всѣ силы, чтобы поднять жителей Ломбардіи, въ тылу и съ праваго фланга Джулая, который между тѣмъ такъ глубоко презиралъ, или притворялся, что презираетъ піемонтцевъ, что не обращалъ вниманія на корпусъ волонтеровъ. Гарибальди набралъ свой отрядъ въ 3,200 человѣкъ изъ альпійскихъ охотниковъ, по большей части ломбардскихъ выходцевъ и другихъ италіянскихъ волонтеровъ, обучилъ ихъ, перешелъ съ ними Тессино въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ притокъ По выходитъ изъ Лаго-Маджіоре, и смѣло двинулся черезъ Варце къ Милану. Въ то же время союзники сдѣлали движеніе первой важности; піемонтцы, какъ мы уже говорили, составляли лѣвое крыло: Наполеонъ сдѣлалъ диверсію съ своими войсками, онъ повелъ ихъ позади піемонтцевъ къ сѣверу; начиная съ 26 числа, поѣзды желѣзныхъ дорогъ съ французами отправлялись изъ Алессандріи, черезъ Казале въ Верчелли; піемонтское войско послѣдовало ихъ примѣру, но близъ Палестро 31 произошло столкновеніе между нѣсколькими батальонами піемонтцевъ, подъ начальствомъ Чіальдини, и австрійскими полками; самъ Викторъ-Эмануилъ находился въ сраженіи; одинъ изъ полковъ зуавовъ подоспѣлъ на вырычку и бросился на австрійцевъ въ штыки; зуавы были удивлены храбростью короля, который бросался въ огонь съ дерзостью неслыханной; это имъ такъ понравилось, и такъ одушевило ихъ, что они тутъ же провозгласили его капраломъ своего полка: правда, это выраженіе ихъ удивленія не принесло много почести королю, но можетъ быть почетнымъ свидѣтельствомъ его храбрости. Между тѣмъ французское войско совершало свое боковое движеніе, перешло черезъ Сессію и заняло 1 іюня Новару, а 2 уже подвинулось къ правому берегу Тессино, по дорогѣ въ Миланъ, Буффалору и Мадженту, а къ 3 іюня вся армія собралась вокругъ Новары.

Это боковое движеніе союзниковъ оставалось для австрійцевъ тайною, до утра 1 іюня; Джулай не велъ войны, но выжидалъ и присматривался къ тому, какъ ее поведутъ его противники; когда же наконецъ до него дошло извѣстіе о предпринятомъ движеніи, у него не достало силы характера смѣлымъ и неожиданнымъ нападеніемъ разстроить планы союзниковъ; онъ перешелъ на лѣвый берегъ Тессино, гдѣ войско его было усилено богемскимъ корпусомъ, подъ начальствомъ Кламъ-Галласа, такъ что подъ ружьемъ у австрійцевъ всего было 115,000 человѣкъ, расположенныхъ линіей между Аббіатограссо на югъ и Маджента на сѣверъ. Такъ какъ въ рукахъ Наполеона находились двѣ переправы черезъ Тессино, то онъ и рѣшился перейти черезъ рѣку со всею своею арміей. До полудня гвардія перешла черезъ Тессино, по наскоро устроенному мосту, въ Буффалору, другіе полки послѣдовали за нею по каменному мосту, плохо разрушенному австрійцами и уже возстановленному французами, выше, вверхъ по рѣкѣ, и Макъ-Магонъ съ своимъ войскомъ рано утромъ переправился черезъ Тессино, занялъ Турбино и, взявши на право, потянулся къ югу; судьба сраженія зависѣла отъ того, успѣетъ ли онъ во время принять участіе въ битвѣ; центръ войска находился близъ Маджепты, тутъ цѣлое утро происходило сраженіе, безъ всякаго перевѣса на ту или другую сторону, но, частію по причинѣ небрежности австрійскаго полководца, только послѣ обѣда нашелъ онъ удобнымъ для себя явиться на поле битвы, и была минута, когда австрійцы могли бы выиграть сраженіе, потому что очень долгое время французская гвардія одна, безъ всякой поддержки, боролась съ шестью австрійскими бригадами; но мало-по-малу подходили подкрѣпленія; и у Макъ-Магона только подъ вечеръ явился достаточно сильный отрядъ, съ которымъ онъ могъ принять участіе въ сраженіи, рѣшительно двинуться на югъ и положить конецъ колебанію. Только совсѣмъ къ вечеру дошелъ онъ до Маджепты и рѣшилъ участь боя—но не побѣду, потому что у Джулая цѣлая треть войска не принимала участія въ сраженіи и могла продолжать его еще на слѣдующій день, 5 іюня. Потерю сосчитали вечеромъ 4: на 4,000 убитыхъ и раненыхъ со стороны французовъ приходилось 6,000 со стороны австрійцевъ, да еще кромѣ того было значительное число разсѣянныхъ батальоновъ, до 4,500 чел.; всѣ они почти исключительно принадлежали къ италіянскимъ полкамъ, незначительное число которыхъ австрійцы могли выставить для этой войны. Военныя распоряженія съ той и другой стороны были дурны, но на сторонѣ французовъ была по крайней мѣрѣ энергія при нападеніи и желаніе побѣды; австрійскій главнокомандующій представлялъ собою нуль въ полномъ смыслѣ слова: такъ, напримѣръ, отдѣльные корпуса послѣ сраженія, по собственному усмотрѣнію, не дожидаясь приказанія, отступали; это извѣстіе до того смутило Джулая, что вмѣсто того, чтобы возобновить сраженіе на другой день, 5, онъ приказалъ войскамъ отступать къ Минчіо, т. е. другими словами, оставлялъ Ломбардію. Не смотря на это, преданныя Австріи газеты распространялись о необходимости, послѣ прерванной битвы, изъ высшихъ соображеній, не возобновлять ее, а отступить, чтобы сосредоточить свои силы въ иномъ мѣстѣ. Волонтеры Гарибальди добрались до Комо и подняли всю страну, но фельдцейхмейстеръ Урбанъ остановилъ и отбилъ ихъ, а самъ опять занялъ 31 мая Варце, но когда все войско начало отступать, и онъ принужденъ былъ послѣдовать за нимъ и оставить большую часть контрибуціи, наложенной на возставшую страну, не собранною. Всѣ крѣпкія позиціи до Минчіо были очищены австрійцами, а 10 іюня, форты Піаченцы взорваны на воздухъ; герцогиня съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ, герцогомъ Моденскимъ, съ войскомъ, оставили свои владѣнія; 18 вышелъ австрійскій гарнизонъ изъ Анконы и Болоньи, а 22 изъ Феррары; теперь борьба шла изъ-за второй австрійской провинціи въ Италіи, изъ-за венеціанской, передъ главнымъ городомъ которой уже стоялъ соединенный французскій и піемонтскій флотъ.

Союзники не мѣшали отступленію Джулая. Между шпалерами изъ жителей Милана, стоявшими по улицамъ и дорогамъ, выходили австрійскія войска, въ воскресенье 5 числа изъ Милана, направляясь на востокъ. Лишь только послѣдніе солдаты вышли изъ Милана, муниципальный совѣтъ поспѣшно собрался и обнародовалъ возобновленіе договора 1848 года, по которому Ломбардія присоеди-

нялась къ королевству Виктора Эмануила. Черезъ три дня, 8, онъ уже торжественно вступалъ въ Миланъ объ руку съ своимъ союзникомъ, императоромъ Наполеономъ. Вечеромъ того же дня, генералъ Бенедекъ, начальникъ 8 австрійскаго корпуса, отстаивая честь австрійскаго оружія, выдержалъ жаркую арьергардную битву при Меланьямо, при чемъ множество французовъ было убито и сотни отведены въ плѣнъ. Наполеонъ издалъ въ Миланѣ прокламацію въ духѣ своего дяди: «смѣлые, достойные солдаты италіянской арміи, ваши отцы съ неба смотрятъ на васъ и гордятся вами»; второе воззваніе обращено было къ италіянцамъ, которые послѣ долгаго времени опять услышали свое національное названіе отъ иностраннаго государя. Опять говорилъ онъ о томъ, что у него нѣтъ и тѣни желанія завоеваніемъ увеличить границы своего государства: «я не принадлежу къ тѣмъ, говорилъ онъ, которые не понимаютъ своего времени». «Предопредѣленіе,» продолжалъ онъ, «сплетъ свои милости безъ разбора иногда народамъ такъ же, какъ отдѣльнымъ лицамъ, давая имъ возможность однимъ шагомъ ступить на самую вершину величія. Ваше пламенное желаніе независимости, столько разъ высказанное, столько разъ угнетенное и сохранившееся въ цѣлости, посреди страданій, будетъ исполнено, если вы окажетесь его достойными. Соединитесь же въ братской любви и освобождайте свое отечество; составляйте военные отряды и спѣшите подъ знамена вашего короля Виктора Эмануила, пылая святымъ огнемъ любви къ отечеству; будьте нынче солдатами, чтобъ стать завтра гражданами великой и свободной страны!»

Это воззваніе заставило сочувственно встрепенуться весь италіянскій народъ. Тонъ этой прокламаціи доказывалъ, что Наполеонъ, съ настоящей точки зрѣнія, смотрѣлъ на войну, а именно, что она теперь только начинается и что ему придется для счастливаго ея окончанія призвать себѣ на помощь бурю страстей революціонной эпохи, элементарныя силы текущаго столѣтія. Ограничивать и удерживать войну въ мѣстности, удачной для него, постепенно представляло болѣе и болѣе трудностей. Настроеніе Германіи особенно въ ея южныхъ частяхъ и въ католическихъ округахъ становилось все неспокойнѣе; газеты, преданныя Австріи, все громче и громче взывали о помощи; нѣкоторые государи, слѣдуя громко и шумно выраженной симпатіи народа, были увлечены общимъ настроеніемъ, порожденнымъ справедливою недовѣрчивостью къ Франціи, иные уже и раньше были горячими сторонниками и вассаллами Австріи; такъ, напримѣръ, герцогъ Нассаускій, который свои тайныя желанія выразилъ въ словахъ: «успѣха Австріи надобно желать и содѣйствовать ему, хотя потому только, чтобы отдѣлаться отъ проклятой конституціи;» воинственный духъ южной Германіи выразился съ такою силою, что Англія и Россія принуждены были возвысить голосъ и напомнить объ осторожности. Князь Горчаковъ циркуляромъ, разосланнымъ русскимъ посланникамъ при европейскихъ дворахъ, отъ 21 мая, объяснялъ, что германскій союзъ, по своему значенію, есть учрежденіе оборонительное, а вовсе не наступательное и если бы онъ выказалъ намѣреніе присоединиться къ австрійскому дѣлу и перейти въ положеніе наступательное, то Россія принуждена будетъ взять свои мѣры противъ этого нарушенія значенія союза. Лордъ Джонъ Россель, министръ иностранныхъ дѣлъ въ новомъ министерствѣ виговъ, составленномъ 17 іюня, подъ предсѣдательствомъ лорда Пальмерстона, на мѣсто бывшаго изъ торіевъ, выразился въ нотѣ, написанной по случаю горячихъ заявленій южногерманскихъ газетъ, пропитанныхъ ультрамонтанскимъ духомъ и поджигавшимъ національное честолюбіе нѣмцевъ, въ своемъ обычномъ прямомъ, хотя и грубоватомъ тонѣ, назвавъ это направленіе глупой болтовнсй (loose settle).

Но дѣла принимали оборотъ, при которомъ Германіи приходилось отстаивать не австрійскіе, но собственные интересы. Война приближалась къ тѣмъ частямъ австрійскихъ владѣній, которыя входили въ составъ германскаго союза. Интересы, касающіеся дѣйствительно Германіи, нашли защитника въ Пруссіи; правительство ея на этотъ разъ слѣдовало ясному и твердому политическому воззрѣнію, которое не совсѣмъ согласовалось съ южными политическими цѣлями и съ своекорыстнымъ взглядомъ друзей Австріи и потому не нравилось имъ: не вмѣшиваться въ войну, пока она будетъ касаться исключительно интересовъ Австріи, но какъ скоро нападеніе будетъ произведено на владѣнія, принадлежа-

щія къ германскому союзу, онъ со всею возможною силою и энергіей приметъ въ ней участіе. Эта политика вела за собою обязанность: дѣлать попытку примиренія воюющихъ сторонъ и въ тоже время вооружаться на всякій случай; іюня 14 дано было приказаніе поставить на военную ногу шесть прусскихъ корпусовъ, а отъ союзнаго сейма долженъ былъ выступить обсерваціонный корпусъ въ область верхняго Рейна, подъ начальствомъ и руководствомъ Баваріи.

Эти мѣры были довольно грозны для Франціи, которой и съ одною Австріей трудно было бороться и которая по совѣсти не могла довольствоваться полупобѣдой при Маджентѣ.

Австрійцы, безъ всякихъ препятствій, отступили за Минчіо. Въ Вѣнѣ наконецъ разобрали, какую ошибку сдѣлали, поручивъ начальство надъ войскомъ незнающему и неопытному Джулаю, тогда какъ подъ руками были люди, гораздо опытнѣе: 17 Джулай сложилъ команду, войскомъ, а 18 самъ императоръ Францъ-Іосифъ принялъ верховное начальство, а его начальникомъ штаба, или правою рукою, назначенъ былъ фельдцейхмейстеръ Г е с с е; думали, что такое распоряженіе истинно мастерское дѣло: оживляющее и одушевляющее присутствіе императора при войскѣ соединили съ спокойною увѣренностію опытнаго солдата, товарища и сподвижника Радецкаго; къ тому же военныя приличія были сохранены. Правительство, или вѣрнѣе, военная бюрократія, не сознаваясь въ своей ошибкѣ, очень ловко передало начальство высшему лицу въ государствѣ, самому императору, слѣдовательно, отставка Джулая была замаскирована и это могло считаться не послѣдней выгодой. Теперь военныя распоряженія могли быть ведены въ обширныхъ размѣрахъ. Италіянская армія была усилена до 200,000 человѣкъ; ее раздѣлили на двѣ арміи: изъ нихъ одну поручили графу Вимпфену, другую—графу Францу-Шлику. Послѣдній отличился въ венгерской войнѣ, человѣкъ истинно храбрый и дальновидный, какъ объ немъ говорили, что онъ своимъ однимъ глазомъ дальше и больше видитъ, чѣмъ многіе двумя глазами: онъ былъ кривой, лишился глаза въ лейпцигской битвѣ; третья армія, подъ начальствомъ эрцгерцога Альбрехта, оставалась въ Германіи; наконецъ главная квартира четвертой арміи находилась въ Тріестѣ; она должна была наблюдать за Венгріей и Галиціей и оберегать ихъ со стороны Россіи и отъ покушеній агитаторовъ, которыхъ могли подослать изъ враждебнаго лагеря.

Австрія занимала сильную позицію: ея нельзя было бы сбить съ нея, какъ многіе знающіе люди утверждали, еслибы ее защищала храбрая 200,000 армія, подъ предводительствомъ мужественныхъ и опытныхъ начальниковъ. Австрійцы занимали знаменитый у к р ѣ п л е н н ы й ч е т ы р е у г о л ь н и к ъ, расположенный между крѣпостями Пескіера, Мантуа, Верона и Леньяго; первыя двѣ находятся на Минчіо, послѣднія на Эчь; эта система крѣпостей, серединную точку которой составляетъ Верона, дѣйствительно замѣчательна по своей неприступности; обойти ея нельзя, потому что съ сѣвера ее защищаетъ озеро Гардъ и Тироль, область германскаго союза. Ничего не пропало, пока эти укрѣпленія находились въ рукахъ Австріи. Все можно было воротить, оставалось только выждать, чтобы союзное войско было уменьшено и ослаблено лихорадками, господствующими въ болотистыхъ низменностяхъ, какія оно занимало; кромѣ того австрійская армія превышала союзную численностью и въ каждую данную минуту къ ней могла подоспѣть помощь изъ резервныхъ армій.

Но для крѣпостной, скучной и непроизводительной войны, императоръ Францъ-Іосифъ не чувствовалъ ни охоты, ни призванія; онъ вовсе не поѣхалъ въ Италію, а между тѣмъ все положеніе Австріи требовало быстраго рѣшенія. Надобно было дать великую генеральную битву, и кромѣ того въ ней Австрія должна была бы одержать побѣду, чтобы однимъ ударомъ возстановить свое положеніе въ Италіи, въ Германіи возвратить къ себѣ уваженіе, а въ Венгріи поддержать авторитетъ. Союзное войско, усилившееся до 180,000 человѣкъ, между тѣмъ придвинулось; оно переправилось черезъ Адду и Огліо и проникло до Минчіо, на верховьяхъ котораго находилась холмистая мѣстность, простиравшаяся на западъ.

Въ австрійскомъ лагерѣ рѣшено было сдѣлать большое нападеніе на Ломбардію, и 23 іюня утромъ рано колонны австрійскаго войска начали переправляться

на правый берегъ Минчіо. Въ этотъ день имъ не пришлось встрѣтить враговъ. На слѣдующій день, 24, послѣ утренняго завтрака, въ 9 часовъ, войско должно было сняться съ бивуаковъ и двинуться впередъ.

При первой вѣсти о движеніи австрійцевъ и союзники пошли въ походъ, но на этотъ день никто не ожидалъ битвы. День былъ въ высшей степени знойный; поэтому полки той и другой стороны выступили рано и передовые отряды союзниковъ, между 5 и 7 часами утра, повсюду натыкались на австрійскіе авангарды. Вся линія войскъ простиралась отъ Кастельгоффредо на югѣ до Сунголе на сѣверѣ, занимая протяженіе въ $3^1/_2$ мили, въ направленіи отъ запада къ востоку; съ одной стороны поле битвы примыкало къ Кіезе, а съ другой къ Минчіо; съ самаго утра по всей линіи начались отдѣльныя перестрѣлки и схватки, которыя только къ полудню перешли въ общее, рѣшительное сраженіе. И на этотъ разъ союзники, а главное, императоръ Наполеонъ, знали, чего хотѣли; у нихъ былъ ясный планъ и они всѣми силами старались достигнуть его; тогда какъ у австрійскаго войска не была предусмотрѣна возможная встрѣча съ непріятелемъ и не было сдѣлано распоряженія, какъ въ такомъ случаѣ поступать. Вся цѣль французовъ состояла въ томъ, чтобы прорвать австрійскую крѣпкую позицію при Сольферино. Изъ-за возвышеній, находящихся за деревней Сольферино, съ французской стороны сражались первый корпусъ Макъ-Магона, второй — Бараггэ д'Илье и гвардейскій корпусъ съ пятымъ, первымъ и седьмымъ австрійскими корпусами; на правомъ крылѣ французовъ, генералъ Ниль, при незначительной помощи со стороны маршала Канробера, сражался съ пылко и храбро напирающими австрійцами, со стороны Гундиццоло къ Медоло; на лѣвомъ крылѣ союзной арміи, къ сѣверу, въ направленіи къ озеру Гарда, сражалось піемонтское войско съ восьмымъ австрійскимъ корпусомъ, подъ начальствомъ Бенедека. Въ 3 часа по полудни, послѣ жесточайшей битвы, при жгучемъ солнечномъ зноѣ, позиціи при Сольферино и Санъ-Кассіано, на полмили южнѣе, были уже въ рукахъ французовъ, и Наполеонъ тотчасъ распорядился, чтобы дѣятельно преслѣдовали австрійцевъ, отступавшихъ на Кавріану. Попытка наступательнаго движенія, сдѣланная австрійскимъ лѣвымъ крыломъ Вимпфена противъ французскаго праваго Ниля, не удалась и такъ какъ никакой надежды на успѣхъ не предвидѣлось, на всѣхъ пунктахъ австрійцы были сбиты, то главнокомандующій далъ приказаніе къ общему отступленію. Только къ вечеру, и то нерѣшительно, Бенедекъ послѣдовалъ за всею арміей, потому что онъ на своемъ правомъ крылѣ, близъ Санъ Мартино, съ успѣхомъ сражался съ піемонтскимъ войскомъ и оттѣснилъ его къ озеру Гарда. Страшная гроза съ ливнемъ, разразившаяся въ 5 часовъ по полудни, прекратила битву; австрійцы, пользуясь непогодою, отступили. Битва была очень кровавая: на мѣстѣ сраженія, со стороны австрійцевъ, было 2,300 убитыхъ, 10,684 раненыхъ, число попавшихся въ плѣнъ и бѣглецовъ доходило до 10,000, слѣдовательно вся потеря простиралась до 23 тысячъ человѣкъ; потеря союзниковъ была почти также значительна: 11,600 со стороны французовъ, изъ нихъ 1,600 убитыхъ, 8,500 раненныхъ и 5,560 піемонтцевъ. На этомъ кровавомъ полѣ побоища, посреди картины безмѣрныхъ страданій и разрушенія, въ первый разъ явилась человѣколюбивая мысль уменьшить зло и страданіе войны, посредствомъ международнаго союза, на пользу и на служеніе раненнымъ на полѣ битвы; мысль эта, приведенная въ исполненіе впослѣдствіи, примѣнялась въ послѣднее время съ такимъ успѣхомъ; но первая мысль о нейтральности всѣхъ санитарныхъ учрежденій появилась именно послѣ битвы при Сольферино; мысль эта получила правильную организацію въ конференціи, составившейся 8 августа 1864 года, изъ представителей отъ Бадена, Бельгіи, Даніи, Испаніи, Сѣверной Америки, Франціи, Англіи, Португаліи, Пруссіи, Саксоніи, Гессена, Швеціи, Россіи и Швейцаріи, но въ этой международной конференціи мы не находимъ представителей Австріи. По предположеніямъ этой конференціи положено было на будущее время, въ военное время, весь персоналъ санитарнаго учрежденія считать нейтральнымъ, болѣе подробныя правила установлены и утверждены были въ такъ называемой Женевской конвенціи; благодаря имъ война потеряла хотя частицу своихъ ужасовъ и

трактатъ этотъ заслуживаетъ того, чтобы занимать почетное мѣсто между учрежденіями, внушенными чувствомъ истиннаго человѣколюбія и христіанскаго милосердія.

с. Миръ.

Разбитое на голову австрійское войско почти безпрепятственно отступило за Минчіо. Побѣдители не менѣе побѣжденныхъ были изнурены зноемъ и усталостью; потери ихъ были тоже очень значительны: «армія отдыхаетъ и приводится въ порядокъ», телеграфировалъ Наполеонъ на другой день послѣ побѣды. Но это большое побоище еще ничего не рѣшало: еще двѣ, три подобныя битвы могли быть выиграны и проиграны безъ того, чтобы та, или другая сторона считала себя побѣжденной. Военныя движенія продолжались: іюня 28 главное союзное войско начало переправляться черезъ Минчіо, въ тотъ же день піемонтцы подступили къ Пескіерѣ и принялись окружать ее; нѣсколько французскихъ инженеровъ поднялись на воздушномъ шарѣ, чтобы осмотрѣть укрѣпленія; корпусъ принца Наполеона придвинулся къ Минчіо, 4 іюля; около этого же времени французскій флотъ, стоявшій близъ далматскаго берега, у островка Люсинъ-Пиколо, приготовился, чтобы сняться съ якоря и обложить Венецію. Война послѣ двухъ удачныхъ побѣдъ сдѣлалась еще популярнѣе въ Италіи; одушевленіе возрастало; казалось, будто освобожденіе и соединеніе Италіи въ о д н о ц ѣ л о е перестаетъ быть недостижимой мечтою, что осуществленіе ея несомнѣнно; съ другой стороны расположеніе войска было таково, что нельзя было избѣжать необходимости перенести военныя дѣйствія на почву Германіи. Люди, глубоко знакомые съ политическими тайнами, ждали благопріятнаго окончанія войны; непосвященные были удивлены извѣстіемъ, что императоръ Наполеонъ послалъ 6 іюля своего адъютанта, генерала Флери, въ Верону и что 8 начальники генеральныхъ штабовъ австрійскаго и французскаго съѣхались въ Виллафранкѣ и заключили перемиріе, вслѣдъ за которымъ должно было ожидать мира. Трое сутокъ спустя, 11 іюля, оба императора, Наполеонъ и Францъ Іосифъ, съѣхались въ Вилафранкѣ и разговаривали наединѣ цѣлый часъ времени. Совѣщаніе было съ глазу на глазъ и потому подробности его навсегда останутся недоступны для исторической любознательности; но обстоятельства, побуждавшія обоихъ государей къ миру, были ясны.

Наполеонъ достигнулъ своей цѣли, онъ посредствомъ военныхъ подвиговъ желалъ возвыситься въ глазахъ своего народа и утвердить свою династію на престолѣ. Военная исторія Франціи черезъ него обогатилась двумя крупными побѣдами при Маджентѣ и Сольферино; въ два мѣсяца онъ совершилъ походъ, пріобрѣлъ славу хорошаго полководца и заслужилъ уваженіе и удивленіе не только войска, но и жаднаго до военной славы народа, которымъ онъ управлялъ и въ глазахъ котораго являлся достойнымъ наслѣдникомъ имени всемірнаго завоевателя и знаменитаго своего предшественника; къ тому же, онъ пріобрѣлъ право сдѣлать италіянцамъ великій и благодѣтельный даръ—возвратить Ломбардію свободѣ и Италіи. Безъ сомнѣнія, это было гораздо меньше того, въ чемъ онъ обязался Кавуру въ тайномъ договорѣ, ими заключенномъ, меньше того, что онъ публично обѣщалъ выполнить въ своей прокламаціи, обнародованной въ Миланѣ; но во всякомъ случаѣ, это было много и въ интересахъ Франціи достаточно, потому что Піемонтъ, черезъ пріобрѣтеніе Ломбардіи, хотя и увеличивался, но все-таки не дѣлался на столько силенъ, чтобы не нуждаться впередъ въ помощи Франціи. Далѣе: если продолжать войну, то она неминуемо приметъ большіе размѣры; чтобы справиться съ одной Австріей, ему пришлось бы призвать себѣ на помощь такого рода силы, которыя легче поднять, чѣмъ усмирить. Взволнованная партія патріотовъ въ Италіи готова была взяться за оружіе, и усмирять ее было бы крайне трудно: 14 іюня въ Феррарѣ и Болоньѣ, этихъ городахъ Церковной области, Викторъ Эмануилъ былъ уже провозглашенъ диктаторомъ; въ Перуджіи, тоже принадлежавшемъ къ Папской области, произошло

волненіе въ томъ же духѣ, и прежній порядокъ, или безпорядокъ, былъ возстановленъ послѣ жесточайшаго кровопролитія, произведеннаго между жителями города папскимъ наемнымъ полкомъ, находившимся подъ командою жестокаго полковника Шмидта; итакъ, продолжать войну нельзя было и потому, что она непремѣнно поставила бы Наполеона въ непріятное столкновеніе съ папой; а этого ему избѣгать нужно было по многимъ соображеніямъ: непріязнь папы лишила бы его поддержки ультрамонтанской партіи во Франціи, разсорила бы его съ сильнымъ во Франціи духовенствомъ и навлекла бы на него домашнія непріятности со стороны императрицы, всецѣло преданной католическому клерикальному вліянію. Италіянская война вообще не пользовалась сочувствіемъ во Франціи: во-первыхъ, какъ мы уже говорили, ультрамонтанская партія была ею недовольна, потому что она не могла продолжаться безъ того, чтобы революціонное движеніе не охватило всѣхъ италіянскихъ государствъ; во-вторыхъ, простой народъ не пріобрѣталъ ничего, даже войско не радовалось войнѣ, потому что перспектива какой-нибудь продолжительной осады, подобно севастопольской, не являлась въ заманчивомъ видѣ; для Франціи вообще существовала только одна война, которая встрѣчена была бы сочувственно, а именно: война изъ-за обладанія Рейномъ. Но, чтобы овладѣть имъ, надобно было начать новую войну, гораздо труднѣйшую; ее окончить нельзя было бы въ два мѣсяца, какъ италіянскую; да и тогда ничто не ручалось бы за счастливое окончаніе борьбы. Въ Италіи въ лагерѣ союзниковъ и въ австрійскомъ къ тому же заговорило человѣколюбіе: довольно было и двухъ побоищъ, довольно потерь, понесенныхъ на поляхъ Маджента и Сольферино. Душа Наполеона III была мягче твердой, непреклонной воли Наполеона I, въ глазахъ котораго жизнь солдата была цифрой для разрѣшенія политическихъ задачъ. Новѣйшій Наполеонъ стремился присоединить къ лаврамъ маслину, военную славу смягчить духомъ умѣренности и миролюбія.

Подобно тому, какъ Наполеонъ намѣревался ограничиться умѣреннымъ пріобрѣтеніемъ, такъ и Францъ-Іосифъ лучше соглашался выйти изъ войны съ умѣренной потерей, нежели продолжать войну и подвергаться дальнѣйшимъ ея случайностямъ; съ такимъ настроеніемъ съ той и другой стороны приступили къ переговорамъ о мирѣ; что было потеряно мечемъ, то мечемъ же могло быть возвращено, рано или поздно; не въ первый и не въ послѣдній разъ метали кровавый жребій изъ-за Италіи; на этотъ разъ кости выпали не въ пользу Габсбургскаго дома, но не всегда это могло такъ случиться. На этотъ разъ французы одержали верхъ надъ австрійцами, хотя это было болѣзненно, но это можно было перенести, и, хотя по наружности, но лучше было уступить Ломбардію Франціи, нежели ненавистнымъ піемонтцамъ; къ тому же габсбургскій домъ могъ бы гораздо больше потерять, еслибы война продолжалась; не говоря уже о потерѣ Ломбардіи, даже включительно съ Венеціей, еслибы случайности войны и ее отдали бы въ руки союзниковъ, предвидѣлось обстоятельство, даже хуже новаго возстанія въ Венгріи, очень возможнаго при войнѣ съ Италіей: надобно было опасаться потери, несравненно чувствительнѣе и невыносимѣе, а именно: Австріи пришлось бы подѣлиться своимъ господствующимъ преобладаніемъ въ германскомъ союзѣ съ ненавистною ей Пруссіей. Этого надобно было опасаться, въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Во главѣ прусскаго правительства находились люди не похожіе на тѣхъ, какіе явились въ Ольмюцѣ; австрійскихъ и прусскихъ интересовъ теперь не такъ легко было подѣлить, какъ тогда, и Австріи ужь нечего было разсчитывать на львиную долю. Переговоры, которые не прерывались между обѣими первостепенными германскими державами, еще не пришли къ концу, что зависѣло отъ недѣятельности австрійскаго кабинета. Австрія требовала отъ Пруссіи и отъ германскаго союза помощи въ италіянской войнѣ, для поддержанія своего авторитета, который она выставляла авторитетомъ чисто-германскимъ и въ видахъ интересовъ союза; она требовала помощи въ силу союзнаго обязательства германскихъ державъ, ссылаясь на духъ и смыслъ священнаго союза, хотя сама своею политикою въ крымскую войну окончательно убила этотъ самый священный союзъ. Австрія требовала, чтобы Пруссія начала войну съ Франціей на берегахъ Рейна для того, чтобы со-

хранить для Австріи Ломбардію, а для родственныхъ съ нею княжескихъ домовъ въ Италіи ихъ владѣнія, но сама подвергалась опасности потерять свои прирейнскія провинціи: награда за такую важную услугу была вовсе не блестящая. Прусскому принцу-регенту предоставлялось быть главнокомандующимъ германскаго союзнаго войска, т. е. сдѣлаться первымъ слугою союзнаго сейма, покорнаго волѣ австрійскаго императора. Пруссія съ своей стороны хотѣла занять положеніе европейской самостоятельной и первостепенной державы и по возможности во всѣхъ дѣлахъ переговариваться безъ дальнѣйшихъ запутанныхъ отношеній; и еслибы дѣло дошло до войны изъ-за настоящихъ нѣмецкихъ интересовъ, она объявляла претензію на то, чтобы ей было предоставлено верховное начальство, или по крайней мѣрѣ свобода распоряжаться сѣверо-германскими державами. Теперь настало время приступить къ окончательному рѣшенію вопроса. Іюля 4 Пруссія, по совѣту союзнаго сейма, объявила свое предложеніе, чтобы ей предоставлено было начальство надъ 9 и 10 союзнымъ корпусами, равно какъ и надъ военною силой, непосредственно набранною въ прусскихъ владѣніяхъ; 7 того же мѣсяца, Австрія на это предложеніе отвѣчала другимъ, на первый взглядъ похожимъ на прусское, но въ сущности совсѣмъ противоположнымъ ему: все войско германскаго союза должно быть поставлено на военную ногу и, согласно съ военными постановленіями верховнаго союзнаго сейма, его королевское высочество принцъ-регентъ прусскій долженъ быть избранъ главнокомандующимъ. По параграфу 45 этого союзнаго военнаго статута, полагалось, что главнокомандующій союзной арміей относится къ союзному сейму, какъ всякій генералъ къ государю, которому онъ служитъ, что одинъ союзный сеймъ даетъ ему полномочія и приказанія, а въ исключительныхъ случаяхъ и ближайшія инструкціи; но Пруссія очень ясно и положительно объявила, что она не намѣрена вести войны на службѣ союзнаго сейма, но готова вести ее самостоятельно, какъ европейская и германская первостепенная держава; поэтому предоставлялось на рѣшеніе Австріи, хочетъ ли она принять такую помощь со всѣми зависящими отъ того случайностями и послѣдствіями: побѣда надъ французами, одержанная подъ прусскимъ начальствомъ, неминуемо поставило бы Пруссію во главѣ германскаго союза.

Такая комбинація обстоятельствъ ставила австрійскаго императора въ необходимость лучше пожертвовать Ломбардіей, чѣмъ потерять свое мѣсто въ германскомъ союзѣ. Іюля 12 были въ Виллафранка подписаны прелиминарныя статьи мирнаго договора между обоими императорами. Въ договорѣ было сказано, что Австрія уступаетъ Франціи Ломбардію, за исключеніемъ крѣпостей Мантуи и Пескіеры, съ правомъ, въ свою очередь, уступить Ломбардію сардинскому королю. Возвращеніе великаго герцога тосканскаго и герцога моденскаго въ свои владѣнія съ тѣмъ, чтобы они объявили полную амнистію. Венеція, по прежнему, остается австрійскою, но вступаетъ въ италіянскую конфедерацію, которая должна быть образована подъ почетнымъ предсѣдательствомъ папы. Договаривающіеся императоры обязывались предложить ему приступить къ необходимымъ реформамъ въ управленіи и объявить прощеніе всѣмъ лицамъ, замѣшаннымъ въ послѣднихъ происшествіяхъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Для окончательной редакціи мирныхъ условій положено было отправить уполномоченныхъ въ Цюрихъ.

Окончательный мирный договоръ былъ дѣйствительно составленъ въ Цюрихѣ и подписанъ 10 ноября 1859 года. Онъ состоялъ изъ трехъ совершенно отдѣльныхъ актовъ: изъ договора между Австріей и Франціей, изъ договора между Франціей и Сардиніей, касательно уступки Ломбардіи и, наконецъ, изъ мирнаго трактата, состоящаго изъ 23 статей, между Франціей, Австріей и Сардиніей. Онъ подтверждалъ прелиминарныя статьи виллафранкскія и возлагалъ на Сардинію часть австрійскаго государственнаго долга, а именно 3—5 такъ называемаго Monto-Lombardo-veneto и 54 милліона національнаго займа 1854 года. Въ первомъ изъ трехъ договоровъ было выговорено, по 18 статьѣ, что оба императора обязываются употребить всѣ свои старанія на то, чтобы создать италіянскую конфедерацію, подъ предсѣдательствомъ папы. «Права вели-

каго герцога Тосканскаго, герцога Моденскаго и герцога Пармскаго имъ сохраняются», стояло въ 19 параграфѣ.

По обоимъ рѣшеніямъ, италіянскому союзу и возвращенію герцоговъ не суждено было исполниться; событія пошли такимъ своеобразнымъ путемъ, что положенія мирнаго трактата оказались передъ ними безсильны; идея національности, во имя которой обнажено было оружіе, доказала, до какого могущества она достигла въ теченіе XIX столѣтія.

II. ИСТОРІЯ ОТДѢЛЬНЫХЪ ГОСУДАРСТВЪ

отъ 1859 до 1863 года.

А. РОМАНСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

1. Италія.

Въ числѣ побудительныхъ причинъ, дававшихъ направленіе политикѣ императора Наполеона, при его природныхъ свойствахъ и воспитаніи, очень быстро принимавшихъ характеръ доктрины, мы находимъ также и идею о возобновленіи и оживленіи латинской расы романскихъ народовъ, которые, какъ онъ замѣчалъ, и по сю и по ту сторону океана, уступали силѣ и вліянію германской расы. Обнажая мечъ на защиту соплеменнаго родственнаго народа, освобождая его отъ иноплеменнаго владычества, онъ, безъ сомнѣнія, давалъ жизненный толчекъ романскимъ народамъ вообще и самъ, хотя на короткое время, занималъ между ними мѣсто главы и протектора. А между тѣмъ у него не доставало ни средствъ, ни умѣнья господствовать надъ этимъ движеніемъ даже въ одной Италіи и направлять его по своему усмотрѣнію. Но дальнѣйшее развитіе историческихъ событій, проистекавшихъ изъ италіянской войны, показало, что не французамъ суждено было устранить послѣднія препятствія для достиженія единства Италіи и ея независимости отъ вмѣшательства и господства иностранныхъ державъ; это послѣднее усиліе выпало на долю Германіи, когда и у нея духъ національности развился, и нѣмцы собрали достаточно силы, чтобы составить изъ раздробленной Италіи одно цѣлое, органическое государство, и тѣмъ залѣчить глубокую рану въ организаціи цѣлой Европы, рану, изъ которой жизненныя силы, въ теченіе многихъ столѣтій, истекали вмѣстѣ съ лучшею ея кровью.

Но на первое время судьба предоставила самой Италіи доказать, въ самомъ ли дѣлѣ она хочетъ сбросить съ себя иго иностраннаго владычества и много ли правды въ гордомъ изреченіи, произнесенномъ въ 1848 году: «Italia farà da se.» Извѣстіе о перемиріи, заключенномъ между Австріей и Франціей, произвело на цѣломъ полуостровѣ удивленіе и недовѣрчивость; когда же разнеслась вѣсть о статьяхъ быстро заключеннаго мира, италіянцами овладѣли невообразимое раздраженіе и злоба. Надежды были слишкомъ заманчивы, тѣмъ болѣзненнѣе было потерять ихъ: воображеніе патріотовъ уже видѣло Италію самостоятельною націей, а тутъ вдругъ, неожиданно, заключенъ миръ, точно будто не было ни Піемонта, ни Италіи; мирились двѣ сосѣднія могущественныя державы, которыя съ незапамятныхъ временъ сдѣлали Италію ареной и жертвой своего честолюбія. Какую выгоду и кому изъ италіянцевъ приносилъ этотъ миръ? Правда, Піемонтъ изъ королевства въ пять милліоновъ жителей превращался въ государство съ девятью

милліонами жителей, но положеніе Сардиніи отъ этого нисколько не сдѣлалось безопаснѣе и не улучшилось: съ одной стороны у нея была могущественная Австрія, воспламененная духомъ вражды и мести, съ другой, бокъ-о-бокъ съ нею, три австрійскихъ вассальныхъ владѣнія: Парма, Модена, Тоскана, которыя стояли между нею и остальною Италіей; вмѣсто единства Италіи, къ которой направлено было все стремленіе послѣднихъ движеній, миръ давалъ Италіи личину единства—конфедерацію итальянскихъ государей, подъ предсѣдательствомъ папы — плохую копію съ очень плохаго оригинала—германскаго союза; союзъ отдѣльныхъ личностей, глубоко ненавидѣвшихъ другъ друга, съ одной стороны подчиненныхъ австрійскому, съ другой—французскому вліянію; послѣ этого мира Италія неминуемо должна была превратиться въ мячъ, которымъ сильныя державы будутъ перебрасываться, отстаивая свои прихоти или выгоды, а сердце Италіи будетъ страдать отъ неизцѣлимаго зла клерикальнаго управленія. Въ народѣ поговаривали даже о томъ, чего и правительство не имѣло духу отвергать, что помощь Франціи вовсе не безкорыстная, что освободитель выторговалъ себѣ высокую плату за свою помощь—уступку чисто-италіянской собственности, Савойи и графства Ниццы. Мадзини и его приверженцы, разсуждали пессимисты, были правы: они не наобумъ утверждали, что государи скоро между собою сговорятся, и что объ Италіи никто не помышлялъ, что дѣло касается династическихъ вопросовъ, объ увеличеніи Франціи и увеличеніи Піемонта.

Но самымъ болѣзненнымъ образомъ отозвался этотъ ударъ на человѣкѣ, бывшемъ первымъ зачинщикомъ войны, на графѣ Кавурѣ. Чтобы спасти по крайней мѣрѣ свою честь и свое имя, какъ государственнаго человѣка, онъ отказался отъ званія перваго министра. Съ величайшимъ трудомъ удалось склонить его къ свиданію съ императоромъ Наполеономъ, во время его обратнаго путешествія въ Парижъ черезъ Миланъ; на этотъ разъ народъ встрѣтилъ его холодно, совсѣмъ не такъ, какъ за два мѣсяца передъ тѣмъ, послѣ побѣды при Маджентѣ. Но впадать въ отчаяніе не соотвѣтствовало ни характеру Кавура, ни многочисленныхъ итальянскихъ патріотовъ, разсыпанныхъ по всему полуострову и посвятившихъ всю свою жизнь на служеніе одной идеѣ: идеѣ освобожденія и единства Италіи. Они полагали, что можетъ быть совершившіяся событія больше подвинули національное дѣло, чѣмъ можно было предполагать; люди проницательные, какихъ въ Италіи было очень много, думали, что именно теперь настало время, когда освобожденіе Италіи становится необходимостью, и что, если вынуть одинъ камень изъ такого шаткаго зданія, каково австрійское управленіе въ Италіи, то всѣ остальные неминуемо послѣдуютъ за нимъ, и цѣлое зданіе рухнетъ. Когда миръ между Франціей и Австріей состоялся помимо желанія и даже безъ вѣдома Виктора Эмануила, онъ, слѣдуя первому движенію, хотѣлъ было продолжать войну одинъ, безъ союзника, и найти себѣ помощь въ революціонныхъ силахъ, которыя намѣревался разнуздать съ этою цѣлью: но онъ одумался очень во время; къ тому же было другое соображеніе: если люди, достигшіе во время войны высшихъ правительственныхъ должностей въ Тосканѣ, Пармѣ, Моденѣ и въ другихъ романскихъ городахъ, будутъ серьезно смотрѣть на то, что Италія сама создастъ свое положеніе, и будутъ дѣйствовать въ этомъ духѣ, то гдѣ же взять силу противодѣйствовать имъ. Прелиминарныя статьи виллафранкскаго договора, по которому Италіей распоряжались, какъ вещью, въ своемъ составѣ оставляли пробѣлы; они не могли ускользнуть отъ жадной и внимательной прозорливости италіянцевъ; въ нихъ не было сказано, чтобы изгнанныхъ государей водворяли с и л о й въ ихъ владѣніяхъ, въ случаѣ несогласія подданныхъ. Правители эти не были насильственно изгнаны, ихъ власть рухнула сама собою, лишь только она была лишена австрійской поддержки: какъ скоро подданные, холодно и твердо, будутъ отказываться вновь принять удалившихся правителей, то не было ни силы, ни орудія, чтобы возобновить разсыпавшіеся карточные домики ихъ могущества. Австрія не могла вмѣшиваться, не возобновляя только-что прекращенной войны; Франціи тоже нельзя было вмѣшиваться, по нравственной и политической невозможности сегодня поддерживать надежды и стремленія цѣлаго народа, биться подъ знаменами его, отстаивать его политическое существованіе, а завтра, ни съ того, ни съ сего, попирать

его права, его стремленія, и волочить въ грязи знамя, наканунѣ служившее сигналомъ для битвы и одушевлявшее его для самопожертвованія; италіянскія государства—Піемонтъ, Неаполь и Римъ меньше всего могли возстановлять герцоговъ. Итакъ, дѣло италіянской націи было въ лучшемъ положеніи, чѣмъ оно казалось при первомъ взглядѣ, и самое разительное доказательство прогресса, какой сдѣлало народное самосознаніе въ послѣднія 50 лѣтъ, послѣ вѣнскаго конгресса, можно почерпнуть изъ хода событій въ Италіи, въ теченіе одного года совершенно измѣнившихъ политическій ея составъ и вмѣсто подчиненнаго, хотя и расширеннаго, королевства Піемонта, создавшихъ независимое и сильное Италіянское королевство.

Способъ самаго движенія къ единству и независимости Италіи, и то, какъ имъ пользовались, заслуживаютъ полнаго удивленія и доказываютъ, что долгое рабство не могло подавить въ этомъ народѣ благородныхъ силъ и его нравственнаго достоинства, и что независимость есть нравственное право жителей Италіи. Въ Италіи произошла всеобъемлющая и всепоглощающая революція, но она произошла съ удивительнымъ спокойствіемъ: каждая партія поставила себѣ священною обязанностію свои отдѣльныя желанія и цѣли жертвовать общей цѣли и общему благу; всѣ преждевременныя стремленія отдѣльныхъ областей — Венеціи, Неаполя и Церковной области были отодвинуты на болѣе удобное время, чтобы сперва разрѣшить то, что въ политикѣ называется среднеиталіянскимъ вопросомъ, но что, по своему существу, было только до половины выраженнымъ обще-итальянскимъ вопросомъ, половины, за которою неминуемо должно было слѣдовать развитіе цѣлаго.

Дѣло шло о герцогствахъ: Пармѣ, 112 кв. миль съ 500,000 жителей, Моденѣ, 109 кв. миль съ 600,000 жит., великомъ герцогствѣ Тосканѣ, 402 кв. мили и 1,800,000 жит. и части Церковной области, расположенной по Адріатическому морю, извѣстной подъ названіемъ Романьи, по величинѣ равняющейся Пармѣ и Моденѣ, вмѣстѣ взятымъ. Моденскій муниципальный совѣтъ, на извѣстіе о виллафранкскомъ мирномъ договорѣ, отвѣчалъ воззваніемъ, отъ 16 іюля, къ своимъ согражданамъ, приглашая ихъ опять подтвердить общею подписью соединеніе (унію) съ Піемонтомъ, въ видахъ того, что на общеевропейскомъ конгрессѣ можетъ быть придется добиваться рѣшенія участи, такъ пусть, по крайней мѣрѣ, воля и намѣреніе народа будутъ ясно и опредѣленно выражены. Вторымъ проявленіемъ господствующаго настроенія можно почесть, что Фарино, во время войны занимавшій должность уполномоченнаго Виктора Эмануила, не послѣдовалъ приказанію своего государя, призывавшаго его обратно въ Піемонтъ, но остался въ Моденѣ и принялъ диктаторство, предложенное ему городскимъ совѣтомъ. Онъ тотчасъ занялся устройствомъ выборовъ въ депутаты. Избирателемъ могъ быть безъ исключенія всякій, достигшій 21 года и умѣющій читать и писать; палата депутатовъ собралась въ числѣ 72 членовъ и постановила 20 августа, что Францъ V Эсте и всякій другой герцогъ изъ дома габсбургскаго и лотарингскаго навсегда лишаются права на престолъ моденскій; на слѣдующій день было утверждено присоединеніе къ Сардиніи, и оно должно быть сохранено, во что бы то ни стало. Точно тоже самое повторилось въ Пармѣ. Тамошній городской совѣтъ предложилъ диктаторство тому же Фарино, съ цѣлью, прежде всего, соединить оба герцогства подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ; а 14 сентября собраніе депутатовъ отрѣшило отъ престола бурбонскихъ принцевъ и постановило поддерживать соединеніе съ Сардиніей. Эти перевороты произошли безъ малѣйшаго насилія, не стоили ни одной капли крови. Италіянцы, какъ замѣчаетъ внимательный наблюдатель Рейхлинъ, имѣютъ то великое преимущество передъ другими народами, что во время политическихъ переворотовъ не упиваются крѣпкими напитками. Только одна жертва народной мести пала въ эти дни: правительство пыталось защитить полковника Анвити отъ народной ярости и для того посадило его въ тюрьму, но тюрьму взяли приступомъ, ворвались къ полковнику, и первый ударъ нанесъ ему одинъ гражданинъ, отца котораго полковникъ велѣлъ публично наказывать палками.

Депутаты отправили отъ себя нарочныхъ представителей къ королю Виктору Эмануилу, чтобы извѣстить его о рѣшеніи Модены и Пармы. Онъ одобрилъ рѣ-

шенія, обѣщался принять на себя защиту герцогствъ передъ европейскими державами и совѣтовалъ надѣяться и впередъ на помощь Франціи и ея императора. Но императоръ старательно избѣгалъ всякаго повода выказывать свое сочувствіе къ волненію и чѣмъ бы то ни было поддерживать надежду италіянцевъ; по его приказанію, «Монитёръ» отъ 9 сентября выхвалялъ мирный договоръ виллафранкскій, и предостерегалъ италіянцевъ отъ всякаго конгресса, сколько бы они его ни домогались; конгрессъ европейскихъ державъ не могъ дать лучшихъ, выгоднѣйшихъ условій, чѣмъ тѣ, какія далъ виллафранкскій миръ. «Пусть Италія не обманывается, стояло между прочимъ въ этой статьѣ: «въ Европѣ есть только одно государство, способное изъ-за идеи вести войну; государство это—Франція, Франція же выполнила свою задачу». Но такое предостереженіе не могло измѣнить естественнаго хода событій. Хотя положеніе дѣлъ въ Тосканѣ было иное, однакожь, народъ пошелъ путемъ, неминуемо приведшимъ къ единству Италіи. Тоскана было государство средней величины, народонаселеніе ея было своеобразное, исторія у нея — полная происшествій; въ нихъ царствующій домъ являлся въ кроткомъ, а по временамъ и въ блестящемъ свѣтѣ. До начала войны Кавуръ неоднократно пытался привлечь великаго герцога на національную сторону; для Кавура было очень важно въ отношеніи легитимистической Европы съ одной стороны и французскаго вліянія съ другой найти поддержку и оправданіе въ союзѣ съ старинным, царствующимъ въ Италіи, домомъ; такой союзъ могъ бы служить доказательствомъ, что поступками сардинскаго короля не руководитъ пустая страсть къ завоеванію и увеличенію своего государства, но необходимая потребность, настоятельная нужда цѣлаго народа. Употребляли всевозможныя старанія, чтобы выставить эту политику передъ великимъ герцогомъ въ самомъ привлекательномъ видѣ. Піемонтское правительство не скупилось на ноты и проекты. Депутаты собственнаго государства, его нотабли, даже министры подавали просьбы и дѣлали представленія; настроеніе цѣлаго народа, въ такое время, когда люди, мечтавшіе объ единствѣ Италіи, еще не брали перевѣса, желавшаго только сохранить самобытное существованіе Тосканы, все таки старалось одушевить герцога національнымъ чувствомъ и заставить его идти рука объ руку со всѣми партіями вмѣстѣ, даже съ радикальной, къ одной великой цѣли народной независимости. Между тѣмъ война началась, шла, и ничего рѣшительнаго не происходило; терпѣніе истощалось, и союзники требовали, чтобы наконецъ предпринималось что нибудь рѣшительное; дѣла пошли въ ходъ. Но дѣла эти, сообразно съ кроткимъ и спокойнымъ характеромъ флорентинцевъ, не имѣли отпечатка насилія. Теперь великій герцогъ только изъ писемъ знатныхъ, частныхъ людей узналъ, въ какомъ положеніи находится остальная Италія. Самые умѣренные люди видѣли теперь спасеніе Тосканы только въ томъ, что великій герцогъ откажется отъ престола въ пользу сына своего Фердинанда, и тотъ немедленно подниметъ національное знамя. Въ первые дни, когда французскія войска высаживались въ Геную, народъ волновался и высказывалъ свое чувство въ громадныхъ и торжественныхъ, но миролюбивыхъ, демонстраціяхъ. У великаго герцога между тѣмъ вовсе не осталось приверженцевъ, потому что даже войско всецѣло было одушевлено національнымъ италіянскимъ дѣломъ. Великій герцогъ, чтобы поправить свое дѣло, хотѣлъ было образовать новое министерство изъ людей умѣренныхъ, какъ Риказоли, открыто и рѣшительно преданныхъ національной италіянской политикѣ, но теперь это было уже слишкомъ поздно.

Апрѣля 24 произошла во Флоренціи большая народная демонстрація, имѣвшая окончательное вліяніе на измѣненіе обстоятельствъ: составилась юнта, и народъ, на этотъ разъ дѣйствительно народъ, выразилъ свои требованія; изъ нихъ первое—отреченіе отъ престола со стороны великаго герцога. Леопольдъ, посовѣтовавшись съ министрами, объяснилъ дипломатическому корпусу, что онъ намѣренъ оставить Тоскану. Препятствій со стороны народа не было: какъ въ самое тихое и мирное время, герцогскія кареты спокойно выѣхали изъ города; произошла революція, но трезвая и спокойная, достойная благовоспитаннаго народа, и принесшая честь флорентинцамъ; при этой революціи не пострадалъ ни одинъ уличный фонарь, ни одно стекло въ окнахъ. Послѣ пріѣзда въ Феррару, первую пограничную австрійскую крѣпость, великій герцогъ занялся составленіемъ и

обнародованіемъ протеста; о содержаніи его можно судить по началу: «новѣйшія насилія возбужденной Піемонтомъ революціи,» и т. д. Прощаясь съ дипломатическимъ корпусомъ во Флоренціи, герцогъ съ большою самоувѣренностію сказалъ: «до скораго свиданья, господа!»

Вечеромъ, въ день отъѣзда великаго герцога, было уже провозглашено новое временное правительство. Городъ Флоренція распоряжался во имя всей Тосканы, и ниоткуда не слышалось протеста. На слѣдующій день временное правительство предложило выбрать диктаторомъ короля Виктора Эмануила. Но онъ не принялъ диктаторства, «изъ высшихъ разсчетовъ приличія», какъ писалъ Кавуръ, но принялъ главную команду надъ войсками и протекторство надъ тосканскимъ временнымъ правительствомъ. Позаботились о сохраненіи тосканскаго чувства независимости, тѣмъ болѣе, что самъ народъ высоко цѣнилъ независимость. Мая 2 новое правительство разослало памятную записку (меморандумъ) ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, объявляя о случившемся и описывая, какъ все мирно и чинно при этомъ происходило; нѣсколько дней спустя правительство передало свою власть въ руки піемонтскаго уполномоченнаго Бонкампаньи.

Война продолжалась; произошла битва при Сольферино, и во Флоренціи съ негодованіемъ узнали, что тосканскій наслѣдный принцъ, хотя не принималъ личнаго участія въ сраженіи, но присутствовалъ на немъ, какъ зритель съ австрійской стороны. Тѣмъ тверже и неизмѣннѣе стало рѣшеніе ни подъ какимъ предлогомъ не позволять прежней династіи возвращаться во Флоренцію, даже и въ такомъ случаѣ, если бы она пришла вмѣстѣ съ иноземнымъ войскомъ. Государственный совѣтъ, составленный изъ 42 выбранныхъ правительствомъ членовъ, началъ свои засѣданія съ 6 іюля. Пришло извѣстіе о мирѣ, но въ общемъ настроеніи ничто не измѣнилось: напротивъ, самый замѣчательный человѣкъ изъ умѣренной партіи, Риказоли, объявилъ, что если въ военное время самостоятельное существованіе Тосканы, въ какой бы то ни было формѣ, допускалось, то теперь и подавно, въ народѣ не можетъ и не должно быть иной идеи, кромѣ общеиталіянской національной идеи единства. Спокойствіе не было нарушено и тогда, когда Бонкампанья, изъ опасенія поставить своего короля въ непріятное положеніе, сложилъ свою власть въ руки совѣта министровъ, во главѣ котораго тогда стоялъ Риказоли—министръ внутреннихъ дѣлъ.

Предположено было составить законодательное собраніе по законамъ о выборахъ, изданнымъ въ 1848 году; 7 августа произошли выборы, и опять при полномъ спокойствіи. Между тѣмъ эрцгерцогъ Фердинандъ, въ пользу котораго великій герцогъ Леопольдъ отказался отъ престола, попыталъ свое счастіе въ Парижѣ: онъ готовъ былъ принять народную сторону и дать всевозможныя гарантіи, лишь бы вернуться въ Тоскану. Но теперь было уже поздно. Наполеонъ не хотѣлъ и не могъ военною силой возстановить династію; въ Англіи министерство сочувствовало италіянскому дѣлу и смотрѣло благосклонно на желанія народа, и теперь, когда не надобно было проводить идеи съ оружіемъ въ рукахъ, очень настоятельно и внушительно старалось дѣйствовать на нравственныя стороны заинтересованныхъ. Спокойный и твердый ходъ происшествій въ средней Италіи оправдывалъ общее сочувствіе къ нимъ. Августа 10 заключена была лига между Тосканой, Моденой, Пармой и Романьей; эти области обязывались общими силами ограждать другъ друга отъ возвращенія удалившихся правителей, обязывались общими силами поддерживать порядокъ, уничтожить таможни, мѣшающія свободѣ торговли, и выставить союзное войско въ слѣдующей пропорціи: Тоскана давала 10,000 чел., Модена и Парма по 4,000 чел., Романья 7,000 чел. Начальство надъ тосканскимъ войскомъ поручено было Гарибальди.

Къ 11 числу августа собрались избранные депутаты во Флоренціи ихъ было 172; 16 числа единодушно было произнесено отрѣшеніе лотарингской династіи отъ престола, а 20 также единодушно объявлено было присоединеніе Тосканы къ Піемонту. Все это происходило тихо, безъ криковъ радости и безъ лишнихъ словъ, и Риказоли съ своей стороны требовалъ, чтобы народъ ни на словахъ, ни въ карикатурахъ не издѣвался надъ павшей династіей. Депутація отправилась сперва въ Геную, а оттуда, точно въ тріумфальномъ шествіи, въ Туринъ. Король принялъ присоединеніе великаго герцогства къ Сардинскому ко-

ролевству, только въ томъ смыслѣ, что, какъ онъ объявилъ, будетъ ходатайствовать о тосканскомъ дѣлѣ передъ великими европейскими державами и преимущественно передъ императоромъ Наполеономъ, но совѣтовалъ до поры до времени терпѣливо ждать. Въ терпѣніи недостатка не было: къ величайшей досадѣ легитимистической и клерикальной партій, нетерпѣливыхъ съумѣли умѣрять, и порядокъ сохранялся замѣчательный. При такомъ положеніи дѣлъ, даже императоръ Наполеонъ не находилъ повода къ неудовольствію. Онъ 16 окт. далъ аудіенцію, сперва пармской, а потомъ тосканской депутаціи; послѣдней рекомендовалъ онъ молодаго, великаго герцога, говоря, что онъ не золъ, и удивлялся, зачѣмъ это Флоренція, вмѣсто того, чтобы быть столицей, захотѣла сдѣлаться провинціальнымъ городомъ? Со стороны Россіи и Пруссіи пришли заявленія, способныя поддержать и придать мужество; прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Шлейницъ, осмѣлился сказать, что Пруссія ничего не имѣетъ противъ существованія могущественнаго и независимаго италіянскаго королевства, а князь Горчаковъ выразился въ разговорѣ съ тосканскимъ агентомъ, что Россія ни за, ни противъ Италіи не будетъ; чего же больше? Одобренныя такимъ положеніемъ дѣлъ государства среднеиталіянской лиги сдѣлали еще шагъ впередъ; въ ноябрѣ, именно въ то время, когда былъ заключенъ цюрихскій мирный договоръ, лига избрала себѣ регентомъ принца Кариньяна, двоюроднаго брата короля, для того, чтобы онъ управлялъ «во имя избраннаго короля.» Риказоли съ этимъ рѣшеніемъ отправился въ Туринъ. Тамъ флорентинцамъ хотя и не дали регентомъ принца королевскаго дома, но назначили государственнаго человѣка Бонкампаньи въ правители, съ титуломъ генералъ-губернатора средне итальянской лиги; онъ прибылъ во Флоренцію 21 декабря, гдѣ его торжественно принялп.

Таковъ былъ ходъ событій въ средней Италіи послѣ войны;было однакожь одно обстоятельство, затруднявшее и запутывавшее отношенія, и составившее впослѣдствіи самую центральную точку всѣхъ трудностей при образованіи общеиталіянскаго королевства. Это затрудненіе состояло въ томъ, что Романья, часть Церковной области, принадлежала къ среднеиталіянской лигѣ. Обстоятельство, что папскій интересъ замѣшался въ политическія отношенія, особенно затрудняло Наполеона; онъ не могъ вполнѣ отдаться своему сочувствію къ италіянскому дѣлу, потому что онъ дѣйствительно смотрѣлъ на него благосклонно, хотя не совсѣмъ безкорыстно; но въ его глазахъ единство Италіи представлялось въ несравненно благопріятнѣйшемъ свѣтѣ, чѣмъ въ глазахъ его министровъ, да можетъ быть и большинства политическихъ умовъ Франціи. Съ самаго начала войны онъ не скрывалъ передъ собою всей трудности ея: «эта сторона (отношенія къ папѣ) не нравится мнѣ въ войнѣ» сказалъ онъ, «съ папою пушечными ядрами не справиться.»

Воюющія державы между собою порѣшили на Папскую область смотрѣть какъ на нейтральную. Но это не мѣшало народонаселенію сотнями и даже тысячами поступать волонтерами въ отрядъ Гарибальди. Въ Римѣ не дѣлали имъ затрудненій, тамъ даже съ удовольствіемъ видѣли, что этотъ неспокойный самъ по себѣ народъ удаляется, чтобы, какъ надѣялись, больше не возвращаться. Когда же, 12 іюня, австрійское войско вышло изъ Болоньи, вслѣдъ ему раздался всеобщій возгласъ: «да здравствуетъ Италія и Викторъ Эмануилъ!» Папскій легатъ объявилъ было протестъ, но на него не обращали вниманія, и Форли, Равенна и всѣ прочіе города Романьи послѣдовали примѣру Болоньи, вездѣ поднимали національное знамя; тоже произошло и въ Феррарѣ, лишь только австрійцы изъ нея выступили. Вслѣдъ за австрійцами изъ городовъ и крѣпостей выходили папскія войска, и за ними тянулись правительственныя лица духовнаго званія; неискусное и непрочное зданіе этого неестественнаго управленія само собою разсыпалось, лишь только Австрія отняла свою руку, поддерживавшую его. Въ освободившейся провинціи городской совѣтъ Болоньи учредилъ временное правительство, а Викторъ Эммануилъ назначилъ патріота Массимо д'Азеліо чрезвычайнымъ комиссаромъ Романьи. Движеніе это не заходило за предѣлы этой провинціи Церковной области. Папскія войска держали Анкону въ повиновеніи; поднялось было волненіе въ городѣ Перуджіо, по ту сторону Апенинъ, но 14 іюня возстаніе было подавлено въ потокахъ крови, послѣ непродолжительной и неравной битвы, съ превосходнымъ числомъ папскаго наемнаго войска; своихъ собственныхъ войскъ

папское правительство не рѣшалось посылать на своихъ же подданныхъ; но за то роздало медали своимъ наемникамъ за жестокое истребленіе жителей Перуджіо, и произвело полковника Шмита въ генералы. Около того же времени, 18 іюня, папа разослалъ энциклику, (циркуляръ), въ которой одушевленно и торжественно, въ тонѣ, съ какимъ римская церковь обыкновенно прикрываетъ истинное положеніе и цѣль вещей, и обманывается сама, и вводитъ своихъ послѣдователей въ ошибки, говорилось о возстаніи отряда Коры; отъ него папа перешелъ къ настоящему положенію дѣлъ и въ заключеніи стояло: «мы объявляемъ, что святой престолъ нуждается въ свѣтскомъ государствѣ, для того, чтобы независимо, ко благу міра, употреблять свою святую, Богомъ данную власть, а между тѣмъ враги церкви Христовой хотятъ ее вырвать у насъ изъ рукъ.» Въ тотъ самый день, когда наемники грабили Перуджіо и убивали ея жителей, папа въ аллокуціи, въ кардинальской коллегіи, говорилъ: «о возстаніи безбожниковъ, церковныхъ грабителей, которые безстыдно попираютъ ногами всѣ человѣческія и божескія права», онъ напоминалъ о сильнѣйшемъ оружіи церкви, объ отлученіи и о другихъ церковныхъ наказаніяхъ, «установленныхъ канонами святой апостольской церкви и рѣшеніями соборовъ»; онъ установилъ молитвы за спасеніе церкви и отпущеніе грѣховъ ея защитникамъ. Но оружіе это было безсильно въ странѣ, коротко знакомой съ способомъ дѣйствія тѣхъ, кто его поднималъ, и воззваніе это не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на лица, отъ которыхъ зависѣло управленіе какой бы то ни было части Италіи и судьба ея жителей. Когда виллафранкскія прелиминарныя статьи мира были подписаны, Наполеонъ попытался склонить папу на то, чтобы онъ ихъ принялъ. Онъ написалъ, 14 іюля, письмо къ папѣ; въ немъ, «голосомъ покорнаго и преданнаго сына церкви,» онъ умолялъ святѣйшаго отца дать четыремъ легатствамъ—Форли, Равенны, Болоньи и Феррарѣ, извѣстнымъ подъ названіемъ Романьи, отдѣльное и главное свѣтское управленіе. Положеніе дѣлъ здѣсь было такое, что заслуживало вниманія и надъ нимъ можно было задуматься: на южной границѣ стояли папскія войска, внутри области надо было сдерживать мадзинистовъ; и масса народонаселенія, самаго гордаго и пылкаго въ Италіи, подъ управленіемъ Массимо д'Азеліо, принуждена была сдерживать свои порывы. И здѣсь выбраны были депутаты, которые въ числѣ 131 члена открыли засѣданія палаты въ Болоньѣ, 1 сентября. Палата состояла изъ людей умѣренныхъ, подъ предсѣдательствомъ Мингетти. Очень холоднымъ, почти офиціальнымъ тономъ, категорически перечислено было, что сдѣлало клерикальное правительство, и въ заключеніе было сказано: «итакъ мы, народы Романьи, призванные для генеральнаго собранія, призывая Господа Бога въ свидѣтели нашихъ честныхъ намѣреній, объявляемъ, что мы, племена населяющія Романью, не хотимъ болѣе подчиняться свѣтской власти папы и имъ поставленныхъ правителей;» на слѣдующій день, 7 сентября, они также единодушно объявили чего хотятъ: «присоединенія къ королевству Сардиніи, подъ управленіемъ конституціоннаго короля Виктора Эмануила II. Декларація эта была отправлена къ королю; онъ отвѣчалъ депутаціи также, какъ отвѣчалъ остальнымъ, *изъявляя при этомъ глубочайшее уваженіе и покорность Папѣ*, какъ главѣ церкви. Папа отвѣчалъ на это новой аллокуціей, обращенной къ кардиналамъ; тутъ ему нечего было опасаться возраженій, и потому онъ называлъ наглою ложью всѣ тѣ жалобы, какія болонская палата высказала на счетъ прежняго управленія; также рѣзню и истребленіе въ Перуджіо называлъ выдумкой и фантазіей праздныхъ людей. Слѣдуя внушеніямъ куріи, епископы всего римскокатолическаго міра установили молитвы за спасеніе и сохраненіе наслѣдія св. Петра; во Франціи и Австріи молитвы эти громче всего раздавались. Піемонтскому посланнику въ Римѣ Антонелли прислалъ 1 октября паспорты: онъ оставилъ Римъ, но его провожалъ народъ огромными массами.

Жалобы папы встрѣтили внѣ Италіи большое сочувствіе: тамъ еще вполнѣ сохранилось къ нему благоговѣніе, тамъ не знали изъ какого металла скованы громы и молніи Ватикана. Особенно во Франціи газеты съ ультрамонтанскимъ направленіемъ шумѣли и волновались на всѣ лады; въ такомъ же тонѣ имъ вторили и въ другихъ католическихъ странахъ. Испанская королева горѣла желаніемъ омыть свои немалочисленные грѣхи въ крестовомъ походѣ за папскую

власть, и готова была съ этою цѣлью высадить свои войска въ Италіи; въ Абруццахъ, въ тылу папскихъ наемниковъ, собиралось неаполитанское войско. Ультрамонтанской партіи и въ умъ не приходило, что у народонаселенія Романьи въ жизни можетъ быть какая нибудь иная цѣль, кромѣ рабства отъ церковнослужителей и тяжкихъ налоговъ и поборовъ на служеніе не церкви, а ея недостойныхъ представителей; на Церковную область со всѣми ея жителями ультрамонтаны смотрѣли какъ на общее достояніе всей католической церкви, и малѣйшее нарушеніе равновѣсія въ ея обладаніи считали нарушеніемъ правъ всего христіанскаго католическаго міра. Патріоты не смолчали передъ такимъ обвиненіемъ и не оставили французскихъ софизмовъ безъ надлежащаго отвѣта: они между прочимъ указали французамъ на то, что Авиньонъ въ концѣ концовъ на столько же принадлежитъ папѣ, на сколько и Романья, что права на тотъ и другую совершенно одинаковыя. Но жители Романьи не ограничились печатнымъ полемическимъ перебрасываньемъ, они на всякій случай собирали свои военныя силы, организовали ихъ, при чемъ имъ много помогали піемонтскіе офицеры; самый замѣчательный изъ нихъ, генералъ Фанти, въ концѣ августа, назначенъ былъ главнокомандующимъ средне-италіянскими войсками.

Для Піемонта съ каждымъ днемъ становилось неизбѣжнѣе на что нибудь рѣшиться, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, въ какое его ставили обстоятельства. Ламармора, Ратацци, Дабормида, составившіе министерство послѣ Кавура, объявили, что Піемонтъ не приступаетъ къ италіянской конфедераціи, какъ предполагалось по виллафранкскому договору; но въ тоже время министерство не вмѣшивалось въ движенія средне-италіянскія, предоставляя имъ свободно развиваться, но стараясь, по возможности, въ отношеніи иностранныхъ державъ, сохранять видъ, будто правительство сардинское, увлеченное ходомъ событій, дѣлаетъ уступки противъ воли, принимая освободившіяся государства подъ свое покровительство. Дабормида издалъ замѣтки, въ которыхъ старался доказать, что существенный интересъ Европы заключается въ томъ, чтобы подтвердить выраженіе народной воли въ средней Италіи. Но такое подтвержденіе со стороны европейскихъ державъ могло быть получено только на конгрессѣ, и поэтому Франція, въ концѣ этого, полнаго происшествіями, года, начала дѣйствовать въ этомъ смыслѣ.

И Наполеону, по своему положенію, пора было стать на болѣе опредѣленную почву. Въ папской области дѣлались нешуточныя приготовленія къ тому, чтобы вооруженной силой возвратить утраченную Романью: корабли, полные уволенными отъ службы австрійскими солдатами, ежедневно приплывали изъ Тріеста въ Анкону, съ цѣлью поступить на службу въ папское войско. Если допустить реставрацію въ Церковной области, тогда, того и смотри, Сардинія и Австрія опять начнутъ кровавую борьбу въ Италіи, и Ломбардія опять сдѣлается театромъ войны; чтобы предупредить войну, необходимо было рѣшительно и опредѣленно высказать свою волю; нельзя было долѣе, какъ онъ это до сихъ поръ дѣлалъ, дѣйствовать уклончиво, или, выражаясь языкомъ римской куріи, работать и на Христа, и на Ваала. Наполеону приходилось выбирать между папой и Италіей. Но высокопоставленные люди очень неохотно открываютъ свои рѣшенія, пока крайняя необходимость не заставляетъ ихъ обнаружиться. Декабря 24 явилась брошюра: «Папа и конгресъ,» написанная подъ непосредственнымъ руководствомъ императора, но такъ какъ на ней не было выставлено имени, то по надобности, отъ нея можно было и отказаться. Существенный смыслъ этого сочиненія заключался въ томъ, что отдѣленіе Романьи отъ Церковной области есть фактъ совершившійся, и всякая попытка возвратить ее папѣ договорами или силою оружія иностраннаго, или туземнаго, чисто невозможна; что хотя для духовнаго могущества необходима вещественная, физическая сила, но это не совмѣстимо съ управленіемъ и потребностями государства, какого бы объема оно ни было; далѣе, что гарантія державъ европейскихъ должна простираться только на Римъ и на ближайшія къ нему окрестности, Patrimonium Petri, находящіяся подъ непосредственнымъ управленіемъ папы и съ присоединеніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ делегатствъ: но за то католическія державы должны обязаться доставлять всѣ необходимыя, для поддержанія католическаго духовенства, средства

и кромѣ того, какъ доказательство своего почитанія, вносить значительную ренту для потребности папы: «чѣмъ меньше Церковная область, тѣмъ больше папа!» такъ въ Италіи понимали существенный смыслъ брошюры, надѣлавшей много шума въ Италіи. На нее можно смотрѣть, какъ на смертный приговоръ папѣ, хотя не приведенный разомъ въ исполненіе.

Послѣднее изъ свѣтскихъ владѣній духовныхъ лицъ, слѣдуя непреложному историческому закону, тоже приближалось къ своему концу и подлежало той же участи, какой подчинились германскія духовныя владѣнія въ 16, 17 и 18 столѣтіяхъ. Нельзя было надѣяться, чтобы Римъ подчинился требованіямъ духа времени, изложеннымъ въ упомянутомъ сочиненіи, и чтобы папа добровольно отказался отъ своихъ правъ и претензій. Декабря 31 императоръ Наполеонъ написалъ собственноручное письмо папѣ, въ смыслѣ этой брошюры; онъ говорилъ: «права папы на легатства не подлежатъ сомнѣнію, но, не смотря на то, какъ бы трудно въ томъ ни было сознаться, нѣтъ инаго исхода изъ этого непріятнаго положенія: папѣ надобно отказаться отъ возставшихъ провинцій, которыя и безъ того для папы всегда были источникомъ заботъ и неудовольствія; въ случаѣ согласія папы, на освобожденіе этихъ провинцій, европейскія державы будутъ ему гарантировать остатокъ его владѣній.» Пій IX еще раньше словесно далъ отвѣтъ на это письмо 1 января 1860 года, когда генералъ Гойонъ, начальникъ окупаціоннаго корпуса, явился къ папѣ съ поздравленіемъ, съ новымъ годомъ; папа съ худо скрытой досадой и очень безтактно выразилъ желаніе, чтобы Богъ просвѣтилъ умъ главы французскаго народа и далъ ему уразумѣть заблужденія и превратныя правила, высказанныя въ недавно появившемся сочиненіи, которое можетъ служить памятникомъ постыднаго двоедушія и жалкаго сплетенія всевозможныхъ противорѣчій; отвѣтъ на письмо отъ 31 декабря былъ написанъ въ такомъ же смыслѣ, хотя нѣсколько вѣжливѣе, 8 января: «Я сознаю затруднительное положеніе, въ которое поставлено ваше величество, также какъ и вы сами въ немъ не ошибаетесь», замѣчалъ онъ въ одномъ мѣстѣ письма, съ злобною радостью; но отъ предложенія отказался прямо: онъ не можетъ уступать или отказываться отъ того, что ему не принадлежитъ. Ни папа, ни его клерусъ не хотѣли знать, что спорная страна прежде всего принадлежитъ тѣмъ людямъ, которые на ней живутъ, и что права на обладаніе ими, предъявляемыя папой или кѣмъ бы то ни было инымъ, дѣлаются законными и достаточно убѣдительными въ томъ только случаѣ, если правительство ими будетъ пользоваться для блага и счастія этого самаго народа: но такого простаго разсужденія никто не хотѣлъ и не думалъ выводить. Курія оставалась при своемъ упрямомъ взглядѣ на вещи и отношенія, а руководители среднеиталіянскаго движенія шли дальше: въ тотъ самый день, когда папа съ такимъ презрѣніемъ отзывался о наполеоновской брошюрѣ, былъ опять сдѣланъ шагъ впередъ: диктаторъ герцогствъ и Романьи, Фарини, свое управленіе отмѣтилъ именемъ «управленіе королевскихъ провинцій Эмиліи»—такъ въ Италіи называются области, черезъ которыя проходитъ древняя римская военная дорога Эмилія; одновременно съ этимъ, генералъ Фанти среднеиталіянскіе полки отмѣтилъ номерами, которые были продолженіемъ нумераціи піемонтскихъ полковъ, и такимъ образомъ они составили часть одной и той же арміи. О конгрессѣ нечего было больше помышлять; Австрія отказалась принимать въ немъ участія, а папа приготовлялся принять мученическій вѣнецъ, какъ онъ писалъ патріархамъ, примасамъ, архіепископамъ и епископамъ христіанскимъ отъ 19 января; но между тѣмъ не переставалъ усиливать войска вольноопредѣляющимися изъ всѣхъ странъ.

Дѣла приняли болѣе рѣшительный оборотъ, когда Ратацци вышелъ изъ министерства, 16 января 1860 года, и за управленіе опять взялся Кавуръ своею привычною, твердою рукою. Онъ составилъ министерство въ чисто-италіянскомъ духѣ: на мѣсто генерала Фанти назначилъ онъ Чіальдини, а его сдѣлалъ военнымъ министромъ; уроженца Романьи—Маміанни сдѣлалъ министромъ народнаго просвѣщенія; ломбардца Джачини—министромъ торговли; самъ по прежнему завѣдывалъ двумя министерствами—внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Циркуляромъ отъ 27 января объявилъ, что реставрація лишенныхъ престоловъ герцоговъ невозможна; правительство королевства сардинскаго охотно выждало бы

рѣшенія европейскихъ державъ, но такъ какъ неизвѣстно, соберется ли конгресъ, а положеніе дѣлъ требуетъ немедленнаго и энергическаго рѣшенія, то королевство Сардинія принимаетъ на себя отвѣтственность за случившееся въ Тосканѣ и въ области Эмиліи, гдѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, принята была конституція Сардиніи, и сардинскіе законы о выборахъ были введены и обнародованы.

Весь слѣдующій мѣсяцъ прошелъ въ переговорахъ, веденныхъ только для виду. Обѣ договаривающіяся въ Пломьберѣ стороны были согласны между собою. Виллафранкскія условія, надежда на конгресъ, и все что отъ него зависѣло, не имѣли теперь никакого значенія; вмѣсто этого средства исцѣленія надобно было пріискать другое, и императорское правительство придумало его: оно предложило свой любимый способъ—плебисцитъ, т. е. всенародную подачу голосовъ. Здѣсь можно было достигнуть цѣли безъ тѣхъ уловокъ, какими во Франціи получали желаемый отвѣтъ. Марта 12 произведена была подача голосовъ въ Эмиліи, гдѣ изъ 526,258 человѣкъ, имѣющихъ право голоса, подали свой голосъ 427,512, и изъ нихъ 426,000 въ пользу присоединенія къ Сардиніи; въ Тосканѣ изъ 386,445, имѣющихъ право голоса, 366,571 подали голосъ въ пользу присоединенія къ Сардиніи, а 15,000 подавали голосъ за составленіе своего отдѣльнаго государства. Результатъ голосованія сообщенъ былъ королю, а 28 королевскія войска заняли прежнія герцогства.

Наполеонъ не безкорыстно далъ свое согласіе. Договорныя статьи Пломбьера теперь опять получили полную силу; за нѣсколько дней передъ тѣмъ, 24 марта, Викторъ Эмануилъ подписалъ договоръ, по которому обязывался уступить Франціи Ниццу и Савойю, если на то послѣдуетъ согласіе сардинскаго парламента; хотя это соглашеніе давно подозрѣвали, но его держали въ тайнѣ или прикрывали изворотливыми рѣчами, когда же наконецъ вѣсть о немъ разнеслась въ Европѣ, то повсюду начался ропотъ, а въ англійскомъ парламентѣ громко высказывали неодобреніе. Лордъ Джонъ Россель объявилъ, что англійское правительство употребило всѣ зависящія отъ него средства, чтобы отвратить и отсовѣтовать этотъ поступокъ, но такъ какъ Франція и Сардинія уже заключили между собою этотъ запродажный договоръ, то дѣлать нечего, потому что никто не можетъ требовать отъ Англіи, чтобы она начала войну съ Франціей изъ-за Савойи; почти такъ же думали и другія державы.

При этомъ одна Швейцарія оказалась болѣе всѣхъ заинтересованной стороною. Она имѣла причину опасаться за свое нейтральное положеніе, потому что Франція теперь охватывала женевскій кантонъ также и съ юга; Швейцарія могла сослаться на 92 статью вѣнскаго конгресса, по которому округи Савойи—Шаблѣ и Фосиньи признаны были нейтральными, и за Швейцаріей оставлено было право занять ихъ, въ случаѣ войны, войсками. Швейцарія подала протестъ въ Парижъ; она отправила ноту отъ 19 марта державамъ, договаривавшимся въ вѣнскомъ конгрессѣ; она энергически протестовала, когда 6 февраля, Наполеонъ, не смотря на свое обѣщаніе, въ случаѣ присоединенія Савойи къ Франціи, уступить Швейцаріи упомянутыя области, всетаки отнялъ ихъ 27 по туринскому и парижскому акту. Союзный швейцарскій сеймъ былъ созванъ, войска набирались; но всѣ эти заявленія ни къ чему не повели, потому что никто извнѣ не думалъ помогать имъ достигнуть своего права. И въ Савойѣ, съ цѣлью оспаривать старинное право, вздумали прибѣгнуть къ новому праву общей подачи голосовъ (плебисциту); такъ какъ времени было много, чтобы все порядкомъ подготовить, то голосованіе должно было совершиться соотвѣтственно желанію, и когда оно происходило 22 апрѣля, то и успѣхъ былъ такой, какого ожидали. Можно даже сказать, что успѣхъ былъ слишкомъ блестящій: изъ 160,000 голосовъ насчитывалось только 1,000 отрицательныхъ; толпа просто стремилась къ матеріальнымъ выгодамъ, какія присоединеніе къ Франціи несомнѣнно представляло, къ тому же, выгоды эти старались расписать самыми яркими и привлекательными красками. Напрасно демократы подозрѣвали исправленіе и измѣненіе списковъ; по своему взгляду на вещи, они вѣрили въ непогрѣшимость народной воли, но они ошибались, фальши не было; искажать того, что было невѣрно и неправильно по самому основанію, не для чего было. Мая 29 сардинскій парламентъ

согласился на уступку; ему приноситъ не малую честь то, что онъ просто, безъ кривлянья, безъ демонстраціи согласился на то, чего измѣнить не могъ, и что было неотвратимо: мѣра была вовсе не популярная, но депутаты достойно поддержали рѣшеніе своего правительства: 229 голосовъ противъ 36 утвердили жертву, принесенную Піемонтомъ для спасенія Италіи.

Самъ король открылъ 2 апрѣля 1860 года засѣданія парламента, въ первый разъ составленный также изъ депутатовъ отъ Ломбардіи, Тосканы, Романьи и герцогствъ. «Италія,» сказалъ король въ своей тронной рѣчи, «не есть Италія римлянъ, или Италія среднихъ вѣковъ, она не представляетъ открытаго поприща для чужеземнаго честолюбія; Италія теперь принадлежитъ италіянцамъ.» Парламентъ являлся представителемъ 11 милліоновъ италіянцевъ, соединенныхъ въ одно королевство, съ войскомъ въ 200,000 человѣкъ, «э т о,» какъ сказалъ президентъ, при началѣ совѣщаній, «благодаря провидѣнію и императору французовъ.»

Но двинутая съ мѣста лавина еще не докатилась до конца: идея о національномъ единствѣ Италіи безостановочно прокладывала себѣ путь. Напрасно пытались остановить ея стремленіе нотами, договорами и всякими на бумагѣ писанными преградами: лоскуты исписанной, подписанной и припечатанной бумаги не могли отвратить неотвратимаго; ихъ ничтожное значеніе должно было погибнуть въ неудержимомъ потокѣ народной воли и народнаго права: побѣдоносная мысль, о б ъ е д и н с т в ѣ И т а л і и, готова была распространиться на югѣ.

Въ королевствѣ о б ѣ и х ъ С и ц и л і й король Фердинандъ II rè Bomba, желѣзнымъ посохомъ управлявшій своимъ словеснымъ стадомъ, скончался 22 мая 1859 года, два дня послѣ сраженія при Монтебелло; ему наслѣдовалъ сынъ его, Францискъ II, еще очень молодой человѣкъ, совсѣмъ неопытный и ни природными способностями, ни воспитаніемъ не подготовленный къ возложенной на него обязанности. Покойный король оставилъ войско и финансы въ удовлетворительномъ положеніи, а народная масса оставалась въ достаточномъ невѣжествѣ и не помышляла объ инновацiяхъ. Но въ высшихъ слояхъ общества жили тѣ же самыя идеи, которыя волновали остальную Италію, и за которыми напрасно гонялись съ кандалами, тюрьмами и изгнаніями; подобными средствами можно было подавлять эти идеи, но искоренить ихъ не могла никакая сила. Это не измѣнилось и при новомъ королѣ; къ тому же министерство осталось то же самое; напрасно лордъ Джонъ Россель въ нотѣ къ англійскому посланнику въ Неаполѣ давалъ совѣтъ не только поддерживать неаполитанское правительство, но даже и направлять его къ тѣмъ необходимымъ реформамъ, которыя должны совершиться, какъ неизбѣжныя слѣдствія дурнаго управленія, подобнаго которому нѣтъ въ исторіи, и которыя одни могутъ удержать короля на краю пропасти, уже готовой раскрыться подъ его ногами; но совѣтъ этотъ остался безъ вниманія. А между тѣмъ трудно было предположить, чтобы буря, только-что взволновавшая среднюю Италію, не дошла и до ея южныхъ частей; такъ и случилось; не успѣли опомниться, какъ она налетѣла. Легкія возстанія сперва обнаружились въ Сициліи. 4 апрѣля въ Палермо, а 8 въ Мессинѣ; ихъ подавили безъ труда, но на короткое время. Несмотря на строгости, на осадное положеніе и на нѣсколько разстрѣливаній, волненія повторялись; дѣла никакъ не хотѣли идти старымъ обычнымъ порядкомъ, даже и тогда, когда осадное положеніе было снято. Мая 4, въ Палермо полиція принуждена была прибѣгнуть къ насилію, чтобы принудить купцовъ открывать лавки: тайный революціонный комитетъ съ своей стороны далъ повелѣніе не ходить по этимъ улицамъ, и оно было исполнено съ величайшею точностью.

Такіе признаки должны были бы заставить правительство призадуматься о томъ, какое положеніе ему принять въ виду совершившихся событій, какъ въ средней, такъ и въ сѣверной Италіи. Памятная записка, написанная дядей короля, графомъ Сиракузскимъ, отъ 3 апрѣля, въ яркихъ и рѣзкихъ чертахъ обрисовала измѣнившееся положеніе вещей; онъ между прочимъ говорилъ: «теперь неизбѣжно присоединиться къ принципу италіянскаго чувства національности; для Неаполя есть только одинъ вѣрный путь къ спасенію: дать королевству свободную конституцію и заключить союзъ съ Піемонтомъ.» Того же самаго требовала народная толпа, бушевавшая на Толедо, главной улицѣ Неаполя, и устроившая

огромную демонстрацію. То же самое, очень настоятельно, совѣтовалъ лордъ Пальмерстонъ, встрѣтившійся съ неаполитанскимъ посланникомъ въ переднемъ залѣ покоевъ англійской королевы Викторіи; совѣтъ былъ хорошъ, но король не послушался его. Онъ заботился только о томъ, какъ бы возвысить воинственное настроеніе войска и какъ бы пріобрѣсть его любовь; для этого онъ дѣлалъ безпрерывные смотры и ученія, и для офицеровъ устраивалъ обѣденные столы; въ Сицилію онъ отправлялъ одно подкрѣпленіе за другимъ, одинъ полкъ шелъ за другимъ; на островѣ не было возстанія, но настроеніе народное было такое, что возстанія во всякое время можно было ожидать, да и отдѣльныя шайки инсургентовъ бродили то туда, то сюда. Вниманіе всей Италіи было направлено на Сицилію: въ Миланѣ открыто вербовали волонтеровъ въ Сицилію. Естественнымъ предводителемъ этихъ волонтеровъ неминуемо былъ Гарибальди; послѣ жизни, исполненной приключеній, тревогъ и опасностей, онъ никакъ не могъ втѣснить своихъ привычекъ и стремленій въ узкія рамки конституціоннаго государства, поэтому онъ искалъ инаго исхода для своей дѣятельности, и велъ войну на свою руку. У него въ умѣ было твердо: пока хотя малѣйшая частица Италіи будетъ стенать подъ чужеземнымъ игомъ, до тѣхъ поръ онъ не положитъ оружія. Подъ словомъ чужеземное иго онъ понималъ господство и неаполитанскаго короля и папы въ Римѣ. Король Викторъ Эмануилъ подписалъ мирный договоръ, а вовсе не онъ, Гарибальди, и поэтому онъ не обязанъ выполнять его; когда на требованіе его, король и правительство не дали ему ни денегъ, ни кораблей, онъ написалъ королю письмо отъ 5 мая: въ немъ говорилось, что онъ—республиканецъ—уважалъ короля, какъ честнаго человѣка, какъ храбраго солдата и истиннаго патріота, больше за его человѣческія достоинства, нежели за титулъ королевскій. Гарибальди въ своемъ письмѣ прямо сказалъ, что намѣренъ помогать своимъ сицилійскимъ братьямъ, что призывъ ихъ на помощь достигнулъ его, и тронулъ сердца его товарищей по оружію. Въ гавани Генуи, онъ, никого не спросившись, завладѣлъ двумя судами, принадлежавшими къ пароходному обществу, сѣлъ на нихъ съ своими 1,000 волонтеровъ, готовыхъ дѣлить съ нимъ радость и горе, счастье и несчастье, и поплылъ въ море. Вскорѣ по міру разнеслась вѣсть о томъ, что Гарибальди съ своею горстью отважныхъ высадился 11 мая въ Марсалѣ, на западномъ берегу Сициліи, на югъ отъ бухты Дрепанской, служившей въ древности мѣстомъ военныхъ дѣйствій между Римомъ и Карѳагенами.

По несчастному заблужденію, этотъ человѣкъ, десять лѣтъ позже, въ дѣлѣ уже потерянномъ, сталъ на сторону неправыхъ, въ дѣлѣ собственнаго отечества и, въ то же время, въ дѣлѣ всего міра, и этимъ необдуманнымъ поступкомъ дескредитировалъ свой собственный характеръ, заслужилъ имя упрямаго искателя приключеній, и много потерялъ въ общемъ мнѣніи; но въ глазахъ историка это не мѣшаетъ признавать въ немъ чистымъ, высокимъ и благороднымъ то, что въ его характерѣ истинно чисто и благородно. Онъ родился въ 1807 году, въ Ниццѣ, происходилъ отъ семейства, всѣ члены котораго были мореплавателями; не достигнувъ даже юношескаго возраста, онъ поступилъ юнгой на корабль; какъ юноша онъ раздѣлялъ общее негодованіе своихъ соотечественниковъ и надежды ихъ; съ такимъ настроеніемъ онъ попалъ подъ вліяніе Мадзини и. проникся его духомъ; послѣ того вступилъ въ экипажъ піемонтскаго военнаго флота, началъ проповѣдывать свою теорію экипажу одного изъ фрегатовъ, былъ уличенъ, и чтобы избѣжать наказанія смертью, бѣжалъ; судьба его забросила въ Америку, гдѣ онъ съ 1836 года, когда высадился въ Ріо-Жанейро, велъ жизнь, полную самыхъ разнообразныхъ приключеній. Мы его видимъ въ сраженіи на морѣ или на сушѣ: онъ командовалъ каперомъ маленькой республики Ріо-Гранде-до-Суль; въ одной изъ битвъ съ военнымъ кораблемъ Бразильской имперіи онъ былъ жестоко, почти смертельно раненъ, взятъ въ плѣнъ, и находился во власти одного изъ губернаторовъ, тирана Лаплатскихъ штатовъ Роза, но опять вырвался на свободу; такимъ образомъ, вмѣстѣ съ другими италіянцами, онъ мыкался по южной Америкѣ и принималъ участіе въ тамошнихъ запутанныхъ дѣлахъ; онъ женился на молодой испанкѣ, полюбившей его страстно; у нея была душа, исполненная героизма; она раздѣляла его жизнь, его приклю-

ченія, его лишенія и опасности. Гарибальди поступилъ въ войско Уругвая и сражался противъ М. Розаса; его легіонъ отличился особенно при пятилѣтней защитѣ Монтевидео и заслужилъ славу своею неустрашимостью. Окруженный товарищами очень двусмысленнаго характера, онъ все-таки всею душею стремился на родину, ни на минуту не забывалъ своей милой Италіи, и издали слѣдилъ за ея интересами. Наконецъ въ 1847 году до него дошло извѣстіе, что въ лицѣ новаго папы Пія IX для Италіи восходитъ звѣзда надежды. Не медля долго, онъ въ 1848 году съ 54 товарищами по оружію, сѣлъ на корабль и вышелъ опять на родную почву, на 41 г., именно въ ту минуту, когда Италія начинала борьбу съ Австріей. Онъ не потерялъ лучшихъ годовъ своей жизни въ пустыхъ мечтахъ, въ заговорахъ и безцѣльныхъ волненіяхъ; онъ въ первобытной чистотѣ и свѣжести сохранилъ способность къ труду, непорочность души, которой нынѣшніе недальновидные политическіе дѣятели не считаютъ необходимой при борьбѣ идей изъ-за великихъ судебъ народнаго благосостоянія; но въ сущности эта именно чистота и непорочность необходимы теперь больше, чѣмъ когда нибудь, потому что изъ нея одной человѣкъ почерпаетъ силу, необходимую въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ обыкновенно недоумѣваетъ и колеблется даже самый опытный и твердый. Мы уже видѣли, какъ онъ дѣйствовалъ въ борьбѣ 1849 и 1859 годовъ; но теперь только пришла его пора; къ изумленію всего міра, онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ создалъ себѣ армію въ 100,000 человѣкъ, и передъ нимъ цѣлое королевство рухнуло въ прахъ.

Онъ высадился въ Сициліи, какъ мы говорили выше, съ очень незначительнымъ отрядомъ, но къ нему сбѣгались инсургенты, и его догоняли волонтеры, еще оставшіеся на твердой землѣ; мая 14, во имя Виктора Эмануила, короля италіянскаго, принялъ онъ диктаторство надъ Сициліей. 15 того же мѣсяца произошло его первое столкновеніе съ королевскими войсками; онъ выбилъ генерала Ланди съ 3,500 челов. изъ твердой позиціи при Калатафими. Этотъ первый успѣхъ, еще больше, чѣмъ его первоначальное появленіе въ Сициліи, опять окружило его имя волшебнымъ сіяніемъ, и на него съ одной стороны съ восторгомъ смотрѣли, какъ на святаго, а съ другой—какъ на демона. Королевскія войска въ 8,000 человѣкъ потянулись къ нему на встрѣчу къ Палермо, куда постоянно прибывали свѣжія подкрѣпленія; Гарибальди удалось ускользнуть отъ столкновенія съ превосходными силами, онъ обманулъ ихъ ложнымъ отступленіемъ, завлекъ на боковую дорогу, обошелъ королевскія войска и направился къ Палермо. Вечеромъ 19 числа на высотахъ уже горѣли бивуачные огни гарибальдійцевъ, на южной сторонѣ города; 20 Гарибальди ворвался въ Палермо, не взирая на пушки и мортиры, съ цитадели и съ кораблей осыпавшія ядрами и бомбами городъ и войско; жители Палермо поднялись и съ восторгомъ привѣтствовали освободителей. Банды инсургентовъ выростали, какъ изъ земли; онѣ кружились вокругъ королевскихъ войскъ, безпокоили ихъ и причиняли имъ вредъ; на другой же день начались переговоры: намѣстникъ короля Франциска, генералъ Ланца, удостоилъ «его превосходительство генерала Гарибальди» чести, войти съ нимъ въ переговоры, и заключилъ съ нимъ трехдневное перемиріе: это произошло въ то самое время, когда Кавуръ въ своей нотѣ торжественно порицалъ его предпріятіе. Пока длилось перемиріе, Гарибальди издалъ энергическую прокламацію: «для криковъ восторга и для веселья у насъ еще много времени впереди,» писалъ онъ, «когда Сицилія будетъ очищена отъ враговъ—кто въ эти три мирные дня не будетъ думать объ оружіи, тотъ врагъ отечества, измѣнникъ или трусъ.»—Іюня 3 перемиріе еще продлили; а 5 изъ Неаполя возвратился генералъ Летиціа, куда онъ ѣздилъ за тѣмъ, чтобы получить полномочіе для необходимыхъ переговоровъ и условій съ Гарибальди; 6 была подписана капитуляція, передававшая Гарибальди первый и важнѣйшій городъ Сициліи; онъ тотчасъ установилъ временное правительство, издалъ цѣлый рядъ декретовъ для военной организаціи острова, немедленно отправилъ полномочныхъ пословъ въ Парижъ и Лондонъ. Городской совѣтъ Палермо предложилъ немедленно присоединить Сицилію къ Піемонту, но Гарибальди на время отклонилъ это предложеніе: «нечего торопиться, на это еще довольно времени впереди,» сказалъ онъ. Декретомъ 25, были изгнаны іезуиты, и имѣніе ихъ конфисковано въ пользу го-

сударства. Королевскія войска вышли изъ своихъ постоянныхъ казармъ и стянулось къ Мессинѣ; неаполитанскому флоту тоже нечѣмъ было похвалиться; развѣ только тѣмъ, что онъ захватилъ два транспорта съ волонтерами.

Теперь только неаполитанскій король рѣшился на мѣру, которую слѣдовало бы предпринять за годъ передъ тѣмъ. Декретомъ, даннымъ въ Портичи отъ 25 іюня, объявлена была полная амнистія, установлено либеральное министерство, съ обязательствомъ въ наикратчайшій срокъ выработать новую конституцію въ народномъ духѣ, дѣйствовать согласно съ Сардиніей и принять общеиталіянскіе народные цвѣта для знаменъ и флаговъ. На слѣдующій день, въ отвѣтъ на королевскій декретъ, революціонный тайный комитетъ въ Неаполѣ издалъ тоже декретъ; въ немъ предписывалось народной партіи соблюдать всевозможное спокойствіе и избѣгать всякаго столкновенія съ агентами правительства: но всякаго рода уступки твердо отвергались. Ни тотъ, ни другой декретъ не принесъ ожидаемой пользы; уже 28, лишь только новое министерство Спинелли начало свои дѣйствія, и съ вершины крѣпости и дворца развѣвалось италіянское трехцвѣтное знамя, волненіе въ городѣ усилилось, и правительство принуждено было объявить столицу въ осадномъ положеніи.

Правительство торопилось: іюля 1, вмѣсто того, чтобы выработать новую конституцію, король приказалъ возстановить конституцію 10 февраля 1848 года; 15 числа король лично отправился въ казармы и войско при немъ присягнуло конституціи; въ это самое число въ Палермо, по распоряженію Гарибальди, праздновали день св. Розаліи. Неаполь былъ окруженъ хорошо организованнымъ, отлично вооруженнымъ и всѣмъ необходимымъ снабженнымъ войскомъ, въ 80,000 человѣкъ; не смотря на это народъ, да и войско, считало правленіе династіи и защиту города невозможнымъ; таково было общее настроеніе народа и войска. Во всѣхъ окнахъ лавокъ и магазиновъ были выставлены портреты Виктора Эмануила, Гарибальди и даже Наполеона; послѣднее дѣлаетъ честь дальновиднымъ италіянцамъ.

Пламя народнаго волненія, поддерживаемое тайнымъ революціоннымъ комитетомъ, разгоралось все ярче и ярче, и тронъ Бурбоновъ готовъ былъ рушиться; это было ясно: но никто изъ европейскихъ государей не пытался вмѣшаться и остановить пожаръ. Напрасно Викторъ Эмануилъ, съ цѣлью задобрить легитимистическія и полулегитимистическія державы Европы, пытался остановить занесенный мечъ Гарибальди. Викторъ Эмануилъ отправилъ офицера изъ своей свиты къ Гарибальди съ приказаніемъ не переносить войны на италіянскій полуостровъ, но побѣдоносный предводитель волонтеровъ отвѣчалъ: «меня призываетъ народонаселеніе Неаполя и торопитъ поспѣшить къ нему; пусть его величество позволитъ мнѣ на этотъ разъ не послушаться его приказанія».

Старинный порядокъ, или безпорядокъ, продолжалъ разваливаться, даже безъ посторонней помощи. 28 Мессина сдалась на капитуляцію; между тѣмъ какъ корпусъ королевскихъ войскъ въ 12,000 переправлялся на материкъ, 6,000 заняли цитадель. То, что правительство предпринимало въ Неаполѣ, не имѣло дальнѣйшаго значенія: каждое приказаніе оставалось безъ послѣдствій; министерство обращалось къ народу съ увѣщаніями, обнародовало программу своихъ дальнѣйшихъ распоряженій, но никто не хотѣлъ его выслушать: правительство послало полномочныхъ въ Сардинію съ тѣмъ, чтобы предложить Виктору Эмануилу союзъ; однакожъ сардинское правительство его отклонило; далѣе у полномочныхъ пословъ была инструкція, постараться войти въ наступательный союзъ противъ Австріи и тѣмъ принять участіе въ войнѣ за освобожденіе, предложить Виктору Эмануилу викаріатство Романьи, за что, въ свою очередь, король неаполитанскій Франциск получилъ-бы Умбрію.

Между тѣмъ всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ спрашивали себя: гдѣ высадится Гарибальди? при этомъ вопросѣ все прочее было забыто. Неаполитанское правительство все еще не хотѣло отказаться отъ своей послѣдней надежды; утопая оно хваталось за соломенку; оно отсрочило выборы въ палату депутатовъ до конца сентября. Погибающіе съ нимъ роялисты предлагали цѣлую серію различныхъ мѣръ и полумѣръ, потому что ничего основательнаго нельзя было выдумать. Дядя короля, графъ Сиракузскій, уговаривалъ короля добровольно

отказаться отъ престола, «чтобы, по крайней мѣрѣ, говорилъ онъ, спасти нашъ домъ отъ проклятій цѣлой Италіи»—но и это, во всякомъ случаѣ, не могло бы помочь, не очистило бы воспоминанія отъ порицанія и даже проклятія. Принцъ Люсіенъ Мюратъ, внукъ италіянскаго короля Іоахима, предлагалъ себя въ кандидаты, еслибы неаполитанскій народъ находился въ затрудненіи, кѣмъ занять престолъ, онъ указывалъ на себя, какъ на «залогъ независимости и народнаго счастія.» Поговаривали также о вооруженномъ вмѣшательствѣ европейскихъ державъ. Между тѣмъ Гарибальди готовился переправиться черезъ проливъ; 6 августа издалъ онъ прокламацію. Въ ней извѣщалъ Европу о своемъ походѣ на Неаполь; 19 онъ на двухъ пароходахъ перевезъ отрядъ въ 5,000 человѣкъ, высадился съ нимъ близъ Реджіо и повелъ его прямо въ горы, чтобы сбить съ толку королевскія войска. Но особенно сильнаго сопротивленія нельзя было ожидать. Реджіо сдался 21, а 23 на сторону Гарибальди передались двѣ бригады съ обозомъ и полнымъ вооруженіемъ; 29 разбѣжалась вся армія генерала Віаля при первомъ появленіи Гарибальди. Остальное королевское войско стояло при Салерно; но ни у кого не было въ мысляхъ спѣшить на югъ отъ Неаполя, чтобы сразиться съ краснымъ демономъ. Гарибальди написалъ муниципальному совѣту въ Неаполѣ, что онъ будетъ въ столицѣ 7, или 8 сентября; 1 онъ выступилъ изъ Козенца. Такъ и вышло; король, видя, что не можетъ положиться ни на войско, ни на жителей города, оставилъ столицу. Сентября 6 Франциск II, невинная искупительная жертва за грѣхи своихъ отцевъ, написалъ прокламацію, исполненную благороднаго достоинства, протестовалъ противъ насилія и выѣхалъ изъ Неаполя; 7 Гарибальди, во главѣ своего войска, составленнаго изъ людей всякаго званія и вооруженнаго самымъ пестрымъ образомъ, вошелъ въ Неаполь. И здѣсь, также какъ на островѣ Сициліи, онъ принялъ диктаторство во имя короля италіянскаго. «Теперь соединившись въ одно», говорилъ онъ, обращаясь къ массамъ тѣснившагося вокругъ него народа, «мы можемъ на все отважиться и достигнуть нашихъ великихъ цѣлей.» Слѣдовательно, цѣль его была еще далеко впереди; гораздо яснѣе выразился онъ 11 числа въ прокламаціи къ жителямъ Палермо; въ ней онъ говорилъ, что присоединеніе къ государству—«короля честнаго человѣка» не можетъ быть тотчасъ же, оно можетъ быть провозглашено только съ вершины Квиринала; замѣтимъ, что Гарибальди Виктора Эмануила постоянно титуловалъ честнымъ человѣкомъ и преимущественно уважалъ его за это достоинство. Но, вѣроятно, вершины Квиринала показались бы ему столько же неумѣстными для провозглашенія единаго италіянскаго королевства, сколько и Неаполь.

Въ исторіи не встрѣчается положенія подобнаго настоящему. Гарибальди подвигался впередъ, одерживая побѣду за побѣдой и не проливая ни одной капли крови; онъ шелъ не какъ полководецъ, или завоеватель, но какъ простой путешественникъ, переѣзжая съ одной станціи до другой. На этого человѣка большинство смотрѣло, какъ на генія революціи, воплотившагося въ образѣ простаго смертнаго; это было олицетвореніе суда надъ самодержавіемъ; противъ него не поднималась ни одна рука на защиту отжившей династіи. Дѣло противной партіи нисколько не извинялось тѣмъ, что приверженныя ей газеты утверждали, будто весь успѣхъ Гарибальди зависитъ отъ измѣны генераловъ и высшихъ должностныхъ гражданскихъ лицъ. Но была ли человѣческая возможность остановить дѣйствіе суда? Дѣло дошло до того, что Европа должна была радоваться, если на мѣсто рухнувшаго неаполитанскаго престола воздвигнется авторитетъ Сардиніи и замѣнитъ диктаторство этого предводителя волонтеровъ, такъ недавно прозваннаго австрійцами разбойничьимъ атаманомъ, и если бы онъ въ 1849 году попался въ руки австрійцевъ, то его, вѣроятно, казнили бы, какъ разбойника.

Передъ сардинскимъ правительствомъ открытъ былъ только одинъ путь; оно неминуемо должно было взяться за дѣло и дѣйствовать энергически; неизбѣжно приходилось на свой страхъ оканчивать то, что было начато не болѣе двухъ лѣтъ передъ тѣмъ. Зрѣло обдуманные и взвѣшенные планы Кавура разлетѣлись, и остались далеко за дѣйствительностью; онъ принужденъ былъ, не колеблясь, принять на себя веденіе революціи, начатой Гарибальди, во имя ко-

роля, если только намѣревались поддерживать авторитетъ и правленіе короля. Самая меньшая опасность для Сардиніи состояла въ томъ, что она можетъ навлечь на себя негодованіе всей остальной Европы, при дворахъ которой высказывалось общее неудовольствіе. Одна только Англія пользовалась неоцѣненнымъ правомъ взвѣшивать политическія отношенія мѣрою здраваго человѣческаго разума и здраваго общественнаго и нравственнаго суда; выраженія, въ которыхъ сужденія такого рода высказывались, были жестки, но правдивы; въ палатѣ говорилось: «увѣнчанныя главы правителей и папъ, точно также, какъ простые смертные, должны были приписывать себѣ и сами нести послѣдствія своихъ ошибокъ и безразсудствъ, и Европѣ нѣтъ никакой причины горячиться изъ-за того, что въ Италіи именно это и происходитъ.» Но за то кабинеты и посланники прочихъ европейскихъ дворовъ приходили въ полный ужасъ и нравственное негодованіе при ужасахъ, происходившихъ въ Италіи. Австрійскій, русскій и прусскій посланники, равно какъ и папскій нунцій, переѣхали вслѣдъ за королемъ Францискомъ въ кр. Гаэту. Франція, черезъ своего посланника въ Туринѣ, грозилась прекратить дипломатическія сношенія, если королевскія войска осмѣлятся напасть на Церковную область.

Но и этого нельзя было отвергать. Старинное наслѣдство Петра (Patrimonium Petri) — провинціи: Римъ, Чивита-веккіа, Комарса и Витербо были заняты французскими войсками; эти-то именно области и охранялись ими, ихъ-то приказано было защищать; но всѣ остальныя области предоставлялось отстаивать самому папѣ, своею силой и оружіемъ своихъ наемниковъ. Но оружіе папы въ теченіе столѣтій притупилось; особенно духовное не годилось больше; въ Италіи оно не производило никакого дѣйствія; внѣ Италіи приносило однимъ горе и безсильную злобу, другимъ—скуку и совершенное равнодушіе, даже хуже. Свѣтское оружіе папы было не лучше: папскія войска состояли изъ волонтеровъ, ревнителей католицизма, собравшихся со всѣхъ концовъ земли, изъ искателей приключеній и всякаго сброда, за неимѣніемъ занятій, поступавшихъ въ папское войско; начальство надъ этимъ, далеко не воинственнымъ ополченіемъ, принялъ на себя французскій генералъ Ламорисьеръ, въ то время не имѣвшій занятій и принявшій на себя защиту этого безнадежнаго положенія, не столько по духу христіанскаго смиренія и религіознаго рвенія, сколько по тому, что онъ томился жаждою дѣятельности и скукою. *) Въ сентябрѣ Умбрія и Мархія придумали отложиться отъ Церковной области; они отправили депутаціи въ Туринъ, испрашивая помощь и покровительство короля Виктора Эмануила. Италіянское правительство еще въ началѣ сентября придвинуло къ границамъ Папской области двѣ арміи, а Кавуръ въ своей нотѣ требовалъ, во имя правъ человѣчества, отъ Антонелли, чтобы наемное войско, угрожающее спокойствію Италіи, было немедленно распущено. Отъ 11 числа кардиналъ-секретарь написалъ грубый отказъ на предложенный ультиматумъ; въ тотъ же день піемонтскія войска, подъ начальствомъ Фанти и Чіальдини, перешли черезъ границы папскихъ владѣній. Императоръ Наполеонъ исполнилъ свою угрозу: онъ отозвалъ, 14 сентября, своего посланника изъ Турина и прекратилъ дипломатическія сношенія. Между тѣмъ италіянскія войска занимали одинъ городъ за другимъ, и адмиралъ Персано съ піемонтскимъ флотомъ явился передъ Анконой. При Кастельфидардо, нѣсколько миль южнѣе города, 18 числа произошло столкновеніе между королевскими войсками, подъ начальствомъ Чіальдини, и папскими, подъ командою Ламорисьера. Послѣ сильнаго сраженія, папскія войска отдались въ плѣнъ или разбѣжались, а Ламорисьеръ съ остаткамн пробился къ Анконѣ, которую вражескіе полки теперь окружили тоже и съ суши; 29 Анкона сдалась италіянскому генералу Фанти.

Между тѣмъ Гарибальди продолжалъ дѣйствовать независимо; онъ представлялъ какъ бы третью дѣйствующую силу Италіи: изъ нихъ первая была безспорно Сардинія, вторая — обломки австрійскаго владычества, а третья, какъ мы уже говорили, народная — съ Гарибальди. Онъ все еще не хотѣлъ ничего слышать о соединеніи съ Сардиніей, потому что это связало бы ему руки. 19

*) Описаніе его харартера Таксилемъ Делоръ. II, 652 стр.

онъ опять призвалъ своихъ волонтеровъ къ оружію, и приказалъ имъ готовиться къ походу на Римъ и Венецію: «безъ этого наша побѣда будетъ неполная», восклицалъ онъ языкомъ, ему одному дозволительнымъ — «Италія еще не вполнѣ свободна; мы еще далеко отъ Альпъ, нашей конечной цѣли—спѣшите, братья, на сборный пунктъ нашей арміи, которая состоитъ изъ цѣлаго вооруженнаго народа; давайте, освободимъ Италію и соединимъ ее въ одно цѣлое; что намъ за дѣло, нравится ли это сильнымъ земли или нѣтъ!» — Наступало очень опасное и критическое время для молодой Италіи, еще далеко не достигшей спасительной гавани. Представители настоящей революціонной партіи—Мадзини, Ледрю-Роллень и другіе, тѣснились въ Неаполѣ вокругъ честнаго и прямодушнаго Гарибальди; на первое время казалось, что здѣсь будетъ сдѣланъ опытъ настоящей всеобщей республики. Но настоящій патріотизмъ и здравый человѣческій смыслъ взяли перевѣсъ: Гарибальди въ своемъ окончательномъ военномъ совѣтѣ положилъ дождаться содѣйствія со стороны сардинскихъ войскъ, прежде чѣмъ напасть на послѣдній оплотъ королевской династіи, на крѣпости Капую и Гаэту, куда она удалилась. 25 числа Чіальдини перешелъ черезъ неаполитанскую границу, а 29 самъ Викторъ Эмануилъ принялъ начальство надъ войскомъ, потому что онъ лучше всѣхъ умѣлъ справляться съ этимъ упрямымъ буйволомъ, какъ король называлъ Гарибальди, хотя и высоко цѣнилъ его золотое сердце. Въ битвѣ, завязавшейся близъ Волтурно, между гарибальдійцами и королевскими войсками Франциска II, одинъ отрядъ королевскихъ сардинскихъ войскъ помогалъ Гарибальди.

Военныя дѣйствія приходили къ концу. Остатокъ неаполитанскаго войска рѣшился отстаивать честь своего оружія, потому что иначе нечего было отстаивать; оно билось, но неудачно; Капуа сдалась 2 ноября съ 11,000 человѣкъ, а 20,000 съ 36 пушками перешли черезъ римскую границу; остатки удалились въ Гаэту, защищенную съ моря французской эскадрой; здѣсь войска долго держались: только 19 января 1861 года французскій флотъ ушелъ, предоставивъ своей участи Франциска II и его храбрую супругу, баварскую принцессу, прозванную гаэтской героиней; наконецъ 13 февраля крѣпость сдалась на капитуляцію, и Франциск II отправился въ Римъ, подъ защиту папскаго знамени.

Между тѣмъ, не смотря на протесты со всѣхъ сторонъ, одна италіянская область за другою присоединялась къ Сардиніи. Октября 2 1860 г. открылись засѣданія парламента, и Кавуръ, въ своей защитительной рѣчи, изложилъ побудительныя причины политическихъ дѣйствій правительства. Революціонной эрѣ теперь пришло время окончиться; венеціанскій и римскій вопросы должны рѣшиться въ будущемъ времени, но не теперь; изъ нихъ для рѣшенія римскаго могутъ быть употреблены только нравственныя силы и средства; надобно торопиться ввести народы въ границы законнаго и правильнаго порядка вещей; революція и конституціонное правленіе не могутъ далѣе идти рука объ руку. 11 числа парламентъ принялъ законъ о присоединеніи провинцій средней и южной Италіи къ Піемонту; общая подача голосовъ, произведенная 21 октября въ Сициліи и Неаполѣ, а 4 и 5 ноября въ Умбріи и Мархіи, рѣшила почти единодушно присоединеніе къ Сардиніи. Такимъ образомъ меньше годичнаго срока потребовалось на то, чтобы создать королевство Италіянское съ 22 милліонами жителей; ему недоставало только Рима и Венеціи, чтобы составить одно великое цѣлое. Но Римъ защищали французскіе штыки, а Венецію—австрійскіе; на счетъ образа мыслей народонаселенія не могло быть сомнѣнія; но о нападеніи на двѣ великія европейскія державы одновременно не могло быть и помину; для правительства, облеченнаго отвѣтственностію за счастіе своего народа, это было бы дерзкою и безразсудною попыткою, способною погубить всѣ великія пріобрѣтенія, совершенныя въ теченіе послѣдняго года, и на столько превосходящія самыя заносчивыя надежды и ожиданія. Даже и Гарибальди покорился убѣдительнымъ причинамъ; послѣ торжественнаго въѣзда въ Неаполь, рядомъ съ Викторомъ Эмануиломъ, онъ взялъ временный отпускъ, простился съ своими отважными волонтерами и отправился въ свое владѣньице на островкѣ Капрера, находящемся на сѣверо-западъ отъ острова Сардиніи, гдѣ онъ пока и поселился. Тутъ въ

тишинѣ мирнаго и сельскаго уединенія онъ отдыхалъ отъ своихъ военныхъ трудовъ, наполнившихъ міръ его славою.

Все это совершилось тихо, безъ всякаго сильнаго сопротивленія съ какой бы то ни было стороны. Куда дѣвались времена, когда по первому восклицанію: «да здравствуетъ конституція», при первомъ волненіи въ казармахъ, при первомъ измѣненіи правительственныхъ лицъ въ либеральномъ направленіи, тотчасъ полки великихъ европейскихъ державъ хватались за оружіе и спѣшили спасать колеблющійся или падающій престолъ. Законное правительство, древняя династія должна была принять сторону и дѣйствовать заодно съ движеніемъ цѣлаго народа, созрѣвшимъ хотя и медленно, но вполнѣ, и опиравшимся на собственное врожденное чувство правоты. Дипломатія и революція, Кавуръ и Гарибальди понимали другъ друга и дѣйствовали согласно: опасности, скрывавшіяся въ этихъ отношеніяхъ, были счастливо обойдены; новое государство основалось. Окончательное утвержденіе установившагося новаго порядка въ теченіе 1860 года могло быть получено только на еврейскомъ конгрессѣ, и о немъ нѣсколько разъ говорили. Но вскорѣ оказалось, что конгрессъ невозможенъ: онъ въ концѣ концовъ принужденъ былъ бы признать законнымъ и полноправнымъ то, на что самыя либеральныя правительства до поры до времени смотрѣли, какъ на совершившійся фактъ, и потому противъ него ничего не могли имѣть. Надобно было дать времени все уладить и уравнять, а отдѣльнымъ государствамъ предоставить смотрѣть на происшествія, какъ хотятъ и какъ умѣютъ.

Яснѣе прочихъ опредѣлилось отношеніе между Австріей и Италіей. Борьба не была окончена, а только отсрочена, пока Венеція находилась въ австрійской власти. Это было всѣмъ и каждому ясно въ Европѣ; никто не обманывался на этотъ счетъ и не пытался даже скрыть отъ себя истины. Съ давнихъ поръ уже не существовало дипломатическихъ сношеній между обоими государствами, и при дворахъ ихъ не было представителей той и другой державы. Нѣсколько другихъ государствъ послѣдовали этому примѣру: Испанія отозвала своего посланника изъ Турина, въ октябрѣ, въ то время, когда сардинскія войска вступили въ Умбрію; Баварія тоже отозвала своего посланника въ декабрѣ. Но Сардинія и Италія молча вынесли эту обиду; гораздо чувствительнѣе было, что и Россія также поступила, 10 октября, а нѣсколько дней спустя, 13, прусское правительство прислало отвѣтъ на сардинскій меморандумъ отъ 12 сентября; нота была составлена министромъ Шлейнитцемъ; его италіянская политика однако же особенно хороша была во всѣхъ тѣхъ отношеніяхъ, которыя *нисколько* не касались Италіи; въ этой нотѣ очень назидательнымъ тономъ высчитывались всѣ погрѣшности италіянскаго правительства и между прочимъ говорилось, что прусское правительство исполняетъ священную обязанность, «изъявляя по италіянскому дѣлу, относительно правилъ и ихъ примѣненій, свое полное и опредѣленно выраженное неодобреніе.» — Англійское правительство, съ своей стороны, въ нотѣ отъ 28 октября, очень просто и понятно, безъ всякихъ уловокъ и изворотовъ, къ какимъ по большей части прибѣгали всѣ остальныя государства, объявило, что съ своей стороны не находитъ образъ дѣйствій сардинскаго правительства такимъ ужаснымъ. Многорѣчивый, но честный лордъ Джонъ Россель справился съ книгою Ваттеля и нашелъ въ этомъ почтенномъ руководствѣ къ народному праву великую истину: «если народъ, по основательнымъ причинамъ, берется за оружіе, чтобы избавиться отъ притѣснителя, то *это* дѣло справедливое и благородное, а потому дѣло похвальное, если честные люди примутъ сторону защитниковъ свободы;» «англійское правительство, разсуждалъ далѣе лордъ Джонъ Россель, должно сознаться, что у южно-италіянскихъ народовъ было достаточно причинъ возставать на своихъ прежнихъ правителей.» Такимъ образомъ смотрѣли на италіянскія дѣла въ Англіи, а 30 марта 1861 года Англія формально признала италіянское королевство; іюня 15 и Франція съ своей стороны признала его. Правители сѣверныхъ державъ съѣхались въ Варшавѣ; сюда явились оба императора и прусскій принцъ-регентъ. Объ общемъ совѣщаніи государей на конгрессѣ не могло быть рѣчи, и такъ какъ италіянское правительство было довольно предусмотрительно, не касалось ни римскаго, ни венеціанскаго вопроса, то мало-по-

малу и перестали упоминать о непосредственномъ или посредственномъ вмѣшательствѣ въ дѣла Италіи. Вскорѣ, въ очень не двусмысленныхъ признакахъ, обнаружилось вліяніе, какое италіянскія дѣла имѣли на Германію. Первая политическая корпорація Германіи — прусская палата депутатовъ — 6 февраля 1861 года, по предложенію, очень умѣстному и своевременному, сдѣланному главою либеральной партіи фрейгерромъ фонъ-Финке, включила въ отвѣтный адресъ на тронную рѣчь регента, слѣдующую фразу: «мы не находимъ согласнымъ ни съ прусскими, ни съ германскими интересами препятствовать дальнѣйшему сплоченію Италіи». Когда же прошло еще нѣсколько времени, и тѣ мѣста, гдѣ стояли опрокинутые троны, поросли травою забвенія, въ Туринѣ, одинъ за другимъ, начали появляться посланники различныхъ державъ; около половины 1862 года почти всѣ европейскія державы, за исключеніемъ Австріи, Испаніи и Рима, признали Италіянское королевство. Надежда легитимистовъ, что европейскія великія державы, или всѣ вмѣстѣ, или частью, положатъ конецъ образованію единаго италіянскаго государства, не исполнилась, она исчезла также, какъ исчезло ожиданіе, что революція сама себя погубитъ; но не смотря на это, положеніе новаго королевства было очень затруднительное. Смертельный врагъ его—Австрія имѣла еще очень сильную точку опоры въ Италіи; но непріятнѣе враговъ были друзья, французы; къ нимъ новое королевство было приковано благодарностью за оказанную помощь, но цѣпи оставались цѣпями, что бы ни заставляло ихъ нести, и онѣ не сдѣлались отъ того легче, что были добровольныя; истиннаго и преданнаго друга новое королевство имѣло только въ Англіи, по послѣдняя, по принятому обычаю, съ давнихъ поръ отвыкла помогать своимъ друзьямъ и чѣмъ бы то ни было жертвовать для нихъ. Италіянскому королевству оставалось разсчитывать только на свои собственныя силы: пока Римъ и Венеція не войдутъ въ составъ королевства, оно не могло считать себя безопаснымъ и спокойно заняться своимъ внутреннимъ устройствомъ; время проходило изо дня въ день безъ спокойной увѣренности, что завтрашній день не принесетъ съ собою какой либо перемѣны, и титулъ *короля италіянскаго*, принятый Викторомъ Эммануиломъ 14 марта 1861 года, вслѣдствіе единодушнаго рѣшенія обѣихъ палатъ, былъ не вполнѣ справедливый. Но внѣшнія и внутреннія отношенія здѣсь сплетались самымъ роковымъ образомъ: передъ правительствомъ лежала неразрѣшимая дилемма: пока не будетъ порядка во внутреннемъ управленіи и благосостояніе народа не возвысится, до тѣхъ поръ Италія не будетъ въ состояніи выказывать въ сношеніяхъ съ иностранными державами достаточно самостоятельности и силы, и наоборотъ: пока Италія будетъ находиться въ такой подавляющей зависимости отъ иностранныхъ державъ, до тѣхъ поръ невозможно было привести ея внутреннія дѣла въ порядокъ.

Надобно замѣтить, что приверженцы павшихъ династій мало хлопотъ дѣлали для молодой Италіи. Въ кружкахъ, руководящихъ народнымъ мнѣніемъ, ихъ было слишкомъ мало числомъ, такъ что они не могли составлять политической партіи. Хотя тамъ и сямъ выражалось неудовольствіе на новые порядки вещей, но нигдѣ, ни въ парламентѣ, ни гдѣ бы то ни было въ иномъ мѣстѣ не составилось правильно организованной оппозиціи, которая поставила бы себѣ задачей возвратить прежнее устройство. Протестъ противъ новаго королевства выразился въ формѣ очень нелестной для павшихъ авторитетовъ. Разбойническій духъ, всегда процвѣтавшій въ Италіи, особенно сильно развился въ среднихъ Аппенинахъ: прежнія правительства очень часто принимали разбойничьи шайки къ себѣ на службу, всегда терпѣли ихъ и никогда, или очень рѣдко, истребляли ихъ; теперь же разбойники вздумали защищать интересы изгнанной неаполитанской династіи, и такимъ образомъ придали себѣ политическій оттѣнокъ: они объявили, что подняли оружіе за неаполитанскаго короля, за папу, противъ беззаконія піемонтцевъ, проклятыхъ Богомъ и церковью. Непосредственную поддержку бандиты получали отъ короля Франциска, проживавшаго въ Римѣ, кромѣ того косвенную помощь оказывалъ имъ самъ папа тѣмъ, что шайки, разсѣянныя и разбитыя на неаполитанской почвѣ, бѣжали въ римскія владѣнія, находили тамъ помощь и пріютъ, и здѣсь вновь формировались и комплектовались любителями. Много лѣтъ италіянскому правительству пришлось вести

упорную борьбу съ этимъ зломъ, порожденнымъ географическою особенностью страны и дурнымъ управленіемъ въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Второе, тоже выросшее на почвѣ Италіи, зло состояло въ безконечныхъ тайныхъ заговорахъ. Но они какъ-то никогда не дѣлались опасными и какъ бы сами собою разсыпались; надобно замѣтить, что здѣсь никогда не было покушенія на жизнь короля, тогда какъ во Франціи это было довольно частымъ явленіемъ.

Соединеніе, слитіе въ одно различныхъ государствъ Италіи, такое долгое время составлявшихъ отдѣльныя самостоятельныя единицы, съ своею исторіей и съ своимъ законодательствомъ, сравнительно произошло легко и безъ особенной борьбы. Этому особенно могущественно содѣйствовала старинная цивилизація, одинаково разлитая по всей поверхности полуострова, одинъ языкъ, одинаковые интересы, во всей своей полнотѣ выразившіеся, лишь только разрушены были неестественныя преграды и затрудненія, воздвигнутыя множествомъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ правительствъ; да и совмѣстныя засѣданія въ парламентѣ, гдѣ представители различныхъ областей свободно высказывали свои нужды, много содѣйствовало общему слитію народовъ Италіи. Самъ король былъ вполнѣ преданъ конституціи, онъ строго держался ея, во первыхъ, какъ человѣкъ честный, во вторыхъ, какъ человѣкъ, любящій удобство и спокойствіе; ему очень пріятно было быть королемъ и предоставить всю тягость управленія своимъ министрамъ. Іюня 20 1861 года всѣ частные государственные долги прежнихъ отдѣльныхъ государствъ, по разрѣшенію парламента, были соединены въ одинъ общій «королевско-италіянскій государственный долгъ; это для слитія Италіи была мѣра очень важная, но мѣра очень неутѣшительная для многихъ: дефициты всѣхъ мелкихъ владѣній, порожденные корыстолюбіемъ многихъ поколѣній, не щадившихъ общественной казны, тратившихъ милліоны на прихоти и не удовлетворявшихъ самыхъ первыхъ потребностей всякаго мало-мальски устроеннаго государства, возросли до сотенъ милліоновъ. Гораздо отраднѣе было то, что въ Италіи пробуждались общіе нарадные интересы: 15 сентября 1861 года была италіянская промышленная и мануфактурная выставка во Флоренціи, а 11 января 1862 года состоялось итальянское національное собраніе стрѣлковъ въ Туринѣ; 26 января открыта была линія желѣзной дороги черезъ Болонью и Феррару; въ декабрѣ утвержденъ былъ проектъ объ устройствѣ желѣзной дороги на островѣ Сардиніи, гдѣ до сихъ поръ никакихъ хорошо устроенныхъ путей сообщенія еще не было; 25 февраля 1863 года открыта была послѣдняя часть линіи желѣзной дороги между Римомъ и Неаполемъ и предоставлена для общественнаго пользованія. Торговые договоры были заключены съ Франціей, Бельгіей, Англіей, Россіей и свидѣтельствовали о здравой и дѣятельной политикѣ правительства; въ запасѣ отъ прежнихъ временъ, въ Италіи сохранялось во всей цѣлости, черезъ столѣтія неурядицъ и волненій, драгоцѣнное городовое право, давшее славу и богатство ея городамъ; и такъ города сохранили теперь свое самоуправленіе въ характеристическихъ чертахъ, имъ исключительно свойственныхъ.

Самое большое затрудненіе при стремленіи къ объединенію Италіи, безспорно, заключалось въ разрѣшеніи р и м с к а г о в о п р о с а. Въ противоположность аксіомѣ папы, что для него существенно необходима свѣтская власть правителя территоріи, ему вполнѣ подчиненной, италіянское правительство ставило другую, такую же непреложную аксіому, что Римъ долженъ быть столицей Италіи. Очень прямой Кавуръ открыто говорилъ объ этомъ въ своей рѣчи отъ 26 марта 1860 года: Римъ—не муниципальный городъ, Римъ безспорно естественная столица Италіи; передъ нимъ, только передъ однимъ нимъ склонятся всѣ остальные италіянскіе города, потому что Туринъ, хотя и очень трудно въ этомъ сознаться, не можетъ быть столицей Италіи.» Эти слова служили программой дѣйствія всѣхъ послѣдующихъ за Кавуромъ министерствъ. Кавуръ не вынесъ нечеловѣческихъ трудовъ и волненій послѣднихъ годовъ, а можетъ быть погибъ отъ невѣжества своихъ докторовъ, какъ увѣряли многіе; какъ бы то ни было, но онъ умеръ 6 іюня 1861 года; ближайшій преемникъ его Риказоли дѣйствовалъ въ его духѣ; это былъ, правда, не такой изворотливой и ловкій политикъ, какъ Кавуръ, но столько же энергическій, дѣятельный и гордый защитникъ

народныхъ выгодъ. Послѣ него министерствомъ завѣдывалъ Ратацци; на него французское правительство смотрѣло благосклоннѣе, нежели на его предшественника; онъ принялъ министерство 4 марта 1862 года, но и у него была таже кавуровская господствующая идея; въ своей вступительной рѣчи онъ сказалъ: «на королѣ лежитъ обязанность, возложенная на него народомъ и парламентомъ, перенести столицу управленія въ вѣчный городъ; отъ этого обязательства король отказаться не можетъ.» Фарини, ставшій во главѣ правленія 9 декабря 1862 г., придерживался того же самаго правила, хотя онъ и прекратилъ всѣ толки и политическіе переговоры по этому поводу и выдвинулъ на первый планъ вопросы о внутреннихъ преобразованіяхъ въ Италіи.

Выраженіе Кавура: «свободная церковь въ свободномъ государствѣ», заключавшее въ себѣ способъ разрѣшенія римскаго вопроса, казалось, умерло вмѣстѣ съ нимъ. Но мысль эту, какъ драгоцѣнное наслѣдство, принялъ Риказоли и попытался войти въ соглашеніе съ папой, чтобы дружелюбно распутать римскій вопросъ. Онъ написалъ папѣ очень краснорѣчивое и убѣдительное посланіе отъ 10 сентября 1861 года, которое оканчивалось словами: «Одни вы, святой отецъ, можете еще разъ обновить лицо земли—Вы можете стать выше всѣхъ царей земныхъ, для этого вамъ стоитъ только отказаться отъ небольшаго королевства вашего, которое дѣлаетъ васъ равнымъ всѣмъ остальнымъ государямъ... Италія высоко чтитъ васъ какъ главу церкви: она хочетъ и впередъ навсегда оставаться чисто-католическою страною, но она въ тоже время хочетъ быть свободною, самостоятельною націей».—Къ этому посланію онъ прилагалъ проектъ подобнаго соглашенія: признавалось царственное достоинство папы, неприкосновенность всѣхъ его преимуществъ, прерогативовъ, какъ государя, полная свобода въ сношеніяхъ со всѣми епископами и вѣрующими цѣлаго свѣта, безъ малѣйшаго вмѣшательства со стороны правительства; оно обязывалось не выказывать никакихъ претензій на вмѣшательство; оно отказывалось отъ всякаго рода патроната, отъ всякаго покровительства при возведеніи въ санъ епископа; правительство итальянское, вмѣстѣ съ остальными католическими державами, принимало на себя обязанность заботиться о нуждахъ папы и о приличномъ блескѣ папскаго двора. Но, давно извѣстно, никакое могущество, имѣвшее свою исторію, не можетъ и не хочетъ разомъ отказаться отъ своихъ, хотя бы мнимыхъ, выгодъ и поставить себя на другихъ началахъ. Правило о «свободной церкви въ свободномъ государствѣ» имѣло бы только тогда значеніе, если бы эта церковь, съ своею главою, епископами и вѣрующими, связанными съ нею тысячами невидимыхъ и видимыхъ цѣпей, въ зародышѣ своемъ все-таки сохранила принципъ свободы. Значеніе, смыслъ и вліяніе папы въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находился въ данное время, не допускали возможности подобнаго соглашенія, потому что, не измѣняя порядка на земномъ шарѣ, какъ это говорилъ министръ въ своемъ письмѣ, папа измѣнилъ бы самому себѣ. На письмо это съ глубочайшимъ презрѣніемъ отвѣчала газета Giornalo di Roma отъ 22 ноября; она опровергала это предложеніе, называя его «порожденіемъ ненасытнаго духа частолюбія и корыстолюбія, выраженіемъ безпримѣрнаго и неслыханнаго безстыдства, соединеннаго съ топоумiемъ, до крайности смѣшнымъ»; тоже самое, что здѣсь было написано неочиненнымъ перомъ монаха, было высказано во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, только вѣжливѣе и съ прикрасами. Папа не могъ принудить себя называть Виктора Эмануила королемъ итальянскимъ, соединенныя области Италіей и правительство итальянскимъ; когда ему приходилось употреблять эти ненавистныя слова, онъ называлъ королевство цисальпинскимъ и правительство и короля цисальпинскими.

Такъ смотрѣли на дѣло приближенные папы, а постоянно повторявшіяся въ Римѣ демонстраціи ни на волосъ не измѣняли ничего, хотя демонстраціи производились при всякомъ удобномъ случаѣ, при карнавалѣ, при всякомъ, маломальски, памятномъ какимъ либо патріотическимъ происшествіемъ днѣ; тоже высказывалось въ робкихъ прошеніяхъ, въ которыхъ нижнее духовенство повременамъ возвышало свой голосъ и униженно выражало желаніе, чтобы святѣйшій отецъ отказался отъ свѣтской власти. Такъ какъ папа упрямо отказывался этимъ путемъ разрѣшить вопросъ, то итальянское правительство приходило въ постоянныя столкновенія съ высшими духовными лицами. Однакожъ при образѣ мыслей гос-

подствующихъ классовъ общества и при единодушномъ содѣйствіи парламента можно было справиться съ этою оппозиціей; оставалось только строго держаться существующихъ законовъ. Лѣтомъ 1862 года собрался въ Римѣ соборъ епископовъ съ цѣлью канонизировать нѣсколько мучениковъ, еще не причисленныхъ къ лику святыхъ; собравшись въ Ватиканѣ, епископы не могли упустить удобнаго случая, чтобы съ своей стороны не плакаться на «ужасныя преступленія, такъ жестоко опустошившія прекрасную, благословенную Италію»; оружіемъ противъ такихъ грубыхъ и неумѣстныхъ выраженій могли служить только адресы палаты депутатовъ и различныя другія выраженія народнаго настроенія. Одна часть низшаго духовенства, на сколько можно было, находилась на сторонѣ правительства и по возможности избѣгала столкновеній съ нимъ: оказалось также при этомъ случаѣ, что клерикальный духъ дѣйствуетъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ онъ ближе къ источнику, и что все римское издали, съ той стороны горы кажется гораздо величественнѣе и могущественнѣе, чѣмъ оно есть вблизи. Гораздо болѣе хлопотъ и больше затрудненій, нежели клерикальная партія и разбойники, прикинувшіеся политиками, причиняли правительству нетерпѣливые радикалы съ своимъ предводителемъ Гарибальди, который не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока Италія не была окончательно освобождена, и не считалъ для себя обязательными ни законовъ, ни международныхъ трактатовъ и условій. Когда онъ, въ ноябрѣ 1860 года, прощался съ своими товарищами по оружію, онъ объявилъ имъ, что прощается на короткій срокъ; «я васъ оставляю на нѣсколько дней», говорилъ онъ и предсказывалъ, что въ мартѣ 1861 году появится до милліона вооруженныхъ итальянцевъ. Нѣкоторое время казалось, что онъ законнымъ путемъ надѣется достигнуть этой цифры войска: онъ явился въ парламентъ и предложилъ законъ о всеобщемъ народномъ вооруженіи; цѣлый 1861 годъ затѣмъ прошелъ тихо, Гарибальди ничего не предпринималъ. Кавуръ и Риказоли умѣли удерживать этотъ гордый неспокойный характеръ въ должныхъ границахъ. Но когда Риказоли оставилъ министерство, Гарибальди обрадовался; онъ ненавидѣлъ министра за предполагаемую его дружбу къ Наполеону, за то, что онъ содѣйствовалъ тому, чтобы оторвать свою родину Ниццу отъ Италіи и присоединить ее къ Франціи, ненавидѣлъ за его сочувствіе къ 2 декабря и за много другихъ ему одному извѣстныхъ причинъ; Ратацци, этотъ краснорѣчивый ораторъ, былъ для Гарибальди несравненно пріятнѣе, онъ отъ него ждалъ многаго — но время проходило, и не произошло никакихъ перемѣнъ, ничто не дѣлалось изъ того, что Гарибальди предполагалъ: тогда, поддаваясь личному нетерпѣнію съ одной стороны, съ другой выслушивая нашептыванье мнимыхъ друзей,онъ присоединился къ революціонной партіи, въ глазахъ которой и правительство, и король, и войско, и духовенство являлись только препятствіями къ достиженію свободы: они умѣли понравиться Гарибальди, намѣреваясь пользоваться его талантами, его честнымъ именемъ и его отвагою для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей. Странная, роковая судьба этого великаго итальянскаго патріота сдѣлала его нечувствительнымъ къ военнымъ опасностямъ; онъ презиралъ пули и штыки враговъ, но былъ слабъ къ лести этого рода соблазнителей.

Въ отношеніи законнаго правительства, онъ смотрѣлъ на себя и на своихъ волонтеровъ, какъ на отдѣльную самостоятельную силу; волонтеры, прикрываясь его именемъ, самовольничали и правительство принуждено было принять противъ нихъ мѣры. Въ іюнѣ 1862 года Гарибальди отправился въ Сицилію, говорилъ въ Палермо пламенную рѣчь противъ императора Наполеона, и тѣмъ поставилъ правительство въ крайне затруднительное положеніе. Префектъ Палермо, присутствовавшій при этомъ и слышавшій рѣчь Гарибальди, не сдѣлалъ попытки остановить ее и лишился своей должности; но это не произвело впечатлѣнія на Гарибальди, онъ продолжалъ свое путешествіе по Сициліи и вездѣ своими рѣчами воспламенялъ народъ; между тѣмъ революціонная партія тайно продолжала набирать себѣ приверженцевъ. Но 1 августа Гарибальди началъ дѣйствовать открыто; у него уже набралось до 800 волонтеровъ, и онъ въ лѣсу Фикуцца, на югъ отъ Палермо, явно производилъ имъ ученье и маневрировалъ съ ними. Но храбрые, испытанные въ бояхъ 1860 года, офицеры, на этотъ разъ отказались принять участіе въ его возстаніи, направленномъ противъ французовъ, для осво-

божденія Рима; 7 числа онъ двинулся въ походъ, направляясь на Мессину и на Катану. Парламентъ, въ виду намѣреній Гарибальди, въ общемъ собраніи, положилъ: если Гарибальди преступитъ законами утвержденныя границы, онъ, подобно всякому другому нарушителю законовъ, подвергается всей строгости ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ Сициліи генералу Эйджіа и въ Неаполь генералу Ламармора посланы были чрезвычайныя полномочія. Гарибальди опять неожиданнымъ и смѣлымъ движеніемъ обманулъ королевскія войска и 19 числа занялъ Катану; сынъ его Менотти сдѣлалъ ложное нападеніе на Мессину, между тѣмъ какъ самъ Гарибальди съ одною частью своихъ волонтеровъ переправился черезъ проливъ и высадился въ Калабріи, близъ мыса Спартавенто. Но на этотъ разъ предпріятіе не предвѣщало ничего хорошаго. Сицилія, также какъ и полуостровъ, были объявлены на военномъ положеніи, войска и флотъ двинулись: Гарибальди отказался отъ намѣренія напасть на Реджіо и направился въ горы; тутъ, близъ Аспромонте, онъ встрѣтился съ королевскими войсками, произошло небольшое сраженіе, онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ; на долю полковника Палавичини выпала эта незавидная судьба. Наказаніе было легкое: уже 5 октября королевскимъ декретомъ объявлена амнистія, какъ Гарибальди, такъ и его соучастникамъ, исключая дезертировъ изъ арміи и флота.

Рана, нанесенная прославленному народному герою королевскимъ оружіемъ, послужила поводомъ къ громкимъ протестамъ и жалобнымъ возгласамъ друзей и недруговъ Гарибальди; Мадзини, въ одной изъ своихъ высокопарныхъ декларацій, объявилъ, что его партія принимаетъ опять свой старинный военный кличъ: «да здравствуетъ республика!» Правительство, съ своей стороны, давши доказательство силы и энергіи при низложеніи революціоннаго начала, считало себя вправѣ сдѣлать по римскому вопросу одинъ дальнѣйшій шагъ впередъ. Въ циркулярѣ, данномъ министромъ Дурандо, по поводу послѣднихъ событій, стояло: «законная власть восторжествовала, но военный кличъ волонтеровъ есть выраженіе потребности, съ каждымъ днемъ усиливающейся» вся Италія съ нетерпеніемъ требуетъ своей столицы. — Парламентъ собрался опять въ ноябрѣ, но 1 декабря существующее министерство откланялось и составилось новое, подъ руководствомъ Фарини; онъ въ своей вступительной рѣчи, программой своихъ дѣйствій назначилъ усовершенствованіе и преобразованіе внутреннихъ потребностей страны, онъ себѣ поставилъ задачей развить народные силы по всѣмъ отраслямъ дѣятельности; тоже самое повторилъ министръ иностранныхъ дѣлъ Пазолини въ своемъ циркулярѣ отъ 26 декабря; подтвердивъ это, онъ прибавилъ, что будетъ заботиться о развитіи ихъ, не отказываясь ни отъ одного изъ принциповъ, необходимыхъ для поддержанія національныхъ выгодъ.» Римскій вопросъ на время остался всторонѣ; предсѣдательствующій министръ сказалъ французскому посланнику, что въ настоящее время положеніе государства такого рода, что оно не можетъ дѣлать никакихъ предложеній въ этомъ дѣлѣ.

Оставалось терпѣливо ждать, что принесетъ будущее. Вопреки всѣмъ, самымъ отважнымъ ожиданіямъ, въ короткое время совершилось дѣло, превосходившее всѣ, самыя заносчивыя, мечты; можно было спокойно и съ надеждой довѣриться звѣздѣ Италіи, освободившейся отъ темныхъ облаковъ, стѣснявшихъ ее, и засіявшей съ такимъ неотразимымъ блескомъ. Въ концѣ 1863 года между тѣмъ на политическомъ горизонтѣ Европы показалось облако, предвѣстникъ великой бури и великихъ переворотовъ, подарившихъ Италіи безкорыстнаго союзника, для нея такъ необходимаго, чтобы достигнуть давножеланнoй спасительной гавани.

2. Испанія и Португалія.

Между тѣмъ какъ Италія стряхнула съ себя оковы бездѣйствія и проснулась для новой жизни, доказавъ міру какъ несправедливъ укоренившійся предразсудокъ, будто для романскаго племени роль въ міровой жизни уже сыграна и будто Италія уже окончательно сошла съ поприща дѣятельности, въ это самое время Испанія прозябала въ той же неурядицѣ, какъ прежде. Но даже и здѣсь

военныя событія на время положили конецъ однообразнымъ придворнымъ интригамъ, перемѣнѣ министровъ, частымъ возстаніямъ то тутъ, то тамъ. По случаю перемѣны правленія въ сосѣдственномъ съ Испаніей Марокскомъ государствѣ, въ Африкѣ произошло столкновеніе. Въ августѣ 1859 года въ Марокко скончался султанъ Абдергаманъ, а наслѣднику его, Сиди-Магомету пришлось отстаивать свое право отъ другихъ претендентовъ на престолъ. Претенденты, равно какъ и марокское войско, пользуясь возникшею войною, дѣлали разбойническія нападенія на испанскія и французскія владѣнія; чтобы защитить своихъ африканскихъ подданныхъ отъ нападенія марокскихъ шаекъ, Испанія нашла необходимымъ взяться за оружіе противъ разбойниковъ и преслѣдовать ихъ; это на время заняло умы испанцевъ и отвлекло ихъ отъ внутреннихъ междоусобій. Октября 24, 1859 года, Испанія объявила войну марокскому султану, и 18 ноября испанскій флотъ съ дессантомъ уже былъ у береговъ Африки. Марокко по своему объему равняется Пиринейскому полоострову; около $8^1/_2$ милліоновъ жителей населяютъ это варварійское государство; жители частью туземцы берберы, частію магометане—арабы и наконецъ частію мавры, т. е. смѣсь берберовъ съ переселившимися сюда арабами. Но невѣжество, грубость, ненависть къ христіанамъ и слѣпое презрѣніе ко всѣмъ остальнымъ народамъ земнаго шара служатъ отличительными чертами варварійскихъ народовъ, населявшихъ эту въ высшей степени плодородную страну, состоящую по большей части изъ горныхъ цѣпей и плоскихъ возвышенностей; но жители лѣнивы, не пользуются тѣмъ, что у нихъ подъ руками, и довольствуются самымъ крайне-необходимымъ, и вся почти почва остается невоздѣланною; но несмотря на это торговлю ведутъ значительную, какъ каботажную вдоль африканскихъ береговъ, такъ и караванную съ внутренними частями Африки. Испанское правительство, въ своемъ циркулярѣ отъ 29 октября, старалось успокоить европейскіе дворы, объявляя имъ, что при походѣ на Марокко не имѣетъ въ виду завоеваній, только хочетъ наказать за разбойническіе набѣги на свои африканскія колоніи; но опасаться было нечего, потому что въ теченіе этого года ничего не произошло на театрѣ военныхъ дѣйствій, по причинѣ дурныхъ дорогъ, но главное оттого, что холера свирѣпствовала въ войскѣ. Только въ слѣдующемъ году испанцы двинулись на югъ отъ Цейты къ Тетуану, и не доходя до этого города, одержали 4 февраля побѣду надъ марокскимъ войскомъ, за что начальнику испанской арміи О'Доннелю данъ былъ титулъ герцога. Вслѣдъ за этой побѣдой начались переговоры о мирѣ; но они ни къ чему не привели; только второе пораженіе, 23 марта, показало жителямъ Марокко ихъ слабость и убѣдило ихъ въ невозможности сражаться съ европейскимъ войскомъ; варварійцы принуждены были заключить сначала перемиріе, а потомъ, 26 апрѣля 1860 года, миръ, подписанный въ Тетуанѣ. Испанія пріобрѣтала самую незначительную область въ Марокко, испанскимъ миссіонерамъ позволялось проповѣдывать христіанское ученіе въ цѣломъ Марокко; военныхъ издержекъ марокскій султанъ заплатилъ 400 милліоновъ реаловъ; но Испанія отъ этого не сдѣлалась богаче прежняго.

Отсутствіемъ испанскаго войска воспользовался одинъ испанскій офицеръ, Ортега, начальникъ Балеарскихъ острововъ; онъ затѣялъ новое возстаніе въ пользу законнаго испанскаго короля, котораго въ просторѣчіи называли донъ Карлосомъ, Лудовикомъ графомъ Монтемолино; это былъ сынъ брата Фердинанда VII. Ортега поднялъ свой гарнизонъ, въ числѣ 3,000 человѣкъ, 1 апрѣля сѣлъ съ нимъ на корабли; но когда, высадившись въ Тортозѣ, Ортега ясно сказалъ солдатамъ какія у него намѣренія и для чего онъ ихъ поднялъ, они объявили, что бунтовать противъ законной власти не хотятъ, и арестовали своего командира: его судили и разстрѣляли 22 апрѣля. Вслѣдъ за тѣмъ и графъ донъ Карлосъ съ братомъ были схвачены: они, не задумываясь, воспользовались единственнымъ средствомъ для спасенія: претендентъ 22 апрѣля, далъ торжественное объявленіе, въ томъ, что признаетъ королеву Изабеллу законною наслѣдницею престола, и отрекается отъ своихъ притязаній. Обоихъ братьевъ освободили изъ-подъ ареста и они выѣхали изъ Испаніи; но третій братъ, Жуанъ де Бурбонъ, находившійся въ Лондонѣ, написалъ 2 іюня кортесамъ посланіе, въ которомъ доказывалъ права свои на испанскій престолъ; вслѣдъ за тѣмъ и графъ Монтемолино изъ Кельна при-

слалъ 15 іюня декларацію, въ которой объявлялъ, что считаетъ свое отреченіе отъ престола недѣйствительнымъ и вынужденнымъ, а потому уничтожаетъ его.

Итальянскому движенію и итальянскимъ патріотамъ, какъ мы уже говорили, Испанія не выказала сочувствія. Въ своей тронной рѣчи, 8 ноября 1861 года, королева высказала живѣйшее сочувствіе къ папѣ; положеніе его возбуждало ея дочернину заботу; должно быть, она при всякомъ случаѣ, ясно высказывалась, и это непріятно дѣйствовало на итальянскаго посланника, потому что онъ потребовалъ свои паспорты и уѣхалъ. Господствующая въ Римѣ партія могла порадоваться благочестивому настроенію въ Испаніи: въ октябрѣ того же года въ Барцелонѣ, по повелѣнію тамошняго епископа, сложенъ былъ большой костеръ и на немъ сожгли 300 книгъ «спиритическаго содержанія», вѣроятно, сожалѣя о томъ, что нельзя самихъ авторовъ предать той же участи. Все, что въ XIX столѣтіи въ этомъ смыслѣ можно было сдѣлать, было исполнено: 18 декабря два испанца, Матаморосъ и Альгама, обвиненные въ томъ, что принадлежали къ евангелической церкви и распространяли библію, приговорены къ шестилѣтней работѣ на галерахъ, но королева, въ маѣ 1863 года, перемѣнила этотъ приговоръ на шестилѣтнее изгнаніе изъ Испаніи. Въ дѣйствіяхъ внѣшней политики, Испанія могла похвалиться пріобрѣтеніемъ республики Санъ-Доминго, присоединившейся къ Испаніи. Въ 1861 году подъ начальствомъ генерала Сантана, послѣ первой прокламаціи, по образцу вводившемуся въ старомъ свѣтѣ, на Санъ Доминго было общее собираніе голосовъ и присоединеніе къ Испаніи было рѣшено большинствомъ. 8 того же мѣсяца испанская эскадра, отправленная съ острова Кубы, приняла островъ во владѣніе какъ новую провинцію, Санъ-Доминго; королева въ своей тронной рѣчи, въ ноябрѣ, съ гордостью указывала на это событіе: слабый отблескъ давно минувшей славы, легкое напоминаніе прежнихъ дней величія и могущества. Впрочемъ, испанское правительство не вмѣшивалось въ американскія дѣла и отношенія; это ясно выказалось при томъ, какое участіе Испанія принимала въ вынужденной мексиканской экспедиціи, въ которой она принуждена была дѣйствовать вмѣстѣ съ Англіей и Франціей, но объ ней мы будемъ говорить въ иномъ мѣстѣ.

Въ главныхъ чертахъ Испанія осталась тѣмъ, чѣмъ была, съ тою только разницею, что здѣсь также образовалась демократическая партія, которая ожидала перемѣны и спасенія отъ распространенія своихъ идей, но въ сущности принесла только новыя неурядицы, новую путаницу и новую бѣду въ эту страну, исполненную противорѣчій. При перемѣнѣ министерства, послѣдовавшей въ 1863 г., на мѣсто генерала О'Доннеля назначенъ былъ Мирафлоресъ; палаты были распущены, и объявлены новые выборы въ депутаты; по новой программѣ министерства требовалась децентрализація управленія и всеобщее право выбора. И этотъ опытъ предстоялъ Испаніи; это была еще одна изъ перемѣнъ въ управленіи, которыхъ въ теченіе XIX столѣтія нѣтъ ни малѣйшей возможности ни припомнить, ни пересчитать.

Направленіе дѣлъ въ Португаліи приняло рѣшительное либеральное развитіе. Португальское правительство еще въ теченіе 1861 года, въ іюнѣ, признало итальянское королевство, и король донъ Луисъ, наслѣдовавшій престолъ послѣ своего брата, скончавшагося въ полномъ блескѣ молодости и силы, 11 ноября 1861 года, женился на принцессѣ Піѣ, дочери короля Виктора Эмануила, въ октябрѣ 1862 года. Донъ Луисъ присягнулъ конституціи 22 декабря 1861 года и тотчасъ же, вмѣстѣ съ министерствомъ, принялся обдумывать законъ о регентствѣ, что было крайне нужно для успокоенія народа, взволнованнаго часто повторяющимися смертными случаями въ королевскомъ домѣ; проектъ, поданный кортесамъ, устанавливалъ права регентства и не исключалъ отъ престола и членовъ женскаго пола царствующей линіи, такимъ образомъ предотвращалась опасность, что опять какой нибудь изъ членовъ дома ненавистнаго дона Мигуэля взойдетъ на престолъ португальскій. На извѣстномъ соборѣ въ Римѣ не было ни одного изъ португальскихъ епископовъ, и папа имѣлъ основаніе въ одномъ изъ посланій, 3 іюля, горько жаловаться на португальское духовенство за то, что оно, при плачевномъ состояніи католической церкви въ Португаліи, остается безучастнымъ, хладнокровнымъ и снисходительнымъ зрителемъ; онъ напоминалъ ему, «что обя-

занность истинныхъ пастырей церкви состоитъ въ томъ, чтобы ввѣренное имъ словесное стадо оберегать отъ хищныхъ звѣрей, которые рыщутъ по земному шару и ищутъ себѣ легкой добычи.» Нѣкоторые изъ духовныхъ, одушевленные этимъ пастырскимъ посланіемъ, вздумали было проповѣдывать противъ существующаго правительственнаго строя, но циркуляръ министра юстиціи напомнилъ имъ, что для охлажденія ревности подобныхъ проповѣдниковъ, въ Португаліи существуютъ тюрьмы. Вообще министры были люди либеральные, кортесы поддерживали ихъ; въ апрѣлѣ 1863 года прошелъ очень важный законъ: этимъ закономъ отмѣнялись майораты, одно изъ величайшихъ и закоренѣлыхъ золъ этого государства; въ маѣ 1864 года, по рѣшенію второй палаты, предложенъ былъ проектъ объ уничтоженіи наслѣдственности права на достоинство пера. Династія укрѣплялась; сентября 28 у молодой королевской четы родился наслѣдникъ.

3. Франція.

Іюля 17, въ 1859 году, императоръ Наполеонъ возвратился въ Сенъ-Клу, вмѣстѣ съ своею побѣдоносною арміей. Августа 15, въ день Наполеона, былъ тріумфальный въѣздъ въ столицу и въ тоже время праздновался декретъ, объявляющій прощеніе всѣмъ политическимъ преступникамъ и отмѣну полицейскаго надзора надъ всѣми, считавшимися небезопасными для общественнаго спокойствія; вмѣстѣ съ прощеніемъ обѣщано было и полное забвеніе прошедшаго. Большая часть предводителей различныхъ враждебныхъ Наполеону партій, проживающихъ въ иностранныхъ государствахъ, на декретъ о прощеніи, отвѣчали въ болѣе или менѣе театральныхъ и напыщенныхъ заявленіяхъ, что они съ своей стороны не могутъ и не хотятъ простить и отпустить преступника втораго декабря. Какъ бы то ни было, но италіянскій походъ значительно улучшилъ положеніе Наполеона. Онъ былъ предводителемъ французской арміи, доставилъ ей нѣсколько побѣдъ, это его возвысило въ глазахъ массы; а въ глазахъ людей мыслящихъ ему большую честь приносило то, что онъ не хвастался своими успѣхами и не придавалъ имъ больше значенія, чѣмъ они заслуживали; съ своей стороны, принимая сенатъ и законодательный корпусъ, онъ очень откровенно сознался, что не могъ исполнить своего плана, что интересы Франціи не позволили ему перенести войну на Рейнъ, и продолжать ее на Эчѣ, и что это обстоятельство принудило его къ миру, заставило его удовольствоваться тѣмъ, что національныя италіянскія реформы и необходимость преобразованія сдѣлались понятны для всѣхъ и что идея о самостоятельномъ ея существованіи становится ясною для большей части европейскихъ государей. Онъ достигнулъ того, что австрійскій авторитетъ въ Италіи былъ окончательно ниспровергнутъ и замѣненъ французскимъ, въ настоящую минуту всесильнымъ; достигнулъ того, что возвращеніе изгнанныхъ, или удалившихся государей сдѣлалось невозможнымъ, ему удалось присоединить къ Франціи новую небольшую область, пріобрѣтеніе ея называлъ онъ возвращеніемъ стариннаго владѣнія; кромѣ того, съумѣлъ устроить такъ, чтобы новый порядокъ вещей въ Италіи и новая династія, въ ней утвержденная, опирались на тотъ же самый принципъ, какимъ онъ самъ воспользовался—на всеобщую подачу голосовъ — и такимъ образомъ установилъ въ политической жизни европейскихъ государствъ новое государственное и народное право. Надобно признаться, что за этотъ успѣхъ ему пришлось дорого заплатить. Самое меньшее состояло въ томъ, что италіянцы не чувствовали къ его помощи должной благодарности и выказывали ее только принужденно и съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ; а между тѣмъ онъ одинъ изъ всѣхъ французскихъ государей показывалъ и чувствовалъ къ нимъ симпатію, онъ для нихъ сдѣлалъ больше, чѣмъ какое бы то ни было французское правительство, республиканское или монархическое, для нихъ когда либо дѣлало; гораздо важнѣе было обстоятельство, что онъ черезъ присоединеніе Савойи и Ниццы къ Франціи, хотя въ сущности это было пріобрѣтеніе само по себѣ неважное, пробудилъ недовѣрчивость въ остальныхъ европейскихъ государствахъ. Очень откровенно высказалась эта недовѣрчивость въ Швейцаріи;

остальные европейскіе дворы подавили, или скрыли это чувство, но въ Швейцаріи народъ не стѣсняясь громко роптalъ и въ іюнѣ 1860 года на праздникѣ стрѣлковъ въ Каружѣ, въ ближайшемъ мѣстѣ къ уступленной области, въ кантонѣ Женевѣ, одинъ изъ народныхъ ораторовъ, въ пылу негодованія на сдѣланную уступку, воскликнулъ: «лучше пусть богатая, цвѣтущая Женева превратится въ кучу пепла и мусора, чѣмъ достанется Франціи.»

Точно такое же настроеніе духа выказалось въ Бельгіи; тамъ около этого же времени происходило большое народное собраніе въ Брюсселѣ; во время его учреждено было патріотическое общество, съ цѣлью распространить его по всей Бельгіи для того, чтобы всѣми возможными средствами поддерживать независимость страны отъ всякаго иностраннаго посягательства; немного спустя праздновалось очень шумно и оживленно восшествіе на престолъ короля Леопольда; одинъ изъ безчисленныхъ ораторовъ почти буквально повторилъ слова швейцарскаго: «пусть лучше бельгійскіе города будутъ разрушены и государство наше превратится въ пустыню, нежели быть присоединеннымъ.» Это настроеніе, между прочимъ, послужило поводомъ къ сближенію между Голландіей и Бельгіей, и старинное неудовольствіе между этими государствами начало исчезать и сглаживаться. Король голландскій, встрѣтившись съ бельгійскимъ въ Висбаденѣ, открыто признался въ этомъ; въ тронной рѣчи, при открытіи засѣданій генеральныхъ штатовъ, 17 сентября, онъ говорилъ о необходимости приступить къ улучшеніямъ въ военномъ управленіи и законодательствѣ королевства, въ чемъ оно дѣйствительно крайне нуждалось. Въ Англіи и въ Германіи тоже не мало тревожились. Въ Германіи съ жадностью ловили всякіе слухи, и слова, произнесенныя однимъ изъ англійскихъ ораторовъ въ парламентѣ, нашли здѣсь вѣру и возбудили опасенія, а именно: что австрійскій императоръ при свиданіи въ Виллафранкѣ, подвергался искушенію купить выгодныя условія мира въ Италіи уступкою на Рейнѣ, что подъ всѣми поступками и распоряженіями французскаго правительства и народа таится мысль о пріобрѣтеніи Рейна и что этимъ желаніемъ преимущественно исполненъ государь, называющійся именемъ великаго завоевателя. Крымскій походъ и дружное содѣйствіе французовъ побѣдило прежнюю недовѣрчивость Англіи; но теперь, безъ всякаго повода, она начала опасаться возрастающаго могущества Франціи, и вліятельные люди стали поговаривать о томъ, что на пароходахъ гораздо легче и удобнѣе перевозить войско, нежели на парусныхъ судахъ и что теперь высадка въ Англію возможнѣе, чѣмъ прежде; припоминали насколько опасны были планы Наполеона въ 1805 году и повторяли достовѣрность доводовъ и плановъ о высадкѣ, изложенныхъ Тьеромъ въ его знаменитомъ историческомъ сочиненіи «Консульство и Имперія»; говорили, что самодержавный государь, въ такомъ исключительномъ положеніи, въ какомъ находился Наполеонъ III, не всегда можетъ уклоняться отъ желаній своихъ преторіанцевъ, такъ смѣло выраженныхъ, какъ они были выражены въ адресахъ послѣ покушенія Орсини, и что не всегда можно будетъ поручиться за безопасность береговъ Англіи, у которой на готовѣ нѣтъ войска, способнаго противустать многочисленной арміи французскаго императора. Всѣ эти соображенія смущали и волновали европейскіе кабинеты.

Но всѣ эти опасенія оказались безполезными; Наполеонъ по возможности пытался разсѣять ихъ добрымъ словомъ и добрымъ дѣломъ. Онъ встрѣтился въ Баденъ-Баденѣ 16 іюня 1860 года съ прусскимъ принцемъ-регентомъ, вокругъ котораго собралось много германскихъ владѣтельныхъ особъ, въ томъ числѣ и королей; Наполеонъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы въ самыхъ горячихъ, убѣдительныхъ словахъ доказать имъ свои миролюбивыя намѣренія. Также поступилъ онъ относительно Англіи: въ открытомъ письмѣ къ герцогу Персиньи, французскому посланнику въ Лондонѣ, поручилъ онъ объяснить лорду Пальмерстону и всѣмъ и каждому, что императоръ послѣ вилла-франкскаго мира ничего такого не дѣлалъ и не думалъ, что могло бы обезпокоить кого бы то ни было, и что онъ и теперь твердо держится словъ, сказанныхъ въ 1852 году, что имперія есть символъ мира, и что «впередъ онъ думаетъ дѣлать завоеванія не оружіемъ на поляхъ битвъ, а въ самой Франціи, стараясь объ улучшеніи ея организаціи и о развитіи всѣхъ отраслей ея жизни.» Слова эти не замедлилъ онъ подтвердить дѣломъ: онъ заключилъ съ Англіей торговый договоръ, основанный на либераль-

ныхъ началахъ, совершенно согласно съ образомъ мыслей и дѣйствій двигателей свободной торговли и друзей мира по сю и по ту сторону канала, какъ то: Ричарда Кобдена, Джона Брайта, Мишеля Шевалье и др. Этотъ договоръ былъ буквально противоположенъ всѣмъ прежде существовавшимъ стѣснительнымъ таможеннымъ договорамъ предъидущихъ правительствъ. Въ инструкціи, данной государственному первому министру отъ 5 января 1860 года, императоръ развернулъ программу «новой эры мира» для Франціи; указалъ на необходимость уменьшить или совсѣмъ отмѣнить различные налоги, требовалъ основательнаго исправленія и расширенія путей сообщенія, помощи отъ государственнаго казначейства для усиленія землепашества и промышленности, указывалъ на необходимость заключить торговые договоры съ иностранными державами. Вслѣдствіе этого, торговый договоръ съ Англіей состоялся и былъ подписанъ уже 24 января 1861 года, а съ 1 октября онъ уже былъ приведенъ въ исполненіе. Одинъ изъ одушевленныхъ англійскихъ ораторовъ, Джонъ Брайтъ, по этому случаю на обѣдѣ реформистовъ, данномъ въ Манчестерѣ, осыпалъ императора восторженными похвалами; похвалы эти были тѣмъ справедливѣе, что за первымъ либеральнымъ торговымъ договоромъ послѣдовали другіе, столько же полезные для Франціи, и, еслибы чувство признательности еще существовало во французскомъ народѣ, онъ заслужилъ бы ее. Правда, положеніе финансовъ, во время царствованія Наполеона, было не блестательно, одни государственные долги громоздились на другіе; хотя общее благосостояніе было основано на плодородіи почвы, на прекрасномъ климатѣ, на счастливомъ географическомъ положеніи, открывавшемъ свободный торговый путь по океану и Средиземному морю, притомъ, благодаря трудолюбію, бережливости и промышленному духу массы народа, всѣ эти дары природы не пропадали, а, напротивъ, приносили богатую жатву, но за то, съ другой стороны, ежедневно усиливалось зло общественной жизни: увлеченіе биржевой игрой быстро распространялось и всевозможныя спекуляціи часто подрывали благосостояніе цѣлыхъ торговыхъ фирмъ. Если въ богатомъ домѣ, какъ говоритъ латинскій поэтъ, должна быть всегда доля для воровъ, то императорскую Францію, безспорно, можно назвать такимъ богатымъ домомъ; когда впослѣдствіи происходила обширная ликвидація, то изъ безчисленныхъ процессовъ открылось, въ какомъ обширномъ размѣрѣ обворовывали государство. Однимъ изъ подобныхъ дольщиковъ воровской части, по процессу 1870 года, оказался префектъ департамента Еры (Eure) Январій дела-Мотъ; сколько сотенъ тысячъ казенныхъ денегъ перевелъ онъ въ свой карманъ ложными счетами, ложными свидѣтельствами, требованіями и т. п.—даже повѣрить трудно, а между тѣмъ онъ былъ не единственнымъ и не высшимъ изъ должностныхъ лицъ. Скандальная хроника своими горькими укорами, хотя не можетъ характеризовать исторической эпохи, но все-таки въ общихъ чертахъ можетъ разъяснять историческія частности; вотъ эта-то хроника намъ говоритъ о сотняхъ тысячъ франковъ, непонятнымъ образомъ таинственно исчезавшихъ со стола изъ рабочаго кабинета императора и какимъ-то чудомъ находившихся опять, но въ карманѣ бывшаго вестфальскаго короля.

Недовѣріе европейскихъ кабинетовъ, пробужденное италіянскою войною, Наполеону удалось бы опять уничтожить благоразумною и честною политикой,—политикой, которая бы прямо и открыто, такой при всякомъ случаѣ, поддерживала національность на столько, на сколько это было возможно и на сколько это допускали бы интересы Франціи и положеніе Европы, котораго никакъ нельзя было назвать простымъ и яснымъ. Но бѣда состояла въ томъ, что Наполеонъ, первый поддерживавшій принципъ національности и, можно сказать, давшій ему жизнь, самъ, на первыхъ же порахъ, по италіянскому вопросу, впалъ въ противорѣчіе, изъ котораго никакъ не могъ выпутаться и которое привело его къ паденію. Мы теперь обратимъ вниманіе на эту часть его внѣшней политики, отразившейся непосредственно на внутреннемъ положеніи дѣлъ Франціи, оставивъ въ сторонѣ всѣ прочіе вопросы, вызванные Франціей, или въ какіе она впуталась: мы будемъ упоминать о нихъ вмѣстѣ съ другими обстоятельствами и происшествіями.

Императоръ Наполеонъ очень ясно понималъ, что италіянскій вопросъ болѣе всего запутывается отъ положенія папы и отъ его свѣтской власти: къ тому же онъ также понималъ всю опасность, какой самъ подвергался при своемъ от-

ношеніи къ этой «неизмѣримой силѣ». По существующимъ предразсудкамъ римская курія и партія іезуитовъ являлись одинаково страшными; этимъ страхомъ болѣе всѣхъ пользовались іезуиты, извлекая всѣ выгоды, какія имъ представляла система ультрамонтанскаго вліянія; всѣми этими выгодами партія пользовалась въ частностяхъ, но вообще этого нельзя сказать о папскомъ вліяніи въ развитіи времени новѣйшей исторіи. Клерикальная партія таила въ себѣ зло дѣйствительное, гораздо опаснѣе того яваго страха, какой она внушала; въ ней была подавляющая особенность, о которой поэтъ сказалъ, что съ нею бороться не въ силахъ даже боги: эта особенность состоитъ въ коснѣніи, съ какимъ она держится за устарѣлыя требованія, за устарѣлыя злоупотребленія, извращенныя понятія и устройство своего универсальнаго государства, которое она называетъ церковью и которое нисколько не согласуется съ истинными потребностями народовъ и потому съ каждымъ днемъ обнаруживаетъ рѣзкія несообразности и неисходныя противорѣчія; все зло лежитъ въ той неспособности сообразоваться съ потребностями времени и идти вмѣстѣ съ нимъ впередъ, отказываясь отъ устарѣлыхъ понятій и измѣняя свою внѣшнюю организацію по законамъ всякой органически существующей общины, чтобы сохранить въ себѣ жизненное начало и силу. Въ этомъ коснѣніи лежалъ зародышъ паденія папской власти и въ немъ таилась самая большая опасность для всѣхъ тѣхъ, кто, подобно Наполеону, принужденъ былъ опираться на нее, какъ на своего союзника; Людовикъ Наполеонъ не могъ освободиться отъ папскаго вліянія, потому что оно было всесильно въ его собственномъ семействѣ и во Франціи, можетъ быть даже сильнѣе, чѣмъ въ Италіи и даже въ Испаніи, несмотря на то, что онъ лично сознавалъ всю шаткость своего союзника и нисколько не ошибался на счетъ его недостатковъ.

Наполеонъ очутился въ очень двусмысленномъ положеніи: отъ него ждала помощи италіянская національная партія и въ то же время на него, какъ на вѣрную опору, разсчитывала универсальная римская клерикальная партія; а между тѣмъ каждая изъ нихъ готова была противодѣйствовать и какъ можно больше вредить другой. При всемъ своемъ умѣ и политической изворотливости, онъ не могъ удовлетворить обѣимъ: съ національной партіей еще можно было разсуждать, къ тому же историческіе факты были за нее, тогда какъ другая тѣмъ неуклоннѣе и тѣмъ высокомѣрнѣе высказывала свои претензіи, чѣмъ явнѣе происшествія говорили за національность; при такомъ положеніи дѣлъ, императоръ по необходимости вошелъ въ непріятныя натянутыя отношенія съ духовною властью. Когда опубликована была извѣстная всѣмъ брошюра «Папа и конгрессъ» и когда папа заклеймилъ ее, какъ порожденіе революціоннаго духа, тогда и французское духовенство зашевелилось; епископъ орлеанскій Дюпанлу, горячій ораторъ, началъ оспаривать выраженныя въ этомъ сочиненіи мнѣнія. Его примѣру послѣдовали другіе; между журналами—l'Univers, жарко и неподражаемымъ образомъ велъ защиту; высшее духовенство выставляло себя мучениками и съ изысканнымъ достоинствомъ выносило добровольное истязаніе, тѣмъ болѣе, что либеральный XIX вѣкъ не очень-то готовъ былъ къ гоненіямъ. «Мы готовы,» стояло въ энцикликѣ папы, отъ 19 января 1860 года, «нести самыя жестокія и горькія испытанія, готовы положить самую жизнь, защищая дѣло Божіе, церковь и справедливость.» До конца того же года въ одной Франціи явилось около ста брошюръ, разсуждавшихъ о томъ, какая участь ожидаетъ папу; особенно громко кричали въ l'Univers, такъ что, въ январѣ 1860 года, журналъ этотъ былъ запрещенъ императорскимъ декретомъ. Февраля 5, Тувенель, занявшій мѣсто Валевскаго какъ министра иностранныхъ дѣлъ, въ своемъ циркулярѣ подвергъ папскую энциклику строгой критикѣ: онъ упрекалъ курію особенно за то, что она вопросъ чисто-свѣтскій разсматриваетъ, какъ религіозный; министръ духовныхъ дѣлъ, Руланъ, старался успокоить архіепископовъ и епископовъ во Франціи, объясняя имъ, что императоръ глубоко преданъ папѣ и неизмѣнно уважаетъ его святительскую власть; между тѣмъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, Билло, предписывалъ префектамъ, на основаніи существующихъ законовъ, противодѣйствовать агитаціи, производимой въ народѣ безчисленнымъ множествомъ экземпляровъ брошюръ, раздаваемыхъ народу. Въ томъ же мѣсяцѣ, особенно богатомъ манифестаціями, 29 числа, почти всѣ епископы римской церкви въ Европѣ составили общій актъ,

въ защиту свѣтской власти папы; впрочемъ, это было очень естественно и какъ-бы необходимое слѣдствіе ихъ должностей; они, съ свойственною имъ смѣлостью, утверждали въ этомъ актѣ, вопреки историческимъ даннымъ и текущимъ событіямъ, что свѣтская власть папы основана миромъ и справедливостью и ее въ мирѣ и правдѣ заботливо поддерживаетъ папа, сообразуясь со всѣми потребностями своихъ подданныхъ. Марта 26, папа отлучилъ отъ церкви всѣхъ, кто съ оружіемъ въ рукахъ вторгался въ Церковную область, кто былъ причиною такого нападенія, наконецъ всѣхъ тѣхъ, кто одобрялъ это вторженіе; такъ какъ въ этомъ бреве никто поименно не былъ названъ, то каждый могъ себя включать въ число отлученныхъ, или исключать себя по произволу; а насмѣшники пошли дальше, увѣряя, что папа этимъ оружіемъ поразилъ своихъ приближенныхъ, потому что они своимъ дурнымъ управленіемъ папской областью подали поводъ къ неудовольствію подданныхъ и къ вторженію въ ея предѣлы. На иностранныя государства это отлученіе не произвело ни малѣйшаго вліянія, даже и на Францію; сенатъ, составленный изъ людей, находящихся на службѣ императора и въ зависимости отъ него и преданный клерикальной партіи, пока это угодно было императору, 29 марта, большинствомъ 116 голосовъ противъ 16, принадлежавшихъ кардиналамъ, епископамъ и вообще духовнымъ лицамъ, засѣдавшимъ въ сенатѣ, отклонилъ просьбу о содѣйствіи для сохраненія папѣ свѣтской власти и занялся срочными дѣлами. Умы на время успокоились; но походъ Гарибальди и вмѣшательство италіянскаго короля въ дѣла Умбріи и Мархіи опять ихъ встревожили: 10 сентября самъ папа опять подалъ первый сигналъ къ волненію, своимъ посланіемъ къ епископу Низибиса, розданнымъ въ войскѣ; въ немъ говорилось объ италіянскомъ королевствѣ такъ: «обуянные духомъ сатаны, эти люди» и т. д. въ томъ же духѣ... Но сколько онъ ни призывалъ огонь небесный на головы нечестивыхъ, онъ не падалъ. Императоръ выказалъ неудовольствіе: 14 сент. въ «Монитерѣ» было напечатано, что въ виду происшествій въ Италіи, императоръ положилъ отозвать своего посланника изъ Турина; въ то же время отправлено было въ Чивита-Веккію подкрѣпленіе для оккупаціоннаго войска; новые протесты, новыя аллокуціи папы вторили этимъ грознымъ приготовленіямъ. Но намъ извѣстно, какое направленіе приняли дѣла. Конгресъ, которому Наполеонъ предоставлялъ рѣшеніе обстоятельствъ сложившихся въ Италіи, не состоялся; также не исполнилось и предсказаніе органовъ папской власти объ общемъ распаденіи и разрушеніи существующаго порядка вещей; войска италіянскаго королевства остановились въ виду французскихъ штыковъ, сверкавшихъ на высотахъ Рима и разставленныхъ на защиту нѣкоторыхъ другихъ городовъ Папской области; но въ тоже время, слѣдуя наполеоновскому принципу общей подачи голосовъ, перемѣна правительства и утвержденіе италіянскихъ городовъ и областей за савойскою династіею продолжало свое дѣло и освящало соединеніе Италіи въ одно цѣлое. Въ своей тронной рѣчи, 4 февраля 1861 года, не упоминая болѣе о папѣ и объ осуждаемомъ имъ невмѣшательствѣ Франціи и другихъ европейскихъ державъ, императоръ особенно долго и убѣдительно останавливался на томъ, что «каждый народъ имѣетъ право распоряжаться своею судьбою, приводить политическіе вопросы къ мѣстнымъ, не допускать въ нихъ вмѣшательства иностранныхъ властей и не дѣлать ихъ причинами для европейскихъ столкновеній.» Но это благоразумное воззрѣніе на италіянскій вопросъ не нравилось епископамъ. Новая брошюра, написанная императорскимъ придворнымъ авторомъ брошюръ Лагеронньеромъ, «Франція, Римъ и Италія» опять вызвала рѣзкіе отвѣты со стороны епископовъ; изъ нихъ одинъ, епископъ Пуатье, очень ясно сравнивалъ Наполеона съ Понтіемъ-Пилатомъ. «Пилатъ могъ бы спасти жизнь Іисуса Христа, и безъ Пилата невозможно было бы осудить Іисуса Христа къ смерти!» говорилъ онъ; но епископъ не повторялъ божественныхъ словъ Спасителя, что царство Его не отъ міра сего. Письмо это было представлено государственному совѣту; онъ объявилъ выговоръ епископу, и министръ юстиціи циркуляромъ, разосланнымъ по всѣмъ инстанціямъ духовенства 9 апрѣля, напомнилъ ему § 201 и 204 изъ кодекса уголовныхъ законовъ. Неприличныя и дерзкія выходки высшаго духовенства ускорили окончательное признаніе Италіянскаго королевства, что и сдѣлано было съ надлежащими ограниченіями, 15 іюня 1861 года, посредствомъ депешъ

Тувенеля къ Риказоли. Въ началѣ 1862 года, императоръ еще разъ сдѣлалъ попытку склонить римскую курію къ миролюбивымъ соглашеніямъ съ Италіей; но въ отвѣтъ получилъ обычное неизмѣнное: non possumus—!слова, получившія всемірную извѣстность и значеніе. Въ тронной рѣчи 27 января 1862 года опять ни слова не сказано было о папѣ, а отвѣтный адресъ законодательнаго корпуса убѣдительно высказывалъ необходимость признать королевство Италіянское, большинствомъ 243 голосовъ противъ 10. Правительство не дѣлало затрудненій епископамъ при ихъ отъѣздѣ въ Римъ для собора, чтобы избѣжать съ ними столкновенія, на которое они были готовы.

Вопросъ италіянскій оставался нерѣшеннымъ, не смотря на всѣ усилія разрѣшить его. Въ маѣ 1862 года Наполеонъ вновь въ длинной инструкціи, данной министру иностранныхъ дѣлъ, излагалъ свое воззрѣніе на римскій вопросъ; французскому посланнику въ Римѣ, Лавалетту, вслѣдъ за тѣмъ было объяснено, что та часть папской области, которая занята французскими войсками, должна остаться за папой; италіянскому кабинету не должно подавать надежды, что столица католическаго міра можетъ въ то же время когда либо сдѣлаться столицей Италіи; но въ то же самое время императоръ отказался принять предложенія Австріи и Испаніи о совмѣстной защитѣ папы противъ угрозъ Піемонта (1861); въ октябрѣ 1862 года Наполеонъ перемѣнилъ своего министра иностранныхъ дѣлъ Тувенеля, назначивъ на мѣсто его Друэнъ де Льюисъ отозвалъ посланника изъ Рима, Лавалетта, замѣнивъ его княземъ Латуръ, и въ то же время предложилъ папѣ предпринять реформы въ своихъ остальныхъ владѣніяхъ и тѣмъ еще разъ попытался вызвать изъ этой вѣковѣчной скалы новую струю живой воды.

При всѣхъ этихъ обстоятельствахъ Наполеону одно стало ясно, что онъ не можетъ впередъ преимущественно опираться на духовенство, для котораго онъ самъ и его дипастія, какъ опытъ показалъ, не имѣютъ ни малѣйшаго значенія, да и вообще, всякое правительство въ глазахъ воинствующей церкви только до тѣхъ поръ заслуживаетъ помощи и поддержки, пока оно терпѣливо склоняется подъ игомъ ультрамонтанскихъ правилъ и требованій, слывущихъ законами церкви.

Парламентская форма правленія одна только удовлетворяетъ духу XIX столѣтія въ западной Европѣ; она составляетъ существенную потребность народной жизни и безъ нея такое большое и цивилизованное государство, какъ Франція, не долго могло обходиться; затруднительное положеніе, въ какое италіянскій вопросъ поставилъ императора и взволновалъ всю европейскую жизнь, заставило его искать иной болѣе могущественной опоры въ самомъ народѣ; наставшимъ потребностямъ не могъ болѣе удовлетворять существовавшій тогда законодательный корпусъ. Живой, болтливый, склонный къ ораторству, жадный до волненій народъ не могъ быть доволенъ тѣмъ, что устраненъ отъ политической дѣятельности. Наполеонъ зналъ все это и видѣлъ, что плачевная роль, которую законодательный корпусъ игралъ въ первые годы послѣ переворота, теперь кончена и что по своей ничтожности онъ въ настоящее время можетъ сдѣлаться опаснымъ для него самого. Эта потребность обнаружилась сама собою; разсужденія въ этой законодательной корпораціи, какъ бы незначительны они ни были, за неимѣніемъ лучшаго, привлекали къ себѣ общее вниманіе и сочувствіе; поэтому Наполеонъ рѣшился уступить потребностямъ общества, не дожидаясь того, чтобы оно потребовало само своихъ правъ настоятельно. Онъ мало-по-малу переходилъ къ парламентской формѣ. Не смотря на то, что еще въ 1860 году статья, помѣщенная въ «Монитерѣ», пыталась доказать, что занодательный корпусъ, какъ учрежденіе важное, достойное, съ практическимъ взглядомъ на вещи, имѣетъ рѣшительное вліяніе на ходъ дѣлъ во Франціи, однимъ словомъ, что это на столько сообразное цѣли учрежденіе, что оно можетъ выдержать сравненіе съ лучшими установленіями подобнаго рода и «можно сказать по истинѣ, что Франція не имѣетъ причины завидовать какому бы то ни было изъ европейскихъ народовъ, а законодательство ея можетъ выдержать сравненіе съ самыми прославленными государственными организаціями»; не смотря, однакожь, на такія громкія похвалы, 24 ноября появился императорскій декретъ, дѣлавшій уступки парламентскому началу и склонявшійся къ введенію его. Онъ намѣревается, говорилъ императоръ въ своемъ декретѣ, высшимъ правительственнымъ корпораціямъ дать большее и непосредственнѣйшее вліяніе на поли-

тическія цѣли и начинанія своего царствованія и дать народу посредствомъ расширенія его политической дѣятельности и участія въ общемъ ходѣ дѣлъ ясное, неопровержимое и блистательное доказательство своего довѣрія къ нему. Сенатъ и законодательный корпусъ пріобрѣли право на тронную рѣчь отвѣчать адресомъ, составленнымъ въ общемъ совѣщаніи и утвержденнымъ подачею голосовъ; положено было, что адресъ будетъ обсуживаться въ присутствіи правительственныхъ коммисаровъ, на обязанности которыхъ лежало — разъяснить политическія намѣренія императора какъ внутри, такъ и внѣ предѣловъ государства; въ то же время предполагалось назначить министровъ, безъ портфелей, съ цѣлью защищать въ палатѣ проекты законовъ, предлагаемые правительствомъ. Эти измѣненія, само собою разумѣется, вели скорѣе къ реторическимъ упражненіямъ, по поводу потребностей государства, нежели къ фундаментальнымъ реформамъ и улучшеніямъ общественнаго быта; новыя постановленія приведены были въ исполненіе въ февралѣ 1861 года, и императоръ, въ своей тронной рѣчи, приглашалъ палаты—не стѣсняясь спорить и говорить по поводу отвѣтнаго адреса. Не смотря на это, обѣ корпораціи на первый разъ очень умѣренно воспользовались дарованнымъ правомъ. Жюль Фавръ и его малочисленные приверженцы сдѣлали было предложеніе внести въ адресъ проектъ объ отмѣненіи закона объ исключеніяхъ, но предложеніе это было отвергнуто значительнымъ большинствомъ 212 голосовъ, противъ 13; при заключеніи сессій, 27 іюня, президентъ Морни могъ съ чистою совѣстью дать законодательному корпусу свидѣтельство въ томъ, что онъ очень благоразумно воспользовался даннымъ ему правомъ. Не смотря на это, все-таки высказалась потребность въ болѣе точномъ контролѣ государственныхъ финансовъ, съ которыми императоръ поступалъ довольно самовластно. Требовали, чтобы бюджетъ на будущее время утверждался по отдѣльнымъ частямъ, а не такъ, какъ до сихъ поръ, по министерствамъ, что, какъ всякій ясно понималъ, не допускало строгаго наблюденія и точнаго опредѣленія государственныхъ потребностей и предоставляло министрамъ право, по усмотрѣнію, распоряжаться суммами, отпущенными на его министерство. Государственный первый министръ Фульдъ, какъ человѣкъ съ деньгами, заинтересованный тѣмъ, чтобы поддерживать существованіе имперіи, въ особой нотѣ изложилъ состояніе финансовъ во Франціи и представилъ ее императору; ноту эту вынудили журнальныя статьи, изображавшія печальное положеніе государственной казны; самъ министръ, казалось, желалъ, чтобы установился болѣе строгій контроль, и онъ просилъ императора отказаться отъ своего права дѣлать чрезвычайные займы, безъ предварительнаго согласія палаты. Наполеонъ согласился на представленіе Фульда и назначилъ его министромъ финансовъ. Самъ же почелъ этотъ случай удобнымъ для того, чтобъ опять разъяснить народу смыслъ и значеніе своего правленія. «Какъ избранникъ народа, какъ представитель его интересовъ,» писалъ императоръ, «я всегда охотно готовъ отказаться, для общественнаго блага, отъ всѣхъ моихъ несущественныхъ преимуществъ, между тѣмъ какъ я съ непоколебимою твердостью буду удерживать за собою могущество, необходимое для счастія и спокойствія ввѣренной мнѣ страны.» Прессѣ тоже предоставлена была большая свобода: но когда журналы и газеты, по этому поводу, начали разбирать правительственныя мѣры и обсуживать ихъ, такого рода статьи были запрещены декретомъ, напечатаннымъ въ «Монитерѣ» 28 ноября 1861 года, потому что право предлагать имѣненія и улучшенія въ законодательствѣ исключительно принадлежитъ императору и сенату; а потому основанія законодательства должны оставаться внѣ границъ общественнаго обсужденія. Тѣмъ и порѣшено было дѣло. Народу, въ теченіе 70 лѣтъ низвергнувшему три раза тронъ во имя свободы, теперь не дозволено было печатно разбирать свое законодательство, хвалить или осуждать его, показывать злоупотребленія и мѣры къ ихъ исправленію. При открытіи сессій 1862 года императоръ въ своей тронной рѣчи особенно долго останавливался на финансахъ; указывалъ на возвысившуюся торговую дѣятельность Франціи и на пріобрѣтаемыя ею богатства, останавливался на необходимости ввести строгую экономію и всѣми доводами указывалъ какъ нужна незыблемость законодательства. Отвѣтный адресъ на этотъ разъ пробудилъ большій интересъ. Принцъ Наполеонъ говорилъ въ сенатѣ рѣчи, одну 22 февраля, другую 1 марта; въ первой онъ излагалъ внутреннее состояніе

именно съ этой точки зрѣнія смотрѣло на партіи и готово было всѣми зависящими отъ него средствами избавиться отъ нихъ. Оппозиціи всѣхъ возможныхъ видовъ, напротивъ, тѣснѣе соединились; Тьеръ, не находившій себѣ равнаго по таланту въ правительственной партіи, до сихъ поръ держался всторонѣ, а правительство, опасавшееся его вліянія, всѣми силами мѣшало тому, чтобы его выбирали; но теперь этотъ великій ученый и ораторъ рѣшилъ, что пора ему опять выступить на политическое поприще. Правительственные органы дѣлали, что могли, чтобы помѣшать ему: несмотря однакожъ на всѣ происки, кромѣ 249 правительственныхъ кандидатовъ на этотъ разъ 34 было избрано помимо желанія и воли начальства. Въ Парижѣ, напримѣръ, весь оппозиціонный списокъ прошелъ; въ числѣ избранныхъ депутатовъ находился Тьеръ, на сторону его перешли и за него подали голосъ даже всѣ демократы, изъ досады на слишкомъ явное и сильное противодѣйствіе правительства.

Императоръ измѣнилъ свое министерство, сообразуясь съ выборами. Онъ уничтожилъ несообразную должность министра-защитника и такъ какъ въ октябрѣ того года умеръ Билло, то задача отстаивать правительственныя распоряженія въ законодательномъ собраніи поручена была государственному министру Евгенію Руэ (Rouher); онъ родился въ 1814 году, и сдѣлался партизаномъ принца Людовика Наполеона съ 1849 года и вступилъ въ министерство съ 30 октября того же года; это во всякомъ случаѣ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей имперіи; при огромной способности трудиться онъ обладалъ краснорѣчіемъ и изворотливостью адвоката, и былъ мастеръ вести самыя запутанныя интриги.

Палаты были открыты 5 ноября. Рѣчь императора на этотъ разъ была необыкновенно пространна и возбудила общее вниманіе. Она особенно касалась вопросовъ внѣшней политики, въ которыхъ Франція принимала участіе; онъ оправдывалъ занятіе Кохинхины тѣмъ, что Франція не можетъ оставаться безъ точки опоры и корабельной стоянки въ азіятскихъ водахъ, а въ мексиканской экспедиціи видѣлъ начало какихъ-то дальнихъ плановъ и выгодъ; особенно долго останавливался онъ на польскихъ дѣлахъ и очень подробно разбиралъ ихъ.

Но это насъ призываетъ къ разсмотрѣнію отношеній восточныхъ государствъ, на которыя событія въ Италіи произвели значительное вліяніе, не разбирая того, что въ Италіи произошло черезъ Наполеона, что послѣ него, дѣйствительно ли вопреки его воли, или это только такъ казалось, но тѣмъ не менѣе дѣйствіе было сильное; намъ надобно сперва показать это вліяніе, а потомъ уже перейдемъ къ германскимъ народамъ и исключительно къ Германіи, на которую итальянскія дѣла произвели почти такое же глубокое впечатлѣніе, какъ и на Италію.

B. ВОСТОЧНЫЯ ГОСУДАРСТВА.

1. Турція.

Парижскій миръ на время опять обезпечилъ существованіе Турціи; но попечительство европейскихъ державъ продолжалось. Реформамъ, предпринятымъ Портою, никто не вѣрилъ ни внутри государства, ни внѣ его: и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что постоянное неудовольствіе мусульманъ, наконецъ, выразилось обширнымъ заговоромъ; онъ былъ открытъ въ сентябрѣ 1859 года; въ немъ было замѣшано до 5,000 человѣкъ; цѣль заговора состояла въ томъ, чтобы лишить жизни султана и его министровъ, а на престолъ возвести Абдулъ-Азиса, котораго считали сильною и ревностною опорою исламизма. Заговоръ былъ открытъ; главныхъ виновниковъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ высшихъ офицеровъ, присудили къ смерти, но султанъ помиловалъ ихъ, и заговоръ имѣлъ ту хорошую сторону, что заставилъ султана внимательнѣе слѣдить за финансами и съ большимъ разборомъ назначать своихъ придворныхъ. Онъ скончался 26 іюня 1861 года ему наслѣдовалъ, безъ всякихъ волненій, братъ его Абдулъ-Азисъ; онъ безъ торопливости, но и безъ замѣшательства, перемѣнилъ членовъ верховнаго совѣта и своего любимца Али-пашу назначилъ великимъ визиремъ. Съ мѣстными возстаніями въ Герцеговинѣ и Черногоріи Порта справилась безъ посторонней помощи; но на двухъ пунктахъ, въ Сиріи и въ Дунайскихъ княжествахъ не обошлось безъ вмѣшательства европейцевъ.

Въ началѣ 1860 года Ливанъ, по примѣру прежнихъ годовъ, опять сдѣлался театромъ кровавыхъ ужасовъ. Старинная ненависть враждебныхъ между собою племенъ и вѣроисповѣданій опять разразилась ужасною и отвратительною рѣзнею, произведенной друзами между маронитами и другими христіанскими жителями тѣхъ мѣстъ; но возмутительнѣе всего было то, что рѣзня продолжалась на глазахъ турецкаго коменданта Бейрута и его турецкихъ солдатъ: гарнизонъ спокойно смотрѣлъ, какъ друзы догоняли христіанъ, бѣжавшихъ съ горъ и искавшихъ спасенія на приморскомъ берегу, въ виду крѣпости и не находили его.

Со времени возстанія сипаевъ въ Индіи, такъ серьезно угрожавшаго владычеству англичанъ въ Азіи, между мусульманами замѣтно было глубокое, хотя и глухое волненіе; его не могло уничтожить ни пораженіе ихъ на полѣ битвы, ни убѣжденіе въ собственномъ безсиліи; его постоянно поддерживали фанатики муллы, возвращавшіеся изъ Мекки и Медины и постоянно проповѣдывавшіе священную войну противъ невѣрныхъ — христіанъ. — При такомъ настроеніи надобно было опасаться всеобщаго взрыва этой религіозной ненависти, изъ-за которой отъ рукъ однихъ друзовъ, какъ насчитываютъ, пало 30,000 жертвъ; но къ нимъ, при всеобщемъ взрывѣ, могли еще присоединиться несмѣтныя тысячи. Вскорѣ волненіе и рѣзня христіанъ повторились въ Дамаскѣ, 9 іюля. Христіанскіе кварталы были сожжены, тысячи убиты, женщины уведены въ неволю; пя-

теро сутокъ длилась рѣзня. Прежній врагъ французовъ, Абд-ель-кадеръ, освобожденный изъ плѣна, жилъ подлѣ Дамаска; онъ показалъ великодушіе и благодарность за гостепріимство во Франціи, онъ многимъ христіанамъ спасалъ жизнь, скрывая ихъ отъ убійцъ; его примѣру слѣдовали многіе турки, которые были или благороднѣе, или образованнѣе массы, и, надобно замѣтить, самаго губернатора Дамаска, Ахметъ-паши который, подобно бейрутскому коменданту, не мѣшалъ разбою и рѣзнѣ, или по недостатку силы, или по безпечности. За эту слабость онъ поплатился жизнію, наравнѣ съ нѣсколькими сотнями виновныхъ въ убійствахъ мусульманъ: когда до султана дошла вѣсть о неистовствахъ друзовъ и жителей Дамаска, онъ послалъ Фуадъ-пашу съ сильнымъ отрядомъ, чтобы привести все въ порядокъ и наказать виновныхъ.

Эти происшествія сильно взволновали умы въ западныхъ государствахъ, особенно во Франціи; Наполеона застала эта вѣсть въ Баденъ-Баденѣ; онъ готовъ былъ, слѣдуя пылу своего негодованія, тотчасъ взяться за защиту дѣла столько же гуманнаго, сколько и католически-христіанскаго; такая экспедиція представляла для него выгоды съ нѣсколькихъ сторонъ; кромѣ удовлетворенія чувства человѣколюбія, она еще, съ одной стороны, могла удовлетворить раздраженное духовенство, а съ другой—фанатизмъ народа и войска. Тотчасъ составилось совѣщаніе между четырьмя первенствующими державами Европы: Франціей, Англіей, Россіей и Австріей. Порта немедленно прислала своего уполномоченнаго въ Парижъ и 3 августа здѣсь заключенъ былъ договоръ, вслѣдствіе котораго, 12,000 союзный корпусъ долженъ былъ предпринять походъ въ Сирію; Франція предложила поставить половину означеннаго корпуса и вмѣстѣ съ турецкими войсками возстановить порядокъ. Императоръ лично объявилъ походъ войскамъ, находившимся въ Шалонскомъ лагерѣ; при этомъ случаѣ онъ увѣщевалъ солдатъ доказать на дѣлѣ, что они достойные потомки героевъ, прежде нихъ сражавшихся въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ, подъ знаменемъ креста; это выраженіе хватало слишкомъ далеко въ историческое прошедшее, потому что не могъ же онъ разумѣть солдатъ экспедиціи 1799 года; то были слишкомъ плохіе христіане и на ихъ знаменахъ вовсе не было изображенія креста. Начальникомъ экспедиціи назначенъ былъ генералъ Бофоръ деГопуль; онъ, по примѣру императора, тоже говорилъ солдатамъ рѣчь, чтобы одушевить ихъ, но выразился яснѣе: онъ упоминалъ о Годфридѣ Бульонскомъ и о славномъ вдохновительномъ времени крестовыхъ походовъ.

Августа 24 французское войско уже высадилось въ Бейрутѣ на сирійскомъ берегу. Дѣла ему почти не нашлось никакого, потому что порта, со всевозможною энергіей уже принялась за дѣло, чтобы какъ можно скорѣе освободиться отъ непріятнаго европейскаго вмѣшательства, а прочимъ договаривавшимся европейскимъ державамъ не пришлось даже двинуть съ мѣста остальной 6,000 союзной арміи. Положенъ былъ шестимѣсячный срокъ для пребыванія французскаго войска въ Сиріи; этотъ срокъ считали достаточнымъ; но когда опредѣленное договоромъ время прошло, Франція пожелала продлить его, и потому предложила собрать новую конференцію. Но Англія показала рѣшительное неудовольствіе, не согласилась на конференцію, и Франція, только съ величайшимъ усиліемъ могла продлить срокъ до 5 іюня. Въ назначенный день французское войско сѣло на корабли и отплыло; спокойствіе, до поры до времени, возстановилось въ Сиріи.

Касательно дунайскихъ княжествъ, какъ мы говорили, парижскимъ миромъ положено было, чтобы они пользовались своими прежними правами и привиллегіями, но находились подъ верховной властью Порты: предполагалось, что они, какъ прежде, будутъ составлять два отдѣльныя государства. Княжество Валахія, съ главнымъ городомъ Букарестомъ, занимало площадь въ 1,320 квадратныхъ миль съ 2,600,000 жителей и Молдавія, съ главнымъ городомъ Яссы, 725 квадратныхъ миль съ 1,400,000 жителей; оба княжества были соединены общими интересами; ихъ жители принадлежали къ одному племени и исповѣдывали одну религію. Ихъ населяла смѣсь даковъ, римлянъ, гепидовъ, болгаръ и славянъ, извѣстныхъ подъ однимъ общимъ названіемъ они румынъ; исповѣдывали греческую религію; этотъ народъ, одинаково въ обоихъ княжествахъ населявшій плоскую и плодородную мѣстность, отличался тутъ и тамъ своими хорошими и дурными ка-

чествами; въ обоихъ княжествахъ власть находилась въ рукахъ богатыхъ землею бояръ, получившихъ въ Парижѣ, въ Вѣнѣ или у себя дома поверхностное образованіе; низшіе классы народа—невѣжественны, грязны и лѣнивы. Всеобщее настроеніе умовъ, клонившееся къ распредѣленію народовъ по національностямъ, произвело и здѣсь тоже броженіе; Россія и Франція, въ противность Портѣ и Австріи, поддерживали это движеніе; наполеоновская брошюра, появившаяся въ этомъ смыслѣ въ Парижѣ въ іюлѣ 1858 года, внушала враждебное къ послѣднимъ державъ настроеніе. Конвенція 19 августа 1858 года семи договаривавшихся въ Парижѣ правительствъ хотя и опредѣлила, чтобы у каждаго изъ княжествъ былъ свой господарь, слѣдовательно раздѣленіе княжествъ, положенное по парижскому миру должно быть сохранено, но это не остановило дальнѣйшаго развитія событій. Партія, желавшая соединенія княжествъ, была могущественнѣе и когда, 17 января 1859 года, національное собраніе въ Яссахъ избрало господаремъ Александра Куза, валахское національное собраніе послѣдовало этому примѣру февраля 7. Порта протестовала, но не смотря на то, въ ноябрѣ сдѣланъ былъ еще одинъ шагъ дальше: оба національныя собранія приняли одну общую для обоихъ княжествъ и очень либеральную конституцію, соединившую оба княжества въ одно, подъ однимъ общимъ названіемъ Румыніи, и признали одного общаго господаря; далѣе, уничтожены были всѣ привиллегіи, всѣ монополіи, всѣ титулы; всѣмъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ предоставлены были равныя права; католиковъ было не больше 100,000, а протестантовъ едвали насчитывалось нѣсколько тысячъ; но при этомъ либеральномъ направленіи все-таки гоненія на жидовъ продолжались, румыны по прежнему ихъ притѣсняли и даже мучили; жидовъ было около 80,000 чел.

Порта, послѣ нѣкотораго колебанія, признала избраніе одного и того же господаря въ обоихъ княжествахъ; новый султанъ согласился даже на соединеніе обоихъ княжествъ фирманомъ отъ 7 декабря 1861 года, но только на время, пока князь Куза будетъ живъ, а послѣ смерти его конвенція 19 августа 1858 года должна быть выполнена. Не обращая дальнѣйшаго вниманія на это ограниченіе, Куза объявилъ, 23 декабря 1861 года, что основано одно новое національное государство, о существованіи котораго остальная Европа до сихъ поръ и не заботилась: «Я, какъ избранный вами государь говорилъ Куза, соединяю васъ нынѣ въ одно цѣлое—Румынію.» Въ тоже время созвалъ онъ соединенныя палаты въ Букарестъ на 24 января 1862 года. Февраля 6 палаты были открыты и тутъ, какъ и вездѣ, были тронныя рѣчи, пренія на счетъ адресовъ и министерскіе кризисы. Но для цивилизаціи это новое устройство принесло мало пользы; въ томъ же году произошли несогласія противъ соединенія съ Молдавіею и въ ея главномъ городѣ, потому что это соединеніе было далеко невыгодно для княжества. Въ слѣдующихъ годахъ между національнымъ собраніемъ и господаремъ произошли сильнѣйшіе споры, даже первый бюджетъ не состоялся по формамъ, предписаннымъ конституціей. Порта, между тѣмъ, все еще не отказывалась отъ своихъ правъ на княжества и въ то время, когда господарь и національное собраніе, занятые своими спорами, позабыли о существованіи Турціи, султанъ потребовалъ въ Константинополь представителей княжествъ для окончательнаго приведенія въ порядокъ отношеній княжествъ и вопросовъ по ихъ управленію. Конференція въ Константинополѣ собралась 26 декабря 1863 года; она въ первое засѣданіе, 9 мая 1864 г., объявила недѣйствительными всѣ рѣшенія и всѣ учрежденія въ Румыніи, какъ превышающія данныя княжествамъ права.

Въ одно время съ этимъ у Турціи было не мало хлопотъ съ христіанами Сербіи, Герцеговины и Черногоріи. Князь Михаилъ Сербскій созвалъ, въ августѣ 1861 года, «народную скущину» въ Крагуевацъ; тутъ были приняты законы: о наслѣдственности престола въ семействѣ Обреновичей, уставы народныхъ сеймовъ и сената, рѣшена организація народной милиціи. Въ іюнѣ 1862 года въ Бѣлградѣ дѣло дошло до кроваваго столкновенія между сербами и турками; городъ бомбардировали изъ цитадели; также по поводу этого вопроса въ Константинополѣ созвана была конференція. Она примирила враждующія партіи, но турки принуждены были оставить городъ. Герцеговинскіе христіане поднялись; часть княжества Босніи, населенная христіанами греческаго вѣроисповѣданія и всегда готовые къ нападенію на турокъ, черногорцы помогали герцеговинцамъ; это возстаніе за-

ставило султана послать туда сильное войско, подъ начальствомъ Омеръ-паши, лучшаго турецкаго полководца; ему удалось подавить возстаніе въ 1862 году и принудить черногорскаго князя Никиту въ миру. Отношенія съ Египтомъ все еще оставались хорошими.

2. Грецiя.

Происшествія въ Италіи, можно сказать, внезапное пробужденіе народа, составившаго одно цѣлое изъ раздробленнаго, безнадежнаго и слабаго собранія мелкихъ владѣній и соединившаго ихъ въ одно великое національное королевство, одушевило всѣ другія націи и пробудило въ нихъ надежды и желанія, до сихъ поръ дремавшія. Націи, присоединенныя къ другимъ народамъ, начали мечтать о томъ, какъ бы также составить одно особое цѣлое: и въ Греціи вновь, пробудились проекты и планы, подавленные въ зародышѣ, во время крымской экспедиціи. Племенное желаніе сперва обнаружилось на Іоническихъ островахъ, состоявшихъ подъ скипетромъ Великобританіи; еще ранѣе происшествій 1859 года депутаты острововъ, собранные Гладстономъ на островѣ Корфу, очень простодушно высказали желаніе своихъ довѣрителей о присоединеніи острововъ къ Греціи, хотя, какъ они заявили, у нихъ нѣтъ никакихъ причинъ неудовольствія на англійское управленіе. Англійскій комиссаръ Гладстонъ отказалъ имъ въ просьбѣ; не смотря на это, приближалось время, когда желанію Іоническихъ острововъ суждено было исполниться. Въ 1862 году, 12 февраля вспыхнуло въ Навплiи военное возстаніе, правительственная комиссія которой, въ прокламаціи, очень напыщенно написанной, протестовала противъ существующаго порядка вещей, называя его убійственной системой, основанной на растлѣніи нравовъ и на рабствѣ, и требовала составленія народнаго собранія для уничтоженія существующаго зла. Это возстаніе, также какъ такое-же на Скиросѣ и Наксосѣ были подавлены; королевскія войска заняли Навплію 20 апрѣля; но въ октябрѣ, пользуясь путешествіемъ королевской четы по Пелопонезу, возстаніе еще сильнѣйшее опять вспыхнуло, одновременно въ различныхъ мѣстахъ, въ Бониццѣ, Патрасѣ и др.; 22 того же мѣсяца возстали Аѳины, гдѣ составилось временное правительство изъ Димитрія Булгариса, Константина Канариса и Венецело Руфоса; они въ силу «единодушнаго рѣшенія греческаго народа» объявили короля Оттона лишеннымъ престола и постановили созвать законодательное національное собраніе для того, чтобы избрать новаго государя. Король Оттонъ поспѣшилъ назадъ и явился въ Пирей 23 числа; послѣ совѣщанія съ иностранными посланниками, онъ рѣшился на поступокъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, не очень трудный для него; онъ отправился обратно въ Баварію, не отказываясь, однакожъ, окончательно отъ своихъ правъ на престолъ. Въ своей прощальной прокламаціи къ еллинамъ онъ выразилъ покорность судьбѣ, прибавляя, что не можетъ себя упрекать ни въ чемъ, потому что ему пришлось имѣть дѣло съ матеріаломъ, изъ котораго и болѣе талантливый государственный человѣкъ и художникъ едва ли могъ бы что нибудь сдѣлать, но въ одномъ, покрайней мѣрѣ, народъ, въ настоящую минуту опьяненный своимъ революціоннымъ успѣхомъ, не можетъ отказать ему и что ему самому доставляетъ не малое утѣшеніе: «всякій разъ, когда дѣло касалось политическихъ преступленій противъ меня лично, я всегда, руководствуясь безграничнымъ милосердіемъ, прощалъ виновнаго и забывалъ вину.»

Не легко было найти преемника для такого человѣка, который показывалъ бы столько же кротости и милосердія и который готовъ бы былъ тратить жизнь и силу на этой неблагодарной почвѣ; міру пришлось быть свидѣтелемъ зрѣлища впослѣдствіи нѣсколько разъ повторявшагося: много разъ пришлось перелистывать Готскій календарь по всѣмъ направленіямъ, чтобы отыскать кандидата на вакантный престолъ. Сколько бы восторженные доктринеры-радикалы ни проповѣдывали противъ монархической формы правленія, какъ недостойной для человѣчества, уже вышедшаго изъ младенчества, но на дѣлѣ именно тамъ, гдѣ ее уничтожали, она оказывалась самою необходимою потребностью. Эта форма госу-

дарственной жизни имѣетъ неоспоримое преимущество передъ всѣми другими, а особенно передъ республиканскою въ томъ отношеніи, что первое мѣсто въ государствѣ разъ навсегда занято и слѣдовательно не можетъ служить причиною распрей и интригъ для людей честолюбивыхъ. Сперва думали на греческій престолъ призвать англійскаго принца, третьяго сына королевы Викторіи, Альфреда и въ пользу его дѣлались очень шумныя демонстраціи въ различныхъ городахъ. Временное правительство, еще до собранія національнаго сейма, устроило такъ, чтобы избраніе въ короли немедленно было произведено общею подачей голосовъ. Этимъ путемъ принцъ Альфредъ былъ избранъ въ кандидаты на греческій престолъ. Аѳинскій патріархъ и тріумвиръ Руфосъ первые положили въ урну голоса въ пользу принца Альфреда; но три первенствующія державы, создавшія самое королевство, Англія, Россія и Франція, крѣпко держались одной изъ основныхъ статей трактата, чтобы ни одинъ изъ членовъ царствующихъ въ этихъ государствахъ династій не всходилъ на греческій престолъ: двѣ изъ этихъ державъ—Англія и Россія—формально отреклись 4 декабря отъ предложенной имъ короны: Англія за принца Альфреда, а Россія за герцога Лейхтенбергскаго. Англія съ своей стороны пошла дальше и подала міру примѣръ безкорыстія, отказавшись отъ владѣнія совершенно безполезнаго для нея во всѣхъ отношеніяхъ: отправленъ былъ чрезвычайный полномочный къ временному правительству съ объявленіемъ, что королева Викторія готова, если Греція на свой престолъ выберетъ лицо достойное, отказаться отъ Іоническихъ острововъ и обяжется выхлопотать актъ согласія на присоединеніе ихъ къ Греціи у державъ, вмѣстѣ съ нею подписавшихъ вѣнскій договоръ. Эллiотъ предложилъ греческому національному собранію, открытому въ декабрѣ 1862 года, въ кандидаты на престолъ кобургъ-готскаго герцога, но онъ отклонилъ отъ себя предложенную честь, 3 февраля 1863 года. Марта 23, Эллiотъ объявилъ собранію, что три покровительствующія державы нашли новаго кандидата въ короли для этого квакающаго лягушечьяго царства Эзоповой басни: онъ предложилъ принца Вильгельма Датскаго; національное собраніе единодушно признало его королемъ подъ названіемъ Георга I. Условія были утверждены и приняты покровительствующими державами; а 31 октября малолѣтній король прибылъ въ Аѳины, гдѣ между тѣмъ, по поводу волненій, англо-французскіе морскіе экипажи заняли зданіе банка. Они оставили свои посты, когда король пріѣхалъ, предоставивъ ему и его совѣтнику, графу Спонеку, сопровождавшему его, постараться уладиться съ неспокойными потомками древнихъ грековъ, наслѣдовавшихъ отъ нихъ всѣ ихъ ошибки и недостатки и ни одной добродѣтели, и усилившихъ свои прирожденные недостатки еще пріобрѣтенными во время долгаго рабства.

3. Россія.

Русскій кабинетъ во все время итальянской войны не выходилъ изъ того положенія сдержанности, въ какомъ находился, со времени парижскаго мира. Съ этого именно времени началось сближеніе между Россіей и Франціей. Это неудивительно, Англія и Австрія выказались, какъ самые опасные враги Россіи во время восточной войны. Относительно Англіи и Австріи въ вопросахъ, ежегодно возникающихъ на территоріи турецкой имперіи, постоянно встрѣчаются столкновенія и противорѣчія въ интересахъ, тогда какъ подобныхъ столкновеній съ Франціей быть не можетъ. Россія съ своей стороны содѣйствовала тому, чтобы итальянская война не выходила изъ границъ полуострова, и тѣмъ много помогла Франціи; чего же ей больше желать; остальное можно было предоставить австрійскому правительству и его генераламъ: они довольно свѣдущи были въ томъ, чтобы портить дѣло, и не надобно было даже скрывать, на сколько злой радости возбуждала эта порча. Слѣдствіями войны, завершенной Цюрихскими трактатами, Россія могла остаться довольна и спокойно признать ихъ. Вообще ослабленіе австрійскаго могущества въ Италіи было явленіемъ желаннымъ, и можно было надѣяться, что оно достигнетъ еще большей степени, потому что, не смотря на

всѣ потери у Австріи, все еще оставалась довольно сильная точка опоры въ Италіи: но никто не бралъ въ разсчетъ, что это положеніе въ Италіи, въ теченіе времени, скорѣе могло ослабить ее, чѣмъ укрѣпить и что для Австріи потеря Ломбардіи не такъ чувствительна, какъ того можно было ожидать. Но взглядъ на вещи мало-по-малу измѣнялся, особенно, когда сначала въ средней, а потомъ и въ южной Италіи предводитель волонтеровъ, а за нимъ и народъ нарушили статьи мирнаго договора и разорвали его, точно будто подписи могущественнѣйшихъ государей Европы были ничто. Съ своей стороны Россія на это посмотрѣла серьезно: 10 октября 1860 года императоръ Александръ Николаевичъ отозвалъ своего посланника изъ Турина, и очень строгая и недовольная нота князя Горчакова объяснила этотъ поступокъ. Сардинское правительство, писалъ онъ, постоянно идетъ объ руку съ революціей, чтобы наслѣдовать ея пріобрѣтенія; здѣсь дѣло не касается однихъ только интересовъ Италіи, но здѣсь является вопросъ, стояло дальше въ нотѣ, касающійся непосредственно вѣчныхъ законовъ, безъ которыхъ въ Европѣ не можетъ быть ни мира, ни порядка, ни безопасности. Въ концѣ этой ноты, исполненной глубокаго негодованія, говорилось: императоръ того мнѣнія, что его посланникъ не можетъ оставаться на такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ сдѣлается свидѣтелемъ поступковъ, которыхъ ни допускать, ни оправдывать не можетъ ни по совѣсти, ни по убѣжденіе.

Двѣ недѣли спустя, въ Варшавѣ съѣхались три государя: русскій, австрійскій и прусскій; эти государи уже не походили на тѣхъ, которые подписали священный союзъ, да и времена сильно перемѣнились; волей или неволей, но революціи пришлось оставить то, что она захватила; дѣлать было нечего, оставалось только спасать принципъ, надобно было остановить революцію, положить ей предѣлъ, не допускать, чтобы Римъ и Венеція достались ей. Къ этому взгляду на положеніе вещей присоединилась Франція, чтобы только избѣжать общеевропейской войны: министерство иностранныхъ дѣлъ Наполеона дало 7 декабря обѣщаніе въ нотѣ, адресованной въ Вѣну, что оно сдержитъ туринскій кабинетъ и умѣритъ его стремленія. Естественное отвращеніе отъ всего, что носило на себѣ революціонный характеръ, отъ всего, что достигалось незаконнымъ путемъ столько же, сколько и основательная недовѣрчивость къ Наполеону, поневолѣ сближали общіе интересы Россіи и Австріи. Кто видѣлъ русскаго и французскаго императора вмѣстѣ въ Штутгартѣ, тотъ никакимъ образомъ не могъ себѣ представить ихъ союзниками; отъ Наполеона во всю европейскую политику перешло что-то безпокойное, натянутое, невозможное ни предвидѣть, ни разсчитать; то тутъ, то тамъ являлось желаніе подвергнуть карту Европы строгой ревизіи; то проглядывало желаніе расширить предѣлы въ разныя стороны, то къ Рейну, то въ Бельгію; маленькое начало такой ревизіи уже было сдѣлано по поводу Савойи и Ниццы; къ тому же воспоминаніе о временахъ Наполеона I неосязаемо тяготѣло надъ политикой всѣхъ государствъ Европы, потерпѣвшихъ отъ его честолюбія; даже Россія могла припомнить, что даже до нея добрался этотъ завоеватель и, слѣдовательно, даже она не могла себя считать въ безопасности отъ людей, поднятыхъ революціей и по крайней мѣрѣ направившихъ ея силы для своихъ цѣлей и съумѣвшихъ въ каждомъ государствѣ отыскать больное мѣсто.

Такое больное мѣсто для Россіи была Польша. Итальянскія происшествія отозвались здѣсь; опять появились безумныя надежды, ни на чемъ не основанныя. Хотя положеніе Польши нельзя было сравнивать съ положеніемъ Италіи, но все-таки аналогія между ними существовала; разница заключалась въ томъ, что Италія не всецѣло, а только косвенно была присоединена къ Австріи и въ ней всегда оставалась одна власть, способная служить рычагомъ, чтобы поднять павшій духъ народнаго единства, возстановить его и избавить отъ иноплеменнаго вліянія; въ Польшѣ все было иначе; она, какъ отдѣльное цѣлое, давно уже перестала существовать; раздѣленная на три части, она была присоединена къ тремъ сильнымъ сосѣднимъ государствамъ. Съ двумя она почти слилась и только въ остальной, присоединенной къ Россіи, осталась искра самостоятельной жизни; но польское дворянство не научилось жизни изъ горькихъ опытовъ прошедшаго, не научилось оцѣнивать и взвѣшивать своихъ отношеній. Въ европейской политикѣ оно видѣло только одно: что идея національности въ Европѣ пробуждается съ особенною

силою, что въ Италіи эта всесильная идея надѣлала чудеса, что тамъ одинъ человѣкъ исполнилъ громадное дѣло, почти безъ войска, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія. Свиданіе трехъ государей въ Варшавѣ, о которомъ мы только-что говорили, дало безпокойному броженію идей новую пищу. Въ ноябрѣ 1860 года, въ годовщину польской революціи, дѣло дошло до демонстрацій. Карнавалъ, время всеобщихъ веселостей въ католическихъ городахъ, въ Варшавѣ прошелъ тихо, безъ всякихъ увеселеній. Болѣе серьезныя безпокойства обнаружились въ февралѣ 1861 года. Положено было сдѣлать торжественную демонстрацію въ день Граховской битвы, по образцу демонстрацій французовъ. На Старомъ Рынкѣ, въ Варшавѣ собралась необозримая толпа народа; изъ костела Св. Паулины вышла процессія; народъ, съ восторженными криками, встрѣтилъ появленіе польскаго знамени съ бѣлымъ одноглавымъ орломъ на красномъ полѣ; произошло смятеніе; жандармы пытались возстановить порядокъ, дошло до рукопашной; было нѣсколько раненыхъ убитыхъ; т. е. все и чего нужно было. На жителей наложенъ былъ всеобщій трауръ; по убитымъ служили заупокойныя обѣдни. Новое столкновеніе произошло по случаю погребенія убитыхъ; при этомъ казаки лошадьми старались удерживать народный натискъ и даже употребили въ дѣло нагайки, при чемъ удары сыпались безъ разбора на правыхъ и виноватыхъ; произошла настоящая свалка, при этомъ опять было нѣсколько раненыхъ и убитыхъ; народонаселеніе приняло грозное положеніе; намѣстникъ, князь Горчаковъ, составилъ комитетъ, для поддержанія спокойствія и безопасности, изъ самыхъ почетныхъ и уважаемыхъ гражданъ; дозволилъ торжественное погребеніе убитыхъ и составленіе адреса для поднесенія государю императору. Въ этомъ адресѣ очень почтительно была высказана завѣтная мысль о возсозданіи національнаго правленія; поляки просили даровать имъ ихъ вольности и при этомъ прибѣгали къ великодушію и чувству справедливости императора. Императоръ, по своему врожденному чувству великодушія, дѣйствительно принялъ адресъ и уже, 26 мая 1861 года, далъ указъ, съ нѣкоторыми уступками: полагалось учредить особое отдѣленіе министерства духовныхъ дѣлъ и народнаго образованія при варшавскомъ намѣстничествѣ, учредить польскій государственный совѣтъ, и выборные окружные и муниципальные совѣты; за нѣсколько дней до этого указа одинъ изъ польскихъ магнатовъ, маркизъ Велепольскій, вступилъ въ правительственный составъ. По его настоянію, намѣстникъ, въ изданной имъ прокламаціи, употребилъ слова Польша и національность, а въ циркулярѣ, написанномъ русскимъ правительствомъ, по случаю совершившихся въ Варшавѣ событій, ясно проглядывалъ кроткій, справедливый и милосердный образъ мыслей императора. Онъ объяснялъ дарованное право «дававшее странѣ средства принимать участіе въ своемъ управленіи и распоряжаться въ видахъ собственныхъ интересовъ». Но поляки никогда не умѣли пользоваться тѣмъ, что имъ давали, и спокойно переходить отъ одной уступки къ другой. Демонстраціи возобновились, католическое духовенство и внѣшнія религіозныя обряды католической церкви подавали поводы къ нимъ. Правительство принуждено было закрыть, 6 апрѣля, сельскохозяйственное общество, потому что волненіе находило въ немъ средства, центръ и руководство; а на слѣдующій день, 7, опять произошла демонстрація въ обширномъ размѣрѣ, съ процессіями и національными пѣснями; столкновенія передъ дворцомъ намѣстникъ избѣжалъ только тѣмъ, что приказалъ выставленное тутъ войско отвести въ казармы; толпа, обрадовавшись своему мнимому успѣху, тоже разошлась по домамъ. На слѣдующій день волненіе приняло болѣе серьезный характеръ; кучи столпившагося народа не хотѣли расходиться; передъ шедшею сомкнутыми рядами пѣхотою и жандармами останавливались ксендзы съ крестами и образами; солдаты избѣгали насильственныхъ мѣръ, но народъ осыпалъ ихъ бранью, насмѣшками и всевозможными оскорбленіями; это продолжалось нѣсколько часовъ; наконецъ терпѣніе ихъ кончилось, и они начали стрѣлять въ народъ. Чтобы прекратить безпорядки, преимущественно производимые зажигательными проповѣдями и рѣчами духовенства, правительство объявило, что не взирая на санъ, духовенство подвергнется всей строгости законовъ, если оно не перестанетъ употреблять алтарь и кафедру проповѣдника для политической агитаціи. Правительство просило архіепископа варшавскаго написать пастырское посланіе

къ духовенству своей епархіи и предложить ему всѣми силами содѣйствовать успокоенію умовъ, но архіепископъ отказался «подъ предлогомъ, что увѣщанія духовенства еще больше раздражатъ народъ». Но это вовсе была не настоящая причина: духовенство вполнѣ раздѣляло настроеніе народа и ни въ какомъ случаѣ не хотѣло подвергать своего вліянія опасности, противодѣйствуя ему. Между тѣмъ лѣто прошло довольно спокойно, по крайней мѣрѣ безъ дальнѣйшаго кровопролитія, но тутъ сами епископы перешли на сторону агитаторовъ: они подали адресъ новому намѣстнику, графу Ламберту, отъ 25 сентября 1861 г.; съ первой строки выставлялась польская національность и ея неразрывная связь съ католическою церковью: — «въ теченіе девяти столѣтій, римскокатолическое вѣроисповѣданіе составляетъ существенную часть національной жизни, оно—драгоцѣннѣйшее наслѣдство, полученное нами отъ предковъ, существенная потребность нашей націи»; затѣмъ слѣдовалъ длинный рядъ требованій. Намѣстникъ не принялъ адреса. Это еще больше раздражило народъ и онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы дѣлать демонстраціи. Когда правительство запретило полякамъ отправляться на празднество «братства», предполагавшагося въ окрестностяхъ Люблина, они воспользовались похоронами архіепископа варшавскаго для того, чтобы все-таки составить актъ братства между крестьянами и дворянствомъ, а 14 октября волненіе возросло до того, что все королевство было объявлено на военномъ положеніи. На слѣдующій день волненіе не прекращалось; въ костелахъ по прежнему раздавались запрещенныя пѣсни; сначала войско осадило костелы и требовало, чтобы народъ расходился, но на требованія отвѣчали насмѣшками и пѣсни продолжались громче прежняго, тогда солдаты проникли въ костелы, выгнали изъ нихъ народъ и по распоряженію епархіальнаго администратора костелы были заперты. Велепольскій, убѣдившись, что не въ силахъ выполнить принятой на себя обязанности, усмирить то, чего нельзя было усмирить, подалъ въ отставку. На мѣсто графа Ламберта назначенъ былъ, ноября 5, генералъ Лидерсъ; онъ началъ онъ арестовъ: духовный санъ не защитилъ администратора, ни протестъ поданный капитуломъ; военный судъ приговорилъ его даже къ смерти. Но императоръ помиловалъ его и въ февралѣ 1862 года новый варшавскій архіепископъ, Фелинскій, приказалъ отпереть костелы. Въ іюнѣ императоръ назначилъ своего брата, великаго князя Константина Николаевича, намѣстникомъ, а гражданское управленіе ввѣрилъ Велепольскому; они опять попытались миролюбиво кончить дѣло, кроткими мѣрами образумить народъ, даже не смотря на то, что на другой день послѣ пріѣзда новаго намѣстника въ Варшаву, сдѣлано было покушеніе на его жизнь; губернаторами по большей части назначены были поляки. Великій князь и Велепольскій объявили, что дѣятельно приступятъ къ обѣщаннымъ реформамъ: «можетъ быть, писалъ великій князь, самое покушеніе на жизнь мою было допущено Провидѣніемъ для того, чтобы выставить націю въ настоящемъ свѣтѣ.» Новыя два покушенія на жизнь Велепольскаго, 7 и 15 августа, выставили націю, если и не въ настоящемъ, то по крайней мѣрѣ въ очень печальномъ свѣтѣ; можетъ быть это было только дѣломъ нѣсколькихъ фанатиковъ; но, какъ бы то ни было, весь народъ былъ неисправимъ въ одномъ отношеніи. Дворянство, подъ вліяніемъ графа Замойскаго, рѣшилось въ сентябрѣ представить адресъ Велепольскому: оно писало, что не отказывается отъ новыхъ постановленій, «но мы, какъ истинные поляки, только въ такомъ случаѣ будемъ содѣйствовать правительству и съ полною довѣренностью поддерживать его, когда правленіе будетъ національное польское когда, при либеральныхъ законахъ всѣ провинціи нашего отечества будутъ соединены; и, чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ неисцѣлимомъ заблужденіи поляковъ, они присовокупили, что не могутъ своей любви къ отечеству дѣлить по частямъ: «мы любимъ наше отечество въ цѣломъ, въ границахъ, указанныхъ ему Богомъ и утвержденныхъ историческимъ преданіемъ.» Въ отвѣтъ на этотъ адресъ дворянское собраніе Подольской губерніи отозвалось тоже адресомъ (1 октября), представленнымъ императору: оно требовало возстановленія административнаго единства съ Польшей и присоединенія западныхъ провинцій къ этому королевству.

Въ это время намѣстникъ открылъ засѣданіе государственнаго совѣта рѣчью на польскомъ языкѣ. Онъ увѣрялъ, что питаетъ непоколебимую довѣренность къ народу и къ реформамъ, первыя благодѣтельныя слѣдствія которыхъ уже обна-

ружились. Онъ говорилъ, что для государственнаго совѣта открыто обширное поприще дѣятельности, равно какъ и для дворянства, если только оно желаетъ для своей націи приготовить лучшую будущность; но это не могло понравиться слушателямъ; заговоръ уже разростался; дворянству было пріятнѣе составлять тайные планы, сходбища и въ безцѣльной суетнѣ сноваться изъ угла въ уголъ, скакать изъ одного имѣнія въ другое, позабывая необходимыя работы дома, не заботясь ни о чемъ въ хозяйствѣ и не уплачивая ни долговъ, ни процентовъ. На дерзкій адресъ дворянства, правительство отвѣчало арестами и ссылками; но это не помѣшало литовскому дворянству предствить въ Минскѣ, въ декабрѣ, такой же адресъ, тоже указывавшій на соединеніе Польши, какъ на единственное средство къ благополучію.

Пламя неудовольствія вспыхнуло по поводу рекрутскаго набора, посредствомъ котораго правительство хотѣло избавиться отъ буйныхъ и праздныхъ людей. Тайная инструкція, неоставшаяся тайной, предписывала брать въ рекруты особенно людей, неимѣющихъ опредѣленнаго занятія и, по поводу послѣднихъ волненій, находящихся на замѣчаніи у полиціи»; прежде, допускаемыя въ рекрутскихъ наборахъ снисхожденія, замѣщенія и т. д. теперь были отмѣнены. Эта сама по себѣ благоразумная мѣра была приведена въ исполненіе въ Варшавѣ очень насильственно и произвольно; она послужила сигналомъ къ открытому бунту. Народъ почувствовалъ непобѣдимое отвращеніе къ тому, чтобы черезъ рекрутство попасть въ русское войско; многіе, опасавшіеся, чтобы участь эта не выпала на нихъ, бѣжали въ лѣса, туда же за ними бѣжали многіе новобранцы; нѣсколько дней спустя, въ Варшавѣ образовался тайный центральный комитетъ; члены его другъ друга не знали въ цѣломъ составѣ, но повелѣнія его исполнялись съ слѣпою точностію. Два его декрета распредѣлили отношенія гражданской собственности: каждое поземельное обладаніе отнынѣ освобождается отъ всякихъ обязательствъ и кромѣ добровольной подати государству дѣлается полною собственностію обладателя; прежніе же поземельные собственники будутъ вознаграждены государствомъ. Съ 25-го подобнымъ же декретомъ Мѣрославскій назначался диктаторомъ; еще новымъ декретомъ назначались городскіе главы, приказаніямъ которыхъ жители городовъ должны были безпрекословно повиноваться; по третьему декрету, въ мартѣ, строжайше запрещалось польскимъ провинціямъ Австріи и Пруссіи принимать дѣятельное участіе въ возстаніи; ихъ сочувствіе должно было ограничиваться только посредственною помощью инсургентамъ; имъ позволялось поступать въ ряды ихъ волонтерами; они могли собирать пожертвованія въ пользу возставшихъ, доставлять имъ оружіе, военные и съѣстные припасы и т. д. Мѣрославскій прибылъ на мѣсто дѣйствія 19 февраля, но при первомъ же столкновеніи съ русскими войсками потерпѣлъ пораженіе; нѣсколько дней спустя его новая роль была сыграна и онъ сошелъ со сцены; на мѣсто его, 10 марта, другой изъ предводителей бандъ, Лангевичъ, объявилъ себя диктаторомъ; но и онъ уже 19 числа принужденъ былъ спасаться къ австрійскимъ предѣламъ, гдѣ онъ былъ заключенъ. Тайный центральный комитетъ въ Варшавѣ опять взялъ на себя управленіе возстаніемъ; къ нему почти явно пристало также и духовенство. Архіепископъ Фелинскій написалъ 15 марта письмо къ государю императору: пользуясь правомъ церкви въ минуты великаго несчастія открыто говорить съ великими земли и совѣтовать имъ, онъ писалъ: «возьмите твердою рукою инициативу въ польскомъ вопросѣ и сдѣлайте изъ Польши независимый народъ, связанный съ Россіей только нынѣ царствующей династіей; это единственный путь для разрѣшенія задачи, изъ-за которой проливается кровь.» 31 числа и въ Вильнѣ образовалось національное управленіе, объявившее присоединеніе Литвы и Бѣлоруссіи къ Польшѣ, какъ неразрывныхъ частей ея. Апрѣля 9 варшавское національное правленіе запретило платить подати Россіи и раздѣлило Польшу на 23 округа, съ своими отдѣльными, частными комитетами, которымъ предоставлялось право собирать подати, набирать рекрутъ и приводить въ исполненіе приговоры; когда же, 13 числа, изданъ былъ императорскій манифестъ, объявлявшій прощеніе всѣмъ тѣмъ, кто къ 1 мая войдетъ въ границы повиновенія и положитъ оружіе, тогда тайный комитетъ, увѣдомленный объ этомъ по телеграфу, въ тотъ же день публи-

новалъ: «прочь съ царскимъ милосердіемъ, мы не нуждаемся въ немъ; мы взялись за мечъ, пусть же онъ рѣшитъ нашъ споръ съ Москвой!»

Предоставляя рѣшеніе мечу, возмутившіеся могли бы заранѣе предвидѣть рѣшеніе: отдѣльныя банды инсургентовъ, разсыпанныя по лѣсамъ, не составляли одного сплошнаго войска; имъ нечего было начинать борьбы съ постоянно усиливающеюся регулярною массою русскаго войска, тѣмъ менѣе, что народъ въ тѣсномъ смыслѣ, крестьяне, вовсе не принималъ участія въ возстаніи; очень понятно: оно не могло имъ принести выгодъ, не могло дать больше того, что крестьяне уже получили отъ императора, или чего могли ожидать отъ него.

Между тѣмъ вниманіе европейскихъ державъ тоже обратилось на этотъ разгорѣвшійся пожаръ, отсвѣтъ котораго падалъ на всю Европу. Прусскій кабинетъ находился въ данную минуту подъ руководствомъ человѣка, не поддававшагося порывамъ чувствительности, но съ твердо—установившимся политическимъ взглядомъ на вещи; онъ прямо, не колеблясь, перешелъ на сторону Россіи и заключилъ съ нею 8 февраля тайную конвенцію, по которой оба государства сообща рѣшились нести слѣдствія раздѣльнаго акта Польши, заключеннаго въ прошедшемъ столѣтіи, и Пруссія твердо держалась этого политическаго рѣшенія, не поддаваясь ни возгласамъ, ни представленіямъ оппозиціи. Напротивъ того Австрія присоединилась къ западнымъ державамъ, къ Англіи и Франціи, и 17 апрѣля посланники этихъ трехъ государствъ подали свои ноты, сопровождаемыя письмами подобнаго же содержанія; но тѣ и другія ограничивались только дружелюбными представленіями и общими мѣстами, не имѣвшими большаго значенія. Русское правительство очень твердо и безъ труда нашло приличный отвѣтъ на ноты, указывая на то, что имъ было добровольно сдѣлано для Польши для того, чтобы предотвратить волненіе, и особенно ссылаясь на вредное вліяніе западной Европы, на поджигательство эмиссаровъ революціонной партіи, существующей въ ней и въ теченіе 19 столѣтія, составлявшей бичъ народовъ; ноты иностранныхъ державъ не смутили русскаго правительства и усмиреніе инсургентовъ шло своимъ порядкомъ. Распространеніе возстанія въ Литвѣ остановлено было указомъ, даннымъ еще въ мартѣ; сущность опубликованной мѣры состояла въ томъ, что всѣ условія и всѣ обязательства между помѣщиками и крестьянами, заключенныя съ 1 мая 1863 года, недѣйствительны и съ этого дня крестьяне дѣлаются свободными собственниками тѣхъ участковъ земли, какими они владѣютъ; всѣ денежные взносы впередъ должны быть производимы прямо правительству, а отъ него уже доставляться помѣщикамъ то, что имъ слѣдуетъ; въ собственной Польшѣ администрація учреждена была, чисто военная, подъ руководствомъ генерала Берга, назначеннаго помощникомъ великаго князя. Въ Россіи польское возстаніе пробудило проявленіе національнаго чувства и духа, доведеннаго до высшей степени развитія неумѣстнымъ вмѣшательствомъ западныхъ державъ: безчисленные адресы, выражавшіе преданность, и депутаціи показывали народное настроеніе. Срокъ, назначенный для принесенія покорности, прошелъ. Въ іюнѣ центральный революціонный комитетъ издалъ новый декретъ: онъ устанавливалъ терроризмъ и въ каждомъ округѣ учреждалъ революціонный трибуналъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда нельзя было исполнять приговора смертной казни, осужденный объявляемъ былъ внѣ закона. Какъ противодѣйствіе польскому революціонному терроризму, литовскій генералъ губернаторъ Муравьевъ отъ 8 іюля издалъ такое же страшное по своей строгости распоряженіе: по этимъ правиламъ вся строгость законовъ, безъ всякаго снисхожденія, примѣнена была и къ духовенству и къ монастырямъ; доносить на возмутителей и на злонамѣренныхъ сдѣлано было обязанностью и за нарушеніе слѣдовало наказаніе, какъ за сообщничество; правленіе сдѣлалось чисто военное и гражданское ему было вполнѣ подчинено. Это была кровь за кровь, ужасный законъ возмездія; кромѣ того, на всѣ имѣнія польскаго дворянства наложена была контрибуція въ десять процентовъ.

До сихъ поръ тайный центральный комитетъ въ Варшавѣ встрѣчалъ еще безпрекословное, слѣпое повиновеніе. Около этого времени въ главномъ казначействѣ обнаружился колоссальный дефицитъ; а 18, комитетъ опубликовалъ, что недостающая сумма — около 22,012,992 флориновъ и 20 грошей — по распоряже-

нію комитета, черезъ агентовъ, доставлена національному правительству. Между тѣмъ, какъ тайный комитетъ продолжалъ организацію своей юстиціи и своихъ финансовъ, духовенство тоже не переставало подливать масла въ пожаръ и тѣмъ увеличивать его пылъ; въ іюнѣ одинъ капуцинскій монахъ, уличенный въ возстаніи, былъ приговоренъ къ смерти и повѣшенъ; архіепископъ, вмѣстѣ съ капитуломъ, протестовалъ противъ рѣшенія; въ отвѣтъ былъ онъ призванъ въ Петербургъ и больше не возвращался въ Варшаву; генеральный викарій издалъ повелѣніе, запрещавшее во всѣхъ польскихъ католическихъ церквахъ пѣніе, игру на органѣ и колокольный звонъ.

Іюня 27, три соединенныя державы сдѣлали еще шагъ. На этотъ разъ поставлены были шесть пунктовъ основаніемъ для умиротворенія края: полная амнистія, національное правительство, національное управленіе, свобода совѣсти и отмѣна всѣхъ ограниченій при исполненіи римско-католическаго вѣроисповѣданія, требовалось польскій языкъ признать официальнымъ при дѣлопроизводствѣ и установить правильную, законами утвержденную рекрутскую повинность; кромѣ того Англія и Франція предложили императору объявить перемиріе и для окончательнаго устройства края составить конференцію изъ восьми державъ, подписавшихъ вѣнскій мирный трактатъ. Князь Горчаковъ на всѣ эти предложенія отвѣчалъ отказомъ. Онъ не допускалъ участія восьми державъ вѣнскаго конгресса, потому что дѣло исключительно касается только трехъ державъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши;европейскій же оттѣнокъ вопросъ этотъ получаетъ только отъ присутствія и содѣйствія европейскихъ революціонныхъ элементовъ въ возстаніи польскаго королевства. Россія, не взирая на вмѣшательство европейскихъ державъ, продолжала энергически подавлять возмущеніе. Очень жаль, что при этомъ исторнкъ не можетъ пройти молчаніемъ слишкомъ несоразмѣрной, безчеловѣчной жестокости Муравьева, не приносившей чести ни 19 столѣтію, прославленному, какъ самое гуманное, ни всѣмъ извѣстному человѣколюбію и кротости русскаго народа. Крестьяне присоединились къ правительству; они ловили возставшихъ сами, или указывали на нихъ Муравьеву, или чиновникамъ его и такимъ образомъ сдѣлались союзниками законнаго правительства противъ своихъ бывшихъ господъ. Хотя тамъ и сямъ уже спокойствіе было возстановлено, но все-таки въ общемъ кровавая борьба продолжалась по всему протяженію Польши; тайный комитетъ въ Варшавѣ еще не отказывался отъ своихъ претензій и не терялъ бодрости: новый декретъ отъ 31 іюля опять говорилъ о цѣли возстанія и о возстановленіи границъ 1771 года. Противодѣйствіе тоже усиливалось, мѣры противъ возстанія дѣлались строже; августа 11, правительство назначило двѣнадцати-дневный срокъ для уплаты недоимокъ, послѣ чего положено было приступить къ крутымъ мѣрамъ: экзекуціямъ, закрытію магазиновъ, фабрикъ и т. п.; въ сентябрѣ оказалось необходимымъ осадное положеніе Варшавы принять въ особенно строгомъ смыслѣ и окончательно отрѣзать Варшаву отъ всякаго сообщенія съ окрестностями въ теченіе десяти дней; принялись отыскивать тайный комитетъ, шарили даже въ мужскихъ и женскихъ монастыряхъ, и ничего не нашли. Черезъ недѣлю спустя, было сдѣлано покушеніе на жизнь генерала Берга — великій князь Константинъ Николаевичъ уже уѣхалъ въ Петербургъ; центральный комитетъ не упустилъ случая объявить, что покушеніе сдѣлано было по его распоряженію, для того, чтобы искоренить всякое покушеніе ввести въ Варшавѣ тотъ же способъ насилія, какой утвердился съ Муравьевымъ въ Литвѣ.

Между тѣмъ Муравьевъ достигнулъ цѣли; онъ отъ 15 октября доносилъ, что возстаніе подавлено въ округѣ, ему подчиненномъ. Въ королевствѣ пытались достигнуть того же. Чтобы отнять у Варшавы возможность употреблять большія суммы на возстаніе, положено было взять съ нея очень большую контрибуцію; запрещено было носить трауръ, арестовали лица подозрительныя, на доходы духовенства и церкви тоже наложена была контрибуція, измѣнена полиція; во главѣ ея поставленъ былъ генералъ, съ обширными полномочіями. Тайный комитетъ написалъ воззваніе на польскомъ, литовскомъ и малороссійскомъ языкахъ крестьянамъ, чтобы поднять ихъ, обѣщая имъ полную свободу, если они присоединятся къ дворянству и помогутъ ему низвергнуть русское управленіе; но крестьяне остались безучастными зрителями, или помогали русскимъ; полиція дѣйствовала

энергически и передъ нею смущались и блѣднѣли возставшіе; ихъ надежды на вмѣшательство Европы оказались ложны, и мужество ихъ при такихъ обстоятельствахъ по необходимости ослабѣвало.

Въ августѣ три союзныя державы въ третій разъ попытались вмѣшаться въ дѣла Польши и заступиться за нее. Они представили Россіи, какія важныя послѣдствія могутъ произойти отъ того, что она не принимаетъ ихъ предложеній. Заступники говорили энергически, но даже со стороны Франціи это были только слова и слова: нота ея, отъ 3 августа, подтверждала это слѣдующими выраженіями: «всѣ наши попытки примиренія остались безуспѣшны», и продолжала съ угрозой: «кабинетъ Петербурга даетъ намъ полную свободу смотрѣть на происшествія, какъ мы заблагоразсудимъ, и ничто не мѣшаетъ намъ дѣйствовать.» Петербургскій кабинетъ отвѣчалъ на всѣ эти тайныя угрозы очень холодно и спокойно, не принимая совѣтовъ, и объявляя, что всѣ разсужденія и пренія по этому поводу считаетъ оконченными.

Тремъ союзнымъ державамъ оставалось дѣлать спокойныя или веселыя лица къ проигранному дѣлу, даже съ самаго начала не представлявшему много ручательствъ успѣха. Австрія спокойно положила ноту въ архивъ; Англія послала отъ 20 октября депешу въ Петербургъ; въ ней, между прочимъ, говорилось, «что права Польши находятся въ томъ же самомъ актѣ, по которому русскій императоръ сдѣлался польскимъ королемъ,» императоръ Наполеонъ пустилъ послѣднюю стрѣлу, отскочившую отъ цѣли и попавшую въ него самого. Въ своей тронной рѣчи, 5 ноября 1863 года, онъ коснулся этого предмета: его цѣль вмѣшательства заключалась въ томъ, чтобы съобща со всѣми европейскими державами повліять на Россію; но и это не удалось. Что же намъ остается дѣлать? Начинать войну, или молчать? «Нѣтъ», продолжалъ онъ съ энергіей, «намъ не слѣдуетъ ни браться за оружіе, ни молчать, но лучше всего попытать послѣднее средство, представить дѣло Польши судилищу Европы». Онъ подразумѣвалъ конгресъ, для котораго, какъ ему казалось, наступило благопріятное время, къ тому же ему казалось очень удобно, пользуясь случаемъ, объявить войну трактатамъ 1815 года, такъ ненавистнымъ для Франціи. «Эти трактаты», говорилъ онъ, теперь уже не существуютъ: «ихъ повсемѣстно нарушили, и въ Греціи, и въ Бельгіи, и во Франціи, и въ Италіи, и на Дунаѣ; даже Германія шевелится, готовясь освободиться отъ нихъ, Англія, уступая Іоническіе острова, такъ великодушно измѣнила существующій порядокъ, одна только Россія попираетъ ихъ ногами и издѣвается надъ ними.»

Мы узнаемъ дальше, что сталось съ идеей о новомъ европейскомъ конгрессѣ, выраженной такъ энергически и даже сведенной въ короткое опредѣленіе: «конгресъ или война». Наполеоновская рѣчь, однакожъ, не помѣшала дальнѣйшимъ дѣйствіямъ русскаго правительства, для усмиренія Польши. Окончивъ военныя дѣйствія, Муравьевъ мирнымъ путемъ преслѣдовалъ свою идею обрусенія Литвы: онъ заводилъ народныя школы, въ которыхъ обучали русскому языку; съ другой стороны, въ королевствѣ военная диктаторская власть была предоставлена графу Бергу; въ Литвѣ, по распоряженію, отъ февраля 1864 года, русскій языкъ былъ сдѣланъ исключительнымъ въ офиціальныхъ сношеніяхъ; въ королевствѣ главныя правительственыя должности были замѣщены русскими. На Волыни, въ Подоліи, въ Украйнѣ, нѣкогда бывшихъ провинціяхъ польскихъ и заселенныхъ частію поляками, всѣ должности были заняты преимущественно русскими чиновниками, польскихъ по возможности удаляли изъ службы. Возстаніе все еще продолжалось: банды появлялись то тутъ, то тамъ; но крестьяне были на сторонѣ правительства; въ мартѣ окончательно уничтожено было крѣпостное право, и сельское населеніе организовано общинами, совершенно независимыми отъ помѣщиковъ. Весною 1864 года возстаніе окончательно потухло; въ февралѣ арестованы были нѣкоторые изъ членовъ тайнаго центральнаго комитета. Затѣмъ послѣдовали вѣрноподданическіе адресы и просьбы о помилованіи виновныхъ; частію они дѣйствительно были помилованы, но частію сосланы.

Современный духъ національности не дѣлалъ хлопотъ Россіи касательно остальныхъ народовъ, подчиненныхъ русскому скипетру; европейскія идеи и стремленія къ національностямъ, такъ могущественно проявлявшіяся во всѣхъ

европейскихъ странахъ и производившія то вулканическіе взрывы, то продолжительные пожары, то блуждающіе огоньки, въ присоединенныхъ къ Россіи сѣверозападныхъ областяхъ очень слабо отозвались. Для Финляндіи само правительство сдѣлало милостивыя уступки: манифестомъ отъ апрѣля 1862 года даровано было возстановленіе стариннаго народнаго управленія: сначала назначенъ былъ совѣтъ, составленный изъ лицъ заслуживающихъ довѣрія, и выбранныхъ изъ старинныхъ чиновъ великаго княжества съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи собрать самые чины. Генералъ-губернаторъ Бергъ былъ отозванъ изъ Финляндіи и посланъ въ Польшу, а на мѣсто его назначенъ человѣкъ любимый финляндцами; цензура сдѣлана была очень снисходительною; не смотря на это, вѣрноподданническое чувство въ Финляндіи не было такъ сильно, какъ въ великорусскихъ губерніяхъ; очень недружелюбно смотрѣли на то, что нѣкоторыя городскія правленія отказались подписать адресы о покорности.

Не смотря на это, императоръ въ іюнѣ 1863 года созвалъ сеймъ, составленный изъ чиновъ Финляндіи, по законамъ 1772 года; въ сентябрѣ того же года самъ государь открывалъ его засѣданія тронной рѣчью, въ которой касался монархически-конституціоннаго образа правленія для великаго княжества Финляндскаго, и далъ понять, что подобные сеймы будутъ періодически повторяться.

Въ столѣтіи, такъ обильномъ конституціями, неудивительно, что и въ Россіи нашлись горячіе и недостаточно опытные люди, мечтавшіе о конституціонномъ правленіи въ Россіи; мечтавшіе однимъ скачкомъ очутиться въ обѣтованной странѣ и пожинать тамъ, гдѣ сами ничего не сѣяли и не воздѣлывали. Подобныя идеи охватили тверское дворянство; онѣ были выражены въ почтительномъ адресѣ государю, въ февралѣ 1862 года. Они желали полнаго и безусловнаго освобожденія крестьянъ, но только съ тѣмъ, чтобы эта спасительная мѣра немедленно была приведена въ исполненіе. Они вполнѣ признавали благородное и чистое намѣреніе императора, но только отвергали переходное состояніе, присовѣтованное ему его ближайшими совѣтниками, и нерѣшительныя отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ и обратно. Мы увѣрены, говорилось въ адресѣ, что предпринятыя реформы не могутъ привести къ желаемой цѣли, потому что онѣ предприняты безъ народнаго согласія. Для разрѣшенія вопросовъ, возникшихъ по поводу указа объ освобожденіи, предлагалось, какъ радикальная мѣра, созвать депутатовъ съ цѣлой Россіи, отъ всѣхъ сословій и сообща обсудить возникшіе вопросы. Тринадцать человѣкъ этихъ вольнодумцевъ были арестованы и привезены въ Петербургъ, но императоръ не вмѣнилъ имъ въ вину намѣренія, въ сущности добраго, но неблагоразумнаго и несообразнаго съ существующимъ порядкомъ, и вскорѣ помиловалъ ихъ. Подобныя неблагоразумныя выходки не помѣшали императору идти твердо къ предположенному освобожденію крестьянъ и къ увеличенію народнаго богатства черезъ улучшеніе матеріальныхъ народныхъ отношеній.

Послѣ того, какъ предварительныя работы были окончены и государственный совѣтъ, въ присутствіи и подъ предсѣдательствомъ самого императора, утвердилъ уничтоженіе крѣпостнаго состоянія, 19 февраля 1861 года, освобожденіе было объявлено манифестомъ во всей имперіи; его читали во всѣхъ городахъ и селеніяхъ, на площадяхъ и съ каѳедръ въ церквахъ. Въ этомъ манифестѣ императоръ указалъ на труды своихъ предковъ, старавшихся улучшить крестьянскій бытъ; говорилъ о той готовности, какую встрѣтилъ въ дворянствѣ, при исполненіи трудной задачи освобожденія, о безкорыстіи и благородствѣ, съ какими дворянство, добровольно, движимое чувствомъ справедливости и любви къ ближнему, отказалось отъ своихъ правъ и всѣми силами содѣйствовало тому, чтобы упрочить благосостояніе крестьянъ и открыть для нихъ болѣе счастливую и независимую будущность. Императоръ въ томъ же манифестѣ сдѣлалъ нужныя распоряженія, касательно переходнаго состоянія крестьянъ, потому что такого великаго дѣла нельзя было совершить разомъ; государь оканчивалъ манифестъ воззваніемъ къ своему вѣрному народу, совѣтуя ему осѣнить себя знаменіемъ креста и соединить свои молитвы съ молитвами августѣйшаго освободителя, призывавшаго благословеніе Божіе на первый свободный трудъ, этотъ вѣрный залогъ личнаго благосостоянія и общаго блага.

По офиціальному донесенію, отъ декабря 1863 года, отношенія всей массы крестьянъ къ бывшимъ помѣщикамъ почти повсемѣстно установились безъ большихъ трудностей и только незначительное число еще не устроилось.

Все правленіе императора Александра II носитъ на себѣ характеръ зрѣлообдуманнаго прогресса; отдѣльныя мѣры улучшенія, хотя и не обсуживались въ химерически учрежденномъ русскомъ парламентѣ, но все-таки подвергались разсмотрѣнію и разбору спеціальныхъ комиссій, составленныхъ изъ людей знающихъ и спеціалистовъ, или отдавались на разсмотрѣніе экстренныхъ дворянскихъ собраній, въ которыхъ дѣло обсуждалось и которымъ правительство предлагало различные вопросы, касательно общаго благосостоянія; правительство заботилось объ улучшеніи сельскаго общиннаго управленія, введено было новое судопроизводство, высшее образованіе и университеты получили новую организацію. Въ январѣ 1862 года, былъ обнародованъ государственный бюджетъ; касательно личной свободы было установлено важное учрежденіе, по которому каждаго арестованнаго подвергали первому допросу черезъ 24 часа послѣ ареста; многія улучшенія и усовершенствованія были сдѣланы въ уѣздномъ и губернскомъ управленіи. Окончена была желѣзная дорога на западъ и съ 6 мая 1862 года открылось ежедневное сообщеніе между Берлиномъ и Петербургомъ.

Къ этому надобно прибавить, что русское правительство въ августѣ 1862 года нотой князя Горчакова положило основаніе мира съ Италіей. Россія удовольствовалась объясненіемъ туринскаго кабинета на счетъ того, что піемонтское правительство намѣрено поддерживать монархическое начало и уже доказало на дѣлѣ свой образъ мыслей. «При этихъ обстоятельствахъ, стояло въ этомъ примирительномъ посланіи, «мы не можемъ отказать кабинету, обнародовавшему эту программу, въ нашей поддержкѣ и образованному большинству страны нашего сочувствія и нашего благосклоннаго расположенія». Эта декларація есть блистательное свидѣтельство прогресса, какой политика Россіи сдѣлала со временъ восшествія на престолъ Александра Николаевича; искренность своихъ словъ государь запечатлѣлъ тѣми реформами, какія предлагалъ въ Польшѣ и упрямое несогласіе на которыя было причиной паденія италіянскихъ престоловъ.

Въ Европѣ оставалось одно только государство, по роковому стеченію обстоятельствъ, не признававшее существованія новаго національнаго италіянскаго королевства; это государство—Австрія.

4. Австрія.

Пораженіе при Сольферино и послѣдовавшія за нимъ обстоятельства повели за собою тяжкій кризисъ для Австріи. Въ тотъ ужасный день не одно только австрійское войско потерпѣло пораженіе, можетъ быть, оно меньше всего тутъ пострадало. Короткій походъ и его печальное окончаніе, былъ приговоръ, произнесенный и надъ недостойнымъ господствомъ клерикальной партіи, и надъ несообразностями, проистекавшими вслѣдствіе системы поддерживанія реставрацій; рядомъ съ печалью о потерянномъ сраженіи въ народѣ, помимо воли, обнаруживалась злобная радость, что система большинству ненавистная наконецъ-то оказалась несостоятельною. Это еще яснѣе выказалось въ событіяхъ, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ и привлекавшихъ на себя общественное вниманіе. Одинъ изъ любимцевъ графа Грюнне, генералъ Эйнаттенъ былъ арестованъ въ февралѣ 1860 года, за расхищеніе казенной собственности, и повѣсился въ тюрьмѣ, марта 8; а 6 марта арестовали директора кредитнаго учрежденія, Рихтера, и нѣсколькихъ замѣчательныхъ богатствомъ и торговлей тріестскихъ купцовъ; апрѣля 12 лишилъ себя жизни президентъ биржевой палаты и директоръ банка Робертъ, а нѣсколько недѣль спустя разнеслась вѣсть, что министръ финансовъ Брукъ наложилъ на себя руку; надобно сказать, что онъ черезъ продажные органы прессы искусственно добился извѣстности, какъ великаго преобразователя. Послѣдній случай произвелъ самое сильное впечатлѣніе. Между тѣмъ какъ всѣ были заняты и взволнованы многочисленными арестами и всѣмъ тѣмъ, что неиз-

бѣжно слѣдуетъ за ними, министръ финансовъ, безъ всякаго видимаго повода, подалъ въ отставку, и императоръ ее тотчасъ далъ ему. Безъ доказательствъ, а можетъ быть и безъ основанія, его тотчасъ причислили къ шайкѣ мошенниковъ, обогатившихся въ минуту общаго бѣдствія; дворянская и придворная партіи, противныя этимъ выскочкамъ, воспользовались невѣрнымъ подозрѣніемъ и распространили молву о лихоимствѣ министра. Онъ покончилъ жизнь, не будучи въ состояніи опровергнуть слуховъ и очистить своего имени отъ нареканій и перенести паденіе; онъ окончилъ жизнь такъ, какъ оканчиваетъ ее игрокъ послѣ несоразмѣрно большаго выигрыша, поставившій на послѣднюю карту все свое состояніе и проигравшій его. По крайней мѣрѣ министра нельзя было обвинить въ участіи въ громадномъ грабительствѣ, обнаружившемся во время италіянскаго похода: производили слѣдствіе, но ничего не открылось; однакожъ онъ все-таки принималъ участіе въ большомъ обманѣ, который, съ согласія правительства, произведенъ былъ по поводу большаго внутренняго займа 1854 года, и котораго теперь уже невозможно было больше скрывать; дѣло въ томъ, что вмѣсто 500 милліоновъ утвержденнаго займа, сдѣланъ и выпущенъ былъ заемъ на 110 милліоновъ больше. Еще до заключенія мира стало ясно, что въ Австріи не можетъ все оставаться по старому, и самъ императоръ, слишкомъ поспѣшно начавшій войну и лично потерпѣвшій пораженіе, чувствовалъ необходимость отвлечь вниманіе своихъ подданныхъ отъ италіянскихъ событій и дать имъ вознагражденіе за понесенныя потери. Въ іюлѣ 1859 года въ манифестѣ по поводу заключеннаго мира, онъ сперва возвѣщалъ объ окончаніи войны, и, какъ бы въ извиненіе, въ которомъ вовсе не было надобности, говорилъ, что безъ союзниковъ онъ не могъ противостоять неблагопріятному направленію политическихъ отношеній между государствами; далѣе указывалъ на необходимость обратить отнынѣ все свое вниманіе и всю свою заботу на развитіе духовныхъ и матеріальныхъ силъ государства и приступить, сообразно съ потребностями времени, къ исправленію и усовершенствованію законодательства и администраціи: слабыя обѣщанія въ виду тѣхъ великихъ опасностей, которыя съ удвоенной силой возставали послѣ большаго пораженія 1848 и 1849 года, и уже со всѣхъ сторонъ готовы были нахлынуть на государство. На этотъ разъ опасность заключалась не въ томъ, что массы не хотѣли подчиняться верховной волѣ, какъ въ 1848 году; зло скрывалось гораздо глубже: оно таилось въ томъ, что потрясенный и ослабленный авторитетъ правительства принужденъ былъ приняться за реформы и наложить руку на цѣлую систему закоренѣлыхъ и устарѣлыхъ злоупотребленій. Предполагая даже, что у преобразователей воля очень твердая, а руки очень ловкія, все-таки нельзя было ручаться, что преобразованія и исправленія пойдутъ удачно: тутъ въ государственномъ строѣ повторилось то же, что ежедневно случается въ архитектурѣ, при починкѣ стараго, вывѣтрившагося зданія: никакая новая реформа не достигала своей цѣли, потому что открывала только другіе недостатки, раскрывала ихъ передъ народнымъ сознаніемъ, сдѣлавшимся болѣе воспріимчивымъ и взыскательнымъ, и разоблачала недостатки передъ судомъ строгой критики, опять получившей право голоса; но строители не унывали; однакожъ, во время работы и перестройки не разъ случалось, что старинное зданіе готово было рухнуть на строителей и задавить ихъ.

Перемѣна министерства произошла 22 августа, когда самый ненавистный изъ министровъ, Александръ фонъ-Бахъ, былъ удаленъ и отправленъ посланникомъ къ Папѣ въ Римъ, къ своимъ друзьямъ. На мѣсто Баха назначенъ былъ польскій магнатъ, бывшій штатгальтеръ Галиціи, графъ Голуховскій; министромъ полиціи назначенъ былъ прежній посланникъ при французскомъ дворѣ, баронъ Гюбнеръ; остальные министры остались на своихъ мѣстахъ: эта перемѣна была встрѣчена радостно, какъ улучшеніе, что обыкновенно бываетъ при печальномъ состояніи государства. Мѣра, какъ казалось, совершенно частная, привела, однакожъ, всю накопившуюся массу, въ движеніе.

Императорскимъ патентомъ отъ 1 сентября венгерскимъ протестантамъ въ церковныхъ дѣлахъ даровано было самоуправленіе. Но это только такъ казалось: въ дѣйствительности же императорская власть даровала протестантамъ церковную конституцію; припомнимъ, что прежде пытались конкордатъ оправдывать

тѣмъ, что обѣщано было, впослѣдствіи, дать всѣмъ вѣроисповѣданіямъ подобное же законодательство. Ошибка министра, графа Льва Туна, который составилъ конкордатъ, состояла въ томъ, что произведя движеніе въ церковныхъ дѣлахъ, онъ далъ толчекъ и политическимъ, особенно въ такой странѣ, въ которой, послѣ сраженія при Сольферино, умы, уже полные броженія идей, и безъ того трудно было держать въ повиновеніи. Протестанты первые подали сигналъ къ тому, чтобы требовать возсозданія древней венгерской конституціи, которая была утрачена вслѣдствіе большаго возстанія въ 1848 году; они большинствомъ голосовъ не захотѣли принять дара графа Туна, дара, по своимъ послѣдствіямъ, похожаго на бездонную бочку Данаидъ. Давать церковные законы, говорилось въ объяснительномъ посланіи протестантовъ, составляетъ исключительное дѣло многочисленныхъ «конвентовъ»; въ Вѣнѣ вскорѣ пришли къ убѣжденію, что съ возобновленнымъ абсолютистскимъ министерствомъ, ничего нельзя выиграть и что необходимо избрать иной путь. Въ декабрѣ произошла новая реформа: даны были нѣкоторыя льготы и вольности промышленнымъ учрежденіямъ; устроена была комиссія для изслѣдованія государственнаго кредита; правительство, пользовавшееся до сихъ поръ исключительнымъ правомъ распоряжаться финансами, видя постоянное ухудшеніе ихъ, само начало безпокоиться и искало опоры.

Венгерскіе протестанты продолжали отказываться отъ предложеннаго устава. Волненіе, раздражаемое насильственными мѣрами, увеличивалось; шествіе безчисленнаго множества обвиняемыхъ протестантовъ на скамью подсудимыхъ походило вездѣ на тріумфальное; процессы, начатые съ коноводами, не подвигались, и не было возможности отвергнуть фактъ, что патентъ принятъ только 40,000 голосовъ и отвергнутъ остальными 2,600,000. Волей-неволей пришлось идти на соглашеніе; въ то же время, въ январѣ 1860 года, довѣренная комиссія, учрежденная правительствомъ въ Пештѣ, для составленія общиннаго устава, объявила, что такого рода законъ получитъ дѣйствительное, потребное для народа вліяніе только въ такомъ случаѣ, когда онъ будетъ утвержденъ народными представителями, не какими нибудь, кое-какъ набранными, но истинными представителями, избранными по установленному порядку;—вслѣдствіе этого донесенія дано было приказаніе въ возможно скоромъ времени созвать представителей.

Созывать представителей народныхъ — это начало, съ которымъ надобно примириться и примириться не въ одной только Венгріи. Положеніе финансовъ было таково, что необходимо было приступить къ новому займу—его называли кредитною операціей, какъ въ новѣйшее время вообще научились невидныя вещи называть краспвыми видными именами; не много дара предвидѣнія надобно имѣть для того, чтобы предсказать, что не найдется охотниковъ добровольно давать взаймы абсолютному правительству, а принудительные займы были и того невозможнѣе; въ этомъ дѣлѣ могло встрѣтиться второе Сольферино. Императорскимъ патентомъ отъ 5 марта 1860 года составлена была довѣренная комиссія въ обширномъ размѣрѣ, усиленный государственный совѣтъ; къ нему, какъ въ обыкновенномъ государственномъ совѣтѣ, о существованіи котораго многія тутъ только въ первый разъ узнали, присоединено было извѣстное число пожизненныхъ членовъ: эрцгерцоговъ, высшихъ духовныхъ лицъ, другихъ нотаблей и 38 членовъ представителей государственныхъ сословій, слѣдовательно, въ нѣкоторомъ родѣ выборные члены были присоединены къ государственному совѣту, а собраніе ихъ положено быть періодическимъ. Но, къ несчастію, на этотъ разъ еще не было представителей государственныхъ сословій и поэтому 38 членовъ, предположенные выбирать, на первый разъ были назначены императоромъ. Этому усиленному государственному совѣту было поручено изслѣдовать положеніе финансовъ, на будущее время утверждать бюджетъ, изслѣдовать отчеты и проекты комиссіи государственнаго кредита; кромѣ того всѣ важнѣйшіе проекты законовъ и законы для отдѣльныхъ выборовъ также подлежали обсужденію этого усиленнаго государственнаго совѣта, но предлагать новые законы не дозволялось. Офиціальная газета выставляла этотъ выродокъ конституціонной формы, какъ вѣнецъ обѣщанныхъ реформъ; остальная Европа смотрѣла на это, какъ на первый шагъ къ болѣе глубокимъ и важнымъ реформамъ, какъ на попытку вступить на новую конституціонную почву. При содѣйствіи одного усиленнаго госу-

дарственнаго совѣта нельзя было поднять государственнаго кредита, очень низко упавшаго; это можно было видѣть по неудачной попыткѣ сдѣлать внутренній заемъ въ 200 милліоновъ гульденовъ; онъ былъ объявленъ 22 марта, а до 15 апрѣля подписались только на 76 милліоновъ; увѣряли, будто высшее дворянство, богатые епископы и аббаты особенно осторожны и особенно неохотно рисковали своими деньгами.

Дальнѣйшія уступки сначала опять сдѣланы были въ Венгріи, гдѣ протестанты въ большей части приходовъ все еще не принимали и не исполняли патента. Апрѣля 19 на мѣсто эрцгерцога Леопольда, штатгальтеромъ назначенъ былъ венгерецъ, фельдцейхмейстеръ Бенедекъ, человѣкъ пользовавшійся популярностью; пять штатгальтерствъ опять соединены были въ одно; мѣстопребываніемъ штатгальтера назначенъ былъ Офенъ; край раздѣленъ былъ на комитаты и введено было прежнее комитатское управленіе; далѣе, говорилъ императоръ, будутъ сдѣланы распоряженія для учрежденія сейма, «для того, чтобы предполагаемое самоуправленіе посредствомъ мѣстныхъ, окружныхъ и комитатскихъ общинъ, посредствомъ сеймовъ и сеймовыхъ совѣтовъ, введено было въ моемъ королевствѣ Венгріи, наравнѣ съ предполагаемымъ и въ остальныхъ коронныхъ владѣніяхъ самоуправленіемъ.» Но въ Венгріи не этого желали. Съ правильнымъ взглядомъ на вещи оцѣнивали они предложенное имъ представительное правленіе и видѣли, что оно не можетъ удовлетворять потребностямъ народа, и потому не хотѣли его. Старинныя конституціи, по мнѣнію венгерцевъ, походятъ на хорошее вино: чѣмъ оно старше, тѣмъ лучше; новая конституція, данная въ годину пораженія и бѣдствія, могла быть отнята въ минуту торжества и радостной силы, раньше, чѣмъ она успѣетъ установиться: напротивъ того, если воскресить старинную конституцію страны, погибшую въ 1849 году, подъ грудами развалинъ и пепла, то это значило бы, что сдѣлано великое пріобрѣтеніе: къ тому же, всякій могъ догадаться, что на этотъ разъ Венгрія имѣетъ перевѣсъ надъ правительствомъ. Но, во всякомъ случаѣ, хуже, нежели въ 1859 году, не могло быть, а на улучшеніе была надежда.

Съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что остановиться на сдѣланныхъ уступкахъ нельзя было ни по сю, ни по ту сторону Лейты: и такимъ образомъ народъ переходилъ отъ одного успѣха къ другому.

Мая 31 происходило открытіе засѣданій усиленнаго государственнаго совѣта; открывалъ его эрцгерцогъ Райнеръ. Распредѣленіе обязанностей, розданное членамъ наканунѣ, исключало всякую публичность и предписывало членамъ хранить въ тайнѣ все, что будетъ происходить въ совѣтѣ. Два, три венгерскіе члена, которые рѣшились послѣдовать императорскому повелѣнію, графъ Аппонай и графъ Андраши съ самаго начала объявили, что въ этомъ государственномъ совѣтѣ они считаютъ себя обязанными смотрѣть на себя, какъ на исключеніе изъ исключительнаго состоянія и обстоятельствъ и потому будутъ говорить и дѣйствовать только лично за себя, и не считаютъ себя представителями Венгріи; историческія права ея для нихъ священны, и они намѣрены поддерживать ихъ. Іюня 1 императоръ принялъ государственный совѣтъ, составленный изъ очень важныхъ и знатныхъ лицъ, и говорилъ имъ нѣчто похожее на тронную рѣчь, но очень безцвѣтную; главный смыслъ въ опредѣленіи цѣли новаго совѣта состоялъ въ томъ, чтобы указать совѣту, что его обязанность преимущественно состоитъ въ разсмотрѣніи финансовой системы, и это должно считать главной задачей; но уже 19 іюля происходило чрезвычайное засѣданіе членовъ; въ немъ предсѣдатель эрцгерцогъ объявилъ совѣту, что императоръ положилъ, повышеніе податей и новые налоги, равно какъ и займы государственные, сперва подвергать разсмотрѣнію и рѣшенію совѣта; государственный совѣтъ вслѣдъ за тѣмъ дѣятельно занялся совѣщаніями и предположеніями касательно всей финансовой системы, что неминуемо привело къ политическимъ вопросамъ. 27 сентября окончательное рѣшеніе на счетъ предложеній комиссіи, отвергнуто было при общей подачѣ голосовъ почти единодушно: «будущее благосостояніе имперіи, при нынѣ существующей системѣ внутренней организаціи ничѣмъ не обезпечено, и не представляетъ никакихъ надеждъ на прогрессъ», это было дѣйствительно такъ; но когда дѣло дошло до того, чтобы опредѣлить, какую систему припять, чтобы достигнуть желаемаго усовер-

шенствованія, комиссія раздѣлилась на двѣ части, на одну большую и на меньшую: и тутъ-то обнаружились противоположныя стремленія, господствующія въ этомъ государствѣ и мѣшавшія его политическому развитію, а именно — централизмъ и федерализмъ. Большинство (35 голосовъ) особенно останавливалось на автономіи отдѣльныхъ областей и признаніи ихъ исторически-политическаго индивидуальнаго значенія; меньшинство (16 голосовъ) стояло за единство, за цѣлость государства, съ сохраненіемъ всѣхъ правъ, чтобы Австрія могла съ достоинствомъ сохранять свое положеніе, великой и могущественной монархіи. Безъ сомнѣнія, найти способъ сохранить цѣлость и единство монархіи, не нарушая притомъ исторически - политическихъ особенностей частей ея, равнялось бы попыткѣ отыскать философскій камень, и по своей громадности отношеній задача не имѣла бы себѣ равной; поэтому сопоставленная задача съ перваго раза обнаружила всѣ трудности для разрѣшенія ея.

Сентября 29 императоръ распустилъ государственный совѣтъ и обѣщался въ непродолжительномъ времени постановить резолюцію на его соображенія. Она послѣдовала 20 октября 1860 года въ формѣ диплома; къ нему былъ присоединенъ императорскій манифестъ и довольно значительное количество декретовъ. Въ немъ заключались основныя черты конституціи; въ ней пытались соединить требованія единаго цѣлостнаго государства съ автономіей отдѣльныхъ частей его, присоединенныхъ къ нему по договорамъ. Каждое коронное владѣніе должно было имѣть свой отдѣльный статутъ и свой собственный сеймъ, для приведенія въ порядокъ своихъ національныхъ потребностей; общія дѣла предполагалось обсуживать и разбирать въ государственномъ совѣтѣ и обращаться съ ними на законномъ основаніи; въ этотъ предполагаемый государственный совѣтъ отдѣльные сеймы, всѣ вмѣстѣ, должны были представить 100 членовъ. Одновременно съ дипломомъ были уничтожены министерство внутреннихъ дѣлъ, юстиціи и духовныхъ дѣлъ, черезъ это и графъ Левъ Тунъ палъ; на мѣсто уничтоженныхъ министерствъ, было учреждено одно государственное министерство и поручено графу Глуховскому, ему же предложено было выработать отдѣльные статуты для коронныхъ владѣній.

Между тѣмъ какъ остальныя коронныя владѣнія должны были терпѣливо ждать, пока ихъ статуты будутъ готовы, Венгрія, какъ поворотная точка для дальнѣйшаго политическаго развитія государства, была впереди и первая получила часть желаннаго; въ прибавленіяхъ, присоединенныхъ къ диплому, самыя существенныя части ея древней конституціи были ей возвращены. Венгерскій языкъ, какъ офиціальный при дѣлопроизводствѣ, былъ возстановленъ въ цѣломъ королевствѣ; учрежденія и законы комитатовъ, равно какъ и разграниченіе страны на древніе комитаты опять возстановлено; особый придворный канцлеръ, исключительно для Венгріи назначенъ и должность эта поручена была барону Фай, человѣку опредѣленнаго, древне-консервативнаго направленія, три раза стоявшаго передъ военнымъ судомъ Гейнау и просидѣвшаго два года въ тюрьмѣ. Бенедекъ былъ отозванъ и получилъ начальство надъ италіянской арміей; онъ откланялся съ Венгріей посредствомъ прокламаціи, оканчивавшейся древне венгерскимъ восклицаніемъ: «Да здравствуетъ король!»

Венгерцы медленно присоединялись къ этому восклицанію. Что въ глазахъ государственныхъ людей въ Вѣнѣ уже считалось большою уступкою—«они побѣдители», сказалъ императоръ князю-примасу Венгріи при его посѣщеніи въ Вѣнѣ— то въ Венгріи считалось только началомъ полнаго возстановленія всецѣлаго древняго государственнаго устройства, со включеніемъ законовъ 1848 года. Генеральная конгрегація отдѣльныхъ комитатовъ, равно какъ и княземъ-примасомъ вызванное собраніе нотаблей, 18 декабря, очень просто и безъ колебанія единодушно высказалось въ пользу возстановленія, или продолженія права существованія старинныхъ законовъ, а въ большей части комитатовъ самовольно, не обращая ни на что вниманія, возстановлены были законы и права, существовавшіе до 1849 года, не считая даже инструкцій вѣнской придворной канцеляріи и не заботясь о нихъ, потому что, какъ говорилось въ циркулярѣ администратора Пештскаго комитата, графа Стефана Каролія, разосланномъ по приходамъ его округа, «важнѣйшая принадлежность привиллегій венгерской муниципальной системы заклю-

чается въ томъ, чтобы оставлять безъ исполненія непріятныя и неудобныя повелѣнія правительства». Въ Вѣнѣ съ заботой и тревогой смотрѣли на эти затѣи въ комитатахъ и придумывали положить имъ конецъ императорскимъ рескриптомъ, отъ 16 января 1861 года; но комитаты, поочередно, одинъ за другимъ, отвѣчали неизмѣннымъ требованіемъ возстановленія древней конституціи, безъ всякихъ измѣненій. Гранскій комитатъ, наслѣдственнымъ начальникомъ котораго былъ князь примасъ, былъ первымъ запѣвалой въ этомъ хорѣ; онъ говорилъ о недоумѣніи, пробужденномъ рескриптомъ 16 янв.; въ своемъ письмѣ онъ излагалъ событія послѣднихъ несчастныхъ двѣнадцати лѣтъ, въ это время опозоренная «нація вынесла вопіющія на небо несправедливости»—«было бы неизрѣченнымъ счастіемъ, если бы ваше величество сказали: «народъ, желанія твои исполнены, законы 1848 года опять возстановлены, всѣмъ осужденнымъ дозволено вернуться въ отечество...» О, государь, скажи это прямо, безъ недомолвокъ, избѣгая всякихъ полумѣръ и нерѣшительностей—ваше величество, пожалуйте къ намъ, куда васъ зовутъ статьи законовъ 1535—1792 годовъ, и вы увидите что народная любовь встрѣтитъ васъ и воздвигнетъ вокругъ вашей священной особы незыблемыя твердыни, въ которыхъ можете покоиться, не опасаясь ни внутреннихъ ни внѣшнихъ враговъ».

Потоку такого единодушнаго энтузіазма невозможно было поставить преградъ. Конференція придворнаго канцлера съ главными начальниками комитатовъ, ни къ чему не привела; они не показывали желанія ставить преграды шумнымъ движеніямъ въ комитатахъ. Императоръ уступилъ: 14 февраля издалъ королевское писаніе (litterae regales) для того, чтобы сеймъ собрался въ Офенѣ. Но конституціонные старовѣры законодательства 1848 года требовали, чтобы сеймъ находился не въ Офенѣ, а по другую сторону, въ Пештѣ, вслѣдствіе чего конференція, очень опытная въ разныхъ конституціонныхъ тонкостяхъ, особенно, если дѣло шло о томъ, чтобы поддержать какое либо изъ правъ, не пропустила случая, чтобы не подвергнуть разсужденіямъ, замѣчаніямъ и спору даже эту мелочь. Императоръ опять уступилъ, объявивъ, что, хотя открытіе сейма будетъ происходить въ Офенѣ, но засѣданія его могутъ продолжаться въ Пештѣ, вслѣдъ за этимъ въ конференціи депутатовъ назначенныхъ въ сеймъ положено было: на открытіе сейма въ Офенѣ смотрѣть, какъ на офиціальный актъ, и предоставить депутатамъ право находиться на этой церемоніи, или нѣтъ. Апрѣля 6 сеймъ былъ открытъ.

Никто изъ членовъ сейма не оспаривалъ того, что необходимо прежде всего возобновить конституцію 1848 года, потому что это было послѣднее проявленіе разумнаго самоуправленія Венгріи; но касательно способа выполненія этого плана, относительно Австріи, мнѣнія раздѣлились въ нижней палатѣ, которой магнаты предоставили начертить первоначальный планъ дѣйствій; и такъ, одна часть нижней палаты предлагала написать императору адресъ и высказать въ немъ свой образъ мыслей и свои желанія, это была умѣренная партія, прозванная адресной; вторая, радикальная рѣшительная партія предлагала немедленно признать законы 1848 года дѣйствительными, поставить это безъ дальнихъ разсужденій, утвердить рѣшеніе приговоромъ сейма и довести его только до свѣдѣнія императора Франца Іосифа. Во главѣ первой партіи стоялъ всѣми уважаемый, многосторонне - развитой государственный человѣкъ и горячій патріотъ Францъ Деакъ; онъ очень хорошо понималъ, что надобно дѣйствовать осторожно, не раздражать народонаселеній остальныхъ коронныхъ владѣній и не пробуждать въ нихъ чувства недоброжелательства и зависти, что вовсе не благоразумно показывать слишкомъ большую требовательность въ отношеніи императора, человѣка готоваго ко всякаго рода сильнымъ уступкамъ, но который, хотя въ настоящую минуту и готовъ много дать, потому что находится въ затруднительномъ положеніи, но тѣмъ не менѣе еще не доведенъ до окончательнаго безсилія. Во главѣ второй партіи стоялъ графъ Владиславъ Телеки только что всемилостивѣйше помилованный императоромъ, но не бывшій въ силахъ отказаться отъ надежды опять играть видную роль; два дня послѣ открытія сейма, сознаніе, что онъ поступаетъ нечестно, что недостоинъ императорской милости, стало его преслѣдовать, онъ считалъ себя обезчещеннымъ тѣмъ, что

сдѣлался противникомъ его; въ припадкѣ меланхоліи онъ застрѣлился. Іюня 5, послѣ долгихъ и жаркихъ преній, партія адреса одержала верхъ надъ рѣшительной партіей, большинствомъ 155 голосовъ противъ 152. Но побѣда эта была не важная и нерѣшительная: пока не прибудутъ представители Трансильваніи и Кроаціи, только съ 1849 г. сдѣлавшихся отдѣльными австрійскими коронными владѣніями,—но въ глазахъ венгерскихъ старовѣровъ все еще причисляемыхъ къ Венгріи—и пока они не подадутъ своихъ голосовъ, рѣшено было ничего рѣшительнаго не предпринимать; но до тѣхъ поръ рѣшеніемъ сейма, большинствомъ 134 голосовъ противъ 120, положено было вопроса о перемѣнѣ трона и объ отреченіи императора Фердинанда и эрцгерцога Франца Карла не поднимать, потому что самая непріятная сторона этого дѣла заключалась въ томъ, что по строгимъ юридическимъ правиламъ венгерской конституціи ни титулъ, ни право на королевскій престолъ Франца Іосифа еще не были утверждены; вотъ почему въ адресѣ къ нему и не было обращенія, какъ къ царствующему, законному королю, къ нему только обращались «пресвѣтлѣйшій государь.» Палата магнатовъ дала свое согласіе на адресъ, но императоръ не хотѣлъ принимать его съ такимъ обращеніемъ и требовалъ формы, согласной съ достоинствомъ короны. Іюля 5 нижняя палата, умѣвшая существенное, основное отличать отъ второстепеннаго, согласилась измѣнить форму адреса и написать его такъ, какъ онъ первоначально былъ составленъ Деакомъ. Итакъ, въ этой формѣ президенты обѣихъ палатъ поднесли 8 іюля этотъ обширный адресъ императору; существенное содержаніе его заключалось въ томъ, что связь между Венгріей и наслѣдственными австрійскими владѣніями состоитъ главнымъ образомъ въ прагматической санкціи, основномъ договорѣ, заключенномъ венгерскимъ народомъ въ 1723 году съ царствующимъ домомъ и что между двумя государствами, такими различными другъ отъ друга по своему политическому положенію, какъ Венгрія и владѣнія, принадлежащія къ германскому союзу, другой связи быть не можетъ, кромѣ личной уніи, т. е. признанія одного и того же лица государемъ.

Положеніе дѣлъ и въ остальныхъ австрійскихъ владѣніяхъ значительно измѣнилось. Первые статуты, выработанные министромъ Глуховскимъ, человѣкомъ недальнымъ и неспособнымъ къ политическимъ соображеніямъ, были опубликованы, 24 октября и 13 ноября 1860 года, въ нѣсколькихъ коронныхъ владѣніяхъ, но нигдѣ не нашли сочувствія. Статуты основывались на старинномъ сословномъ принципѣ и давали дворянству и духовенству вовсе не пропорціональное участіе въ дѣлахъ, что сравнительно съ тѣмъ, что предлагалось Венгріи, походило на насмѣшку. Можетъ быть въ то время еще надѣялись на большія перемѣны обстоятельствъ, на общее ополченіе противъ италіанской революціи, на помощь со стороны союзниковъ священнаго союза; но эта надежда исчезла давно; правительство убѣдилось, что противодѣйствовать возрастающему движенію въ Венгріи можно только при сильной поддержкѣ со стороны народа, что нельзя удовольствоваться полумѣрами, что прежде всего надобно заручиться сочувствіемъ и содѣйствіемъ нѣмецкаго средняго класса, союзника сильнаго и надежнаго, но слишкомъ долго оставленнаго безъ вниманія. При такомъ убѣжденіи издано было въ ноябрѣ постановленіе, предписывавшее приступить въ нѣмецкихъ коронныхъ земляхъ къ выбору новыхъ общинныхъ и приходскихъ совѣтовъ на основаніи закона общинъ 1849 года; этимъ постановленіемъ предупреждено было волненіе, уже начавшееся съ этою цѣлью въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ; декабря 13 императоръ измѣнилъ главное управленіе; на мѣсто Глуховскаго государственнымъ министромъ назначилъ рыцаря Антона фонъ-Шмерлинга, человѣка съ либеральнымъ образомъ мыслей.

Со времени франкфуртскаго парламента, онъ былъ въ отставкѣ, потому что во главѣ управленія стояла чисто реактивная партія; но Шмерлингъ не потерялъ времени и пріобрѣлъ большую популярность; вотъ почему на назначеніе его первымъ министромъ смотрѣли съ большимъ сочувствіемъ и съ надеждами. Это былъ самый способный и самый замѣчательный человѣкъ изъ партіи, мечтавшей о возрожденіи Австріи посредствомъ либеральнаго законодательства, и обычнымъ аппаратомъ конституціонныхъ правленій; этими способами они надѣялись разнохарактерную и розноплеменную смѣсь австрійскихъ владѣній соединить

въ одно цѣлое и предполагали, что у конституціонной Австріи достанетъ матеріальной и нравственной силы удержать за собою въ Италіи остатокъ италіанскихъ владѣній, а въ Германіи—преобладающее вліяніе въ союзѣ. Шмерлингъ, какъ это почти у всѣхъ австрійцевъ бываетъ, не считалъ этого дѣла слишкомъ труднымъ; исцѣленіе политическихъ недуговъ Австріи не могло быть невозможнымъ: въ Австріи, съ незапамятныхъ временъ, совершались всякія несообразности въ управленіи, неслыханныя ошибки слѣдовали вереницей, и не смотря на это, государство все еще не распадалось, все еще существовало, значитъ въ немъ была жизненная сила; на основаніи такого взгляда на вещи новое законоположеніе, было опубликовано 26 февраля 1861 года, исключая отдѣльныхъ статутовъ для коронныхъ владѣній—Венгріи и Венеціи.

Представители цѣлаго государства раздѣлялись на двѣ палаты—на палату господъ и на палату депутатовъ; обѣ съ правами, общими всѣмъ конституціоннымъ представителямъ. Палата господъ была составлена изъ эрцгерцоговъ, владѣтельныхъ князей, епископовъ, наслѣдственныхъ членовъ, которыхъ императоръ лично назначалъ изъ высшаго дворянства, изъ пожизненныхъ членовъ, которыхъ императоръ избиралъ изъ замѣчательныхъ личностей въ государствѣ, церкви и на поприщѣ науки; палата депутатовъ состояла изъ членовъ, которыхъ отдѣльные сеймы коронныхъ земель выбирали своими представителями; въ случаѣ, если бы какой либо сеймъ отказался прислать своихъ депутатовъ, то народонаселеніе могло приступить къ выборамъ по существующимъ правиламъ. Такихъ депутатовъ сеймы владѣній, находящихся по сю сторону Лейты, должны были представить 203 человѣка; отъ Кроаціи 9, отъ Трансильваніи 20, отъ Венгріи 85; черезъ присоединеніе послѣднихъ, тѣсный государственный совѣтъ превращался въ расширенный, и какъ такой, дѣлался конституціоннымъ органомъ для цѣлаго государства. Въ тоже самое время (4 февраля) предсѣдателемъ либеральнаго министерства сдѣланъ былъ эрцгерцогъ Райнеръ, и отдѣльныя, частныя устройства законодательствъ, данныя взамѣну Глуховскихъ статутовъ, были составлены въ болѣе либеральномъ смыслѣ.

Шагъ, здѣсь сдѣланный, былъ очень важенъ и многознаменателенъ, но опять новыя затрудненія возстали со всѣхъ сторонъ.

Священство конкордата почуяло предразсвѣтное движеніе, наступающаго новаго времени, испугалось и принялось за дѣло, особенно, когда данъ былъ протестантамъ патентъ, отъ 8 апрѣля, уничтожавшій всѣ ограниченія, какія еще существовали при исполненіи протестантскихъ церковныхъ обрядовъ, при учрежденіи новыхъ церквей и т. п. Адресъ тирольскихъ приверженцевъ старины, поднесенный императору еще ранѣе, чѣмъ протестантамъ данъ былъ патентъ, высказывалъ неудовольствіе къ предполагавшимся перемѣнамъ, особенно тѣмъ, что, вмѣсто стариннаго сословнаго представительства императоръ намѣревался ввести представительство интересовъ; въ адресѣ говорилось, что прелаты, дворяне, мѣщане и крестьяне — истинные представители тирольцевъ, которые хотѣли бы передать свои права потомству не запятнанными чумнымъ дыханіемъ дурныхъ временъ. Торговая палата въ Ровередо отказалась прислать своихъ представителей въ Инсбрукъ и требовала права отдѣльнаго представительства для италіанскаго Тироля; апрѣля 11 сеймъ Истріи, большинствомъ 20 голосовъ противъ 10, отказался приступить къ выборамъ членовъ въ государственный совѣтъ; богемскій сеймъ, вслѣдствіе предложенія прагскаго архіепископа, рѣшилъ отправить депутацію къ императору за тѣмъ, чтобы просить его короноваться, какъ богемскаго короля; далѣе, сеймъ соглашался приступить къ выбору членовъ въ государственный совѣтъ, но, представляя протестъ чеховъ, жаловавшихся на то, что посредствомъ несправедливаго распредѣленія выборнаго права, они искусственно обречены на меньшинство, тогда какъ по числу народонаселенія чехи безспорно составляютъ большинство; относительно, сеймъ Галиціи былъ сговорчивѣе; хотя онъ и произвелъ законные выборы въ члены государственнаго совѣта, но предоставилъ себѣ право автономіи и историческаго преданія страны. О Венеціи нечего и говорить: тамошней тѣни народнаго представительства, центральной конгрегаціи, предложено было приступить къ выбору членовъ въ государственный совѣтъ, но она отклонила отъ себя эту честь; тогда повелѣно было приступить къ непосред-

ственнымъ выборомъ, что было просто смѣшно при существующемъ порядкѣ вещей; ни одинъ изъ избранныхъ не явился. Повсюду выказалось большое меньшинство, сомнительное большинство и вездѣ одинаковое желаніе отказаться отъ назначенія.

Но всего этого ожидали въ Вѣнѣ и ко всему этому приготовились. Апр. 22 произошло назначеніе въ палату господъ, а 1 мая государственный совѣтъ былъ открытъ. Въ честныхъ и откровенныхъ намѣреніяхъ императора не было сомнѣнія; онъ работалъ безъ устали, но съ этихъ поръ онъ неутомимо изъ года въ годъ катилъ камень Сизифа. Въ своей тронной рѣчи онъ съ достоинствомъ говорилъ о трудностяхъ задачи, выпавшей на его долю, но утверждалъ, что тѣмъ, или другимъ способомъ, она должна быть рѣшена: съ жаромъ призывалъ на помощь старо-австрійскую вѣрность народа, его преданность и готовность къ пожертвованіямъ; восторженныя восклицанія отвѣчали ему, когда онъ говорилъ о своихъ царственныхъ обязанностяхъ, о твердомъ намѣреніи охранять общее государственное законодательство и смотрѣть на него, какъ на неприкосновенный фундаментъ его нераздѣльной имперіи; восклицанія были также громки, когда онъ давалъ слово охранять права всѣхъ своихъ владѣній и народовъ, ему подчиненныхъ. Итакъ, первыя затрудненія были устранены безъ большихъ хлопотъ. Очень характеристическою особенностію членовъ духовнаго званія — епископовъ и др. — можетъ служить то, что они не обращали вниманія на интересы государства и народа, представителями котораго они были, но имѣли въ виду только то всемірное государство, которое называется римско-католическою церковью и выгоды котораго, въ ихъ глазахъ, стояли на первомъ мѣстѣ; это высказалось въ отдѣльномъ адресѣ, ими поднесенномъ императору. Они въ немъ представляли монарху, обремененному заботами о потребностяхъ народа, дѣла святительскаго стула: «дай Богъ, чтобы ваше величество были избраны Богомъ оплотомъ и защитникомъ, въ лицѣ наслѣдника св. Петра, царства Божія на землѣ.» Однакожъ фраза, предложенная графомъ Львомъ Турномъ для внесенія въ отвѣтный адресъ палаты господъ: «что императоръ и Австрія есть убѣжище католицизма» оставлена была безъ вниманія. Адресъ вполнѣ одобрялъ принципы тронной рѣчи и февральской конституціи и только выразилъ душевное сожалѣніе о томъ, что въ числѣ представителей не находятся депутаты королевствъ: Венгріи, Кроаціи, Славоніи и великаго княжества Трансильваніи. Въ палатѣ депутатовъ централисты имѣли значительный перевѣсъ надъ федералистами, и адресъ былъ принятъ большинствомъ 127 голосовъ противъ 48; предложенные федералистами проекты улучшеній и измѣненій законовъ были отвергнуты.

Какъ бы то ни было, но государственный совѣтъ оставался частнымъ, или тѣснымъ, до тѣхъ поръ пока Венгрія и зависящія отъ нея отдѣльныя владѣнія не изберутъ себѣ представителей и не пришлютъ ихъ для засѣданія въ совѣтъ; министръ Шмерлингъ это и высказалъ 5 іюня. Венгерскій сеймъ между тѣмъ окончательно составилъ свой адресъ и министры извѣстили государственный совѣтъ о томъ, какой отвѣтъ императоръ намѣренъ дать. Авг. 23 императорское посланіе рейхсрату извѣстило его, что императоръ рѣшился распустить сеймъ и очень подробно изложилъ, какъ онъ смотритъ на управленіе вообще. «Законодательство Венгріи», говорилось въ немъ, «не только нарушено революціей и слѣдовательно юридически потеряло свое значеніе, но оно фактически устранено»; не смотря на это императоръ возстановилъ конституцію Венгріи, ея вольности, права, ея сеймъ и муниципальныя преимущества, и теперь не намѣренъ измѣнять ихъ, но сеймъ между тѣмъ простираетъ свою дерзость до того, что не признаетъ за своимъ императоромъ, королемъ и повелителемъ, даже законнаго названія и титула, никакою властью на землѣ неоспариваемаго, не признаетъ за нимъ императорскаго и королевскаго достоинства: вслѣдствіе этого онъ рѣшился распустить венгерскій сеймъ и твердо рѣшился заботиться о единствѣ и цѣлости имперіи, равно какъ и охранять законную автономію всѣхъ королевствъ и владѣній, вошедшихъ въ ея составъ; но то и другое единство и автономію, сохранять одинаково въ границахъ свободы, дарованной конституціей.» Государственный совѣтъ вполнѣ раздѣлялъ эти правила, и Шмерлингъ 30 августа еще разъ въ палатѣ депута-

товъ выразилъ, что при честномъ конституціонномъ прогрессѣ, мѣста въ австрійскомъ государственномъ совѣтѣ довольно для всѣхъ племенъ и народовъ Австріи.

Мѣста довольно осталось и послѣ того, какъ въ залъ явились два новыхъ депутата отъ Имперіи, гдѣ выборы пали въ пользу правительства. Въ залѣ государственнаго совѣта, наскоро построенномъ, все еще было просторно; прежде всего надобно было войти въ соглашеніе съ Венгріей и добиться появленія ея представителей въ залѣ; а между тѣмъ отношенія съ нею не поправились. Вслѣдствіе венгерскаго адреса императоръ принялъ прошеніе объ отставкѣ, поданное гофканцлеромъ Фай и венгерскимъ министромъ Чезеномъ и назначилъ на ихъ мѣста графа Форгаха и Морица Эстергази; за тѣмъ изданъ былъ рескриптъ, предписывавшій пересмотръ законовъ 1848 года; нѣсколько разъ напоминалъ, чтобы Венгрія приступила къ избранію членовъ государственнаго совѣта; венгерскія требованія касательно Трансильваніи, Кроаціи и Славоніи были отвергнуты; когда же венгерскій сеймъ во второмъ адресѣ, составленномъ по внушенію Деака, объявилъ, что не приметъ ни октябрскаго диплома, ни февральскаго патента, и до тѣхъ поръ, пока венгерскій сеймъ не будетъ пополненъ депутатами отъ Трансильваніи, Кроаціи и Словоніи, не соглашается входить въ разсужденія на счетъ возобновленія законовъ и постановленій диплома признанія, т. е. на счетъ того, чтобы признать Франца Іосифа королемъ венгерскимъ; въ отвѣтъ на этотъ адресъ, сеймъ былъ распущенъ. На протесты вѣнская придворная канцелярія отвѣчала временными отрѣшеніями отъ должностей, а на мѣсто уволенныхъ назначались королевскіе комиссары для управленія непокорными комитатами; подати, хотя не утвержденныя сеймомъ, было предписано вносить; ихъ собирали волей, или неволей; императорское войско вооружалось на всякій случай, чтобы при первой надобности употребить силу.

При согласномъ настроеніи народа и дворянства вскорѣ принуждены были приняться за дальнѣйшія мѣры. Въ октябрѣ нѣсколько начальниковъ комитатовъ были отставлены и замѣщены королевскими комиссарами, жизнь которыхъ была исполнена непріятностей со стороны народа; ноября 5 была принята мѣра, которая чуть было не довела дѣла до того положенія, въ какомъ оно находилось въ пятидесятыхъ годахъ. Императоръ назначилъ графа Морица Пальфи своимъ намѣстникомъ въ Венгріи, пріостановивъ дѣйствія королевскаго штатгальтерскаго совѣта и муниципальныхъ совѣтовъ до тѣхъ поръ, и пока нарушенный порядокъ не будетъ возстановленъ», за извѣстныя вины противъ личной безопасности и нарушенія правъ собственности постановилъ судить военнымъ судомъ.

Между тѣмъ императоръ объявилъ, что все это только временныя мѣры и что онъ не помышляетъ о томъ, чтобы лишить Венгрію дарованныхъ ей правъ; и дѣйствительно, въ Вѣнѣ только и ждали, какъ бы возстановить согласіе съ Венгріей. Мы хотимъ, говоритъ Шмерлингъ, помимо заблуждающейся части народа, имѣть дѣло съ болѣе развитою и знающею частью; и дѣйствительно, вскорѣ кардиналъ-примасъ Венгріи, до сихъ поръ рѣшительно принадлежавшій къ оппозиціи, сдѣлалъ первый шагъ къ примиренію, въ своемъ посланіи къ новому штатгальтеру, назначенному отъ правительства. Можно было надѣяться, что Венгрія уступитъ тѣмъ болѣе, что маджары, какъ мы знаемъ, хотя и составляютъ относительное большинство народонаселенія Венгріи, но какъ вездѣ, ихъ національность подчинена другимъ національностямъ или обломкамъ другихъ національностей. Тоже отношеніе существовало между венгерскимъ сеймомъ и Вѣной, какое между кроатскимъ и Пештомъ; подобно тому, какъ сеймъ въ Пештѣ противопоставилъ имперіи корону Стефана; точно также, въ Аграмѣ, коронѣ Стефана противупоставлялась «корона Званиміра» — кто этотъ Званиміръ былъ за стѣнами Аграма оставалось тайною для многихъ смертныхъ; подобно тому, какъ Венгрія соглашалась войти въ сношенія съ Австріей только тогда, когда независимость ея и принадлежащихъ къ ней владѣній будетъ подтверждена; точно также кроатскій сеймъ въ Аграмѣ постановилъ 13 іюля 1861 г. что только послѣ того, какъ признана будетъ независимость триединаго королевства—Далмаціи, Славоніи и Кроаціи въ полномъ ея составѣ вмѣстѣ съ ея береговою полосою, и Далмація во всемъ ея объемѣ, тогда только войти

съ Венгріей въ сношенія и переговоры, и прислать въ ея сеймъ депутатовъ. Большинство въ далматскомъ сеймѣ между тѣмъ тоже ничего знать не хотѣло о предполагаемомъ тріединомъ королевствѣ. Тоже самое повторялось въ Трансильваніи и въ Тиролѣ, въ Богеміи, въ Галиціи и въ Кроаціи, вездѣ и все волновалось и распадалось; каждый изъ обломковъ хотѣлъ быть самостоятельною націей, хотѣлъ, чтобы дѣлопроизводство происходило на родномъ языкѣ и возвышало голосъ съ другими подобнаго рода претензіями; или дерзко отказывались присылать своихъ представителей въ государственный совѣтъ, или, подобно полякамъ, съ трудомъ и пехотя вступившіе въ совѣтъ, при всякомъ удобномъ случаѣ отказывались подавать голоса, сердились, надувались, протестовали, или подавали заявленія, или, если оказывались согласными, обременяли несчастнаго правителя этой государственной и народной путанницы, безчисленными депутаціями и прошеніями, противорѣчащими себѣ и во всякомъ случаѣ другимъ, тоже подвластнымъ ему странамъ. Бывали минуты, когда выраженіе Метерниха касательно Италіи, что она не иное что, какъ географическое понятіе, скорѣе примѣнимо было къ Австріи, готовой развалиться на свои составныя части и остаться только на географическихъ картахъ.

Императоръ усталъ отъ этой мелочной борьбы, ему нуженъ былъ отдыхъ, и онъ нашелъ его въ Веронѣ, гдѣ останавливался проѣздомъ въ Венецію; онъ производилъ смотръ войскамъ; они и начальствующій надъ ними фельдмаршалъ Бенедекъ встрѣтили его съ такимъ неподдѣльнымъ восторгомъ и выразили такую преданность, что душа его вздохнула свободнѣе; по крайней мѣрѣ здѣсь, изъ устъ храбраго и вѣрнаго генерала онъ услышалъ, что вся армія, до послѣдняго солдата, безъ различія національностей, рожденія и вѣроисповѣданія желаетъ, чтобы Австрія была могущественнымъ, великимъ, свободнымъ и единымъ государствомъ, способнымъ внушать уваженіе и страхъ. Но при помощи одного войска невозможно создать даже страха, ужъ не говоря о томъ, чтобы создать свободное и могущественное государство; новая конституція, имѣвшая свои существенные недостатки, какъ-то плохо принималась. Годовщина дарованной конституціи 26 февраля 1862 года праздновалась всѣми присутственными мѣстами обычными, предписанными полиціей изъявленіями; изъ народовъ Австріи только нѣмцы живѣе другихъ выражали свое сочувствіе, должно быть потому, что они пытались увѣрить себя, будто ожидаютъ много добра отъ конституціи, а въ сущности даже между нѣмцами мало кто вѣрилъ ей. Отъ новой системы правленія народъ видѣлъ пока одно только слѣдствіе: министръ финансовъ, Пленеръ, объявилъ нѣкоторые новые налоги: это было очень естественно, потому что только крайне затруднительное, можно сказать, бѣдственное положеніе финансовъ, принудило абсолютизмъ снизойти и согласиться на уступки духу времени. Впрочемъ, приличія были соблюдены: установленъ судъ присяжныхъ, печати дана большая свобода, министры сдѣланы отвѣтственными и введены были всѣ прочія принадлежности либерализма и все это произошло законнымъ путемъ, черезъ палату депутатовъ и высшую палату. Всѣ распоряженія были такого рода, что въ нихъ видно было преобладаніе въ высшей степени либеральнаго направленія. Казалось, всѣ усилія были направлены на то, чтобы сдѣлать февральскую конституцію пріятною для всѣхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ Австрійской имперіи: венгерцамъ и полякамъ, нѣмцамъ и южнымъ романскимъ тирольцамъ, чехамъ и кроатамъ, румынамъ и рутенамъ и многимъ другимъ подраздѣленіямъ этихъ племенъ. Какъ-то странно въ Австріи слышалось напримѣръ свободное мнѣніе, высказанное финансовою комиссіей въ палатѣ депутатовъ 18 марта 1862 года: «Господина государственнаго перваго министра мы покорнѣйше просимъ объяснить намъ, почему отвѣтственность министровъ до сихъ поръ еще не установлена законнымъ порядкомъ, и мы считаемъ обязанностію обратить его вниманіе на то, что окончательное утвержденіе бюджета можетъ встрѣтить значительныя затрудненія, если отвѣтственность министровъ не будетъ предварительно установлена въ смыслѣ конституціонной государственной жизненной системы.» Это напоминаніе было встрѣчено съ величайшей вѣжливостью: мая 1 государственный министръ сообщилъ императорское посланіе, безъ колебанія признававшее начало отвѣтственности министровъ и обѣщавшее дальнѣйшее содѣйствіе правительства въ этомъ

направленіи. Итакъ, конституціонное начало вступило въ полныя права свои. Пошли разъясненія, касательно текущихъ дипломатическихъ вопросовъ и уклончивые отвѣты министровъ; споры и пренія по поводу бюджета, въ которыхъ на этотъ разъ ни поляки, ни чехи не принимали участія; не было недостатка ни въ исключеніяхъ, ни въ уступкахъ со стороны правительства, ни въ разногласіи обѣихъ палатъ по поводу новаго закона о печати, ни даже въ шумѣ и скандалѣ, ни въ торжественномъ парламентскомъ пиршествѣ, все было въ порядкѣ. Въ ноябрѣ ко всеобщему удовольствію былъ обнародованъ финансовый бюджетъ на 1863 годъ и при этомъ въ первый разъ къ нему присоединена была конституціонная оговорка: «съ согласія обѣихъ палатъ нашего государственнаго совѣта, (Reichsrath)»; но еще пріятнѣе было то, что при этомъ отъ всепоглощающаго военнаго бюджета выторговано было около двѣнадцати милліоновъ. Въ тронной рѣчи императоръ, при закрытіи сессій 1862 года, съ удовольствіемъ вычислялъ, хотя и не многочисленныя и не блистательныя, но все-таки полезныя дѣла этого перваго конституціоннаго года: онъ могъ показать на законъ о печати, на торговые законы, на законы о банкахъ, на отмѣненіе государственныхъ предположеній на 1862 и 1863 годы для пріисканія средствъ къ покрытію государственнаго дефицита и при этомъ съ удовольствіемъ могъ прибавить: «довѣренность къ могуществу австрійскаго правительства значительно усилилась.» За тѣмъ императоръ еще разъ высказалъ свое непремѣнное рѣшеніе крѣпко и неизмѣнно держаться конституціонныхъ началъ и единства государства; на эти слова послышались шумные крики одобренія.

Трудное начало новаго существованія было сдѣлано; усиліе это заслуживало общую симпатію, ее и высказывали въ южной Германіи, гдѣ особенный вѣсъ придавали выраженію конституціонныхъ изъявленій и словамъ, исполненнымъ духа свободы. Имя Шмерлинга было тамъ очень высоко поставлено и сдѣлалось впослѣдствіи еще популярнѣе. Однакожъ, въ двухъ самыхъ существенныхъ вопросахъ все-таки еще ни на волосъ не подвинулись къ цѣли. Первый изъ этихъ вопросовъ состоялъ въ томъ, какимъ способомъ, или вообще, возможно ли снять оковы, добровольно наложенныя правительству конкордатомъ, заключеннымъ съ Римомъ. Пытались было свергнуть это иго; но безуспѣшно: одинъ изъ депутатовъ, Мюльфельдъ, выработалъ было очень подробный религіозный эдиктъ, по которому правительству были возвращены утраченныя имъ права; комиссія, составленная изъ членовъ палаты депутатовъ, хотя въ существенныхъ чертахъ и приняла этотъ эдиктъ, но онъ не пошелъ дальше, не подвергнулся даже общему обсужденію и переданъ былъ въ архивъ; также и трехдневныя пренія въ палатѣ, по поводу бюджета министерства народнаго просвѣщенія, хотя и повели за собою сильныя нападенія на этотъ несчастный конкордатъ, но дальнѣйшихъ слѣдствій это не имѣло. Покрайней мѣрѣ въ прессѣ, въ лекціяхъ профессоровъ, въ протестѣ нѣкоторыхъ общинъ все-таки борьба продолжалась, но успѣха предвидѣть нельзя было при существующемъ образѣ мыслей господствующей династіи и всей народной массы. Также мало успѣха представляло разрѣшеніе втораго вопроса— по національностямъ; къ величайшему сожалѣнію, это былъ чисто австрійскій, жизненный вопросъ. Послѣ того, какъ рейхсратъ былъ закрытъ, созваны были частные сеймы, исключая венгерскаго, трансильванскаго, кроатскаго и венеціанскаго. Изъ созванныхъ сеймовъ тирольскій пріобрѣлъ печальную извѣстность; поддавшись вліянію клерикальной партіи, сеймъ, по предложенію епископа брикенскаго, отъ 25 февраля 1863 года, большинствомъ 34 голосовъ противъ 18, постановилъ подать прошеніе императору: «въ виду исключительныхъ отношеній Тироля» измѣнить императорскій патентъ, дарованный протестантамъ, въ томъ смыслѣ, чтобы для поддержанія единства вѣры въ этой странѣ не дозволено было въ Тиролѣ правильнаго существованія приходовъ, какъ аугсбургскаго, такъ и швейцарскаго вѣроисповѣданія подобно тому, какъ и въ настоящее время такихъ приходовъ нѣтъ; а допустить отдѣльнымъ членамъ этихъ вѣроисповѣданій, находящимся въ Тиролѣ, непубличное исповѣданіе ихъ и не исполненіе церковныхъ требъ (Religions privat exercitium); далѣе, что не католики, хотя и могутъ пріобрѣтать недвижимую собственность въ Тиролѣ, но при каждомъ отдѣльномъ случаѣ должны на покупку испрашивать позволе-

ніе и всякій разъ долженъ быть данъ законъ Landgesetz; въ концѣ этого прошенія стояло, чтобы императоръ всемилостивѣйше, властію ему предоставленною, снизошелъ на разрѣшеніе этой всеподданнѣйшей просьбы; иными словами, Тироль отказывался отъ правъ дарованныхъ конституціей. Слѣдовательно, по внушеніямъ недостойныхъ фанатиковъ, единство австрійской имперіи могло быть нарушено потерей единокровной и коренной нѣмецкой области; нѣкоторымъ вознагражденіемъ для единства имперіи можно было считать пріобрѣтеніе Трансильваніи. По императорскому декрету отъ 21 апрѣля, трансильванскій сеймъ собрался въ Германштадтѣ и открытіе происходило 16 іюля. Въ великомъ герцогствѣ Трансильваніи пространство земли равняется 1,100 кв. мил. съ 2,073,000 жителей; изъ нихъ евреевъ, цыганъ, армянъ и румынъ 1,369,000, 250,000 нѣмцевъ или «саксонцевъ» какъ ихъ тамъ называютъ, и 667,000 маджаръ. Большее число членовъ сейма—изъ маджаръ, подавши свой протестъ, вышли изъ сейма, а остальные, 30 сентября единодушно приняли и октябрскій дипломъ и февральскій патентъ и положили внести ихъ въ кодексъ законодательства великаго княжества; вслѣдъ за тѣмъ сеймъ приступилъ къ исполненію ихъ. Уже 10 октября въ рейхсратъ выбрано было законное число членовъ: 10 саксонцевъ, 13 румынъ и 3 маджара.

Рейхсратъ во второй разъ собрался и былъ открытъ 18 іюня 1863 года, эрцгерцогомъ Карломъ Людовикомъ, отъ имени императора; а 20 октября уже прибыли и представители Трансильваніи и съ этихъ поръ на совѣтъ уже можно было смотрѣть, какъ на расширенный; ему представилась возможность вступить во всѣ свои права и принять на себя исполненіе всѣхъ своихъ обязанностей, какъ это объяснилъ президентъ. Между тѣмъ случилось происшествіе, которое отвлекло вниманіе отъ всевозможныхъ неразрѣшенныхъ австрійскихъ вопросовъ—отъ италіянскаго, римскаго, венгерскаго, польскаго, чешскаго и всѣхъ прочихъ національностей Австріи, поднимавшихъ свои требованія и вопросы. Императоръ Францъ Іосифъ совершенно неожиданно и внезапно обратилъ все свое вниманіе на Германію и занялся ею.

Вопросъ о единствѣ Германіи уже давно, съ возрастающей силой, выступалъ на первый планъ; теперь ему суждено было придти къ окончательному разрѣшенію, а вмѣстѣ съ нимъ и всѣ второстепенные вопросы—италіянскій и австрійскіе—непрерывною цѣпью событій—ужасныхъ и потрясающихъ—также дошли до своего окончательнаго разрѣшенія. Намъ прежде всего предстоитъ прослѣдить ихъ въ періодъ союзныхъ реформъ, еще не запечатлѣнныхъ кровью и только приготовлявшихся къ дальнѣйшему развитію, а именно отъ 1859 до конца 1863 года.

С. ГЕРМАНСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

Отъ 1859 до 1863 года.

---

1. Германія.

Событія 1859 года имѣли огромное и неотразимое по своимъ важнымъ слѣдствіямъ вліяніе на Германію. Война между Франціей и Австріей, гораздо болѣе нежели крымская война, представляла собою задачу, касающуюся всей Германіи. Съ каждымъ мгновеніемъ можно было ожидать, что борьба изъ-за По и изъ-за Минчіо перейдетъ въ борьбу изъ-за Рейна, а война италіянская превратится въ германскую. Настроеніе южной Германіи, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ, особенно яростныхъ журналовъ, въ томъ числѣ все еще слывшей политическимъ оракуломъ «Аугсбурской газеты», было самое воинственное и ни на минуту не задумываясь, народъ готовъ былъ кинуться прямо въ войну; недальновидные, но горячіе патріоты вѣрили, будто самый отличный стратегическій планъ былъ бы тотъ, еслибы Рейнъ защищать на берегахъ По, или наоборотъ, враговъ съ береговъ По привлечь на берега Рейна; кромѣ того приверженцы Австріи, продолжая горячиться, видѣли въ начавшейся войнѣ міровую борьбу между народами Германскаго и Романскаго племени и не предвидѣли ей конца до тѣхъ поръ пока яркопылающій очагъ ея въ Парижѣ не будетъ потушенъ. Но во всѣхъ такихъ толкахъ было много пустословія, какъ справедливо замѣчаетъ лордъ Джонъ Россель; какъ бы то ни было, но въ нихъ все-таки выражалось сильное, хотя и ложно направленное, національное чувство и свидѣтельствовавшее о томъ, что упадокъ бодрости и апатія, тяготѣвшая съ 1849 года, наконецъ исчезли.

Прусское правительство, дѣйствуя согласно съ здравымъ и спокойнымъ настроеніемъ сѣверной Германіи и прежде всего сообразно съ настроеніемъ собственнаго народа, не поддавалось ни коварнымъ интригамъ, ни неопредѣленнымъ стремленіямъ партій, расточавшимъ громкія рѣчи; но продолжало спокойно идти однажды избраннымъ путемъ и пыталось достигнуть собственныхъ, твердо опредѣленныхъ цѣлей; прусскую политику можно упрекнуть только въ томъ, что она была слишкомъ честна въ отношеніи Австріи. Но мало-по-малу волны, поднятыя южногерманскимъ энтузіазмомъ улеглись и многимъ, сперва увлеченнымъ общимъ стремленіемъ, стало ясно, что Австрія въ Италіи отстаиваетъ только свое дѣло, а не дѣло цѣлой Германіи и, что еще хуже, дѣло это далеко нечистое. Манера, какъ Австрія вела войну, пораженія, ею претерпѣнныя, и быстрота, съ какою миръ былъ заключенъ, разсѣяли то ложное сіяніе, какимъ велерѣчивые органы прессы постоянно окружали во всѣхъ его фазисахъ ложную систему австрійскаго управленія; какъ крымская война для участвовавшихъ въ ней, какъ перемѣна правительства въ Пруссіи для ея правителей открыли всѣ недостатки управленія, такъ и неу-

дачная война италіянская для Австріи, послужила поводомъ къ окончательному паденію консервативной системы правленія.

Быстро заключенный миръ съ Италіей пробудилъ опасенія въ цѣлой Германіи; полагали, что Наполеонъ такъ поспѣшно помирился съ Австрісй только потому, что намѣренъ былъ войну тотчасъ же перенести въ Германію; но мало-по-малу опасенія эти улеглись, если не окончательно, то по крайней мѣрѣ на ближайшее время. Между тѣмъ италіянскія дѣла, несмотря на заключенный миръ, шли своимъ путемъ и вліяніе ихъ отражалось на Европѣ все сильнѣе и сильнѣе. Въ Италіи, гдѣ народъ, раздробленный въ теченіе столѣтій, даже тысячелѣтія, на племенныя подраздѣленія, но соединенный языкомъ, литературой, сходствомъ образа мыслей, стремленій и чувствъ, внезапно пробудился къ новой политической жизни, въ Италіи съ особеннымъ участіемъ можно было слѣдить за тѣмъ, какъ отдѣльные члены этого народа, стряхнувъ съ себя оковы, наложенныя иноземнымъ владычествомъ, безъ борьбы и усилія, добровольно соединялись въ одно тѣло, сгруппированное вокругъ одного сильнѣйшаго центра, явившагося ему энергическимъ помощникомъ и заступникомъ, а именно вокругъ сардинскаго правительства; дальнѣйшія отношенія къ Германіи становились очень просты и понятны, сущность ихъ состояла въ томъ, чтобы какъ можно прочнѣе сплотить италіянское королевство. Графъ Кавуръ очень хладнокровно принялъ неудовольствіе, изъявленное прусскимъ правительствомъ по поводу италіянскихъ дѣлъ; онъ только отвѣчалъ: «придетъ время, когда Пруссія будетъ очень довольна тѣмъ, что Сардинія показала ей прямую, настоящую дорогу.» Онъ былъ правъ: сходство было большое, и въ Германіи находился одинъ великій народъ, единый по языку, по литературѣ, по нравамъ и по характеру и также, какъ италіянскій, раздробленный на множество мелкихъ государствъ, членовъ одного несогласнаго и ослабленнаго цѣлаго; но въ этихъ отдѣльныхъ частяхъ одного, нѣкогда великаго и могущественнаго народа, таилась мысль и стремленіе къ одному политическому цѣлому. И здѣсь, также какъ въ Италіи, былъ готовый центръ для дальнѣйшаго развитія, или соединенія, существовало здоровое, сильное и крѣпко-сплоченное, чисто нѣмецкое государство, готовое служить ядромъ для будущаго единства Германіи; какъ по своему географическому положенію, такъ и по своему политическому развитію, аналогія между Пруссіей и Сардиніей была поразительная. При монархическомъ и воинственномъ началѣ, это могущественное государство, неторопливо, но неизмѣнно шло путемъ, который велъ къ конституціонному развитію: далѣе и здѣсь, до половины чуждое общегерманскимъ и прускимъ интересамъ государство, Австрія, по возможности извлекала изъ союзной Германіи только личныя выгоды, не заботясь о ея общихъ интересахъ. Даже въ такомъ случаѣ, если Австрію принимать, какъ чисто нѣмецкое государство, то на сѣверѣ, во всякомъ случаѣ, существовало чисто германское племя, подпавшее чужеземному владычеству. Но между положеніемъ Германіи и Италіи была тоже существенная разница: отношенія въ Германіи не имѣли такого натянутаго, враждебнаго характера, какъ тамъ. На сколько бы курфюрстъ гессенскій ни былъ дурнымъ и неправдивымъ правителемъ, все-таки онъ былъ несравненно лучше Фердинанда Неаполитанскаго; герцогъ нассаускій—слабый, вполнѣ зависящій отъ своекорыстныхъ придворныхъ льстецовъ, былъ однакожъ далеко не похожъ на Франца Моденскаго. Австрія, какъ бы то ни было, все-таки была полугерманскимъ государствомъ и вмѣшивалась во внутреннія учрежденія и дѣла остальныхъ государствъ, только посредственно; но наконецъ Пруссія во всѣхъ отношеніяхъ была несравненно самостоятельнѣе и сильнѣе Сардиніи. Къ этому надобно прибавить, что въ большей части германскихъ государствъ, хотя управленія нельзя было назвать хорошимъ, но все-таки, послѣ того, какъ первые порывы реакціи миновались, оно было сноснымъ; существовала нѣкоторая доля политической свободы, огражденная законами, не допускавшими произвола; къ тому же въ государственно-хозяйственномъ отношеніи, посредствомъ таможеннаго союза существовало стремленіе къ единству, отнимавшее отъ него по крайней мѣрѣ горечь неизбѣжной необходимости.

Вопросъ о національномъ единствѣ былъ уже постановленъ и политическія отношенія Германіи указывали на необходимое стремленіе къ его разрѣшенію,

потребность эта выказывалась не смотря на то, что сравнительное политическое положеніе каждаго изъ государствъ въ отдѣльности было несравненно лучше, чѣмъ прежде, однакожь строгой критики ни одно изъ нихъ не могло бы выдержать. При возможной войнѣ съ Франціей въ мелкихъ германскихъ государствахъ заранѣе покорно готовы были вынести пораженіе; то, что приходилось выслушивать отъ Даніи, превышало даже нѣмецкое терпѣніе; а въ за-атлантическихъ странахъ нѣмецкіе переселенцы, со дня на день сильнѣе чувствовали, что не находятся подъ мощнымъ покровительствомъ истинно-сильной и всѣми уважаемой державы. Къ этому надобно прибавить, что съ такимъ трудомъ пріобрѣтенныя конституціонныя права въ иныхъ мѣстахъ были очень непрочны, въ другихъ, хотя и прочны, но безъ большаго значенія; а наконецъ при мелкихъ интересахъ раздробленнаго цѣлаго, негдѣ было развернуться людямъ съ большими дарованіями, или съ сильнымъ характеромъ: для ихъ честолюбія не было достойной цѣли и они глохли отъ того, что имъ негдѣ было дѣйствовать; еще одно надлежитъ прибавить: тридцать пять независимыхъ другъ отъ друга правительствъ для народа изъ такого же числа милліоновъ человѣкъ, была роскошь, вовсе непозволительная и въ смыслѣ національной экономіи противоестественная.

Зло это существовало, но какъ его устранить? Безсиліе зависѣло отъ дробленія; а желанная сила крылась въ единствѣ; первое ненавидѣли, второй ждали, но гдѣ найти возможность дробныя части соединить въ одно цѣлое. Средство казалось очень простымъ и удобнымъ: стоило только уничтожить двойственность.

Идея эта, въ критическую пору 1848 года, поразила многихъ мыслящихъ людей и наконецъ представилась имъ, какъ неизбѣжная необходимость. Поняли, что союзъ государствъ невозможенъ, въ которомъ двѣ одинаково могущественныя державы, подобно Пруссіи и Австріи, съ совершенно противоположными интересами, стоятъ рядомъ; если допустить, чтобы Германія сдѣлалась дѣйствительно прочнымъ и согласнымъ въ своихъ стремленіяхъ союзомъ, то нужно было, чтобы или Австрія, или Пруссія осталась одна преобладающей; но далѣе, если требовалось, чтобы Германскій союзъ остался чисто нѣмецкимъ съ прогрессивнымъ началомъ, то надобно было устранить Австрію и преобладаніе предоставить Пруссіи, какъ величайшему и чисто нѣмецкому государству; послѣднее положеніе было теоретически вѣрное и неоспоримое. Но когда дѣло касается развитія великихъ дѣятельныхъ силъ политическаго міра, то ходъ ихъ не соотвѣтствуетъ логическимъ выводамъ мыслителей, и дѣла совершаются по своимъ отдѣльнымъ, исключительнымъ законамъ; дѣло заключается не въ цифрахъ и вычисленіяхъ, а зависитъ отъ интересовъ, страстей и заблужденій живыхъ людей и далѣе, не только въ отдѣльныхъ личныхъ интересахъ и отношеніяхъ единицъ, но въ интересахъ, отношеніяхъ и жизненныхъ условіяхъ цѣлыхъ государствъ.

Какъ бы то ни было, но дальнѣйшій прогрессъ на пути къ объединенію Германіи въ единственно доступной формѣ все-таки сдѣланъ былъ послѣ происшествій 1859 года. Идея объединенія Германіи выразилась въ опредѣленной, политической формѣ съ той поры, какъ учреждено было нѣмецкое національное общество «das deutsche Nationalverein», мы объ немъ должны сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшему описанію развитія отдѣльныхъ германскихъ государствъ.

Непосредственно за тѣмъ, какъ изъ-за Альпъ пронеслась вѣсть о Виллафранкскомъ мирѣ, по приглашенію ганноверскаго посланника, Рудольфа фонъ-Бенингсена, въ Эйзенахъ собрались нѣкоторые изъ членовъ такъ называемой готской партіи (17 іюля) съ цѣлью установить между германскими государствами средней и меньшей величины тѣснѣйшій союзъ, подъ прусскимъ ближайшимъ руководствомъ. Избранный моментъ столько же, сколько и способъ, какимъ старинная идея Гагерна была воскрешена, доказывали, что съ тѣхъ поръ въ Германіи много думали и многому научились. При вторичномъ собраніи членовъ, тоже въ Эйзенахѣ, 14 августа, составлена была программа дальнѣйшихъ дѣйствій, основанія ея были слѣдующія: ходъ послѣднихъ событій неотразимо доказываетъ необходимость реформы союзнаго сейма и учрежденіе центральной силы и нѣмецкаго національнаго представительства; эта программа, передъ тысячами подоб-

ныхъ рѣшеній, изданныхъ въ этомъ же смыслѣ тысячами комитетовъ и собраній, имѣла великое преимущество; она прямо, безъ колебаній, указывала, что желанныя реформы могутъ произойти только при руководствѣ и содѣйствіи Пруссіи. Вскорѣ оказалось, что программа нашла особенно сильное сочувствіе въ протестантской Германіи и что идея, служившая ей основаніемъ, въ теченіе десяти лѣтъ, съ 1859 года, сдѣлала большіе успѣхи. Довольно большое число гражданъ Готы, въ смыслѣ, согласномъ съ программой, подали герцогу Эрнесту прошеніе; онъ принялъ его и согласно съ его содержаніемъ отвѣчалъ, что готовъ содѣйствовать составленію большой національной партіи въ Германіи и съ своей стороны радостно привѣтствуетъ это проявленіе стремленія къ самобытности. Идея эта быстро распространялась и усиливалась, но она встрѣтила противодѣйствіе тамъ, гдѣ надобно было того ожидать. Графъ Рехбергъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, человѣкъ не отличавшійся ничѣмъ особеннымъ отъ сотенъ такихъ же австрійскихъ дворянъ, находящихся на службѣ въ австрійскомъ дипломатическомъ корпусѣ, нашелъ необходимымъ отправить ноту отъ 4 сентября къ своему посланнику при саксонскомъ дворѣ; въ ней онъ выразилъ свое неодобреніе къ образу дѣйствій герцога Кобургскаго и къ его сочувствію къ этимъ изъявленіямъ національности. Нота была тотчасъ же сообщена прусскому правительству и герцогу. Въ томъ же мѣсяцѣ, въ собраніи сельско-хозяйственнаго конгресса въ Франкфуртѣ, этого въ высшей степени дѣятельнаго общества, организовалась тоже національная партія, по образцу вышеупомянутой эйзенахской и итальянской, получившая названіе національнаго собранія (Nationalverein); его первоначальному развитію много содѣйствовало съ одной стороны преобладаніе либеральной партіи въ Пруссіи и весь характеръ управленія Пруссіи, возбуждающій довѣріе; съ другой стороны ему не мало помогъ счастливый случай: именно въ это время предполагалось праздновать столѣтній юбилей Шиллеру.

Празднованіе юбилея, 10 ноября 1859 года, было истинно параднымъ, величественнымъ національнымъ праздникомъ; имъ нѣмцы, по истинѣ, могутъ гордиться. Это былъ свѣтлый, солнцемъ проникнутый, день, какіе рѣдко попадаются въ жизни одного человѣка, а еще рѣже въ жизни народа; его не запятнало ни одно облако; гармонію его не нарушилъ ни одинъ диссонансъ; въ этотъ день всѣ племена Германіи, по мѣрѣ силъ и возможности, по мѣрѣ ума и дарованія, въ хорошихъ и плохихъ стихахъ, въ плавныхъ, глубокихъ и мелкихъ рѣчахъ принесли дань великому поэту, давшему своимъ соотечественникамъ примѣръ героически-идеальнаго направленія, тѣмъ выше цѣнимаго, чѣмъ менѣе оно встрѣчается въ настоящее время, такъ бѣдномъ идеальнымъ направленіемъ и такъ сильно въ немъ нуждающемся, при наступившей порѣ горькихъ разочарованій, нетерпѣливыхъ желаній и надеждъ. Для торжественныхъ рѣчей и ораторовъ тема была богатая; можно было показать, что именно этотъ поэтъ болѣе, чѣмъ всякій другой, представлялъ человѣка въ борьбѣ съ общественною жизнію, въ борьбѣ съ противоположностями, какія встрѣчалъ въ государствѣ и церкви; можно сказать, поэтъ съ предвидѣніемъ генія предугадывалъ будущность своей собственной націи; видѣлъ, что въ XIX столѣтіи она будетъ обуреваема идеями и противорѣчіями, и высказалъ это въ своихъ поэтически-пророческихъ стихахъ:— контрастъ и борьбу владычества духовенства съ свободномысліемъ онъ выразилъ въ «Донъ-Карлосѣ»; уничтоженіе беззаконной тираніи въ «Вильгельмѣ Теллѣ»; столкновеніе между правомъ геніальнаго царственнаго духа предпріимчивости и господства съ вѣчнымъ вчерашнимъ порядкомъ существующаго государственнаго строя—въ «Валленштейнѣ»; но въ Германіи былъ человѣкъ и было государство, которые изъ хода событій могли разобрать могучій призывъ, въ человѣческихъ словахъ выразившійся поэтическій безсмертный духъ великаго Шиллера: «настала минута, пора подвести итогъ подъ великой задачей жизни; небесные знаки побѣдоносно и благопріятно сіяютъ надъ тобою; планеты ниспосылаютъ тебѣ счастье и говорятъ тебѣ: теперь пора!».

Слова эти повсюду повторялись; народъ въ напряженномъ ожиданіи примѣнялъ ихъ къ тому, что волновало и тревожило его. Ихъ сказалъ любимый народный поэтъ, вышедшій изъ среды народа, вынесшій трудную борьбу съ жизнью на

всѣхъ ея ступеняхъ, и оставшійся вѣренъ своему идеалу; это былъ лучшій учитель, лучшій образецъ для наступавшей борьбы; это глубоко чувствовалось во всѣхъ слояхъ общества и, больше или меньше, было для нихъ понятно. Да, это былъ великій, свѣтлый, незабвенный день; передъ изображеніемъ великаго поэта германцы еще разъ подали другъ другу руку, прежде чѣмъ взяться за оружіе и начать на родной почвѣ послѣднюю рѣшительную борьбу.

День юбилея, 10 ноября, былъ поистиннѣ великъ и прекрасенъ; тутъ собрались представители цѣлой Германіи, все было забыто, что ее раздѣляетъ; на минуту всѣ, самыя разнообразныя стремленія слились въ одномъ идеальномъ стремленіи къ высокому и въ поклоненіи генію; это былъ истинно народный праздникъ, но чтобы праздникъ часто повторялся для 40 милліоновъ людей, надобно было, чтобы они его заслужили тяжкимъ трудомъ будничныхъ дней, чтобы силы ихъ стремились къ одной цѣли, чтобы цѣль эта сдѣлалась для нихъ жизненною потребностью, а безъ этого не могло быть отдыха, не могло быть праздника.

Не смотря, однакожъ, на этотъ общегерманскій праздникъ, за которымъ въ слѣдующіе годы слѣдовали еще иные общіе праздники, хотя менѣе этого блистательные, не смотря, какъ мы говоримъ, на это кратковременное единодушное сочувствіе одному дѣлу, центробѣжныя силы германскаго народа продолжали еще брать перевѣсъ въ ея государственной жизни. Каждому государству отдѣльно приходилось вынести великую борьбу съ духомъ текущаго столѣтія, конечную цѣль котораго великій поэтъ высказалъ словами: «гражданское счастье пойдетъ объ руку съ величіемъ государя;» борьба эта для каждаго изъ отдѣльныхъ государствъ имѣла свою собственную физіономію.

Бросимъ еще одинъ взглядъ на эту сторону германской жизни, прежде чѣмъ приступимъ къ дальнѣйшему развитію отдѣльныхъ движеній и отдѣльныхъ попытокъ.

А. ОТДѢЛЬНЫЯ ГОСУДАРСТВА ГЕРМАНІИ.

Въ Баваріи, самомъ значительномъ изъ государствъ средней величны германскаго союза, реактивное министерство фонъ деръ Пфордена вело нескончаемую борьбу съ палатой депутатовъ; здѣсь борьба за мнѣнія чуть не превратилась въ жалкую личную непріязнь его къ депутату, доктору Вейсу, котораго то и дѣло безъ конца выбирали во вторые президенты палаты. Но король Максиміліанъ II, человѣкъ благородный, доброжелательный, деликатный, опираясь на свою королевскую власть, могущественнымъ изреченіемъ: «я хочу жить съ моимъ народомъ въ мирѣ и согласіи,» успокоилъ умы и повелъ своихъ подданныхъ путемъ здороваго, обдуманнаго и неторопливаго прогресса.

Въ университетъ Мюнхена, своей столицы, онъ старался привлечь изъ сосѣднихъ государствъ ученыхъ и достойныхъ профессоровъ, съ тѣмъ, чтобы они помогли ему разогнать тму невѣжества, внесенную туда ненавистной ему клерикальной партіей: онъ затѣялъ трудную борьбу; въ числѣ жителей его государства на 1,200,000 протестантовъ приходилось три милліона католиковъ съ сильною клерикальною партіей, вовсе нестѣсняющейся при выборѣ средствъ для достиженія предположенной цѣли. Эта партія, а вмѣстѣ съ ней и большая часть народонаселенія, тяготѣла къ Австріи, такъ что національное общество или собраніе только въ одномъ Прирейнскомъ палатинатѣ нашло немного приверженцевъ. При открытіи желѣзной дороги изъ Мюнхена въ Вѣну, 11 августа 1860 года, въ обоихъ городахъ были празднества братства; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, кстати или некстати, но правительство постоянно указывало «на законами огражденную самостоятельность Баваріи;» такое сильное чувство самостоятельности было естественнымъ сознаніемъ силы; оно основывалось на томъ, что это государство, за исключеніемъ Испаніи, послѣ паденія королевства Обѣихъ Сицилій, составляетъ не только самое большое изъ средне-германскихъ государство, но даже и изъ европейскихъ средней величины: въ немъ, на 1,394 квадратныхъ миляхъ, 5 милліоновъ жителей; Бавaрія могла выставить въ мирное время войско въ 70,000 че-

ловѣкъ, а въ военное еще больше; государственное устройство у нея было хорошее, финансы въ очень удовлетворительномъ состояніи. Изъ внутреннихъ учрежденій Баваріи достойно вниманія, что евреи здѣсь искони пользуются правами гражданства: они не стѣснены въ правѣ пріобрѣтенія недвижимой собственности, они, безъ ограниченія, могутъ заниматься всякимъ промысломъ; новый кодексъ уголовныхъ законовъ былъ введенъ, уничтожены внутренніе займы, въ 1861 году приняты были общегерманскія торговыя постановленія, ихъ выработала комиссія, составленная изъ уполномоченныхъ германскихъ государствъ и собравшаяся въ Нюренбергѣ; новыя торговыя постановленія предоставляли большія льготы промышлености и торговлѣ. 28 Февраля, 1863 года сеймъ былъ распущенъ. «Нѣмецкая партія прогресса», организованная въ Нюренбергѣ, при новыхъ выборахъ потерпѣла пораженіе отъ министерской партіи. Тронная рѣчь, произнесенная 23 іюня, многократно утверждала чувство самостоятельности баварскаго правительства и народа, ихъ стремленіе всѣми силами сохранять независимость и неприкосновенность чести и свободы Баваріи; проектъ адреса прогрессистовъ отвергнутъ былъ большинствомъ 108 голосовъ противъ 36. Послѣ того палата требовала сокращенія безконечнаго шестилѣтняго періода финансоваго распредѣленія, но министерство отклонило это преобразованіе; вслѣдъ за тѣмъ палата, 26 сентября, утвердила, только на двухгодичный срокъ, предположенный чрезвычайный военный заемъ.

Въ Вюртембергѣ интересы этихъ годовъ преимущественно сосредоточились на конкордатѣ, заключенномъ съ римской куріей. Это незначительное государство, въ 350 квадратныхъ миль, въ числѣ своихъ 1,800,000 жителей насчитывало 550,000 католиковъ, преимущественно сосредоточенныхъ въ верхней Швабіи; на нихъ обнаруживалось господство того же самаго вліянія, которое въ Австріи преобладало передъ конкордатомъ и вызвало его; оно, какъ мы уже замѣтили, пользуясь благопріятными для себя обстоятельствами 1859 года, создало почти такое же отношеніе, какъ въ Австріи, и для Вюртемберга съ Римомъ; здѣсь протестанты и католики до сихъ поръ жили другъ съ другомъ мирно, не смѣшивась съ ними и не приходя въ столкновеніе изъ-за общихъ интересовъ. Но коренной вюртембергскій народъ, хотя ворчливый, но способный спокойно выносить всевозможныя злоупотребленія, былъ раздражителенъ и несговорчивъ только въ этомъ одномъ отношеніи; здѣсь было чрезвычайно много людей съ глубоко философскими знаніями, съ пытливымъ и изыскательнымъ умомъ; здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ бы то нибыло, находился рядъ людей съ глубокимъ, тяжко пріобрѣтеннымъ, самостоятельнымъ философски-религіознымъ направленіемъ; 16 Марта 1861 года, послѣ сильныхъ и продолжительныхъ преній во второй палатѣ, большинствомъ 63 голосовъ противъ 27, конкордатъ былъ признанъ, но объявленъ необязательнымъ, при исполненіи его выговорены были ограниченія, правительству очень обстоятельно и ясно предложено было отношенія католической церкви, на сколько это нужно, согласовать съ общимъ государственнымъ законодательствомъ. Престарѣлый король видѣлъ, что передъ нимъ возсталъ противникъ, съ которымъ ему не справиться; онъ уволилъ предсѣдателя министерства духовныхъ дѣлъ Рюмелина, защищавшаго дѣло, шаткія способности и характеръ котораго были очевидны для его свѣтлаго государственнаго ума и опытности; прочіе министры этого мнимоконституціоннаго управленія остались на своихъ мѣстахъ; здѣсь конституція была совершенно особаго рода: здѣсь спорнаго дѣла и преніи въ палатѣ никогда не доводили до конца; при существующей системѣ выборовъ, основанной на устарѣломъ и ни на чемъ не основанномъ законѣ избирательства, правительству не трудно было улаживаться съ представительной формой правленія. О реформахъ въ этомъ смыслѣ почти не было рѣчи; народъ привыкъ хулить распоряженія правительства, привыкъ обвинять его за все и про все, но самъ, по врожденной лѣности, не касался государственныхъ вопросовъ; у него установилось мнѣніе: пусть старый король Вильгельмъ доцарствуетъ до конца такъ, какъ до сихъ поръ царствовалъ, а потомъ уже народъ примется устраивать свой бытъ и разсуждать о правительственныхъ вопросахъ. Пресса пользовалась такою же относительною свободою, какою пользовались задорные политики пивныхъ погребовъ: и тутъ, и тамъ шумѣли. Разсудительный человѣкъ, находившійся во главѣ управленія, фрей-

геръ фонъ Линденъ, очень хорошо понималъ, что отъ разглагольствованій до серьезнаго политическаго дѣла еще далеко. Онъ не касался старыхъ злоупотребленій; несчастная бюрократическая централизація и безстыдство правительственнаго непотизма продолжали дѣйствовать; высшіе къ низшимъ попрежнему были грубы, низшіе къ высшимъ напротивъ рабски-почтительны, всѣ отношенія заключались въ безконечной почтительной перепискѣ, въ донесеніяхъ, изъявленіяхъ и т. д., все въ томъ же порядкѣ или безпорядкѣ, какъ встарину; о нѣмецкомъ, т. е. германскомъ, вопросѣ у правительства не было рѣчи. Національное общество не встрѣтило здѣсь сочувствія; національная партія пока состояла изъ очень ограниченнаго числа людей, разсыпанныхъ по государству, несоединенныхъ въ общину, ненаходящихъ опоры въ народѣ, безъ собственнаго органа печати. Масса народа считала себя чисто нѣмецкою и вѣрила, будто питаетъ особенную симпатію къ Австріи, между тѣмъ какъ въ сущности ей не было дѣла ни до Австріи, ни до Пруссіи, потому что не было въ Германіи народа такъ самодовольно и твердо вѣрившаго въ возможность своего самостоятельнаго существованія и чувствующаго непомѣрную племенную гордость; это поддерживалось несомнѣнной даровитостью цѣлаго народа и множествомъ замѣчательныхъ дарованій въ его образованныхъ слояхъ. Баварскій чиновникъ болѣе всего опасался возбудить подозрѣніе, что онъ раздѣляетъ прусское воззрѣніе на дѣла, потому что на такое направленіе правительство смотрѣло, какъ на личную обиду, напротивъ демократическій образъ мыслей не считался предосудительнымъ: теперь всѣмъ стало ясно, какъ мало опасности представляетъ эта партія, и министръ-президентъ Линденъ, особенно же его новый министръ духовныхъ дѣлъ, Гольтеръ, опытный льстецъ, отлично понимавшій искусство льстить и высшимъ и низшимъ: онъ, повидимому, раздѣлялъ демократическія идеи и стремленія, а между тѣмъ мало-по-малу, безъ шума, отодвигалъ ихъ къ сторонѣ. Министерство любезничало со всѣми коньками либерализма, наприм. потакало несозрѣвшей идеѣ о всеобщемъ народномъ вооруженіи, бывшей въ ходу у этой партіи и въ данную минуту очень пріятной для цѣлей правительства, потому что тутъ таилась ненависть къ Пруссіи, а ее раздѣляли и, по возможности, поддерживали всѣ слои общества. Во внутреннемъ управленіи, несмотря на застой въ цѣломъ, все-таки дѣлались нѣкоторыя перемѣны въ частностяхъ; такъ, въ августѣ 1861 года, введено было постановленіе для промысловъ, предоставлявшее имъ больше свободы, чѣмъ до сихъ поръ было; постановленія эти были приняты большинствомъ 68 голосовъ противъ 2; въ ноябрѣ того же года, католическое церковное право, составленное правительствомъ, сообразно съ статьями конкордата, подверглось строгому разсмотрѣнію и послѣ сильныхъ преній и значительныхъ перемѣнъ прошло во второй палатѣ, при большинствѣ 67 голосовъ противъ 13, а въ декабрѣ оно было принято и первой палатой; въ томъ же мѣсяцѣ вторая палата отвергла соглашеніе съ саксонскимъ высшимъ дворянствомъ по поводу его неосновательныхъ требованій на вознагражденіе; это дѣло тянулось еще съ 1856 года. Затѣмъ вторая палата закрылась, потому что законный срокъ ея шестилѣтняго существованія прошелъ и она разошлась въ началѣ 1862 года. Новые выборы состоялись, но не принесли съ собою ни малѣйшей перемѣны въ относительномъ положеніи партій; 2 мая 1862 года, министръ Линденъ открылъ новый сеймъ ничего незначащею рѣчью; онъ между прочимъ коснулся общегерманскаго вопроса и успокоивалъ слушателей тѣмъ, что время заняться этимъ вопросомъ наступило и что предложенія объ основательныхъ реформахъ въ управленіи союзнымъ сеймомъ уже дѣлаются.

Совсѣмъ иное положеніе пріобрѣло незначительное Баденское великое герцогство, на которое Вюртембергъ, въ сознаніи своей силы, смотрѣлъ съ пренебреженіемъ. И здѣсь церковный вопросъ пробудилъ народный духъ къ общественной дѣятельности. Столкновеніе съ архіепископомъ, окончившееся въ 1859 году побѣдой, одержанной ультрамонтанской партіе, привело правительство къ заключенію соглашенія (convention) съ Римомъ, 16 декабря, похожаго на австрійскій конкордатъ, послужившій основаніемъ для церковнаго устава католической церкви въ баденскомъ великомъ герцогствѣ. Въ немъ насчитывалось всего только $1^1/_2$ милліона жителей, изъ нихъ было одинъ милліонъ католиковъ; но времена перемѣнились и всесвѣтная мудрость руководителей католицизма не могла уже

похвалиться предусмотрительностію или осторожностью, и поэтому католическая церковь въ одинъ годъ потеряла больше, нежели пріобрѣла въ десять лѣтъ непрестанными стараніями. Конвенцію встрѣчали съ неудовольствіемъ и недоумѣніемъ даже мало-мальски образованные и мыслящіе католики, несмотря на то, что они составляли преобладающее населеніе; это настроеніе высказывалось очень открыто, и великій герцогъ, человѣкъ, понимавшій требованія времени и съ настоящей точки зрѣнія смотрѣвшій на свое назначеніе, слѣдилъ за возрастающимъ народнымъ неудовольствіемъ; когда же, въ мартѣ 1860 года, вторая палата значительнымъ большинствомъ голосовъ отвергла конкордатъ, министръ Штенгель хотѣлъ было прибѣгнуть къ угрозѣ, чтобы заставить палату согласиться на конвенцію, то великій герцогъ уволилъ все министерство и назначилъ новое съ рѣшительно-либеральнымъ направленіемъ; самые замѣчательные изъ новаго министерства были Ламей и Штабель. Это министерство, вмѣсто того, чтобы терять время на безплодный канкордатъ, или соглашеніе съ иностранною державой, нашелъ себѣ занятіе несравненно болѣе нужное и полезное для государства: оно обратило все свое вниманіе на внутреннее устройство его. Архіепископъ фрейбургскій тотчасъ началъ войну съ правительствомъ: когда первая палата, по образцу второй, отвергла конкордатъ, архіепископъ объявилъ, что намѣремъ удержать за церковью права, представленныя ей конкордатомъ; духовенство, сообразуясь съ цѣлями своего пастыря, начало дѣйствовать на низшіе, деревенскіе слои народа. Но правительство, не обращая вниманія на протестъ, спокойно продолжало идти по избранному пути. Шесть законовъ, исключительно касающихся отношеній и дѣлъ церкви и предоставлявшихъ ей право распоряжаться въ границахъ собственной области, были приняты палатой. Засѣданія сейма послѣ этого закрылись; по этому случаю великій герцогъ произнесъ рѣчь съ величайшимъ достоинствомъ, благородствомъ и исполненную прямоты и честнаго либеральнаго направленія. Рѣчь его дышала полнотою чувства любви къ народу, онъ далъ понять, что онъ желаетъ видѣть въ государствѣ, ввѣренномъ ему, развитіе чисто народной, національной монархіи; что для него одинаково священны права народа и права государя; что онъ не видитъ различія въ степени силы этихъ правъ и что онъ съ своимъ министерствомъ выполнитъ то, что назначилъ себѣ цѣлью, выполнитъ мѣрами кротости и твердости, почерпнутой изъ сознанія правоты своихъ дѣлъ и чистоты намѣреній. Столкновеніе съ ультрамонтанами вызвало энергическія политическія мѣры и обнаружило прямой взглядъ на отношенія; великій герцогъ ясно и отчетливо понялъ національное движеніе и не колеблясь присоединился къ нему; новаго помощника для своихъ начинаній нашелъ онъ въ фрейгерѣ фонъ Роггенбахѣ; онъ съ проницательностью государственнаго человѣка умѣлъ отличить реальную политику отъ политической идеалогіи; онъ принялъ портфель министерства иностранныхъ дѣлъ въ маѣ 1861 года. Чрезвычайно большое значеніе для Германіи заключалось въ томъ, что кромѣ Кобурга и Веймара, здѣсь, въ Баденѣ, управленіе шло въ чисто либеральномъ духѣ. Въ іюнѣ былъ открытъ для евангелической церкви генеральный синодъ; великій герцогъ предложилъ ему на разсмотрѣніе проектъ церковнаго устава, составленный въ смыслѣ истинно христіанскаго евангелическаго духа, принявъ за основаніе свободную самодѣятельность приходовъ; проектъ въ своихъ главныхъ чертахъ былъ принятъ синодомъ, а въ сентябрѣ утвержденъ великимъ герцогомъ. По поводу новыхъ выборовъ депутатовъ министръ Роггенбахъ рѣшительно объявилъ, что правительство останется твердо при своей либеральной программѣ и будетъ держаться національныхъ выгодъ, сохраняя за отдѣльными государствами ихъ неотъемлемое право свободы распоряжаться во внутреннихъ дѣлахъ; но, указывалъ на необходимость централизаціи Германіи относительно иностранныхъ державъ.

Выборы пали рѣшительно въ пользу правительства: такъ какъ министерство находило опору въ самой благоразумной части народонаселенія и такъ какъ великій герцогъ поддерживалъ его, то ему удалось безъ большихъ затрудненій уладить столкновенія съ католическою церковью. Агитація со стороны духовенства сдѣлала мало успѣховъ, потому что правительство пылу страсти противо поставило спокойную силу, а своеволію—законъ. 4 декабря, 1861 года архіепископъ принялъ правительственныя распоряженія, предоставляя его святѣйшеству неприкос-

новенность правъ чисто церковныхъ. Годовщину прокламаціи 7 апр. 1860 г., въ которой великій герцогъ обнародовалъ начало новой системы управленія, праздновали во многихъ мѣстахъ; плоды этой реформы уже становились очевидны. 9 августа, 1862 г., великій герцогъ Фридрихъ опубликовалъ безусловную амнистію, что не мало означало на баденской почвѣ. Въ октябрѣ того же года въ министерство поступилъ Карлъ Мати, еще въ 1848 году привлекшій на себя вниманіе, какъ человѣкъ мужественный, знающій, съ свѣтлымъ умомъ и независимымъ характеромъ. 25 февраля 1863 года была уничтожена игорная аренда въ Баденъ-Баденѣ, тогда какъ передъ тѣмъ франкфуртское національное собраніе тщетно направляло свои декреты противъ игорныхъ домовъ. Въ томъ же году произошла еще очень важная перемѣна: предположено было дать новую организацію конституціи; палата депутатовъ единодушно приняла это предложеніе.

Самую рѣзкую противоположность съ Баденомъ представляетъ курфюршество Гессенское. Въ баденскомъ герцогствѣ государь и народъ дружно и неутомимо стремились къ улучшенію внутренняго быта и въ то же время не упускали изъ виду своихъ обязанностей, относительно отечества; напротивъ того, въ Кургессенѣ на престолѣ сидѣлъ человѣкъ, который пользовался обстоятельствами, чтобы предаваться своему прихотливому своеволію; область его была не обширная, она простиралась всего только на 175 кв. миль и жителей было только 754,000 человѣкъ; но онъ враждебно смотрѣлъ на своихъ подданныхъ, постоянно и упрямо отказывался дать имъ должныя права; вообще дѣлалъ народу столько вреда, сколько могъ надѣлать правитель въ 19 столѣтіи. По временамъ какой-нибудь особенно крупный скандалъ давалъ пищу юмористическимъ листкамъ и когда насмѣшки того заслуживали, тогда злобные приближенные курфюрста всегда умѣли подсунуть листокъ ему подъ руку, чѣмъ и приводили его въ неистовство и онъ предавался вполнѣ своей злобѣ; но его выходки превышали всякую мѣру терпѣнія: даже союзный сеймъ, въ 1860 году, обратилъ вниманіе на тиранію въ Кургессенѣ. Въ Гессенѣ смотрѣли на конституцію и вообще на законодательство курфюршества, какъ на такое, которое неизмѣнно должно основываться на законодательствѣ 1831 года; къ тому же прусская тронная рѣчь 12 января 1860 года, именно это же самое законодательство признавала самымъ лучшимъ, самымъ пригоднымъ и совершенно согласнымъ съ прусскою точкою зрѣнія; слова прусскаго регента: «пусть міръ узнаетъ, что Пруссія всегда и вездѣ готова отстаивать свои права,» нигдѣ не нашли такого единодушнаго отголоска, какъ здѣсь. Но для большей части союзныхъ правительствъ простой возвратъ къ законному праву былъ особенно затруднителенъ: куда поведетъ судьба, если народамъ начнутъ отмѣривать ихъ права такою мѣрою? При такомъ взглядѣ на вещи, союзный сеймъ положилъ, 24 марта, на основаніи предложеній большинства своихъ коммиссій, не гарантировать конституціи 1852 года до тѣхъ поръ, пока кургессенскія сословія не доставятъ своихъ разсужденій и предположеній. Вслѣдствіе этого двусмысленнаго рѣшенія, противъ котораго Пруссія подала свой протестъ, курфюрстъ гессенскій проектировалъ, 30 мая, новую конституцію, съ тѣмъ, чтобы она получила силу и приводилась въ исполненіе съ 1 іюля 1860 года. 3 іюля были назначены выборы депутатовъ въ сеймъ, сообразно съ новымъ уставомъ. Выборы окончены были 31 августа, но почти вездѣ съ ограниченіями. Это оказалось общимъ лозунгомъ: палата, собравшаяся въ ноябрѣ, избрала себѣ президента тоже съ оговоркою въ рѣчи, произнесенной при открытіи засѣданій, что всѣ дѣйствія палаты, до-сихъ-поръ совершенныя, заключаютъ въ себѣ протестъ, и слѣдовательно, законодательство 1831 года еще продолжаетъ сохранять свой законный характеръ въ полной силѣ. 8 декабря палата единодушно, за исключеніемъ семи голосовъ, объявила себя неспособною выполнять роль, ей навязанную, и вести дѣла такъ, какъ того требуетъ конституція 1860 года; вслѣдъ за тѣмъ, курфюрстскій комиссаръ сейма объявилъ, что палата распущена. Но 4 апрѣля 1861 года курфюрстъ Вильгельмъ опять предложилъ своимъ любезнымъ подданнымъ приступить къ новымъ выборамъ: желанія, высказанныя на законномъ основаніи, найдутъ въ немъ благосклонное вниманіе, говорилось въ предписаніи. Ограниченія, оговорки и протесты при выборахъ, говорилось въ министерскомъ распоряженіи, не допускаются; но когда вновь выбранные депутаты собрались, 11 іюня, въ

палатѣ, тогда повторилось то же самое, что произошло за годъ передъ тѣмъ: избраніе предсѣдателя произведено было съ ограниченіями, а 1 іюля, подобно предъидущему году, депутаты единодушно признали себя неспособными къ выполненію предназначенной имъ роли и подали отъ себя курфюрсту просьбу возстановить конституцію 1831 года. Палата вновь была распущена; а 2 ноября, въ третій разъ, дано предписаніе приступить къ выборамъ согласно конституціи 1860 года. 3 января 1861 года палата депутатовъ опять собралась, а 8 января повторила объявленія палатъ прежнихъ двухъ выборовъ и снова была распущена. Но общее настроеніе было обезпокоено. Насильственные сборы податей и экзекуціи при нихъ дѣлались все чаще и чаще, однакожъ, дѣло еще не доходило до явнаго сопротивленія, котораго поджидала реакція. Тѣмъ не менѣе положеніе курфюрста и его министерства сдѣлалось невыносимо.

Германскія палаты, одна за другою, приняли сторону большинства гессенскаго народонаселенія, которое само за себя уже высказалось посредствомъ троекратныхъ выборовъ и троекратнаго объявленія депутатовъ. Самое популярное изъ нѣмецкихъ правительствъ, баденское, очень прямо и открыто высказалось, въ собраніи союзнаго сейма, въ пользу гессенскаго народа; Австрія, до-сихъ-поръ поддерживавшая недостойнаго правителя, но между тѣмъ сдѣлавшаяся конституціонною, принуждена была то же отказаться отъ своего покровительства, тѣмъ болѣе, что опасалась какъ бы Пруссія и тутъ не предупредила ея. Чтобы отвратить неудачу, графъ Рехбергъ, сдѣлавшій себѣ хорошую карьеру тѣмъ, что поддерживалъ распоряженія Гассенфлуга, вошелъ въ переговоры съ Пруссіей, и обѣ великія державы собща, 8 марта, сдѣлали предложеніе союзному сейму, чтобы онъ предписалъ курфюрсту гессенскому возстановить конституцію 1831 года, отмѣненную въ 1852 году, ограничивъ ее тѣмъ, чтобы статьи ея, несогласныя съ общими основными постановленіями Германскаго союза, не получали силы, и чтобы онѣ измѣнены были согласно способу, предписанному тою же конституціей. Дерзкій курфюрстъ отвѣчалъ на это предложеніе, 24 апрѣля, приказомъ приступить къ новымъ выборамъ, согласно законодательству 1860 года, но присовокупилъ, чтобы выборы были произведены и приняты безъ всякихъ ограниченій, а для этого каждый избиратель, до подачи голоса, долженъ былъ объявить, что избираетъ безъ всякихъ ограниченій, а каждый избранный, до принятія избранія, опять таки обязанъ объявить, что онъ не предоставляетъ себѣ права протеста и безъ всякихъ оговорокъ принимаетъ патентъ о назначеніи въ депутаты; кто не соглашался дать такого обѣщанія, исключался изъ числа избирателей и депутатовъ. Такимъ образомъ курфюрстъ надѣялся составить хоть какую-нибудь палату въ смыслѣ утвержденнаго имъ законодательства. Прусское правительство протестовало противъ такого насилія, но безуспѣшно: упрямый курфюрстъ приказалъ 3 мая приступить къ выборамъ согласно его положенію.

Графъ Бернсторфъ вслѣдъ за тѣмъ, 6 мая, послалъ въ Вѣну энергическую ноту, въ которой выражалъ, что Пруссія не можетъ долѣе своихъ дѣйствій согласовать съ нерѣшительнымъ колебаніемъ франкфуртскаго союзнаго сейма. Австрія встрепенулась и хотѣла поднять на ноги союзный сеймъ, чтобы предупредить командировку чрезвычайнаго прусскаго посланника; но союзный сеймъ по своей обычной нерѣшительности отложилъ подачу голосовъ до слѣдующаго засѣданія. Между тѣмъ прусскій генералъ Веллизенъ, съ собственноручнымъ письмомъ своего короля, отправился 11 мая въ Кассель. Оскорбительный пріемъ, встрѣченный здѣсь посланникомъ, раздражилъ прусское правительство и заставилъ его взяться за оружіе; составилось два корпуса войскъ, готовыхъ выступить въ поле; 18 мая посланъ былъ курфюрсту ультиматумъ, требовавшій, чтобы въ вознагражденіе за нанесенную посланнику обиду, курфюрстъ уволилъ своихъ совѣтниковъ. Курфюрстъ не согласился на требованіе. Между тѣмъ союзный сеймъ приступилъ къ подачѣ голосовъ и предложеніе было принято: положено было требовать отъ курфюрста отмѣны новаго избирательнаго закона и его условій; курфюрстъ готовъ былъ покориться этому требованію, но предоставлялъ себѣ право все-таки установить законодательство 1860 года. Нѣсколько дней спустя союзный сеймъ принялъ также и австрійско-прусское предложеніе отъ 8 марта о возстановленіи конституціи 1831 года; одинъ только Мекленбургъ подалъ голосъ не въ

пользу предложенія; Ганноверъ, хотя и съ глубокимъ сожалѣніемъ, но подалъ голосъ за него. Послѣ такого рѣшенія министерство курфюрста просило объ увольненіи; новое, министерство, подъ предсѣдательствомъ Денъ-Ротфельзера, дѣйствительно, хотя немедленно, занялось возстановленіемъ конституціи 1831 года, объявило, что конституція 1860 года окончательно отмѣнена, и установило, 24 іюня, выборы для сейма по избирательному закону 1849 года; мало-по-малу правительственныя лица, отставленныя въ 1850 году, опять поступили на службу. Въ октябрѣ 1862 года депутаты собрались; они избрали себѣ президентомъ бургомистра Небельтау, того самаго, который все время руководилъ протестомъ. Такимъ образомъ долгая борьба съ долголѣтнимъ зломъ и беззаконіемъ здѣсь окончилась побѣдой праваго дѣла и пораженіемъ реакціи, съ 1850 года господствовавшей здѣсь со всѣмъ произволомъ самовластія. Этотъ примѣръ подѣйствовалъ на всю Германію; но терпѣніе гессенскаго народа и его представителей вскорѣ опять подверглось новымъ испытаніямъ и напастямъ. Палата, вслѣдъ за депутатомъ Эткеромъ, требовала, чтобы приказанія и распоряженія, сдѣланныя съ 1850 года и противныя конституціи 1831 года, были отмѣнены, и желала знать, когда правительству угодно будетъ представить палатѣ бюджетъ для разсмотрѣнія; но министерство само не знало, что ему дѣлать; оно находилось, относительно упрямаго курфюрста, въ самомъ затруднительномъ положеніи: онъ ни на какую мѣру не соглашался. На заданные вопросы онъ отвѣчалъ министерскими кризисами, а 20 ноября далъ увольненіе всѣмъ министрамъ и отсрочилъ засѣданія палаты на неопредѣленное время. Казалось, онъ разсчитывалъ на конституціонныя столкновенія въ Пруссіи, гдѣ именно въ то время происходили недоразумѣнія; но разсчеты его оказались невѣрными. 24 ноября прусское правительство послало въ Кассель грозную ноту; оно отдавало должную справедливость государственнымъ сословіямъ, готовымъ всегда къ примиренію, а курфюрсту дѣлало вовсе нетонкіе намеки на то, что благосостояніе народа можетъ быть упрочено, если залогомъ и ручательствомъ его будутъ поставлены родственники его королевскаго высочества; на этотъ разъ нота написана была человѣкомъ, который не побоялся бы не только обнажить мечъ Пруссіи, но и употребить его въ дѣло; она написана была новымъ прусскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и президентомъ министровъ Бисмаркомъ-Шенгаузеномъ. Если этого незнали въ Касселѣ, то въ этомъ не сомнѣвались ни въ Вѣнѣ, ни въ Франкфуртѣ: сломя голову, австрійскій уполномоченный, фельдмаршалъ-лейтенантъ Шмерлингъ, братъ министра, поскакалъ въ Кассель, чтобы наставить курфюрста на умъ. Онъ прибылъ туда 25, а 27 курфюрстъ взялъ обратно увольненіе, данное министрамъ, и собраніе государственныхъ чиновъ назначилъ на 4 декабря. До поры до времени конституціонная машина снова начала дѣйствовать, курфюрстъ удовольствовался тѣмъ, что по временамъ дѣлалъ небольшія затрудненія и препятствія въ ходѣ администраціи; 30 іюня 1863 года онъ утвердилъ законы о финансахъ, согласно рѣшенію палатъ и положилъ конецъ 13-лѣтнему безбюджетному существованію Гессена.

Курфюршество гессенское безспорно было самое дурное, по своему управленію, государство германскаго союза; въ этомъ отношеніи ближе всего къ нему подходитъ Мекленбургъ; но почти въ каждомъ изъ мелкихъ и среднихъ государствъ германскаго союза управленіе представляется или въ смѣшномъ, или ненавистномъ видѣ, и тѣмъ придаетъ разнообразіе общей печальной картинѣ неурядицы союза, передъ концомъ его существованія. Такъ, напримѣръ, великое герцогство Гессенское, гдѣ фрейгеръ фонъ-Дальвигкъ управлялъ съ особенно сильнымъ усердіемъ, вело безпрерывную борьбу съ національнымъ обществомъ, которое, въ свою очередь, не переставало ему предсказывать скорый конецъ. Великое герцогство гессенское представило, 5 января 1862 года, франкфуртской коммиссіи союзнаго сейма предложеніе уничтожить національное общество; но Кобургъ, пріютившій у себя главныхъ дѣятелей и представителей его, взялъ его подъ свою защиту и отстоялъ его существованіе. Новые выборы депутатовъ сейма произведены были совершенно противно желаніямъ правительства. Старинная либеральная и домократическая партіи соединились и вытѣснили соединенныя правительственную и клерикальную партіи: одинъ изъ главныхъ агитаторовъ національнаго общества, адвокатъ надворнаго суда, Метцъ, былъ одновременно выбранъ

въ четырехъ избирательныхъ округахъ. Когда палата собралась въ ноябрѣ, президентъ въ привѣтственной рѣчи своей поставилъ первою и главною задачей палаты — устраненіе министерства Дальвичка. Но въ этихъ маленькихъ государствахъ, если кто либо достигалъ подобнаго назначенія, тотъ цѣплялся за него всѣми своими силами, какъ будто народное благо зависѣло отъ существованія его особы; министръ, чтобы удержаться на своемъ мѣстѣ, только измѣнялъ свой образъ дѣйствія, вотъ и все. Въ своемъ адресѣ палата припомнила великому герцогу обѣщанія, данныя имъ въ 1848 г., преобразованія въ церковномъ управленіи и общинныя права подчинить правительству. 200,000 католиковъ и ихъ епископъ дѣлали больше шума и больше хлопотъ правительству, нежели втрое большее число протестантовъ, находящихся въ великомъ герцогствѣ; но касательно этого вопроса правительство предупредило желаніе палаты: оно представило ей на обсужденіе уже готовый проектъ закона; палата въ 1863 г. рѣшительно признала недѣйствительнымъ соглашеніе, нѣкогда заключенное между правительствомъ и майнцскимъ епископомъ. Торговая политика правительства, основанная скорѣе на томъ, что тогдашніе германскіе государственные люди называли просто политикой, имѣвшая болѣе въ виду свои отношенія къ сосѣднимъ державамъ, нежели личные интересы гессенской торговли, пробуждала недовѣріе палаты и по этому заставила ее быть очень осторожною въ финансовыхъ вопросахъ; чтобы положить конецъ безумной расточительности правительства, имѣвшаго претензію, наравнѣ съ другими мелкими государствами союза, посылать ко всѣмъ европейскимъ дворамъ своихъ представителей и давать имъ соотвѣтственное содержаніе, палата вмѣсто бюджета въ 60,000 флориновъ отпустила только половину. Но тутъ былъ предѣлъ могуществу палаты; въ остальномъ министерство шло своею обычною колеею. Новую черту къ каррикатурному изображенію неурядицы Германскаго союза представляетъ распоряженіе великогерцогскаго министерства: оно издало приказъ, по которому чиновникамъ, или, какъ ихъ здѣсь попросту называли, *слугамъ*, запрещалось носить усы, а всѣмъ напротивъ, приказано было носить форменное платье, по которому съ перваго взгляда можно было бы отличить, къ какому вѣдомству тотъ или другой принадлежитъ.

Не такъ незлобивы были отношенія въ другомъ маленькомъ государствѣ, *въ Нассаускомъ*. Здѣсь чувствовалось рѣшительное преобладаніе австрійскаго вліянія, и герцогъ очень основательно для своихъ цѣлей въ 1859 году желалъ побѣды Австріи: онъ надѣялся при ея помощи отдѣлаться отъ непріятности подчиниться конституціи и управлять государствомъ на ея законахъ. Но конституція 1849 года, провозглашенная законнымъ государственнымъ постановленіемъ герцогства, была отмѣнена въ 1851 году; пустившись по теченію реакціи, правительство, при содѣйствіи государственныхъ чиновъ съ очень сомнительными правами, опять изъ стараго возобновляло все то, что можно было возобновить; но даже эти во всемъ такіе податливые чины оказали сопротивленіе по вопросу о *поземельной собственности* (Domänenfrage). Правительство, по своему усмотрѣнію распоряжалось очень значительными доходами съ имѣній, поступившихъ въ 1849 году въ государственную собственность; послѣ долгихъ преній остановились на томъ, чтобы отложить на время вопросъ о *собственности*. Положено было 15% изъ доходовъ, получаемыхъ съ означенныхъ земель, отдавать въ государственное казначейство, для усовершенствованій, потребныхъ въ государственной экономіи. За это чины требовали извѣстнаго числа реформъ, необходимыхъ въ администраціи: уничтоженія лишней переписки и уменьшенія степеней чиновническихъ должностей, тяготѣвшихъ надъ маленькимъ, далеко не богатымъ государствомъ, реформъ, уже по большей части обѣщанныхъ правительствомъ 1860 года. Но такія обѣщанія даются не для того, чтобы ихъ исполнять. Правительство вошло въ соглашеніе съ клерикальной партіей, жертвою которой должна была сдѣлаться либеральная партія, а между тѣмъ въ незначительномъ Гессенѣ на 84 квадратныхъ мили приходилось только 196,000 католиковъ и 214,000 протестантовъ. Герцогъ и его приверженцы ненавидѣли либераловъ съ тѣхъ поръ, какъ образовалось національное общество съ своими прусскими тенденціями; настроеніе это съ удвоенной силой отразилось въ клерикальной партіи, прирожденныхъ ненавистникахъ и врагахъ Пруссіи. Газеты съ клерикальнымъ направленіемъ,

вслѣдствіе этого пользовались всевозможными льготами и почти неограниченною свободой, тогда какъ либеральныя терпѣли всякія притѣсненія и неправды. При выборахъ 1863 года либеральная партія выставила на собраніи въ Линбургѣ своею программой полное возстановленіе государственныхъ законовъ сентября 1849 года, возбудила къ себѣ общее сочувствіе и одержала полную побѣду. Три четверти представителей въ палату депутатовъ выбраны были изъ либераловъ, и имъ же предоставлены были всѣ избирательныя мѣста въ верхней палатѣ. Въ отвѣтъ на этотъ протестъ, придворная партія назначила правительственнымъ директоромъ главу клерикальной партіи, Веррена; это былъ человѣкъ недостойный, его безспорно можно было назвать человѣкомъ безчестнымъ: съ нимъ введена была безстыдная и безчестная система насилія. Всѣхъ судей, всѣхъ правительственныхъ и общинныхъ администраторовъ, заподозрѣнныхъ въ либеральномъ направленіи, безъ суда и приговора переводили, отставляли, выгоняли; государственныя имущества и доходы съ нихъ употреблялись для цѣлей клерикальной партіи и ихъ растрачивали безъ всякаго отчета; приверженцамъ клерикаловъ оказывалось всевозможное покровительство; чиновниковъ, въ вѣдомствѣ и въ округахъ которыхъ избирали либераловъ, прямо наказывали.

Нѣтъ надобности останавливаться на всѣхъ злоупотребленіяхъ и мелочахъ, происходившихъ въ мелкихъ владѣніяхъ Германскаго союза въ послѣдніе годы, предшествовавшіе великой катастрофѣ, положившей конецъ этой дробной, нездоровой системѣ государственнаго быта. Все разнообразіе патріархальнаго, честнаго и благороднаго правленія, какъ въ Веймарѣ и Кобургѣ, такъ и безумная неурядица, подобная бернбургской или мекленбургской, при этомъ обнаружились. Ребяческій взглядъ, найти истинную свободу въ дробныхъ и ограниченныхъ владѣніяхъ, гдѣ каждый государь и каждый министръ находилъ возможность и поводъ къ притѣсненіямъ того, или другаго изъ подданныхъ и употреблялъ въ дѣло данную ему силу изъ личныхъ побужденій, взглядъ этотъ съ каждымъ днемъ находилъ все большее и большее число приверженцевъ и становился какъ бы преобладающимъ. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о двухъ сравнительно крупныхъ государствахъ средней величины, Саксоніи и Ганноверѣ, то и другое государства имѣютъ на это право и по своему географическому положенію, и по своей исторіи, и по отношеніямъ къ другимъ государствамъ.

Въ Саксоніи, при королѣ, глубоко образованномъ, серьезномъ и честномъ, положеніе, подобное гессенскому или нассаускому, было совершенно невозможно. Первый министръ, фрейгеръ фонъ-Бейстъ, не пропустилъ безъ вниманія, что, при настоящемъ направленіи событій, государства средней величины не будутъ въ силахъ удержаться надъ водою, если будутъ плыть противъ теченія: либеральному настроенію народа противопоставлять грубую реакцію и тѣмъ постоянно раздражать его; такъ, напримѣръ, въ 1861 году, вторая палата обнаружила, что правительство ведетъ списки политическаго направленія, какого придерживаются лица, находящіяся въ государственной службѣ; министръ, предвидя бурю, поспѣшилъ отвратить ее, объявивъ, что министерство вовсе не держится этой системы и всегда готово отказаться отъ нея. Между прочимъ состоялось нѣсколько очень полезныхъ постановленій: новый законъ о выборахъ, новый законъ на счетъ промышленности; но первый министръ больше любилъ выказывать свои таланты, въ болѣе возвышенныхъ областяхъ дѣятельности и по возможности касаться общегерманскаго и европейскихъ вопросовъ.

Ганноверскій король въ свою очередь полагалъ, что солнце, луна и всѣ свѣтила небесныя свѣтятъ только надъ домомъ Вельфовъ и заботятся о его благополучіи, и что сохраненіе скипетра Ганновера въ семействѣ дома Вельфовъ есть задача всей исторической дѣятельности человѣчества. Король Георгъ V былъ слѣпъ, и потому, по всѣмъ человѣческимъ и божескимъ законамъ, ему никогда не слѣдовало бы самостоятельно управлять государствомъ; тѣмъ болѣе, что всѣ старанія его клонились къ тому, чтобы обмануть міръ на счетъ этого недостатка, и такимъ образомъ онъ въ свою царственную жизнь и отношенія ввелъ самое нецарственное дѣло — постоянный обманъ. Не смотря на свою слѣпоту, онъ однакожъ въ одномъ отношеніи былъ зорокъ: онъ видѣлъ, что главная опасность для существованія среднегерманскихъ государствъ приближается со стороны Прус-

сіи и потому особенно сильно возненавидѣлъ національное общество, поставившее себѣ девизомъ, хотя и не очень ясно написаннымъ, но всетаки понятнымъ, «доставить Пруссіи гегемонію въ Германіи.» Королю сочувствовало дворянство, чиновники, которыхъ здѣсь съ нѣкотораго времени называли находящимися не на государственной, а на королевской службѣ, и лютеранское духовенство. Первый министръ, фонъ-Борріесъ, одинъ изъ невольныхъ гробокопателей старинаго германскаго быта, имѣлъ непростительную неловкость обнаружить свою ненависть къ политическому стремленію національнаго общества, такъ что истина стала для многихъ только съ этихъ поръ ясна и понятна; въ преніи съ депутатомъ Рудольфомъ Беннигсеномъ, защитникомъ національнаго общества, онъ неловко обнаружилъ тайную двигательную пружину государства, хотя и чисто германскаго происхожденія, но сохранявшаго свое значеніе въ германскомъ союзѣ только при помощи и вліяніи иностранныхъ державъ. По случаю прошенія Гарбурга, министръ сказалъ въ палатѣ: «упроченіе за Пруссіей центральной власти поведетъ за собою медіатизацію остальныхъ германскихъ государствъ, до чего, пока на свѣтѣ есть правда и справедливость, допускать не слѣдуетъ, и для того, чтобы противодѣйствовать этому стремленію, германскія государства должны тѣснѣе соединиться между собою, или заключить союзы съ иностранными державами, всегда готовыми вмѣшаться въ дѣла Германіи.» Со всѣхъ сторонъ посыпались протесты на это выраженіе, столь-же предательское, сколько неразумное; оно глубоко врѣзалось въ памяти слушателей, и министръ, при всемъ своемъ стараніи, не могъ его искоренить, давая другое толкованіе своимъ словамъ; но слѣпой и ослѣпленный король, какъ бы вызывалъ свою судьбу на бой; мѣсяцъ спустя послѣ неловкаго выраженія министра, король возвелъ его въ графское достоинство и тѣмъ какъ бы подтвердилъ мнѣніе, что готовъ протянуть руку иноземцамъ, что готовъ на счетъ общихъ выгодъ цѣлаго заботиться только о томъ, чтобы сохранить свои личныя выгоды.

Впрочемъ и здѣсь замѣтенъ былъ прогрессъ съ 1859 года; прогрессъ этотъ преимущественно связанъ былъ съ происшествіями на поприщѣ религіозной дѣятельности. Король Георгъ, при всѣхъ обстоятельствахъ, на первомъ планѣ всегда ставилъ прославленіе или усиленіе своего дома Вельфовъ; ему пришла фантазія для прославленія важнаго событія: конфирмаціи наслѣдника престола, этого благороднаго отпрыска дома Вельфовъ, по праву верховнаго епископа государства, вмѣсто употреблявшагося до сихъ поръ катехизиса, ввести новый, ухудшенный и сокращенный катехизисъ Лютера. Можно почесть величайшей ошибкой, что правительство, въ такой моментъ, когда всѣ умы чувствовали потребность въ оппозиціи и готовы были волноваться по самому незначительному поводу, вздумало колебать то, что хорошо-ли, дурно-ли, но твердо стояло, потому что стояло давно и, пользуясь своею давностью, имѣло за себя всѣ симпатіи народа. Новый катехизисъ вызвалъ оппозицію, постоянно усиливавшуюся и возраставшую. Когда же, 7 августа 1862 года, въ городъ Ганноверъ пріѣхалъ пасторъ Бауршмидъ, писавшій противъ новаго катехизиса и вызванный въ консисторію за тѣмъ, чтобы оправдываться, народонаселеніе столицы встрѣтило его съ шумными и торжественными овраціями; но народъ отъ изъявленій восторга къ пастору быстро перешелъ къ изъявленіямъ ненависти къ нѣкоторымъ нелюбимымъ членамъ консисторіи, такъ что военная сила принуждена была вмѣшаться; но это только усилило общее недовольство въ государствѣ и придало ему болѣе рѣшительный и злобный характеръ. 19 августа король отказался отъ намѣренія насильно ввести катехизисъ; а 21 и графъ Борріесъ былъ уволенъ изъ службы. Однако церковной агитаціи нельзя было остановить такъ скоро. Въ октябрѣ 1862 года собраніе духовенства въ Целлѣ подняло вопросъ о составленіи пресвитеріанскаго общиннаго и приходскаго управленія, на основаніи котораго могла бы быть утверждена синодальная церковная конституція: это былъ шагъ необходимый, если предполагалось измѣнить лютеранскій цесаре-папизмъ, отличавшійся деспотизмомъ сверху внизъ и рабски покорнымъ консисторіальнымъ управленіемъ снизу вверхъ. Это первое собраніе назначило второе на 2 декабря тоже въ Целлѣ и пригласило на него и свѣтскихъ и духовныхъ лицъ. Консисторіи считали своею обязанностію положить преграду этому непристойному вмѣшательству въ царственную власть духовенства и

поэтому совѣтъ правительствующихъ консисторіальныхъ членовъ на первый разъ положилъ отсрочить засѣданіе целльскаго общества. 10 декабря, послѣ долгаго промежутка, король Георгъ наконецъ составилъ новое министерство изъ людей умѣреннаго, какъ увѣряли, либеральнаго образа мыслей: онъ назначилъ графа Платтенъ, послѣдняго министра иностранныхъ дѣлъ ганноверскаго королевства, Гаммерштейнъ—внутреннихъ дѣлъ, Лихтенбергъ—духовныхъ дѣлъ, Виндгорстъ—юстиціи; 3 февраля 1863 года составлена была синодальная комиссія, между членами которой находились нѣкоторые изъ целльскаго собранія; эту синодальную комиссію открылъ новый министръ духовныхъ дѣлъ. Въ апрѣлѣ произошло второе собраніе въ Целлѣ; оно отправило депутацію къ королю, но онъ отказался принять ее. За то королевскимъ приказомъ отъ 29 апрѣля созванъ былъ временной синодъ (Vorsynode), составленный изъ 24 членовъ духовнаго званія, выбранныхъ самимъ духовенствомъ, изъ 24 членовъ, выбранныхъ приходами изъ людей свѣтскихъ, и наконецъ изъ 16 членовъ, по назначенію короля, изъ людей духовныхъ и свѣтскихъ; такъ какъ въ томъ же году должны были происходить выборы депутатовъ въ сеймъ, то было довольно различныхъ волненій въ государствѣ, въ которомъ привыкли жить тихо и спокойно. Партія прогресса, до сихъ поръ сохранявшая оборонительное положеніе, теперь, какъ вездѣ, перешла въ наступательное. Прокламація, изданная 14 мая, обращала вниманіе народа на основныя статьи конституціи 5 сентября 1848 года; въ ней говорилось: такъ какъ конституція не уничтожена законнымъ порядкомъ, то и сохраняетъ еще всѣ свои права; прогрессистамъ удалось захватить на выборахъ половину депутатскихъ званій. Выборы въ члены временнаго синода происходили въ августѣ: со стороны духовенства были избраны настоящіе правомыслящіе, столпы церкви; со стороны церковныхъ приходовъ были все приверженцы и послѣдователи правилъ целльской программы.

Такимъ образомъ прогрессивные элементы народнаго быта и партій со всѣхъ сторонъ стремились впередъ. Съ 1848 года то тутъ, то тамъ дѣлали различіе и выбирали: слѣдуетъ ли сначала стремиться къ конституціоннымъ учрежденіямъ, которыя по большей части просто называли свободой, и тогда уже перейти къ развитію національнаго единства; или же слѣдуетъ прежде всего добиваться національнаго единства, жертвуя для этой цѣли всѣмъ, даже свободой; но, пока вопросъ оставался неразрѣшеннымъ, сдѣлалось очевидно, что все это достижимо только въ теоріи, а что въ дѣйствительности ихъ раздѣлить нельзя, что ни одно изъ конституціонныхъ учрежденій въ отдѣльномъ государствѣ Германіи не можетъ считать себя въ безопасности, пока въ Франкфуртѣ господствуетъ многоглавый абсолютизмъ и наоборотъ, что союзъ правителей франкфуртскихъ тогда только можетъ быть замѣненъ истиннымъ національнымъ правленіемъ, когда конституціонное начало въ отдѣльныхъ государствахъ окончательно сдѣлается жизненною потребностью. Даже для такихъ людей, которые очень неохотно сознавались въ истинѣ, мало-по-малу становилось понятно, что рѣшительное вліяніе на всю Германію будетъ имѣть то, въ какой формѣ и когда установится новая конституціонная форма правленія въ Пруссіи. Отъ разрѣшенія этого вопроса зависѣло также счастливое разрѣшеніе вопроса о формѣ существованія Германскаго союза; но прежде чѣмъ мы будемъ слѣдить за дальнѣйшими шагами къ единству Германіи, намъ необходимо бросить взглядъ на исторію внутренней жизни Пруссіи.

6. Пруссія.

Послѣ перемѣны правительства прусскій народъ испытывалъ чувство выздоровленія послѣ тяжкой болѣзни, и монархически-вѣрное народонаселеніе съ чувствомъ отраднаго спокойствія предалось этому отдыху. Мы видѣли, съ какою умѣренностію побѣдители пользовались пріобрѣтенными выгодами; только представители ненавистной системы потеряли свои должности; они не могли при этомъ похвалиться даже тѣнью выпесеннаго мученичества. Казалось, все устрои-

валось наилучшимъ образомъ: во время итальянской войны всеобщее вниманіе было устремлено на этотъ кризисъ; прусскій народъ, между тѣмъ, вполнѣ раздѣлялъ политику своего правительства, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ; попытка Австріи свалить позоръ своего пораженія и поспѣшнаго мира на Пруссію не удалась; напротивъ, даже въ южно-германскихъ государствахъ послѣ виллафранкскаго мира начали отдавать болѣе справедливости прусской политикѣ, нежели въ минуты военнаго волненія. Война эта доказала, какъ необходимо для Германіи прусское руководство; ближайшимъ выводомъ этого убѣжденія было національное общество, т. е. организація прусско-германской партіи, бывшей какъ бы предвѣстникомъ будущаго. Затѣмъ послѣдовалъ успѣхъ прусскаго принца регента въ Баденъ-Баденѣ въ 1860 году, гдѣ онъ, какъ царственный вождь, былъ окруженъ государями Германскаго союза и вмѣстѣ съ ними принималъ увѣренія Наполеона въ его мирныхъ намѣреніяхъ. Добродушные идеалисты думали, что разрѣшеніе германскаго вопроса теперь сдѣлалось очень легко и просто; казалось, стопло только показывать въ Берлинѣ побольше либерализма, и дѣло съ концомъ; кто знаетъ, можетъ быть, этимъ путемъ вопросъ можно было бы рѣшить, еслибы Пруссія была человѣкомъ, а не государствомъ, съ однимъ направленіемъ, съ одною волей: подобная идеальная Пруссія представлялась политикамъ національнаго общества и тѣмъ, кто находилъ его воззрѣніе возможнымъ.

Но Пруссія была не такое цѣлое, не единица, но государство, даже не идеальное, а очень реальное; въ ней господствовала не чистая, безтѣлесная идея, а хозяйничали страсти, слабохарактерность, заблужденія, люди и партіи, имѣвшія неотразимое вліяніе на ходъ событій. И здѣсь, какъ вездѣ, были освященные исторіей факты, партіи, классы общества, всѣ болѣе или менѣе зависящіе отъ своего прошедшаго. Нетерпѣливые патріоты-идеалисты съ горечью разочаровались, когда, вмѣсто предвидѣннаго ими быстраго разрѣшенія германскаго вопроса, спасительная Пруссія сама выказала слабость, сама подверглась внутреннему кризису, вслѣдствіе котораго произошли столкновенія, грозившія потрясти и расшатать весь организмъ ея государственнаго строя. Теперь, когда все перемѣнилось и улеглось, историкъ можетъ спокойно слѣдить за развитіемъ путаницъ и можетъ сказать, что переходъ къ правильно конституціонному устройству въ Пруссіи совершился легче и спокойнѣе, нежели такой же переходъ, напримѣръ, произошелъ въ Англіи.

12 января 1860 года принцъ-регентъ открылъ сеймъ. Онъ въ тронной рѣчи высказалъ, какъ необходимо приступить къ союзной реформѣ, но при этомъ остановился на совершенно правильной мысли, что союзный сеймъ въ Франкфуртѣ долженъ быть ограниченъ въ своихъ правительственныхъ правахъ въ возможной степени, онъ вывелъ это заключеніе изъ воззрѣнія на способъ, съ какимъ сеймъ дѣйствовалъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ кургессенское. Затѣмъ регентъ перешелъ къ реформѣ военныхъ постановленій, которыя послужили поводомъ къ сильной и долголѣтней внутренней борьбѣ, разрѣшившейся идеей конституціонной монархіи, опиравшейся на писанныхъ законахъ, на традиціонномъ единствѣ популярной династіи и преданнаго ей народа, единствѣ, пустившемъ глубокіе корни въ жизнь народную и послужившемъ для Пруссіи способомъ выполнить свое назначеніе относительно Германіи.

Регентъ съ увѣренностью знатока говорилъ о недостаткахъ и безпорядкахъ, обнаруженныхъ въ послѣднія десять лѣтъ; но показалъ, что онъ не намѣренъ пренебрегать наслѣдіемъ великихъ событій и временъ; въ его рѣчи было выраженіе, какое могъ сказать увѣренный въ себѣ прусскій правитель: «Прусскій народъ въ будущія времена будетъ прусской арміей.»—«Никогда еще, кончилъ регентъ рѣчь свою, представителямъ Пруссіи не была предложена мѣра подобной важности; дѣло идетъ о защитѣ отечества отъ случайностей будущихъ временъ.»

Февраля 10 министерство предложило палатѣ депутатовъ проектъ закона о новой организаціи войска. Чтобы понять реформу, припомнимъ, что до сихъ поръ существовавшій законъ 3 сентября 1814 года дѣлалъ различіе между постояннымъ войскомъ и ландверомъ: кто на 20 году поступалъ въ войско, оставался подъ знаменами три года, за тѣмъ переходилъ въ резервы, возвращался на родину и за тѣмъ послѣ двухъ лѣтъ переходилъ въ ландверъ, тотъ до 32 года находился въ категоріи перваго призыва, съ обязательствомъ ежегодно являться

на короткое время для военныхъ упражненій; съ 32 до 39 года во второмъ призывѣ, назначеніе котораго состояло въ томъ, чтобы въ военное время заниматься гарнизонною и крѣпостною службою. Существенная часть проекта новой организаціи состояла въ томъ, чтобы при болѣе строгомъ выполненіи принципа всеобщей военной повинности, впредь, вмѣсто 40,000 новобранцевъ, ежегодно набирать 63,000 рекрутъ, и далѣе, оставляя трехлѣтній срокъ службы неизмѣннымъ, войско въ мирное время, вмѣсто 150,000 ч. довести до 213,000 ч.; число линейныхъ пѣхотныхъ полковъ, при сокращенномъ мирномъ положеніи, такимъ образомъ удвоится и потребуется основать десять новыхъ кавалерійскихъ полковъ; далѣе обязанность прослужить въ резервахъ продлить еще на два года, слѣдовательно, весь срокъ службы въ строю продлить съ пяти лѣтъ на семь, но вмѣсто того обязанность прослужить въ ландверѣ перваго призыва сократить съ семи лѣтъ на четыре, а втораго призыва съ семи лѣтъ на пять и слѣдовательно на весь срокъ службы, какъ строевой, такъ и въ ландверѣ, съ 19 лѣтъ сократить на 16, слѣдовательно вообще военная служба сокращалась на три года. Для мобилизаціи войска на будущее время достаточно было бы призвать резервы до 27-лѣтняго возраста, даже еслибы возгорѣлась война въ большемъ объемѣ и тогда достаточно было бы мобилизировать постоянное войско, а ландверъ—людей съ 27 до 31 и относительно до 36 возраста, составляющихъ настоящую силу народа—оставлять въ резервѣ, гдѣ его можно было бы беречь отъ случайностей и неизбѣжныхъ несчастій войны. Опыту суждено было подтвердить мудрость этой мѣры войнами, изъ которыхъ двѣ были очень большія; этимъ кровавымъ доказательствомъ было опровергнуто, между прочимъ, странное возраженіе, что ландверъ не будетъ пользоваться ни преимуществами, ни выгодами, какія достанутся на долю строеваго войска; это возраженіе выставляли доктринеры-идеалисты, которые, прикидываясь демократическими поборниками, все-таки не были народными и не показывали благоразумія, тѣмъ болѣе, что принципъ общей военной повинности во всѣхъ своихъ частяхъ былъ обдуманъ. Но эта новая организація войска потребовала большихъ денежныхъ жертвъ, которыя правительство частію старалось покрыть реформой поземельныхъ налоговъ. Четыре проекта законовъ, касательно этого предмета, предложены были на разсмотрѣніе сперва верхней палатѣ, потому что отъ нея надобно было ожидать самаго главнаго сопротивленія; однакожъ она 4 мая отвергла только два, значительнымъ большинствомъ голосовъ. Вслѣдствіе этого сдѣлалось сомнительнымъ, чтобы законъ о преобразованіи войска, противъ котораго и безъ того уже въ палатѣ депутатовъ поднялись сильныя возраженія, на этотъ разъ прошелъ; вслѣдствіе этого правительство требовало, чтобы для поддержанія и для пополненія тѣхъ мѣръ, какія, по существующимъ законоположеніямъ, необходимы, чтобы привести войско въ должный составъ и увеличить его боевую силу, ему открытъ былъ необходимый кредитъ, основанный на довѣренности къ нему. Большинствомъ 315 голосовъ кредитъ этотъ, основанный на довѣренности народной, былъ утвержденъ 15 мая для покрытія издержекъ на военныя приготовленія и потребности, срокомъ до 30 іюня 1861 года. Верхняя палата, руководимая богословскими принципами, 7 мая отвергла постановленія о гражданскомъ бракѣ, даже въ ограниченной и недостаточной формѣ, такъ называемый гражданскій бракъ, заключенный по нуждѣ, и не допустила фактическаго гражданскаго брака; та же палата не допустила привести поземельныхъ налоговъ въ правильный порядокъ. Въ своей заключительной рѣчи при закрытіи засѣданій палатъ 23 мая регентъ очень сожалѣлъ, что эти проекты законовъ не были приняты, но прибавилъ, что правительство не отступается отъ нихъ, вновь указывалъ на необходимость реформы военнаго положенія и окончилъ надеждой, что палата наконецъ оцѣнитъ ее.

Восемнадцать новыхъ членовъ были назначены въ верхнюю палату и шести городамъ государства дано было право присылать отъ себя представителей въ палату депутатовъ; такимъ либеральнымъ проявленіемъ правительство надѣялось получить большее число приверженцевъ въ этой палатѣ; послѣдователи и сторонники мантейфельской системы такимъ образомъ составили меньшинство и можно было надѣяться, что проекты о новыхъ поземельныхъ повинностяхъ будутъ приняты. Настроеніе народа было въ пользу правительства; съ чувствомъ національной гордости происходило въ Берлинѣ празднованіе 50-лѣтняго юбилея берлинскаго

университета: это тоже было наслѣдство, полученное отъ многознаменательнаго прошлаго. Народъ радовался, что наконецъ отдѣлался отъ стѣснительной, даже угнетательной системы полицейскаго управленія предшествовавшаго царствованія: процесъ противъ директора полиціи Штибера и его орудій открылъ множество злоупотребленій и темныхъ дѣлъ, несмотря на то, что окончательно обвиняемые были оправданы; наконецъ, 14 декабря, послѣдній изъ мантейфельскаго министерства, министръ юстиціи Симонсъ, былъ уволенъ и на мѣсто его назначенъ человѣкъ добросовѣстный и умный.

2 января 1861 года несчастный больной король наконецъ скончался въ Санъ-Суси; такимъ трагическимъ образомъ окончилось его двадцатилѣтнее царствованіе, начавшееся такъ блистательно. Судьба хотѣла, чтобы разрѣшеніе германскаго вопроса не пришлось для Пруссіи легко, не походило на особенно счастливую случайность. Въ эпоху всеобщаго кризиса, отъ 1848 до 1852 г., когда германскій вопросъ можно было бы такъ легко разрѣшить, когда Австрія показала полнѣйшее отсутствіе энергіи, такое крѣпкосплоченное, здоровое государство, какъ Пруссія, могло бы тогда явиться полнымъ властелиномъ и распорядителемъ судебъ Германіи, и всякое имъ постановленное условіе было бы неизмѣннымъ; но въ это самое время на престолѣ Пруссіи былъ государь, хотя и одаренный природою самыми блестящими способностями, но совершенно лишенный твердости характера и распорядительнаго ума государственнаго человѣка. Одного изъ предковъ Фридриха Вильгельма IV прозвали Цицерономъ; но онъ еще болѣе напоминалъ этого блестящаго римскаго оратора: онъ возвышенныя слова и прекрасныя мысли, выраженныя со страстью, принималъ за дѣйствительно имъ совершенныя дѣла. Царствованіе его можно сравнить съ самою низкою точкою отлива въ исторіи Пруссіи; можно было бы подумать, что Богъ лишилъ ее своего покровительства, если бы въ самую тяжкую минуту Онъ не послалъ ей правителемъ человѣка, составляющаго рѣзкую противоположность съ братомъ; при началѣ его правленія онъ самъ и его народъ уже не высказывали тѣхъ блестящихъ надеждъ, какими встрѣчено было восшествіе на престолъ Фридриха Вильгельма, но, нѣсколько лѣтъ спустя, успѣхи, имъ пріобрѣтенные, далеко превзошли всѣ его собственныя ожиданія и всѣ ожиданія его подданныхъ.

Манифестъ, отъ 7 января, «къ моему народу», съ чувствомъ помянулъ усопшаго и потомъ съ достоинствомъ и твердостью говорилъ о задачѣ, предстоящей Пруссіи и объ обязанностяхъ короля, которому суждено выполнить эту задачу. »Назначеніе Пруссіи заключается не въ томъ, чтобы спокойно наслаждаться пріобрѣтенными благами; условія ея могущества таятся въ напряженіи всѣхъ духовныхъ и общественныхъ силъ народа, въ глубокомъ и искреннемъ религіозномъ его убѣжденіи, въ соединеніи повиновенія съ свободой, и наконецъ въ развитіи его боевой силы;» «оставаясь вѣренъ присягѣ», говорилъ онъ, «которую я произнесъ, когда принялъ на себя регентство, я во всю жизнь буду хранить и поддерживать конституцію и законы королевства.» Въ манифестѣ не было много словъ и въ нихъ не чувствовалось одушевленія, потому что новый король воспитанъ былъ въ идеяхъ древне-монархическихъ; но въ этихъ словахъ чувствовалась сила и увѣренность въ себѣ; какъ бы то ни было, но государство было въ безопасности отъ лукавыхъ интригъ реактивнаго іезуитизма. Отношеніе Пруссіи къ остальной Германіи король также коротко выразилъ: «мои обязанности въ отношеніи Пруссіи совпадаютъ съ моими обязанностями въ отношеніи къ Германіи;» въ этихъ короткихъ словахъ заключался весь политическій взглядъ его на Германію, взглядъ, глубоко обдуманный и зрѣло взвѣшенный, немного яснѣе высказавшійся, когда онъ замѣтилъ, что на немъ, какъ на нѣмецкомъ государѣ, лежитъ обязанность упрочить за Пруссіей такое положеніе въ ряду государствъ Германскаго союза, на какое она имѣетъ право, основываясь на славѣ своего историческаго развитія и на организаціи своего войска. Къ предположенной цѣли не могла привести приторная австрійская сентиментальность и теплое побратимство съ германскими государствами средней величины и мелкими: только энергическая, можно сказать эгоистическая политика Пруссіи могла создать могущество и единство Германіи.

Король взошелъ на престолъ на 65 году своей жизни; у него былъ глубокій и богатый познаніями умъ; предъ своими предшественниками имѣлъ онъ великое пре-

имущество, какое даетъ опытность: въ теченіе всей своей жизни, предшествовавшей политической дѣятельности, онъ занимался различными науками, изучалъ вопросъ объ организаціи будущаго церковнаго законодательства Китая, и другіе, подобные вопросы возбуждали его любознательность, но больше и основательнѣе всего онъ ознакомился со всѣми военными науками и законоположеніемъ войска; извѣстно, если человѣкъ основательно изучитъ, что бы то ни было, то во всякомъ другомъ дѣлѣ, котораго онъ не знаетъ, онъ будетъ слушать совѣтовъ другихъ знатоковъ и не захочетъ руководить дѣлами, знакомыми ему только поверхностно. Съ своимъ радикальнымъ, спокойнымъ взглядомъ на вещи онъ понималъ свое королевское призваніе и не уважалъ неопредѣленныхъ стремленій либерализма, посредствомъ которыхъ безчисленные дилетанты-политики того времени пытались устроить объединеніе Германіи. Тронная рѣчь, открывшая засѣданія прусскаго сейма 14 января 1861 года, опять останавливалась на поставленіи объ усиленіи арміи, сдѣлавшемся необходимымъ пополненіемъ и слѣдствіемъ существующихъ законовъ о военной повинности; къ тому же, положеніе финансовъ приняло благопріятный оборотъ, потому что законы о поземельныхъ повинностяхъ и о реформѣ законовъ о бракѣ были утверждены.

Пренія по поводу отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь открыли глубокое несогласіе, существующее между верхней палатой, которая, при тогдашнемъ составѣ своемъ, была не что иное, какъ представительница партіи, и нижней палатой, въ которой, рядомъ съ очень незначительнымъ числомъ чисто консервативныхъ личностей, все находились люди, смотрѣвшіе на конституцію, какъ на незыблемое основаніе государства и намѣревавшіеся посредствомъ реформъ упрочить на немъ либеральное законодательство: адресъ первой палаты имѣлъ очень безтактный характеръ духа партіи, которая въ образецъ царствующему королю представляла покойнаго брата его; напротивъ, адресъ палаты депутатовъ въ цѣломъ согласовался съ принципами тронной рѣчи, но касательно военнаго вопроса держался нѣсколько въ оборонительномъ положеніи; въ вопросѣ германскомъ, напротивъ, былъ скорѣе согласенъ съ правительствомъ; одинъ изъ депутатовъ, Ставенгагенъ, требовалъ даже, чтобы проектъ адреса былъ исправленъ и въ него непремѣнно внесено положеніе, что Пруссія, по своей исторіи и по своему могуществу, имѣетъ право занять мѣсто во главѣ Германскаго союза; но болѣе умѣренные члены, при голосованіи, отвергли эту поправку адреса большинствомъ 261 голоса противъ 41; не для чего было высказывать намѣренія раньше срока; это можно было отсрочить до тѣхъ поръ, пока дѣло не будетъ кончено. Въ томъ же адресѣ палата депутатовъ сдѣлала важный шагъ впередъ; предложеніе шло отъ депутата Финке, человѣка съ свѣтлымъ умомъ политика и съ тактомъ, человѣка очень выдающагося по своимъ способностямъ и по своему характеру; онъ съ большимъ искусствомъ провелъ въ палатѣ предложеніе, чтобы Пруссія въ своихъ личныхъ интересахъ и въ интересахъ общегерманскихъ поддерживала упроченіе единства Италіянскаго королевства; между тѣмъ верхняя палата, или преобладающая въ ней партія, очень дѣятельно хлопотала о возстановленіи неаполитанскаго престола. Польскіе депутаты съ своей стороны тоже представили проектъ о возстановленіи Познани въ видѣ великаго герцогства, о признаніи правъ польской національности; поляки вообще дѣлали правительству не мало хлопотъ и непріятностей и при совѣщаніяхъ касательно дѣлъ духовныхъ и народнаго образованія требовали учрежденія чисто польскаго университета. Но никто не обратилъ вниманія на ихъ требованія и претензіи: нѣмецкій элементъ преобладалъ уже вездѣ, во всѣхъ частяхъ бывшей Польши; онъ глубоко проникалъ во всѣ слои, и вліяніе его уже было несомнѣнно; прогресъ этотъ основывался на самомъ прочномъ основаніи— на законной силѣ, какую даетъ высшее образованіе и болѣе энергическій трудъ. Къ тому же, польская агитація не могла имѣть силы при преобладаніи нѣмецкаго народонаселенія: оно составляло больше трети всего народонаселенія 1,350,000 жителей провинціи, вся эта масса не могла спокойно смотрѣть на развитіе стремленій, несогласныхъ съ цѣлымъ. Собраніе, происходившее въ Познани 1 мая, предложило правительству учредить строгій надзоръ за польскими гимназіями, католическими патерами и учительскими семинаріями.

Между тѣмъ верхняя палата 7 мая рѣшилась принять проектъ, представленный правительствомъ, объ измѣненіи поземельныхъ налоговъ, уже утвержденный палатой депутатовъ 12 марта; при голосованіи проектъ прошелъ съ большинствомъ 110 голосовъ противъ 81; во всѣхъ остальныхъ предположеніяхъ верхняя палата упрямо противилась всѣмъ резолюціямъ палаты депутатовъ, противъ которой «Kreuzzeitung» вела ожесточенную войну. Эта партія въ военномъ вопросѣ видѣла свою пользу: если палата депутатовъ приметъ проектъ, то это хорошо, потому что изъ новыхъ офицерскихъ вакансій самая большая часть будетъ замѣщена ея сторонниками; если палата депутатовъ не приметъ закона, то еще лучше: они знали, что король очень дорожилъ этой мѣрой, къ тому же очень опасливо смотрѣлъ на развитіе конституціоннаго начала. Не смотря на такое разногласіе въ палатахъ, на этотъ разъ столкновенія не произошло. Коммиссія читала свой отчетъ 12 мая: она предлагала изъ требовавшейся суммы въ 8,152,000 талеровъ исключить 1,498,000 талеровъ и оставшуюся сумму внести въ бюджетъ подъ рубрикой экстраординарныхъ расходовъ; поправка со стороны депутата Кюне, человѣка, глубоко изучившаго финансовую систему, состояла въ томъ, что онъ предложилъ, за исключеніемъ 750,000 талеровъ, распредѣленіе которыхъ предоставить благоусмотрѣнію правительства, внести всю остальную сумму въ бюджетъ, подъ рубрикой экстраординарныхъ расходовъ. Прежде чѣмъ палата приступила къ голосованію, 31 мая, первый министръ, князь Гогенцоллернъ, прочиталъ объявленіе, въ которомъ правительство еще разъ ссылалось на неизбѣжную необходимость предпринятыхъ имъ мѣръ, но все таки соглашалось на уступку и готово было принять проектъ депутата Кюне; это и заставило палату также присоединиться къ этому рѣшенію. Но это былъ очень сомнительный успѣхъ и каждый чувствовалъ, что самая трудная борьба еще впереди. Какъ на истинный успѣхъ, заключительная рѣчь 5 іюня могла указать только на приведеніе въ опредѣленный размѣръ налоговъ на поземельную собственность и на введеніе торговыхъ законовъ, выработанныхъ германскимъ торговымъ союзомъ и разсмотрѣнныхъ коммиссіей изъ знающихъ людей и принятыхъ даже палатой господъ; но главное, рѣчь опять останавливалась съ особенной силой на организаціи войска, представляя эту мѣру, какъ неизбѣжную; особенно подробно излагала пользу, какой отъ нея можно ожидать, и король говорилъ убѣдительно, какъ можетъ говорить человѣкъ, если онъ въ чемъ либо самъ сильно убѣжденъ, но конецъ королевской рѣчи носилъ на себѣ отпечатокъ мнѣній людей, ворвавшихся или прокравшихся въ его довѣренность; изъ нихъ замѣтнѣе всего было нашептыванье генерала Мантейфеля, начальника военнаго министерства, на котораго недавно указала либеральная брошюра, какъ на опаснаго человѣка, находящагося на опасномъ мѣстѣ. Король говорилъ о необходимости воздвигать границы, черезъ которыя перешагнуть можетъ только революціонная партія; далѣе съ особеннымъ удареніемъ говорилъ о значеніи, какое долженъ имѣть для народа король, царствующій милостію Божіей—прекрасная формула, священный и глубокій смыслъ которой исказила партія феодальныхъ ханжей, сдѣлавши ее сигналомъ для замысловъ своей партіи.

Вскорѣ обнаружилось, что переходъ могущественнаго монархически-сплоченнаго государства къ спокойной и независимой жизни, отъ абсолютизма къ конституціонно-парламентской формѣ правленія, не такъ легокъ, какъ мечтали и ребячески надѣялись идеалисты. Конституція была готова, король твердо рѣшился выполнять ее; можетъ быть, величайшая изъ заслугъ его заключается въ томъ, что онъ сохранилъ неприкосновеннымъ величайшее благо національное—наслѣдственность престола и сохранилъ его строгимъ, совѣстливымъ, буквально точнымъ выполненіемъ данной присяги, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она являлась ему препятствіемъ на пути въ данномъ направленіи, по которому ему обязательно слѣдовало идти. Прусская конституція состояла не въ листѣ бумаги, откуда-то вѣтромъ занесенномъ, какъ это утверждали органы ретроградной партіи піетистовъ, которые сами, подъ маскою кротости и набожности, скрывали самый легкій образъ мыслей; нѣтъ, конституція была признакомъ и плодомъ великой перемѣны, охватившей всю Европу, происшедшей и въ Германіи сообразно съ характеромъ и особенностями различныхъ государствъ; но за то въ Пруссіи,

какъ въ обширнѣйшемъ государствѣ, она происходила съ большими остановками и препятствіями и повела за собою больше слѣдствій, нежели въ какомъ нибудь Ольденбургѣ, или Гессенъ-Гомбургѣ. Эта конституція, при королевской власти и правительствѣ, королемъ назначаемомъ, давала народу представительную силу, соединенную съ парламентскими преніями, опиравшимся на образованной гласности и на стремленіи составлять общества и сходбища; она же развивала въ государствѣ силы, которыми надобно было твердо и мудро управлять, чтобы онѣ придали могущество его королевской власти, съ которымъ она могла производить дѣла великія, не похожія на тѣ, какими пробавлялась чиновническая администрація; но силы эти надобно было обучать и воспитывать, для того, чтобы онѣ не сдѣлались вредными для существующаго порядка, а, напротивъ, служили-бы ему. Въ Англіи, въ странѣ, гдѣ парламентская форма правленія сжилась съ народною жизнью, всегда первому, или самому выдающемуся изъ числа министровъ выпадаетъ на долю быть «руководителемъ нижней палаты» и большинство, изъ котораго составляется министерство, должно за тѣмъ подчиниться такому руководству. Но въ Пруссіи объ этомъ еще не могло быть рѣчи; молодой парламентскій духъ то сверхъ мѣры подчинялся молодымъ, горячимъ, по большей части неопытнымъ вождямъ, то вовсе не слушался ихъ, между тѣмъ правительство нерѣшительно, боязливо воздерживалось отъ употребленія новыхъ дѣятелей и ставило преграды бушующимъ силамъ, вмѣсто того, чтобы употреблять ихъ въ дѣло. Прошло довольно долгое время, пока не вошло въ общее сознаніе, какимъ способомъ королевское управленіе можетъ самымъ удобнымъ манеромъ работать на общую пользу съ представителями народными и, наоборотъ, народные представители съ королевскою властью. Полновѣсно выраженіе Мирабо, произнесенное въ минуту революціоннаго урагана и, къ несчастію, заглушенное имъ: — «свобода народа нуждается въ королѣ»; онъ не ошибся бы, если бы прибавилъ: что могущество государства основывается на свободѣ народа.

Въ Пруссіи существовали всѣ условія подобнаго гармоническаго взаимнодѣйствія, но пока оно установилось, пока народъ и правительство сознали эту истину, неминуемо надобно было вынести бурю и потрясенія. Дѣятели прогрессивной партіи либераловъ сначала держались всторонѣ и предоставили поле дѣйствія однимъ старо-либераламъ для того, чтобы съ самаго начала не помѣшать регенту укрѣпиться на избранномъ имъ пути; только въ концѣ 1860 года, совѣтникъ верховнаго суда, Вальдекъ, былъ избранъ депутатомъ и посредствомъ него демократическая партія дала своего представителя, а политическое поприще обогатилось человѣкомъ достойнымъ, съ свѣтлымъ умомъ государственнаго дѣятеля. Съ появленіемъ его въ палатѣ и вся партія вышла изъ своего сдержаннаго положенія и предъявила свои претензіи вмѣшиваться въ политику. Даже и въ этой партіи время произвело свое дѣйствіе, очистило и просвѣтило многое: большая часть приверженцевъ этой партіи сознала, какъ безразсудно стремленіе создать въ Германіи республику, а еще несообразнѣе создать ее, на старой прусской почвѣ; далѣе они убѣдились, что свобода не такъ легко и удобно пріобрѣтается, какъ это имъ казалось въ 1848 году, и они готовы были честно трудиться надъ механизмомъ конституціоннаго быта; но чтобы не выдвинуться и не запугать, рѣшились на время составлять въ палатѣ оппозиціонное меньшинство. Но, съ другой стороны, медленный, обдуманный прогрессъ старо-либераловъ имъ тоже не приходился по вкусу; въ этомъ воззрѣніи они встрѣтились со многими, даже чисто роялистами по направленію, но которымъ для блага отечества хотѣлось бы видѣть что нибудь пообширнѣе и поглубже придворнаго либерализма, готоваго давать народу права и льготы самыми малыми, гомеопатическими дозами, всякій разъ присовокупляя предостереженіе, чтобы онъ не портилъ себѣ пищеваренія слишкомъ большимъ употребленіемъ даннаго. Казалось, теперь наступила пора этимъ энергическимъ элементамъ соединиться въ одну большую партію, которая бы явилась на народные выборы съ ясною, опредѣленною программой дѣйствія. Такая партія должна была взять перевѣсъ надъ старо-прусскими либералами и соединить свои стремленія съ стремленіями прочихъ либераловъ Германіи, даже съ національнымъ обществомъ, отъ котораго старо-прусскіе либералы сильно сторонились, потому что національное общество дѣйствовало со-

образно правилу, отъ котораго въ данную минуту не могли отдѣлаться и всѣ партіи вообще, а именно: отъ необходимости непосредственно обращаться къ массѣ народной — къ коренным ъ избирателямъ страны. Изъ этихъ элементовъ составилась новая партія, принявшая названіе нѣмецкой прогресивной партіи (deutsche Fortschrittpartei), и на собраніи, состоявшемся 9 іюня въ Берлинѣ, опредѣлена была программа ея дѣйствій. По этой программѣ, первое мѣсто предоставлено было королю и конституціи; жаль только, что монархическое начало прусскаго государственнаго быта недовольно рельефно было выставлено и тѣмъ помѣшало успѣху цѣлаго; по поводу нѣмецкаго вопроса программа требовала сильной централизаціи власти въ рукахъ Пруссіи и общегерманскаго представительнаго правленія; гораздо важнѣе былъ длинный рядъ требованій касательно внутреннихъ измѣненій учрежденій Пруссіи; требовалось: твердое, либеральное управленіе, истинно независимые судьи, устраненіе монополіи права обвиненія, предоставленное государственнымъ прокурорамъ, дѣйствительная отвѣтственность должностныхъ лицъ, возстановленіе суда присяжныхъ въ преступленіяхъ политическихъ и въ дѣлахъ печати; отвѣтственность министровъ, какъ это обѣщано въ § 61 конституціи; самоуправленіе въ приходахъ, округахъ и провинціяхъ; усовершенствованія въ системѣ народнаго обученія; изданія законовъ касательно народнаго образованія, тоже обѣщанныхъ въ конституціи; обязательное заключеніе гражданскихъ браковъ, рядомъ съ церковными; отдѣленіе государственнаго управленія отъ церкви; но прежде всего, требовалась основательная реформа палаты господъ, какъ начала для всѣхъ остальныхъ преобразованій. Касательно важнѣйшаго современнаго вопроса, программа выразила свою готовность на жертвы для того, чтобы «утвердить честь и могущество нашего отечества, когда окажется надобность отстаивать, или пріобрѣтать ихъ вооруженною силою», но, въ тоже время совѣтовала въ мирное время со всевозможною бережливостью тратить суммы на войско: «мы увѣрены, что при существованіи ландвера, при всеобщемъ введеніи гимнастики, тѣлесныя силы юношества разовьются и приготовятъ воиновъ способныхъ съ пользою служить отечеству и, наконецъ, увеличится число сильныхъ людей, наученныхъ носить и употреблять оружіе; при двухлѣтней строевой службѣ этотъ ландверъ будетъ достаточнымъ ручательствомъ военной силы прусскаго народа.»

Эта программа разомъ предъявила слишкомъ много требованій и при томъ дѣлала величайшую ошибку: въ такое время, когда для дальнѣйшаго развитія болѣе всего требовалась добрая воля и благосклонность короля, она ему противилась именно въ томъ, чего онъ больше всего домогался, въ военной реформѣ; партія поступила ребячески-необдуманно, предлагая цѣлый рядъ преобразованій и либеральныхъ учрежденій, начиная съ суда присяжныхъ и оканчивая реформой палаты господъ, и всего этого программа требовала отъ королевской милости и въ тоже время становилась въ оппозицію съ его самою завѣтною и дорогою мыслью, съ его проектомъ организаціи военной повинности; а все это происходило оттого, что мѣра эта не пользовалась популярностью въ среднемъ сословіи народа, потому что болѣе всего тяготѣла на немъ, требовала значительныхъ денежныхъ средствъ и порождала опасенія, что всѣ суммы будутъ употреблены на войско, а народу придется отказаться отъ различныхъ внутреннихъ преобразованій и усовершенствованій, которыхъ среднее сословіе и общія потребности времени больше жаждали, нежели военной славы. Прусскій народъ съ ропотомъ неудовольствія разсчитывалъ, что ему одному приходилось нести тяжесть вооруженія для сохраненія безопасности Германіи, потому что, при жалкомъ военномъ устройствѣ союзныхъ силъ, нечего было разсчитывать на ихъ солдатъ. Тотъ самый министръ финансовъ, фонъ Патовъ, который требовалъ теперь на войско новыхъ милліоновъ, находясь еще на скамьѣ оппозиціи, высчиталъ, что на войско уходитъ 46% всего государственнаго расхода. Противорѣчіе было очевидно: съ одной стороны требовали измѣненія государственнаго устройства германской конституціи, а для достиженія этой цѣли прежде всего нужна крѣпкая рука, иными словами, большая военная сила, съ другой стороны въ этомъ-то и предлагалось экономничать. Но преобладающее въ Германіи либеральное направленіе и общественное мнѣніе слѣпо вѣрило въ непогрѣшимость и могущество либеральныхъ принциповъ; идеалисты

вполнѣ были убѣждены, что Германію можно нравственно покорить аппаратомъ либеральныхъ учрежденій: суда присяжныхъ, гражданскими браками и парламентскою болтовнею; они не воображали, какое могущественное стремленіе къ единичности еще существовало въ германскихъ отдѣльныхъ государствахъ и существовало не во дворцахъ и не при дворахъ, но въ самомъ сердцѣ народной массы; кромѣ того они были убѣждены, что мѣра, находившая полное сочувствіе отдѣльныхъ лицъ и нѣкогда доведшая Пруссію до постыднаго ярма въ Ольмюцѣ, никакимъ образомъ не можетъ послужить Пруссіи же средствомъ, чтобы стать во главѣ германскихъ государствъ. Какъ бы тамъ ни было, но тутъ образовалась честная, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и близорукая оппозиція; но когда, около этого же времени, 14 іюля 1861 года, тупоголовый студентъ богословія, по имени Оскаръ-Бекеръ, покусился на жизнь короля въ Баденъ-Баденѣ, негодованіе, возбужденное этимъ преступленіемъ, было общее всѣмъ партіямъ и цѣлому прусскому народу; попытки воспользоваться этимъ случаемъ такъ, какъ прежде воспользовались покушеніемъ Зефолге, не удались прежде всего отъ строгаго и правильнаго взгляда на вещи самого короля, а потомъ и отъ общаго, единодушнаго презрѣнія къ убійству и къ убійцѣ, обнаруженное цѣлымъ народомъ.

Консервативная партія тоже предъявила свои претензіи на дѣятельность; на конгрессѣ, составленномъ консерваторами въ Берлинѣ 20 сентября, составлена была программа ихъ требованій, по большей части людьми ратовавшими, по образцу рыцаря печальнаго образа, съ мельницами и самыми грубыми преувеличеніями; партія добивалась благосклонности публики, прежде всего нуждавшейся въ энергическихъ мѣрахъ. Какъ противодѣйствіе національному обществу и въ противность нѣмецкой прогресивной партіи, консерваторы вздумали образовать прусское народное собраніе (preussicher Volksverein), для него руководящее юнкерство отыскивало членовъ и приверженцевъ преимущественно между ремесленниками. Программа объявила, что болѣе всего хочетъ «единенія нашего нѣмецкаго отечества»—выраженіе, усвоенное наконецъ и этой партіей; да, она желала единства Германіи, но не тѣмъ путемъ, какимъ Италія его достигла, путемъ, усѣяннымъ грудами пепла и потоками крови, не допуская похищенія престола и фантастическаго тумана отъ идей и стремленій къ національности. Далѣе, актъ этотъ, составленный въ духѣ плохой проповѣди, не допускалъ разрыва съ прошлымъ внутри государства, не допускалъ возможности устранить христіанское основаніе этого государства; не допускалъ ослабленія войска; не допускалъ парламентскаго управленія и конституціонной отвѣтственности министровъ; признавалъ личное, наслѣдственное право на престолъ короля, данное Богомъ, но не утверждаемое конституціей, признавалъ только церковью освященный бракъ, христіанскія школы и христіанское начальство. Третья категорія желаній, выраженныхъ этой программой, обнимала не менѣе растяжимыя и не менѣе способныя къ истолкованію блага: покровительство и оцѣнка честнаго труда, каждой собственности, каждаго права и сословія; не допускались никакія привиллегіи и никакое господство денежнаго капитала; полагалось не «выдавать ремесла и поземельной собственности лжеученіямъ и ростовщичеству времени.» Партія эта сильно хлопотала о томъ, чтобы извлечь свои выгоды изъ торжественной коронаціи короля, назначенной на 18 октября въ Кенигсбергѣ. Принимая въ разсчетъ перемѣны, происшедшія въ конституціи королевства, впродолженіи царствованія покойнаго короля, нынѣ царствующій король объявилъ 3 іюля, что онъ вмѣсто обычной наслѣдственной присяги намѣренъ возобновить торжественную коронацію; либералы не знали, какъ смотрѣть на этотъ торжественный и священный обрядъ, казалось, вовсе несогласный съ простыми обычаями и съ скромнымъ характеромъ короля; они еще болѣе поставлены были въ затрудненіе тою хлопотливою готовностью, съ какою реактивная партія приняла это и съ какою пыталась извлечь изъ этого свои выгоды. Народъ былъ недоволенъ тѣмъ, что во время приготовленій къ празднику въ Кенигсбергѣ, то тутъ, то тамъ появляющіяся знамена и флаги черно-красно-желтаго цвѣта полиція тотчасъ приказывала убирать, подъ предлогомъ, что это торжество и церемонія чисто прусскія; точно также встрѣчено было съ неудовольствіемъ неоднократное выраженіе короля, что «царствующіе короли Пруссіи приняли корону отъ Бога»; оппозиція особенно заволновалась, когда, обращаясь къ членамъ обѣихъ

палатъ сейма король сказалъ: «корона и престолъ мой окружены новыми законами и учрежденіями; вы призваны ими за тѣмъ, чтобы совѣтовать королю—вы будете мнѣ совѣтовать, а я выслушаю вашъ совѣтъ.»

Крайне несвоевременной и удивительной могла показаться претензія партіи, чтобы король, при всякомъ удобномъ случаѣ, протверживалъ и повторялъ слова конституціоннаго катихизиса; но народъ не раздѣлялъ неудовольствія партій; повсюду и въ Кенигсбергѣ, и во время въѣзда королевскаго въ Берлинъ, 22 октября, онъ весело и довѣрчиво тѣснился къ нему, и можно было, глядя на общій восторженный привѣтъ, надѣяться, что рано, или поздно наступитъ время, когда всѣ мелочные раздоры и несогласія исчезнутъ и можно будетъ благодарить Бога за то, что онъ въ этомъ государствѣ соединилъ идею могущественнаго, любимаго народомъ королевскаго сана съ благоразумной и умѣренной конституціей.

Декабря 6 происходили выборы депутатовъ въ палату сейма. Правительство предоставило выборамъ идти своимъ законнымъ порядкомъ, не вмѣшиваясь въ нихъ, но въ правительственномъ объявленіи отъ 16 ноября стояло, что стремленія партіи прогресистовъ вовсе не согласовались съ желаніями правительства. Именно изъ этой-то партіи и было выбрано большее число депутатовъ, тогда какъ настоящая правительственная партія—старо-либераловъ—потеряла свое преобладаніе, но за то партія «Крестовой Газеты» потерпѣла рѣшительное и заслуженное пораженіе.

Января 14, 1862 года, сеймъ, по обыкновенію, былъ открытъ самимъ королемъ. Король Вильгельмъ выставилъ на видъ благопріятное состояніе финансовъ, по большей части покрывающее расходы на организацію войска, такъ что, при правильномъ взносѣ налоговъ на поземельную собственность, согласно съ новымъ положеніемъ, пошлины, взимавшіяся съ 1859 года, могутъ быть отмѣнены. Итакъ всѣ остальные проекты, протверживалъ про себя каждый, должны быть отложены, пока не будетъ рѣшенъ важнѣйшій вопросъ объ организаціи войска; реформа законодательства союзнаго войска, реформа союзной конституціи, шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ должны были дожидаться очереди, пока, уже на дѣлѣ совершившаяся, военная реформа не получитъ законами утвержденнаго права. Чрезвычайные расходы по этому поводу были внесены въ бюджетъ 1862 года и причислены къ обычнымъ. Кромѣ того палатѣ депутатовъ предложены были для соображенія другія важные вопросы: продлить еще сборъ 25% пошлины, также ненавистной для народа; проектъ о томъ, чтобы отмѣнить земскія полицейскія постановленія въ шести восточныхъ провинціяхъ уже отчасти выработанныя и утвержденныя въ этой важной области реактивнымъ законодательствомъ 1856 года; еще представленъ былъ проектъ касательно учрежденія и правъ верховной счетной палаты, законъ, подлежавшій окончательному устройству конституціоннаго образа дѣйствія. Существенныя черты его заключаются въ томъ, что правительственныя распоряженія о переносѣ суммъ изъ одной статьи расходовъ въ другую только въ такомъ случаѣ подлежатъ обсужденію и контролю палаты депутатовъ, когда они направлены будутъ противъ главныхъ статей бюджета; законоположенія депутатовъ, касательно спеціальныхъ распредѣленій государственныхъ расходовъ, могли только имѣть значеніе мотивовъ для закона, но относительно правительства не имѣли обязательной силы. Проекты, представленные верхней палатѣ, были важнѣе: проектъ закона объ отвѣтственности министровъ, допускающій обвиненіе министра въ томъ только случаѣ, если рѣшеніе обѣихъ палатъ будетъ согласно; проектъ окружнаго устройства для цѣлаго государства; въ проектѣ 1860 г., принятомъ палатой депутатовъ и представленномъ даже на разсмотрѣніе палаты господъ, но задержанномъ потому, что половина голосовъ на окружныхъ сеймахъ этотъ проектъ предоставила на обсужденіе крупныхъ землевладѣльцевъ, и онъ получилъ только $^1/_3$ голосовъ. Но все это было отложено и уступило мѣсто, также и здѣсь, вновь предложенному военному проекту—касательно измѣненія и дополненія закона 3 сентября 1814 года о всеобщей воинской повинности. Ближайшаго объясненія этого закона военный министръ фонъ Роонъ, заступившій мѣсто Бонина, не считалъ нужнымъ давать, по причинѣ *благопріятной температуры*, какъ онъ выразился, господствующей въ этомъ отношеніи въ верхней палатѣ; онъ и не ошибся; безъ возраженія, единогласно, нововведеніе это было принято, и 1 февраля верхняя палата утвердила предла-

гаемую перемѣну въ законѣ о военной службѣ. Итакъ двѣ высшія правительственныя власти, король и верхняя палата, были согласны на счетъ этого вопроса. Но въ палатѣ депутатовъ на него не такъ благопріятно смотрѣли. Февраля 10 она составила комиссію изъ знающихъ людей съ цѣлью разсмотрѣть военный бюджетъ и предложеніе военныхъ измѣненій; семеро изъ избранныхъ членовъ принадлежали къ приверженцамъ Вальдека, слѣдовательно къ партіи прогрессистовъ, еще семеро—къ партизанамъ Бокумъ-Дольфа и только пятеро старолибераловъ—Грабова. Дѣло это еще не успѣло поступить на окончательное обсужденіе палатъ, какъ неумѣстная торопливость партіи прогрессистовъ повела за собою кризисъ. 6 марта, во время разсужденія по поводу доклада финансовой комиссіи, касательно увеличенія главной статьи будущаго бюджета, депутатъ Гагенъ предложилъ, чтобы государственный бюджетъ разсматривался спеціально, по различнымъ статьямъ и для этого спеціальнаго распредѣленія расходовъ взять за основаніе спеціальныя статьи расходовъ 1859 года и на основаніи ихъ опредѣлить статьи издержекъ на будущій 1862 годъ. Министръ финансовъ, Патовъ, очень предупредительно заявилъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ принципа этого предложенія; что его вовсе нельзя считать невыполнимымъ, но еслибы его немедленно привести въ исполненіе, то это представило бы большія затрудненія для правительства; къ тому же онъ былъ неувѣренъ, не кроется ли въ этомъ предложеніи посягательства на права исполнительной власти. Утверждать этого нельзя было; народные представители, безъ сомнѣнія, имѣли право стараться по возможности ясно понимать положеніе финансовъ и вникать во всѣ его подробности, къ тому же финансовое положеніе Пруссіи было таково, что ему нечего было опасаться свѣта; но величайшую ошибку сдѣлала партія, и безъ того имѣвшая въ своемъ распоряженіи большинство голосовъ палаты, что въ ту минуту, когда депутатамъ слѣдовало сберегать всѣ свои силы для успѣшнаго противудѣйствія вопросу о преобразованіи арміи, она напротивъ рѣшилась идти къ завоеваніямъ, нападать на область правъ бюджета; вздумала либеральному правительству ставить требованія, которыя въ глазахъ могущественныхъ противниковъ были непростительны и которыя они во всякое время могли выставить, какъ злонамѣренное и опасное превышеніе власти, предоставленной парламентскому строю.

Неблагоразумное и несвоевременое предложеніе было принято большинствомъ 171 голосовъ противъ 143. Такое рѣшеніе повело за собою переворотъ въ министерствѣ. Марта 8 сдѣлалось извѣстно, что министерство подало просьбу объ увольненіи. Король не принялъ просьбы, но, по совѣту министровъ, распустилъ палату депутатовъ 11 числа. Сдѣлалось очевидно, что съ министерствомъ, на половину либеральнымъ и на половину консервативнымъ, невозможно противустоять обстоятельствамъ и управлять ими; надобно было выбирать, или составить дружное министерство съ чисто либеральнымъ направленіемъ и такимъ образомъ уступить преобладающему направленію народа, или напротивъ образовать министерство изъ консерваторовъ, которымъ предоставить собрать своихъ приверженцевъ, усилить ихъ ряды, организовать ихъ и принять борьбу, которую предлагала партія прогресса, слишкомъ много разсчитывавшая на свои силы; принимая предложеніе Гагена, она вызывала на бой своихъ противниковъ. Марта 18 уволена была либеральная половина министровъ: фонъ Ауэрсвальдъ, Патовъ, Шверинъ, Бернутъ, графъ Пюклеръ; министръ духовныхъ дѣлъ фонъ Бетманъ-Голвегъ еще раньше вышелъ въ отставку; остались: фонъ деръ Гейдъ,—теперь сдѣланный министромъ финансовъ, фонъ Роонъ, графъ Бернсторфъ; къ нимъ присоединено было еще нѣсколько новыхъ: фонъ Яговъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Итценплицъ, сельскохозяйственнаго управленія, фонъ Мюлеръ—министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и графъ цуръ Липпе—юстиціи. Номинальнымъ предсѣдателемъ верхней палаты сдѣланъ былъ принцъ Гогенлоэ - Ингельфингенъ, но истиннымъ руководителемъ былъ министръ финансовъ, фонъ деръ Гейдъ, глубокій знатокъ финансовой части; онъ былъ уроженецъ прирейнскихъ провинцій; онъ обладалъ значительною изворотливостью ума и умѣлъ приспособляться ко всякимъ положеніямъ и обстоятельствамъ. Онъ съ перваго раза замѣтилъ, какую ошибку сдѣлало правительство, настаивая на преобразованіи войска и потребовавъ съ этой цѣлью у народа значительныхъ жертвъ, особенно въ такой открытой и грубой формѣ, каковы

52% прибавка пошлинъ. Консервативное правительство должно было докончить то, чего либеральное министерство не съумѣло провести: прибавку 25% къ пошлинамъ необходимо нужно было отмѣнить; онъ написалъ 21 марта конфиденціальное письмо военному министру; въ немъ онъ очень ясно доказывалъ, что теперь для правительства важнѣе всего имѣть успѣшное вліяніе на выборы и что для этого надобно пустить въ дѣло всѣ зависящія отъ него средства: слѣдовало начать съ того, чтобы съ 1 іюля отказаться отъ взиманія добавочныхъ пошлинъ и такимъ образомъ у прогрессистовъ отнять самое могущественное орудіе—агитацію; кромѣ того необходимо прибѣгнуть къ экономіи; сумма въ 2½ милліона талеровъ самое меньшее, что можно сократить изъ существующихъ издержекъ на войско. Это безъ сомнѣнія было дѣло трудное; но оно должно быть выполнено; затѣмъ онъ предлагалъ, вмѣстѣ съ военнымъ министромъ, ходатайствовать объ этомъ у короля и ничего не жалѣть, чтобы провести въ исполненіе эту мѣру первой важности.

Къ несчастію, письмо это попало въ руки вѣроломнаго чиновника, было напечатано и, напротивъ, сдѣлалось самымъ важнымъ орудіемъ агитаціи для партіи прогресса. Въ письмѣ между прочимъ стояло: «господину военному министру достаточно извѣстно, что во всѣхъ прочихъ отрасляхъ управленія въ послѣднее время чувствуется большой недостатокъ средствъ, всѣ расходы въ высшей степени сокращены, поэтому просить его изыскать, какія бы то ни было средства, чтобы уменьшить расходы по военному управленію и найти источники для покрытія открывшихся дефицитовъ по другимъ статьямъ государственнаго управленія, чтобы по крайней мѣрѣ спасти внѣшнее приличіе, и тѣмъ доказать народу, что правительство дѣлаетъ попытки выполнить многократно данныя обѣщанія. Постоянно отсрочиваемыя, съ года на годъ возрастающія потребности, наконецъ дѣлаются такъ неотвратимы, что ихъ нельзя больше откладывать, или оставлять безъ вниманія, не нарушая благосостоянія цѣлаго государства. Кандидаты оппозиціи съ торжествомъ указывали на это собственноручное и достовѣрное сознаніе министра, такъ неопровержимо подтверждавшее все то, что они до сихъ поръ приводили въ опроверженіе вопроса о реформѣ войска; невольныя ошибки и неловкость прочихъ министровъ дали имъ новое оружіе. Между прочимъ новый циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ къ оберъ-президентамъ и къ отдѣльнымъ частямъ государственнаго управленія отъ 22 марта, сдѣлалъ, что то, что до сихъ поръ было простымъ разногласіемъ мнѣній въ одной части управленія хотя и важнаго вопроса государственнаго интереса, теперь же сдѣлался поводомъ къ обнаруженію рѣзкаго контраста между королевскимъ абсолютнымъ управленіемъ и парламентскимъ. Королевское правительство, такъ говорилось въ неблагоразумномъ письмѣ, восторженно встрѣченномъ ультрареактивной партіей, поставило себя въ самое крайнее противорѣчіе къ демократическимъ стремленіямъ, пытавшимся употребить всѣ зависящія отъ него средства на то, чтобы коронную власть перевести на парламентскую. Въ этомъ обвиненіи не было ни на волосъ правды, въ Пруссіи никогда такого рѣзкаго раздора не существовало, а если бы и можно было указать, хотя бы на тѣнь его, то было-бы крайне неблагоразумно выставлять его народу въ то время, когда надобно было приступать къ выборамъ. Близорукій министръ и участники этого манифеста должны были предполагать возможность, что выборы, зависящіе отъ большинства, могутъ быть произведены въ пользу прогрессистовъ, которыхъ упрямо смѣшивали съ демократами, и такъ, если допустить, что выборы назначатъ депутатовъ изъ прогрессистовъ, то это должно было служить доказательствомъ взгляда, если не всеобщаго, то по крайней мѣрѣ очень многочисленной партіи прусскаго народа, предпочитающей парламентскую форму правленія такъ называемому сильному и твердому королевскому; можно ли было извинить ошибки, подвергающія королевскую власть опасности такого постыднаго пораженія? Неменѣе неудовольствія пробудило слѣдующее сказанное въ приказѣ, что правительство разсчитываетъ на дѣятельную поддержку со стороны коронныхъ чиновниковъ и что, какъ бы тамъ ни было, но было бы вполнѣ несогласно съ ихъ чувствомъ обязанности въ отношеніи короля и даже нарушеніемъ вѣрности ему, еслибы чиновники принимали участіе въ агитаціи выборовъ, агитаціи не въ пользу правительственныхъ цѣлей. Вообще надобно замѣтить, что правительство допускало чиновниковъ принимать участіе въ выборахъ и въ неразрывно съ ними связан-

ныхъ агитаціяхъ, но только согласно съ его пользой; такимъ образомъ и агитація ихъ не представляла ничего предосудительнаго, но всякое другое вмѣшательство—напротивъ; такимъ образомъ, черезъ опубликованный приказъ несогласіе приняло оттѣнокъ злобнаго раздраженія съ той и другой стороны, какого до сихъ поръ не было, и вмѣсто того, чтобы неудовольствіе сдерживать въ границахъ, оно только сильнѣе начало развиваться.

На этотъ разъ правительство было не право, а нѣкоторые кружки служащихъ, какъ напримѣръ при университетахъ и учебныхъ заведеніяхъ, явно протестовали противъ подобнаго же приказа, изданнаго министромъ просвѣщенія, присоединившагося къ министру внутреннихъ дѣлъ. Просвѣщенныя учебныя начальства смѣло отвергли дерзкое обвиненіе, будто при начинающейся борьбѣ, волнующей умы въ настоящее время, дѣло идетъ о контрастѣ, существующемъ между демократіей и королевской властью; впрочемъ вообще эти два приказа нашли мало сочувствія во всемъ служебномъ составѣ прусской администраціи. Но предстоящіе выборы при такихъ обстоятельствахъ несомнѣнно получили большее и обширнѣйшее значеніе; средніе и высшіе слои народа собирали свои силы и приготовлялись отстаивать свои права отъ опасности, чтобы ненавистное господство партіи «Крестовой Газеты» не взяло верхъ; опасеніе это было основательное, потому что партизаны «Крестовой Газеты» вездѣ шевелились и принимались за оружіе. Они считали свою побѣду несомнѣнной; и дѣйствительно, на первое время они всплыли на верхъ; но вопросъ состоялъ въ томъ, прочна-ли ихъ побѣда; только впродолженіи этой борьбы сознаніе, на сколько важна конституція и какъ многознаменательны для Пруссіи права ею данныя, глубже проникло въ народъ и открыло ему глаза. 28 апрѣля происходили подготовительные выборы, а 6 мая окончательное избраніе депутатовъ: не смотря на волненіе, господствующее въ цѣломъ народѣ, выборы происходили примѣрно тихо, что заслуживаетъ величайшаго удивленія и можетъ показать степень народнаго образованія. При этихъ выборахъ правительство потерпѣло совершенное пораженіе. Не избрали ни одного изъ министровъ. Болѣе рѣшительныя партіи захватили еще извѣстное число мѣстъ у феодальной, католической и старо-либеральной партіи.

Основываясь на такихъ данныхъ, правительство измѣнило свою тактику. Рѣчь, при открытіи палатъ, произнесенная не самимъ королемъ, а президентомъ государственнаго министерства, была составлена въ очень умѣренномъ смыслѣ и во многихъ отношеніяхъ предупреждала требованія либераловъ. Прибавка къ пошлинамъ была отмѣнена; въ государственную экономію введено было больше спеціальныхъ рубрикъ для точнѣйшаго опредѣленія расходовъ, и они внесены были въ бюджетъ 1863 года; объявлено было, что сдѣланы будутъ сокращенія расходовъ по военному вѣдомству. Но раздоръ отъ этого не прекратился, онъ зашелъ уже слишкомъ далеко, и палата депутатовъ чувствовала, что она опирается не на скоропроходящей прихоти народа, а на дѣйствительной, постоянной и твердой волѣ просвѣщенной націи; члены палаты знали, что не только вниманіе прусскаго народа, но и взоры всей Германіи обращены на нихъ; почти первымъ дѣломъ сессій было распустить партію, находившуюся подъ руководствомъ Финке и Грабова, большинство которой, принимая лѣвую сторону, присоединилось къ партіи Вокумъ-Дольфа. Вождемъ этой партіи былъ Грабовъ, бургомистръ бренцлавскій, человѣкъ съ самымъ умѣреннымъ направленіемъ, но твердый по характеру; вотъ этого человѣка, совершенно необдумано прославленнаго тайнымъ жирондистомъ, или якобинцемъ, но лучше понятаго палатой депутатовъ, выбрали президентомъ большинствомъ 276 голосовъ изъ 288 поданныхъ. Въ своей вступительной рѣчи онъ твердо, благородно и съ достоинствомъ опровергалъ обвиненіе, будто въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ прусскому народу поставленъ вопросъ: король или парламентъ долженъ управлять государствомъ; онъ указалъ на тѣсное неразрывное сліяніе короля съ народомъ, какъ на условіе существованія Пруссіи, и показалъ, какъ палата депутатовъ съ этой же точки зрѣнія неизмѣнно на это смотритъ. Положено было приступить къ составленію отвѣтнаго адреса, по этому случаю министръ финансовъ Гейдтъ опять говорилъ примирительно и въ духѣ примиренія давалъ объясненія. Еще въ совѣтѣ комиссіи министры выразили свое удовольствіе, что та демократическая партія, на какую они въ своихъ приказахъ

указывали, вовсе не нашла представителей въ палатѣ, да и теперь, объяснялъ министръ финансовъ, правительство желаетъ, чтобы не было помину о томъ неконституціонномъ контрактѣ, существованіе котораго предполагалось между королемъ и парламентомъ; можно было бы удовольствоваться такимъ объясненіемъ. Но вмѣсто того, послѣ трехдневныхъ преній, адресъ былъ одобренъ большинствомъ 219 голосовъ противъ 101; онъ особенно долго останавливался на министерскихъ приказахъ о выборахъ, жаловался на нихъ и на все остальное съ ними связанное: « мы всеподданнѣйше просимъ ваше величество не отыскивать противорѣчія между одушевленной любовью, какую къ вашему величеству питаетъ весь народъ, и между выводомъ выборовъ, выпавшихъ несовершенно согласно съ нѣкоторыми воззрѣніями и мѣрами королевскаго государственнаго управленія.»

Король очень немилостиво встрѣтилъ депутацію, явившуюся къ нему съ адресомъ: ему крайне непріятно было, что въ адресѣ не было сказано ни слова благодарности за тѣ уступки, какія онъ самъ, черезъ своихъ министровъ, предложилъ палатѣ, особенно за согласіе приступить къ сокращеніямъ расходовъ на войско, за возрастающее благосостояніе государства, вызванное новѣйшими мудрыми распоряженіями, и за успѣхи во внѣшней политикѣ. «Такъ какъ вы особенно сильное вниманіе обратили на одну изъ фразъ моей программы 1858 года, сказалъ король—а это выраженіе именно слѣдующее: «пусть будетъ извѣстно всему свѣту, что Пруссія всегда и вездѣ готова охранять и стоять за права и правду»— поэтому совѣтую вамъ, со строки въ строку, съ буквы до буквы, напечатлѣть себѣ въ памяти мой взглядъ на вещи и хорошенько вникнуть въ него.»

Правительство, т. е. министры, между тѣмъ продолжали дѣйствовать въ умѣренномъ направленіи и нисколько не противорѣчили либеральному взгляду на вещи. Около этого именно времени гессенскій тиранъ повинился; его посланникъ привезъ отъ него 25 іюня письмо, въ которомъ курфюрстъ извѣщалъ, что онъ готовъ милостиво принять данные ему королемъ совѣты и не противиться болѣе возстановленію законодательства 1831 года и уже сдѣлалъ всѣ нужныя для того распоряженія. Іюля 15 военный министръ предложилъ новые законы морскаго управленія и обѣщался внести планъ постановленія дальнѣйшаго развитія военнаго флота; эта часть военныхъ силъ государства имѣла много приверженцевъ въ лагерѣ либераловъ и это должно было польстить имъ; 21 былъ сдѣланъ важный шагъ на либеральномъ поприщѣ: прусское правительство и король признали итальянское королевство; шагъ этотъ былъ еще важнѣе въ томъ отношеніи, что послужилъ поводомъ къ оживленной перепискѣ между Берлиномъ и Вѣной; когда же 25 іюля торговый трактатъ съ Франціей, такой важный для общегерманскаго развитія и о которомъ поговоримъ еще въ своемъ мѣстѣ позже, итакъ, когда онъ принятъ былъ большинствомъ 264 голосовъ противъ 12, министръ фонъ-деръ-Гейдъ очень тепло и съ чувствомъ благодарилъ палату за такое единодушіе. Но это былъ только минутный проблескъ солнечнаго свѣта и тепла, какъ бы сверкнувшаго для того, чтобы показать, что можетъ сдѣлать королевская власть, соединенная съ парламентскою, если она будетъ дѣйствовать согласно. Но нѣсколько дней спустя, государственное казначейство подверглось очень поверхностной либеральной критикѣ, а 29 іюля палата депутатовъ измѣнила своей, до сихъ поръ достойной и благородной политикѣ, она унизилась до мелочныхъ придирокъ, между прочимъ, по поводу очень умѣреннаго требованія правительства въ 31,000 талл. на тайные расходы, безъ какихъ ни одно, сколько нибудь замѣчательное государство обойтись не можетъ: палата и эту, безъ того небольшую сумму, уменьшила на половину, а именно на 16,000 талл., какъ будто не заслуживало величайшаго уваженія то обстоятельство, что при бюджетѣ въ 150,000,000 потребовалось только 31,000 талеровъ на негласные расходы, т. е. на такіе, отчеты по которымъ невозможны. Августа 4 при такихъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ, комиссія по составленію бюджета открыла свои совѣщанія на счетъ военнаго бюджета на 1862 годъ; послѣ долгихъ и бурныхъ частныхъ совѣщаній въ комиссіи начался докладъ бюджета и пренія въ палатѣ, при ея полномъ составѣ. Комиссія для покрытія издержекъ при реорганизаціи войска перенесла требуемую сумму изъ ординарныхъ въ экстраординарныя и предлагала исключить ихъ; предложеніе это клонилось къ тому, чтобы отпустить правительству на этотъ предметъ

33½ милліона. Это было на какіе нибудь 6 милліоновъ меньше того, чего требовало правительство; по предложенію Ставенгагена, Зебеля и Твестена, за исключеніемъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ, а именно 223,000, недостающее опять отпустить на реорганизацію войска, подъ видомъ экстраординарныхъ расходовъ. Передъ началомъ общихъ преній министръ финансовъ далъ объясненіе, освѣтившее предметъ съ новой стороны: онъ признавалъ, что на преобразованіе въ войскѣ нельзя смотрѣть, какъ на окончательно утвержденную реформу, пока сеймъ не утвердилъ и не упрочилъ его законами; далѣе, говорилъ, что до тѣхъ поръ еще готовъ былъ нести всѣ потребныя для реорганизаціи войска издержки изъ суммъ экстраординарныхъ, но отказывать правительству въ средствахъ для выполненія начатаго невозможно, потому что это поставило бы его въ самое двусмысленное положеніе. Безъ сомнѣнія, по смыслу конституціи, надобно предположить, что будетъ установлена законность реформы и закономъ установится сумма для войска; но если палата депутатовъ, послѣ донесеній комиссіи все-таки будетъ настаивать, чтобы на войска отпускалась только такая сумма, какая была достаточна до 1860 года, тогда государственный законъ въ конституціонныхъ формахъ для устройства войска становится невозможнымъ; онъ могъ бы еще многое прибавить, но то, чего онъ не досказалъ, договорили газеты феодальной партіи, сдѣлавшіяся особенно смѣлыми и авторитетными съ тѣхъ поръ, какъ смотрѣли на себя, какъ на министерскую партію: такого случая конституція не предвидѣла, это былъ пропускъ, а досужіе люди намѣревались его еще разширить на столько, чтобы черезъ него провести абсолютизмъ въ самое сердце законодательства и тѣмъ же путемъ выпроводить изъ него тяжело пріобрѣтенныя конституціонныя права и обезпеченія.

Первоначально этого пробѣла не было въ законоположеніи, но онъ образовался оттого, что правительство, при временномъ соглашеніи палатъ, приступило къ важной государственной реформѣ, которая по своей природѣ могла быть только окончательной и на которую король иначе и не смотрѣлъ. Что же въ такомъ случаѣ дѣлать, если эта реформа все-таки не получитъ законной силы? Если верхняя палата не захочетъ утвердить ея въ томъ видѣ, въ какомъ ее предложила палата депутатовъ? Или если король не утвердитъ ея въ томъ видѣ, въ какомъ она пройдетъ черезъ палаты? Что же, говорили либералы, тогда правительство, въ концѣ концовъ, принуждено будетъ обходиться тѣми постановленіями, какія ему дастъ штатный государственный законъ (Statsgesetz). Но само собою разумѣется, что на одинъ годъ утверждено, того продлить уже нельзя; въ теоріи они были вполнѣ правы. Но къ практикѣ этого нельзя было примѣнить, говорило правительство и его сторонники — по крайней мѣрѣ невозможно въ данномъ случаѣ; нельзя вновь сформированные полки распустить; въ этомъ случаѣ дѣйствіями правительства руководитъ необходимость; такъ какъ государственныя потребности ждать не могутъ, то правительство, принявъ во вниманіе всѣ рѣшенія народныхъ представителей и взвѣсивъ ихъ, но не находя въ нихъ окончательнаго вывода, продолжаетъ вести дѣла безъ закона утвержденнаго государственными чинами, *подъ своею собственною отвѣтственностію*; это пустое, ничего незначущее слово, отвѣчали на это либералы, такъ какъ нѣтъ закона, который бы установилъ правила отвѣтственности министровъ.

Пятеро сутокъ длились жаркія, ожесточенныя пренія; каждая изъ партій выставляла своихъ лучшихъ ораторовъ. Первое предложеніе комиссіи, перевести 20,000 талеровъ, предназначаемыхъ для организаціи войска, на экстраординарныя суммы и вычеркнуть ихъ, было принято значительнымъ большинствомъ голосовъ. Но тутъ произошла остановка въ дѣлѣ: военный министръ объявилъ, что на основаніи фактическаго сокращенія срока дѣйствительной службы на два года, въ чемъ собственно и состоялъ главный пунктъ раздора, можетъ произойти соглашеніе. Пренія были отложены, но надежда разлетѣлась, какъ дымъ; не далѣе, какъ черезъ сутки пренія опять пошли своимъ порядкомъ и окончились 23 сентября тѣмъ, что предложенія комиссіи были приняты, 31,932,000 внесены, какъ ежегодныя правильныя издержки на войско, а суммы, превышающія эту нормальную цыфру, для реорганизаціи войска отмѣнены и вычеркнуты.

На слѣдующій за тѣмъ день министръ, фонъ деръ Гейдъ, получилъ отставку. «Купеческая интермедія окончилась», радостно восклицала партія юнкерства, чувст-

вуя свои преимущества; и она была вправѣ ликовать; потому что одному изъ ихъ партизановъ, ихъ передовому борцу въ рядахъ второй палаты, на соединенномъ сеймѣ 1849 года въ эрфуртскомъ парламентѣ, Оттону фонъ Бисмарку-Шенгаузену, король поручилъ мѣсто предсѣдателя государственнаго совѣта министровъ.

Этому великому государственному человѣку только-что исполнилось 47 лѣтъ; онъ былъ въ полной силѣ развитія мужескаго возраста; онъ природой былъ надѣленъ всѣмъ, чтобы выступить на передній планъ исторической дѣятельности; ему судьбою назначено было совершить самому, или содѣйствовать величайшему исторически-міровому событію девятнадцатаго столѣтія — сліянію Германіи и Пруссіи. Онъ родился 1 апрѣля 1815 года, во время вѣнскаго конгресса; онъ происходилъ отъ древняго рыцарскаго рода въ Альтмаркѣ; его воспитаніе и первые годы службы прошли такъ, какъ обыкновенно проходятъ у прусскаго небѣднаго дворянина. Первые годы жизни провелъ онъ въ помѣстьѣ отца въ Померапіи, въ 1821 году его привезли въ Берлинъ, чтобы помѣстить въ пансіонъ, а въ 1827 г. поступилъ въ низшее отдѣленіе третьяго класса фридрихъ-вильгельмской гимназіи; мать его, не дворянскаго происхожденія, мечтала о томъ, чтобы этотъ, младшій сынъ ея, избралъ для себя дипломатическое поприще; въ 1830 году онъ былъ конфирмованъ оченъ замѣчательнымъ человѣкомъ—Шлейермахеромъ; въ 1832 г. вышелъ изъ гимназіи и поступилъ въ Геттингенскій университетъ, гдѣ онъ, подобно всѣмъ студентамъ, окунулся въ водоворотъ студенческой жизни, въ которомъ слабыя и низкія натуры погибаютъ, обыкновенныя остаются тѣмъ же, чѣмъ были, а здоровыя, благородныя и твердыя души выносятъ чудный напитокъ вѣчной молодости и силы. Выдержавъ въ Берлинѣ юридической экзаменъ, онъ въ 1835 году, поступилъ на службу въ берлинскій городской судъ, но вскорѣ перешелъ въ государственную службу и работалъ при королевскомъ управленіи въ Аахенѣ, оттуда переведенъ былъ въ Потсдамъ и поступилъ въ военную службу, сначала въ полкъ гвардейскихъ егерей и за тѣмъ въ егерскій батальонъ въ Грейфсвальде; тамъ онъ слушалъ лекціи въ сельско-хозяйственныхъ коллегіяхъ, чтобы приготовиться принять въ свои руки управленіе отцовскими имѣніями, довольно разстроенными и нуждавшимися въ энергической рукѣ молодаго, полнаго силъ человѣка. Вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, онъ въ померанскихъ владѣніяхъ отца занялся сельскимъ хозяйствомъ и, пользуясь политическимъ затишьемъ въ отечествѣ, на досугѣ изучалъ трудную науку жизни и приглядывался къ ближайшимъ нуждамъ и отношеніямъ народа; только послѣ смерти отца, въ 1845 году, начинается его политическая дѣятельность: первые шаги его на этомъ поприщѣ очень скромны, сначала, въ качествѣ плотиннаго надзирателя и депутата на саксонскомъ провинціальномъ сеймѣ; въ этомъ званіи принималъ онъ участіе въ 1847 году въ соединенномъ сеймѣ и выказался, какъ строптивый и непреклонный врагъ тѣснящагося впередъ либерализма. Но вскорѣ зашумѣла буря; въ ней ему представился случай испытать свою силу и выказать свои достоинства; Бисмаркъ въ этомъ случаѣ показалъ свое величайшее достоинство—непоколебимую волю, рѣшительность и мужество; онъ собралъ вокругъ себя консервативную партію, основалъ «Крестовую Газету» (Kreuzzeitung), при всякомъ удобномъ случаѣ раздражалъ уличныхъ демократовъ; но когда первое опьяненіе прошло и когда сеймъ, въ 1849 г., на основаніи данной конституціи, собрался въ эрфуртѣ, въ качествѣ парламента, онъ явился поборникомъ консервативнаго начала и сдѣлался предводителемъ значительной партіи. На сеймѣ говорилъ онъ горячо противъ соединенной конституціи (Uniorsverfassung) и противупоставлялъ направленію, на которое она опиралась, всю энергію самоуваженія и самосознанія прусскаго могущества; въ одной изъ своихъ рѣчей онъ энергически возставалъ противъ того, что утверждали, будто политика Фридриха Великаго равносильна политикѣ унии, и въ заключеніе горячо замѣтилъ, что если бы Фридрихъ Великій поставленъ былъ въ подобныя обстоятельства, онъ разрѣшилъ бы недоразумѣнія, призвавъ на помощь воинственный элементъ прусской націи; и здѣсь, по своему обыкновенію, защищая королевскую власть отъ притязаній демократической партіи, онъ отъ оборонительнаго положенія перешелъ къ наступательному: «я горжусь тѣмъ, что могу назвать

себя юнкеромъ», прибавилъ онъ небрежно, «будьте увѣрены, мы постараемся имени юнкерства принести честь и доставить ему уваженіе». Онъ до такой степени всецѣло погруженъ былъ въ случайности этой борьбы съ демократіей, что ни на минуту неколеблясь поддерживалъ ольмюцкую политику; онъ, подобно многимъ другимъ честнымъ и неповерхностнымъ людямъ, преслѣдуя свою мысль, вдался въ ошибку и распозналъ ее тогда только, когда было поздно; онъ увидѣлъ, что, сражаясь съ лѣвой стороною, съ демократіей, и одерживая надъ нею верхъ, на правомъ крылѣ онъ потерялъ было все, потому что союзники, австрійцы, оказались врагами, тогда какъ ихъ считали друзьями. Но Бисмаркъ вскорѣ отказался отъ этого взгляда на вещи и перестадъ смотрѣть на Австрію, какъ на союзницу Пруссіи, хотя онъ и выросъ и окрѣпъ въ этомъ убѣжденіи. Въ маѣ 1851 года получилъ онъ мѣсто перваго секретаря при прусскомъ посольствѣ въ Франкфуртѣ въ союзномъ сеймѣ; здѣсь австрійскій посланникъ встрѣтилъ его очень дружелюбно, какъ австрійскаго приверженца, затѣмъ, въ ноябрѣ, въ годъ реставраціи, Бисмаркъ самъ назначенъ былъ посланникомъ при германскомъ союзномъ сеймѣ, и тутъ, кажется, особенно ясно изучилъ положеніе дѣлъ и окончательно убѣдился въ томъ, гдѣ кроются истинные заклятые враги Пруссіи. На этомъ мѣстѣ онъ оставался до апрѣля 1859 года; потомъ получилъ назначеніе посланника при петербургскомъ дворѣ; долѣе оставаться во Франкфуртѣ не за чѣмъ было, чему можно, тому онъ научился; послѣ Россіи онъ, въ 1862 году, назначенъ былъ посланникомъ во Францію и уже 19 сентября былъ вновь призванъ въ Берлинъ, гдѣ его ожидало важное назначеніе предсѣдателя совѣта министровъ; эта задача представляла очень важныя стороны; ему приходилось распутывать политическія затрудненія внутри и внѣ государства.

Онъ не предлагалъ никакихъ условій, принимая на себя новое важное назначеніе; его не могли смутить трудности, какія онъ предвидѣлъ; онъ принимался за дѣло съ полною увѣренностію въ своей личной силѣ и въ той опытности, какую пріобрѣлъ въ жизни. Его легкій, разговорный тонъ рѣчи и небрежность, съ какою онъ явился на первое засѣданіе комиссіи по составленію бюджета, удивили не только оппозицію, но и весь свѣтъ; и мимоходомъ сказанныя слова его повторялись не только въ цѣлой Пруссіи, но и во всей Германіи; онъ говорилъ, что нечего на это столкновеніе смотрѣть съ такой трагической точки зрѣнія, что великихъ вопросовъ нечего пытаться разрѣшать рѣчами и заключеніями, а гораздо лучше и удобнѣе распутывать ихъ желѣзомъ и кровью. На этого человѣка, внушавшаго въ первую минуту страхъ, понемногу начали смотрѣть не такъ трагически; мало-по-малу начали сознавать, что изъ горячаго защитника реакціи, изъ яраго противника революціоннаго движенія выработался государственный человѣкъ, котораго нельзя мѣрять обыкновенною мѣркою, и, противъ воли, пришлось признать его исполинскую силу, его проницательный и обширный взглядъ на вещи, пришлось убѣдиться, что онъ, черезъ туманъ и пыль, поднятые мелкою ежедневною борьбою, различалъ настоящее положеніе дѣлъ; удивлялись его непреклонной силѣ и энергіи, съ какою онъ на этотъ разъ не только выказалъ, но и доказалъ государственное могущество Пруссіи. Лишь только онъ принялъ должность, первымъ его дѣломъ было взять назадъ бюджетъ на 1863 годъ, потому что, вслѣдствіе разсужденій, правительству нѣтъ возможности согласиться на сдѣлку, если палаты не находятъ возможности дать ему законной формы, и чтобы препятствія не возросли еще отъ невозможности согласить мнѣнія. Онъ объявилъ, что правительство не замедлитъ для слѣдующихъ сессій въ 1863 году, приготовить проектъ закона, въ который, какъ существенное жизненное условіе, войдетъ законъ о реорганизаціи войска, и одновременно съ тѣмъ предложитъ и штатъ 1864 г. Коммиссія бюджета затѣмъ была закрыта; а 3 октября финансовый законъ на 1863 г., за исключеніемъ прибавочныхъ суммъ на флотъ, былъ принятъ палатой; 7 начались совѣщанія по случаю предложенія комиссіи о томъ, чтобы правительство представило штаты на 1863 г. какъ можно скорѣе, чтобы палаты имѣли достаточно времени обсудить ихъ и дать имъ законную силу, еще до начала 1863 г., потому что было бы вполнѣ противно конституціи, еслибы государственное управленіе своевольно распоряжалось издержками, на которыя палата депутатовъ не согласилась. Какъ исправленіе закона предложено было, депутатомъ Финке, чтобы на основа-

ніи точнаго государственнаго права, правительство, еще до истеченія 1862 года, обязалось обратиться къ палатамъ съ требованіемъ предварительнаго чрезвычайнаго кредита. Бисмаркъ объявилъ, что онъ готовъ согласиться на послѣднее предложеніе, но не раздѣляетъ его основныхъ причинъ; предложеніе комиссіи было принято большинствомъ 251 голоса противъ 39.

Дѣла стояли на критической точкѣ. Король по прежнему былъ твердо убѣжденъ въ необходимости военной реформы и ни на одну іоту не уменьшалъ своихъ требованій, но не смотря на это, онъ глубоко чувствовалъ и сожалѣлъ о противорѣчіи, какое встрѣчалъ въ большей и уважаемой имъ части народа; между тѣмъ феодальная партія не догадываясь, какъ болѣзненно потрясено чувство короля, засыпала его адресами и надоѣдала депутаціями; но онъ охладилъ ихъ, объявивъ, что рѣшился твердо и неизмѣнно держаться своей программы 1858 г., ни въ какомъ случаѣ не нарушать конституціи и держаться ея крѣпко, пока ея не вырвутъ у него изъ рукъ—«и разорвавъ не бросятъ ея передъ моими ногами на мостовую», — сказалъ онъ какъ-то; не такъ совѣстливо на вещи смотрѣла партія, которая хозяйничала въ верхней палатѣ, безъ зазрѣнія совѣсти нарушая постановленія конституціи. Такъ 11 октября, по предложенію графа Арнима-Бойтценбурга проектъ закона, касательно штатовъ государственной экономіи на 1862 годъ, какъ ихъ выработала палата депутатовъ, палата господъ отвергла, по праву, законодательствомъ ей предоставленному, но за то она не имѣла никакого права принимать первоначальнаго проекта бюджета, представленнаго правительствомъ, а между тѣмъ палата подвергла его голосованію и онъ былъ принятъ большинствомъ 114 голосовъ противъ 44, что вполнѣ противорѣчило смыслу закона.

За тѣмъ всѣ партіи и ихъ подраздѣленія въ палатѣ депутатовъ, за исключеніемъ феодальной, собрались для конференціи; онѣ еще не пришли ни къ какому заключенію, когда получили отъ президента увѣдомленіе, что правительство предлагаетъ палатѣ собраться къ 12 часамъ слѣдующаго дня, чтобы выслушать королевское посланіе; нечего было догадываться о содержаніи его; оно было каждому извѣстно. Президентъ созвалъ палату на слѣдующій день рано утромъ; бюджетная коммиссія получила предписаніе черезъ часъ времени донести, что должно быть предпринято, чтобы опровергнуть несогласное съ законами рѣшеніе палаты господъ. Такъ и сдѣлали: безъ всякихъ словопреній всѣ присутствующіе 237 депутатовъ единодушно положили, чтобы на рѣшеніе палаты господъ, несогласное съ прямымъ и точнымъ смысломъ конституціи, по статьѣ 62, смотрѣть, какъ на недѣйствительное, не состоявшееся и слѣдовательно правительство изъ этого рѣшенія не можетъ выводить для себя никакихъ правъ и положеній. Министры собрались и вошли въ палату: президентъ прочиталъ имъ только-что составленное рѣшеніе; вслѣдъ за этимъ президентъ совѣта министровъ объявилъ, что сессіи палаты закрываются, а въ тотъ же день, послѣ полудня, Бисмаркъ это повторилъ при офиціальной формальности и съ заключительною рѣчью. Она ограничивалась строгимъ дѣловымъ тономъ, безъ жестокостей и безъ намековъ; существенное содержаніе ея заключалось въ томъ, что королевское правительство поставлено въ необходимость вести государственную экономію по соображеніямъ, не предвидѣннымъ конституціей и не согласно съ предположенными ею ограниченіями; онъ ни однимъ словомъ не намекнулъ на незаконное рѣшеніе верхней палаты.

Споръ и столкновеніе взглядовъ и мнѣній распространились по цѣлой Пруссіи; вездѣ чувствовалось приближеніе великой, важной, критической перемѣны; чѣмъ кончится волненіе умовъ не только для Пруссіи, но и для цѣлой Германіи, оставалось вопросомъ перѣшеннымъ. Для Пруссіи великое счастье заключалось въ томъ, что король былъ человѣкъ строго совѣстливый, считавшій клятву, произнесенную конституціи, священной и что стоящіе вокругъ него министры и руководящій ими первый министръ, были люди разумные, проникнутые чувствомъ долга, понимающіе положеніе и отношеніе дѣлъ. Они знали, что если окончательно нарушить и разорвать конституцію, то государство будетъ брошено въ необозримую пропасть путаницы и разногласія и что оно потратитъ на борьбу съ нею свою силу въ такую минуту, когда передъ нею возстаютъ важныя поли-

тическія задачи германской и европейской политики. При такомъ воззрѣніи, споръ въ цѣломъ остался при тѣхъ же вопросахъ, изъ которыхъ первоначально возникъ; и та и другая сторона, хотя и выказывали враждебныя чувства къ своимъ противникамъ, но въ цѣломъ все-таки сохраняли достоинство и формы приличія. Войну вели адресами и депутаціями, летучими брошюрами и журнальными статьями; правительство притянуло поводья чиновнической дисциплины и даже зашло за мѣру приличія, хотя употребляемые имъ отставки, штрафные переводы съ одного мѣста на другое «въ видахъ служебной пользы» и другія мѣры дисциплины далеко не доходили до такихъ размѣровъ, какими зачастую пользовались меньшія германскія государства, гордыя своею конституціей, которыя не бывали даже введены въ искушеніе употреблять данную имъ силу въ дѣло, потому что все и безъ того передъ ними склонялось и раболѣпно имъ повиновалось. Въ цѣломъ, прусское правительство изъ-за политики, однакожь, не упускало изъ вниманія фактическаго взгляда на вещи; оно не поддалось тѣмъ же неурядицамъ и злоупотребленію власти, какъ въ теченіе 50 лѣтней реакціи; органамъ феодальной партіи, сильно поджигавшимъ несогласіе, однакожь неудалось взять перевѣсъ и распоряжаться самовольно. Большинство богатыхъ и производительныхъ классовъ средняго сословія, несомнѣнно, было на сторонѣ большинства палаты депутатовъ; члены ея, послѣ возвращенія на родину, повсюду нашли восторженный пріемъ и ихъ встрѣтили овваціями; изъ числа провинціальныхъ сеймовъ, собранныхъ на 16 ноября, только четыре провинціи: Бранденбургъ, Померанія, Силезія и Саксонія поднесли адресы въ духѣ покорности и подчиненія, согласно съ министерскими требованіями; между тѣмъ, городскіе выборы, происходившіе въ ноябрѣ, въ Берлинѣ и въ большей части городовъ государства, вышли совершенно въ пользу оппозиціи. Эта оппозиція служила связью для всѣхъ, болѣе или менѣе достаточныхъ классовъ народа; они отъ себя составили національный фондъ, чтобы давать жалованье и пособіе чиновникамъ, лишившимся мѣстъ за вѣрность конституціонному началу и подвергшихся за это гоненію правительства; эта мѣра въ высшей степени раздражила противную партію, которая тоже искала опоры въ низшихъ слояхъ народа. Новое общество, противупоставленное національному обществу и другимъ родственнымъ ему ассоціаціямъ, назвали громкимъ именемъ прусскаго народнаго собранія; въ одной изъ сходокъ этого народнаго собранія, бывшаго въ Берлинѣ 29 октября 1862 года, совѣтникъ юстиціи, Вагенеръ, потребовалъ, чтобы введено было право общей подачи голосовъ; въ кружкахъ съ особеннымъ жаромъ говорили противъ богатства и самый ярый изъ ораторовъ былъ именно этотъ Вагнеръ; его любили и заслушивались, его изреченія уважались, какъ изрѣченія оракула. Нѣкоторую связь съ этимъ обществомъ имѣетъ агитація, посредствомъ которой демагогъ, Фердинандъ Лассаль, человѣкъ недальняго ума и очень двусмысленнаго характера, волновалъ народъ и организовалъ новую партію; къ ней тотчасъ присоединились люди незанятые, бездѣйственные, гоняющіеся только за какою нибудь шаткою теоріей; общество это приняло названіе партіи рабочихъ.

Пруссія, какъ государство, стоящее на прочныхъ основаніяхъ, могла выносить подобныя волненія, подобныя внутреннія потрясенія и раздоръ партій; люди благомыслящіе и настоящіе патріоты во всѣхъ партіяхъ страдали отъ несогласія, но не хотѣли уступать. Либеральная партія, не смотря на все желаніе своихъ противниковъ, ни на волосъ не заходила за черту, проведенную законами, и тѣмъ обуздывала стремленія ихъ. Руководящій министръ энергически охранялъ вліяніе и уваженіе, какимъ пользовалась Пруссія въ сношеніяхъ съ иностранными державами, такъ что внутреннія волненія и несогласія не отразились на внѣшнихъ отношеніяхъ, не выказали слабости и могли служить доказательствомъ, на сколько прочна и здорова жизнь прусскаго королевства. Даже близорукій могъ убѣдиться, что въ главѣ правленія стоятъ не тѣ же дѣятели, какъ въ Ольмютцѣ: курфюрстъ гессенскій, надѣявшійся воспользоваться неурядицей въ Пруссіи, какъ мы видѣли, первый на себѣ почувствовалъ ошибочность своего мнѣнія: фельдъегерь, поспѣшившій въ Кассель съ грозною нотой отъ 24 ноября, быстро далъ другой оборотъ его воззрѣніямъ; въ остальныхъ среднихъ, меньшихъ государствахъ германскаго союза начали опасаться, что новый прусскій министръ иностранныхъ дѣлъ—

Бисмаркъ, съ 9 октября самъ принявшій управленіе министерствомъ на мѣсто графа Бернсторфа — рѣшился быть проводникомъ прусскихъ интересовъ въ Германіи, а не австрійскихъ, какъ сначала думали.

Пруссія съ тревожнымъ чувствомъ начала новый годъ; по крайней мѣрѣ несогласія не приняли болѣе ожесточеннаго характера, чѣмъ какое они до сихъ поръ имѣли. Января 10, 1863 года, сеймъ опять собрался. Министръ-президентъ въ своей рѣчи, произнесенной при открытіи, не сказалъ ничего новаго; но она была смѣлая и онъ съумѣлъ, обыкновенно вскипающія въ политическихъ несогласіяхъ злобу и неудовольствія, отвлечь отъ короля и направить лично на себя, поставивъ такимъ образомъ священное значеніе королевскаго сана выше всякихъ споровъ, броженій и столкновеній народныхъ партій. Министерство по прежнему крѣпко держалось своихъ требованій, но оно передъ предъидущимъ имѣло великое преимущество: не оно поставило эти требованія, не оно было причиной несогласій, оно ихъ застало. Противъ этого съ жаромъ и рѣзко возражалъ президентъ палаты депутатовъ, Грабовъ, высказывая образъ мыслей большинства членовъ сейма и цѣлаго государства. 22 числа предложено было составить адресъ королю; послѣ трехдневныхъ преній онъ былъ принятъ большинствомъ 255 голосовъ противъ 68; въ адресѣ чрезвычайно ясно и опредѣленно высказывалось, что министры нарушили конституцію и вмѣстѣ съ тѣмъ внутренее спокойствіе и безопасность государства и лишаютъ его внѣшней силы, что то и другое можетъ быть возстановлено только тогда, если конституція опять получитъ свою законную силу. Король отказался принять депутацію, и палата депутатовъ положила адресоваться къ нему письменно; 3 февраля послѣдовалъ очень подробный, но немилостивый отвѣтъ. Адресъ палаты господъ опять, по примѣру прежнихъ лѣтъ, совершенно сталъ на точку зрѣнія правительства.

При такихъ обстоятельствахъ, нечего было надѣяться на дружное, совмѣстное дѣйствіе правительства и палаты депутатовъ. Попытку палаты вмѣшаться въ политическія отношенія правительства, касательно польскаго возстанія, Бисмаркъ очень рѣзко отстранилъ, объявивъ, что обвиненія противниковъ основываются на очень шаткихъ, невѣрныхъ данныхъ и поэтому онъ не имѣетъ ни малѣйшей охоты выполнить ихъ; правительство находилось въ оборонительномъ положеніи касательно палаты депутатовъ; оно постоянно отвергало всѣ предложенія, ею дѣлаемыя, и тѣмъ могло поставить ее въ очень непріятное и двусмысленное положеніе, принуждая ее ограничиваться безплодными и вовсе ненужными рѣчами, или, какъ феодальная партія выражалась: «законодательными монологами.» Между партіей либераловъ начали смотрѣть на Бисмарка, какъ на человѣка въ высшей степени опаснаго, какъ на новаго Стаффорда, поставившаго себѣ задачей убить парламентскій духъ тѣмъ, что обрекаетъ его на долгое бездѣйствіе и такимъ образомъ стремится доказать его безполезность. Казалось, ему самому нравилось пренебреженіе, съ какимъ онъ обходился съ палатой депутатовъ. Послучаю вмѣшательства въ Шлезвигъ-Гольштейнскій вопросъ, одинъ изъ самыхъ достойныхъ и уважаемыхъ представителей партіи прогресса, депутатъ Твестенъ, говорилъ съ одушевленіемъ и говорилъ дѣльно, на что министръ небрежно замѣтилъ: «если правительство найдетъ необходимымъ начать войну, то оно ее начнетъ и будетъ вести, или съ согласія, или безъ согласія палаты депутатовъ»; когда же наконецъ 7 мая опять начались пренія по поводу военнаго вопроса, военный министръ фонъ-Роонъ, человѣкъ высоко-образованный и съ замѣчательнымъ ораторскимъ дарованіемъ, какъ бы нарочно поднялъ новый спорный вопросъ, касательно очень неважной парламентской формальности, и тѣмъ принудилъ предсѣдателя прервать засѣданіе. Министерство послѣ этого отказалось вновь являться въ палату депутатовъ, пока не будетъ сдѣлано объявленія, что президентъ палаты не имѣетъ права призывать къ порядку министровъ. Пренія на счетъ реорганизаціи войска были такимъ образомъ прерваны этимъ недостойнымъ споромъ, палата депутатовъ написала королю адресъ, въ которомъ горько жаловалась на министровъ и указывала на необходимость перемѣны системы и состава министерства. Отвѣтъ очень рѣшительно отказалъ палатѣ въ ея требованіи, а 27 мая были закрыты безплодныя сессіи. Финансовые вопросы остались неразрѣшенными; соглашеніе казалось еще невозможнѣе, чѣмъ прежде; такъ какъ нельзя было предвидѣть, чтобы на-

родное настроеніе перемѣнилось, то можно было ожидать, что правительство пойдетъ дальше, по скользкому пути пренебреженія и неуваженія къ конституціи. Депутаты, возвратившись домой, распространили унынie и досаду; языкъ печати становился болѣе рѣзкимъ; духъ партій разгорался и даже уваженіе и любовь къ королю, отличительныя черты этого народа, начали мало-по-малу блѣднѣть и стушевываться; многіе начали утверждать, что онъ всецѣло отдался феодальной партіи, органы которой ликовали и вызывали его положить конецъ конституціонному сумасбродству и возвратить себѣ свое личное, прирожденное право абсолютной королевской власти.

Еще въ народѣ не улеглось негодованіе на послѣднія происшествія—на неожиданное закрытіе сессій, на то, что правительство безъ законно-утвержденнаго бюджета продолжаетъ управлять—но тутъ еще явилось новое оскорбленіе, новое нарушеніе правъ, данныхъ конституціей, одно изъ величайшихъ оскорбленій, какое чисто нѣмецкое племя вынесло въ теченіе 50 лѣтняго періода всевозможныхъ неудачъ. 1 іюня, ссылаясь на права, конституціей предоставленныя правительству, въ минуту крайней надобности издавать постановленія, имѣющія законную силу, но не обращая вниманія и на то, что въ конституціи прибавлено, что такіе законы не должны быть направлены противъ точныхъ правъ ея и сохраняютъ свою силу до тѣхъ поръ, пока не будутъ вновь открыты сессіи палатъ и пока королевскій законъ не будетъ ими подтвержденъ; не взирая на это ограниченіе, министерство издало постановленіе, нарушающее свободу печати, одно изъ преимуществъ, дарованныхъ конституціей. По этому постановленію правительственныя учрежденія имѣли право запрещать временно, на извѣстный срокъ, журналы, или газеты за многократно и долговременно повторяемые непочтительные отзывы о правительственныхъ распоряженіяхъ; положено было слѣдовать способу, принятому и утвержденному императорскимъ правительствомъ во Франціи, а именно: запрещать изданіе только послѣ двукратнаго предостереженія; о направленіи и злонамѣренности изданія судить предоставлялось тому мѣстному правительству, въ округѣ котораго газета издавалось, чѣмъ опять нарушалась статья конституціи, повелѣвавшая каждаго подвергать суду своего законнаго судилища. Послѣ двукратнаго предостереженія издателю, предостереженія вполнѣ зависящаго отъ личнаго убѣжденія и взгляда на вещи правительственнаго президента, окончательное запрещеніе могло быть произнесено черезъ согласное рѣшеніе правительства; затѣмъ послѣдовала министерствомъ данная инструкція, запрещавшая всякое публичное обсужденіе правительственныхъ распоряженій или того, что по мнѣнію инструкціи было беззаконно и противно смыслу конституціи; положено было, чтобы окружныя и провинціальныя управленія не стѣсняясь, немедленно пустили въ дѣло предостереженія, чтобы, въ случаѣ надобности, приступить къ запрещенію. Казалось, будто за этой стѣснительной мѣрой, нарушающей интересы и даже благосостояніе столькихъ людей, кроется намѣреніе довести раздраженіе до крайнихъ предѣловъ, вызвать волненія и воспользоваться ими, чтобы окончательно уничтожить и опрокинуть конституціонную форму правленія. Правительство рѣшалось на смѣлую мѣру. Но до волненій нигдѣ не доходило; либеральная партія была отлично вышколена въ теченіе послѣднихъ столкновеній; спекуляція феодальной партіи не удалась; напрасно она осыпала самыми рѣзкими оскорбленіями своихъ противниковъ, доведенныхъ до молчанія; они не теряли терпѣнія; при этомъ ярче всѣхъ и усерднѣе всѣхъ хлопотали листки съ піетистическимъ оттѣнкомъ. Между тѣмъ всѣ городскія управленія приготовлялись посылать къ королю депутаціи съ всенижайшею просьбою возстановить права конституціи въ полной ея силѣ, когда же послѣдовало предписаніе со стороны министра внутреннихъ дѣлъ не совѣщаться о политическихъ дѣлахъ въ собраніяхъ городскихъ правленій, тогда мысль посылать королю прошеніе, адресъ и депутаціи совсѣмъ была оставлена.

Когда же кронпринцъ, самъ не разъ объявлявшій, что не принимаетъ участія въ распоряженіяхъ, объѣзжалъ провинціи Пруссіи, многіе города отказались отъ всякой торжественной встрѣчи и не захотѣли привѣтствовать его даже самою обыкновенною рѣчью; когда же въ іюлѣ депутаты отправились въ Кельнъ на банкетъ, къ которому были приглашены, ихъ повсюду вдоль Рейна встрѣчали

самыми шумными и восторженными демонстраціями. Вотъ дочего дошло положеніе Пруссіи, государства, на которомъ покоились всѣ надежды юной Германіи.

Нечего и говорить, что всѣ эти стѣснительныя мѣры были вполнѣ безуспѣшны. Онѣ только безполезно раздражали народъ, и онъ началъ злобно смотрѣть на распоряженія правительства даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно было совершенно право, какъ напримѣръ при фактически уже выполненной реорганизаціи войска, въ вопросѣ о небходимости трехгодичнаго срока присутствія на службѣ и т. д., эти спорные вопросы, особенно на сколько они касались конституціи, были уже достаточно обсужены. Газеты давно уже научились говорить пропусками; передовую статью достаточно замѣняло бѣлое, ничего не напечатанное мѣсто въ газетѣ, страница, до половины, или вся пропущенная; публика съ своей стороны въ послѣднее время, пріобрѣла значительную опытность—бѣгло читать между строками, къ тому же то, чего прусскія газеты не смѣли говорить, то говорили газеты, приходящія изъ ближайшихъ мелкихъ сосѣднихъ государствъ. Да и самые исполнители министерскихъ предписаній, чиновники различныхъ частей управленія, передъ самими собою сознавались въ несправедливости и беззаконности этихъ мѣръ, вполнѣ противорѣчащихъ смыслу конституціи; и тѣ изъ чиновниковъ, которые въ этомъ убѣждались, а ихъ было не мало, смотрѣли сквозь пальцы на газетныя статьи и по возможности не пользовались своимъ правомъ давать предостереженія; всѣ эти распоряженія правительства достигли только того, что повсюду укоренялась ненависть къ господствующей партіи и въ теченіе этихъ тяжкихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, разсыпаннымъ партизанамъ феодализма пришлось не мало вынести отъ постоянно возрастающихъ притѣсненій со стороны преобладающей конституціонной массы цѣлаго народонаселенія Пруссіи.

Скорѣе, однакожъ, чѣмъ можно было ожидать, тираніи этой суждено было, если не исчезнуть, то покрайней мѣрѣ потерять свою силу. Австрійскій кабинетъ, пользуясь внутренними неурядицами въ Пруссіи и полагая, что внутренніе недуги отняли у нея всю ея внѣшнюю силу и лишили ее возможности вставить свое слово въ дѣла общегерманскія, вздумалъ привести вопросъ германскій къ окончанію, для себя полезному и во вредъ прусскимъ интересамъ; но эта попытка послужила только къ тому, чтобы пріостановить систему внутреннихъ притѣсненій. Наконецъ даже несчастное столкновеніе интересовъ и несогласія въ Пруссіи основывались на невыносимомъ и недоспѣломъ положеніи дѣлъ общегерманскихъ. Опять этотъ вопросъ выступилъ впередъ, и намъ приходится быстро обозрѣть историческій ходъ развитія попытокъ достигнуть единства Германіи, начиная съ 1859 года.

С. Стремленія къ единству Германіи, начиная съ 1859 года.

При поверхностномъ взглядѣ на ходъ германскихъ дѣлъ, казалось бы, что идея объединенія Германіи, съ 1815 года, нисколько не подвинулась ближе къ цѣли; нельзя было сказать, чтобы нѣмцы, народъ, по своему развитію и образованію, занимавшій такое видное мѣсто въ ряду европейской цивилизаціи, стремился слиться въ одинъ народъ въ политическомъ смыслѣ, составить одну націю; казалось даже, что съ 1848 года, невозможность когда либо слиться въ одно органическое, политически цѣлое, выступила еще съ большей силой, и мелкое дробленіе германскихъ государствъ, разнообразныя и очень часто вполнѣ противорѣчащія претензіи ихъ обнаружились во всей своей непримиримой наготѣ: идея объединенія казалась недосягаемой; гдѣ только она появлялась, тамъ противъ нея поднимались противорѣчія, несогласія и всевозможныя препятствія. А между тѣмъ съ другой стороны ежедневно опредѣленнѣе чувствовалось, что въ народѣ кроется потребность къ объединенію, что этотъ вопросъ требуетъ разрѣшенія, что онъ съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе предъявляетъ права свои и къ нему непроизвольно, безсознательно клонились всѣ силы народной дѣятельности.

Въ этомъ преобладающемъ съ 1859 года стремленіи необходимо различать три стороны: с в о б о д н ы я с и л ы народа, стремящіяся къ объединенію самыми

различными путями, очень часто совершенно ложными; прогрессивное стремленіе къ тому же въ государственной экономіи, частію уже осуществленное черезъ дѣятельный, прочно и законно сплоченный, національный таможенный союзъ (Zollverein), и наконецъ, черезъ преобразованіе политическаго авторитета правительства и палатъ—преобразованій, предпринятыхъ или только для виду, или съ цѣлью дѣйствительно дать союзному сейму новую организацію и попытаться дать ему прочное основаніе.

Касательно первой изъ упомянутыхъ нами трехъ сторонъ, надобно сказать, что тутъ нѣтъ крупныхъ историческихъ происшествій, но стремленіе къ объединенію выразилось безчисленными общегерманскими празднествами, переходившими съ мѣста на мѣсто, ежегодно увеличивавшимися и по количеству и по своему объему, и на которыя нѣмцы, самые различные по образованію, по общественному положенію, по своему званію, поперемѣнно собирались то въ сѣверо-, то въ южно-германскихъ городахъ. Собирались политико-экономы, сельскіе хозяева, правовѣды, аптекаря, учителя, доктора, естествоиспытатели, духовныя лица; были даже собранія содержателей отелей и портныхъ; всѣ они имѣли свои конгрессы и выносили изъ нихъ не только желаніе усовершенствовать отрасль той дѣятельности, къ которой они принадлежали, но, кромѣ того, возвращались домой съ живымъ чувствомъ сознанія, что они члены одного національнаго цѣлаго, для полнаго пониманія котораго ему недостаетъ только опредѣленной политической формы. Нѣтъ возможности, въ краткомъ очеркѣ, изобразить полноту потока нѣмецкой національной жизни, составленнаго изъ сотенъ крупныхъ и мелкихъ притоковъ, изъ которыхъ жизнь, выливаясь то туда, то сюда, отклоняется, прихотливо извиваясь, но въ цѣломъ все таки придерживается общаго направленія и питаетъ могущественный главный потокъ. При этомъ, однакожь, надобно замѣтить, что австрійцы принимали мало участія въ этихъ переходныхъ собраніяхъ, если только цѣль ихъ бывала поважнѣе цѣли общества стрѣлковъ, или гимнастическихъ, и кромѣ того еще надобно не упускать изъ виду, что первоначальная цѣль собранія часто измѣнялась и мало-по-малу дѣлалась какъ бы постороннею, подчиненною политическому оттѣнку собраній, все болѣе и болѣе выдающемуся. Мы уже видѣли, какъ въ этомъ отношеніи національное общество, всѣми зависящими отъ него средствами, пыталось дать себѣ сообразную съ политической цѣлью организацію, и надобно признаться, выбрало для этого самый вѣрный путь, показанный избраніемъ императора и стремленіями къ уніи въ 1848 и 1849 годахъ. Къ несчастію, прусское правительство не съумѣло воспользоваться этимъ движеніемъ и сначала даже очень холодно отстраняло его отъ себя; далѣе самое общество распространялось въ постороннихъ, мелочныхъ соображеніяхъ и выпустило изъ виду свою первоначальную плодотворную идею. Идея эта состояла въ томъ, чтобы устранить Австрію отъ преобладающаго и руководящаго вліянія на политическія и военныя отношенія Германскаго союза и предоставить то и другое Пруссіи. Національное общество, однакожь, недовольно энергически держалось этого воззрѣнія; вскорѣ оно смѣнено было болѣе мелочнымъ: какъ будто, предоставляя Пруссіи дипломатическое и военное руководство Германіи, народъ не стремился черезъ то къ единству интересовъ и силы Германіи, какъ будто это не есть простая политическая необходимость; начали выставлять, что на это надобно смотрѣть, какъ на драгоцѣнный даръ прусской коронѣ, поднесенный ей отдѣльными государствами, или національнымъ собраніемъ, или попросту народомъ; но чтобы даръ этотъ былъ поднесенъ, ей прежде всего надобно было заслужить это либеральнымъ направленіемъ и либеральными учрежденіями. Здравомыслящіе и опытные политики мало-по-малу отступали на второй планъ, а политики-мечтатели, либералы и говоруны выходили впередъ. Національное общество сначала для усиленія нѣмецкаго мореплаванія, начало собирать пожертвованія на нѣмецкій флотъ и собранныя суммы доставляло прусскому морскому министерству, но съ тѣхъ поръ, какъ въ Пруссіи начались несогласія между палатою депутатовъ и правительствомъ, національное общество перестало присылать пожертвованія и даже перестало собирать ихъ, какъ будто потребность создать германскій флотъ подъ прусскимъ начальствомъ перестала быть понудительной и будто теперь больше нѣтъ надобности въ нѣмецкомъ флотѣ, и существованіе его

не обусловливается болѣе преобладающимъ вліяніемъ Пруссіи? И наконецъ все это все-таки основывалось на ошибочномъ мнѣніи, будто политическое значеніе Пруссіи не вырабатывается изъ противодѣйствующихъ другъ другу силъ, какъ это всегда и вездѣ водится и какъ это понятно должно быть; вотъ почему и правительство очень враждебно начало относиться къ національному обществу, когда оно приняло сторону большинства палаты депутатовъ и потому что оно само, по своему существу, было только порожденіемъ либерализма. Тѣмъ не менѣе правительства среднихъ по величинѣ и мелкихъ государствъ Германскаго союза смотрѣли на національное общество, какъ на общество, которое служитъ представителемъ прусскаго, или мало-германскаго (kleinedeutschen) образа мыслей и не мало ненавидѣли и боялись его за это; чтобы противодѣйствовать этому направленію, образовалось общество, такъ называемой, велико-германской реформы; составилось оно изъ ультрамонтанъ, изъ дворянъ, изъ приверженцевъ Австріи, даже плебеевъ и нѣкоторыхъ демократовъ. Такъ какъ главная цѣль общества была направлена противъ Пруссіи, то всѣ остальные германскіе дворы, какъ большіе, такъ и малые, очень радушно принимали членовъ этого общества; однимъ словомъ, члены его въ общей части Германіи были принимаемы ко двору.

Послѣдствія такого предпочтенія были очень ничтожны; потому что вся дѣятельность самаго общества была ограничена; оно довольствовалось только бездоказательнымъ отрицаніемъ. Очень полезно для общаго дѣла было рѣшеніе, принятое въ Веймарѣ, учредить ежегодное свободное собраніе народныхъ представителей изо всѣхъ государствъ Германскаго союза, въ первый разъ собравшееся 28 сентября 1862 года въ Веймарѣ. Здѣсь собралось 200 депутатовъ различныхъ нѣмецкихъ палатъ и они положили ежегодно собираться для своего частнаго депутатскаго съѣзда, чтобы установить общую, по возможности, однородную дѣятельность палатъ съ цѣлью содѣйствовать объединенію и развитію Германіи. Къ австрійскимъ конституціоннымъ депутатамъ послано было особое приглашеніе, но они его не приняли. Точно такимъ же образомъ въ годъ 50 лѣтняго юбилея, 18 октября 1863 года, памяти Лейпцигской битвы, на полѣ, обагренномъ кровью защитниковъ независимости Германіи, собрались представители 205 нѣмецкихъ городовъ; здѣсь также положено было ежегодно собираться представителямъ разныхъ городовъ съ цѣлью установить плодотворный обмѣнъ мыслей и предположеній для усовершенствованія городоваго управленія и для того, чтобы возвысить духъ гражданскій и пробудить его къ содѣйствію въ ближайшихъ общегерманскихъ интересахъ.

Непосредственныхъ результатовъ не имѣло ни одно изъ упомянутыхъ собраній, хотя сами по себѣ они были порожденіемъ народа здравомыслящаго; но главную пользу они принесли тѣмъ, что возбуждали разностороннюю дѣятельность народа, не давали ему застаиваться и породили въ немъ привычку думать объ общихъ интересахъ и заниматься политическими дѣлами; это дѣлало человѣка многостороннимъ и онъ переставалъ быть безсловесной рабочей силой. Но осязательную пользу и сильнѣйшее вліяніе на идею объединенія Германіи или, что тоже самое, на гегемонію Пруссіи имѣли интересы политико-экономическіе. Новое критическое столкновеніе по таможенному союзу окончилось рѣшительнымъ устраненіемъ Австріи и постыднымъ пораженіемъ, вынесеннымъ ея союзниками; такой исходъ доказывалъ, что между существенными жизненными интересами Пруссіи и Германіи не протѣснились никакія конституціонныя и правительственныя несогласія, что люди, стоящіе у дѣла, понимаютъ свои выгоды, помимо всѣхъ министерствъ и народныхъ представителей.

Припомнимъ, что Франція съ 1860 года отказалась отъ охранительной таможенной системы и что на принципѣ свободы въ торговлѣ она заключила торговые договоры съ Англіей и Бельгіей, и въ такомъ же духѣ начались переговоры съ Италіей и Швейцаріей. Если Германія хотѣла сохранить торговую связь съ Франціей, то ей оставалось заключить съ нею договоръ въ этомъ родѣ, Прусское правительство, по порученію торговаго союза, начало договариваться съ Франціей и заключило, 29 марта 1862 года, торговый договоръ, предоставляя остальнымъ членамъ таможеннаго союза присоединиться къ нему. Договоръ такого рода, само собою разумѣется, можетъ состояться только при вза-

имныхъ уступкахъ, и далѣе не трудно было предположить и даже утверждать, что при этомъ то тутъ, то тамъ Франція пріобрѣтала особенную выгоду. Но это было вовсе не такъ и частію служило только предлогомъ неудовольствія и несогласія: главная причина почему не хотѣли свободной торговли заключалась въ томъ, что многіе южногерманскіе промышленные города отъ свободнаго ввоза иностранныхъ издѣлій теряли отъ сравненія и, слѣдовательно, теряли въ матеріальномъ отношеніи; къ этому противорѣчію присоединилось еще иное противорѣчіе — политическихъ интересовъ. Съ того времени, какъ французскій торговый договоръ получитъ силу, договоръ между Австріей и таможеннымъ союзомъ, заключенный въ 1853 году, теряетъ свое значеніе, если Австрія будетъ по прежнему крѣпко держаться своей охранительной таможенной системы; если же таможенный союзъ будетъ возобновленъ на новыхъ основаніяхъ, согласно съ тарифомъ Франціи, то Австрія, въ отношеніи политической и торговой дѣятельности, будетъ совершенно отдѣлена отъ Германіи. Между тѣмъ какъ въ Германіи образовалось охранительное таможенное общество «Union für deutsche Industrie,» въ южной Германіи происходило волненіе противъ этого договора. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Рехбергъ, на сообщеніе прусскаго правительства, отъ 7 мая, отвѣчалъ меморандумомъ, въ которомъ онъ преимущественно выставилъ политическую сторону дѣла. Онъ, ссылаясь на договоръ отъ февраля 1853 года, нашелъ, что одинъ изъ параграфовъ французскаго договора противорѣчитъ основнымъ постановленіямъ акта Германскаго союза, выставлялъ на видъ обстоятельство — если по всей западной границѣ проведена будетъ система свободной торговли, съ своими низкими таможенными пошлинами, то для Австріи будетъ невозможно держаться существующей до нынѣ таможенной системы; въ этомъ случаѣ замѣчаніе было вполнѣ справедливое, но могло только служить осязательнымъ доказательствомъ несовмѣстности интересовъ Пруссіи и Австріи; при дальнѣйшей перепискѣ, 10 іюля, министръ, хотя необыкновенно простодушно, ссылался на § 19 союзнаго трактата, заключеннаго 47 лѣтъ тому назадъ, указывалъ на обѣщаніе тогда данное, что союзный сеймъ при своемъ п е р в о м ъ засѣданіи позаботится о томъ, чтобы въ цѣломъ Германскомъ союзѣ установить общіе, однородные законы по торговли и промышленности; но теперь министръ австрійскій дѣлалъ уступку и, оставляя трактатъ всторонѣ, изъявилъ готовность въ цѣлой Австріи ввести торговыя постановленія таможеннаго союза и повсемѣстно ввести тарифъ его и постановленія. Уже 20 числа пришелъ отвѣтъ изъ Пруссіи. Онъ былъ очень ясенъ: союзный тарифъ, какъ онъ нынѣ существуетъ и на основаніи котораго Австрія намѣрена приступить къ союзу, уже устарѣлъ, онъ пережилъ уже вѣкъ свой и поэтому, если бы даже не было договора съ Франціей, то все-таки несвоевременнаго предложенія Австріи Пруссія ни въ какомъ случаѣ не могла бы принять. Затѣмъ Австрія требовала по крайней мѣрѣ начать переговоры на основаніи договора 1853 года. Но Пруссія и на это не поддавалась: палата депутатовъ и палата господъ, послѣдняя единодушно, первая значительнымъ большинствомъ, противъ 12 голосовъ, принадлежавшихъ католикамъ, приняли договоръ съ Франціей; а 6 августа правительство объявило, что можетъ начать переговоры съ Австріей только въ такомъ случаѣ, когда всѣ государства таможеннаго союза согласятся принять заключенный съ Франціей договоръ. Политическій оттѣнокъ этого дѣла и очевидная гегемонія Пруссіи, высказавшаяся при этомъ вопросѣ, побудила нѣкоторыя государства средней величины и мелкія принять сторону Австріи. Одно только саксонское правительство было достаточно благоразумно, чтобы сразу сдѣлать то, чего нельзя было избѣжать: оно отъ 19 апрѣля объявило, что приступаетъ къ заключенному съ Франціей договору и такимъ образомъ, не колеблясь, приняло сторону Пруссіи противъ Австріи, т. е. стало на чисто нѣмецкую точку зрѣнія; примѣру этому послѣдовали Баденъ и Кобургъ-Гота. Но за то Гессенъ-Дармштадъ, 15 іюля, Баварія, 8 августа, Вюртембергъ, 11 августа, Ганноверъ, 16, Нассау, 11 сентября, подали отъ себя декларацію, что они не раздѣляютъ причинъ и выводовъ прусско-французскаго торговаго договора; между тѣмъ повсюду въ кружкахъ людей, знающихъ и связанныхъ интересами съ дѣломъ, преобладало мнѣніе въ пользу договора, и даже въ торговомъ съѣздѣ въ Мюнхенѣ, бывшемъ въ октябрѣ того же года, не

смотря на сильное противодѣйствіе заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ личностей, вопросъ былъ рѣшенъ значительнымъ большинствомъ голосовъ въ пользу договора. Итакъ, Пруссія непреклонно преслѣдовала свою цѣль; она рѣшительно отвѣчала Баваріи и Вюртембергу 26 августа: въ виду крайне серьезнаго положенія дѣлъ она считаетъ своею обязанностію откровенно высказать свой взглядъ на вещи: если королевства рѣшительно отказываются приступить къ договору съ Франціей, то Пруссія съ своей стороны принимаетъ это, какъ опредѣленное желаніе таможеннаго союза, чтобы Пруссія перестала причислять себя къ нему, и уже 5 сентября прусская палата депутатовъ единодушно подтвердила это рѣшеніе, не смотря на несогласія, существовавшія между министерствомъ и палатами. Послѣ этого переговоры длились весь 1863 и 1864 годъ. Во главѣ несогласныхъ стала Баварія и дѣло дошло даже до того, что сдѣлана была попытка учредить отдѣльный союзъ (Sonderbund) изъ государствъ, несогласныхъ приступить къ прусско-французскому договору: по приглашенію Баваріи, 6 октября, для конференціи съѣхались уполномоченные Баваріи, Ганновера, обоихъ Гессеновъ, Нассау и Франкфурта, чтобы согласиться, какъ имъ держаться и какъ поступать относительно возобновленія таможеннаго союза. Въ Берлинѣ также собрались на конференцію уполномоченные всѣхъ остальныхъ государствъ таможеннаго союза за тѣмъ, чтобы пересмотрѣть, исправить и возобновить статьи договора, согласно съ новыми требованіями; засѣданія открылись 5 ноября. Зондербундъ еще держался. Баварія и Вюртембергъ довольно крѣпко отстаивали свои мнѣнія, а Дармштадтъ и Нассау совершенно въ разладъ съ своими палатами, а всѣ вмѣстѣ совершенно вопреки своимъ прямымъ интересамъ и противъ жизненныхъ потребностей своихъ подданныхъ; Ганноверъ и Кургессенъ объявили, что начнутъ переговоры только въ такомъ случаѣ, когда всѣ члены таможеннаго союза примутъ участіе въ переговорахъ. 11 мая, 1864 года, Пруссія и Саксонія подписали договоръ, возобновляющій статьи таможеннаго союза, измѣненныя на основаніи прусско-французскаго торговаго договора; 3 іюня Франкфуртъ присоединился къ этому договору. Между тѣмъ дѣла Зондербунда были вовсе не блистательны: 19 іюня, Австрія вмѣстѣ съ Баваріей, представили проектъ новыхъ учрежденій; но уполномоченные остальныхъ союзниковъ не приняли его; курфюршество Гессенское и Ганноверъ отдѣлились; дѣло становилось серьезнѣе; неудовольствіе въ народонаселеніи Баваріи и упрямаго Вюртемберга возрастало, обнаружилось волненіе въ пользу новаго таможеннаго устава; 12 сентября Гессенъ-Дармштатъ прислалъ въ Берлинъ увѣдомленіе, что приступаетъ къ новому таможенному союзу, 26 тоже сдѣлалъ Нассау, 28 Баварія; Вюртембергъ колебался, руководящій министръ-президентъ, первый политическій торговый авторитетъ, Моритцъ Моль, все еще копался въ архивахъ, составляя многотомные отчеты, но не дожидаясь ихъ окончанія, и Вюртембергъ приступилъ къ союзу 12 октября.

Несогласія по поводу торговаго союза ясно показали, уже далеко не въ первый разъ, какая опасность угрожаетъ жизненнымъ интересамъ Германіи, если въ дѣлахъ, до нея вообще касающихся, Австрія будетъ распоряжаться, а такія государства, какъ Нассау и Вюртембергъ, имѣть свою независимую верховную волю. Для того, чтобы выяснить потребности, вовсе не нужно было такой побудительной причины; надъ преобразованіемъ всего законодательства Германскаго союза не переставали работать съ 1859 года. Побудительными средствами для дѣятельности мелкихъ и среднихъ государствъ Германіи былъ страхъ, внушаемый возрастающимъ могуществомъ Пруссіи, еще болѣе утвердившимся низложеніемъ Австріи и связанными съ нимъ стремленіями національнаго общества, очень ясно выражаемыми. Страхъ былъ основательный: одна Пруссія обладала достаточнымъ могуществомъ для разрѣшенія германскаго вопроса, оставалось только самому королю, или государственному человѣку, обладающему довѣренностью короля, захотѣть этого; но понятно, что при рѣшеніи вопроса неминуемо должны были пострадать отдѣльныя мелкія государства союза, лишиться своей мнимой самостоятельности, всегда служившей препятствіемъ къ объединенію Германіи. Между тѣмъ страхъ, внушаемый прусскимъ честолюбіемъ, былъ совершенно неосновательный. Король Вильгельмъ, человѣкъ не молодой, вовсе не питалъ честолюбивыхъ замысловъ, онъ не добивался того, чтобы сдѣлаться основателемъ новой

династіи германскихъ императоровъ; онъ помышлялъ только о томъ, какъ бы ему съ честью и достоинствомъ занимать наслѣдованное имъ мѣсто въ ряду прусскихъ королей. Къ числу обязанностей, взятыхъ имъ на себя съ этою цѣлью, было стремленіе сохранить для Пруссіи то выгодное положеніе, какое она занимала въ ряду государствъ Германскаго союза, и ни на волосъ не уступать ни единаго изъ своихъ правъ; онъ выполнялъ свою программу 1858 года; а въ ней говорилось о моральныхъ завоеваніяхъ, какія Пруссія намѣрена дѣлать въ Германіи. Казалось, дальше этого ей ничего и не надобно было: Пруссіи нечего было торопиться, будучи могущественнымъ государствомъ, которое пользовалось военнымъ первенствомъ надъ цѣлой сѣверной Германіей, она могла выжидать удобной поры, къ тому же, въ извѣстной степени, она могла довольствоваться сама собою и поэтому ея политика въ отношеніи Германіи была только выжидательною; Пруссія могла довольствоваться пріобрѣтеннымъ, стараться удерживать за собою его и смотрѣть на союзъ, какъ на нѣчто цѣлое, пользующееся правами народными; всѣ ея желанія ограничивались тѣмъ, чтобы законнымъ путемъ, на основаніи уже существующаго союзнаго законодательства и договоровъ, посредствомъ соглашенія съ отдѣльными союзными правительствами, произвести въ нихъ улучшенія и реформы и такимъ способомъ, въ извѣстный промежутокъ времени, создать новый нѣмецкій союзъ государствъ, отдѣльно отъ общаго, уже существующаго обширнаго Германскаго союза.

Пруссія, слѣдуя этому принципу, шла своимъ путемъ, правда, очень мелкими, чуть замѣтными шагами, но всетаки шла; такъ, напримѣръ, она заключила военную конвенцію съ крошечными государствами, находящимися въ области ея могущества: съ Кобургъ-Готой въ 1861 году, съ Альтенбургомъ и съ Вальдекомъ; хотя эти шансы были крошечные, но они все-таки были замѣтные, а это сердило и безпокоило враговъ Пруссіи, тѣмъ болѣе, что это были мѣры вполнѣ своевременныя, которыя прямо вели къ цѣли и которыя осязательно доказывали пользу свою тѣмъ, что служили интересамъ обѣихъ договаривающихся сторонъ; такое соглашеніе было тѣмъ непріятнѣе, что противники не могли въ немъ открыть стороны, на которую можно было бы нападать. Спрашивали себя: что можетъ помѣшать Пруссіи идти дальше и заключить сегодня военную конвенцію, потомъ таможенную и торговую завтра, съ тѣми же, или съ другими государствами Германскаго союза заключить юридически-судебную, а тамъ, далѣе, народно образовательную и т. д. и этимъ мирнымъ и естественнымъ путемъ упрочить преобладаніе Пруссіи надъ всѣми или многими слабѣйшими государствами союза и мало-по-малу, камень по камню, этажъ за этажемъ, выстроить новое, единое, союзное государство? Не представляетъ ли исторія намъ подобнымъ образомъ созданныя союзныя государства: аѳино-іоническое, римско-итальянское и др. Эти мысли и эти опасенія, подобно мечу Дамокла, висѣли надъ головою министровъ и правителей, преимущественно государствъ второй величины; съ этою цѣлью они начали дѣятельно и довольно серьезно заниматься реформою союза въ своемъ направленіи, т. е. такой реформой, по которой наружныя формы измѣнялись, но сущность управленія оставалась таже самая. Къ этой дѣятельности ихъ побуждали непостоянныя, требовательныя резолюціи палатъ, въ пользу сильной централизаціи власти и настоящаго народнаго представительства, но на эту дѣятельность больше всего имѣлъ вліянія инстинктъ самоохраненія. Вотъ почему немедленно послѣ окончанія итальянской войны и образованія національнаго общества произошелъ въ Вюрцбургѣ съѣздъ представителей Баваріи, Вюртемберга, Саксоніи, обоихъ Гессеновъ, Нассау, Мекленбурга, Шверина, Саксенъ-Мейнингена и Саксенъ-Альтенбурга; между тѣмъ Ганноверъ, Ольденбургъ и Баденъ отказались подъ разными предлогами. Совѣщались о проектахъ касательно реформы союза; реформа предполагалась въ слѣдующихъ статьяхъ—военныя постановленія для союзнаго войска, общіе для цѣлаго союза гражданскіе и уголовные законы, учрежденіе общаго верховнаго судилища, укрѣпленіе береговъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, одинаковыя положенія при переселеніи изъ одной части союзной Германіи въ другую и право родины, одинаковые вѣсъ и мѣра въ цѣломъ союзѣ; законъ о патентахъ и, наконецъ, для публики, какъ пріятное препровожденіе времени обѣщано было печатать всѣ протоколы засѣданій союзнаго сейма. Нѣсколько разъ возобновляли эти проекты, и всегда прусское правительство отвергало

ихъ на томъ основаніи, что союзный сеймъ не имѣетъ права предлагать ихъ и въ тоже время быть судьею въ этомъ дѣлѣ. Пруссія, на случай войны, предлагала просто-на-просто раздѣлить начальство надъ союзнымъ войскомъ между Австріей и ею такъ, чтобы южныя союзныя войска находились подъ начальствомъ австрійскимъ, а сѣверные подъ прусскимъ; но планъ этотъ не нравился и не былъ принятъ. Вюрцбургскій Зондербундъ тоже принялся разсуждать о военномъ дѣлѣ, при этомъ члены его настаивали на необходимости единства въ союзной арміи и начальство надъ нею предоставляли себѣ; за тѣмъ являлись другіе примирительные проекты, но въ концѣ-концовъ все осталось при старомъ. Велико-германскіе друзья единства, однакожъ, не находили ничего предосудительнаго въ томъ, что заняла Австрія италіянскими войсками чисто союзныя крѣпости Майнцъ и Раштадтъ: когда же въ вюртембергской палатѣ депутатовъ одинъ изъ честныхъ патріотовъ назвалъ это дѣло очень опасною мѣрою, но одинъ изъ самыхъ ярыхъ защитниковъ, чѣловѣкъ ловкій, изворотливый, но двусмысленнаго политическаго характера, отвѣчалъ на это замѣчаніе очень проблематически: «придетъ время, вы рады будете и этимъ войскамъ.» Въ октябрѣ 1861 года Ганноверъ, смотрѣвшій на себя, какъ на морскую державу, выступилъ съ своими претензіями на начальство флотомъ: министерство предложило сейму устроить паровую флотилію въ пятьдесятъ канонерскихъ лодокъ для плаванія по Нѣмецкому и Балтійскому морямъ; изъ числа этихъ лодокъ Ганноверъ на свой счетъ предлагалъ немедленно соорудить и оснастить 20, а остальныя на счетъ союза, къ тому же ремонтъ и содержаніе флота тоже на суммы союза. Пруссія не согласилась и на это предложеніе; можно было бы спросить: не подобное ли предложеніе сдѣлано было собранію нѣкогда о сооруженіи германскаго флота, созданія юношескихъ надеждъ, утраченныхъ изъ-за нѣсколькихъ сребренниковъ и отданныхъ тому, кто больше далъ.

Въ тоже время прусское правительство предложило ганзейскимъ городамъ, Гамбургу и Бремену, войти въ переговоры для постройки канонерской флотиліи, половину которой, а именно 40, она брала на себя. Въ сентябрѣ маленькая прусская флотилія, подъ начальствомъ адмирала, принца Адалберта, вышла въ море на пробное плаваніе; народонаселеніе приморскихъ городовъ Гамбурга, Любека, Бременской гавани привѣтствовало появленіе до сихъ поръ небывалаго флота съ полнымъ восторгомъ. Но это была не союзная флотилія, она не шла подъ черно-красно-золотымъ флагомъ, на ней развѣвался прусскій, но на ней экипажъ былъ нѣмецкій и управляли имъ нѣмецкіе офицеры; къ тому же это былъ настоящій флотъ, а не флотилія. Ганноверское дѣло пріостановилось, потому что Пруссія хотѣла сама начать устройство флота и сама стоять во главѣ его; поэтому въ своемъ объясненіи, данномъ 14 ноября 1861 года, союзному сейму, очень недвусмысленно назвала предложеніе Ганновера неумѣреннымъ присвоеніемъ неподобающей ей претензіи, чуть не демонстраціей.

15 октября того же года, саксонскій министръ фонъ Бейстъ выступилъ съ обширнымъ проектомъ союзной реформы; по поводу его не мало было шуму и говору. По этому проекту къ старому совѣту союзнаго сейма прибавлялись депутаты, избираемые изъ палатъ тѣхъ державъ, представителями которыхъ они являлись; предполагалось ихъ присоединить къ сейму, составленному изъ 47 членовъ; собираться этому сейму полагалось два раза въ годъ, въ маѣ и въ ноябрѣ, однажды подъ австрійскимъ предсѣдательствомъ, въ другой разъ подъ прусскимъ; дополнительные депутаты въ сеймъ приглашались по особому объявленію сейма всякій разъ, когда надобно было постановить, или выработать какой нибудь общій законъ, или по какой либо другой надобности, когда совѣтъ нуждался въ нихъ: союзному сейму предоставлялось право отсрочивать, или и совсѣмъ распускать эту карикатуру парламента; ему тоже дозволялось собирать этихъ депутатовъ, или по какому либо необычайному поводу и открывать его, какъ какой нибудь настоящій парламентъ. Исполнительную власть, въ промежутокъ времени отъ одного собранія союзнаго сейма до другаго, сеймъ поручалъ императору австрійскому, королю прусскому и въ третьихъ одному изъ союзныхъ государей, ими избранному; приложенная къ проекту объяснительная записка, съ большимъ жаромъ, даже со страстью говорила о необходимости сохранить союзную форму существованія для Германіи и говорила прямо противъ парламентской. Это жалкое поли-

тическое произведеніе можетъ служить только для того, чтобы разительнѣе выставить относительное положеніе различныхъ силъ, господствующихъ въ Германіи, и взаимнодѣйствіе ихъ, при разрѣшеніи великаго вопроса текущаго столѣтія. Австрія въ своемъ отвѣтѣ отъ 5 ноября, объявила, если принять ей перемѣнное предсѣдательское первенство съ Пруссіей, то она съ своей стороны ставитъ условіемъ, чтобы Германскій союзъ, какъ нѣчто цѣлое, прежде всего позаботился о томъ, чтобы продлить линію системы своихъ укрѣпленій на негерманскія владѣнія Пруссіи и Австріи; далѣе явно выказывала, что на свое предсѣдательское право смотритъ, какъ на неотъемлемое и необходимое для единства союза. Баденскій министръ, фрейгеръ фонъ Роггенбахъ, напротивъ, въ рѣчи, имъ произнесенной, назвалъ проектъ именемъ, какого онъ заслуживалъ; онъ выставилъ его, какъ ничего незначущее собраніе неясно понятыхъ постановленій, нисколько не приводящихъ германскаго вопроса къ разрѣшенію и который германскому голодному народу вмѣсто куска хлѣба подаетъ камень; далѣе представлялъ одну программу способную разрѣшить дѣло, программу, строго и глубоко обдуманную; далѣе говорилъ о сомнительныхъ правахъ возстановленнаго союзнаго сейма, показывалъ крайнюю необходимость централизаціи власти и учрежденія настоящаго парламента, но безъ австрійскаго вмѣшательства, и допустить ее только послѣ; но при этомъ оговорился, что великимъ германскимъ державамъ прежде всего надобно войти въ согласіе другъ съ другомъ. Прусское правительство въ отвѣтной нотѣ, написанной графомъ Бернсторфомъ, 20 декабря 1861 года, держалось въ своихъ прежнихъ границахъ и повторяло, что реформа союзнаго законодательства путемъ союзнаго сейма рѣшительно невозможна, потому что требуетъ единогласія всѣхъ членовъ союза, но что Германія гораздо скорѣе придетъ къ цѣли, ежели народы союза, слѣдуя своимъ племеннымъ и случайнымъ особенностямъ, соединятся въ болѣе тѣсныя группы, путемъ свободнаго избранія, по сочувствію, или по интересамъ.

Но дальнѣйшее развитіе этой системы, путемъ опыта, для Пруссіи сдѣлалось невозможнымъ по причинѣ внутреннихъ волненій и несогласій между правительствомъ и палатой. Однакожь это не имѣло существеннаго вліянія на судьбы Пруссіи: она по прежнему оставалась сильною, здоровою державою и управленіе въ ней все-таки было лучше, нежели во всѣхъ остальныхъ союзныхъ государствахъ Германіи. Только въ ней одной стремленіе къ племенному объединенію было глубоко сознано и даже приводимо въ фактическую дѣйствительность: каждый нѣмецъ, гдѣ бы онъ ни родился, гдѣ бы ни воспитывался, но ему всегда открыта была возможность поступить на прусскую государственную слу̀жбу; кромѣ того, несмотря на волненія и внутреннее броженіе по поводу конституціонныхъ правъ, въ Пруссіи все-таки крылись зачатки истинной свободы и даже притѣсненія, какія дѣлались въ отношеніи чиновниковъ, не раздѣлявшихъ правительственнаго взгляда на вещи, все-таки были ничтожны, сравнительно съ тѣмъ, что дѣлалось въ другихъ германскихъ государствахъ, или что могло бы быть тамъ, еслибы надъ головой каждаго чиновника не стояло министерство и не смотрѣло зорко за тѣмъ, чтобы въ ней не закралась какая-либо непозволительная политическая мысль; здѣсь пространство было больше, слѣдовательно и надзора меньше; но, какъ бы тамъ ни было, Пруссія не могла заняться разрѣшеніемъ германскаго вопроса до тѣхъ поръ, пока реорганизація ея войска не получитъ законной твердости и пока несогласіе съ палатою, возникшее по этому поводу, не будетъ устранено.

При такихъ обстоятельствахъ не могло имѣть большаго значенія то, что баденское правительство неоднократно и очень сильно настаивало на заключеніе болѣе тѣснаго союза съ Пруссіей. Въ теченіе 1862 и въ началѣ 1863 года дѣло оставалось все въ одномъ и томъ же положеніи. Въ этотъ промежутокъ времени не было недостатка въ гимнастическихъ и въ стрѣлковыхъ праздникахъ, въ различныхъ съѣздахъ, въ рѣчахъ и обращеніяхъ національнаго общества, и тому подобныхъ собраніяхъ, въ рѣшеніяхъ палатъ, въ объявленіяхъ со стороны правительства и во всевозможныхъ увѣдомленіяхъ. Наконецъ 2 февраля 1862 года союзныя государства средней величины—Баварія, Вюртембергъ, Ганноверъ, Гессенъ-Дармштадтъ и Нассау ободрились и подъ руководствомъ Австріи рѣшились на великое дипломатическое дѣло: они подали протестъ, въ совершенно согласныхъ между собою

нотахъ, противъ саксонскаго проекта реформы союзнаго управленія, написаннаго Бейстомъ, указывая на то, что это можетъ быть только проектомъ договора подчиненія; они утверждали, что проектъ реформы прежде всего долженъ опираться на принципѣ органическаго развитія уже существующаго союзнаго законодательства; но при этомъ они упустили изъ виду, что по статьѣ союзнаго договора, для всякой органической реформы прежде всего требуется общее согласіе членовъ и этимъ самымъ вполнѣ связывается всякое развитіе союзнаго законодательства, убиваетъ его и уподобляетъ обрубку дерева, или каменной глыбѣ, неспособной къ органическому развитію и совершенствованію. Были исписаны кипы терпѣливой бумаги всякими нотами, отвѣтами, возраженіями и протоколами по поводу ошибочнаго саксонскаго проекта; но чтобы придать видъ, будто союзный сеймъ что нибудь дѣлаетъ, при немъ учреждались коммиссіи для законовъ на счетъ патентовъ, на счетъ общихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и т. п.; невозможно прослѣдить всѣхъ путей и закоулковъ этой безплодной дѣятельности. Гораздо важнѣе не только для Пруссіи, но и для цѣлой Германіи было королевское рѣшеніе 24 сентября, поставившее во главѣ правительства человѣка, выразившаго въ числѣ самыхъ странныхъ оборотовъ рѣчи, произнесенной имъ нѣсколько дней послѣ своего назначенія, идею, которая такъ смутила и палату депутатовъ и комиссію бюджета; онъ сказалъ, что вопросы современные могутъ быть разрѣшены только желѣзомъ и кровью; полновѣсныя слова, принятыя въ Германіи за вздорное и хвастливое выраженіе и повторявшіяся съ насмѣшками на всѣ лады.

Никто не подозрѣвалъ на сколько многознаменательно назначеніе Бисмарка, поставившее этого человѣка именно на то мѣсто, какое онъ долженъ былъ занимать; онъ, безъ всякой ложной сантиментальности, ясно и холодно видѣлъ и сопоставилъ всѣ противоположности и оцѣнивалъ ихъ въ надлежащую мѣру; по своему прошедшему онъ безспорно принадлежалъ къ консервативному направленію; достигнувъ высшаго и прочнаго могущества на прусской государственной почвѣ, онъ старался еще больше упрочить и развить вліяніе ея на Германію; во время пребыванія своего въ Франкфуртѣ онъ яснѣе началъ понимать взаимное отношеніе государствъ и убѣдился, что между смертельными врагами—союза быть не можетъ; смертельными врагами Пруссіи съ одной стороны была древняя Австрія, съ другой—большая часть государствъ союзной Германіи; онъ видѣлъ, что настало время, для блага всей Германіи, чтобы сильнѣйшая изъ союзныхъ державъ наконецъ возвысила голосъ и присвоила себѣ первенство, до сихъ поръ предоставленное не чисто нѣмецкому государству. Въ конфиденціальномъ письмѣ отъ 18 сентября 1861 онъ уже отказывается отъ своего прежняго ложнаго консервативнаго взгляда на дѣла Германскаго союза и называетъ ихъ донкихотствомъ: «мы защищаемъ чужія коронныя права съ большимъ упорствомъ, нежели собственныя и приходимъ въ одушевленіе изъ-за Наполеономъ созданнаго и Меттернихомъ освященнаго, дробленія Германіи; отстаиваемъ ихъ самосостоятельность, оставаясь слѣпыми къ опасностямъ, угрожающимъ независимости Пруссіи и Германіи; пока безумное устройство союзнаго законодательства сохранитъ свою силу, до тѣхъ поръ сеймъ будетъ ничто иное, какъ парникъ, или теплица для скорѣйшаго вывода опаснаго консервативнаго стремленія, и революціонныхъ личныхъ интересовъ. Не менѣе ясное представленіе составилъ онъ себѣ надъ ребячески простодушнымъ взглядомъ на отношенія Пруссіи къ Германіи и обратно; онъ видѣлъ, какъ шатка надежда завоевать ее путемъ мирныхъ нравственныхъ усовершенствованій, черезъ введеніе свободы печати и суда присяжныхъ, и какъ невозможно словами прорвать несокрушимую фалангу противниковъ Пруссіи. Въ остальной Германіи, гораздо яснѣе видѣли значеніе и понимали вѣсъ этого человѣка, нежели въ Пруссіи, гдѣ духъ партій и ненависти ослѣплялъ большинство. Быстрота и энергія, съ какою онъ осадилъ тиранію гессенскаго деспота, показали, въ какой твердой рукѣ находится кормило прусскаго королевства. Всѣхъ удивила сообенно та странность, что министръ, такъ безцеремонно обходившійся съ конституціонною оппозиціей у себя дома, напротивъ, являлся тамъ защитникомъ конституціи и конституціонной партіи. Когда же 18 декабря комиссія союзнаго сейма отдавала отчетъ объ ошибочномъ проектѣ Delegirtenprojects, прусскій уполномо-

ченный посланникъ говорилъ въ тонѣ, обличавшемъ ясное пониманіе того, чего ищетъ народъ и въ чемъ онъ дѣйствительно нуждается; это еще яснѣе было высказано въ тотъ день, когда происходила окончательная подача голосовъ, 22 января 1863 года, и когда прусское мнѣніе было подано въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «только посредствомъ представителей, избранныхъ сообразно величинѣ и народонаселенію каждаго изъ государствъ союза, представителей назначаемыхъ самимъ народомъ, посредствомъ непосредственнаго выбора, германскій народъ можетъ имѣть вліяніе на органическій ходъ дѣлъ цѣлой Германіи.»

Но внутреннія несогласія въ Пруссіи продолжали развиваться; наступило печальное время, когда уничтожена была свобода печати; это отозвалось на цѣлой Германіи и она заволновалась; такъ какъ либеральная партія не находила средствъ прямо противодѣйствовать правительству, то она пыталась выказать свою силу въ томъ, что увеличивала свои требованія, опять съ большей энергіей заговорила о томъ, что конституція 1849 года все еще не лишилась своего юридическаго права на существованіе. Прусскому министру было даже удобно и пріятно, что нѣмецкій вопросъ поднимается съ большей противъ прежняго энергіей; не обращая вниманія на внутреннія несогласія въ Пруссіи, этотъ до дерзости смѣлый министръ, какъ бы тѣшась своей силой, вызывалъ на борьбу Австрію и во всей наготѣ выставилъ противорѣчащія начала Пруссіи и Австріи. Въ циркулярѣ, разосланномъ 24 января ко всѣмъ прусскимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ, онъ извѣщалъ о своихъ переговорахъ съ Австріей, по поводу проекта (Delegirtenproject) и о своемъ личномъ разговорѣ съ австрійскимъ посланникомъ графомъ Кароли. Онъ очень откровенно показалъ австрійскимъ государственнымъ людямъ, что отношенія между Австріей и Пруссіей могутъ сдѣлаться или лучше, или хуже, но такъ оставаться не должны; крайне непростительной ошибкой можно было бы почесть предположеніе, будто для Пруссіи невозможно присоединиться къ какому либо изъ враговъ Австріи. До сихъ поръ существовало между обѣими державами какое-то безмолвное соглашеніе и Австрія съ Пруссіей какъ бы дѣйствовали заодно и осторожно выпытывали мнѣніе другъ друга, прежде, чѣмъ доводили до свѣдѣнія союзнаго сейма какую либо вновь предполагаемую мѣру; но теперь Австрія становится во главѣ партіи, стремящейся поставить преграду законному вліянію Пруссіи въ дѣлахъ Германскаго союза; при такихъ обстоятельствахъ очень легко можетъ случиться: «Пруссія отзоветъ своего посланника отъ союзнаго сейма, не замѣнитъ его новымъ, но изъ-за этого не выведетъ своихъ войскъ изъ союзныхъ крѣпостей.» При этомъ онъ не удержался отъ совѣта, что Австрія поступитъ очень предусмотрительно, если перенесетъ центръ тяжести своей монархической силы въ Офенъ; такая неумѣстная откровенность заставила улыбаться людей опытныхъ въ политическихъ тонкостяхъ и считавшихъ неопаснымъ противника, который не изворачивается, не укрывается и не хитритъ. Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Рехбергъ, отвѣчалъ 28 февраля нотой, написаной очень раздражительно, тономъ, скорѣе приличнымъ полемической статьѣ, нежели дипломатическому акту. Словъ много было потрачено и все безъ цѣли; многія обстоятельства сошлись и соединились такъ, что Австрія принуждена была взяться за дѣло. Первый руководящій министръ Шмерлингъ былъ настоящій австріецъ и потому смотрѣлъ на стремленія чисто германскія, на германскую національность, только какъ на средства для достиженія австрійскихъ цѣлей, хотя по своему прошедшему, какъ имперскій министръ при союзномъ сеймѣ, ему дѣла Германіи должны были бы быть ближе, но этого не было; къ этому надобно прибавить, что онъ не могъ справиться съ Венгріей, да и другія національности также недружелюбно относились къ Австріи; слѣдовательно, для того, чтобы провести свою идею о конституціонномъ единствѣ Германіи, министру могли служить опорой только чисто нѣмецкія области, а онѣ свою силу и крѣпость могли бы почерпнуть только изъ болѣе тѣснаго соединенія съ Германіей и въ свою очередь поддерживать правительство при столкновеніяхъ съ негерманскими элементами. Въ одномъ союзникѣ Германіи Австрія могла быть увѣрена—въ ультрамонтанахъ—они въ свою очередь очень хорошо знали, на сколько для нихъ скрывается опасности въ мнимомъ и непрочномъ либерализмѣ Австріи,

на половину не такъ опаснымъ для нихъ, какъ установившійся протестантизмъ Пруссіи; можно было также съ увѣренностью разсчитывать на консервативный и реакціонный духъ мелкихъ и среднихъ государствъ Германскаго союза; дѣло было въ томъ, что надобно было, хоть временно, привлечь на свою сторону либеральное общественное мнѣніе и великогерманскую демократію; казалось, обстоятельства были такого рода, что можно было отважиться на смѣлый шагъ: волненія и несогласія въ Пруссіи дошли до высшей точки и привлекли къ себѣ все ея вниманіе. Дожидаться далѣе было бы опасно: настроеніе въ Германіи съ каждымъ днемъ становилось возбужденнѣе, а положеніе дѣлъ въ Пруссіи было таково, что не смотря на всѣ несогласія, одного ласковаго слова короля, одной умѣренной уступки правительства, перемѣны министра, было бы достаточно, чтобы все успокоить и чтобы народъ опять дружно пошелъ къ указанной ему цѣли.

Желѣзо надобно было ковать, пока оно было горячо; вотъ почему Австрія, совершенно неожиданно, выступила съ проектомъ о реформѣ союзнаго управленія вполнѣ и окончательно выработаннымъ. Императоръ Францъ Іосифъ посѣтилъ короля Вильгельма прусскаго на минеральныхъ водахъ въ Гастейнѣ, гдѣ онъ пользовался водами, въ предѣлахъ Австріи, и передалъ ему памятную записку, въ которой излагалась неотлагаемая потребность въ реформѣ законодательства союзнаго управленія; вечеромъ 3 числа императорскій адъютантъ передалъ королю формальное приглашеніе на 16 августа на конгрессъ всѣхъ германскихъ государей въ Франкфуртъ на Майнѣ. Съ большою откровенностію, какая не годилась бы даже для человѣка не такъ высоко поставленнаго, онъ выставилъ плачевное состояніе нѣмецкаго союзнаго законодательства. «Нѣмецкія правительства не чувствуютъ, чтобы между ними существовала крѣпкая связь, основанная на твердыхъ, прочно стоящихъ договорахъ, они существуютъ особняками, безъ опредѣленной цѣли, но въ нихъ есть предчувствіе приближающейся катастрофы; германская революція, съ своей стороны, тихо подготовляемая, ждетъ удобной минуты, чтобы вспыхнуть со всею надлежащею силой.» — Ясно выраженныя предложенія состояли въ томъ, чтобы основаніемъ реформы все-таки служило федеративное начало, чтобы реформы были рѣшены не союзнымъ сеймомъ, а происходили прямо, непосредственно отъ совѣщающихся между собою государей, безъ вмѣшательства посредниковъ, потому что они, государи, болѣе всего заинтересованы благосостояніемъ и безопасностью Германіи. Это была, надобно признаться, великая и смѣлая мысль, съ одной стороны обольстить націю, представляя ей блестящую картину новаго союзнаго сейма и указывая на возможность скоро и удовлетворительно разрѣшить великій вопросъ, съ другой стороны поставить государей подъ гнетъ возбужденнаго и взволнованнаго общественнаго нетерпѣливаго ожиданія. Австрія надѣялась, что государи отступятъ передъ мыслью, какія могутъ быть послѣдствія, если они послѣ конгресса разъѣдутся, ничѣмъ не порѣшивъ дѣла, и что именно это соображеніе сдѣлаетъ ихъ сговорчивѣе. 3 августа разосланы были офиціальныя приглашенія, подобныя тому, какое получилъ король прусскій, и ко всѣмъ остальнымъ государямъ Германскаго союза; а 17 собрался царственный парламентъ, подъ предсѣдательствомъ австрійскаго императора въ Франкфуртѣ. Путешествіе императора походило на торжественное тріумфальное шествіе. Народонаселеніе южно-германскихъ государствъ было радостно взволновано: въ Штутгартѣ, Дармштатѣ, и въ другихъ мѣстахъ велико-германскія партія, реакціонная, придворныхъ демократовъ и легковѣрныхъ патріотовъ встрѣчали его съ громкими кликами восторга. Въ рѣчи, произнесеной Францемъ Іосифомъ при началѣ совѣщаній, онъ замѣтилъ, очень вѣрно, что дѣло не состоитъ въ длинныхъ рѣчахъ, въ замысловатыхъ разсужденіяхъ и глубокомысленныхъ совѣщаніяхъ, но что вся удача зависитъ отъ быстраго и единодушнаго рѣшенія.

Итакъ на этотъ разъ, объединеніе Германіи должно было быть взято приступомъ; княжескія кареты, запряженныя четверней, торжественно свозили государей для совѣщанія. Проектъ реформы былъ предложенъ: предполагалось управленіе союзными дѣлами Германіи предоставить директоріи, составленной изъ императора австрійскаго, короля прусскаго, короля баварскаго и изъ двухъ государей, избираемыхъ на три, или на шесть лѣтъ, изъ тѣхъ, которымъ поручено будетъ командованіе восьмымъ, девятымъ и десятымъ корпусами союзнаго

войска; въ помощь директоріи предполагалось учредить союзный совѣтъ, въ которомъ вмѣсто 17 голосовъ, до сихъ поръ находившихся въ тѣснѣйшемъ союзномъ совѣтѣ, число голосовъ увеличить до 21, тѣмъ болѣе, что Австріи и Пруссіи въ этомъ совѣтѣ предоставлялось по три голоса; предсѣдательство въ директоріи и въ союзномъ совѣтѣ, какъ сказано, предоставлялось Австріи, въ случаѣ же какого либо неудобства—Пруссіи; но съ званіемъ предсѣдателя не связаны никакія другія отношенія, кромѣ формальнаго наблюденія за дѣлопроизводствомъ. Вновь учреждалось собраніе представителей союзниковъ: 300 депутатовъ со стороны германскихъ сеймовъ, 75 австрійскихъ, 75 прусскихъ и такъ далѣе, сообразно съ величиною и значеніемъ отдѣльныхъ государствъ; избираютъ такъ: верхняя палата избираетъ одну треть депутатовъ, а нижняя палата двѣ трети. Эти депутаты должны были собираться черезъ каждые три года регулярно въ Франкфуртъ-на-Майнѣ; ихъ засѣданія должны быть публичныя; собранію депутатовъ предоставлялось право обсуживать и дѣлать заключенія по поводу проектовъ законовъ, которые имъ предлагала директорія и союзный совѣтъ; но и самому собранію депутатовъ давалось право предлагать законы. При законодательныхъ и органическихъ измѣненіяхъ требовалось четыре пятыхъ большинства голосовъ, чтобы такія реформы получили силу закона. Этому собранію депутатовъ предоставлялось неограниченное право дѣлать представленія и приносить жалобы; директоріи предоставлялось право созывать, открывать, отсрочивать, распускать и закрывать собранія союзныхъ депутатовъ; для сессій ихъ назначался двухмѣсячный срокъ. Вслѣдъ за закрытіемъ сессій союзныхъ депутатовъ должно было начинаться дѣйствіе четвертой силы, этой вовсе не простой машины союзнаго устройства; собираться конгрессу государей, которые, по свободному соглашенію, обсуждали мѣры и законы, принятые союзными депутатами, и окончательно утверждать ихъ, если только они кромѣ того не нуждались въ согласіи со стороны представительныхъ корпорацій отдѣльныхъ государствъ: въ этомъ конгрессѣ государей совѣщанія производиться должны были свободно, какъ равный съ равнымъ, между независимыми другъ отъ друга равноправными государями; въ этотъ конгрессъ, изъ милости, допускались два медіатизированные, но прежде самостоятельные, владѣльцы, прежніе Гогенцоллерны—Зигмарингенъ и гетингенскіе правители. За тѣмъ предполагался еще союзный судъ, двѣнадцать постоянныхъ, ординарныхъ, членовъ его должны были назначаться отдѣльными правительствами; трехъ постоянныхъ присутствующихъ назначала директорія, но съ согласія союзнаго совѣта; двѣнадцать экстраординарныхъ членовъ избирали различныя правительства изъ своихъ государственныхъ представителей.

Совѣщанія конгресса происходили очень тайно, безъ постороннихъ свидѣтелей; въ этихъ совѣщаніяхъ, говорятъ, коронованный предсѣдатель выказалъ замѣчательное ораторское дарованіе; сравнительно — дѣло подвигалось очень быстро — къ 1 сентября проектъ въ своихъ существенныхъ частяхъ былъ оконченъ и оказалось даже ненужнымъ, чтобы министерства разсуждали объ его частностяхъ. Самыя важныя перемѣны состояли въ слѣдующемъ: увеличеніе лицъ директоріи до шести; еслибы число голосовъ совѣщавшихся было равное, то перевѣсъ отдавался бы по числу народонаселенія государствъ, правители которыхъ, были членами директоріи; — проектъ измѣненъ былъ еще касательно союзной войны. Это-то и было обстоятельство, на которомъ должна была открыться причина такой замѣчательной дѣятельности. Для формальнаго объявленія войны требовалось рѣшенія союзнаго совѣта, при большинствѣ двухъ третей голосовъ, стояло въ окончательномъ заключеніи проекта реформы: «ежели бы предстояла опасность войны для одного изъ союзныхъ государствъ, имѣющихъ владѣнія внѣ Германскаго союза, съ какою либо иностранною державою, тогда директорія должна выждать рѣшенія союзнаго совѣта, принимаетъ ли союзъ участіе въ войнѣ или нѣтъ Рѣшается вопросъ простымъ большинствомъ голосовъ.» Это была хитро придуманная гарантія для охраненія австрійскихъ владѣній, не принадлежащихъ къ Германскому союзу, а въ этомъ-то и была вся сущность вопроса; въ заключительномъ постановленіи проекта было прибавлено ограниченіе; рѣшеніе зависѣло отъ большинства двухъ третей голосовъ, на которыя Австрія не всегда могла разсчи-

тывать. И въ другихъ отношеніяхъ конференція государей сдѣлала нѣкоторыя поправки въ проектѣ. Большинство, съ которымъ проектъ былъ принятъ, было чрезвычайно велико; не доставало только одного, къ несчастію главнаго, согласія Пруссіи.

Король Вильгельмъ не принялъ приглашенія отъ 4 августа и отвѣчалъ на него предложеніемъ предоставить разсужденія о реформѣ министрамъ; онъ точно также не согласился вмѣсто себя на конгрессъ послать одного изъ принцевъ королевскаго дома. Когда государи собрались для конгресса, король саксонскій поднесъ ему коллективное приглашеніе: но онъ не принялъ и его, также какъ и второе, которое ему 1 сентября объявляло объ окончательномъ составленіи проекта реформы. 15 сентября прусское министерство доставило конгрессу критику на акты реформы; въ ней опять очень положительно было сказано, что ручательствомъ въ безопасности Пруссіи, въ томъ, что она не будетъ принесена въ жертву чужимъ интересамъ, можетъ служить только непосредственное участіе цѣлой Германіи, цѣлой націи въ управленіи, во всеобщемъ національномъ представительномъ правѣ, потому что интересы и потребности Пруссіи существенно и неразрывно связаны, какъ часть съ цѣлымъ, съ потребностями и интересами всего германскаго народа.

Это точь въ точь такъ было объявлено въ либеральномъ сеймѣ депутатовъ 21 и 22 августа, собравшихся въ Франкфуктѣ и объявившихъ, что сеймъ депутатовъ находится въ такомъ положеніи, что не можетъ безусловно принять австрійскаго проекта реформы, и ставитъ это условіе первымъ и неизмѣннымъ для того, чтобы приступить къ реформѣ. Однакожь Бисмаркъ не ошибался, если думалъ, что нѣмецкій парламентъ, имъ предложенный, имъ, заслужившимъ общую ненависть Германіи, будетъ встрѣченъ съ насмѣшками и съ презрѣніемъ. Пока неурядица въ Пруссіи продолжалась, всякое вмѣшательство Пруссіи въ германскія дѣла было немыслимо. Но такъ какъ онъ ясно и твердо зналъ, чего хотѣлъ, то никакія порицанія не смущали его; можетъ быть, самый актъ о реформѣ представитъ ему возможность распутать главнѣйшій политическій вопросъ о реорганизаціи войска и тѣмъ выйти изъ тисковъ, въ которыя правительство было поставлено, тисковъ, о которыхъ еще одинъ изъ древнихъ мудрецовъ сказалъ, что это положеніе вѣрное и крѣпкое, но имѣетъ ту невыгоду, что изъ него нѣтъ выхода. Бисмаркъ присовѣтовалъ королю распустить палату депутатовъ, чтобы дать народу возможность посредствомъ новыхъ выборовъ доказать: что «никакое разногласіе въ политическихъ взглядахъ въ Пруссіи не можетъ на столько глубоко разъединить народъ и правительство, чтобы въ минуту, когда опасность угрожаетъ ея независимости и чувству достоинства, въ народѣ поколебалась бы любовь къ отечеству и вѣрность къ прирожденному королевскому дому.» Но эта надежда не осуществилась. Правительство нѣкоторымъ образомъ собрало плоды съ посѣянныхъ имъ ошибокъ, изъ нихъ—главное стѣсненіе свободы печати; ошибка преимущественно падаетъ на политическую незрѣлость народа; особенно на партію, которая пріобрѣла преходящій перевѣсъ надъ народнымъ мнѣніемъ и которая упрямо отказывалась понять, какая тѣсная связь существуетъ между общегерманскимъ вопросомъ и прусской реформой воинской системы. Выборы, происходившіе въ октябрѣ, опять вышли совершенно не въ пользу правительства; оно съ трудомъ получило 37 голосовъ, а партія прогрессистовъ еще усилилась; между тѣмъ эта же партія, вмѣсто того, чтобы внести въ нѣмецкій вопросъ свѣтлую мысль, истощала свои силы въ пустыхъ, ничего незначащихъ либеральныхъ рѣчахъ. Итакъ, на первыхъ порахъ Бисмаркъ могъ только тѣмъ похвалиться, что онъ помѣшалъ осуществленію акта реформы, помѣшалъ этой странной попыткѣ объединенія; мало-по-малу, когда первое удивленіе прошло, южно-германскіе и средне-германскіе либералы отдали должную справедливость мнѣнію Бисмарка. Еслибы реформа состоялась, то мнимый конституціонный порядокъ союзнаго управленія установился бы на долгое время, и вѣроятно было бы труднѣе, чѣмъ прежде, провести какую бы то ни было серьезно полезную реформу. Кромѣ того эта мнимая реформа еще болѣе содѣйствовала бы разъединенію Германіи, вмѣсто того, чтобы соединить ее, и подчинило бы ее австрійскому владычеству; подъ видомъ горячей дѣятельности можно было бы ровно ничего не дѣлать. Союзное

управленіе въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало, имѣло то великое преимущество, что оно сознавалось въ своемъ несовершенствѣ и стремилось выйти изъ него; но при этомъ составъ управленія былъ простой и незамысловатый. Напротивъ сложная махинація, предлагавшаяся проектомъ реформы, только спутывала понятія и затемняла истину; народъ терялся бы въ различныхъ, на видъ выставленныхъ судилищахъ, въ собраніяхъ союзныхъ депутатовъ, въ конгрессахъ государей, выборахъ, союзномъ судѣ, и сбитый съ толку былъ бы вовсе неспособенъ къ благоразумному возсозданію Германіи, чего при австрійскомъ преобладаніи ни подъ какимъ видомъ нельзя было бы достигнуть и потому было бы отсрочено на неопредѣленный срокъ.

Слѣдовательно великая заслуга Вильгельма I и его министра заключается въ томъ, что онъ избавилъ Германію отъ этого мнимаго прогресса, основаннаго на лжи и обманѣ. Такъ какъ Пруссія не давала своего согласія, то австрійскій проектъ реформы умеръ самъ собою, естественною смертью, также какъ погибъ незадолго передъ тѣмъ неудачный и ошибочный проектъ саксонскій. Какъ бы то ни было, но событіе было крайне важное: германскій вопросъ былъ поднятъ и къ тому же поднятъ могущественнѣйшимъ, какъ полагали, изъ государствъ Германскаго союза; но разъ поднятый, онъ уже не могъ оставаться безъ вниманія и тутъ только ясно и опредѣленно обозначилось, что вопросъ этотъ есть не что иное, какъ вопросъ о преобладаніи Пруссіи или Австріи въ Германіи. Въ Пруссіи волненія, неудовольствія и политическія несогласія еще не улеглись, но когда смѣлый шагъ австрійскаго кабинета сдѣлался извѣстенъ, и Бисмаркъ его такъ ловко отпарировалъ, тогда невольное сознаніе, что самое худшее миновалось, невольно овладѣло пруссаками; за одно по крайней мѣрѣ можно было похвалить ненавистнаго министра и его даже благодарили за то, что ни король, ни онъ не отправились въ Франкфуртъ, гдѣ эпигоны Шварценберга, подъ покровомъ многихъ и безполезныхъ вѣжливостей, для Пруссіи приготовляли новый Ольмютцъ.

Не прошло и года, какъ нѣмецкій вопросъ опять поднялся, но въ осязательной формѣ, въ видѣ шлезвигъ-гольштинскаго и сталъ на первомъ планѣ всеобщихъ интересовъ; изъ нескончаемой путаницы безплодныхъ сеймовъ, съѣздовъ государей и депутатовъ, послѣ хвастливыхъ рѣчей на пирахъ гимнастовъ и стрѣлковъ, наконецъ вопросъ этотъ перенесенъ былъ на поле битвы для рѣшенія мечемъ и пулями.

Это обстоятельство переноситъ нашъ разсказъ въ область сѣверныхъ государствъ.

2. Скандинавія.

Изъ трехъ скандинавскихъ государствъ—Норвегіи, Швеціи и Даніи, первыя два жили тихо и мирно, не привлекая вниманія Европы. 8 іюля въ 1859 году скончался король Оскаръ, вступившій на престолъ въ 1844 году; ему наслѣдовалъ сынъ его, Карлъ XV, третій король изъ дома Бернадота, судьбою или случаемъ занесеннаго туда. У Карла XV вышли несогласія съ его Норвежскимъ королевствомъ, гдѣ противились тому, чтобы король назначилъ штатгальтера изъ шведовъ: споръ этотъ впрочемъ не имѣлъ никакихъ слѣдствій, потому что норвежская конституція вполнѣ ограничивала королевскую власть и въ сущности дѣлала совершенно безразличнымъ — шведъ или норвежецъ занимаетъ мѣсто штатгальтера и пользуется ограниченными своими правами надъ немногочисленнымъ народонаселеніемъ страны, въ которой изъ $1^1/_2$ милліоновъ жителей на квадратную милю всего приходилось 229 человѣкъ.

Въ Швеціи чувствовалась крайняя необходимость въ реформѣ законодательства и тамъ надъ нею очень дѣятельно трудились съ 1860 года. Власть короля ограничивалась сеймомъ, собиравшимся черезъ каждые три года въ Стокгольмѣ и составленнымъ изъ четырехъ палатъ, дворянской, духовенства, гражданъ и крестьянъ; эти четыре корпораціи, по стариннымъ обычаямъ, совѣщались каждая порознь и также врозь дѣлали свои выводы и заключенія, какъ можно догадываться, по большей части безплодныя. Необходимымъ слѣдствіемъ такого устрой-

ства было, что страна отставала отъ остальной Европы, гдѣ народы почерпаютъ свою жизненную силу изъ слiянiя сословiй, изъ взаимнаго пополненiя и проникновенiя ихъ; вотъ почему, не смотря на свою довольно значительную численность народонаселенiя — 3½ милiоновъ на 8000 квадратныхъ миляхъ, изъ которыхъ правда 3000 подъ моремъ, болотами, скалами и снѣжными пустынями, несмотря на это народонаселеніе земли все-таки достаточно, но Швецiя все-таки не пользовалась ни тѣмъ почетомъ, ни тѣмъ могуществомъ, какимъ могла бы пользоваться и на которое честолюбивый король съ воинственными наклонностями имѣлъ бы претензiю. Отношенiя короля къ подданнымъ въ Швецiи чрезвычайно просты, съ характеристически простымъ и принятымъ обращенiемъ къ представителямъ. Карлъ XV на сеймѣ въ1862 году, старался поставить на видъ «добрымъ шведскимъ дѣятелямъ,» что слѣдовало бы приступить къ нѣкоторымъ исправленiямъ и улучшенiямъ въ законодательствѣ, особенно возможнымъ въ настоящую минуту, «при чрезвычайной безопасности извнѣ и при внутреннемъ спокойствiи, дарованномъ провидѣнiемъ.» Но не такъ-то легко было получить согласiе на реформы. Одно измѣненiе было немедленно принято, а именно: допускать на государственныя должности лицъ не исповѣдующихъ «чисто евангелическую религiю»; но предложенiе собирать ежегодный сеймъ было отвергнуто дворянствомъ и духовенствомъ; таже участь, со стороны дворянства, постигла предложенiе ограничить число членовъ дворянской палаты; а предложенiе распространить на евреевъ избирательное право, само собою разумѣется, отвергнуто было духовенствомъ. Въ началѣ слѣдующаго года сейму представленъ былъ проектъ новой конституцiи. Предполагалось въ сеймѣ, на будущее время, установить двѣ палаты: члены первой палаты не должны были получать суточныхъ денегъ, избранiе ихъ должно было зависѣть отъ чрезвычайно высокаго ценза; требовалось доказать, что поземельная собственность избираемаго стоитъ не ниже 80,000 талеровъ; государственные тинги, или высшiя общественныя судебныя учрежденiя должны избирать членовъ первой палаты на девятилѣтнiй срокъ; вторая избирается на три года судебными округами, которымъ предоставлено право избирать посредственными или непосредственными выборами; право быть избраннымъ ограничивается тѣмъ, принадлежитъ ли избираемый къ извѣстному избирательному округу, или нѣтъ. Но эта важная реформа не доведена была до конца, потому что вниманiе Швецiи привлекла на себя вновь разгорѣвшаяся война между Данiей и Пруссiей.

Третье скандинавское государство, Данiя, продолжала смѣло вести свою опасную игру съ несогласной Германiей. Союзный сеймъ схватился было за оружiе, какъ мы уже говорили, въ 1858 году, но дѣло окончилось одними грозными приготовленiями, оружiе было положено всторону и сеймъ удовольствовался объясненiями, данными датскимъ правительствомъ; общее законодательство, сказано было въ этомъ объявленiи, не обязательно для Гольштинiи, пока не будутъ устранены всѣ существующiя нынѣ препятствiя. Въ главномъ же дѣлѣ этимъ ничего не было выиграно; въ Данiи рѣшено было оказывать всевозможную снисходительность Гольштинiи, чтобы тѣмъ вѣрнѣе удержать за собою Шлезвигъ. Потому что не Гольштинiя, а Шлезвигъ былъ спорный пунктъ и добыча, изъ-за которой шли несогласiя; для Данiи оставалось жизненнымъ вопросомъ, останется ли за ней Шлезвигъ, или нѣтъ, и возможно ли будетъ его окончательно присоединить къ Данiи. Поэтому тамъ всѣми силами пытались ввести датскiй языкъ и датскiе нравы; датскiй языкъ сдѣлался обязательнымъ, повсюду приходскими священниками дѣлали датчанъ, датскiе чиновники занимали всѣ мѣста, а между тѣмъ въ глазахъ Европы разыгрывалась роль представителей и защитниковъ истиннаго либерализма, готоваго на борьбу съ реактивною партiей дворянства, пасторовъ и чиновниковъ. Въ этомъ Данiи удалось увѣрить Францiю, а еще больше Англiю, гдѣ между тѣмъ со дня на день враждебнѣе смотрѣли на Германiю; но во Францiи нашлись люди, выказавшiе сильное противодѣйствiе, основанное на врожденной французамъ энергiи и на глубокомъ сознанiи, что при такомъ насилiи, какое сдѣлано было народу въ 1852 году, нельзя предположить, чтобы онъ безполезно покорился своей участи и, слѣдовательно, на дѣло нельзя было смотрѣть, какъ на окончательно-рѣшенное. Къ тому же, нельзя было предполагать, чтобы во второй разъ въ Пруссiи повторилась такая самоубiйственная

политика, какая была въ то время; кромѣ того ольмюцскіе труды уже не имѣли больше голоса; упадокъ національнаго духа въ Германіи теперь окончился, подобно отливу морскому, начинался приливъ и первыя волны его уже показались; во главѣ германскаго воинственнаго союза стоялъ отважный воинъ, и габсбургскій домъ, въ постыдный 1851 годъ, обезоруживавшій чужими руками нѣмецкихъ солдатъ, съ тѣхъ поръ потерпѣлъ при Сольферино заслуженное наказаніе.

Въ Шлезвигѣ государственные чины начали борьбу. Въ мартѣ 1860 года, не смотря на то, что королевскій комиссаръ не позволилъ обсуживать и вести пренія, все-таки большинствомъ представителей составленъ былъ всеподданнѣйшій адресъ; въ немъ убѣдительно просили возстановить прежнія отношенія между Шлезвигомъ и Гольштиніей и большинствомъ 26 голосовъ противъ 14 отвергалось всякое присоединеніе къ Даніи и рѣшительно оспаривалось право копенгагенскаго рейхсрата въ дѣлахъ Шлезвига. Вслѣдствіе адреса сеймъ былъ распущенъ 19 числа. Датская партія «крестьянскій союзъ» — «Bauernvereiu» — особенно могущественная въ датскомъ народномъ смыслѣ, между тѣмъ организовала такъ называемый Данне виркеферейнъ для защиты Шлезвига; но такъ какъ около этого времени, 7 февраля 1861 года, въ германскомъ союзномъ сеймѣ опять возобновился вопросъ 1858 года, объ отложенномъ тогда проектѣ экзекуціи, то и въ Копенгагенѣ заговорили очень рѣшительнымъ и воинственнымъ тономъ. Но онъ не имѣлъ никакого вліянія на Германскій союзъ, его органы были тупы ко всякому быстрому принятію впечатлѣнія, а для приведенія впечатлѣнія въ сознаніе на то, чтобы постановить рѣшеніе и привести его въ дѣйствіе, требовалось еще больше времени; впрочемъ съ экзекуціей торопиться нечего было. Датское правительство предложило гольштинскимъ чинамъ проектъ бюджета; но онъ не согласовался съ желаніями и требованіями народа, поэтому чины и не приняли его. 12 августа Данія опять согласилась на нѣкоторыя, кажущіяся уступки, чѣмъ успоконла союзный сеймъ и отсрочила висѣвшую на волоскѣ экзекуцію; когда же за тѣмъ предводитель датской партіи на Эйдерѣ, Орла Леманъ, принятъ былъ въ датское министерство, президентомъ котораго былъ Галлъ, то это послужило доказательствомъ, что Данія изъ-за Гольштиніи не намѣрена ссориться съ Германіей. Но тутъ явилось новое вмѣшательство: Пруссія, нотой отъ 5 декабря 1861 года, возобновила Шлезвигскій вопросъ. Прусское правительство напомнило датскому, что оно относительно Шлезвига имѣетъ опредѣленныя обязанности, но что она ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права сливать Шлезвига съ Даніей.

Датское правительство въ своемъ отвѣтѣ отъ 26 очень твердо и опредѣленно отвергло всякое вмѣшательство Пруссіи въ шлезвигскія дѣла, на основаніи того, что Шлезвигъ не принадлежитъ къ Германскому союзу, слѣдовательно и ему до него нѣтъ дѣла. Данія очень твердо держалась этого мнѣнія, потому что была твердо убѣждена, что ей никакая опасность не грозитъ до тѣхъ поръ, пока въ этомъ дѣлѣ будетъ рѣчь касаться только интересовъ прусскихъ и не будутъ задѣты интересы Германскаго союза, и что даже при столкновеніи съ Пруссіей она найдетъ, или тайныхъ, или явныхъ союзниковъ въ томъ же самомъ Германскомъ союзѣ. На этомъ основаніи датское правительство подало въ январѣ 1862 года союзному совѣту на разсмотрѣніе проектъ 2 октября 1855 года, о реформѣ конституціи, по условіямъ которой Гольштейнъ и Лауэнбургъ окончательно выдѣлялись изъ датскаго государства; протестъ большинства шлезвигскихъ чиновъ противъ несостоятельности такого выдѣленія и даже для Шлезвига недѣйствительнаго обще-государственнаго устройства, былъ рѣшительно отвергнутъ также какъ и австрійскій и прусскій проекты. Таже самая участь постигла предложеніе дружественной Англіи—взять на себя посредничество. Лордъ Джонъ Россель предложилъ Даніи 24 сентября: вполнѣ удовлетворить требованія Германскаго союза, касательно Гольштиніи и Лауэнбурга, предоставить Шлезвигу полное самоуправленіе на десятилѣтній срокъ, не посылать отъ себя представителей въ рейхсратъ, нормальный бюджетъ постановить, чтобы былъ принятъ четырьмя представителями отдѣльныхъ учрежденій — датскимъ сеймомъ, собраніемъ государственныхъ чиновъ шлезвигскихъ, гольштинскихъ и лауэнбургскихъ. Въ отвѣтѣ отъ 15 октября стояло: что для королевства необходимо заботиться о сохраненіи общаго законода-

тельства и что удержать за собою Шлезвигъ для Даніи—вопросъ жизни и смерти; датское правительство упрямо настаивало на томъ, что дѣла Шлезвига не касаются ни Германскаго союза, ни кого бы то ни было другаго; касательно же Гольштиніи датское правительство «предоставляя себѣ право на необходимыя ограниченія, которыя не дозволяли бы этой провинціи рѣшать судьбы цѣлаго государства», готово исполнить желаніе Германскаго союза.

30 марта 1863 г., согласно съ этимъ объявленіемъ, съ адресомъ датскаго сейма, съ рѣшеніемъ народнаго собранія, дѣйствовавшаго подъ руководствомъ демократической партіи, изданъ былъ королевскій манифестъ, который выдѣлялъ Гольштинію изъ общаго государственнаго управленія, но зато согласно съ нормальнымъ бюджетомъ, утвержденнымъ предварительно еще 28 февраля 1856 года, обязывалъ участвовать въ общихъ государственныхъ расходахъ. Противъ этого протестовали Австрія и Пруссія отъ себя и отъ имени Германскаго союза (17 апрѣля); надобно замѣтить, что гольштинскіе чины въ послѣднее время обращались опять къ союзу. 9 іюля союзный сеймъ потребовалъ отъ датскаго правительства, чтобы манифестъ отъ 30 марта не былъ приведенъ въ исполненіе, въ противномъ случаѣ союзъ будетъ вынужденъ приступить къ экзекуціоннымъ мѣрамъ, предложеннымъ еще въ 1858 г. и подтвержденнымъ нынѣ въ 1863 году; касательно Шлезвига союзъ намѣренъ употребить въ дѣло всѣ усилія для поддержанія правъ, герцогству этому принадлежащихъ по народнымъ правамъ и обычаямъ.

Но датское правительство не смущаясь шло къ своей цѣли. Очевидно, мирнымъ путемъ нельзя было разрѣшить шлезвигскаго дѣла; когда 17 іюля королевскій комиссаръ явился въ собраніе чиновъ и протестовалъ противъ права присвоеннаго ими при изслѣдованіи законности выборовъ, большинство нѣмецкой партіи тотчасъ отказалось отъ своего полномочія и принудило правительство закрыть засѣданіе—при этомъ не было и помину о томъ, чтобы обратить вниманіе на выраженныя собраніемъ жалобы и желанія. Германскому союзному сейму опять послѣдовалъ такой же отвѣтъ, какъ прежде, о готовности выключить Гольштинію и о желаніи серьезно взвѣсить сдѣланныя придложенія; а въ циркулярѣ отъ 3 сентября министръ Галлъ очень гордо давалъ понять, что имѣетъ причину полагать, что Данія въ предстоящей борьбѣ не будетъ предоставлена исключительно своимъ средствамъ и силамъ, въ борьбѣ, въ которой рѣшается не одна только участь Даніи, но и затронуты священнѣйшіе интересы сѣверныхъ державъ; коментаріемъ циркуляру могли служить обоюдныя посѣщенія другъ друга шведскаго и датскаго королей и присутствіе шведскаго министра иностранныхъ дѣлъ въ Копенгагенѣ. 28 сентября былъ открытъ рейхсратъ и ему былъ предложенъ проектъ новой конституціи для королевства, вмѣстѣ съ Шлезвигомъ: уже 13 ноября онъ былъ принятъ, при общемъ удовольствіи трибунъ, большинствомъ 41 голоса противъ 16; а между тѣмъ Германскій союзъ рѣшился 1 октября, все-таки приступить къ экзекуціонной мѣрѣ.

Большая катастрофа приготовлялась. Король Фридрихъ VII неожиданно скончался въ Глюксбургѣ 15 числа. Съ нимъ угасала королевская старая линія Ольденбургскаго дома. Въ силу лондонскаго протокола, принцъ Христіанъ Глюксбургскій, подъ именемъ Христіана IX, взошелъ на престолъ соединеннаго королевства; но въ тотъ же день наслѣдный принцъ Фридрихъ Аугустенбургскій объявилъ патентомъ, что въ силу законнаго права престолонаслѣдія, принимаетъ управленіе герцогствъ Шлезвига и Гольштиніи.

Октября 1 собраніе германскаго союзнаго сейма постановило приступить къ экзекуціоннымъ мѣрамъ: но тутъ вдругъ вопросъ измѣнился; шлезвигъ-гольштинскій вопросъ дѣлался датско-германскимъ; вопросъ заключался въ томъ, сохранитъ ли свою силу, или нѣтъ лоскутъ пергамента, на которомъ въ печальное время распредѣлялось престолонаслѣдіе противъ единодушнаго желанія туземнаго населенія и согласнаго съ нимъ германскаго народа, который все громче и громче выражался и съ каждымъ днемъ становился требовательнѣе. Время протоколовъ и дипломатическихъ нотъ прошло, наступала пора дѣйствія.

3. Англія.

Полный контрастъ съ бурною, взволнованною жизнію Германіи представляло мирное состояніе Англіи. Борьба между королевскимъ могуществомъ и народнымъ правомъ, пограничная линія между исполнительною и законодательною силою, борьба, выразившаяся во Франціи цѣлымъ рядомъ революцій и готовая въ данную минуту до основанія потрясти одно изъ самыхъ прочныхъ и здоровыхъ государствъ средней Европы, борьба эта въ Англіи сравнительно давно уже была покончена, разрѣшилась въ гармоническое согласіе и въ дружное содѣйствіе на общую пользу. Положеніе Англіи было таково, что нечего было ни ожидать, ни опасаться какого бы то ни было насилія; политическая революція была невозможна, потому что была бы безцѣльна; въ народѣ чувство безопасности и увѣренности умѣряло оживленный ходъ политической жизненной дѣятельности; на шумъ, ссоры и народныя перепалки, происходившія во время парламентскихъ выборовъ, нельзя было смотрѣть, какъ на проявленіе сильно взволнованныхъ политическихъ страстей, а скорѣе ихъ надобно было принимать, какъ выраженіе избытка народныхъ силъ, отдыхающихъ въ волненіи и крѣпнущихъ въ борьбѣ. Вотъ почему въ годы отъ 1859 до 1864 нечего говорить о событіяхъ внутри государства. 17 іюня въ 1859 года, министерство торіевъ вмѣстѣ съ графомъ Дерби откланялось, и лордъ Пальмерстонъ, на 76 году своей жизни, полной приключеній, удачъ и неудачъ, ошибокъ и успѣховъ, взялся опять за составленіе министерства, преимущественно изъ виговъ и послѣдователей Пиля. Министерство иностранныхъ дѣлъ принялъ на себя лордъ Джонъ Россель, его старинный товарищъ, поперемѣнно то другъ, то соперникъ. Да и самъ Пальмерстонъ, за годъ передъ тѣмъ потерпѣвшій паденіе, отъ котораго всякій другой не скоро бы поднялся, все-таки опять всплылъ на верхъ и пользовался большою популярностью. Онъ своимъ примѣромъ подтвердилъ замѣчаніе Маколея, что нельзя упрекнуть народа въ перемѣнчивости чувства, въ непостоянствѣ; напротивъ, въ народѣ скорѣе можно замѣтить упорную вѣрность къ тѣмъ лицамъ, которыхъ онъ однажды избралъ въ свои любимцы, все равно основательна, или неосновательна его привязанность къ этимъ избранникамъ: этому человѣку, неутомимому въ трудѣ, исполненному бодрости и жизненной силы, народъ охотно предоставилъ государственное кормило и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на его постоянную веселость, повторялъ его остроты, наслаждался его тактомъ и его опытностью, пріобрѣтенною почти пятидесятилѣтнимъ искусствомъ въ управленіи парламентомъ. Партіи отложили важнѣйшіе вопросы, какъ будто изъ-за того, чтобы доставить ему возможность исполнить завѣтную мечту свою—умереть на этомъ мѣстѣ. Изъ-за своего неудачнаго билля реформы погибло предъидущее министерство, а на лорда Пальмерстона никто не досадовалъ за то, что онъ вопросъ о реформѣ избирательнаго права отодвинулъ на второй планъ; напротивъ радовались и хвалили его за ловкость, съ какою онъ это сдѣлалъ. Возрастающая въ тишинѣ редикально-демократическая партія спокойно дожидалась конца его дѣятельности, чтобы тогда опять выдвинуться впередъ.

Относительно иностранныхъ державъ, англійскимъ народомъ овладѣло какое то безпокойство при видѣ усилій, какія дѣлалъ Наполеонъ III, чтобы возвысить могущество французскаго флота и сравнять его съ англійскимъ. Не довѣряли императору французовъ, потому что ни его характеру, ни характеру французской политики, ни народному характеру нельзя было довѣрять, нельзя было знать, чего отъ нихъ можно и чего нельзя ожидать; еслибы самому Наполеону когда нибудь вздумалось возобновить планы своего великаго дяди, или еслибы того потребовалъ легкомысленный французскій народъ, то въ настоящее время планы эти могли быть для Англіи несравненно опаснѣе, нежели въ дни великой Булонской экспедиціи, потому что съ тѣхъ поръ, какъ во флотѣ введены были паровыя суда, высадка многочисленнаго войска въ Англіи сдѣлалась возможнѣе и плаваніе по морю уже не на столько, какъ въ 1805 году, зависѣло отъ вѣтра и погоды. Составъ англійскаго войска не былъ ни достаточно многочисленъ, ни довольно силенъ, чтобы дѣятельно отбить нападеніе французскаго дессанта. Въ самомъ народѣ не существовало такой оборонительной системы, какая была въ Пруссіи, да на по-

добную англійскій народъ, не предвидя близкой опасности, никогда и не согласился бы; но теперь, возбужденный газетными, зажигательными статьями, обнаружилъ воинственное движеніе и готовность стать на защиту родины. Формировалась цѣлая многочисленная армія волонтеровъ, можетъ быть, не очень хорошо вымуштрованное и не безукоризненно обученное, но все-таки значительное войско. Королева Викторія производила смотръ этому корпусу волонтеровъ 23 іюня 1860 года, подобно тому, какъ королева Елизавета въ 1588 году, въ виду испанской армады смотрѣла войско; корпусъ стрѣлковъ волонтеровъ, отлично одѣтыхъ и превосходно вооруженныхъ, состоялъ по большей части изъ достаточныхъ молодыхъ людей; ихъ было 20,000 человѣкъ. Королева, при огромномъ стеченіи народа, смотрѣла на ихъ ученіе, и съ этихъ поръ все вниманіе общества было обращено на этотъ корпусъ. Къ счастію, судьбѣ не угодно было поставить этихъ молодыхъ людей на серьезную пробу; но для правительства это воинственное народное движеніе принесло ту выгоду, что оно сознало необходимость въ лучшемъ военномъ устройствѣ. Пальмерстонъ въ прежнія времена дважды падалъ изъ-за своей слишкомъ большой склонности къ Наполеону, но теперь онъ на него смотрѣлъ съ другой точки зрѣнія: онъ, 23 іюля 1860 года потребовалъ отъ парламента 11 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ для защиты береговъ и для принятія другихъ оборонительныхъ мѣръ, потому что, какъ онъ выразился—«я не могу скрывать, ближайшая опасность грозитъ намъ со стороны нашего ближайшаго и могущественнаго сосѣда, императора французовъ; правда, мы еще очень недавно заключили съ нимъ торговый союзъ, но, несмотря на это, мы не можемъ надѣяться, чтобы народъ, съ такими воинственными наклонностями, какъ французскій, понялъ сразу всѣ выгоды, какія представляетъ торговля, и отказался бы отъ своихъ воинственныхъ попытокъ и завоевательныхъ претензій.»

Къ величайшему счастію не только самой Великобританіи, но и всей Европы, это могущественное государство довольствовалось своимъ положеніемъ въ ряду европейскихъ державъ и не стремилось захватить чужую собственность; оно спокойно, какъ величественный корабль, безъ бури плавало по океану европейскихъ треволненій, зорко слѣдило за событіями вокругъ себя, не упускало изъ виду тѣхъ вопросовъ, какіе всплывали надъ европейскою жизнью, спокойно и свѣтло взвѣшивало и обсуживало ихъ и старалось, употребляя свое могущественное посредничество, примирять неровности и улаживать отношенія. Это государство, какъ мы видѣли, подало благотворный и великодушный примѣръ безкорыстія и благоразумной политики, добровольно отказавшись отъ обладанія Іоническими островами въ пользу Греціи. 14 ноября 1863 года былъ подписанъ послѣдній протоколъ этого дѣла: правительство поставило непремѣнною обязанностію разрушить укрѣпленія Корфу, что казалось несправедливымъ для защитниковъ новой Греціи и заставило ихъ колебаться подписать протоколъ. Между тѣмъ изъ-за обладанія Невшательскимъ кантономъ еще такъ недавно горячилась и волновалась преобладающая партія въ Пруссіи, а владѣніе это гораздо меньшее имѣло значеніе, нежели Іоническіе острова. Такимъ образомъ Англія имѣла благодѣтельное вліяніе на дѣла Европы не однимъ словами, но и дѣломъ, хотя журналистика очень часто не оцѣнивала этой умѣренности, почитая ее за слабость, даже трусость, и не мало издѣвалась надъ нею, или осыпала ее упреками. Такъ, напримѣръ, въ италіанскомъ дѣлѣ, благоразумнѣе всѣхъ поступила Англія: она признала новое королевство, не надѣляя сардинское правительство благоразумными поученіями и нравственными сентенціями; такъ, въ сирійскомъ вопросѣ очень ловко поставила границы французскому честолюбію, а въ дѣлахъ польскихъ и шлезвигскихъ пыталась идти путемъ примиренія и не допускать до войны. Великобританское правительство внимательно слѣдило за честолюбивыми намѣреніями императора французовъ, и всѣми силами старалось положить конецъ долговременному пребыванію французскихъ войскъ въ Римѣ, помѣшало осуществленію очень опаснаго для европейскаго спокойствія плана всеобщаго европейскаго конгресса, съ цѣлью пересмотрѣть договоры 1815 года; Англія наотрѣзъ отказалась, 25 ноября, принимать участіе въ этомъ конгрессѣ. Чарль Россель въ своемъ отвѣтѣ лорду Каулею высчитывалъ вопросы, которые неминуемо будутъ выставлены въ этомъ конгрессѣ и разрѣшить которые будетъ необходимо; вотъ они: должна ли продолжаться польская

война? Должна ли начаться война между Даніей и Германскимъ союзомъ? Можно ли допустить, чтобы анархія продолжалась въ дунайскихъ княжествахъ, и такимъ образомъ подвергать Европу опасности вновь оживить восточный вопросъ и сдѣлать его причиной несогласій? Должна ли Австрія и Италія постоянно относиться другъ къ другу враждебно изъ-за обладанія Венеціей? Неужели допустить, чтобы французскія войска нескончаемое время занимали Римъ? Но выше всѣхъ этихъ вопросовъ и соображеній стояла задача: можетъ ли европейскій конгрессъ мирно и безъ неудовольствія разрѣшить эти недоразумѣнія—лордъ Россель прямо отвергъ эту возможность. Предположеніе его, что члены конгресса, послѣ окончанія совѣщаній, разойдутся въ худшемъ настроеніи и съ болѣе враждебными взглядами и чувствами, нежели съ какими явились, было очень вѣроятно; европейскія отношенія еще не разъяснились въ такой степени, чтобы допустить такое миролюбивое разрѣшеніе вопросовъ щекотливыхъ.

Гдѣ, однакожь, дѣло касалось сохраненія чисто англійскихъ интересовъ, правительство выказывало значительную энергію, въ иныхъ случаяхъ даже слишкомъ большую; напримѣръ, когда одинъ англійскій полковникъ, Макдональдъ, за неприличную грубость былъ арестованъ въ вокзалѣ желѣзной дороги въ Боннѣ, то не было конца дипломатической перепискѣ и всевозможнымъ заявленіямъ со стороны Англіи, тогда какъ это была просто полицейская мѣра, необходимая для того, чтобы обуздать грубаго человѣка.

14 декабря 1861 г. англійская королева, да и все государство, понесли большую потерю: принцъ Альбертъ скончался; онъ въ своемъ деликатномъ положеніи выказывалъ необыкновенный тактъ и тонкость чувства приличія. Онъ не дожилъ до третьей всемірной выставки, идею которой онъ первый далъ. Она была открыта въ Лондонѣ 1 мая 1862 года; но въ это время происшествія по ту сторону моря привлекли на себя большое вниманіе англійской политики, да и разрѣшеніе ихъ было труднѣе, нежели то, какое европейскіе вопросы могли представлять. Мы въ концѣ этого отдѣла обязаны обратить вниманіе нашихъ читателей на тѣ внѣевропейскіе вопросы, разрѣшеніе которыхъ привлекало все вниманіе англійскаго правительства и представляло ему большія трудности, нежели интересы какой бы то ни было изъ европейскихъ державъ.

III. ВНѢЕВРОПЕЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА И СТРАНЫ.

Не разъ уже замѣчали, что Европа, относительно остальнаго міра, играла въ новѣйшее время точно такую же роль, какую играла Греція въ древности относительно государствъ и народовъ, расположенныхъ по берегамъ Средиземнаго моря. Если въ тѣ времена свобода, какою пользовались греки, которою они такъ гордились и которая давала имъ такое громадное преимущество передъ азіатскими народами и оправдывала ихъ презрѣніе къ варварамъ, если эту свободу можно назвать побудительною пружиной древней жизни образованныхъ народовъ, то въ новѣйшее время европейскія государства могутъ присвоить себѣ ту же самую свободу, какъ отличительное свойство европейскаго образованія, особенно сравнительно съ внѣевропейскими государствами, хотя-бы съ Китаемъ и т. п. Это понятіе о свободѣ яснѣе всего выражается въ признаніи личнаго достоинства человѣка въ отдѣльности, въ признаніи его способности совершенствоваться до безконечности, и въ сознаніи, что эти понятія должны быть основаніемъ всякаго государственнаго и общественнаго развитія.

Можетъ быть, здѣсь было-бы у мѣста развернуть проявленія европейскаго образованія на той степени развитія, какую оно достигло въ половинѣ XIX столѣтія, разсмотрѣть ея степени проявленія у главнѣйшихъ народовъ Европы, сообразно съ ихъ государственнымъ и общественнымъ развитіемъ. При этомъ намъ пришлось бы начать съ внѣшняго, съ того, что болѣе всего бросается въ глаза—съ огромной перемѣны, происшедшей въ средствахъ и условіяхъ международныхъ сообщеній; перемѣны и вліяніе отъ того происшедшія ярко бросаются въ глаза каждаго, воспоминанія котораго заходятъ даже не далѣе тридцати лѣтъ назадъ. Быстрое развитіе внѣшнихъ сообщеній лучше всего можно доказать ха-

рактеристическими числами; такъ, напримѣръ, въ Пруссіи въ 1840 году было всего 17 миль желѣзной дороги, а въ 1850 число миль возросло уже до 356, а въ годъ, до котораго дошелъ нашъ разсказъ, 1860 годъ, было уже 713 миль, десять же лѣтъ спустя желѣзныя дороги въ Пруссіи уже тянулись сѣтью въ 1317 миль; въ 1840 году, по всѣмъ прусскимъ рѣкамъ, вмѣстѣ взятымъ, ходило только 40 пароходовъ, а 30 лѣтъ спустя, по одному Рейну плавало уже больше 100. Въ 1840 году первые телеграфы явились только вдоль англійскихъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, а 30 лѣтъ спустя въ Европѣ насчитывалось 13,587 телеграфныхъ станцій. Гораздо труднѣе было бы прослѣдить, какія слѣдствія произошли отъ перемѣны въ способѣ передвиженія, отъ сокращенія отношенія пространства и времени, въ сельско-хозяйственномъ быту народа и въ экономіи государственнаго устройства; какая перемѣна произошла въ промышленности въ обширной степени, какая отъ уменьшенія мѣстной, кустарной промышленности, какая отъ колоссальнаго распространенія и развитія торговли съѣстными припасами, отъ возвышенія цѣнности сырыхъ произведеній земли, отъ уравненія цѣнъ на жизненныя потребности, отъ исполинскаго развитія всемірной торговли и, наконецъ, отъ усиленія переселеній, достигшихъ огромныхъ, небывалыхъ размѣровъ, отъ удобствъ этихъ переселеній и доступности ихъ для людей бѣдныхъ; но на подобномъ вычисленіи измѣненій нельзя было бы остановиться. Пришлось-бы обратить вниманіе на то, какъ черезъ усовершенствованіе способовъ сообщенія между людьми вообще, всей жизни человѣчества въ цѣломъ приданы были энергія и развитіе, до сихъ поръ небывалыя и немыслимыя; какъ вслѣдствіе этого измѣнилась жизнь семейная и государственная и какъ та и другая начала развиваться на совершенно новыхъ началахъ; какъ, съ одной стороны, государственное могущество въ отношеніи къ единицѣ человѣческой развилось ужасающимъ образомъ, а съ другой стороны, единица человѣческая, черезъ обмѣнъ и распространеніе мысли, черезъ соединеніе своей личной дѣятельности съ дѣятельностью многихъ другихъ и, слѣдовательно, черезъ то увеличивая совокупность своихъ силъ и своей дѣятельности, пріобрѣтала громадное вліяніе на жизнь государства. Но во всѣхъ этихъ изслѣдованіяхъ мы коснулись-бы только одной стороны его, черезъ которую человѣкъ изучилъ силы природы и подчинилъ ихъ на службу себѣ, гдѣ знаніе сдѣлалось двигателемъ человѣческихъ интересовъ въ такомъ обширномъ размѣрѣ, какого не находимъ ни въ одномъ изъ прежнихъ столѣтій; но мы тоже самое замѣтили бы и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Въ тоже время насъ поразило-бы иное явленіе, которое столько же характеристично для нашего столѣтія и столько же отличаетъ его отъ предъидущихъ: быстрое возрастаніе научнаго знанія во всѣхъ областяхъ человѣческихъ изслѣдованій и стремленіе—открытія, сдѣланныя наукой, примѣнять и приспособлять къ улучшенію удобствъ физической жизни человѣка. Это изученіе прежде всего повело-бы насъ на поприще естествознанія, заставило бы насъ вглядѣться въ историческій ходъ развитія естественныхъ наукъ, преимущественно — химіи, физики, астрономіи, геологіи и т. д., исчислить важнѣйшія открытія, сдѣланныя этими науками и показать, какое вліяніе эти открытія имѣли на общественную жизнь не нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, но тысячъ и милліоновъ людей. Мы нашли-бы тѣсную связь между теоріей и практикой не только въ области естественныхъ наукъ въ тѣсномъ смыслѣ, но также и въ тѣхъ отрасляхъ наукъ, которыя занимаются изслѣдованіемъ человѣческой жизни: исторіи, религіи, законовѣдѣнія, государственнаго права, нравственныхъ вопросовъ, обычаевъ народа и т. д. Хотя съ одной стороны мы дѣйствительно замѣчаемъ, что духовное развитіе клонится къ внѣшнему, осязательному, матеріальному, то съ другой стороны, не нарушая истины, мы не можемъ сказать, чтобы европейское духовное развитіе, какъ оно намъ представляется въ половинѣ XIX столѣтія, приняло исключительный преобладающій характеръ матеріалистическій. Напротивъ: при завоеваніяхъ, или незаконныхъ похищеніяхъ и присвоеніяхъ матеріализма или натурализма въ области знанія, все-таки высшія идеальныя стремленія души человѣческой не подавлены окончательно, они возникаютъ съ свойственнымъ имъ могуществомъ и съ неутомимою потребностью тамъ, гдѣ поставлена, или гдѣ, кажется, находится граница извѣстнаго, неопровержимаго факта и гдѣ начинается область не извѣстнаго, гада-

тельнаго, куда еще до сихъ поръ не проникалъ взглядъ изслѣдователя, гдѣ нѣтъ неизмѣнныхъ точекъ опоры для объясненія и для уразумѣнія сущности вещей и въ отношеніи къ которымъ матеріализмъ до сихъ поръ могъ создать только эгоистическую систему, но не способенъ установить нравственно чистыхъ отношеній; область вѣры начинается тамъ, гдѣ оканчивается возможность точно измѣрить, взвѣсить и вычислить, гдѣ нельзя быть очевидцемъ. Религіозное движеніе въ текущемъ столѣтіи пробуждается съ силой, къ какой мы не считали ее способной; новому религіозному воззрѣнію и новому суевѣрію противодѣйствуетъ старое; рядомъ съ стремленіемъ изолировать область той, или другой науки, сперва сдѣлать въ ней основательныя, глубокія изслѣдованія, покончить сперва съ одною стороною знанія, идетъ другая потребность отъ частнаго наблюденія факта переноситься въ область другой науки, къ общей идеѣ, ко всеобъемлющему стремленію возвыситься до пониманія міровыхъ законовъ и ихъ отношеній.

Послѣ того, какъ намъ удалось бы, съ подобающею каждой наукѣ жизненною точностію, провести передъ изумленнымъ читателемъ соотвѣтствующія его пониманію отрасли, касающіяся жизненныхъ вопросовъ: философіи, богословія, законовѣдѣнія и знанія государственнаго устройства, общественной жизни, учебной дѣятельности со всѣми выдающимися ея качествами, то намъ недостало бы средствъ вѣрно оцѣнить ихъ, какъ того требуетъ обозрѣніе культуры европейскихъ народовъ; и передъ нами, съ каждымъ новымъ днемъ и мгновеніемъ, открывалось бы все обширнѣйшее и многостороннѣйшее поле наблюденій.

Вмѣстѣ съ такъ называемою серьезною литературой, мы должны были бы обратить вниманіе на дѣятельность человѣческаго ума и на его произведенія въ области болѣе независимой, въ той, которая доставляетъ ему отдохновеніе и душевную отраду. Мы должны были бы не упускать изъ виду искусства, съ одной стороны прослѣдить, какое вліяніе оно имѣетъ на общественную жизнь и съ другой стороны опредѣлить какое вліяніе общественная жизнь имѣетъ на искусство и какъ она направляетъ его развитіе; только такимъ образомъ для насъ сдѣлалось бы понятно значеніе каждаго изъ искусствъ въ отдѣльности; напримѣръ: мы должны были бы взвѣсить, какое вліяніе на массу имѣетъ театръ нашихъ временъ, какое на кружки, служащіе законодательными, исправляетъ ли онъ, или портитъ ихъ? Очень замѣтное мѣсто въ числѣ занимательныхъ, увеселительныхъ и въ нѣкоторой степени образовательныхъ средствъ развитія, безспорно, принадлежитъ литературѣ и преимущественно той части ея, которую, въ противоположность съ научною, называютъ поэтическою, а въ менѣе возвышенной, отвлеченной части ея проявленія—бельлетристическою. Можетъ быть, въ послѣдней изъ этихъ литературныхъ отраслей, а именно въ современныхъ романахъ, историкъ, занимающійся изслѣдованіемъ развитія народнаго образованія, нашелъ бы самую обильную пищу; параллель, проведенная между англійскими, нѣмецкими, французскими и другими романами, можетъ быть, яснѣе всего познакомила бы насъ съ кругозоромъ понятій англійской, нѣмецкой и французской читающей публики и показала бы вліяніе духа времени, ризлично отпечатавшагося въ различныхъ народахъ, сообразно съ характеромъ каждаго. Но при этомъ мы не могли бы упустить изъ вида и не указать, что эта отрасль литературы вовсе не играетъ той же самой роли, какую играла прежде; что число читателей, для которыхъ серьезное изученіе есть потребность, сравнительно съ прошедшими временами, значительно возросло не только въ отношеніи всей читающей публики, для которой доступно литературное образованіе и литературное наслажденіе, но далеко превзошло ихъ. Это есть одинъ изъ неоспоримыхъ признаковъ высшаго развитія нашего столѣтія. При общей оцѣнкѣ и при характеристикѣ культурныхъ успѣховъ главнѣйшихъ европейскихъ народовъ нельзя забыть газетъ; во второй половинѣ 19 столѣтія, газеты имѣли рѣшительное, неотразимое вліяніе на политическую жизнь Европы и потому по праву занимаютъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ области литературной дѣятельности текущаго столѣтія.

Взглядъ на этого политическаго, въ настоящее время необходимаго, фактора общественной, политической, религіозной, равно какъ и физической жизни, какъ онъ намъ является до 1848 и послѣ всеобщаго европейскаго кризиса, предста-

вилъ бы намъ такой же громадный переворотъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ тотъ, какой произошелъ въ общественной жизни отъ облегченнаго и упрощеннаго способа сообщенія. Мы осязательно могли бы убѣдиться, какъ въ теченіе полустолѣтія вся европейская жизнь измѣнилась, какъ ходъ историческихъ событій принялъ совершенно иную физіономію, какъ въ этотъ періодъ двухъ человѣческихъ жизней произошелъ полный нравственный переворотъ, о всей важности котораго, мы, находящіеся еще въ самой быстрой струѣ его, не можемъ дать себѣ отчета, точно также, какъ отдѣльный солдатъ, или начальникъ крошечнаго отряда, принадлежащаго къ стотысячной арміи, исполняя свою обязанность, не можетъ понять, заглушенный и отуманенный громомъ битвы, какое значеніе имѣетъ его участіе въ цѣлой битвѣ и наконецъ какое значеніе самая битва имѣетъ на всю войну. Мы можемъ указать только въ общихъ чертахъ, что каждая замѣчательная газета ежедневно развиваетъ картину взаимнодѣйствія силъ, движущихъ настоящими интересами, и что число людей читающихъ, для которыхъ газета есть потребность, чуть ли не равная насущному хлѣбу, ежедневно возрастаетъ и распространяется до безконечности; и что именно по этой причинѣ совершенно эгоистическое отчужденіе отъ общихъ интересовъ становится невозможнымъ и потому каждое отдѣльное лицо гораздо тѣснѣе сливается съ общею народною жизнію и гораздо глубже сочувствуетъ ей. Непосредственное слѣдствіе такого обобщенія политическаго существованія народа заключается въ томъ, что каждое правительство, каждая партія, каждое религіозное общество, каждая значительная и незначительная сила обращается къ органамъ общественнаго мнѣнія и поневолѣ отдаетъ должное этой демократической особенности текущаго столѣтія; далѣе, намъ пришлось бы показать, какія свѣтлыя и блестящія стороны показываетъ намъ эта характеристическая черта времени и какія темныя тѣни, какая чернота стоитъ рядомъ съ свѣтлыми ея сторонами: сколько тѣснаго, подавленнаго, несвободнаго во внѣшней и внутренней жизни человѣка исчезло, сколько новой, свѣжей силы пробудилось, но въ тоже время, сколько прекраснаго, благороднаго, гармоническаго въ частяхъ своихъ погибло для человѣчества и сколько новыхъ идоловъ и тирановъ воздвигнуто на мѣсто низверженныхъ, ложныхъ боговъ изгнанной тиранніи.

Мы очень хорошо понимаемъ, что въ этомъ бѣгломъ перечнѣ мы указываемъ только на задачу, которой разрѣшить не можемъ въ этомъ сочиненіи, и даже едва ли она можетъ быть разрѣшена кѣмъ либо изъ нашихъ современниковъ, потому что современникъ не можетъ обладать безпристрастіемъ судьи своего времени; предположимъ даже, что такой человѣкъ нашелся бы, но матеріялъ для его труда еще не выбранъ, неочищенъ критикой и у него недостанетъ точекъ опоры, чтобы построить свое повѣствованіе и установить сужденіе, достойное великаго предмета. Наша задача состоитъ въ томъ, чтобы вкратцѣ показать, въ какой степени европейское образованіе укрѣпилось не только на родной почвѣ, но и распространилось за ея предѣлы и какъ оно теперь постоянно охватываетъ прочія части свѣта и увлекаетъ ихъ своимъ кипучимъ потокомъ. Исторія прочихъ частей свѣта, на сколько значеніе ея дѣйствительно представляетъ историческій, а не этнографическій только интересъ, для насъ въ сущности есть только исторія европейскаго вліянія, его постоянныхъ, прочныхъ успѣховъ и его кратковременныхъ неудачъ и пораженій. Итакъ, мы будемъ только разсматривать прогрессъ человѣческой цивилизаціи, на которой лежитъ печать европейскаго развитія, хотя мы при этомъ однакожъ должны сознаться, что одна изъ пяти частей свѣта, Америка, совершенно своеобразно и самобытно приняла зародыши европейской цивилизаціи и развила ихъ совершенно оригинально, чѣмъ пріобрѣла себѣ историческую самостоятельность и теперь стоитъ на ряду съ образованной Европой; точно тоже самое мы находимъ въ древнемъ мірѣ, только въ мелкомъ размѣрѣ: итальянскій полуостровъ получилъ отъ греческаго первыя сѣмена образованія, но развилъ ихъ самостоятельно и сталъ на ряду съ эллинскою образованностію.

1. Австралія. Африка.

Изъ прочихъ частей свѣта, Австралія и Африка еще не имѣютъ исторіи. Европейское народонаселеніе Австраліи въ 1859 году достигало до 1 милліона; эти колонисты разселились на окраинѣ площади въ 141,000 кв. миль, которая только съ 1788 года начала заселяться выходцами изъ европейскихъ народовъ; кромѣ нихъ въ Австраліи есть туземцы — необычайно некрасивое племя, очень малочисленное, всего до 100,000 человѣкъ, бѣдное и необразованное; австралійцы распадаются на множество племенъ; они враждуютъ между собою и отступаютъ во внутреннія пустыни острова отъ наплыва европейскаго населенія. Почва покрыта очень богатою, но однообразною и довольно немногочисленною растительностію; животныя, по большей части, привезенныя изъ Европы размножаются, а туземныя, принадлежащія къ низшимъ породамъ, или вымираютъ, или перерождаются отъ смѣшенія съ европейскими породами; постоянно ввозятъ европейскіе хлѣба и огородныя овощи, европейскихъ домашнихъ и даже охотничьихъ животныхъ; вообще весь складъ жизни принимаетъ чисто европейскій характеръ; онъ сталъ улучшаться съ тѣхъ поръ, какъ перестали перевозить туда преступниковъ и вмѣсто нихъ колонистамъ дозволено заселять свободныя земли. Большее число переселенцевъ — англичане, поэтому и складъ жизни и законодательство въ колоніи чисто-англійскіе; рядомъ съ англичанами, въ значительномъ количествѣ, селятся родственныя имъ по коренному племени и по степени умственнаго и соціальнаго развитія — нѣмцы. Четыре австралійскія губернаторства: Новый Южный Валлисъ, Викторія, Южная-Австралія и Западная-Австралія управляются губернаторами, назначаемыми англійскимъ правительствомъ; губернатору въ дѣлахъ управленія помогаютъ два совѣта — исполнительный и законодательный; члены въ тотъ и другой назначаются посредствомъ выборовъ; губернаторства распадаются на графства. Число училищъ, въ 1853 году, достигало 688, въ нихъ учплось 41,000 учениковъ. Скотоводство значительное; считается 4 милліона рогатаго скота и 28 милліоновъ овецъ; при такомъ значительномъ скотоводствѣ и земледѣліе поднимается, а за нимъ и морская торговля; весною 1851 года открыты были богатыя золотоносныя поля на склонахъ Голубыхъ горъ, близъ южно-австралійскаго берега; естественныя богатства розсыпей и легкость добывать драгоцѣнный металлъ привлекаютъ туда множество переселенцевъ; уже въ концѣ 1852 г. въ Англію было вывезено золота на 3 милліона фунтовъ стерлинговъ; мало-помалу начинаютъ разработывать и другія сокровища, скрытыя въ австралійской почвѣ: кромѣ золота добываютъ много каменнаго угля, мѣди, желѣзной руды и другихъ минераловъ и металловъ. Еще до сихъ поръ центральная Австралія не изслѣдована; кажется, недостатокъ въ водѣ, въ большихъ озерахъ, или рѣкахъ мѣшаетъ проникнуть въ пустыни материка: въ послѣднія 40 лѣтъ нѣсколько смѣлыхъ изыскателей проникли въ центральную Австралію: англичанинъ Стертъ въ 1845 году, нѣмецъ — Лейхгардъ, въ 1847 году отправившійся вторично, но не возвратившійся; англичанинъ Августъ Грегори въ 1857 году, и Макъ-Дюгаль-Стюартъ въ 1860 году; послѣдній изъ этихъ отважныхъ путешественниковъ проникъ даже до середины материка; но всѣ они одинаково утверждаютъ, что мнѣніе, будто центральная Австралія представляетъ обширную безплодную пустыню — ошибочно; но что вся поверхность ея крайне однообразна по своему характеру: обширныя равнины смѣняются невысокими плоскогоріями, почву покрываютъ рѣдкіе лѣса, частію песчаныя пустыни, каменистыя пространства, поросшія неисходными кустарниками, и все это смѣняется роскошными травяными степными пространствами.

Только окраины, береговая полоса Африки доступна европейскому вліянію, но даже и берега Средиземнаго моря, гдѣ это вліяніе сильнѣе всего, гдѣ, можно сказать, горнило его, все-таки сравнительно съ цивилизаціей древнихъ римскихъ временъ, не только не двинулось впередъ, но, напротивъ, пошло назадъ; даже въ первую эпоху христіанства образованіе здѣсь стояло на болѣе высокой степени. Изъ числа 540 или 550,000 квадратныхъ миль африканской поверхности,

77,490 кв. миль принадлежатъ европейскимъ государствамъ, но въ числѣ ихъ самое большое владѣніе турецкое, въ сущности вовсе не европейской державы. Изъ 275 милліоновъ жителей Африки, которыхъ насчитываютъ приблизительно, безъ точныхъ данныхъ, только 7 милліоновъ христіанъ, въ томъ числѣ и абиссинскіе христіане, стоящіе на очень низкой степени умственнаго и религіознаго развитія, можно сказать, что у нихъ религіозныя понятія еще неопредѣленнѣе и тусклѣе, нежели у негровъ, обращенныхъ въ христіанство неусыпными стараніями миссіонеровъ; далѣе въ Африкѣ насчитывается до 1 милліона евреевъ и до 60 милліоновъ мусульманъ; остальные же 207 милліоновъ — грубые язычники: такъ что даже магометанство, этотъ представитель просвѣщенія въ Африкѣ, не глубоко проникъ въ языческія племена негровъ и не принесъ имъ никакого, даже мусульманскаго образованія.

Только на двухъ окраинахъ Африки, на сѣверѣ и на югѣ, европейское вліяніе обнаружилось съ большой энергіей, а потому и тутъ и тамъ образовались двѣ большія колоніи, или, какъ выражаются голландцы, двѣ большія плантаціи народныя, а именно Капская колонія и Алжиръ. Довольно трудно провести сравненіе между этими двумя созданіями, одной германско-голландско-англійской, а другой романско-французской системы колонизаціи. Первая изъ нихъ, Капская колонія, находится подъ 28 и 34° южной широты, имѣетъ 261,000 жителей, изъ нихъ 80,000 цвѣтныхъ; населяютъ они площадь въ 5600 квадратныхъ миль; климатъ здоровый, почва довольно плодородная; она достаточно вознаграждаетъ затраченный трудъ; общественная жизнь упрочивается и развивается, несмотря на частыя войны съ кафрами, что довольно затруднительно при незначительной военной силѣ; управленіе колоніи предоставлено генералъ-губернатору, вмѣстѣ съ законодательнымъ совѣтомъ и палатой представителей; голландскіе и британскіе законы здѣсь дѣйствуютъ совмѣстно: на эту колонію можно смотрѣть, какъ на твердое и прочное завоеваніе, сдѣланное христіанско-европейскою цивилизаціей въ такой части свѣта, вся почти масса народонаселенія которой еще находится внѣ историческихъ интересовъ.

Вторая изъ европейскихъ колоній — Алжиръ, хотя на первый взглядъ и представляетъ всѣ выгоды европейской колоніи и пользуется всѣми удобствами своего географическаго положенія, находится въ умѣренномъ поясѣ, подъ 31 и 37° сѣверной широты; она непосредственно лежитъ противъ своей метрополіи, имѣетъ плодородную почву, положеніе сплошное, въ 10,000 квадратныхъ миль съ очень развитою береговою линіей въ 150 миль, а потому казалось бы должна была процвѣтать, но между тѣмъ это — болѣзненный осадокъ, это — доказательство неспособности французскаго народа къ колонизаціи. Послѣ 30 лѣтняго обладанія этою плодородною мѣстностью, въ Алжирѣ всего только 200,000 европейцевъ и изъ нихъ 70,000 солдатъ; издержки правительства ежегодно превышаютъ на 50 милліоновъ франковъ доходы, получаемые съ Алжира; управленіе здѣсь чисто военное; генералъ-губернаторъ непосредственно зависитъ отъ военнаго министра въ Парижѣ; здѣсь происходятъ безпрерывныя, нескончаемыя экспедиціи противъ непокорныхъ, или возставшихъ племенъ; жизнь въ главномъ городѣ Алжира, въ Константинѣ, носитъ на себѣ характеръ европейскій. Императоръ Наполеонъ очень горячо интересовался Алжиромъ; онъ въ 1858 году даже создалъ отдѣльное алжирское министерство, но оно опять уничтожилось послѣ двухгодичнаго существованія и вновь замѣнено было военнымъ управленіемъ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ извѣстныхъ генераловъ Пелиссье и Макъ-Магона. Письмо императора, отъ 6 февраля 1863 года, объявляло, что Алжиръ въ сущности арабское королевство и потому императоръ есть такой же императоръ арабовъ, какъ и императоръ французовъ; въ 1865 году онъ даже самъ лично на шесть недѣль отправился въ Алжиръ: но, не смотря на это, страна осталась тѣмъ же, чѣмъ до сихъ поръ была, военной школой для французскаго войска, въ ряды котораго почти насильно ставили туземныхъ солдатъ; первое знакомство съ алжирскими войсками Европейцы сдѣлали въ италіанскую войну, и нѣсколько лѣтъ спустя знакомство это возобновлено было при странныхъ обстоятельствахъ. Эта военная школа долгое время озадачивала европейскій міръ, пока происшествія не подтвердили мнѣнія человѣка очень скромнаго, но даровитаго—Мольтке, который еще при

первомъ появленіи африканско-французскихъ полковъ замѣтилъ, что французское войско въ Африкѣ только учится тому, какъ войны вести не слѣдуетъ.

Изъ мусульманскихъ владѣній по сѣверо-африканскому берегу, свободныхъ и самостоятельныхъ, какъ Марокко, или зависящихъ отъ Отоманской Порты, какъ Тунисъ, Триполи и Египетъ, только послѣдній заслуживаетъ минутнаго вниманія. Вице-короли изъ дома Мехмедъ-Али продолжали держаться системы управленія, указанной основателемъ династіи, но отказались отъ заносчивыхъ завоевательныхъ плановъ. Главный интересъ египетскихъ правителей сосредоточился на важномъ, по своему значенію, проектѣ прокопать Суэцкій перешеекъ. Этотъ проектъ былъ созданъ и отъ него ни на шагъ не отступалъ предпріимчивый инженеръ Фердинандъ Лессепсъ, бывшій французскимъ генеральнымъ консуломъ еще при Мехмедъ-Али; въ четвертомъ наслѣдникѣ Мехмедъ-Али, въ Саидъ-пашѣ французскій инженеръ встрѣтилъ сочувствіе и дѣятельную помощь для приведенія своего плана въ исполненіе. Въ 1856 году составилось общество Суэцкаго канала на акціяхъ; а въ апрѣлѣ 1859 года работы на перешейкѣ начались, при всевозможныхъ, даже непредвидѣнныхъ затрудненіяхъ, какія представляли: свойство почвы, недостатокъ рабочихъ и ихъ совершенная негодность, отвращеніе и препятствія, воздвигаемыя со стороны Порты, на которой отражалось недоброжелательное вліяніе Англіи; но все это не могло сломить твердости, съ какою продолжалось начатое дѣло.

Затѣмъ намъ слѣдовало бы еще упомянуть о владѣніяхъ чисто туземныхъ, негритянскихъ, въ которыхъ, какъ, на островѣ Мадагаскарѣ, или Абиссиніи, европейское вліяніе выражалось дѣйствіями и примѣромъ отдѣльныхъ искателей приключеній, судьбою или случайностью туда занесенныхъ, или изрѣдка, какъ на упомянутомъ нами большомъ и плодородномъ островѣ Мадагаскарѣ, появленіемъ туземнаго преобразователя, владѣтельнаго князя Радама I въ 1861 году; онъ искалъ сближенія съ европейцами и сгаралъ желаніемъ научиться отъ нихъ чему можно было и преобразовать свой народъ—дикарей. Но все это только отдѣльные свѣтлые лучи, очень быстро тонущіе въ окружающемъ ихъ мракѣ; за проблескомъ свѣта и потуханіемъ его наше повѣствованіе слѣдить не можетъ, точно также какъ не можетъ оно слѣдить за отдѣльными негритянскими государствами или за негритянской республикой Либеріей, основанной американскими и другими филантропами, гдѣ на манеръ европейскій заведены и президентъ, и палаты, и мировые судьи, и судъ присяжныхъ и т. д., но все это составляетъ область географическихъ и этнографическихъ очерковъ и вовсе не входитъ въ міровое движеніе исторіи. Итакъ, африканскій материкъ, въ отношеніи европейской цивилизаціи, стоитъ на очень низкой степени и имѣетъ для насъ только интересъ географическихъ изслѣдованій и открытій, которыми англійскіе и нѣмецкіе ученые и путешественники немало занимаются и въ числѣ которыхъ есть довольно большое число жертвъ.

2. Азія.

Исторія этой части свѣта, какъ нѣчто цѣлаго, только-что начинается; а между тѣмъ исторія одной части ея, извѣстной подъ названіемъ Азіатской, уже по большей части прошла; блестящій періодъ ея существованія кончился, еще за нѣсколько тысячелѣтій передъ этимъ. Вообще судьбы Азіи съ древнѣйшихъ временъ переплетаются съ европейскими. Изъ поверхности Азіи, состоящей изъ 882,000 кв. миль, или около того, 357,000 кв. миль находятся подъ европейскимъ владычествомъ, а именно подъ русскимъ и англійскимъ, въ сравненіи съ которыми французское, испанское, португальское, нидерландское, датское и даже, по площади довольно значительное, османское господство, ничтожны.

Императоръ Наполеонъ не отказывался отъ идеи опять пріобрѣсть утраченное значеніе французскаго господства въ восточной Азіи и не щадилъ усилій, чтобы сравнять свое вліяніе съ русскимъ и англійскимъ; это стремленіе нашло пищу и усилилось, по случаю насилій и жестокостей противъ католическихъ миссіонеровъ въ Кохинхинѣ, и повело за собою съ 1859 года цѣлый рядъ битвъ и попытокъ образовать французскія колоніи въ Кохинхинѣ, гдѣ анамскій императоръ въ са-

мой восточной части задней Индіи, принужденъ былъ уступить три провинціи и открыть нѣсколько гаваней для европейской торговли, въ 1862 году; еще не рѣшено, насколько пріобрѣтеніе это полезно для Франціи, или наоборотъ, еще неизвѣстно съумѣетъ ли Франція извлечь пользу изъ этой колоніи. Но такое распространеніе европейскаго владѣнія на новыя области азіатской почвы всетаки не измѣняетъ общаго характера отношеній; надобно припомнить, что на 70 милліоновъ магометанъ и 611 милліоновъ различныхъ языческихъ вѣроисповѣданій въ Азіи христіанъ всего приходится 12 милліоновъ и что несогласныя между собою и противодѣйствующія другъ другу христіанскія миссіи вовсе не заботятся о томъ, чтобы число христіанъ возрастало. Отдѣльныя личности, присоединившіяся къ христіанской церкви, теряются въ массѣ иновѣрцевъ язычниковъ и къ тому же, надобно сознаться, что миссіонерская дѣятельность имѣетъ больше вліянія и производитъ больше перемѣнъ въ европейской религіозной дѣятельности, нежели въ тѣхъ странахъ и въ тѣхъ народахъ, которые должны были бы служить цѣлью миссіонерской дѣятельности.

Самая важная перемѣна, происшедшая въ новѣйшей исторіи среднеазіятскихъ народовъ та, что монгольское государство, далѣе всѣхъ выдвинувшееся въ море, Японія, подчинилось европейскому вліянію и открыло прямыя сношенія съ Европой, а гавани для европейскихъ кораблей; это тѣмъ удивительнѣе, что Японія до сихъ поръ еще съ большимъ упорствомъ, нежели Китай, не хотѣла входить въ сношенія съ Европой. Въ теченіе 50 лѣтъ Японія заключала нѣсколько торговыхъ договоровъ съ различными европейскими государствами; послѣдній изъ нихъ былъ заключенъ съ Пруссіей; онъ открылъ торговый путь для цѣлаго германскаго таможеннаго союза и предоставилъ ему тѣже права, какими въ Японіи пользуются англійскія и сѣверо-американскія торговыя суда. Частыя сношенія съ Японіей опять обратили вниманіе Европы на законодательство этой островной страны; тамъ совершенно оригинальное управленіе: рядомъ съ свѣтскимъ императоромъ, Тайкуномъ, стоитъ духовный, нѣчто въ родѣ папы-Микадо; тамъ существуетъ наслѣдственное дворянство — дайміосы, наслѣдственные владѣльцы, которые своими свободными рѣшеніями ограничиваютъ императорское правительство; народонаселеніе Японіи очень густо; его въ порядкѣ и повиновеніи держитъ очень хорошо организованная полиція; дороги и почтовыя сообщенія прекрасны, техническое и промышленное развитіе народа достигло высокаго совершенства; съ 1858 до 1863 годовъ, Японія открыла для торговли съ Европой многія изъ своихъ гаваней и европейцамъ позволено даже селиться въ Іеддо, столицѣ Японіи. Но это нововведеніе не могло совершиться безъ сильной реакціи и безъ жестокаго внутренняго потрясенія Японіи. Раздраженный народъ выместилъ свою злобу на европейскихъ кварталахъ; одинъ изъ дайміосовъ, самый могущественный изъ нихъ, князь Нагато, дотого возмутился, что принуждены были силою европейскаго оружія смирить его и заставить подчиниться требованіямъ времени, да и духовный глава Японіи принужденъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія. Но, кажется, что европейскій прогрессъ окончательно перешагнулъ черезъ японскія твердыни и въ нынѣшнее время, японскія посольства уже не составляютъ болѣе рѣдкихъ явленій при европейскихъ дворахъ.

Не такъ благопріятно сложились отношенія въ могущественной Китайской имперіи; изъ 1,288 милліоновъ всѣхъ жителей земнаго шара, Китай считаетъ 500 милліоновъ на свою долю. Въ 1858 году, какъ мы говорили, миръ между Китаемъ, Англіей и Франціей подписанъ былъ въ Тіензинѣ. Но 25 іюня слѣдующаго 1859 года опять произошелъ разладъ: небольшая англійская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Гопе, везла англо-французское посольство въ Пекинъ; она поднималась противъ теченія рѣки Пэйхо; съ береговъ началась стрѣльба, эскадра отвѣчала и перестрѣлка завязалась; одною изъ причинъ возобновившихся непріязненныхъ столкновеній была торговля опіумомъ; мало пользы принесъ отвѣтъ индійскаго министра Вуда данный имъ, августа 1859 года, на адресъ, поднесенный ему обществомъ противящимся распространенію опіума: онъ далъ китайцамъ добрый совѣтъ употреблять опіумъ, какъ можно умѣреннѣе, потому что умѣренное употребленіе его не вредно.

Обида, нанесенная посольству, повела за собою опять соединенное вооруженное нападеніе обѣихъ западныхъ державъ на Китай. Это обстоятельство пришло императору Наполеону какъ разъ во-время, потому что помогло ему уничтожить господствующее въ Англіи подозрѣніе, будто онъ думаетъ о томъ, чтобы исполнить планы своего дяди и напасть на Англію. 21 ноября изъ Франціи отправились первыя войска, назначенныя въ Китай, а 21 августа 1860 года англо-французская экспедиція взяла форты Таку, въ устьѣ рѣки Пэйхо. Вслѣдъ за этимъ открылись переговоры въ Тіензинѣ. Но китайцы смотрѣли на нихъ только, какъ на средство оттянуть время; партія, искренно желавшая мира и, слѣдовательно, неизмѣнныхъ условій его — правильныхъ и прямыхъ, открытыхъ и честныхъ торговыхъ сношеній съ европейскими державами, — не могла провести своихъ желаній; даже императорскій принцъ, ближайшій родственникъ императора — принцъ Конгъ, ничего не могъ сдѣлать; союзники рѣшились двинуться прямо на Пекинъ; они могли вести только корпусъ въ 18,000, тогда какъ въ столицѣ китайской имперіи было нѣсколько милліоновъ жителей. 21 сентября союзники встрѣтились съ 40,000 китайскимъ войскомъ, почти въ окрестностяхъ Пекина, и разбили его близъ деревни Па-ли-ка-о, что дало французскому главнокомандующему Кузенъ - Монтобанъ, титулъ графа Па-ли-ка-о. Пекинъ, столица имперіи, сдался союзникамъ 13 октября, а самъ императоръ съ войскомъ удалился въ Татарію. Народонаселеніе столицы показывало только любопытство и крайнее удивленіе. Союзники думали, что имъ не худо дать китайцамъ довольно чувствительный урокъ, котораго они не забыли бы такъ скоро; они считали, что съ народомъ жестокимъ надобно говорить языкомъ, ему понятнымъ. Они положили императорскій загородный дворецъ, чудо китайской архитектуры и небывалыхъ украшеній, отдать солдатамъ на разграбленіе, и это было исполнено очень совѣстливо. Хотя эта мѣра противна чувству, но она оказалась дѣйствительною: китайскій императоръ увидѣлъ, на что способны прибывшіе варвары, и потому поторопился заключить съ ними миръ; миръ былъ заключенъ въ Пекинѣ 26 октября 1860 года. Китай заплатилъ союзникамъ 3 милліона фунтовъ стерлинговъ военныхъ издержекъ, отмѣнилъ законъ, запрещавшій выселеніе китайскихъ подданныхъ; городъ Каулунъ отданъ былъ англичанамъ, гавань города Тіензинъ, въ устьѣ рѣки Пэйхо, открыта для европейскихъ кораблей, а въ самомъ городѣ помѣщенъ европейскій гарнизонъ до исполненія мирныхъ условій; далѣе, въ самомъ Пекинѣ установлена резиденція постояннаго англо-французскаго посольства: вотъ условія, скрѣпленныя подписью принца Конга.

Императоръ, между тѣмъ, умеръ, хотя былъ еще очень молодой человѣкъ; онъ не вернулся даже въ свою столицу; наслѣдникомъ престола остался малолѣтній сынъ его; вмѣсто новаго императора государствомъ управлялъ регентъ, принцъ Конгъ, по своему усмотрѣнію; онъ не чуждался европейцевъ и даже не отказался воспользоваться ихъ помощью, чтобы подавить возмущеніе Тайпинговъ въ восточныхъ провинціяхъ, свирѣпствовавшее тамъ уже довольно продолжительное время. Эта междоусобная война окончилась въ іюлѣ 1865 г., взятіемъ приступомъ главнаго пункта всего возмущенія: императорскія войска вмѣстѣ съ союзными овладѣли приступомъ Нанкиномъ на Янцекіангѣ. Между тѣмъ, ново-китайское направленіе, желавшее войти въ сношенія съ Европой и поддерживавшее торговлю съ европейцами, утвердилось; слѣдствіемъ этого былъ цѣлый рядъ торговыхъ договоровъ съ европейскими державами: съ Пруссіей, Бельгіей, Испаніей, Португаліей, Даніей и т. д.

3. Америка.

Исторія Азіи, Австраліи и Африки съ точки зрѣнія всемірно-историческаго развитія жизни народовъ, есть только дополненіе къ исторіи европейскихъ государствъ, поэтому мы можемъ избавить себя отъ труда говорить о прочихъ государствахъ, какъ то: Персіи, о государствахъ задней Индіи, пока какое нибудь особенное обстоятельство не вынудитъ насъ обратить на нихъ, хотя бы мимолет-

ное вниманіе. Совсѣмъ не въ такомъ положеніи находится Америка. Исторія Америки уже съ половины прошедшаго столѣтія перестала быть исторіей европейскихъ колоній: она сдѣлалась самостоятельною и занимаетъ опредѣленное мѣсто въ ряду событій всемірно-историческихъ; къ тому же, по своему содержанію и значенію, вліяніе Америки на европейскія державы возрастаетъ съ году на годъ. Примѣръ отдѣленія, данный сѣверо-американскими штатами, нашелъ послѣдователей въ началѣ XIX столѣтія сперва въ испанскихъ колоніяхъ, а потомъ и въ португальской Бразиліи. Президентъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ Джемсъ Монрое, управлявшій съ 1817 по 1825 годъ, въ такой періодъ времени, когда все народонаселеніе бывшихъ англійскихъ колоній не превышало 10 милліоновъ, установилъ догматъ, получившій незыблемость аксіомы, что Америка въ своемъ управленіи не должна допускать никакого вмѣшательства европейскихъ державъ; возрастающее чувство самостоятельности и самосознанія народонаселенія Америки толковало эту доктрину Монрое—«Америка существуетъ только для американцевъ,» какъ неизмѣнный законъ, что всякое европейское владычество должно прекратиться, что въ Америкѣ отнынѣ должны быть только американцы. И надобно сказать, что въ цѣломъ, въ общемъ ходѣ вещей, на это правило смотрѣли, какъ на естественный, неизмѣнный законъ. Всякія попытки, какъ мы увидимъ, положить преграду этому закону природы, оканчивались дурно.

Часть свѣта, или правильнѣе, двѣ части свѣта, извѣстныя подъ однимъ общимъ названіемъ Америки, тянется на необозримомъ пространствѣ на 120° отъ Южнаго Ледовитаго моря до Сѣвернаго; въ ней встрѣчаются всѣ произведенія природы, свойственныя всѣмъ климатамъ земли; въ ней столько всевозможныхъ естественныхъ богатствъ, что она легко можетъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ своихъ жителей. Международныя отношенія въ Америкѣ заслуживаютъ того, чтобы занять мѣсто на страницахъ всемірной исторіи, несмотря на то, что народонаселеніе ея еще не установилось и съ каждымъ годомъ возрастаетъ. На площади въ 740,000 квадратныхъ миль, за 50 лѣтъ тому назадъ, жило около 50 милліоновъ душъ, а въ 1863 году ихъ уже насчитывалось до 85 милліоновъ, что круглымъ числомъ составляетъ по 75 человѣкъ на квадратную милю; все это—новое народонаселеніе, передъ которымъ туземное, считавшееся несравненно многочисленнѣе и доходившее при открытіи Америки, какъ предполагаютъ, до 40 милліоновъ, постепенно исчезаетъ и уничтожается, такъ что теперь туземцевъ остается очень мало. За 50 лѣтъ тому назадъ, изъ 50 милліоновъ жителей, чисто американской расы и метиссовъ, уцѣлѣло только 12 милліоновъ, изъ которыхъ 8 милліоновъ было негровъ, вывезенныхъ изъ Африки, 9½ милліоновъ смѣси негровъ съ другими расами, а остальное количество — чисто европейской, бѣлой расы. Также какъ и въ Европѣ Сѣверная Америка была населена преимущественно германскими протестантскими народами, а южная—романскими римско-католическими; и тутъ повторилось тоже, что въ Европѣ: германскія племена, если не числомъ, то умственнымъ, нравственнымъ и государственнымъ развитіемъ далеко оставили за собою романскія. Въ Америкѣ 17½ милліоновъ говорило по-англійски, болѣе 1 милліона по-нѣмецки, по-датски и по-шведски; 13½ милліоновъ по-испански, 4 м. по-португальски, 1 м. по-французски и 12½ мил. различными туземными американскими нарѣчіями; 44 милліона исповѣдывали христіанскую религію, изъ нихъ 23 мил. единую римско-католическую вѣру, 21 протестантскую и лютеранскую, со всѣми ея подраздѣленіями. Изъ американской площади во власти европейскихъ державъ оставалось большое пространство, а именно: около 180,000 кв. миль; самыя большія владѣнія принадлежали Англіи, потомъ Россіи, далѣе Испаніи, Франціи, Нидерландамъ, Даніи и Швеціи; но по числу народонаселенія участіе этихъ народовъ было очень незначительное, не составляло даже шестой части всего числа жителей и отношеніе это ежегодно уменьшалось, далеко не въ пользу этого непосреднаго европейскаго вліянія. Въ чисто американскихъ государствахъ республиканское начало постепенно упрочивалось, хотя еще и не вездѣ преобладало. Изъ числа 21 отдѣльнаго владѣнія, образовавшихся изъ прежнихъ европейскихъ колоній, 19 составляли свободныя государства, или республики, съ представительнымъ правленіемъ.

Говоря объ естественномъ раздѣленіи Америки на Южную, Среднюю и Сѣверную, мы бросимъ только бѣглый взглядъ на первую. Величайшее изъ южноамериканскихъ государствъ, Бразилія, простирающаяся на 147,000 кв. миль, единственное изъ южноамериканскихъ владѣній, покончило безъ большихъ потрясеній съ своимъ прошедшимъ, отрѣшилось отъ европейскаго владычества и упрочило свое существованіе подъ управленіемъ благоразумной, наслѣдственной, монархической династіи, ограниченной умѣренною конституціей. Медленно и лѣниво распространяется цивилизація отъ береговъ океана во внутреннія области; распространенію ея препятствуетъ слишкомъ большое плодородіе почвы, слишкомъ большая производительность ея, которая позволяетъ жителямъ больше отдыхать, чѣмъ работать, и развиваетъ въ нихъ склонность къ нѣгѣ и покою; не смотря на это, прогрессъ есть, хотя и медленный, но за то успѣхи его прочны; политическія потрясенія, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, не коснулись основы политическаго существованія Бразиліи, потому что первое мѣсто въ государственномъ строѣ недоступно для честолюбія начальниковъ партій. Между остальными республиканскими владѣніями, только самое меньшее, полуиндѣйскій внутренній штатъ Парагвай, правда очень плохо населенный, можетъ похвалиться такимъ же спокойствіемъ, потому что тамъ государственная власть фактически существовала въ республиканскихъ формахъ. Послѣ смерти основателя республики, Франсіа въ 1840 году, ему спокойно наслѣдовалъ племянникъ его Антоніо Лопецъ. Въ остальныхъ государствахъ Южной Америки, въ пріантильскихъ — Венецуэлѣ и Новой Гренадѣ, въ прилегающихъ къ Тихому океану — Экуадоръ, Перу, Боливіи, Чили, равно какъ и тѣхъ, которыя расположены по Ла-Платѣ — въ Аргентинской республикѣ, Уругваѣ, мы видимъ вѣчное повторепіе переворотовъ безъ опредѣленной цѣли; тутъ власть постоянно переходитъ отъ одного честолюбца къ другому, происходятъ перевороты, при которыхъ только имя измѣняется, а дѣло остается тоже. Неимовѣрно богатая природа, не переставая, разсыпаетъ свои богатства передъ лѣнивымъ народонаселеніемъ, которое жаждетъ только перемѣнъ и нравственныхъ потрясеній; богатыя произведенія природы, по большей части, пропадаютъ на корню, не принося никому пользы. Отъ времени до времени постоянное однообразіе заговоровъ, междоусобныхъ войнъ, перемѣны президентовъ, или убійствъ нарушается столкновеніемъ съ одной изъ европейскихъ державъ; изъ нихъ одно, бывшее между Перу и Испаніей въ 1863 году, взволновало всю часть свѣта. Большія надежды, возлагавшіяся на конгрессъ въ Лимѣ, куда собрались представители большей части южноамериканскихъ владѣній, и устроенный безпокойнымъ, энергическимъ генераломъ Рамонъ Ла Кастиліо президента Перу, ничѣмъ не окончились и не привели ни къ чему.

Обстоятельства, сложившіяся во всѣхъ прежнихъ испанскихъ колоніяхъ, были такого рода, что привлекли на себя вниманіе всей Европы. Тѣ же самыя волненія, какъ въ Мексикѣ, мы видимъ и въ прилежащихъ къ нимъ республикахъ центральной Америки: Никарагва, Гватемала, Санъ-Сальвадоръ, Гондарасъ, Костарика; чтобы положить конецъ волненіямъ, три европейскія державы въ 1861 году составили между собою союзъ противъ Мексиканской республики, чтобы оружіемъ принудить ее принять предписываемые ей законы; ходъ предпріятія и то, что около того же времени происходило въ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатахъ взволновало европейскій міръ и держало его въ напряженномъ состояніи.

Мексика, завоеванная Кортесомъ въ 1519 году, по величинѣ своей въ четыре раза больше всего Германскаго Союза, вмѣстѣ взятаго; въ 1810 году она возстала противъ испанскаго владычества. Испанскіе кортесы единодушно отвергли договоръ, по которому имъ предлагалось признать независимость Мексики, подъ управленіемъ испанскаго инфанта; послѣ этого, какъ мы уже говорили, народъ и войско мексиканское избрали президента мексиканской исполнительной юнты, главнокомандующаго генерала Августина Итурбида въ императоры, а по конгрессу 18 іюня 1822 года императорскій титулъ объявленъ наслѣдственнымъ въ домѣ Августина I. Но этой имперіи не признали ни южноамериканскія республики, ни Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты, да и внутри государства было много несогласныхъ съ этимъ людей. Самый могуществен-

ный изъ противниковъ былъ генералъ Санта-Анна, и уже въ мартѣ 1823 года императоръ Августинъ принужденъ былъ отказаться отъ престола и удалиться въ Европу; и что еще хуже — возвратился въ отечество только для того, чтобы умереть, какъ преступникъ. Такимъ образомъ республиканское начало и здѣсь взяло перевѣсъ, но отъ этого положеніе страны не улучшалось. Партіи, или тѣ скопища, которыя носили названіе партій, и ихъ предводители воевали другъ съ другомъ; въ сущности же было все равно, которая изъ нихъ брала верхъ; не все ли равно было для народа, кого величали «Alteza serenissima» ваше свѣтлѣйшее величество,—Герреру или Передеса. Какъ бы то ни было, но въ характерѣ романскихъ народовъ лежитъ замѣчательная черта, сживаться со всякимъ правительствомъ, даже съ анархіей; тѣмъ болѣе сносливости показывалъ всякій сбродъ цвѣтныхъ и помѣсей, составляющихъ 8 милліоновъ всего народонаселенія Мексики, кромѣ 1,200,000 чисто бѣлыхъ; все, что могло побѣждать, то пировало и угнетало побѣжденныхъ, которые, въ свою очередь, терпѣли и помышляли, какъ бы лучше и дѣйствительнѣе мстить. Частная жизнь народной массы идетъ своимъ порядкомъ, стараясь по возможности избѣгать политическихъ приливовъ и отливовъ и дѣйствительно устраиваясь такъ, что они почти не касаются рабочихъ силъ народа.

Гораздо больше затрудненій и неудобствъ представляла война, въ которую республика втянулась съ Соединенными Сѣверо-американскими Штатами, въ 1846 году. Она окончилась несчастливо; тѣ же самыя сцены, свидѣтелемъ которыхъ былъ городъ Мексико во времена Кортеца, вновь повторились; послѣ трехдневнаго кровопролитнаго сопротивленія, войско Соединенныхъ Штатовъ подъ начальствомъ генерала Скотта взяло городъ; его соотечественники, обрадованные успѣхомъ, прославили его, какъ величайшаго полководца текущаго времени. Президентъ Санта Анна бѣжалъ, на мѣсто его избранъ другой, Анапа; онъ немедленно готовъ былъ приступить къ мирнымъ переговорамъ: но отъ войскъ Соединиенныхъ Штатовъ такъ легко нельзя было отдѣлаться; президентъ штатовъ, Джемсъ Полкъ, въ своемъ посланіи объявилъ, что войска Соединенныхъ Штатовъ до тѣхъ поръ будутъ занимать Мексику, пока не установится прочное правительство, которое могло бы служить гарантіей мира, и которое готово было бы вознаградить за прошедшее и служило бы ручательствомъ въ будущемъ. Наконецъ, 2 февраля 1848 года, миръ окончательно состоялся: Мексиканская республика уступила Соединеннымъ Штатамъ верхнюю Калифорнію, Новую Мексику и Техасъ, все области граничащія съ ними — небольшое пространство, въ три раза больше Пруссіи; кромѣ того деньгами заплатила 15 милліоновъ долларовъ военныхъ издержекъ.

Не смотря на эту уступку, Мексика оставалась все-таки значительнымъ владѣніемъ, въ 40,000 кв. миль поверхности; находясь между 15 — 33° сѣверной широты, она лежитъ въ климатѣ, который богато вознаграждаетъ даже умѣренную работу; почва, по своему свойству, тоже по большей части плодородная. Но такъ какъ Мексика лежитъ на различныхъ высотахъ и составъ почвы ея не одинаковый, то и климатъ въ ней, смотря по мѣстности, различный; двѣ терассы, которыя тянутся по обоимъ приморскимъ берегамъ, составляютъ самую знойную часть Мексики, Terra caliente; она простирается до 1800 ф. надъ поверхностью моря, и отличается своими злокачественными лихорадками; но когда путешественникъ минуетъ эту вредную полосу и добирается до прекрасной, плодородной плоской возвышенности, Terra templada, которая простирается отъ 1,800 до 7,000, онъ какъ бы переносится въ благословенную Богомъ страну; лихорадки уничтожаются, какъ волшебствомъ, климатъ умѣренный, походитъ на вѣчно благорастворенную весну; растительность роскошная, тропическая; и далѣе въ горы, климатъ здоровый, растительность, постепенно измѣняясь, сообразно высотѣ, остается роскошною, и снѣжная линія начинается только на 14,000 ф. и покрываетъ бѣлымъ покровомъ только самыя высокія точки Кордильеръ.

Богатство произведеній природы необозримое: оно заключаетъ въ себѣ всѣ возможныя сокровища земли, моря и подземной глубины — ни одинъ изъ запасовъ природы еще не истощился, многіе еще лежатъ нетропутые, а до нѣкоторыхъ человѣческая рука только слегка коснулась; то, чего природа сама не от-

крыла человѣку, до чего онъ долженъ доискиваться самъ, путемъ изученія, лежитъ здѣсь еще нетронуто въ ея таинственной глубинѣ. Туземцы, или по нерадѣнію, или по невѣжеству, или по лѣности не разрабатывали сокровищъ, нагроможденныхъ природой; съ этой цѣлью сюда, на болѣе длинный или короткій срокъ, наѣзжали англичане, французы, нѣмцы и испанцы.

Само собою разумѣется, что этимъ пришельцамъ приходилось не мало терпѣть отъ анархіи, опустошавшей страну. Преимущественно двѣ партіи оспаривали другъ у друга господство — либералы и клерикалы. Но враждою партій пользовались отдѣльныя личности для своего обогащенія; при общей неурядицѣ наживались безчисленные предводители отдѣльныхъ бандъ; въ этой мѣстности господствовала одна партія, такой-то предводитель банды въ томъ городѣ, или въ этомъ округѣ, другой — въ другомъ округѣ и т. д.; кровь лилась то тутъ, то тамъ, но больше ограничивались грабежемъ и поджогами; другъ другу старались наносить какъ можно больше вреда. Въ началѣ 1861 года либералы взяли верхъ; ихъ вождь, индѣецъ Хуарецъ, перенесъ свое управленіе изъ Вера-Круца въ Мексику; посланники иностранныхъ державъ признали его и конгрессъ выбралъ его президентомъ республики. Продолжительная междоусобная война, въ теченіе которой народъ больше грабилъ, нежели работалъ, довела наконецъ состояніе финансовой системы до крайняго разоренія; одно банкротство слѣдовало за другимъ, государственная казна была пуста, начали прибѣгать къ насилію, чтобы пополнить ее; такъ какъ клерикальная партія была побѣждена, то ей пришлось расплачиваться и за себя и за другихъ; но и этого было недостаточно, чтобы пополнить пробѣлы. Пришлось пожертвовать даже церковнымъ серебромъ, чтобы съ одной стороны удовлетворить требованіямъ собственныхъ приверженцевъ, съ другой насытить алчность побѣдителей. Но грабежъ и анархія—плохіе источники для финансовъ; нужда увеличивалась; правительство не находило средствъ покрывать своихъ ежедневныхъ расходовъ; наконецъ положеніе сдѣлалось до того отчаянное, что президентъ, съ согласія конгресса, при большинствѣ 112 голосовъ противъ 4 только, издалъ декретъ 17 іюля 1861 года, въ которомъ извѣщалъ, что правительство прекращаетъ всѣ иностранные платежи впредь на два года. Этого выносить нельзя было, мѣра долготерпѣнія европейцевъ переполнилась; представители Англіи и Франціи немедленно прервали всѣ дипломатическія сношенія съ мексиканскимъ правительствомъ и 31 октября того же года, три болѣе всего заинтересованныя европейскія державы — Англія, Испанія и Франція подписали въ Лондонѣ соглашеніе: всѣмъ вмѣстѣ вмѣшаться въ мексиканскія дѣла. Денежныя претензіи этихъ иностранныхъ державъ были довольно значительныя, сумма ихъ приблизительно равнялась 116 пезосъ, т. е. около 130 мил. руб. При составленіи конвенціи три договаривающіяся державы положили отказаться отъ всякой попытки расширенія собственныхъ предѣловъ и отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Мексики; далѣе на тѣхъ же условіяхъ пригласить Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты присоединиться къ составленному союзу. Но Соединенные Штаты не захотѣли принимать участія и отказались. Неудивительно, что въ новомъ свѣтѣ съ самаго начала въ штатахъ южной Америки очень недовѣрчиво смотрѣли на эту экспедицію.

Испанцы съ застарѣлыми денежными требованіями, еще восходившими ко временамъ собственнаго владычества, первые явились на мѣстѣ дѣйствія. Декабря 8, въ 1861 году, испанская военная эскадра явилась передъ гаванью Вера-Круцъ и требовала сдачи города. Мексиканскій мѣстный начальникъ вывелъ гарнизонъ изъ города, сперва запретивъ жителямъ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, доставлять съѣстные припасы испанцамъ; 18 испанцы высадились и заняли городъ. Конгресъ республики разошелся, но прежде далъ президенту Хуарецу диктаторскую власть; онъ тотчасъ сдѣлалъ воззваніе къ народу, призывая его на защиту отечества. При этомъ онъ употребилъ манеру чисто цивилизованнаго народа и говорилъ съ нимъ, какъ съ такимъ: «пусть наши невоинственны враги, говорилъ онъ», продолжаютъ жить въ мирѣ и въ безопасности, подъ покровительствомъ нашихъ законовъ. «Французамъ предоставлено было дать примѣръ жестокой несправедливости противъ мирныхъ, ни во что невмѣшивающихся граж-

данъ, безпощадно выгонять беззащитныхъ, и притѣснять изъ за-того только, что они принадлежатъ къ народу, съ которымъ правительство ведетъ войну.»

Въ январѣ 1862 года прибыли англійскія и французскіе войска въ Вера-Круцъ. Но съ самаго начала между союзниками уже замѣтно было несогласіе. Англійскіе и испанскіе уполномоченные должны были сознаться, что вознагражденіе, какое требовала Франція, было слишкомъ преувеличено; кромѣ того, банкиръ Джекеръ (Iecker), вошедшій въ денежныя дѣла, не совсѣмъ чистыя, съ графомъ Морни, «который вѣчно нуждался въ какой нибудь парѣ милліоновъ», былъ недостаточно обложенъ по мексиканскимъ долговымъ обязательствамъ; какъ бы то ни было, но представители трехъ державъ написали общую ноту Хуарецу. Онъ предложилъ съ своей стороны, чтобы уполномоченные союзниковъ, съ почетною стражею въ 2000 человѣкъ явились въ Оризабу и тамъ вошли въ переговоры съ мексиканскими уполномоченными, но чтобы между тѣмъ остальное войско союзниковъ было отослано обратно въ Европу. Англичане думали только о томъ, какъ бы покончить дѣло поскорѣе и по возможности миролюбиво; они отправили обратно въ Гаванну начальника клерикальной партіи, Мирамона, враждебнаго Хуарецу; Мирамонъ съ нѣсколькими приверженцами прибылъ къ союзникамъ 27 января. Мексиканское правительство убѣдилось, что дѣло не до шутокъ, оно наконецъ согласилось послать своего министра иностранныхъ дѣлъ, Добладо въ Соледадъ для личнаго свиданія и переговоровъ съ главно-начальствующимъ испанскими войсками генераломъ Примомъ; свиданіе произошло 19 февраля и окончилось конвенціей. По этой Соледадской конвенціи мексиканское правительство формально убѣдилось, что союзники не имѣютъ ни малѣйшаго намѣренія противодѣйствовать республиканскому правленію въ Мексикѣ; на основаніи этого убѣжденія и согласно конвенціи, переговоры на счетъ требованій союзниковъ начались въ Оризабѣ; пока они длились, союзное войско, страдавшее отъ лихорадокъ въ жаркой полосѣ, переведено было въ три города, находящіеся на возвышенной, умѣренной терассѣ, съ условіемъ, ежели переговоры по какому нибудь поводу будутъ прерваны, то союзныя войска обязаны вновь занять позиціи, въ которыхъ находились до начала ихъ. Такъ все и произошло; войска двинулись съ своихъ прежнихъ квартиръ и заняли указанныя имъ новыя квартиры; англійскій военный экипажъ между тѣмъ тотчасъ опять сѣлъ на корабли въ Вера-Круцѣ, чтобы плыть обратно въ Европу. Между тѣмъ одинъ изъ начальниковъ клерикальной партіи, Альмонте, бывшій мексиканскимъ посланникомъ въ Парижѣ, прибылъ въ Вера-Круцъ и объявилъ, что у него есть особенное порученіе къ мексиканскому правительству отъ французскаго императора и потому французскій отрядъ проводилъ его въ Кордову, одинъ изъ городовъ, занятыхъ союзными войсками. Очевидно было, что здѣсь что-то предпринималось касательно экспедиціи, уже имѣвшей значительный успѣхъ мирнымъ путемъ; немедленно французскій уполномоченный, адмиралъ Жюріенъ де-Гравьеръ, сбросилъ маску; онъ объявилъ 24 марта, что намѣренъ отвести свое войско на позицію выговоренную въ Соледадской конвенціи, въ случаѣ прекращенія переговоровъ; это объявленіе пополнилъ онъ программой, представленной англійскимъ и испанскимъ уполномоченнымъ; онъ требовалъ: во первыхъ, полной и безусловной амнистіи для всѣхъ политическихъ изгнанниковъ; во вторыхъ позволенія союзнымъ войскамъ двинуться въ столицу, чтобы тамъ охранять общественное спокойствіе, и тоже самое предлагалось уполномоченнымъ договаривающихся сторонъ, чтобы установить, какимъ образомъ лучше и прочнѣе утвердить общее народное спокойствіе. Французское правительство произнесло одно изъ своихъ громкихъ рѣшеній, оно хотѣло быть: «защитникомъ возраждающейся Мексики.»

Но ни англійскій, ни испанскій уполномоченный не имѣли ни малѣйшаго желанія принимать участія въ такомъ безумномъ предпріятіи. Каждый, даже самый поверхностный наблюдатель могъ осязательно убѣдиться въ опасностяхъ его; къ тому же сколько разъ Мексика ни возрождалась бы, все-таки она отъ этого не сдѣлалась бы лучше и счатливѣе, чѣмъ была. Въ одномъ изъ совѣщаній въ Оризабѣ, 9 апрѣля, это мнѣніе было высказано, подтверждено и сообщено мексиканскому правительству. Оно, съ своей стороны, объявило, что готово вступить въ сепа-

ратные переговоры съ испанскими и англійскими уполномоченными, что и было принято; но въ то же время президентъ Хуарецъ издалъ прокламацію, призывавшую мексиканцевъ всѣхъ возрастовъ къ оружію, начиная съ 21 до 60 года.

Итакъ французы одни остались во враждебныхъ отношеніяхъ. Ихъ уполномоченные издали, 16 апрѣля 1862 года, прокламацію къ мексиканскому народу. Смыслъ ея заключался въ томъ, что необходимо установить прочный порядокъ вещей, который дѣлалъ бы экспедиціи, подобныя настоящей, ненужными. «Знамя Франціи водружено на мексиканской почвѣ», говорилось въ прокламаціи, «оно ни передъ чѣмъ не отступаетъ и ни передъ кѣмъ не преклоняется; пусть люди благоразумные смотрятъ на него, какъ на символъ дружбы, а люди легкомысленные пусть только попытаются напасть на него!» Испанскіе и англійскіе уполномоченные кончили переговоры и, подписавъ соглашеніе, уже сѣли на корабли съ своими отрядами и отправились обратно въ Европу; французскій отрядъ въ 6000 ч., усиленный незначительнымъ числомъ приверженцевъ Альмонте, двинулся впередъ, но при Пуэбло потерпѣлъ довольно сильное пораженіе и принужденъ былъ возвратиться на свое прежнее мѣсто; мексиканскій побѣдитель, генералъ Сарагоса, осмѣлился даже предложить французамъ капитуляцію. Глава клерикальной партіи, генералъ Альмонте, считая стеченіе обстоятельствъ очень удачнымъ для себя, объявилъ себя въ Вера-Крусѣ президентомъ республики, но вновь прибывшій съ подкрѣпленіемъ въ Вера-Круцъ французскій генералъ Форси съ 22 сентября принялъ на себя главное начальство надъ войскомъ и, взявши въ свои руки политическія дѣла, принудилъ Альмонте отказаться отъ захваченнаго титула, потому что онъ теперь дѣлался лицомъ совершенно ненужнымъ и посторонним, и дѣло, начатое съ клерикальными цѣлями, теперь получило обширнѣйшее значеніе, оттѣнокъ общечеловѣческихъ и національно-французскихъ интересовъ. Въ письмѣ отъ 3 іюля, адресованномъ генералу Форси, императоръ Наполеонъ изложилъ побудительныя причины и высшія цѣли своего предпріятія. Оружіе частію направлено было противъ Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ, о критическомъ положеніи которыхъ будемъ говорить ниже. Благосостояніе Америки, говорилось въ письмѣ, при нынѣшнемъ состояніи цивилизаціи, для Европы не можетъ быть безразлично; для Франціи не маловажный интересъ заключается въ могуществѣ и процвѣтаніи Соединенныхъ Штатовъ; но не было ни малѣйшей надобности въ томъ, чтобы весь Мексиканскій заливъ, со всѣми его берегами, находился въ ихъ власти, чтобы имъ оттуда господствовать надъ Антилламп и Южной Америкой и забрать въ свои руки всю торговлю произведеніями новаго свѣта. Дѣло состояло въ томъ, чтобы при помощи французскаго войска установить въ Мексикѣ прочное и постоянное правительство, чтобы такимъ образомъ возвратить латинскимъ народамъ по ту сторону океана утраченные ими блескъ и силу. «Итакъ, оканчивался этотъ странный манифестъ, «наша воинская честь, потребности нашей политики, выгоды нашей промышленности и торговли, однимъ словомъ, все наше благостояніе требуетъ отъ насъ, чтобы мы подняли оружіе на Мексику, смѣло водрузили тамъ наше знамя, чтобы основать тамъ монархію, если только это не вполнѣ противорѣчитъ національному чувству, или установить иное правительство, довольно сильное для того, чтобы служить ручательствомъ ненарушимости правъ и отношеній народныхъ.»

Генералъ Форси взялся одинъ вести дипломатическія и военныя дѣла и попытался въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ прокламаціяхъ разъяснить мексиканцамъ, какія выгоды ихъ ожидаютъ при существующемъ, благопріятномъ положеніи дѣлъ, подъ сѣнью французскаго знамени. Октября 20 вновь собрался мексиканскій конгрессъ и, снабдивъ своего президента всѣми потребными полномочіями, издалъ манифестъ, которымъ признавалъ вторженіе французовъ совершенно незаконнымъ. Такъ какъ французская прокламація давала возможность противопоставить ей слова, вполнѣ соотвѣтствующія ей, то этимъ и воспользовались мексиканцы. — «Франція объявляетъ, что она не хочетъ вести войны съ Мексикой, а только съ ея правительствомъ, такъ и оно съ своей стороны объявляетъ, что ведетъ войну не съ Франціей, а только съ ея императоромъ, обма-

номъ захватившимъ престолъ и который теперь, увлеченный честолюбіемъ, намѣревается завоевать большую и богатую страну, чтобы распоряжаться судьбами цѣлой части свѣта.» — До половины ноября французское войско возросло до 40,000 чел., но главнокомандующій, до конца года, оставался въ Оризабѣ, запасаясь съѣстными припасами и скупая муловъ; 23 февраля 1863 года онъ двинулся въ походъ и подступилъ къ Пуэбло, между тѣмъ сильно укрѣпленному мексиканскими инженерами.

Только 16 марта началась осада, и два мѣсяца спустя можно было начать обстрѣливаніе города осадными орудіями, привезенными для этой цѣли изъ Франціи. 17 мая пробита была брешь, и генералъ Ортега, послѣ 50-дневной защиты, сдался въ плѣнъ съ двѣнадцати тысячнымъ гарнизономъ, по большей части безоружнымъ; въ числѣ сдавшихся было однихъ генераловъ 26; это показываетъ, какъ много ихъ было въ мексиканскомъ войскѣ и какъ легко достигаютъ этого званія вообще во всѣхъ областяхъ, нѣкогда составлявшихъ испанскія колоніи; 19 Фанси торжественно вступилъ въ городъ. Хуарецъ видѣлъ, что ему не отстоять столицы, и потому онъ покинулъ ее съ войскомъ и съ правительствомъ. Онъ двинулся на сѣверъ; изъ Санъ-Луиса Потози онъ опять издалъ манифестъ, призывавшій мексиканцевъ не покидать оружія и приглашавшій ихъ продолжать войну; между тѣмъ 7 іюня генералъ Базенъ съ авангардомъ, а 10 Форси съ главными силами французской арміи, вступили въ Мексику. Тутъ немедленно французы приступили къ устройству новаго правительства; его членами избраны были генералы Альмонте, Саласъ и Лабастидъ; за тѣмъ созвано было собраніе мексиканскихъ нотаблей, въ которые самъ генералъ Фанси назначилъ 215 членовъ. Собраніе нотаблей было торжественно открыто 8 іюля, оно очень охотно согласилось принять взглядъ императора Наполеона, который съ своей стороны тоже не оставался праздныхъ; онъ пріискивалъ кандидата на вновь учреждаемый престолъ и такой кандидатъ дѣйствительно нашелся: это былъ братъ австрійскаго императора, эрцгерцогъ Максиміліанъ родившійся 6 іюля 1832 года, и бывшій въ супружествѣ съ дочерью короля бельгійскаго. Выборъ, казалось, былъ сдѣланъ хорошій; эрцгерцогъ былъ человѣкъ очень образованный, доброжелательный, съ рыцарскимъ направленіемъ и идеальною честностью; онъ обладалъ многими основательными знаніями, взглядъ у него былъ многосторонній и свѣтлый; онъ былъ дѣятеленъ и съ давнихъ временъ преданъ мечтѣ, поглощавшей всѣ его мысли: «возстановить блескъ» габсбургскаго дома въ предѣлахъ заатлантическихъ, тамъ, гдѣ онъ такъ пышно свѣтился въ дни Карла V; кромѣ того ему льстила надежда возобновить политическое устройство мексиканскаго общества, нуждавшагося въ человѣкѣ, несвязанномъ личными интересами съ различными туземными партіями, человѣка безпристрастнаго и готоваго служить народу для его счастія и безопасности. Въ этомъ благородномъ, хотя и неудачномъ стремленіи, его поддерживала его супруга, съ малолѣтства воспитанная для благородной и возвышенной дѣятельности.

11 іюля 1863 года собраніе нотаблей, подъ французскимъ вліяніемъ, рѣшило учредить наслѣдственную, самодержавную монархію и избрало императоромъ мексиканскимъ австрійскаго эрцгерцога Максиміліана. Въ случаѣ, еслибы онъ не принялъ предложенной ему короны, то положено было просить императора Наполеона указать на инаго принца, къ которыму онъ имѣлъ бы такое же довѣріе, какъ къ этому. Депутація была отправлена въ Европу съ тѣмъ, чтобы извѣстить эрцгерцога объ этомъ рѣшеніи, а мексиканскими дѣлами, тѣмъ временемъ, управлялъ тріумвиратъ—Альмонте, Лабастида и Саласа, подъ верховнымъ руководствомъ генерала Базена, которому маршалъ Форси вручилъ полномочіе, ему данное. 30 октября 1863 года, эрцгерцогъ принялъ мексиканскую депутацію въ своемъ замкѣ Мирамара, близъ Тріеста. Онъ объявилъ, что можетъ принять мексиканскій престолъ только въ такомъ случаѣ, если будетъ призванъ на него единодушнымъ плебисцитомъ народнымъ, и что тогда, подобно своему брату, дастъ имперіи конституцію, подтвержденную клятвенно съ той и другой стороны.

Такъ называемаго мнимаго плебисцита, этой до основанія ложной наполео-

новской системы, добиться было не трудно. Въ Мексикѣ эта жалкая комедія разыгрывалась очень просто, подъ покровительствомъ, или подъ дуломъ французскаго оружія; республиканскія шайки, за которыми нельзя было угоняться, вовсе не подавали голосовъ; постоянные осѣдлые республиканцы должны были, затаивъ злобу, смириться передъ силой и выбирать императора, который былъ имъ не по вкусу; но дѣлать было нечего. Пока въ Мексикѣ, всѣми правдами и неправдами, собирали голоса, эрцгерцогъ устанавливалъ свои условія съ императоромъ Наполеономъ; онъ отказался отъ своихъ правъ на наслѣдство австрійскаго престола, точно опредѣлилъ свои права и отношенія; 10 апрѣля 1864 года принялъ вторую мексиканскую депутацію, составленную изъ 20 человѣкъ, и согласился принять мексиканскій престолъ; онъ назначилъ генерала Альмонте своимъ намѣстникомъ до своего прибытія въ Мексику. Но тутъ же принужденъ былъ обременить свои еще несуществующіе будущіе мексиканскіе финансы сильнымъ гнетомъ въ пользу Франціи. Онъ своимъ первымъ декретомъ сдѣлалъ государственный заемъ въ 200 милліоновъ франковъ. Путь свой къ новому назначенію освятилъ онъ благословеніемъ папы, за которымъ лично отправлялся въ Римъ; запасшись такимъ неоцѣненнымъ ручательствомъ въ счастливомъ и успѣшномъ правленіи, онъ вмѣстѣ съ своей супругой сѣлъ на корабль и прибылъ въ Вера-Круцъ 29 мая. Іюня 12 они торжественно въѣхали въ Мексику и въ день своего рожденія, 6 іюля, императоръ началъ свое правленіе амнистіею въ обширномъ смыслѣ.

Мы съ величайшимъ сочувствіемъ слѣдимъ за дѣйствіями этой несчастной жертвы благороднаго самообольщенія и чужаго своекорыстія. Въ полѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ французовъ. Предводитель мексиканской національной партіи, если она только заслуживаетъ этого названія, Хуарецъ, принужденъ былъ удалиться на сѣверъ въ Чихуанха. Въ столицѣ учреждена была одна комиссія для правильной организаціи военныхъ силъ, другая—для приведенія въ ясность финансовыхъ обстоятельствъ; полевая земская стража была учреждена противъ бродячихъ повсюду шаекъ солдатъ и разбойниковъ; цензура уничтожена. Въ августѣ новый императоръ предпринялъ круговое путешествіе по своимъ провинціямъ, на сколько онѣ были доступны. При этомъ онъ нашелъ самую преданную, оживленную, радостно-восторженную встрѣчу со стороны индѣйскаго народонаселенія, если только это выраженіе можно примѣнить къ своевольному, непостоянному народу, который также легко поддается впечатлѣнію, какъ забываетъ его, на которомъ, какъ въ зеркалѣ, все ярко отражается, не оставляя слѣдовъ. Максиміліанъ не нашелъ въ Мексикѣ партіи честныхъ и безкорыстныхъ людей, готовыхъ содѣйствовать его собственнымъ честнымъ и безкорыстнымъ стремленіямъ. Первыя препятствія встрѣтилъ онъ въ клерикальной партіи, въ той именно, отъ которой прежде всего можно было ожидать помощи. Декабря 10 прибылъ папскій нунцій монсиньоръ Мелліа; онъ привезъ отъ папы письмо съ основными правилами конкордата, который предполагалось заключить съ Мексикой; можно себѣ представить, что стояло въ конкордатѣ, если припомнить, что именно въ это время въ Римѣ ковали всѣ тѣ договоры и конкордаты, которые надѣлали столько зла и несчастій въ Европѣ и которые направлены были противъ новѣйшаго духа времени. Къ величайшему удивленію императора Максиміліана, нунцій, между разными актами, не привезъ главнаго, существеннаго для успокоенія народа, а именно, полномочія для разрѣшенія вопросовъ касательно церковныхъ имуществъ и для установленія въ нихъ правильныхъ отношеній. Удивляться такому недостатку довѣренности и предусмотрительности со стороны папы было нечего: Максиміліанъ долженъ былъ знать, что клерикальная партія въ Римѣ самая своекорыстная, жестокая и ограниченная изъ всѣхъ партій въ мірѣ, и если кто на нее надѣется и считаетъ ее своей опорой, тотъ погибъ безвозвратно еще прежде, чѣмъ взялся за дѣло; такимъ образомъ онъ самъ долженъ былъ бы считать себя обреченнымъ гибели еще до того времени, когда нога его ступила на почву мексиканской имперіи.

Церковныя имущества были проданы при республиканскомъ правительствѣ; интересы, порожденные этимъ распоряженіемъ, были такого рода, что требовали вниманія правителя, и было крайне необходимо привести ихъ въ порядокъ; импе-

раторъ рѣшился, не входя по этому поводу въ дальнѣйшіе переговоры съ Римомъ, привести эти дѣла въ ясность, и въ такомъ смыслѣ далъ необходимыя инструкціи своему министру Эскудеро: «будьте, въ смыслѣ свободной обширной терпимости, дѣятельны, но при этомъ, однакожь, не упускайте изъ виду, что господствующая религія есть римско-католическая.»

Однакожь, не смотря на мелкія и крупныя препятствія, сопряженныя со всякимъ началомъ вообще, а здѣсь больше, нежели гдѣ бы то ни было, все-таки начало царствованія было не дурное. До окончанія года авторитетъ императора былъ упроченъ въ большей части областей и императоръ мексиканскій признанъ всѣми великими европейскими державами и многими малыми. Недоставало только признанія со стороны Соединенныхъ Штатовъ, а это было крайне важно; было бы лучше, еслибы всѣ остальныя главныя и второстепенныя державы, вмѣстѣ взятыя, не признавали мексиканской имперіи; хотя Сѣвероамериканскіе Штаты все еще вели упорную борьбу съ внутренними врагами своими, но все-таки у нихъ осталось довольно времени, чтобы не допускать габсбургской или другой какой либо европейской династіи пускать корни на американской почвѣ.

Самое большое и знаменательное всемірно-историческое событіе 18 столѣтія, кромѣ французской революціи, было основаніе сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ, такъ и названныхъ въ конфедераціи 8 іюля 1778 г.; въ 1787 г. законодательство ея установилось на основаніи знаменитаго утвержденія Народнаго Права, только-что утвержденнаго и обнародованнаго. Въ теченіе слѣдующаго за тѣмъ полустолѣтія Соединенные Штаты разростались, распространялись и заняли огромное пространство земли, самою природою предоставленное въ ихъ распоряженіе. Территорія Штатовъ простирается отъ 24 до 29° сѣв. шир. и въ шестидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія обнимала пространство въ 150,000 квадратныхъ миль. Народонаселеніе штатовъ постоянно возрастаетъ; во первыхъ естественнымъ путемъ: замѣчено, что во всѣхъ американскихъ семействахъ бываетъ помногу дѣтей, это характеристическая черта для всѣхъ переселенцевъ; во вторыхъ, народонаселеніе увеличивается отъ постояннаго наплыва переселенцевъ: считаютъ круглымъ числомъ, что ежемѣсячное приращеніе народонаселенія черезъ переселеніе, составляетъ до 20,000 человѣкъ. По первому цензу въ 1790 году оказалось, что все народонаселеніе штатовъ состоитъ изъ 5,300,000 душъ, по седьмому же цензу, въ 1850 году, народонаселеніе возросло до 23 милліоновъ; при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, при просторѣ и плодородіи почвы, при удобномъ и легкомъ усиленіи промышленной и торговой дѣятельности, при свободномъ развитіи общественной и матеріальной жизни полагаютъ, что народонаселеніе — естественнымъ путемъ должно удваиваться каждыя 20 лѣтъ. Въ 1859 году американскія владѣнія были раздѣлены на 34 штата и семь территорій: въ нихъ считалось 24 милліона бѣлыхъ, 480,000 свободныхъ цвѣтной расы, 1/3 милліона индѣйцевъ и 3 1/2 милліона негровъ-невольниковъ. Конституція въ своихъ главныхъ чертахъ не измѣнилась. Основное начало конституціи заключается въ наибольшемъ охраненіи личной свободы каждаго изъ гражданъ въ отдѣльности, въ возможной самостоятельности каждой отдѣльной общины, далѣе каждаго графства относительно штата, и важной самостоятельности и независимости каждаго отдѣльнаго штата — къ цѣлому союзу. Законодательства отдѣльныхъ штатовъ, относительно одинаковыхъ еще довольно простыхъ обстоятельствъ, почти повсюду выказываютъ одинаковыя основныя черты; есть разница только для избирательнаго ценза. Губернаторъ, избираемый гражданами, стоитъ во главѣ исполнительной власти; рядомъ съ нимъ стоитъ законодательный совѣтъ, раздѣленный на двѣ палаты, — очень немногочисленный сенатъ и очень многочисленное собраніе (assembly); первый ежегодно, посредствомъ выборовъ, возобновляется на 1/3, а второе во всей своей цѣлости, тоже ежегодно и тоже посредствомъ выборовъ. Губернаторъ имѣетъ право назначать шерифовъ въ графствахъ, всѣ остальные чиновники замѣщаются посредствомъ выборовъ; училища, налоги, организація ближайшаго управленія, зависятъ отъ каждаго штата въ отдѣльности. Изъ такихъ автономныхъ штатовъ состоитъ весь союзъ. Высс-

шая законодательная власть есть конгрессъ, тоже распадающійся на сенатъ и палату представителей; по правиламъ конгрессъ собирается по одному разу въ годъ, въ Вашингтонѣ, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Сенатъ составляетъ какъ бы олицетвореніе отдѣльныхъ штатовъ, потому что каждый штатъ отъ себя посылаетъ въ него по два своихъ сенатора; каждые два года одна треть сенаторовъ выходитъ и тотчасъ же замѣняется новыми; палата представителей выбирается на двухгодичный срокъ и возобновляется въ цѣломъ составѣ, а именно такъ: народонаселеніе каждаго штата избираетъ столько избирателей, сколько штатъ долженъ выбрать членовъ сената и ассембли; эти избиратели назначаютъ представителей по одному на 127,000 человѣкъ народонаселенія; но при этомъ пять невольниковъ равняются тремъ свободнымъ.

Сильныя волненія возобновляются черезъ каждые четыре года, когда приходится выбирать президента, стоящаго во главѣ исполнительной власти, этого гордаго своею независимостью и увѣреннаго въ своей будущности, общиннаго правленія. Каждый штатъ для выбора президента избираетъ столько избирателей, сколько посылаетъ членовъ въ конгрессъ: списки поданныхъ избирателями голосовъ отсылаются въ Вашингтонъ; тамъ ихъ открываютъ и читаютъ въ присутствіи обѣихъ палатъ: тотъ, на чьей сторонѣ самое большее количество голосовъ, дѣлается президентомъ, поселяется въ резиденціи—въ бѣломъ домѣ, въ Вашингтонѣ, назначаетъ консуловъ, посланниковъ и союзныхъ правительственныхъ лицъ, прежде всего министровъ, которые не отвѣчаютъ за его поступки и распоряженія точно такъ же, какъ онъ не отвѣчаетъ за нихъ. Президентъ—глава гражданскаго управленія и главноначальствующій надъ сухопутною и морскою военною силой, но не онъ, а конгрессъ имѣетъ право объявлять войну и заключать миръ.

Хотя тяготѣніе политической жизни здѣсь заключается въ периферіи отдѣльныхъ штатовъ, въ независимости ихъ графствъ и общинъ, въ общинахъ же предоставляется каждой отдѣльной единицѣ столько свободы, сколько возможно, и, какъ замѣчаетъ съ крайнимъ удивленіемъ Токвиль, первый глубокій изслѣдователь «демократіи въ Америкѣ», — въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ нигдѣ не видно правительства, тогда какъ въ Европѣ оно попадается на глаза на каждомъ шагу, то въ видѣ полицейскаго сержанта, то въ видѣ часоваго, здѣсь какъ великолѣпное каменное зданіе, тамъ какъ громкій титулъ или какъ рабское преклоненіе передъ нимъ и такъ далѣе тѣмъ не менѣе въ Америкѣ, — ничего не упущено изъ виду, что нужно, чтобы сохранить необходимое и существенное единство цѣлаго государственнаго строя; и все это взвѣшено съ глубоко обдуманною предусмотрительною мудростью. Каждый изъ сѣвероамериканскихъ жителей, становясь гражданиномъ въ одномъ какомъ либо штатѣ, дѣлается гражданиномъ во всѣхъ остальныхъ; ни одинъ изъ отдѣльныхъ штатовъ не имѣетъ права содержать собственнаго войска, чеканить свою монету, посылать отъ себя посланника, заключать отдѣльнаго союза; здѣсь самостоятельность и независимость отдѣльнаго штата не вырождалась въ безумные размѣры, какъ напримѣръ, въ Германіи. Вполнѣ можно было спорить о томъ, какой союзъ составляетъ сѣверо-американскій: союзъ ли штатовъ, или союзный штатъ; но пришло такое время, когда этотъ вопросъ, неизбѣжный во всякой федераціи, поднялся и рѣшеніе его наступило. Въ этомъ огромномъ государствѣ, въ которомъ личная сила каждаго гражданина развивалась безъ всякаго стѣсненія, совершенно самобытно, то, что обозначаютъ однимъ всеобъемлющимъ словомъ цивилизація, развивалось здѣсь съ поразительною быстротою; племя, здѣсь утвердившееся, принадлежало къ германскому. Въ числѣ переселенцевъ довольно долгое время ирландцы составляли преобладающую массу, но они здѣсь вскорѣ осѣдали на самое дно общественнаго быта и въ большихъ городахъ составили поддонки общества—чернь; между тѣмъ германскій элементъ или смѣсь его, англичане и нѣмцы, составили преобладающую и числомъ, и вліяніемъ массу, и сдѣлались руководящимъ началомъ общественнаго быта, особенно въ Сѣверо-американскихъ Штатахъ.

Внѣшнихъ опастностей Соединенные Штаты на время не могли предвидѣть. Доктрина Монрое, дѣлавшая Соединенные Штаты страною, недоступною и закры-

тою для всякаго европейскаго вліянія, поддерживалась самымъ географическимъ положеніемъ, но еще болѣе внутреннею силою этого союза штатовъ, могущество котораго было признано и слѣдовательно вражды съ которымъ никто не хотѣлъ вызывать. Внутри своего политическаго быта ему представлялись опасности, какія происходятъ въ европейскихъ государствахъ отъ столкновеній различныхъ классовъ общественнаго строя, отъ различій религіозныхъ воззрѣній національностей, производящихъ въ старомъ свѣтѣ такія сильныя потрясенія и доводящія нерѣдко самое государство до гибели. Вообще при какихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ ни развивалось бы общество, все-таки въ немъ могутъ развиться противоположности. Это мы видимъ и въ Соединенныхъ Штатахъ: отъ географическихъ и общественныхъ условій здѣсь развились контрасты, окончательно разразившіеся междоусобною войною, самою большою изъ всѣхъ, о какихъ говорится въ исторіи.

Контрастъ развился съ давнихъ поръ, частію оттого, что сама природа указала на него: интересы южныхъ штатовъ не согласовались съ интересами сѣверныхъ. Во Флоридѣ, перешедшей отъ Испаніи, Луизіанѣ, перешедшей отъ Франціи, въ Каролинѣ, Виргиніи еще съ самаго начала ихъ заселенія аристократическій элементъ былъ преобладающимъ и всегда отличалъ ихъ отъ плебейскаго элемента сѣверныхъ штатовъ; это преобладаніе обусловливалось климатическими и географическими особенностями, давшими производительности тѣхъ и другихъ совершенно самобытное направленіе. Штаты, находящіеся на югъ отъ 36 параллели, по своей почвѣ, должны заниматься разведеніемъ сахарнаго тростника и хлопчатой бумаги, но такого рода плантаціи могутъ приносить выгоду только тогда, когда ими занимаются въ обширныхъ размѣрахъ. Такимъ образомъ въ южныхъ штатахъ возникли обширное землевладѣніе и богатство, а неразрывную съ нимъ характеристическую особенность такого землевладѣльца составляетъ склонность къ роскоши и къ аристократическимъ удобствамъ и потребностямъ жизни. Достойно замѣчанія, что, не смотря на всеобщее право голоса, не смотря на рѣдкое народонаселеніе южныхъ штатовъ, всетаки большинство президентовъ были родомъ изъ нихъ. Совсѣмъ иныя обстоятельства обусловливали жизнь сѣверныхъ штатовъ: тамъ климатическія особенности, сравнительно меньшая производительная сила почвы, постоянный наплывъ переселенцевъ, производили конкуренцію и вызывали большую энергію, напряженіе рабочихъ силъ каждаго въ отдѣльности; множество удобныхъ и безопасныхъ гаваней, въ которыхъ южные штаты нуждаются, здѣсь благопріятствуютъ торговлѣ, а она быстро переводитъ капиталы изъ однѣхъ рукъ въ другія, и все это служитъ побужденіемъ къ дѣятельности; къ этому надобно прибавить, что ежегодное число переселенцевъ изъ Европы увеличиваетъ наплывъ народонаселенія и приноситъ съ собою свѣжія, энергическія рабочія силы; что переселенцы, по большей части, не имѣютъ денежныхъ средствъ и принуждены усиленной работой пробивать себѣ дорогу. При всемъ томъ янки, равно какъ и переселенцы, оставались постоянно плебеями, не смотря на то, что наживали себѣ огромныя состоянія, или отчаяннымъ трудомъ, или отважными спекуляціями; этотъ плебейскій характеръ отразился на жизни и на общественномъ бытѣ сѣверныхъ штатовъ, у которыхъ нѣтъ и тѣни консервативной стойкости общественнаго быта южныхъ. Къ этому надобно еще присоединить потребности въ народной экономіи, вовсе несогласныя въ тѣхъ и другихъ: для развитія промышленности сѣверныхъ штатовъ и для того, чтобы европейская конкуренція не мѣшала ей, надобно было оградить ее очень возвышеннымъ тарифомъ на иностранныя произведенія; южные штаты нуждались въ свободномъ ввозѣ товаровъ, потому что таможенныя пошлины возвышали цѣнность ввозимыхъ предметовъ торговли, безъ которыхъ югъ не могъ обходиться, потому что дѣятельность штатовъ была чисто сельскохозяйственная и вывозъ состоялъ изъ продуктовъ почвы. Но поворотною точкою контраста исключительно сдѣлался вопросъ о невольничествѣ.

При самомъ началѣ существованія штатовъ невольничество безразлично существовало во всѣхъ 13 штатахъ. Конституція смотрѣла на него, какъ на существующее, неизмѣнное учрежденіе, и только избѣгала называть его по имени, потому что слово невольникъ не согласовалось съ понятіемъ человѣческаго и

народнаго права, служившаго основою всего союза. Въ сѣверныхъ штатахъ, отъ постоянно увеличивающагося наплыва переселенцевъ, сравнительно съ южными, было изобиліе рабочей силы; между тѣмъ на югѣ все еще чувствовался недостатокъ въ ней; кромѣ того для успѣшнаго веденія плантацій неизмѣнно требовалось: много рабочихъ рукъ, способность выносить климатъ и работу подъ жгучимъ зноемъ, и наконецъ желательно было, чтобы рабочіе не были умственно и нравственно развиты, чтобы работали, не разсуждая. Лучше всего всѣ эти условія исполняли негры и поэтому богатые землевладѣльцы за деньги покупали себѣ негровъ — невольниковъ и пользовались очень большими, на затраченный на нихъ капиталъ, процентами; такимъ образомъ южные штаты съ каждымъ годомъ дѣлались все болѣе и болѣе невольничьими; невольничество сдѣлалось характеристическою чертою тамошней жизни и положило рѣзкую черту между господиномъ и его невольниками; аристократическія наклонности б ѣ л ы х ъ возрастали и названіе б а р о н о в ъ, которое имъ давали, становилось очень характеристичнымъ, тогда какъ прежде оно было только ничего незначущимъ. Уничтоженіе ввоза негровъ-невольниковъ мало измѣнило дѣло: черное народонаселеніе и безъ того сильно возрастало при хорошихъ климатическихъ условіяхъ и при богатствѣ производительной силы земли; такое естественное возрастаніе негритянскаго народонаселенія очень часто служило извиненіемъ невольничества въ южныхъ штатахъ; когда на него нападали, показывали, что положеніе негровъ въ Соединенныхъ Штатахъ можетъ считаться завиднымъ, сравнительно съ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находятся ихъ соплеменники въ Африкѣ, подъ тиранiей своихъ мелкихъ князьковъ.

Но контрастъ между сѣверными и южными штатами развивался болѣе и болѣе. Начали говорить о н е в о л ь н и ч ь и х ъ и н е н е в о л ь н и ч ь и х ъ ш т а т а х ъ и всякій разъ, когда какая либо т е р р и т о р і я переходила въ ш т а т ъ, а это случалось всякій разъ, когда въ народонаселеніи территоріи насчитывалось 60,000 свободныхъ гражданъ — начинали толковать о томъ, пристанетъ ли новый штатъ къ южнымъ или къ сѣвернымъ. Контрастъ еще болѣе усилился, когда послѣ войнъ за независимость, конгрессъ неоднократно измѣнялъ охранительный тарифъ на ввозные товары, чтобы содѣйствовать усиленію внутренней промышленности; въ 1832 году Южная Каролина прямо объявила конгрессу, что не подчиняется таможеннымъ постановленіямъ и не признаетъ союзнаго тарифа, не считая его обязательнымъ для себя; изъ этого видно, какъ разладъ, существовавшій въ интересахъ сѣверныхъ и южныхъ штатовъ, увеличивался и вопросъ, какъ смотрѣть на сѣверо-американскіе штаты: какъ на с о ю з ъ ш т а т о в ъ или какъ на с о ю з н ы й ш т а т ъ, все рѣзче выступалъ,—разладъ, который съ д е м о к р а т и ч е с к о й точки зрѣнія, составляетъ условіе самобытнаго существованія каждаго штата въ отдѣльности, или республиканскаго, который выставлялъ о б ъ е д и н е н і е идеи союза; это воззрѣніе и до нынѣшняго времени служитъ отличительною чертою противодѣйствующихъ силъ партій, какъ это всегда неизбѣжно бываетъ при всякомъ федеративномъ государственномъ устройствѣ.

Въ 1819 году сѣверныхъ свободныхъ отъ невольничества штатовъ числомъ было столько же, сколько южныхъ — невольничьихъ, здѣсь и тамъ было по о д и н н а д ц а т и. Но тутъ М и с с у р и, существовавшій, какъ территорія, потребовалъ, чтобы его возвели въ ш т а т ъ, и требовалъ сохраненія у себя невольничества. Сѣверные штаты протестовали, но дѣло окончилось такъ называемымъ М и с с у р с к и м ъ к о м п р о м и с с о м ъ, по которому впредь ни одинъ изъ штатовъ, лежащихъ на сѣверъ отъ 36°30′ сѣверной широты, не имѣлъ права быть невольничьимъ штатомъ. Такимъ образомъ контрастъ, существующій между сѣверными и южными штатами, дѣлался осязательнымъ и борьба между двумя началами неизбѣжною. Южные штаты при этомъ пріобрѣтали выгоду: основное законодательство было на ихъ сторонѣ; дѣло шло о сохраненіи собственности — основаніи всѣхъ общественныхъ отношеній южныхъ штатовъ. Кромѣ того у нихъ между собственниками не было разногласія во взглядѣ на вещи, а между тѣмъ въ сѣверныхъ штатахъ была сильная партія, стоявшая за невольничество, партія, въ глазахъ которыхъ первое мѣсто занимало счастіе и безопасность союза шта-

товъ; приверженцы ея утверждали, что для существованія союза можетъ быть опасно даже сильное движеніе въ пользу уничтоженія невольничества, такъ какъ оно неминуемо поведетъ за собою междоусобную войну. Мексиканская война въ 1846 1848 году во первыхъ возвысила гордое сознаніе силы штатовъ, а во вторыхъ значительно увеличила площадь южно-американскихъ штатовъ и слѣдовательно силу демократической партіи, какъ сами себя называли приверженцы невольничества на сѣверѣ. Изъ вновь пріобрѣтенныхъ территорій должны были образоваться нѣсколько штатовъ, которые, на основаніи предоставленнаго имъ права, могли у себя ввести невольничество, или сохранить его. Партія за невольничество на сѣверѣ соединилась съ различными, вовсе не чистыми элементами; переселенцевъ 1848 года привлекли они своими демократическими претензіями; масса народная на сѣверѣ держалась очень аристократически относительно негровъ, которые, хотя и пользовались свободою на сѣверѣ, но подвергались тамъ большимъ опасностямъ, чѣмъ на югѣ, отъ грубости и ненависти черни; золотыя розсыпи Калифорніи и быстрое накопленіе богатствъ повели за собою порчу нравовъ, которая была очень кстати для агитататоровъ, демагоговъ, продажныхъ адвокатовъ и всякихъ любителей безпорядковъ и волненій. Церковь и каѳедра, по-крайней мѣрѣ на югѣ, охотно служили торжествующему дѣлу; тамъ, подъ именемъ чисто христіанскаго ученія, хотя можно было нападать на католицизмъ, но невозможно было побѣдить его.

Лучшіе, болѣе чистые элементы народонаселенія Соединенныхъ Штатовъ принуждены были принять бой, сдѣлавшійся очень опаснымъ. Опасность еще увеличилась, когда подтвержденъ и усиленъ былъ законъ, повелѣвающій выдачу невольниковъ, бѣжавшихъ отъ своихъ владѣльцевъ, въ какомъ бы штатѣ они ни находились; слѣдовательно тѣ штаты, которые или освободились отъ невольничества, или вовсе никогда не были ему причастны, дѣлались палачами и сыщиками невольничьихъ бароновъ. Дѣла принимали все болѣе и болѣе серьезный характеръ: демократическая партія въ 1853 году большинствомъ 252 голосовъ, въ числѣ которыхъ было 158 принадлежащихъ приверженцамъ невольничества въ сѣверныхъ штатахъ, возвела въ достоинство президента одного изъ своихъ, Франклина Піерсе; онъ тотчасъ же объявилъ: «такъ какъ невольничество основано на коренномъ законодательствѣ, то оно неприкосновенно и слѣдовательно всякое дальнѣйшее разсужденіе по этому поводу преступно.» Но тутъ-то и началось сильное волненіе: прежде всего поднялась старинная партія виговъ, подъ названіемъ Knownothing или американской партіи, противъ переселенцевъ, подавшихъ голосъ за Піерсе; они требовали, чтобы избирательное право предоставлено было переселенцамъ только послѣ двадцати пяти лѣтняго пребыванія въ Америкѣ, а не послѣ пятилѣтняго, какъ это до сихъ поръ существовало. Безчисленное множество религіозныхъ и другихъ обществъ поднялись противъ невольничества; въ это время появился замѣчательный по своему направленію романъ Бичеръ Стоу—Хижина дяди Тома, который возбудилъ сочувствіе всего образованнаго, полуобразованнаго и читающаго міра. Въ ту минуту, когда вопросъ поставленъ былъ серьезно: быть ли невольничеству, или нѣтъ, онъ былъ уже рѣшенъ. Въ цѣломъ мірѣ смотрѣли, какъ на позоръ, недостойный человѣчества и христіанскаго чувства, что отношенія, подобныя тѣмъ, какія изображены въ упомянутомъ романѣ, могутъ существовать въ 19 столѣтіи въ странѣ свободы, подъ сѣнью христіанскаго вѣроисповѣданія. Вскорѣ развернулась вся полнота ненависти: въ южныхъ штатахъ очень открыто говорили, что выжидаютъ только благопріятнаго мгновенія, чтобы отдѣлиться отъ янковъ, отъ сѣверныхъ штатовъ; ненависть возрастала съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ, что сознаніе, опытъ и наблюденіе говорили, на сколько сѣверные штаты превосходятъ южные народонаселеніемъ и богатствомъ. Однакожь, на политическомъ поприщѣ демократическая партія еще дважды взяла перевѣсъ: въ 1854 году, при организаціи штатовъ изъ территоріи Арканзаса и Небраско, отвергнутъ былъ Миссурскій компромиссъ и принятъ былъ биль Дугласа, по которому новымъ штатамъ предоставлялось право сохранить, или не сохранить невольничество: такъ какъ это есть учрежденіе, чисто внутреннее, то его и предоставить на волю штатовъ; второй успѣхъ въ 1856 году, когда она опять провела въ президенты своего

кандидата Джемса Буханана. Это былъ послѣдній изъ президентовъ этой партіи. Противники ея теперь тоже начали дѣйствовать, сомкнули свои ряды, образовавъ республиканскую партію; потому что дѣло становилось серьезнѣе, вопросъ заключался въ существованіи республики; переселенцы и въ числѣ ихъ нѣмецкіе, образумились и примкнули къ ней; съ вопросомъ о существованіи республики неразрывно связывался вопросъ о свободной и невольничьей работѣ. Успѣхи этой республиканской и въ тоже время аболиціонистской партіи возростали очень быстро, такъ что въ 1860 году она уже провела своего кандидата Авраама Линкольна въ президенты 6 ноября 1860 года.

Это избраніе подало невольничьимъ штатамъ сигналъ къ давно замышляемому отпаденію. На слѣдующій послѣ выбора день, губернаторъ Южной-Каролины предложилъ собранію отдѣлиться отъ Соединенныхъ Штатовъ и вооружить всѣхъ способныхъ носить оружіе отъ 18 до 45 лѣтняго возраста; новый президентъ не успѣлъ еще вступить въ управленіе, какъ штаты Георгія, Флорида, Миссисипи, Алабама, Луизіана послѣдовали примѣру Южной Каролины. Они послали своихъ представителей въ Монгомери въ штатъ Алабама и 18 февраля 1861 года составили отдѣльный отъ сѣверныхъ штатовъ союзъ, подъ названіемъ Конфедераціи, избрали себѣ въ президенты Джефферсонъ Девиса, прежняго военнаго министра при Піерсе, и издали временную конституцію. Довольно вялыя, несерьезныя попытки къ примиренію ни къ чему не повели; находившійся еще во главѣ правительства президентъ Бухананъ, не рѣшался приступать къ рѣшительнымъ мѣрамъ и не хотѣлъ взяться за оружіе; а между тѣмъ южные штаты начали военныя дѣйствія. Пароходъ, принадлежавшій сѣвернымъ штатамъ, везъ военные и съѣстные припасы въ фортъ Семтеръ, близъ Чарльстоуна, въ Южной Каролинѣ, потому что онъ находился въ опасности; береговая батарея, выстроенная при входѣ въ бухту, подняла сильный огонь противъ парохода и принудила его воротиться назадъ.

Новый президентъ, Линкольнъ, былъ человѣкъ простой, привыкшій на западѣ къ сильному труду; онъ родился въ 1809 году въ Кентуки; это былъ человѣкъ самъ проложившій себѣ путь; онъ былъ сыномъ фермера, не получилъ большаго школьнаго образованія, но выросъ и воспитался на трудной неусыпной работѣ; позже онъ пополнилъ свое школьное образованіе изученіемъ юридическихъ наукъ и сдѣлался адвокатомъ въ Спрингфильдѣ, въ ш. Иллиноисѣ; этого человѣка нельзя назвать геніальнымъ, но онъ былъ честенъ, боялся Бога, понималъ свой долгъ и былъ глубоко преданъ Соединеннымъ Штатамъ. Съ такими задатками онъ взялся за управленіе, не предвидя того, какая буря приближалась. Когда онъ пріѣхалъ въ Вашингтонъ, то нашелъ все въ полномъ броженіи; общее мнѣніе было противъ него: на его избраніе смотрѣли, какъ на причину отдѣленія южныхъ штатовъ, не обращая вниманія на то, что при существующемъ напряженномъ положеніи вещей отдѣленіе это было неизбѣжное, если только болѣе спокойная и благоразумная партія людей мыслящихъ не возьметъ верхъ, или если правительство Штатовъ не захочетъ, чтобы худшіе своекорыстнѣйшіе люди предписывали свои законы лучшимъ. Вступительная рѣчь президента была произнесена въ очень умѣренномъ тонѣ, 4 марта. Онъ говорилъ, что у него нѣтъ ни малѣйшаго намѣренія потрясти невольничество тамъ, гдѣ оно существуетъ по основному закону; далѣе онъ готовъ былъ допустить, чтобы сѣверные штаты выдавали бѣглыхъ невольниковъ, потому что и этотъ законъ стоитъ въ конституціи, въ сохраненіи которой онъ приноситъ нынѣ чистосердечную клятву, безъ всякой затаенной мысли. Но языкъ этого умѣреннаго человѣка былъ въ тоже время языкомъ человѣка, твердаго въ главномъ и не способнаго уступать въ этомъ. «Не надобно кровопролитія, говорилъ онъ, не должно прибѣгать къ насилію, если только національное правительство не будетъ къ этому вынуждено; но, прибавилъ Авраамъ Линкольнъ, союзъ сѣверо-американскихъ штатовъ нерасторжимый; власть мнѣ предоставлена съ тѣмъ, чтобы я ограждалъ собственность гражданъ, области и укрѣпленія, принадлежащія правительству, я обязанъ ихъ отстаивать, занимать военными командами и сохранять для правительства, это моя священная обязанность точно также, какъ собирать подати и налоги». Но

президентъ все еще надѣялся не дойти до окончательнаго разрыва; несмотря на это, на всякій случай, военныя приготовленія дѣлались; снаряжались военные корабли; правительственныя войска, находящіяся на лицо и распущенныя въ Техасѣ и въ другихъ южныхъ штатахъ, призывались на сѣверъ, въ свои полки.

Общественное мнѣніе въ сѣверныхъ штатахъ было вовсе не за войну; въ наше время на войну смотрятъ не такъ легко, какъ прежде, и чтобы свыкнуться съ идеей о войнѣ и покориться этой печальной необходимости, надобно довольно много времени. Съ перваго раза сѣверные штаты предвидѣли, что война потребуетъ тяжкихъ жертвъ, тѣмъ болѣе, что они вовсе не были подготовлены къ ней, и къ тому же нѣкоторые члены предъидущаго министерства поддерживали и поощряли военныя приготовленія въ южныхъ штатахъ. Народное настроеніе, однакожь, быстро измѣнилось. Линкольнъ послалъ повелѣніе коменданту союзныхъ войскъ форта Семтера, маіору Андресону, употребить въ дѣло оружіе только въ томъ случаѣ, когда будетъ на него сдѣлано открытое нападеніе. Начальникъ войска сепаратистовъ Южной Каролины, генералъ Божераръ, подступилъ къ форту и 11 апрѣля потребовалъ его сдачи; но такъ какъ комендантъ отказался, то началось обстрѣливаніе форта, длившееся 24 часа, что принудило маіора сдаться на капитуляцію. Извѣстіе объ этомъ происшествіи мгновенно измѣнило настроеніе сѣверныхъ штатовъ: всѣ увидѣли, что невольничьи бароны жаждутъ войны; вся громадная энергія англо-саксонской рассы, создавшая союзъ Сѣверо-американскихъ Штатовъ, пробудилась; вскорѣ на сѣверѣ рѣшено было, что о мирѣ до тѣхъ поръ не можетъ быть рѣчи, пока возстаніе не будетъ вполнѣ подавлено. Уже 15 числа прокламація президента призвала 75,000 человѣкъ милиціи къ оружію и въ тоже время обязывала конгрессъ собраться в: Вашингтонъ на 4 іюля.

На югѣ давно уже все обдумали и взвѣсили, что слѣдовало; силы были сосчитаны и средства приготовлены. Здѣсь болѣе всего надѣялись на единодушное рѣшеніе отстаивать свои права и основанія на существованіе: «здѣсь весь интересъ и условія жизни и общественнаго быта заключался въ томъ, чтобы защищать право обладать невольниками. Здѣсь надѣялись на ненависть, существующую между плантаторами и янками, на ихъ воинственный духъ и на привычку повелѣвать тысячами, силою воли угнетать несравненно многочисленнѣйшихъ рабовъ и внушать имъ страхъ своею жестокостію; надѣялись, что противъ такихъ особенностей невозможно будетъ противустоять сѣвернымъ торгашамъ—плебеямъ.» Почти всѣ офицеры, командовавшіе постояннымъ союзнымъ войскомъ и получившіе военное образованіе въ единственной военной академіи въ Вестпоинтѣ, въ штатѣ Нью-Іоркъ, на правомъ берегу Гудзона, всѣ безъ исключенія были уроженцы южныхъ штатовъ. Они могли свою конституцію приспособить къ политическимъ и военнымъ потребностямъ настоящаго положенія дѣлъ; союзъ, напротивъ, былъ связанъ существующимъ законоположеніемъ, вовсе непригоднымъ для подобной войны. Кромѣ того можно было съ достовѣрностью разсчитывать на то, что эта война не можетъ скоро окончиться, потому что препятствіемъ тому послужитъ: чрезвычайно обширная операціонная линія, многочисленныя естественныя преграды — огромныя рѣки, болота, дикія пустыни, лѣса, недостатокъ дорогъ вообще, а хорошихъ тѣмъ меньше, въ странѣ очень мало населенной (въ то время круглымъ числомъ въ сѣверной Америкѣ приходилось только по 154 человѣкъ на квадратную милю); если бы при такихъ обстоятельствахъ война все-таки окончилась въ пользу сѣверныхъ штатовъ, то можно ли было разсчитывать, что южные впередъ останутся ихъ вѣрными союзниками. Кромѣ того была еще опасность: самыя цивилизованныя государства стараго свѣта, Англія и главное Франція, не могли обходиться безъ главнѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго произведенія южныхъ штатовъ—безъ хлопчатой бумаги, которая, какъ разсчитывали, одна давала пропитаніе $^1/_8$ всего рабочаго народонаселенія Англіи; война должна была помѣшать и производству и вывозу хлопка; поэтому заинтересованныя державы должны были явиться посредниками между враждующими штатами, признать конфедерацію южныхъ, а въ случаѣ нужды старый свѣтъ долженъ былъ принять

ихъ сторону и доставить имъ побѣду, тѣмъ болѣе, что постепенное возрастаніе могущества Соединенныхъ Штатовъ въ цѣломъ должно было пробуждать ихъ опасенія, какъ имъ казалось, очень основательныя.

Всему этому сѣверные штаты могли противопоставить только очень незначительную военную, организованную силу. Постояннаго войска на лицо было не больше 20,000 въ цѣломъ, но этого едва ли было достаточно, чтобы занять два, три союзныхъ форта, изъ которыхъ уже нѣкоторые были оставлены по причинѣ невозможности защищать ихъ. Милиція была очень многочисленная: каждый американецъ, отъ 18 до 45 лѣтняго возраста, обязанъ служить въ милиціи своего штата; но этихъ импровизированныхъ воиновъ нельзя было употреблять для серьезныхъ военныхъ цѣлей; о томъ, чтобы составить большое войско посредствомъ конскрипціи на сѣверѣ, при существующихъ обстоятельствахъ нечего было думать. Даже военный флотъ былъ очень малочисленъ, хотя и находился въ отличномъ состояніи. Но то, чего не было, всегда могло сдѣлаться: первое мѣсто занималъ фактъ очень важный; численное различіе народонаселенія: въ сѣверныхъ штатахъ было 19 милліоновъ жителей, а въ южныхъ 12 милліоновъ, кромѣ того въ нихъ было 4 милліона негровъ, которыхъ, если бы уже не было никакого инаго средства, въ каждую данную минуту можно было изъ слугъ превратить въ злѣйшихъ враговъ инсургентовъ. Что касается до матеріальныхъ, денежныхъ средствъ сѣверныхъ штатовъ, то ихъ можно было назвать безконечными, неисчерпаемыми; менѣе всего здѣсь пугала мысль о возможномъ вмѣшательствѣ европейскихъ державъ. Линкольнъ и самый способный и энергическій изъ его министровъ, Сьюардъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, очень ясно и опредѣленно высказали на счетъ этого свое мнѣніе. Они очень опредѣленно и твердо съ самаго начала объявили, что о вмѣшательствѣ европейскихъ державъ, какое бы дружественное оно ни было, не можетъ быть и помину: «мысль о томъ, чтобы расторгнуть союзъ штатовъ мирнымъ, или насильственнымъ путемъ такая, что не можетъ и не должна приходить на умъ ни одному изъ нашихъ честныхъ государственныхъ людей». Двѣ европейскія державы, Англія и Франція, по своему положенію при океанѣ, скорѣе другихъ могли бы принять участіе въ борьбѣ между штатами, однакожь немедленно объявили себя нейтральными.

Демаркаціонную линію въ этой начинающейся войнѣ можно провести отъ залива Делавара до рѣки Огейо и по ней до ея впаденія въ Миссисипи, далѣе вверхъ противъ его теченія до сѣверной границы штата Миссури и вдоль нея; все, что находится на югъ отъ этой линіи, было областью южныхъ штатовъ; въ конфедерацію ихъ слѣдовательно входили штаты: Миссиссипи, Сѣверная и Южная Каролина, Георгія, Арканзасъ, Миссури и Техасъ; Виргинія была раздѣлена и потому служила спорнымъ пунктомъ для войны. При этомъ можно различать восточное, среднее и западное поприще военныхъ дѣйствій. Первое—восточное заключало въ себѣ восточную часть Виргиніи, среднее—западную Виргинію и Тенесси, западное лежитъ между низовьями Огейо и его притоковъ—Тенесси и Кумберлэндъ.

Изъ этихъ трехъ мѣстъ военныхъ дѣйствій восточное было самымъ важнымъ. Здѣсь, на разстояніи какихъ нибудь 25 географическихъ миль, лежалъ главный городъ сѣверныхъ союзныхъ штатовъ, Вашингтонъ, съ своимъ маленькимъ штатомъ Колумбія, и главный городъ невольничьяго штата Виргиніи, а вскорѣ и главный городъ всей конфедераціи, Ричмондъ; далѣе для сѣверной арміи главная задача состояла въ томъ, чтобы прежде всего защитить Вашингтонъ; за спиной арміи находился Мэриландъ, ежеминутно готовый присоединиться къ конфедераціи и удерживаемый въ повиновеніи только генераломъ Буттлеромъ, бывшимъ адвокатомъ въ Бостонѣ. Конфедераты, подъ начальствомъ Божерара, подвинулись до сліянія Манасса; такъ что съ колоколенъ Вашингтона можно было различать форпосты арміи южанъ. Но они не рѣшались нападать, а между тѣмъ милиція стекалась со всѣхъ сторонъ и городъ успѣли укрѣпить; уже 23 мая союзныя войска переправились черезъ Потомакъ и перешли границу Виргиніи; война вспыхнула по всему обширному протяженію демаркаціонной линіи. Іюля 4 въ 1861 году собрался конгрессъ, на который изъ невольничьихъ штатовъ представители яви-

лись только изъ Делавара, Мэрилэнда, Кентуки и Тенесси. Линкольнъ потребовалъ, чтобы ему поставили войско въ 400,000 человѣкъ и отпустили 400 милліоновъ долларовъ, для того, чтобы сдѣлать войну какъ можно короче и рѣшительнѣе; уже 11 числа конгресъ согласился на войско въ 500,000, и ассигновалъ 500 милліоновъ долларовъ; въ тотъ же день отказано было посланнику Джеффсрсона Дэвиса, явившемуся въ Вашингтонъ. Но войска въ 500,000 еще не было; сго надобно было сформировать, что впрочемъ не мѣшало сѣверянамъ дѣйствовать наступательно. Нѣмецкіе переселенцы, подъ начальствомъ генерала Зигеля, бѣжавшаго за океанъ по случаю баденской катастрофы въ 1849 году и явившагося теперь на американской почвѣ защитникомъ тѣхъ же республиканскихъ идей, очистили Миссури на западномъ флангѣ отъ федеральныхъ; въ тоже время Макъ Клелланъ, близъ Ричмоунтэнъ, въ западной Виргиніи и при Карикъ Фордѣ пріобрѣлъ выгоды, а главная армія двинулась 17 іюля къ Ричмонду; такъ какъ время службы волонтеровъ приближалось къ концу и на нихъ не намѣревались тратить лишнихъ денегъ, то хотѣли съ ними пріобрѣсть хотя бы какія нибудь выгоды. Напрасно старый генералъ Скоттъ, побѣдитель мексиканскій, предостерегалъ не подвергать этого дурно организованнаго войска опасной пробѣ. Генералъ Макъ Дауэль рѣшился на битву 21 іюля при Бульсъ-Ренъ, въ четырехъ миляхъ отъ Вашингтона, впадающаго въ западный рукавъ Чизапика; битва окончилась полнымъ и постыднымъ пораженіемъ волонтеровъ. Къ слѣдующему вечеру разсѣянныя, разбитыя толпы бѣглецовъ сбѣгались въ укрѣпленія столичнаго города союза; еслибы южане преслѣдовали ихъ съ большей энергіей, то Вашингтонъ вѣроятно достался бы имъ. Но они прекратили преслѣдованіе бѣгущихъ и не воспользовались своей побѣдой; впечатлѣніе, этимъ произведенное, было совсѣмъ не то, какого ожидали сепаратисты; хотя сѣверная Америка вообще знать не хочетъ солдатства и не уважаетъ военнаго званія, но въ критическую пору народъ скоро убѣждается, что военная честь не что иное, какъ честь самаго государства и частица чести каждаго гражданина въ отдѣльности и, слѣдовательно, составляетъ принадлежность всякаго великаго и свободнаго государственнаго быта. Генералъ Макъ Дауэль былъ уволенъ; вмѣсто него начальникомъ назначенъ былъ Макъ Клелланъ; ему поручено было организовать новую армію и по этому случаю даны были президенту очень обширныя военныя полномочія. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ испытанномъ пораженіи сѣверянамъ могли служить успѣхи на морѣ, гдѣ флотъ ихъ рѣшительно оказался превосходнѣе флота южанъ. Маленькая удача близъ мыса Гаттераса въ Сѣверной Каролинѣ доставила генералу Буттлеру случай пріобрѣсти лавры еще въ августѣ противъ фортовъ, расположенныхъ на берегу; октября 22 Буттлеръ вышелъ въ море изъ Аннаполиса съ 70 кораблями и 25,000 дессанта; одна часть этой экспедиціи явилась 4 ноября передъ гаванью Бофортъ въ Сѣверной Каролинѣ; послѣ короткаго сраженія конфедераты очистили городъ, а Черманъ высадилъ войско съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать на операціонную линію между Ричмондомъ и восточными гаванями, между тѣмъ главная сила экспедиціи направилась въ Мексиканскій заливъ, чтобы дѣйствовать на Новый-Орлеанъ.

Около конца года, казалось, неожиданный случай далъ южанамъ вздохнуть свободнѣе. Флотъ Соединенныхъ Штатовъ объявилъ всѣ берега невольничьихъ штатовъ въ блокадномъ состояніи; южане съ своей стороны выдали каперскія свидѣтельства своимъ кораблямъ: и началась ненасытная гоньба кораблей по всѣмъ океанамъ; братья ненавидѣли и истребляли братьевъ. Но трудно было держать въ блокадномъ состояніи береговую полосу, которая такъ велика, какъ южно-американская. Одному пароходу, «Нашвиль», удалось, подобно многимъ другимъ, проскользнуть 19 октября изъ Новаго Орлеана, мимо блокадныхъ судовъ; на немъ находились очень важные для южанъ люди—два комиссара конфедераціи, Гг. Масонъ и Слидель; они ѣхали въ Лондонъ и Парижъ, съ порученіемъ изложить тамъ дѣло конфедераціи. Они счастливо добрались до Гаванны, испанской территоріи, и пересѣли тутъ на англійскій почтовый пароходъ «Трентъ», отходившій въ Европу. Казалось, тутъ они находились въ полной безопасности: кто осмѣлился бы разсматривать, или безпокоить англійскій почто-

вый пароходъ? Однакожъ, такой смѣльчакъ нашелся: ноября 8, когда пароходъ проходилъ по старому Багамскому каналу, передъ нимъ очутился военный пароходъ; онъ поднялъ американскій флагъ и противъ правилъ всѣхъ морскихъ обычаевъ и принятыхъ приличій, послалъ «Тренту» сперва одно, потомъ и другое ядро. «Трентъ» остановился: черезъ нѣсколько времени отъ «Санъ-Іацинта», такъ назывался американскій пароходъ, командуемый капитаномъ Уилькисомъ,—отчалила лодка съ двумя офицерами и 20 вооруженными солдатами; офицеры потребовали, чтобы капитанъ показалъ имъ списокъ пассажировъ, но капитанъ отказалъ имъ. Тогда американскій офицеръ назвалъ имена четырехъ лицъ, которыхъ ему нужно: это были два комиссара съ двумя ихъ сопровождающими подчиненными; они тотчасъ сами подошли къ борту и спросили, чего отъ нихъ требуютъ. Офицеръ отвѣчалъ, что ему дано приказаніе отвезти ихъ на свой корабль: они отказались слѣдовать за нимъ, и объявили, что находятся подъ покровительствомъ британскаго флага; капитанъ парохода въ свою очередь торжественно призвалъ весь экипажъ и всѣхъ пассажировъ въ свидѣтели морскаго разбоя и беззаконія, какое тутъ совершается; офицеры махнули платкомъ. Отъ корабля тотчасъ отчалили двѣ другія лодки и 80 человѣкъ солдатъ, съ ружьями, взобрались на «Трентъ», арестовали обоихъ комиссаровъ и ихъ чиновниковъ, увезли ихъ на свой корабль и предоставили «Тренту» продолжать путешествіе безъ нихъ. Непзвѣстно, было ли это насиліе сдѣлано съ согласія вашингтонскаго правительства, или оно было совершено по собственному почину капитаномъ Уилькисомъ, во всякомъ случаѣ, тутъ выразилось намѣреніе показать европейскимъ державамъ и преимущественно ненавистнымъ англичанамъ, что американцы ихъ ни на волосъ не боятся и, въ случаѣ нужды, не откажутся присоединить войну съ Англіей къ войнѣ съ южными штатами; это походило на кулакъ янки, грозно поднятый. Извѣстіе о случившемся подняло бурю негодованія въ Англіи; необходимо было получить блистательное удовлетвореніе. Требованія англійскаго правительства были, однакожъ, довольно скромныя: оно только требовало, чтобы захваченные комиссары были освобождены; это умѣренное требованіе поддерживали посланники всѣхъ прочихъ государствъ Европы. Американцы достигли своей цѣли: 26 декабря Сьюардъ сообщилъ англійскому посланнику въ Вашингтонѣ, что правительство союзныхъ штатовъ готово отпустить обоихъ комиссаровъ, что и было исполнено 1 января 1862 года. На военномъ полѣ, между тѣмъ, въ теченіе этого времени, ничего замѣчательнаго не происходило. Главный успѣхъ сѣверныхъ штатовъ заключался въ томъ, что настроеніе духа ободрилось и сдѣлалось рѣшительнымъ. Уже въ концѣ 1861 года военныя силы сѣверянъ дошли до громаднаго количества 650,000 человѣкъ; американцы хвалились тѣмъ, что такая невзначай и быстро собранная армія можетъ появиться только исключительно въ Америкѣ, этой странѣ чудесъ, и не мало гордились тѣмъ, что эти полчища ежедневно стоили сѣверянамъ огромныхъ суммъ въ 1½ милліона долларовъ; правда, многіе, по справедливости, радовались этому колоссальному расходу, потому что не малое количество изъ тратившихся 1½ милліоновъ прилипало къ нечистымъ рукамъ и не достигало до своего назначенія. Вопроса о невольничествѣ до сихъ поръ не поднимали; его оставляли въ сторонѣ. Когда же генералъ Фримонтъ, въ августѣ 1861 года, въ штатѣ Миссури, объявилъ, что невольники тѣхъ лицъ, которыя поднимали оружіе противъ правительства сѣверныхъ соединенныхъ штатовъ, свободны, тогда президентъ Линкольнъ объявилъ эту мѣру незаконною, уничтожилъ ее и отозвалъ Фримонта.

Слѣдующій 1862 годъ не принесъ съ собою ничего рѣшительнаго. Правда, въ вопросѣ о невольничествѣ сдѣланъ былъ одинъ существенный шагъ впередъ. По предложенію президента, конгрессъ постановилъ въ мартѣ, что каждый штатъ, который у себя уничтожитъ невольничество, получитъ денежное вспомоществованіе отъ союза съ тѣмъ, чтобы, по благоусмотрѣнію, суммы эти употреблялись, или на вознагражденіе рабовладѣльцевъ, или на вспомоществованія для найма рабочихъ; въ апрѣлѣ въ союзной области Колумбіи негры были освобождены, а іюнѣ невольничество было уничтожено во всѣхъ такъ называемыхъ территоріяхъ. Экспедиція, предпринятая противъ Новаго Орлеана была успѣшна. На полныхъ парахъ эскадра адмирала Фаррагута вошла, 26 апрѣля, въ Миссисипи, между фортами Джаксономъ и Филиппомъ, прорвала цѣпь, натянутую поперекъ быстраго

потока рѣки, въ этомъ мѣстѣ доходящей до двухъ верстъ ширины; ворвавшись такимъ образомъ въ рѣку, эскадра разметала флотилію конфедераціи, скрывавшуюся за цѣпью; вслѣдъ за тѣмъ генералъ Буттлеръ высадился съ нѣсколькими полками и угрозою бомбардировать этотъ самый значительный и богатѣйшій изъ южныхъ городовъ, съ 170,000 жителей, принудилъ его сдаться на капитуляцію, чтобы избѣжать полнаго разоренія. Въ теченіе этого года, весь Миссиссипи вверхъ до Мемфиса, исключая одного Виксбурга, подпалъ власти соединенныхъ штатовъ. Операціи на западномъ поприщѣ военныхъ дѣйствій—Гранта противъ Божерара—окончились благополучно. 6 и 7 апрѣля Грантъ разбилъ западную армію сепаратистовъ, при Питсбургъ-Ландингъ въ Тенесси, а 8 сдался въ важный стратегическомъ отношеніи островъ на Миссиссипи № 10 и вслѣдъ за нимъ Мемфисъ достался союзному войску.

Но на главномъ поприщѣ военныхъ дѣйствій, на востокѣ, соединенныя войска дѣйствовали не такъ успѣшно. Главная или Потомакская армія, подъ начальствомъ Макъ-Клеллана, готовилась къ тому, чтобы нанести рѣшительный ударъ на Ричмондъ, главный пунктъ сепаратистовъ. Первая попытка дѣйствовать на городъ съ востока, черезъ полуостровъ, образованный соединеніемъ Джемсривера съ Іоркривером, была неудачна; и 31 мая, близъ самаго Ричмонда, у Файръ-Оакса и Севенъ-Пейнъ, часть арміи Макъ Клеллана принуждена была даже отступить. Но Макъ-Клеллану удалось овладѣть желѣзною дорогой между Вашингтономъ и Ричмондомъ; битва возобновилась и продолжалась семеро сутокъ отъ 26 іюня 1 іюля: бились изъ-за Ричмонда. Конфедератами командовалъ генералъ Ли, бывшій нѣкогда шефомъ генеральнаго штаба при Скоттѣ; битву въ пользу конфедератовъ рѣшилъ лучшій изъ начальниковъ южанъ, генералъ Стонвель Джаксонъ, явившійся очень кстати съ запада, гдѣ онъ съ успѣхомъ держался противъ превосходнѣйшихъ силъ союзниковъ. Макъ-Клелланъ былъ отброшенъ къ Джемсриверу; обходъ неудался, и онъ могъ только примѣрнымъ отступленіемъ, веденнымъ съ искусствомъ, сохранить уваженіе своихъ соотечественниковъ. Іюля 23 президентъ назначилъ генерала Галлека фельдмаршаломъ сѣвернаго войска.

Такимъ образомъ южная армія неоднократно отстаивала свой столичный городъ: блескъ военнаго превосходства неоспоримо оставался на сторонѣ южанъ; между тѣмъ, какъ на западѣ и на югѣ сепаратисты упорно вели оборонительную войну, на востокѣ, въ самомъ опасномъ и важномъ мѣстѣ, они могли перейти въ наступательное положеніе. Четыре корпуса въ 90,000 человѣкъ вмѣстѣ взятые, подъ начальствомъ Ли, двинулись на Вашингтонъ. Опять во второй разъ столкнулись войска подлѣ Бульсъ-Ренъ, мѣстѣ очень дурномъ, потому что оно пробуждало воспоминаніе о пораженіи, уже однажды здѣсь вынесенномъ сѣверянами; завязалось сраженіе, длившееся отъ 28 до 30 августа, опять подъ начальствомъ Макъ Дауэль и окончившееся пораженіемъ союзныхъ войскъ. Близъ Вашингтона разбитые опять собрались, но на этотъ разъ и скорѣе, и лучше, нежели въ первый разъ; ихъ подкрѣпили черезъ войско Макъ Клеллана, находившагося на полуостровѣ, между Джемсъ и Іоркривером и ему опять поручено было главное начальство надъ арміей Потомака. Конфедераты воспользовались своей побѣдой, чтобы вторгнуться въ Мэрилэндъ черезъ Гернерсфери, гарнизонъ котораго сдался Джаксону. Но дальнѣйшему вторженію препятствовалъ Макъ Клелланъ, бросившійся къ нему навстрѣчу со всею арміей въ 112,000 ч. противъ 85,000 конфедератовъ; 17 сентября, при Шарнсбери, или при Антіетамъ, произошло сраженіе, при которомъ южане потерпѣли полное пораженіе, и Ли спасся отъ дальнѣйшихъ послѣдствій побѣды только тѣмъ, что, пользуясь ночною темнотою, быстро отступилъ. Макъ Клелланъ очень вяло воспользовался своей побѣдой и тѣмъ заслужилъ общее неудовольствіе; онъ былъ отставленъ и на мѣсто его назначенъ Берифильдъ; онъ въ концѣ 1862 года 13 декабря еще разъ попытался счастье; произошла кровопролитная битва, при Фредериксбургѣ, въ которой конфедераты удержали за собою поле битвы такъ, что въ концѣ года обѣ арміи находились между обѣими столицами, охраняя ихъ обоюдно, и ничего рѣшительнаго нельзя было сказать о ходѣ войны.

Такъ неутомимо боролись противники, не уступая другъ другу ни въ храб-

рости, ни въ терпѣніи. Въ Европѣ потоки пролитой крови произвели то впечатлѣніе, что разрывъ между сѣверными и южными штатами до того глубокій и окончательный, что возстановленіе сѣверо-американскаго союза соединенныхъ штатовъ въ той цѣлости, въ какой онъ существовалъ до войны, невозможно; да и въ сѣверныхъ штатахъ реакція опять взяла перевѣсъ, т. е. демократическая партія при выборахъ опять зашевелилась. Но все-таки ничего важнаго не произошло. Линкольнъ и большая масса народа оставались тверды, а въ вопросѣ о невольничествѣ опять сдѣланъ былъ важный шагъ впередъ. 22 сентября Линкольнъ издалъ прокламацію, въ которой предлагалъ конгрессу принять «мѣры для того, чтобы предложить возставшимъ штатамъ денежное вознагражденіе за освобожденіе негровъ»; но въ то же время присовокуплялъ, что съ 1 января 1863 года всѣ невольники вообще, во всѣхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ, безъ исключенія, жители которыхъ въ данную минуту будутъ находиться въ войнѣ съ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, будутъ освобождены отъ рабства на всегда. 2 декабря конгрессъ вновь собрался. Опять отчетъ президента съ твердостію заявлялъ: «нѣтъ ни прямой, ни кривой линіи, чтобы служить пограничной чертой при раздѣленіи Соединенныхъ Штатовъ», затѣмъ вновь предложилъ законнымъ образомъ разобрать и разрѣшить вопросъ о невольничествѣ и назначить сумму на вознагражденіе для каждаго изъ штатовъ, въ которомъ невольничество находится, съ тѣмъ, чтобы освобожденіе негровъ производилось постепенно и окончилось въ какой бы то ни было срокъ, но непремѣнно къ 1 января 1900 года. Между тѣмъ 1 января 1863 года наступило, а сепаратисты не дѣлали ни малѣйшаго намека на то, что готовы положить оружіе, и потому, не дождавшись съ ихъ стороны никакого соглашенія, президентъ издалъ свою знаменитую прокламацію объ освобожденіи негровъ. «Я, Авраамъ Линкольнъ, президентъ Соединенныхъ Штатовъ, въ силу врученнаго мнѣ полноправнаго начальства надъ арміей и флотомъ, объявляю, какъ неизбѣжную и неотвратимую мѣру, для успѣшнѣйшаго прекращенія вооруженнаго возстанія нѣкоторыхъ штатовъ противъ законнаго правительства всѣхъ соединенныхъ штатовъ, что съ перваго дня января, наступившаго 1863 года, въ тѣхъ штатахъ, или въ тѣхъ частяхъ штатовъ, народонаселеніе которыхъ въ настоящее время находится подъ оружіемъ и подняло его на свое законное правительство, какъ-то: Арканзасъ, Техасъ, Луизіана, Миссисипи, Алабама, Флорида, Георгія, Южная Каролина, Сѣверная Каролина и Виргинія, итакъ, въ силу даннаго мнѣ полномочнаго права и для достиженія вышеозначенной цѣли, я симъ утверждаю и объявляю, что всѣ негры-невольники въ упомянутыхъ штатахъ и частяхъ ихъ свободны отнынѣ и останутся свободными на вѣчныя времена; кромѣ того я смотрю на это, какъ на актъ чистой справедливости, которую допускаетъ основная конституція не только, какъ на мѣру вызванную военной потребностью, но обращаюсь къ спокойному разсужденію всякаго мыслящаго человѣка и спрашиваю, законъ этотъ согласенъ ли съ божескими и человѣческими правами.» Кромѣ того 2 февраля палата представителей издала декретъ, предоставлявшій президенту право вооружать такое количество негровъ, какое онъ найдетъ нужнымъ.

Точно такую же непоколебимую рѣшимость выказало правительство Соединенныхъ Штатовъ при предложеніи посредничества европейскихъ державъ. Императоръ Наполеонъ надѣялся привлечь на свою сторону Англію и Россію, чтобы онѣ вмѣстѣ съ нимъ вошли съ предложеніемъ быть посредниками для примиренія враждующихъ между собою южныхъ и сѣверныхъ штатовъ. Но всему этому положила конецъ депеша Сьюарда отъ 9 марта 1863 года, въ которой онъ увѣдомлялъ всѣхъ посланниковъ Соединенныхъ Штатовъ при европейскихъ дворахъ о рѣшеніи конгреса впредь ни подъ какимъ предлогомъ подобныхъ предложеній не принимать: конгрессъ на всякую попытку подобнаго рода будетъ смотрѣть, какъ на враждебное изъявленіе. Разсчеты съ Франціей, изъ-за ея вмѣшательства въ мексиканскія дѣла, на время оставили въ сторонѣ; но за то относительно Англіи республика приняла грозное положеніе. Съ декабря 1862 года до февраля 1863 года, тянулась дипломатическая переписка. Американское правительство жаловалось на то, что въ англійскихъ гаваняхъ снаряжаются военные корабли для возмутившихся штатовъ, и Сьюардъ поручилъ объ-

яснить англійскому правительству, что Соединенные Штаты предоставляютъ себѣ право въ удобное время потребовать вознагражденія за причиненные этими кораблями убытки и разореніе. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Чарльзъ Россель, возразилъ, что при существующемъ порядкѣ вещей администрація не имѣетъ никакой возможности чѣмъ нибудь помѣшать такому снаряженію кораблей, но въ тоже время англійское правительство никогда не приметъ подобныхъ требованій и претензій. На это Сьюардъ отвѣчалъ, что это окажется въ свое время; въ августѣ переписка снова возобновилась: Сьюардъ объявилъ, что если строющіяся панцырныя суда выйдутъ изъ англійскихъ гаваней, то сохраненіе мира съ Англіей сдѣлается невозможнымъ. Такое заявленіе произвело сильнѣйшее впечатлѣніе въ Европѣ: въ то самое время, когда внутреннее положеніе дѣлъ было болѣе чѣмъ сомнительное, когда нельзя было знать, какой исходъ приметъ борьба съ южными штатами, сѣверные штаты говорятъ о новой войнѣ, о войнѣ съ первою морскою державою въ мірѣ и говорятъ съ величайшимъ равнодушіемъ, какъ о вещи самой неважной. Но англійское правительство избѣгало войны; оно подумало и приняло свои мѣры, чтобы панцырныя суда не оставляли англійскихъ гаваней. Что же касается до убытковъ, отъ этого понесенныхъ, то англичане рѣшились представить счетъ имъ въ надлежащее время.

Около этого времени Соединенные Штаты пріобрѣли значительный, даже рѣшительный перевѣсъ надъ южными. Главная жизненная артерія, питавшая южные штаты, была отрѣзана: все теченіе Миссисипи, начиная отъ Мемфиса до Новаго Орлеана, было безспорно во власти сѣвернаго войска. Сепаратисты удерживали за собою Виксбургъ и портъ Гудзонъ и, слѣдовательно, только часть теченія рѣки, въ 30 миль, но достаточную для того, чтобы поддерживать сообщеніе между Луизіаной и прилежащими къ ней штатами, которые доставляютъ хлѣбъ хлопчатобумажнымъ штатамъ. Противъ этого-то важнаго пункта, Виксбурга, направился генералъ Грантъ, со всею своею западною арміей и дѣйствовалъ сообща съ рѣчною флотиліей; послѣ долгой осады и геройской защиты Виксбургъ палъ 4 іюля 1863 года съ 30,000 гарнизона и съ 260 орудіями, а 8 іюля и Гудзонъ съ 6,000 гарнизона и 70 орудіями; теченіе Миссисипи было свободно, сѣверозападнымъ штатамъ путь къ морю открытъ, а самая сила конфедераціи сломана. Послѣ этого война приняла характеръ партизанской; приносила много вреда въ отдѣльности, но въ цѣломъ казалась окончательно рѣшенною. Въ концѣ 1863 года штаты Тенесси и Кентуки находились неоспоримо во власти Соединенныхъ Штатовъ.

На восточномъ поприщѣ военныхъ дѣйствій, операціи начались только въ апрѣлѣ. Главное начальство надъ Потомакской арміей, вмѣсто Бернсейда, принялъ генералъ Гукеръ. Онъ перешелъ черезъ Раппаганокъ; отъ 2 до 6 мая происходило сраженіе при Фредериксбургѣ (Шаиселорсвиллѣ) и побѣдителямъ остался Ли; онъ съ своей стороны тоже перешелъ Потомакъ и двинулся въ Мериэндъ и Пенсильванію. Въ предѣлахъ Пенсильваніи, при Геттисбургѣ, произошло новое сраженіе, въ которомъ союзными войсками командовалъ новый начальникъ, генералъ Миде; битва длилась съ 1 по 3 іюля. Это была самая кровопролитная въ этой войнѣ и продолжалась до послѣ обѣда третьяго дня. Ли, вездѣ являвшійся, какъ замѣчательный полководецъ, прекратилъ битву совершенно во-время, потому что ряды его были совсѣмъ опрокинуты, и онъ спасъ свое войско отъ окончательнаго пораженія только ловкимъ и безстрашнымъ отступленіемъ; безъ дальнихъ потерь и препятствій онъ переправился обратно черезъ Потомакъ. Слѣдовательно на этомъ важнѣйшемъ пунктѣ все осталось въ томъ же положеніи, въ какомъ было, и обѣ арміи спокойно заняли свои прошлогоднія зимнія квартиры.

Весь слѣдующій годъ непріязненныя дѣйствія продолжались, но также безъ окончательнаго рѣшенія. Въ декабрѣ 1863 года демократическая партія предложила конгрессу войти въ переговоры; президента просили о томъ, чтобы онъ назначилъ комиссаровъ, которые бы совѣщались съ судебными учрежденіями Ричмонда о томъ, какъ бы окончить «эту кровопролитную, истребительную, безчеловѣчную войну.» Но большинствомъ 98 голосовъ противъ 59 конгрессъ отвергнулъ предложеніе сепаратистовъ и напротивъ принялъ противоположное рѣшеніе: конгрессъ намѣренъ продолжать войну со всею зависящею отъ него безпо-

щадностью и не жалѣя ни силъ, ни средствъ, пока не будетъ возстановленъ безпрекословный авторитетъ союза, во всѣхъ частяхъ національнаго, поземельнаго обладанія, и потому отвергаетъ всякое предложеніе о перемиріи, о мирѣ и о посредничествѣ до тѣхъ поръ, пока послѣдній мятежникъ не положитъ оружія и не покорится верховному союзному правленію.

Такимъ языкомъ могъ говорить конгресъ сѣверныхъ штатовъ: сильныя потери ослабили южные штаты; кровопролитіе длилось уже третій годъ и побѣдительныя деньгами и людьми южные штаты это сильно чувствовали, между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ положеніе было несравненно лучше: сотни тысячъ людей, которыхъ законъ призывалъ къ оружію, хотя и не были всѣ сполна на лицо и конскрипція, къ которой въ этомъ году прибѣгли, дала немного новобранцевъ, но все-таки можно было надѣяться, что существующихъ людей и капиталовъ достанетъ на продолженіе войны; къ тому же генералы, солдаты и управленіе постоянно пополнялись и совершенствовались. Сухопутное войско сѣверныхъ штатовъ въ началѣ 1864 года доходило до 450,000 человѣкъ, въ числѣ ихъ 65,000 негровъ, между тѣмъ какъ войско сепаратистовъ едва ли доходило до 200,000 чел., хотя прокламація диктатора Джефферсона Девиса, отъ 10 іюля 1863 года, призывала къ оружію всѣхъ мужчинъ, начиная съ 18 до 40 лѣтняго возраста, и по конскрипціи не трудно было вербовать рекрутовъ тамъ, гдѣ народъ въ своемъ ослѣпленіи самъ отстаивалъ свое угнетенное положеніе. Война съ каждымъ днемъ принимала характеръ большей жестокости. Уже 30 іюля 1863 года, Линкольнъ принужденъ былъ издать прокламацію для защиты негровъ, служившихъ въ войскахъ сѣверныхъ штатовъ; онъ постановилъ за каждаго плѣннаго солдата Соединенныхъ Штатовъ, какого бы цвѣта кожи онъ не былъ, который, вопреки военнымъ законамъ, будетъ умерщвленъ, казнить по одному изъ плѣнныхъ сепаратистовъ; за каждаго плѣннаго, котораго во враждебномъ лагерѣ обратятъ въ рабство, одного изъ плѣнныхъ сепаратистовъ присуждать къ тяжкой работѣ на общественную пользу и отъ этой работы освобождать его только тогда, когда невольникъ будетъ освобожденъ сепаратистами.

Военныя дѣйствія въ обширныхъ размѣрахъ начались только въ мартѣ 1864 года, и на этотъ разъ сѣверныя войска первыя подали сигналъ. Западную армію, или армію Тенесси и Кумберланда поручили командѣ генерала Шермана, а восточную, или потомакскую армію передали генералу Гранту. Западной арміи поручено было овладѣть Аталантой, большимъ складочнымъ мѣстомъ оружія и военныхъ снарядовъ въ срединѣ штата Георгіи. У Шермана вокругъ Чатанога, въ Тенесси, было сосредоточено около 90,000 человѣкъ, и съ этою арміей онъ двинулся на югъ. Очень даровитый сепаратистическій генералъ, Джонстонъ отступалъ передъ этой громадой, между тѣмъ какъ его партизаны и летучіе отряды безпокоили сѣверянъ и дѣлали ихъ линію сообщенія небезопасною: при этомъ заманиваніи враждебнаго войска вглубь Георгіи, страны мало населенной, простирающейся на 2700 кв. миль, у него было намѣреніе прежде всего ослабить врага и подвергнуть его ненависти народонаселенія, вполнѣ враждебнаго янкамъ. Но совершенно не во время, конфедераты отозвали Джонстона отъ командованія и на мѣсто его назначили начальникомъ менѣе опытнаго и менѣе способнаго генерала Гуда. Начались запутанныя операціи, длившіяся до 1 сентября, но тутъ конфедераты не могли долѣе держаться въ Аталантѣ и принуждены были очистить городъ послѣ того, какъ они истребили весь складъ оружія, всѣ припасы и магазины; 2 числа союзныя войска заняли городъ. Гудъ попытался перенести войну на сѣверъ, надѣясь, что Шерманъ послѣдуетъ за нимъ туда. Но онъ послалъ за нимъ только часть своего войска, корпусъ въ 35,000 чел., подъ начальствомъ генерала Томаса, которому и удалось, 16 декабря, при Нашвиллѣ, разбить своего противника. Послѣ этого Шерманъ съ главною арміей направился къ Атлантическому океану, чтобы, если можно, занять самыя важныя приморскія укрѣпленія южныхъ штатовъ: Саванну въ Георгіи, Чарльстоунъ и Вильмингтонъ въ Каролинѣ, противъ которыхъ всѣ попытки сѣвернаго флота до сихъ поръ оставались безуспѣшны, но теперь онъ надѣялся взять ихъ съ суши, а если это не удастся, то, по крайней мѣрѣ, прервать всякое сообщеніе ихъ съ Ричмондомъ. Этотъ хорошо придуманный планъ былъ очень искусно и удачно выпол-

пенъ. Ноября 12 Шерманъ выступилъ съ 55,000 пѣхоты и 10,000 кавалеріи; послѣ 32 дневнаго похода, въ теченіе котораго онъ прошелъ отъ 70 до 80 миль, онъ достигнулъ морскихъ береговъ и вошелъ въ сношеніе съ эскадрой сѣверныхъ штатовъ, находившейся въ устьѣ Огичи. Сепаратистскій генералъ разсудилъ, что для его партіи сохраненіе 15,000 корпуса важнѣе, нежели крѣпость, и потому очистилъ Саванну и ретировался въ Чарлстоунъ. Декабря 22 Шерманъ занялъ Саванну.

Это имѣло большое значеніе и для восточнаго мѣста военныхъ дѣйствій, гдѣ должна была рѣшиться судьба войны. Грантъ, генералиссимусъ соединенныхъ войскъ, довелъ потомакскую армію до 120,000 человѣкъ; онъ перешелъ 5 мая Рапиданъ и въ лѣсистой, покрытой холмами мѣстности, по среднему теченію этой рѣки, въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ «Wilderness», пустынной, дѣло дошло до битвы, длившейся трое сутокъ и извѣстной подъ названіемъ б и т в ы в ъ п у с т ы н ѣ. Ли потерпѣлъ пораженіе, но и сѣверяне лишились при этомъ 30,000 чел. Не смотря на это кровопролитіе, все-таки ничего нерѣшительнаго не произошло: нѣсколько попытокъ, сдѣланныхъ Бутлеромъ и Грантомъ съ соединенными войсками противъ крѣпкихъ позицій Ричмонда и Петерсбурга были съ успѣхомъ отражены генералами Ли и Божераромъ. Августа 18 Гранту удалось овладѣть важною Вельданской линіей желѣзной дороги, которая ведетъ на югъ; чтобы вздохнуть свободнѣе, Ли поручилъ генералу Ирли сдѣлать смѣлую диверсію: ему велѣно было воспользоваться незанятою долиной Шенанды, пройти ею на сѣверъ и сдѣлать вторженіе въ Мерилэндъ и Пенсильванію. Это удалось: опустошая огнемъ и мечемъ, грабя все, что можно было, онъ бурно пронесся по означенной мѣстности; но 21 и 22 сентября при Фишерсъ-Гилль встрѣтился съ Шериданомъ и былъ разбитъ; опять годъ прошелъ и Ричмондъ по прежнему неприкосновенно стоялъ на своемъ мѣстѣ.

Между тѣмъ, на политическомъ поприщѣ сдѣлано было важное пріобрѣтеніе. Періодъ управленія Авраама Линкольна приближался къ концу, но по кореннымъ законамъ вторичное избраніе на президенство дозволялось. Борьба и волненіе при выборахъ были очень оживленныя. Выставили трехъ кандидатовъ. Демократическая партія, такъ называемое плато Чикаго, потому что тамъ установилась и программа дѣйствій, и кандитатъ былъ обозначенъ, требовала, чтобы военныя дѣйствія были прекращены и чтобы мирными средствами улаживались несогласія и возстановился союзъ на федеральныхъ началахъ; кандитатомъ этой партіи былъ Макъ-Клелланъ. Республиканцы раздѣлились. Умѣренная, платформа Бальтиморская, требовала полнаго, окончательнаго уничтоженія невольничества и продолженія войны до тѣхъ поръ, пока послѣдній изъ возставшихъ не покорится; они крѣпко держались Линкольна и требовали его вторичнаго избранія въ президенты. Третья, радикальная партія не довольствовалась, хотя рѣшительной, но умѣренною политикою Линкольна; эта, Клевеландская платформа, требовала конфискаціи имѣній и всей собственности возставшихъ, въ пользу колонистовъ и солдатъ, и полнѣйшее равенство между всѣми жителями соединенныхъ штатовъ: другими словами это значило: имъ казалось недостаточно отпустить негровъ, освободить ихъ отъ рабства, они въ тоже время требовали, чтобы имъ дано было полное право избирательнаго голоса. Ихъ кандидатомъ былъ генералъ Фремонтъ, о которомъ мы уже говорили выше, но онъ отступилъ еще до рѣшенія и отказался отъ кандидатства. Послѣ этого вопросъ сдѣлался проще: кто желалъ продолженія войны и безпрекословной покорности со стороны южанъ, тотъ подавалъ голосъ за Линкольна; кто, послѣ трехъ лѣтъ тяжкихъ воинскихъ трудовъ, испытаній и потерь еще придерживался правилъ, высказанныхъ въ вступительной рѣчи Линкольна и больше всего стремился къ мирнымъ совѣщаніямъ и путемъ кротости старался достигнуть порядка, тотъ подавалъ голосъ за Макъ-Клеллана.

Ноября 8 участь выборовъ была рѣшена. Изъ 22 штатовъ 213 избирателей подали голоса за Линкольна, а изъ 3 штатовъ 21 за Макъ-Клеллана. Первое избраніе было выраженіемъ воли 2,185,502 коренныхъ избирателей, а второе 1,778,200: слѣдовательно неоспоримое большинство народа, избирая вторично Линкольна, высказывало свое рѣшеніе продолжать войну, которая сдѣлалась во-

просомъ чисто гуманнымъ: дѣло шло прежде всего о томъ, будетъ ли въ будущемъ это большое союзное общественное учрежденіе по прежнему основываться на непрочномъ, нездоровомъ и безнравственномъ фундаментѣ, о томъ, можетъ ли въ XIX столѣтіи основываться новое государственное устройство съ либеральными стремленіями на устарѣломъ законѣ рабства.

Вѣсы справедливости склонялись на сторону права негровъ на человѣческое достоинство и правое дѣло готово было восторжествовать, но полное рѣшеніе все еще не происходило. Рѣшеніе это совпадаетъ съ потрясающими событіями второй половины девятнадцатаго столѣтія, разсказъ о которыхъ составитъ третью часть нашего повѣствованія.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ОТЪ КОНЧИНЫ

ФРИДРИХА VII ДАТСКАГО

ДО

ФРАНКФУРТСКАГО МИРА.

1863 — 1874.

Введеніе.

Повѣствованіе наше дошло до половины 1863 года; событія складывались такъ, что можно было предчувствовать катастрофу и предвидѣть не въ дальнемъ будущемъ рѣшительную борьбу. Отливъ демократическихъ стремленій, послѣ кризиса 1848 до 1852 года, такъ знаменательнаго по своему вліянію на общественную жизнь Европы, окончился и наступила новая пора прилива: демократическія силы зашумѣли, заволновались и со всѣхъ сторонъ готовы были хлынуть на существующій бытъ.

Годъ начался важнымъ заатлантическимъ извѣстіемъ: прокламація Авраама Линкольна объ освобожденіи негровъ одушевительно прошумѣла по Европѣ; вспыхнуло польское возстаніе, само по себѣ довольно важное, чтобы привлечь всеобщее вниманіе, а со стороны Англіи, Франціи и Австріи вызвавшее цѣлый рядъ дипломатическихъ протестовъ и примирительныхъ попытокъ, оставшихся, однакожь, безъ послѣдствій. Въ іюнѣ происходили во Франціи общіе выборы въ члены законодательнаго корпуса, но они, по крайней мѣрѣ въ Парижѣ, окончились довольно чувствительнымъ пораженіемъ императорскаго управленія. Это пораженіе, въ глазахъ Европы, имѣло больше значенія, нежели всѣ за тѣмъ послѣдовавшіе успѣхи въ остальныхъ городахъ и департаментахъ Франціи. Въ тоже время, 1 іюня, въ Берлинѣ обнародованы были стѣснительныя правила печати, на которыя въ Пруссіи съ негодованіемъ смотрѣли, какъ на посягательство на права, данныя конституціей; уже и до тѣхъ поръ сильное раздраженіе народа дошло до опаснаго озлобленія, и въ цѣлой Германіи пробудилась ненависть и злоба противъ существующаго порядка вещей, противъ ложнаго конституціоннаго порядка, или вѣрнѣе, противъ самоволія, скрывающагося за конституціонными формами и болѣе всего усилилась досада на пустую болтовню на счетъ формы союзнаго сейма. Никогда, даже въ 1848 году, политическія страсти въ Германіи не дошли до такого раздраженія: важныя происшествія въ Европѣ и за океаномъ, какими богатъ текущій годъ: нерѣшительныя, кровопролитныя битвы въ сѣверо-американской междоусобной войнѣ, учрежденія новыхъ троновъ въ Италіи и въ Мексикѣ, медленныя и тяжкія попытки создать въ Австріи новую конституціонную форму правленія, все это для Германіи исчезало передъ интересомъ, пробужденнымъ переломомъ, который готовился въ Пруссіи и отъ котораго очевидно зависѣла вся будущность Германіи.

Но волненія и движенія, происходившія въ первой половинѣ этого бурнаго года были неважны и незначительны въ сравненіи съ тѣми знаменіями и чудесами, какія принесла съ собой вторая его половина. Сначала весь міръ удивился смѣлости Австріи, съ какою она взялась за разрѣшеніе германскаго вопроса, тогда какъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ не знала, какъ распутать усложняющіяся недоразумѣнія и увеличивающуюся съ каждымъ днемъ путанницу своихъ собственныхъ вопросовъ и отношеній; это, какъ и слѣдовало ожидать, породило

нѣкоторое движеніе въ народѣ, но удивительнѣе всего было то, что ненавистный прусскій министръ, только-что согнувшій пруссаковъ подъ ненавистное стѣсненіе, заимствованное изъ арсенала французскаго деспотизма, противопоставилъ австрійскому, хитросплетенному акту реформы союзнаго сейма общіе выборы и учрежденіе нѣмецкаго парламента. Наполеонъ выступилъ съ новою зажигательною идеей, брошенной въ современное броженіе идей; онъ 5 ноября отправилъ ко всѣмъ европейскимъ дворамъ посланія, приглашавшія ихъ ко всеобщему конгрессу, для разрѣшенія всевозможныхъ вопросовъ датско-германскаго, польско-рускаго, австрійско-италіянскаго и, если можно, то и найти рѣшеніе для римскаго и восточнаго вопроса — лучше теперь искать разрѣшенія этихъ вопросовъ мирнымъ путемъ совѣщанія, говорилъ онъ, въ своей тронной рѣчи, потому что рано, или поздно,—и, прибавилъ онъ въ пророческомъ духѣ «роковымъ образомъ»—вопросы эти будутъ рѣшены оружіемъ, на поляхъ, обагренныхъ кровью.

Война, первая въ ряду многихъ войнъ, приближалась; но поводъ къ ней поданъ былъ вовсе непредвидѣнный и не входившій въ комбинаціи государственныхъ людей. Лордъ Пальмерстонъ, говоря о тогдашнемъ политическомъ состояніи различныхъ державъ, сказалъ, что на горизонтѣ видитъ пылающій факелъ—Польшу и чуть горящую спичку—Шлезвигъ-Гольштейнъ, но въ тоже время высказалъ опасеніе, что вся Европа можетъ вспыхнуть отъ спички, а не отъ факела. Такъ и вышло: польскій факелъ, такъ грозно сверкавшій, былъ залитъ и потухъ на долго, если не навсегда; напротивъ, разрѣшеніе шлезвигъ-гольштинскаго вопроса, тянувшагося два десятилѣтія, выступилъ наконецъ на первый планъ и поперемѣнно зажегъ одну войну за другою.

Ноября 15, 1863 года, совсѣмъ неожиданно, скончался король датскій Фридрихъ VII въ своемъ замкѣ Глюксбургѣ.

Вотъ это-то и было событіе, послужившее началомъ тѣхъ великихъ событій, которыя въ трехъ различныхъ фазисахъ измѣнили весь европейскій строй и послужили началомъ новой эпохи, съ началомъ которой должно окончиться наше повѣствованіе, потому что мы сами живемъ, движемся и чувствуемъ въ этой эпохи и слѣдовательно судить о ней не можемъ, она для насъ настоящее.

Сами событія раздѣляютъ эту часть нашей исторіи на слѣдующіе три отдѣла: отъ 1863—1866; отъ 1866—1870 года и наконецъ отъ 1870 до 1871 года. Изъ германско-датской войны развилась великая германская война. Пруссія и Италія должны были бороться съ Австріей и со страстью германскаго союза и народа къ сохраненію своей территоріальной собственности; пріобрѣтенія, вслѣдствіе военнаго разрѣшенія вопросовъ, 1866 года возрожденія Германіи и Италіи; они дополняются и приходятъ къ разрѣшенію посредствомъ сильнѣйшаго столкновенія въ текущемъ столѣтіи, исторія котораго насъ занимаетъ и которое выразилось нѣмецко-французскою войною.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ.

ОТЪ КОНЧИНЫ ФРИДРИХА VII ДАТСКАГО ДО НАЧАЛА ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Отъ 15 ноября 1863 до 15 іюня 1866 года.

А. СѢВЕРНАЯ ВОЙНА. ГЕРМАНІЯ.

А. ДО НАЧАЛА ВОЙНЫ.

Отъ 15 ноября 1863 года до 18 января 1864 года.

За два дня до неожиданной кончины короля (13) датскій рейхсратъ, какъ мы уже говорили выше, принялъ новую конституцію, дѣйствительную для Даніи и для герцогства Шлезвигскаго, т. е. другими словами конституцію, въ силу которой Шлезвигъ долженъ былъ окончательно слиться съ Даніей. Конституція была совсѣмъ готова, не доставало только королевской подписи. Неожиданная кончина короля давала руководящей партіи возможность еще разъ пересмотрѣть и обдумать положеніе дѣла; для новаго короля Христіана IX, взошедшаго на престолъ, на основаніи рѣшенія Лондонскаго протокола отъ 8 мая 1852 года, вопросъ былъ очень важный и затруднительный; подписать ли свое имя подъ вновь составленной конституціей, или нѣтъ.

Главные городскіе представители и государственные сановники, уже 17 числа поднесли ему адресъ съ просьбой поскорѣе подписать конституцію. Но онъ колебался и просилъ отсрочки, чтобы обдумать вопросъ: и дѣйствительно, надобно было сперва хорошенько все обдумать и взвѣсить прежде, чѣмъ рѣшиться. Конституція, или вѣрнѣе, распространеніе ея на Шлезвигъ, составляла самое начало несогласія—зерно спора, столько времени служившаго причиной вражды между германскими передовыми державами союза съ одной стороны и датскимъ правительствомъ съ другой: союзный сеймъ рѣшился привести въ исполненіе экзекуцію, постановленную 1 октября текущаго года; далѣе извѣстно было, что Австрія, послѣ введенія своего проекта реформъ, равно какъ и воинственно - вооруженная Пруссія, при такомъ энергическомъ министрѣ, какъ Бисмаркъ не будутъ хладнокровно смотрѣть на присоединеніе Шлезвига къ Даніи, но почтутъ это дѣйствіе личнымъ для себя вызовомъ и будутъ дѣйствовать, сообразно съ этимъ; въ этомъ во всемъ даже датское, ослѣпленное правительство не могло сомнѣваться.

Передъ новымъ королемъ возставали двѣ стороны предмета: если онъ подпишетъ конституцію, то опасность, не касаясь лично до него, во всякомъ случаѣ будетъ отдаленною; но опасность отъ того, если онъ не подпишетъ конституціи, или если даже отложитъ подпись, все-таки была немедленная и лично до него касающаяся: грозно собирались народныя толпы, и чернь шумѣла передъ

копенгагенскимъ королевскимъ дворцомъ. Утромъ, 18 числа, король подписалъ актъ; министръ Баллъ тотчасъ извѣстилъ рейхсратъ, и тотъ собрался и поднесъ свое поздравленіе королю; извѣщенія объ этомъ немедленно были разосланы во всѣ города и области, вмѣстѣ съ приказаніемъ приносить присягу королю, какъ въ Шлезвигѣ, такъ и въ Гольштиніи, назначая для этого трехдневный срокъ.

Но положеніе дѣлъ дѣлалось очень серьезное. Съ Фридрихомъ VII вымерла мужская королевская линія Ольденбургскаго дома. Прямаго наслѣдника не было на лицо; признанные ближайшими претендентами существовали только лица, на которыя указываютъ европейскія соглашенія, изложенныя въ вышеупомянутомъ лондонскомъ протоколѣ, составленномъ въ самое печальное время для Германіи; по этому протоколу принцъ изъ Глюксбургскаго дома дѣлался датскимъ королемъ и герцогомъ Шлезвига и Гольштиніи. Законнымъ наслѣдникомъ въ обоихъ герцогствахъ былъ по праву, признанному большинствомъ народонаселенія и большинствомъ германскихъ ученыхъ юристовъ, герцогъ Фридрихъ Аугустенбургскій; онъ въ 1848 году служилъ въ шлезвигъ-гольштинской арміи, потомъ перешелъ въ прусское войско и дослужился до маіорскаго чина, но вышелъ въ отставку и жилъ въ своемъ помѣстьѣ въ Нижнемъ-Лаузицѣ; онъ только однажды, и то не во время, протестовалъ противъ отреченія отца, отказавшагося отъ правъ своихъ на герцогство и за себя и за своихъ наслѣдниковъ; далѣе онъ не вмѣшивался въ дѣла и не обнаруживалъ признаковъ существованія.

Но теперь, слѣдуя совѣтамъ вождей національной партіи, онъ выступилъ съ своими претензіями и подалъ поводъ къ тому, чтобы вопросъ былъ снова поднятъ. Въ прокламаціи къ жителямъ Шлезвига, Гольштиніи и Лауэнбурга онъ извѣщалъ, что съ 16 ноября вступаетъ на престолъ, подъ именемъ Фридриха VIII герцога Шлезвигъ-Гольштинскаго. «Съ эихъ поръ, прибавлялъ онъ, владычество датскаго короля надъ герцогствами будетъ незаконнымъ»; затѣмъ призываетъ правительство германскаго сейма и всѣ германскія государства въ отдѣльности на защиту правъ своихъ, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ собственныя права. Въ тотъ-же самый день баденскій посланникъ при союзномъ сеймѣ, Робертъ фонъ Моль, извѣстный, какъ одинъ изъ самыхъ ученыхъ юристовъ Германіи, донесъ союзному сейму о восшествіи на престолъ герцога Фридриха VIII.

Это происшествіе сильно отразилось на цѣломъ германскомъ народѣ. На этомъ самомъ вопросѣ въ 40-выхъ годахъ ободрилось и окрѣпло народное самосознаніе: славныя битвы и постыдное пораженіе на поляхъ тѣхъ же самыхъ герцогствъ, въ продолженіе роковаго переворота отъ 1848 до 1852 года, были еще свѣжи въ народной памяти; раны, въ тѣ времена нанесенныя національной чести, опять открылись и изъ нихъ засочилась кровь. Но этому движенію придало много силы и увѣренности, что для разрѣшенія этого вопроса, уже не разъ бывшаго причиной раздора, было то обстоятельство, что *народная воля* вполнѣ согласовалась съ желаніемъ государя и его правомъ; либералы и консерваторы въ этомъ великомъ дѣлѣ, касающемся интересовъ цѣлой націи, каждая съ своей точки зрѣнія, но дѣйствовали на одной и той же общественной почвѣ и помогали другъ другу. Въ теченіе нѣсколькихъ дней и недѣль въ безчисленномъ множествѣ собраній, во многихъ адресахъ, прошеніяхъ и обращеніяхъ къ правительствамъ, посредствомъ палатъ депутатовъ, вездѣ, гдѣ только они находились на лицо въ сборѣ, въ Франкфуртѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, Дармштатѣ, въ Штутгартѣ, вездѣ съ величайшимъ жаромъ доказывали, что герцогства должны быть отдѣлены отъ Даніи, что они, по всѣмъ кореннымъ правамъ, должны стоять подъ управленіемъ своего *прирожденнаго наслѣдственнаго* герцога; этого требовала нація, во имя своего законнаго права. Мюнхенскіе жители послали своему королю всеподданнѣйшую просьбу, по телеграфу въ Римъ, гдѣ онъ для своего здоровья находился, чтобы онъ въ минуту наступающаго серьезнаго времени возвратился къ своему народу; король немедленно исполнилъ желаніе своихъ подданныхъ. Вездѣ волновался народъ, вездѣ дѣлались сходки и собранія и вездѣ выражалась полная готовность ко всѣмъ возможнымъ жертвамъ; тому же самому вліянію подчинялись палаты депутатовъ и выражали ту же самую готовность содѣйствовать герцогствамъ; въ Гольштиніи почти всѣ чиновники безъ исключенія отказывались присягать датскому королю, а въ Шлезвигѣ такихъ

нашлось довольно большое количество; довольно большое число гольштинскихъ членовъ государственныхъ чиновъ, не смотря на положительное запрещеніе датскаго правительства, даже на зло ему, собравшись въ Кплѣ 19 ноября, обратились съ убѣдительною просьбою къ сейму германскаго союза, чтобы онъ занялся ихъ участью. Отдѣльныя германскія государства очень охотно признали права новаго герцога; тѣ изъ нихъ, какъ напримѣръ Вюртембергское, приступившія къ составленію Лондонскаго протокола, на основаніи того, что датское правительство съ тѣхъ поръ дѣлало, или предпринимало вопреки условіямъ, заявили, что не считаютъ себя болѣе связанными тѣмъ актомъ. На этотъ разъ и союзный сеймъ пригодился: у него въ этомъ вопросѣ была полная свобода дѣйствія, потому что союзный сеймъ въ цѣломъ составѣ своемъ не принималъ лондонскаго протокола; онъ положилъ, 28-го при значительномъ большинствѣ голосовъ, до поры до времени отложить признаніе наслѣдственнаго права герцога на Гольштинію и Лауэнбургъ.

Для союзнаго сейма рѣшеніе вопроса казалось очень легко и просто, еще проще казалось оно взволнованному и раздраженному народу. Онъ вовсе не хотѣлъ обращать вниманія на протоколъ, посредствомъ котораго европейскія державы распоряжались участью страны, пергаментомъ присоединяя народы то къ тому, то къ другому государству; тогда въ дѣйствительности народы какъ прежде всего принадлежали сами себѣ. Не такъ легко и просто было дѣло для двухъ величайшихъ изъ германскихъ державъ; ихъ затрудняло то, что онѣ подписались подъ лондонскимъ протоколомъ. Но такого рода подпись, въ глазахъ дипломатовъ, равна была нулю; сегодня ее можно было дать, а завтра уничтожить; европейская война есть нѣчто такое, что очень легко и удобно кажется для народнаго собранія, или для взволнованнаго большинства въ палатѣ депутатовъ, особенно въ маленькомъ государствѣ, гдѣ любятъ метать крупными изреченіями и громкими словами, но за то тѣмъ серьезнѣе на войну смотритъ отвѣтственное правительство какого нибудь изъ крупныхъ государствъ.

Для Австріи возможность начать войну по многимъ причинамъ была очень сомнительна. Австрійскому правительству предстояло разрѣшеніе тысячи другихъ вопросовъ, касавшихся до него гораздо ближе; къ томуже поднявшійся вопросъ о герцогствахъ былъ для Австріи непріятенъ, а разрѣшеніе, данное ему лондонскимъ протоколомъ, вполнѣ достаточно и согласно съ австрійскими интересами; поэтому очень понятно, что императоръ Францъ-Іосифъ очень немплостиво принялъ депутацію отъ вѣнскаго городоваго общиннаго совѣта, ходатайствовавшаго въ пользу этого дѣла: онъ отказалъ имъ въ просьбѣ и посовѣтовалъ не вдаваться въ политику, а лучше заняться своими общинными потребностями. Гораздо важнѣе было для Пруссіи, съ какой точки зрѣнія она будетъ смотрѣть на Шлезвигъ-гольштинскій вопросъ; къ нему тоже обратились 23 ноября; депутаты Вирховъ и Ставенгагенъ подали прошеніе въ тонѣ преобладающаго народнаго настроенія въ пользу Августенбургскаго претендента. Но минутное настроеніе народа и серьезное разрѣшеніе національнаго вопроса не одно и тоже. На счетъ перваго не могло быть сомнѣнія, но за то второе представляло серьезную, великую и трудную задачу, при разрѣшеніи которой нельзя брать въ разсчетъ минутнаго народнаго настроенія. Народные политики думали очень просто изъ герцогствъ составить новое независимое промежуточное государство. На опасности, возникавшія изъ этого національнаго движенія, смотрѣли очень легко; между тѣмъ опасность отъ этого волненія для Пруссіи, т. е. для будущности Германіи, была велика; она скрывалась въ томъ нравоученіи, которое можно было вывести изъ изученія послѣдней швезвигъ-гольштинской войны, которую Пруссія вела съ непозволительнымъ безкорыстіемъ; далѣе въ политическомъ дилеттантизмѣ, съ какимъ сильная держава для собственнаго удовольствія вела отношенія и дѣла своей внѣшней политики, которая всегда находила своего истолкователя, защитника и представителя въ Вирховѣ, человѣкѣ умномъ, всегда готовомъ къ битвѣ. Только очень небольшая партія составилась вокругъ Вальдека, человѣка очень замѣчательнаго по уму и дарованію, самая выдающаяся личность изъ тогдашняго большинства палаты депутатовъ; онъ не раздѣлялъ туманнаго идеализма своей партіи; но совѣтовалъ ограничиться тѣмъ, чтобы отложить признаніе правъ Аугустенбургскаго претендента до другаго времени. Мало впечатлѣнія на палату

произвело объясненіе правительства, прочитанное Бисмаркомъ. Предложеніе коммиссіи было принято и большинствомъ 231 голоса противъ 63; она признавала неоспоримое наслѣдственное право Аугустенбургскаго принца, объявляла необязательность лондонскаго протокола и наконецъ вывела изъ всего заключеніе, что честь и интересъ Германіи требуютъ, чтобы всѣ германскія государства отстаивали права герцогствъ, признали герцога Фридриха Аугустенбургскаго и всѣми средствами содѣйствовали ему для упроченія его правъ. Такое скорое и простое разрѣшеніе шлезвигъ-гольштинскаго вопроса могло также просто и скоро поставить вопросъ, касающійся всей будущности Пруссіи и Германіи. Казалось бы, что и къ разрѣшенію его можно также легко и скоро приступить, какъ это уже въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ и дѣлалось, стараясь разрѣшать этотъ вопросъ по чувству симпатіи и антипатіи. Но правительство не смотрѣло съ этой точки зрѣнія. Бисмаркъ, привыкшій идти противъ теченія, обращался съ этимъ дѣломъ съ точки зрѣнія чисто-прусскихъ интересовъ, что одно только соотвѣтствовало постояннымъ и прочнымъ интересамъ Германіи, вообще, хотя въ данное время и противорѣчило минутному настроенію народа. Его не смутилъ упрекъ, сдѣланный извѣстнымъ профессоромъ физіологіи и парламентскихъ тонкостей, говорившимъ, что министръ ничего не понимаетъ въ національной нѣмецкой политикѣ; на этотъ упрекъ министръ возразилъ подобнымъ же, что ученый профессоръ и люди подобные ему ничего не разумѣютъ въ дѣлахъ иностранной политики. «Во первыхъ, говорилось въ декларації правительства, для насъ лондонскій протоколъ 1852 года обязателенъ, но онъ обязателенъ только въ такомъ случаѣ, если Данія выполнитъ всѣ выговоренныя условія и всѣ ограниченія, выполненіе которыхъ мы требуемъ; ежели эти условія будутъ нарушены со стороны Даніи, то мы предоставляемъ себѣ право держаться, или не держаться лондонскихъ условій, также и время, когда мы это рѣшимъ, предоставляемъ мы нашимъ соображеніямъ; до той поры мы держимся лондонскаго протокола, и датскій король Христіанъ въ глазахъ нашихъ прямой наслѣдникъ всѣхъ законныхъ и незаконныхъ преимуществъ своихъ предковъ: къ этому министръ присовокупилъ, что Австрія раздѣляетъ это воззрѣніе на лондонскій договоръ.

Это дѣйствительно такъ и было: уже 28 ноября оба правительства подали союзному сейму общую декларацію въ этомъ смыслѣ. Это была первая удача прусской политикѣ; послѣ многихъ неудачъ и ошибокъ ее наконецъ взялъ въ руки министръ, съ глубокимъ, проницательнымъ умомъ и съ силою убѣдительнаго слова такъ, что онъ съумѣлъ склонить Австрію на свою сторону; такой успѣхъ становится непонятнымъ, если вспомнить то, что происходило такъ недавно. Неопытный и недальновидный министръ, графъ Рехбергъ, стоявшій во главѣ министерства, поддаваясь австрійской традиціоной антипатіи, смотрѣлъ съ истиннымъ отвращеніемъ на національное движеніе Германіи и находилъ его опаснымъ; движеніе это, по его мнѣнію, было очевидно вызвано революціонными элементами, проникшими въ народъ; прусская выжидательная политика поэтому ей нравилась, она не требовала немедленаго и отчаяннаго рѣшенія: оставалась надежда принудить Данію къ уступкамъ, которыя дали бы возможность сохранить, хотя въ главныхъ чертахъ, существующій порядокъ вещей. Въ глазахъ остальной Европы это былъ самый вѣрный, а въ случаѣ войны, самый удобный путь: горячіе южные германскіе либералы, или демократы видѣли иной исходъ, они восклицали: «воспрянь, храбрая Австрія, разверни свое знамя» — стань во главѣ національнаго движенія и такимъ образомъ отними у Пруссіи первенство;— но этотъ путь не могъ нравиться австрійскимъ государственнымъ людямъ въ такомъ случаѣ, еслибы для того ничего, кромѣ мужества, не требовалось. Что такого рода робкая политика дѣлала Австрію непопулярной въ Германіи, до этого правителямъ не было никакого дѣла, тѣмъ болѣе, что и Пруссія была точно также непопулярна, а въ Германіи уже съ давнихъ поръ привыкли все прощать Австріи и ничего Пруссіи.

Не смотря на это, національная партія не переставала выражать своего одушевленія; австрійско-прусскій союзъ господствовалъ надъ общественнымъ мнѣніемъ, давалъ направленіе дѣлу и имѣлъ вліяніе на дальнѣйшій ходъ событій. Декабря 4 оба первенствующія правительства адресовали одинаковаго содержанія

ноты своимъ германскимъ союзникамъ; они предостерегали ихъ не превращать рѣшенной 10 октября экзекуціи въ Гольштиніи, въ занятіе войсками мѣстности по случаю спорнаго вопроса о наслѣдственномъ правѣ принца Аугустенбургскаго, какъ того требовали нѣкоторыя правительства, напримѣръ, саксонское; потому что въ случаѣ большой войны, которая легко можетъ загорѣться вслѣдствіе такого рѣшенія, и такъ какъ тягость военная прежде всего упадетъ на двѣ первенствующія державы германскаго союза, то онѣ и не могутъ дозволить, чтобы вопросъ былъ рѣшенъ большинствомъ голосовъ и чтобы меньшія союзныя государства потому только, что ихъ много, рѣшали и опредѣляли способъ дѣйствія этихъ державъ; поэтому обѣ державы просятъ тѣхъ изъ союзниковъ, которые раздѣляютъ ихъ образъ мыслей и мотивы дѣйствій, тѣснѣе соединиться съ ними, къ тому же ничего не мѣшаетъ каждому изъ правительствъ имѣть свой собственный, отдѣльный взглядъ на вопросъ о наслѣдственномъ правѣ Аугустенбургскаго принца. На основаніи этого, союзный сеймъ рѣшилъ, 7 числа, большинствомъ восьми голосовъ, противъ семи, безъ всякаго отношенія къ вопросу о престолонаслѣдіи, предложенному союзному сейму, но только какъ выполненіе рѣшенія, постановленнаго сеймомъ 1 октября, державамъ, которымъ это было поручено, а именно Австріи, Пруссіи, Саксоніи и Ганноверу, немедлено принять всѣ необходимыя мѣры для того, чтобы привести въ исполненіе экзекуцію, рѣшенную сеймомъ въ отношеніи Гольштиніи. Уже 12 числа четыре названныя нами правительства послали датскому правительству требованіе, въ семидневный срокъ вывести свои войска изъ Гольштиніи; а 19 генералъ Гоке принялъ начальство надъ 12,000 саксонцевъ и ганноверцевъ, которымъ первымъ назначено было выполнить экзекуцію. 20 прибылъ австрійскій резервъ въ Гамбургъ, а 27 прусскій вступилъ въ Любекъ, оба вмѣстѣ составили около 10,000 человѣкъ. Вслѣдствіе предложенія Баваріи союзный сеймъ рѣшилъ, 23, составить совѣтъ, для того, чтобы безъ дальнѣйшаго промедленія и со всевозможною поспѣшностью разсмотрѣть и взвѣсить права наслѣдственныя на герцогства Шлезвигъ и Гольштинію; но это ни на волосъ не измѣнило сущности дѣла; потому что по прежнимъ опытамъ извѣстно было, что значитъ возможная скорость дѣйствія для достойныхъ наслѣдниковъ Регенсбургскаго сейма.

Не обращая вниманія на рѣшеніе сейма и на австрійско-прусскую ноту, волненіе въ народѣ продолжалось. 21 декабря вожди совершенно противоположныхъ партій — національнаго общества и нѣмецкаго общества реформы, по взаимному соглашенію, собрались въ Франкфуртѣ на Майнѣ, туда же явилось собраніе членовъ германскихъ представительныхъ палатъ: 491 депутатъ, въ числѣ ихъ сравнительно мало прусскихъ, всего 47, очень мало австрійскихъ, всего 7, много баварскихъ, 109, и соотвѣтственное число изъ прочихъ небольшихъ и среднихъ южно-германскихъ государствъ. На счетъ правъ аугустенбургскаго принца и насчетъ того, чтобы его поддерживать всѣми «средствами, допущенными законами,» тотчасъ согласились; также составленъ былъ совѣтъ изъ 36 членовъ, но при протестѣ нѣсколькихъ консерваторовъ; его назначеніе состояло въ томъ, чтобы служить центромъ дальнѣйшей агитаціи и руководить всѣми шлезвигъ-гольштинскими обществами, которыхъ было безконечное число, начиная отъ Альпійскихъ горъ до береговъ моря. Эта агитація брала за основаніе всегда то, что въ данное мгновеніе происходило въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ.

Союзныя войска 23 декабря перешли черезъ границу; медленно, шагъ за шагомъ передъ ними отступали датскія войска, направляясь къ сѣверу. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, изъ которыхъ выходили датскія войска, восторженное народонаселеніе провозглашало аугустенбургскаго претендента законнымъ наслѣдникомъ герцогскаго престола; коммиссары, прикомандированные союзнымъ сеймомъ къ войскамъ, не запрещали того, чему помѣшать не могли. При Эймсгорнѣ собралось, 27 дек., около 20,000 шлезвигъ-гольштинскихъ подданныхъ, чтобы засвидѣтельствовать народную волю; когда же, 30 числа, претендентъ явился въ Киль, народъ привѣтствовалъ его криками восторга. Датское правительство удовольствовалось на первый случай тѣмъ, что потребовало отъ рейхсрата кредита на довольно значительную сумму и протестовало противъ экзекуціи, наложенной союзнымъ сеймомъ. 27 дек. англійское правительство прислало ноту, въ которой предостерегало герман-

скій союзъ отъ необдуманныхъ дѣйствій и предлагало составить конференцію изъ правительственныхъ лицъ державъ, подписавшихъ лондонскій протоколъ, и прислать на конференцію представителя отъ союзнаго сейма.

До сихъ поръ дѣло касалось только одной меньшей половины вопроса, а именно Гольштиніи; Лауэнбургъ во всемъ этомъ дѣлѣ оставался въ сторонѣ, споръ прямо не распространялся на него, а потому онъ и не входилъ въ прямыя столкновенія. Декабря 28, Австрія и Пруссія вошли съ представленіемъ къ союзному сейму, послать Даніи предложеніе, на основаніи условій лондонскаго протокола, окончательно исключить Шлезвигъ изъ конституціи 18 ноября, въ противномъ случаѣ союзныя войска займутъ и это герцогство, чтобы пріобрѣсть Германіи залогъ въ исполненіи ея требованій. То же самое требованіе настоятельно было повторено 11 января 1864 года; но оно было отвергнуто большинствомъ 11 голосовъ противъ 5; несогласны были государства средней величины, какъ курфиршества Гессенское и Мекленбургъ и меньшія 16 куріи — Лихтенштейнъ, Вальдекъ и т. д. При протестѣ большинства голосовъ, обѣ первенствующія державы объявили, что онѣ отнынѣ берутъ на свою отвѣтственность охраненіе вышеозначенныхъ правъ и согласно съ этимъ обратились прямо къ Даніи и требовали, чтобы конституція въ Шлезвигѣ была отмѣнена въ теченіе 48 часовъ. На это требованіе датское правительство, въ главѣ котораго, съ 28 декабря 1863 года, стоялъ епископъ Монрадъ, 18 числа отвѣчало простымъ отказомъ. Но въ то же время послало отзывъ остальнымъ дворамъ, подписавшимъ лондонскій протоколъ, что Данія готова отмѣнить конституцію, но только законнымъ путемъ, но ни Австріи, ни Пруссіи о томъ не было дано знать. Со стороны Даніи было крайне неблагоразумно довести дѣла до того положенія, въ какомъ они находились, но это было понятно. Данія не очень интересовалась Гольштиніей и Лауэнбургомъ, но изъ-за Шлезвига готова была биться, не даромъ она такъ долго вела дипломатическую переписку съ Германскимъ союзомъ и съ двумя первостепенными державами, дѣлала проволочки и мнимыя уступки. Хуже потери Шлезвига для Даніи не могла принести даже неудачная война; сверхъ того у нея въ случаѣ войны еще были виды, хотя обманчивые, но все-таки успокоительныя на первое время. Нечего было надѣяться, что и во второй разъ выпадетъ такой же счастливый жребій, какъ въ 1851 году, когда австрійцы обезоружили своихъ нѣмецкихъ мятежниковъ и Пруссія открыла имъ дороги и навела мосты; такая удача только одинъ разъ можетъ встрѣтиться, не больше; но, во всякомъ случаѣ, можно было надѣяться, что старинный контрастъ между Австріей и Пруссіей опять выдвинется и что разладъ между Пруссіей и завистливыми германскими государствами средней и меньшей величины, а можетъ быть и самое столкновеніе между партіями въ самой Пруссіи подѣйствуетъ на силу и дѣятельность ея и помѣшаетъ дѣйствовать съ надлежащей энергіей и быстротою. Въ самомъ худшемъ случаѣ Данія надѣялась выдержать первый натискъ и оттянуть войну на болѣе продолжительное время; тогда же, можно было предполагать, что помощь навѣрное явится отъ европейскихъ державъ. Надѣялись или на немедленное вмѣшательство державъ, подписавшихъ лондонскій протоколъ, или на то, что война разовьется въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, потому что во всякомъ случаѣ нельзя было ожидать, чтобы военныя дѣйствія на долгое время сохранили мѣстный характеръ. И въ самомъ дѣлѣ не было недостатка въ обѣщаніяхъ и дружественныхъ изъявленіяхъ съ различныхъ сторонъ; проектъ союза съ Швеціей былъ готовъ еще до катастрофы 15 ноября; но онъ, однакожъ, не былъ приведенъ въ исполненіе, а все-таки Стокгольмъ отъ себя послалъ нѣмецкимъ дворамъ поту, отъ 5 октября, въ которой говорилось: «если Германскій союзъ сдѣлаетъ нападеніе на Шлезвигъ, то Швеція всегда, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, готова помогать Даніи въ томъ, въ чемъ она потребуетъ помощи.»

Въ Англіи пресса была совсѣмъ на сторонѣ Даніи и осыпала Германію укоризнами и бранью. Тамошнее настроеніе общества отразилось въ нотахъ лорда Джона Росселя, присланной въ союзный сеймъ, и въ другой, адресованной англійскимъ посланникамъ при германскихъ дворахъ; нота, присланная саксонскому двору, дала случай министру Бейсту отвѣчать дерзостью на дерзость и тѣмъ попрактиковаться въ роли нѣмецкаго патріота, въ которой онъ на этотъ разъ на-

дѣялся блеснуть. Отъ Даніи, англійское правительство требовало, чтобы она немедленно созвала рейхсратъ и отмѣнила ноябрскую конституцію, но въ то же время, 15 января 1864 года, требовала, чтобы Австрія и Пруссія дали декларацію, что онѣ будутъ держаться принципа неприкосновенности и цѣлости датской монархіи, а 18 и еще яснѣе 24, она въ Парижѣ домогалась, чтобы оказана была общая матеріальная поддержка Даніи со стороны договаривающихся державъ въ томъ случаѣ, если бы партія аугустенбургскаго претендента въ Германіи взяла перевѣсъ, или если бы требованія Австріи и Пруссіи перешли мѣру возможнаго. Данія разсчитывала, однакожъ, на французскую дружбу больше нежели на англійскую, но еще болѣе даже нежели на французскую дружбу на своекорыстную дружбу французскаго императора, о которомъ слишкомъ поспѣшно предполагали, что онъ только выжидаетъ и ищетъ случая, какъ бы округлить свою восточную границу. Но съ этой стороны Даніи пришлось испытать первое разочарованіе; 28, Друэнъ-де-Льюисъ, отъ имени императора, далъ отвѣтъ, опровергавшій такое предположеніе, и напротивъ выразилъ, что императоръ во всякое время готовъ брать во вниманіе и сочувствовать національнымъ потребностямъ и стремленіямъ къ поддержанію единства націи; что онъ очень неохотно взялся бы за оружіе, чтобы противодѣйствовать желаніямъ Германскаго союза, если бы его къ тому что нибудь неотразимо принудило. Далѣе стояло: можетъ быть, Англія на войну съ Германіей смотритъ слегка, но для французской имперіи война съ Германіей представляется очень опасной, и на такую необходимость надобно было бы смотрѣть, какъ на несчастіе; этимъ заявленіемъ императоръ мстилъ Англіи за ея рѣзкій отказъ принять участіе въ предполагавшемся конгресѣ, чѣмъ и разстроила весь его планъ. Отъ Россіи Даніи нечего было ожидать помощи; благоразумная политика Бисмарка касательно польскаго возстанія, показавшая, что онъ смотрѣлъ на положеніе Польши, какъ на безнадежное, теперь принесла ожидаемые плоды.

В. ДО ВѢНСКАГО МИРА.

Отъ 18 января 1864 года до 30 октября 1864 года.

Датское правительство отвергло требованіе Австріи и Пруссіи. Датскія войска очистили Гольштинію; они заняли въ числѣ 30,000 чел., подъ начальствомъ генерала Меца, съ древнихъ временъ неприступную позицію Данневирка. Нѣсколько южнѣе Шлезвига, между воднымъ рукавомъ глубоко врѣзывающимся съ востока, Шлей, и до средины страны съ запада простирающеюся непроходимою болотистою мѣстностью остается, сравнительно, очень неширокій проходъ, на которомъ воздвигнуты крѣпкіе шанцы Данневирка, возведенные, послѣ опыта сдѣланнаго въ 1848 году, по всѣмъ правиламъ такого рода укрѣпленій, въ очень обширныхъ размѣрахъ, такъ что на этой мѣстности воздвигались твердыни, составлявшія гордость датчанъ и считавшіяся людьми опытными недоступными, если только будутъ защищаемы достаточно многочисленнымъ войскомъ: такъ какъ линія укрѣпленій была очень длинная, то и войска для нея надобно было очень много.

Союзныя державы извѣстили 19-го союзный сеймъ, что онѣ намѣрены двинуться впередъ и начать военныя дѣйствія и для этого поведутъ войска черезъ Гольштинію, причемъ всѣми силами будутъ заботиться о томъ, чтобы, по возможности, не касаться существующаго порядка управленія; въ тотъ же день въ Гамбургъ пріѣхали прусскіе квартиргеры въ сенатъ съ извѣстіемъ, что на слѣдующій день прусскія войска придутъ и займутъ квартиры. Гамбургскій сенатъ протестовалъ, а національная гордость взволновалась; но, не смотря на всѣ демонстраціи, обѣ господствующія германскія державы дѣлали то, что рѣшили. Въ Мюнхенѣ произошло народное собраніе, оно требовало отъ баварскаго короля, признавшаго права аугустенбургскаго претендента, чтобы онъ съ своими союзниками, опираясь на готовность къ пожертвованіямъ баварскаго и нѣмецкаго шлезвигъ-гольштинскаго народа, набралъ достаточно сильное войско и послалъ его на сѣверъ, «чтобы подавить всякую преступную попытку къ нарушенію священныхъ правъ союза; то же самое желаніе единодушно выразили саксонская и вюртембергская палаты депутатовъ. Января 22 прусская палата депутатовъ отвергла большинствомъ 275 голосовъ противъ 51 предполагаемый заемъ; причиной такого отказа было ложное и слѣпое предположеніе, будто прусское правительство дѣйствуетъ такъ съ цѣлью употребить во зло свое вліяніе первенствующей державы Германскаго союза, отдѣлиться отъ него и возвратить герцогства опять Даніи. Правительство союза на это обвиненіе отвѣчало воззваніемъ, исполненнымъ энергіи и огня; между прочими патріотическими зажигательными выраженіями тамъ стояло: «германцы всѣхъ странъ, не допустите, чтобы злонамѣренность однихъ и слабость другихъ накликали непзреченное несчастіе на наше отечество!» Такой неумѣренный языкъ, вмѣсто того, чтобы послужить на пользу, повредилъ дѣлу даже въ глазахъ такихъ правительствъ, которыя не сочувствовали прусско-австрійскому дѣлу. Прусскій сеймъ былъ закрытъ 25 съ тяжкимъ упрекомъ, что большинство чле-

новъ палаты отвергло заемъ, не смотря на заявленіе короля, что требуемый заемъ будетъ употребленъ на защиту правъ и чести народа, слѣдовательно, отказывая въ своемъ согласіи, палата поступила враждебно.

Союзный сеймъ, такъ недавно несогласившійся удалить герцога Фридриха Аугустенбургскаго изъ Киля, теперь желая примириться съ обѣими первенствующими державами, выразилъ согласіе на проходъ австрійско-прусскаго войска черезъ Гольштинію. Генералъ Гаке сосредоточилъ свое войско вокругъ Альтоны. Оно состояло изъ 20,000 австрійцевъ, подъ начальствомъ фельдмаршалъ-лейтенанта Леопольда фонъ-Габленца, который родился въ 1814 году, военному дѣлу научился въ Италіи и Венгріи и вездѣ отличался храбростію, особенно же при Маджентѣ и Сольферино. Прусаковъ въ арміи было 25,000 чел. по большей части бранденбургскихъ и вестфальскихъ уроженцевъ; во главѣ прусскаго войска стоялъ принцъ Фридрихъ-Карлъ, племянникъ короля, родившійся въ 1828 году, который страстно любилъ военное дѣло; въ 1848 году онъ въ первый разъ былъ въ дѣлѣ на этомъ же самомъ мѣстѣ; впослѣдствіи ознакомился съ военнымъ искусствомъ въ Баденѣ, подъ руководствомъ своего дяди; этотъ принцъ былъ въ полномъ цвѣтѣ молодости и силы, и ему суждено было во многихъ битвахъ поддержать военную славу царствующаго дома Пруссіи. Главное начальство надъ союзной арміей было поручено 78-лѣтнему фельдмаршалу Врангелю, уже отпраздновавшему свой 60 лѣтній юбилей службы; на его старческомъ имени еще покоилась слава времени общеевропейской войны за независимость, а съ 1848 года онъ былъ хорошо извѣстенъ и на этой мѣстности военныхъ дѣйствій; въ Пруссіи, въ войскѣ и въ народѣ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ и, можно сказать, былъ въ Пруссіи однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей своего времени.

Войско вскорѣ достигло гольштинской границы. 31 изъ прусскаго лагеря посланъ былъ маіоръ Штиле къ датскому генералу съ запросомъ, дано ли ему приказаніе очистить Шлезвигъ; отвѣтъ былъ такой, какого ожидали: датскій генералъ объявилъ, что онъ готовъ оружіемъ защищать права своего короля и отражать всякое насильственное нападеніе союзниковъ. Врангель въ тотъ же день далъ приказъ: «съ Богомъ впередъ» и войска двинулись къ шлезвигской границѣ.

Въ понедѣльникъ, 1 февраля, войска: направо 1 прусскій корпусъ, а налѣво 2 австрійскій, перешли Эйдеръ. Совѣтъ 36 союзнаго сейма только воскликнулъ: «со стыдомъ и съ досадой взираетъ нѣмецкій народъ на беззаконное движеніе Пруссіи и Австріи впередъ.» Но жители Шлезвига на это смотрѣли иначе: вдоль шоссе толпами стекались жители и съ громкими криками восторга встрѣчали прусское войско; кто смотрѣлъ безпристрастно, будь онъ въ Пруссіи или въ другомъ какомъ либо мѣстѣ, тотъ видѣлъ, что съ той минуты, какъ войска перешли Эйдеръ, дѣло не могло окончиться ничѣмъ, и что теперь при Вильгельмѣ I не могутъ повториться печальныя обстоятельства 1851 года. Народъ Шлезвига провозгласилъ Фридриха Аугустенбургскаго своимъ герцогомъ.

Движеніе праваго прусскаго крыла было направлено на Миссунде для переправы черезъ р. Шлей, находящуюся ближе всего къ датскимъ шанцамъ; австрійцы направились на фронтъ укрѣпленій вдоль дороги, которая ведетъ изъ Рендсбурга въ Шлезвигъ. Попытка переправиться черезъ Шлей близъ Миссунде, сдѣланная прусскими войсками, 2 февр., со стороны Экернферде встрѣчена была такимъ сильнымъ отпоромъ, что нападающіе принуждены были отказаться отъ этого намѣренія и искать другой переправы черезъ Шлей близъ Арнисса и Каппельна. Между тѣмъ и австрійцы встрѣтились съ датчанами: близъ деревни Оберзелькъ произошла упорная битва; деревня была взята и австрійско-чешскій баталіонъ егерей, болѣе всего отличившійся въ этотъ день, подъ вечеръ штурмомъ взялъ возвышенность Кенигсбергъ, господствующую надъ деревней. Въ одно время съ этимъ и на западѣ, при Ягелѣ, также успѣшно сражались и здѣсь первые данеброги попались въ австрійскія руки; потери здѣсь также, какъ при Миссунде, были очень значительныя, потому что войска съ первымъ военнымъ пыломъ слишкомъ отважно кидались впередъ; послѣ этихъ двухъ сраженій обходились разсчетливѣе съ человѣческою жизнью и не рисковали ею такъ, какъ въ первое время. Съ фронта и съ фланга дѣлали приготовленія для нападенія

на страшныя укрѣпленія, состоящія изъ 18 большихъ шанцевъ, которые перекрестнымъ огнемъ могли другъ друга поддерживать изъ прикрытыхъ брустверами сообщеній. Но въ главной квартирѣ не начинали дѣйствія, потому что съ праваго крыла ожидали извѣстія о переправѣ черезъ р. Шлей, для которой къ утру 1 числа все было приготовлено при Арнисѣ и Каппельнѣ; но вдругъ пришло неожиданное извѣстіе, одновременно къ австрійскому фронту и къ прусскому крылу, что по ту сторону Шлея нѣтъ больше враговъ и что страшныя укрѣпленія Данневирка оставлены.

Датскій главнокомандующій, 4 числа, собралъ военный совѣтъ; на немъ положено было отступить, что и было выполнено 5-го вечеромъ. Убѣдились, что при растянутой линіи укрѣпленій, войска недостаточно и оно, слѣдовательно, не можетъ съ успѣхомъ выдержать нападенія; тѣмъ болѣе доказано было, что если на одномъ какомъ либо пунктѣ укрѣпленія будутъ взяты, то цѣлое войско, единственное, находившееся въ распоряженіи правительства, погибнетъ; сохранить цѣлость арміи со всевозможными пожертвованіями назначено было въ инструкціи главнокомандующему, того же требовало и политическое положеніе копенгагенскаго рейхсрата. Въ 1 часъ ночи послѣдній изъ датскихъ полковъ перешелъ за границу Шлезвига.

Союзники, немедленно по полученіи этого извѣстія, пустились преслѣдовать отступающихъ датчанъ. Правое крыло, подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла, перешло черезъ р. Шлей; когда же, 7 числа вечеромъ, послѣ утомительнаго перехода по скользкимъ, неудобопроходимымъ дорогамъ, первыя войска добрались до Фленсбурга, датчане уже за три часа передъ тѣмъ очистили городъ. Австрійцы съ своей стороны преслѣдовали отступающихъ и 6 числа нагнали ихъ арьергардъ близъ деревни Сверзе, гдѣ дѣло дошло до жестокой кровопролитной битвы; но датчане продолжали отступать и достигли своей второй линіи укрѣпленій при Дюппелѣ; они кромѣ того, что покинули и оставили въ Данневиркѣ, дальнѣйшихъ потерь не понесли.

Послѣ этого военныя дѣйствія на время пріостановились. Австрійцы и недавно прибывшій прусскій гвардейскій корпусъ, составившій лѣвое крыло и III-й дѣйствующій корпусъ, подъ начальствомъ генерала фонъ-деръ-Мюльбе, 19 числа, двинулись на сѣверъ и осадили Кольдингъ, первый изъ ютландскихъ городовъ. Между тѣмъ I прусскій корпусъ, подъ начальствомъ Фридриха-Карла, 9 февраля, и въ слѣдующіе затѣмъ дни вошелъ на полуостровъ Сундевитъ; это третій или четвертый полуостровъ вдоль богатаго бухтами прибалтійскаго берега; его образуютъ заливы Фленсбургскій и Венингбундскій съ юга, Аненрадерскій съ сѣвера и Альзензундскій съ востока; на юго-восточной оконечности острова находятся знаменитыя укрѣпленія, соединенныя мостами съ островомъ Альзеномъ, это такого рода крѣпость, что ее безъ правильной осады взять нельзя; въ этомъ союзники вскорѣ убѣдились опытомъ.

Такимъ образомъ Шлезвигъ, кромѣ этого незначительнаго клочка земли и острововъ, былъ очищенъ отъ датскихъ войскъ. Повсюду провозглашали герцогомъ Фридриха Аугустенбургскаго, не смотря на то, что прусскій гражданскій коммиссаръ фонъ-Зедлитцъ обнародовалъ, что запрещаются всѣ политическія общества и строжайше воспрещаются всѣ демонстраціи, касательно вопроса о наслѣдственныхъ правахъ аугустенбургскаго претендента. Въ одно время съ этимъ, 10 февраля, Врангель объявилъ союзному генералу, что для безопасности и успѣшныхъ военныхъ операцій необходимо поставить австрійско-прусскіе гарнизоны въ Альтонѣ, Неймюнстерѣ и Килѣ. Генералъ Гаке, начальникъ войска германскаго союза, протестовалъ и 13 послалъ протестъ въ совѣтъ союзнаго сейма; но, не смотря на его жалобы, прусскія войска, все-таки заняли 15 числа вышеозначенные пункты.

Событія съ 9 февраля до 18 апрѣля, происходившія на полуостровѣ Сундевиттѣ принадлежатъ исключительно военной исторіи. Три недѣли прошли въ маленькихъ стычкахъ при рекогносцировкѣ; погода стояла дурная, холодъ былъ жестокій, то снѣгъ валилъ хлопьями, то таяло, но эти неудобства были хорошимъ пробнымъ камнемъ для мужества и выносливости солдатъ и для искусства офицеровъ; въ это время выяснилось то, что безъ осады и осадныхъ ору-

дій ничего нельзя сдѣлать. Упрочена была позиція только тѣмъ, что маленькій полуостровъ Броакеръ, на югѣ, былъ занятъ. Береговая прусская батарея, при Альнорѣ, вынесла счастливую битву противъ страшнаго панцырнаго корабля Рольфъ-Кракена; въ отдѣльныхъ стычкахъ превосходство игольчатыхъ ружей, стойкость, дисциплина и храбрость солдатъ, подъ начальствомъ знающихъ офицеровъ вездѣ выказывали преимущество прусскаго войска, столько же при Ракебюллѣ 17 марта, сколько и при Дюппелѣ; на югѣ островъ Фемарнъ былъ захваченъ солдатами 48 линейнаго полка; они сдѣлали нечаянное и очень удачное нападеніе со стороны Гейлигенгафена; мало-по-малу прибывали подкрѣпленія и подвозились осадныя орудія. Непогода помѣшала прусакамъ выполнить хитро придуманный планъ: перебравшись на Альзенъ, обойти позицію при Дюппелѣ и такимъ образомъ занять крѣпость безъ штурма; осада между тѣмъ продолжалась до 18 апрѣля; утромъ въ 10 часовъ орудія замолкли и собравшіяся не параллеляхъ войска ринулись на штурмъ.

Не болѣе, какъ въ 10 минутъ, захвачены были главныя укрѣпленія, первые шесть шанцевъ; военный пылъ разгорѣлся въ побѣдителяхъ; когда первая линія укрѣпленій была взята, тогда они, не дожидаясь приказаній, ринулись на вторую линію, отстоящую отъ первой на 400 или 500 шаговъ и дугою простирающуюся до Веннигбунда. Датчане, потерпѣвшіе пораженіе и сильный уронъ въ первой линіи укрѣпленій, пытались здѣсь опять устроить свои ряды и приготовиться къ отступленію черезъ Альзенъ. Но вмѣстѣ съ послѣдними разбитыми датчанами въ укрѣпленія ворвались наступающіе прусаки. Нѣсколько минутъ спустя, и эта линія укрѣпленій была захвачена, и побѣдители яростно преслѣдовали отступающихъ и бѣгущихъ даже за укрѣпленія, но тутъ были остановлены свѣжею датскою 8 бригадою, еще небывшею въ дѣлѣ: она отразила преслѣдователей. Ею командовалъ генералъ Дюплатъ. Между тѣмъ прусскіе резервы подвинулись, и между мельницей на шоссе изъ Фленсбурга въ Зондербургъ, между 2 линіей укрѣпленій и датскимъ лагеремъ изъ бараковъ, между 8 бригадой и прусскими резервами завязалась короткая, но ожесточенная битва. Датскій главнокомандующій Дюплатъ былъ здѣсь убитъ. Остатки первой и восьмой датской бригады бѣжали по направленію къ Зондербургу. Но мостовое укрѣпленіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ шоссе спускается къ водѣ, по сю сторону Альзензунда, все еще оставалось въ рукахъ датскаго отряда; остановили преслѣдованіе, чтобы не терять напрасно людей, и на время предоставили артиллеристамъ обстрѣливать Альзенъ; поставили 71 орудіе и открыли огонь. Альзенъ отвѣчалъ. Но и мостовое укрѣпленіе не удержалось: прусскіе отряды, пользуясь отступленіемъ однихъ и бѣгствомъ другихъ, то вмѣстѣ съ ними, то пользуясь придорожными канавами и кустами, нигдѣ не встрѣчая сильнаго и дѣятельнаго сопротивленія, добрались до мостоваго укрѣпленія и овладѣли имъ. Когда колонны медленно и осторожно приближавшагося войска подошли, они увидѣли, что нападать не на что больше. Въ тотъ же день, въ 2 часа пополудни, не оставалось больше ни одного датскаго вооруженнаго солдата на шлезвигской почвѣ, принадлежащей къ материку Европы. Потеря прусскаго войска при этой битвѣ равнялась 1184 солдатамъ, 70 офицерамъ и въ числѣ ихъ убитъ генералъ Равенъ; онъ былъ смертельно раненъ въ то время, когда преслѣдовалъ правое датское крыло къ Альзензунду, къ мостовому укрѣпленію; онъ сказалъ, когда падалъ съ лошади: «пора опять какому нибудь прусскому генералу умереть за своего короля!» Датчане, сопротивлявшіеся съ мужествомъ, достойнымъ лучшей участи, потеряли 5,000 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными.

Самъ король Прусскій прибылъ къ войску 22 числа, чтобы благодарить его. Вездѣ по дорогѣ народонаселеніе герцогствъ встрѣчало его съ благодарностью, какъ избавителя и выражало свою радость. «Ваше дѣло для меня священно, и я его доведу до конца,» сказалъ король депутаціи, привѣтствовавшей его въ Рендсбургѣ; послѣ этого надобно было предвидѣть, что герцогства уже не могутъ быть возвращены Даніи. Мая 4 привезли въ Берлинъ военные трофеи, взятые въ Дюппелѣ: 118 пушекъ и много отнятаго оружія и знаменъ.

Въ то время, какъ прусаки бились изъ-за позиціи при Дюппелѣ, большая часть Ютландіи была уже захвачена союзными войсками; австрійцы сначала не

выказывали желанія продолжать войну, потому что начали понимать, что они здѣсь работаютъ не себя, а для прусаковъ. Только послѣ 7 марта, когда генералъ Мантейфель побывалъ съ чрезвычайнымъ порученіемъ въ Вѣнѣ, союзники опять пошли впередъ — прусская гвардія западнѣе къ Фредерпціи, а австрійскіе полки на сѣверъ, къ Фейле. Они здѣсь съ обычнымъ мужествомъ изгнали датчанъ изъ ихъ крѣпкой позиціи и при томъ съ незначительнымъ уроиомъ; одна бригада заняла Фейле, а остальныя отступили, чтобы собща съ прусскою гвардіей дѣйствовать противъ укрѣпленій Фредерпціи. Но обстрѣливать городъ, хорошо защищенный, изъ полевыхъ орудій было безполезно; только послѣ того, какъ окончилась осада Дюппеля и осадная артиллерія была свободна, можно было надѣяться на успѣхъ.

Потеря Данневирка и взятіе Дюппеля потрясло, но не сломило мужества Даніи. Ожидать посторонней помощи ей больше нельзя было: «я стою одинъ съ своимъ вѣрнымъ народомъ; весь міръ меня покинулъ;» печально говорилъ король Христіанъ въ своей прокламаціи отъ 6 февраля; напрасно обращался онъ за помощью къ Англіи и Франціи, къ Швеціи и Россіи, вездѣ встрѣтилъ онъ неудачу, когда же Англія 21 предложила составить конференцію для того, чтобы помирить враждующихъ, но при этомъ не показала на какихъ условіяхъ хочетъ предлагать миръ, Данія не приняла этого двусмысленнаго посредничества. Еще 18 марта, когда союзныя войска уже проникли до Фейле, датское правительство готово было послать своихъ уполномоченныхъ на лондонскую конференцію только въ такомъ случаѣ, если статьи договора 1851 и 1852 года послужатъ основаніемъ мира, но отвергало всякое замиреніе, дающее Германскому союзу права на области, никогда къ нему непринадлежавшія; королевское посланіе при закрытіи сессій копенгагенскаго сейма очень дерзко объявляло, что не пришло, еще время въ которое можно принудить датскій народъ подчиниться требованіямъ постыднаго мира.

Усилія Англіи, однакожъ, увѣнчались успѣхомъ: конференція была одобрена, безъ точно обозначеннаго основанія для мирнаго договора, и германскому союзному сейму послано было приглашеніе прислать отъ себя въ Лондонъ уполномоченнаго представителя. Союзный сеймъ избралъ въ полномочные посланники саксонскаго министра фонъ-Бейста, съ инструкціей дѣйствовать, сообразуясь по возможности съ дѣйствіями прусскихъ и австрійскихъ полномочныхъ. Апрѣля 25 началась въ Лондонѣ конференція заинтересованныхъ державъ. 29 датчане добровольно очистили укрѣпленія Фредерпціи и тѣмъ доказали, что потери, имп понесенныя, были для нихъ чувствительны и отнимаютъ у нихъ возможность къ дальнѣйшему сопротивленію; австрійскія войска заняли крѣпость, между тѣмъ какъ прусскія пошли на сѣверъ и черезъ нѣсколько дней уже были близъ Лимфіорда, передъ Аульборгомъ, такъ что на твердой землѣ за датчанами оставалась та ничтожная часть полуострова Ютландіи, которую отрѣзываетъ водная полоса, тянущаяся отъ Категата до Скагерака; она вмѣстѣ съ островами едва ли заключаетъ въ себѣ 236 кв. миль съ 896,000 жителей, тогда какъ въ прежней Даніи, по лондонскому протоколу, насчитывалось до 1,037 кв. миль и 2½ милліоновъ жителей.

Мая 9 австрійская эскадра, появившаяся въ Нѣмецкомъ морѣ, подъ начальствомъ капитана Тегетова, вынесла очень долгое и жестокое морское сраженіе съ датской флотиліей близъ Гелголанда, но потерпѣла неудачу; въ этотъ же самый день лондонской конференціи удалось заключить между враждующими державами, перемиріе на одинъ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы блокада съ нѣмецкихъ приморскихъ портовъ была снята, чтобы датчане сохранили за собою Альзенъ, а союзники—Ютландію, на сколько заняли ее войсками. Германскія желанія и претензіи нашли себѣ отличнаго союзника въ упрямствѣ и несговорчивости датскаго правительства. Мая 15 Пруссія пошла еще на одинъ шагъ впередъ: она объявила, что не считаетъ лондонскаго протокола для себя обязательнымъ. Пруссія, съ согласія Австріи, объявила объ этомъ 17 мая въ конференціи и въ то же время настаивала на необходимости полнаго соединенія герцогствъ и совершеннаго отдѣленія ихъ отъ Даніи, какъ въ политическомъ, такъ и въ административномъ отношеніи, но все-таки съ сохраненіемъ личной зависимости отъ Хрис-

тіана IX, какъ отъ законнаго герцога; датскіе уполномоченные не только не приняли этого предложенія, но отказались даже доносить о немъ въ Копенгагенъ. Казалось наступила минута, способная разрѣшить вопросъ, удовлетворительно для всѣхъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ, но болѣе всего въ смыслѣ всего нѣмецкаго народа: 28 числа, въ шестое засѣданіе конференціи, нѣмецкіе уполномоченные, въ томъ числѣ и уполномоченный Германскаго союза, предложили окончательно отдѣлить герцогства отъ Даніи и соединить ихъ въ одно цѣлое, подъ управленіемъ наслѣднаго принца Аугустенбургскаго, который въ глазахъ нѣмецкаго народа и огромнаго, почти единодушнаго большинства жителей герцогствъ одинъ имѣлъ самыя неоспоримыя права на престолъ; это желаніе поддерживалось безчисленными адресами, совершенно засыпавшими министра фонъ-Бейста. Англія опять схватилась за старинную мысль, раздѣлить Шлезвигъ такъ, чтобы то, что лежитъ на югъ отъ Данневирка и отъ р. Шлей, присоединилось къ Германскому союзу, а то, что лежитъ на сѣверъ, оставалось за Даніей. Пруссія и Австрія готовы были на раздѣлъ Шлезвига, но порубежная линія имъ не нравилась; онѣ предложили другую, отъ Апенраде до Тондерна, что съ первою составляетъ разницу въ полширины Шлезвига; но датчане не хотѣли слышать о раздѣлѣ, они не соглашалась ни на первую, ни на вторую линію. Со стороны нейтральныхъ державъ 22 іюня было предложено назначить посредниковъ для того, чтобы опредѣлить линію раздѣла для Шлезвига; но Данія отвергла и это предложеніе; то же самое поддерживали различныя общества любителей и покровителей Шлезвигъ-Гольштиніи; агитаторы и ораторы громко вопіяли о несправедливости всякаго раздѣла; 26 числа конференція разошлась безъ всякаго рѣшенія, положено было только продлить перемиріе на двѣ недѣли; слѣдовательно, теперь 26 іюня непріязненныя дѣйствія должны были возобновиться.

Главное начальство надъ союзною арміей между тѣмъ перемѣнилось: вмѣсто Врангеля назначенъ былъ принцъ Фридрихъ-Карлъ. Первый корпусъ въ Сундевитѣ былъ подъ командой генерала Герварта - фонъ - Быттенфельда; второй австрійскій, дѣйствовавшій вмѣстѣ съ третьимъ, прусской гвардіей, все еще занималъ Ютландію и находился подъ командою фрейгера фонъ-Габленца; третьимъ корпусомъ, т. е. прусской гвардіей, и шлезвигской бригадой командовалъ генералъ Фогель-фонъ-Фалькенштейнъ. Датчане теперь находились подъ начальствомъ генерала Герлаха, замѣнившаго генерала Меца, того самаго, который оставилъ Данневиркъ затѣмъ, чтобы спасти войско, но онъ былъ принесенъ въ жертву несправедливому неудовольствію копенгагенскаго народонаселенія, раздраженнаго его отступленіемъ.

Съ прусской стороны эта вторая кампанія началась блистательнымъ военнымъ подвигомъ. Въ ночь съ 28 на 29 іюня, пруссаки въ лодкахъ переправились черезъ Альзензундъ въ сѣверной его части; въ этомъ мѣстѣ, шириною въ 800 или 1000 шаговъ, переправа совершена была очень удачно въ четырехъ колоннахъ. Въ два часа ночи, пользуясь темнотою, флотилія пристала къ берегу, но еще съ половины этого переѣзда, длившагося 11 минутъ, въ лодки начали стрѣлять съ острова, сторожевые огни вспыхнули по всему берегу, датчане хватались за оружіе, но пруссаки, пользуясь первымъ смятеніемъ, взяли приступомъ усадьбу Аркиль; между тѣмъ ружейный огонь затрещалъ по цѣлому берегу, но лодка за лодкой приставала и привозила съ собою подкрѣпленія. Датскій генералъ Штейнманъ, считавшій подкрѣпленіе съ острова Фюнена лишнею роскошью, защищался съ недостаточной энергіей; поутру, въ 7 часовъ Зондербургъ былъ взятъ, и датчане отступили. Въ тотъ же день, вовсе преслѣдуемые, датчане окончательно очистили островъ; они потерпѣли жестокое пораженіе; оно, по ихъ собственнымъ показаніямъ, стоило имъ 4,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 2,000 плѣнныхъ; между тѣмъ потеря съ прусской стороны была незначительна: побѣдители потеряли раненными и убитыми и безъ вѣсти пропавшими 373 человѣка.

Переправа черезъ Лимфіордъ была произведена пруссаками 11 и 12 іюря, а австрійцами 13 и 14, очень удачно и не стоила никакихъ жертвъ. Когда союзники дошли до главнаго города острова Мора, близъ западной части Фіорда, до Нивіоппинга, они къ величайшему удивленію своему узнали, что датчане уже не-

дѣлю тому назадъ, какъ удалились. Продолжая подвигаться по восточному берегу, прусскія войска заняли крѣпость Фредериксгафена; 14 іюня генеральный штабъ, съ довольно слабымъ прикрытіемъ, побывалъ на мысѣ Скагенѣ и тамъ, гдѣ волны двухъ морей бушевали и боролись между собою, поставили два знамени, австрійское и прусское; прусскіе гусары проѣхали по пустынному сѣверному городку, составляющему станцію для военныхъ кораблей, охраняющихъ входъ въ Каттегатъ. Нѣсколько дней спустя, австрійско-прусская флотилія покорила фрисландскіе острова Сильтъ и Феръ, близъ западныхъ береговъ Шлезвига. Датскій капитанъ Гаммеръ принужденъ былъ сдаться на капитуляцію 19 іюля; это былъ настоящій датчанинъ, ненавидѣвшій нѣмецкое народонаселеніе и притѣснявшій его, на сколько можно было; когда союзный флотъ стѣснилъ его и отнялъ всякую возможность продолжать защиту, тогда только онъ сдался, къ величайшему удовольстію жителей. Какова же была его досада, когда не больше двѣнадцати часовъ спустя пришло извѣстіе, что перемиріе заключено.

Датчане были со всѣхъ сторонъ стѣснены. Переправа прусскаго войска черезъ Альзенъ пробудила въ Коненгагенѣ опасеніе, что даже на островахъ нельзя считать себя въ безопасности отъ союзниковъ; газеты требовали, чтобы войска были стянуты къ Копенгагену, чтобы блокада нѣмецкихъ береговъ была прекращена и чтобы весь флотъ собрался къ столицѣ; можно было ожидать, что союзники, соединивъ всѣ свои силы, будутъ дѣйствовать сообща; не было ни малѣйшей надежды измѣнить судьбу, ожидавшую Данію, нигдѣ не было ни одного свѣтлаго проблеска на горизонтѣ; все покрыто было однообразнымъ сѣрымъ цвѣтомъ. Министерство Монрада, по желанію короля, просило объ увольненіи 8 іюля; новое министерство, во главѣ котораго стоялъ графъ Блуме, представитель всей придворной и высшей партіи, тотчасъ постарался заключить перемиріе 12 іюля, чтобы начать переговоры о мирѣ. На перемиріе союзники согласились, а 26 начались мирные переговоры въ Вѣнѣ. 1 августа подписаны были прелиминарныя статьи договора и перемиріе упрочено на три мѣсяца; 30 октября 1864 года былъ подписанъ вѣнскій мирный трактатъ. По статьямъ этого мира, король датскій отказывался отъ всѣхъ своихъ правъ на герцогства Шлезвигъ, Гольштейнъ и Лауэнбургъ въ пользу императора австрійскаго и короля прусскаго и обязался признать всѣ распоряженія, какія этимъ государямъ угодно будетъ признать нужными для герцогствъ; при заключеніи мира не присутствовали ни представитель Германскаго союза, ни одного изъ членовъ представительной палаты герцогствъ.

С. ДО ГАСТЕЙНСКОЙ КОНВЕНЦІИ.

Отъ 30 октября 1864 года до 14 августа 1865 года.

Самая форма мирнаго договора показывала, что рѣшена только одна часть шлезвигъ-гольштинскаго вопроса, а именно отдѣленіе герцогствъ отъ Даніи, но самая трудная сторона его еще предстояла. Несчастіе, униженіе и потери, понесенныя Даніей, однакожъ не были встрѣчены въ Германіи съ такимъ чувствомъ удовольствія, какого можно было бы ожидать. Германія ожидала не того; въ теченіе войны большей части союзныхъ державъ, а главное Ганноверу и Саксоніи пришлось стоять съ оружіемъ въ рукахъ и бездѣйственно смотрѣть, какъ австрійцы и прусаки пожинали лавры, отчего у нихъ поневолѣ являлась зависть. Но послѣ этого, вмѣсто того, чтобы спокойно жить по домамъ, настала тяжкая минута великаго кризиса; надобно было разрѣшить германскій вопросъ — но разрѣшить его просто, безъ сильнаго волненія и содроганія было невозможно; хотя бы онъ окончательно и привелъ къ общему спокойствію и счастію, но дойти до него надобно было путемъ страданія; нѣмецкой націи пришлось выпить кубокъ полыни до послѣдней капли.

Ноября 13 правительственная комиссія 36 выборныхъ, въ циркулярѣ къ шлезвигъ-гольштинскимъ обществамъ, очень горько раскритиковала заключенный миръ и указала, что прежде всего слѣдуетъ настаивать на томъ, чтобы созванъ былъ сословный сеймъ шлезвигъ-гольштинскихъ чиновъ: еслибы этому воззванію удалось поставить на своемъ, то, по сочувствію, какимъ онъ пользовался во всей Германіи, кромѣ Пруссіи, сеймъ былъ бы собранъ и изъ освобожденныхъ герцогствъ составилось бы самостоятельное, свободное государство, которое на свободѣ могло бы рѣшить, на какія уступки Пруссіи оно можетъ согласиться, потому что безъ этого дѣло не могло окончиться; этого въ теоріи не отвергало даже національное общество и его приверженцы. Но вопросъ этотъ зависѣлъ не отъ какого либо общества или совѣта, а отъ Бисмарка, государственнаго человѣка съ яснымъ и практическимъ взглядомъ на вещи, поставленнаго судьбою на то именно мѣсто, на какомъ дѣятельности его открыто было обширное поприще: онъ стоялъ во главѣ прусскаго министерства, былъ первымъ совѣтникомъ въ совѣтѣ дѣятельнаго и предпріимчиво короля. Бисмаркъ съ самаго начала разъяснилъ себѣ, чего онъ **не долженъ** допускать въ видахъ прусскаго интереса, и ясно видѣлъ, чего ему надобно добиваться, къ какой цѣли стремиться, чтобы упрочить благосостояніе Пруссіи, а вмѣстѣ съ нимъ и цѣлой Германіи. Онъ рѣшилъ про себя, что изъ герцогствъ ни подъ какимъ видомъ не должно образоваться независимое государство, которое во всякое время можетъ превратиться въ противника Пруссіи, слѣдовательно, очень безпокойнаго и неумѣстнаго. Чтобы достигнуть желаемаго результата, прежде всего нужно было, чтобы Пруссія, а не Германскій союзъ, направляла ходъ дѣлъ и переговоровъ. Для Пруссіи заключалась величайшая задача въ томъ, чтобы Австрія въ этомъ дѣлѣ отдѣлилась отъ союза и предприняла датскую войну собща съ Пруссіей; въ те-

ченіе войны успѣхи оружія дали союзникамъ превосходство и имъ удалось окончательно отдѣлить герцогства отъ Даніи; теперь оставалось только добиваться того, чтобы они тѣснѣе примкнули къ Пруссіи, нежели къ Германскому союзу; поэтому во время мирныхъ переговоровъ въ Лондонѣ надобно было позаботиться о томъ, чтобы герцогства были, во-первыхъ, подчинены аугустенбургскому претенденту, но подчинены съ такими ограниченіями, чтобы герцогъ для Пруссіи былъ союзникомъ, а не соперникомъ. Бисмаркъ не упустилъ изъ вида этихъ обстоятельствъ, онъ на такого рода гарантіи смотрѣлъ, какъ на существенныя, безъ которыхъ пришлось бы интересы Пруссіи предоставить произволу герцога, или народному сейму; поэтому онъ крѣпко держался того, что у него было въ рукахъ. Со времени штурма дюппельскихъ шанцевъ, т. е. конца апрѣля, начали поговаривать о возможности присоединенія герцогствъ къ Пруссіи, а гдѣ на это не намекали, тамъ предположеніе такого рода возникало само собою; тамъ, гдѣ находились прусскіе приверженцы, увѣряли, что это самый лучшій и простой способъ покончить недоразумѣнія. Были даже демонстраціи въ такомъ смыслѣ; такъ, напримѣръ, адресъ графа Арнима Бойценбургскаго и его приверженцевъ, поднесенный королю 11 мая, былъ написанъ въ этомъ духѣ; хотя въ немъ прямо не говорилось о присоединеніи герцогствъ къ Пруссіи, но стояло указаніе, имѣвшее цѣлью припомнить наслѣдному принцу Аугустенбургскому, герцогствамъ и патріотическимъ обществамъ въ Германіи, что на будущее время Шлезвигъ-Гольштинское государство не можетъ быть съ Пруссіей въ такихъ же отношеніяхъ, въ какихъ нынѣ къ ней Саксонія или Гессенъ. Положеніе и надежды герцога въ концѣ мая были въ отличномъ состояніи; ему предоставлялись титулъ и власть герцогская съ однимъ только условіемъ — неизмѣнно и безусловно примкнуть къ первенствующей въ сѣверной Германіи державѣ — къ Пруссіи. Требованія Пруссіи, или вѣрнѣе, требованія Бисмарка были умѣренныя; будущему герцогу предоставлялась вся потребная свобода во внутреннемъ управленіи и вся власть, на какую могъ расчитывать человѣкъ съ искреннимъ патріотическимъ направленіемъ и чувствомъ; прусскій министръ очень скором требовалъ: канала, годнаго для прохода кораблей отъ Экернферде до Брунсбюттеля съ двумя укрѣпленіями при концахъ канала, подобно тому, какъ въ 1853 году Ольденбургъ уступилъ Пруссіи съ областью при Ядѣ; далѣе обладаніе каналомъ и надзоръ за нимъ предоставить Пруссіи; заключить съ Пруссіей военный и морской договоръ, подобный тому, какой у нея существуетъ съ Кобургомъ, Альтенбургомъ и Вальдекомъ, которые свои военныя силы соединили съ прусскими.

Но принцъ Аугустенбургскій былъ не лучше и не дальновиднѣе другихъ. Еще онъ не сдѣлался герцогомъ, даже война еще не окончилась, а онъ ужъ выказалъ свои эгоистическія претензіи. Въ совѣщаніи, которое онъ имѣлъ 1 іюля 1864 года съ прусскимъ министромъ-президентомъ, онъ на каждый изъ пунктовъ условій находилъ возраженіе и препятствіе. Уступку полосы для канала онъ хотѣлъ подвести буквально подъ тотъ же размѣръ, какой имѣла область, уступленная на Ядѣ; военная конвенція съ Кобургомъ, приведенная только, какъ примѣрная, для объясненія, ему не нравилась, потому что она «въ нѣкоторыхъ пунктахъ заходила слишкомъ далеко»; кромѣ того онъ очень не во время указалъ на то, что во всѣхъ этихъ условіяхъ недостаточно его одного согласія, но что нужно еще дождаться согласія народнаго сейма. Онъ считалъ, что дѣло его уже рѣшено и онъ безопасенъ отъ всякихъ случайностей; онъ не хотѣлъ, чтобы его связывали прочными условіями и ограниченіями; онъ хотѣлъ, чтобы Пруссія сперва добилась его привязанности, а затѣмъ уже онъ будетъ дѣйствовать въ духѣ прусской политики; онъ даже до такой степени увлекся, что сказалъ всемогущему прусскому министру, что для него было бы лучше, еслибы за него оружіе поднялъ одинъ только Германскій союзъ и при этомъ выказалъ свою тайную мысль, которую раздѣлялъ со всѣми членами германскаго союза, о своей полной независимости, какъ государя; онъ сказалъ, что герцогства, непризывавшія помощи Пруссіи, освободились бы сами или при содѣйствіи Германскаго союза и тогда ихъ освобожденіе совершилось бы не при такихъ тяжелыхъ условіяхъ. За тѣмъ онъ спросилъ: требованія, изложенныя Бисмаркомъ, въ видѣ предположеній, сообщены ли Австріи и согласна ли она на

нихъ? Этотъ мудрый вопросъ, сдѣланный съ цѣлью смутить или озадачить Бисмарка, вызвалъ съ его стороны откровенный отвѣтъ; онъ сказалъ, что Австрія объ этомъ предположеніи ничего не знаетъ, но что Пруссія, твердо и неизмѣнно рѣшилась провести это требованіе, какія бы препятствія для того ни встрѣтились.

Бисмаркъ узналъ, сколько ему нужно было знать; изъ трехчасоваго разговора онъ вынесъ убѣжденіе, что герцогъ не удовлетворитъ требованій Пруссіи, что онъ будетъ пытаться составить противовѣсъ ея вліянію, опираясь на Австрію во внѣшней политикѣ и на государственныхъ чиновъ во внутренней, и что, кромѣ того, онъ во всякое время готовъ будетъ искать помощи и сочувствія у другихъ государей Германскаго союза и у неразумнаго и неяснаго сознанія и перемѣнчивости народа. Бисмаркъ въ должную мѣру оцѣнилъ Аугустенбургскаго наслѣднаго принца, обнаружившаго во всякомъ случаѣ крайнюю неспособность въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Да и впослѣдствіи онъ всегда отдѣлывался неясными и туманными выраженіями «сохранять отношенія къ той державѣ, которая и на будущія времена можетъ служить дѣйствительной и вѣрной опорой противъ Даніи,» и т. п. неопредѣленными фразами и заговорилъ яснѣе только тогда, когда уже было поздно.

Такъ какъ съ претендентомъ нельзя было сговориться, то Бисмаркъ, преслѣдуя свою цѣль, пошелъ дальше; онъ увидѣлъ, что есть одно только вѣрное, несомнѣнное средство все устроить, разъяснить и покончить, а именно: вполнѣ и окончательно присоединить герцогства къ Пруссіи. Заманчивая цѣль: пріобрѣтеніе герцогствъ, было такъ же важно для Пруссіи, какъ нѣкогда присоединеніе къ ней Силезіи, но и здѣсь предстояли такія же затрудненія, какъ тѣ, какія за сто лѣтъ передъ тѣмъ явились во время присоединенія Силезіи, и теперь положеніе было крайне затруднительное и щекотливое.

Могущественный министръ, затѣявшій это дѣло и мужественно стремившійся къ своей цѣли, долженъ былъ бороться съ коалиціей, не менѣе сильной и опасной какъ и та которая въ 1756 г., съ оружіемъ въ рукахъ, противостояла Фридриху Великому. На первый взглядъ, все было противъ присоединенія Шлезвига-Гольштиніи къ Пруссіи: 1) настроеніе народонаселенія герцогствъ, избалованныхъ сочувствіемъ и попечительствомъ цѣлой Германіи, 2) свойственная всѣмъ германскимъ государствамъ склонность къ личнымъ обобщеніямъ, къ тому, чтобы каждое правительство, каждый народъ, каждая партія консерваторы, демократы, всѣ свои желанія и надежды сосредоточивали на своихъ маленькихъ отдѣльныхъ государственныхъ и сословныхъ интересахъ, и потому при одной только мысли о присоединеніи къ другой державѣ выходили изъ себя; 3) Австрія, государственные люди которой наконецъ начали догадываться, въ какую неловкую попытку они вмѣшались, теперь ясно выказывала, что вовсе не можетъ хладнокровно допустить сліянія герцогствъ съ Пруссіей; наконецъ, европейскія великія державы съ неудовольствіемъ смотрѣли бы на увеличеніе и усиленіе Пруссіи, и не могли этого дозволить. Министръ все это зналъ и видѣлъ, тѣмъ не менѣе онъ рѣшился идти этимъ смѣлымъ путемъ въ такую минуту, когда и внутри государства еще большинство членовъ прусской палаты депутатовъ и даже самаго народа, выставившаго своихъ представителей, были противъ него. Онъ не ожидалъ, чтобы большая часть его противниковъ перешла на его сторону, когда намѣренія и цѣли его яснѣе обнаружатся: онъ скорѣе ожидалъ противнаго; если контрасты во взглядахъ и цѣляхъ сдѣлаются еще сильнѣе, если придется со всею строгостію рѣшать вопросъ между Австріей и Пруссіей, между новой Германіей и Германіей священнаго союза, то Бисмаркъ ожидалъ, что даже консервативная партія, или большая часть ея, покинетъ его, тогда какъ теперь, когда дѣло шло только о томъ, чтобы противодѣйствовать демократическому или либеральному началу, она ему слѣпо повиновалась; было даже сомнительно, останется ли на его сторонѣ самый вѣрный его союзникъ — король — въ душѣ котораго еще во всей силѣ сохранялась традиціонная гогенцоллернская вѣрность Габсбургскому дому. Однакожъ для тѣхъ, которые видѣли вещи въ ихъ настоящемъ, а не въ преувеличенномъ видѣ, и у которыхъ былъ великій даръ, необходимый для государственнаго человѣка — не смотрѣть на вещи слишкомъ трагически, всѣ эти опасности теряли часть своего ужаса: каждаго изъ этихъ

противниковъ въ отдѣльности могло побороть: дѣйствительное могущество прусскаго войска и цѣлость и сила организаціи всего государственнаго строя вообще; но того, чтобы всѣ[a] интересы, враждебные прусскому, соединились и начали бы дѣйствовать вмѣстѣ, нельзя было ни предполагать, ни предвидѣть. Во всякомъ случаѣ, опытный государственный человѣкъ Пруссіи имѣлъ на своей сторонѣ несомнѣнное преимущество, въ данную минуту быстро рѣшаться и еще быстрѣе выполнять рѣшеніе, потому что онъ всегда отлично зналъ, чего хотѣлъ. Этого нельзя было сказать о его противникахъ: они были согласны только въ томъ, чего они не хотѣли, а затѣмъ все распадалось на противорѣчія и сомнѣнія.

Бисмарку представлялись различныя препятствія при исполненіи политическихъ стремленій касательно германскаго вопроса: кромѣ борьбы съ остальными государствами союза, и внутри государства еще не устраненъ былъ внутренній разладъ. Мы уже видѣли, что правительство надѣялось, посредствомъ смѣлаго либеральнаго предложенія, сдѣланнаго въ разрѣзъ съ австрійскимъ планомъ о реформѣ союзнаго правленія, во-первыхъ, удовлетворить самымъ заносчивымъ требованіямъ либерализма и во-вторыхъ, черезъ это достигнуть уступчивости своей собственной палаты депутатовъ; но эта надежда не исполнилась. Въ новой палатѣ депутатовъ, собравшейся въ ноябрѣ 1863 года, правительство могло располагать только 37 голосами. Въ тронной рѣчи, главный вопросъ и главная задача опять состояли въ реорганизаціи войска, а затѣмъ все остальное укладывалось само собою; но отношенія и вопросъ остались въ томъ же видѣ, въ какомъ были. Законъ о печати въ палатѣ депутатовъ подвергнулся строгой критикѣ и вполнѣ заслуженному осужденію; это еще увеличило общее неудовольствіе; настроеніе не могло улучшиться и оттого, что палата господъ, съ значительнымъ преобладаніемъ феодальной партіи, защищала этотъ законъ всевозможными, далеко нелогическими и непозволительными умозаключеніями; самая большая уступка съ ихъ стороны заключалась въ томъ, что существующій законъ надобно поддерживать до тѣхъ поръ, пока не выработается новаго. Шлезвигъ-гольштинскія дѣла, которыя должны были бы облегчить вопросъ о реорганизаціи войска и привести палату и правительство въ гармонію, при этихъ обстоятельствахъ сдѣлался только причиной новыхъ недоразумѣній и новыхъ несогласій. Заемъ, потребованный правительствомъ, былъ отвергнутъ палатой: на это министръ гэрдо отвѣчалъ, что онъ нужныя для правительственныхъ предпріятій суммы возьметъ тамъ, гдѣ найдетъ; затѣмъ палата отвергла еще нѣсколько правительственныхъ предложеній и поэтому сессіи были закрыты 25 января 1864 года, какъ мы объ этомъ упоминали выше. Такъ какъ бюджетъ вновь не былъ утвержденъ, то управленіе опять шло безъ опредѣленныхъ средствъ и границъ и мелкая распря внутри продолжалась; правительство прибѣгло опять къ мелкой мѣрѣ, но не мало досадившей депутатамъ: было издано постановленіе, по которому расходы на замѣщеніе чиновниковъ, призванныхъ въ Берлинъ въ качествѣ депутатовъ, въ теченіе всей сессіи падаютъ на нихъ самихъ; точно будто правительство вѣрило пустымъ обвиненіямъ феодальной прессы, которая непрестанно утверждала, что многіе чиновники, получая 3 талера суточныхъ во время сессій, проживаютъ въ Берлинѣ только за тѣмъ, чтобы пировать и съ этой цѣлью домогаются попасть въ число депутатовъ. Однакожъ, съ апрѣля 1864 года, побѣды въ Шлезвигѣ благопріятно подѣйствовали на общественное мнѣніе, и законодательный разладъ потерялъ на время часть своего раздражительнаго характера. Теперь ясно было доказано, что прусское войско существуетъ не для однихъ только парадовъ и демонстрацій; народъ, не принимавшій участія въ политическихъ преніяхъ, съ возрастающимъ восторгомъ слѣдилъ за успѣхами прусскаго оружія на сушѣ и на морѣ; особенно лестно было послѣднее обстоятельство; съ сочувствіемъ видѣли, что молодой прусскій флотъ во многихъ небольшихъ столкновеніяхъ съ непріятельскимъ дѣлалъ честь прусскому имени, какъ напримѣръ 17 августа при Стральзундѣ; когда же войска съ торжествомъ вступили въ Берлинъ, 7 декабря, тогда энтузіазму народному не было предѣловъ. Главный бургомистръ столицы, фонъ-Зейдель, въ своей рѣчи очень открыто одобрялъ настоящую политику и выказалъ полную довѣренность къ распоряженіямъ короля и полную

преданность ему. Съ особеннымъ стараніемъ выставилъ онъ всѣ выгоды, пріобрѣтенныя Пруссіей не только для себя, но и для цѣлой Германіи; языкомъ, въ которомъ не слышалось и тѣни существующаго разлада между правительствомъ и народомъ, онъ указывалъ на развитіе организующей силы внутри государства и высказалъ надежду, что эта самая сила проникнетъ и въ остальныя нѣмецкія государства; далѣе, что реорганизація войска есть дѣло короля, и онъ по справедливости можетъ гордиться имъ, потому что оно принесло уже плоды; всѣ побѣды и успѣхи оружія куплены сравнительно меньшими пожертвованіями, безъ тѣхъ внутреннихъ потрясеній и потерь, которыя обыкновенно, во всѣхъ государствахъ, сопровождаютъ мобилизацію войска, хотя бы и составленнаго на основаніи общей воинской повинности. Потомъ онъ не упустилъ изъ вида и того, что при веденіи дѣлъ внѣшней политики Пруссія пріобрѣла также блистательные результаты. Въ теченіе войны вопросъ о возобновленіи таможеннаго союза, такъ долго оставававшійся нерѣшеннымъ, потому что государства не хотѣли возобновлять его вслѣдствіе заключенія торговаго договора съ Франціей, былъ наконецъ рѣшенъ вполнѣ въ видахъ прусской политики: государства средней и меньшей величины одно за другимъ, уступая необходимости, спѣшили присоединиться къ прусскому договору, пока не прошло благопріятное время; но въ болѣе важномъ вопросѣ, который вѣроятно былъ рѣшительнымъ для будущности Пруссіи и цѣлой Германіи, было все достигнуто, чего могла желать оппозиція и чего могла требовать національная политика, все, что высказалось въ рѣшеніи палаты депутатовъ 22 января, все это было опровергнуто самымъ осязательнымъ образомъ. Бисмаркъ имѣлъ полное право сказать, нѣсколько времени спустя, что теперь отъ одной Пруссіи зависитъ выполнить желаніе, приписывавшееся ея политикѣ въ началѣ кризиса: ей довольно получаса времени, чтобы упрочить за наслѣднымъ принцемъ Аугустенбургскимъ соединенныя герцогства Шлезвигъ-Гольштейнъ. Еще больше: Пруссіи предстояла возможность немедленно присоединить къ своимъ владѣніямъ герцогство Лауэнбургъ, что все-таки увеличило бы на 20 число квадратныхъ миль Пруссіи и на 50,000 чел. число ея нѣмецкихъ подданныхъ.

Палата депутатовъ упустила благопріятную минуту, не воспользовавшись ею. Рѣчь короля, при открытіи вновь собравшагося народнаго сейма 14 января 1865 года, была сказана въ миролюбивомъ духѣ: «мое искреннѣйшее желаніе, сказалъ король, состоитъ въ томъ, чтобы разногласіе, существующее въ послѣднее время между моимъ министерствомъ и палатой депутатовъ, наконецъ окончилось;» за тѣмъ онъ, какъ на высшую и важнѣйшую задачу прусской политики, показалъ, на необходимость устроить бытъ и отношенія герцогствъ такъ, чтобы «они для насъ облегчили задачу, возложенную на насъ честью — стоять на защитѣ сѣверныхъ областей Германіи;» при такомъ настроеніи палата сдѣлала великую ошибку, съ перваго же мгновенія оттолкнувъ отъ себя снисходительность короля и его наклонность дѣйствовать примирительно. Но президентъ палаты депутатовъ, Грабовъ, произнося свою вступительную рѣчь, около того же времени, сказалъ, что «ущербъ, нанесенный прусской народной чести въ ольмюцкомъ соглашеніи, теперь вполнѣ уничтоженъ и вознагражденъ на поляхъ, ознаменованныхъ побѣдами прусскаго оружія»; но, къ величайшему сожалѣнію, этотъ же самый Грабовъ, нѣсколько дней спустя, увлекся несвоевременною, неумѣренною и несправедливою жалобою на внутреннія политическія распоряженія правительства. Напрасно министръ внутреннихъ дѣлъ, фонъ-Эйленбургъ, 24 янв., во время преній по поводу адреса, очень ясно далъ понять, что большинство депутатовъ въ сущности правы при истолкованіи 99 статьи конституціи, касающейся закона о бюджетѣ, но совѣтовалъ теперь по крайней мѣрѣ уступить и рѣшить вопросъ о реорганизаціи войска въ смыслѣ, какого желалъ король, чтобы наконецъ устранить причину внутренняго раздора; касательно же другихъ вопросовъ палата депутатовъ вольна употребить въ дѣло всѣ имѣющіяся у нея ораторскія дарованія и силу убѣжденія; но доброе намѣреніе склонить большинство палаты къ благоразумной уступчивости ни къ чему не повело, и въ такомъ духѣ составленъ былъ адресъ. Столкновеніе опять сдѣлалось сильнѣе; при такомъ мрачномъ настроеніи всего общества то тутъ, то тамъ, даже при враждебныхъ

демонстраціяхъ праздновался пятидесятилѣтній юбилей присоединенія рейнскихъ провинцій къ Пруссіи. Палаты не оказали должнаго содѣйствія министерству и во внѣшней политикѣ, такъ что оно предоставлено было своимъ собственнымъ силамъ и сочувствію и согласію царствующаго дома; палаты приняли только новыя таможенныя постановленія (Zollverein'a), а всѣ прочіе финансовые и военные проекты законовъ отвергли. Послѣ очень непріятныхъ преній народный сеймъ былъ закрытъ 17 числа и вновь начались съ одной стороны мелкія притѣсненія, съ другой далеко незначительныя демонстраціи, это — непріятная мелочная война между раздраженными другъ противъ друга партіями. Намъ нѣтъ никакой надобности слѣдить за всѣми мелочами этого внутренняго разлада, то выражавшагося насильственнымъ запрещеніемъ праздника, даннаго въ Кельнѣ либеральнымъ членамъ палаты депутатовъ, 22 іюля, то судебнымъ преслѣдованіемъ одного изъ депутатовъ, Твестена, за рѣчь, произнесенную имъ въ палатѣ, или болѣе чѣмъ двусмысленное толкованіе берлинскаго верховнаго суда отъ 29 января 1866 года по поводу § 84 конституціи, въ которомъ, въ видахъ выгодъ правительства, допускалась неограниченная свобода слова въ палатахъ. Это нарушеніе правъ, дарованныхъ конституціей и много другихъ мелочныхъ, но тѣмъ не менѣе непріятныхъ притѣсненій, послужили только поводомъ къ жалобамъ при открытіи сессій, 15 января 1866 года; вслѣдствіе этого было много преній, много жалобъ, общее раздраженіе, и палаты были опять закрыты 23 февраля. Первый осязательный успѣхъ политики Бисмарка, присоединеніе герцогства Лауэнбургскаго и самый актъ принятія королемъ герцогства въ управленіе, было объявлено палатой депутатовъ незаконнымъ, пока не будетъ получено на это согласіе чиновъ герцогства; это было постановлено палатой 3 февраля. На этотъ разъ правительство отплатило палатѣ тою же монетой: оно отослало это постановленіе палатѣ назадъ, приведя нѣсколько параграфовъ изъ конституціи, за превышеніе власти и какъ дѣло противозаконное.

Какъ бы то ни было, но внутреннее политическое состояніе Пруссіи находилось въ печальномъ состояніи, тогда какъ при либеральномъ въ сущности управленіи, при хорошемъ положеніи финансовъ, при цвѣтущемъ состояніи промышленности, народъ могъ бы быть счастливъ, не вдаваясь въ неудовольствіе, разъѣдающее самую основу государственнаго строя и рано или поздно готовое содѣйствовать общему разслабленію; хотя эти жестокія послѣдствія еще не вполнѣ выразились, хотя здоровое, само по себѣ, народное устройство еще довольно долгое время могло выносить внутренній разладъ, но онъ ни въ какомъ случаѣ не содѣйствовалъ тому, чтобы укрѣпить и упрочить политику Бисмарка за предѣлами Пруссіи.

Въ остальныхъ германскихъ государствахъ до того привыкли сливать идею прусскаго народа съ прусскимъ правительствомъ, что даже существующій разладъ между тѣмъ и другимъ еще не принялъ такой осязательной формы, какъ въ иныхъ государствахъ, гдѣ правительство отдѣляли отъ либеральной, демократической или какой либо другой партіи и въ рѣчахъ и на бумагѣ вездѣ сохраняли это различіе; но, говоря о прусскомъ правительствѣ и палатахъ просто говорили Пруссія, не раздѣляя ихъ. Итакъ Пруссія, какъ по своей внѣшней, такъ и внутренней политикѣ, нигдѣ не могла назваться популярной: мысль «основать единство Германіи на эгоистической прусской политикѣ», хотя очень простая и понятная сама по себѣ, не приходила еще въ голову политиковъ диллетантовъ, толкующихъ объ объединеніи Германіи во всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ частяхъ ея; но если бы ее и сознали, то отъ этого на Пруссію только начали бы смотрѣть еще враждебнѣе. Правительства государствъ средней и малой величины, посредствомъ своего внутренняго управленія и своихъ внѣшнихъ сношеній, не сумѣли бы пріобрѣсть себѣ большей популярности дома и за границей своихъ владѣній. Въ большей части государствъ, между правительствомъ и народомъ существовало такое же разногласіе, какъ и въ Пруссіи; такъ какъ какой нибудь Ганноверъ, Нассау, оба Гессена, Ангальты и др. были и по объему и по значенію несравненно меньше Пруссіи, то и внутреннія распри ихъ и волненія лишены были того значенія, какое мы находимъ въ послѣдней. Только въ Баденѣ, Веймарѣ,

Брауншвейгѣ, Ольденбургѣ междугосударями и народомъ существовало полное согласіе и полное пониманіе другъ друга. Въ Баваріи король Максимиліанъ II скончался 10 марта 1864 года и ему наслѣдовалъ сынъ его, Людовикъ II, 19-лѣтній юноша; онъ принялъ управленіе государствомъ въ такую минуту, когда въ немъ приготовлялась сильная внутренняя борьба между либеральнымъ и клерикальнымъ направленіемъ, борьба несравненно серьезнѣе той, какая въ данную минуту существовала въ Пруссіи. Въ Вюртембергѣ также произошла перемѣна въ правленіи; старый король Вильгельмъ скончался 25 іюня 1864 года, а на престолъ взошелъ сынъ его, Карлъ I; но все оставалось спокойно только потому, что новое министерство Фарнбюлера отлично умѣло словами и обѣщаніями убаюкивать очень велерѣчивую, но вовсе не дѣятельную демократическую партію, которая, за своими обширными взглядами и фантазіями на счетъ преобразованія союзнаго правленія, забывала ближайшія потребности своего отечества и потому еще, что всѣ классы народа свыклись съ своимъ застоемъ и не пытались выйти изъ него.

Въ курфиршествѣ Гессенскомъ прежній самовластный курфирстъ, не взирая на конституцію, которую онъ вынужденъ былъ возстановить, не измѣнялъ своего эгоистическаго и притѣснительнаго образа правленія; палата депутатовъ и народъ жаловались, подавали проекты, длинные адресы, съ яснымъ изложеніемъ бѣдственнаго положенія страны, но все это не могло привести къ желаннымъ перемѣнамъ. Курфирстъ, по-прежнему, или поддавался своимъ прихотямъ, или коснѣлъ въ своемъ бездѣйствіи; нѣсколько депутатовъ, убѣдившись, что всѣ ихъ старанія и всѣ надежды тщетны, бросили безплодную борьбу и объявили, что они, исполнивъ свой долгъ, теперь рѣшились спокойно дожидаться того, что судьба пошлетъ ихъ отечеству, потому что они не въ силахъ направлять болѣе хода событій.

То, чего постыдная камарилья въ Нассау позволяла себѣ при слабомъ управленіи герцога, невозможно выразить; это далеко превышало всѣ злоупотребленія, бывшія въ Пруссіи во время самаго сильнаго гоненія на конституціонную и либеральную партію. Почти то же самое мы находимъ въ Дармштатѣ; только прибавить надобно, что здѣсь, по-прежнему, все еще гонялись за одеждой и хотѣли, во что бы то ни стало, всѣхъ, хотя бы чѣмъ нибудь связанныхъ съ правительственными учрежденіями, нарядить въ мундиры и отмѣтить чѣмъ нибудь; мелкая чиновничья злоба все еще господствовала по-прежнему. Въ Ганноверѣ либеральная партія требовала возстановленія конституціи 1848 года, но въ октябрѣ 1865 года либеральное министерство было смѣнено консервативнымъ, а слѣпой король, по-прежнему, предавался династическимъ мечтамъ своимъ и только и думалъ и говорилъ о духѣ Вельфовъ, домѣ Вельфовъ, музеѣ Вельфовъ и т. д. Въ Мекленбургѣ палочное управленіе смягчено было на столько, что по человѣколюбивому постановленію, отъ декабря 1865 года, эта мѣра исправленія предоставлена была исключительно полиціи и могла быть употребляема только въ отношеніи лицъ, совершенно испорченныхъ и безнадежныхъ.

Послѣ всего этого безпристрастный наблюдатель принужденъ сознаться, что, сравнительно, въ Пруссіи, даже при министерствѣ Бисмарка, существовало гораздо больше истинной свободы нежели въ Саксоніи, гдѣ первый министръ въ послѣднее время прикидывался либераломъ, или въ Вюртембергѣ, гдѣ народъ, правда, пользовался неограниченной свободой шумѣть и разсуждать о политикѣ въ пивныхъ лавкахъ и погребахъ, но, наговорившись въ волю, не вмѣшивался въ распоряженія правительства, не принималъ ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ управленія и даже неспособенъ былъ въ нихъ вмѣшиваться.

Итакъ отдѣльныя государства Германскаго союза въ своемъ внутреннемъ устройствѣ мало выиграли и почти нигдѣ не пріобрѣли популярности, но за то во внѣшней политикѣ, всѣ вмѣстѣ и каждое въ отдѣльности, понесли рядъ постыдныхъ пораженій. Начиная съ того, какъ средней величины государства, съ Баваріей впереди, держали себя во время борьбы изъ-за таможеннаго союза, ясно видно было, какъ незначительны силы и вліяніе этихъ государствъ; наконецъ шлезвигъ-гольштинскій вопросъ являлся какъ постыдное и болѣзненное пораженіе для правительствъ въ отдѣльности и для всего Германскаго союза въ цѣ-

ломъ. Приверженцамъ Австріи пришлось убѣдиться, что въ этомъ вопросѣ первой важности ихъ покровительница соединилась противъ нихъ; они принуждены были покориться необходимости, оставить свое войско въ бездѣйствіи и дозволить, чтобы война и миръ были рѣшены помимо ихъ; они чувствовали обиду, но должны были безсильно вынести оскорбленіе. 21 іюля (1864) принцъ Фридрихъ-Карлъ объявилъ генералу Гаке, что ему дано приказаніе принять во владѣніе Рендсбургъ. Причиной или предлогомъ послужили драки и безпорядки между прусскими и союзными солдатами; явленіе очень понятное при плачевной роли, которую принуждены были играть союзныя войска при столкновеніи съ высоко цѣнящими себя побѣдителями; 6,000 пруссаковъ, подъ начальствомъ генерала Гебена, вступили въ Рендсбургъ, а четыре роты ганноверцевъ выступили, объявивъ, что протестуютъ противъ насилія. Союзный сеймъ представилъ это дѣло на разсмотрѣніе комиссіи изъ выборныхъ; въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ палатахъ и въ народныхъ собраніяхъ произносили пламенныя рѣчи противъ новаго насилія; Пруссія, въ утѣшеніе этого событія, 27 ноября, позволила нѣкоторымъ союзнымъ полкамъ возвратиться на родину, на извѣстный срокъ и пріемъ имъ вездѣ сдѣланъ былъ со всѣми военными почестями. Они должны были удалиться: миръ былъ заключенъ; 1 декабря обѣ первенствующія державы союза вошли въ сеймъ съ представленіемъ о томъ, что экзекуція, посланная въ Гольштинію, уже достигла своей цѣли и теперь должна быть снята; союзный сеймъ, при большинствѣ 5 голосовъ, принужденъ былъ покориться необходимости; къ тому же Пруссія настаивала, чтобы экзекуціонныя войска были выведены. Ганноверъ первый уступилъ; саксонскій министръ, по своему обыкновенію, тянулъ время разными шумными военными демонстраціями, неведущими ни къ какой цѣли; онъ покорился, но не могъ отказать себѣ въ удовольствіи выказать свое нерасположеніе къ Пруссіи: онъ повелъ саксонскія войска, домой большимъ кругомъ, черезъ Ганноверъ, чтобы только не ступать на прусскую почву. 7 дек. союзные комиссары передали управленіе Гольштиніи австрійско-прусскимъ коммиссарамъ и удалились. Сначала казалось, будто германскія государства найдутъ новаго союзника въ шлезвигъ-гольштинскомъ дѣлѣ. Они, вслѣдъ за Баваріей, приняли народную сторону, но все-таки съ тайнымъ опасеніемъ, что волны его расходятся и поглотятъ сами себя и все остальное. Но теперь и эта популярная сторона пропала; разоблаченія, сдѣланныя англійскими указателями, обнаружили, какъ двусмысленно поставило себя ганноверское правительство къ народному дѣлу; дождались, чтобы явился второй претендентъ на герцогства изъ союзныхъ правительствъ, а именно ольденбургское; оно объявило свои собственныя притензіи, какъ равныя съ претензіями Аугустенбургскаго принца на престолъ герцогства Шлезвигъ и Гольштиніи; это обстоятельство было въ высшей степени благопріятно для видовъ Пруссіи, потому что ея политикѣ прежде всего нужно было, чтобы вопросъ о наслѣдствѣ какъ можно больше затемнялся и запутывался; она съ своей политикой надѣялась ловить рыбу въ мутной водѣ; въ дѣлахъ комитета 36 выборныхъ даже Бавaрія присоединилась къ взглядамъ прусско-австрійской политики, которая старалась противодѣйствовать, какъ этому комитету, такъ и всякому другому обществу, заходящему за благотворительныя цѣли и касающемуся организаціи Шлезвигъ-Гольштиніи. Хотя Бавaрія и начала раздѣлять предубѣжденіе противъ комитета, но она не смотрѣла на него такъ, какъ Пруссія и Австрія, которыя, съ самаго начала, принимали его за революціонный, и не относилась къ нему такъ рѣзко и такъ враждебно, какъ правительства этихъ державъ. Въ политическихъ дѣятельныхъ нѣмецкихъ кружкахъ и въ народѣ начали сомнѣваться въ желаніи правительствъ въ этомъ дѣлѣ дѣйствовать согласно съ общимъ желаніемъ народа: между тѣмъ это подозрѣніе было совсѣмъ невѣрно, потому что и самыя правительства ничего больше не желали, какъ только посадить аугустенбургскаго наслѣдника на престолъ герцогскій. Еще безспльнѣе и безпомощнѣе союзнаго управленія и всего Германскаго союза оказалась несостоятельность общественнаго мнѣнія. Напрасно комитетъ 36 выборныхъ, желая дать нѣкоторое утѣшеніе различнымъ патріотическимъ обществамъ и пробудить въ нихъ самоувѣренность и мужество, объявилъ, 11 февраля 1864 года, что Пруссія и Австрія всемогуществомъ об-

щественнаго мнѣнія были направлены въ Шлезвигъ. Но теперъ на этотъ счетъ не могло быть больше сомнѣнія: всѣ безчисленныя резолюціи палатъ и народныхъ собраній, всѣ рѣчи, всѣ адресы были пущены на вѣтеръ: безсильна оказалась политика идеологовъ комитета 36 избранныхъ и столько же безсильно общественное мнѣніе передъ поразительною силою реальной политики, за которою пряталось организованное государственное могущество двухъ великихъ державъ. Напрасно горячіе ораторы шумѣли и выходили изъ себя; они только дѣлались смѣшными, тогда, какъ напримѣръ, при извѣстіи о занятіи Рендсбурга, требовали, чтобы всѣ народы и сословія Германіи возстали, вооружились и немедленно послали 100,000 союзную армію наказать дерзкихъ похитителей.

Слабѣе всего выказалось общественное мнѣніе, или, вѣрнѣе, національное настроеніе въ самомъ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, болѣе всего заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ. Мы не говоримъ о національной волѣ, потому что при томъ положеніи, въ какомъ находилось законодательство герцогствъ, не могло быть рѣчи о правильномъ сознаніи національной воли и тѣмъ менѣе о законномъ выраженіи этой воли и приведеніи ея въ дѣйствіе: еслибы даже у герцогствъ не было недостатка въ законномъ органѣ для выраженія національной воли, то очень вѣроятно, что при томъ настроеніи, или растройствѣ, въ какомъ находилось общество, оно ни въ какомъ случаѣ не могло бы собраться съ силами, и у него не было бы достаточнаго сознанія своихъ потребностей, чтобы опредѣленно высказать, чего оно хочетъ и въ чемъ нуждается. Куда склонялось желаніе и настроеніе народа было ясно: оно клонилося къ тому, чтобы прежде всего быть шлезвигъ-гольштинскимъ народомъ, а за тѣмъ, на сколько это ни будетъ тяжелымъ или неудобнымъ, нѣмецкимъ; въ этомъ отношеніи шлезвигъ-гольштинцы были не лучше и не хуже всѣхъ остальныхъ германскихъ союзниковъ: но надобно замѣтить, ни одно изъ крупныхъ государствъ на свѣтѣ не образовалось отъ добровольнаго присоединенія и сростаніи частей его. Опыты найти въ самихъ герцогствахъ партію, которая бы желала присоединенія герцогствъ къ Пруссіи и содѣйствовала ему, были совершенно неудачны: тамъ такихъ охотниковъ не оказалось; за присоединеніе стояло только очень небольшая частица дворянства, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе исчезающее; съ тѣхъ поръ, какъ шлезвигъ-гольштинскія герцогства отдѣлились отъ Даніи, дворянство нашло для себя выгоднѣе и пріятнѣе оставить родину и придерживаться правительства, издавна покровительствовавшаго ему; но за то въ глазахъ народа это были ренегаты, а такіе, какъ баронъ Карлъ фонъ-Шеель-Плессенъ заслужили и худшее названіе. 8 августа идея присоединенія къ Пруссіи однакоже начала обнаруживаться: большинство прелатовъ и дворянъ заговорило о присоединеніи герцогствъ къ Пруссіи въ дипломатическомъ, военномъ и морскомъ отношеніяхъ; но масса народа и на этотъ разъ, какъ и всегда, думала тоже, что думалъ герцогъ, находя, что такого единства съ Пруссіей слишкомъ много, а напротивъ чѣмъ его меньше, тѣмъ лучше; они допускали только совмѣстное дѣйствіе флотовъ. Бисмаркъ, съ своей стороны; зналъ настроеніе народа и герцога и оцѣнивалъ ихъ въ настоящую мѣру. Унего въ рукахъ было очень дѣятельное средство дѣйствовать на государство: по статьямъ мирнаго договора очень значительная доля государственнаго долга Даніи падала на герцогства; кромѣ того обѣ союзныя, сильнѣйшія державы Германіи предоставили себѣ право взыскать съ герцогствъ военныя издержки, или часть ихъ. Здѣсь не могло быть и мысли о народномъ возстаніи, или о революціонномъ движеніи, не такой тутъ былъ народъ: ни по своему характеру, ни по общественному складу онъ не былъ способенъ къ возстанію, кромѣ того вся правительственная организація, вся администрація, всѣ крѣпости, все оружіе, всѣ пути сообщенія были въ рукахъ австрійцевъ и пруссаковъ, которые, со времени мира, въ силу насильственно присвоеннаго права, хозяйничали въ герцогствахъ, какъ у себя дома; они тутъ были независимѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, нежели герцогъ.

Всѣ эти противодѣйствующія силы: шлезвигъ-гольштейнцы, вмѣстѣ съ своимъ новоприобрѣтеннымъ герцогомъ, правительства государствъ германскаго союза, которыя на Бисмарка смотрѣли, какъ на ангела-истребителя своего господства, преобладающее настроеніе нѣмецкаго народа — все это вмѣстѣ взятое представ-

ляло мало опасности для прусскихъ цѣлей. Но совсѣмъ было бы не то, еслибы къ союзу недовольныхъ пристала Австрія, единственная могущественная держава, единственно опасная соперница для Пруссіи. Тутъ-то для Бисмарка былъ самый опасный пунктъ; лишь только мирный договоръ былъ подписанъ, отдававшій герцогства въ руки Австріи и Пруссіи истинный оттѣнокъ характера шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса началъ обнаруживаться: въ немъ и за нимъ таился вопросъ германскій, вопросъ о томъ, возьметъ ли Австрія, или Пруссія первенство надъ своей соперницей и надъ остальными союзными державами или нѣтъ.

5 декабря, 1864 года, Австрія предложила фактически передать управленіе герцогствъ герцогу фридриху Аугустенбургскому, какъ самому законному изъ всѣхъ претендентовъ; остальныхъ претендентовъ, уже предъявившихъ свои права, или еще намѣревающихся ихъ отыскивать, отослать къ союзному сейму, гдѣ существуетъ особое отдѣленіе для разбора всѣхъ династическихъ и геральдическихъ тонкостей. Такимъ образомъ Австрія дѣлала опять шагъ, чтобы войти въ соглашеніе съ нѣмецкими союзниками. Но Бисмаркъ, 13 янв., отказался входить въ разбирательство правъ на наслѣдство, пока дальнѣйшія отношенія Пруссіи къ герцогствамъ не опредѣлятся; но въ то же время подъ рукою поднятъ былъ вопросъ о присоединеніи герцогствъ къ Пруссіи.

Прусскій государственный человѣкъ, если не съ перваго раза, то, покрайней мѣрѣ, очень скоро уразумѣлъ, что шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только одновременно съ разрѣшеніемъ германскаго вопроса: а простой и очень ясной мысли своего политическаго правленія онъ съ самаго начала не скрывалъ: у него рѣшено было разрѣшить его энергически, по эгоистически прусскому взгляду на политику. Съ досадой и со страхомъ руководящіе и придворные люди въ Вѣнѣ, Дрезденѣ, Стутгартѣ, Ганноверѣ и въ другихъ государствахъ видѣли, что Пруссія все настойчивѣе и открытѣе берется за дѣла Германіи; примѣръ на пріэльбскихъ герцогствахъ былъ опасенъ, не столько самъ по себѣ, какъ по своему примѣненію къ прочимъ германскимъ державамъ: что сегодня тутъ произошло, то могло завтра повториться въ десяти другихъ мѣстахъ, Пруссіи стоило только серьезно захотѣть и рѣшиться; провести планъ достанетъ силы, но гдѣ взять средства помѣшать этому?

Министръ австрійскій, Рехбергъ, заведшій Австрію въ глухой переулокъ, въ тоже время, можно сказать, поддержалъ Пруссіи стремя, чтобы посадить ее на коня; неосновательность его дѣйствій была признана и 27 октября 1864 года онъ уволенъ въ отставку, а на мѣсто его назначенъ штатгальтеръ Галиціи, графъ Менсдорфъ-Пульи; этотъ человѣкъ принадлежалъ къ военной аристократіи; отъ него ожидали большой энергіи и на его долю выпалъ жребій, какъ выражался министръ Шмерлингъ, «изъѣзженную повозку» шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса вытащить изъ ямы, въ которую она попалась.

Но прусскій министръ рѣшился помѣшать этому и поставить на своемъ, хотя бы для этого надобно было взяться за оружіе; это рѣшеніе не мало поддерживалось еще знаніемъ, какое онъ имѣлъ о развитіи внутреннихъ силъ Австріи, организація которой распутывалась, можно сказать, новыми запутанностями. Мы уже говорили о томъ, какъ поразительно—сценическое явленіе съѣзда государей и ихъ разсужденія на счетъ реформы союзнаго управленія окончилось въ 1863 году безъ всякихъ послѣдствій, не оставивъ за собою даже признака существованія; далѣе мы упоминали, что тѣсный рейхсратъ черезъ присоединеніе къ нему депутатовъ Трансильваніи превратился въ болѣе обширный и черезъ это политика Шмерлинга пріобрѣла первый дѣйствительный успѣхъ. Рейхсратъ, послѣ довольно долгаго колебанія, рѣшилъ самые важные въ данную минуту финансовые вопросы и, главное, заемъ въ 109 милліоновъ флориновъ; 15 февраля 1864 года засѣданія рейхсрата были закрыты самимъ императоромъ и въ тоже время приказано было собраться частнымъ сеймамъ въ коронныхъ владѣніяхъ, за исключеніемъ представительныхъ сеймовъ въ Венеціи, Венгріи и Галиціи; въ послѣдней даже, вслѣдствіи польскаго возстанія, и вслѣдствіи двусмысленной австрійской политики касательно возмущенія, объявлено было осадное положеніе. Когда 14 ноября рейхсратъ опять былъ открытъ, депутаты Галиціи

были налицо, но недоставало богемскихъ и моравскихъ. Въ тронной рѣчи не на что было указать, развѣ только на безплодные лавры, собранные на сѣверѣ; въ преніяхъ палаты депутатовъ, по случаю отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, было высказано тоже не много утѣшительнаго. Въ большей части государства конституціонная дѣятельность еще вовсе не начиналась, говорилось въ адресѣ, указывалось на необходимость мира и въ тоже время на неизбѣжную обязанность Австріи противодѣйствовать стремленіямъ къ присвоенію себѣ незаконнымъ путемъ власти въ государствахъ Германскаго союза; говорилось объ обязанности Австріи всѣми силами содѣйствовать Германскому союзу для возстановленія правъ приэльбскихъ герцогствъ; указывалось на плачевные и роковые безпорядки въ Польшѣ, изъ-за которыхъ австрійское правительство и въ Галиціи принуждено прибѣгать къ исключительнымъ мѣрамъ; указывалось на положеніе финансовой системы, какъ на очень сомнительное; на крайнюю необходимость соразмѣрять государственныя издержки съ правильными государственными доходами, совѣтовали уменьшить издержки на войско и флотъ; вотъ въ существенныхъ чертахъ содержаніе адреса. 9 января, 1865 года, государственный министръ объявилъ палатѣ, что императоръ принялъ адресъ къ свѣдѣнію; ничего другаго онъ съ нимъ и дѣлать не могъ. Комиссія, составленная для изслѣдованія финансовыхъ вопросовъ; принялась за дѣло и смѣло начала уменьшать расходы, начиная съ того, что изъ бюджета морскаго министерства исключены были 2 милліона и т. п., а 2 марта правительство заявило, что готово въ общемъ составѣ уменьшить издержки государственныя на 20 милліоновъ; но этого было недостаточно. За тѣмъ правительство въ полномъ составѣ своемъ потерпѣло рядъ новыхъ пораженій. Въ маѣ началось столкновеніе палаты съ правительствомъ изъ-за новыхъ требованій и перемѣнъ въ военномъ законодательствѣ; столкновеніе, здѣсь происшедшее, было еще сильнѣе и глубже прусскаго столкновенія изъ-за реорганизаціи войска; въ палатахъ продолжали изыскивать средства для сокращенія расходовъ, а тутъ, 8 іюня, министръ финансовъ, фонъ Пленеръ, поразилъ палату изумленіемъ, представивъ ей проектъ о займѣ въ 117 милліоновъ; въ проектѣ говорилось, что правительство сильно просчиталось, что оно понесло по всѣмъ частямъ ужасающія недоимки, при «крайне трудномъ положеніи въ настоящее время», говорилось въ изложеніи министра, «вся наша надежда основывается на будущемъ улучшеніи доходовъ...» и въ такомъ родѣ говорилось дальше, но это была давно знакомая пѣсня. Однакожъ, положеніе дѣлъ становилось очень серьезнымъ; къ несчастію, въ конституціи былъ § 13, по которому, въ очень опасныхъ и затруднительныхъ случаяхъ, правительству предоставлялось право распоряжаться и безъ согласія рейхсрата: это былъ параграфъ такого рода, какъ самъ Шмерлингъ сознавался, что въ случаѣ надобности имъ можно было измѣнить и самую конституцію, и, говоря объ этомъ, онъ съ очень неумѣстной шуткой замѣтилъ, что на этотъ параграфъ можно смотрѣть, какъ на дитя, назначенное на то, чтобы умертвить свою мать. Не онъ, но другіе объ этомъ уже подумывали и готовы были воспользоваться силою, скрытою въ немъ. 21 іюня палата депутатовъ согласилась, на первый случай, на самыя необходимыя потребности отпустить 13 милліоновъ, что равнялось каплѣ воды, налитой на горячій камень; но на дальнѣйшей кредитъ обѣщалась согласиться только тогда, когда финансовые законы на 1865 и 1866 годы будутъ утверждены законодательнымъ порядкомъ. Но 26 іюня разнеслось извѣстіе, что государственный канцлеръ Трансильваніи и Венгріи уволенъ въ отставку, а на мѣсто послѣдняго назначенъ графъ Майлатъ, человѣкъ съ старинно-консервативнымъ направленіемъ; на слѣдующій за этимъ день, вслѣдствіи этого назначенія, предвѣщавшаго измѣненіе политики, министерство Шмерлинга, за исключеніемъ министровъ иностранныхъ дѣлъ и военнаго, подало просьбу объ отставкѣ и получило ее; палата депутатовъ и верхняя палата еще возились недѣли двѣ съ проектами финансоваго устройства, пока старое министерство, въ ожиданіи новаго, занималось дѣлами; но 24 іюля обѣимъ палатамъ дано было знать, что сессіи ихъ прекращаются 27; извѣстіе это было такъ неожиданно, что депутаты не знали, на что имъ рѣшиться, что предпринять; у нихъ не достало даже мужества сдѣлать объясненіе, написать протестъ, замолвить слово за свои права, каждый изъ нихъ могъ понять, что

дѣло идетъ о переворотѣ, что переворотъ уже начинается, что конституціи—конецъ. Конституціонный ходъ дѣлъ дѣйствительно остановился самъ собою. Бюджетъ остался неутвержденнымъ или утвержденный только до половины, какъ въ 1865 г.; 27 іюня засѣданія палатъ были закрыты эрцгерцогомъ Людовикомъ-Викторомъ, потому что эрцгерцогъ Рейнеръ находился въ отпуску; сессіи были закрыты тронной рѣчью, содержащей однѣ только фразы и ничего больше. Въ тотъ же день министерство окончательно было распущено и на мѣсто его назначено новое, чисто консервативно - аристократическаго состава: графъ Белкреди, бывшій штатгальтеръ Богеміи назначенъ былъ государственнымъ министромъ, графъ Ларишъ — министромъ финансовъ, рыцарь фонъ Комерцъ — министромъ юстиціи; значеніе этихъ перемѣнъ тотчасъ же отозвались на администраціи Трансильваніи и Венгріи. 17 сентября императорскій рескриптъ созывалъ венгерскій сеймъ на 10 октября, второй рескриптъ назначалъ остальные сеймы на 23 ноября, а 20 сент. обнародованъ былъ императорскій манифестъ «къ моимъ народамъ!», въ немъ пріостанавливалось дѣйствіе февральской конституціи и для «странъ, находящихся по сю сторону Лейты». «Императоръ, говорилось въ немъ, долженъ съ сожалѣніемъ сознаться, что большая часть его государства не ввела еще у себя законовъ новой февральской конституціи и постоянно отказывается отъ нея, и по этому онъ рѣшается сперва, на законномъ основаніи, войти въ соглашеніе съ законными представителями восточной части государства; и вслѣдствіе этого на время пріостанавливаетъ дѣйствіе закона, касательно государственнаго представительнаго правленія вообще, предоставляя себѣ сообщить результаты своихъ совѣщаній съ представителями восточныхъ частей имперіи, законнымъ представителямъ остальныхъ частей; а между тѣмъ правительство, пользуясь своимъ правомъ, будетъ принимать безотлагательныя, какъ финансовыя, такъ и гражданскія мѣры, чтобы не было застоя въ ходѣ дѣлъ. Путь свободенъ, который, принимая во вниманіе законное право, ведетъ къ соглашенію, если...» но окончанія этихъ обходовъ и оговорокъ не для чего приводить; другими словами: абсолютизмъ былъ возстановленъ во всемъ своемъ могуществѣ въ странахъ, лежащихъ по сю сторону Лейты, между тѣмъ, какъ Венгрія все еще хлопотала надъ своими конституціонными формами. Придунайская имперія все еще страдала отъ своей хронической болѣзни и теперь подобно тому, какъ много разъ прежде, она только болѣзненно приподнялась съ своего страдальческаго одра и повернулась на другой бокъ: здѣсь перемѣна произошла безъ борьбы, безъ сотрясенія и безъ столкновенія, однимъ простымъ почеркомъ пера. Начальникъ отдѣленія комиссіи бюджета, баронъ Беке, отправился путешествовать, должно быть, тоже съ цѣлью собирать деньги тамъ, гдѣ можно было ихъ найдти.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Австріи, когда прусскій министръ рѣшился сдѣлать на нее первое нападеніе: недостатка въ мужествѣ у него не было, онъ подобно тому, какъ князь Шварценбергъ въ свое время, намѣревался доказать міру, до чего можно достигнуть одною смѣлостью, особенно если рѣшиться дѣйствовать въ такомъ дѣлѣ, которое можетъ содѣйствовать успокоенію и улучшенію внутренняго быта великаго и могущественнаго, но не совсѣмъ согласнаго въ своихъ стремленіяхъ государства. 22 февраля, 1865 года, Бисмаркъ въ депешѣ, отправленной къ австрійскому двору, высказалъ свои требованія: онъ хотѣлъ прочнаго и нерасторжимаго союза между новымъ приэльбскимъ герцогствомъ и Пруссіей, органическаго соединенія его военныхъ силъ на морѣ и на сушѣ съ прусскими, необходимыхъ для успѣшнаго укрѣпленія и защиты; территоріяльныхъ уступокъ со стороны герцогствъ, а именно: Зондербурга съ прилегающей областью по обоимъ берегамъ залива Альзена, крѣпости Фридрихсорта, близъ Киля и, наконецъ, необходимой мѣстности для укрѣпленій обоихъ концевъ будущаго соединительнаго канала; соединенія почтоваго и телеграфнаго устройства герцогствъ съ прусскимъ; присоединенія герцогствъ къ таможенному союзу; Рендсбургъ, впослѣдствіи хотя и предполагалось превратить въ крѣпость Германскаго союза, но до поры, до времени, онъ остается въ рукахъ Пруссіи, равно какъ и всѣ области герцогства, пока всѣ предполагаемыя измѣненія и устройства не будутъ приведены къ окончанію. Требованія, сообразно съ мѣстностью и протяженіемъ герцогствъ, были очень значительныя; но ихъ какъ бы оправдывалъ троякій ин-

тересъ герцогствъ. Пруссіи и Германіи казалось, что въ депешѣ высказано основательно, что безъ подобныхъ гарантій устройство отдѣльнаго, независимаго государства на такомъ опасномъ пунктѣ, представляетъ не маловажную опасность для спокойствія Пруссія. Требованія эти поставили Австрію въ очень двусмысленное положеніе. Пруссія въ отношеніи герцогствъ была въ самомъ благопріятномъ географическомъ положеніи, тогда какъ Австрію отдѣляла отъ нихъ вся ширина Германіи; черезъ совмѣстное дѣйствіе съ Пруссіей, Австрія поставила себя въ ложное положеніе, выйти изъ котораго было очень трудно; настоящее же положеніе дѣлъ, кондоминатъ, одновременное управленіе, съ каждымъ днемъ становилось невыносимѣе. Оба гражданскіе комиссары—прусскій фонъ Цедлитцъ и австрійскій фонъ Галбгуберъ вскорѣ вошли въ непріятныя отношенія другъ съ другомъ; австрійскій покровительствовалъ, или, по крайней мѣрѣ не мѣшалъ, аугустенбургскимъ демонстраціямъ; прусскій, съ своей стороны, находилъ ихъ неумѣстными, противозаконными и, основываясь на правахъ, пріобрѣтенныхъ статьями вѣнскаго мира, утверждалъ, что наслѣдственныя права претендента еще не доказаны и по этому демонстраціи противозаконны. Вслѣдъ за тѣмъ со стороны Пруссіи, по приказу королевскаго кабинета 24 марта, станція прусскаго флота изъ Данцига перенесена была въ Киль; прусскіе морскіе офицеры и инженеры, нисколько не стѣсняясь, занялись промѣриваніемъ и описаніемъ гавани и прибрежья; прусскія газеты, не довольствуясь тѣмъ, что сообщали о результатахъ, не могли удержаться и отъ насмѣшки и заявляли, что отъ австрійскаго правительства зависитъ заняться тѣмъ же; отъ прусскихъ палатъ правительство прямо потребовало извѣстной суммы денегъ на устройство Кильской гавани, въ которой находится прусскій флотъ и въ которой онъ намѣренъ остаться. Начался посредничества, укрывательства, откладыванья; обстоятельства съ каждымъ днемъ ухудшались, потому что несовмѣстимыхъ и неодинаковыхъ требованій соединить нельзя было. Австрія, точно также, какъ шлезвигъ-гольштинскія общества и самъ герцогъ, были теперь готовы на уступки, но Бисмаркъ сознавалъ всю выгоду своего положенія и такихъ полумѣръ и половинныхъ уступокъ не принималъ, точно также какъ не хотѣлъ купить согласія Австріи, давъ ей вознагражденіе въ Силезіи, чего она, можетъ быть, домогалась и на что бы согласилась; мнѣніе Германскаго союза, которое Австрія такъ охотно выставило бы, какъ рѣшительное, министръ оспаривалъ съ силою и настойчивостью и самые горячіе противники его — государства средней величины, уже въ декабрѣ 1864 года убѣдились, какія послѣдствія ведетъ за собою несогласіе съ такою силою, какова прусская.

Внутреннія несогласія и броженіе въ Пруссіи служили для Бисмарка только побужденіемъ идти впередъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ дѣло почти дошло уже до разрыва; во время путешествія изъ Карлсбада въ Гастейнъ, король Вильгельмъ созвалъ совѣтъ министровъ на 21 іюля въ Регенсбургъ, на который тоже призваны были прусскіе посланники при Вѣнскомъ и Парижскомъ дворахъ. Между тѣмъ нѣсколькихъ агитаторовъ въ Гольштиніи засадили и между прочимъ редактора Майя и депутата Фрезе, не смотря на сильнѣйшій протестъ со стороны австрійскаго гражданскаго комиссара, и тѣмъ лишили возможности вредить прусскимъ интересамъ; 27 іюля Баварія, Саксонія и Гессенъ-Дармштадъ подали предложеніе германскому союзному сейму учредить въ герцогствахъ представительное правленіе, составленное изъ свободно избранныхъ депутатовъ и сдѣлать всѣ необходимыя формальности, чтобы включить Шлезвигъ въ число государствъ Германскаго союза, который тогда принималъ на себя часть военныхъ издержекъ, возложенныхъ на герцогства: это было такого рода предложеніе, что изъ-за него въ каждую данную минуту могла вспыхнуть война. Австріи стоило только присоединиться къ этому предложенію.

Но на этотъ разъ опасность миновала. Король Вильгельмъ прусскій и императоръ Францъ-Іосифъ, вмѣстѣ съ своими министрами иностранныхъ дѣлъ, съѣхались въ Вальцбургѣ, объяснились и въ Гастейнѣ 14 августа подписали соглашеніе (конвенцію), которая опять отсрочила развязку. По этому договору управленіе сообща въ герцогствахъ было отмѣнено, но при этомъ права обоихъ государствъ оставались неприкосновенны: управленіе герцогствомъ Шлезвигомъ принимала на себя Пруссія, а управленіе Гольштиніей — Австрія; положено было

Киль сдѣлать союзной гаванью; но до тѣхъ поръ обѣимъ державамъ предоставлено было право пользоваться гаванью, а Пруссія кромѣ того имѣла право укрѣпить входъ въ нее при Фридрихсортѣ и возвести необходимыя для того постройки; Рендсбургъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ сданъ Германскому союзу, поперемѣнно будетъ занятъ то прусскими, то австрійскими войсками; начальство надъ крѣпостью будетъ то прусское, то австрійское. Двѣ военныя дороги, одна телеграфная проволока и нѣсколько почтовыхъ вагоновъ на двухъ линіяхъ дорогъ будутъ отданы Пруссіи. Свои права на Лауэнбургъ Австрія продала Пруссіи за 2.500.000 датскихъ рейхсталеровъ, съ обязательствомъ уплатить ихъ въ четырехнедѣльный срокъ, въ Берлинѣ, послѣ ратификаціи договора.

D. ДО НАЧАЛА ГЕРМАНСКОЙ ВОЙНЫ.

Отъ 14 августа 1865 до 14 іюня 1866 года.

Итакъ, Бисмаркъ опять достигнулъ новой станціи на своемъ пути, послѣ 16 сентября; но чѣмъ дальше, тѣмъ ему труднѣе становилось двигаться впередъ и тѣмъ невозможнѣе возвратъ.

Въ герцогствахъ, для которыхъ слова: «навѣки нераздѣльно» не имѣли больше значенія, потому что въ управленіи они уже распались, въ нихъ положеніе дѣлъ было далеко неотрадное. 15 сентября былъ обнародованъ патентъ, посредствомъ котораго прусскій король, на основаніи гастейнской конвенціи, и согласно съ желаніемъ народа, принялъ герцогство Лауэнбургъ во владѣніе; присоединяясь такимъ образомъ къ Пруссіи, — маленькое герцогство освобождалось отъ непріятной обязанности выплачивать побѣдителямъ военныя издержки. Въ тотъ же день, генералъ Мантейфель принялъ управленіе Шлезвигомъ въ качествѣ прусскаго губернатора, а фельдмаршалъ-лейтенантъ фонъ-Габленцъ—Гольштиніею, какъ австрійскій губернаторъ. Послѣдній искусился въ австрійской политикѣ; онъ умѣлъ безъ большаго труда и безъ пожертвованій добиться популярности: «я не хочу здѣсь царствовать, какъ какой нибудь турецкій паша», сказалъ онъ и съ своей стороны не дѣлалъ никакихъ затрудненій, или препятствій развивающемуся неудовольствію и агитаціи противъ гастейнскаго договора; съ другой стороны прусскій генералъ Маитейфель, хотя и не господствовалъ, какъ турецкій паша, но совершенно, какъ прусскій. Онъ не дозволялъ никакихъ демонстрацій, запретилъ изданіе газетъ съ аугустенбургскимъ направленіемъ; когда же самъ герцогъ Фридрихъ прибылъ въ Экернфордъ и его встрѣтили съ торжествомъ, ему объявлено было, что въ случаѣ повторенія того же, онъ подвергнутъ будетъ аресту. Въ прочихъ случаяхъ онъ поступалъ съ какимъ-то добродушіемъ стараго солдата; но твердость военнаго человѣка у него все таки чувствовалась: по крайней мѣрѣ всякій зналъ, что можно, чего нельзя, что позволено и что запрещено. Во всякомъ случаѣ прусскому правительству надобно отдать справедливость, оно не только не притѣсняло датчанъ въ Шлезвигѣ, но даже покровительствовало датскому народонаселенію, на которомъ теперь нѣмецкое готово было выместить все то, что оно прежде вынесло отъ датскаго чиновничества. Серьезной опасности, въ случаѣ войны, нельзя было бы ожидать отъ народа: онъ былъ терпѣливъ, вспылчивъ, упрямъ, неспособенъ къ отважнымъ предпріятіямъ и въ массѣ менѣе способенъ къ волненіямъ, чѣмъ это предполагали агитаторы и народные вожди.

Что дѣла не могутъ долго идти такъ, какъ они шли, стало ясно еще раньше, чѣмъ пришелъ конецъ года. Повсюду въ Германіи начали чувствовать приближеніе великаго переворота, а у многихъ лицъ въ отдѣльности, зрѣло сознаніе, что дѣло зависѣло не просто отъ произвола и властолюбія одного лица, но рѣшался жизненный вопросъ цѣлаго германскаго союза. Заявленія отдѣльныхъ палатъ и собраній не вполъзу гастейнскаго договора, демонстраціи въ Гольштиніи, само собою разумѣется остались безъ послѣдствій; какъ-то вездѣ въ воздухѣ

чувствовалось, что агитація уже потеряла свою силу. Очень замѣчательно и характеристично было, при существующемъ положеніи дѣлъ, собраніе представителей сейма, 1 октября, въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ. Прежде всего замѣчено было, что не явились представители Австріи, чего, само собою разумѣется, никто имъ въ упрекъ не ставилъ, но изъ чего, однакожъ, нѣмцы могли бы почерпнуть для себя спасительный урокъ; за то государства средней величины очень точно прислали своихъ представителей; изъ Пруссіи явилось только 8 депутатовъ. Гораздо важнѣе было то обстоятельство, что нѣкоторые вожди прусскихъ партій палаты депутатовъ прислали письменное извиненіе въ томъ, что не явились на собраніе; одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ изъ нихъ и который менѣе всего могъ быть доволенъ распоряженіями прусскаго правительства, честный и прямодушный Твестенъ, при всякомъ случаѣ высказывающій свой образъ мыслей, писалъ отъ своего имени и отъ имени своихъ приверженцевъ, что онъ не можетъ болѣе идти обруку съ совѣтомъ 36 выборныхъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ возбуждалъ остальную Германію противъ Пруссіи; что на свѣтѣ есть только одно могущество, которое въ состояніи сдѣлать что бы то ни было для цѣлой Германіи и могущество это — Пруссія, а между тѣмъ всѣ остальныя державы только и заботятся о томъ, какъ бы содѣйствовать ослабленію и униженію прусскаго государства. Тотъ же самый образъ мыслей началъ проявляться въ прусской прессѣ; онъ же господствовалъ въ разныхъ слояхъ, гдѣ только не былъ подавленъ минутнымъ разногласіемъ; онъ же преобладалъ даже между большинствомъ членовъ палаты депутатовъ, хотя они, поддаваясь застарѣлымъ предразсудкамъ, не хотѣли сдѣлать нѣсколькихъ уступокъ, нѣсколькихъ примирительныхъ шаговъ навстрѣчу къ исполненію желаній правительства. Бисмаркъ, съ своей стороны, былъ тоже непреклоненъ; онъ 1 іюня 1865 года, въ очень длинной рѣчи, съ какимъ-то насмѣшливымъ удовольствіемъ вызывалъ большинство высказать наконецъ свое мнѣніе касательно внѣшней политики Пруссіи, потому что мнѣніе народа, или его представителей, въ такомъ важномъ дѣлѣ очень много значитъ. Онъ указалъ имъ на слѣдствія слишкомъ торопливаго рѣшенія, 2 декабря 1863 года, которое вмѣсто двухъ соучастниковъ въ Вѣнскомъ мирномъ договорѣ сдѣлало ихъ 32; онъ очень вѣрно замѣтилъ, что большинство, должно быть, не высказываетъ своихъ тайныхъ мыслей и чувствъ оттого, что, съ одной стороны, боится идти въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, съ другой, не хочетъ поддерживать правительства, съ которымъ идетъ въ разладъ; онъ могъ бы прибавить, что для многихъ изъ членовъ вопросъ этотъ составляетъ серьезный в о п р о с ъ с о в ѣ с т и. Итакъ, законодательное столкновеніе опять усилилось; всѣ денежныя прибавки палата депутатовъ отвергала большинствомъ, враждебнымъ правительству, но уже далеко не большинствомъ, служащимъ вѣрнымъ представителемъ большинства народной воли; однакожъ, неожиданное закрытіе засѣданій палатъ въ 1866 году произвело меньше впечатлѣнія, нежели это бывало при обычномъ положеніи дѣлъ, потому что безсознательно чувствовалось, какъ внутреннія несогласія и хозяйственные вопросы отступали на второй планъ передъ великимъ германскимъ вопросомъ.

Въ нѣкоторомъ отношеніи для плановъ Бисмарка было полезно, что законодательный разладъ, отъ довольно гордаго и жесткаго способа дѣйствія палаты депутатовъ, принялъ характеръ болѣе раздражительный. Это послужило къ тому, чтобы заставить короля, не смущаясь, идти однажды избраннымъ путемъ, и поддержать въ немъ трудную рѣшимость окончательно и безвозвратно покончить съ мнимою австрійскою дружбою и съ чуть скрѣпленными связями съ германскимъ союзомъ и его членами. Передъ королемъ оставалась неизбѣжная необходимость рѣшиться выбрать одно изъ двухъ: или идти впередъ и мужественно добиваться полнаго успѣха въ задуманномъ планѣ, или отказаться отъ системы правленія, измѣнить министерство и покорно исполнять то, чего желаетъ парламентское большинство и нести всѣ неизбѣжныя слѣдствія такого рѣшенія.

Переговоры съ Австріей не приводили ни къ какому заключенію. 10 января 1866 года австрійскій посланникъ, графъ Каролій, возвратился изъ Вѣны съ инструкціями, вполнѣ противорѣчащими прусскимъ требованіямъ. Первымъ поводомъ къ неудовольствію и жалобамъ Бисмарка послужило то, что Австрія

покровительствуетъ Кильскому двору и аугустенбургскимъ агитаціямъ. Такъ, на примѣръ, 23 января, въ Альтонѣ происходило съ этой цѣлью большое народное собраніе, въ 300 или 400 чел., а австрійскій главноначальствующій — Габленцъ, допустилъ его и не выразилъ даже неудовольствія; 26 января Бисмаркъ написалъ въ Вѣну очень рѣшительнымъ тономъ депешу: «если Австрія будетъ продолжать, говорилось въ ней, дѣйствовать такъ несогласно съ статьями вѣнскаго мира и съ гастейнскимъ договоромъ, то надобно предвидѣть нарушеніе антиреволюціоннаго союза, заключеннаго между обѣими первостепенными державами Германіи.» Въ Вѣнѣ настроеніе сдѣлалось воинственнѣе прежняго, и потому пришелъ отвѣтъ, написанный довольно раздражительнымъ тономъ; настало время приготовить себѣ союзниковъ.

Для Пруссіи въ случаѣ войны съ Австріей былъ готовый союзникъ — Италія. Это былъ союзникъ естественный, приготовленный естественнымъ, историческимъ ходомъ дѣлъ, а Бисмаркъ съ своей стороны не упустилъ случая подготовить все нужное для союза. Торговый договоръ между таможеннымъ союзомъ и Италіей заключенъ былъ въ декабрѣ 1865 г., при чемъ, къ величайшей досадѣ Австріи, южно-германскія государства принуждены были признать *итальянское королевство*. На конфиденціальные запросы, сдѣланные Бисмаркомъ итальянскому королевскому правительству, получился отвѣтъ, что отношенія Италіи къ Австріи всякому извѣстны: возможность войны безъ герольдовъ, какъ выражались политики древней Греціи, существуетъ до тѣхъ поръ, пока Венеція будетъ находиться въ рукахъ Габсбургской династіи. Но при заключеніи Гастейнской конвенціи дѣло замолкло и остановилось. Послѣ этого по порученію итальянскаго короля начали конфиденціально вывѣдывать у государственныхъ людей при вѣнскомъ дворѣ, нѣтъ ли возможности за денежное вознагражденіе присоединить Венецію къ Италіи, такъ какъ Австрія никогда не можетъ разсчитывать на вѣрное и безопасное обладаніе этой областью, но гордые австрійскіе вліятельные люди съ негодованіемъ отвергли эту возможность, какъ дѣло несогласное съ государственною честью. Король Вильгельмъ съ своей стороны противился возможности, когда либо заключить союзъ съ Италіей противъ Австріи; онъ думалъ лучше мирнымъ путемъ уладить дѣло: если Австрія согласится на присоединеніе Эльбскихъ герцогствъ къ Пруссіи, то король съ своей стороны готовъ былъ гарантировать Венецію Австріи.

При одной мысли о *возможности союза съ Италіей*, т. е. по словамъ консервативной партіи, съ *революціей*, консерваторы приходили въ смущеніе и въ крайнее раздраженіе. Это, наравнѣ съ многими другими обстоятельствами, показываетъ, сколько препятствій было на пути безстрашнаго Бисмарка, стремящагося къ своей цѣли: однимъ изъ послѣднихъ были родственныя связи: вдовствующая королева прусская, королева саксонская и австрійская императрица были баварскими принцессами; но, съ другой стороны, по сущности идеи монархіи—противоположности, неудовольствія и столкновенія между различными государствами — дѣлаются личными соперничествами между династіями, такъ что передъ ними родственныя связи блѣднѣютъ и поэтому, какъ прусскій, такъ и австрійскій дворъ уже давно, можетъ быть со временъ ольмюцскаго договора, предвидѣли возможность такого столкновенія *). Такимъ об-

*) Ранке. Переписка Фридриха Вильгельма съ Бунзеномъ. «Люди, стоявшіе близко къ нему, утверждаютъ, что онъ уже давно питалъ мысль начать войну.» Очень замѣчательнымъ свидѣтельствомъ можетъ служить статья кореспонденція съ Майна, напечатанная въ Берлинской *Allegemeine Zeitung*, въ маѣ 1862, въ этомъ органѣ древне-либеральной партіи авторъ перечисляетъ дѣйствія прусской политики за послѣдніе годы; статья заслуживаетъ вниманія потому, что можетъ служить историческимъ разъясненіемъ подготовлявшагося великаго переворота отъ 1863 до 1866 года. Кореспондентъ, очевидно знающій дѣло, говоритъ о несознанномъ и невзвѣшенномъ въ должной мѣрѣ положеніи Пруссіи въ семи пунктахъ: 1) Король рѣшился по поводу германскаго вопроса на серьезное, рѣшительное дѣло, которое вдругъ, безъ всякой подготовки, опрокинетъ всѣ махинаціи. 2) Послѣднія слѣдствія ольмюцскихъ соглашеній должны быть уничтожены... 5) Хотя между Пруссіей, Франціей и Россіей нѣтъ союза, формально заключеннаго, но, безъ сомнѣнія, есть всѣ необходимыя подготовленія для того. 6) Пруссія на Рейнѣ не уступитъ ни одной пяди земли; но единственно возможный обмѣнъ тер-

разомъ положеніе дѣлъ въ мартѣ опять сдѣлалось очень воинственнымъ; прусская осадная артиллерія съ Рейна перевезена была въ саксонскія и силезскія крѣпости; въ Вѣнѣ отъ 7 до 13 происходили большія маршальскія совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ императора; въ Берлинѣ король также дѣятельно совѣщался съ своимъ высшимъ военнымъ совѣтомъ: 28 февраля было собраніе совѣта министровъ, къ которому приглашенъ былъ шефъ генеральнаго штаба и шлезвигскій губернаторъ. Къ 10 янв. въ Берлинъ пріѣхалъ италіанскій генералъ Гавоне, «чтобы изучить прусскую систему укрѣпленій.» Тутъ узналъ онъ отъ Бисмарка, что до войны еще далеко; описывая впечатлѣніе, произведенное прусскимъ государственнымъ человѣкомъ, италіянецъ сравниваетъ его съ Кавуромъ и находитъ между ними поразительное сходство—«какъ есть, нашъ Кавуръ, точно его двойникъ!» восклицаетъ онъ; но до войны политикѣ еще надобно было пройти извѣстныя ступени. Въ Туринѣ опять заволновались, опять родилась недовѣрчивость; здѣсь хотѣлось бы заручиться французскою дружбою на случай войны съ Австріей и для этого не прочь были бы видѣть, чтобы дружба эта была куплена уступкою какой нибудь области нѣмецкой границѣ. 8 апрѣля, все-таки подписанъ былъ договоръ, на тотъ случай, если бы послѣ переписки и переговоровъ по поводу преобразованія германскаго союзнаго правленія случилася война. Италія и Пруссія положили войну вести собща, не жалѣя ни силъ, ни издержекъ. Начать, или вызвать войну предоставлялось Пруссіи. Обѣ договаривающіяся державы обязались въ отдѣльности не заключать мира; миръ можетъ быть подписанъ только въ такомъ случаѣ, если Венеція будетъ присоединена къ Италіи, а къ Пруссіи область, равносильная Венеціи по величинѣ. Договоръ становится недѣйствительнымъ, если Пруссія въ трехмѣсячный срокъ не объявитъ войны Австріи.

Австрія должа была отыскивать для себя естественныхъ союзниковъ въ самой Германіи; она должна была выйти изъ своего ложнаго положенія, въ которое поставилъ ее шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ и занять свое естественное, историческими воспоминаніями освященное мѣсто во главѣ Германскаго союза и противодѣйствовать стремленіямъ къ объединенію Германіи; Австріи слѣдовало бы немедленно войти въ соглашеніе съ Италіей, отдѣлаться такимъ образомъ отъ очень несповойнаго и неудобнаго противника и такимъ способомъ пріобрѣсти возможность заключить союзъ съ Франціей; эта мѣра была бы очень выгодная во всѣхъ отношеніяхъ, но Австрія не могла рѣшиться на нее. Графъ Менсдорфъ написалъ конфиденціальную депешу къ дружественнымъ дворамъ германскаго союза; въ ней онъ высказывалъ намѣреніе отдать разрѣшеніе шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса союзному сейму, а отъ Пруссіи потребовать объясненія ея политики: если бы отвѣтъ этотъ былъ неудовлетворительный, если бы дѣло дошло до явнаго разрыва, если бы Пруссія вздумала, вслѣдствіи самоуправства, взяться за оружіе, то, на основаніи 19 статьи вѣнскаго заключительнаго акта и 11 статьи союзнаго акта, Австрія надѣется, что союзныя правительства будутъ держать 7—10 корпуса союзныхъ войскъ въ готовности, чтобы дѣйствовать сообща съ австрійскою арміей для поддержанія общаго мира; австрійское правительство, падѣясь на помощъ союзниковъ, дало своему посланнику всѣ необходимыя полномочія, чтобы привести указанныя предохранительныя мѣры къ желанному концу. Графъ Каролій, посланникъ при берлинскомъ дворѣ, подалъ 17 числа ноту съ запросомъ. намѣрена ли Пруссія держать, или имѣетъ въ виду расторгнуть Гастейнское соглашеніе; Бисмаркъ отвѣчалъ, что и не думалъ расторгать его. Нота отъ 16 не могла для Пруссіи оставаться тайною, хотя она направлена была конфиденціально, Бисмаркъ на нее отвѣчалъ депешей къ германскимъ пра-

---

риторіальный можетъ быть выполненъ только на ея восточныхъ и на западныхъ границахъ. 7) Пруссіи для выполненія своихъ плановъ нужно имѣть большое, постоянное войско, а лавдвера для этого недостаточно; по этому съ согласія, или безъ согласія палаты, но организація войска будетъ выполнена. 8) Нѣтъ надобности распускать сеймъ, потому что послѣ удачнаго военнаго дѣйствія онъ дастъ свое согласіе. 9) Конституція сохраняетъ полную силу, потому что палата господъ, послѣ удачи, сама по себѣ, сдѣлается не возможною и подвергнется необходимой реформѣ.

вительствамъ; въ ней онъ спокойно и твердо изложилъ дѣло и сдѣлалъ предложеніе приступить къ реформѣ союзнаго правленія, указалъ на опасности, какія для Пруссіи могутъ произойти отъ существующаго порядка союзнаго управленія и говорилъ, что судьба Пруссіи неразрывно связана съ судьбою Германіи, слѣдовательно паденіе Пруссіи неизбѣжно повлечетъ за собою паденіе Германскаго союза и что еще больше—приготовитъ для него участь Польши. Депеша оканчивалась вопросомъ, можетъ ли Пруссія, вслучаѣ разрыва съ Австріей и вслучаѣ нападенія Австріи, разсчитывать на сочувствіе нѣмецкихъ государствъ и на содѣйствіе ихъ и въ какомъ размѣрѣ?

Отвѣты пришли уклончивые, или совсѣмъ съ отказомъ; другія же, приводя подходящіе параграфы конституціи, совѣтовали Пруссіи предоставить рѣшеніе спорнаго вопроса союзному сейму. Повсюду въ Германіи произошло сильнѣйшее волненіе; разрывъ и междоусобная война предвидѣлись; то, что въ теченіи 20 лѣтъ считали невозможнымъ, о чемъ столько писали, такъ часто съ восторгомъ толковали о братской любви между германскими государствами, о взаимной братской преданности ихъ, все, казавшееся такъ тѣсно соединеннымъ, должно было ослабнуть, или и совсѣмъ уничтожиться. Въ Пруссіи, особенно на Рейнѣ, происходили громкія и шумныя демонстраціи въ пользу мира; тамъ были до глубины души возмущены тѣмъ, что ненавистное министерство по своимъ распоряженіямъ внутри государства, теперь доводитъ еще до внѣшней войны. Кельнская газета, самый дѣятельный органъ рейнскаго средняго сословія, громко и настоятельно требовала увольненія графа Бисмарка, но покидать мысли о присоединеніи къ Пруссіи приэльбскихъ герцогствъ не хотѣла и показывала, какъ этого можно достигнуть и безъ помощи Бисмарка—уступивъ Австріи Силезское графство Глацъ. Въ южной Германіи, въ демократическихъ кружкахъ, прежде всего требовали сохраненія нейтралитета: «надобно, говорилось въ прокламаціи комитета вюртембергской народной партіи, обращенной къ единомыслящимъ въ Германіи, отъ 3 апрѣля—«надобно предоставить Австріи и Пруссіи однимъ, безъ вмѣшательства остальныхъ германскихъ державъ, окончить свою борьбу изъ-за первенства: никто не можетъ принудить насъ принять въ ней участіе.» Но вскорѣ болѣе и болѣе разгорающаяся ненависть къ Пруссіи поглотила эти стремленія къ нейтралитету, который и безъ того стоялъ не на прочномъ основаніи, потому что мысль, будто въ Германіи, помимо Пруссіи и Австріи, могло существовать третье могущество, была неосновательная. Между тѣмъ вооруженіе началось повсемѣстное; 28 марта въ Берлинѣ изданъ былъ королевскій приказъ поставить армію на военную ногу, что при новой организаціи войска могло быть сдѣлано безъ большаго обремененія для народа. Въ началѣ апрѣля и Баварія, и Вюртембергъ начали вооружаться. Но опять настало затишье. 31 марта Австрія протестовала противъ обвиненія, будто она намѣрена начать враждебныя дѣйствія съ Пруссіей. Апрѣля 6 Пруссія съ своей стороны заявила свои миролюбивыя намѣренія. Послѣ этого, возразилъ австрійскій кабинетъ отъ 7 апрѣля, не видится причины продолжать дальнѣйшихъ военныхъ приготовленій, и поэтому надѣется, что королевскій приказъ отъ 28 марта будетъ отмѣненъ. Опять вздохнули свободнѣе, опять на минуту блеснула надежда, что войны не будетъ, войны, самой ужасной изъ войнъ, междоусобной, въ которой братъ поднимаетъ руку на брата; яростнѣе всѣхъ противъ этой беззаконной войны возставали тѣ самые люди, которые болѣе всего поджигали ненависть противъ Пруссіи, чувствительный ораторъ одной изъ южно-германскихъ палатъ, талантливый человѣкъ, но никогда не попадавшій въ цѣль, очень возставалъ противъ войны и утверждалъ, что если она загорится, то будетъ продолжительнѣе тридцатилѣтней. Они ошибались: въ жизни народовъ есть болѣе тяжкія времена, нежели болѣзненное разрѣшеніе вопросовъ оружіемъ. Есть еще тяжкая борьба безъ цѣли, истощающая народныя силы, безполезное стремленіе разрѣшать неразрѣшимые политическіе вопросы; въ такомъ положеніи находилась Германія: въ ней съ каждымъ днемъ возрастали безсодержательныя теоріи, непримѣнимыя къ дѣлу; въ послѣднее десятилѣтіе эта болячка все усиливалась и поглощала лучшія народныя силы, подтачивала его жизненныя начала; теперь, когда это прошло, когда кризисъ окончился, мы можемъ спокойно обозрѣть прошедшее и вывести заключеніе, что не всегда можно

больной организмъ излѣчивать палятивными, мирными средствами, что очень часто быстрый, немилосердый и твердый разрѣзъ острою сталью есть необходимость и приноситъ съ собою благодѣтельное исцѣленіе.

9 апрѣля Пруссія, слѣдуя постоянно внушеніямъ своего замѣчательнаго государственнаго дѣятеля, такъ ловко умѣвшаго выставить своего противника во всемъ виноватымъ, падала свой проектъ о реформѣ союзнаго управленія. Онъ предлагалъ, чтобы высокій союзный сеймъ соблаговолилъ предписать — составленіе новаго національнаго общаго сейма, составленнаго прямымъ избраніемъ, посредствомъ общей подачи голосовъ. Цѣль этого національнаго сейма заключалася въ томъ, чтобы разсмотрѣть и обсудить проекты реформы союзнаго законодательства; но пока этотъ національный сеймъ не соберется проектъ предлагалось разсмотрѣть правительствамъ союзныхъ государствъ и обсудить его между собою; назначить опредѣленный извѣстный срокъ для того, чтобы правительствамъ собраться и тѣмъ заставить ихъ приступить къ дѣлу. Недоумѣніе было общее, что же это такое: человѣкъ, признанный всѣми за олицетворенную ненависть къ народу и ко всѣмъ проявленіямъ его національности, ни съ того, ни съ сего предлагаетъ учредить нѣмецкій парламентъ; составить его самымъ новѣйшимъ способомъ: общей подачей голосовъ; значитъ, и онъ преклонялся не редъ золотымъ тельцемъ, вокругъ котораго уже много лѣтъ плясалъ радикализмъ; нѣтъ, это непонятно, это что нибудь, да не такъ!

Можетъ быть, это примирительный путь, толковали недоумѣвающіе; на первое время надобно пріостановить вооруженія, которыя, во всякомъ случаѣ, своимъ желѣзнымъ вѣсомъ неудержимо влекутъ націю на военное поприще. 15 апрѣля прусское правительство отвѣчало на австрійскую ноту, отъ 7 числа, что такъ какъ Австрія первая начала вооружаться, то ей первой слѣдуетъ подать примѣръ разоруженія; на это Австрія отвѣчала 18, что она готова приступить къ разоруженію, если только Пруссія дастъ обѣщаніе, что она приступитъ къ тому же или въ тотъ же самый день, или день спустя. Мирныя намѣренія были встрѣчены съ удовольствіемъ, народъ волновался и радовался, но не на долго. Австрійскій посланникъ съ очень невинной миной явился 23 къ Бисмарку и объявилъ, что Австрія принуждена была, касательно Италіи, принять очень строгія мѣры предосторожности, а потому австрійское правительство, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, считаетъ своею обязанностію довести объ этомъ до свѣдѣнія прусскаго. За тѣмъ 26 одна за другою послѣдовали двѣ депеши: «императоръ, говорилось въ одной, намѣренъ войска, направленныя въ Венгрію, немедленно возвратить, если только Пруссія дастъ слово не нарушать мирнаго согласія съ Австріей по причинѣ мѣръ предосторожности, какія Австрія вынуждена употребить противъ Италіи; вторая депеша касалась разрѣшенія шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса, для чего Австрія выражала всевозможную готовность принять во вниманіе всѣ прусскія требованія, только не выходящія изъ существующихъ союзныхъ постановленій; въ случаѣ, если Пруссія не принимаетъ такого мирнаго способа разрѣшенія вопроса, Австрія предоставляетъ себѣ право повергнуть его на рѣшеніе союзнаго сейма. Планъ былъ именно такъ придуманъ, чтобы не допускать никакого сомнѣнія и обмана даже для менѣе прозорливыхъ людей, чѣмъ король Вильгельмъ и его министръ. Австрія хотѣла сперва справиться съ Италіей и можетъ быть послѣ побѣды уступить Венецію—но тогда съ побѣдоноснымъ, или, по крайней мѣрѣ, вполнѣ готовымъ и обстрѣленнымъ войскомъ, начать переговоры съ вторымъ своимъ противникомъ съ Пруссіей—при чемъ она могла разсчитывать на помощь Германскаго союза. Но планы эти разстроилъ Бисмаркъ тѣмъ, что отъ королевскаго имени объявилъ, что Пруссія до тѣхъ поръ не приступитъ къ разоруженію, пока Австрія не начнетъ разоружаться не только въ отношеніи Пруссіи, но и въ отношеніи Италіи; съ Австріей въ дальнѣйшія важныя по своимъ послѣдствіямъ переговоры Пруссія можетъ входить только въ томъ случаѣ, если при разоруженіи соблюдено будетъ военное равновѣсіе; на вторую депешу не было никакого отвѣта. Но вмѣсто всякаго отвѣта отдано было 4 мая приказаніе мобилизировать пять армейскихъ корпусовъ и гвардію, а остальное войско держать на готовѣ; а съ 5—12 призванъ былъ и ландверъ, но не въ полномъ своемъ составѣ. Подобныя же приказанія даны были 6 австрійскому корпусу; въ

Баваріи и Саксоніи опять начались на время пріостановленныя военныя приготовленія, въ Ганноверѣ приказано было собраться находящимся въ отпуску; 7 Бисмаркъ объявилъ, что Пруссія не допускаетъ никакого вмѣшательства Германскаго союза въ шлезвигъ-гольштинскій вопросъ. Въ этотъ же самый день сдѣлано было покушеніе на жизнь этого великаго министра. Послѣ доклада королю, въ 5 часовъ по полудни, Бисмаркъ спокойно шелъ по средней аллеѣ подъ липами, какъ раздались два выстрѣла; онъ оглянулся и увидѣлъ молодаго человѣка, въ это мгновеніе раздался третій выстрѣлъ, который оцарапалъ его, но онъ схватилъ убійцу за руку и за горло; тому удалось перевести револьверъ въ лѣвую руку и, во время борьбы, еще два раза выстрѣлить въ упоръ. Одинъ спалилъ только пальто министру, а вторая пуля отскочила безъ большаго вреда отъ ребра; прохожіе и отрядъ солдатъ, проходившій по улицѣ, тотчасъ поспѣшили на выстрѣлы и арестовали преступника, а министръ спокойно пошелъ домой. Спасеніе въ высшей степени удивительное; оно произвело глубокое впечатлѣніе на самого Бисмарка и на нѣжно-чувствительно сердце короля; оно укрѣпило и возвысило его, онъ въ этомъ видѣлъ перстъ Божій, какъ и всякій другой, кто въ ходѣ событій и судебъ человѣческихъ не видитъ одни только матеріальныя начала. Молодой фантазеръ, видѣвшій въ смерти Бисмарка вѣрное средство для избавленія и умиротворенія Германіи, не дождался человѣческаго суда и милосердія: онъ въ тюрьмѣ, въ ночь, послѣ ареста, перочиннымъ ножикомъ, спрятаннымъ въ носовомъ платкѣ, перерѣзалъ себѣ шейную артерію и умеръ. Это былъ пасынокъ Карла Блинда, одного изъ вождей европейской демократіи и республиканца по убѣжденію; сначала онъ въ Гохгеймѣ, въ Вюртембергѣ, изучалъ сельское хозяйство, но бросилъ занятія и увлекся политикой, которою тамъ много занимались, обо всѣмъ судили и рядили вкривь и вкось, и особенно рѣзко выражали свою ненависть къ Бисмарку, отчего молодая, пылкая голова студента еще болѣе разгорячилась.

Сутки спустя, 10 числа, приготовлены были къ выступленію и остальные три армейскіе корпуса, а за тѣмъ обнародовано было воззваніе ко всѣмъ частямъ ландвера явиться на службу. 9 числа было объявлено, что палата депутатовъ распускается, впослѣдствіи она была уже избрана совсѣмъ при иныхъ условіяхъ. Еще разъ, хотя и поздно, но союзный сеймъ попытался остановить оружіе, готовое къ битвѣ и постараться примирить враждующихъ. Вновь со стороны великихъ нейтральныхъ державъ Европы были сдѣланы попытки къ примиренію противниковъ; ихъ приглашали въ Парижъ для мирныхъ переговоровъ: Пруссія, Италія и Австрія тоже готовы были на миръ, и опять чуть было не представилась отсрочка рѣшительнаго момента, но союзъ прусско-италіянскій все таки послужилъ поводомъ къ разрыву. Австрійское правительство изъявило готовность принять участіе въ конференціи, но только съ оговоркою, что на совѣщаніяхъ не будетъ поднятъ вопросъ о расширеніи предѣловъ, или объ увеличеніи власти одной изъ державъ, принимающихъ участіе въ совѣщаніяхъ, а это, при вопросахъ, о которыхъ положено было разсуждать, равнялось формальному отказу. Въ тотъ же день былъ сдѣланъ шагъ, послѣ котораго война дѣлалась неизбѣжной.

Австрія передала рѣшеніе шлезвигъ-гольштинскаго дѣла союзному сейму, съ присовокупленіемъ, что она, съ своей стороны, вполнѣ признаетъ рѣшеніе союза и подчиняется ему; австрійскій штатгальтеръ въ Гольштиніи получилъ приказаніе собрать тамошніе чины, что и было исполнено 2 числа. Вслѣдъ за этимъ Пруссія, 3 числа, объявила, что считаетъ гастейнскій договоръ недѣйствительнымъ и на этомъ основаніи Мантейфель, 6 іюня, объявилъ своему гольштинскому товарищу по управленію, что теперь возобновляется временное управленіе герцогствами, и онъ поэтому свои войска намѣренъ ввести, не далѣе, какъ на слѣдующій день, въ Гольштинію. Въ его распоряженіи находилось 12,000 войска; австрійцевъ, въ бригадѣ Калика, было не больше 4,800 человѣкъ, которые стянулись вокругъ Альтоны; вслѣдъ за австрійцами Аугустенбургскій принцъ тоже выѣхалъ изъ Киля. Къ 10 числу прусскія войска заняли Итцегое, куда съѣхались представители гольштинскихъ чиновъ; нѣкоторые изъ нихъ попытались было открыть засѣданія, помимо прусскаго запрещенія, но употреблена была военная сила, при чемъ нѣкоторые депутаты и одинъ австрійскій комиссаръ

были арестованы, правда, на короткое время; 12 австрійскія войска, послѣ прощальной прокламаціи къ жителямъ гольштейнскимъ, очистили Альтону, за тѣмъ герцогство, и продолжали отступленіе на югъ; въ тотъ же самый день австрійское правительство отозвало своего посланника изъ Берлина и прислало паспорты прусскому посланнику въ Вѣнѣ; но послѣднее рѣшеніе произошло 14 іюня въ залѣ собранія союзнаго сейма.

Еще 27 мая въ циркулярномъ посланіи ко всѣмъ германскимъ правительствамъ, Пруссія развивала планъ реформы союзнаго законодательства; если теперь, когда проектъ приведенъ въ исполненіе, когда все успокоилось, внимательно прослѣдить предложенныя измѣненія, то, надобно сознаться, что трудно было бы выдумать что нибудь благоразумнѣе, умѣреннѣе, ближе къ предполагаемой государственной цѣли, этого проекта, и, можетъ быть, никогда никакой проектъ не былъ такъ дурно принятъ, какъ этотъ. Бисмаркъ давно уже отказался отъ тѣснаго взгляда на вещи той партіи, къ которой первоначально принадлежалъ; въ проектѣ говорилъ онъ прямо, откровенно, языкомъ достойнымъ государственнаго сановника; онъ показывалъ, что неизбѣжно выйдетъ, если изъ нѣмецкихъ территорій намѣреваются создать государство; если изъ различныхъ народовъ, обитающихъ на германской почвѣ, думаютъ создать одинъ народъ; языкъ его рѣзко отличался отъ искуственныхъ, изящныхъ выраженій «министровъ иностранныхъ дѣлъ» разныхъ германскихъ государствъ средней величины, которые тоже написали законоположенія, клонящіяся только къ тому, чтобы на счетъ первѣйшихъ, истинныхъ потребностей націи, на счетъ ея врожденнаго права жить и дышать, преслѣдовать свои личныя цѣли и заботиться только о томъ, чтобы обезопасить свое личное, жалкое существованіе. «Реформа союзнаго правленія», стояло въ этомъ замѣчательномъ сочиненіи, «необходима, преимущественно въ интересахъ монархическаго начала въ Германіи; потому что не масса неосновательныхъ требованій, но малая доля справедливыхъ требованій, въ нихъ скрывающихся, даетъ силу революціоннымъ движеніямъ. Первый шагъ къ удовлетворенію потребностей, какія имѣетъ всякая великая нація, слѣдовательно и нѣмецкая, долженъ идти отъ правительства: въ этомъ смыслѣ прусскій король не ожидаетъ отъ остальныхъ германскихъ государей и государствъ большихъ жертвъ противу тѣхъ, какіе онъ самъ и прусское королевство готовы принести для пользы цѣлаго. Сравнительно съ громкими и напыщенными рѣчами о единствѣ и свободѣ Германіи, которыхъ наслушались до сыта въ послѣднее двадцатилѣтіе, это, безъ сомнѣнія, была очень простая и скромная программа дѣйствій: предлагалось періодическое собраніе національныхъ представителей, рѣшенія которыхъ въ извѣстныхъ случаяхъ, должны были замѣнять безплодное единодушное рѣшеніе союзнаго собранія; рѣшенія этого новаго правительственнаго члена, введеннаго въ измѣнный составъ союзнаго управленія, должны были распространяться на введеніе: общей монеты, мѣры и вѣса, законовъ о патентахъ, гражданскаго судопроизводства, закона родины, свободы перемѣны мѣста жительства и выселенія, общіе таможенные и торговые законы, одинаковые для всѣхъ союзныхъ государствъ; далѣе предлагалось учредить общихъ для цѣлой германіи консуловъ для защиты торговыхъ интересовъ, на различныхъ точкахъ земнаго шара, общую гегемонію и покровительство нѣмецкому флагу, свободу сообщенія между всѣми союзными державами, обще-германскій военный флотъ, съ военными гаванями и съ береговыми укрѣпленіями и береговою защитой и, наконецъ, реорганизацію войска; по послѣдняго условія—исключенія Австріи изъ числа союзныхъ державъ Германіи—не было еще высказано. Программа эта была очень проста, незамысловата и имѣла одно только великое достоинство, она была выполнима.

Но кому было обсудить и оцѣнить этотъ проектъ? То, что впослѣдствіи было признано, какъ великое государственное дѣло первой важности, что тогда должно было бы понравиться либеральной партіи, если бы она была въ самомъ дѣлѣ національная, за что она должна была бы съ жадностью ухватиться, на то теперь смотрѣли слегка, какъ на что-то нестоющее вниманія. Даже тѣ, цѣлью дѣйствій которыхъ въ теченіи многихъ лѣтъ были тѣже самыя стремленія, не хотѣли сознать, что въ проектѣ высказаны ихъ желанія; они не хотѣли принять такой программы отъ величайшаго и сильнѣйшаго государства

Германіи только потому, что человѣкъ, составившій проектъ не принадлежалъ къ ихъ партіи. 9 іюня Бисмаркъ пошелъ дальше къ цѣли. Даже въ новѣйшемъ предлежащемъ вопросѣ онъ всю вину свалилъ на своихъ противниковъ. Въ объясненіи, доставленномъ союзному сейму, отъ 9 іюня, онъ говорилъ, что смотритъ на шлезвигъ-гольштейнское дѣло, какъ на національное и какъ на такое, которое Пруссія вмѣстѣ съ реформой союзнаго управленія готова разрѣшить. Прусское правительство за тѣмъ выжидало мгновенія, когда вопросъ этотъ будетъ разбираться и рѣшаться силою союзнаго сейма, въ которомъ голосъ національнаго представительства и его содѣйствіе, должны будутъ противодѣйствовать личному вліянію и отдѣльнымъ интересамъ остальныхъ государствъ; и тѣмъ представилась бы возможность найти ручательство, что жертвы, принесенныя Пруссіей для пользы и счастія общаго отечества, пойдутъ ему на пользу, а не растратятся на службу династическаго своекорыстія. Этимъ было высказано все то, что говорилось въ теченіи 20 лѣтъ либеральными требованіями, но на этотъ разъ не было отголоска на эти выраженія. Либеральная партія, особенно южно-германская, была такъ ослѣплена, что вдругъ, безъ всякой основательной причины, франкфуртское собраніе ей представилось олицетвореніемъ и символомъ національнаго единства Германіи. Этотъ южно-германскій, или псевдолиберализмъ все извинялъ и прощалъ Австріи потому, что она, полная раскаянія, возвратилась подъ сѣнь союзнаго управленія; Австрія, зная свои преимущества, отъ 11 іюня, вмѣсто отвѣта на запросы, жаловалась на своевольное самоуправство Пруссіи въ Голштейнѣ. Чтобы наказать подобное превышеніе власти, она предлагала мобилизировать всю союзную армію, исключая прусской какъ составной части ея. Далѣе 11 статья союзнаго акта нарушена тѣмъ, что прусскія войска самовластно заняли Голштейнъ, тогда какъ тамъ именно сказано, что члены германскаго союза не имѣютъ права воевать другъ съ другомъ и что, слѣдовательно, по 19 статьѣ, за самоуправство какого либо изъ членовъ Германскаго союза, онъ подвергается всей строгости мѣръ, какія положитъ союзное собраніе. Предложеніе это было принято большинствомъ 9 голосовъ противъ шести и постановлено рѣшеніе. Большинство, преданное Австріи, состояло, кромѣ Австріи, изъ Баваріи, Саксоніи, Вюртемберга, Ганновера, обоихъ Гессеновъ, Нассау и 16 куріи; неизвѣстно, имѣлъ ли Нассау право голоса за 13 курію, потому что Брауншвейгъ подавалъ голосъ противъ предложенія. Когда подача голосовъ была окончена, прусскій посланникъ при союзномъ сеймѣ, фонъ Савиньи, объявилъ, что его правительство съ этой минуты будетъ смотрѣть на союзный актъ, какъ на нарушенный и окончательно уничтоженный; но что оно, по прежнему, не смотря на измѣнчивыя и преходящія формы союзнаго правленія, остается неизмѣнно преданнымъ возвышенной идеѣ единства и величія германскаго народа; за тѣмъ посланникъ изложилъ проектъ новаго союза, по 1 статьѣ котораго: «союзная граница обнимаетъ всѣ государства, до сихъ поръ входившія въ составъ германскаго союза, за исключеніемъ земель, принадлежащихъ къ имперіи австрійской и королевству бельгійскому»—положивъ планъ проекта новаго германскаго устава на столъ собранія, посланникъ объявилъ, что его дѣло окончено.

Это былъ истинно торжественный, можно сказать, единственный день въ жизни этой плачевной корпораціи. Съ одной стороны теперь одиноко стояла чисто-нѣмецкая Пруссія; съ другой старая Германія, не государство, не нація, а извѣстное число территорій, образовавшихся, подобно Пруссіи, изъ обломковъ старинной имперіи; послѣдняя опиралась на право старины, т. е. на долговѣчную несправедливость, первая, опиралась на право улучшенія, прогресса, ожидала отъ будущихъ временъ и обстоятельствъ подтвержденія своимъ начинаніямъ.

II. ИСТОРІЯ ОТДѢЛЬНЫХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОСУДАРСТВЪ, КРОМѢ ГЕРМАНІИ.

Отъ 1863 до 1866 года.

Съ италіянской войны 1859 года и съ событіями, непосредственно за нею слѣдовавшими, начался большой переворотъ; поводомъ къ нему послужила вторая или, вѣрнѣе сказать, третья шлезвигъ-гольштейнская война.

Правительства европейскія со временъ вѣнскаго конгреса 1815 года, крѣпко держались границъ, тогда утвержденныхъ, и только съ величайшимъ неудовольствіемъ допускали территоріальныя измѣненія, поэтому, въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій произошло очень мало перемѣнъ въ очертаніи границъ разныхъ государствъ. Надобно припомнить, сколько лѣтъ прошло въ безчеловѣчной борьбѣ, сколько крови было пролито прежде, чѣмъ Европа согласилась на самостоятельное существованіе Греціи; на то, чтобы она, въ видѣ новосформировавшагося государства, примкнула къ старымъ, въ ущербъ народа и государства, по истинѣ неимѣющаго ни малѣйшаго права назваться европейскимъ. Созданіе и признаніе новаго Бельгійскаго королевства не представляло такихъ трудностей; но и здѣсь только вслѣдствіе крайней, неизбѣжной необходимости было это сдѣлано, чтобы избѣжать всѣхъ случайностей и ужасовъ революціи. Затѣмъ до 1848 года карта Европа не измѣнилась существенно; даже опасные годы отъ 1848 до 1862 прошли безъ особенно значительныхъ и, главное, безъ прочныхъ территоріальныхъ перемѣнъ; въ 1856 году была большая, можно сказать, европейская война; въ ней принимали участіе четыре сильнѣйшія державы нашего материка, она окончилась конгрессомъ европейскихъ державъ, а между тѣмъ, при этомъ не было рѣчи объ очень значительныхъ областныхъ пріобрѣтеніяхъ, или измѣненіяхъ границъ, или обмѣнахъ. При шлезвигъ-гольштинскомъ вопросѣ все тѣ же опасенія занимали первое мѣсто; какъ бы оттого, что вынувъ одинъ камень изъ искусственно возведеннаго зданія европейскаго равновѣсія, оно не пошатнулось и не упало; это-то опасеніе и продиктовало лондонскій протоколъ. Опять то же самое опасеніе, чтобы не произошло перемѣщенія, привлекло общее вниманіе во время италіянско-французской войны съ Австріей; но тутъ произошло до тѣхъ поръ неслыханное дѣло, отъ котораго міръ однакожъ не погибъ, Европа не разсыпалась на части, солнце не померкло: народы быстро, безъ угрызеній совѣсти, лишили престола трехъ, четырехъ, пять, шесть государей; большія королевства исчезли съ карты безслѣдно и все осталось въ человѣчествѣ по-прежнему. Данія, допуская войну, или даже вызывая ее, болѣе всего разсчитывала на эту антипатію къ измѣненію территоріальныхъ отношеній государствъ, составляющую основную черту политики 1815 года, которая была неизбѣжнымъ противодѣйствіемъ политикѣ Наполеона I, для котораго измѣненіе формы границъ государствъ было дѣломъ обычнымъ.

Слабое королевство слишкомъ поздно увидѣло свою ошибку, оно было побѣждено; но тутъ за военную добычу поднялась борьба, принявшая огромные размѣры; то, что произошло въ Италіи, могло повториться въ Германіи, но въ обширнѣйшемъ размѣрѣ и при болѣе глубокомъ значеніи. Теперь припомнили слова Кавура, сказанныя по случаю прусской ноты, съ благороднымъ негодованіемъ охуждавшей присоединеніе средне-италіанскихъ государствъ къ Піемонту; Кавуръ очень спокойно прочиталъ проповѣдь новаго прусскаго миссіонера монархизма и сказалъ: Пруссія, вѣроятно, не замедлитъ порадоваться примѣру, данному ей Италіей и послѣдуетъ ему.

Замѣчаніе очень справедливое; по случаю происшествій въ Италіи, съ 1859 года идея о значительныхъ территоріальныхъ измѣненіяхъ уже не пугала такъ какъ въ дни процвѣтанія священнаго союза, когда, при первой попыткѣ поднять вопросъ такого рода, онъ дѣлался европейскимъ дѣломъ и всѣ государства, бросаясь на непокорное государство, принуждали его оставаться въ своихъ границахъ и сохранять акредитованныя формы общественныхъ отношеній; теперь же, напротивъ, всѣ государства болѣе всего заботились о своихъ личныхъ интересахъ, держались въ сторонѣ и вмѣшивались въ дѣла своихъ сосѣдей только въ такомъ случаѣ, когда они тою, или другою стороною касались ихъ внутреннихъ или внѣшнихъ интересовъ. Итальянскій вопросъ, насколько можно, былъ разрѣшенъ самою Италіею безъ того, чтобы поднять всю Европу. Исторія главнѣйшихъ европейскихъ державъ отъ 1863 до 1866 года покажетъ намъ, какъ съ одной стороны тѣсно между собою связана судьба всѣхъ европейскихъ народовъ и какъ съ другой стороны каждый изъ нихъ живетъ своею отдѣльною самостоятельною жизнью и эгоистически занимается исключительно своимъ дѣломъ. При этомъ намъ можно будетъ показать, какъ каждое изъ важнѣйшихъ государствъ относилось къ постепенно развивающемуся вопросу объединенія германскаго большаго среднеевропейскаго государства, какъ вопросъ этотъ отразился на различныхъ національностяхъ. Мы начнемъ свое изслѣдованіе съ группы государствъ, принадлежащихъ къ германскому племени.

А. ГОСУДАРСТВА ГЕРМАНСКАГО ПЛЕМЕНИ, КРОМѢ НАСТОЯЩЕЙ ГЕРМАНІИ.

1. Скандинавія.

На первый взглядъ казалось бы, что въ шлезвигъ-гольштейнскомъ вопросѣ болѣе всѣхъ заинтересованы остальныя скандинавскія государства и что они болѣе всѣхъ будутъ сочувствовать Даніи; однакожь, въ теченіе всего кризиса, не удалось возбудить живаго народнаго сочувствія къ общимъ интересамъ сѣверныхъ державъ ни въ Даніи и Швеціи, ни въ Норвегіи; интересы эти, хотя составляли существенную часть вѣрованія большой партіи въ обоихъ государствахъ Скандинавскаго полуострова, но они не были истинною потребностью всего его народонаселенія.

Швеція занята была тѣмъ, чтобы старую средневѣковую представительную форму правленія замѣнить болѣе новою, болѣе подходящею къ современнымъ потребностямъ. Мы уже говорили, въ какой формѣ проектъ реформы представленъ былъ, 5 января 1863 года, государственнымъ чинамъ стортинга (сейма). Но надобно замѣтить, что ни дворянство, ни духовенство не желали реформы и потому ему было пріятно, когда сперва возстаніе Польши, потомъ шлезвигъ-гольштейнскій вопросъ на время отвлекли вниманіе правительства отъ внутреннихъ преобразованій.

Дѣла польскія нашли большее, можетъ быть искусственное, сочувствіе въ Швеціи, гораздо большее, нежели можно было ожидать; впрочемъ, это сочувствіе объяснимо: между Швеціей и Польшей еще существовали старинныя историческія воспоминанія и вслѣдствіе того еще какая-то связь между обоими государствами; кромѣ того на шведскомъ престолѣ сидѣлъ король Карлъ XV, человѣкъ съ живымъ и даже воинственнымъ духомъ, который съ трудомъ подчинялся бездѣйствію, на какое его осуждали безденежье и тяжелое неповоротливое законодательство страны. По этой причинѣ сочувствіе шведовъ принуждено было ограничиться болѣе или менѣе пламенными демонстраціями стокгольмскихъ жителей и находившихся въ столицѣ государственныхъ чиновъ. Не то, казалось, будетъ при дѣлахъ шлезвигъ-гольштейнскихъ герцогствъ: они составляли жалкій остатокъ обширныхъ владѣній на окраинахъ Германіи, нѣкогда принадлежавшихъ къ скандинавскимъ государствамъ. Въ августѣ 1863 года мы видимъ шведскаго министра графа Мандерштерна въ Копенгагенѣ, именно въ то время, когда терпѣніе германскаго союзнаго сейма уже достигало своихъ предѣловъ; одна изъ депешъ шведскаго правительства, отъ 5 декабря, совѣтовала Даніи, не присоединять Шлезвига къ короннымъ владѣніямъ; вторая, отъ того же числа, о которой мы уже упоминали, давала шведскому посланнику право сообщить датскому министру Галлу готовность оказать Даніи всевозможную помощь, въ случаѣ вторженія союзныхъ войскъ въ Шлезвигъ. Минута эта наступила раньше, чѣмъ предвидѣли;

но помощь изъ Швеціи не явилась, 20 ноября; къ великимъ европейскимъ дворамъ Швеція отправила циркуляръ, съ просьбою не допускать, чтобы Данію ограбили; нѣсколько дней спустя правительство получило отъ стортинга 3 милліона рейхсталеровъ на военныя приготовленія, а 8 декабря въ заключительной рѣчи король увѣрялъ собравшихся государственныхъ чиновъ, что онъ положитъ на вѣсы европейскаго правосудія заступническое слово соединенныхъ королевствъ; «но, прибавилъ онъ, отъ насъ нельзя требовать, чтобы мы, кромѣ словъ, на вѣсы бросили и мечъ свой». Когда же въ мартѣ 1864 года положеніе Даніи ухудшилось, въ Стокгольмѣ народъ заволновался, шумѣлъ на улицахъ, требуя, чтобы родственной Даніи оказана была помощь, вслѣдствіе чего въ маѣ дѣлались вооруженія и снаряжена была даже военная эскадра. Въ Норвегіи тоже обнаруживалось сочувствіе къ Даніи, выразившееся въ адресахъ и въ народныхъ собраніяхъ, приглашавшихъ короля принять въ ней дѣятельное участіе. Вслѣдствіе этого, 26 января 1864 года, былъ собранъ чрезвычайный стортингъ, но такъ какъ здѣсь народные представители не привыкли торопиться, то засѣданія были открыты только 15 марта въ Христіаніи. «Безъ сомнѣнія, говорилъ король въ своей тронной рѣчи, стортингъ не откажется раздѣлить мой взглядъ на вещи въ томъ отношеніи, что оба родственные народа изъявятъ братскую готовность содѣйствовать начинаніямъ правительства, вынужденнымъ обстоятельствами сочувствовать взглядамъ, съ которыми не только стортингъ Христіаніи, но и взгляды всего міра согласны.» Стортингъ изъявилъ готовность предоставить всю сухопутную и морскую силу Норвегіи въ распоряженіе правительства, но требовалъ только, чтобы участіе въ войнѣ было гарантировано прочнымъ союзомъ державъ, на помощь которыхъ силы эти предназначены. Но мы знаемъ, что такой союзъ не состоялся. Несмотря на сочувствіе къ Даніи, 50-ти лѣтній день освобожденія скандинавскихъ королевствъ отъ владычества Даніи праздновался съ обычною торжественностію и съ обычными изъявленіями восторга; жители и правительства Скандинавскаго полуострова при этомъ забыли, что вѣроятно 50 лѣтъ спустя и нѣмецкія герцогства, въ свою очередь, также будутъ праздновать свое освобожденіе отъ той же самой Даніи. Шведско-норвежская эскадра не оставляла береговъ Скандинавіи, и 11 іюля 1864 года она уже была разснащена; время опять мирно потекло для соединенныхъ королевствъ; въ Норвегіи обычнымъ порядкомъ, въ іюлѣ 1865 года, былъ избранъ новый стортингъ и правительство могло съ спокойствіемъ объявить, 12 марта 1865 года, что для него достаточно сухопутнаго войска въ 10,000 человѣкъ, которое въ военное время можетъ быть увеличено до 15,000 человѣкъ.

И въ Швеціи все пошло обычнымъ порядкомъ; опять занялись постройкой желѣзныхъ дорогъ, для чего пришлось дѣлать займы на денежныхъ рынкахъ Германіи. Въ 1865 году опять былъ выдвинутъ вопросъ о реформѣ конституціи. Въ тронной рѣчи, 15 октября, король поднялъ опять вопросъ о реформѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предложилъ планъ реорганизаціи войска, выработанный подъ личнымъ наблюденіемъ опытнаго и знающаго дѣло короля. Но сейму не угодно было согласиться на преобразованіе войска; за то перемѣна въ законодательствѣ представителями средняго сословія и крестьянъ были одобрены 4 декабря, но дворянство и духовенство противились и только послѣ шумныхъ уличныхъ демонстрацій стокгольмскаго народонаселенія и угрожающаго положенія, принятаго имъ, эти два сословія 7 и 8 согласились принять предлагаемую реформу, но при этомъ меньшинство не упустило случая заявить свой протестъ. Въ первый разъ, 1 сентября 1866 года, происходили выборы членовъ сейма по новымъ избирательнымъ законамъ, для упрощеннаго состава сейма, изъ двухъ палатъ, какъ это теперь водится въ большей части Европы.

Данія, обезсиленная, окровавленная, ощипанная, съ трудомъ подчинялась своему незавидному положенію, хотя, признаться, частію заслуженному, потому что нельзя безнаказанно насиловать народъ; но какъ бы то ни было, изъ ряда первостепенныхъ державъ, въ 40 милліоновъ жителей, трудно снизойти на незавидную роль мелкаго королевства въ какіе нибудь 1,700,000 жителей. Перемѣны въ законодательствѣ, сдѣлавшіяся необходимыми послѣ отдѣленія герцогства Шлезвига, шли вяло и вели за собою безконечныя совѣщанія между правитель-

ствомъ и четырьмя представительными корпораціями: сельскаго и народнаго тинга, рейхсрата и отдѣльнаго датскаго сейма; министерство Блуме пало 5 ноября 1865 года, и было учреждено новое, подъ руководствомъ Фрійсъ-Фрійзенборгъ; къ 28 іюня 1866 года всѣ отдѣльныя части правительства согласились и приняли законодательную реформу.

2. Англія.

Въ Англіи все еще держалось министерство Пальмерстона, которое онъ поддерживалъ своимъ личнымъ вліяніемъ на правительство и на общество. Но внѣшняя политика этого, по имени либеральнаго, кабинета была очень слабая; это было неизбѣжно, при установившемся взглядѣ, превратившемся въ догматъ англійскаго правительства:—не принимать непосредственнаго участія въ европейскихъ ссорахъ, но относиться къ нимъ, какъ хоръ въ греческихъ трагедіяхъ, т. е. дѣлать только свои замѣчанія, давать совѣты и выражать желанія. Въ польскихъ дѣлахъ англійское правительство, правда, не жалѣло очень громкихъ и внушительныхъ выраженій, полныхъ энергіи, но въ то же время все ихъ значеніе было парализовано тѣмъ, что лордъ Джонъ Россель съ самаго начала своихъ дипломатическихъ сношеній заявилъ, что Англія ни въ какомъ случаѣ не намѣрена взяться за оружіе, чтобы поддержать свои требованія. Почти то же самое повторилось и въ шлезвигъ-гольштейнскомъ дѣлѣ. Въ обществѣ и парламентѣ, напротивъ, выразилось крайнее раздраженіе противъ Германіи; такъ, напримѣръ, 9 мая разнеслось извѣстіе, будто австрійская эскадра потерпѣла полное пораженіе при Гельголандѣ; какъ въ публикѣ, такъ и въ палатѣ депутатовъ слухъ этотъ былъ встрѣченъ съ полнымъ восторгомъ, но дальше этого и здѣсь не пошли. Лордъ Джонъ Россель выказалъ большую дѣятельность:—онъ всѣмъ и каждому давалъ совѣты, предлагалъ посредничество во всѣ стороны, за что со стороны оппозиціи его обвиняли за то, что политика его чисто смутная и порождающая недоразумѣнія; но онъ продолжалъ разсыпать совѣты, хотя со всѣхъ сторонъ ихъ отвергали. Предложеніе—подать Даніи матеріальную помощь—Франція отвергла, потому что не хотѣла становиться относительно Германіи въ такое же положеніе, въ какомъ стала къ Россіи по поводу польскихъ дѣлъ; Данія, съ своей стороны, не хотѣла ничего слышать объ уничтоженіи или отмѣненіи ноябрской конституціи; Пруссія и Австрія, на крайній случай въ виду войны, приберегли себѣ возможность отказаться отъ лондонскаго протокола. Съ очень похвальнымъ намѣреніемъ предложенныя конференціи заинтересованныя державы приняли только тогда, когда было слишкомъ поздно или слишкомъ рано, и потому конференціи, какъ мы видѣли, окончились ничѣмъ. Манера, какъ лордъ Пальмерстонъ и англійское правительство относились къ конференціямъ, очень ясно выказывается въ отвѣтѣ, даномъ лордомъ 8 апрѣля 1864 года на запросъ, кто служитъ представителемъ герцогствъ на конференціяхъ? Онъ съ неудовольствіемъ отвѣчалъ: «представителемъ ихъ служитъ посланникъ ихъ законнаго государя.» Между тѣмъ, лордъ Россель на слѣдующій день, въ палатѣ лордовъ, на чье-то энергическое требованіе о помощи Даніи, отвѣчалъ, что англійское правительство должно воздержаться отъ всякаго военнаго вмѣшательства по причинѣ государственнаго долга, на немъ лежащаго, хотя за два дня передъ тѣмъ англійскій государственный канцлеръ Гладстонъ, представляя бюджетъ, показалъ ежегодныхъ остаточныхъ суммъ на два съ половиною милліона. Англійское правительство, можетъ быть, не въ такой мѣрѣ чувствовало нежеланіе начинать военныя дѣйствія, какъ это выказывало; можетъ быть, его къ тому только побуждало рѣшительное отвращеніе королевы ко всякой войнѣ, что можно было заключить изъ тѣхъ почестей и изъ того сочувствія, съ какимъ встрѣтили главу народныхъ движеній въ Италіи—Гарибальди, посѣтившаго Англію. Знаменитый народный вождь, завоеватель королевства, остановился въ домѣ одного изъ самыхъ важныхъ англійскихъ лордовъ и сюда на поклоненіе стекались представители народа, аристократіи и осыпали его вѣжливостями и приглашеніями. Впрочемъ, правительственная по-

литика послѣ трехдневныхъ преній, отъ 4 до 9 іюля, получила одобреніе нижней палаты большинствомъ 313 голосовъ противъ 295; напротивъ того, верхняя палата воспользовалась случаемъ и большинствомъ 177 голосовъ противъ 168 объявила министерству свое неудовольствіе и недовѣріе. Послѣ противорѣчащаго и ни къ чему не ведущаго заключительнаго мнѣнія конференціи, Англія воздержалась отъ дальнѣйшаго вмѣшательства и предоставила дѣламъ идти такъ, какъ они могутъ; только по случаю гастейнской конвенціи Россель еще разъ воспользовался случаемъ послать непріятную циркулярную депешу 14 сентября 1865 года; въ ней онъ жаловался, что конвенція одинаково нарушала стародавнія и новыя права и что ею не признается никакого инаго авторитета, кромѣ авторитета насилія; но вмѣстѣ съ циркуляромъ посланникамъ дано было приказаніе пользоваться имъ только тогда, когда представится удобный случай.

Въ отношеніи Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ лордъ Россель поостерегся употребить такой же рѣзкій и запосчивый тонъ, какой употреблялъ по поводу шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса. Видно, время еще не наступило, пригодное на то, чтобы сводить счеты; однакожь, общество и иностранные дворы не скрывали своего неудовольствія къ тому, что Англія положительно покровительствуетъ американскимъ сепаратистамъ. Правда, англійское правительство прямо формально не признало конфедераціи южныхъ штатовъ, однакожь признало за ними права, предоставляемыя державамъ, находящимся въ войнѣ, и 12 августа 1864 года королевскимъ приказомъ военнымъ кораблямъ обѣихъ партій равно закрыты были британскія гавани. Въ связи съ этимъ находится слѣдующее обстоятельство: партизаны южныхъ невольничьихъ штатовъ пробрались въ Канаду и оттуда безпрепятственно перешли границу Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ; наконецъ было издано распоряженіе, направленное не прямо, но косвенно противъ выгодъ сѣверныхъ штатовъ: Англія въ ноябрѣ признала новую Мексиканскую имперію. Въ февралѣ 1865 года правительство потребовало значительной суммы денегъ отъ парламента на укрѣпленіе Квебека, главнаго города Канады; вслѣдствіе опасеній, внушенныхъ Великобританіи неспокойными сосѣдями сѣверо-американскихъ колоній, положено было тѣснѣе связать между собою ихъ отдѣльныя части. Но ходъ событій съ каждымъ днемъ былъ благопріятнѣе для сѣверо-американскихъ штатовъ. Англійское правительство не преминуло воспользоваться попутнымъ вѣтромъ и направить свои дѣйствія сообразно съ обстоятельствами; когда президентъ сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ—Линкольнъ, палъ отъ руки убійцы, какъ мы это увидимъ дальше, англійскій парламентъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы заявить свое сочувствіе и кстати сказать, что англійскій народъ и правительство съ самаго начала междоусобной войны особенно живо сочувствуютъ дѣлу безкорыстнаго человѣколюбія сѣверныхъ штатовъ; можетъ быть, лордъ Джонъ Россель, выражая это мнѣніе, могъ сказать, что оно принадлежитъ ему и очень ограниченному числу честныхъ либераловъ, но не больше, а утверждать этого о всемъ большинствѣ руководящей партіи ни въ какомъ случаѣ нельзя было. Но кто смотритъ на искренность дипломатическихъ заявленій сочувствія! Какъ бы то ни было, но въ данную минуту Англія показывала сочувствіе освободителямъ негровъ-невольниковъ. Депешей, отправленной въ Вашингтонъ, лордъ Джонъ Россель извѣщалъ, 2 іюня, что англійское правительство смотритъ на войну между сѣверными и южными штатами, какъ на оконченную, и, слѣдовательно, лишаетъ прежнюю южную конфедерацію правъ, присвоенныхъ державамъ, находящимся въ войнѣ; когда, вслѣдъ за этимъ, въ ноябрѣ корабль «Шенандоа,» принадлежащій южнымъ штатамъ, вошелъ въ Ливерпуль и отдалъ свои бумаги тамошнему береговому управленію, весь экипажъ былъ отвезенъ на землю и ему выданы паспорты, а корабль, со всѣмъ въ немъ находящимся, отданъ на благоусмотрѣніе американскаго консула. Но все это произвело мало впечатлѣнія въ Новомъ Свѣтѣ. Съ 7 апрѣля 1865 года сѣверные Соединенные Штаты, вѣрные своей первой декларации при самомъ началѣ войны, подали требованіе о вознагражденіи убытковъ, причиненныхъ штатамъ каперами южныхъ штатовъ, построенными и оснащенными въ англійскихъ приморскихъ гаваняхъ; напрасно лордъ Россель отвергалъ законность этихъ требованій, но не

такъ легко было отдѣлаться отъ упрямыхъ, требовательныхъ американцевъ, почитавшихъ себя въ своемъ полномъ правѣ.

Это недоразумѣніе сдѣлалось еще непріятнѣе отъ явленія, которое въ это время обратило на себя общее вниманіе и, вѣроятно, находилось въ нѣкоторой внутренней связи съ политическимъ несогласіемъ. Въ Ирландіи образовалось тайное общество феніевъ, составленное изъ ирландцевъ, находящихся въ Соединенныхъ Штатахъ и изъ ихъ соотечественниковъ въ Великобританіи, на островѣ Ирландіи; тайная цѣль общества заключалась въ томъ, чтобы отдѣлить Ирландію отъ Англіи и достигнуть этого частію тѣмъ, чтобы перебить всѣхъ англичанъ, находящихся на островѣ. Это общество становилось опасно отъ натянутаго положенія, въ какомъ Великобританія находилась къ сѣверо американскимъ штатамъ, гдѣ раздраженное народонаселеніе съ жадностью хваталось за каждый новый предлогъ къ враждѣ; но само по себѣ общество могло быть опасно только по своимъ преступнымъ замысламъ противъ единицъ; далѣе, своею дѣятельностью и тѣмъ сочувствіемъ, какое оно находило въ непримиримой враждѣ ирландцевъ къ своимъ поработителямъ, каждый ирландецъ извиняетъ въ себѣ и въ другихъ всякое самое жестокое преступленіе, если только оно направлено къ уничтоженію сакса, особенно же сакса протестанта. Великобританское правительство было вынуждено въ сентябрѣ объявить городъ и графство Коркъ въ осадномъ положеніи, а затѣмъ, 17 февраля 1866 года, по согласію парламента, у Ирландіи отнять дарованное ей право Habeas-corpus. Эти мѣры не могли ничего сдѣлать, чтобы уничтожить проклятіе вражды и мести, съ давнихъ поръ тяготѣвшихъ надъ этой страною и постоянно проявляющихся въ новомъ и новомъ видѣ; впрочемъ, этого никто и не ожидалъ. Всякій разъ, по какому бы то ни было поводу, когда въ парламентѣ заходила рѣчь объ Ирландіи, всегда указывали на коренное зло, источникъ вѣчнаго неудовольствія:—на протестантскую государственную первенствующую церковь въ католической странѣ, посреди народа, фанатически преданнаго католицизму, и на второе зло—на поземельныя отношенія ирландцевъ-работниковъ къ крупнымъ иноплеменнымъ землевладѣльцамъ; всѣ согласны были въ томъ, что есть необходимость въ реформѣ законодательства, но все еще медлили, не принимались за введеніе ея. До поры до времени довольствовались хорошимъ состояніемъ финансовъ, по которымъ были остатки за всѣми расходами; доходы въ Ирландіи были въ слѣдующихъ размѣрахъ: въ 1862 г.—2½ м. въ 1864—4 м., а въ 1865 г., не смотря на уменьшенные пошлинные сборы—на 4 милліона, полтора милліона было въ остаткѣ.

Мы уже говорили, что вопросъ о парламентской реформѣ былъ отсроченъ изъ-за привязанности къ великому государственному человѣку, управлявшему Англіей, въ силу своего собственнаго права; не допуская, чтобы помимо него совершалось какое бы то ни было великое творческое дѣло управленія, онъ являлся препятствіемъ для многаго и въ томъ числѣ для выгодъ Ирландіи; но смерть устранила это препятствіе: 18 октября въ 1865 году лордъ Пальмерстонъ скончался, не покидая своего мѣста во главѣ управленія, оставаясь полезнымъ до своего 82 года жизни, срокъ, какого рѣдко достигаютъ люди занятые; но англійскіе аристократы, несмотря на общественную дѣятельность, на неумѣренныя удовольствія, на политическія интриги и на труды, часто неумѣренные, все-таки живутъ долго, и часто до старости сохраняютъ свѣжесть мысли, ясность соображенія и живость характера. Мѣсто Пальмерстона занялъ лордъ Джонъ Россель, родившійся въ 1792 году; онъ былъ немногимъ моложе его; онъ пополнилъ свое министерство: предсѣдательство въ палатѣ депутатовъ принялъ на себя Гладстонъ, министерство иностранныхъ дѣлъ—лордъ Кларендонъ.

Новые выборы происходили въ іюнѣ 1865 года; министерство виговъ пріобрѣло значительное большинство членовъ въ нижней палатѣ—365 противъ 295; въ тронной рѣчи, при открытіи засѣданій парламента, говорилось сперва о дѣлахъ ирландскихъ, затѣмъ о происшествіяхъ на Ямайкѣ; тамъ произошло возстаніе между неграми, но губернаторъ Эйръ подавилъ его самымъ жестокимъ образомъ, приказавъ казнить 330 негровъ; кромѣ этихъ вопросовъ въ тронной рѣчи говорилось о парламентской присягѣ и парламентской реформѣ, какъ о вопро-

сахъ, которые должны быть рѣшены. Согласно съ новѣйшими потребностями, Гладстонъ 12 марта внесъ билль, по которому цензъ для избирателей значительно былъ пониженъ, и черезъ это число избирателей должно было увеличиться болѣе чѣмъ на милліонъ; 27 апрѣля чтеніе билля въ палатѣ депутатовъ во второй разъ прошло, правда, съ незначительнымъ большинствомъ 318 голосовъ противъ 313, а 7 мая было повтореніе втораго чтенія, причемъ парламентскія мѣста распредѣлены были точнѣе, и тутъ было дополнено то, чего недоставало во второмъ чтеніи билля; въ то же время разсуждали о необходимости измѣнить и оставить поземельную систему арендъ въ Ирландіи. Но часть министерскаго большинства въ палатѣ отказалась отъ своихъ мнѣній; отъ этого министерство пошатнулось, а 26 іюня и совсѣмъ пало. Можетъ быть либеральная партія при общей оппозиціи противъ консервативнаго министерства опять соединилась бы и начала бы дѣйствовать дружно и съ одною цѣлью, но пока еще ничего этого не было видно; 6 іюля глава торіевъ, Чарльзъ Дерби составилъ свое министерство; д'Израэли сдѣлался при этомъ руководителемъ палаты депутатовъ.

III. НЕЙТРАЛЬНЫЯ ГОСУДАРСТВА.

Голландія. Бельгія. Швейцарія.

Послѣ Скандинавскихъ государствъ и Англіи намъ надобно сказать нѣсколько словъ о незначительныхъ государствахъ, которыи по своему положенію могутъ быть названы нейтральными и существованіе которыхъ зависитъ отъ идеи политическаго равновѣсія Европы, а именно: мы говоримъ о Голландіи, Бельгіи и Швейцаріи; ихъ нейтральное положеніе даетъ имъ особенное значеніе для жизни европейскихъ народовъ. По своему географическому положенію, онѣ какъ бы предназначены для того, чтобы затруднять столкновеніе между великими и могущественными державами; по своему внутреннему значенію, на нихъ какъ бы лежитъ обязанность смягчать контрасты, служащіе двигателями европейской жизни; онѣ даютъ пріютъ представителямъ этихъ противоположныхъ взглядовъ; онѣ у себя позволяютъ свободно говорить обо всемъ и, наконецъ, онѣ даютъ пріютъ лицамъ, навлекшимъ на себя гоненіе за свой образъ мыслей и политическій взглядъ. Въ этомъ отношеніи Швейцарія занимаетъ самое удобное для этихъ цѣлей мѣсто; она въ полномъ смыслѣ нейтральная почва; съ одной стороны она отдѣляетъ Австрію отъ Франціи, съ другой стороны Италію отъ Германіи; по своему завидному географическому положенію, по грандіозной природѣ, по республиканскимъ удобнымъ и свободнымъ условіямъ жизни, Швейцарія дѣлается, въ буквальномъ смыслѣ слова, достояніемъ всей Европы и надежнымъ убѣжищемъ не для однихъ больныхъ или нуждающихся въ физическомъ и моральномъ отдохновеніи.

Какъ Швейцарія на югѣ, такъ Бельгія на сѣверѣ мѣшаетъ непосредственному столкновенію границъ Франціи и Германіи; она вмѣстѣ съ Голландіей образуетъ область нейтральную на сѣверѣ центральной Европы, находящуюся между Франціей, Англіей и Германіей; на ней лежитъ то же самое умиротворяющее, посредническое назначеніе, какъ на Швейцаріи на югѣ той же центральной Европы. Значительное развитіе физическаго благосостоянія и даже богатства служитъ характеристическою чертою народонаселенія этихъ государствъ; замѣчательно, что въ области знанія и искусства эти государства не стоятъ на той же степени развитія, какъ прилегающія къ нимъ; такъ, напримѣръ, Швейцація въ области высшаго научнаго развитія, въ самостоятельномъ движеніи впередъ, въ свободномъ и глубокомъ изслѣдованіи отдѣльныхъ частей знанія, уступаетъ Германіи, а Бельгія во всемъ отстаетъ отъ Франціи. Не всѣмъ дается все; спокойная жизнь, довольство, матеріальныя удобства—не могутъ быть исключительными двигателями науки; надобно, чтобы что-нибудь постороннее возбуждало духъ человѣческій, надобно, чтобы онъ принималъ живое участіе въ великой борьбѣ, національной жизни, исполненной опасностей; посреди великой, волнующейся націи легче вырабатывается самостоятельная духовная жизнь, нежели въ мелкой, спокойной, домашней, исполненной удобствъ и роскоши.

Менѣе всего участія въ политическихъ волненіяхъ принимала Голландія, гдѣ въ теченіе всего этого времени конституціонныя, законодательныя силы спокойно развивались безъ потрясеній, безъ препятствій. Вмѣсто либеральнаго министерства Торбеке, въ 1866 году во главѣ управленія стало консервативное; все вниманіе правительства въ это время было обращено на реформу колоніальнаго управленія колоній, все еще значительныхъ, которыя, если взять вмѣстѣ находящіяся въ Азіи, Австраліи, Америкѣ и Африкѣ—простирались на 32,000 кв. миль, съ 17 почти милліонами жителей. Затѣмъ въ Европѣ о Нидерландахъ не говорили ничего: ни дурнаго, ни хорошаго.

Нѣсколько больше движенія замѣчаемъ мы въ Бельгіи. Обѣ партіи—клерикальная и либеральная пытались попрежнему уравновѣшивать одна другую. Въ концѣ 1863 года либеральная партія въ палатѣ могла располагать очень незначительнымъ большинствомъ голосовъ; отвѣтный адресъ на тронную рѣчь въ январѣ 1864 года былъ принятъ большинствомъ 58 голосовъ противъ 42; когда же при дополнительныхъ выборахъ въ Брюгге избраны были три депутата изъ клерикальной партіи, либеральное министерство Рожье, не имѣя прочнаго большинства голосовъ въ палатѣ депутатовъ, подало въ отставку. Затѣмъ наступилъ продолжительный министерскій кризисъ; но окончательно прежнее министерство все-таки осталось, потому что переговоры ни къ чему не повели. Однакожь, послѣ продолжительныхъ преній предложено было заявить министерству недовѣріе палаты; предложеніе это голосовали, но большинствомъ 57 противъ 56 голосовъ оно было отвергнуто; тогда же одинъ изъ депутатовъ предложилъ, вслѣдствіе увеличившагося народонаселенія, учредить еще шесть новыхъ депутатскихъ мѣстъ, изъ нихъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, пять достались бы либераламъ; но этого клерикальная партія ни въ какомъ случаѣ не могла допустить; когда пренія разгорѣлись и очевидно стало, что предложеніе будетъ принято, клерикальная партія оставила залу палаты депутатовъ и тѣмъ лишила ее возможности что бы то ни было рѣшать или даже подвергнуть подачѣ голосовъ. Къ несчастію, 12 іюля скончался одинъ изъ либеральныхъ депутатовъ, и, слѣдовательно, законодательная сила палаты была парализована и предоставлена на произволъ случая. Положеніе было самое двусмысленное, но король положилъ ему конецъ, распустивъ палату. Новые выборы въ августѣ дали либеральной партіи палаты 64 депутатовъ, а клерикальная выставила только 52; это законное большинство согласилось отпустить требуемую сумму денегъ на укрѣпленіе Антверпена, что было необходимо, какъ мѣра предосторожности со стороны Франціи. Натянутое положеніе, въ какомъ находилась Европа, отозвалось и здѣсь; чувствовалось, что многое втайнѣ предполагалось и затѣвалось; подозрѣвали прусскаго всесильнаго министра въ томъ, что онъ намѣренъ Бельгію уступить Франціи съ тѣмъ, чтобы свободно распоряжаться въ Германіи; его прямая, открытая политика удивительно помогала ему, потому что ей никто не вѣрилъ и постоянно доискивались скрытыхъ за нею цѣлей его.

Въ 1865 году литературное событіе пробудило общее вниманіе. Императоръ Наполеонъ, въ часы своего досуга, написалъ «Жизнь Юлія Цезаря»; въ предисловіи онъ изложилъ свой взлядъ на идею кесарства вообще. Нашелся очень остроумный и ѣдкій критикъ этого сочиненія, французъ Рожаръ, который свое сочиненіе напечаталъ подъ именемъ противника великаго римскаго полководца и писателя; названіе критики: „Les propos de Labinus“. Но этотъ новый Лавиній чувствовалъ себя въ большей безопасности въ Бельгіи, нежели въ имперіи Цезаря; но и тутъ опасались слишкомъ большой требовательности императорскаго правительства, и на основаніи возобновленнаго договора на счетъ скрывающихся въ Бельгіи эмигрантовъ, Рожаръ получилъ приказаніе оставить бельгійскія границы черезъ 24 часа, и такъ какъ онъ добровольно не хотѣлъ подчиниться этому повелѣнію, то его насильно перевезли черезъ границу. При открытіи палатъ въ ноябрѣ, президентъ считалъ своею обязанностію сказать нѣсколько словъ о необходимости поддержать свободу и независимость Бельгіи.

Въ томъ же году Бельгія понесла значительную потерю: король Леопольдъ I скончался 10 декабря, послѣ 34 лѣтняго царствованія. Онъ съ честью и славой выполнилъ свой трудный долгъ. Онъ родился въ 1790 году, тѣсно былъ связанъ

сначала съ русскимъ императорскимъ дворомъ, потомъ съ англійскимъ; женатъ былъ на французской принцессѣ, по рожденію былъ нѣмцемъ, по воспитанію космополитъ; онъ отлично умѣлъ обходиться съ конституціонною формой правленія, спокойно, безъ толчковъ, вести народъ по пути прогресса и всѣми силами содѣйствовать его нравственному и матеріальному совершенствованію, несмотря на то, что на его глазахъ происходила непрерывная борьба двухъ партій, которыя по своимъ взглядамъ и стремленіямъ гораздо больше расходились, нежели партіи виговъ и торіевъ въ Англіи; здѣсь между партіями не было мѣста для третьей посреднической, умиротворяющей партіи. Молодое королевство въ этомъ правителѣ нашло истиннаго благодѣтеля, народъ это понималъ, и потому смерть его была причиной общаго плача и сожалѣнія. Новый король, сынъ почившаго, Леопольдъ II принесъ присягу конституціи 17 числа, въ присутствіи обѣихъ палатъ. Онъ вступилъ уже на гладкій, проложенный отцомъ его путь; въ своей тронной рѣчи онъ выразилъ искреннее желаніе и готовность строго слѣдовать законамъ конституціи, быть первымъ ихъ исполнителемъ и хранить ихъ, какъ святыню; и не одна Бельгія, но и иностранныя державы замѣтили про себя, съ какою силой и съ какимъ выраженіемъ онъ говорилъ о независимости Бельгіи: онъ всталъ съ своего мѣста и голосъ его зазвенѣлъ, когда онъ говорилъ, что даетъ слово охранять независимость націи. Но предвѣстники опасности, замѣченные на политическомъ горизонтѣ, какъ бы разсѣялись; нигдѣ не дѣлались особенно сильныя военныя приготовленія, ни по какимъ признакамъ нельзя было догадаться о приближеніи грозы; только надъ укрѣпленіемъ Антверпена особенно дѣятельно трудились. Во внутреннемъ управленіи удалось сдѣлать желанную перемѣну: назначено было шесть новыхъ депутатскихъ мѣстъ, и при новыхъ выборахъ, въ іюнѣ 1866 года, либеральное большинство достигло 20 голосовъ,—большинство, какого еще не бывало въ Бельгіи съ тѣхъ поръ, какъ конституціонное правленіе здѣсь упрочилось.

Не хуже бельгійской конституціи оказалось законодательство швейцарской федеральной системы, измѣненное и исправленное въ 1848 году. Избраніе совѣтовъ, ихъ засѣданія, ихъ возобновленія производились правильно, по однажды утвержденной нормѣ, безъ шума, какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ кантонахъ. Изрѣдка только какое-нибудь происшествіе, или какой-нибудь вопросъ всколыхнетъ общее спокойствіе: таковы были, напримѣръ, вопросъ о положеніи евреевъ въ кантонѣ Ааргау въ 1863 году или тѣлесное наказаніе, которому подвергнутъ былъ типографщикъ Риникеръ, на основаніи закона Ури, за богохульство, въ 1865 году; но къ военной силѣ, къ вмѣшательству силою оружія, федеральный совѣтъ принужденъ былъ прибѣгнуть только однажды—въ 1864 году: пришлось отправить одинъ батальонъ федеральнаго войска въ кантонъ женевскій, гдѣ борьба партій приняла слишкомъ большіе размѣры. Впрочемъ, швейцарцы были очень счастливы въ томъ отношеніи, что у нихъ борьба партій и мнѣній въ большинствѣ случаевъ ограничивалась очень мирными, по большей части желѣзнодорожными, вопросами. Спорили о томъ, провести ли соединительную вѣтвь съ Италіей туда, или сюда; проложить ли рельсовый путь, прорѣзывающій материкъ Европы съ сѣверо-востока на юго-западъ черезъ Симплонъ, въ угоду луканцамъ или черезъ Сенъ-Готардъ; очень живыя пренія шли по поводу дорогъ, но еще живѣе и неутомимѣе шли постройки, повсюду свидѣтельствующія о величіи и силѣ человѣческаго генія и о побѣдахъ его надъ препятствіями, какія ему ставитъ сила природы; положеніе Швейцаріи, какъ лечебницы Европы и какъ мѣста отдыха для ея туристовъ, возбуждало всеобщій интересъ къ ея постройкамъ линій желѣзныхъ дорогъ; на каждую удачу, на каждую смѣлую попытку Европа смотрѣла, какъ на родное дѣло, такъ что Швейцарія была какъ бы достояніемъ всей части свѣта. Въ числѣ самыхъ благодѣтельныхъ для человѣчества учрежденій, начатыхъ и созрѣвшихъ на этой почвѣ свободы, безспорно принадлежитъ учрежденіе международнаго санитарнаго общества, правильно организованной санитарной системы на помощь и службу больнымъ и раненнымъ въ военное время; общество это устроилось очень во-время; засѣданія длились отъ 8 до 21 августа 1864 года въ Женевѣ.

Реальная партія преобладала въ совѣтахъ національномъ и сословномъ,

равно какъ и во всѣхъ частяхъ управленія кантоновъ и своимъ поведеніемъ, исполненнымъ достоинства, блистательно опровергла всѣ рабскіе предразсудки, укоренившіеся со временъ европейской реакціи, послѣ 1848 года. Въ жизни отдѣльныхъ кантоновъ не было недостатка въ мелочности, въ устарѣлыхъ сословныхъ предразсудкахъ, въ кумовствѣ и въ интригахъ, въ умѣстномъ и неумѣстномъ употребленіи избирательнаго права, но отъ всего этого особенно важнаго зла не происходило, потому что ему противодѣйствовало сочувствіе къ общему дѣлу, врожденное каждому швейцарцу, и духъ патріотизма укрѣплялъ и облагораживалъ каждаго гражданина въ отдѣльности и дѣлалъ его способнымъ содѣйствовать выполненію предначертаній измѣненнаго и усовершенствованнаго законодательства. Этотъ швейцарскій патріотизмъ, при очень ограниченномъ числѣ сочиненій и журналовъ, очень часто выражался грубыми и неприличными выходками противъ Германіи; каррикатуры, по большей части, ограничивались насмѣшками надъ неотесаннымъ «нѣмецкимъ Михелемъ,» который тоже пытается сдѣлаться независимымъ гражданиномъ, но каррикатура переходила въ пасквиль и находила сочувствіе и читателей только между соплеменными швабскими демократами.

Пользуясь наступившимъ спокойствіемъ, федеральные совѣты занялись ревизіей всего законодательства въ цѣломъ и въ мельчайшихъ подробностяхъ. 23 октября 1865 года съ этой цѣлью были открыты чрезвычайныя сессіи союзнаго собранія. Въ январѣ 1866 окончательно были пересмотрѣны 9 параграфовъ, преимущественно касавшихся: мѣръ, вѣса, отношенія поселенцевъ, т. е. переселившихся изъ другихъ государствъ, къ кореннымъ жителямъ, уничтоженія нѣкоторыхъ наказаній, полная свобода совѣсти и свобода въ исполненіи обрядовъ исповѣдуемой религіи. Эти пункты, принятые національнымъ и сословнымъ совѣтами, были подвергнуты двойной подачѣ голосовъ соотвѣтственно принципу, на которомъ основывались оба совѣта: по-кантонно и кромѣ того по поголовной подачѣ голосовъ. Выводомъ этого голосованія было: отклоненіе всякой реформы, кромѣ одного изъ девяти пунктовъ; общее право подачи голоса здѣсь, какъ и вездѣ, явилось консервативнымъ, гораздо постояннѣе и устойчивѣе, нежели предполагали демократы; однакожь число, отвергающее реформу, все-таки было не на столько сильно, чтобы можно было опасаться волненія, когда попытка провести отвергнутое будетъ вновь сдѣлана; немного спустя за нее взялись съ новой энергіей, потому что руководители лучше массы понимали настоящія потребности народа.

В. ВОСТОКЪ.

Мы предпочитаемъ сразу высказать все относящееся до современныхъ событій восточной Европы, а именно Греціи, Турціи, прилежащихъ къ ней странъ и Россіи, прежде нежели перейдемъ къ повѣствованію о событіяхъ, касающихся романскихъ народовъ, занимающихъ южную и юго-западную оконечность Европы: они частію непосредственно, подобно Италіи, частію посредственно, какъ Франція, и косвенно, какъ Испанія, приняли участіе въ большомъ столкновеніи среднеевропейскихъ державъ, произведшемъ такой значительный переворотъ во всей общественной жизни европейскихъ народовъ.

1. Греція.

Начнемъ съ самаго незначительнаго изъ государствъ, съ Греціи. Новый король, выписанный изъ далекаго сѣвера, составилъ, 31 октября 1863 года, свое первое министерство, а въ началѣ 1864 года были подписаны протоколы, отдававшіе Іоническіе острова Греціи. Два изъ нихъ, Корфу и Наксосъ, признаны были нейтральными, однакожь пройдено было молчаніемъ требованіе, чтобы крѣпости на нихъ были срыты до основанія, тогда какъ сначала это было однимъ изъ условій; аѳинское національное собраніе съ благодарностью приняло, 8 апрѣля 1864 года, великодушный даръ Великобританіи. Но въ этомъ собраніи уже таилась сильная оппозиція противъ руководителя молодаго короля, графа Споннекъ; да и вражда правительственныхъ партій на новой почвѣ, при новомъ королѣ, также разросталась, какъ и при старомъ. Когда въ сентябрѣ начались совѣщанія о ревизіи законодательства, которое это достойное собраніе нетерпѣливо желало измѣнить, съ самаго начала рѣчь зашла о томъ, чтобы упразднить сенатъ, и рѣшеніе это было принято большинствомъ 211 голосовъ противъ 62, что съ перваго раза повело къ непріятному столкновенію съ неокрѣпшимъ еще королевскимъ правительствомъ. Повторенныя королевскія посланія не имѣли никакого вліянія; 23 ноября національное собраніе самовольно разошлось, не опредѣливъ ни налоговъ, ни пошлинъ, ни бюджета, безъ обычнаго заключительнаго акта; поэтому можно было предвидѣть, что приближается волненіе и переворотъ. При такихъ обстоятельствахъ понятно, что недостатокъ средствъ дѣлался еще ощутительнѣе; до сихъ поръ армія еще регулярно получала жалованье, между тѣмъ въ августѣ палата депутатовъ положила на будущее время должностнымъ лицамъ $^1/_3$ жалованья выдавать процентными кредитными билетами; дѣлали попытки для государственнаго займа, но неудачныя, никто не рѣшался бросать своего капитала въ пропасть. Короля тѣснили министерскими кризисами; министерство Делигеоргиса требовало, чтобы графъ Споннекъ былъ уволенъ въ теченіе двухъ недѣль,

потомъ сроку давалась только недѣля и требованіе это поддерживалось волненіями въ городѣ; король принужденъ былъ отпустить его въ декабрѣ. Исчислять всѣ перемѣны министерствъ нѣтъ никакой надобности; довольно сказать, что министры перемѣнялись какъ въ калейдоскопѣ; они то всплывали, то исчезали: Делигеоргисъ, Руфосъ, Булгарисъ, Канарисъ, Коммундуросъ и т. д., а съ ними повторялись обѣщанія возстановить общественный кредитъ, привести управленіе въ порядокъ, учредить національную гвардію и т. д., обѣщаній было много, но до выполненія было далеко—въ странѣ, гдѣ ложь—дѣло обычное; неудивительно, что и правительство не находило нужнымъ говорить правды и исполнять обѣщанія. Циркуляромъ, отъ 10 февраля 1866 года, покровительствующія Греціи державы угрожали силою оружія умиротворить партіи, если онѣ не захотятъ примириться и привести въ порядокъ финансы и не устроятъ прочихъ правительственныхъ дѣлъ. Но партіямъ было не до того, у нихъ были свои дѣла поважнѣе:—у нихъ былъ замыселъ присоединить Кандію къ королевству.

Народонаселеніе Кандіи, т. е. христіанское, простиралось до 150,000 человѣкъ; оно страдало отъ турецкаго владычества, оно жаловалось Турціи и высказывало цѣлый рядъ желаній и просьбъ, но на все получило отказъ; не будучи въ состояніи долѣе терпѣть, кандіоты открыто возстали противъ турецкаго владычества. «Генеральное собраніе кандіотовъ» въ августѣ обратилось къ покровительствующимъ Греціи державамъ, а въ сентябрѣ постановило рѣшеніе, что османское господство болѣе не признается и островъ Критъ отнынѣ присоединяется къ королевству греческому, подъ властію короля Георгія I; выполненіе этого декрета предоставляется мужеству критскаго народонаселенія. Хотя эти извѣстія не удивили грековъ, но произвели большое волненіе. Многочисленныя толпы волонтеровъ вооружались и спѣшили на Критъ на помощь возставшимъ, которые съ трудомъ держались въ горахъ противъ несравненно многочисленнѣйшихъ турокъ, подъ начальствомъ Мустафы-паши. Греческое правительство въ сентябрѣ послало меморандумъ покровительствующимъ державамъ; оно въ немъ, въ качествѣ «первой христіанской державы на востокѣ,» просило, чтобы европейскіе кабинеты заступились за Критъ и принудили турецкое правительство къ уступчивости; подкрѣпленія постоянно прибывали и жестокости съ той и другой стороны постепенно увеличивались; очень регулярно греческій пароходъ «Панэлліонъ» подвозилъ возставшимъ оружіе, волонтеровъ, съѣстные и боевые припасы; а греческое правительство, между тѣмъ, стягивало войска на турецкой границѣ.

2. Турція.

Это возстаніе породило опять несогласіе между Греціей и Портой; впрочемъ, надобно признаться, неудовольствія не прекращались съ 1863—66 года. Европейскіе кабинеты въ это время преимущественно интересовались придунайскими княжествами. Столкновеніе между господаремъ и національнымъ собраніемъ въ этомъ новомъ государствѣ продолжалось попрежнему, и положеніе дѣлъ было таково, что Порта, наконецъ, въ 1863 году, просила представителей европейскихъ державъ, сообща съ турецкими сановниками, привести тамошнія дѣла въ порядокъ; прежде всего Порта протестовала противъ финансовой мѣры, основанной на секуляризаціи извѣстнаго числа греческихъ монастырей. Братчина предложила голосовать для нихъ вознагражденіе въ 50 милліоновъ піастровъ; но этого было недостаточно; конференція европейскихъ державъ, между тѣмъ собравшаяся, объявила 9 мая 1864 предложенную мѣру недѣйствительною и недостигавшею цѣли. Между тѣмъ, споръ между княземъ и собраніемъ вновь ожесточился; 14 мая палата отказалась совѣщаться съ министерствомъ господаря, потому что она только что торжественно заявила министерству свое недовѣріе; Куза при этомъ всталъ, объявилъ засѣданіе закрытымъ, приказалъ залу собранія очистить силою и въ прокламаціи обнародовалъ новый избирательный законъ, основанный на общей подачѣ голосовъ. И здѣсь плебисцитъ вышелъ такой, какъ плебисциты вездѣ и всегда выходятъ—682,000 да и 1,300

нѣтъ; Куза изъ Константинополя добылъ себѣ утвержденія новаго избирательнаго закона, и 15 іюля онъ уже былъ опубликованъ съ надлежащими и соотвѣтственными прибавленіями. Августа 26 господарь издалъ новый уставъ для крестьянъ; онъ освобождалъ ихъ отъ обязательной, крѣпостной работы и дѣлалъ крестьянъ свободными собственниками. Казалось, дѣла улаживались, какъ нельзя лучше; правительственная машина устроена была совсѣмъ на французскій образецъ— съ префектами и генеральными совѣтами; казалось, все идетъ стройно, заведеннымъ порядкомъ; выборы, какъ въ генеральный совѣтъ, такъ и въ народное собраніе прошли въ декабрѣ совершенно сообразно желаніямъ правительства. Народное собраніе продолжало дѣйствовать, сообразно съ духомъ новѣйшей передовой демократіи; между прочимъ, не взирая на предостереженія изъ Константинополя, изданъ былъ законъ, по которому избраніе и отрѣшеніе патріарха и епископовъ, на будущее время, должно зависѣть отъ господаря. У него не было дѣтей, но онъ надѣялся, черезъ усыновленіе, упрочить за своимъ потомствомъ эту демократическую тиранію. Не обращая вниманія на представленія Россіи и Порты, господарь продолжалъ свои нововведенія даже въ то время, когда находился въ Эмсѣ на водахъ; онъ не обращалъ вниманія на волненія въ Букарестѣ и на неудовольствіе бояръ; онъ вѣрилъ въ свою популярность и смѣло вводилъ одну новую мѣру за другой. Новая палата, избранная въ декабрѣ 1865 года, оказалась не такою податливою, какъ предъидущія: она выказала желаніе положить границы не въ мѣру сильнымъ денежнымъ операціямъ и тратамъ господаря; однакожъ адресъ отъ 29 января опять выказалъ сговорчивость и давалъ обѣщаніе пополнить недостатки черезъ народныхъ представителей. Но, мѣсяцъ спустя, произошла катастрофа, которая посредствомъ заговора предупредила замышляемый государственный переворотъ. 23 февраля 40 заговорщиковъ, подъ начальствомъ трехъ полковниковъ или генераловъ—Голеско, Лека и Кречулеско, ворвались во дворецъ и арестовали господаря. Тотчасъ было назначено временное правительство, назвавшее себя въ прокламаціи княжескимъ намѣстничествомъ; прокламація объясняла румынамъ, что они въ послѣднее время вынесли постыдную тиранію анархіи, неуваженіе къ законамъ, продажность чиновничества, растрату государственныхъ суммъ,—вѣроятно въ обвиненіяхъ была и правда, но винить въ томъ нельзя было одного господаря и его правительство; затѣмъ извѣщалось, что немедленно приступлено будетъ къ избранію новаго господаря изъ иностранныхъ принцевъ.

Такимъ образомъ, переворотъ совершился безъ дальнѣйшихъ потрясеній. Палаты подчинились перемѣнѣ безъ сопротивленія, и выборъ господаря палъ на графа Фландрскаго, младшаго брата бельгійскаго короля Леопольда II. Князь Александръ безъ противорѣчія подписалъ 25 свое отреченіе отъ престола и отрядъ солдатъ проводилъ его до границы; Порта, напротивъ, протестовала, основываясь на договорѣ, заключенномъ въ мартѣ 1856 года, по которому, на случай нарушенія внутренняго спокойствія княжествъ, покровительствующія державы обязуются возстановить порядокъ; въ то же время турецкія войска начали стягиваться къ Рущуку. Графъ Фландрскій отказался отъ предложенной ему чести; но временное правительство тотчасъ отыскало новаго кандидата изъ довольно знатнаго племени, а именно: двадцати-семилѣтняго, втораго сына князя Карла-Антона Гогенцоллернъ-Зигмарингенскаго и съ этимъ предложеніемъ обратилось къ румынскому народу, требуя общей подачи голосовъ. Въ очень пышной прокламаціи временное правительство рекомендовало народу, 14 апрѣля 1866 года, этого молодаго принца, какъ будущаго государя Карла I, какъ члена двухъ царствующихъ домовъ—католическаго прусскаго дома, потомка Фридриха Великаго и вдвойнѣ родственнаго Наполеону III, какъ принца, родственнаго дому Бонапарте, «давшаго міру двухъ Наполеоновъ, на которыхъ народы привыкли смотрѣть, какъ на полубоговъ; онъ сынъ князя Карла-Антона, главы либеральной націи въ мірѣ». Избраніе прошло при единогласномъ согласіи, и намѣстничество не преминуло тотчасъ провозгласить новаго господаря; два депутата немедленно отправились въ Берлинъ, чтобы предложить принцу престолъ придунайскихъ княжествъ. Предпріимчивый и отважный молодой человѣкъ, жаждавшій благородной дѣятельности, не побоялся взять на себя тяжесть предлагаемой короны и, можетъ быть, взялся за рѣше-

ніе неблагодарной и безполезной задачи. Портѣ выборъ этотъ былъ непріятенъ; она обратилась съ протестомъ къ конференціи державъ, собравшейся въ Парижѣ. Она объявила, что выборъ иностраннаго принца въ господари несогласенъ съ парижскимъ соглашеніемъ 1858 года. Но это на видъ было опаснѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Букарестская палата отправила посланіе къ собравшимся для конференціи, представителямъ могущественныхъ державъ; въ немъ она съ должнымъ почтеніемъ представляла высокому трибуналу, что во всякомъ случаѣ намѣрена твердо держаться однажды заявленнаго ею своего рѣшенія. Вновь избранный господарь доказалъ, что онъ именно такой, какого нужно: онъ безъ дальнихъ разсужденій и сборовъ, безъ свиты, 20 мая прибылъ въ румынскія области и два дня спустя уже въѣзжалъ въ Букарестъ. Онъ очень справедливо разсчитывалъ, что ничто не можетъ произвести болѣе пріятнаго впечатлѣнія на жителей, какъ быстрая и твердая рѣшимость и что въ Европѣ изъ-за того, что онъ сдѣлается господаремъ, никто не вздумаетъ начинать войны, да и сама Порта, въ виду совершившагося событія, которое ни на волосъ не измѣняло отношеній ея къ княжествамъ, примирится съ совершившимся фактомъ. Намѣстничество сложило свои обязанности, а 24 мая Карлъ I составилъ свое первое министерство, назначивъ Ласкара Катаргія предсѣдательствующимъ; дѣло было сдѣлано. Порта просила у европейскихъ державъ полномочія занять войсками княжества, тѣмъ болѣе, что на границахъ уже стояли полки наготовѣ; въ княжествахъ, съ другой стороны, дѣлались военныя приготовленія, набирались и снаряжались войска; но къ счастію, все обошлось безъ дальнѣйшаго столкновенія. Іюля 12 господарь Карлъ I принесъ присягу конституціи, между тѣмъ уже выработанной, а 24 октября лично отправился въ Константинополь и принялъ изъ рукъ султана фирманъ инвеституры. По фирману онъ обязывался признавать верховную власть султана такъ, какъ положено было, по старинным договорамъ и по соглашенію 1856 года; не держать больше 30,000 войска, чеканить новую монету только послѣ предварительнаго условія съ Портою, не учреждать новыхъ орденовъ и увеличить дань. Эта зависимость не была очень тягостна, и если такимъ мирнымъ образомъ распутались смуты, то можно было почесть это особенною благодатью, тѣмъ болѣе, что этимъ путемъ пріобрѣталась новая страна для европейскаго просвѣщенія и прогресса. У молодаго господаря былъ достаточно большой запасъ одушевленія къ новому дѣлу и, что еще важнѣе, большой запасъ терпѣнія и твердаго спокойствія, которыя такъ необходимы при ежедневныхъ столкновеніяхъ съ полуобразованными боярами и менѣе трудныхъ отношеніяхъ къ совершенно необразованному народу; въ этомъ народѣ, какъ и во всѣхъ полуцивилизованныхъ національхъ, господствуетъ болѣзненное честолюбіе: всѣ румыны окружающихъ странъ мечтаютъ объ учрежденіи одного большаго дако-румынскаго государства, носятся съ обширными планами, вмѣсто того, чтобы начать съ самаго ближайшаго образованія своихъ еще полудикихъ низшихъ классовъ, пріучить ихъ, хотя бы къ самымъ простымъ общепринятымъ въ Европѣ пріемамъ и привычкамъ цивилизованнаго народа.

Исторія Турціи въ другихъ своихъ фазисахъ развитія не представляетъ ничего новаго. Въ 1864 году произошелъ незначительный разладъ между Портой и Франціей; она хотѣла одна покончить споръ съ тунисскимъ беемъ, но Турція этого допускать не хотѣла и послала часть своего военнаго флота къ берегамъ Туниса. Съ Египтомъ отношенія оставались дружественныя, и даже султанъ показалъ свое расположеніе хедифу тѣмъ, что посѣтилъ его въ 1863 году въ Александріи. Затѣмъ все шло попрежнему: волненія въ Ливанскихъ горахъ продолжались, нескончаемыя пограничныя непріятности съ Черногоріей, старинная финансовая нужда, вслѣдствіе ея новые займы и, наконецъ, радикальное предложеніе конфисковать имущества мечетей, и т. д. Гораздо больше заботъ и непріятностей Турція видѣла въ возстаніи христіанскаго народонаселенія Кандіи и отъ того, какъ возрожденная Греція смотрѣла на это возстаніе.

3. Россія.

Въ Россіи мудрый императоръ твердо держался однажды принятой имъ политики: прежде всего заботиться о внутреннемъ устройствѣ своего обширнаго царства, а въ европейскія дѣла вмѣшиваться только на столько, на сколько это необходимо для такого великаго и могущественнаго государства какъ Россія. Поразительнымъ доказательствомъ этого воззрѣнія можетъ служить то, какъ онъ отнесся къ шлезвигъ-гольштейнскому вопросу; онъ, вопреки прежней политикѣ, отъ правъ, какія русскій императорскій домъ могъ бы предъявить на Гольштинію, отказался въ пользу великаго герцога Ольденбургскаго и русскій уполномоченный заявилъ объ этомъ рѣшеніи въ лондонской конференціи 2 іюля 1864 года.

Главная задача этого времени для Россіи заключалась въ томъ, чтобы привести въ порядокъ дѣла Польши и установить свои отношенія къ ней. На этотъ разъ за дѣло принялись энергически; не довольствовались полумѣрами. Здѣсь оставался одинъ исходъ; надобно было, во чтобы то ни стало, добромъ или силой, обрусить край; мѣры для этого были извѣстныя, указанныя самымъ ходомъ событій: надобно было поднять и органически устроить крестьянское сословіе, надобно было налечь на самоволіе дворянства и римско-католическаго духовенства; напротивъ всѣми средствами поддерживать греко-россійское и, гдѣ можно, было, протестантское и даже еврейское вѣроисповѣданія. Но обрусеніе края не могло быть одинаковое во всѣхъ частяхъ бывшаго польскаго королевства.

Для Волыни, Подоліи и Украйны достаточно было произвести ревизію польскимъ дворянскимъ граматамъ, что и было предписано въ январѣ 1865 года; по этой ревизіи всѣ самозванцы лишились правъ своихъ; затѣмъ предписано было все дѣлопроизводство, вмѣсто польскаго языка, вести на русскомъ; гдѣ между чиновниками замѣчалось неповиновеніе этому распоряженію, тамъ ихъ отставляли отъ мѣстъ. Обрусеніе Литвы производилось очень строго. Какъ мы говорили, Муравьевъ еще въ октябрѣ 1863-го года объявилъ, что возстаніе окончательно подавлено, и онъ съ тою же самою безпощадною энергіей принялся за преобразованіе края—имѣнія лицъ, неявившихся къ 15 ноября, назначенному имъ сроку, были конфискованы, повсюду учреждались народныя школы, въ которыхъ учились преимущественно русскому языку; въ 1864 году для дѣлопроизводства исключительно назначенъ былъ русскій языкъ; организація жандармскаго отряда строго распредѣлена и служба его опредѣлена; польскія типографіи и книжныя лавки закрыты; желающимъ облегченъ былъ переходъ изъ римско-католическаго вѣроисповѣданія въ греко-россійское и, наконецъ, установлено было праздновать день освобожденія Литвы отъ польскаго дворянства. По предписанію министра народнаго просвѣщенія полагалось, на будущее время, чтобы преподаваніе римско-католическаго закона Божія происходило на русскомъ языкѣ, затѣмъ, по указу, изданному въ томъ же 1865 году, лицамъ польскаго происхожденія запрещалось покупать земли и имѣнія въ западномъ краѣ Россіи, по очень основательной причинѣ, что надобно усилить число русскихъ землевладѣльцевъ въ этой части Россіи, для того, чтобы польскій элементъ, самъ по себѣ хотя незначительный, опять не взялъ перевѣса надъ массой народа. Эти и подобныя мѣры безспорно вели къ обрусенію Литвы.

Но этихъ мѣръ, само собою разумѣется, нельзя было примѣнить къ бывшему польскому королевству, потому что изъ 5 милліоновъ жителей его, занимающихъ 2,320 кв. миль, четыре милліона были чисто польскаго происхожденія и исповѣдывали римско-католическую вѣру; но все-таки дѣлалось что можно было, чтобы слить Польшу, на сколько возможно, съ Россіей. Несмотря, однакожь, на бдительность полиціи, въ январѣ 1864 года, все-таки появилось воззваніе отъ тайнаго польскаго правительства къ народу, въ которомъ ему предписывалось мужество и терпѣливое ожиданіе лучшаго времени. Между тѣмъ, умиротвореніе Польши шло своимъ порядкомъ: она раздѣлена была на девять военныхъ округовъ съ военнымъ начальникомъ въ каждомъ и все управленіе сосредоточивалось въ рукахъ генерала графа Берга, снабженнаго обширными правами; при такомъ устройствѣ тайное польское правительство потеряло свое значеніе и самое суще-

ствованіе. На римско-католическое духовенство наложена была пеня, но эта мѣра второстепенная; гораздо важнѣе было устройство сельскаго народонаселенія и организація его управленія, по тому образцу, какой введенъ былъ въ Россіи; сельская община или міръ, составленный изъ совершеннолѣтнихъ, изъ которыхъ каждый владѣетъ по крайней мѣрѣ 3 моргами земли, выбираетъ старшину, или войта, который долженъ имѣть не менѣе шести морговъ земли, и помощника ему; затѣмъ составляется общинный судъ, члены котораго собираются однажды въ недѣлю.

На всѣ высшія должности назначены были русскіе, на низшія — по возможности; но больше всего заботились о томъ, чтобы на желѣзныя дороги преимущественно опредѣляемы были русскіе, что крайне необходимо было для того, чтобы предупреждать безпорядки; гдѣ нельзя было помѣщать чисто-русскихъ, тамъ ихъ замѣняли, по крайней мѣрѣ, людьми, хорошо знающими по-русски. Полицейское постановленіе въ Варшавѣ предписывало, чтобы вывѣски писались на двухъ языкахъ: на польскомъ и на русскомъ и чтобы величина и размѣръ буквъ были одинаковые. Мало-по-малу начали являться всеподданнѣйшія депутаціи; прежде всего отъ крестьянъ; ихъ въ Петербургѣ встрѣтили привѣтливо: данъ былъ большой обѣдъ для депутатовъ, и самъ императоръ и цесаревичъ присутствовали на обѣдѣ; это было въ апрѣлѣ, а въ августѣ наконецъ въ руки правительства попались нѣкоторые члены тайнаго, центральнаго польскаго комитета; ихъ судили и наказали, какъ они того заслуживали. Очень внушительныя и сильныя мѣры предприняты были противъ католическаго духовенства, прочная, сплоченная организація котораго служила опорой для національнаго возстанія; въ ноябрѣ изданъ былъ указъ, закрывавшій тѣ римско-католическіе монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе, въ которыхъ было менѣе восьми монашествующихъ, и тѣ изъ нихъ, которые оказывали дѣятельную помощь инсургентамъ. Для этого дѣла назначена была спеціальная комиссія; по изслѣдованіямъ ея оказалось, что самымъ сильнымъ двигателемъ возстанія надобно было считать монастыри; вотъ почему, чтобы на будущее время предупредить зло, изъ 155 монастырей, находившихся въ Польшѣ, закрыто было 71; затѣмъ послѣдовалъ, въ декабрѣ 1865 года, еще болѣе дѣйствительный указъ, по которому управленіе всѣми недвижимыми имѣніями и всѣми капиталами, какъ монастырскими, такъ и принадлежащими римско-католическому духовенству, предоставлено было правительству, а духовенству назначалось постоянное жалованье; этотъ указъ принятъ былъ римскою куріей съ величайшею досадою; чтобы выразить свое негодованіе, папа въ очень недипломатической формѣ прервалъ, 9 февраля 1866 года, всѣ дипломатическія сношенія съ русскимъ правительствомъ. Въ маѣ 1865 года подписаны были послѣдніе приговоры виновнымъ въ возстаніи; мало-по-малу въ Польшѣ все успокоивалось и дворянство послало свою депутацію въ Петербургъ съ изъявленіемъ покорности и раскаянія; императоръ принялъ такую же, явившуюся къ нему, чтобы выразить свое соболѣзнованіе, по случаю кончины наслѣдника-цесаревича, послѣдовавшей въ Ниццѣ. Въ отвѣтъ на рѣчь депутаціи, императоръ посовѣтовалъ ей напомнить своимъ соотечественникамъ слова, сказанныя имъ при своемъ первомъ посѣщеніи Варшавы, въ 1856 году, чтобы они не мечтали. Мало-по-малу императоръ выказывалъ свою милость заблуждающимся и виновнымъ подданнымъ; въ іюлѣ опять дано было позволеніе писать донесенія по-русски и по-польски, а въ февралѣ 1866 года съ Польши снято было военное положеніе, и гражданскія правительственныя учрежденія опять вошли въ свою силу.

Примѣръ Польши показываетъ, какъ трудно слить и примирить два народа, если между ними нѣтъ общихъ религіозныхъ или гражданскихъ интересовъ. Такъ напримѣръ Эльзасъ долгое время не сливался съ Франціей и только со временъ революціи, когда установилось общее представительное правленіе, соединеніе это пошло гораздо успѣшнѣе. Такое соединеніе идетъ успѣшнѣе въ Германіи, нежели гдѣ бы то ни было, особенно это очевидно, если мы сравнимъ эпоху отъ 1848 года, или вѣрнѣе отъ 1866 года до настоящаго времени, съ эпохой отъ 1815—1848 года, то увидимъ, на сколько подвинулось сліяніе присоединенныхъ областей съ Пруссіей, благодаря дѣятельности прусской системы администраціи: подтвержденіе нашего мнѣнія мы находимъ въ примѣрѣ труднаго парламент-

скаго сліянія Англіи съ Ирландіей, гдѣ оно совершилось поздно, не вполнѣ и гдѣ сліянію мѣшало протестанское направленіе политики; тоже находимъ мы въ Австріи, гдѣ на этотъ путь соединенія разрозненныхъ и разнородныхъ элементовъ рѣшились тоже слишкомъ поздно. Въ Россіи не могло быть рѣчи о сліяніи, при такихъ же условіяхъ управленія, какъ въ упомянутыхъ странахъ. Но какъ бы то ни было, все-таки сдѣланы первые шаги для прочнаго присоединенія края и если дальнѣйшія распоряженія будутъ соотвѣтствовать естественнымъ потребностямъ развитія народа, на пути къ нравственному и матеріальному усовершенствованію, то можно надѣяться, что эти одноплеменные народы сольются и составятъ одно могущественное нераздѣльное цѣлое.

Такое спокойное и прогрессивное развитіе мы видимъ въ текущемъ періодѣ внутренней жизни Россіи. Спокойно и безъ потрясеній совершалось великое дѣло освобожденія крѣпостнаго сословія со всѣми его неизбѣжными слѣдствіями; въ концѣ 1863 года дѣло подвинулось на столько, что исполненіе встрѣчало препятствія только въ частныхъ примѣненіяхъ. Уѣздныя и губернскія учрежденія по новому уставу открывали обширное поприще для энергической дѣятельности народнаго и общественнаго развитія; вообще въ 1864 и слѣдующихъ за тѣмъ годы здѣсь сдѣлано много и начинается нора благодѣтельныхъ успѣховъ, какъ на поприщѣ гражданскаго развитія, такъ и въ воспитательномъ и образовательномъ отношеніи, открывается обширное поприще для исполнпской народной дѣятельности. Въ концѣ того же 1864 года начаты были другія, стольже благодѣтельныя реформы: новая организація судебная, измѣненіе уголовнаго законодательства: реформа гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, все преобразованія, о которыхъ хладнокровный наблюдатель, извѣстный англійскій историкъ Маколей говоритъ, что это благодѣянія, какія въ такое короткое время можетъ дать только мудрое самодержавное правительство и которыхъ никакое парламентское устройство не въ состояніи провести въ такой полнотѣ. Финансовые отчеты, доводимые теперь до общаго свѣдѣнія, представляютъ съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе благодѣтельные результаты. Полицейская и цензурная строгость, вызванная преступнымъ покушеніемъ на жизнь благодѣтельнаго Освободителя, къ счастію Россіи неудачнымъ, продолжалась не долго. Въ Остзейскихъ провинціяхъ и Финляндіи жизнь продолжала мѣрно развиваться безъ большихъ перемѣнъ.

С. ГОСУДАРСТВА РОМАНСКИХЪ НАРОДОВЪ.

Исторія славянскихъ народовъ, насколько они принадлежатъ къ греческому вѣроисповѣданію, имѣетъ въ себѣ то великое преимущество, что въ ней славянскіе народы являются, какъ нѣчто цѣлое, тогда какъ по своему внутреннему развитію большая часть западной Европы, въ теченіе трехъ послѣднихъ столѣтій, раздирается до сихъ поръ несглаживающимся контрастомъ между послѣдователями римско-католическаго и протестантскаго вѣроисповѣданія; но въ новѣйшее время контрастъ этотъ рѣдко обнаруживается въ чистой формѣ, по большей части онъ является въ смѣси съ другими стремленіями и никогда почти не сохраняетъ своего чисто-религіознаго характера; онъ проникаетъ въ политику, въ науку, въ искусство, во внѣшнюю и внутреннюю, въ политическую и частную жизнь, налагаетъ на все свою печать и обусловливаетъ противоположность новѣйшаго времени также, какъ въ древней исторіи развитіе эллиновъ рѣзко отличало ихъ отъ всѣхъ остальныхъ народовъ и какъ въ средней исторіи контрастъ между язычествомъ и христіанствомъ положилъ свой отпечатокъ на все средневѣковое развитіе. Припомнимъ, что въ 1859 году еще до начала австрійско-итальянско-французской войны въ Германіи, да и въ Европѣ вообще, толковали о великой міровой народной войнѣ между романскими и германскими народами. Между тѣмъ ходъ событій пошелъ не такъ, какъ воображали, и вовсе не такъ просто: характеръ и стремленія романскихъ и германскихъ народовъ, католиковъ и протестантовъ оказались всеобъемлющими началами, которыя обнаруживали свое вліяніе не столько въ цѣломъ политическомъ движеніи государствъ, сколько внутри ихъ, въ ихъ отдѣльной жизни. Замѣчательно, что въ минуту политической борьбы послѣднихъ годовъ, религіозное начало, игравшее такое долгое время въ государственныхъ отношеніяхъ подчиненную роль, вдругъ могущественно возстало и вновь пріобрѣло неотразимую нравственную силу. Этого нельзя упускать изъ вида, ни при изученіи исторіи новѣйшихъ временъ, ни при запутанныхъ отношеніяхъ, начавшихся въ 1863 году и коснувшихся романскихъ государствъ — Италіи и преимущественно Франціи посредственно и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи только случайно народовъ Пиринейскаго полуострова.

1. Италія и Португалія.

Исторія Португаліи, касательно ея связи съ общественною жизнію и народнымъ движеніемъ всей остальной Европы, въ годы отъ 1863 до 1866, не представляетъ ничего достойнаго замѣчанія; эти годы походятъ на свитокъ бумаги, ничѣмъ не исписанный, но отъ этого внутреннее спокойствіе страны не пострадало. Журналы говорили съ важностью о несогласіяхъ между португальскимъ правительствомъ и папой, окончившіяся тѣмъ, что посланникъ португальскій былъ отозванъ изъ Рима и возвратился туда только два года спустя; кромѣ того га-

зеты наполнялись описаніями открытій и закрытій сессій кортесовъ, выборовъ, успокоительными извѣстіями о состояніи финансовъ, измѣненіями въ министерствахъ, или отмѣною одного и возобновленіемъ другаго. Здѣсь считалось чѣмъ-то очень важнымъ, что при рожденіи королевскаго принца, въ августѣ 1865 г., былъ поднятъ великій государственный вопросъ, по тому случаю, что папскій нунцій не позволялъ отцу молодой королевы, королю Виктору Эмануилу, находившемуся почти внѣ правъ церкви, т. е. какъ отлученному отъ церкви, быть воспреемникомъ маленькаго принца при крещеніи; королевскій принцъ семь недѣль оставался изъ-за этого безъ крещенія, и только императоръ Наполеонъ вывелъ всѣхъ изъ затрудненія тѣмъ, что былъ воспреемникомъ португальскаго наслѣднаго принца.

Въ Испаніи, приготовлялся большой переворотъ, но онъ почти вовсе не коснулся Португаліи. Здѣсь очень тихо и мирно окончился 1863 годъ; отвѣтный адресъ на тронную рѣчь составленъ былъ въ духѣ министерскомъ, и принятъ былъ значительнымъ большинствомъ голосовъ. Но къ началу марта 1864 года, уже два министерства были смѣнены и выбиралось третье; около середины сентября, Нарваэцъ уже составлялъ четвертое министерство, распустилъ кортесы и при новыхъ выборахъ получилъ большинство голосовъ, въ чемъ, впрочемъ, въ Испаніи никогда не бывало недостатка для лицъ, находящихся во главѣ управленія. Вниманіе всего народа было обращено на иностранную политику, преимущественно умы были заняты американскими дѣлами. Но возможность вновь утвердить владычество Испаніи надъ Санъ-Домингo только мелькнула, и радость по случаю этого пріобрѣтенія была коротка: въ началѣ 1865 года правительство уже предложило отказаться отъ господства надъостровомъ, потому что все народонаселеніе не желало присоединенія къ Испаніи; кортесы одобрили это рѣшеніе; въ исполненіе оно было приведено черезъ нѣсколько времени. Неудовольствія съ Перу, вслѣдствіе которыхъ заняты были острова Чинга, окончились въ февралѣ 1865 года, но за то очень серьезное неудовольствіе произошло съ республикой Чили: испанскій посланникъ выставилъ до двѣнадцати обвинительныхъ пунктовъ въ томъ, какъ чилійское правительство относилось къ испанскому, во время столкновенія съ Перу. Переговоры длились и не пришли ни къ какому заключенію; 17 сентября явился испанскій адмиралъ Парейа въ гавани Вальпарайзо, требовалъ, кромѣ удовлетворительнаго объясненія на одиннадцать обвинительныхъ пунктовъ, еще чтобы городъ отсалютовалъ испанскому флагу 21 выстрѣломъ; сроку на размышленіе давалось четыре дня, а 22 сент. уже давалось не больше сутокъ; напрасно консулы другихъ державъ протестовали противъ такого дерзкаго нападенія, представляя, что ему не предшествовала ни малѣйшая попытка примирить и сгладить неудовольствія; 24 числа испанцы объявили чилійскіе берега и гавани въ блокадномъ положеніи, на что чилійская республика могла отвѣчать только объявленіемъ войны. Въ декабрѣ Перу присоединилась къ Чили, а въ январѣ 1866 года также и Экуадоръ; испанскій флотъ сосредоточился передъ Вальпарайзо; 31 онъ обстрѣливалъ беззащитный торговый городъ и затѣмъ поплылъ къ перуанскимъ берегамъ.

Между тѣмъ внутреннія отношенія—но не народъ, который мало или вовсе не занимался политикой—тоже колебались; правительство, по обыкновенію, отъ одной крайности переходило въ другую. 19 іюня 1865 г. Нарваэцъ былъ уволенъ и образовалось прогрессивное министерство подъ предсѣдательствомъ маршала О'Доннеля. Оно на половину уменьшило цензъ при выборахъ въ кортесы; опять началась продажа церковныхъ имуществъ, а приближенные королевы, духовникъ ея Кларетъ и монахиня Патрочинія принуждены были удалиться; министерство прогрессистовъ признало королевство Итальянское, что вызвало протестъ со стороны всѣхъ испанскихъ епископовъ и заставило Австрію выразить свое крайнее сожалѣніе. Но министерство О'Доннеля все-таки не могло удовлетворить потребностямъ прогрессистовъ и демократовъ, которые требовали для всѣхъ безразлично права голоса и окончательнаго отдѣленія правительства отъ церкви. Въ началѣ 1866 года, вслѣдствіе этого неудовольствія, генералъ Примъ открыто возсталъ во имя программы, составленной прогресивнымъ центральнымъ комитетомъ въ Мадридѣ, по которой, между прочимъ, опять требовались конституціонныя хартіи. Возстаніе на этотъ разъ было неудачно: Примъ 20 апрѣля принужденъ былъ съ своими приверженцами удалиться на португальскую территорію и сложить

тамъ оружіе, а 11 іюня Нарваэцу опять дано было порученіе составить реакціонное министерство. Это было послѣднее министерство, которому поручено было вести дѣла отъ имени королевы Изабеллы.

2. Франція.

Императоръ Наполеонъ, уже въ теченіе 15 лѣтъ управлявшій Франціей, достигъ самой высокой точки какъ своего могущества внутри государства, такъ и своего вліянія на европейскія дѣла. Мы увидимъ, что мексиканская экспедиція была для него такимъ же роковымъ предпріятіемъ, какимъ для Наполеона I была его попытка покорить Испанію. Попытка посредствомъ европейскаго конгресса, собраннаго въ Парижѣ, распутать запутанные европейскіе вопросы, втайнѣ клонилась къ тому, чтобы возстановить и упрочить авторитетъ Франціи и дать ей, или дѣйствительное, или мнимое значеніе судьи-примирителя. 5 ноября 1863 года разосланы были всѣмъ европейскимъ державамъ приглашенія на конгресъ. Они были написаны съ большимъ достоинствомъ и тактомъ: Наполеонъ ссылался на то, что онъ, воспитанный въ школѣ несчастія и призванный провидѣніемъ и волей французскаго народа на престолъ, менѣе чѣмъ кто бы то ни было имѣетъ право не признавать справедливыхъ требованій и правъ народовъ и ихъ государей; поэтому онъ смотритъ на себя, какъ на естественнаго посредника между этими вопросами и контрастами, волнующими міръ; предполагаемый же конгресъ можетъ послужить залогомъ его миролюбивыхъ чувствъ и намѣреній, тѣмъ болѣе «что я именно тотъ государь, которому приписываютъ самые честолюбивые замыслы и планы.» Проектъ, имъ придуманный, былъ чисто мечтательный; посредствомъ него не разрѣшался ни одинъ изъ европейскихъ вопросовъ и, можетъ быть, онъ по этому самому нравился императору: онъ избавлялъ его отъ горькой необходимости немедленно дѣйствовать, и предоставлялъ ему обширное поле для различныхъ политическихъ комбинацій, столь свойственныхъ его изобрѣтательному и подвижному уму. Мы уже видѣли, что планъ этого конгреса былъ опрокинутъ простымъ отказомъ со стороны Англіи, иэтотъ простой ничѣмъ не прикрашенный отказъ освободилъ остальныя европейскія государства отъ затруднительной необходимости пріискивать способы, какъ бы отдѣлаться отъ приглашенія. Простой и прямой дипломатическій отвѣтъ англійскихъ государственныхъ людей очень вѣрно и мѣтко указывалъ на то, что конгресъ возможенъ и ведетъ ко всеобщему примиренію только въ такомъ случаѣ, когда продолжительная война подготовила народы къ миролюбивымъ чувствамъ и когда военныя тягости для нихъ обременительны. Такимъ образомъ идея конгреса была убита въ самомъ началѣ и французская депеша отъ 8 дек., предлагавшая вмѣсто неудавшагося конгресса, рѣшить спорные вопросы черезъ съѣздъ всѣхъ министровъ для конференціи, тоже ни къ чему не повела и была разослана только съ цѣлью облегчить для императора возможность съ честью выйти изъ затронутаго вопроса. Къ тому же, ходъ событій показалъ, что шлезвигъ-гольштейнскаго вопроса нѣтъ никакой возможности рѣшить совѣщаніями и словами.

Вопреки всѣмъ ожиданіямъ, Наполеонъ въ этомъ вопросѣ держался политики совершенно противоположной англійской, чѣмъ онъ привлекъ сочувствіе большей части Германіи. Въ то время, когда Австрія и Пруссія еще крѣпко держались лондонскаго протокола, министръ иностранныхъ дѣлъ Франціи въ депешѣ, разосланной нѣмецкимъ второстепеннымъ и мелкимъ государствамъ, объявлялъ, что этотъ актъ не имѣетъ обязательной силы, и при этомъ мнѣніи французское правительство осталось и впослѣдствіи, а слѣдовательно согласовалось съ настроеніемъ большинства въ Германіи и благопріятствовало аугустенбургскимъ цѣлямъ. Онъ потребовалъ, чтобы къ конференціи, предложенной Англіей, присоединенъ былъ уполномоченный представитель отъ германскаго союза (въ февралѣ); въ мартѣ новая депеша министра заявила, что Франція въ этомъ дѣлѣ не можетъ слѣдовать своей традиціонной симпатіи къ Даніи, но принуждена обращать вниманіе на потребности и желанія народа; далѣе указывалъ, какъ на вѣрный способъ,

посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, узнать и убѣдиться въ настоящемъ желаніи народа; это, по его мнѣнію, самый простой и вѣрный способъ для разрѣшенія вопроса, взволновавшаго всю Европу. Итакъ, отъ дѣятельной помощи Даніи Франція отказалась, хотя Англія неоднократно указывала на необходимость этой мѣры: Франція отказалась подъ тѣмъ предлогомъ, что Англія, навѣрное, не имѣетъ намѣренія сама принять дѣятельнаго участія въ войнѣ и что «великія правительственныя корпораціи» Франціи, когда отъ нихъ потребуются необходимыя для военныхъ издержекъ суммы, неминуемо сдѣлаютъ вопросъ: изъ-за какихъ выгодъ и для какой пользы польется французская кровь? Послѣдняя примирительная попытка со стороны Франціи заключалась въ томъ, что императоръ отъ 23 іюля послалъ въ Вѣну и въ Берлинъ ноту, приглашавшую оба государства оказывать снисхожденіе Даніи и поступать съ нею умѣренно. Датскій посланникъ въ Парижѣ въ это время прислалъ своему министерству очень неутѣшительное извѣстіе о томъ, что французскій министръ иностранныхъ дѣлъ отнялъ у него всякую надежду на помощь, и что Франція не будетъ даже противиться присоединенію Шлезвига къ германскому союзу. Надобно замѣтить, что ходъ дѣлъ не былъ таковъ, какого желало и предвидѣло французское правительство. Предложенное палатѣ обозрѣніе политическихъ отношеній Франціи къ иностраннымъ державамъ, въ февралѣ 1865 г., было только довольно неяснымъ введеніемъ къ той системѣ, по которой правительство рѣшило доводить до общаго свѣдѣнія только то изъ своихъ тайныхъ политическихъ сношеній, что х о ч е т ъ; это обозрѣніе сознавалось въ томъ, что разрѣшеніе вопроса датскаго несогласно съ желаніями, высказанными Франціей, а гастейнская конвенція послужила поводомъ для очень живой и энергической ноты, отъ 29 августа 1865 года, похожей на ноту англійскаго правительства; но этимъ дѣло еще не было окончено. Изъ сравнительно незначительнаго шлезвигъ-гольштейскаго вопроса постепенно развивался яснѣе и яснѣе великій общегерманскій вопросъ, которому Наполеонъ не мѣшалъ развиваться и вообще остерегался торопить его. Манера, съ какою онъ держался относительно датскаго вопроса, нравилась и онъ заслужилъ общую похвалу отъ нѣмцевъ. Недовѣрчивость, съ какою на него не переставали смотрѣть въ Германіи, нѣсколько смягчилась и уступила мѣсто ненависти къ энергической прусской политикѣ. Какъ очень расчетливый человѣкъ, Наполеонъ думалъ: чѣмъ позже онъ вмѣшается въ дѣло, чѣмъ сильнѣе будетъ столкновеніе, тѣмъ больше выгоды можно будетъ извлечь для Франціи, но онъ не могъ придвидѣть на сколько ошибоченъ будетъ разсчетъ его.

Впрочемъ, умѣренный образъ мыслей Наполеона былъ не совсѣмъ добровольный; мексиканское предпріятіе принимало оборотъ не совсѣмъ выгодный для зачинщика: не только дѣла и н о с т р а н н о й п о л и т и к и, но и в н у т р е н н і я требовали очень искуснаго и осмотрительнаго руководства, потому что во Франціи положеніе правительства становилось очень сомнительнымъ.

Законодательная палата, собравшаяся въ ноябрѣ 1863 года, предложила правительству задачи несравненно важнѣе, чѣмъ прежде. Такой противникъ, какъ Тьеръ, могъ заставить задуматься любаго оратора и любаго государственнаго человѣка. Это высказалось при преніяхъ новаго займа въ 300 милліоновъ франковъ, которыхъ требовалъ Фульдъ; хотя заемъ состоялся при значительномъ большинствѣ 229 голосовъ изъ 256 подававшихъ голосъ, но все-таки Тьеръ опять обнаружилъ силу своего дарованія. Отчетъ комиссіи, составленный по случаю добавочныхъ суммъ, требовавшихся на 1863 годъ, очень внушительно представлялъ необходимость въ точной экономіи, въ бережливости, и требовалъ скорѣйшаго прекращенія американской экспедиціи. Тѣ же самыя воззрѣнія неоднократно выразились во время продолжительныхъ преній изъ-за отвѣтнаго адреса (отъ 11 до 29 января), послѣ каждаго пункта проекта отвѣтнаго адреса, оппозиція предлагала проекты усовершенствованія, или просто преобразованія; хотя эти дополненія не нашли сильной поддержки въ палатѣ, но, во всякомъ случаѣ, въ нихъ не было недостатка въ точности и ясности. И здѣсь опять-таки голосъ Тьера былъ самый внушительный и самый сильный, потому что онъ свои глубоко обдуманныя рѣшенія облекалъ въ привлекательныя формы, пріобрѣтенныя въ школѣ старинаго парламентскаго краснорѣчія: «если намъ будетъ дана необходимая свобода, говорилъ онъ, то я, что до меня касается, съ охотою стану въ ряды покорныхъ и

довольныхъ своею судьбою гражданъ имперіи.» «Пусть не подумаютъ, сказалъ онъ, что я говорю языкомъ дерзкихъ требованій, нѣтъ, я знаю, надобно почтительно просить, если хочешь получить что нибудь. Но не худо имѣть въ виду этотъ пробуждающійся народъ — теперь согласный, чтобы желанія его были представлены въ почтительномъ тонѣ; можетъ быть онъ встрепенется, и когда-нибудь рѣшительно начнетъ требовать своего.» Это былъ голосъ человѣка, который могъ заставить призадуматься даже императора; его особенно досадовало то, что подъ мягкою рѣчью чувствовалось остріе скрытой подъ нею стали; говорилъ такъ человѣкъ, котораго нельзя было подкупить ни деньгами, ни почестями, ни званіемъ, ни орденами; Наполеонъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы раздраженнымъ тономъ заговорить о людяхъ, «которые тотчасъ послѣ того, какъ спаслись отъ кораблекрушенія, опять призываютъ къ себѣ на помощь вѣтеръ и бурю.» Но эти замѣчанія не произвели ни малѣйшаго впечатлѣнія на человѣка, не нуждавшагося во вниманіи и милости императора, который былъ вполнѣ увѣренъ встрѣтить сочувствіе и рукоплесканія въ самыхъ нерасположенныхъ и даже враждебныхъ ему французскихъ слушателяхъ. При каждомъ случаѣ, неудобный для правительства Тьеръ не упускалъ случая высказывать свой образъ мыслей; онъ говорилъ и по вопросу объ офиціальномъ кандиданствѣ и при исправленіи (amendement) мексиканскихъ дѣлъ экспедиціи; всегда его слово служило точкою опоры и отправленія для оппозиціи; но не смотря на всѣ усилія, оппозиція могла насчитывать при своихъ исправительныхъ предложеніяхъ только 44, 50, 35 и 47 голосовъ, а при дополнительныхъ избраніяхъ въ законодательную палату оппозиція тоже имѣла нѣкоторый успѣхъ. Пренія по поводу адреса окончились; онъ былъ принятъ огромнымъ большинствомъ 234 голосовъ противъ 12, и успѣхъ займа далеко превзошелъ всѣ ожиданія. Подписная сумма была такъ велика, что одни проценты съ нея могли бы покрыть весь капиталъ займа, какого требовало правительство, и потому отвѣтъ императора на адресъ былъ исполненъ спокойной увѣренности. Точно также и бюджетъ на 1864 годъ былъ принятъ безъ большихъ затрудненій; даже и Тьеръ, при своемъ умѣ и патріотизмѣ, избѣгавшій систематической оппозиціи, подалъ голосъ за бюджетъ; при законѣ на счетъ правъ союзовъ рабочихъ, на сторону правительства со стороны оппозиціи перешли нѣсколько значительныхъ членовъ: Оливье и Даримонъ. Мая 28 сессіи палатъ были закрыты.

Теперь правительство считало себя достаточно сильнымъ, чтобы съ значительною энергіею дѣйствовать въ вопросѣ противъ нарушенія законовъ о собраніяхъ, поднятаго по случаю послѣднихъ выборовъ; въ приходскіе совѣты департаментовъ на этотъ разъ выборы выпали вполнѣ въ духѣ правительственной системы.

Послѣ закрытія сессій палатъ, вопросы церкви болѣе всего привлекли на себя вниманіе правительства и народа, особенно тѣ изъ нихъ, которые въ одно и тоже время касались и итальянскихъ дѣлъ. Немаловажнымъ симптомомъ разростающагося клерикальнаго вліянія можетъ послужить то, что папскимъ бреве введена была римская литургія вмѣсто гальской въ Ліонское архіепископство; для людей, непосвященныхъ во всѣ тонкости, богословская разница была сама по себѣ очень незначительная, такъ что, когда правительство не позволило публиковать папскаго бреве, тогда архіепископъ Бональдъ очень ловко, если не по формѣ, то по дѣлу ввелъ и обнародовалъ это постановленіе. Въ это время клерикальная партія могла похвалиться желаннымъ успѣхомъ: извѣстный оріенталистъ и ученый изыскатель Эрнестъ Ренанъ, лишенъ былъ своей каѳедры въ Collège de France. Но по истинѣ лучшей участи нельзя было пожелать сочинителю «жизни Іисуса Христа», какъ этой легкой неудачи; его вліяніе на общество клерикальная партія старалась парализировать публичными молитвами и процессіями; напрасныя заботы: можетъ-ли повредить совершившемуся міровому, великому событію, какая-нибудь научная проблема, изложенная для фельетона, или сочиненіе, написанное популярно; надобно замѣтить, что въ исключительно католическихъ городахъ, какъ Парижъ, или Вѣна, сочиненія Ренана нашли гораздо больше почитателей и сочувствія, нежели въ протестантскихъ кружкахъ, гдѣ уже давно привыкли гораздо глубже и серьезнѣе вдумываться въ этотъ предметъ и читать сочиненія гораздо полновѣснѣе этого. Это обстоятельство,

также какъ и многократныя дружественныя отношенія, въ какія императоръ входилъ съ семействомъ испанской королевы, должны были понравиться папскому престолу и его приверженцамъ во Франціи и заставить ихъ примириться съ уступкою, которую императоръ, въ сентябрѣ того же года, согласился сдѣлать итальянскому королевству: въ силу конвенціи, о значеніи которой будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, при разсмотрѣніи итальянскихъ дѣлъ, онъ согласился на удаленіе французскаго оккупаціоннаго корпуса изъ Рима. Папа, съ своей стороны, не дѣлалъ никакихъ возраженій, но въ концѣ того же года онъ пустилъ одну изъ своихъ громовыхъ стрѣлъ, давая этимъ безспорное доказательство, что пора бы позаботиться о томъ, чтобы у него, по крайней мѣрѣ, отнята была возможность по произволу распоряжаться судьбою мыслящихъ и чувствующихъ людей: энцикликой отъ 22 декабря и циркуляромъ, разосланнымъ всѣмъ епископамъ католическаго міра, сообщалось подробное исчисленіе отвергнутыхъ и проклятыхъ папою главнѣйшихъ лжеученій новѣйшаго времени; это было собрано въ такъ называемомъ силлабусѣ. Въ это исчисленіе, значеніе котораго во всей силѣ обнаружилось только нѣсколько лѣтъ позже, вошли основныя постановленія французской имперіи, напримѣръ: гражданскій бракъ, равно какъ и все церковное право католической церкви въ области французскаго государственнаго устройства, несогласное съ римскимъ воззрѣніемъ и потому отвергаемое папой; поэтому министръ юстиціи, въ циркулярѣ ко всѣмъ французскимъ епископамъ, предписывалъ не обнародывать силлабуса. Большая часть епископовъ удовольствовалась, въ открытомъ посланіи министру, протестомъ противъ этого запрещенія; нѣкоторые, напротивъ, съ каѳедры объявили папскій эдиктъ, не взирая на запрещеніе. За злоупотребленія должностью ихъ потребовали къ отвѣту передъ государственнымъ судилищемъ, а папскій нунцій, напротивъ, осыпалъ ихъ похвалами за выказанное имъ мужество; но французское правительство жаловалось папѣ за такой недостойный способъ дѣйствія нунція, вслѣдствіе чего онъ принужденъ былъ извиниться.

Февраля 15 императоръ открылъ сессіи законодательнаго корпуса. Въ тронной рѣчи онъ объявилъ, что конецъ всѣхъ иностранныхъ экспедицій приближается; о Мексикѣ говорилось, что тронъ укрѣпляется и страна успокоивается: «мы приготовляемся закрыть двери храма войны и съ гордостью напишемъ на новой тріумфальной аркѣ: во славу французской арміи и въ память побѣдъ въ Европѣ, Азіи, Африкѣ и Америкѣ»; о побѣдахъ африканскихъ надобно было говорить потому, что въ Алжирѣ было возстаніе и его пришлось укрощать силою оружія. Въ рѣчи императора затѣмъ упоминалось о мирныхъ пріобрѣтеніяхъ и о полезныхъ реформахъ; на дѣлахъ церкви онъ остановился коротко: «намъ необходимо допустить свободу жизни и мнѣній въ общинѣ и въ департаментѣ», но въ тоже время замѣчалъ, что необходимо поддержать основныя черты законодательства и держаться ихъ съ должною твердостью и постоянствомъ. Такъ какъ при преніяхъ по случаю адреса затронуты были вопросы церкви, то на нихъ обращено было всеобщее вниманіе. Съ необыкновенною самоувѣренностью архіепископъ руанскій, кардиналъ Богеншэзъ, утверждалъ и доказывалъ, что силлабусъ вовсе не противорѣчитъ постановленіямъ 1789 года, что онъ не касается свободы совѣсти, что папская власть вообще никогда не имѣла обыкновенія преслѣдовать диссидентовъ; почти также смѣло утверждалъ министръ Руэ, что всѣ вопросы религіозные, волнующіе міръ, непремѣнно окончатся всеобщимъ примиреніемъ. Во время преній по случаю отвѣтнаго адреса, въ законодательномъ корпусѣ повторилось то же самое, что было въ предъидущемъ году. Оппозиція опять предлагала свои измѣненія и поправки и рѣчи ея были исполнены силы и огня; даже коснулись основныхъ началъ настоящаго правительства, не упустили случая во время жаркихъ преній поднять полузабытыя частности переворота 2 декабря. «2 декабря заклеймено преступленіемъ», воскликнулъ Пикаръ. Пренія были очень жаркія; въ нихъ касались всего, и можетъ быть потому, что всего касались, обо всемъ спорили, они и остались вполнѣ безплодны; говорилось о положеніи Парижа, о финансовой системѣ префекта департамента Сены—Гаусманна, объ экспедиціяхъ внѣ европейскихъ, объ администраціи Алжира, и т. д. Упоминая о мексиканской экспедиціи, Руэ долженъ былъ при-

звать къ себѣ на помощь самую дерзкую ложь; когда же дѣло дошло до итальянской политики, оказалось, что на правительство напали со всѣхъ сторонъ: Тьеръ возсталъ противъ единства Италіи и горячо защищалъ свѣтскую власть папы; говоря о единствѣ Италіи, онъ предсказывалъ, что, если оно состоится, то неминуемо поведетъ за собою единство Германіи, еще болѣе ненавистное. Но все, что дѣлалось, было больше для виду, нежели для истинной пользы страны; потребность въ реформахъ была очевидна, но правительство ихъ ея не добивалось; это доказывается тѣмъ, какъ оно относилось къ народному образованію и децентрализаціи администраціи; народное образованіе, а именно обязательное обученіе, было ненавистно для клерикальной партіи, лучшимъ союзникомъ которой во всѣ времена было невѣжество, и потому она всѣми силами противодѣйствовала ему; общій предразсудокъ противъ обязательнаго обученія былъ такъ великъ, что даже въ законодательномъ собраніи обязательное посѣщеніе народныхъ школъ было отвергнуто большинствомъ 233 голосовъ противъ 16; итакъ, большинство не хотѣло соглашаться въ томъ, что первоначальное обученіе должно быть предписано, какъ обязанность, отъ которой никто ни подъ какимъ предлогомъ не освобождался. Никто не хотѣлъ понять, что безплатное элементарное обученіе приноситъ громадную пользу не только отдѣльнымъ сословіямъ, но и цѣлому государству; правительство, естественный оплотъ и покровитель безпомощныхъ, должно принуждать родителей посылать дѣтей въ школу и тѣмъ давать имъ возможность подготовиться къ дальнѣйшему развитію: но этихъ простыхъ вещей не понимали, или не хотѣли понимать эти главы псевдо-демократическихъ учрежденій, которыя принцъ Наполеонъ называлъ «организованной демократіей»; также мало, какъ народное образованіе, занимало правительство и стремленіе къ децентрализаціи администраціи; оно не заботилось о свободномъ развитіи общественной жизни въ департаментахъ и приходахъ. При всемъ томъ императоръ все это сознавалъ, но у него не доставало творческой дѣятельности, необходимой для приведенія въ исполненіе того, что онъ считалъ потребностью народа, той внутренней энергіи, которая поставила бы его на почетное мѣсто въ исторіи своего народа. Реформы ограничились только матеріальными усовершенствованіями; въ обширномъ размѣрѣ производились общественныя постройки, на которыя отпущено было 360 милліоновъ, распредѣленные на шестилѣтній срокъ; заключены были торговые договоры и т. п. Большинствомъ 249 голосовъ противъ 15 былъ принятъ адресъ, на который императоръ отвѣчалъ общими мѣстами.

Неравная борьба возобновилась по поводу бюджета: правительство потребовало новаго займа въ 250 милліоновъ для построекъ въ Парижѣ, городѣ, который, сказать мимоходомъ, не пользовался избираемымъ представительствомъ. Въ отвѣтъ на это Тьеръ, обладавшій несравненнымъ искусствомъ излагать свое мнѣніе ясно, опредѣленно и убѣдительно и имѣвшій обширный запасъ знанія въ финансахъ, въ хорошо обдуманной и подготовленной рѣчи подвергнулъ всю финансовую систему очень строгому разбору: и обыкновенный, и чрезвычайный, и бюджетъ исправленный (budget rectificatif), всѣ извѣстныя издержки и частію извѣстные доходы,—все прошло черезъ строгую критику; вышло, что на 1,900 милліон. дохода—2,230 милліоновъ расходовъ; если дѣла пойдутъ такимъ порядкомъ дальше, то, говорилъ онъ, они доведутъ до неминуемаго банкротства; этому суждено было исполниться въ худшемъ смыслѣ, нежели Тьеръ могъ предвидѣть. Палата выслушала рѣчь Тьера, пренія и согласилась на то, чего отъ нея тебовалось, именно заемъ на постройки въ Парижѣ былъ утвержденъ и еще другой въ 100 милліон. франковъ для Алжира,—тоже допущенъ; императоръ лично отправлялся въ Алжиръ въ маѣ, и самъ убѣдился въ нуждахъ колоніи; впрочемъ, пользы отъ этого путешествія для Алжира никакой не вышло, потому что тутъ, между прочимъ, у императора была иная, личная цѣль: онъ хотѣлъ испытать способности императрицы Евгеніи, какъ регентши; цѣль. казалось, хорошая; особенно въ виду непрочнаго здоровья императора и постепенно усиливающагося вліянія императрицы. Іюля 4 сессіи были закрыты безъ того, чтобы вопросъ о народномъ образованіи и о децентрализаціи подвинулся хотя бы на шагъ впередъ; но то и другое сдѣлалось предметомъ обсужденія для печати, и сколько ни было независимыхъ общественныхъ кружковъ, вездѣ говорилось объ этомъ и придумывалось, какія мѣры надобно принять, чтобы

довести дѣло до конца; въ Нанси съ этою цѣлью образовался комитетъ; извѣстное количество генеральныхъ совѣтниковъ, пользуясь предоставленною имъ властью, начали самостоятельно стремиться къ этой цѣли. Такимъ образомъ, мы видимъ проблески оппозиціи; если бы нашлось побольше истиннаго мужества и побольше благородной дѣятельности, то эта оппозиція могла бы окрѣпнуть и сдѣлаться или опасной, или благотворной для жизни народа и государства; но въ этомъ движеніи не было ни потребной силы, ни убѣжденія, а цѣль оппозиціи заключалась частью въ томъ, чтобы раздражать правительство, вмѣсто того, чтобы дѣлать демонстраціи въ пользу праваго дѣла или спокойно работать за него съ самоотверженіемъ и осмотрительностію.

Много шумѣли, но мало толку вышло отъ экономіи въ 12½ милліоновъ фр., которой достигли уменьшеніемъ постояннаго войска въ 10,000 съ чѣмъ-то человѣкъ; при открытіи новыхъ сессій въ 1866 году, имперія опять выставила всѣ свои неисправныя немощи. Мало-по-малу привыкли къ однообразію тронныхъ рѣчей, которыя сперва поражали своею свеобразностью и оригинальностію, но теперь, при постоянныхъ повтореніяхъ, въ нихъ уже не было ничего новаго. Несмотря на печальное положеніе дѣлъ, въ рѣчи императора высказывалось самодовольствіе; въ ней не было недостатка въ напыщенныхъ преувеличеніяхъ и въ фразахъ, исполненныхъ доктринерства; въ дѣлахъ внѣшней политики Наполеонъ находилъ, «что миръ обезпеченъ, потому что всѣ стараются разрѣшать вопросы мирнымъ путемъ соглашенія»; внутри государства императоръ тоже повсюду видѣлъ спокойствіе и благосостояніе, однакожъ нашелъ необходимымъ говорить очень горячо и распространенно противъ умовъ неспокойныхъ, которые подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы содѣйствовать свободному развитію правительственныхъ учрежденій, въ сущности только стѣсняютъ его дѣйствія и мѣшаютъ ему; онъ прибавилъ ко всему этому цѣлый трактатъ о превосходствѣ законодательства 1852 года; тайный смыслъ этой длинной рѣчи заключался въ томъ, чтобы французскій народъ не тѣшилъ себя мечтами о расширеніи политической свободы. Сенатъ, эта недостойная и продажная корпорація, вполнѣ былъ согласенъ съ воззрѣніемъ Наполеона; въ своемъ отвѣтномъ адресѣ онъ высчиталъ цѣлый рядъ льготъ и вольностей, которыми пользовалась Франція: независимость судей, распространенное избирательное право и общее право подачи жалобъ,—«все это преимущества, подъ благотворнымъ вѣяніемъ которыхъ народъ долженъ чувствовать, что для него не утрачены права, пріобрѣтенныя имъ въ 1789 году.»

Императоръ отвѣчалъ 18 февраля, и при этомъ опять въ своемъ очень пошломъ, хотя и громкомъ, стилѣ говорилъ: «нравственный и физическій міръ повинуется опредѣленнымъ законамъ и не посредствомъ ежедневныхъ потрясеній основаній можно ускорить воздвиженіе конечнаго вѣнца постройки»; послѣ этого начались пренія на счетъ адреса законодательнаго корпуса. Такъ какъ герцогъ Морни скончался въ 1856 году, то во главѣ правленія стоялъ другой изъ приверженцевъ и приближенныхъ Наполеона,—графъ Валевскій; настоящимъ руководителемъ нижней палаты былъ государственный министръ Руэ; дерзкая оппозиція называла его вице-императоромъ; гдѣ онъ не находилъ возможности отдѣлаться ловкою изворотливою рѣчью, тамъ онъ дерзкою ложью смѣло шагалъ черезъ всѣ затрудненія. Поправки (amendements) оппозиціи говорили очень настоятельно противъ гастейнской конвенціи, въ которой нарушены были всѣ прочныя основанія, на которыхъ утверждается незыблемый миръ; на конвенцію съ Италіей оппозиція согласилась безъ возраженія; что же касается до мексиканской экспедиціи, она повторила свое много разъ выраженное осужденіе; между тѣмъ комиссія въ своемъ проектѣ отдѣлывалась громкими, ничего незначащими фразами отъ всѣхъ неудобствъ и неловкостей внѣшней политики. Что же касается до внутреннихъ дѣлъ, то оппозиція въ своемъ проектѣ реформъ по порядку требовала возстановленія правъ французскаго народа, сообразно съ принципами, утвердившимися въ 1789 году: свободы печати, свободы выборовъ, муниципальныхъ учрежденій, отвѣтственности должностныхъ лицъ. Заключенія и выводы этого проекта были достойны великихъ адвокатовъ и ораторовъ, подписавшихся подъ нимъ; можно было видѣть, какъ горячо они сочувствовали проекту: «окруженный свободными государствами, которымъ свобода пришла отъ Франціи, французскій

народъ съ твердою увѣренностію опирается на свой геній и съ гордостью смотритъ на свое прошедшее; онъ при этомъ не можетъ выносить опеки и не заслуживаетъ, чтобы на него смотрѣли, какъ на неспособный, или недостойный самому нести славную и доблестную отвѣтственность за свою судьбу.» Необходимыя требованія объяснилъ Тьеръ, опять открывшій пренія въ длинной, но очень умѣренной рѣчи; при каждомъ новомъ и отдѣльномъ пунктѣ отличался одинъ изъ замѣчательныхъ ораторовъ оппозиціи, а талантовъ тутъ насчитывалось много: Жюль Фавръ, Гарнье Паже, Эрнестъ Пикаръ, Евгеній Пеллетанъ и другіе; но въ теченіе наступившихъ сессій была одна замѣчательная особенность, какой до сихъ поръ не бывало: во время преній въ первый разъ выступила довольно согласная средняя умѣренная партія; сначала она состояла изъ 36 человѣкъ, но вскорѣ возросла до 45; эта партія требовала нѣкоторой свободы, больше той, какою пользовалась, но вообще она довольна была законодательствомъ и искренно, или изъ честолюбія, или по необходимости, но была предана династіи. Послѣ того, какъ проектъ оппозиціи отвергнутъ былъ, за исключеніемъ 17 голосовъ, почти единодушно,—надобно замѣтить, Тьеръ, Олливье, Даримонъ не подавали голосовъ—эти 45 членовъ умѣренной партіи составили свои измѣненія (amendements): «Франція твердо и вѣрно держится царствующей династіи, которая ручается за порядокъ и спокойствіе внутри и внѣ предѣловъ ея, но тѣмъ не менѣе высоко цѣнитъ свою свободу и дорожитъ ею,» говорилось въ проектѣ; но и онъ не прошелъ; окончательно большинствомъ 206 голосовъ противъ 63 принятъ былъ адресъ комиссіи отъ 20 марта. Отвѣтъ императора опять походилъ на лекцію объ истинной свободѣ; онъ говоритъ о любви ко всякому доброму дѣлу, о любви, которая даетъ ему силу въ теченіе 18 лѣтъ нести всю тяжесть правленія; о томъ, что судьба Франціи въ его рукахъ покоится въ безопасности, что она дождется своего славнаго успѣха и не погибнетъ, и что все великое, обѣщанное имъ за 15 лѣтъ, неминуемо выполнится; далѣе онъ хвалилъ законодательный корпусъ, что онъ не увлекался ложными теоріями, и окончилъ свою рѣчь незначущи фразами: «Франція наравнѣ съ нами стремится къ прогрессу, устойчивости, свободѣ, вызываемой умственнымъ развитіемъ, благородными стремленіями и усидчивымъ трудолюбіемъ» и т. д.

Въ концѣ апрѣля разростающійся германскій вопросъ, какъ черная туча, поднимался и разстилался по политическому горизонту, привлекалъ къ себѣ всеобщее вниманіе и заставлялъ позабыть всѣ другія случайныя и постоянныя заботы и требованія. Уже во время преній по случаю отвѣтнаго адреса палата неоднократно касалось этого вопроса, но не могла получить отъ правительства опредѣленнаго отвѣта, или объясненія. Когда же, 3 мая, правительство потребовало прибавочнаго увеличенія войска на 100,000 рекрутовъ, тогда поневолѣ пришлось ближе познакомиться съ ходомъ дѣлъ въ Германіи и интересъ, имъ возбужденный, былъ выдвинутъ на первый планъ. Палата не имѣла права обременять министровъ вопросами, но здѣсь нельзя было обойтись безъ вопросовъ. Но вопросы были очень неудобны для Руэ, потому что императорское правительство еще никакого опредѣленнаго плана дѣйствій и рѣшеній не имѣло и до поры до времени интриговало то въ ту, то въ другую сторону. Руэ фразами, ничего незначащими, отдѣлывался отъ вопросовъ, но онъ не могъ помѣшать, чтобы Тьеръ не воспользовался этимъ случаемъ и поэтому не высказалъ своего мнѣнія. Хотя этотъ замѣчательный человѣкъ смотрѣлъ на вещи съ старинно французской ограниченной точки зрѣнія, но онъ глубоко изслѣдовалъ вещи, о которыхъ шла рѣчь, и вполнѣ понималъ ихъ отношенія; такого знанія, вѣроятно, никто во Франціи кромѣ него не имѣлъ и не добивался. Онъ, подобно своимъ слушателямъ, не видалъ ничего предосудительнаго въ томъ, что 80,000 пруссаковъ и австрійцевъ, число преувеличенное, нахлынули на 15,000 датчанъ и обобрали и стѣснили ихъ; онъ этимъ не возмущался, но съ жаромъ защищалъ старинное устройство Германіи, Австріи и союзнаго правленія. Онъ лучше большей части нѣмецкихъ государственныхъ людей видѣлъ и понималъ, что Пруссія на пути образовать новое, германское союзное государство, подъ своимъ непосредственнымъ руководствомъ: «съ такимъ образомъ сформированнымъ союзнымъ государствомъ соединенная Италія неминуемо вступитъ въ тѣсный союзъ.» Это предпріятіе, говорилъ ораторъ, согласное

съ стремленіями обще-германской партіи въ Германіи, есть покушеніе на независимость Германіи и Европы, покушеніе на свободу нѣмецкаго народа: «Франція обязана противиться этому. . Для Франціи было бы унизительно спокойно допускать это... Франція можетъ противиться этому различными способами: она можетъ предостерегать, можетъ молчать; но прежде всего Франція должна помѣшать, если надобно, запретить Италіи заключать союзъ съ Пруссіей». Слова Тьера были встрѣчены общимъ восторженнымъ сочувствіемъ частію потому, что большинство въ душѣ не одобряло итальянской политики императора, а слова Тьера льстили высокомѣрію народному; это понятно при совершенномъ незнаніи того, что творилось за границей Франціи, а между тѣмъ французамъ пріятно было подумать, что можно по произволу распоряжаться Европой. Ни депутаты, ни народъ не предвидѣли и даже не предчувствовали приближенія времени, въ которое нельзя что-либо з а п р е щ а т ь чужому государству.

У императора былъ совсѣмъ иной взглядъ на вещи. Тьеръ думалъ о томъ, какимъ бы способомъ поддержать договоры 1815 года, а для французскаго императора и народа они были ненавистны. Наполеонъ высказалъ свой образъ мыслей 3 мая мэру Оксерра, который такимъ образомъ сдѣлался повѣреннымъ тайныхъ плановъ преобразованія, задуманнаго имъ для Европы. Министръ Друэнь-де-л'Юи между тѣмъ сообщилъ программу для предполагаемой мирной конференціи: 1) разрѣшеніе шлезвигъ-голштейнскаго вопроса предоставить народу, посредствомъ общей подачи голосовъ; 2) вопросъ о реформѣ правленія германскаго союза предоставить рѣшенію всѣхъ государствъ, входящихъ въ составъ союза, и тѣхъ державъ, которыя подписались подъ заключительнымъ актомъ вѣнскаго конгресса; 3) уступить Венецію Италіи съ тѣмъ, чтобы Австрія вознаграждена была за свою уступку территоріальнымъ пріобрѣтеніемъ, и 4) наконецъ признать права папы, какъ государя, въ настоящемъ объемѣ границъ Папской области. Но конференція не состоялась, какъ это вѣроятно императоръ предвидѣлъ еще заранѣе; 11 іюня написалъ онъ своему министру иностранныхъ дѣлъ письмо; въ немъ онъ высказалъ свой взглядъ на политику настоящаго времени. Для Франціи онъ не желалъ территоріальнаго увеличенія, если только карта Европы не измѣнится въ пользу одной изъ великихъ европейскихъ державъ, или если народонаселеніе прилежащихъ къ границамъ Франціи областей (les provinces limitrophes) не выскажетъ своего неизмѣннаго желанія присоединиться къ ней: тогда она не можетъ и не должна отвергать народной воли. Для Франціи, писалъ императоръ, желательно было бы: чтобы средне-германскія, второстепенныя державы тѣснѣе соединились между собою; для Пруссіи—больше самостоятельной силы на сѣверѣ; для Австріи—продолжать съ честью стоять на томъ возвышенномъ мѣстѣ, какое она занимаетъ въ германскомъ союзѣ; для Италіи—пріобрѣтенія Венеціи въ интересахъ національнаго принципа, изъ-за котораго Австрія только-что билась въ приэльбскихъ герцогствахъ; въ предстоящей войнѣ для Франціи представляются только два интереса: поддерживать европейское равновѣсіе и сильно содѣйствовать дальнѣйшему развитію «того, что мы совершили въ Италіи.» Но какой бы исходъ ни приняла война, Наполеонъ утѣшалъ себя мыслью, что ни одинъ изъ вопросовъ, касающихся Франціи, не можетъ быть разрѣшенъ безъ согласія Франціи; она, слѣдовательно, сохранитъ строгій нейтралитетъ. «Опираясь на силу нашего безкорыстія..., мы съ увѣренностію взираемъ на наше право и полагаемся на нашу силу.» Министръ Руэ воспользовался этимъ письмомъ и сообщилъ его законодательному корпусу; большинство его, въ виду такихъ ясныхъ и основательныхъ объясненій политики императора, воздержалось отъ того, чтобы подвергнуть пренію настоящіе вопросы.

Этимъ ограничивалось то, что императоръ намѣренъ былъ довести до свѣдѣнія публики. Если же все это политическое хитросплетеніе перевести на общепонятный языкъ, то оно равнялось бы раздѣленію Германіи на три части, при чемъ второстепенныя державы, составивъ болѣе тѣсный союзъ между собою, находились бы подъ непосредственнымъ покровительствомъ Франціи и составили бы противовѣсъ вліянію Пруссіи, а можетъ быть и Австріи,—и, наконецъ, увеличенію Италіи, при содѣйствіи Франціи; но послѣдней мысли—увеличенія Франціи посредствомъ «provinces limitrophes» императоръ не высказалъ; это могло быть

рѣшено только послѣдствіями предстоящей войны. Онъ, вѣроятно, полагалъ, что приблизился къ цѣли, что увеличеніе Франціи возможно и что исправленіе, или ректификація границы Германіи неминуемо ведетъ къ исполненію этой завѣтной мечты; съ этою цѣлью повѣренный Наполеона, Персиньи, не даромъ объѣздилъ берлинскій и вѣнскій дворы тотчасъ послѣ переворота 2 декабря. Тогда, императоръ австрійскій, съ цѣлью разорвать опасный для него итальянско-прусскій союзъ, предложилъ уступку Венеціи съ тѣмъ, чтобы Франція и Италія оставались нейтральными; но какъ удовлетвореніе за уступку Венеціи, Австрія требовала Шлезвига, и только въ такомъ случаѣ отказывалась отъ Венеціи. Въ Германіи не сомнѣвались въ томъ, что побѣда останется на сторонѣ Австріи, но французскій императоръ въ этомъ не совсѣмъ былъ увѣренъ, потому что онъ въ одно и то же время дѣлалъ Пруссіи предложенія объ увеличеніи обоюдныхъ областей; предложеніе было выражено довольно опредѣленно: составить конгрессъ, на которомъ уступить Венецію Италіи и присоединить пріэльбскія герцогства къ Пруссіи; еслибы изъ конгресса, вмѣсто мира, вышла война, тогда предполагалось: Франція, вмѣстѣ съ Пруссіей, нападаютъ на Австрію; военныя силы двухъ соединенныхъ державъ при этомъ могутъ простираться до 300,000 чел.; при заключеніи мира, Италія получаетъ Венецію, Пруссія же увеличится на 7 или 8 милл. жителей и она по своему усмотрѣнію приступитъ къ реформѣ союзнаго управленія Германіи; Франціи при этомъ дѣлежѣ достанется область между Рейномъ и Мозелемъ, но безъ Майнца и Кобленца,—во всякомъ случаѣ отличная пожива; мѣстность эта принадлежала: Пруссіи, Баваріи, Гессену и Ольденбургу-Биркенфельдъ. Но тотъ человѣкъ, которому политики-мечтатели приписывали обширные планы переворотовъ и всякія небывалыя перемѣны и, главное, котораго считали во всемъ согласнымъ съ стремленіями французовъ именно съ тѣхъ поръ, какъ онъ нѣсколько недѣль провелъ въ Біаррицѣ и имѣлъ возможность лично видѣться съ Наполеономъ и разговаривать съ нимъ,—графъ Бисмаркъ, какъ онъ впослѣдствіи увѣрялъ, всѣ эти вопросы обходилъ проволочками, и на предложенія французскихъ дипломатовъ отвѣчалъ словами и дипломатическими изворотами, а самъ, между тѣмъ, шелъ своимъ путемъ; съ Австріей, напротивъ, шлезвигъ-венеціанскій договоръ дѣйствительно состоялся, 9 іюня. Наполеонъ не умѣлъ воспользоваться благопріятнымъ положеніемъ дѣлъ; онъ оставался въ бездѣйствіи, полагая, что такъ и должно; онъ рѣшился выжидать. Если побѣда останется на сторонѣ Австріи, разсуждалъ онъ, и какъ вообще всѣ ожидали, тогда онъ могъ продать Пруссіи или помощь, или поддержку; если побѣдитъ Пруссія, тогда можно было выторговать что нибудь за строгій нейтралитетъ, или отъ Австріи получить вознагражденіе за моральную, или фактическую помощь; если же ни та, ни другая сторона не возьметъ рѣшительнаго перевѣса и война затянется безъ всякаго рѣшенія на долгій срокъ, тогда это будетъ лучше всего. Разсчетъ, безспорно, былъ отличный; но никакого дѣла тутъ не было ни худаго, ни хорошаго. На этотъ разъ Италія показала больше рѣшимости и больше дѣятельности, и неудивительно: для нея вопросъ былъ первой важности; ей нельзя было упускать удобнаго мгновенія,—надобно было воспользоваться имъ.

3. Италія.

Королевство е д и н о е Итальянское было признано почти всѣми европейскими державами, кромѣ Австріи и нѣсколькихъ государствъ германскаго союза, составлявшихъ какъ бы свиту Австріи; въ теченіе 1865 года даже Испанія, какъ мы говорили выше, признала Италію. Бавaрія и Вюртембергъ долго отказывались признать итальянское королевство, они думали, что у нихъ довольно силы и значенія, чтобы дѣйствовать самостоятельно; а между тѣмъ ихъ иностранная политика, несогласная съ обще-германскою, принесла больше вреда имъ самимъ, ихъ подданнымъ и ихъ личнымъ интересамъ, тогда какъ на Италію ихъ согласіе признать, или не признать королевство итальянское,—не имѣло такого важнаго значенія; но въ виду тѣхъ неудобствъ, какія изъ того произошли для нихъ са-

михъ, нерѣшительность ихъ не можетъ быть оправдана никакимъ обще-германскимъ или вюртембергскимъ высшимъ интересомъ. Къ тому же очень продолжительнаго, упрямаго выполненія однажды принятаго намѣренія нельзя было предвидѣть. Оказалось необходимымъ заключить торговый союзъ между Италіей и таможеннымъ союзомъ (Zollverein); Пруссія всѣми силами старалась довести это намѣреніе до конца. Италія готова была заключить торговый договоръ, но требовала, чтобы итальянское королевство всецѣло было признано германскимъ таможеннымъ союзомъ. Напрасно сердились и отговаривались и придворные, и министры, подобные вюртембергскому Варнбюлеру, которые прежде, считая дѣломъ чисто патріотическимъ не признавать Италіи, толковали о гражданской доблести, о чистотѣ убѣжденій и т. д., но теперь принуждены были покориться неизбѣжной необходимости. Въ заключительномъ протоколѣ отъ 31 декабря 1865 года стояло, что уполномоченному Италіи вмѣняется въ обязанность, отъ имени своего правительства, очень ясно и опредѣленно объяснить договаривающимся, что размѣнъ ратификацій договора будетъ равняться формальному признанію королевства Италіи; «остальные государи, подписавшіеся лично, или черезъ своихъ представителей, раздѣляютъ этотъ взглядъ»—стояло въ этомъ актѣ; уполномоченные подумали, подумали и подписали свои имена подъ этимъ разукрашеннымъ и замаскированнымъ признаніемъ и тѣмъ порѣшили на время дѣло.

Непосредственной опасности для Италіи не предвидѣлось; она могла приняться за самую нужную, безотлагательную реформу внутреннихъ учрежденій, безъ которыхъ сліяніе всѣхъ ея разнородныхъ частей не могло бы состояться. Въ теченіе долгихъ лѣтъ Италія жаждала свободы; всѣ мечты ея клонились къ тому, чтобы слиться въ одно цѣлое, и мечта эта тогда именно выполнилась, когда менѣе всего можно было ожидать этого. Здѣсь переворотъ произошелъ быстро; здѣсь въ три года совершилось то, чего Германія могла достигнуть только послѣ трехъ столѣтій попытокъ и ожиданій. Но борьбы съ иноземнымъ владычествомъ, борьбы, порожденной и поддерживаемой ненавистью и одушевляемой чувствомъ народнаго стремленія къ единству, къ соединенію племенному, любовью къ одному общему отечеству, нельзя сравнивать съ ежедневною мелкою борьбою, съ мелкими притѣсненіями и неудобствами общественнаго быта и съ возникшимъ изъ нихъ стремленіемъ къ объединенію, при одинаковыхъ условіяхъ: побѣдить ежедневныя неудобства при выполненіи обязанностей; но чтобы уничтожить эти неудобства, родилось стремленіе сплотиться въ одно, тоже обширное отечество; даже въ итальянской пословицѣ говорится: одно — любовь, другое—бракъ; это можно примѣнить къ отношеніямъ народовъ Италіи и Германіи.

Для Піемонта предстояла великая задача — примѣнить свое государственное устройство и свой порядокъ, давшіе ему силу и величіе, къ остальнымъ частямъ Италіи. Труднѣе всего было ввести порядокъ въ Сициліи, гдѣ упрямое народонаселеніе привыкло своевольничать, которому всякая организація, всякій порядокъ казались притѣсненіемъ; да и съ бандитами Неаполя трудно было сладить; тутъ въ дѣло употреблена была не одна только военная сила, но еще больше практическія мѣры: проводили дороги, устраивали правильный надзоръ, особенно въ провинціи Базиликата, гдѣ много было разбойничьихъ шаекъ. Еще труднѣе для итальянскаго правительства было справиться съ огромною цифрою дефицита, повторяющагося ежегодно и нагромождающаго государственный долгъ; такъ, напримѣръ, въ 1863 г. дефицитъ доходилъ до 269 милліоновъ лиръ обыкновенныхъ и 163 чрезвычайныхъ передержекъ, въ 1864 — обыкновенныхъ 265 мил. лиръ и чрезвычайныхъ — 140 мил. При этомъ ужасающемъ дефицитѣ, легкимъ утѣшеніемъ могло служить то обстоятельство, что итальянскія государственныя бумаги находились преимущественно въ Италіи, обращались въ ней и мало заходили въ чужія государства; что часть доходовъ, хотя и прилипала еще къ нечистымъ рукамъ, но во всякомъ случаѣ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, употреблялась несравненно лучше и приносила больше пользы. Къ этимъ благодѣтельнымъ расходамъ можно причислить и тотъ, который шелъ на войско, хотя онъ самъ по себѣ былъ чрезвычайно большимъ обремененіемъ для всего королевства, но войско подобно прусскому приносило несомнѣнную пользу для цивилизаціи цѣлаго государства: оно служило народной школой, потому что каждый солдатъ на службѣ выучивался грамотѣ и

получалъ элементарное образованіе. Попытка, посредствомъ добровольныхъ приношеній, уменьшить подавливающую сумму государственныхъ долговъ ни къ чему не повела и можетъ служить только признакомъ отчаяннаго положенія, въ какомъ находилось государство; но изъ той безропотной покорности, съ какою итальянскій народъ, весь вообще, несъ увеличенные налоги и подати, можно было заключить, какъ у него велико искреннее желаніе устроиться и удержать свою независимость.

Затруднительное положеніе финансовъ сдѣлало борьбу съ клерикальной партіей еще труднѣе, потому что, отнимая церковныя имѣнія, правительство необходимо принуждено было духовенство переводить на жалованье, выдаваемое изъ государственныхъ суммъ. Надобно замѣтить, что борьба съ клерикальною партіей здѣсь не имѣла того трагическаго характера, какъ гдѣ бы то ни было во всякомъ другомъ государствѣ, по ту сторону горъ, особенно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, подобно Германіи, католики живутъ рядомъ съ протестантами, гдѣ религіозное убѣжденіе еще сохраняетъ всю свою внутреннюю силу. Здѣсь же, въ Италіи, духовенства было такъ много, что религія, въ лицѣ своихъ служителей, очень часто безнравственныхъ, потеряла свое значеніе, и необразованные простолюдины довольствовались одними обрядами, за которые расплачивались очень недорого; къ тому же, многія епископства оставались безъ епископовъ и, при существующихъ обстоятельствахъ, не могли быть заняты, но это производило мало впечатлѣнія на массу, которая всегда и вездѣ ко всему привыкаетъ. Къ тому же, въ Италіи не было недостатка въ епископствахъ: ихъ всего на все насчитывалось 230, поэтому не очень большимъ лишеніемъ было, если 50 изъ нихъ оставались вакантными. Однакожь, король желалъ уладить дѣло съ папой и съ этой цѣлью отправилъ въ Римъ Вегецци, человѣка, на котораго тамъ смотрѣли благосклонно. Но попытка войти съ Римомъ въ соглашеніе не удалась: еслибы папа поставилъ епископовъ въ земли, присоединенныя къ Піемонту, и еслибы онъ новымъ епископамъ разрѣшилъ присягу признанія и исполнительную,—то это равнялось бы признанію законности всего того, что сдѣлано съ 1859 года. Пришлось обойтись безъ папскаго согласія; дѣлали, что можно. Надзоръ за семинаріями и управленіе ими было предоставлено свѣтскимъ властямъ, тогда какъ до сихъ поръ они находились подъ управленіемъ епископовъ; но до поры-до-времени на этомъ остановились; постановленія объ уничтоженіи монашескихъ орденовъ и монастырей еще не издавалось. На сколько руководящіе классы были согласны въ своемъ антиклерикальномъ настроеніи, доказываютъ выборы въ октябрѣ 1865 года: въ парламентъ поступило только двѣнадцать членовъ изъ клерикаловъ.

Всякій другой народъ, не итальянскій, былъ бы доволенъ своими успѣхами и, не стремясь къ пріобрѣтенію Рима и Венеціи, спокойно и терпѣливо занялся бы своимъ внутреннимъ устройствомъ, надъ которымъ работы было очень много. Но итальянцы не умѣли выжидать. Они чувствовали себя стѣсненными, имъ не доставало простора для развитія своихъ силъ. Они ежеминутно чувствовали надъ собою грозу: съ трехъ сторонъ на нихъ производилось давленіе, зависящее отъ одной и той же причины; ихъ тяготили отношенія къ Австріи, къ Риму и къ Франціи; пока эти давленія не будутъ уничтожены, до тѣхъ поръ итальянская національность не можетъ развиваться.

Отношеніе къ Австріи было очень просто—вражда на жизнь и смерть, пока Венеція не будетъ присоединена къ Италіи, или пока море не поглотитъ ея. На предложеніе Наполеона разрѣшить вопросы европейскимъ конгрессомъ, итальянское правительство съ радостью согласилось, но Австрія изъ-за Венеціи и слышать не хотѣла. Когда, въ новый годъ, 1 января 1864 года, къ королю представлялись министры и другіе чины съ поздравленіемъ, онъ съ сожалѣніемъ сказалъ, что протекшій годъ ничего отраднаго не принесъ для избавленія Италіи; но, прибавилъ онъ, на сѣверѣ возникаютъ запутанныя обстоятельства, на горизонтѣ сѣвера появляются тучи, правда, еще очень незначительныя, въ очень неопредѣленныхъ формахъ, но во всякомъ случаѣ, можетъ быть, онѣ представятъ удобное мгновеніе, которымъ Италія не замедлитъ воспользоваться; итакъ, Викторъ Эммануилъ прямо говорилъ, что намѣренъ воспользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы улучшить положеніе Италіи, и если бы австрійцы повнимательнѣе прислу-

шивались къ словамъ своего враждебнаго сосѣда и взвѣшивали ихъ, то вѣроятно замѣтили бы невѣрность своей политики на сѣверѣ. Дѣлались нѣкоторые шаги къ примиренію со стороны Италіи; но они не имѣли никакого значенія; такъ, напримѣръ, во время волненій въ Фріулѣ итальянцы внимательно оберегали свои границы, чтобы волонтеры не отправлялись черезъ нее; потомъ безъ колебанія признали мексиканскую имперію, чтобы оказать вѣжливость брату императора австрійскаго—императору Максимиліану; ни къ чему не повела также попытка установить болѣе свободныя и дружескія торговыя отношенія на венеціанской границѣ, предпріятіе, первый шагъ къ которому сдѣлала Австрія, но при посредничествѣ французскаго императора, потому что всѣ сношенія между враждебными другъ другу государствами все еще производились черезъ третье посредническое государство. Но итальянскій король, при каждомъ удобномъ случаѣ, говорилъ о довершеніи измѣненныхъ судебъ Италіи, о предстоящихъ новыхъ испытаніяхъ и тягости и т. д. Между Викторомъ-Эммануиломъ и Гарибальди было большое сходство въ томъ, что оба стремились къ одной и той же цѣли; но разница была только та, что король не пытался, подобно народному вождю, головою проломить каменную стѣну.

Какъ бы то ни было, но Австрія была открытымъ врагомъ Италіи и оставалась такимъ; отношенія между нею и Италіей были ясны и опредѣленны; но Римъ и папская власть были для нея внутреннею невзгодою и внутреннимъ страданіемъ; этого враждебнаго начала нельзя было побѣдить оружіемъ и примирить внѣшними средствами. Папа подчинялся т о м у, чего не могъ ни отвратить, ни измѣнить; но онъ крѣпко держался того, что у него оставалось; и такъ какъ безъ денегъ ни управлять народомъ, ни лично существовать нельзя, то папа свои финансы пополнялъ лептою св. Петра, которая обильными потоками доставлялась ему со всѣхъ концовъ христіанскаго міра. Если бы свѣтскую власть папы предоставить самой себѣ, она не продержалась бы и недѣли; но ея жалкое существованіе поддерживалось французскою военною силою и французскимъ именемъ. Итальянское правительство сознавало потребность, чѣмъ нибудь осязательнымъ доказать свои успѣхи въ дѣлѣ римскаго пріобрѣтенія, чего съ такимъ нетерпѣніемъ ожидалъ народъ; надобно было успокоить его какимъ нибудь мимолетнымъ, хотя бы кажущимся, успѣхомъ; такого кажущагося успѣха итальянское королевство достигло 15 сентября 1864 г., подписавши к о н в е н ц і ю съ Франціей. Въ этой конвенціи французское правительство обязалось постепенно выводить свои войска изъ Рима, по мѣрѣ того, какъ организація или реорганизація папскаго войска будетъ приведена въ исполненіе. Италія, съ своей стороны, обязалась не нападать на папскія владѣнія сама и защищать ихъ отъ всякаго покушенія на нихъ в н ѣ ш н и м и с и л а м и; далѣе, итальянское правительство отказалось отъ всякаго вмѣшательства при образованіи папской арміи изъ волонтеровъ и объявило готовность принять на себя одну долю папскаго государственнаго долга. Со стороны Франціи отъ итальянскаго правительства, какъ гарантіи, требовалось, чтобы король Викторъ-Эммануилъ свою столицу изъ Турина перенесъ въ одинъ изъ центральныхъ городовъ Италіи, хотя бы во Флоренцію; за это въ двухъ-годичный срокъ французское войско должно было очистить Римъ и Папскую область. Это былъ очень странный договоръ, отъ котораго никакой существенной пользы не предвидѣлось; но онъ имѣлъ нѣкоторое значеніе въ томъ отношеніи, что доказывалъ народу желаніе что нибудь сдѣлать, для успокоенія его нетерпѣнія и его раздражительности и дать ему столько же, сколько и французамъ, пищу для разсужденій и предположеній. Выводъ французскаго войска былъ скорѣе кажущійся, чѣмъ дѣйствительный; войско, вновь формировавшееся въ папскихъ владѣніяхъ, организовалось по французскому образцу, преимущественно изъ французскихъ солдатъ и офицеровъ, волонтерами поступавшихъ въ папскія войска; тѣ и другіе сохраняли свои мѣста и чины во французской арміи; такъ что папскія войска, созданныя при французской помощи, впослѣдствіи, когда обстоятельства того потребовали, обстоятельства, которыхъ въ то время ни одинъ французъ не могъ предвидѣть, оказались не хуже и не лучше коренныхъ французскихъ войскъ. Французы смотрѣли на свое требованіе перенести столицу Италіи изъ Турина въ какой-либо иной городъ, какъ на ручательство, что Италія отказывается отъ

Рима—столицы Италіи и міра. Но итальянцы и всѣ, сколько нибудь знакомые съ законами историческаго развитія народовъ, съ закономъ, который тутъ шелъ своимъ неизмѣннымъ и опредѣленнымъ путемъ, смотрѣли на этотъ фактъ съ иной точки зрѣнія: для нихъ перенесеніе столицы во Флоренцію было только станціей, остановкой по дорогѣ въ Римъ, хотя этого прямо не говорилось, ни въ нотахъ, по этому случаю написанныхъ, ни въ самой конвенціи; къ тому же, перенести столицу во Флоренцію или въ одинъ изъ другихъ городовъ средней Италіи, было дѣломъ неизбѣжнымъ въ политическомъ и военномъ отношеніи, потому что столица Италіи, центръ ея тяжести, не могла оставаться въ Турннѣ, столицѣ Сардиніи, и въ случаѣ войны Флоренція могла быть лучше и удобнѣе защищена нежели Туринъ, лежащій на одной изъ ея окраинъ. Въ заключенной конвенціи главный вопросъ не только не былъ разрѣшенъ, но его съ цѣлью обошли: въ случаѣ возстанія въ Римѣ, болѣе, чѣмъ возможномъ, Франція и Италія, очевидно, сохраняли за собою право дѣйствовать свободно, по усмотрѣнію. Съ той и съ другой стороны отдѣлывались словами и въ дипломатической корреспонденціи утѣшали другъ друга надеждою, что древній Римъ примирится съ молодою Италіей и что его застывающая кровь будетъ оживлена и обновлена освѣжающимъ притокомъ молодыхъ силъ, почерпнутыхъ изъ потока европейской цивилизаціи и прогресса; но какъ смотрѣли приближенные папы на потокъ европейской цивилизаціи и прогресса можно ясно видѣть изъ содержанія отвѣта, написаннаго куріей послѣ обнародованія сентябрской конвенціи.

Ограниченіе папскихъ владѣній принесло существенную выгоду папскому престолу. Стѣснительное свое положеніе, какъ государя, папа выставилъ какъ мученичество; онъ выставлялъ себя, какъ притѣсненнаго и обиженнаго, а вслѣдъ за тѣмъ и самую церковь гонимою; и такое положеніе избавило его отъ обязанностей и отношеній, лежащихъ на немъ, какъ на каждомъ изъ государей Италіи. То, что у него оставалось изъ Церковной области, было такъ незначительно, что не заслуживало вниманія; и такое отрѣшеніе отъ территоріальныхъ условій давало ему свободу дѣйствій какъ такому государю, которому нечего больше терять. Но въ сущности, онъ утратилъ только самую незначительную долю своего могущества; большая, заключающаяся въ идеѣ папскаго авторитета, самодержавно подчиняющая себѣ милліоны людей, по ту сторону горъ,—этой части его могущества никто не могъ отнять у папы; можетъ быть, эта часть его господства надъ міромъ могла еще увеличиться, потому что, именно въ ту пору, когда подломилось и разсыпалось матеріальное основаніе папскаго владычества, когда онъ терялъ свою матеріальную силу, какъ государя, идею папства начали развивать до послѣднихъ, крайнихъ ея предѣловъ; начали выставлять смѣлыя требованія и претензіи, какихъ не осмѣливались заявлять ни Григорій VII, ни Иннокентій IV, ни Бонифацій VIII. Очень странно и замѣчательно, что въ то именно мгновеніе, когда отъ папы отнимались одинъ за другимъ, участки его владѣній въ Италіи, когда самая почва колебалась у него подъ ногами и онъ каждую минуту могъ опасаться, что ему не будетъ мѣста и въ Ватиканѣ,—онъ на требованіе уступокъ отвѣчалъ требованіемъ міроваго неограниченнаго владычества надъ всѣми государствами, всѣми странами, гдѣ есть католики, гдѣ есть души, спасеніе и отлученіе которыхъ находится въ его рукахъ; требованіе его было грандіозное, но въ высшей степени опасное: онъ становился на рубежъ пропасти, гдѣ великое граничитъ съ неисходно смѣшнымъ.

Папа предпринималъ новый крестовый походъ для завоеванія міра: первой попыткой на этомъ поприщѣ была энциклика 8 декабря 1864 года—циркуляръ къ епископамъ, въ которомъ давалось знать, что на слѣдующій годъ назначается юбилей; энциклика вмѣстѣ съ обнародованнымъ 22 ч. силлабусомъ, составляла вызывающій манифестъ, объявлявшій войну всему, до чего достигнулъ человѣческій умъ тяжкимъ и неусыпнымъ трудомъ въ теченіе трехъ столѣтій, шагъ за шагомъ отбивая свои успѣхи отъ жестокосердаго и закоснѣлаго въ предразсудкахъ духовенства. Въ своей энцикликѣ Пій IX, въ силу своей апостолической власти, отвергалъ и проклиналъ всѣ «извращенныя и ошибочныя ученія и заблужденія, которыя, счетомъ 80, поименованы въ 10 параграфахъ силлабуса: заблужденія пантеизма, натурализма и абсолютнаго радикализма, ин-

диферентизма и latitudinarianism'a»—ложное ученіе о церкви и ея правахъ, о гражданскомъ обществѣ безотносительно и въ связи его съ церковью, о естественныхъ и христіанскихъ законахъ нравственныхъ, о христіанскомъ бракѣ, о свѣтской власти римскаго папы и, наконецъ, ученіе, касающееся до либерализма настоящаго времени. Іезуиты, безъ всякаго сомнѣнія написавшіе силлабусъ, потому что самъ папа и его приближенные, навѣрное, сами не читали ни одной изъ запрещенныхъ пантеистическихъ и либеральныхъ теорій, облегчили себѣ борьбу съ ненавистными противниками тѣмъ, что представили ихъ ученія и теоріи въ самомъ искаженномъ и до безобразія преувеличенномъ видѣ. Нѣтъ ни малѣйшей возможности коротко и характеристично представить эту безпорядочную груду ученій, собранную и соединенную формальнымъ, механическимъ путемъ и лишенную всякой систематической связи. Рядомъ съ фразами, которыхъ ни одинъ здраво-мыслящій человѣкъ никогда не подумалъ бы сказать, наприм.: «право заключается въ матеріальномъ фактѣ и дѣйствіи; всѣ обязанности человѣческія—пустыя слова, и всѣ человѣческія дѣйствія имѣютъ силу закона,» (заблужденіе № 59) рядомъ съ такою безсмыслицею стоятъ изреченія, произнесенныя самимъ Іисусомъ Христомъ, только иными словами. Вотъ еще одно изъ характеристическихъ изреченій, № 75 по силлабусу: «о возможности соединенія свѣтскаго владычества съ духовнымъ спорятъ сыны христіанской и католической церкви»—или другими словами, кто устраняетъ или отвергаетъ свѣтское владычество папы, не католикъ больше. Далѣе 77 и 78: «въ наше время безполезно, чтобы католическая религія считалась единственно-господствующею государственною религіей и исключала бы всѣ другіе культы, поэтому было очень сообразно съ потребностями, что во многихъ католическихъ странахъ закономъ постановлено было не давать гарантіи переселяющимся въ государство какимъ бы то ни было иновѣрцамъ, въ томъ, что они могутъ публично выполнять богослужебные обряды своего вѣрованія»; когда же силлабусъ обвиняли въ нетерпимости, тогда хитрые составители его указывали на слова: «*какимъ бы то ни было*»—вѣдь было бы несправедливо дозволять *всякому* вѣроисповѣданію свободное выполненіе обрядовъ, точно будто дѣло при этомъ шло о мормонахъ или объ огнепоклонникахъ. Еще яснѣе говорила выписка кардинала Патрици, папскаго генеральнаго викарія; объявляя о юбилѣе съ присовокупленіемъ главнаго принадлежащаго къ нему указанія, онъ очень опредѣленно говоритъ: quicunque проповѣдуетъ свободу совѣсти и вѣроисповѣданія, свободу печати, ученіе о совершившихся фактахъ и дѣлахъ, запрещеніе взимать ленту Св. Петра, пользу отъ свѣтскаго воспитанія юношества и т. д., все это надобно причислить къ «грѣховному ученію», къ заблужденіямъ, отвергнутыхъ церковью; а въ своемъ посланіи къ архіепископу орлеанскому Дюпанлу папа, говоря о поступкахъ итальянскаго правительства, называетъ его лживымъ, коварнымъ, дерзкимъ, безстыднымъ, исполненнымъ всѣхъ самыхъ ужасныхъ пороковъ; а между тѣмъ съ этимъ самымъ отверженнымъ правительствомъ папа въ томъ же самомъ году вошелъ въ нѣкотораго рода переговоры. Все это въ Италіи произвело мало впечатлѣнія; тамъ даже удивлялись, какъ все это, по ту сторону Альповъ, могло быть принято такъ серьезно.

Противъ сентябрской конвенціи въ Римѣ не протестовали и казалось она принята была равнодушно. Народъ дѣлалъ демонстраціи, но правительство молчало. Въ послѣдующемъ за этимъ времени между папой и королемъ итальянскимъ установилось нѣчто похожее на сношенія. Въ мартѣ 1865 года папа собственноручно написалъ письмо къ королю, касательно многихъ еще незанятыхъ епископскихъ каѳедръ, и послѣдовавшіе за тѣмъ дружескіе переговоры съ Вегеціи именно совпадаютъ съ этимъ временемъ. Только 19 ноября, послѣ того какъ изъ гавани Чивита-веккіи вышли первые французскіе корабли съ солдатами, составлявшими часть оккупаціоннаго французскаго войска, кардиналъ Антонелли написалъ посланіе ко всѣмъ представителямъ папы, находящимся при различныхъ европейскихъ дворахъ; въ этомъ посланіи была безконечная критика на сентябрскую конвенцію и на все, съ нею неразрывно связанное. Онъ приходилъ въ ужасъ отъ всего того, чѣмъ оскорблено папское достоинство и величіе; его возмущали вопіющія несправедливости, далеко превосходящія все, что можно себѣ представить. Но обви-

ныя другихъ кардиналъ, и не подумалъ оглянуться на себя и на то, что въ теченіе столѣтій было сдѣлано несправедливаго во имя этого же или такого же папы, имъ самимъ, или во имя его: онъ, какъ олицетвореніе папской власти, несъ бы кажется и отвѣтственность за злоупотребленіе ею. Кардиналъ осмѣливался говорить во имя власти, которая должна была управлять совѣстью людей во имя Христа Спасителя, а между тѣмъ она исказила святое ученіе, измѣнила внутренній смыслъ его, осмѣливалась говорить именемъ Іисуса Христа, называться намѣстникомъ Его святаго апостола, искажать святыя слова Спасителя и требовала, чтобы все, что дѣлается на свѣтѣ, дѣлалось по ея приказанію, по слову, по мановенію. Католическое римское духовенство только, что составило списокъ, въ которомъ заключались главнѣйшія вредныя и ложныя ученія текущаго столѣтія, и дѣйствительно большая часть этихъ ученій была вредная и ложная. Но клерикальная римская курія не помышляла о томъ, чтобы побороть эти ученія внутренней силой чистаго и твердаго убѣжденія, доказать непреложными фактами заблужденія: силлабусъ ограничивался тѣмъ, что просто, голословно отвергалъ и осуждалъ ихъ; и главные дѣятели римскіе только горько сожалѣли о томъ, что не могутъ по примѣру старины, физически карать лжеучителей, за нравственныя и духовныя заблужденія. Потому что курія не только для своихъ принциповъ и догматовъ требовала безусловнаго владычества, но у нея была цѣлая лѣстница іерархическихъ чиновъ, изъ которыхъ каждый считалъ себя вправѣ разсчитывать на такое же полное господство, какимъ пользовался глава церкви. Да, представителей единой, воинствующей и покоряющей церкви было много и власть, имъ предоставленная и была безгранична, и они вполнѣ виноваты, что не съумѣли употреблять ее, какъ предписывала совѣсть, счастіе и душевное спасеніе человѣчества; на нихъ можно было смотрѣть, какъ на нерадиваго раба евангельской притчи, которому много было дано, но за то и все отнято.

Судьбы неудержимо шли къ своей цѣли: верховной правящей десницы менѣе всего видѣли и признавали люди, у которыхъ имя Божіе не переставало звучать. Резиденція Виктора Эмануила была перенесена изъ Турина во Флоренцію, лишь только самыя необходимыя приготовленія были окончены. Составился военный совѣтъ и онъ подтвердилъ необходимость этой мѣры въ военномъ отношеніи. Но Туринъ ужаснулся, когда узналъ, какая участь ожидаетъ его; произошли волненія, которыя были подавлены силой. Между тѣмъ существующее министерство Мингетти пало 23 сентября, вмѣсто его составлено было новое, подъ руководствомъ генерала Ламарморы. Когда палаты собрались, въ октябрѣ 1864 года, имъ предложено было дать Турину довольно значительное денежное вознагражденіе за то, что резиденція и столица переносится въ другой городъ; декабря 11 король подписалъ этотъ законъ; но когда въ январѣ 1865 года волненіе въ Туринѣ повторилось и городской совѣтъ очень недѣятельно и вяло противодѣйствовалъ возставшимъ, тогда Викторъ-Эмануль оставилъ Туринъ внезапно, не простившись съ жителями своей прежней столицы, и раздосадованный переѣхалъ во Флоренцію. Туринъ, исполненный патріотизма, принесшій самыя большія жертвы для отечества, не могъ долго хранить злобу за лишеніе своего первенства, принесъ и его въ жертву, примирился съ своимъ королемъ и мало-по-малу покорился своей горькой, но неизбѣжной судьбѣ. Опять наступало время, когда всѣ отдѣльные, личные интересы должны были замолкнуть передъ опасностью, угрожающею цѣлому, и гдѣ спасеніе отечества, независимость и цѣлость Италіи зависѣли отъ мужества сыновъ ея. Неопредѣленныя смуты и связанныя съ ними надежды для Италіи, о которыхъ Викторъ Эмануилъ говорилъ въ началѣ 1864 г., приняли теперь опредѣленную форму. Человѣкъ, съ обширнымъ политическимъ взглядомъ, человѣкъ, на котораго Кавуръ въ свое время указывалъ — готовился основать единое германское государство, дать Германіи то политическое существованіе, къ которому она стремилась и котораго жаждала; начали и по сю и по ту сторону Альповъ предчувствовать, что будетъ и были люди, припоминавшіе многознаменательное стеченіе обстоятельствъ, что герцогъ Савойскій и курфюрстъ Бранденбургскій въ одно и тоже время надѣли на себя королевскій вѣнецъ — символъ великой будущности. Къ несчастію, въ Италіи не было больше Кавура, такъ необходимаго въ это критическое время; для генерала Ламарморы

и для договаривающагося съ нимъ генерала Гавоне политика Бисмарка и способъ, какъ онъ ее излагалъ, были слишкомъ просты, а они въ ней искали тайнаго смысла и потому не съумѣли оцѣнить ея истинныхъ, честныхъ намѣреній, а связанныхъ съ ними трудностей не съумѣли взвѣсить въ должной степени. Министръ италіянскій боялся, что Бисмаркъ ищетъ союза съ Италіей только для вида, чтобы вынудить у Австріи уступку приэльбскихъ герцогствъ. Гастейнскій договоръ, въ это время заключенный, подтверждалъ это опасеніе. Кромѣ того его мучилъ вопросъ, какъ императоръ Наполеонъ посмотритъ на это дѣло; ему хотѣлось бы, чтобы дружба Франціи была куплена уступкою какой либо изъ германскихъ пограничныхъ съ нею земель, но Бисмаркъ этого не допускалъ, и недовѣрчивость министра возрастала. При такихъ обстоятельствахъ союзъ, предположенный и выгодный для Пруссіи и для Италіи, все еще не могъ утвердиться и чуть было совсѣмъ не разстроился. Съ одной стороны король Вильгельмъ съ трудомъ и неохотно измѣнялъ традиціонной преданности Гогенцоллерновъ къ австрійскимъ Габсбургамъ и все еще, до самой послѣдней минуты, надѣялся уладить дѣло полюбовно; съ другой стороны, итальянцы надѣялись выкупить Венецію отъ императора Франца Іосифа деньгами. Между тѣмъ финансовыя затрудненія Италіи выступили на первый планъ; надобно было сокращать расходы, но вездѣ и все было въ обрѣзъ, и сокращеніе было возможно только въ войскѣ; въ мартѣ 1866 года въ газетахъ напечатано было извѣстіе, что армія сокращается и приводится вполнѣ на мирное положеніе. Нѣсколько дней спустя, Ламармора въ палатѣ депутатовъ сказалъ объяснительную рѣчь, которая ровно ничего не объясняла; онъ говорилъ: положеніе дѣлъ очень серьезное, но когда его спрашивали, въ какомъ положеніи находится Италія въ отношеніи иностранной политики, онъ отказался объяснить политику Италіи, потому что обстоятельства въ высшей степени запутанныя и объясненіе ихъ можетъ компрометировать правительство. Въ то же время, 8 апрѣля, въ Берлинѣ заключенъ былъ договоръ, которому суждено было, если не навсегда, то на очень долгое время измѣнить все положеніе Европы; вооруженіе, только, что отмѣненное и прекращенное въ Италіи возобновилось съ новой силой; 29 апрѣля обнародованы были декреты, призывавшіе къ оружію наборы отъ 1840 до 44 года, отъ 1837, 38, 39 и отъ 1834, 35, 36 годовъ.

Союзъ съ Пруссіей былъ первымъ, самостоятельнымъ дѣломъ итальянской политики, тутъ она въ первый разъ вышла изъ-подъ опеки французскаго императора. Но опять явилось искушеніе передъ итальянскимъ королемъ, какъ мы уже говорили, ему вновь блеснула надежда, безъ борьбы, безъ крови получить Венецію отъ Франціи, какъ свободный даръ. Этого можно было, казалось, достигнуть однимъ почеркомъ пера, оставалось только отказаться отъ недавно заключеннаго союзнаго договора съ Пруссіей; искушеніе было велико, но добрый геній Италіи не попустилъ предаться ему, и Италія устояла и осталась при данномъ обѣщаніи. Это было не только честно, но и очень умно: не совсѣмъ было вѣрно, получитъ ли Австрія Силезію, а если получитъ, то уступитъ ли она Венецію; это былъ вопросъ не слишкомъ простой; только одно было вѣрно: если Пруссія въ предстоящей борьбѣ будетъ побѣждена, то Италія никогда не вырветъ Рима изъ-подъ французскаго владычества, да и сама никогда отъ него не избавится. Итальянскій король твердо держался даннаго слова, онъ смѣло соединилъ участь своего государства съ участью Пруссіи и, помня завѣтъ Кавура, всѣ свои надежды возложилъ на Бисмарка; опять въ эту странную годину судьба Италіи была связана съ судьбою Германіи, но на этотъ разъ къ обоюдному счастію.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ.

ОТЪ НАЧАЛА НѢМЕЦКО-ИТАЛЬЯНСКО-АВСТРІЙСКОЙ ВОЙНЫ ДО НАЧАЛА ГЕРМАНСКО-ФРАНЦУЗСКОЙ ВОЙНЫ.

Отъ 1866 до 1870 года.

Союзное рѣшеніе, отъ 14 іюня 1866 года, предоставило рѣшеніе судьбы среднеевропейскихъ державъ силѣ оружія. Судьба Италія была связана съ начинающейся войною, потому что давно желанное мгновеніе настало и Италія поспѣшила на выручку Венеціи, но въ начинающейся войнѣ вопросъ не касался только Венеціи и приэльбскихъ герцогствъ. Вопросъ теперь состоялъ въ томъ, возможно-ли въ центрѣ Германіи создать сильное своимъ единствомъ и устройствомъ государство, которое могло бы самостоятельно защищать свои права и свою свободу и принуждать къ сохраненію мира другія государства, входящія съ нимъ въ сношенія. Спрашивалось: возможно ли этотъ, самый безстрастный изъ европейскихъ народовъ, нѣмецкій, соединить въ одну политическую форму, которая дала бы націи возможность свободно развиваться внутри государства, а въ отношеніи сосѣдей съ достоинствомъ удерживать за собою свои законныя границы; еслибы это стремленіе было достигнуто, то очевидно самый составъ государства былъ бы прочнѣе и развитіе его шло бы радикальнѣе, — а гегемонія Франціи, или ея неудержимое стремленіе должно было бы остановиться передъ этой воздвигнутою передъ нею преградою — могущественною Германіею съ одной стороны и сѣтью единою Италіей съ другой: если бы то и другое не отняло бы у нея возможности къ гегемоніи, то, по крайней мѣрѣ, она была бы сильно нейтрализирована. Но при самомъ началѣ борьбы итальянскій вопросъ отступилъ на второй планъ: потому что, какъ скоро требованія Италіи не простирались дальше Венеціи, то вопросъ былъ уже разрѣшенъ тогда, когда еще не было сдѣлано ни одного выстрѣла. Въ Австріи на дѣло италіанское смотрѣли точно также какъ повсюду, только пріискивали способъ, какъ бы съ честью и съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ потерять эту область. Вознагражденіе за эту мнимую потерю Австрія надѣялась получить отъ Пруссіи: кромѣ Силезіи ей нечего было требовать и не на что мѣтить. На эту провинцію Австрія имѣла такъ же мало права, какъ не имѣла больше права на Венецію: мы говоримъ не о правахъ, написанныхъ на бумагѣ, но о правахъ, какія присвоиваютъ себѣ сильныя и независимыя государства, какія намъ бросаются въ глаза въ теченіе развитія всей исторической жизни человѣчества и исторіи отдѣльныхъ народовъ. Мы говоримъ о томъ правѣ, какое даетъ не одна грубая сила, но сила, стремящаяся къ выполненію добраго и благоразумнаго дѣла, о правѣ добраго и честнаго стремленія къ улучшеніямъ, которое всегда идетъ объ руку съ войною и завоевываетъ то, что можно, не обращая вниманія на пергаменты; благо тому народу и той войнѣ, въ которой доброе начало торжествуетъ. Кромѣ того, ни въ цѣломъ народѣ, ни въ замѣтной части

народонаселенія Силезіи не было и тѣни желанія — прусское управленіе промѣнять на австрійское. Напротивъ, именно въ Бреславлѣ, въ маѣ мѣсяцѣ, написанъ былъ сочувственный адресъ королю; въ то время, когда всѣ остальныя части Пруссіи засыпали его адресами съ миролюбивыми чувствами и предложеніями, бреславскій адресъ, написанный магистратомъ и городскими представителями, языкомъ исполненнымъ мужества и достоинства, говоритъ, что городъ и весь край готовы принять на себя всѣ несчастія, страданія и всѣ тягости войны, если нѣтъ инаго способа избѣжать столкновенія съ Австріей и если нужно охранять и отстаивать могущество и цѣлость Пруссіи. Итакъ Силезія сдѣлалась спорнымъ пунктомъ между Австріей и Пруссіей, на томъ основаніи, что она когда-то принадлежала Австріи; но присоединеніе ея къ ней имѣло бы послѣдствія, гораздо важнѣе тѣхъ, какія связаны съ ближайшимъ пріобрѣтеніемъ и потерей Силезіи. Завоеваніе этой области возвело Пруссію на степень первостепенной державы и дало ей возможность уравновѣсить вліяніе Австріи въ Германскомъ союзѣ; теперь, еслибы Силезія была оружіемъ отнята отъ Пруссіи, то при самомъ благопріятномъ исходѣ, Пруссія стала бы тѣмъ же, чѣмъ была до Фридриха Великаго — самымъ обширнымъ, потерриторіальному протяженію, государствомъ Германіи. Но при этомъ дѣло не могло бы остаться: органъ многихъ партій, вѣнская газета «Presse» очень откровенно говорила, что цѣль войны заключается въ томъ, чтобы, для спокойствія средней Европы, предпринять политическую реорганизацію Германіи, но въ антипрусскомъ духѣ: реорганизація должна быть произведена такъ, чтобы для Пруссіи сдѣлалось невозможнымъ увеличить свои владѣнія въ ущербъ Германіи, или посредствомъ договоровъ съ другими, меньшими германскими государствами поставить тѣ, или другія изъ германскихъ владѣній въ подчиненное положеніе и чрезъ то возвысить свое собственное значеніе: — если бы, напримѣръ, Саксонія, или Ганноверъ (Баваріи вѣнскій политикъ не касался) сдѣлались бы вдвое больше того, какъ они въ дѣйствительности, то и тогда пріобрѣтеніе было бы очень значительное для цѣлаго союза. Но не могъ ли изъ этого заключать всякій, не совсѣмъ слѣпой наблюдатель, что такая политика, если не дѣлала неизбѣжною необходимостью, то покрайней мѣрѣ неибѣжно вела за собою значительную уступку германскихъ владѣній Франціи, чтобы не ссориться съ нею; австрійско-габсбургскій домъ никогда не остановился бы передъ такой уступкой, потому что потерю понесъ бы Германскій союзъ, а Австрія этимъ вѣроятно не очень волновалась бы и печалилась, потому что во всѣ времена не очень тяготѣла къ союзу и не сжилась съ нимъ. Но такимъ образомъ гегемонія Франціи надъ Германіей и надъ Италіей была бы упрочена. Вслѣдствіе этого германскій вопросъ сдѣлался великимъ европейскимъ вопросомъ, и цѣлая часть свѣта съ затаеннымъ дыханіемъ тревожно слѣдила за ходомъ дѣлъ, предшествующимъ войнѣ и сопровождающимъ ея развитіе.

Съ самаго начала характеръ этой войны былъ таковъ, что въ ней можно было видѣть событіе, долженствовавшее на долгое время рѣшить участь цѣлой Европы; сначала мы будемъ разсматривать войну въ цѣломъ, а потомъ опять перейдемъ къ разбору и оцѣнкѣ отдѣльнаго существованія каждаго изъ европейскихъ государствъ.

I. НѢМЕЦКО-АВСТРІЙСКО-ИТАЛЬЯНСКАЯ ВОЙНА.

Іюнь, іюль, августъ 1866 года.

Когда на германскомъ союзномъ сеймѣ произнесено было рѣшеніе 14 іюня, прусскіе посланники въ Дрезденѣ, Ганноверѣ и Касселѣ 15 іюня подали тождественныя ноты, въ которыхъ предлагали означеннымъ государствамъ соблюдать строжайшій нейтралитетъ, а за это Пруссія гарантировала имъ неприкосновенность ихъ территоріальныхъ владѣній и свободу управленія, какъ независимыхъ государей, сообразно съ предложенной Пруссіей реформой союзнаго управленія: для отвѣта каждому изъ государствъ давался короткій срокъ до 12 часовъ ночи того же 15 числа; если до назначеннаго часа не послѣдуетъ удовлетворительнаго отвѣта, то война считалась объявленною и военныя дѣйствія немедленно начинаются. Можно себѣ представить, въ какомъ волненіи были жители ближайшихъ мѣстъ къ прусскимъ войскамъ и, слѣдовательно, къ военной операціонной мѣстности. Такъ напримѣръ, передъ Вецларомъ стояла прусская дивизія Бейера, совсѣмъ готовая къ выступленію; народонаселеніе города съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидалось, какое рѣшеніе принесетъ съ собою полночь, и легко представить себѣ, съ какимъ волненіемъ сосчитали двѣнадцать ударовъ на старинныхъ часахъ собора; нѣсколько минутъ спустя съ прусской стороны послышался глухой звукъ барабановъ и рѣзкій свистъ пикулей. Жребій былъ брошенъ: предложенный Пруссіей нейтралитетъ отвергнутъ; въ Касселѣ предпочитали войну; не прошло и четверти часа, какъ прусскія войска уже показались передъ городомъ. Полкъ за полкомъ безмолвно проходили по молчаливымъ, безлюднымъ улицамъ и направлялись къ горѣ, на скатѣ которой построенъ старый городъ; въ немъ находится послѣдній остатокъ древней германской имперіи, ея каммергерихтъ (верховный судъ); по временамъ, въ ночной тишинѣ, раздавалась громкая и отрывочная прусская команда и стройный тактъ топота ногъ. Въ Дрезденѣ и Ганноверѣ ноту постигла таже участь и здѣсь не согласились на нейтралитетъ; и тамъ съ пунктуальною, чисто-нѣмецкою точностію начались военныя дѣйствія.

Великій, первый шагъ былъ сдѣланъ; мечъ былъ обнаженъ; но съ той самой минуты, какъ война была объявлена, въ Пруссіи, какъ по мановенію волшебнаго жезла, прекратился весь внутренній разладъ, о немъ не было больше помину. Весь народъ былъ охваченъ однимъ великимъ, всеобъемлющимъ чувствомъ патріотизма, передъ которымъ блѣднѣли и пропадали всѣ прочіе мелкіе интересы и ничтожныя неудовольствія; все было поглощено этимъ единодушно возрастающимъ интересомъ, заставлявшимъ дрожать и усиленно биться сердца и народа, и войска; все было забыто: и мелочный разладъ изъ-за бюджета, и неудовольствіе министерствомъ, и то, приходится ли молодымъ людямъ по общей военной повинности служить два, или три года; дѣло шло о томъ, чтобы отстаивать пріобрѣтенія, сдѣланныя въ теченіе столѣтій. о томъ, чтобы выполнить предначертанія великой судьбы. Воинственный духъ, распространенный въ народѣ всеобщею военною повинностью, одинаково проникшій и во дворецъ и въ хижину, встрепенулся

и поднялся въ цѣлой Пруссіи, даже на Рейнѣ, гдѣ народонаселеніе почти исключительно католическаго вѣроисповѣданія и гдѣ долѣе всего противились идеѣ начинать войну; но теперь всѣ эти другія чувства уступили мѣсто чувству патріотическому.

Очень понятно, что въ то мгновеніе, когда необходимо дѣйствовать и страдать, человѣкъ весь погружается въ то, чего отъ него требуетъ настоящее мгновеніе, и онъ не способенъ смотрѣть на вещи и событія съ точки зрѣнія ихъ міроваго историческаго значенія, не принимаетъ въ разсчетъ ихъ прошедшаго и и будущаго. Почти въ цѣлой Германіи и до начала войны даже и въ Пруссіи смотрѣли на войну, какъ на слѣдствіе честолюбивыхъ замысловъ и стѣсненнаго положенія руководящаго министра, или какъ на ненасытимую жажду къ завоеванію и увеличенію владѣній всего прусскаго правительства. Никто не замѣчалъ, или не обращалъ вниманія на то, что прусскій министръ выполнялъ только волю короля и что онъ дѣйствовалъ вполнѣ въ духѣ и въ смыслѣ программы, начертанной національнымъ обществомъ, или тѣхъ изъ его членовъ, которыхъ планъ былъ ясно и опредѣленно очерченъ. Никто не думалъ о томъ, что война эта неизбѣжна, чтобы разрѣшить споръ между Австріей и Пруссіей, и что рано, или поздно, но дипломатическая борьба между ними должна была окончиться оружіемъ; ходъ событій и отношеній неминуемо велъ къ этому. Мечтатели много толковали о единствѣ Германіи, думали рѣшить этотъ великій вопросъ безконечными застольными рѣчами на народныхъ праздникахъ, и политическими агитаціями довести дѣло до конца, но при этомъ, каждый, толкуя о единствѣ Германіи, про себя думалъ о томъ, какъ бы уютнѣе и независимѣе устроить свое владѣньице и свою личную жизнь. Теперь же дѣйствительность какъ бы громовымъ ударомъ пробудила беззаботныхъ: поэтому неудивительно, что государи возненавидѣли Пруссію, а вслѣдъ за ними и ихъ подданные, которые нисколько не дальновиднѣе ихъ; они отъ всей души возненавидѣли нарушителей общаго спокойствія: но такъ какъ въ природѣ людей лежитъ черта презирать все то, что они ненавидятъ, то во всѣхъ частяхъ Германіи, раздраженныхъ дерзостью Пруссіи, было и презрѣніе къ ней и затѣмъ непоколебимое убѣжденіе, что война эта будетъ гибельна для ненавистной Пруссіи. Не лучше этого въ цѣлой Европѣ смотрѣли на войну; вездѣ господствовало убѣжденіе, что Пруссія будетъ побѣждена; не доискиваясь причинъ, одинъ повторялъ тоже самое предсказаніе за другимъ, и наконецъ даже люди знающіе, увлеченные общимъ примѣромъ, говорили тоже самое. Разсказываютъ, что въ Петербургѣ одинъ изъ высокопоставленныхъ людей, съ большимъ знаніемъ политическихъ и военныхъ дѣлъ Европы, однажды на улицѣ встрѣтилъ толпу молодыхъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, которые, по призыву короля своего, гурьбой шли на Варшавскую желѣзную дорогу, чтобы отправиться на родину занять свои мѣста въ прусскомъ войскѣ; увидѣвъ пеструю толпу, вельможа, бывшій верхомъ, подъѣхалъ къ ней, осадилъ лошадь и спросилъ, что это за люди и куда они идутъ; получивъ отвѣтъ, что они пруссаки, отправляются на родину, чтобы защищать и спасать свое отечество, онъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на толпу, кивнулъ ей головою и сказалъ: «вамъ все-таки не спасти его!» повернулъ лошадь и ѣхалъ.

Въ Германи не спрашивали больше, кто былъ защитникомъ праваго дѣла, а только говорилось о томъ, что будетъ, когда Австрія и коалиція останутся побѣдителями. Ненависть къ Пруссіи разгоралась, дѣла рѣшались только по ея внушеніямъ; слушали только возгласы радикаловъ и демагоговъ къ Пруссіи, за ихъ говоромъ не замѣчали робкихъ голосовъ, которые гово рили, что единство и свобода Германіи неразрывно связаны съ успѣхами прусскаго оружія. А между тѣмъ, они были правы: все что говорилось, о чемъ кричали въ палатахъ и въ народныхъ собраніяхъ меньшихъ государствъ и государствъ средней величины германскаго союза, не имѣло основанія; свобода, какую они себѣ представляли, была немыслима. Внутреннее столкновеніе въ Пруссіи было какъ бы необходимымъ и естественнымъ кризисомъ въ жизни этого государства; но со всѣми своими насиліями это было ничто въ сравненіи съ мелкой тираніей мелочныхъ отношеній, отъ которыхъ гибла и въ которыхъ прозябала общественная и государственная жизнь этихъ второстепенныхъ державъ. Лучшія нравственныя и умственныя силы

замирали и пропадали въ тѣсной средѣ; имъ негдѣ было развернуться, не было возможности выказаться и достигнуть полнаго свободнаго развитія, при этомъ положеніи дѣлъ не предвидѣлось исхода: пока у нихъ за плечами останется австрійское протекторство, которое не могло ни желать, ни допускать серьезнаго стремленія къ единству и къ свободѣ, потому что и въ первомъ и во второмъ случаѣ надобно предполагать самостоятельное существованіе тѣсно соединеннаго чисто германскаго государства, въ составъ котораго Австрія не могла и не должна была войти. На счетъ послѣднихъ, окончательныхъ слѣдствій побѣды Австріи у политиковъ южно-германскихъ государствъ еще было разногласіе. При этихъ политическихъ мечтахъ замѣчательно только то, что, не доискиваясь до окончательнаго устройства цѣлой Германіи, каждый предавался только своимъ дикимъ фантазіямъ и всѣ онѣ клонились къ одной цѣли: увеличить свои владѣнія самымъ удобнымъ и полезнымъ, т. е. выгоднымъ образомъ; затрудненій при этомъ не предвидѣлось, каждый по картѣ выбиралъ себѣ то, что ему приходилось по вкусу; напримѣръ, Баваріи годились прусскія прирейнскія провинціи; Вюртембергу—очень удобный Гогенцоллернъ и т. д., добычу дѣлили, когда она еще не была въ рукахъ. Но такъ какъ здѣсь съ давнихъ поръ привыкли толковать, судить и рядить о политикѣ, то договорились до полной, несомнѣнной увѣренности въ побѣдѣ. Вюртембергскій министръ иностранныхъ дѣлъ, человѣкъ чрезвычайно умный и дальновидный, однакожь не устоялъ, далъ себя заговорить и увлекся общими неосновательными мечтами; въ вюртембергской палатѣ депутатовъ, когда рѣчь зашла о начинающейся войнѣ, онъ воскликнулъ: «Пруссія не можетъ избавиться отъ Vae victis... Силезіи она навѣрное лишится,» затѣмъ другой государственный человѣкъ, въ томъ же государствѣ, сказалъ: «еще вопросъ, можетъ ли Пруссія сохранить свое политическое существованіе».

То же самое настроеніе преобладало въ Австріи и такъ какъ здѣсь всѣ другъ друга обманывали несбыточными надеждами на побѣду, то еще до столкновенія, пораженіе какъ бы подготовлялось. «Легче всего обманывать самого себя», сказалъ одинъ изъ древнихъ ораторовъ; Австрія и вся почти Германія были на одной сторонѣ, а Пруссія одиноко стояла на другой, какъ тутъ было не обманываться? Особенно много пользы для себя ожидала Австрія отъ внутренняго столкновенія въ Пруссіи; еще большаго, отъ общей популярной ненависти къ Пруссіи; выраженіе этого чувства Австрія принимала за дѣйствительную силу; не смотря на это, въ послѣднее десятилѣтіе, а еще болѣе въ послѣднее трехлѣтіе, можно было бы убѣдиться опытомъ, что такого рода настроеніе въ нѣмцахъ совершенно равно нулю, сравнительно съ правильно организованною государственною силою: а высчитать случайности побѣды, пока это можно было сдѣлать на бумагѣ, было вовсе не трудно. Предполагая неудачу съ начала, разсчитывали на то, что война будетъ длиться; при этомъ опять-таки число народонаселенія можетъ быть взято въ разсчетъ и обусловить успѣхъ; примѣромъ этого могла служить война между сѣверо-американскими соединенными штатами: при этомъ роль сѣверныхъ штатовъ, въ воображеніи мечтателей, выпадала на долю Австріи, а роль южныхъ, возмутившихся—на долю Пруссіи. Далѣе, все на бумагѣ разсчитывали такъ: одной трети народной силы Австріи достаточно противъ Италіи; если же къ остальнымъ двумъ третямъ присовокупить сумму народонаселенія остальныхъ государствъ, составившихъ съ Австріей коалицію и вмѣстѣ съ нею подписавшихъ постановленное 14 іюня рѣшеніе союзнаго сейма, а именно: Баваріи, Саксоніи, Ганновера, Вюртемберга, обоихъ Гессеновъ и хотя противящагося Бадена, но находящагося въ области могущества коалиціи, то можно было насчитать крупную цифру въ 40 милліоновъ, противъ сравнительно слабой Пруссіи въ 20 милліоновъ, потому что Пруссія могла только разсчитывать на помощь двухъ батальоновъ со стороны Кобурга и одного батальона со стороны Липпе-Детмольда. Въ стратегическомъ отношеніи положеніе коалиціи было несравненно выгоднѣе положенія со всѣхъ сторонъ открытой Пруссіи; у нея кромѣ того въ тылу были недовольныя герцогства Шлезвигъ и Гольштейнъ, а прирейнскія области отъ нея, какъ клиномъ, отдѣляли Ганноверъ и курфюршество Гессенское. Затѣмъ, пересматривая народонаселеніе, глубокомысленные политики выводили заключеніе, что сообразно съ нимъ должна быть и военная сила коалиціи; по таблицамъ выходило: Австрія должна была имѣть армію въ

800,000 чел., не считая того, что можетъ дать Ганноверъ, Гессенъ и т. д. По готскому календарю выходило, что Баварія можетъ выставить 200,000 чел. Вюртембергъ 40,000 чел.; если же взять въ разсчетъ только то, что выставить должны оставшіяся на сторонѣ Австріи государства Германскаго союза, то получалась очень значительная цифра 185,000, совершенно готоваго, обученнаго и снаряженнаго войска. Только постепенно и съ опасеніями обнаруживалась истина, которая показала то, что знающимъ и посвященнымъ въ дѣла людямъ давно не было тайною, а именно: что по финансовымъ разсчетамъ у союзныхъ государствъ вовсе не было такихъ военныхъ силъ, какъ стояло въ отчетахъ; всѣ союзныя государства уменьшили свои арміи до крайнихъ предѣловъ, такъ что Баварія могла располагать только 42,000 войскомъ, а Вюртембергъ никакъ не больше 14,000; кромѣ того, при настоящемъ положеніи дѣлъ, еще никому не мерещилось, что разсчеты вѣрные здѣсь на бумагѣ вовсе не вѣрны въ дѣйствительности, что дважды два здѣсь никогда не составитъ 4, а всегда 3, или еще меньше. Одна только Саксонія оказалась исправной, только она одна имѣла совсѣмъ готовую армію: 19,000 пѣхоты, 2,400 кавалеріи и 60 орудій, все это хорошо вооружено, обучено и поставлено подъ начальство опытныхъ и образованныхъ офицеровъ; армія очень полезная, какъ выразилась о ней одна изъ вѣнскихъ газетъ. Если въ союзной арміи былъ недочетъ, то можно было, по крайней мѣрѣ, разсчитывать на австрійскую. Но тутъ, при видѣ общей увѣренности и энтузіазма, то тутъ, то тамъ возвышалось робкое и скромное замѣчаніе, что пѣхота дурно вооружена, что она должна старинными пистонными ружьями состязаться съ ружьемъ новѣйшаго игольчатаго устройства; но эти робкія замѣчанія замолкали, когда имъ указывали на гордость Австріи, на ея отличную, славную кавалерію и столько же прекрасную артиллерію, всѣ орудія которой были новѣйшаго устройства. Тогда еще никому не было извѣстно, какія чудеса въ Пруссіи были сдѣланы всеобщею военною повинностью, и еще не знали каковы были офицеры прусской арміи; въ Австріи привыкли, во время внутреннихъ столкновеній прусскаго правительства съ народомъ, съ крайнимъ пренебреженіемъ смотрѣть на духъ касты въ прусскомъ войскѣ; тамъ всѣми способами осмѣивали его духъ юнкерства; напротивъ того австрійскій корпусъ офицеровъ, составленный преимущественно изъ дворянъ, хотя по большей части и бѣдныхъ, однакожь громко и гордо восхвалявшихъ свои личныя доблести, свою храбрость и храбрость своихъ предковъ, тщеславился военною опытностью, пріобрѣтенною на поляхъ битвъ. Правда, австрійская армія была разбита въ 1859 году французскою; но увѣряли, что это вовсе неудивительно: французская армія безспорно первая въ мірѣ, а вторая—австрійская, такъ толковали офицеры въ казармахъ, а политики—въ пивныхъ погребахъ. Головы разгорячались, пруссаки являлись неопасными соперниками, и южно-германскіе мечтатели уже толковали о походѣ въ Берлинъ, о покореніи Пруссіи, какъ объ охотничьей забавѣ, точь; въ точь, какъ прусскимъ юнкерамъ и офицерамъ до іенскаго сраженія, при Наполеонѣ I, легко казалось овладѣть Парижемъ; здѣсь повторилось тоже самое, что всегда и вездѣ бываетъ: высокомѣріе предшествовало паденію.

Увѣренность австрійскаго войска въ побѣдѣ увеличилась, когда извѣстно сдѣлалось, кому поручено главное начальство надъ войскомъ: сначала императоръ Францъ Іосифъ самъ намѣревался начальствовать надъ дѣйствующей арміей, но голосъ и желаніе народа указывали ему на Людовика фонъ-Бенедека; императоръ свое личное желаніе пожертвовалъ народному и назначилъ Бенедека главнокомандующимъ. Онъ родился въ 1804 году, всю жизнь провелъ въ военной службѣ и отличился въ Польшѣ, въ Венгріи и въ Италіи; ему удалось даже въ минуту пораженія при Сольферино выказать свое военное счастіе и свое военное дарованіе; въ послѣднія венгерскія и итальянскія смуты онъ опять выказалъ свое искусство, какъ военачальника. Обстоятельство, что онъ началъ свою карьеру съ низшихъ ступеней, что, не смотря на то, что онъ протестантъ, самъ своими личными заслугами проложилъ себѣ путь въ чисто католическомъ государствѣ, все это только увеличивало общее уваженіе и общую довѣренность къ нему, особенно между демократами. Ближайшіе исполнители его приказаній, шефъ генеральнаго штаба Генивштейнъ, генералъ-квартирмейстеръ фонъ Крисманакъ, тоже были хотя дворяне, но не происходили отъ древнихъ владѣтельныхъ домовъ, что

въ глазахъ демократической партіи коалиціи было уже немаловажнымъ достоинствомъ. Аугсбургская «Allgemeine Zeitung» уже давно прославляла всѣхъ имѣвшихъ какую либо отдѣльную часть войска подъ своимъ непосредственнымъ начальствомъ и заботилась о томъ, чтобы еще до начала войны имена ихъ сдѣлались извѣстны, если не въ Европѣ, то покрайней мѣрѣ въ Германіи; послѣ этого спрашивалось: какого генерала, опытнаго въ войнѣ, какого предводителя могла выставить Пруссія?

Всѣ спекулятивные умы еще были заняты исчисленіемъ возможныхъ случайностей войны и успѣха, когда война была объявлена и трое сутокъ спустя коалиція потерпѣла пораженіе на трехъ пунктахъ. Пруссаки овладѣли Ганноверомъ 17, Дрезденомъ 18 и Касселемъ 19 іюня.

1. Война до битвы при Кенигрецѣ.

Въ этой войнѣ надобно отличать три различныя военныя мѣстности: южную или итальянскую, западную или германскую и восточную, или австрійскую.

Объявленіе войны со стороны Италіи послѣдовало 20 іюня. 17 король Викторъ Эмануилъ измѣнилъ составъ министерства. Своего министра-президента Ламармору онъ взялъ съ собою къ дѣйствующей арміи, а управленіе государствомъ въ свое отсутствіе поручилъ принцу Кариньяну. Руководство министерствомъ принялъ на себя человѣкъ испытанный, съ возвышеннымъ и всеобъемлющимъ чувствомъ патріотической преданности отечеству и съ сознаніемъ своего достоинства, баронъ Риказоли, который назначенъ былъ министромъ-президентомъ; онъ съ одной стороны больше самаго короля сочувствовалъ войнѣ и желалъ ея: онъ въ ней предвидѣлъ возможность доставить Италіи большую независимость отъ Франціи; въ этомъ отношеніи и онъ стремился съ большимъ усердіемъ къ цѣли, нежели самъ король и Ламармора, человѣкъ съ ограниченнымъ умомъ, но съ колоссальнымъ самолюбіемъ, нисколько не подготовленный къ тому, чтобы противостоять натиску внѣшнихъ обстоятельствъ въ минуту наступившаго опаснаго кризиса: не ему было являться дѣятелемъ въ такую роковую пору! По его внушенію, манифестъ короля, объявляя войну, всю вину ея слагалъ на Австрію и ни однимъ словомъ не упомянулъ о союзѣ съ Пруссіей. «Въ качествѣ перваго солдата моего королевства я иду опять на войну» говорилось въ заключеніи манифеста; къ несчастію, король не выказался первымъ полководцемъ своего отечества.

Эрцгерцогъ Альбрехтъ, съ тремя военными корпусами, не превышавшими впрочемъ 100,000 человѣкъ, стоялъ въ знаменитомъ четыреугольникѣ крѣпостей. У Италіи войска было по крайней мѣрѣ около 215,000 человѣкъ, слѣдовательно оно было вдое многочисленнѣе австрійскаго. Казалось бы, наступила минута, самая благопріятная для Италіи, чтобы выказать свои способности и свое патріотическое одушевленіе; къ несчастію, тамъ не имѣли того же взгляда на вещи, тамъ никто не говорилъ, что мечъ, обнаженный для такого великаго дѣла, не долженъ знать ноженъ, онѣ должны быть заброшены. Прусскій посланника Узедомъ сообщилъ итальянскому правительству ноту еще 19 числа, написанную хотя не по порученію прусскаго короля, но по крайней мѣрѣ въ его духѣ, доказывая, что война, если она рѣшена, должна быть жестокая и окончательная (guerre à fond). Планъ, который онъ предлагалъ, былъ проникнутъ мужествомъ, рѣшительностію и смѣлостію, достойными быть выполненными при наступившихъ обстоятельствахъ: «наша система войны, говорилось въ немъ, должна быть чисто наступательною; итальянскія войска должны проложить себѣ дорогу къ Дунаю и очистить край на столько, чтобы двинуться на Вѣну; необходимо организовать сильный корпусъ волонтеровъ, подъ начальствомъ Гарибальди, чтобы прикрывать фланги и тылъ движущейся впередъ главной арміи; со стороны Силезіи пруссаки должны сдѣлать нападеніе на Венгрію въ видахъ того, что недовольный край поднимется и свои силы присоединитъ къ нападающимъ; еслибы итальянское пра-

вительство дѣйствовало, сообразно съ этой нотой, то союзники встрѣтились бы, или въ Венгріи, или сошлись бы передъ Вѣной. Но Ламармора положилъ себѣ ноту въ карманъ и больше не думалъ о ней; вмѣсто того, чтобы со всею массою войска перейти черезъ По, оставить укрѣпленный четыреугольникъ въ покоѣ и сдѣлать Вѣну цѣлью своего предпріятія, онъ раздробилъ свои военныя силы. Только одинъ корпусъ — Чіальдини стоялъ на нижнемъ По; съ двумя корпусами Ламармора перешелъ черезъ Минчіо, оставивъ еще одинъ корпусъ за собою, безъ всякой видимой цѣли, и 24 іюня при Кустоццѣ сошелся съ австрійцами; завязалась битва; послѣ замѣчательно дурныхъ и ни съ чѣмъ не сообразныхъ распоряженій, Ламармора было жестоко разбитъ, войско было до того разметано и разстроено, что въ теченіе двухъ недѣль было неспособно стать подъ ружье; отъ проиграннаго сраженія Италія понесла потерю, которой нельзя было ни вознаградить, ни исправить.

Общему дѣлу эта неудачная битва не принесла значительнаго вреда, но затруднила успѣхъ и все по винѣ этого упрямаго, ограниченнаго и занятаго собою человѣка: но одну часть своего назначенія итальянская армія все-таки выполнила, она служила отвлеченіемъ для сѣверной войны; извѣстная доля австрійскаго войска, занятая Италіею, не могла принимать участія въ общихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Впрочемъ положеніе Пруссіи кромѣ того представляло ту несомнѣнную выгоду, что ей не приходилось разсчитывать на сомнительную помощь союзниковъ, она должна была вполнѣ полагаться на собственныя свои силы. Верховное начальство надъ прусскимъ войскомъ, какъ это и должно быть въ странѣ, гдѣ существуетъ всеобщая военная повинность, принялъ на себя король Вильгельмъ, но въ началѣ онъ распоряжался только изъ Берлина. Между полководцами, которые въ этомъ королевскомъ домѣ, какъ бы по наслѣдству, при рожденіи получаютъ воинственный духъ и въ теченіе столѣтій отличались своими дарованіями, король Вильгельмъ занимаетъ не послѣднее мѣсто. Его главная заслуга заключается въ той твердости и въ томъ сознаніи своихъ цѣлей, съ какими онъ проводилъ идею о нововведеніяхъ въ войскѣ, въ самопожертвованіи, съ какимъ онъ отказался отъ народной любви, въ которой сердце его, открытое любви къ отечеству и къ народу, мягкое по природѣ, нуждалось; но онъ все это принесъ въ жертву своей идеѣ и убѣжденію такимъ путемъ доставить своему народу могущество и величіе: этихъ внутреннихъ терзаній и жертвъ мало кто понималъ и оцѣнивалъ... Всякій зналъ только, что онъ человѣкъ мужественный, основательно изучившій военное дѣло—практически и теоретически, но не каждому было извѣстно, что король умѣлъ выбирать себѣ достойныхъ помощниковъ; начальникомъ своего генеральнаго штаба онъ сдѣлалъ Гельмута фонъ Мольтке, одного изъ величайшихъ и геніальнѣйшихъ знатоковъ военнаго искусства. Нѣтъ надобности въ сочиненіи историческомъ, слѣдящемъ за общимъ ходомъ событій, пускаться въ біографическія подробности; но одно слѣдуетъ замѣтить: этотъ великій военный теоретикъ, достигшій 66 лѣтъ и находившійся въ прусской службѣ съ 1822 года, никогда не командовалъ одною изъ отдѣльныхъ частей войска. Но въ этой войнѣ мы замѣчаемъ удивительное стеченіе обстоятельствъ, какъ бы нарочно подобранныхъ для успѣха цѣлаго: во главѣ войска стоялъ король, послѣ долгой внутренней борьбы и долгаго колебанія наконецъ рѣшившійся выполнить свой долгъ, ясно и самостоятельно сознавшій его, человѣкъ твердый, но безъ тѣни упрямства, добрый и кроткій, безъ слабости; рядомъ съ нимъ, одною ступенью ниже стоялъ Бисмаркъ—всемогущій министръ, руководящій и внутреннимъ и внѣшнимъ управленіемъ, съ желѣзной энергіей, управляющій внѣшнею политикою, ясно сознающій цѣль, къ которой стремится, несчитающій своихъ приговоровъ непогрѣшимыми въ отдѣльныхъ случаяхъ, но неуступающій ни на волосъ изъ главныхъ рѣшеній, смѣлый, но не безразсудно дерзкій; передъ его свѣтлымъ политическимъ умомъ ясны были всѣ остановки и уклоненія, какія могли встрѣтиться на однажды предпринятомъ пути. Въ сношеніяхъ съ людьми, погруженными въ мелочные разсчеты, обманы, коварные замыслы и унизившіеся отъ постоянной ненависти и самообожанія, отъ двухъ страстей, отъ которыхъ можетъ пострадать проницательность и умъ самаго дальновиднаго государственнаго человѣка и самый опытный можетъ ошибиться въ своихъ разсчетахъ, хотя бы напримѣръ такой, какъ великій математикъ

береговъ Сены, — въ сношеніяхъ со всѣми этими и подобными дипломатами прусскій министръ всегда дѣйствовалъ, какъ человѣкъ свободный, прямой и честный; вѣрнымъ помощникомъ королю — знатоку военнаго искусства, и государственному человѣку, глубокому политику, Бисмарку, былъ военный министръ Роонъ, человѣкъ съ замѣчательнымъ талантомъ организатора; на счетъ управленія не было иллюзій, не было незрѣлыхъ проектовъ и таинственныхъ плановъ, но вездѣ замѣтна была дѣятельная, опытная, согласная съ потребностями и приносящая выгоду жизнь, и все это опиралось на войско, въ которомъ съ первыхъ дней его существованія, со временъ курфюрста, ничего не дѣлалось для вида, но все для прочнаго его совершенствованія и, наконецъ, все опиралось на трудолюбивый, привыкшій къ умѣренности и лишеніямъ народъ, теперь съ своей стороны рѣшившійся нести борьбу и пролить свою кровь въ битвѣ, на которую съ такимъ колебаніемъ и внутреннимъ страданіемъ рѣшился король.

Рѣшеніе союзнаго сейма отъ 14 іюня предоставляло прусскому правительству полную свободу дѣйствія; на первое время, вся задача состояла только въ томъ, чтобы очистить поле битвы на западномъ, т. е. германскомъ поприщѣ военныхъ дѣйствій. Главныя военныя силы направлены были на главнаго противника, на Австрію, и потому на долю западныхъ, германскихъ враговъ оставались незначительныя силы: но ихъ успѣхъ зависѣлъ отъ быстроты и распорядительности начальства, отчего ихъ количество какъ бы удвоилось, а при недостаткѣ сметливости, медленности и знанія противниковъ, прусскіе полки какъ бы учетверились. Главная задача западной арміи заключалась въ томъ, чтобы сдѣлать ганноверское войско безвреднымъ, а если можно, то также и гессенское. Попытка добиться этого мирнымъ способомъ, посредствомъ договора, какъ мы уже видѣли, не удалась. Бисмаркъ, еще 9 мая, съ полною откровенностью объяснилъ дѣло ганноверскому правительству, что по географическому положенію Ганновера и Пруссіи, послѣдняя, передъ всѣми другими, должна заботиться о своихъ обязанностяхъ ближайшихъ, родныхъ интересовъ, прежде всего думать о самосохраненіи; нѣкоторое время Ганноверъ колебался, но поддавшись вліянію принца Сальма, присоединился къ Австріи.

Никому однакожъ и въ умъ не приходило предпринять необходимыя послѣ такого рѣшенія мѣры. Депутація отъ магистрата и представителей гражданскихъ коллегій еще 15 мая просила короля войти въ соглашеніе съ Пруссіей, но напрасно: предложеніе прусскаго военнаго начальника было отвергнуто; слѣпые вожди слѣпаго короля, по непростительной оплошности, рѣшаясь на такую важную мѣру, все-таки не дѣлали никакихъ военныхъ приготовленій. Сначала говорили о томъ, что нужно бы ганноверскимъ войскамъ присоединиться къ австрійскимъ отступающимъ изъ Гольштиніи подъ начальствомъ Калика, и потомъ, присоединивъ къ нимъ гессенскіе полки, составилась бы очень внушительная масса въ 30,000 человѣкъ готоваго къ битвѣ войска, сосредоточеннаго въ окрестностяхъ Геттингена. Планъ былъ хорошъ; но онъ остался планомъ; ничего не сдѣлано для его выполненія. Судьба королевскаго дома Вельфовъ исполнилась: старый слѣпой король какъ бы предвидѣлъ ее, когда поминутно говорилъ о томъ, что на престолѣ Ганноверскаго королевства домъ Вельфовъ останется до конца дней своихъ: тронъ палъ одновременно съ династіей. Уже 15 генералъ Мантейфель съ войскомъ переправился черезъ Эльбу, занялъ Гасбуръ и двинулся на югъ къ Люнебургу и Целле, оставивъ въ гецогствахъ Шлезвигъ-Гольштейнѣ всего только 5,000 человѣкъ и почти исключительно ландвера; со стороны Миндена, генералъ Фогель фонъ-Фалькенштейнъ двинулся къ Ганноверу. Получивъ извѣстіе о занятіи Гарбурга, король Георгъ V рѣшился сосредоточить свои войска подлѣ Геттингена. Только 15 числа даны были приказы: въ то же время самъ король выѣхалъ изъ столицы, и очень во время; потому что 17-го дивизія Гебена, послѣ 12 часоваго перехода, заняла городъ, а Фогель фонъ-Фалькенштейнъ тотчасъ же принялъ на себя управленіе государствомъ; ему достались богатые запасы, оставленные ему при поспѣшномъ отступленіи. Около этого же времени на капитуляцію сдался Стаде и нанижнемъ теченіи Эльбы Эмденъ, и тутъ и тамъ были собраны большіе запасы; гарнизоны были распущены по домамъ. Генералъ Бейеръ вступилъ въ Кассель 19 числа; гессенскаго войска было до 7,000, но оно безъ выстрѣла почью оста-

вило столицу; а курфюрстъ очень спокойно и беззаботно остался въ Вильгельмсгое. Прусскій генералъ издалъ очень благоразумную и хорошо разсчитанную прокламацію, объявлявшую о занятіи курфюршества; онъ обѣщался строго исполнять существующую конституцію, устранить и уничтожить всѣ временныя ограниченія, которыя до сихъ поръ мѣшали введенію конституціоннаго права, и показывалъ народу возможность лучшаго положенія дѣлъ въ будущемъ; эта рѣчь пришлась по вкусу не только угнетеннымъ жителямъ Гессена, но понравилась даже въ непріятельскихъ, южно-германскихъ государствахъ, гдѣ наравнѣ съ остальною Германіей не любили курфюрста и радовались, что его, какъ военноплѣннаго, отвезли сперва въ Минденъ, а потомъ въ Штетинъ.

Ганноверская армія между тѣмъ достигла Геттингена. Она во время перехода присоединила къ себѣ все, что можно было, изъ резерововъ и къ 20 числу, вся состояла изъ 15,000 пѣхоты, 2,000 кавалеріи при 42 орудіяхъ; это войско могло съ успѣхомъ пробиться на югъ, чтобы присоединиться къ австрійцамъ. Предложено было черезъ Эйзеннахъ совершить это движеніе, но король, по своей нерѣшительности, не далъ приказанія во время. Онъ велъ переговоры, нравившіеся въ Берлинѣ, потому что оттягивали время, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать; онъ могъ бы спасти свой тронъ, если бы согласился принять предложенія, какія ему дѣлала Пруссія, еще 15, но онъ отвергнулъ всякое соглашеніе; а между тѣмъ время проходило и прусское войско успѣло стянуться. Къ 25 числу прусское войско, на день пути, полукругомъ окружило Лангензальцъ, гдѣ находилась главная квартира короля; прусское войско состояло изъ 30,000 человѣкъ. Ганноверское войско не могло пробиться, но не хотѣло сдаваться на капитуляцію и потому 27 іюня началась битва при Лангельзальцѣ, гдѣ прусскій генералъ-маіоръ фонъ Флисъ съ 8,150 пѣхоты, по большей части составленной изъ ландвера, безъ игольчатыхъ ружей, съ 225 кавалеріи и 24 орудіями сражался съ 20,000 ганноверцами съ 52 орудіями. Съ 11 часовъ утра до 4 выносилъ онъ нападеніе; но тутъ принужденъ былъ отступить. Потеря была очень чувствительная; тутъ было убито до 800 человѣкъ; но главная цѣль задержать ганноверское войско была вполнѣ достигнута; къ вечеру 28 числа пруссаки, въ числѣ 40,000 чел., окончательно замкнули кругъ ганноверскаго войска и капитуляція сдѣлалась неизбѣжна. Король Вильгельмъ, желая выразить свое уваженіе къ храбрости своихъ противниковъ, согласился на очень почетныя условія: слѣпому королю предоставлялось право избрать себѣ мѣстомъ жительства любую мѣстность, только внѣ границъ Ганновера, и онъ сохранялъ свое частное имущество; войско должно было обѣщать не сражаться въ непріятельскихъ рядахъ противъ Пруссіи, принуждено было сложить оружіе и было распущено по домамъ; но офицерамъ, унтеръ-офицерамъ и гражданскимъ чинамъ производилось жалованье, какъ до тѣхъ поръ.

Баварская помощь не явилась, и тѣмъ всѣ разсчеты были опрокинуты. Въ тотъ самый день, 14, когда во Франкфуртѣ голосовали дѣло прусско-австрійское, въ Ольмютцѣ между Австріей и Баваріей заключена была конвенція, по уважительнымъ причинамъ оставшаяся тайной для остальныхъ союзныхъ державъ. Статьи этого договора, касавшіяся войска, давали баварской арміи самостоятельность и подчиняли баварскому главнокомандующему также и вюртембергское, баденское, гессенское и нассауское войско, но въ общихъ движеніяхъ и операціонныхъ планахъ, онъ долженъ былъ повиноваться австрійскимъ верховнымъ распоряженіямъ. Но при составленіи общаго операціоннаго плана,—стояло въ этомъ примѣрно мудромъ коалиціонномъ договорѣ стратегическихъ правилъ,—должно было не выпуская изъ вида главной цѣли, все-таки имѣть въ виду, чтобы военныя операціи союзниковъ оставались вѣрными интересамъ тѣхъ государствъ, войска которыхъ вошли въ составъ союзной арміи, и чтобы ни въ какомъ случаѣ не была выпущена изъ вниманія защита границъ каждаго изъ союзныхъ государствъ. Баварская армія въ 40,000 чел. съ 136 орудіями находилась подъ непосредственной командой фельдмаршала принца Карла Баварскаго; ему же, по рѣшенію союзнаго сейма, отъ 21-го, подчинена была и остальная подвижная часть союзнаго войска. Этотъ принцъ, братъ короля Людовика I, старикъ 71 лѣтній, участвовалъ въ походахъ съ 1813 до 1815 года, но никогда не командовалъ отдѣльнымъ значительнымъ отрядомъ; начальникомъ его генеральнаго штаба былъ

Фрейгеръ фонъ деръ Таннъ, человѣкъ, сдѣлавшійся популярнымъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ въ шлезвигъ-гольштейнской войнѣ, организовалъ и начальствовалъ отрядомъ волонтеровъ; онъ, какъ опытный и дальновидный человѣкъ, не ожидалъ много добра отъ предпринимаемой кампаніи и очень охотно отказался бы отъ нея; но все-таки онъ не зналъ и не могъ предвидѣть, что именно эта война есть начало сцѣпленій событій, которыя въ будущемъ готовили для него много блистательныхъ успѣховъ. Самая неблагодарная въ этой войнѣ роль выпала на долю принца Александра Гессенскаго, которому поручено было начальство надъ восьмымъ корпусомъ союзной арміи; это былъ человѣкъ еще не старый, но сильный, отличившійся въ итальянской войнѣ. Но весь корпусъ, порученный ему союзнымъ сеймомъ, всего 45,000 человѣкъ, былъ малочисленнѣе одной дивизіи, какою онъ командовалъ при Сольферино: при этомъ обнаружилась вся бѣдность и недостаточность союзной арміи, хотя при ближайшемъ разсмотрѣніи нельзя было сказать, который изъ союзниковъ былъ болѣе другихъ виноватъ въ такомъ безсиліи и неисправности союзныхъ силъ: вина лежала на всѣхъ одинаково. Въ нихъ не было главнаго основанія всякой военной силы, не было единства: союзныя войска подчинены были шести, почти самостоятельнымъ, начальникамъ; у нихъ было шесть различныхъ системъ управленія, сигналовъ, артиллерійскихъ и ружейныхъ пріемовъ; въ теченіе 26 лѣтъ въ союзномъ войскѣ не было общихъ ученій и маневровъ; генеральный штабъ состоялъ изъ лицъ одинаково незнакомыхъ другъ съ другомъ и неизвѣстныхъ принцу — главнокомандующему войскомъ; само же войско ни въ одной изъ своихъ частей, ни въ какомъ отношеніи не было приготовлено къ войнѣ. Въ этомъ восьмомъ корпусѣ находились представители всевозможныхъ національностей, была австрійская бригада — гарнизонъ Майнца, составленный изъ итальянцевъ; но больше этого не хотѣлъ и не могъ жертвовать домъ Габсбургскій для поддержанія своего относительнаго вліянія въ Германіи и для спасенія своихъ союзниковъ.

Не было ясно сознаннаго и опредѣленно выраженнаго плана военныхъ дѣйствій; было приказано «обратить вниманіе» на прусскія провинціи: Прирейнскую и Вестфалію, лишенныя войска, и для этой цѣли предпринять наступательное движеніе къ сѣверо-западу. Къ 21 числу баварское войско совершило первый переходъ и главная квартира его расположилась въ Бамбергѣ. Принцъ Гессенскій стоялъ близъ Франкфурта на Майнѣ и дожидался, чтобы его разноплеменное союзное войско собралось; въ прокламаціи къ жительницамъ города онъ между тѣмъ предлагалъ заявить свой патріотизмъ изготовленіемъ черныхъ съ краснымъ и золотомъ бантовъ и повязокъ для арміи; при данныхъ обстоятельствахъ это было очень полезное занятіе, но странно противорѣчащее съ предосторожностями и энергіей, выражавшимися въ распоряженіяхъ прусскаго начальника войска: по его приказанію въ одинъ день и часъ конфискованы были всѣ крупныя и мелкія суда на Рейнѣ; о подобной военной мѣрѣ никому въ лагерѣ союзниковъ и въ голову не приходило.

Казалось бы, прежде всего необходимо было бы позаботиться о спасеніи 20,000 ганноверскаго войска, чего при нѣкоторой энергіи нетрудно было бы достигнуть. Но день за днемъ проходилъ — никакихъ распоряженій не дѣлали; 25 явился вѣрный слуга дома Вельфовъ, историкъ Оттонъ Клопъ, въ Бамбергъ, въ главную квартиру союзниковъ, и отъ имени своего короля просилъ баварской помощи; ему пришлось выслушать отъ баварскаго фельдмаршала аксіому, которою тотъ вполнѣ успокоивалъ свою воинскую совѣсть: «съ 19,000 человѣкъ не сдаются, а пробиваются», но онъ не сказалъ, что дѣлаютъ съ войскомъ въ 45,000, когда у него просятъ помощи. Бездѣйствіе союзниковъ длилось и тогда еще, когда послѣ уничтоженнаго ганноверскаго войска, прусскіе полки, подъ начальствомъ Мантейфеля, соединились съ Флисомъ, Бейеромъ, Эйзенахомъ и составили очень значительное войско въ 42,000 пѣхоты, 3,000 кавалеріи и 97 орудій, подъ начальствомъ генерала Фогеля-фонъ-Фалькенштейна; оно съ 1 іюля сдѣлалось извѣстно подъ именемъ майнской арміи. Она составлена была изъ разнородныхъ элементовъ: изъ ландвера, гарнизоновъ, стянутыхъ изъ Франкфурта, Майнца, Раштата и т. д., ей дано было порученіе наблюдать за Германскимъ союзомъ по его западной окраинѣ, а всѣ остальныя, главныя военныя

силы Пруссіи безраздѣльно направлены были на восточное поприще военныхъ дѣйствій, гдѣ должна была рѣшиться участь войны.

Противъ главнѣйшаго противника своего—Австріи Пруссія собрала всѣ свои лучшія, надежнѣйшія войска—восемь провинціальныхъ корпусовъ и гвардію. Крѣпости поручены были охраненію ландвера; въ Берлинѣ для карауловъ оставленъ былъ одинъ только линейный полкъ. Все прусское войско раздѣлилось на т р и а р м і и: восточная или 2-я армія состояла изъ восточно-прусскаго, или перваго корпуса, изъ познанскаго или пятаго, изъ силезскаго, или шестаго и изъ гвардіи; въ ней было 150,000 чел.; она была подъ начальствомъ кронпринца Фридриха-Вильгельма и была расположена въ Силезіи, близъ Нейсе. Средняя или 1-я армія составлена была изъ втораго или померанскаго корпуса, изъ третьяго или бранденбургскаго и четвертаго или тюрингенскаго корпуса и состояла подъ командою принца Фридриха Карла, толькo-что доказавшаго свои военныя способности въ шлезвигъ-гольштейнской кампаніи; его войско состояло изъ 96,000 чел. и расположено было близъ Герлица въ Лаузицѣ; наконецъ 3-я или эльбская армія въ 71,000 чел. составлена была изъ корпусовъ: рейнскаго, вестфальскаго и находилась подъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи Герварта фонъ Биттенфельда; она расположена была въ провинціи Саксоніи близъ Т о р г а у; кромѣ того въ Берлинѣ формировался резервъ. Такимъ образомъ Пруссія могла выставить 326,000 человѣкъ противъ 390,000 австрійцевъ, выведенныхъ противъ нея въ поле.

Когда предложеніе Пруссіи было отвергнуто 16 числа, у нея съ рукъ какъ бы сняты были оковы и она могла дѣйствовать свободно по своему усмотрѣнію, не стѣсняясь никакими отношеніями. Въ ночь, слѣдующую за этимъ роковымъ днемъ, саксонцы разрушили мосты на Эльбѣ, близъ Ризе и Мейсена; государственный архивъ и казна перевезены были въ Кенигштейнъ; въ прокламаціи, оканчивавшейся словами: «съ Богомъ за правое дѣло», король Іоаннъ простился съ подданными, и со всѣмъ войскомъ двинулся къ югу, чтобы присоединиться къ австрійцамъ.

Такимъ образмоъ, не обнажая меча, Саксонія была отдана въ руки пруссаковъ. По тремъ дорогамъ изъ Торгау эльбская армія двинулась въ Саксонію. Разрушенные мосты не могли служить важнымъ препятствіемъ, а 19 іюня принцъ Фридрихъ Карлъ, перешедшій тоже саксонскую границу, занялъ Л е й п ц и г ъ; 20 іюня вся Саксонія, за исключеніемъ Кенигштейна, была уже во власти пруссаковъ, и 1-я армія соединилась съ эльбскою; авангардъ ихъ уже придвинулся къ горнымъ проходамъ, ведущимъ въ Богемію. Итакъ, война и на этомъ пунктѣ началась быстрымъ, рѣшительнымъ и успѣшнымъ движеніемъ; вся сѣверная Германія была во власти Пруссіи; она теперь могла отъ всѣхъ побѣжденныхъ союзниковъ требовать, чтобы союзная форма, предложенная ею, была принята и чтобы всѣ они мобилизировали свои военныя силы и присоединили ихъ къ прусскимъ. Гораздо важнѣе былъ переворотъ, совершившійся въ самой Пруссіи; настроеніе народное, уже колебавшееся въ послѣднее время, теперь окончательно склонилось въ пользу короля; онъ могъ теперь вполнѣ и безъ всякихъ ограниченій разсчитывать на энергію и покорность своего народа, въ теченіе многихъ столѣтій своею твердостію содѣйствовавшаго силѣ и могуществу и самому образованію и значенію Пруссіи въ строѣ европейскихъ государствъ. Въ лагерѣ противниковъ быстрый ходъ военныхъ дѣйствій производилъ потрясающее впечатлѣніе; въ нѣсколько дней произошли важныя событія: Саксонія оставлена на произволъ враговъ, Баварія не выходила изъ безпечнаго бездѣйствія; опасность, угрожавшая существованію Ганновера, ежечасно увеличивалась — такія обстоятельства смущали и тревожили австрійцевъ и ихъ союзниковъ. Это далеко противорѣчило тому, въ чемъ доморощенные политики изъ народа убѣдились, разсуждая въ вюртембергскихъ пивныхъ погребахъ, за кружкою пива, и что баденскіе капелланы натолковали крестьянамъ, или что проповѣдывалось въ очищенномъ и облагороженномъ видѣ въ «Аугсбургской Газетѣ»; какъ бы то ни было, но до сихъ поръ могущество Австріи было еще прочно. Народъ недоумѣвалъ; то, что передъ нимъ совершалось, было такъ необыкновенно; естественно было предполагать ему, что тутъ кроется что нибудь непонятное, какой-нибудь таинственный или страшно мудрый планъ Бенедека,

толковали деревенскіе политики; вѣроятно, онъ хочетъ заманить пруссаковъ въ Богемію, въ самое логовище львиное, чтобы лучше и вѣрнѣе погубить и истребить ихъ; одна изъ австрійскихъ летучихъ газетъ съ истиннымъ умиленіемъ созерцала спокойствіе австрійской арміи, удивляясь ея величію и твердости въ сравненіи съ этой обезьяньей подвижностью пруссаковъ: «Мы съ сердечнымъ ужасомъ думаемъ о томъ, какъ бы мы дрожали, если бы имѣли несчастіе быть пруссаками»; эти доморощенные стратеги никакъ не могли допустить, чтобы пруссаки дѣйствовали по плану и чтобы планъ ихъ дѣйствій измѣнялся сообразно съ обстоятельствами и съ тѣми движеніями, какія дѣлали ихъ противники.

Австрійская сѣверная армія состояла изъ 7 корпусовъ, въ которыхъ насчитывалось до 240,000 чел.; она находилась въ Моравіи, близъ Ольмюца, и могла сообразно съ надобностью, идти навстрѣчу 1-й или 2-й прусской арміи. Знающіе военное дѣло люди были до крайности поражены, когда Бенедекъ 17 числа, вмѣсто того, чтобы идти съ главными силами навстрѣчу прусскому кронпринцу, вдругъ оставилъ свое выгодное положеніе близъ Ольмюца и приказалъ арміи отступать къ Іозефштату. Впрочемъ, отсюда прямой путь велъ къ Берлину, и люди, вѣрившіе въ возможность успѣха, еще не унывали; лѣвое, далеко выдвинутое крыло австрійскаго войска, состояло изъ корпуса графа Кламъ-Галласа и изъ саксонцевъ, подъ начальствомъ саксонскаго кронпринца, вмѣстѣ— до 60,000 чел. Это движеніе австрійской арміи влѣво послужило поводомъ пруссакамъ для составленія новаго плана военныхъ дѣйствій: положено было всѣмъ тремъ арміямъ вмѣстѣ — дѣйствовать наступательно, по направленію къ городу Гичину, который лежитъ въ самомъ центрѣ военныхъ дѣйствій, съ востока и юга ограниченнаго Эльбой, съ запада Изеромъ; это была точка соединенія для трехъ армій и къ ней-то онѣ должны были стремиться. Съ этою цѣлью 19 числа кронпринцу прусскому послано было приказаніе оставить позицію при Нейсѣ, войти въ непріятельскую землю и стремиться къ тому, чтобы соединиться съ обѣими другими прусскими арміями: смѣлый планъ, потому что Бенедекъ въ своихъ рукахъ еще имѣлъ всѣ выгоды внутреннихъ линій, какъ это называютъ люди, знающіе военное дѣло; онъ съ своими главными силами стоялъ такъ, что могъ воспользоваться тою минутой, когда колонны кронпринца покажутся изъ горныхъ тѣснинъ и проходовъ, напасть на нихъ, въ самомъ невыгодномъ для нихъ положеніи, съ превосходными силами, и опрокинуть ихъ, не давая возможности эльбской арміи и 1-й поспѣть къ нимъ на помощь; или, дѣйствуя иначе, оставить корпусъ, довольно сильный, чтобы задерживать и мѣшать движеніямъ кронпринца, а самому, со всѣми своими, опять-таки превосходными силами, напасть на эльбскую и 1-ю арміи и помѣшать имъ соединиться съ арміей кронпринца. Въ томъ и другомъ случаѣ у Бенедека было больше войска, нежели у его противниковъ порознь — успѣхъ былъ бы почти вѣрный; все дѣло въ томъ, чтобы серьезно рѣшиться на тотъ или другой планъ, крѣпко держаться однажды принятаго рѣшенія и всѣми силами добиваться исполненія его.

Формальнаго объявленія войны не было сдѣлано, но война началась фактически съ тѣхъ поръ, какъ 14 іюня рѣшеніе союзнаго сейма было произнесено, и это рѣшеніе еще было пополнено большинствомъ 10 голосовъ изъ 14, съ присовокупленіемъ Бадена, лежащаго въ области могущества коалиціи — дать королевству саксонскому дѣятельную союзную помощь въ случаѣ войны. Францъ-Іосифъ 17 числа обратился къ своимъ народамъ съ манифестомъ, призывавшимъ ихъ къ оружію, а 18 Вильгельмъ I также обнародовалъ манифестъ своему народу. Манифестъ императора австрійскаго былъ написанъ очень подробно и это, вѣроятно, такъ и надобно было, чтобы растолковать многоплеменнымъ народамъ необходимость войны, въ которой дѣло касалось не ихъ личныхъ интересовъ, а почтеннаго мѣста, какое занимала царствующая династія и могущество Австріи въ Германскомъ союзѣ. Въ манифестѣ объяснялись права Австріи на рѣшеніе вопроса о герцогствахъ и нарушеніе ихъ тѣмъ, что Пруссія вопросъ этотъ разрѣшаетъ открытою силой; далѣе шла похвала единодушному сочувствію, съ какимъ народы Австріи принимаютъ навязываемую имъ войну; императоръ сожалѣетъ о томъ, что положеніе вопроса о конституціи еще не на столько разъяснено и не подвинулось на столько впередъ, чтобы дозволить ему «въ эту важную

минуту» собрать къ своему трону представителей всѣхъ своихъ народовъ и съ ними сообща обсудить дѣло; далѣе выражена была надежда на помощь остальныхъ союзныхъ государей и народовъ Германіи, и присовокуплено, что это правое дѣло «поддержитъ всемогущая десница Бога, которому домъ мой всегда служилъ съ самаго начала дней своихъ». Въ прусскомъ манифестѣ на первый планъ поставленъ былъ контрастъ, существующій между обѣими державами: «куда бы мы ни посмотрѣли въ Германіи», очень откровенно говорилось въ манифестѣ, «насъ отовсюду окружаютъ враги, вездѣ слышатся ихъ ярые клики; они жаждутъ видѣть униженіе Пруссіи. Мы должны биться изъ-за существованія; мы должны начать борьбу на жизнь и смерть съ тѣми, которые хотятъ унизить Пруссію — созданіе великаго курфюрста Фридриха — Пруссію, возвысившуюся послѣ войны за независимость; они хотятъ столкнуть ее со ступени, на которую поставилъ ее умъ, дѣятельность, сила и мужество ея государей; преданность и чистота нравовъ ея народа». Австрійскому манифесту нечего было предлагать государствамъ Германскаго союза, и этого не прикрывали даже нѣсколькими ласковыми и добрыми словами; упоминалось только, что императоръ не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не будетъ обезпечено свободное развитіе внутренней организаціи и жизни для всѣхъ союзныхъ державъ Германскаго союза; обѣщаніе очень неопредѣленное и далеко неутѣшительное. Съ этой стороны только и желали, чтобы сохранилось то, что у каждаго уже было. Напротивъ, въ прусскомъ манифестѣ съ особеннымъ удареніемъ останавливались на реформѣ союза: «если Богъ пошлетъ намъ побѣду, тогда у насъ будетъ довольно силы и твердости, чтобы крѣпче затянуть связь, соединяющую теперь германскія государства болѣе по имени, нежели въ дѣйствительности; связь, теперь порванную тѣми изъ правительствъ, которыя опасаются пробужденія духа національнаго права; но мы въ новой формѣ дадимъ союзу новую силу для успѣшнаго развитія.»

За этимъ прошла недѣля въ тревожномъ ожиданіи. Но 22 числа эльбская армія и въ трехъ различныхъ мѣстахъ войско принца Фридриха-Карла перешло при Читтау границы Богеміи, а 24 іюня обѣ арміи находились на пути къ Габелю на западѣ и Рейхенбергу на востокѣ. Настроеніе войска было такое, какого можно было желать — оно было увѣрено въ успѣхѣ; горные проходы, къ величайшему удивленію, были открыты; только съ нѣсколькими наблюдательными кавалерійскими отрядами произошло столкновеніе.

1 армія двинулась только 26, направляясь къ Торнау, эльбская шла на Гюнервассеръ. Въ тотъ же день произошло сраженіе съ обѣими арміями: съ первой при Либенау, со второй при Гюнервассерѣ. Кламъ-Галласъ получилъ отъ главнокомандующаго приказаніе наблюдать за линіей Изера. Въ его войскѣ находилась бригада Пошахера, получившая, со времени отважнаго штурма Кенигсберга во время послѣдней шлезвигъ-гольштейнской войны, названіе желѣзной бригады; между нею и прусскою дивизіею Горна, при наступленіи ночи, близъ перехода черезъ Изеръ, у деревни Подола, произошло ожесточенное ночное сраженіе, окончившееся послѣ полуночи отступленіемъ австрійской желѣзной бригады. Затѣмъ, 28 пруссаки опять сдѣлали нападеніе на отступающихъ къ Гитчину австрійцевъ; Кламъ-Галласъ 29 занялъ боевую позицію при Гитчинѣ. Послѣ полудня пруссаки опять аттаковали; они были увѣрены въ превосходствѣ своего военнаго строя и игольчатыхъ ружей, и уже не сомнѣвались въ побѣдѣ; несоразмѣрно большее число плѣнныхъ и сравнительно меньшія потери убитыми поддерживали въ нихъ эту увѣренность. Къ вечеру австрійцамъ дано было приказаніе отступать къ главнымъ силамъ; отступленіе началось, пруссаки воспользовались имъ и начали напирать съ новою силой; городъ Гитчинъ сдѣлался театромъ уличной битвы, продолжавшейся всю ночь; вся битва внѣ и внутри города длилась девять часовъ; только съ разсвѣтомъ пруссаки овладѣли городомъ и опять взяли въ плѣнъ 2,000 человѣкъ.

Къ 1-му іюля авангардъ 1-й арміи находился близъ Горитца, между Гитчинномъ и крѣпостью Кенигсгрецъ; эльбская армія находилась отъ нея въ 1½ миляхъ на юго-западъ; кромѣ того, 2-я армія уже на столько подоспѣла, что могла принимать участіе въ общемъ движеніи.

Кронпринцъ прусскій 22 іюля получилъ предписаніе стараться, по возмож-

ности, скорѣе соединиться съ двумя остальными арміями, въ направленіи къ Гитчину. Въ то время, когда главныя силы Австріи занимали пространство между Рейхенбергомъ, Кёниггрецомъ, Іозефштадтомъ и Находомъ, прусская 2-я армія двинулась 26 и 27, чтобы въ трехъ колоннахъ перейти черезъ горную цѣпь; какъ начальники ея, такъ и подчиненные были приготовлены, при проходѣ и выходѣ изъ длинныхъ горныхъ тѣснинъ, которыя ведутъ изъ Силезіи въ Богемію, встрѣтиться со всею австрійскою арміей и уже разсчитывали, какъ имъ лучше выдержать, при неблагопріятныхъ условіяхъ, борьбу съ превосходнѣйшими непріятельскими силами; не только войско смотрѣло на это, какъ на дѣло несомнѣнное и въ высшей степени выгодное для австрійцевъ, но услужливыми людьми даже разосланы были ложныя телеграммы, извѣщавшія о томъ, что кронпринцъ при выходѣ изъ горныхъ тѣснинъ былъ встрѣченъ превосходнымъ австрійскимъ войскомъ, понесъ значительныя потери и былъ отброшенъ назадъ къ Нейссе; цѣль этихъ телеграммъ заключалась въ томъ, чтобы возбудить мужество союзниковъ, и онѣ были встрѣчены съ живѣйшей радостью, какъ въ придворныхъ кружкахъ столицы, такъ и въ народныхъ слояхъ, гдѣ сельскіе политики за кружкой пива судили и рядили о вещахъ, имъ недоступныхъ. Въ дѣйствительности же, по какому-то роковому ослѣпленію, Бенедекъ, вмѣсто того, чтобы предпринять мужественное наступательное движеніе на кронпринца, своего опаснѣйшаго врага, въ теченіе всего похода дѣйствовалъ только оборонительно и къ тому же вяло. Однакожь болѣе или менѣе жестокія столкновенія между тѣмъ происходили со всѣми тремя прусскими колоннами: 27 числа при Траутенау между 1-мъ прусскимъ корпусомъ, подъ начальствомъ Бонина, и австрійскимъ, подъ командой Габленца. Сраженіе началось тѣмъ, что пруссаки вошли въ городъ Траутенау; но прусскій генералъ, слишкомъ увѣренный въ своихъ силахъ, не позаботился о томъ, чтобы у него въ распоряженіи находились подкрѣпленія и резервы. Между тѣмъ, въ самый рѣшительный моментъ къ австрійцамъ пришла на помощь свѣжая бригада, которая рѣшила сраженіе: пруссаки, выбитые изъ города, принуждены были возвратиться на мѣста, занимаемыя ими наканунѣ. Несмотря на этотъ успѣхъ, потери австрійцевъ, благодаря превосходству оружія пруссаковъ, были несравненно значительнѣе прусскихъ; но неудача, понесенная однимъ крыломъ всей арміи, была вознаграждена побѣдами всѣхъ послѣдующихъ затѣмъ дней. Средняя изъ трехъ колоннъ, а именно гвардія, въ 30,000 человѣкъ, подъ начальствомъ принца Августа Вюртембергскаго, возобновила 28-го битву при Траутенау, прозванную пруссаками сраженіемъ при Буркерсдорфѣ и Сооръ и одержала полную побѣду надъ Габленцомъ; онъ принужденъ былъ поспѣшно отступить, потерявъ 8,000 чел., изъ которыхъ въ плѣнъ взято было 4,000 человѣкъ. Эта побѣда вполнѣ загладила неудачу, понесенную пруссаками въ первый день; слѣдствіемъ этой побѣды была возможность 1-му корпусу, восточно-прусскому, свободно вступить въ Богемію. Еще большій успѣхъ пріобрѣло лѣвое крыло—5-й корпусъ, составленный изъ смѣшанныхъ полковъ — познанскихъ, западно-прусскихъ, силезскихъ и вестфальскихъ, подъ начальствомъ престарѣлаго генерала Штейнмеца, родившагося въ 1796 году; онъ, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ, участвовалъ въ битвахъ при Лютценѣ и Бауценѣ. Близъ Находа вышелъ онъ изъ горъ и развернулъ свое войско; послѣ полудня того же дня 6-й австрійскій корпусъ, подъ начальствомъ Рамминга, уже отступалъ къ Скалитцу; австрійцы, несмотря на выгодную для нихъ мѣстность, опять понесли значительную потерю, и казалось бы начальству ихъ было надъ чѣмъ задуматься, когда, при общей потерѣ въ 6,000 человѣкъ, плѣнныхъ опять оказалось 2,500 человѣкъ. Послѣ полудня, 28 числа, Штейнмецъ со своимъ корпусомъ уже стоялъ передъ Скалитцомъ; мѣстечко взято было штурмомъ, съ неслыханною отвагою, прусскою пѣхотою; на этотъ разъ разбитъ былъ 8-й австрійскій корпусъ, бывшій подъ командой эрцгерцога Леопольда. На слѣдующій день, 29-го іюля, неутомимый, энергическій старикъ опять выигралъ третье сраженіе и приступомъ взялъ позицію при Швейнше-деле; «и 4-й корпусъ опрокинутъ мною, путь къ Эльбѣ свободенъ», телеграфировалъ онъ вечеромъ 29 числа. Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ дней, два австрійскихъ корпуса были окончательно разбиты и третій сильно разстроенъ; при этомъ потери австрійцевъ по крайней мѣрѣ въ восемь разъ превосходили потери

пруссаковъ, изнуренныхъ поспѣшными и трудными переходами; 30 числа былъ день отдыха. Лѣвое крыло прусской арміи — войско кронпринца—находилось уже близъ Градлитца, отдѣленное отъ праваго крыла — эльбской арміи — только какими-нибудь пятью милями разстоянія.

До сихъ поръ движеніями всей арміи распоряжался король Вильгельмъ, съ своимъ генеральнымъ штабомъ, изъ Берлина; но теперь всѣ арміи сошлись уже такъ близко, что королю сдѣлалось необходимо быть къ нимъ какъ можно ближе, чтобы непосредственно управлять ими. Онъ отправился къ арміи 29 числа, но не для того только, чтобы подобно Людовику XIV смотрѣть, какъ войска его окончательно побѣждаютъ: передъ нимъ еще лежала невѣрная борьба со всѣми случайностями; въ его свитѣ находились: Мольтке, Роонъ, Бисмаркъ, тоже надѣвшій военный мундиръ маіора тяжелой кавалеріи ландвера. Король 30-го прибылъ въ Рейхенбергъ и проѣхалъ по рядамъ войска; 2 іюля перенесъ онъ свою главную квартиру въ Гитчинъ. Время продолжительныхъ 30-ти или 7-лѣтнихъ войнъ уже навсегда миновалось; двѣ недѣли тому назадъ начата была война, ровно 8 дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ военныя дѣйствія начались, и уже войска той и другой стороны сблизились на столько, что могли вступить въ общій генеральный бой.

2. Битва при Кениггрецѣ.

Неясный планъ и нерѣшительность австрійскаго главнокомандующаго были главною причиною всѣхъ неудачъ и пораженій, понесенныхъ австрійцами; онъ и теперь, не чувствуя въ себѣ ни смѣлости, ни достаточной увѣренности, чтобы перейти въ наступательное движеніе, и, предвидя новую битву, приказалъ 30-го числа войску отступать, оставивъ крѣпкую позицію при Дубенецѣ, и направиться къ Кениггрецу; ночью отступленіе было совершено въ полномъ порядкѣ и тишинѣ; можно себѣ вообразить, какъ велико было удивленіе арміи кронпринца, когда на разсвѣтѣ 1-го числа она увидѣла передъ собою очищенный лѣвый берегъ Эльбы. Бенедекъ вообще упалъ духомъ; онъ не видѣлъ возможности побѣдить пруссаковъ, потому что убѣдился въ превосходствѣ вооруженія прусскаго войска и въ томъ, что имъ командуютъ люди знающіе и опытные; рано поутру 1-го числа онъ отправилъ въ Вѣну телеграмму; въ ней онъ горячо и убѣдительно умолялъ императора, какъ можно скорѣе и во что бы то ни стало заключить миръ съ Пруссіей, потому что «рѣшительная катастрофа неминуемо поразитъ армію»; но въ Вѣнѣ не хотѣли вѣрить мрачнымъ предсказаніямъ Бенедека, тамъ не хотѣли думать о мирѣ, тамъ еще не могли покориться необходимости, пока не была проиграна большая, рѣшительная генеральная битва, отъ которой зависѣла судьба воюющихъ державъ. Бенедекъ покорился необходимости, ободрился и рѣшился не отступать больше и 2-го числа занялъ позицію между Горитцомъ съ сѣверозападной стороны и Кениггрецомъ съ юговосточной; для предполагаемой оборонительной системы дѣйствій лучшей позиціи нельзя было себѣ вообразить. Довѣренность подчиненныхъ къ характеру и знаніямъ Бенедека еще не были потрясены совсѣмъ; напротивъ, онъ съ своей стороны не могъ положиться на войско; оно еще вѣрило въ непобѣдимость Бенедека и думало, что всѣ до сихъ поръ понесенныя неудачи зависѣли не отъ него, а отъ неспособности его полководцевъ, неумѣвшихъ выполнять его начертаній: итакъ, въ глазахъ войска Бенедекъ еще не былъ побѣжденъ.

Король Вильгельмъ прибылъ въ Гитчинъ 2-го іюля. Послѣ обѣда къ нему явился принцъ Фридрихъ-Карлъ: было предположеніе дать утомленному войску отдыхъ въ 3 и можетъ быть 4 дня, чтобы оно могло не только отдохнуть, но и поправиться и подкрѣпить свои силы, до крайности истощенныя поспѣшнымъ походомъ по странѣ, жители которой съ враждою и страхомъ смотрѣли на пруссаковъ, забрали свой скотъ, имущество и прятались въ лѣсахъ и горахъ.

Но по сообщеніямъ плѣнныхъ и послѣ произведенныхъ рекогносцировокъ, выяснилось, что австрійцы собираютъ всю массу своихъ силъ за Быстрицей и, слѣдовательно, намѣрены держаться по сю сторону Эльбы. Эти извѣстія заста-

вили принца Фридриха Карла приготовиться къ нападенію на непріятеля на слѣдующій день на свой страхъ, не дожидаясь приказаній короля. Съ этою цѣлью разослалъ онъ необходимые приказы: Герварту дано было приказаніе идти съ эльбскою арміей впередъ, а 2 августа вечеромъ послалъ онъ адъютанта просить кронпринца идти съ своею арміей по правому берегу Эльбы, къ Іозефштадту. Ночью, въ 11 часовъ, начальникъ его генеральнаго штаба, генералъ фонъ Фойгтъ-Ретцъ прибылъ въ Гитчинъ, въ главную квартиру короля. Король немедленно принялъ его и тотчасъ же приказалъ собрать военный совѣтъ; ему не вѣрилось, чтобы Бенедекъ дѣйствительно рѣшился принять битву по сю сторону Эльбы. Однакожъ, несмотря на это, совѣтъ рѣшается принять битву, и несмотря на полуночное время адъютанты развозятъ необходимыя приказанія; къ счастію кронпринцъ получаетъ ихъ еще очень во время, въ 4 часа утра, и онъ готовъ съ своей стороны всѣми силами содѣйствовать общему дѣлу.

Мѣсто, избранное Бенедекомъ, находилось по обѣимъ сторонамъ большой дороги, которая идетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ изъ Гитчина черезъ Горитцъ къ Кениггрецу; на сѣверъ отъ Эльбы тянулись высоты, поросшія лѣсомъ; въ случаѣ, еслибы сраженіе было проиграно, то ретироваться пришлось бы черезъ Эльбу; военное поле на востокъ, со стороны кронпринца, ограничивалось рѣчкою Тротиной, на западѣ, тамъ, гдѣ находилась 1-я и эльбская армія — р. Быстрицей, на сѣверо-востокѣ тянулись холмы отъ Рачицы къ Тротинѣ, а на юго-западѣ поле битвы ограничивалось до Неханицы холмами, тянущимися къ Быстрицѣ. Обѣ точки опоры крыльевъ — Рачица и Неханица находятся другъ отъ друга на разстояніи какихъ нибудь 20,000 шаговъ, слѣдовательно площадь поля битвы, относительно количества на ней маневрирующаго войска, совершенно удовлетворительная; въ самомъ центрѣ позиціи, на востокъ и на западъ отъ большой дороги, находились высоты Хлума, господствующія надъ мѣстностью, а прямо противъ нихъ высота Лейпа, съ вершины которой австрійскій полководецъ направлялъ ходъ битвы. Лѣвое крыло арміи близъ Неханица, съ укрѣпленной позиціей Примъ и Пробла, составляло саксонское войско съ 8-мъ австрійскимъ корпусомъ и съ резервомъ эрцгерцога Іосифа; центръ состоялъ изъ 10-го корпуса, подъ начальствомъ Габленца, расположеннаго до высотъ Лейпы и Хлума; къ нему съ востока до рѣчки Тротины примыкали 8, 4 и 2-й корпуса эрцгерцога Эрнста, Фестетица, Тупа. Корпусъ Кламъ-Галласа и Рамминга, 1 и 6-й, со всѣми артиллерійскими резервами и тремя дивизіями тяжелой кавалеріи, составляли запасное войско цѣлой арміи. Это дѣйствительно было огромное, сильное войско, отлично расположенное въ позиціи, похожей на огромную крѣпость; тутъ на лицо было 201,000 человѣкъ, съ 500 орудій; времени было довольно, чтобы основательно ознакомиться съ мѣстностью, поставить батареи, соединительныя линіи очистить отъ деревьевъ и отмѣтить разстоянія; на случай отступленія черезъ Эльбу было наведено нѣсколько понтонныхъ мостовъ.

Наступило 3 іюля, день рѣшительный; дождь съ самаго разсвѣта лилъ ливмя. Всѣ три прусскія арміи вмѣстѣ составляли значительную массу въ 220.000 человѣкъ; но 2-я армія, составлявшая почти половину, могла поспѣть на поле битвы только около полудня, не раньше, а до тѣхъ поръ вся тяжесть дня должна была лежать на 1-й и на эльбской арміи, въ которыхъ вмѣстѣ не насчитывалось больше 123,000 человѣкъ.

Около четырехъ часовъ утра 1-я армія, на долю которой выпалъ самый тяжкій жребій этого залитаго кровью дня, двинулась отъ Миловича къ Быстрицѣ. Войска приближались къ непріятельской позиціи; вдали, на заднемъ планѣ, виднѣлись деревянные дома Садовы, на правомъ ближайшемъ берегу Быстрицы; черезъ эту деревню проходитъ большая дорога въ Кениггрецъ; за нею, вооруженнымъ глазомъ, можно было видѣть грозныя линіи батарей, унизывавшія высоты и склоны Лейпы. Въ $7^1/_2$ часовъ раздался первый пушечный выстрѣлъ и битва загорѣлась; принцъ Фридрихъ Карлъ, съ тремя корпусами, долженъ былъ вести атаку противъ шести австрійскихъ корпусовъ.

Нѣсколько минутъ до 8 часовъ, король, въ сопровожденіи Бисмарка, Мольтке Роона поднялся на вершину горы Дуба, откуда могъ обозрѣвать большую часть поля битвы; этотъ 70 лѣтній старикъ, нѣсколько часовъ спустя послѣ военнаго

совѣта, не отдохнувъ, тотчасъ сѣлъ на свою вороную лошадь и лично принялъ верховное начальство надъ войскомъ. Участь дня, также какъ при Ватерлоо, зависѣла отъ своевременнаго прибытія кронпринца.

До 10 часовъ, мы говоримъ о битвѣ въ центрѣ, она ограничивалась ужасающимъ, непрерывнымъ громомъ артиллерійскихъ орудій; сотни пушекъ не переставали гремѣть. Около этого времени австрійская артиллерія принуждена была податься назадъ, и выведена была пѣхота, чтобы овладѣть переправами черезъ Быстрицу и затѣмъ, по возможности, напасть на центръ австрійской позиціи, на высоты Лейпы и Хлума. Тутъ началась ожесточенная борьба изъ-за деревень, находящихся по Быстрицѣ; начиная съ юга къ сѣверу ихъ здѣсь четыре: Мокрова, Дагаличка, Дагаличъ, Садова — но мало-по-малу, одна за другою, деревеньки эти переходили въ руки пруссаковъ. Но за тѣмъ и прекратились успѣхи пруссаковъ. Особенно жестоко дрались изъ-за лѣска Голы, на юго-востокъ отъ деревни Садовы; дивизія Горна (тюрингенская) напрягала всѣ свои силы, чтобы овладѣть рощей, но не могла миновать юго-восточной ея окраины, тѣмъ болѣе, что за нею находилась середина грозной непріятельской позиціи, усѣянная пушками, высота Лейпы. Между тѣмъ насталъ полдень; битва длилась безъ всякой видимой перемѣны; сколько пруссаки ни напрягали своихъ силъ, но они не могли имѣть ни малѣйшаго успѣха, а между тѣмъ съ юга, отъ эльбской арміи нельзя было ожидать никакой помощи. Передовыя колонны ея къ 8 часамъ утра, послѣ пятичасоваго утомительнаго перехода, достигли до Неханица, гдѣ находился единственный мостъ черезъ Быстрицу. Прошло много времени, пока достаточное количество войска перебралось черезъ мостъ и ему приходилось шагъ за шагомъ отбиваться отъ саксонцевъ, занимавшихъ крѣпкую позицію при деревняхъ Верхнемъ и Нижнемъ Примѣ и Проблѣ. Это были тяжкія минуты и часы; но жарче и опаснѣе всего была битва для лѣваго крыла I арміи, которая уже изнемогала и готова была пасть подъ превосходною силою австрійцевъ. Но тутъ отъ главной арміи отдѣлена была дивизія Франсеки, составленная изъ тюрингенскихъ полковъ, съ тѣмъ, чтобы, перебравшись черезъ Быстрицу, подняться къ сѣверу, и черезъ Бенатекъ, Чистову, Хлумъ вновь вступить въ битву. Первая изъ этихъ деревень, Бенатекъ, уже занята была около 8 часовъ утра, безъ большаго сопротивленія; между этой деревней и Чистовымъ находится, на сѣверо-востокѣ отъ Кенигрецкаго шоссе, лѣсъ, извѣстный подъ именемъ Свипа; за Чистовымъ поднимается высота Хлума; лѣсъ находился подъ выстрѣлами австрійскихъ батарей Хлума и наполненъ былъ австрійскими егерями. Прусская колонна выгнала егерей изъ лѣса и показалась на южний окраинѣ его; затѣмъ колонна три раза ходила въ атаку на Масловедъ, трижды была опрокинута превосходными силами австрійцевъ и всякій разъ искала прикрытія въ лѣсу, осыпаемомъ ядрами батарей. «Мы здѣсь умремъ, но не отступимъ», воскликнулъ начальникъ отважныхъ и два часа битыхъ продержался подъ адскимъ огнемъ; батальоны его уже до половины были истреблены; наконецъ въ 11 часовъ австрійцы съ музыкой и громкими побѣдными кликами ворвались въ лѣсъ съ западной стороны; истребленіе произошло ужасное; пруссаки отступали шагъ за шагомъ, покрывая землю убитыми съ той и другой стороны; они отступили до сѣверо-восточной части лѣса, но здѣсь имъ удалось удержаться.

Отъ 12 до 1 часа прусское войско на всѣхъ пунктахъ находилось въ отчаянномъ положеніи. Битва въ центрѣ, близъ Садовы, остановилась; король принужденъ былъ рѣшиться двинуть всѣ свои резервы; къ тремъ дивизіямъ, сражавшимся съ самаго ранняго утра, онъ присоединилъ остальныя двѣ резервныя; начали думать о томъ, чтобы вывести пѣхоту изъ огня, потому что она гибла, не пріобрѣтая ни малѣйшаго успѣха; австрійцы сохранили всю свою военную силу и еще не пошатнулись на своей крѣпкой позиціи, они все еще владѣли страшными укрѣпленіями Прима, Лейпы и Хлума до Тротины; 350 орудій, а за ними были на готовѣ еще двѣ совершенно свѣжія, не тронутыя арміи, какъ замѣчаетъ, историкъ Таксиль-Делоръ: они «по принятымъ обычаямъ австрійскихъ генераловъ, держали въ резервѣ огромныя военныя силы для того, чтобы прикрыть отступленіе вмѣсто того, чтобы употребить ихъ въ рѣшительную минуту въ дѣло и выиграть сраженіе». — Надобно было ожидать, что Бенедекъ, воспользовавшись

слабымъ, сильно потрясеннымъ центромъ прусской арміи, съ превосходными силами ударитъ на него и окончательно разгромитъ; эта мысль приходила въ голову прусскимъ генераламъ и, чтобы предупредить окончательное пораженіе, на сколько возможно, они начали стягивать кавалерію 1-й арміи.

Но опасность приходила къ концу. На лѣвомъ крылѣ центра, войска, загнанныя въ сѣверо-восточную часть лѣса около полудня, ожидали энергическаго рѣшительнаго нападенія австрійцевъ, противъ котораго долѣе удержать за собою лѣса не надѣялись. Къ тому же Франсеки видѣлъ, что австрійцы готовятся къ нападенію; и онъ съ своей стороны собралъ остатки своего храбраго отряда, чтобы попытать съ нимъ счастіе отчаянной послѣдней обороны. Но къ величайшему удивленію, нападенія не было. Съ возвышенной точки на сѣверо-восточной окраинѣ лѣса можно было различить войско, приближающееся въ стройныхъ, сомкнутыхъ колоннахъ; то была прусская гвардія. Кронпринцъ подоспѣлъ во время. Въ 2 часа по-полудни генералъ Фойгтесъ-Ретцъ, начальникъ генеральнаго штаба принца Фридриха Карла, возвращаясь съ объѣзда, который дѣлалъ для рекогносцировки, привезъ королю утѣшительную вѣсть, что кронпринцъ уже вступилъ въ битву.

Бенедекъ въ этомъ генеральномъ сраженіи сдѣлалъ ту же самую ошибку, какую дѣлалъ во время всей кампаніи: онъ недостаточно наблюдалъ за кронпринцемъ.

Послѣ продолжительнаго, труднаго перехода, подъ дождемъ, по грязи, шелъ кронпринцъ съ своимъ войскомъ; направленіе ему указывали два дерева, одиноко стоящія на высотѣ Гореновы, между Рачицей и Бенатскомъ; войско пустилось въ путь въ 5 часовъ утра и теперь явилось на полѣ битвы; первыми поспѣли: первая гвардейская дивизія и шестой корпусъ Музія. Бенедекъ надѣялся покончить дѣло съ прусскимъ центромъ до прибытія кронпринца; въ 12 часовъ онъ получилъ телеграмму изъ Іозефштадта, извѣщающую его о приближеніи кронпринца; но онъ удовольствовался тѣмъ, что послалъ начальнику своего праваго крыла, графу Туну, приказъ сдѣлать изъ своего 2-го корпуса оборонительный крюкъ чтобы встрѣтить и отразить новаго непріятеля.

Извѣстіе о прибытіи кронпринца живительной струей пробѣжало по рядамъ прусскаго войска; его помощь тотчасъ стала чувствительна; тѣ, которыхъ до сихъ поръ громили со всѣхъ сторонъ, могли вздохнуть свободнѣе; австрійцы уже не такъ усердно обстрѣливали старыхъ, а все свое вниманіе обратили на новыхъ враговъ. Мы не можемъ описывать отдѣльныхъ нападеній и происшествій длинной боевой линіи; мы можемъ только замѣтить, что для австрійской арміи предвидѣлась возможность, что ея правое и лѣвое крыло можетъ быть обойдено эльбскою и 2-й арміей. Но такой путь къ побѣдѣ былъ долгій и трудный; дѣло было рѣшено гораздо скорѣе и самымъ неожиданнымъ образомъ, подобнаго которому бывали рѣдкіе примѣры въ военной исторіи. Между тѣмъ, какъ 2-й австрійскій корпусъ измѣнялъ положеніе фронта, чтобы стать лицомъ къ своему новому врагу, кронпринцу, въ самомъ центрѣ, въ ключѣ австрійской позиціи, произошелъ пробѣлъ, между Масловедомъ, Чистовымъ и Хлумомъ. Пруссаки замѣтили этотъ прорывъ: такъ какъ при сыромъ воздухѣ и дождѣ пороховой дымъ очень медленно разсѣевался, первая прусская гвардейская дивизія, подъ начальствомъ генерала Гиллера, со стороны Гертрингена, почти мимо самаго лѣваго крыла австрійскихъ войскъ, очень ловко проникла въ незащищенное почти, но самое важное мѣсто. Тогда какъ на нѣсколько миль во всѣ стороны торчали австрійскіе штыки и сверкали пушки, горсть отважныхъ почти безъ сопротивленія проникла до подошвы Хлума и взобралась по его восточному склону до самой вершины; часть прусской дивизіи, покончивъ съ Хлумомъ, тотчасъ начала проникать дальше на югъ, до самаго шоссе, проходящаго черезъ поле битвы, и овладѣла деревней Росбрицъ, и какимъ-то чудомъ, двѣ деревни, самый ключъ позиціи, Хлумъ и Росбрицъ, очутились въ прусской власти. Съ этимъ извѣстіемъ очевидцы поспѣшили на высоту Лейпы, гдѣ находился Бенедекъ съ своимъ штабомъ, въ какихъ нибудь нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ Хлума. Онъ не повѣрилъ извѣстію и лично поскакалъ, чтобы увѣриться; но его встрѣтили ружейными выстрѣлами, и больше сомнѣваться нельзя было. Онъ послалъ свои резервы, что бы, во что бы то ни стало, отбить захваченныя деревни. Но положеніе двѣнад-

цати прусскихъ гвардейскихъ батальоновъ посреди пріятельской массы войскъ было очень опасное; Росберицъ опять перешелъ въ руки австрійцевъ; но нѣсколько разъ повторявшійся приступъ на Хлумъ былъ отбитъ и послѣ 4 часовъ пополудни успѣхъ битвы видимо началъ клониться на сторону пруссаковъ. Въ 3 часа на юго-западной окопечности австрійской боевой линіи, эльбская армія, послѣ геройской защиты саксонцевъ, овладѣла деревней Проблусъ; утвердившись тутъ, эльбская армія начала дѣйствовать по направленію на сѣверъ, къ центру и съ своей стороны также облегчила стѣсненное положеніе центра. Въ 4½ часа штурмъ высоты Хлумъ былъ успѣшно отбитъ пруссаками; осколокъ гранаты убилъ храбраго генерала Гиллера въ ту самую минуту, когда онъ могъ считать побѣду несомнѣнной. Около того же времени авангардъ второй гвардейской дивизіи приступомъ взялъ высоту Лейпы, съ которой Бенедекъ слѣдилъ за ходомъ битвы и командовалъ; овладѣвши вершиной и обозрѣвая мѣстность, побѣдители замѣтили, что армія принца Фридриха Карла, выносившая цѣлый день отчаянную борьбу, теперь на всѣхъ пунктахъ перешла въ наступленіе и вездѣ шла впередъ съ успѣхомъ; самъ король былъ во главѣ атакующаго войска. Битва очевидно была проиграна, австрійцы вездѣ подавались назадъ. Бенедекъ принужденъ былъ дать приказаніе отступать.

Но выполнить это повелѣніе было слишкомъ трудно; прусскія войска проникли слишкомъ далеко впередъ и неудержимо расплывающіяся волны ихъ охватывали, поглощали и окружали австрійцевъ. Австрійская артиллерія дѣйствовала съ благороднымъ самопожертвованіемъ, не щадя себя, дѣлала все, что можно было, чтобы прикрывать отступленіе; король Вильгельмъ лично принялъ начальство надъ кавалеріей 1 арміи; между Лангенгофомъ, Стрезетичемъ и Пробломъ на юго-западъ отъ шоссе, произошло сильнѣйшее кавалерійское дѣло; австрійцы были разбиты, бросились бѣжать и смяли отступавшую пѣхоту; произошелъ безпорядокъ, и отступленіе превратилось въ бѣгство. Одни только саксонцы отступали въ порядкѣ, гордо и чинно, уводя съ собою всѣхъ своихъ раненыхъ.

Мы не можемъ останавливаться на подробностяхъ и ужасныхъ сценахъ отступленія храброй арміи, теперь превратившееся въ бѣгство. Военная критика, разбирая всѣ частности битвы и отступленія, строго охуждаетъ пруссаковъ за то, что они не съумѣли воспользоваться своею побѣдой, не преслѣдовали бѣгущихъ до послѣдняго «издыханія коня и всадника», какъ выразился одинъ извѣстный прусскій генералъ; и такимъ образомъ не дополнили сходства, какое существуетъ между этой побѣдой и славнымъ днемъ Ватерлооской битвы. Но надобно припомнить, что войска до смерти утомились длинными переходами и битвой, продолжавшейся съ самаго утра; въ теченіе предъидущей ночи, во время перехода и битвы, солдаты ничего не ѣли и не пили; лошади были до того заморены, что еле держались на ногахъ. Самъ король, человѣкъ безстрашный и военный въ строгомъ смыслѣ слова, но не лишенный чувствительности, самъ приказалъ прекратить огонь по отступающимъ австрійцамъ и остановить преслѣдованіе ихъ; полагаютъ, будто необыкновенный успѣхъ и неожиданная побѣда удивили своею неожиданностію даже побѣдителей *).

---

*) Присовокупимъ нѣсколько замѣчаній французскаго историка, приведеннаго нами выше; его замѣчанія интересы, хотя и преувеличены: «дивизія Франсеки: два баталіона 8-й дивизіи, два эскадрона, двѣ батарее, тысячъ 12 человѣкъ вообще, на лѣвой сторонѣ Быстрицы продержались въ теченіе 8 часовъ, съ 6 часовъ утра до двухъ часовъ, при нападеніи главныхъ силъ австрійскато войска въ 180,000 чел. съ 800 орудіями, или около того; и эта громада силъ допустила, чтобы одна колонна, или дивизія прусская могла овладѣть высотою Хлума.»—Т. IV стр. 433. «Сраженіе было выиграно, благодаря знаніямъ высшихъ офицеровъ, и преимущественно капитанами, а не генералами... Прусскіе солдаты вообще образованны: каждый изъ нихъ не только грамотенъ, пишетъ, но знаетъ начальныя правила ариѳметики; кромѣ того знакомъ съ элементарными понятіями военнаго дѣла и понимаетъ ближайшія, доступныя ему военныя операціи. Соревнованіе, существующее между офицерами, дѣйствуетъ также на солдатъ и развиваетъ въ нихъ умственныя и нравственныя способности, въ тоже время служитъ основою духа партіи. Въ другомъ мѣстѣ прусское войско, реорганизованное на новыхъ началахъ, заимствованныхъ изъ учрежденій французской революціи, сдѣлалось бы первою арміей въ мірѣ.»

Обширный военный планъ, придуманный прусскими военачальниками, былъ выполненъ вполнѣ, до мельчайшихъ частностей. На полѣ генеральной битвы всѣ три арміи соединились. Въ Богеміи сошлись нѣмцы съ западныхъ, прирейнскихъ частей Пруссіи и Вестфаліи съ жителями отдаленнѣйшихъ восточныхъ и сѣверныхъ частей ея; здѣсь сообща бились за одно и тоже дѣло; тутъ соединенными силами добивались рѣшенія задачи, въ теченіе столѣтій составлявшей цѣль политическихъ стремленій Пруссіи, здѣсь Австрія фактически отдѣлена была отъ тѣснѣйшей; политической связи съ Германіей, и съ этихъ поръ обѣ державы, существуя отдѣльно, не мѣшали болѣе обоюдному развитію и каждая изъ нихъ могла свободно идти къ своей цѣли. На высотѣ Хлума съѣхались побѣдители: принцъ Фридрихъ Карлъ и кронпринцъ, и поздравили другъ друга; только въ 8 часовъ вечера на полѣ битвы Пробла увидѣлись король и кронпринцъ: тутъ отецъ могъ дать волю своимъ чувствамъ, онъ обнялъ сына и далъ ему высшій прусскій военный орденъ, вполнѣ заслуженный побѣдителемъ.

Только на слѣдующій день объѣхали поле битвы и видѣли потери, понесенныя австрійцами; тутъ только можно было взвѣсить, на сколько разстроено австрійское войско. Вся потеря австрійцевъ простиралась до 44,200 человѣкъ, въ томъ числѣ и 20,000 плѣнныхъ; пруссакамъ досталось 160 австрійскихъ орудій, въ томъ числѣ только одно саксонское; 5 австрійскихъ знаменъ, почти всѣ взятыя съ бою, послѣ упорнаго сопротивленія; артиллерія потеряла много пушекъ, но это потому, что она до послѣдней крайности прикрывала отступленіе войска; кромѣ того пруссакамъ досталось много оружія и запасовъ, частію подобранныхъ въ то время, когда отступленіе перешло въ бѣгство. Потеря пруссаковъ была тоже значительная: на 8,794 рядовыхъ пало 359 офицеровъ; въ числѣ тяжело раненныхъ былъ молодой принцъ Антонъ Гогенцоллернъ-Зигмаринскій; онъ вскорѣ умеръ отъ своей раны.

3. До прагскаго мира.

Полагаютъ, что, еслибы пруссаки съ большей энергіей преслѣдовали отступавшихъ и бѣгущихъ австрійцевъ, то вся сѣверная армія могла бы быть истреблена, и выраженіе, съ ужасомъ повторявшееся въ Вѣнѣ, когда говорили о страшномъ пораженіи: «сѣверной арміи нѣтъ больше!» было бы справедливо. Но преслѣдованіе было пріостановлено до 5 числа, и австрійскому разбитому фельдмаршалу представилась возможность собрать остатки своей арміи; Бенедекъ былъ въ полномъ отчаяніи, онъ восклицалъ, что потерялъ все, и сожалѣлъ о томъ, что сохранилъ жизнь; войско было разметано и побито, но когда оно собралось, то все-таки образовалась довольно значительная армія; съ нею нельзя было надѣяться на побѣду, но она все еще могла успѣшно защищаться; Бенедекъ отошелъ къ Ольмюцу, на позицію, какую занималъ прежде; корпусъ Габленца, самымъ прямымъ путемъ, направился, черезъ Брюннъ, въ Вѣну.

Пруссаковъ упрекаютъ за то, что они, продолжая преслѣдовать войско, не пошли прямо на Вѣну и такимъ образомъ не предписали Австріи мира. Эта отсрочка принесла вредъ, она была причиной, что политическое положеніе и отношенія запутались роковымъ образомъ.

Можно легко вообразить какого рода было общее настроеніе духа въ Вѣнѣ: тамъ такъ долго тѣшили и убаюкивали себя *не сомнѣнными* надеждами на побѣду, что пробужденіе было вдвое хуже. Въ статьѣ журнала Ostdeutsche Post, 3 іюля вечеромъ, говорилось: «Мы съ трепетомъ сердечнымъ должны признаться, что все даетъ намъ предчувствовать, что мы должны приготовиться къ великой и печальной вѣсти.»—«Еще до настоящаго мгновенія наши войска сражаются, какъ львы, но — перо отказывается написать страшное слово — *битва*, кажется, *проиграна*! — Тяжкія времена наступаютъ для монарха: Боже, храни наше отечество!» Императоръ, доведенный до отчаянія, рѣшился привести въ исполненіе несчастную мысль, вслѣдствіе которой положенъ былъ конецъ владычеству Габсбургскаго дома въ Италіи и Германіи, но конецъ, вовсе не приносящій чести.

Тамъ близъ Кенигграца была проиграна битва, но послѣ долгой, честной и славной борьбы, отъ этого доброе имя народа не могло пострадать; но не такимъ образомъ кончились отношенія Австріи къ Италіи и Германіи. Во второй разъ, въ теченіе своего царствованія, императоръ Францъ Іосифъ прибѣгалъ къ помощи иностраннаго государя въ дѣлахъ, гдѣ могъ бы ограничиться собственными силами и умѣньемъ. Ночью, на 4 число, императоръ послалъ телеграмму величайшей важности императору французовъ: онъ отдавалъ Венецію Франціи съ тѣмъ, чтобы Наполеонъ принялся за роль посредника для установленія мира. Этотъ совѣтъ императору данъ былъ людьми, ослѣпленными оскорбленною гордостью и преувеличенною хитростью, людей недальнихъ, тѣснившихся у кормила правленія, не принявшихъ въ разсчетъ, что такимъ образомъ коренной врагъ Германіи призванъ былъ не только въ союзники, но и въ посредники въ дѣлѣ, чисто нѣмецкомъ; очевидно, что ему въ руки отдано было рѣшеніе вопроса вовсе чуждаго для него племени. Но ближайшая цѣль Австріи состояла въ томъ, чтобы избавиться отъ одного изъ своихъ враговъ — отъ Италіи, чтобы возможно было южную армію призвать на защиту столицы.

Телеграмма изъ Вѣны съ восторгомъ встрѣчена была въ Парижѣ. На этотъ оборотъ дѣла смотрѣли, какъ на побѣду; жители выразили свою радость тѣмъ, что иллюминовали городъ; успѣхъ былъ неимовѣрный: не обнажая меча, Франція и ея императоръ призваны были, какъ посредники и судьи въ величайшей борьбѣ Германіи, бывшей со временъ Наполеона I. Однакожъ ходъ дѣла пошелъ не такъ быстро и не по тому направленію, которое могло быть опасно для Германіи. Оба императора встрѣтили въ прусскомъ королѣ и его совѣтникѣ людей твердо убѣжденныхъ въ томъ, чего искали; ихъ нельзя было ни запугать, ни удивить, ни сбить съ толку. Прежде всего австрійцы захотѣли заключить перемиріе: на другой день послѣ битвы генералъ Фрейгеръ фонъ-Габленцъ, не имѣя никакого полномочія отъ своего правительства, тоже домогался перемирія, но ему былъ отказано. Въ такомъ же смыслѣ написалъ Наполеонъ Виктору Эмануилу и сообщилъ ему, что онъ о томъ же написалъ прусскому королю. Французскій императоръ прежде всего хотѣлъ отдѣлить итальянскаго короля отъ прусскаго союза, но попытка эта не удалась, прежде всего отъ честности итальянскаго короля и его министра Риказоли; даже и Ламармора, всѣми силами противившійся войнѣ и всему тому, что ей предшествовало, хотя онъ не ожидалъ ни славы, ни выгоды отъ этой войны, но все-таки теперь противился тому, чтобы оставить Пруссію и перейти на сторону Франціи. Правда, Венеція лежала передъ ними, стоило только протянуть руку и получить ее въ подарокъ отъ милости Франціи, но для Италіи было нѣчто драгоцѣннѣе обладанія Венеціей—была обязанность сберечь доброе имя Италіи; правительство и мыслящіе люди въ народѣ чувствовали, какъ постыдно и какъ опасно принимать подобный подарокъ послѣ войны, въ которой побѣждала Пруссія, а пораженія понесла Италія. Взвѣсивъ все это, Викторъ Эмануилъ поблагодарилъ Наполеона за его дружелюбныя намѣренія и объявилъ, что не можетъ нарушить обязательствъ своихъ въ отношеніи къ Пруссіи и къ итальянскимъ жителямъ, не входящимъ въ составъ венеціанской республики, и потому не можетъ немедленно согласиться на перемиріе. Почти такой же отвѣтъ данъ былъ Пруссіей. Выходило, что перемирія нельзя заключить въ два дня, посредствомъ телеграммъ; Пруссія такимъ образомъ выиграла время и употребила его на то, чтобы въ крайнемъ случаѣ приготовиться встрѣтить нападеніе со стороны посредника, если бы ему вздумалось свое посредничество поддерживать оружіемъ. Оказалось, что обоимъ императорамъ пришлось имѣть дѣло съ человѣкомъ, который не отступалъ ни передъ чѣмъ, когда однажды обнажилъ мечъ, и который готовъ былъ прибѣгнуть къ послѣднимъ, крайнимъ мѣрамъ, а послѣдній поступокъ Франца Іосифа оправдывалъ в с я к у ю крайнюю мѣру.

Близъ Нейссы формировался венгерскій легіонъ волонтеровъ, подъ руководствомъ К л а п к и, самаго замѣчательнаго и лучшаго изъ венгерскихъ эмигрантовъ; кромѣ того, Италія тоже заставляла призадуматься; она готова была вести войну и надобно было противъ нея предпринять всѣ неизбѣжныя мѣры; хотя начальники итальянскаго войска не отличались ни особеннымъ талантомъ, ни отважностію, но уступая общему требованію, они энергически двинули войска

впередъ, по направленію къ Австріи и даже къ Вѣнѣ. Наполеонъ убѣдился, что мира посредствомъ телеграфическихъ депешъ заключить нельзя, особенно въ такихъ случаяхъ, когда рѣшалась судьба чуть не четверти Европы; чтобы однакожь, не отказаться отъ своей роли посредника, онъ отправилъ своего берлинскаго посланника, Бенедетти, въ главную квартиру прусскаго короля. Бенедетти только 14 іюля прибылъ въ главную квартиру короля и узналъ, что перемиріе можетъ быть заключено только одновременно съ прелиминарными статьями мира. Но при этомъ Бисмаркъ указалъ пока на одну, самую главную статью, безъ которой миръ не можетъ состояться, а именно: Пруссія требовала исключенія Австріи изъ Германскаго союза.

Можетъ быть въ Вѣнѣ тутъ только начали догадываться, что вмѣшательство Франціи совсѣмъ лишнее—что безъ нея можно было бы добиться такихъ же точно условій мира, какъ при ея содѣйствіи, а можетъ быть, условія были бы еще лучше, если бы переговоры начались прямо съ прусскимъ королемъ. Тѣмъ болѣе, что вмѣшательство Франціи не избавило Австрію даже отъ дальнѣйшей войны. Послѣ пораженія, первымъ дѣломъ австрійскаго правительства было отнять командованіе у несчастнаго полководца, хотя и не исключительно виновнаго въ пораженіи, но сильно ошибавшагося и не умѣвшаго дѣйствовать, какъ того требовали обстоятельства; ближайшіе его помощники лишились уже своихъ должностей еще наканунѣ битвы; главнокомандующимъ сдѣланъ былъ эрцгерцогъ Альбрехтъ, недавній побѣдитель при Кустоццѣ, сынъ эрцгерцога Карла, побѣдителя при Аспернѣ.

Новая прокламація императора къ своимъ народамъ, отъ 10 іюля, объясняла, что онъ просилъ императора французовъ о посредничествѣ съ Италіей и о заключеніи съ нею перемирія, но что Наполеонъ, съ своей стороны, предложилъ содѣйствовать къ заключенію перемирія также и съ Пруссіей и затѣмъ обѣщался начать и самые переговоры о мирѣ, что посредничество это соотвѣтствовало желаніямъ Франца Іосифа и онъ его принялъ; но что онъ никогда не приметъ такихъ условій, которыя могли бы пошатнуть могущество Австріи — какого рода подобныя условія, не говорилось въ манифестѣ, и потому онъ не произвелъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Новый главнокомандующій не жалѣлъ словъ, чтобы ободрить унынie, овладѣвшее войскомъ и народомъ; онъ говорилъ: «собирается опытное, могущественное, испытанное въ бояхъ, привыкшее къ побѣдамъ войско; оно въ храбрости, терпѣніи и въ умѣньѣ владѣть оружіемъ не уступитъ ни одному войску въ мірѣ, оно горитъ желаніемъ отомстить за незаслуженное несчастіе; оно стремится положить предѣлъ высокомѣрію враговъ»; эрцгерцогъ послалъ Бенедеку повелѣніе съ своими пятью корпусами, находившимися близъ Ольмюца, не теряя времени, спѣшить къ Вѣнѣ, куда по желѣзной дорогѣ, со всею скоростью паровъ, свозили полки изъ-подъ Венеціи, которая, сдѣлавшись теперь собственностію Франціи, была недоступна для итальянской арміи и защищать которую теперь дѣлалось совсѣмъ лишнимъ.

Прямой путь изъ Ольмюца въ Вѣну былъ уже отрѣзанъ. Авангардъ принца Фридриха Карла уже занялъ Лунденбургъ, находящійся въ десяти миляхъ отъ Вѣны и почти на столько же отъ Пресбурга и слѣдовательно пересѣкъ линію дороги, ведущей отъ Ольмюца къ этимъ обоимъ городамъ; армія Гербарта фонъ-Биттенфельда въ тотъ же день заняла городокъ Голлабрунъ, лежащій въ шести миляхъ отъ Вѣны, и онъ послалъ одну бригаду вверхъ по Дунаю до Кремса; 2-я армія дѣйствовала противъ Бенедека; перехваченная полевая депеша объяснила всѣ его намѣренія и предположенія, почему очень легко было имъ противодѣйствовать. Близъ Товитчау, на правомъ берегу Марха, дошло до сраженія между войсками 2-й прусской арміи и австрійцами, которыя тянулись вдоль рѣки на югъ; столкновеніе это доказало, что австрійское войско еще не оправилось, не ободрилось послѣ пораженія—сопротивленіе было вяло, дрались со страхомъ; потеряно было 18 орудій и потеряно вовсе не такъ славно, какъ при Кениггрецѣ; вслѣдствіе этого сраженія Бенедекъ принужденъ былъ идти обходомъ черезъ предгорія Карпатовъ въ Пресбургъ; онъ прибылъ туда 26 числа.

Между тѣмъ эльбская и 1-я арміи, почти безъ сопротивленія, приблизились къ самой Вѣнѣ: эльбская армія находилась въ полутораста миляхъ передъ вѣн-

скими укрѣпленіями, передъ шанцами Флориндсдорфа, а начиная съ 20 іюля передовыя войска ясно могли видѣть освѣщенныя окна столичныхъ домовъ. Прусское войско получило подкрѣпленія, чтобы пополнить пробѣлы, сдѣланные въ немъ не столько австрійскимъ оружіемъ, сколько неумолимою смертностью отъ свирѣпствовавшей холеры. Доказательствомъ предусмотрительности и отличной организаціи воинской системы Пруссіи можетъ служить то, что несмотря на множество столкновеній съ австрійцами, на жестокія битвы и сильныя потери отъ холеры, войско не только не уменьшилось, но значительно увеличилось со времени начала военныхъ дѣйствій. Дивизія Франсеки, принадлежавшая къ арміи кронпринца и составлявшая окраину лѣваго крыла ея, находилась въ 1½ дневномъ переходѣ отъ Пресбурга; окраину праваго крыла прусской арміи составляла бригада Этцеля, входившая въ составъ эльбской арміи; находилась она близъ Кремса; на лѣвомъ берегу Дуная, слѣдовательно, находилась прусская армія въ 240,000 человѣкъ; у австрійцевъ на правомъ берегу была армія, равносильная этой, потому что потери, понесенныя при Кениггрецѣ, были вознаграждены 45,000 человѣкъ изъ южной арміи. Казалось, изъ-за дунайской линіи неминуемо должно произойти послѣднее, рѣшительное сраженіе.

Къ счастію, до этой убійственной, окончательной битвы не дошло. Мирные переговоры, между тѣмъ, шли своимъ чередомъ. Надежды, съ которыми Австрія уступила Венецію, не исполнились. Австрійское правительство надѣялось, что можетъ воспользоваться первымъ удивленіемъ Италіи, чтобы отдѣлить ее отъ Пруссіи, и этой же самой уступкой надѣялись запугать Пруссію; но ни то, ни другое не удалось. Наполеонъ былъ озабоченъ этой двойной неудачей и не зналъ на что рѣшиться, поэтому французскій посланникъ игралъ въ лагерѣ очень незавидную роль человѣка лишняго. Вмѣшаться въ войну Наполеону вовсе нехотѣлось; а между тѣмъ время уходило: военное могущество Пруссіи со дня на день увеличивалось; по словамъ Мольтке, человѣка хорошо знакомаго съ дѣломъ, Пруссія, послѣ битвы при Кениггрецѣ, могла располагать 664,000 войска; а Наполеонъ не былъ готовъ къ войнѣ; когда онъ спросилъ у своего военнаго министра, можно ли, въ случаѣ надобности, немедленно двинуть 50,000 окупаціонный корпусъ, чтобы занять Венецію, министръ отвѣчалъ отрицательно. Пруссія между тѣмъ побѣждала не въ одной только Австріи: она имѣла такой же успѣхъ въ цѣлой Германіи, а что касается до Италіи, она должна была бы желать, чтобы война еще продлилась, чтобы получить Венецію не какъ подарокъ, а какъ заслуженную военную добычу. Италіи надобно было добиваться не одной Венеціи; черезъ союзъ съ Пруссіей Италія могла получить то, чего ей не могла и не должна была дать ни Франція, ни Наполеонъ. Можно было разрѣшить римскій вопросъ, согласно съ желаніемъ и стремленіемъ народа.

Чтобы яснѣе понять исходъ великой борьбы между народами Германіи, мы должны бросить взглядъ на событія на остальныхъ двухъ поприщахъ войны—на итальянскомъ и германскомъ.

Италія, какъ мы видѣли, въ сраженіяхъ играла очень незавидную и неудачную роль. Пораженіе при Кустоццѣ было не окончательное; австрійцы удовольствовались побѣдой и не воспользовались ею, какъ слѣдовало, во-первыхъ потому, что съ самаго начала войны не намѣрены были вести ее наступательно и вовсе не приготовились къ такого рода дѣйствію; во-вторыхъ теперь имъ представлялась возможность уступить Венецію съ честью, потому что съ самаго начала войны рѣшено было отказаться отъ нея и отыскивали только случая, какъ бы это сдѣлать попривличнѣе. Послѣ битвы при Кениггрецѣ нечего было думать о наступательномъ движеніи въ Италіи; надобно было заботиться о защитѣ Вѣны; для Италіи настала благопріятная минута самой начать нападеніе. Неожиданная передача Венеціи — Франціи на первое время озадачила итальянцевъ и спутала ихъ разсчеты и предположенія: французы, съ своей стороны, употребили всѣ зависящіе отъ нихъ способы убѣжденія, чтобы доказать итальянцамъ, что всѣ причины войны теперь уничтожены, слѣдовательно и самая война непремѣнно должна прекратиться, какъ неимѣющая причины. Итальянцы это дѣло лучше понимали; теперь-то именно и рѣшено было вести войну со всевозможною энергіей; и сами собою додумались до основательнаго военнаго плана, предложеннаго въ са-

момъ началѣ прусскимъ посланникомъ и который Ламармора, недовѣрявшій пруссакамъ и убѣжденный въ своихъ замѣчательныхъ военныхъ дарованіяхъ, оставилъ безъ вниманія и засунулъ въ карманъ, не взгляпувъ даже на него: теперь положено было энергически идти впередъ и соединиться съ прусскимъ войскомъ въ Венгріи, гдѣ нашлось бы много единомыслящихъ и гдѣ поддерживались сношенія съ радикальною партіей. Пруссаки съ самаго начала войны не препебрегали никакими союзниками; такъ, лишь только они перешли черезъ богемскую границу, какъ издали прокламацію, наполненную возгласами и воспоминаніями «о славныхъ временахъ богемскаго независимаго королевства»; содѣйствіе Гарибальди съ своими волонтерами не нашло препятствія въ прусской главной квартирѣ, хотя, сказать мимоходомъ, его дѣйствія въ Тиролѣ остались безъ послѣдствій. Совершенно несправедливо впослѣдствіи австрійцы упрекали прусскаго министра за то, что онъ дѣйствовалъ заодно съ революціонерами и съ подобными союзниками. Войны нельзя вести отравленнымъ оружіемъ, но можно вести смертельнымъ; послѣ того, какъ Венеція была уступлена съ цѣлью навязать Пруссіи новаго врага въ лицѣ Наполеона и его имперіи, прусское правительство не почитало себя обязаннымъ быть слишкомъ разборчивымъ въ выборѣ оружія, какое она употребляетъ, и вообще она перестала церемониться.

Итальянцы много шумѣли, но ничего замѣчательнаго не сдѣлали. Они не рѣшались переступить черезъ венеціанскую границу, потому что она теперь сдѣлалась французской; время проходило въ спорахъ и въ приготовленіяхъ. Итальянцы 19 іюля понесли новую неудачу и новую потерю: ихъ флотъ, подъ начальствомъ адмирала Персано, потерпѣлъ пораженіе при Лиссѣ, у далматскаго берега; австрійскимъ флотомъ командовалъ адмиралъ Тегетгофъ; эта потеря была особенно чувствительна потому, что Италія всѣ свои надежды возлагала на флотъ и на устройство его потратила много старанія и денегъ. Въ битвѣ при Лиссѣ было много случаевъ личнаго мужества и самоотверженія, но это не могло ни умепьшить потери, ни вознаградить ея; такъ напримѣръ корабль «Палестро» загорѣлся отъ пушечныхъ выстрѣловъ; экипажъ не оставлялъ его, не сдавался австрійцамъ въ плѣнъ и взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ съ кораблемъ; но въ народѣ это не возбудило досады и недоброжелательства, напротивъ: на союзъ съ Пруссіей начали смотрѣть, какъ на нѣчто священное; никому въ умъ не приходила возможность отказаться отъ него, еще меньше нежели послѣ битвы при Кениггрецѣ. Чіальдини теперь только принялъ начальство надъ войскомъ и приготовлялся къ наступательному движенію.

Такимъ образомъ, въ случаѣ, если бы Франція объявила войну, Пруссія предоставила бы Италіи отвлекать Австрію, запять ее, а сама, съ большей частью своего побѣдоноснаго войска, могла поспѣшить на встрѣчу къ воинственной Франціи; это тѣмъ болѣе было возможно и выполнимо, что на западномъ германскомъ поприщѣ военныхъ дѣйствій, положеніе дѣлъ было еще удачнѣе, можно сказать, блистательнѣе даже, чѣмъ въ Богеміи.

Здѣсь, въ Германіи въ теченіе нѣсколькихъ недѣль произнесено было полное охужденіе всей системы, до сихъ поръ существующаго союзнаго управленія и, что хуже всего, критика произнесена была не теоретически, на словахъ, а самымъ дѣломъ. Этимъ способомъ народу и сильнѣйшей, мыслящей части его, открылась вся глубина злоупотребленій и неустройства, но вмѣстѣ съ тѣмъ показано было, какъ исправить зло, какъ нація опять можетъ добиться могущества, благосостоянія и уваженія сосѣдей.

Мнѣніе, что эта междоусобная война есть народное несчастіе, было ошибочно; напротивъ, надобно было радоваться, что этотъ, хотя и болѣзненный, кровавый урокъ данъ былъ одною изъ чисто нѣмецкихъ державъ, а не какою либо изъ иностранныхъ, сосѣднихъ, хотя бы со стороны Франціи, исконнаго врага Германіи; при этомъ случаѣ во всей своей наготѣ открылась бездонная ничтожность германской союзной системы вооруженія, безсмысленныя и безсовѣстныя злоупотребленія власти, растрата народныхъ силъ для кажущихся по большей части династическихъ интересовъ; такимъ образомъ полезный урокъ данъ былъ старинной Германіи новою. Потребовался самый короткій срокъ, послѣ того какъ война затихла, чтобы изъ плохаго войска, страдавшаго преимущественно неправильной, застарѣ-

лой организаціей союзнаго устройства, основаннаго на ложныхъ началахъ и на желаніи все дѣлать для вида только, образовать войска, совершенно готовыя для борьбы съ внѣшними врагами, не только способныя вынести эту борьбу, но и остаться въ ней побѣдителями.

Мы ограничимся тѣмъ, чтобы кратко останавливаться на главнѣйшихъ событіяхъ этой междоусобной войны. Къ счастію, въ ней не было и тѣни тѣхъ ужасовъ, какіе по большей части сопровождаютъ междоусобныя войны; если тамъ и сямъ было что нибудь подобное, то все-таки это исключеніе, а не правило. Правда, въ одной изъ радикальныхъ газетъ, въ Stuttgarter Beobachter, говорилось о массахъ народныхъ, взявшихся за оружіе, о народной войнѣ, о нѣмецкихъ гверильясахъ, для которыхъ топоръ есть главное оружіе, особенно дѣйствительное въ почныхъ нападеніяхъ; но сочинители этихъ ужасовъ, люди робкіе, неспособные отстаивать своихъ клеветъ, заблаговременно припасли себѣ паспортъ, чтобы, при первомъ признакѣ опасности, удалиться на югъ Германіи, чтобы тамъ продолжать свою пустословную болтовню: вообще надобно замѣтить, что полки сражались безъ личной ненависти, которую проповѣдывали фанатики духовные и ярые демагоги.

На сколько шатокъ и непроченъ былъ союзъ, заключенный между врагами Пруссіи, вскорѣ обнаружилось во всей своей наготѣ. Ольмюцская конвенція, заключенная между Баваріей и Австріей, оставалась на время тайною для остальныхъ союзниковъ; по седьмой статьѣ этой конвенціи, Баваріи, въ случаѣ какихъ либо потерь, гарантировано было хорошее вознагражденіе на счетъ ближайшихъ сосѣдей, напримѣръ, Бадена. Въ объясненіи военнаго плана дѣйствій особенное вниманіе обращено было на защиту границъ Баваріи; надобно замѣтить, что въ этой войнѣ всѣ условія и всѣ стремленія союзниковъ клонились къ защитѣ собственныхъ территорій, что въ высшей степени затрудняло военныя дѣйствія. 26 іюня вюртембергское правительство въ свою пользу совершило великое дѣло: оно приказало занять сосѣднее ничтожное, но очень удобное для Вюртемберга владѣньице Зигмарингенъ. Но тамошнее народонаселеніе съ неудовольствіемъ смотрѣло на это присвоеніе, не смотря на то, что это былъ одноплеменный и одноязычный для Вюртемберга народъ; и когда присланъ былъ актъ гражданскаго вюртембергскаго комиссара о присоединеніи Зигмарингена, тогда негодующіе зигмарингенскіе чиновники, безъ дальнѣйшихъ околичностей, отослали его назадъ; это могло служить явнымъ доказательствомъ настроенія народа, тяготѣвшаго къ одной изъ первостепенныхъ державъ и вовсе не желавшаго присоединиться къ второстепенной, въ нѣкоторомъ смыслѣ тоже подчиненной державѣ. Здѣсь уже понимали, что Пруссія сильнѣйшая изъ германскихъ государствъ и слѣдовательно, для какого нибудь Зигмарингена выгоднѣе было слиться съ нею, нежели съ Вюртембергомъ.

Въ то самое время, когда ганноверское войско билось при Лангензальцѣ, 27, въ Швейнфуртѣ происходилъ военный совѣтъ, при которомъ присутствовалъ начальникъ восьмаго союзнаго корпуса принцъ Александръ Гессенскій; составился военный планъ съ цѣлью вновь овладѣть курфюршествомъ Гессенскимъ; для этой цѣли восьмому корпусу приказано было соединиться близъ Герсфельда съ баварскою арміей. На слѣдующій день, 28, войска двинулись; принцъ Александръ потерялъ время для безполезнаго бокового движенія противъ Гесена и Вецлара, гдѣ дошло даже до столкновенія, потому что авангардъ принца, обманутый самымъ грубымъ образомъ, отступилъ; около этого времени баварцы удостовѣрились, что спасеніе ганноверскаго войска уже невозможно; поэтому изъ главной квартиры принца Карла пришло приказаніе спѣшить къ Фульдѣ для соединенія съ главною арміей, что было исполнено посредствомъ перехода черезъ Фогельскія горы. Соединенныя союзныя войска составили бы значительное войско въ 86,000 челов. съ 270 орудіями, тогда какъ пруссаки не насчитывали больше 45,000 челов.; но прусскій генералъ, посредствомъ быстрыхъ и неожиданныхъ движеній, съумѣлъ удвоить это число, умѣлъ своими войсками маневрировать такъ, чтобы мѣшать союзникамъ соединиться и разбилъ ихъ порознь. Главныя битвы въ Богеміи уже окончены были, когда 4 іюля, на Веррѣ, близъ Дермбаха, дошло до ряда столкновеній съ союзными войсками; при первомъ сраженіи

баварскіе солдаты выказали мужество и стойкость; но зато на слѣдующій день на баварскихъ кирассировъ, близъ Гюнфельда, напалъ паническій страхъ, происшедшій отъ разрыва одной только гранаты; вся масса кирассировъ, какъ безумные, бросились бѣжать, увлекая съ собою слѣдовавшіе за ними кавалерійскіе полки, и въ безумномъ бѣгствѣ нѣкоторые изъ нихъ остановились только на берегахъ Майна. Принцъ Карлъ направился на Киссингенъ, на франконской Саалѣ, принцъ Александръ опять отступилъ къ Франкфурту; но тутъ начинается дислокація союзнаго войска: 10 іюля отдѣлились полки нассаускіе, призванные на родину для защиты собственныхъ границъ.

Фогель фонъ Фалькенштейнъ прежде всего пошелъ на баварцевъ, которыхъ считалъ, сравнительно, своими опаснѣйшими врагами. 10 іюля дѣло дошло до битвы при Киссингенѣ; послѣ продолжительнаго и кровопролитнаго сраженія, баварцы опять отступили къ Вюрцбургу для того, чтобы стянуть и сосредоточить туда остальныя войска; и здѣсь опять не имѣлось въ виду общее дѣло, позаботились только о защитѣ собственныхъ границъ. Прусскій главнокомандующій отрядилъ Мантейфеля не столько для того, чтобы преслѣдовать отступающихъ, сколько для наблюденія за ними; но въ тоже время послалъ генерала Гебена на западъ, къ Франкфурту, сдѣлавшемуся теперь главною цѣлью его дѣйствій. Войска, дѣлая непомѣрно большіе и трудные переходы, перешли черезъ Спессартъ; 13 іюля, при Лауффахѣ, вечеромъ, когда пруссаки, до смерти усталые, только-что расположились отдыхать, на нихъ напали гессенцы, но нападеніе было отбито; на слѣдующій день, 14 іюля, происходила славная для пруссаковъ битва при Ашаффенбургѣ. Австрійская дивизія Нейперга пришла на помощь гессенцамъ, но это были итальянскіе полки; они бились вяло, безъ возбужденія и оставили въ рукахъ пруссаковъ ужасающее число плѣнныхъ, 1500 человѣкъ; припомнимъ при этомъ случаѣ, что сказалъ объ нихъ одинъ изъ государственныхъ людей: «нѣмцы еще порадуются тому, что у нихъ есть итальянская армія». Принцъ Вильгельмъ Баденскій спѣшилъ на поле битвы съ подкрѣпленіемъ, и наткнулся на австрійскіе полки, частію отступавшіе, частію обращенные въ полное бѣгство, но такъ какъ прусское войско было изнурено сильными переходами и битвами и къ тому же числомъ его было меньше, то все-таки можно было бы его разгромить на слѣдующій день. Но на войну эту не смотрѣли, какъ слѣдуетъ; ее принимали очень легко. Казалось, будто всѣ участвующіе нарочно бездѣйствовали, пока съ востока не придетъ извѣстіе о перемиріи, или о мирѣ. Правда, большихъ выгодъ нечего было ожидать. Надобно было сожалѣть о каждой капли крови, безполезно пролитой за это, и безъ того погибшее и осужденное дѣло, и если не въ военномъ отношеніи, то изъ человѣколюбія слѣдовало бы все остановить и ждать, что будетъ. Но этого не было сдѣлано: 15 іюля союзное войско опять собралось и черезъ Оденвальдъ направилось къ Вюрцбургу, чтобы, наконецъ, въ самомъ дѣлѣ, соединиться съ баварцами; съ ними пошло и нассауское войско: ему уже нечего было хлопотать о защитѣ своихъ границъ.

Дорога въ Франкфуртъ была открыта. Тамъ сенатъ, при приближеніи опасности, самъ выпроводилъ за дверь остатки совѣта союзнаго сейма; такъ какъ это дѣйствительно были ничего незначащіе остатки, то они, избѣгая опасности, бѣжали сначала въ Аугсбургъ, еще собирались разъ другой въ гостиницѣ трехъ Мавровъ, но видя невозможность держаться долѣе разошлись и даже имя совѣта союзнаго сейма исчезло. Вечеромъ 16 числа пруссаки, подъ начальствомъ Фогеля фонъ-Фалькенштейна, Гебена и Врангеля, вошли въ Франкфуртъ. Народонаселеніе встрѣтило пруссаковъ въ мрачномъ молчаніи. Говорятъ, будто нѣкоторые негодяи наложили руку на прусскихъ раненыхъ, но этого съ достовѣрностію сказать нельзя; впрочемъ, фактъ общеизвѣстный, что жители Франкфурта съ давнихъ временъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, выказывали глубокую, непримиримую вражду къ прусскому гарнизону, какъ къ солдатамъ, такъ и къ офицерамъ, и ненависть эта очень замысловато и очень открыто выражалась всѣми классами народа. Это объясняетъ, почему прусскіе солдаты и офицеры съ такимъ наслажденіемъ выполняли всѣ, даже преувеличенныя строгости, какія предписаны были въ отношеніи города; даже начальники намѣренно хотѣли дать городу почувствовать всю силу строгаго солдатскаго правленія; къ сожалѣнію

надобно признаться, что офицеры, вмѣсто того, чтобы смягчать возложенное на нихъ порученіе, напротивъ съ какимъ-то неслыханнымъ удовольствіемъ еще увеличивали военную строгость и жестокость. Франкфуртскій сенатъ и городовое управленіе были уничтожены, на городъ наложена была контрибуція въ 6 милліоновъ флориновъ; но лишь только она была собрана, Германія и всѣ европейскія державы съ ужасомъ и негодованіемъ узнали, что 20 іюля, того же мѣсяца, на несчастный, измученный городъ наложена вторая, еще большая контрибуція въ 25 милліоновъ флориновъ, съ тѣмъ, чтобы она была сполна внесена въ 24 часа времени, въ кассу майнской арміи. Безумный декретъ, требовавшій, чтобы контрибуція была уплачена въ 24 часа, не былъ подписанъ генераломъ Фогель фонъ-Фалькенштейномъ. Онъ впалъ въ немилость и, вслѣдствіе того, отозванъ былъ отъ арміи, съ назначеніемъ въ должность богемскаго губернатора; начальство надъ арміей поручено было генералу Мантейфелю. Надобно замѣтить, что упомянутой выше непомѣрной контрибуціи на самомъ дѣлѣ не собирали съ Франкфурта ни въ 24 часа, ни въ болѣе продолжительный срокъ; послѣ того, какъ жителей достаточно помучили и постращали, между побѣдителями и побѣжденными установились довольно сносныя отношенія.

Послѣднее дѣйствіе майнскаго похода происходило при Вюрцбургѣ. Союзныя арміи, наконецъ, безпрепятственно соединились, когда уже нельзя было измѣнить хода событій. У союзниковъ было теперь 100,000 войска. Военные совѣты въ Таубербишофсгеймѣ 19 и въ Вюрцбургѣ 21 іюля, составляли очень смѣлые и дальновидные планы наступательнаго веденія войны, но все это ограничилось словами, и ничего въ дѣйствіе не было приведено. Баварцы неподвижно стояли передъ Вюрцбургомъ, восьмой союзный корпусъ занялъ крѣпкую оборонительную позицію за Тауберомъ. Войско Мантейфеля, около 60,000 человѣкъ, дополненное и усиленное, по статьямъ новаго союзнаго договора, ольденбургскою и ганзейскою подвижною бригадой, 24 іюля, овладѣло Тауберомъ, близъ Вербаха и Таубербишофсгейма, которые защищали баденскія и вюртембергскія войска; отъ баварцевъ и на этотъ разъ не было помощи. Они съ своей стороны переправились черезъ Майнъ 25 и 26 числа и выдержали сраженія при Герхсгеймѣ, Гельмштадтѣ и Росбруннѣ; со стороны Лейпцига, въ это время, со вторымъ прусскимъ резервнымъ корпусомъ приближался великій герцогъ Мекленбургскій. Между тѣмъ баварскій и вюртембергскій министры иностранныхъ дѣлъ прибыли въ прусскую главную квартиру, въ Никольсбургъ, съ предложеніями о мирѣ, и фактическое перемиріе было постановлено гораздо раньше, нежели общее перемиріе установилось по всей боевой линіи сражающихся. Послѣдніе выстрѣлы были направлены на Маріенбургъ, близъ Вюрцбурга.

На восточномъ поприщѣ войны враждебныя столкновенія прекратились съ полудня 22 іюля. Съ 18 іюля главная квартира прусскаго короля находилась въ Никольсбургѣ между Брюнномъ и Вѣной. На первое время, 21 іюля тутъ положено было на пять дней прекратить всѣ военныя дѣйствія; затѣмъ должно было слѣдовать правильно установленное перемиріе, до окончательнаго заключенія мира. Еще утромъ 22 числа, при Блуменау, началось сраженіе; въ немъ дивизія Франсеки нападала на часть 10 и 2-го австрійскихъ корпусовъ; сраженіе это, по всей вѣроятности, окончилось бы для австрійцевъ новымъ пораженіемъ и новыми потерями; прусскія войска уже обошли своего противника и оставалось только разгромить его, но тутъ пришло извѣстіе, что всѣ военныя и враждебныя дѣйствія остановлены; странно было видѣть, какъ австрійская обойденная бригада Мондля шла обратно въ лагерь долгое время посреди прусскихъ войскъ.

Начались переговоры о мирѣ; требованія прусскаго короля и его министровъ были очень умѣренны, но въ тоже время непоколебимо твердыя; переговоры кончились прелиминарнымъ миромъ, подписаннымъ 26 іюля, при Никольсбургѣ, а окончательный миръ подписанъ былъ въ Прагѣ 23 августа. Бисмаркъ съ твердостью настоялъ на томъ, чтобы не заключать перемирія до тѣхъ поръ, пока окончательно не будутъ утверждены прелиминарныя статьи мира; черезъ это французское посредничество было устранено и цѣль его была опрокинута; король прусскій, очень предусмотрительно и благоразумно, отказался отъ торжественнаго въѣзда

въ Вѣну, чѣмъ нанесъ бы неисцѣлимую рану австрійской гордости, пробудилъ бы ничѣмъ неистребимую ненависть и лишился бы на долгое время возможности возстановить хоть сколько нибудь дружелюбныя отношенія съ побѣжденной и униженной Австріей, и тогда, Богъ вѣдаетъ, когда можно бы было окончательно умиротворить Германію.

Императоръ австрійскій въ мирномъ договорѣ призналъ присоединеніе ломбардо-венеціанскаго королевства къ итальянскому, далѣе призналъ, что Германскій союзъ не можетъ существовать на прежнихъ основаніяхъ и далъ согласіе на преобразованіе Германіи по новой формѣ безъ того, чтобы австрійская имперія присоединилась къ этой реформѣ или принимала въ ней участіе. Далѣе, австрійскій императоръ отказался отъ своихъ правъ на Шлезвигъ и Гольштейнъ, полученныхъ на Вѣнскомъ конгресѣ, въ пользу короля прусскаго; но тутъ была сдѣлана оговорка, очевидно подъ вліяніемъ французскаго посредничества, что сѣверныя области Шлезвигъ и Гольштейнъ должны быть присоединены къ Даніи, если народъ, при общей независимой подачѣ голосовъ, выразитъ это желаніе; при этомъ, однако, не сказано было—когда, гдѣ и какъ будетъ производиться эта свободная подача голосовъ. Далѣе упоминалось, что, «желая исполнить желаніе его величества австрійскаго императора, король прусскій охотно соглашается предоставить Саксонскому королевству, то территоріальное обладаніе, какимъ оно до сихъ поръ пользовалось»; прочія территоріальныя измѣненія въ Германіи допускала Австрія; хотя измѣненія эти не были поименованы въ договорѣ, но тутъ подразумѣвалось, что къ Пруссіи присоединятся: Шлезвигъ-Гольштейнъ, Ганноверъ, Нассау, курфюршество Гессенское и вольный городъ Франкфуртъ на Майнѣ. Австрійскій императоръ согласился на преобразованіе союзныхъ отношеній германскихъ государствъ на сѣверъ отъ Майна, также и на тѣснѣйшій союзъ, соединяющій южно-германскія державы между собою и впослѣдствіи долженствующій соединить ихъ еще крѣпче и надежнѣе. Этотъ союзъ, говорилось въ статьѣ мирнаго договора, будетъ впослѣдствіи имѣть международное, независимое существованіе; національныя отношенія и связь его съ сѣверо-германскимъ союзомъ государствъ предоставлялось на рѣшеніе и соглашеніе сообразно потребностямъ. Австрія обязалась заплатить 40 милліоновъ талеровъ военныхъ издержекъ, но изъ нихъ 20 тысячъ были, по требованію Австріи, исключены какъ вознагражденіе за военныя издержки, понесенныя ею во время Шлезвигъ-Гольштейнскаго похода.

Послѣ того, какъ этотъ миръ былъ подписанъ, не существовало больше Германскаго союза, и Пруссія вела переговоры о мирѣ съ остальными государствами, принимавшими участіе въ войнѣ, какъ съ отдѣльными, самостоятельными германскими державами; пока шли толки о прелиминарныхъ статьяхъ мира въ Никольсбургѣ и потомъ онѣ окончательно обсуживались въ Прагѣ, союзники распустили свои войска и вполнѣ обезоружили ихъ. Съ Вюртембергомъ и Баденомъ 13 и 17 августа заключенъ былъ миръ въ Берлинѣ; они, подобно Австріи, также ничего не потеряли изъ своихъ владѣній, но заплатили военныя издержки, первый восемь милліоновъ флориновъ, а второй—шесть милліоновъ; Баварія лишилась незначительной области, нужной, какъ говорилось, «для охраненія общегерманскихъ стратегическихъ и торговыхъ интересовъ» и заплатила 30 мил. флор. военныхъ издержекъ; великое герцогство Гессенское заплатило три милліона и уступило Пруссіи ландграфство Гессенъ-Гомбургъ и нѣкоторыя области верхняго Гессена; съ остальною частью своихъ обрѣзанныхъ и общипанныхъ владѣній Гессенъ присоединился къ Германскому союзу, а именно со всѣмъ, что находится на сѣверъ отъ Майна; но все почтовое вѣдомство въ цѣломъ великомъ герцогствѣ перешло во власть Пруссіи; далѣе Пруссія получила право поставить свой гарнизонъ въ Майнѣ, такъ какъ это до сихъ поръ предоставлено было союзному войску. Всѣ государства, воевавшія съ Пруссіей, подчинились условіямъ никольсбургскимъ, продиктованнымъ Пруссіей. Цолльферейнъ сохранился, но все-таки послѣ шестимѣсячнаго срока долженъ былъ преобразоваться; это вполнѣ отдало южно-германскія государства на произволъ Пруссіи.

Впрочемъ германская территоріальная система столько же пострадала на дипломатическомъ и военномъ поприщѣ, сколько военная на поляхъ битвы. Подобно

тому, какъ ганноверскій король, послѣ пораженія при Лангензальца, всѣ свои надежды возлагалъ на французское вмѣшательство, такъ и южно-германскіе кабинеты, за исключеніемъ кабинета Карлсруэ, обратились къ французскому императорскому правительству и просили поддержать ихъ и помочь имъ въ предстоящихъ переговорахъ въ Берлинѣ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ съ большимъ удовольствіемъ согласился на это желаніе и въ письмѣ къ французскому посланнику въ Берлинѣ предписывалъ принять на себя роль посредника и заступника; но онъ не зналъ, чего хотѣлъ. Напрасно прусскаго министра упрекали въ томъ, что у него есть тайное намѣреніе пожертвовать прирейнскими провинціями, лишь бы достигнуть своихъ задуманныхъ плановъ: но судьбою было суждено и въ этомъ отношеніи оправдать Бисмарка и доказать, на сколько онъ дорожитъ честью и славой нѣмецкаго и прусскаго имени и что ему каждая пядь нѣмецкой земли дорога, тогда какъ иныя, тоже нѣмецкія державы, не такъ строго смотрѣли на это дѣло. Какъ бы то ни было, но онъ умѣлъ отводить глаза французамъ, онъ оставилъ ихъ при мысли, что изъ уваженія и сочувствія къ нимъ Пруссія готова на всевозможныя льготы и уступки южно-германскимъ государствамъ; но въ сущности дѣло было не такъ. Еще въ августѣ заключены были тайные оборонительные и наступательные союзы между Пруссіей съ одной стороны и Баваріей, Баденомъ и Вюртембергомъ съ другой; въ этихъ договорахъ участвующіе гарантировали другъ другу владѣнія — что, какъ Бисмаркъ доказалъ, было крайне необходимо — въ случаѣ войны каждая изъ договаривающихся сторонъ должна была выставлять всѣ свои военныя силы, а слабѣйшія, маленькія державы просто-на-просто предоставлять свои полки въ полное распоряженіе Пруссіи. Договоръ этотъ не простирался на Гессенъ; въ вѣрности этого государства нечего было сомнѣваться и кромѣ того потому, что эти условія какъ секретная, нельзя было вѣрить такому человѣку, какъ гессенскому руководящему министру Далвичку.

Главной черты французской дипломатической программы: «Майнъ сдѣлать пограничною линіей» уже не было возможности привести въ исполненіе. Нація ушла дальше, чѣмъ сама предполагала. Только нѣсколько лѣтъ спустя дошло до общаго свѣдѣнія, что 6 августа французскій посланникъ Бенедетти, послѣ долгихъ приготовленій и обходовъ, предложилъ прусскому министру согласиться уступить Франціи Майнцъ со всѣми соотвѣтствующими областями, или, въ случаѣ отказа, ожидать немедленнаго объявленія войны. Говоря объ этомъ, прусскій министръ замѣтилъ: «само собою разумѣется, я ни на одно мгновеніе не затруднился отвѣтомъ: хорошо, такъ пусть же будетъ война», другаго отвѣта нельзя было ожидать отъ человѣка, желѣзомъ и кровью создавшаго новую Германію. Такъ могъ говорить нѣмецкій государственный человѣкъ съ французами только послѣ того, какъ при его содѣйствіи Пруссія, въ шестинедѣльный срокъ, исполненный событій, довершало дѣло, начатое за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ; однимъ словомъ, въ этомъ отвѣтѣ таится оправданіе войны 1866 года.

II. ОТДѢЛЬНЫЯ ГОСУДАРСТВА.

Отъ 1866 до 1870 года.

Болѣе всѣхъ въ разсчетѣ ошибся великій дипломатъ съ береговъ Сены и за ошибку эту пришлось ему и его народу дорого поплатиться. Впрочемъ, ошибка не заключалась только въ послѣднихъ событіяхъ, касательно германскихъ дѣлъ и отношеній, начало ея восходило далеко. Онъ поставилъ себя въ положеніе, что слова и желанія, произнесенныя въ критическую минуту, не произвели ожидаемаго дѣйствія: но, чтобы понять положеніе, въ какомъ находилась Франція во время германскаго кризиса и въ теченіе семидневной войны, давшей ему неожиданное разрѣшеніе, мы должны на время оставить ходъ европейской исторической жизни и обратить вниманіе на Америку, въ дѣла которой Наполеонъ, по непонятному и очень неясно сознанному ходу идей, вмѣшался, или, вѣрнѣе, позволилъ себя уговорить вмѣшаться. Грандіозный характеръ только-что проживаго времени еще ярче бросается въ глаза, если обратить вниманіе на событія въ Новомъ свѣтѣ, гдѣ міровая историческая жизнь развивается такъ же послѣдотательно, какъ въ Европѣ, и имѣетъ ближайшее вліяніе на нее.

Въ то же самое время, когда судьба Германіи рѣшалась на богемскихъ поляхъ битвъ, исполинскій пароходъ «Гретъ-Истернъ» шелъ черезъ всю ширину Атлантическаго океана: на его палубѣ лежалъ канатъ съ телеграфной проволокой, назначенной сблизить и связать двѣ части свѣта, дать имъ возможность въ нѣсколько минутъ получать вѣсти изъ Новаго свѣта; на этотъ разъ попытка удалась, канатъ счастливо былъ опущенъ въ глубину океана, тогда какъ до этого времени попытка соединить электрическимъ телеграфомъ Европу и Америку дважды не удалась. 27 іюля «Гретъ-Истернъ» бросилъ якорь близъ американскаго берега, а именно, при Нью-фаундлендѣ. Итакъ сообщеніе было установлено; совершилось великое, міровое, историческое событіе, такое, которое, по своимъ неизчислимо важнымъ послѣдствіямъ, можетъ стать на ряду съ величайшими первостепенными мирными историческими событіями міра.

Намъ предстоитъ теперь изложить дальнѣйшее развитіе сѣверо-американской междоусобной войны и пересмотрѣть печальныя событія и паденіе несчастной мексиканской имперіи.

А. АМЕРИКА.

1. Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты.

4 марта 1865 года, Авраамъ Линкольнъ во второй разъ занялъ должность президента Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Онъ надѣялся въ короткое время окончить войну, затѣмъ приняться за умиротвореніе штатовъ и возобновленіе дружественнаго единства между ними; казалось, это стремленіе вполнѣ соотвѣтствовало его кроткому и въ тоже время невозмутимо твердому характеру; это какъ будто было его назначеніе. Положеніе южныхъ штатовъ было невыносимо. И тамъ начали вооружать невольниковъ, но, какъ сказано было, «не измѣняя ихъ правъ и положенія». Въ войскѣ сѣверныхъ штатовъ, около этого времени, находилось уже 100,000 негровъ подъ ружьемъ; они раздѣлены были на 140 полковъ. Въ лагерѣ сепаратистовъ, между тѣмъ, обнаружились неудовольствія и начались ссоры, явный признакъ приближающагося распаденія. Президентъ Джефферсонъ Девисъ и ричмондскій конгресъ осыпали другъ друга упреками; 18 марта конгресъ разошелся, оставивъ южнымъ штатамъ очень плохое утѣшеніе, что завоевать ихъ невозможно, потому что географическое положеніе представляетъ непреодолимыя препятствія. Сѣверное войско между тѣмъ приближалось къ самому центру возстанія: Шерманъ приближался съ юга; съ сѣвера, по долинѣ Шенандо, Шериданъ шелъ на встрѣчу арміи Гранта, находившейся передъ линіей Ричмонда и Петерсбурга. 27 марта, въ главной квартирѣ Гранта, для военнаго совѣта съѣхались Линкольнъ и генералы Грантъ, Шериданъ и Шерманъ; на этомъ совѣтѣ положено было возобновить наступленіе и 29 марта Грантъ двинулся для рѣшительныхъ дѣйствій. Произошла битва; она продолжалась съ 31 марта до 2 апрѣля, когда были взяты внѣшнія укрѣпленія Петерсбурга и, въ тоже время, конфедераты выбиты изъ всѣхъ своихъ позицій при Ричмондѣ. Въ ночь со 2 на 3 апрѣля, генералъ Ли очистилъ оба города; президентъ поспѣшно ускакалъ на югъ; 3-го сѣверная армія заняла оба города, во главѣ ея шли негрскіе полки, подъ начальствомъ генерала Вейтцеля; Грантъ и Шериданъ преслѣдовали войско отступавшаго Ли. 6 апрѣля произошла послѣдняя битва; но сепаратисты опять были разбиты; и 9 апрѣля сдался генералъ Ли на капитуляцію; это былъ самый храбрый, самый даровитый изъ генераловъ сепаратистовъ. Въ его арміи еще находилось 26,000 чел., но она положила оружіе, дала честное слово не употреблять его противъ Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ и могла свободно возвратиться въ свои дома; побѣдителямъ досталось 159 пушекъ и 71 знамя. Ли, при капитуляціи, первымъ долгомъ поставилъ себѣ просить у начальника сѣверныхъ войскъ съѣстныхъ припасовъ для своихъ голодныхъ войскъ, полтора сутокъ не видавшихъ ни крохи хлѣба. Капитуляція, по мѣсту, гдѣ она происходила, прозвана аппотамаксъ-кортъ-гаузской; двѣнадцать дней спустя, близъ станціи Дургама, произошла вторая капитуляція между Шерманомъ и Джонстономъ; Линкольнъ воспользовался этими двумя успѣхами, чтобы приступить къ мѣрамъ, способнымъ облегчить тяжесть военную. Блокада южныхъ гаваней была снята; прекращено изго-

товленіе оружія и военныхъ снарядовъ, наборы для пополненія войска прекращены; сношенія съ Виргиніей, Каролиной и западной частью Георгіи открыты. Въ рѣчи, произнесенной въ Вашингтонѣ, президентъ сообщилъ свой взглядъ и свои планы о новомъ устройствѣ штатовъ, возвращенныхъ союзу. Эта рѣчь, можно сказать, была политическимъ духовнымъ завѣщаніемъ президента; нѣсколько дней спустя, 14 апрѣля, этотъ мудрый, благородный и честный государственный человѣкъ палъ мученикомъ своихъ убѣжденій, отъ руки убійцы: преступленіе это положило клеймо отверженія на дѣло, и безъ того постыдное и противное чувству человѣколюбія и справедливости. Линкольнъ сидѣлъ въ своей ложѣ въ театрѣ, въ Вашингтонѣ; актеръ, по имени Уильки Бутъ, ворвался въ ложу и застрѣлилъ его; убійца съ чисто театральнымъ паѳосомъ крикнулъ оцѣпенѣвшей отъ ужаса и удивленія публикѣ: «sic semper tyrannis», перескочилъ черезъ барьеръ ложи прямо на сцену, откуда убѣжалъ черезъ боковую дверь, вскочилъ на приготовленную заранѣе лошадь и ускакалъ. Существовала цѣлая шайка подобныхъ фанатиковъ-убійцъ; второй изъ шайки покусился было на жизнь захворавшаго министра Сьюарда, но покушеніе не удалось, потому что раненный сохранилъ жизнь. Положеніе дѣлъ не измѣнилось отъ постыднаго убійства; на основаніи законовъ вице-президентъ Андрей Джонсонъ 15 апрѣля принялъ управленіе въ свои руки; первымъ его дѣломъ было не утвердить конвенціи, заключенной на Дургамской станціи между Шерманомъ и Джонстономъ, потому что въ ней были политическія условія, въ какія генералъ не имѣлъ права входить; и 26 апрѣля Джонстонъ долженъ былъ покориться на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, на какихъ сдался Ли. Въ этотъ же самый день судьба постигла убійцу Линкольна: въ то время, когда его хотѣли арестовать въ Мериландѣ, произошла схватка и онъ былъ застрѣленъ. Джеффersенъ Девисъ былъ схваченъ 13 мая и на первое время отвезенъ въ фортъ Монроэ.

Послѣ того, какъ отпавшіе штаты фактически вновь присоединены были къ Сѣвернымъ Штатамъ, самая трудная задача заключалась въ томъ, какимъ образомъ обращаться съ возмутившимися. 29 мая, когда сопротивленіе вооруженной силой вездѣ было прекращено, Джонсонъ опубликовалъ амнистію, изъ которой однакожь исключались многіе классы возставшихъ; но надежда на амнистію и у нихъ не была отнята, только требовалось, чтобы они принесли покорность и просили о ней. Прежде всего, въ іюнѣ, южные штаты раздѣлены были на пять большихъ военныхъ округовъ; ихъ возсозданіе поручено было губернаторамъ, назначеннымъ отъ вашингтонскаго правительства; военноплѣнные отпускались тотчасъ послѣ того, какъ приносили присягу въ вѣрности Соединеннымъ Штатамъ. Южные штаты воспользовались тѣмъ, что съ ними приняты были такія кроткія мѣры; они, одинъ за другимъ, отмѣняли рѣшенія, которыми постановили свое отпаденіе отъ Соединенныхъ Штатовъ, и покорялись неизбѣжному; но болѣе всего старались при этомъ избѣжать необходимости признать за неграми права голоса, тѣмъ болѣе, что и между штатами, одержавшими верхъ, мнѣнія по этому вопросу были различны. Законъ Habeas corpus на время еще не былъ возстановленъ въ южныхъ штатахъ, хотя во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ относительно побѣжденныхъ выказывалась кротость и милосердіе. Къ 4 декабря 1865 года собрался опять конгресъ, и президентъ, въ очень подробномъ и ясномъ отчетѣ, изложилъ положеніе страны. Онъ говорилъ, что флотъ, состоявшій изъ 530 военныхъ судовъ съ экипажемъ въ 51,000 чел., уменьшенъ на 117 судовъ, съ 12,000 чел. экипажа; изъ войска, къ 1 мая текущаго года состоявшаго изъ 1.000,000 чел. отпущено 800,000 чел. волонтеровъ; постояннаго войска въ сборѣ осталось 50,000 чел., числа достаточнаго для наблюденія за государственнымъ спокойствіемъ. Далѣе, онъ благодарилъ Бога за дарованный миръ; упоминалъ о президентѣ Линкольнѣ, погибшемъ отъ святотатственной руки отцеубійцы, и о потерѣ, какую понесло отечество съ нимъ; не признавалъ ни малѣйшаго права за отдѣльными штатами произвольно выходить изъ союза, или управляться самовольно, не сообразуясь съ общимъ законодательствомъ; но онъ предложилъ южнымъ штатамъ самимъ заняться возсозданіемъ своей конституціи и исправить ее въ томъ же смыслѣ, какимъ руководились сѣверные штаты при уничтоженіи невольничества: право подачи голосовъ признавать, или непризнавать за неграми предоставлялось каждому изъ штатовъ отдѣльно. О финансахъ отчетъ выразился очень удовлетворительно:

огромный заемъ въ 2,700 милліоновъ долларовъ, сдѣланный для войны, могъ быть уплаченъ въ 30 лѣтній срокъ. Отчетъ оканчивался очень утѣшительной надеждой въ будущемъ. Назначена была комиссія, съ цѣлью разобрать, могутъ ли быть допущены въ конгресъ представители вновь устроенныхъ южныхъ штатовъ. На первое время это было отвергнуто; за то президентъ постепенно началъ отзывать губернаторовъ, назначенныхъ имъ въ южные штаты, съ тѣмъ, чтобы ихъ замѣняли выборомъ мѣстныхъ представительныхъ корпорацій.

Но такія кроткія мѣры въ отношеніи недавнихъ возмущавшихся штатовъ не нравились сѣверянамъ, и поэтому произошли разногласія между большинствомъ членовъ конгресса и президентомъ; неудовольствія, въ теченіе 1866 года, возрастали все больше и больше. 20 января представительная палата постановила предоставить неграмъ округа Колумбіи, въ которомъ находится главный городъ союза, неограниченное право подачи голосовъ; нѣсколько дней спустя сенатъ согласился на проектъ закона о продолженіи правъ покровительственнаго судебнаго учрежденія для освобожденныхъ негровъ, извѣстный подъ названіемъ бюро фридменъ; палата представителей приняла проектъ закона; также самая палата постановила, что въ тѣхъ штатахъ, гдѣ цвѣтъ кожи лишаетъ жителей права подавать голосъ, тамъ съ этихъ поръ уничтожается дарованное прежде право, сообразно съ числомъ цвѣтныхъ жителей, избирать число представителей. Но президентъ на это рѣшеніе не согласился и произнесъ свое вето. Представителей южныхъ штатовъ въ конгрессъ новымъ рѣшеніемъ положено было не допускать до тѣхъ поръ, пока конгрессъ самъ не сниметъ этого запрещенія; оба эти рѣшенія были утверждены обѣими палатами, не смотря на сильныя возраженія президента; далѣе, 17 марта, послѣдовалъ новый законъ, высчитывавшій гражданскія права негровъ и ставившій ихъ подъ непосредственную защиту союзнаго суда; вето президента было опрокинуто, 9 апрѣля, конгрессомъ, въ формѣ предоставленной законодательствомъ, т. е. большинствомъ двухъ третей голосовъ. Обѣ стороны все болѣе и болѣе горячились и другъ передъ другомъ прибѣгали къ выраженію своего неудовольствія; 4 апрѣля президентъ издалъ прокламацію, въ которой признавалъ возстаніе совершенно окончившимся; конгрессъ съ своей стороны принялъ предложеніе о поправкѣ закона, по которому участвовавшіе въ возстаніи, до 4 іюля 1870 года, лишались права подачи голоса при выборѣ представителей въ конгрессъ и при назначеніи президента Соединенныхъ Штатовъ; начальники возстанія навсегда лишались права быть выбранными въ общественныя должности; наконецъ, заемъ, сдѣланный съ цѣлью поддерживать возстаніе, безусловно не могъ быть принятъ на себя ни союзомъ вообще, ни однимъ изъ штатовъ въ частности; рѣшенія эти изданы были въ формѣ дополненія къ законодательству вообще, а по существующимъ законамъ президентъ тутъ не могъ вставить своего вето. Но партія, стоявшая за невольничество въ южныхъ штатахъ, видя кротость и слабость президента, опять ободрилась и доказала свое настроеніе новыми притѣсненіями и жестокостями въ отношеніи негровъ; въ маѣ, въ Мемфисѣ произошло постыдное и жестокое истребленіе негровъ, а въ іюлѣ тоже самое и съ тѣмъ же безчеловѣчіемъ повторилось въ Новомъ-Орлеанѣ. Притѣснители негровъ ожили и образовали новую демократическую партію; люди, преданные существующему порядку, съ негодованіемъ видѣли, что президентъ Джонсонъ принялъ депутацію демократической партіи и въ присутствіи собранія демократовъ, 18 августа, въ очень пренебрежительныхъ словахъ отзывался о конгрессѣ, называя его—корпораціей, выдающей себя за конгрессъ соединенныхъ штатовъ—и очень недвусмысленно прибавилъ, что опирается на помощь и поддержку храбраго войска; способъ его выраженія не понравился; начали подозрѣвать, что онъ, глава республики, хранитель правъ и законовъ ея, помышляетъ о томъ, чтобы нарушить эти законы и что еще хуже, при помощи вооруженной силы готовъ затѣять переворотъ. Въ ноябрѣ президентъ объѣзжалъ штаты и имѣлъ случай убѣдиться, какъ неосновательны и невыполнимы подобныя мечты, если только онѣ были. Избраніе членовъ конгресса, происходившее въ концѣ года, почти во всѣхъ штатахъ выпало въ пользу республиканской партіи, между тѣмъ какъ только-что упомянутая нами поправка законодательства не получила должнаго подтвержденія и трехъ

четвертей штатовъ союза. Конгрессъ, начавшій свои засѣданія 3 декабря, съ новою энергіей возобновилъ борьбу съ президентомъ. Онъ ограничилъ закономъ право президента назначать чиновниковъ, по случаю увольненія отъ службы одного изъ должностныхъ лицъ, не соотвѣтствовавшаго требованіямъ президента; теперь же опредѣленіе и увольненіе чиновниковъ соединено было съ согласіемъ сената. 20 числа сенатъ возвелъ въ законъ биль о возстановленіи, по которому десять штатовъ сепаратистовъ, еще не возстановленныхъ въ правахъ своихъ, опять, по образцу предшествующаго года, раздѣлены были на пять военныхъ округовъ и опять подчинены власти военныхъ начальниковъ; возвращеніе утраченныхъ южными штатами представительныхъ правъ теперь было ограничено очень опредѣленными и точными условіями. Президентъ попытался было опять употребить свое в е т о въ дѣло, но безъ послѣдствій: онъ принужденъ былъ, въ мартѣ 1867 года, назначить пять военныхъ губернаторовъ. Но въ цѣломъ правительство съ покоренными штатами обращалось довольно милостиво: такъ, напримѣръ, прежній президентъ сепаратистовъ, Джефферсонъ Девисъ, верховнымъ союзнымъ судомъ отпущенъ былъ на поруки, при внесеніи залога во 100,000 долларовъ.

Неудовольствія между верховными правительственными учрежденіями продолжались. Въ то время, когда конгрессъ закрылъ свои засѣданія президентъ научилъ губернаторовъ способу, какъ составить избирательные списки въ своемъ духѣ; когда же представители собрались, обѣ палаты конгресса, по взаимному соглашенію, предложили биль, по которому у президента отнималась всякая возможность принимать участіе въ дѣлѣ возстановленія и оно было прямо поручено главнокомандующему генералу Гранту; опять президентъ подалъ свое в е т о и опять оно было опрокинуто большинствомъ двухъ третей голосовъ членовъ палатъ. Но подобное несогласіе здѣсь не имѣло такого вліянія на общественную жизнь и на ходъ общественной дѣятельности, какое оно имѣло бы въ государственной жизни какой либо державы Стараго свѣта. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ духа президентъ поднялъ вопросъ о томъ, что онъ можетъ и что долженъ предпринять, если конгрессъ издаетъ законы, вовсе не согласные съ общимъ законодательствомъ союза; вопросъ этотъ президентъ изложилъ въ декабрѣ 1867 года, когда конгрессъ опять собрался для своихъ ежегодныхъ засѣданій. Когда же онъ, въ февралѣ 1868 года, вздумалъ испытать свою силу и значеніе, отставивъ военнаго министра Стантона и замѣстивъ его генераломъ Лоренцо-Ѳомою, чего онъ безъ согласія сената не имѣлъ права дѣлать, тогда палата представителей рѣшилась обвинить президента въ нарушеніи законовъ. Такая жалоба могла быть подана только сенату, и сенатъ ее принялъ; процессъ начался 30 марта, но ни къ чему не повелъ; Джонсонъ въ главныхъ статьяхъ обвиненія былъ оправданъ. Этотъ случай подалъ его противникамъ право громко и горько жаловаться на подкупленныхъ судей; впрочемъ, эти происшествія, которыхъ ни одно изъ европейскихъ государствъ не могло бы вынести безъ того, чтобы оно не произвело потрясающаго вліянія на бытъ народный, здѣсь не могло помѣшать ни хорошему, ни дурному направленію общаго потока жизни. Большая часть штатовъ, принимавшихъ участіе въ возстаніи, между тѣмъ исполнили требованія и условія, предписанныя конгрессомъ, и съ мая 1868 г. опять получили право посылать своихъ представителей.

Между тѣмъ, начались волненія по поводу выбора президента на будущее четырехлѣтіе. Республиканская партія, а именно плато Чикаго, выставила кандидатомъ генерала Гранта; демократическая партія—плато Нью-Іорка—свое о кандидата Горація Сеймура. Кромѣ главнаго пункта несогласія, дѣло на этотъ разъ касалось еще финансовыхъ вопросовъ, затрогивавшихъ интересы многихъ европейскихъ государствъ; вопросъ поставленъ былъ такъ: какъ выплачивать государственный долгъ — бумагами, или золотомъ? При выборѣ президента, верхъ одержала республиканская партія, и на должность президента назначенъ былъ побѣдитель въ послѣднее время междоусобной войны, У л и с ъ Г р а н т ъ. Изъ 25 штатовъ за него было 9,206 голосовъ, противъ него только 88. Рѣшеніемъ конгресса отъ 14 декабря, республика успокоила своихъ многочисленныхъ кредиторовъ объявленіемъ, что всякія ограниченія или стѣсненія при уплатѣ національнаго долга недостойны американскаго народа.

Порядокъ постепенно возстановлялся и вмѣстѣ съ нимъ нормальныя отношенія между союзными штатами; теперь только сознали, какъ благодѣтельны были кроткія мѣры Джонсона и амнистіи, имъ данныя. Марта 4 въ 1869 году Грантъ принялъ на себя управленіе. Въ короткой рѣчи, имъ произнесенной, онъ обѣщался строго выполнять существующіе законы, честно выплачивать государственный долгъ; объявилъ, что раздѣляетъ мнѣніе, принятое конгрессомъ при дополненіи или исправленіи законодательства, въ числѣ вопросовъ котораго положено на будущія времена не дѣлать по цвѣту кожи различія между подданными Соединенныхъ Штатовъ, а предоставить неграмъ и цвѣтнымъ одинаковыя политическія права съ бѣлой расой. Далѣе, онъ въ своей рѣчи, высказалъ намѣреніе приступить къ реформамъ въ общественной администраціи, но этихъ реформъ онъ не провелъ въ палатахъ представителей. Обратная, тѣневая сторона жизни государства, гдѣ личная свобода каждаго почти ничѣмъ не стѣсняется, представляетъ много погрѣшностей, не мало затемняющихъ общій грандіозный характеръ цѣлаго, но исправить или даже серьезно взяться за исправленіе этого невозможно одному человѣку, да и неизвѣстно, достанетъ ли у кого-нибудь необходимаго мужества, чтобы идти противъ общаго теченія; вещь самая естественная, что тамъ, гдѣ свобода способствуетъ энергическому развитію всѣхъ силъ человѣка, не только развиваются его чистыя и благородныя стремленія, но съ другой стороны и низкія, порочныя стремленія и страсти; корыстолюбіе, страсть ко всевозможнымъ чувственнымъ удовольствіямъ возрастаютъ до чудовищныхъ размѣровъ и заставляютъ искать удовлетворенія своихъ скотскихъ инстинктовъ, не взирая ни на человѣческіе, ни на божескіе законы. Смотрѣть на Соединенные Штаты какъ на образецъ, по которому рано или поздно должно произойти преобразованіе европейскихъ государствъ, можетъ придти въ голову только радикаламъ, подобно легитимистамъ, неспособнымъ ни научиться чему нибудь изъ опыта, ни забыть; но наблюдатель съ удовольствіемъ замѣчаетъ, какое оживляющее и побуждающее къ прогрессу вліяніе на это грандіозное и исполненное юношеской силы государство имѣетъ с т а р ѣ ю щ а я с я Европа и какъ оно вознаграждаетъ и принимаетъ то, что получаетъ отъ этого центра цивилизаціи, которымъ Европа еще долгое время останется, потому что послѣ успѣховъ развитія, пріобрѣтенныхъ ею въ теченіе тысячелѣтій съ неимовѣрными усиліями, послѣ тяжкой борьбы, она все-таки еще на долгое время можетъ оставаться руководительницею Новаго Свѣта.

Очень важное событіе совпадаетъ съ началомъ президентства Гранта: окончаніе великой линіи желѣзной дороги, соединяющей берегъ Атлантическаго океана, перерѣзывая всю ширину Сѣверной Америки, съ берегомъ Тихаго океана. Американцы неутомимо стремились къ достиженію исполненія доктрины Монроэ: «Америка для американцевъ»; они не упускали ни одного случая, чтобы выполнить это изреченіе, и всѣми силами старались удалить всякое европейское владычество съ американской почвы. Договорами и политическимъ путемъ убѣжденій имъ удалось съ этою цѣлью пріобрѣсти отъ Россіи, въ апрѣлѣ 1867 года, русскія владѣнія на сѣверо-западномъ берегу Америки; штаты купили эту безплодную и безполезную для Россіи область за 7 милліоновъ долларовъ. Уступка эта для Россіи не имѣла большаго значенія, потому что обладаніе 17,500 квадратныхъ миль, находящихся на безплодной окраинѣ, въ холодномъ климатѣ, съ рѣдкимъ населеніемъ въ 60,000 человѣкъ, для Россіи сопряжено было съ значительными издержками, а выгодъ никакихъ не приносило; но такимъ образомъ Россія избавлялась отъ ненужныхъ расходовъ по управленію и пріобрѣтала прочныя дружественныя отношенія съ Сѣвероамериканскими Штатами. Итакъ, съ этой стороны, политическій успѣхъ былъ на сторонѣ штатовъ, и они могли разсчитывать на прочную дружбу съ могущественнѣйшимъ государствомъ Европы; не на столько благопріятны были отношенія штатовъ къ двумъ другимъ первостепеннымъ европейскимъ державамъ — къ Англіи и Франціи; по поводу Мексики, съ Франціей дѣло чуть было не дошло до серьезной размолвки; французскій императоръ, не въ добрый часъ, впутался въ дѣла Мексики и теперь самъ чувствовалъ всю невыгоду своего шага.

2. Мексиканская имперія.

До конца 1864 года Мексиканская имперія была признана европейскими державами; но это мало помогло предпріимчивому человѣку, промѣнявшему спокойное, сравнительно, счастливое и независимое положеніе въ Европѣ на самую неблагодарную изъ неблагодарныхъ задачъ. Съ того мгновенія, какъ Максиміліанъ ступилъ на мексиканскую почву, одна изъ его иллюзій исчезла за другою. Индѣйцы, правда, смотрѣли на него, какъ на существо высшее и приняли его съ благоговѣніемъ; но при основаніи монархіи нельзя было опираться на ихъ суевѣріе и на ихъ шаткость характера и мнѣній. Императоръ надѣялся возстановить мало-мальски дружелюбныя отношенія къ клерикальной партіи, не оскорбляя однакожь либераловъ и тѣхъ, которые теперь владѣли прежними монастырскими имѣніями; но папскій нунцій и тутъ помѣшалъ установиться согласію между претензіями римской куріи и потребностями времени; когда же императоръ собственною властью началъ улаживать дѣла церкви, нунцій протестовалъ обычнымъ изреченіемъ non possumus римскаго престола. Потерпѣвъ неудачу въ этомъ отношеніи, императоръ попытался было привести финансы въ какой-либо порядокъ, но тотчасъ убѣдился, что никакая финансовая система немыслима при существующей неурядицѣ. Правильная финансовая система возможна только при правильной системѣ управленія и наоборотъ. Суммы, добытыя посредствомъ мексиканскаго государственнаго займа, таяли и по большей части исчезали еще раньше, чѣмъ онѣ достигали до мексиканской почвы. Первый заемъ, сдѣланный въ Мирамарѣ въ 515 милліоновъ, растратился Богъ вѣсть куда и не пошелъ на дѣло, для котораго былъ сдѣланъ; за этимъ первымъ послѣдовалъ, въ 1865 году, второй въ 250 милліоновъ; онъ къ существующему государственному долгу прибавилъ новый, но тѣмъ, что заемъ этотъ дѣйствительно доставилъ, нельзя было просуществовать и полгода. Весь заемъ дѣлался въ Европѣ и преимущественно на «маленькихъ французскихъ биржахъ», какъ замѣчаетъ одинъ изъ историковъ имперіи. Облигаціи этихъ займовъ расходились преимущественно во Франціи; но чтобы вполнѣ понять печальное положеніе Мексики, достаточно замѣтить, что ни одно изъ богатыхъ или достаточныхъ семействъ въ Мексикѣ не взяло ни одной изъ облигацій; изъ займа въ 250 милліоновъ, императоръ въ дѣйствительности получилъ только 136 милліоновъ, съ платой по 12 процентовъ. Максиміліанъ былъ человѣкъ дѣятельный; онъ занимался всѣми отраслями управленія: гражданскимъ, военнымъ, полицейскимъ и даже прессой; но онъ не имѣлъ счастія и не былъ достаточно послѣдователенъ въ своихъ предпріятіяхъ; къ несчастію, и онъ раздѣлялъ повсемѣстную и всеобщую вѣру въ непогрѣшимость и въ совершенство французскаго таланта организовать управленіе и считалъ формы французскаго правленія за самыя совершенныя. По французскому образцу, Мексика была раздѣлена на семь военныхъ округовъ и на 50 департаментовъ; изъ Франціи выписанъ былъ шефъ полиціи и французъ назначенъ въ министры финансовъ; 10 апрѣля былъ обнародованъ органическій государственный статутъ, нѣчто въ родѣ конституціи; хотя, признаться, о конституціи не могло быть рѣчи, потому что тронъ держался только силою оружія. Къ несчастію, въ императорѣ не было воинственнаго начала. Войско состояло изъ 26,000 человѣкъ; изъ нихъ 18,000 были французы, а остальные австрійскіе или бельгійскіе наемники; но когда французы дѣйствовали вмѣстѣ съ составными полками, тогда начальство всегда предоставлялось французу, хотя бы начальникъ смѣшаннаго отряда и былъ по военному чину выше. Послѣ этого понятно, что между французскими, австрійскими, бельгійскими и мексиканскими офицерами часто происходили несогласія и дѣло доходило до явныхъ ссоръ. Въ сущности самымъ надежнымъ войскомъ все-таки было французское, и главнокомандующій, маршалъ Базенъ, находилъ особенное удовольствіе въ томъ, чтобы показать, кто настоящій господинъ въ Мексикѣ. Императоръ Максиміліанъ придумывалъ, писалъ и обнародывалъ прекрасные декреты, но они оставались неисполненными, потому что некому было приводить ихъ въ исполненіе. Между тѣмъ, военное положеніе

страны только самому поверхностному наблюдателю могло показаться удовлетворительнымъ. Правда, нигдѣ правильно организованнаго, враждебнаго императору войска не было, но то тутъ, то тамъ шевелились вооруженные отряды, то появляясь, то исчезая, чтобы опять показаться въ иномъ мѣстѣ; не было ни одной провинціи, гдѣ бы не появлялись вооруженныя банды; онѣ появлялись даже на большой дорогѣ между Вера-Круцъ и Пуэбло. Поддаваясь совѣтамъ людей, которые вмѣсто принятія строгихъ мѣръ къ уничтоженію этихъ бандъ, только злобно мстили имъ, императоръ, 3 октября, подписалъ декретъ, отталкивающій по своему смыслу: всѣ, принадлежащіе къ военнымъ отрядамъ, организованнымъ не правительствомъ, подвергаются военному суду; если судимые окажутся виновными въ неповиновеніи, или если кто изъ членовъ банды будетъ взятъ въ плѣнъ во время схватки съ оружіемъ въ рукахъ, тотъ присуждается къ смерти и приговоръ долженъ быть исполненъ въ 24-хъ-часовой срокъ. Разсылая этотъ декретъ по полкамъ, Базенъ циркуляромъ, адресованнымъ «à Mesrs les officiers seulement», пояснялъ декретъ: «предлагаю вамъ объяснить войскамъ, находящимся подъ вашимъ непосредственнымъ начальствомъ, что я не дозволяю брать въ плѣнъ. Каждый изъ поднявшихъ оружіе, кто бы онъ ни былъ, долженъ быть умерщвленъ судомъ или солдатами; на будущее время размѣна плѣнныхъ не будетъ». Несчастный Максиміліанъ, подписывая этотъ декретъ, подписалъ свой собственный смертный приговоръ, да и для Базена будущее готовило возмездіе. Октября 13, въ 1865 году отвратительный декретъ былъ приведенъ въ исполненіе надъ двумя плѣнными генералами изъ отряда Хуареса—надъ Атега и Салазаромъ.

Тронъ подъ Максиміліаномъ колебался; было очевидно, что онъ рухнетъ, лишь только французское войско перестанетъ поддерживать его. По договору, подписанному въ Мирамара въ апрѣлѣ 1864 года, было постановлено, что французскія вспомогательныя войска будутъ очищать Мексику постепенно, по мѣрѣ того какъ Максиміліанъ въ состояніи будетъ составить собственное войско, достаточно сильное и надежное въ замѣну его; французскій иностранный легіонъ въ 5,000 человѣкъ былъ обязанъ прослужить въ Мексикѣ шесть лѣтъ. Но срокъ этотъ многимъ, и особенно одному, казался слишкомъ продолжительнымъ. Вся мексиканская интрига основывалась на предположеніи, что могущество Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ пошатнется въ борьбѣ, что они распадутся, что англичане не преминутъ воспользоваться случаемъ, чтобы поддержать южные штаты и доставить имъ возможность добиться самостоятельнаго существованія, и что въ этомъ случаѣ новая конфедерація будетъ искать союзника въ новой Мексиканской имперіи и опоры въ ея европейскихъ покровителяхъ и творцахъ. Англичане, дѣйствительно, готовы были бы поддержать южные штаты, доставить имъ возможность продолжать борьбу, но у нихъ на это не достало мужества, и поэтому дѣла приняли другой оборотъ. Правительство сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ при этомъ случаѣ дѣйствовало очень откровенно и съ достоинствомъ. Еще 7-го апрѣля 1864 года министръ иностранныхъ дѣлъ, Сьюардъ, послалъ американскому посланнику въ Парижѣ порученіе сообщить французскому императорскому правительству рѣшеніе конгресса: «политика Соединенныхъ Штатовъ считаетъ для себя неприличнымъ признавать монархическое правленіе, созданное на американской почвѣ на развалинахъ республики, хотя бы и созданное при содѣйствіи одной изъ европейскихъ могущественнѣйшихъ державъ». Но къ концу года уже сдѣлалось очевидно, что не сѣверные штаты будутъ побѣждены. Въ Вашингтонѣ не принимали и не признавали никакого мексиканскаго посланника, кромѣ того, который посланъ былъ еще прежнимъ республиканскимъ правительствомъ; въ іюлѣ 1865 года это было очень ясно и обстоятельно сказано вашингтонскому французскому посланнику и поручено довести до свѣдѣнія императорскаго правительства. Вслѣдъ затѣмъ, по порученію Наполеона, французскій посланникъ въ Вашингтонѣ вновь предложилъ признать Мексиканскую имперію, чтобы обезопасить ея существованіе и чтобы дать французскимъ войскамъ возможность удалиться. Но между тѣмъ декретъ 3 декабря произвелъ здѣсь такое же глубокое и возмутительное впечатлѣніе, какъ въ Мексикѣ; настроеніе американскаго народа отразилось въ депешѣ 6 декабря, написанной ми-

нистромъ иностранныхъ дѣлъ Сьюардомъ; въ ней говорилось, что ему кажется столько же неумѣстнымъ и достойнымъ порицанія, если европейскія державы вмѣшиваются въ американскія дѣла съ цѣлью установить монархическую форму правленія или упрочить ее, сколько бы казалось, если бы американскія правительства вздумали вмѣшиваться въ дѣла и отношенія европейскихъ правительствъ, съ цѣлью установить въ нихъ республиканскую форму правленія; далѣе заявлялъ онъ, что надѣется, что французская нація, согласно съ своими ближайшими интересами и съ тѣмъ почетнымъ положеніемъ, какое она занимаетъ въ ряду европейскихъ народовъ, найдетъ совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ, въ извѣстный опредѣленный срокъ, покинуть свою враждебную позицію въ Мексикѣ и вывести изъ нея войска. Черезъ нѣсколько времени, 16 декабря, онъ съ большею энергіей объявлялъ, что дружественныя сношенія между Франціей и Соединенными Штатами подвергаются б о л ь ш о й и б л и з к о й о п а с н о с т и быть нарушенными, если предложеніе о выводѣ войска не будетъ принято.

Дѣлать было нечего, императору Наполеону приходилось понять такую энергическую рѣчь. Въ январѣ 1866 года отправилъ онъ барона Сельяра (Seillard) въ Мексику, чтобы объяснить императору Максимиліану необходимость, въ какую онъ поставленъ, и условиться, какъ вывести войско изъ Мексики безъ вреда для имперіи. Съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что имперія доживаетъ послѣдніе дни; чтобы столько нибудь замаскировать свое незавидное положеніе, французское правительство, черезъ свои органы, печатало о блистательномъ положеніи новой мексиканской имперіи, о ея прочномъ устройствѣ и о томъ, что тамъ нѣтъ больше нужды въ наблюдательномъ французскомъ корпусѣ, и поэтому правительство можетъ, раньше срока, вызвать свои полки и возвратить ихъ на родину. Войска возвратились, но дальнѣйшій обманъ сдѣлался невозможенъ; вслѣдъ за войсками, въ августѣ того же года, въ Парижъ явилась несчастная императрица Шарлотта; послѣ краткаго пребыванія, она отправилась въ Римъ, гдѣ, вполнѣ предавшись отчаянію, эта жертва своего и чужаго честолюбія впала въ помѣшательство, отъ котораго она уже не могла больше излѣчиться.

Въ Мексикѣ между тѣмъ трагедія быстро приближалась къ развязкѣ. Французы съ ноября начали стягиваться въ столицу и изъ нея по пути къ Веракрусу; откуда они уходили, туда вступало войско Хуареса. Максимиліанъ, какъ настоящій представитель Габсбургскаго дома, былъ въ одно и то же время упрямъ и нерѣшителенъ; онъ не понялъ своего положенія и не послѣдовалъ указаніямъ судьбы; вмѣсто того, чтобы рѣшиться на что нибудь окончательное, а рѣшеніе могло быть только одно—отказаться отъ престола и отъ необдуманнаго предпріятія, онъ собралъ своихъ министровъ и государственный совѣтъ въ Оризаба, предложилъ имъ вопросъ для объясненія положенія дѣлъ и спрашивалъ совѣта; къ несчастію, отвѣтъ былъ: хотя бы на первое время поддерживать имперію. Декабря 9 французы секвестровали таможенный сборъ Веракруца и тѣмъ лишили покинутаго ими на произволъ судьбы Максимиліана послѣдняго вѣрнаго источника доходовъ; неизмѣнное требованіе Вашингтона торопило французовъ, и войска ихъ стянулись окончательно. У Максимиліана осталась горсть ненадежнаго войска, о которомъ и говорить не слѣдовало бы; но онъ все-таки не рѣшался уходить съ французами также, какъ онъ съ ними пришелъ. Онъ готовъ былъ отказаться отъ престола, но хотѣлъ для этого созвать мексиканское народное собраніе и сдѣлать это торжественно, предоставивъ рѣшеніе ему. Но народное собраніе не состоялось, да и не было никакой надобности въ немъ; по временамъ Максимиліану приходила мысль, на зло императору французовъ, передать свою корону и свою мнимую власть своему республиканскому сопернику Хуаресу. Въ февралѣ 1867 года французскія войска были готовы сѣсть на корабли; Базенъ издалъ прокламацію съ тѣмъ, чтобы проститься съ народомъ и государствомъ, въ которомъ роль его была совершенно неумѣстная и лишняя. Марта 6 послѣдніе французскіе отряды отправились въ Европу; императоръ Максимиліанъ съ своимъ 10-тысячнымъ корпусомъ направился на сѣверъ и заперся въ городѣ К в е р е т а р о, съ намѣреніемъ дождаться нападенія войска Хуареса и посмотрѣть, что судьба ему принесетъ. Войско Хуареса раздѣлилось на двѣ части: первая, подъ начальствомъ Порфирія Діаца, въ апрѣлѣ взяла Пуэбло и тѣмъ

отрѣзала Максимиліану всякую возможность ретироваться къ морскому берегу, а вторая обложила Кверетаро. У несчастнаго императора оставалась одна надежда— погибнуть въ открытомъ бою, но и эта надежда не осуществилась: генералъ Лопецъ измѣнилъ ему и предалъ его за очень высокую цѣну, въ этой безденежной странѣ даже неслыханную, за 30,000 унцій золота. Мая 15 предательство совершилось: городъ съ императоромъ и съ преданными ему генералами Мирамономъ и Мейа достались въ руки Хуареса. Военноплѣнные подвергнуты были военному суду и приговорены къ смерти; напрасно посланникъ Соединенныхъ Штатовъ, движимый человѣколюбіемъ, ходатайствовалъ за несчастныхъ; въ политическомъ смыслѣ, онъ могъ представить только одно смягчающее обстоятельство, что жизнь Максимиліана — жизнь государя, и что царственной головы нельзя подвергать той же участи, какой подвергались простые смертные, но въ глазахъ республиканцевъ причина эта была недостаточна. Іюня 19, рано поутру, приговоръ былъ исполненъ. Нѣсколько недѣль спустя столица Мексика и Веракрупъ были взяты войскомъ Хуареса. Вскорѣ на мексиканской почвѣ исчезъ послѣдній признакъ неудачной попытки основать французско-габсбургскую имперію. Гробъ съ тѣломъ казненнаго императора на австрійскомъ фрегатѣ «Новара»; на томъ самомъ, на которомъ за три года предъ тѣмъ несчастный прибылъ въ Мексику, перевезли въ Европу.

Посредствомъ этого кроваваго дѣла республиканская Америка протестовала противъ попытки европейскихъ державъ, вновь подчинить своему владычеству свободныя и гордыя племена Новаго свѣта. Теперь нашъ разсказъ опять обратится къ Европѣ и мы переберемъ то, что происходило въ отдѣльныхъ государствахъ между двумя великими рѣшительными событіями 1866 и 1870 года; мы будемъ имѣть случай доказать, что событія 1866 года имѣли великое, рѣшительное вліяніе на ходъ событій цѣлой части свѣта; но при этомъ должны замѣтить, что для нѣкоторыхъ государствъ вліяніе это было посредствующее и меньшее, тогда какъ въ иныхъ политическая жизнь непосредственно обусловилась и подверглась кореннымъ измѣненіямъ вслѣдствіе этихъ великихъ событій. Такимъ образомъ европейскія государства, естественно, распадались на двѣ большія группы; къ первой можно причислить Англію, Россію, Турцію, Грецію, Бельгію, Голландію, Швецію, Данію и Швейцарію; ко второй: Австрію, Италію, Францію и германскія государства. Къ этой послѣдней группѣ мы должны причислить Испанію, хотя сама по себѣ она скорѣе принадлежитъ къ первой группѣ, потому что переворотъ, въ ней совершившійся, подалъ въ нѣкоторомъ отношеніи поводъ къ исполинской борьбѣ 1870 года.

В. ЕВРОПЕЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

ПЕРВАЯ ГРУППА.

---

1. Англія.

Въ Англіи сдѣлалось постоянною привычкою, почти догматомъ, на событія на материкѣ смотрѣть, какъ на театральное представленіе; въ нихъ народонаселеніе благословенныхъ острововъ не принимаетъ большаго и живѣйшаго участія, чѣмъ публика въ театрѣ къ свадьбамъ, похоронамъ, дружбѣ, враждѣ и примиреніямъ дѣйствующихъ лицъ на сценѣ. Точно такъ же англійскій народъ относился въ цѣломъ и къ происшествіямъ 1866 года. Англійская либеральная партія, правда, желала, чтобы Венеція досталась Италіи, но какимъ—тѣмъ, или другимъ способомъ, это ей было все равно. На Пруссію смотрѣли равнодушно, не признавая за нею никакихъ военныхъ и дипломатическихъ способностей, но и не отвергая ихъ; о военной силѣ ея здѣсь таже мало знали, какъ и въ иныхъ мѣстахъ: но теперь, при неожиданномъ оборотѣ дѣла, при неожиданно обнаруженной энергіи и способностяхъ, здѣсь были не мало удивлены; государственные люди тотчасъ сознали, что правое дѣло побѣдило и что при новомъ устройствѣ Германіи Англія не только ничего не теряетъ, но пріобрѣтаетъ даже нѣкоторыя удобства и выгоды: избавляется отъ необходимости назначать и содержать нѣсколькихъ посланниковъ при различныхъ германскихъ дворахъ. Изъ нѣкоторыхъ примѣровъ мы, однакожъ, удидимъ, какъ далеко простиралась безучастность Англіи къ дѣламъ и обстоятельствамъ государствъ на материкѣ и какія невыгоды это равнодушіе таило въ себѣ.

Англія ограничивалась внутреннею дѣятельностью; она опять принялась за реформы. Періодъ времени между 1866 и 1870 гг. обозначенъ двумя большими и основательными реформами: дѣло, начатое въ 1832 году, очень подвинулось впередъ: 1) избирательное право было очень расширено, и 2) Ирландія окончательно освобождена отъ преобладанія англиканской господствующей церкви.

Первую изъ этихъ роформъ провело и упрочило консервативное министерство; впрочемъ, такой примѣръ нерѣдкость въ исторіи англійскаго народа; парламентская реформа была окончательно вызвана энергическимъ народнымъ волненіемъ, прямо выказавшимъ всю необходимость и своевременность ея. Во всѣхъ большихъ городахъ происходили огромныя народныя собранія; въ нихъ по большей части толковали о конечной формѣ народнаго избирательнаго права, о правѣ общей подачи голосовъ; и мнѣніе это поддерживалось демонстраціями. 15 февраля 1867 года правительство опубликовало цѣлый рядъ сужденій и резолюцій, но окончательнаго билля еще не предлагало. Въ виду такихъ значительныхъ вопросовъ, либеральныя партіи соединились, тогда какъ правитель-

ство тори, болѣе строго придерживавшееся старины, раздвоилось, потому что тори не хотѣли слышать ни о какихъ уступкахъ и предпочли оставить министерство, не будучи въ состояніи измѣнить его. 18 марта опытный и искусный вождь партіи, въ это время преисполненное волненій, твердо идущій къ своей цѣли, Дизраэли, не смотря на ропотъ торіевъ, все-таки внесъ парламентскій биллль въ палаты. Мы не будемъ слѣдовать за постоянными уступками парламента, за остановками на пути къ радикальному преобразованію; 15 іюля билль прошелъ въ нижней палатѣ послѣ третьяго чтенія и третьяго пренія; 16 начались пренія въ палатѣ лордовъ; но и тутъ, послѣ третьяго чтенія, биль былъ принятъ 6 августа и отсюда съ измѣненіями и поправками возвратился въ нижнюю палату: его вновь обсудили здѣсь, согласились между собою и, 15 августа 1861 года, билль, подтвержденный королевскою подписью, получилъ силу закона. Главный смыслъ билля, пополненный новымъ распредѣленіемъ парламентскихъ мѣстъ, заключался въ слѣдующемъ: пониженіе ценса для избирателей съ 50 на 15 фунт. стерл. въ графствахъ; въ «мѣстечкахъ» каждый владѣлецъ дома и каждый занимать квартиры въ 10 фунт. стерл. получалъ право голоса какъ избирателя; всѣ города, насчитывающіе меньше 10,000 жителей, вмѣсто трехъ представителей могли впередъ избирать только по два, напротивъ того большіе города, какъ Ливерпуль, Манчестеръ, Бирмингамъ, Лидсъ, и лучали право посылать въ парламентъ по три депутата; но въ городахъ, гдѣ три представителя, каждый изъ избирателей имѣлъ право избирать только между двумя кандидатами, такъ что и въ нихъ меньшинство подающихъ голосъ.

Но еще до того, что вопросъ парламентской реформы былъ рѣшенъ и билль сдѣлался закономъ, оппозиція энергически занялась вопросомъ о конечномъ удаленіи англиканской господствующей церкви, какъ тѣснящей ее, изъ Ирландіи; вопросъ этотъ вызванъ былъ грозными волненіями въ Ирландіи. Мы уже упоминали о новой формѣ, въ которой выражалась древняя ненависть кельтовъ къ саксамъ; мы говорим о тайномъ обществѣ феніевъ; опять пришлось нѣсколько разъ отмѣнять законъ Habeas-corpus; въ декабрѣ 1866 года производились многочисленные аресты надъ членами тайнаго общества; три изъ отдаленныхъ графствъ были объявлены въ осадномъ положеніи, полиція была вооружена огнестрѣльнымъ оружіемъ. Въ мартѣ 1867 года открытое возстаніе вспыхнуло на различныхъ точкахъ Ирландіи; ухудшившіяся за тѣмъ отношенія Великобританіи къ Америкѣ, о чемъ мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ, были поводомъ къ тому, что государственные люди въ Англіи серьезно занялись предстоящимъ вопросомъ реформъ въ Ирландіи и только произведя основательныя перемѣны достигли того, что общее настроеніе въ Ирландіи поправилось. Уже половина 19 вѣка давно прошла, а англиканская церковь все еще считалась господствующей въ Ирландіи; наконецъ 24 іюня 1867 года старый лордъ Джонъ Россель поднялъ вопросъ этотъ въ засѣданіи верхней палаты и предложилъ составить адресъ къ королевѣ, чтобы она назначила комиссію для изслѣдованія и опредѣленія цѣнности имѣній господствующей англиканской церкви въ Ирландіи. Адресъ состоялся, но правительство медлило и ничего рѣшительнаго въ этомъ дѣлѣ не предпринимало, по очень вѣрной самой по себѣ, но очень дурной въ сущности причинѣ, что оно въ главномъ дѣлѣ ничего не можетъ сдѣлать; такъ окончились сессіи и рѣшеніе вопроса не подвинулось ни на волосъ; 21 августа окончились засѣданія. Но 19 сентября пала новая жертва народной мести; толпа ирландскихъ недовольныхъ напала на полицейскій транспортъ, перевозившій двухъ захваченныхъ феніевъ; ихъ насильно освободили и при этомъ одинъ полицейскій былъ убитъ выстрѣломъ. Участниковъ волненія захватили, судили и нѣкоторыхъ приговорили къ смерти, хотя преступность троихъ изъ нихъ была очень двусмысленна и ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя было судить, какъ зачинщиковъ, но тѣмъ не менѣе безъ явныхъ уликъ и собственнаго сознанія ихъ повѣсили 23 ноября 1867 года. Нѣсколько недѣль спустя, Англія вновь содрогнулась отъ страха и ярости: 13 декабря въ тюрьмѣ Кленкенуэль въ Лондонѣ, произошелъ взрывъ, съ цѣлью освободить находящихся тамъ заключенныхъ феніевъ: но цѣль эта не была достигнута, а напротивъ многіе изъ живущихъ въ сосѣдствѣ лишились жизни, или были изувѣчены. Января 28, 1868 года, нѣкоторые изъ соучастниковъ разоблачили свою

вину въ этомъ, истинно кельтскомъ коварномъ злодѣяніи; хотя на наказаніе преступниковъ можно было смотрѣть, какъ на простое право возмездія, какъ на право самозащиты противъ нападенія убійцы, но въ тоже время надобно было сдѣлать попытку примирить лучшую часть народонаселенія, отнявъ у него причину къ неудовольствію; поэтому, когда правительство потребовало отъ парламента, чтобы законъ Habeas-corpus опять былъ на извѣстное время отмѣненъ, оппозиція рѣшилась при этомъ случаѣ начать свое нападеніе на министерство: Въ тоже время лордъ Джонъ Россель поднялъ ирландскій церковный вопросъ, а независимый либералъ, или радикалъ, Стюартъ-Миль, возбудилъ вопросъ о положеніи ирландскихъ арендаторовъ и о ихъ правахъ; онъ рѣшалъ этотъ вопросъ очень коротко и ясно, говоря, что арендаторы должны быть просто-на-просто превращены въ владѣльцевъ, что это единственный способъ уладить и уничтожить старинныя неудовольствія и жалобы. Между тѣмъ, 25 февраля, руководитель партіи торіевъ, Чарльзъ Дерби, по причинѣ болѣзни оставилъ дѣла, и мѣсто его, такое важное, какъ главы партіи и верховнаго руководителя ея, занялъ Дизраэли. Органы партіи съ большимъ самодовольствіемъ печатно выставляли, какъ величайшій прогрессъ и неизмѣримую заслугу для партіи торіевъ, то, что хотя она обладаетъ такимъ значительнымъ количествомъ древнихъ дворянскихъ родовъ, но все-таки подчиняется человѣку незнатному, выскочкѣ, сыну еврея—торговца, еще такъ недавно прибывшаго изъ Венеціи въ Англію; это была заслуженная почесть, воздаваемая таланту, почесть все чаще и чаще здѣсь повторяющаяся. Съ 10 по 16 марта происходили жаркія пренія въ нижней палатѣ, все объ ирландскихъ дѣлахъ; при этихъ преніяхъ правительство обнаружило много слабыхъ мѣстъ: между прочимъ предложило одну очень незрѣлую и далеко неосновательную мысль—основаніе собственнаго католическаго университета. Эта мысль сама по себѣ нелѣпа, и въ 19 столѣтіи еще нелѣпѣе желаніе подчинить науки тѣснымъ формамъ и границамъ какого либо извѣстнаго вѣроисповѣданія, не говоря же о томъ, что основаніе такого университета никоимъ образомъ не содѣйствовало бы примиренію Англіи съ Ирландіей. Квакеръ Брайтъ, очень искусный народный ораторъ и вождь, сравнивалъ предложенія правительства съ «пилюлями, прописанными противъ землетрясенія». Основаніе же католическаго университета онъ совершенно справедливо называлъ глупой, неполитической и мечтательной идеей. Вотъ точка, на которой сходились всѣ партіи либераловъ. Гладстонъ, сдѣлавшійся вмѣсто престарѣлаго Росселя, вождемъ партіи виговъ, съ большимъ жаромъ и очень твердо объявилъ, что наступило время, когда англиканская церковь въ Ирландіи не можетъ и не должна претендовать оставаться господствующей, государственной; на основаніи этого заявленія онъ предложилъ 23 марта три резолюціи на разсмотрѣніе палаты: въ первыхъ двухъ выражалась именно эта мысль; въ третьей предлагалось, для достиженія этой цѣли, просить королеву предоставить парламенту право патронатства надъ всѣми доходами и имуществами англиканской церкви въ Ирландіи и право распоряжаться этими имуществами. Рѣчь этого, самаго краснорѣчиваго и дѣльнаго изъ парламентскихъ ораторовъ, открывшая 30 марта пренія, оканчивалась патетическимъ возгласомъ древняго римскаго поэта оратора: «venit summa dies et ineluctabile fatum! *)». Но консервативная партія все еще надѣялась избѣгнуть этого послѣдняго дня, этой неизбѣжной судьбы; Дизраэли жарко оспаривалъ оратора: въ этомъ тори не могли и не хотѣли дѣлать уступокъ, они думали, что это равнялось бы ихъ отреченію отъ самихъ себя и отъ своей исторіи. Однакожь, вышло такъ, какъ говорилъ Гладстонъ: конецъ наступилъ; когда онъ предложилъ свои три резолюціи на обсужденіе, какъ программу для составленія изъ нихъ проекта закона, къ нему присоединилось 328 голосовъ противъ 272; при этомъ замѣтили, что за 10 лѣтъ передъ тѣмъ подобное же предложеніе нашло сочувствіе только въ 95 голосахъ. Это большинство оппозиціи еще возрасло, когда 30 апрѣля приступлено было къ подачѣ голосовъ за первую и самую рѣшительную изъ резолюцій. Парламентъ высказалъ свое мнѣніе; теперь ждали, что будетъ дѣлать правительство. Дизра-

*) Наступилъ послѣдній день и неотвратимая судьба.

эли съ необыкновеннымъ искусствомъ и ловкостью съумѣлъ въ этомъ на первый взглядъ кажущемся неблагопріятномъ положеніи дѣлъ найти очень благопріятную сторону. Отмѣненіе господства англиканской церкви въ Ирландіи, сказалъ онъ, мѣра въ высшей степени важная: она можетъ повести за собою отмѣну господства англиканской церкви въ цѣлой Англіи; поэтому къ мѣрѣ этой приступить можно, только зрѣло взвѣсивъ всѣ обстоятельства, и необходимо, чтобы для этого собраны были мнѣнія и желанія всѣхъ жителей Великобританіи. Скорѣе всего того достигнуть можно было, распустивъ парламентъ; слѣдовательно обращеніе къ народному мнѣнію могло быть совершено только посредствомъ выборовъ по новымъ избирательнымъ законамъ, такъ какъ билль о парламентской реформѣ уже получилъ силу закона; поэтому Дизраэли посовѣтовалъ королевѣ, которой не угодно было принять его просьбы объ отставкѣ, распустить парламентъ, лишь только состояніе и ходъ дѣлъ это позволятъ, и тогда за подачей мнѣнія обратиться къ новымъ избирателямъ; временемъ для выборовъ онъ считалъ удобнѣе всего ноябрь. Посредствомъ этого ловкаго маневра онъ для господства торіевъ выигралъ еще нѣкоторую отсрочку. Хотя Брайтъ и другіе жарко говорили противъ министровъ, обманывавшихъ королеву, но большинство не соглашалось на то, чтобы парламентъ былъ распущенъ раньше срока и чтобы новые выборы произведены были до того, пока актъ о парламентской реформѣ не будетъ приведенъ въ исполненіе, что, другими словами, значило: большинству не хотѣлось въ короткій промежутокъ времени дважды брать на себя издержекъ по избранію. По этому, когда нижняя палата приняла резолюціи Гладстона и королева заявила, что ея участіе въ патронатствѣ не можетъ служить препятствіемъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ и соображеніямъ парламента, Гладстонъ предложилъ билль, по которому до 1 августа 1869 года не должно быть произведено назначеній на духовныя должности англиканскихъ духовныхъ въ Ирландіи, потому что самое существованіе ирландско-англиканской церкви сомнительно. Билль былъ принятъ въ нижней палатѣ, но его отвергла верхняя, гдѣ засѣдали епископы; не способные къ независимому образу мыслей и къ христіанскому чувству справедливости, эти люди слишкомъ усердно держались за устарѣлые предразсудки и, можно прибавить, выгоды, сопряженныя съ господствомъ въ Ирландіи. Вопросъ этотъ сдѣлался господствующимъ, когда въ ноябрѣ въ первый разъ приступили къ выборамъ по вновь утвержденному избирательному закону; на все это внѣшняя политика не имѣла никакого вліянія. Къ 1 декабря 1868 года, выборы были окончены, и сомнѣнія и ожиданія, колебавшія народъ, разрѣшены; 2,235,000 избирателей подали свои голоса; они избрали 387 либеральныхъ и 271 консервативныхъ представителей. Результаты новаго избирательнаго закона оказались вовсе не такими демократическими, какъ того опасались консерваторы: въ новой нижней палатѣ оказалось 45 голосовъ, принадлежащихъ къ самымъ высокимъ аристократическимъ семействамъ Великобританіи, по большей части имѣвшимъ своихъ близкихъ въ верхней палатѣ; далѣе 65 младшихъ сыновей, 94 родственника, болѣе или менѣе близкихъ тѣмъ же аристократическимъ семействамъ; за аристократіей крови слѣдовали представители денежной аристократіи, ихъ было не меньше 117 членовъ; не избранъ былъ ни одинъ изъ кандидатовъ рабочаго класса. Союзъ, или общество рабочихъ, ихъ «интернаціональная ассоціація», основанная въ 1864 году, имѣла очень большое собраніе въ Лондонѣ въ сентябрѣ 1865 года; на немъ сильно шумѣли, волновались и хлопотали праздные учредители, заинтересованные въ дѣлѣ, какъ руководители, но не какъ рабочіе. Общество быстро разросталось, хотя и не на столько въ Англіи, какъ на твердой землѣ, гдѣ оно развѣтвлялось, находило пищу; и въ Англіи ассоціація нашла примѣненіе, но не могла прочно утвердиться. Расходы, неизбѣжные при выборахъ, однакожъ, не уменьшились оттого, что избирателей сдѣлалось больше, и въ этомъ отношеніи Англія оставалась самою недемократическою страною Европы.

Вопреки принятымъ конституціоннымъ приличіямъ Англіи, еще до начала парламентскихъ сессій министерство отдало свои портфели, и вожди виговъ, лордъ Джонъ Россель и Гладстонъ занялись составленіемъ новаго министерства; лордъ Россель отказался принять одно изъ креселъ кабинета. Предсѣдательство въ нижней палатѣ и президентство въ кабинетѣ принялъ Гладстонъ; изъ остальныхъ

министровъ самые замѣчательные были: лордъ Кларендонъ — министръ иностранныхъ дѣлъ, Лау—государственный канцлеръ; кромѣ того Брюсъ, Кардуэль и др., но все это были не новички; на политическомъ поприщѣ въ первый разъ вышелъ рѣшительный радикалъ Брайтъ, человѣкъ не принадлежащій ни къ одной изъ старинныхъ партій, ни къ вигамъ, ни къ тори: онъ вступилъ въ министерство, въ качествѣ президента торговаго управленія; такимъ образомъ составилось новое министерство для того, чтобы противустать новому парламенту, на одну треть составленному изъ новыхъ, не бывалыхъ членовъ.

Въ теченіе 1869 года предположенная цѣль дѣдствій была достигнута: англиканская церковь перестала быть государственною, господствующею въ Ирландіи. Марта 1, Гладстонъ предложилъ парламенту свои проекты биллей о вознагражденіи и о томъ, чтобы англиканская церковь перестала угнетать Ирландію—билли, извѣстные подъ названіемъ: Desendowment и Disestablishment; мая 7 были они приняты въ нижней палатѣ безъ особенно глубокихъ и важныхъ измѣненій. Торн всю свою надежду возложили на верхнюю палату, и у нихъ произошло даже довольно сильное броженіе въ кружкахъ противъ билля. Въ верхней палатѣ образовалась сильная партія, подъ руководствомъ лорда Дерби, съ намѣреніемъ, во что бы то ни стало, отвергнуть билль. Однако въ палатѣ лордовъ было много людей благоразумныхъ и дальновидныхъ; они понимали и предвидѣли къ чему это поведетъ: надобно было ожидать, что вслѣдъ за отвергнутымъ биллемъ начнется повсемѣстная, сильнѣйшая агитація въ пользу реформы, направленная противъ палаты лордовъ; письмо Брайта, написанное къ своимъ избирателямъ, выражало, слишкомъ нецеремонно для члена правительства, низкое мнѣніе, какое онъ имѣлъ о законодательной мудрости и недальнихъ талантахъ пэровъ; тонъ письма показалъ общее настроеніе партіи; при третьемъ чтеніи билля въ верхней палатѣ произошла уступка, всѣ рѣшенія и измѣненія, болѣе всего раздражавшія противниковъ, были взяты обратно. Противъ протеста 46 перовъ подъ предсѣдательствомъ лорда Дерби составленъ былъ компромисъ, за тѣмъ послѣ дальнѣйшихъ преній и долгихъ попытокъ согласить противорѣчащія мнѣнія, билль все-таки былъ принятъ и въ концѣ іюля сдѣлался закономъ. Учрежденіе, несправедливое само по себѣ и въ высшей степени стѣснительное, пало, но безъ особенныхъ потрясеній, довольно спокойно. Свободная, а не строго организованная государственная англиканская церковь въ Ирландіи насчитывала не болѣе 600,000 приверженцевъ; изъ 16 милліоновъ фунт. стерлинговъ дохода, принадлежавшихъ государственной церкви, англиканская церковь Ирландіи сохранила только 12 милліоновъ, но такъ какъ кромѣ того къ ней принадлежали самые богатые люди страны, то все-таки она оставалась самою богатою церковью въ мірѣ. Нѣкоторую, хотя небольшую сумму остатковъ государственной церкви получили католики и пресвитеріанцы; оставшееся за тѣмъ, что по первоначальному проекту Гладстона должно было пойти на благотворительныя учрежденія не духовнаго характера, было предоставлено въ распоряженіе парламента.

Послѣ этого неудивительно, что эта мѣра не произвела желаннаго впечатлѣнія на общее настроеніе Ирландіи, и поэтому съ партіей феніевъ пришлось по прежнему вести борьбу. Во многихъ городахъ явные и обнародованные члены общества феніевъ были выбраны въ бургомистры; въ Типіуэ одного изъ нихъ избрали даже въ депутаты парламента. Ирландскій гражданскій билль, предложенный правительствомъ 15 февраля 1870 года и прошедшій 8 іюля послѣднюю инстанцію въ палатѣ лордовъ, еще менѣе церковнаго переворота содѣйствовалъ умиротворенію края, потому что билль во время своего долгаго странствованія по палатамъ, отъ множества измѣненій и ограниченій, превратился въ полумѣру, никому непригодную и никого не удовлетворяющую.

Все это могло навести на мысль, что пора предпринять реформу палаты лордовъ; потому что парламентскій механизмъ въ этой части государственнаго устройства устарѣлъ и не соотвѣтствовалъ потребностямъ текущаго столѣтія, особенно замѣчательнаго тою жаждою къ преобразованіямъ во всѣхъ родахъ, которая составляетъ характеристическую черту лихорадочной дѣятельности современниковъ; для нихъ палата лордовъ работала слишкомъ медленно и работала частію на основаніи очень устарѣлыхъ принциповъ. Что, кромѣ упомянутыхъ

нами большихъ реформъ, въ теченіе этихъ лѣтъ произошло въ законодательствѣ Англіи, очень легко исчислить: въ арміи и во флотѣ ограничено было наказанье линьками и плетью, въ 1867 году; уничтоженъ былъ насильственный налогъ въ пользу церкви въ іюлѣ 1868 года; государствомъ произведена покупка всѣхъ существующихъ телеграфныхъ линій, въ 1869 году. Но за то проектъ измѣненія, или реформы въ церковномъ управленіи въ самой Англіи былъ отвергнутъ; палата лордовъ съ негодованіемъ защищала права ея и не хотѣла дѣлать ни малѣйшей уступки современнымъ требованіямъ. Точно также отвергнутъ былъ билль, касавшійся оплота англиканской церкви, двухъ университетовъ — оксфордскаго и кембриджскаго; проектъ этого закона имѣлъ въ виду открыть эти университеты для всѣхъ вѣроисповѣданій безразлично, сдѣлать ихъ хранилищемъ науки и источникомъ истиннаго образованія для отечества; для этого предложено было отмѣнить требованіе, чтобы поступающіе приносили присягу въ 39 статьяхъ университетскихъ постановленій; нижняя палата, болѣе знакомая съ потребностями народа, приняла билль, но верхняя палата не хотѣла и не могла на него согласиться; представители англиканской церкви дѣйствовали вяло, даже тогда, когда имъ представлялся случай выказать свою дѣятельность, относительно собственныхъ интересовъ церкви; такъ напримѣръ, отличный случай для ихъ дѣятельности представлялъ печатный жаркій споръ, возгорѣвшійся между двумя англиканскими епископами въ южной Африкѣ, между докторомъ Колензо епископомъ Наталя, и епископомъ Капштадта. Первый изъ нихъ въ формѣ научныхъ изслѣдованій изложилъ взгляды и мнѣнія о книгахъ Моисеевыхъ, какіе въ протестантской Германіи уже давно повторяются духовными лицами и уже давно перестали считаться еретическими и достойными преслѣдованія; но здѣсь, въ странѣ свободы, клерикальная и консервативная партія, приверженцы представителей церкви поднялись и зашумѣли. Епископъ Капштадта съ ужасомъ слушалъ своего товарища по должности и движимый негодованіемъ за его ересь на мѣсто его назначилъ новаго епископа, а примасъ Англіи, архіепископъ кентерберійскій, утвердилъ его въ этомъ санѣ, къ величайшей радости собранія 80 англиканскихъ епископовъ, съѣхавшихся по этому поводу въ сентябрѣ 1867 года. Между приверженцами англиканской церкви, тѣмъ временемъ, образовалась партія, заимствовавшая нѣкоторые лишніе обряды у католической церкви и тѣмъ увеличившая церемоніи и торжественность богослуженія англиканской церкви; партія эта — *ритуалисты* — была очень многочисленна и сильна по своему вліянію; не смотря на то, что судебный комитетъ тайнаго совѣта произнесъ свое рѣшеніе не въ ея пользу, тѣмъ не менѣе партія распространялась и увеличивалась. Кромѣ этой партіи явилась другая—*пусеиты*, тоже съ наклонностями къ католицизму и съ стремленіемъ, между прочимъ, ввести въ Англіи даже монастыри, такіе, какъ католическіе; подобно первой и эта партія замѣтно увеличивалась, пріобрѣтая послѣдователей и приверженцевъ. Въ Римѣ все еще любили жить воображеніемъ, тѣшить себя несбыточными мечтами; по этимъ двумъ сектамъ начали думать, что приближается время, когда англиканская церковь, познавъ свои заблужденія, готова будетъ возвратиться въ лоно своей матери — римской церкви. Слѣдуя своимъ мечтамъ, римская курія съ жадностію ловила признаки, подтверждающіе эти мечты; однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ скораго сліянія англиканской церкви съ католической служило слѣдующее обстоятельство: англійскій парламентъ вообще, а палата лордовъ въ особенности, очень неохотно, приступаютъ къ реформамъ и послѣ долгихъ соображеній и споровъ наконецъ рѣшается отмѣнить какой нибудь одряхлѣвшій законъ или старое злоупотребленіе; когда же предложенъ былъ проектъ отмѣненія закона, по которому римско-католическіе епископы лишались права носить титулы англиканскихъ епископовъ, парламентъ, безъ всякихъ возраженій и замедленій, отмѣнилъ устарѣлый законъ, такъ что появились и англиканскій и католическій архіепископъ вестминстерскій, епископы іоркскіе, эксетерскіе и т. д.

Въ этомъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ стало замѣтно нѣкоторое ослабленіе народной энергіи. Въ могучей дѣятельности текущаго столѣтія на поприщѣ науки и знанія вообще Англія не принимала такого напряженнаго участія, какъ бы это можно было ожидать отъ народа германскаго племени и под-

готовленнаго такимъ свободнымъ развитіемъ всѣхъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ. Но за то богатство и матеріальное благосостояніе этого государства видимо возрастали. Бюджеты этихъ годовъ представляли огромные остатки отъ доходовъ и давали возможность понизить подати, и отчеты финансовые своими результатами пробуждали зависть всѣхъ державъ средней Европы, гдѣ было столько нерѣшенныхъ вопросовъ, гдѣ именно въ эту минуту оказывалась печальная необходимость увеличивать подати и налоги до послѣдней крайности, чтобы приготовиться встрѣтить неминуемую борьбу и быть въ состояніи вынести ее. Сама Англія удивилась, когда министръ финансовъ Лау, 8 апрѣля 1869 г., предлагая бюджетъ на 1870 годъ, посредствомъ самой простой реформы способа собиранія податей, съумѣлъ предвидѣвшійся дефицитъ превратить въ излишекъ; по войску и флоту предложены были сокращенія расходовъ, при нихъ по одному войску, въ то время когда въ Европѣ загоралась война, сбереженіе было сдѣлано въ 1.129,000 фунт. стерл.

Англійскому обществу, погруженному въ собственные интересы и преимущественно занятому своими внутренними реформами, очень нравилась постоянная осторожность правительства, его невмѣшательство въ дѣла и отношенія, непосредственно до него не касающіяся, и потому оно всѣми силами поощряло уклончивую внѣшнюю политику. Въ этотъ періодъ времени къ исторіи Англіи прибавилась только одна страница, выказавшая силу и энергію, и прибавился только одинъ листъ къ лавровому вѣнку ея военныхъ успѣховъ: мы говоримъ объ Абиссинской экспедиціи. Негусъ, или императоръ Абиссиніи, въ воспоминаніе христіанской эпохи прошедшихъ временъ, перемѣнилъ свое варварское имя на имя Ѳеодора; его завѣтною мыслью и стремленіемъ было соединить всѣ абиссинскія племена и княжества, на которыя распалась древняя Абиссинія, въ одно государство; въ теченіе многихъ лѣтъ испытывалъ онъ терпѣніе Англіи: всѣ европейскіе путешественники, миссіонеры и ученые, заведенные туда рвеніемъ религіознаго энтузіазма, или заѣхавшіе съ цѣлью изслѣдованій, или изъ любопытства, или наконецъ занесенные случаемъ находили тамъ самый негостепріимный пріемъ; Ѳеодоръ держалъ ихъ въ заключеніи, какъ плѣнниковъ, заставлялъ на себя работать, извлекалъ всевозможную пользу изъ ихъ опытности и знанія и въ благодарность истязалъ и мучилъ ихъ по своему дикому произволу. Этотъ деспотъ поступалъ такъ самовластно, разсчитывая на неприступность и отдаленность своего горнаго государства; онъ думалъ, къ несчастію подобно тому, какъ нѣкоторые европейцы думаютъ, что военная экспедиція англичанъ въ Абиссинію будетъ стоить Великобританіи больше денегъ и человѣческой крови, нежели стоятъ того нѣсколько несчастныхъ, надъ которыми онъ производилъ опыты своей дикой прихоти. Онъ не могъ понять потребности, по которой государство, дорожащее своимъ именемъ, обязано защищать своихъ подданныхъ, освобождать ихъ изъ рукъ мучителей, снимать съ нихъ оковы, неправдою на нихъ наложенныя, и возвращать ихъ въ отечество съ самыхъ отдаленныхъ мѣстъ, не останавливаясь ни передъ какими издержками; онъ не понималъ, что тутъ идетъ дѣло не о нѣсколькихъ плѣнныхъ, а о той чарующей силѣ, какая окружаетъ имя Англіи на востокѣ, объ опасности пошатнуть значеніе, тамъ пріобрѣтенное, и страхъ внушенный. Парламентъ согласился на военныя издержки очень охотно, тѣмъ болѣе, что Дизраэли имѣлъ предусмотрительность потребовать на нихъ сумму, далеко недостаточную и ничтожную, а остальное, что очень непохвально, взвалить на бюджетъ Индіи. Немедленно приступлено было къ необходимымъ рекогносцировкамъ и къ изученію страны; начальство надъ экспедиціей поручено было Чарльзу Непиру; онъ съ своей эскадрой прибылъ на мѣсто дѣйствія 4 января 1868 года; подъ его начальствомъ находилось 8,000 человѣкъ индійскаго и 4,000 человѣкъ чисто англійскаго войска; въ его распоряженіи находилось 12,000 муловъ и 20 слоновъ. Путь англійскаго войска шелъ черезъ Массана, Сепала, Анталу; въ одномъ изъ враговъ Ѳеодора, Каза, князѣ Тигре, англичане нашли дѣятельнаго и полезнаго союзника. Ѳеодоръ съ своимъ войскомъ и плѣнниками удалился въ неприступную крѣпость Магдалу, находящуюся на вершинѣ горы, которая поднимается со дна горной долины изъ пропасти Бишилоа. Апрѣля 10 англійское войско достигло крѣпости и остановив-

лось въ виду ея. Произошло сраженіе; абиссинцы были разбиты; тогда Ѳеодоръ предложилъ начать переговоры; но такъ какъ однимъ изъ непремѣнныхъ условій мира было, чтобы онъ лично отдался во власть англичанъ, хотя ему обѣщаны были и почести и деньги, то онъ прервалъ переговоры и продолжалъ войну; тѣмъ не менѣе Ѳеодоръ все еще надѣялся отдѣлаться отъ непрошенныхъ гостей; на слѣдующій день онъ выдалъ всѣхъ европейскихъ плѣнныхъ, со всѣмъ ихъ имуществомъ, и они благополучно прибыли въ англійскій лагерь. Неизвѣстно, поступилъ ли онъ такъ по своей дикой прихоти, или въ самомъ дѣлѣ надѣялся этимъ смягчить англичанъ и заставить ихъ отказаться отъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій; но разсчетъ его оказался невѣренъ. Крѣпость взята была приступомъ 13 числа; когда первые солдаты штурмовой колонны достигли вершины горы, они увидѣли передъ собою тѣло Ѳеодора: въ послѣднее, рѣшительное мгновеніе онъ самъ себя лишилъ жизни, чтобы не попасть въ руки враговъ своихъ и тѣмъ избавиться отъ плѣна, а англичанъ такимъ образомъ лишить самой важной добычи. Крѣпость была разрушена; Непиръ произвелъ смотръ войскамъ, на сѣверъ отъ мѣста битвы, на равнинѣ Таланта; онъ хвалилъ храбрость и стойкость солдатъ, имѣвшихъ случай вновь доказать, что на земномъ шарѣ нѣтъ мѣста, куда бы не доставала рука Англіи; вслѣдъ за смотромъ войска пошли въ обратный путь и 2 іюня они опять сѣли на корабли, дожидавшіеся ихъ на Аравійскомъ заливѣ въ бухтѣ Аннесли-бай. Такъ же счастливо окончилась экспедиція въ Авганистанъ, предпринятая въ томъ же 1868 году.

Напротивъ того, отношенія Великобританіи къ Сѣверо-американскимъ Соединеннымъ Штатамъ во все это время имѣли характеръ очень непріятный: янки находили какое-то жестокое наслажденіе въ томъ, чтобы длить переговоры, вызванные тѣмъ, какъ Англія держалась въ продолженіе послѣдней американской междоусобной войны; потому что они знали, на сколько могутъ этимъ надосадить своимъ заатлантическимъ родственникамъ. Это удовольствіе еще усиливалось тѣмъ, что неудовольствія и агитаціи феніевъ получали пищу и почерпали энергію въ томъ способѣ, какъ переселившіеся ирландцы держались въ Соединенныхъ Штатахъ; но надобно отдать справедливость правительству Соединенныхъ Штатовъ: оно держалось очень осторожно и честно во всемъ этомъ дѣлѣ. Мы уже видѣли, что обнаруживающаяся здѣсь опасность клонилась къ тому, чтобы британскія колоніи въ Америкѣ побудить тѣснѣе соединиться и образовать союзъ; 30 марта 1867 года билль объ этомъ былъ скрѣпленъ королевскою подписью; 5 іюня виконтъ Монкъ былъ назначенъ генеральнымъ штатгальтеромъ этой конфедераціи и въ ноябрѣ въ Оттавѣ открыто было первое засѣданіе парламента; англійское правительство поостереглось назначить туда штатгальтеромъ одного изъ королевскихъ принцевъ, чтобы не раздражить американцевъ. Надобно замѣтить, что той манерой какъ Англія держалась во все время междоусобной войны Сѣверо-американскихъ Штатовъ, она сама поставила себя въ то непріятное положеніе, въ какомъ теперь очутилась. Надобно было уладить непріятныя требованія о вознагражденіи убытковъ, причиненныхъ сѣвернымъ штатамъ каперскими судами, снаряженными въ англійскихъ гаваняхъ для южныхъ штатовъ; для краткости, претензіи эти, по имени одного изъ каперовъ, обозначались словами: э л э б э м с к и м ъ вопросомъ;—для разрѣшенія этого вопроса англійское правительство предложило третейскій судъ; но Сьюардъ не захотѣлъ подчиниться ему и требовалъ, чтобы Англія признала себя неправой и уплатила долгъ; поэтому посланникъ Соединенныхъ Штатовъ въ Лондонѣ, Адамсъ объявилъ въ ноябрѣ 1867 года, что всѣ переговоры по этому вопросу прерваны. На нѣкоторое время требованія не возобновлялись; появилась даже надежда, что они и навсегда оставлены, когда новый американскій посланникъ Реверди Джонсонъ, честный и добродушный старикъ, показалъ большое дружелюбіе; его встрѣтили въ Англіи съ необыкновеннымъ радушіемъ; въ честь его пріѣзда устраивались безпрерывные обѣды, балы; при этомъ англичане окружали его самымъ предупредительнымъ вниманіемъ, осыпая его самыми привѣтливыми выраженіями и называя американцевъ своими друзьями, родственниками, братьями и, пользуясь мягкосердечіемъ старика, заставили его говорить въ томъ же смыслѣ. Но эти застольныя и послѣобѣденныя рѣчи пришлись не по вкусу по ту сторону океана

и не нашли тамъ отголоска. Договоръ между Джонсономъ и англійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ лордомъ Станлеемъ былъ подписанъ 23 ноября 1868 года, но не встрѣтилъ сочувствія Сьюарда; не смотря на то, что договоръ былъ передѣланъ лордомъ Кларендономъ, преемникомъ Станлея, въ пользу Америки, но въ апрѣлѣ 1869 года вашингтонскій сенатъ почти единодушно отвергнулъ его: по этому случаю, одинъ изъ сенаторовъ, Чарльзъ Сомнеръ, всю жизнь неутомимо преслѣдовавшій рабовладѣльцемъ и бывшій всегда нервымъ поборникомъ республиканской партіи, произнесъ жаркую рѣчь, въ которой очень открыто высказалъ мнѣніе, что половину національнаго долга, накопившагося по случаю войны, не худо бы свалить на англичанъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ въ переговорахъ, наконецъ 8 мая 1871 года смѣшанная коммисія, составленная въ Вашингтонѣ, положила составить договоръ, по которому элэбэмскій вопросъ о вознагражденіи будетъ представленъ третейскому суду; онъ наконецъ дѣйствительно собрался въ Женевѣ и въ 1872 году довелъ дѣло до конца: Англія была присуждена уплатить 15 милліоновъ долларовъ въ вознагражденіе убытковъ, нанесенныхъ Соединеннымъ Штатамъ каперскими судами, построенными на англійскихъ верфяхъ. Но американцы этимъ не удовольствовались: правительство Соединенныхъ Штатовъ, пользуясь неточностію одного изъ параграфовъ вашингтонскаго договора, потребовало, чтобы женевскій посредническій судъ кромѣ того принялъ еще во вниманіе частныя потери, сопряженныя съ дѣйствіями такихъ каперовъ, какъ «Элэбэма» и подобныя суда. Такая требовательность со стороны Соединенныхъ Штатовъ была уже черезчуръ безцеремонною: недоставало только, чтобы у Англіи потребовали вознагражденія каждому изъ американскихъ мелочныхъ лавочниковъ, обанкрутившихся во время междоусобной войны; такія претензіи могли довести терпѣніе Англіи до крайнихъ предѣловъ. Въ Англіи открыто во всѣхъ слояхъ общества и въ правительственныхъ мѣстахъ начали говорить о томъ, что пора положить конецъ дерзкому кощунству американцевъ и что не взирая на какія-бы то ни было опасности, сопряженныя съ тѣмъ, надобно ограничить дерзкое своеволіе Соединенныхъ Штатовъ. Американцы вовсе не хотѣли войны и, лишь только они замѣтили, какъ сильно заволновалась Англія, они тотчасъ перемѣнили тонъ и начали показывать уступчивость, тѣмъ болѣе, что уже достигли своихъ давнишнихъ желаній: имъ удалось унизить націю въ глазахъ Европы,—чего же больше!

2. Россія.

Подобно Англіи, событія 1866 года не касались Россіи непосредственно; прошли тѣ времена, когда каждое государство, при подобныхъ обстоятельствахъ, могло захватить себѣ какую нибудь добычу. Россія продолжала энергически поддерживать національность; правительство наконецъ серьезно приступило къ тому, чтобы объединить разнохарактерное населеніе государства. При этомъ надобно было твердо идти къ предположенной цѣли, не обращая вниманія на свое личное чувство; такъ поступалъ императоръ.

Польша на себѣ испытала его твердость. Около этого времени, т. е. въ 1867 году, императору пришлось быть въ Парижѣ, но тутъ праздношатающійся народъ, адвокаты Palais de justice и въ другихъ мѣстахъ при видѣ Александра II, какъ бы желая надосадить ему, встрѣчали его возгласомъ: Vive la Pologne! Этимъ, само собою разумѣется, нельзя было перемѣнить его взглядъ на систему управленія Польшей; на это скорѣе надобно смотрѣть, какъ на желаніе демократовъ сдѣлать демонстрацію; а между тѣмъ, предаваясь этой ребяческой страсти, прежде вѣжливый, гостепріимный и утонченный французскій народъ забывалъ долгъ гостепріимства и свои обязанности въ отношеніи къ высокому посѣтителю.

На слѣдующій день послѣ этой неприличной демонстраціи, императоръ вмѣстѣ съ Наполеономъ проѣзжалъ послѣ смотра войска мимо Palais de Justice; внезапно раздался выстрѣлъ, но оба императора остались невредимы. Нѣсколько времени не знали, въ котораго изъ обоихъ императоровъ выстрѣлъ былъ направ-

ленъ; но вскорѣ обнаружилось, что преступникъ, по имени Березовскій, былъ полякъ; тогда не могло быть сомнѣнія. Ни демонстрація, ни преступное покушеніе не могли перемѣнить или задержать хода событій.

Въ маѣ 1867 года былъ обнародованъ указъ, окончательно присоединяющій Польшу; самое названіе королевства было уничтожено; Польша была раздѣлена на 10 губерній и на 85 уѣздовъ. Одна часть управленія за другой подчинена центральной администраціи въ Петербургѣ. Римско-католическая церковь почувствовала всѣ невыгоды вмѣшиваться въ политическія дѣла: въ 1866 году отмѣненъ былъ конкордатъ, заключенный съ Римомъ; непосредственное сношеніе римско-католическаго духовенства и прихожанъ съ Римомъ могло впредь производиться только черезъ римско-католическую коллегію въ Петербургѣ. Церковныя постановленія Рима получали силу только послѣ того, когда они проходили черезъ министерство внутреннихъ дѣлъ. День счастливаго избавленія императора отъ покушенія убійцы было положено праздновать не только въ Петербургѣ и въ чисто-русскихъ губерніяхъ, но также и въ Польшѣ, въ Литвѣ и въ прочихъ иноплеменныхъ съ русскими областяхъ.

Вмѣстѣ съ религіей дѣйствовали на національность и наоборотъ. Чрезъ нѣсколько дней послѣ возвращенія императора изъ поѣздки въ Парижъ народное образованіе Польши подчинено было министерству народнаго просвѣщенія, на которомъ лежала забота объ образованіи всего русскаго народа. Съ января 1868 года начали въ Польшѣ и въ западномъ краѣ вообще заводить безчисленное множество школъ, въ которыхъ преподаваніе русскаго языка сдѣлалось обязательнымъ и гдѣ начали преподавать нѣкоторые предметы на русскомъ языкѣ. Въ офиціальныхъ дѣлахъ приказано было употреблять вмѣсто новаго стиля—старый; въ гимназіяхъ приказано усилить русскій языкъ, а къ 1 января 1869 г. на немъ читать лекціи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Почтовое вѣдомство, также какъ и все внутреннее управленіе, подчинено петербургскому министерству наравнѣ съ остальными частями Россіи. Даже афиши и объявленія начали публиковать на двухъ языкахъ, на русскомъ и польскомъ, на титулахъ бумагъ и бланкахъ исчезъ титулъ короля Польши, а остался одинъ императорскій. Но не все изъ постановленнаго буквально приведено было въ исполненіе, потому что преобладающее народонаселеніе Польши по прежнему продолжало твердо держаться своей національной стороны. Гораздо успѣшнѣе шло обрусеніе Литвы. При бдительномъ надзорѣ Потапова, русскій языкъ все болѣе и болѣе утверждался; въ школахъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ онъ сдѣлался господствующимъ, и польскій языкъ употреблялся только въ частныхъ сношеніяхъ; даже на улицахъ онъ рѣдко слышался. И духовенство здѣсь подчинялось, хотя неохотно, но подчинялось; сопротивленіе его не оставалось безнаказаннымъ; такъ августовскій епископъ, Любенскій, за неповиновеніе отправленъ былъ на жительство во внутреннія губерніи Россіи. Въ концѣ іюня 1869 года, произошла реорганизація варшавскаго университета, и русскій языкъ окончательно введенъ для преподаванія всѣхъ предметовъ.

Чтобы сдѣлать понятнѣе цѣль объединенія Польши съ Россіей и черезъ то достигнуть большаго сближенія съ остальными славянскими племенами, министръ народнаго просвѣщенія графъ Толстой въ рѣчи, произнесенной въ варшавскомъ университетѣ, въ присутствіи профессоровъ и студентовъ, изложилъ обширный взглядъ на панславизмъ и давалъ чувствовать, что въ видахъ общаго блага славянскихъ народовъ личныя удобства и выгоды отдѣльныхъ лицъ и народовъ должны быть пожертвованы для великой идеи объединенія, въ которомъ лежитъ залогъ будущаго славянскаго величія.

Примѣненіе идеи объединенія и тѣснѣйшаго слитія разнородныхъ частей русскаго государства мы замѣчаемъ также и въ распоряженіяхъ, касательно прибалтійскаго края. И здѣсь, согласно съ заявленными прессою требованіями, выраженными въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»; гдѣ сказано было, что для общаго счастія необходимо безусловно подчиниться всѣмъ основнымъ гражданскимъ требованіямъ Россіи, начали настаивать на томъ, чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ было обращено больше вниманія на изученіе русскаго языка; было объявлено, что назначенъ будетъ не очень продолжительный срокъ, когда знаніе его будетъ обязательно. Лифляндское дворянство исключительно нѣмецкаго происхож-

денія видѣло въ этомъ нарушеніе своихъ правъ и потому на ландтагѣ порѣшило представить государю адресъ, съ почтительно выраженнымъ неудовольствіемъ по этому поводу; но адресъ не былъ принятъ: императоръ, не смотря на свою благосклонность вообще и на кротость къ своимъ подданнымъ, проникнутъ былъ справедливостью своего требованія; онъ не хотѣлъ, чтобы Россія представляла конгломератъ народовъ, стремился къ тому, чтобы она явилась однимъ сильнымъ органическимъ тѣломъ и поэтому, поддерживая идею обрусенія частей ея, твердо шелъ къ предназначенной цѣли. Дерптскому учебному округу, въ 1869 году, было предписано всѣ сношенія и всю дѣловую переписку съ учебными заведеніями вести на русскомъ языкѣ. На это лифляндскій и эстляндскій ландтаги написали адресъ, въ которомъ упоминали льготы и вольности, дарованныя въ эпоху присоединенія къ Россіи, заключавшіяся въ томъ, что прибалтійскому краю предоставлялась религіозная свобода совѣсти и свобода идти къ дальнѣйшему развитію на основаніи нѣмецкой національности, и наконецъ существующая администрація, основанная на національномъ законодательствѣ; но съ тѣхъ поръ прошло больше столѣтія, прибалтійскій край довольно долго пользовался своими правами, пора ему войти въ составъ русскаго государства. Адресъ былъ опрокинутъ дѣльнымъ замѣчаніемъ, что мѣстныя льготы и законы, также какъ общіе государственные всю свою силу почерпаютъ изъ высочайшей воли. Курляндія подобнаго адреса и не подавала.

Отвѣтъ, данный прибалтійскому дворянству, вполнѣ соотвѣтствуетъ кореннымъ взглядамъ на управленіе: императоръ рѣшился дѣлать преобразованія, но также рѣшился какъ можно тѣснѣе сплотить свое государство, а для этого прежде всего ему нужно было твердо держать въ своихъ рукахъ всѣ отрасли правленія и бдительно слѣдить за тѣмъ, чтобы его верховная власть дѣйствовала неограниченно; отвергая адресы и жалобы прибалтійскаго края, онъ поступалъ такъ по убѣжденію, что это приведетъ къ желанному результату, но вовсе не изъ личнаго недоброжелательства къ племени, потому что, напротивъ, онъ всегда показывалъ свое сочувствіе къ нему.

Такъ напримѣръ онъ не нашелъ надобности протестовать противъ новаго порядка вещей въ Германіи. Общее удивленіе возбудило, что въ столѣтній юбилей учрежденія высшаго военнаго ордена Россіи, императоръ послалъ прусскому королю знакъ Георгія 1-й степени; эта высшая военная награда, по статуту ордена, дается только за очень важную побѣду; русскій императоръ такимъ образомъ почтилъ побѣдителя при Кениггрецѣ. Впрочемъ, положеніе дѣлъ въ Германіи было таково, что оно никакимъ образомъ не могло быть вреднымъ для интересовъ Россіи, и поэтому доброе согласіе не нарушалось. Это былъ первый шагъ къ правительственнымъ и свободнѣйшимъ политическимъ отношеніямъ между европейскими державами; тѣснѣйшая связь между Германіей и Австріей была нарушена и смѣнилась свободнѣйшимъ, производительнѣйшимъ развитіемъ народныхъ отношеній.

3. Турція и Греція.

Къ концу 1866 г., возстаніе на островѣ Критѣ въ существенныхъ своихъ частяхъ было подавлено Мустафой-пашей. Но Порта обвиняла Грецію за то, что она мѣшаетъ окончательному усмиренію острова; и обвиненіе это было справедливо. Между тѣмъ тайная помощь Греціи продолжалась; 26 декабря 1866 года Порта послала ноту къ посланникамъ трехъ покровительствующихъ державъ въ Аѳинахъ, предлагая имъ уговорить аѳинское правительство отказаться отъ дальнѣйшаго содѣйствія возставшимъ: не доставлять имъ оружія, военныхъ снарядовъ и денегъ; къ такой просьбѣ присовокуплялась угроза: если покровительствующія Греціи державы не обратятъ вниманія на требованіе Порты, то она рѣшилась сама распорядиться прекращеніемъ несвоевременной помощи, какую продолжающееся возстаніе получаетъ отъ Греціи. Въ началѣ 1867 года тлѣющее пламя возстанія вспыхнуло съ новой силой; находившееся еще въ полномъ составѣ національное собраніе назначило временное правительство, во имя Георгія I; въ

мартѣ почти весь островъ былъ рукахъ возставшихъ. Но это вскорѣ перемѣнилось, когда Омеръ-паша съ свѣжими войсками высадился на берегъ; надобно замѣтить, чѣмъ далѣе продолжалась война, тѣмъ она становилась безчеловѣчнѣе и ненависть непримиримѣе: это въ порядкѣ вещей. Спасавшіяся отъ турокъ семейства кандіотовъ составляли не малую тяжесть для Греціи; несмотря на это помощь, оказываемая возставшимъ, продолжалась съ прежнею энергіей; переговоры европейскихъ державъ съ Турціей о возстановленіи мира шли своимъ чередомъ, но ни къ чему не приводили; Турція теряла терпѣніе, и наконецъ рѣшилась дѣйствовать энергически: она отозвала своего посланника изъ Аѳинъ, закрыла всѣ свои гавани для греческихъ судовъ, назначила 14 дневный срокъ для выѣзда всѣхъ греческихъ подданныхъ изъ предѣловъ Турціи и отправила военную эскадру въ воды Греціи. 6 декабря Греціи посланъ былъ ультиматумъ; отвѣтъ на него требовался въ пятидневный срокъ; для большаго впечатлѣнія Омеръ-паша съ войскомъ придвинулся къ границамъ Греціи: но въ это самое время нѣсколько сотъ греческихъ волонтеровъ высадились на берега Кандіи. Около 14 числа турецкая эскадра выслѣдила корабль «Энозисъ», преимущественно занимавшійся тѣмъ, что поддерживалъ сообщенія между возставшими кандіотами и Грецією; турецкая эскадра гонялась за «Энозисомъ» и загнала его наконецъ въ гавань Скироса; изъ запертой гавани некуда было бѣжать, турецкая эскадра требовала выдачи «Энозиса», какъ пирата. Между тѣмъ греческое правительство отвергло турецкій ультиматумъ, и понудительныя мѣры начались; казалось, война была неизбѣжна. Но тутъ Пруссія, менѣе всего заинтересованная въ этомъ дѣлѣ, предложила, 21 декабря, для рѣшенія дѣлъ и несогласій, возникшихъ по поводу Кандіи, составить конференцію. Турція согласилась допустить дѣло на рѣшеніе конференціи, но при этомъ не переставала держаться ультиматума; конференція собралась 9 января, 1869 года, но не въ Лондонѣ, а въ Парижѣ. Дѣло окончилось декларацією, принятой Портой и которой Греція принуждена была подчиниться. По этой декларации, Греція обязывалась воздерживаться отъ составленія бандъ, не допускать строить и снаряжать суда съ цѣлью нападать на турецкія области; на декларацію покровительствующихъ державъ, со стороны Греціи ждали простаго согласія; срокъ для рѣшенія назначенъ былъ недѣльный: но въ случаѣ отказа, Греція навлекала на себя одну всю отвѣтственность за то, что неминуемо послѣдуетъ. Министры, составлявшіе аѳинскій кабинетъ, отказались принять декларацію и по своему обыкновенію подали въ отставку — самый удобный способъ выйдти изъ затруднительнаго положенія; какъ въ сущности незначительно было общее сочувствіе къ дѣлу или, вѣрнѣе, какъ бѣдна была Греція — видно изъ слѣдствій займа, предложеннаго съ патріотическою цѣлью; для войны объявленъ былъ внутренній заемъ въ 100 милліоновъ драхмъ, но подписка шла вяло, неудовлетворительно, такъ что съ трудомъ набралось 100,000 драхмъ; этому неспособному къ самостоятельной дѣятельности государству пришлось еще разъ дать въ долгъ извѣстную сумму, пока наконецъ, министерство Займиса не оказалось на столько мужественнымъ, чтобы подчиниться неизбѣжному и принять условія декларации.

Отношенія къ вновь устроенному румынскому государству не представляли такихъ трудностей, какъ греческія. Въ своей первой тронной рѣчи, произнесенной 27 ноября 1866 года при открытіи палатъ, князь Карлъ, съ немалымъ удовольствіемъ извѣстилъ своихъ подданныхъ, что европейскія державы признаютъ новый порядокъ вещей въ Румыніи. Ему пришлось со всею энергіей и врожденною честностью характера и твердостью убѣжденія бороться съ дурными привычками, страстями и пороками полуварварскаго общества, которое не успѣло даже пробудить къ себѣ сочувствія въ цивилизованной Европѣ. Особенно возмутительно было для европейскаго человѣка, съ высшимъ взглядомъ на вещи, преслѣдованіе евреевъ въ Молдавіи, производившееся не одною чернью, но и болѣе высшими классами. Напрасно заступались иностранные консулы и протестовали по чувству человѣческаго и христіанскаго милосердія, но оно было незнакомо румынамъ; князь, не смотря на все свое желаніе, не могъ помочь горю: радикальное министерство Братчіано, съ марта 1867 года находившееся во главѣ управленія, потакало фанатикамъ: оно смотрѣло сквозь пальцы на то, что чернь въ Галацѣ, и другихъ мѣстахъ всячески издѣвалась

надъ евреями, мучила и топила ихъ. Министерство не обращало вниманія на такія бездѣлицы; у него въ головѣ были планы поважнѣе: оно мечтало о томъ, чтобы соединить всѣхъ румыновъ въ одно большое дако-румынское государство. Конгресъ, съ цѣлью разобрать и обсудить эти фантазіи, долженъ былъ въ августѣ 1867 года собраться въ Букарестѣ. На слѣдующій годъ, при открытіи засѣданій палатъ, князь Карлъ въ тронной рѣчи своей изложилъ цѣлый рядъ предполагавшихся улучшеній и преобразованій, но министерство парализировало его начинанія, предаваясь безплоднымъ мечтамъ, такъ вреднымъ особенно для государства еще неустановившагося и представлявшимъ для его спокойствія большія опасности. Особенно постыденъ былъ проектъ закона, предложенный 30 членами палаты; въ этомъ проектѣ, между прочимъ, стояли правила: § 5: евреи не имѣютъ права арендовать имѣнія, содержать гостинницы и постоялые дворы, не могутъ содержать мельницъ, винокуренныхъ заводовъ, заниматься разведеніемъ винограда, выдѣлывать вино; овцеводство и свиноводство имъ тоже не дозволяется; по § 8 имъ строжайше запрещалось продавать христіанамъ съѣстные припасы и напитки; но своимъ единовѣрцамъ они могутъ продавать то и другое. Очень понятно, что объ руку съ этими постановленіями шло преслѣдованіе евреевъ, особенно если вспомнимъ, что министръ Братчіано дерзко опровергалъ всякую жалобу на притѣсненіе и безъ зазрѣнія совѣсти отвергалъ то, что дѣлалось открыто, при свидѣтеляхъ; но для безпристрастнаго и просвѣщеннаго наблюдателя слова правдивыхъ свидѣтелей имѣютъ больше вѣса, нежели всѣ увѣренія румынскаго министра. Онъ попрежнему дѣятельно занимался своими мечтательными планами; его агенты производили броженіе между румынскимъ народонаселеніемъ въ Трансильваніи; обвиняли Пруссію въ томъ, что она поддерживаетъ эти стремленія, съ цѣлью держать въ уздѣ Австрію и дѣлать непріятности руководящему австрійскими дѣлами министру фонъ-Бейсту; можетъ быть это и правда, тѣмъ болѣе, что непріязненныя чувства австрійскаго министра къ Пруссіи были понятны и опровергать ихъ нечего было. Какъ бы то ни было, но князь Карлъ добился того, что Братчіано былъ уволенъ, а на мѣсто его назначенъ Дмитрій Гика, составившій консервативное министерство; при новомъ министерствѣ палаты не могли оставаться въ прежнемъ составѣ; ихъ распустили въ февралѣ 1869 года, затѣмъ надобно было приступить къ новымъ выборамъ, но къ счастію они выпали противъ радикаловъ. Князь занялся составленіемъ плановъ и постройкой желѣзныхъ дорогъ и организаціей войска, причемъ особенное вниманіе имъ обращено было на то, чтобы войско имѣло для народа и страны образовательное и воспитательное значеніе, къ чему князь Карлъ стремился, какъ бывшій прусскій офицеръ, хорошо знакомый съ устройствомъ европейскаго войска вообще и прусскаго въ особенности; въ декабрѣ 1869 года въ Букарестѣ открытъ былъ университетъ. Такимъ образомъ новый общественный строй мало-по-малу утверждался и упрочивался. Въ сентябрѣ того же года происходило бракосочетаніе князя Карла съ принцессою Видъ, одушевленной желаніемъ разрѣшить задачи, на каждомъ шагу представляющіяся душѣ энергической, исполненной сознанія своего долга. Но по временамъ по болѣе, или менѣе основательнымъ причинамъ распространялся слухъ, будто царственная чета, утомленная неблагодарною ролью, какую играла въ Румыніи, хочетъ отказаться отъ престола: какъ бы то ни было, но достойно величайшаго уваженія, что новый порядокъ вещей, безъ особенно сильныхъ потрясеній просуществовалъ восемь лѣтъ, и пользы, имъ принесенной, отвергнуть невозможно.

Самостоятельность подобную румынской пріобрѣла также и Сербія. Это государство въ 800 кв. миль съ однимъ милліономъ жителей, греческаго вѣроисповѣданія, платитъ дань Турціи, также какъ Румынія, но во внутреннемъ управленіи независимо, не имѣетъ наслѣдственнаго дворянства, и каждый свободный человѣкъ долженъ носить оружіе на защиту своего отечества. Гордый, съ независимымъ образомъ мыслей народъ тяготился видимыми признаками османскаго верховнаго владычества; князь Михаилъ Обреновичъ, основатель всей свободы, какою пользуется государство, сочувствовалъ нетерпѣливому неудовольствію своихъ подданныхъ и потребовалъ, чтобы турецкія войска очистили всѣ занятыя ими крѣпости, въ томъ числѣ и Бѣлградъ. Порта согласилась 3 марта

1867 года исполнить это требованіе, но только съ условіемъ, чтобы на будущее время на укрѣпленіяхъ вмѣстѣ съ сербскимъ знаменемъ развѣвалось и турецкое. 18 апрѣля торжественно прочитанъ былъ фирманъ въ Бѣлградѣ, и князь Михаилъ принялъ во владѣніе крѣпость вполнѣ вооруженную и исправную; онъ торжественно въѣхалъ въ нее. Народъ послѣ этого заволновался и началъ дѣятельно вооружаться и обучать войско; въ немъ явно выражались планы расширенія предѣловъ завоеваніемъ, или присоединеніемъ сербскихъ братій, которыхъ было много и внѣ маленькаго княжества... Дѣятельныя вооруженія князя Михаила пробудили опасенія покровителей княжества: Австрія, Англія и Франція считали долгомъ сдѣлать князю замѣчанія и посовѣтовать осторожность. Но опасенія вскорѣ оказались преждевременными: 18 іюля 1868 года, князь Михаилъ палъ отъ руки убійцы. Преступники были схвачены; родилось подозрѣніе, что зачинщикомъ заговора былъ прежній господарь Кара Георгіевичъ; вина его казалась такъ неопровержима, что его заочно присудили къ 20 лѣтнему заключенію въ смирительномъ домѣ. Народъ однакожь не хотѣлъ инаго господаря какъ изъ дома Обреновичей; племянникъ убитаго воспитывался въ Парижѣ: составлено было регентство, а на престолъ возведенъ въ Бѣлградѣ князь Миланъ, послѣдняя отрасль дома Обреновичей, столько послужившаго на пользу и прославленіе отечества. Національное собраніе, или скупщина была собрана, молодой Миланъ прибылъ изъ Парижа, скупщина его признала и принесла ему присягу въ вѣрности. На счетъ введенія конституціоннаго правленія, регентство и скупщина уладились и условились безъ всякихъ недоразумѣній; Порта съ своей стороны не показала несогласія. Основными законами постановлены были: престолъ наслѣдственный въ мужеской линіи въ семействѣ Обреновичъ; законодательная власть раздѣлена между господаремъ и скупщиной, между ними, въ качествѣ совѣта, находится сенатъ. Это законодательство было утверждено лѣтомъ 1869 года и тотчасъ приведено въ исполненіе; въ декабрѣ того же года, одновременно съ Букарестомъ, и въ Бѣлградѣ открытъ былъ университетъ.

Съ этими государствами Турція не потеряла ничего такого, чѣмъ она въ дѣйствительности пользовалась прежде; гораздо ревнивѣе охраняла она остатокъ правъ своихъ на Египетъ. И здѣсь чувствовалось современное вліяніе, и сюда проникла любимая манія текущаго столѣтія: и здѣсь въ странѣ фараоновъ была сдѣлана попытка парламентскаго управленія. Вице-король, или хедифъ Измаилъ-паша въ ноябрѣ 1866 года издалъ статутъ изъ 18 параграфовъ, устанавливавшій собраніе 75 депутатовъ египетскихъ провинцій и городовъ; при тайной подачѣ голосовъ, избирательное право предоставлялось каждому честному, способному, въ Египтѣ рожденному человѣку; депутаты избираются на трехгодичный срокъ и обязаны собираться ежегодно на мѣсяцъ; палата депутатовъ разбираетъ проекты, ей предложенные хедивомъ; онъ лично открылъ сессіи 27 ноября, причемъ имъ сказано было нѣчто въ родѣ тронной рѣчи. Но всякое подобное учрежденіе не имѣетъ ни малѣйшаго значенія на востокѣ, гдѣ могущество можетъ бороться только съ могуществомъ, а не сила ума съ умомъ и гдѣ никто не смѣетъ противорѣчить тому, кто повелѣваетъ. Гораздо важнѣе парламентской формы было то, что первый большой корабль, прибывшій изъ Тріеста, 17 февраля 1867 года прошелъ по Суэцкому каналу. Хедивъ считалъ это мгновеніе удобнымъ, чтобы добиться такой же независимости, какой частью хитростью, частью просьбою и лестью добились Сербія и Румынія; хедифу удалось въ маѣ того же года выхлопотать себѣ въ Константинополѣ фирманъ, дававшій ему полную власть надъ таможнями, надъ полицейскими мѣрами касательно иностранцевъ, надъ транзитною торговлей и почтовымъ вѣдомствомъ, но съ условіемъ, чтобы всѣ эти распоряженія и сношенія не носили на себѣ формы и отпечатка международныхъ и политическихъ трактатовъ. Хедивъ затѣвалъ великія дѣла; онъ принялъ участіе и дѣятельно помогалъ англичанамъ въ экспедиціи Бэкера на югъ по Бѣлому Нилу, съ цѣлью распространить свои владѣнія на югъ; но самъ на свою руку предпринялъ онъ въ маѣ 1869 года еще гораздо важнѣйшую экспедицію къ дворамъ во Флоренцію, въ Вѣну, Берлинъ, Парижъ и Лондонъ; онъ посѣтилъ государей съ цѣлью пригласить ихъ къ торжественному открытію Суэцкаго канала. Порта по своему обыкновенію подозрительно смотрѣла на это путешествіе; она выразила свое неудовольствіе заявивъ, что

хедивъ превышаетъ свои ленныя права, выраженныя въ фирманѣ, которымъ управленіе Египта на извѣстныхъ условіяхъ предоставлено семейству Мехмеда-Али. 3 августа великій визирь предложилъ хедифу требованія; онъ писалъ: хедивъ на столько просвѣщенъ и на столько знакомъ съ существующими приличіями государей, чтобы понять, что не ему прилично было дѣлать приглашенія на открытіе канала, а это подобаетъ султану, какъ истинному и независимому государю всей Турціи; далѣе хедиву дано понять, что неумѣстное приглашеніе ставитъ европейскихъ государей въ очень двусмысленное положеніе. Далѣе, что во время посѣщенія иностранныхъ дворовъ онъ нигдѣ не обращался къ посредничеству султанскихъ посольствъ, тогда какъ долженъ былъ дѣла вести черезъ ихъ посредство, а не прямо отъ себя дѣлать приглашенія: зачѣмъ онъ посылаетъ своего министра иностранныхъ дѣлъ съ порученіями по европейскимъ дворамъ? зачѣмъ онъ обременяетъ своихъ подданныхъ налогами, заказывая за границей новое оружіе и панцырныя суда? Посланіе это оканчивалось требованіемъ скораго и подробнаго отвѣта на всѣ предложенные вопросы. Отвѣтъ послѣдовалъ 10, онъ не былъ ни ясенъ, ни подробенъ. Хедивъ говорилъ «о прерогативахъ его императорскаго величества султана,» подъ сѣнью котораго и во славу котораго все имъ сдѣланное существуетъ, а для дальнѣйшаго разъясненія возникшихъ недоразумѣній вызывался самъ пріѣхать въ Константинополь. Въ новомъ посланіи Порты, отъ 29, требованія были выражены еще опредѣленнѣе: она требовала, чтобы хедивъ выдалъ вновь пріобрѣтенныя игольчатыя ружья и отмѣнилъ заказы на постройку панцырныхъ судовъ въ Тріестѣ и въ французскихъ гаваняхъ; затѣмъ требовалось, чтобы онъ ежегодно доставлялъ въ Константинополь на разсмотрѣніе предполагаемый на наступающій годъ бюджетъ доходовъ и расходовъ; не дѣлать займа безъ согласія султана, при сношеніяхъ съ иностранными державами пользоваться посредничествомъ турецкихъ посланниковъ при различныхъ дворахъ; султанъ съ удовольствіемъ принялъ извѣстіе о намѣреніи хедива посѣтить Константинополь. Султану сверхъ того хотѣлось лично присутствовать при открытіи Суэцкаго канала, чтобы воспользоваться всѣми почестями, на какія онъ имѣлъ право, какъ сюзеренный владѣтель, и такимъ образомъ еще яснѣе выставить неловкое положеніе, въ какое вассалъ себя поставилъ. Хедифъ съ своей стороны поторопился уступить въ существенныхъ пунктахъ, и султанъ вслѣдствіе этого отказался отъ путешествія на открытіе канала. Приглашенные государи, или представители ихъ поправили ошибку хедива тѣмъ, что проѣздомъ останавливались въ Константинополѣ; 17 ноября происходило торжественное освященіе и открытіе канала со всевозможными празднествами, данными въ честь императрицы Евгеніи, императора австрійскаго, кронпринца прусскаго и т. д. Но Порта твердо продолжала требовать то, что ею было высказано въ фирманѣ 27 ноября. Хедивъ, въ уваженіе турецкаго авторитета, приказалъ по всѣмъ формамъ обнародовать султанскій фирманъ; 7 марта 1870 года панцырныя суда, построенныя на счетъ Египта, прибыли въ Константинополь, гдѣ султанъ встрѣтилъ ихъ очень дружелюбно.

Для внутренняго государственнаго устройства Турціи было очень важно, что султанъ принялъ приглашеніе на вторую всемірную выставку въ Парижѣ. Главный шейхъ-иль-усламъ, предсѣдатель коллегіи улемовъ, истолкователь законовъ и корана, далъ свое согласіе на путешествіе султана въ страну нечестивыхъ; издержки, потребовавшіяся для этого мирнаго похода въ Европу, были покрыты вычетами изъ жалованья войска и чиновниковъ и иными подобными неожиданными для его подданныхъ налогами. Подробности этого путешествія не представляютъ никакихъ важныхъ политическихъ послѣдствій и поэтому скорѣе принадлежатъ къ области фельетонныхъ извѣстій; мы ихъ обходимъ и скажемъ только, что султанъ возвратился въ Истамбулъ 7 августа, вѣроятно, очень довольный тѣмъ, что онъ дома и наконецъ отдѣлался отъ всѣхъ тягостныхъ церемоній и пировъ, какими его повсюду встрѣчали и провожали,—почести, пробуждающія зависть и удивленіе толпы, но вообще такія стѣснительныя для государей. Нѣкоторыя реформы, предпринятыя во внутреннемъ управленіи, можетъ быть, вызваны были тѣмъ, что султанъ видѣлъ въ своемъ путешествіи по Европѣ; въ 1868 году христіанинъ получилъ должность министра публичныхъ построекъ и сооруженій и въ томъ же году нѣсколько христіанъ сдѣланы были

членами вновь организованнаго государственнаго совѣта, засѣданія котораго султанъ лично открылъ своего рода тронной рѣчью. Въ началѣ онъ изложилъ элементарныя понятія и взгляды о справедливости и благосостояніи народномъ вообще; нѣкоторыя мѣста были сказаны съ теплымъ чувствомъ и могли принести честь любимому европейскому государю; говоря о религіи, онъ замѣтилъ: «что касается религіознаго убѣжденія, пусть всякій слѣдуетъ тому, что ему говоритъ умъ и сердце, тогда не будетъ причины къ несогласію и раздору». 23 мая Абдулъ-Азисъ принималъ благодарность представителей различныхъ вѣроисповѣданій. 15 сентября 1869 года обнародованъ былъ уставъ для общаго образованія, не взирая на вѣроисповѣданіе; начали говорить о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ; можетъ быть, Турція посредствомъ нихъ сблизится съ европейской жизнью и разнородные элементы ея населенія сплотятся: вообще же магометанское государство, по своимъ постановленіямъ, но не по способу выполненія этихъ постановленій, имѣло право считать себя европейскимъ и даже выдерживать нѣкоторое сравненіе съ тѣми изъ нихъ, на которыя именно въ этотъ 1870 годъ палъ яркій свѣтъ обличенія.

Въ дѣлѣ Кандіи, Греція ничего не выиграла и должна была подчиниться требованіямъ Турціи; но самымъ большимъ для нея оскорбленіемъ было то, что ея депутатъ исключенъ былъ изъ парижской конференціи. 6 февраля 1869 года новый руководящій министръ Займисъ въ очень пространной и многословной прокламаціи объяснялъ причины, заставившія Грецію подчиниться волѣ покровительствующихъ ей великихъ западныхъ державъ. Палата депутатовъ была распущена и произведены выборы, вслѣдствіе которыхъ депутаты были избраны изъ людей, по большей части сочувствующихъ правительству. Молодой король между тѣмъ вступилъ въ бракъ съ русскою великою княжною Ольгой Константиновной; отъ этого брака родился наслѣдникъ престола; первымъ дѣломъ вновь собравшейся палаты было установить по этому поводу законъ о регентствѣ, въ случаѣ если бы наслѣдникъ престола послѣ отца остался малолѣтнимъ. Нѣсколько времени спустя, Греція обратила вниманіе Европы на себя безпорядками, какіе въ ней случаются очень часто и которые доказываютъ, сколько еще остается дѣла для внутренняго устройства страны. Довольно большое общество англичанъ путешественниковъ осматривало 11 апрѣля 1870 года Мараѳонское поле битвы; на нихъ напала шайка разбойниковъ и взяла ихъ въ плѣнъ; это случилось на разстояніи одного дня пути отъ столицы. Шайка разбойниковъ, гордая своей силой, начала вести переговоры съ слабымъ греческимъ правительствомъ и съ англійскимъ посольствомъ о выкупѣ плѣнныхъ: назначенная сумма была внесена безъ всякихъ затрудненій. Однако разбойники этимъ не удовольствовались, кромѣ денегъ они еще потребовали амнистіи. Но даже греческое правительство не могло рѣшиться на такую уступку. Правительство послало войско для поимки шайки, при этомъ случилось то, чего ожидать слѣдовало: разбойники, раздраженные неудачей, умертвили всѣхъ плѣнныхъ и пытались бѣжать. Происшествіе это возбудило общее негодованіе въ Англіи; злоба была тѣмъ ожесточеннѣе, что она была безсильная при этомъ ужасномъ непоправимомъ происшествіи; шестеро изъ шайки были пойманы и казнены, а министерство Займиса подало въ отставку. Англія потребовала значительной суммы денегъ, какъ вознагражденіе для родственниковъ и наслѣдниковъ умерщвленныхъ; въ декабрѣ окончилось слѣдствіе, производившееся подъ англійскимъ надзоромъ; 63 человѣка, виновность которыхъ была доказана, преданы были суду присяжныхъ, остальные освобождены; виновные, принадлежавшіе къ высшимъ сословіямъ, не были повѣшены.

4. Бельгія и Голландія, Скандинавія и Швейцарія.

Война 1866 года и ея послѣдствія не имѣли непосредственнаго вліянія ни на Бельгію и Голландію, ни на группу Скандинавскихъ государствъ, ни на Швейцарію; если же исходъ войны и имѣлъ какое бы то ни было значеніе для этихъ государствъ, то оно было благопріятное и полезное. Неудовлетворительное, непроч-

ное состояніе Германіи всегда могло служить приманкою для честолюбія иноземныхъ завоевателей и слѣдовательно всегда могло повести за собою войну, во всѣхъ отношеніяхъ опасную для общаго спокойствія государствъ Европы. Слабость Германіи съ одной стороны, Италіи съ другой, могла объяснить могущество временъ Наполеона; безъ этой слабости никогда Наполеонъ I не могъ бы достигнуть той высоты, на какую его поставилъ его военный геній и безсиліе противниковъ; начиная съ 1815 до 1848 года, опять-таки слабость Германіи и Италіи были источниками смутъ и безпокойствъ, что естественно обусловливается ихъ центральнымъ положеніемъ, вліявшимъ на всѣ сосѣдственныя государства. Очень понятно, что второстепенныя государства, обязанныя своимъ независимымъ существованіемъ не столько собственно своимъ силамъ, сколько дарованнымъ правамъ, вытекающимъ изъ условій европейскаго равновѣсія, всякій разъ, однакожь, чувствуютъ неудобство своего положенія и нѣкоторое безпокойство, когда происходитъ какое либо потрясеніе въ общемъ строѣ государственныхъ международныхъ отношеній, при чемъ ихъ собственное существованіе подвергается опасности и можетъ окончательно рухнуть.

Такого рода опасенія больше всего колебали Голландію при видѣ быстро разростающагося и все поглощающаго честолюбія Пруссіи; она опасалась, какъ бы очередь не дошла и до нея, между тѣмъ какъ подобнаго рода мысль никогда не могла и не должна была придти въ голову ни одному здравомыслящему человѣку. Какъ бы то ни было, но Голландія начала дѣлать военныя приготовленія, издала новый законъ о наборѣ и прибѣгала къ тому подобнымъ полумѣрамъ; но гораздо непростительнѣе была ея сдѣлка, предпринятая изъ нечистыхъ побужденій, но о ней мы поговоримъ въ своемъ мѣстѣ. Опасенія Голландіи могли быть оправданы только тѣмъ, что она боялась какъ нибудь впутаться въ предпріятія своей близкой сосѣдки Бельгіи; тѣмъ болѣе, что о ея предположеніяхъ носились неясные слухи и они могли оправдаться.

Для Бельгіи основаніе крѣпко-сплоченнаго здороваго и сильнаго сѣверо-германскаго государства не представляло ничего, кромѣ выгодъ; но и на это государство энергическая и эгоистическая манера Пруссіи производила сильное впечатлѣніе страха и оно не скоро могло разсѣять его. Та роль, какую политика Франція играла во время междоусобной борьбы Германіи и Пруссіи, на столько отличалась отъ наполеоновской политики, въ какую привыкли вѣрить, что подозрѣвали глубокомысленные политическіе замыслы и планы въ томъ, что просто-на-просто зависѣло отъ недостатка энергіи и отъ неяснаго пониманія положенія дѣлъ; вотъ почему Наполеонъ и его министры не съумѣли воспользоваться благопріятной минутой. Но еще менѣе тотъ и другіе знали, въ какомъ положеніи находится собственное войско, а именно: французское войско, во всѣ времена признаваемое превосходнымъ и окруженное сіяніемъ непобѣдимости, не было приготовлено къ столкновенію съ войскомъ, строго дисциплинированнымъ, не приготовлено даже къ серьезнымъ демонстраціямъ, въ отношеніи къ народу, котораго нельзя запугать громкими заявленіями и выходками. Но у Бельгіи были важныя причины быть на сторожѣ. Точка зрѣнія Франціи была такова: ей, Франціи, слѣдуетъ поземельное вознагражденіе за то, что Пруссія увеличила свои владѣнія, и за то, что Германія, составивъ новый союзъ, крѣпче сплотила свои части; это воззрѣніе таило очень опасныя стороны для Бельгіи. Если Рейнъ сдѣлать естественною границей Франціи, о чемъ она мечтала, тогда Бельгія неминуемо включалась въ уступленную область; если же, съ другой стороны, Пруссіи и Германіи не заблагоразсудится отдавать собственныхъ владѣній Франціи, тогда чтобы избѣжать этой необходимости, лучше всего расплатиться съ Франціей чужою территоріей: такъ разсуждали люди опасливые, и новое положеніе дѣлъ въ Германіи пробудило здѣсь опасенія, вслѣдъ за которыми пошла реформа военная; съ этою цѣлью въ маѣ 1867 года значительнымъ большинствомъ голосовъ палата открыла правительству кредитъ въ 60 милліоновъ франковъ; въ апрѣлѣ 1868 года за тѣмъ ежегодный призывъ очередныхъ съ 10,000 чел. возвышенъ былъ на 12,000 челов. и срокъ службы находящихся на лицо увеличенъ на 29 или 30 мѣсяцевъ.

Годъ этотъ окончился печально, потому что наслѣдникъ престола, еще отрокъ, заболѣлъ и скончался въ январѣ слѣдующаго года. Наслѣдникомъ престола вслѣдствіе этого назначенъ былъ братъ короля, графъ Брандрскій. Одна изъ

французскихъ газетъ нашла очень удобнымъ для Франціи воспользоваться этимъ благопріятнымъ временемъ, чтобы присоединить Бельгію къ Франціи; большая опасность для самостоятельности Бельгіи заключалась въ томъ, что французская восточная линія желѣзныхъ дорогъ предложила заключить договоръ съ голландскими и бельгійскими линіями, и что управленія ихъ сольются съ управленіемъ восточной, и государственная гарантія, которою пользуется восточная французская линія, распространится и на бельгійскую и голландскую. Либеральное министерство, во главѣ котораго, съ конца 1867 года, вмѣсто Рожье, стоялъ Фреръ-Орбанъ, внушило желѣзнодорожнымъ обществамъ, что они не должны давать согласія на упомянутое нами соглашеніе; вслѣдствіе чего они и не замедлили представить палатѣ проектъ закона, въ 1 § котораго говорилось: «общества желѣзныхъ дорогъ могутъ только съ согласія правительства передавать уступленныя имъ линіи.» Проектъ закона былъ принятъ въ палатѣ депутатовъ большинствомъ 61 голоса противъ 16, а въ сенатѣ большинствомъ 36 голосовъ противъ 7; рѣчь, по этому поводу произнесенная Фреръ-Орбаномъ, 20 февраля въ сенатѣ, изложила выгоды и невыгоды этого закона съ простотою и достоинствомъ, соединенными съ свѣтлымъ и глубоко-наблюдательнымъ взглядомъ государственнаго человѣка. Французская пресса зашумѣла, бонапартистскіе крикуны, подобные Гарнье и Касаньяку, негодовали, видя, что ихъ хитрослетенные планы разгаданы въ Брюсселѣ; французское правительство по этому случаю показало, что оно осталось недовольно этимъ рѣшеніемъ. Между парижскимъ и брюссельскимъ кабинетами началась оживленная переписка; въ апрѣлѣ бельгійскій государственный человѣкъ лично пріѣхалъ въ Парижъ, съ тѣмъ, чтобы вести переговоры. Они окончились тѣмъ, что для управленія назначена была смѣшанная комиссія, безъ политическаго характера; такимъ образомъ собиравшаяся грозовая туча мало-по-малу рѣдѣла и разсѣялась; но совсѣмъ переговоры эти окончились очень жидкимъ протоколомъ отъ 10 іюня 1869 года; въ немъ не было ничего важнаго, только нѣкоторыя облегченія для торговыхъ сношеній между Бельгіей, Нидерландами и Франціей.

Этотъ успѣхъ, однакожь, не улучшилъ положенія либераловъ. 14 іюня 1870 года, при дополнительныхъ выборахъ во вторую палату, они потерпѣли чувствительное пораженіе: избраны были члены изъ противной имъ партіи, такъ что на 63 клерикаловъ пришлось только 61 изъ либеральной партіи. При такомъ положеніи дѣлъ Фреръ-Орбанъ подалъ, 17-го, просьбу объ увольненіи, 25-го іюня король Леопольдъ II поручилъ клерикалу, барону д'Анетону, составить новое министерство. Положеніе дѣлъ въ роковое время приняло такой оборотъ; клерикальному министерству суждено было управлять государствомъ въ самое опасное критическое время волненій, какого еще не испытывала Бельгія въ теченіе своего 40 лѣтняго существованія.

Дѣла съ Скандинавскимъ сѣверомъ были улажены еще до событій 1866 года; въ сущности отъ этихъ государствъ зависѣло, въ какія отношенія, въ хорошія или дурныя, они поставятъ себя относительно возраждающейся и укрѣпляющейся Германіи.

Швеція и Норвегія успокоились послѣ окончательнаго рѣшенія 1864 года. 1 сентября 1866 года въ Швеціи въ первый разъ производились выборы по новымъ избирательнымъ законамъ. Король думалъ, что примѣръ Германіи можетъ содѣйствовать его планамъ реорганизаціи войска: но онъ не нашелъ сочувствія въ сеймѣ. Дважды правительство предлагало законъ объ общей повинности, и дважды члены тинга его отсрочивали; января 23 въ 1869 году его въ третій разъ предложили на разсмотрѣніе. Но здѣсь не сочувствовали общей повинности, составлявшей основаніе реформъ военнаго законодательства; такое сопротивленіе было очень понятно: никто, ни съ какой стороны не угрожалъ полуострову; для государства малолюднаго и небогатаго общая повинность была слишкомъ дорогою роскошью, безъ которой обойтись можно. Скандинавскій полуостровъ, напротивъ, долженъ былъ всѣ народныя силы устремлять на внутреннюю промышленную и сельскохозяйственную дѣятельность, не отвлекая силъ для составленія войска, въ которомъ непосредственной надобности не было; въ апрѣлѣ проектъ военной реформы въ третій разъ былъ отвергнутъ. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи скандинавскіе народы не шли на ряду съ своими германскими соплеменниками и съ прогрессивными требованіями столѣтія. Но и въ другомъ

отношеніи Скандинавскій полуостровъ отсталъ отъ столѣтія; но тутъ нельзя было найти извиненія ни въ исключительномъ, ни въ географическомъ положеніи страны; Швеція выказала религіозную нетерпимость, которая походила на нетерпимость Испаніи и Тироля. Застывшее на сѣверномъ холоду лютеранство Швеціи съ ревностью хранило свои принципы и всѣми силами противилось наплыву болѣе распространенныхъ взглядовъ на религіозное ученіе; однако со времени введенія новой избирательной системы и въ умахъ произошла болѣе оживленная дѣятельность. Въ февралѣ 1870 года сдѣланъ былъ первый замѣтный шагъ къ вѣротерпимости: законодательная комиссія предложила предоставить христіанскимъ диссидентамъ и евреямъ право избирательнаго голоса и право занимать государственныя должности, и проектъ былъ принятъ обѣими палатами. Отношенія Швеціи къ Норвегіи въ существенныхъ чертахъ не измѣнились: предложенный правительствомъ соединительный актъ для Швеціи и Норвегіи не былъ принятъ; но между обоими государствами установилась свобода жительства, т. е. свобода по произволу селиться тутъ или тамъ и свобода промышленности и ремеслъ; эти льготы служили къ тѣснѣйшему сближенію шведовъ съ норвежцами.

Данія съ напряженнымъ вниманіемъ и не безъ злобной радости слѣдила за дѣлами Германіи, за возгорѣвшейся изъ-за добычи войною между ея побѣдителями; но какой бы ни былъ конецъ этой войны, для Даніи она не могла принести выгодъ: Шлезвигъ былъ разъ навсегда для нея потерянъ. Вслѣдствіе вмѣшательства императора французовъ, въ пражскомъ мирномъ договорѣ помѣщена была одна статья въ пользу Даніи; по этой статьѣ, сѣверныя области Шлезвига должны быть возвращены Даніи, если ихъ народонаселеніе, посредствомъ общей подачи голосовъ, выразитъ желаніе, чтобы это было сдѣлано: по смыслу этой прибавки видно, какъ мало вѣса придавали ей. Прибѣгать къ плебисциту не было ни малѣйшей надобности, потому что настроеніе народа и желанія его были хорошо извѣстны; къ тому же форма, въ какой эта статья была выражена, не давала никакого непосредственнаго права Даніи и еще менѣе Франціи, но только подтверждала права Австріи, не имѣвшей непосредственнаго интереса въ томъ, чтобы настаивать на этой статьѣ. По этой причинѣ статья эта осталась не исполненною. Въ 1868 году Пруссія предложила Даніи уступить ей сѣверныя области Шлезвига до залива Гіеннера, требовала только особыхъ правъ и привиллегій для нѣмцевъ, живущихъ въ этихъ округахъ; но такъ какъ права эти клонились къ ограниченію верховныхъ правъ Даніи, то ей было невозможно согласиться на это предложеніе и принять уступаемую область. Переговоры шли, но не подвигались; виною такого неуспѣшнаго дѣла, безъ сомнѣнія, была Пруссія, а вмѣстѣ съ нею и вся остальная Германія; даже самые озлобленные журналы южной Германіи, въ этомъ случаѣ, не нашли возможности упрекать графа Бисмарка. Казалось, что онъ въ этомъ случаѣ показывалъ особенное наслажденіе, что можетъ фактически доказать Франціи, какъ мало вѣса онъ придаетъ ея посредничеству въ дѣлахъ Даніи и какъ мало торопится выполнять извѣстную статью. Была ли это истинная, честная, справедливая политика—оставимъ въ сторонѣ; для Даніи сдѣланная уступка не имѣла политическаго интереса, но интересъ гуманный, интересъ чувства: она всѣ свои надежды полагала на разногласіи, которое все сильнѣе и сильнѣе выступало между стремленіями новой Германіи и Франціи. Ноября 12 въ 1866 году датскій рейхсратъ былъ открытъ, согласно соединенному новому законодательству; первый проектъ закона, ему предложенный, заключалъ въ себѣ измѣненія организаціи войска на основаніяхъ общей военной повинности; въ іюлѣ 1867 года проектъ былъ принятъ обоими тингами. Напротивъ того, финансовый законъ, на которомъ основывались надежды на улучшенія, былъ отвергнутъ. Въ ноябрѣ того же года, начались переговоры съ Сѣверо-американскими Соединенными Штатами о продажѣ имъ трехъ вестъ-индскихъ острововъ, принадлежащихъ Даніи. И здѣсь не удержались отъ того, чтобы не пустить въ дѣло плебисцита: но онъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на неохотныхъ покупщиковъ. Вашингтонскій сенатъ отказался утвердить заключенный договоръ, и Данія принуждена была остаться при своихъ невыгодныхъ островахъ.

На Швейцарію перемѣны, происшедшія въ Германіи, не произвели ни

какого вліянія. Союзъ, однакожь, воспользовался нравоученіемъ, какое можно было почерпнуть изъ этой войны—онъ началъ заводить оружіе по новой системѣ, и сеймъ началъ думать о введеніи общей воинской повинности. Толковали о необходимости составить союзъ нейтральныхъ государствъ: Швейцаріи, Бельгіи и Голландіи съ Франціей; но вскорѣ поняли, что нейтралитетъ конфедераціи швейцарской всю свою силу и безопасность почерпаетъ изъ своихъ внутреннихъ учрежденій и все ея могущество въ ней самой. Во всемъ остальномъ правительственныя сношенія ея съ новой Германіей были въ удовлетворительномъ положеніи: торговый и таможенный союзъ былъ заключенъ, въ 1869 году, съ германскимъ цолльферейномъ; когда же поднялся вопросъ о великой альпійской желѣзной дорогѣ — Лукманской, Шплюгенской и Сенъ-готтардской — мнѣніе, что ее надобно вести черезъ Сенъ-Готтардъ взяло перевѣсъ; рѣшеніе это согласно было съ желаніемъ и съ рѣшеніемъ правительствъ сѣверо-германскаго союза, Бадена и Италіи. Эти государства взялись распространить акціи, для приведенія въ исполненіе этого великаго предпріятія, одинаково полезнаго для всего образованнаго міра.

Нейтральная почва Швейцаріи была избрана интернаціональною мирною лигою и комитетомъ свободы для своихъ конференцій, но при этихъ засѣданіяхъ мирныхъ не всегда оканчивалось миролюбиво; всегда можно было насчитать нѣсколько горячихъ и неосмотрительныхъ мечтателей, которые ораторствовали противъ существующаго порядка вещей, безъ сомнѣнія, нигдѣ не совершеннаго, но который все-таки неизмѣримо лучше всякаго волненія и анархіи. Въ сентябрѣ 1867 г. въ Женевѣ собраніе было особенно бурное, и Гарибальди предложилъ резолюцію: «объявить отрѣшеніе папы и то, что конгресъ принимаетъ чистое христіанское вѣроисповѣданіе.» То же самое повторилось на слѣдующій годъ въ Бернѣ, гдѣ хлопотали объ устройствѣ демократически организованнаго союза европейскихъ штатовъ, вполнѣ измѣнившаго систему экономіи государственной и протестовавшаго противъ огромнаго числа готоваго и вооруженнаго войска и т. п. учрежденій.

Въ отдѣльныхъ кантонахъ кипѣла, около этого времени, оживленная законодательная и конституціонная дѣятельность; въ тоже время срочнымъ дѣломъ былъ пересмотръ федеральнаго законодательства: 2 іюня 1870 года союзный совѣтъ предложилъ на разсмотрѣніе проекты реформъ, потерявшіе для Европы свою занимательность, въ виду великихъ событій, всколыхнувшихъ всю европейскую жизнь и коснувшихся и Швейцаріи.

С. ЕВРОПЕЙСКІЯ ГОСУДАРСТВА.

ВТОРАЯ ГРУППА.

Отъ 1866 до 1870 года.

1. Австрія.

Мы теперь займемся государствами, непосредственно принимавшими участіе въ событіяхъ 1866 года и ближайшаго къ этой эпохѣ времени и подвергнутыми перемѣнамъ, отъ того происшедшимъ; мы говоримъ объ Австріи, Италіи, Германіи и Франціи.

Въ общежитіи существуетъ не совсѣмъ удачное сравненіе между войною и грозою, очищающею воздухъ; этого сравненія, безъ сомнѣнія, нельзя примѣнить ко всякаго рода войнѣ; но сравненіе это никогда не было употреблено такъ кстати, какъ въ войнѣ 1866 года, къ войнѣ, которую сплошь и рядомъ политическіе ораторы называютъ святотатственною, вызванною прихотью и честолюбіемъ одного человѣка, тогда какъ по справедливости можно бы назвать ее благодѣтельною; дѣлать нечего, если на землѣ все такъ устроено, что люди и народы не могутъ согласиться и начать жизнь мирную на новыхъ началахъ безъ того, чтобы сперва не пролить потоковъ крови; на эту войну приходится смотрѣть съ болѣе благопріятной точки зрѣнія и даже прпчислить ее не къ самымъ кровопролитнымъ изъ большихъ войнъ, потому что она была самая непродолжительная и слѣдовательно потери въ ней понесенныя—меньше.

По мнѣнію многихъ, благодѣтельнѣе всего эта война была для побѣжденной Австріи. Ея положеніе можно сравнить съ старинпымъ разсказомъ объ одномъ средневѣковомъ рыцарѣ: это былъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошій, счастливый, сильный, отлично сложенный, но у него былъ одинъ великій недостатокъ: у него на шеѣ развился неимовѣрной величины зобъ, вполнѣ безобразившій его. Рыцарь не могъ выносить мысли, что составляетъ предметъ ужаса и отвращенія для людей близкихъ, жарко любимыхъ имъ; онъ рѣшился отправиться на востокъ, чтобы найти себѣ конецъ въ битвѣ съ сарацинами, но хочетъ продать свою жизнь какъ можно дороже и самой смертью принести пользу. Онъ бьется славно, одна побѣда идетъ за другою, но вотъ, въ одномъ изъ сраженій, случай сводитъ его съ такимъ же храбрымъ и искуснымъ противникомъ, какъ онъ самъ; начинается единоборство, противникъ наноситъ рыцарю страшный ударъ, отъ котораго тотъ падаетъ на землю. Онъ чувствуетъ, что рана смертельная, но черезъ нѣсколько времени просыпается отъ обморока и видитъ, что вражескій мечъ однимъ ударомъ отдѣлилъ отъ шеи тягостный наростъ безобразившій его и отнимавшій у него возможность свободно дышать и радоваться жизни. Рана зажила, и рыцарь, довольный, счастливый и здоровый, возвратился на родину.

Съ этимъ рыцаремъ хотѣлось бы сравнить Австрію. Съ незапамятныхъ вре-

менъ она тратила всѣ свои жизненныя силы на то, чтобы уладить свои потребности съ трехъ различныхъ сторонъ, и въ безполезной борьбѣ становилась въ тягость себѣ и своимъ ближайшимъ сосѣдямъ: Италію старалась она удержать за собою оружіемъ и жестокостью, на Германію пыталась имѣть законодательное вліяніе всѣми низкими уловками дипломатическихъ хитростей и интригъ; въ гоньбѣ за этими мечтательными выгодами Австрія упускала изъ виду свои существенные интересы, отъ которыхъ зависитъ самое существованіе и сила ея; ей надобно было подумать о рѣшеніи задачъ внутренняго устройства и упрочить слитіе своихъ частей; заняться своими подданными, а не чужими. Отъ безполезной и тяжкой заботы о своихъ отношеніяхъ къ Италіи и Германіи, Австрію освободило пораженіе при Садовѣ: тутъ утрачены были если не матеріальныя, пергаментами и печатями утвержденныя права на Италію и Германію, то гораздо важнѣйшія—нравственныя права. Обновленіе Австріи сдѣлалось возможнымъ; объ этомъ обновленіи до сихъ поръ много писали, много толковали, но еще ничего осязательнаго не было сдѣлано: надобно сгладить неровности и несогласія; надобно исправить поврежденія, всегда существующія, если подъ одною кровлею живутъ многія племена, многіе народы; это работа трудная, кропотливая и запутанная, но если на ней сосредоточить все вниманіе, если ею исключительно заняться, то она становится возможною. И Австрія принялась за эту работу: историкъ уже теперь съ удовольствіемъ и живѣйшимъ сочувствіемъ слѣдитъ за успѣхами, какіе австрійская администрація и законодательство дѣлаютъ на славномъ пути прогресса, теперь передъ ней открытомъ и служащемъ благотворнымъ поприщемъ для ея государственной дѣятельности.

Нѣкоторое время послѣ окончанія войны употреблено было на то, чтобы дознаться, кто собственно былъ виною понесенныхъ пораженій. Помощники Бенедека Крисманикъ и Геникштейнъ, какъ мы говорили выше, были уволены еще до дня рѣшительной битвы; противъ Бенедека, также какъ противъ Кламъ-Галласа, начался процессъ; ихъ судили за неудачныя битвы: за Кламъ-Галласа говорили его прежнія заслуги и старинный дворянскій родъ; императорскій приказъ признавалъ его вполнѣ невиннымъ; процессъ Бенедека не былъ доведенъ до конца: въ одной статьѣ вѣнской правительственной газеты, очень убѣдительно доказывалось, что у Бенедека не было недостатка ни въ желаніи, ни въ внимательности, но у него недоставало способностей геніальнаго полководца, «чего отъ обыкновенныхъ людей нельзя требовать и что встрѣчается очень рѣдко»; на свѣтѣ нѣтъ законодательства, которое судило и осуждало бы за недостатокъ высшихъ дарованій; затѣмъ многія правительства, въ томъ числѣ и австрійское, должны радоваться, что такихъ законовъ нѣтъ. Общественное мнѣніе негодовало не за одно проигранное сраженіе, а за цѣлый рядъ ихъ и очень справедливо, обвиняло не одного человѣка, а цѣлую систему управленія. Спрашивается: съумѣло-ли бы конституціонное министерство лучше этого вести дѣло? Тутъ случилось такъ, что министры были тѣже самые, которые отмѣнили февральскую конституцію, такъ плохо вели управленіе и такими плохими совѣтами надѣляли императора Франца-Іосифа; послѣ отмѣны конституціи они даже не приблизились къ своей предположенной цѣли: они ни на волосъ не сблизили отдѣльныхъ государствъ, составлявшихъ австрійскую имперію. Еще не дожидаясь отступленія пруссаковъ изъ-подъ Вѣны, городской общественный совѣтъ подалъ императору адресъ, въ которомъ говорилось о несообразности существующей системы правленія и о неспособности его представителей. Но, несмотря на накипѣвшее неудовольствіе, немедленно крутыми мѣрами не рѣшились и нельзя было произвести переворота. Предложено было, для общаго соглашенія, собрать всѣ отдѣльные сеймы къ ноябрю: никто не могъ догадаться, какимъ образомъ руководящій министръ Белькреди будетъ при этомъ поступать. Сеймы собрались, на нихъ говорили горячо: «мы не хотимъ, воскликнулъ одинъ изъ ораторовъ одного изъ нижне-австрійскихъ сеймовъ,—«мы не хотимъ, чтобы династія Габсбургскаго дома окончилась съ Рудольфомъ-Дитятей»; національности не примирились, не сгладились, но напротивъ, сдѣлались требовательнѣе, тѣмъ болѣе, что имперія въ послѣднюю войну выказала свое безсиліе. Перемѣна однакожъ все-таки произошла: 30 октября въ составъ австрійскаго министерства вступилъ быв-

шій саксонскій министръ фонъ-Бейстъ, остававшійся въ Дрезденѣ почти безъ дѣла; объ руку съ нимъ въ управленіе вступилъ, въ качествѣ военнаго министра, храбрый, достойный всякаго уваженія, фельдмаршалъ-лейтенантъ Іопъ.

Фрейгеръ Фридрихъ-Фердинандъ фонъ Бейстъ род. 13 января 1809 года; въ теченіе послѣдующихъ пяти лѣтъ онъ игралъ очень видную роль на сценѣ политической дѣятельности, но при этомъ оказалось, что онъ вовсе не тотъ великій государственный человѣкъ, за котораго его выдали и какимъ считалъ себя самъ; однакожь, при рѣшеніи ближайшихъ вопросовъ, такъ необходимыхъ для жизни государства, потрясеннаго послѣдними событіями, онъ все-таки выказалъ умѣнье и осмотрительность. Положеніе его было очень благопріятное и исключительное: какъ иностранецъ онъ не былъ замѣшанъ и оплетенъ вліяніемъ придворной интриги и не подчинялся вліянію аристократическихъ кружковъ; кромѣ того его не охватилъ водоворотъ законодательныхъ требованій и запутанностей со всѣми ихъ придатками: поэтому онъ могъ дѣла и отношенія взвѣшивать съ должнымъ хладнокровіемъ и безпристрастіемъ; это былъ человѣкъ, способный приноравливаться ко всякому положенію; въ какое былъ поставленъ, и будучи постоянно самодовольнымъ, мирился со всякою ролью и не смотрѣлъ на вещи съ трагической точки зрѣнія; съ необыкновенно яснымъ взглядомъ на вещи, онъ соединялъ большое искусство стиля и мѣткость выраженій, чрезвычайную оборотливость рѣчи и находчивость, рѣдкую способность примирителя и посредника, умѣнье убѣждать, что во время примирительной политики послѣдняго времени принесло не мало пользы. Въ первой изъ своихъ депешъ, отъ 2 ноября, онъ, по своему обыкновенію, постоянно выставлялъ себя на первый планъ, способъ дѣйствія, нисколько непохожій на способъ прусскаго министра; въ этой депешѣ онъ говорилъ, что съ той минуты, какъ австрійскій императоръ почтилъ его своею довѣренностію, онъ сдѣлался настоящимъ австрійцемъ и отказывается отъ своего политическаго прошедшаго: впослѣдствіи онъ доказалъ, что не имѣетъ болѣе претензіи даже на названіе нѣмца.

Положеніе дѣлъ очень ясно и опредѣленно указывало ему, какимъ путемъ идти. Централизація для австрійской имперіи оказалась вполнѣ невозможною; съ другой стороны федерализмъ равнялся бы окончательному распаденію государства: такого рода стремленія не могли бы найти въ Австріи границы; здѣсь каждая коронная часть государства вела за собою два, три подчиненныхъ себѣ частныхъ владѣнія съ собственными національными претензіями. Послѣ этого, ясно, оставалось прибѣгнуть къ единственно возможной формѣ совмѣстнаго существованія — къ дуализму, т. е. раздѣленію государства на двѣ части, на восточную, въ которой преобладали бы мадьяры, и западную, въ которой преобладали бы нѣмцы; поэтому два преобладающія въ Австріи племени тѣмъ или другимъ способомъ, но принуждены были согласиться между собою: на долю остальныхъ національностей оставались обѣщанія, цвѣтныя побрякушки, блестки, кажущіяся уступки. Чтобы все это осуществить, было довольно много работы для человѣка умѣющаго и способнаго сглаживать неровности и углы.

Прежде всего надобно было примирить и успокоить нетерпѣливую Венгрію, эту вторую половину государственнаго дуализма. Ноября 19 происходило открытіе всѣхъ частныхъ сеймовъ, исключая трансильванскаго; императорскій рескриптъ объяснилъ венгерскому сейму главныя точки зрѣнія правительства для того, чтобы извѣстно было, на рѣшеніе какихъ вопросовъ и стремленій должно быть обращено неключительное вниманіе сейма. «Государство стоитъ на той точкѣ, когда всѣ желанія могутъ быть исполнены,» было сказано въ рескриптѣ; въ немъ предлагалось учредить отвѣтственное министерство въ Венгріи; возстановить муниципальное самоуправленіе страны; сохранить единство имперскаго войска, единство пошлины, одинаковые косвенные налоги; касательно государственнаго долга и финансовъ предполагалось войти въ соглашеніе. Между собственной Австріей, т. е. эрцгерцогствомъ Австрійскимъ и Венгріею протекаетъ рѣчка Лейта; ее приняли, какъ пограничную черту при обозначеніи обѣихъ половинъ государства, такъ что все, находящееся по сю сторону Лейты, называется Цислейтаніей, а по ту—Трансслейтаніей. Систему отвѣтственныхъ министровъ предполагалось ввести также и въ Цислейтаніи, что сдѣлалось неизбѣжной необходимостью. Въ

декабрѣ того же года фонъ Бейстъ самъ прибылъ въ Пештъ, чтобы обо всемъ условиться съ вождями венгерской партіи. Еще до того времени, какъ Бейстъ вступилъ въ управленіе, слѣдовательно раньше, чѣмъ положено было начало примиренія, въ Вѣнѣ, слѣдуя своимъ обычаямъ дѣлать все не во время, поторопились предписать немедленно начать соображенія о всеобщей военной повинности и утвердить эту мѣру; но съ Венгріей еще не было полнаго примиренія, поэтому тамъ немедленно отвергнута была предложенная несвоевременная мѣра, какъ неисполнимая.

На обсужденіе прочихъ отдѣльныхъ сеймовъ предлагались мѣры второстепенныя и, согласно съ большинствомъ голосовъ депутатовъ, смотря по обстоятельствамъ и потребностямъ края, подаваемы были адресы, излагавшіе ближайшія нужды края. Такъ, напримѣръ нижне-австрійскій ландтагъ 28 ноября въ очень сильныхъ и рѣзкихъ выраженіяхъ порицалъ задерживающую политику, бывшую первою причиною возрастающаго разъединенія Австріи, духа недовольства и пессимизма, преобладающаго въ народѣ, исключенія изъ германскаго союза и возрастающаго разстройства финансовъ; чтобы спасти Австрію, указывался только одинъ способъ: по возможности скоро примириться съ Венгріей, какъ можно скорѣе возстановить конституціонный образъ правленія, со всѣми предполагавшимися формами; адресъ заканчивался просьбою: собрать рейхсратъ на законномъ конституціонномъ основаніи. Въ такомъ же смыслѣ и съ такимъ же охужденіемъ «бездѣйствія и недостатка опытности коронныхъ совѣтниковъ» выразилось большинство адресовъ остальныхъ частныхъ сеймовъ; а именно: верхне-австрійскаго, зальцбургскаго, штирійскаго, буковинскаго и каринтійскаго; въ Крайнѣ, гдѣ словаки никакъ не могли примириться и согласить своихъ требованій и мнѣній съ нѣмцами, вовсе никакого адреса не состоялось, а въ Моравіи, гдѣ чехи и нѣмцы каждые тянули на свою сторону, только коекакъ могли составить безцвѣтный адресъ, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ; въ Тиролѣ либеральная партія съ трудомъ воспрепятствовала, чтобы не подали адреса, съ выраженнымъ нежеланіемъ конституціонной формы и связанной съ нею свободы вѣроисповѣданія, что не могло быть непріятно клерикальной партіи и ея приверженцамъ. Въ Богеміи, напротивъ, большинство было на сторонѣ чеховъ, и проектъ адреса составленъ былъ въ федеральномъ смыслѣ; то же самое повторилось въ Галиціи, гдѣ преобладалъ польскій элементъ; здѣсь конституціонная партія взяла перевѣсъ; на ея сторонѣ было 84 голоса противъ 40 голосовъ.

Первая и рѣшительная побѣда конституціонной партіи и ея приверженцевъ одержана была опять въ февралѣ 1867 года. Министры, не хотѣвшіе оставить своихъ должностей, уговорили императора патентомъ 2 января 1867 года назначить ихъ членами чрезвычайнаго рейхсрата, учреждаемаго съ цѣлью довести до конца начатые примирительные переговоры съ Венгріей: положено было открыть этотъ совѣтъ въ Вѣнѣ 25 февраля. Нѣсколько сеймовъ было распущено и приказано приступить къ новымъ выборамъ, а вновь открытымъ собраніямъ немедленно изъ своей среды избрать депутата въ этотъ чрезвычайный рейхсратъ. На это можно смотрѣть какъ на новую отчанную попытку абсолютизма; но въ нѣмецкихъ частяхъ имперіи тотчасъ догадались, что спасеніе и благо имперіи зависятъ не отъ этого опыта, и всего лучшаго ожидать можно только отъ строго опредѣленнаго законодательства, или отъ возстановленія февральской конституціи; всѣ жаждали того, чтобы колебанія прекратились, чтобы наконецъ установилось что нибудь опредѣленное и всякій могъ бы спокойно, съ увѣренностью смотрѣть впередъ. Развилась очень оживленная агитація по поводу выборовъ депутатовъ въ чрезвычайный рейхсратъ и, напротивъ, все болѣе и болѣе общимъ становилось желаніе, чтобы состоялся правильный рейхсратъ на законномъ основаніи февральской конституціи; съ своей стороны графъ Белькреди обращался къ чиновникамъ, давая имъ порученіе содѣйствовать хорошимъ выборамъ, въ своемъ смыслѣ. Въ февралѣ произведены были выборы депутатовъ для отдѣльныхъ сеймовъ; въ Богеміи, Моравіи, Крайнѣ первенство осталось за славянами; въ нѣмецкомъ Тиролѣ одержала верхъ клерикальная партія, въ Галиціи — поляки, въ чисто-нѣмецкихъ земляхъ — конституціонная партія. Между

тѣмъ Бейсту удалось разъяснить императору необходимость приблизить къ себѣ и согласить требованія нѣмецкихъ бюргеровъ, на которыхъ все-таки надобно было смотрѣть, какъ на самую вѣрную и надежную опору престола и дома Габсбургскаго, и сдѣлать Вѣну центромъ этого вліянія средняго сословія; 4 февраля графъ Белькреди получилъ увольненіе, и должность министра-президента была возложена на фонъ Бейста. Чрезвычайный рейхсратъ этимъ самымъ назначеніемъ отмѣнялся; опять возвратились къ февральской конституціи и вмѣстѣ съ тѣмъ къ тѣснѣйшему рейхсрату, какъ предписывалось конституціей. Это былъ настоящій шагъ впередъ, важная побѣда, значительно облегчавшая соглашеніе въ Венгріей. Первымъ слѣдствіемъ удачныхъ переговоровъ было назначеніе отвѣтственнаго венгерскаго министерства; составленіе его поручено было графу Андраши. Когда 18-го февраля это предложеніе правительства читано было въ пештской нижней палатѣ, его встрѣтили громкими, радостными восклицаніями; 20-го были назначены остальные министры: баронъ Венкгеймъ, Эотвесъ, Лоньай, Гарватъ. Такимъ образомъ австрійско-венгерскій дуализмъ окончательно былъ установленъ.

Между тѣмъ какъ въ Венгріи упрочивалось самоуправленіе, на основаніи древняго законодательства, и устанавливались его частности, сообразно съ потребностями и духомъ времени, реформа управленія въ Цислейтаніи также шла своимъ чередомъ. Богемскій ландтагъ (сеймъ) отказывался приступить къ выбору депутатовъ въ тѣсный рейхсратъ, вслѣдствіе чего немедленно былъ распущенъ; моравскій сеймъ удовольствовался тѣмъ, что охранилъ себя отъ возстановленія февральской конституціи, однакожь предпринялъ законные выборы; тоже самое повторилось въ Крайнѣ и Тиролѣ; моравскій и краинскій сеймы были распущены, тирольскій уцѣлѣлъ, потому что это было безполезно: упрямства этого народа нельзя было переломить; въ Галиціи достаточно было пригрозить распущеніемъ сейма, чтобы принудить его приступить къ безусловнымъ выборамъ членовъ въ рейхсратъ. Остальныя страны избрали своихъ депутатовъ, но съ непзмѣннымъ условіемъ, чтобы они подали голоса въ пользу возстановленія февральской конституціи. Повсюду штатгальтерами назначены были люди, приверженные конституціонной формѣ правленія; при ихъ содѣйствіи произведены были выборы депутатовъ для сеймовъ богемскаго и моравскаго; благодаря вліянію правительства, депутатами избраны были преимущественно крупные землевладѣльцы; въ одной только Крайнѣ побѣда осталась за словаками. Выборы членовъ для рейхсрата начались при обычныхъ въ Прагѣ протестахъ чеховъ, на этотъ разъ слабѣйшей партіи; они изъ-за этого однакожь не меньше шумѣли и волновались; они носились съ разными несбыточными мечтательными планами и предположеніями. Нѣкоторымъ отвлеченіемъ для раздраженной чешской національности, послужило обстоятельство, заставившее огромное общество самыхъ горячихъ патріотовъ и предпринять путешествіе въ Москву на этнографическую выставку; тамъ они на безпрерывныхъ обѣдахъ и пирахъ нашли случай высказывать свои панславистскія мысли и надежды и пить тосты за счастливое выполненіе ихъ.

Венгерскій сеймъ, при вліяніи умѣренной партіи Деака, имѣвшей рѣшительный перевѣсъ, хотя медленно, но твердо выполнялъ свое дѣло; напрасно противилась и досадовала радикальная партія; напрасно верховный вождь ея Кошутъ написалъ 22 мая изъ Парижа письмо Деаку, исполненное очень грубыхъ, рѣзкихъ и неприличныхъ выходокъ. Между тѣмъ императоръ открылъ въ Вѣнѣ засѣданія рейхсрата. Послѣднія несчастія, происшедшія отъ грубыхъ ошибокъ правительства, придали всему положенію дѣлъ вообще очень двусмысленный характеръ и на этотъ разъ дали особенный вѣсъ голосу парламента. Надобно было ожидать адреса: послѣ трехдневныхъ преній, отъ 3 до 5 іюня, проектъ комиссіи былъ принятъ палатой депутатовъ. Въ адресѣ выражалась надежда, что окончательное соглашеніе и примиреніе съ Венгріей теперь можно легко выполнить, когда ея конституція уже возстановлена; далѣе адресъ указывалъ на необходимость пересмотрѣть и дополнить февральскую конституцію Австріи и наконецъ находилъ нужнымъ подвергнуть зрѣлому обсужденію несвоевременное предписаніе отъ 31 декабря 1866 года о всеобщей военной повинности. Съ большимъ одобреніемъ адресъ упоминалъ о предполагавшемся законѣ объ отвѣтственности министровъ, указывалъ на необходимость реформы цѣлаго законодательства

и говорилъ объ управленіи вообще въ духѣ свободы и прогресса, о необходимости пересмотрѣть конкордатъ, о томъ, чтобы всѣми силами стараться сохранять миръ, въ виду серьезнаго положенія финансовъ.

Адресъ этотъ былъ принятъ почти единодушно; противъ него были только два голоса изъ клерикальной партіи; точно въ такомъ же духѣ былъ составленъ адресъ верхней палаты, хотя написанный не такъ энергически и не такъ точно; 4 іюля обѣ палаты, по желанію императора, рѣшили отправить депутацію въ Офенъ, чтобы присутствовать при коронаціи Франца Іосифа короною венгерскихъ королей и такимъ образомъ не только завершить сближеніе и примиреніе съ Венгріей, но и окончательно возстановить ея законодательство. Послѣ того, какъ венгерскій парламентъ выдалъ подтвердительный актъ, провозглашавшій Франца Іосифа королемъ, происходило вѣнчаніе на царство, со всѣми обычными, вѣками освященными формами и торжествами. Францъ Іосифъ, въ виду представителей Венгріи, торжественно взъѣхалъ на холмъ, снесенный и насыпанный изъ земли, свезенной со всѣхъ мѣстъ и мѣстечекъ Венгріи, и, какъ установлено было, ударилъ четыре раза обнаженнымъ мечемъ по воздуху, обращаясь ко всѣмъ странамъ свѣта; кромѣ того исполнилъ всѣ прочіе, закономъ установленные обряды. Самая тяжкая жертва, какую Австрія должна была принести для того чтобы примирить съ собою мадьяръ, состояла въ томъ, что предоставили имъ верховную власть надъ нѣмцами, населявшими Трансильванію и уже положившими прочное основаніе для образованія и цивилизаціи, свойственной германскому племени: пришлось ихъ предоставить произволу высокомѣрнаго и полуобразованнаго народа, привыкшаго давать волю своему необузданному характеру; надобно замѣтить, что венгерцы, не смотря на свой парламентъ и либеральныя учрежденія, все-таки народъ, стоящій на низшей степени образованія, нежели германскіе племена и народы. Кроація не прислала депутатовъ для коронаціи короля, потому что существовало разногласіе между нею и Венгріей, несогласіе, которое требовалось устранить и уничтожить. Полная и безусловная амнистія, дарованная Венгріи, стерла послѣдніе слѣды событій 1848 года, и послѣдніе эмигранты и изгнанники могли спокойно возвратиться въ свое отечество. По старинному обычаю король, въ день коронаціи, получалъ отъ народа, въ видѣ подарка, значительную сумму денегъ; на этотъ разъ онъ принудилъ себя отказаться отъ подарка въ пользу вдовъ и сиротъ и раненныхъ, оставшихся отъ народнаго войска, гонведовъ, сражавшихся противъ него, въ 1848 и 1849 годахъ; онъ подавилъ въ себѣ воспоминаніе о томъ, что сдѣлался королемъ венгерскимъ, въ силу права побѣжденнаго—что въ теченіе 20 лѣтней непрерывной борьбы, народъ этотъ завоевалъ себѣ короля и большую часть своей конституціи.

Конституціонный духъ Венгріи дѣйствовалъ обратно на вѣнскій рейхсратъ, пробуждая и въ немъ духъ прогресса и свободы. Укрѣпленіе Вѣны, начатое безъ правильно назначенныхъ и закономъ утвержденныхъ средствъ, должно было остановиться; декабрскій законъ о реформѣ и дополненіи войска, изданный въ предъидущемъ году, долженъ былъ пройти черезъ палаты и получить ихъ утвержденіе, также и перемѣны въ законодательствѣ, потребныя послѣ умиротворенія Венгріи. Чтобы довершить это важное дѣло, составленъ былъ совѣтъ изъ представителей обѣихъ палатъ изъ каждой половины государства. Между тѣмъ какъ шли переговоры, рейхсратъ выказалъ энергическую законодательную дѣятельность. Онъ преимущественно занялся измѣненіемъ и ограниченіемъ § 13, казавшагося слишкомъ растяжимымъ и подверженнымъ перетолковываніямъ; затѣмъ постановленіемъ объ отвѣтственности министровъ, по которому, если бы параграфы законодательства были залогомъ ихъ выполненія, всѣ государства Европы должны были бы преклониться передъ этимъ образцовымъ законоположеніемъ. Рейхсратъ принужденъ былъ выслушать отчетъ министра финансовъ Бека и вникнуть въ финансовое положеніе страны; оказалось, что на 3,046 милліоновъ долга ежегодно приходилось платить 127 милліоновъ процентовъ и 24 милліона для погашенія долга; кромѣ того онъ принялъ предложеніе независимыхъ депутацій, просившихъ измѣненія или отмѣны конкордата; о томъ же подавалось безчисленное множество прошеній изъ среды народной. Это былъ очень затруднительный и опасный для разрѣшенія вопросъ; образъ мыслей Бейста былъ извѣстенъ: онъ при случаѣ, подобно мно-

гимъ государственнымъ людямъ, любилъ высказываться, и стиль Наполеона III ему нравился; такъ при удобномъ случаѣ, въ Брюннѣ, онъ сказалъ: «надѣюсь, вы не забываете, что человѣкъ, поднимающійся на крутую высоту, по временамъ останавливается, чтобы перевести духъ—и что тотъ, кто для восхожденія на гору, выбираетъ самое отлогое мѣсто, еще не теряетъ своей цѣли и достигаетъ вершины.» Епископы съ достаточною рѣшимостью встрѣтили и частію предупредили нападеніе: въ Венгріи конкордатъ, со всѣмъ остальнымъ возникшимъ во время неурядицъ и волненій, самъ собою потерялъ силу; но въ другой половинѣ государства духовенство еще пользовалось полною властью; въ Вѣнѣ собралось до 25 епископовъ; они составили адресъ прямо на имя императора; въ немъ просили свято сохранять конкордатъ, выставляя съ обычнымъ краснорѣчіемъ и доводами всѣ права римской куріи и ея представителей, прибавляя, что неудовольствіе конкордатомъ внушено ненавистью къ христіанству вообще; напротивъ того, они, епископы, защищая его, защищаютъ права Божіи, права престола и народа. Императоръ нашелся вынужденнымъ удержать ихъ порывы и остановить ихъ; гордый и запосчивый языкъ раздражилъ оппозицію, особенно усилившуюся въ городскомъ народонаселеніи и излившую свое негодованіе въ потокѣ адресовъ противъ конкордата. Однакожъ, рейхсратъ сразу не согласился, по предложенію депутата Мюльфельда, отмѣнить конкордатъ, но началъ вести съ нимъ борьбу шагъ за шагомъ, начиная съ учрежденія законной формы гражданскаго брака, школьнаго преобразованія и т. п. Можетъ быть надѣялись, что раздраженное противорѣчіемъ духовенство само приготовитъ для себя гибель.

Но вообще двойная задача текущаго года, возстановленіе и пополненіе февральской конституціи и окончательное соглашеніе всѣхъ недоразумѣній съ Венгріей—была доведена до счастливаго конца. Еще до окончанія года, 21 декабря императоръ утвердилъ государственные коренные законы; они дополняли и объясняли, на либеральныхъ началахъ, февральскую конституцію: представительное правленіе, равныя гражданскія права для всѣхъ подданныхъ государства, учрежденіе верховнаго государственнаго суда, выполненіе административной и исполнительной власти и постановленія касательно всѣхъ потребностей и дѣлъ областей и странъ, входящихъ въ составъ австрійской имперіи; около того же времени долгіе и трудные совѣщанія и переговоры, касательно соглашенія съ Венгріей, доведены были до конца и выражены въ формѣ опредѣленныхъ законовъ. Въ финансовомъ отношеніи это соглашеніе было чрезвычайно выгодно для Венгріи. Изъ общаго государственнаго долга на долю западной части досталось 25 милліоновъ и кромѣ того 70%, на долю Венгріи 30%; въ томъ же отношеніи были и общіе расходы государственные. Дѣла, рѣшаемыя сообща обѣими половинами государства, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ независимыми другъ отъ друга, заключались въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ остальными государствами Европы, войнѣ и въ нѣкоторомъ отношеніи въ финансахъ; для этихъ трехъ соприкосновенныхъ отдѣловъ управленія были назначены три министра сообща для обоихъ государствъ, 24 декабря—министромъ иностранныхъ дѣлъ—государственный канцлеръ фонъ-Бейстъ, военнымъ министромъ—Іонъ, министромъ финансовъ—фонъ-Беке; четыре парламентскія корпораціи обѣихъ половинъ государства назначили: Венгрія 40 депутатовъ и Австрія 40; эти депутаціи должны были собираться ежегодно однажды въ Вѣнѣ, въ другой разъ въ Офенѣ для того, чтобы путемъ парламентскаго соглашенія обсуждать дѣла, касающіяся до соединеннаго управленія, для того, чтобы контролировать ихъ, и наконецъ для того, чтобы назначать потребныя для того суммы денегъ. Законы для соглашенія Венгріи съ Австріей были приняты и утверждены представительными корпораціями въ Вѣнѣ и Офенѣ. Въ одинъ и тотъ же день императоръ утвердилъ основные законы для обѣихъ половинъ государства, которыя такимъ образомъ составили одно цѣлое, и историкъ съ этихъ поръ долженъ разсматривать австрійскую имперію въ трехъ отношеніяхъ: какъ чисто Венгрію, чисто Цислейтанію и наконецъ по дѣламъ той и другой части.

При соглашеніи, самая выгодная доля досталась Венгріи. Она все получила, чего благоразумно могла только желать и требовать; между прочимъ, она даже получила право на собственный свой страхъ дѣлать долги: но первая по-

пытка министра финансовъ обойти вѣнскій денежный рынокъ и сдѣлать государственный заемъ непосредственно у иностранныхъ банковъ, не удалась; поэтому и половина предположенныхъ линій желѣзныхъ дорогъ не была разрѣшена. Церковные вопросы въ Венгріи разрѣшались очень просто; здѣсь идея національности, венгерскаго національнаго самосознанія до того преобладала надъ всѣмъ остальнымъ, что и епископы принуждены были подчиниться ей; по этой самой причинѣ и при разрѣшеніи постороннихъ вопросовъ, касающихся подчиненныхъ Венгріи странъ, разногласіе здѣсь легче уладилось, нежели въ западной части государства. Трансильванія, уступленная Австріей, окончательно была присоединена къ Венгріи. Нѣмецкое народонаселеніе, вѣрное однажды принятой системѣ цивилизаціи и обученія, твердо шло по избранному пути прогресса, храбро отбиваясь отъ преобладающаго вліянія мадьяръ; румыны продолжали предаваться мечтамъ своей исключительной національной будущности, тоже самое мы замѣчаемъ у поляковъ, сербовъ и т. д. Съ Кроаціей тоже произошло соглашеніе въ ноябрѣ 1868 года, по образцу австрійско-венгерскаго, но съ тою разницею, что кроатскіе депутаты вошли въ составъ венгерскаго парламента; нерѣшенной осталась только судьба венгерскаго приморскаго вольнаго города Фьюме. Отношенія народа къ королю съ этихъ поръ остались самыя почтительныя и преданныя, какъ это иначе и быть не можетъ со стороны народа рыцарски честнаго и вѣрнаго данному слову. Венгерцамъ особенно пріятно было, что ихъ королева полюбила Венгрію и предпочитаетъ пребываніе въ ней австрійскому: она говорила, что чувствуетъ себя въ Пештѣ больше дома, нежели въ Вѣнѣ. Большинство изгнанниковъ, возвратившихся въ отечество, честно и откровенно пристали къ правительству и охотно подчинились всѣмъ конституціоннымъ порядкамъ и верховной власти королевской. Этому много содѣйствовало то, что Францъ Іосифъ въ концѣ 1868 года утвердилъ законъ, даровавшій государству національное войско, гонведъ, и начальникомъ его назначилъ эрцгерцога Іосифа. Въ тронной рѣчи, которою императоръ лично закрылъ сессіи палатъ, онъ торжественно доказалъ, что признаетъ существованіе и права королевства св. Стефана, какъ самостоятельнаго, независимаго государства: онъ вычислилъ весь свой титулъ, какъ императора австрійскаго и короля венгерскаго.

Партія Деака своею твердостію и терпѣніемъ пріобрѣла эту побѣду и удерживала ее за собою. Ея вождь, самый вліятельный государственный человѣкъ Венгріи, произнесъ 17 декабря слова, имѣвшія особенный вѣсъ, потому что были сказаны человѣкомъ, никогда не измѣнявшимъ своего мнѣнія: «Для насъ существованіе Австріи такъ же важно, какъ для Австріи—наше»; въ рѣчи, произнесенной при выборахъ, Андраши краснорѣчиво доказывалъ, какъ выгодно для Венгріи примиреніе съ Австріей. Выборы въ мартѣ произведены были въ пользу его партіи; она въ новомъ парламентѣ могла разсчитывать на 90 голосовъ, въ числѣ ихъ было 30 кроатовъ; однакожь все-таки существовала сильная оппозиція, для которой совмѣстныя съ австрійскими части управленія все еще казались стѣснительными; партія эта нашла много приверженцевъ въ мадьярскихъ комитетахъ и усилилась отъ 120 голосовъ до 170. 23 апрѣля самъ король открылъ новый рейхсратъ рѣчью, въ которой ясно показывалъ необходимость внутреннихъ реформъ. Къ нимъ надобно причислить: реформу школъ и ихъ законовъ, законы для различныхъ вѣроисповѣданій, отмѣну тѣлесныхъ наказаній; впрочемъ это не распространялось на добровольныя драки, происходившія при выборахъ, ихъ не отмѣнялп и не ограничивали;—измѣненія въ судопроизводствѣ, въ муниципальныхъ законахъ; и тому подобными другими реформами теперь занималась успокоенная Венгрія. Въ 1870 году дозволенъ былъ заемъ въ 15 милліоновъ для украшенія столицы для того, чтобы она блескомъ не уступала Вѣнѣ; въ нѣкоторомъ смыслѣ центръ тяжести государства, въ данную минуту, дѣйствительно находился въ Офенѣ.

Можно было почесть большимъ счастіемъ, что по крайней мѣрѣ эта половина государства успокоилась, потому что во второй, въ Цислейтаніи, дѣла не такъ удобно улаживались.

Однимъ изъ многихъ препятствій для реформъ представляло высшее духовенство; оно было тѣмъ могущественнѣе, что соединялось съ сопротивленіемъ,

какое встрѣчало правительство въ отдѣльныхъ національностяхъ, вошедшихъ въ составъ цислейтанскаго конституціоннаго государства.

Гражданское министерство находило надежную и прочную опору только въ немноголюдныхъ прирейнскихъ областяхъ. Но и тутъ оппозиція встрѣчалась въ Тиролѣ, гдѣ ограниченный мѣстный патріотизмъ соединялся съ могущественнымъ и абсолютнымъ вліяніемъ духовенства. Люди, находящіеся на государственной службѣ, и незначительная либеральная партія немноголюдныхъ и немногочисленныхъ городовъ не могли уравновѣшивать гнета невѣжества и предразсудковъ, тяготѣющаго надъ массою сельскаго народонаселенія. Въ Галиціи, гдѣ въ крайнемъ случаѣ можно было разсчитывать на противодѣйствіе русскаго элемента польскому, въ сентябрѣ 1868 года, когда объявлено было посѣщеніе императора съ большою свитою, въ собраніи сейма опять произошло волненіе и горячее несогласіе. Сеймъ принялъ проектъ адреса и резолюціи, противорѣчащія конституціи и основнымъ государственнымъ законамъ, установленнымъ въ декабрѣ 1867 года: онъ объявлялъ очень обширныя права на самостоятельность «королевства Галиціи и Лодомира и великаго герцогства Кракова». Имперскій намѣстникъ (штатгальтеръ) противорѣчилъ вяло и нерѣшительно: извѣстіе объ этой агитаціи было по телеграфу сообщено императору, котораго и здѣсь упрямо называли королемъ; не желая подвергаться непріятности выслушивать адресы и неисполнимыя просьбы, Францъ Іосифъ отказался отъ предполагаемой поѣздки.

Гораздо затруднительнѣе были отношенія къ Богеміи. Здѣсь ненависть чеховъ къ нѣмцамъ была особенно сильно возбуждена тѣмъ, что $1^1/_2$ милліона нѣмцевъ, сравнительно съ $2^1/_2$ милліоновъ чеховъ пользовались преимуществами, какія даетъ благосостояніе, дарованныя права и привиллегіи и даже высшее образованіе; характеристическою чертою національной ненависти чеховъ можетъ служить пилигримство, предпринятое въ іюлѣ большимъ обществомъ чеховъ въ Констанцъ, чтобы, вопреки религіозному чувству и убѣжденіямъ, праздновать день казни великаго инноватора Гусса; они въ немъ не видѣли еретика въ отношеніи католицизма, или провозвѣстника протестантства, перваго мученика, кровью запечатлѣвшаго начинающуюся борьбу съ заблужденіями церкви, а почитали въ немъ только чеха, прирожденнаго врага нѣмцевъ. Но не всегда демонстраціи чеховъ носили такой мирный характеръ. Уже въ январѣ 1868 года, во время посѣщенія новаго министра Гербста, въ Прагѣ дѣло дошло до сильнаго волненія, и нѣмцевъ пришлось защищать оружіемъ. Чехи пользовались всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ, чтобы выразить свое настроеніе; такъ напримѣръ, въ маѣ, по случаю закладки національнаго чешскаго театра, въ Прагѣ произошло опять волненіе. Большую ошибку сдѣлалъ министръ-президентъ Бейстъ во время поѣздки императора въ Прагу; увлеченный своею излишнею вѣжливостью, онъ, въ разговорѣ съ вождями партіи чеховъ, забывъ офиціальный санъ свой, толковалъ о средствахъ согласить и примирить требованія національностей. Сильнѣе всего высказались недовольство и требовательность чешской партіи въ такъ называемой декларації, поданной 28 августа тремя чешскими депутатами сейма, большинству нѣмецкой партіи; на декларації была 81 подпись. Требованія были изложены въ десяти пунктахъ: отношенія Богеміи къ своему наслѣдственному королю обязательны для него и народа и потому не могутъ быть измѣняемы односторонне, какъ это сдѣлано въ февральскомъ законодательствѣ; ни одна представительная корпорація, кромѣ чисто богемской, не имѣетъ права во имя Богеміи рѣшать судьбы и права ея, такъ, какъ это въ настоящее время дѣлаетъ вѣнскій рейхсратъ; далѣе, прежде чѣмъ Богемія приняла бы положеніе, представляемое ей черезъ соглашеніе съ Венгріей, она желаетъ, чтобы король согласился на переговоры съ политически-историческимъ богемскимъ народомъ; заканчивалась декларація тѣмъ, что это есть истинный образъ мыслей всего чешско-славянскаго народонаселенія австрійской имперіи, т. е. массы въ 5 милліоновъ душъ. Славянская партія въ Моравіи, слѣдуя примѣру чеховъ, подала подобную же декларацію своему сейму и такимъ образомъ оградила права маркграфства; но этого образа мыслей и воззрѣній не раздѣляла Силезія, эта третья часть нѣкогда соединеннаго государства подъ скипетромъ древняго Венцеслава; Силезія не только не подавала подобной декларації, но еще протестовала.

При подобныхъ затрудненіяхъ, описать которыя нѣтъ возможности, конституціонная форма правленія неутомимо шла къ выполненію своихъ основныхъ цѣлей. Въ январѣ 1868 года изъ-за бюджета, чуть-чуть не дошло было до министерскаго кризиса, но финансовый законъ наконецъ все-таки былъ принятъ. Рейхсратъ отдохнулъ и вздохнулъ свободнѣе; съ августа до октября происходили сеймы 17 отдѣльныхъ государствъ и областей австрійской имперіи. Всегда тихая и безмолвная Австрія зашумѣла и заговорила на парламентскихъ засѣданіяхъ; октября 17 рейхсратъ опять принялся за свою трудную работу реформъ; начались сильныя и упорныя пренія на счетъ новаго военнаго положенія, по которому, въ теченіе слѣдующаго десятилѣтія, армія должна была увеличиться до 800,000 человѣкъ. Министры принуждены были употребить всю свою энергію и свое краснорѣчіе, чтобы провести и поддержать эту мѣру: фонъ Бейстъ, въ качествѣ депутата, развернулъ все свое ораторское искусство, чтобы доказать, какъ, при самомъ успокоительномъ внутреннемъ положеніи государства, все-таки необходимо имѣть такое значительное войско; министръ Бергеръ показалъ, что политическое положеніе Австріи въ отношеніи иностранныхъ государствъ таково, что во всякую минуту можно ожидать: «что Франція перейдетъ черезъ Рейнъ, Пруссія черезъ Майнъ, Россія черезъ Прутъ, Италія захватитъ Тарентскія области, а Румынія удобную для нея частицу Австріи.» Декабря 14, министръ финансовъ Брестель предложилъ на 1869 годъ финансовое постановленіе, оказавшееся гораздо удовлетворительнѣе, нежели можно было ожидать; къ тому же биржевые курсы конца года сравнительно съ его началомъ показывали замѣтное улучшеніе финансовъ.

Но всѣ реформы еще не были доведены до конца, и пора попытокъ и опытовъ для Австріи еще не миновала. Гражданское министерство было довольно хорошо для реактивной партіи; ему удалось провести реформу военную; но при дворѣ на него смотрѣли не совсѣмъ благосклонно и почва у него подъ ногами колебалась; съ другой стороны, ему не удавалось организовать прочной правительственной, преданной себѣ, партіи въ рейхсратѣ. Въ палатѣ депутатовъ, подъ руководствомъ Рехбауэра, образовалась лѣвая, оппозиціонная сторона, которой правительство недовольно энергически противодѣйствовалс.

Поляки становились очень несговорчивы: они на рѣшенія своихъ земскихъ собраній (ландтаговъ) смотрѣли какъ на непреложныя права, и въ рейхсратѣ требовали ихъ исполненія; вслѣдствіе этого, невольно возникалъ вопросъ: можетъ-ли правительство, при существующемъ нынѣ избирательномъ законѣ, посредствомъ котораго провинціальные сеймы избираютъ представителей въ рейхсратъ, положить границы федеральному духу, главнымъ органомъ и опорою котораго все-таки остаются эти самые земскіе сеймы. Рѣшенія земскихъ сеймовъ для девяти областей были утверждены; имъ предоставлено было право распоряжаться надзоромъ за школами и народнымъ обученіемъ; въ остальныхъ областяхъ правительство временно уже распорядилось: пока новыя постановленія не приходили въ соприкосновеніе съ духовенствомъ, до тѣхъ поръ все шло хорошо, но во второмъ случаѣ очень дурно. Епископы разсуждали о томъ, принимать ли имъ участіе въ училищномъ управленіи и помогать ли при надзорѣ за обученіемъ? Слѣдуетъ ли имъ выдать гражданскимъ учрежденіямъ всѣ метрическія книги касательно заключаемыхъ браковъ, такъ какъ по новымъ законамъ, они должны быть совершаемы гражданскимъ порядкомъ и книги храниться въ гражданскихъ присутственныхъ мѣстахъ? Въ Тиролѣ имперскіе комиссары подвергались опасности отъ грубой и фанатической черни: потому что духовенство натолковало мужикамъ, что правительство отбираетъ метрическія книги для того, чтобы весь народъ превратить въ лютеранство. Министерство, до сихъ поръ державшееся, наконецъ пошатнулось: графъ Ауэрспергъ подалъ въ отставку, а на мѣсто его назначенъ былъ графъ Тааффе, т. е. либеральный государственный человѣкъ былъ замѣненъ либеральнымъ придворнымъ; 15 мая рейхсратъ былъ закрытъ длинной, должностной тронной рѣчью.

Въ октябрѣ того же года, пока отдѣльные земскіе сеймы рѣшали важный вопросъ о выборахъ, государство вынесло очень печальное и тяжелое униженіе: нѣкоторые округи Далмаціи возмутились, потому что не хотѣли подчиниться новому закону о всеобщей воинской повинности. Годъ приходилъ къ концу, а воз-

мущеніе еще не было подавлено, хотя туда для усмиренія двинуто было 30 тысячное войско. Генералъ Родичъ нашелъ наконецъ средство добраться до возмутившихся горцевъ; онъ добрыми словами и подкупомъ выманилъ ихъ изъ горныхъ ущелій и съ вершинъ, заставилъ ихъ положить оружіе, долго читалъ имъ наставленія и выговоры за ихъ дерзкое сопротивленіе законной власти; но сцена окончилась прощеніемъ: возставшимъ дозволено было опять взять свои ружья, и такимъ способомъ вооруженное возстаніе было подавлено въ окрестностяхъ Катарро; но законъ объ общей повинности остался въ сторонѣ, и возстаніе, слѣдовательно, поставило на своемъ. Это происшествіе, само по себѣ неважное, однакожь было для министерства очень непріятно и, можно сказать, равнялось пораженію, потому что показало всю его законодательную слабость и доказало, что способы, до сихъ поръ употреблявшіеся, для сближенія и соглашенія различныхъ національностей, не принесли пользы; по вопросу о реформѣ закона относительно выборовъ въ рейхсратъ, заключавшаго въ себѣ основаніе всей дальнѣйшей законодательной системы, происходили пренія, о соглашеніи нельзя было думать: споры принимали иногда довольно рѣзкій тонъ. Ежедневно съ 10 декабря происходили засѣданія въ совѣтѣ министровъ подъ предсѣдательствомъ императора, для того, чтобы составить тронную рѣчь, обнимавшую всѣ существенныя потребности государства и показывавшую, что надобно сдѣлать. 13 декабря происходило открытіе палатъ; тронная рѣчь носила на себѣ слѣды нерѣшительности, въ какой находились государственные люди, и не указывала на опредѣленный способъ исправить существующее зло; въ нѣсколько дней стало очевидно, что само правительство еще не знаетъ, чего ему держаться при дальнѣйшихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ остальными частями государства; мнѣнія въ министерствѣ раздѣлились. Императору представлены были двѣ памятныя записки, первая отъ большинства министровъ: отъ Гискры-Гербста, Гаснера, Пленера Брестеля. Въ ней выражалось мнѣніе, что императорское правительство должно твердо держаться однажды принятаго способа—ограничивать слишкомъ нескромныя желанія подчиненныхъ Австріи земель и не дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ уступокъ самоуправленію отдѣльныхъ областей; и на это мнѣніе, по желанію императора, возражало меньшинство членовъ совѣта министровъ: Тааффе, Бергеръ, Потоцкій: они подали свой меморандумъ, въ которомъ доказывалось, что если правительство далѣе будетъ идти по тому же пути, то рейхсратъ дойдетъ до жалкаго подобія дерева, лишеннаго вѣтвей и листьевъ; отъ него отдѣлятся Тироль, Польша, славяне и т. д.; рейхсратъ вслѣдствіе этого лишится и послѣдняго призрака авторитета; меньшинство требовало, чтобы рейхсратъ былъ пополненъ и обновленъ, за тѣмъ требовалось обновленіе земскихъ сеймовъ, черезъ новые выборы; надѣялись такимъ путемъ дойти до соглашенія съ національной оппозиціей, состоящей изъ разнородныхъ и разноплеменныхъ началъ. Оба разногласящія мнѣнія производили печальное впечатлѣніе: большинство и меньшинство одинаково не представляли никакой гарантіи; императоръ не зналъ, кого лучше, или хуже выбрать; рейхсратъ не могъ подать ни дѣльнаго, ни полезнаго совѣта; рѣшеніе было отложено до 17 января 1870 года; въ комиссіи, назначенной для составленія адреса, господствовалъ тотъ же безпорядокъ и та же нерѣшительность, какъ въ совѣтѣ министровъ. Но къ 1 февраля 1870 года императоръ рѣшился: онъ составилъ новое министерство, согласно съ принципами большинства, и президентомъ назначилъ Гаснера. 5 марта Гискра предложилъ проектъ для новаго избирательнаго закона; по этому закону, на будущее время предполагалось выбирать членовъ рейхсрата прямо, а не черезъ земскіе сеймы. Но императоръ не принялъ этого проекта; Гискра вышелъ изъ министерства. 31 изъ рейхсрата вышли и польскіе члены, потому что выборная комиссія не приняла требованій польскихъ депутатовъ, основанныхъ на рѣшеніяхъ польскихъ земскихъ сеймовъ; примѣру польскихъ членовъ рейхсрата послѣдовали другіе, такъ что въ совѣтѣ вмѣсто законныхъ 203 членовъ осталось не больше ста; министры представили императору, что нужно распустить тѣ земскіе сеймы, выбранные депутаты которыхъ вышли изъ рейхсрата, но императоръ не согласился на эту мѣру, вслѣдствіе чего министры просили объ увольненіи, и графу Потоцкому дано было порученіе составить новое министерство. 8 апрѣля засѣданія рейхсрата были отложены, а графъ Потоцкій

составилъ министерство, которому поручилъ различныя отрасли управленія; съ поляками и чехами начались переговоры, чтобы довести ихъ до какого либо соглашенія. Но министръ-президентъ безуспѣшно совершилъ путешествіе въ Прагу, и 21 императоръ распустилъ рейхсратъ и всѣ земскіе сеймы, исключая богемскаго. Дѣло, надъ которымъ безостановочно трудились въ послѣднія десять лѣтъ, опять развалилось, и его пришлось начинать съизнова.

При хаотическомъ положеніи дѣлъ по сю сторону Лейты, очень понятно, что главнѣйшую точку опоры правительства въ эту пору составляла Венгрія, гдѣ отношенія, сравнительно, были ясны, опредѣленны и очень просты; Венгрія составляла довольную своей участью половину государства, вотъ почему при ежегодныхъ *делегаціонныхъ собраніяхъ*, которымъ предоставленъ былъ парламентскій контроль надъ всѣми общими, смѣшанными дѣлами, за Венгріей въ совѣтѣ оставался авторитетъ. Въ извѣстномъ смыслѣ это было очень хорошо; венгерцы, кровавой борьбою и счастливымъ исходомъ войны 1866 года, завоевали себѣ короля и возстановленіе конституціи; послѣ этого они успокоились и настроеніе ихъ было самое мирное; они никакимъ образомъ не хотѣли поддерживать политики, способной втянуть Австрію въ дѣла Германіи. Каждому, мало-мальски мыслящему человѣку было ясно, что миръ подобно насущному хлѣбу необходимъ для государства; однакожь, несмотря на это, Австрія вмѣшивалась въ политику больше, чѣмъ слѣдовало, и пыталась играть видную роль; всему винною руководящій министръ Бейстъ, считавшій себя особенно глубокимъ, даровитымъ и опытнымъ политикомъ, тогда какъ въ сущности онъ не выдавался изъ ряда людей очень посредственныхъ и даже неловкихъ въ дипломатическихъ тонкостяхъ. Смотрѣть на рѣшеніе германскаго вопроса, какъ на дѣло однажды навсегда оконченное, какъ на совершившійся фактъ, Бейстъ—человѣкъ, всѣми силами души привязанный къ политическимъ интригамъ, не могъ рѣшиться. Онъ домогался только, чтобы Австрія какъ можно скорѣе опять выдвинулась на поприще европейской политики; а въ самомъ завѣтномъ тайникѣ души его гнѣздилась мысль поскорѣе, хотя бы съ помощью французовъ, сшибить и сбросить Пруссію съ той высоты, на которую она взобралась.

Бейстъ не пренебрегалъ никакимъ случаемъ, чтобы заставить говорить о себѣ; еще въ 1867 году, онъ ни съ того, ни съ сего, вмѣшался въ политику; депешей къ австрійскому посланнику въ Парижѣ, князю Меттерниху, онъ изложилъ свое воззрѣніе на восточный вопросъ; чего-то онъ не приплелъ тутъ: говорилъ и о пересмотрѣ договора 1856 года, и о гатти-гумайюнѣ, и объ ограниченіяхъ, какими договоръ этотъ связывалъ Россію; онъ просилъ императора Наполеона сообщить ему свои взгляды, чтобы предложить ихъ также на разсмотрѣніе остальнымъ кабинетамъ. Онъ думалъ этою неуклюжею приманкою привлечь Россію на свою сторону: но она презрительнымъ молчаніемъ отвѣчала на этотъ проектъ, и Бейсту не удалось возвратить свою утраченное вліяніе въ петербургскомъ кабинетѣ, однажды навсегда потерянную довѣрчивость и опять войти тамъ въ милость.

Политика его относительно *Германіи* была не лучше. Когда въ 1867 году, какъ мы дальше увидимъ, по поводу Люксембурга, между Германіей и Франціей произошло разногласіе и вслѣдъ за тѣмъ дѣло чуть было не дошло до войны, баварскому министру-президенту фонъ-Гогенлоэ пришло на умъ воспользоваться слѣдствіями событій 1866 года, и вести дѣла такъ, чтобы изъ южногерманскихъ государствъ составить отдѣльный союзъ, потомъ присоединить его къ союзу сѣверо-германскихъ государствъ, и тогда уже этой новой Германіи, на международныхъ правахъ, войти въ соглашеніе съ Австріей; этотъ проектъ Бейстъ очень многословно, съ хитросплетенными доказательствами, но наотрѣзъ отвергнулъ, при чемъ, однакожь, довольно ясно высказалъ свои собственные планы и мнѣнія. Послѣ этого случилось очень непріятное для него обстоятельство: полиціи разныхъ городовъ, особенно вѣнская, выдала паспорты въ Швейцарію лицамъ, можетъ быть никогда не видавшимъ Вѣны, но домогавшимся законнаго пропуска съ тѣмъ, чтобы въ Швейцаріи образовать вельфскій легіонъ съ цѣлью возстановить павшій престолъ короля изъ дома Вельфовъ; впечатлѣніе, произведенное неумѣстнымъ количествомъ паспортовъ, еще усилилось пилигрим-

ствомъ, предпринятымъ гановерскими уроженцами въ Гитцингъ, гдѣ лишенный престола король Георгъ праздновалъ свою серебряную свадьбу. По этому случаю въ Вѣнѣ давался большой обѣдъ въ залѣ общиннаго совѣта, обыкновенно недоступномъ для публики; на этомъ обѣдѣ король произнесъ громко, внятно и одушевленно тостъ; въ немъ онъ выразилъ надежду возвратиться въ Ганноверъ, какъ свободный, преданный народному благу король.

Черезъ годъ государственнаго канцлера поставила въ неловкое положеніе новая, инаго рода демонстрація. Отъ 26 іюля до 2 августа происходилъ въ Вѣнѣ большой праздникъ стрѣлковъ (Schützenfest), одно изъ тѣхъ торжествъ, которыми до 1866 года пытались создать объединеніе Германіи. На этотъ праздникъ стекались большими толпами недовольные демократы изъ всѣхъ частей южной Германіи, особенно изъ Франкфурта; за кружкой пѣнящагося пива, при веселомъ, или возбужденномъ состояніи духа, одна необдуманная рѣчь слѣдовала за другою; люди, подобные Сигмунду Мюллеру изъ Франкфурта и Карлу Майеру изъ Штургарта, необузданно предавались всей своей ярости противъ новаго положенія Германіи; они не могли выносить, что ихъ взгляды и рѣчи, пригодныя для 1848 года, теперь устарѣли и не вызывали больше сочувствія. Въ безтактности не уступали имъ австрійцы: напримѣръ, Куранда не стѣсняясь выразилъ свое негодованіе на то, что правительство допускаетъ подчиненнымъ Австріи народамъ возвышать свой голосъ и выражать свои желанія; министръ Гискра тоже явился на этотъ праздникъ за дешевыми лаврами, и говоря о себѣ, называлъ себя: «я, прежній бургомистръ и теперешній министръ бюргеръ.» Но всѣ эти демонстраціи обратили на себя вниманіе Пруссіи и преимущественно Венгріи и придали этому празднику болѣе и болѣе политическій оттѣнокъ — такъ что государственный канцлеръ принужденъ былъ оставить минеральныя воды, которыми пользовался въ Гастейнѣ, и поспѣшить въ Вѣну, чтобы въ пѣнящееся вино налить холодной воды. Съ удивительнымъ тактомъ этотъ ловкій политикъ придумалъ самое пригодное слово, чтобы всѣхъ удовлетворить, успокоить и никого не оскорблять. Австрія по прежнему должна сочувствовать Германіи; онъ окончилъ словами: «согласіе между всѣми государствами и народами, находящимися подъ высокимъ скипетромъ нашего императора, одно можетъ быть ручательствомъ успѣха при выполненіи миссіи историческаго развитія цивилизаціи, судьбою возложенной на Австрію; успѣхъ этотъ одинаково важенъ не только въ интересахъ Австріи, но столько же въ интересахъ Германіи — поэтому, господа, мой заздравный кубокъ да будетъ выпитъ, во имя мира и всеобщаго примиренія.»

Слова очень кстати сказанныя, но къ сожалѣнію, тайныя мысли говорившаго не соотвѣтствовали имъ. Онъ думалъ и мечталъ только о томъ, какъ бы заключить союзъ съ Франціей, чтобы съ помощью ея отомстить Пруссіи и ея государственному министру за пораженія, столько разъ отъ него претерпѣнныя. Для достиженія этой завѣтной цѣли прежде всего надобно было установить хорошія отношенія съ Италіей, и это удалось. Въ отношеніи этой страны Австрія была побѣдительницею, а побѣдителю всегда удобнѣе быть великодушнымъ и уступчивымъ, нежели побѣжденному. Римскій вопросъ уже не представлялъ, какъ прежде, непреодолимой преграды для того, чтобы хорошее отношеніе установилось между Австріей и Италіей; сама курія въ томъ была виновата; она не съумѣла сохранить преданности и энтузіазма такого истиннаго католика, каковъ былъ Францъ Іосифъ; она поставила его въ положеніе, не представлявшаго ему выбора.

Представителемъ Австріи при тюльерійскомъ дворѣ былъ князь Меттернихъ, подобно своему отцу «очень любезный человѣкъ и во всѣхъ отношеніяхъ совершеннѣйшій образецъ дворянина (кавалера)»; тамъ на него смотрѣли очень благосклонно и онъ вмѣстѣ съ своей супругой составлялъ украшеніе парижскаго высшаго общества. Плачевный конецъ мексиканской имперіи и несчастная судьба эрцгерцога Максимиліана повергли вѣнскій дворъ въ печаль; императоръ не могъ тотчасъ принять приглашенія Наполеона на всемірную выставку, поэтому французскій императоръ и императрица сочли приличнымъ сдѣлать ему визитъ соболѣзнованія. При ихъ личномъ свиданіи въ Зальцбургѣ, продолжавшемся отъ

18 до 23 августа, присутствовали фонъ Бейстъ и венгерскій министръ-президентъ графъ Адраши; какъ впослѣдствіи обнаружилось, свиданіе это было чисто политическое; разсуждали объ общихъ и важнѣйшихъ европейскихъ вопросахъ, о томъ, что при этомъ неблагосклонно относились къ новой Германіи, и говорить нечего.

Очень незавидную роль игралъ Бейстъ въ бельгійскомъ ж е л ѣ з н о д о р о ж н о м ъ дѣлѣ; онъ, съ цѣлью оказать услугу своимъ французскимъ союзникамъ, безъ всякаго повода отправилъ депешу австрійскому посланнику въ Берлинъ; въ ней онъ совѣтовалъ Бельгіи опереться на Францію, «такъ какъ она по своему могуществу и по своему географическому положенію можетъ быть или опаснымъ врагомъ, или вѣрною опорой для бельгійскаго народа при его нейтральномъ положеніи.» — До какихъ крайностей довели этого человѣка политическія тонкости! давно ли онъ разыгрывалъ роль пламеннаго нѣмецкаго патріота? Мы увидимъ далѣе, что ему помѣшало выполнить свои планы.

2. Италія.

Миръ между Австріей и Италіей наконецъ состоялся и былъ подписанъ 3 октября 1866 года въ Вѣнѣ: «его величество императоръ австрійскій даетъ свое милостивое согласіе на присоединеніе Ломбардо-венеціанскаго королевства къ королевству Италіанскому», — стояло въ мирномъ трактатѣ. Между Италіей и Франціей еще много мелочныхъ переговоровъ было по поводу того, какъ должна быть совершена передача Венеціи. Наконецъ условились на счетъ всего церемоніала: 18 октября Венеція, отъ имени императора Наполеона, была сдана общинному совѣту, но 21 и 22 происходила общая подача голосовъ: надобно было путемъ плебисцита доказать Италіи, что присоединеніе Венеціи къ Италіи не есть даръ со стороны французскаго императора, но что она присоединяется къ ней по своей свободной волѣ; для Наполеона тутъ тоже была своего рода выгода: этимъ случаемъ, важность этого изобрѣтеннаго имъ псевдо-демократическаго учрежденія опять подтвердилась. Мы далѣе будемъ имѣть случай доказать обманчивость этого способа узнавать народную волю; въ этомъ, по крайней мѣрѣ, случаѣ очень легко можно было обойтись безъ плебисцита; всѣ единодушно желали присоединенія къ Италіи; нашлось только 69 отрицательныхъ голосовъ; замѣчательно, что въ этомъ случаѣ доховенство, во главѣ своихъ приходовъ и партіи, подало голосъ за присоединеніе. 4 ноября король Викторъ Эмануилъ, въ Туринѣ, принялъ депутацію съ отчетомъ о подачѣ голосовъ. «Италія создана», сказалъ онъ депутатамъ, «но еще не окончательно», прибавилъ онъ.

Далеко еще было отъ ея окончательнаго внутренняго устройства. Самыя серьезныя опасенія пробуждались общимъ разстройствомъ финансовъ, по которымъ дефицитъ ежегодно возрасталъ и исправить его не предвидѣлось никакихъ средствъ; партіи между собою ссорились и враждовали; парламентъ оказывался несговорчивымъ; палаты не хотѣли дѣйствовать дружно. Но не одно это пробуждало опасенія; гораздо важнѣйшіе недостатки обнаруживались въ самомъ народѣ: продажность, корыстолюбіе, жажда самымъ скорымъ и легкимъ способомъ разбогатѣть; все это помянутно обнаруживалось въ мелкихъ и крупныхъ скандалахъ даже въ кружкахъ депутатовъ; въ народѣ ярко выступали легкомысліе, лѣность, въ южныхъ частяхъ Италіи — холодность и недостатокъ религіозныхъ убѣжденій и чувствъ, утонченная и безстыдная манера отрицать то, чего не хотятъ открыть, и даже ложь и обманъ, если того требовала выгода, въ высшемъ классѣ; самые грубые предразсудки и невѣжество въ низшихъ слояхъ народа; повсюду недостатокъ дисциплины и неумѣнье управлять собою. Но въ этомъ нельзя было винить новое королевство: все это скорѣе было наслѣдственнымъ достояніемъ, весь стыдъ за которое лежалъ на обстоятельствахъ, сопровождавшихъ предшествующія притѣсненія. Но какъ, съ одной стороны, вслѣдствіе парламентской публичности, пороки народа обнаруживались, такъ, съ другой, выставлялись его великія природныя добродѣтели и качества, только при политиче-

ской свободѣ способныя достигнуть до полнаго своего развитія. Хотя приговоръ исторіи очень непріятенъ, но онъ правдивъ и его измѣнить нельзя: государству здѣсь приходилось исправлять то, что напортила церковь; въ этомъ отношеніи итальянскіе патріоты многаго ожидали, во первыхъ, отъ закрытія монастырей; надобно замѣтить, что изъ 11,957 монастырей, приходящихся на всю Европу, въ одной Италіи въ 1864 году насчитывалось 2,582; во вторыхъ, отъ вліянія войска на народный духъ; войско часто дѣйствовало примѣромъ, вовсе не солдатскаго, а чисто-христіанскаго милосердія; такъ въ началѣ 1867 года, когда холера свирѣпствовала въ Сициліи, въ этой преимущественно монахами переполненной странѣ, солдаты выказали свое милосердіе и самоотверженіе при уходѣ за больными, съ такимъ рвеніемъ, что о нихъ справедливо писали: «подвиги, о какихъ говорится только въ легендахъ о святыхъ.» Къ величайшему несчастію для Италіи, послѣдняя война, преимущественно по винѣ Ламарморы, была ведена такъ вяло и неудачно, что не могла одушевить народа, придать ему тотъ энтузіазмъ патріотизма, какимъ такъ плодотворны подобнаго рода національныя войны. Пріобрѣтеніе Венеціи не было слѣдствіемъ удачныхъ военныхъ дѣйствій, но оно зависѣло отъ успѣховъ союзниковъ и отъ счастливаго столкновенія обстоятельствъ. Особенно обидно и унизительно было сознаніе, что итальянскій флотъ заслужилъ пораженіе, имъ испытанное при Лиссѣ; въ началѣ 1867 года начали производить слѣдствіе надъ побѣжденнымъ адмираломъ Персано; слѣдствіе это обнаружило печальное положеніе итальянскаго флота, этой самой существенной части оборонительныхъ средствъ для страны, чисто приморской; чувство униженія глубоко наполняло души итальянцевъ, и потому они смотрѣли хладнокровно на великолѣпіе и торжество, при въѣздѣ короля въ освобожденную и присоединенную къ Италіи Венецію, 7 ноября 1866 года.

Однакожь, говоря объ Италіи, что она создана, но еще не докончена, Викторъ-Эммануилъ имѣлъ въ умѣ совсѣмъ другое. Италія безъ Рима еще не была Италіей, и очень понятно, чѣмъ ближе подходила цѣль всѣхъ надеждъ и политическихъ стремленій итальянцевъ, тѣмъ сильнѣе становилось желаніе достигнуть этой конечной цѣли объединенія. Напрасно люди благомыслящіе со всѣхъ сторонъ пытались внушить Италіи, что ей представляется много иныхъ задачъ, выполненіе которыхъ должно предшествовать исполненію этого конечнаго стремленія; но они забыли, что историческій ходъ жизни народовъ не развивается такъ систематически, какъ какое-нибудь сочиненіе; кромѣ того, пока римскій вопросъ останется неразрѣшеннымъ, до тѣхъ поръ Италія всегда могла быть поводомъ къ войнѣ для иностранныхъ державъ; относительно же Франціи, она останется въ нравственно унизительной вассальной зависимости отъ нея; такого рода положеніе уже чувствовалось во всей своей силѣ и только слегка облегчилось послѣ послѣдней войны; при разрѣшеніи римскаго вопроса, первую долю его составляло положеніе: «Римъ долженъ быть свѣтскою, политическою столицею Италіи», и что нельзя довольствоваться тѣмъ, чтобы онъ оставался только духовной. Однакожь одинъ шагъ впередъ былъ сдѣланъ: лишенные престоловъ государи — пармскій, моденскій, тосканскій и неаполитанскій не посылали больше посольствъ отъ себя въ Римъ. Сентябрская конвенція была приведена въ исполненіе: декабря 11 1866 года городъ и Римская область были очищены французскими войсками. Какъ личное охраненіе папы, такъ и охрана внутренней безопасности поручена была устроеннымъ и обученнымъ на французскій ладъ наемнымъ войскамъ; противъ внѣшнихъ нападеній по границамъ протянутъ былъ кордонъ итальянскихъ войскъ. Казалось, для Италіи наступила тишина, при которой она можетъ отдохнуть, осмотрѣться и собраться съ мыслями: Италія уменьшила свой военный бюджетъ на 45 милліоновъ; парламентъ вновь занялся разсужденіями о новыхъ важныхъ финансовыхъ мѣрахъ, прерванныхъ военными дѣйствіями; министерство Риказоли принуждено было отказаться отъ всякой попытки предпринять какое бы то ни было военное движеніе противъ Рима. Парламентъ не сочувствовалъ ему и потому не поддержалъ его; апрѣля 11 на мѣсто Риказоли въ министерство вступилъ Ратацци; по своей уклончивости, это былъ человѣкъ пріятный для Наполеона; но онъ втайнѣ ласкалъ себя надеждой черезъ него добиться чего-нибудь хорошаго для Италіи.

Гарибальди, между тѣмъ, сидѣлъ безъ дѣла; онъ опять предпринялъ путешествіе, съ цѣлью производить агитацію, потому что дѣло шло слишкомъ медленно и неудовлетворительно для его пылкаго характера; теперь у него была новая, очень точно обозначившаяся цѣль: «изгнать папу изъ Рима»; иного дѣла у него въ это время не было. Очень неосторожно поджигала его пресса: въ журналахъ толковалось о планахъ нападенія на папскую область; большія народныя собранія съ жаромъ разсуждали объ этомъ и отъ нихъ волненіе разростаясь расходилось во всѣ стороны; даже въ Римѣ затѣвалась «національная юнта»; общее неудовольствіе и возбужденіе усилилось, особенно тогда, когда французскій генералъ Дюмонъ прибылъ въ Римъ и по порученію своего правительства осматривалъ папское войско и производилъ ученіе его наемникамъ, и говорилъ имъ рѣчь, какъ будто они составляютъ часть французской арміи. Гарибальди съ своей стороны отправился въ Женеву на конгрессъ лиги мира, но тамъ же объявилъ войну папѣ; онъ въ этомъ собраніи первый завелъ рѣчь о томъ, чтобы отвергнуть папу и принять чистое, отвлеченное ученіе христіанское. Возвратившись съ конгресса, Гарибальди явился 13 сентября на границахъ папской области; нѣкоторые изъ его волонтеровъ, пользуясь слабостью и недостаточною бдительностью кордона, перебрались черезъ границу. Гарибальди былъ арестованъ своимъ итальянскимъ правительствомъ въ Азиналунгѣ и отвезенъ на островъ Капреру; итальянскія военныя суда охраняли берега острова: но онъ ускользнулъ отъ ихъ, должно быть, не очень зоркой стражи и 21 октября явился во Флоренціи. Тамъ, въ высшихъ слояхъ, въ эту минуту господствовала анархія, потому что Ратацци наканунѣ, по причинѣ непріятностей съ Франціей, просилъ объ увольненіи. Чіальдини, которому король поручилъ составить новое министерство, при постепенно возрастающемъ волненіи народа, не могъ выполнить возложеннаго на него дѣла. Отважный начальникъ волонтеровъ съ своими приверженцами сѣлъ во Флоренціи на экстренный поѣздъ и отправился прямо на югъ, гдѣ тотчасъ занялся своимъ дѣломъ. Чіальдини все продолжалъ, но безъ успѣха, хлопотать о составленіи министерства. Римъ былъ объявленъ на военномъ положеніи, и папскія войска стягивались къ нему. Между тѣмъ 26 числа изъ Парижа въ Тулонъ пришло приказаніе, дважды отмѣненное, приготовленнымъ тамъ войскамъ наконецъ сѣсть на корабли и отплыть къ римскимъ берегамъ. 28 французскія войска высадились близъ Чивитавеккіи, а 30 они уже вступили въ Римъ. При этомъ извѣстіи Гарибальди отступилъ на Монте-ротондо; его передовые отряды были уже на часъ пути отъ Рима; народонаселеніе волновалось. Между тѣмъ итальянское министерство было распущено, новое поручено было составить человѣку съ консервативнымъ направленіемъ, но жаркому патріоту, Менабреа; 30-го дано было генералу Чіальдини приказаніе вступить въ папскую область. Но дѣло было рѣшено еще до его прибытія. Гарибальдійскіе волонтеры въ числѣ 4,000 челов. отступали къ неаполитанскимъ горамъ; папскія войска напали на нихъ 3 ноября 1867 года; гарибальдійцы бились отчаянно; папскія войска пошатнулись, но французскій отрядъ, бригада Польѐ, вооруженная ружьями системы Шассно, рѣшила дѣло: гарибальдійцы были разбиты. «Французскія войска», говорилъ одинъ изъ горячихъ французскихъ ораторовъ оппозиціи, употребляя метафору, чтобы обозначить то, чего не могъ высказать словами: «французскія войска, съ своимъ усовершенствованнымъ оружіемъ, явились на полѣ битвы, какъ жнецы; отъ ихъ убійственнаго оружія люди валились рядами, какъ колосья подъ острыми серпами.» Между павшими гарибальдійцами насчитали до 1,000 мальчиковъ не старше 15 лѣтъ; 1,400 человѣкъ были взяты въ плѣнъ и отведены въ Римъ; остальные вмѣстѣ съ Гарибальди бѣжали на границу Италіи, гдѣ ихъ обезоружили итальянскія войска. Ружья Шассно, доносилъ генералъ Фальи въ Парижъ, дѣлали чудеса.

Французы опять оставили Римъ, но заняли Чивитавеккію, укрѣпились въ ней и были на готовѣ, при первой надобности, вмѣшаться въ дѣла. Итакъ, все осталось въ томъ же положеніи, въ какомъ прежде было; для довершенія всего, 5 декабря, государственный министръ Руэ, въ законодательномъ корпусѣ въ Парижѣ, при неудержимыхъ рукоплесканіяхъ большинства, говорилъ: «Италія не овладѣетъ Римомъ, никогда, никогда, никогда!»—воскликнулъ онъ трижды: «Франція требуетъ буквальнаго исполненія договора 15 сентября, если же его будутъ

измѣнять, то Франція позаботится о томъ, чтобы онъ остался въ своей силѣ. Понятно ли это?» прибавилъ онъ. Всѣ попытки измѣнить положеніе дѣлъ не удались: въ ноябрѣ Менабреа прекратилъ переговоры, какъ ни къ чему не ведущіе.

Но можетъ ли человѣкъ съ такою увѣренностію что нибудь утверждать, можетъ ли онъ сказать — нѣтъ, никогда! Недальновидность куріи и тѣсно съ нею связанная іезуитская партія, сильная при французскомъ дворѣ, довершили то, чего итальянцы собственными своими силами, дѣйствительно, никогда бы не достигли.

На папу и на іезуитовъ, въ рукахъ которыхъ онъ находился, событія 1866 года подѣйствовали, какъ ударъ молотомъ. Когда кардиналъ Антонелли узналъ о битвѣ при Кенигсгрецѣ, онъ воскликнулъ: «міръ погибаетъ!» (finis mundi!) Дѣйствительно, пораженіе было ужасное и слѣдствія его со дня на день обнаруживались больше и больше. Въ Австріи проснулась энергія, и первымъ проявленіемъ ея былъ протестъ противъ гнетущаго господства духовенства; всѣ элементы, противные римскому вліянію, необузданно сбросили съ себя тяготѣвшее надъ ними иго. Въ Германіи первое мѣсто занялъ король, на котораго Римъ всегда смотрѣлъ со страхомъ и недовѣрчивостью; съ тѣхъ поръ, какъ протестантизмъ утвердился въ Германіи, онъ нашелъ себѣ просторъ и опору въ Пруссіи, а съ тѣхъ поръ, какъ бранденбургское герцогство превратилось въ королевство, оно постоянно пробуждало самыя большія опасенія между римскимъ духовенствомъ. Въ Италіи между тѣмъ ужасъ опустошенія распространился болѣе и болѣе. Но римская курія не такъ-то легко отказывается отъ надежды и поэтому она попытала счастія инымъ способомъ. Франція еще оставалась въ полной своей силѣ, хотя послѣдствія событій 1866 года поставили ее въ непріятныя отношенія къ новой Германіи, которой она такъ же мало сочувствовала, какъ и римская курія.

Римская политика во всѣ времена твердо держится правила — не отказываться ни отъ какихъ изъ своихъ правъ, а всѣ свои правила управленія она въ наслѣдство получила отъ древняго языческаго міра: вся ея мудрость управленія заключается въ словахъ: «управлять народами силою». Но если посмотрѣть на положеніе дѣлъ не при сумеркахъ, но при ясномъ свѣтѣ разума, то въ сущности Римъ черезъ перемѣны не очень много потерялъ: все нравственное могущество пока еще оставалось въ рукахъ папы, подломлены были только внѣшнія подпорки его величія; можно бы скорѣе почесть особеннымъ счастіемъ для папы, что съ него снята тягость свѣтскаго управленія областью въ 700 кв. миль и къ тому же находиться въ непріятномъ положеніи, ежедневно доказывать цѣлому міру свою неспособность управлять даже такимъ незначительнымъ государствомъ. Духовное, нравственное могущество папы еще стояло на своемъ незыблемомъ основаніи: чтобы дойти до предѣловъ, папѣ оставалось идти дальше путемъ, на который онъ уже вступилъ своею энцикликой и силлабусомъ, и враждебнымъ силамъ противоставить силы своего духовнаго могущества и принудить народы подчиниться волѣ единаго, нетерпящаго возраженія могущества.

Въ іюнѣ 1867 года праздновалось съ особеннымъ великолѣпіемъ столѣтіе Петра «Centenarium Petri»; на 29 того же мѣсяца папа канонизировалъ 25 новыхъ святыхъ, въ число ихъ попалъ и испанскій инквизиторъ Педро де Арбуэсъ, извѣстный въ исторіи инквизиціи. Въ тотъ же день папа обнародовалъ всему міру очень важное рѣшеніе для исцѣленія всѣхъ ранъ, нанесенныхъ святой римско-католической вѣрѣ: онъ намѣренъ собрать въ Римъ для собора всѣхъ епископовъ католическаго міра. Мысль сама по себѣ была очень хорошая, несравненно лучше нежели она показалась многимъ по сю и по ту сторону Альпъ. Тогда еще не испытали, до чего можетъ довести недостатокъ религіознаго чувства народъ, отуманенный демократической идеологіей, почитающій ее хранилищемъ всей человѣческой мудрости, залогомъ величія и счастія текущаго столѣтія, гордый своимъ высокимъ развитіемъ; тогда еще не знали, до чего можетъ дойти народъ, потерявшій всякую нравственную, религіозную опору и вступившій въ борьбу со всѣмъ, что освящено своимъ вліяніемъ на внутреннюю, духовную жизнь человѣка; но весь этотъ опытъ еще былъ впереди. Однакожь, римская курія чувствовала, что почва подъ ея ногами колеблется и что ей времени терять нечего, если она

хочетъ ещѣ что нибудь спасти отъ всепоглощающей силы революціи. Курія это понимала и, въ самомъ дѣлѣ, твердо пошла въ атаку.

Мы знаемъ, какого рода кругозоръ мысли и понятій выпалъ на долю римской куріи: то и другое вполнѣ ясно высказалось во всѣхъ папскихъ аллокуціяхъ, начиная съ 1864 года; называлось заблужденіемъ: если какое либо государство предписываетъ какія бы то ни было ограниченія церкви, или пытается поставить преграды ея могуществу; утвержденіе будто римскіе папы, когда бы то ни было, заходили за предѣли своей власти, или, чтобы церковь не имѣла права употреблять внѣшнихъ побудительныхъ средствъ для достиженія своихъ цѣлей, чтобы римскій папа когда бы то ни было могъ примириться съ прогрессомъ, либеральными идеями и съ новѣйшей цивилизаціей. Іюня 22-го 1868 года первыя враждебныя дѣйствія римской куріи относительно Австріи были предприняты. Іюня 22-го 1868 года была издана аллокуція, въ которой особенно сильно осуждались распоряженія и законы австрійскіе; особенно указывалось на нечестивый законъ, дозволявшій хоронить еретиковъ на кладбищѣ, освященномъ римско-католическимъ духовенствомъ и назначенномъ только для истинныхъ католиковъ; австрійскихъ епископовъ, противящихся этимъ правительственнымъ мѣрамъ, осыпали похвалами и сильно порицали венгерское духовенство за то, что оно не слѣдовало ихъ похвальному примѣру. Іюня 29 слѣдующаго 1869 года обнародована была булла: Aeterni patris, по которой всѣ римско-католическіе епископы приглашались въ Римъ къ 8 декабря 1869 года для всеобщаго совѣщанія или собора. Апостолическое посланіе отъ 8 сентября приглашало на этотъ же соборъ всѣхъ епископовъ восточной церкви; второе отъ 13-го приглашало всѣхъ протестантскихъ и другихъ некатолическаго вѣроисповѣданія духовныхъ, совѣтуя имъ не пропускать этого удобнаго случая, открывающаго для нихъ возможность возвратиться къ старинной первобытной паствѣ Христовой. Между протестантами воззваніе не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія; со стороны константинопольскаго патріарха послѣдовалъ вѣжливый отказъ, выставлявшій, что соборъ только въ такомъ случаѣ можетъ принести пользу, еслибы возвратиться къ тѣмъ временамъ, когда была одна нераздѣльная христіанская церковь и когда папа не присвоивалъ себѣ достоинства, какого не имѣлъ по праву, не выставлялъ себя, какъ верховнаго распорядителя и главу церкви, а относился къ остальнымъ восточнымъ патріархамъ, какъ равный къ равнымъ, и слѣдовательно дѣлалъ соборное совѣщаніе возможнымъ. Вопросы, которые положено было предложить на обсужденіе, не указывались въ буллѣ. Прошло довольно долгое время, пока что нибудь положительное стало извѣстно о пунктахъ совѣщанія; наконецъ 6 февраля одинъ изъ органовъ іезуитизма Civilta cattolica высказалъ тайну; онъ говорилъ: надобно положить замковый камень свода Вавилонской башни — непогрѣшимость римскаго папы въ дѣлахъ вѣры и нравственности должна быть превращена въ религіозный догматъ.

Всякій читавшій это и не посвященный во всѣ тонкости католической церкви, спрашивалъ себя, припомнивъ участь янсенизма и гермезіанизма: неужели папа не во всѣ времена пользовался правомъ непогрѣшимости? И въ отвѣтъ на такой вопросъ получалъ: нисколько; непогрѣшимой католичество назвало только учительскую церковь; ей одной, т. е. всѣмъ епископамъ и папѣ вмѣстѣ, предоставлено право непогрѣшимаго изреченія; итакъ папа непогрѣшимъ только въ такомъ случаѣ, если онъ согласенъ съ представителями церкви. Въ этомъ церковномъ мракѣ оставался одинъ еле тлѣющій свѣтильникъ — противоположность между папствомъ и епископствомъ; это былъ спорный пунктъ; онъ заключался въ томъ, чье мнѣніе имѣетъ больше вѣса, кто рѣшаетъ — папа ли своимъ опредѣленіемъ перевѣшиваетъ епископовъ, или всѣ епископы вмѣстѣ взятые папу? — Этотъ вопросъ въ 15 столѣтіи составлялъ уже самый важный спорный пунктъ во вселенскомъ соборѣ; теперь дѣло заключалось въ томъ, чтобы окончательно потушить эту тлѣющую искру; надобно было епископство уничтожить самимъ епископствомъ, на соборѣ, посредствомъ единодушнаго рѣшенія самихъ епископовъ, собранныхъ для совѣщанія и постановлявшихъ, что непогрѣшимость папы есть принадлежность, лично его сану присвоенная, независимо отъ соглашенія его съ церковью. Если это будетъ допущено, то кругъ заключенъ; тогда права

церкви, какъ прежде, тождественны божескимъ, а папскія тождественны церковнымъ, слѣдовательно права папскія равны божескимъ.

Извѣстіе объ этомъ намѣреніи — предоставить папѣ непогрѣшимость, принадлежащую церкви, произвело сильное впечатлѣніе на умы мыслящихъ католиковъ: тамъ сразу поняли всю важность мѣры и предвидѣли, какихъ слѣдствій отъ нея ожидать можно. Тогдашній баварскій министръ-президентъ, князь Гогенлоэ, первый понялъ всю опасность, сопряженную съ этимъ планомъ, и увѣщевалъ правительства отвратить отъ своихъ подданныхъ угрожающія имъ опасности, пока еще не поздно. Но усилія его были напрасны; на слова его не обращено было должнаго вниманія; со стороны Франціи сдѣланъ былъ слабый протестъ, но вскорѣ онъ былъ отмѣненъ по причинамъ, объяснившимся послѣдующими событіями. Пруссія выказала нерѣшительность; она не хотѣла вмѣшиваться въ вопросъ, принадлежащій къ церковнымъ догматамъ, а высшія административныя лица, полагаясь на свой свѣтлый умъ и испытанную опытность, не видѣли въ этомъ ничего опаснаго и вообще не составили себѣ яснаго понятія о дѣлѣ. Волненіе въ католической Германіи постепенно усиливалось и принимало большіе размѣры. Нашелся глубоко ученый богословъ и истинно вѣрующій христіанинъ, мюнхенскій профессоръ Деллингеръ; онъ первый возвысилъ голосъ на защиту истины; онъ, съ глубокой ученостью и теплотою христіанскаго чувства, изложилъ въ своемъ сочиненіи то, въ чемъ заключается сущность древняго римско-католическаго ученія и въ чемъ собственно состоятъ измѣненія и искаженія, сдѣланныя въ немъ римскою куріей; на сочиненіе это отозвались и духовные и свѣтскіе ученые безчисленнымъ множествомъ адресовъ. Нѣмецкіе епископы, собравшіеся въ Фульдѣ для совѣщаній, продолжавшихся съ 1 до 6 сентября, сообща написали пастырское посланіе, съ цѣлью успокоить взволнованные умы. Соборъ, писали они, не можетъ и не захочетъ издавать новыхъ постановленій ученія католической церкви, ни установить новыхъ законовъ, которыхъ нельзя было бы совмѣстить съ существующими законами отдѣльныхъ государствъ и правительствъ, съ требованіями новѣйшей цивилизаціи и науки: папа не дѣйствуетъ такъ, какъ люди недоброжелательные это утверждаютъ, онъ не находится подъ вліяніемъ какой либо партіи; вовсе не хочетъ измѣнять церковнаго законодательства и ни подъ какимъ видомъ не намѣренъ превышать и увеличивать своей власти. При соборныхъ совѣщаніяхъ не будетъ никакихъ партій, всякій будетъ имѣть право свободно выражать свою мысль; къ тому же на соборное совѣщаніе предложено будетъ только то, что всякій изъ членовъ порознь уже давно рѣшилъ про себя въ душѣ своей, и ничего такого, чего истинно вѣрующіе съ давнихъ временъ не чтили свято и не выполняли.

Въ числѣ призванныхъ на соборъ были и такіе люди, какъ Деллингеръ; они сознавали, что новый догматъ, зерно, или основаніе всѣхъ разсужденій предстоящаго собора, есть извращеніе, искаженіе истиннаго католическаго ученія — слѣдовательно, въ ихъ глазахъ это равнялось ереси; иные, и ихъ было не мало, стояли на томъ, что обнародованіе этого положенія теперь вовсе несвоевременно, что оно въ самой церкви можетъ сдѣлаться причиною несогласія, раскола и волненія и поведетъ за собою неизгладимое разногласіе между церковью и правительствами, и поэтому всѣми силами пытались отклонить папу отъ этого роковаго шага: съ такимъ чувствомъ и съ такою тревогой въ душѣ отправились они въ Римъ для собора.

Декабря 8 1869 года, папа Пій IX праздновалъ свой пятидесятилѣтній юбилей священства; въ томъ же году въ Римѣ собрался соборъ изъ 750 членовъ; папа открылъ его аллокуціей. Если нѣкоторые изъ епископовъ, въ самомъ дѣлѣ, вѣрили, что они тутъ свободны выражать свое мнѣніе, если они думали, что будетъ настоящее совѣщаніе, то они жестоко ошиблись. Дѣло было рѣшено еще до начала совѣщаній, да ни о какихъ совѣщаніяхъ, т. е. хотя бы сколько нибудь свободномъ высказываніи своего мнѣнія, тутъ ие могло быть и рѣчи. Мѣсто для совѣщаній (аула) было выбрано съ такимъ недостаткомъ резонанса, что оратора могли слышать только ближайшіе его сосѣди, а стенографически записывали за ораторомъ только для папы. Самимъ папою назначенный официальный порядокъ для засѣданій былъ таковъ, что отъ его произвола зависѣло дозволить

тому или другому члену предлагать свое мнѣніе или свой взглядъ на обсужденіе, или нѣтъ; но хуже всего было, что значительное большинство членовъ составляли фанатики, люди необразованные, жалкое существованіе которыхъ вполнѣ зависѣло отъ папы; ихъ согласіе и ихъ голоса заранѣе принадлежали папскимъ проектамъ. Германскіе, австрійскіе и французскіе епископы, въ нѣкоторой степени раздѣляющіе ходъ наукъ 19 столѣтія, составляли меньшинство, можно сказать, задавленное массою итальянскихъ, испанскихъ, южно-американскихъ и восточныхъ епископовъ миссіонеровъ и т. д.; на 26 милліоновъ нѣмецкихъ католиковъ вообще приходился 31 епископъ, а на 24 милліона итальянскихъ католиковъ напротивъ приходился 221 епископъ. Но если бы у этого меньшинства было твердое непреложное убѣжденіе, свойственное истиннымъ христіанамъ, то все-таки оно взяло бы свой міровой перевѣсъ христіанской правды надъ неправдой: хотя это печально, но надобно признаться, что ни у одного изъ присутствовавшихъ на соборѣ епископовъ не было той глубины убѣжденія и той непоколебимой твердости, какою отличались Гусъ, Лютеръ и многіе другіе католическіе епископы, замѣчательные своею силой убѣжденія при подобныхъ же важныхъ обстоятельствахъ. Взявъ все это въ соображеніе, не трудно догадаться, какой исходъ приняли совѣщанія. Епископъ Штросмайеръ Діаковара, человѣкъ честолюбивый, одаренный большимъ умомъ и отличный ораторъ, сначала попытался было бороться съ установленнымъ совѣщательнымъ порядкомъ; онъ произнесъ очень энергическую рѣчь противъ іезуитовъ, но не имѣлъ успѣха; въ январѣ 1870 года большинство германскихъ, австрійскихъ и венгерскихъ епископовъ написали коллективную просьбу противъ существующаго офиціальнаго порядка совѣщанія; партіи начали было образовываться: но большинство преданное папѣ показывало нетерпѣніе и начало поговаривать о составленіи просьбы къ папѣ, чтобы ускорить дѣло объ объявленіи о его непогрѣшимости. Одинъ изъ членовъ, престарѣлый 80 лѣтній халдейскій патріархъ вздумалъ было выразить свое мнѣніе, когда дѣло зашло объ измѣненіи церковной дисциплины, касательно правъ епископовъ; въ своей рѣчи онъ опирался на старинныхъ преданіяхъ церкви, но папа, не дожидаясь офиціальнаго утвержденія догмата о непогрѣшимости, воскликнулъ: преданіе? Я самъ преданіе! и довольно рѣзко и жестко устранилъ мнѣніе и вмѣшательство непрошеннаго оратора; съ Штросмайеромъ еще менѣе церемонились; предсѣдательствующій легатъ заставилъ его замолчать, а другихъ заглушили крики. Января 26 меньшинство подало опять просьбу папѣ, написанную кардиналомъ Раушеромъ и составленную въ тонѣ, достойномъ человѣка мыслящаго и учителя церкви; онъ просилъ папу отложить обнародованіе ученія новаго догмата о непогрѣшимости, потому что неизбѣжное при этомъ опредѣленіе дастъ врагамъ папы новое оружіе противъ него. Адресъ этотъ не былъ принятъ. 20 февраля, какъ бы въ отвѣтъ на него, изданъ былъ новый порядокъ дѣлопроизводства, по которому предсѣдательствующимъ легатамъ предоставлялась обширная власть; рѣшеніе постановленій собора, по существовавшему до сихъ поръ закону, зависѣло отъ отцовъ церкви, отъ ихъ единодушнаго соглашенія между собою, тогда какъ теперь, напротивъ, рѣшеніе предоставлено было большинству, черезъ подачу голосовъ, а въ большинствѣ сомнѣваться нельзя было: оно было на сторонѣ папы. Къ тому же меньшинство, устрашенное силою своихъ противниковъ, ихъ числомъ, дерзостью, съ какою они опровергали всякое противорѣчіе, само начало колебаться, между нимъ появилось разногласіе, и оно потеряло мужество. Въ мартѣ 1870 года началась подача голосовъ: первое дѣло, подвергнутое голосованію, заключалось въ религіозномъ ученіи «schema de fide» съ своими анаѳемами: 513 голосовъ подали свое мнѣніе за placet; 83 съ ограниченіями — juxta modum placet. 24 апрѣля папа обнародовалъ этотъ законъ. Но 14 мая приступлено было къ важнѣйшему вопросу, къ постановленію «de Romano pontifice». Первоначальный, истинный смыслъ ученія церкви былъ слѣдующій: церковь непогрѣшима, и учительская корпорація ея непогрѣшима, т. е. совокупность ея епископовъ; изъ нихъ первый — папа, онъ вмѣстѣ съ соборомъ епископовъ всегда установляетъ и свидѣтельствуетъ о томъ, что во всѣ времена и повсюду считалось и утверждалось какъ непреложная христіанская истина; по новой редакціи говорилось: римскій папа въ силу

завѣщанной ему помощи Божіей ошибаться не можетъ, онъ непогрѣшимъ, когда онъ, исполняя свое высокое назначеніе учителя церкви, что полагаетъ въ силу своего апостольскаго права; онъ одинъ можетъ непреложно сказать, чего въ дѣлѣ вѣры и христіанскаго обычая держаться, или что отвергать; подобныя постановленія и изреченія его, по своей сущности, непреложны, неизмѣняемы, и каждый христіанинъ долженъ принимать ихъ съ полною вѣрою и подчиняться имъ съ полною покорностью. Съ этихъ поръ всякое, даже самое почтительное и робкое противорѣчіе должно было исчезнуть, когда Римъ, т. е. папа высказывалъ свое мнѣніе. Разница была громадная между непогрѣшимостью папы, въ силу согласія его съ церковью (ex consensu ecclesiae) и непогрѣшимостью папы самого по себѣ (ex sese). Многіе со страхомъ и волненіемъ думали: если послѣднее сдѣлается догматомъ, то одинъ человѣкъ возводится на степень полубога, верховнаго владыки всѣхъ дѣлъ и помысловъ огромнаго количества людей, принадлежащихъ къ римско-католическому вѣроисповѣданію; власть огромная, равной которой не можетъ быть: есть-ли на свѣтѣ что нибудь такое, что не имѣло бы какого бы то ни было отношенія къ религіи, или къ нравственности? — Римско-католическая церковь, не смотря на всѣ свои недостатки и несовершенства, все-таки можетъ почесться спасительнымъ, благотворнымъ, благодѣтельнымъ учрежденіемъ для многихъ; она по своей организаціи, во многихъ отношеніяхъ, удивительной, состоящей изъ смѣшанныхъ монархическихъ, аристократическихъ и демократическихъ элементовъ, могла принести еще много пользы, но тутъ она своими правами пожертвовала абсолютизму, не находящему себѣ равнаго во всѣхъ новѣйшихъ законодательствахъ и сравнимому только съ самыми грубыми формами древнѣйшаго деспотизма восточныхъ государствъ. Чтобы вѣрнѣе обрисовать характеръ людей, требовавшихъ этого абсолютизма, намъ достаточно привести одинъ примѣръ, указать на одинъ отчетъ о соборѣ, написанный однимъ французскимъ депутатомъ; приводя причину, почему необходимо предоставить папѣ непогрѣшимость, авторъ говоритъ слѣдующее: «Апостолъ Петръ, пишетъ епископъ, былъ распятъ головою внизъ, слѣдовательно, въ послѣднія минуты своей жизни, вся тяжесть его тѣла покоилась на его головѣ: поэтому папа, какъ глава церкви, несетъ на себѣ всю ея тяжесть; но, продолжалъ схоластикъ, не тотъ непогрѣшимъ, кого несутъ, но тотъ, который несетъ.» Подобныя доказательства могли нравиться только людямъ ограниченнымъ; къ несчастію, такихъ было много; но они также мало понимали богословскія тонкости, какъ и самъ Пій IX; его недостатокъ знаній въ богословіи, какъ и во всѣхъ прочихъ наукахъ, уже давно былъ извѣстенъ ученымъ епископамъ, не только въ Германіи, но и въ остальной Европѣ.

Намъ нѣтъ надобности слѣдовать за дальнѣйшимъ ходомъ этого печальнаго собора заблуждающихся. Меньшинство духовныхъ членовъ собора еще сдѣлало нѣсколько безуспѣшныхъ слабыхъ попытокъ, чтобы остановить дѣло, но не могло даже дойти до такого протеста, какой выражается молчаніемъ. Около половины іюня въ Римѣ началось волненіе: процессіи шумно тянулись по улицамъ, въ церквахъ служили молебствія, испрашивая у святыхъ угодниковъ, чтобы святѣйшему отцу-папѣ даровано было великое благо непогрѣшимости. Между прочимъ 40 человѣкъ изъ преданныхъ папѣ членовъ собора написали адресъ, въ которомъ они «униженно припадали къ стопамъ папы и молили его сдѣлать ихъ участниками всеобщей радости вѣрныхъ, позволить имъ отдохнуть подъ тѣнью его непогрѣшимаго могущества!»

Желаніе ихъ исполнилось; 13 іюля было назначено для окончательной рѣшительной подачи голосовъ. Въ соборѣ присутствовало 601 отцовъ церкви; изъ нихъ 88 человѣкъ подали отрицательный голосъ: non placet, 62 juxta modum placet, а остальные просто placet. Еще разъ ораторъ меньшинства кардиналъ Раушеръ попытался отвратить торжественное обнародованіе вывода голосованія; епископъ Кеттелеръ бросился передъ папою на колѣни и молилъ его отвратить опасность, которая неминуемо угрожала: напрасно! Недовольные, всего 115 человѣкъ, оставили «вѣчный городъ»; имъ тутъ нечего было больше дѣлать, роковое дѣло было рѣшено; епископы, одинъ за другимъ, послѣ болѣе продолжительной, или болѣе короткой борьбы съ собою, нельзя сказать принимали новый догматъ или увѣровали въ него, но по крайней мѣрѣ подчинялись ему,

но что хуже всего, многіе изъ нихъ съ удвоенною ненавистью начали преслѣдовать тѣхъ, которые, слѣдуя божественной искрѣ, тлѣющей въ душѣ каждаго разумнаго существа, не могли и не хотѣли признавать непогрѣшимой святости и безошибочности смертнаго. 18-го іюля послѣ послѣдней подачи голосовъ, въ которой несогласное меньшинство епископовъ не участвовало, папа обнародовалъ уставы церковные и касающіеся исключительно папы — de ecclesia и de Romano pontifice; объявлено было это законодательство съ обычными анаѳемами противъ еретиковъ и невѣрующихъ: такимъ образомъ началась борьба, конецъ которой предстоитъ будущимъ поколѣніямъ; нашимъ же современникамъ не дождаться его.

Въ то самое время, когда соборъ римскій началъ окончательную борьбу съ здравымъ смысломъ и съ духомъ христіанской религіи; въ маленькомъ германскомъ городкѣ съ минеральными водами произошли событія, которыя имѣли внутреннюю связь съ тѣмъ, что происходило въ Римѣ; въ то самое время, когда Пій IX съ торжествомъ обнародовалъ свою побѣду, готовилась война; за пушечнымъ громомъ ея на время смолкъ схоластическій шумъ опредѣленій и выводовъ. Началась борьба между германскою и романскою народностями; представители и защитники первой изъ нихъ до сихъ поръ безполезно сражались своимъ тупымъ оружіемъ въ Римѣ, не догадываясь, что борьба, начатая словесно, разразится кровавою, роковою войною между Германіей и Франціей.

3. Германія.

Война 1866 года въ сущности не разрѣшила ни нѣмецкаго, ни итальянскаго, ни австрійскаго вопроса; но она подготовила разрѣшеніе его и сравнительно облегчила окончаніе его; Австрія, вслѣдствіе войны, была выдѣлена изъ числа германскихъ союзныхъ государствъ; она, по своему разнохарактерному и разнородному составу, не находилась въ тѣхъ же условіяхъ жизни, какъ они и потому не раздѣляла ихъ потребностей; между тѣмъ германскій союзъ могъ тѣснѣе сплотиться, потому что остались только такія части союза, которыя связаны были одинаковыми интересами и слѣдовательно даже поэтому способны были къ тѣснѣйшему сліянію. Ни Австрія, ни Германія нисколько не потеряли отъ этого раздѣленія. Та и другая вмѣсто того, чтобы находиться въ насильственной неплодотворной политической связи между собою, нашли возможность свободно развиться каждая въ своей собственной сферѣ; это условіе первой необходимости для здороваго органическаго развитія каждаго народа. Въ нравственной и умственной жизни Германіи нѣмецкая часть Австріи принимала такое же живое участіе, какъ передъ войною, и чѣмъ сильнѣе и здоровѣе Германія развивалась, съ тѣмъ большимъ сочувствіемъ она относилась къ родственному элементу въ Австріи и была ей надеждой въ борьбѣ съ иноплеменными силами, готовыми разрушить ея единство. Для Пруссіи ближайшее слѣдствіе успѣшной войны заключалось въ томъ, что она положила конецъ внутреннимъ ея несогласіямъ — конституціоннымъ столкновеніямъ. Побѣды такого рода, какія одержала Пруссія, вообще сами по себѣ уже измѣняютъ общее настроеніе умовъ; выборы, производившіеся въ земскіе сеймы въ то же время, когда произошло сраженіе при Кенигсгрецѣ, могли служить доказательствомъ того, какъ извѣстіе о побѣдѣ подѣйствовало на выборы; большая половина депутатскихъ мѣстъ отданы были людямъ, приверженнымъ правительству. Но это было еще не самое важное. Все отношеніе народа къ правителтству вполнѣ измѣнилось: когда король возвратился въ Берлинъ 4 августа, чтобы лично открыть земскій сеймъ, тогда народъ встрѣтилъ его съ полнымъ восторгомъ, также прибывшаго съ нимъ кронпринца, и Мольтке, вдругъ сдѣлавшихся европейскими знаменитостями первой величины; тоже сочувствіе встрѣтило министровъ Бисмарка и Роона.

До сихъ поръ раздѣлявшіяся партіи какъ будто никогда не существовали: ни прежніе либералы, ни консерваторы не были тѣми, какими были прежде. Произошелъ такого рода переворотъ, какого не ожидали и не надѣялись самые заносчивые либералы, и какого не опасались даже самые боязливые и дальновидные консерваторы. Консерваторы по справедливости могли теперь хвалиться

тѣмъ, что вся реорганизація войска, первая причина успѣховъ, частію зависѣла отъ ихъ усерднаго содѣйствія; съ другой стороны либералы, т. е. по крайней мѣрѣ такіе, у которыхъ дѣйствительно были нѣкоторыя внѣшнія политическіе идеи, могли указать на то, что министръ-консерваторъ привелъ въ исполненіе ихъ планы, и еще радикальнѣе и въ обширнѣйшемъ размѣрѣ, чѣмъ они это предполагали въ своихъ мечтахъ: Австрія была выдѣлена изъ Германскаго союза, три трона и одно самостоятельное существованіе города были разрушены; это былъ разрывъ съ прошедшимъ, равный по своимъ послѣдствіямъ революціи. Но это завоеваніе и присоединеніе было только началомъ; нужно было эти государства, окончательно, по своей внутренней организаціи, слить съ Пруссіей, а это было возможно только при содѣйствіи либераловъ и посредствомъ конституціи. Потому что консерваторы тѣхъ странъ — пасторы и дворяне, были враждебны Пруссіи, тогда какъ либералы уже давно были преданы ей. Между сотрудниками «Крестовой Газеты» (Kreuzzeitung) были многіе, утверждавшіе, что наступило время, когда послѣ многочисленныхъ побѣдъ, реакція можетъ насладиться униженіемъ либераловъ. Король и его великій министръ по своей мудрости рѣшили иначе воспользоваться своимъ успѣхомъ: всѣ силы употребить на то, чтобы достигнуть полнаго и откровеннаго примиренія съ подданными. Это, великое, славное, благодѣтельное рѣшеніе, имѣвшее историческое значеніе, оплодотворенное и облагороженное побѣдами; подданные проникнуты были радостью, когда король въ своей тронной рѣчи, при открытіи сейма, сказалъ: «что онъ вполнѣ сознаетъ, на сколько государственныя издержки въ послѣднее время нуждаются въ законномъ подтвержденіи палаты представителей на основаніи § 99 конституціи, но онъ надѣется, что представители народные не откажутся войти въ соглашеніе (Indemnität) съ правительствомъ, въ которомъ оно нуждается и котораго будетъ домогаться». — Слова короля произвели огромное впечатлѣніе: то, о чемъ въ послѣднее время министры не говорили, теперь произнесъ самъ король, побѣдитель въ величайшей изъ битвъ послѣ Ватерлооской. Согласіе между правительствомъ и народомъ было возстановлено и тѣмъ положено основаніе къ органическому развитію германскихъ отношеній: самый драгоцѣнный даръ этого государства заключался въ сильной и популярной наслѣдственности монархіи — въ единствѣ, существующемъ между народомъ и государемъ, наконецъ возстановленномъ во всей силѣ, послѣ довольно продолжительнаго разногласія.

Съ большимъ тактомъ честный Грабовъ, бывшій президентомъ во время столкновеній съ палатой, отказался отъ своего мѣста, когда его во время вторичныхъ выборовъ опять избрали въ президенты палаты. Послѣ этого по большинству 190 голосовъ выборъ палъ на депутата Макса фонъ Форкенбека, человѣка твердаго и съ умѣреннымъ образомъ мыслей; онъ еще прежде въ вопросѣ о военной реоганизаціи всегда старался быть примирителемъ; первая его заслуга состояла въ томъ, что онъ составилъ проектъ отвѣтнаго адреса такъ удачно, что его единодушно предпочли сотнѣ другихъ проектовъ ежедневно появлявшихся, какъ грибы послѣ теплаго дождя; его же проектъ имѣлъ то величайшее достоинство, что примирялъ и соглашалъ всѣ разногласія и всѣ партіи. Соглашеніе (Indemnität) съ правительствомъ было наконецъ опредѣлено, 3 сентября, большинствомъ 230 голосовъ противъ 75; въ числѣ ихъ были депутаты польскіе, часть католической партіи и непсправимая партія прогрессистовъ съ Іоганомъ Якоби во главѣ; согласіе на кредитъ въ 60 милліоновъ, котораго требовало правительство на пополненіе государственныхъ ученыхъ потребностей, было дано — тѣмъ скрѣплялось благоразумное учрежденіе, созданное чиновничествомъ абсолютизма, но удержавшееся и во время волненій и борьбы парламентской.

Августа 17 предложены были сейму на разсмотрѣніе проекты учрежденій, касающіеся вновь пріобрѣтенныхъ войною странъ. Королевская вѣдомость предлагала сейму заняться проектомъ закона, закрѣплявшимъ за Пруссіей Ганноверъ, Курггессенъ, Нассау и городъ Франкфуртъ, также присоединить къ ней Шлезвигъ-Гольштейнъ и Лауэнбургъ, до сихъ поръ только лично королемъ связанные съ Пруссіей, и такимъ образомъ превратить ее изъ государства въ 5058 квадратныхъ миль съ народонаселеніемъ въ 18 милліоновъ, въ округленное и увеличенное государство въ 6.395 квад. миль съ 23.590,543 жит. Исключая не-

значительнаго количества датчанъ, все прибавившееся къ Пруссіи народонаселеніе состояло изъ нѣмцевъ, исповѣдующихъ протестантскую вѣру. Тѣснѣйшее сліяніе этихъ вновь пріобрѣтенныхъ государствъ съ Пруссіей пойдетъ скорѣе и лучше, нежели присоединенія, сдѣланныя въ 1815 году; это можно было предсказать съ достовѣрностью. Съ Гессеномъ и Нассау предвидѣлось мало хлопотъ; Нассау въ 1815 году составленъ былъ изъ множества лоскутковъ и обрѣзковъ; въ немъ еще не успѣло развиться чувства національнаго единства, къ тому же плохое, насильственное, притѣснительное управленіе послѣднихъ герцоговъ истребило здѣсь всю преданность, къ какой народы германскихъ племенъ способны въ отношеніи къ своимъ государямъ. Самъ герцогъ это чувствовалъ и потому избралъ благую часть: онъ отказался отъ престола, принялъ значительную сумму денегъ, удержалъ за собою нѣсколько замковъ и помѣстій и могъ жить такъ, какъ прежде, даже еще богаче. Въ Гессенѣ тоже перемѣна произошла безъ болѣзненнаго усилія: тамъ въ сущности были довольны, что такимъ удобнымъ образомъ отдѣлались отъ прирожденной жестокости и тиранніи царствующей династіи. Труднѣе было уладиться съ Франкфуртомъ, гдѣ господствовали заносчивые, гордые своимъ богатствомъ, консервативные въ худшемъ значеніи слова, патриціи и мѣщане, гордые своими правами, не допускавшіе въ среду свою ни одного пришельца, замкнутые въ своемъ кругу и довольствующіеся спокойнымъ пріобрѣтеніемъ, не допуская конкуренціи, и слѣдовательно ненавидящіе новый порядокъ вещей и насильственное вторженіе чужихъ началъ въ свой тѣсно замкнутый міръ. Опытный франкфуртскій дипломатъ, сенаторъ Мюллеръ, отправленный въ Никольсбургъ для того, чтобы вести мирные переговоры, выслушалъ непзмѣнную волю прусскаго короля, выраженную Бисмаркомъ, что окончательное присоединеніе Пруссіи рѣшено, но что въ случаѣ, если городъ покорно и добровольно подчинится своей участи, то ему предоставлены будутъ льготы и привиллегіи; Мюллеръ однакожь съ неподражаемымъ простосердечіемъ объявилъ побѣдителю, что Франкфуртъ долженъ оставаться вольнымъ городомъ и для того, чтобы служить приманкою для южно-германскихъ государствъ, потому, что по его мнѣнію Пруссія не остановится на Майнѣ, слѣдовало бы даже расширить область города; при своемъ внутреннемъ самодовольствіи онъ даже полагалъ, что слова его произвели сильное впечатлѣніе на побѣдителя. Но вскорѣ убѣдился въ истинѣ: нѣкоторымъ утѣшеніемъ для жителей было то, что контрибуція, возложенная на вольный городъ, не была взыскана отъ прусскихъ подданныхъ и когда занялись разсматриваніемъ и распредѣленіемъ городскихъ имуществъ, король изъ собственныхъ средствъ къ 2 милліонамъ вознагражденія добавилъ остальное. Городъ существенно немного потерялъ: онъ лишился нѣкоторыхъ воображаемыхъ благъ и напротивъ отдѣлался отъ многихъ дѣйствительныхъ злоупотребленій. Люди, все видѣвшіе въ мрачномъ свѣтѣ, ошиблись: городъ вовсе не упалъ отъ присоединенія къ Пруссіи, напротивъ: благосостояніе его увеличилось при благоразумномъ и кроткомъ управленіи. Сначала общая военная повинность встрѣчена была съ ропотомъ; богатыя семейства выселялись въ Швейцарію; но-мало-по малу, и съ этимъ неудобствомъ примирились. Труднѣе всего подчинялся Ганноверъ; жители его съ видимымъ отвращеніемъ покорялись прусскому владычеству. Ганноверъ еще разъ попытался измѣнить свою судьбу: отъ него явилась къ королю Вильгельму депутація государственныхъ чиновъ съ почтительною просьбою возвратить королевству самостоятельность и возстановить лишившуюся престола древнюю династію. Король очень милостиво и ласково принялъ депутацію, сказалъ, что уважаетъ вѣрность ганноверцевъ престолу, похвалилъ ихъ за неизмѣнную ихъ преданность, но въ тоже время подтвердилъ, что рѣшеніе его непзмѣнно. Онъ изложилъ депутаціи причины, побуждавшія его такъ дѣйствовать: онъ въ началѣ своего царствованія только мечталъ о нравственномъ завоеваніи Германіи, но что теперь его, 70 лѣтняго старца, неизбѣжныя обстоятельства, непримиримая вражда мнимыхъ союзниковъ и обязанность охранять выгоды и самое существованіе Пруссіи заставили измѣнить свой взглядъ на вещи и отъ нравственныхъ завоеваній перейти къ дѣйствительнымъ, фактическимъ.

Не только обязанности въ отношеніи Пруссіи заставили короля Вильгельма

сдѣлаться завоевателемъ, но и убѣжденіе, что присоединеніе къ Пруссіи принесетъ пользу покореннымъ народамъ, что худшій порядокъ вещей замѣненъ будетъ лучшимъ, желаніе дать исторической жизни великаго народа большее развитіе, открыть ему пути къ дальнѣйшему совершенствованію и наконецъ измѣнить его ложное положеніе, по которому онъ, въ каждую данную минуту, готовъ былъ вести заговоры противъ благосостоянія цѣлаго, для своихъ личныхъ выгодъ входить въ сношенія съ врагами отечества,—все это вмѣстѣ побудило короля Вильгельма измѣнить ходъ своихъ плановъ и способъ дѣйствія.

Король прусскій хорошо понималъ отношенія къ себѣ покоренныхъ и лишенныхъ престола государей; онъ былъ на сторожѣ. Бывшій король ганноверскій не хотѣлъ отказаться отъ своихъ надеждъ и правъ: онъ употреблялъ оставшіяся ему большія денежныя средства на то, чтобы сформировать вельфскій легіонъ съ тѣмъ, чтобы вторгнуться въ Пруссію вслѣдъ за французами, или вмѣстѣ съ ними, когда императоръ Наполеонъ объявитъ войну. Тоже самое чувство мы находимъ въ письмѣ одной изъ нѣмецкихъ принцессъ, королевы голландской, дочери Вильгельма I Вюртембергскаго, писанное на имя императора Наполеона, какъ къ протектору германской системы территоріальнаго раздѣленія; нѣсколько времени спустя, одинъ изъ профессоровъ, слывшій горячимъ патріотомъ, также единое спасеніе для Германіи видѣлъ во вмѣшательствѣ французскомъ: указывалъ Наполеону на ту же роль, какую игралъ въ 17 столѣтіи Густавъ-Адольфъ, призывалъ его быть покровителемъ германской свободы; письмо писано на имя французскаго посланника въ Гаагѣ, но очевидно назначено самому императору Наполеону; оно цѣликомъ помѣщено въ сочиненіи Таксиля Делорда. Письмо писано 18 іюля 1866 года; въ немъ говорилось: «сожалѣю, что вы не видите опасности, какія представляетъ могущественная Германія и могущественная Италія. Вашей династіи угрожаетъ опасность. Когда Венеція была уступлена, вамъ слѣдовало бы идти на Рейнъ и предписать свои условія. Дозволить, чтобы Австрія была задушена, это больше чѣмъ преступленіе, это ошибка...» «Можетъ быть, стояло дальше, это мое послѣднее письмо; но я считалъ бы нарушеніемъ *старинной* искренней дружбы къ вамъ, еслибы *я* въ послѣдній разъ не высказалъ полной правды. Я не надѣюсь, чтобы голосъ мой былъ услышанъ, но мнѣ хотѣлось бы, чтобы я впослѣдствіи могъ сказать себѣ, что я все сдѣлалъ, чтобы предупредить гибель того, кто мнѣ показалъ столько довѣрія и такую благосклонность и пробудилъ во мнѣ такую преданность.»

Впрочемъ и въ непрусской Германіи были не совсѣмъ недовольны тѣмъ упрощеніемъ карты, какое произошло отъ завоеваній Пруссіи, въ 1866 году. Въ прусской палатѣ депутатовъ проектъ закона присоединенія былъ принятъ большинствомъ голосовъ противъ 14 голосовъ радикаловъ; на короткій годичный срокъ переходнаго положенія, для вновь пріобрѣтенныхъ странъ правительству предоставлено было диктаторство; по истеченіи этого срока въ нихъ, равно какъ и въ Шлезвигѣ и Гольштиніи, предположено было ввести прусское законодательство. Самая тягостная въ началѣ, но самая дѣйствительная и благодѣтельная часть прусскаго законодательства, общая воинская повинность, была немедленно введена во вновь завоеванныхъ земляхъ.

Но и въ срокъ прусскаго диктаторства все-таки представительное начало оставалось въ полной силѣ, потому что немедленно приступлено было къ организаціи новаго сѣверо-германскаго союза; когда изданы были патенты на присоединеніе Ганновера, Гессена и проч. областей къ Пруссіи, тогда лишенные престола государи, ганноверскій и гессенскій, издали свои безсильные протесты. Между тѣмъ и послѣдніе мирные договоры были подписаны съ княгиней-регентшей Каролиной фонъ-Рейсъ, старшей линіи, герцогомъ Саксенъ-Мейнингенъ-Гильдбургаузенъ, Бернгардомъ Эрихомъ-Фрейндъ, и наконецъ съ королемъ саксонскимъ, а 16 августа уже состоялся союзный договоръ въ размѣрѣ и въ смыслѣ предложенномъ Пруссіей; 15 государствъ подписали его. Демократы не въ одной только Пруссіи, но и въ иныхъ мѣстахъ Германіи не очень-то довольны были тѣмъ, что еще оставалось такъ много отдѣльныхъ, самостоятельныхъ государствъ; они находили, что мелкія и мельчайшія изъ владѣній болѣе всего нуждаются въ томъ, чтобы присоединиться къ крупнѣйшимъ, что при фе-

деральной формѣ правленія на нихъ падаютъ слишкомъ большія тяжести, не представляя никакихъ осязательныхъ выгодъ; что общая военная повинность, соединенная съ издержками, какія ведетъ за собою содержаніе каждаго отдѣльнаго государя съ дворомъ и со всѣмъ сопряженнымъ съ нимъ чиновничествомъ, ихъ буквально подавляетъ. Это было, въ самомъ дѣлѣ, правда; но Бисмаркъ справедливо утверждалъ, что Пруссія обязана исполнить обѣщаніе, данное этимъ государствамъ во время войны. «Чѣмъ энергичнѣе Пруссія доказала, говорилъ онъ, какъ она умѣетъ съ географической карты стирать названія отдѣльныхъ государствъ, тѣмъ съ большею точностію она обязана выполнить обѣщаніе, данное друзьямъ.» Послѣ того, какъ этотъ государственный человѣкъ выказалъ свою смѣлость и энергію, онъ съ какою-то болѣзненною робостью, въ слѣдующее за тѣмъ время, старался не оставлять однажды предназначеннаго себѣ пути.

15 декабря, въ 1866 году открылъ онъ засѣданія конференіи соединенныхъ союзныхъ державъ въ Берлинѣ; здѣсь положено было обсудить новое союзное законодательство, съ тѣмъ, чтобы на основаніи франкфуртскаго закона о выборахъ, утвержденнаго въ 1849 году, собрать союзный сеймъ и окончательно утвердить на немъ новое законодательство сѣверо-германскаго союза. Въ своей рѣчи, онъ съ обычною ясностію изложилъ практическую необходимость тѣснѣйшаго союза: единства по необходимости; онъ объяснилъ, почему великая германская нація такое долгое время была обречена на бездѣйствіе и безсиліе; какъ въ высшей степени благодѣтельное учрежденіе таможеннаго союза (Zollverein) было отсрочиваемо черезъ каждыя 12 лѣтъ и только въ эти ограниченные сроки могло развиваться. Честный взглядъ на вещи короля саксонскаго и уваженіе, какое ему выказывали въ совѣщаніяхъ, содѣйствовали къ скорѣйшему окончанію законодательства, такъ что уже 7 февраля 1867 года окончательный протоколъ былъ подписанъ. Затѣмъ, 8 февраля, закрыты были сессіи прусскаго сейма; члены его прониклись значеніемъ своихъ новыхъ обязанностей; они поняли, что должны быть опорой для своего правительства и всѣми силами содѣйствовать ему при переходѣ въ новое политическое положеніе. Въ заключительной рѣчи своей, король съ увѣренностію говорилъ о томъ, что новая организація Германіи будетъ окончена съ успѣхомъ: «я почту высшей славой моего царствованія, если Богъ меня сподобитъ употребить силу моего народа на то, чтобы установить прочное единство и согласіе между племенами Германіи и между царствующими надъ ними государями.»

24 февраля открылъ онъ въ Берлинѣ первый союзный сеймъ сѣверо-германскаго союза рѣчью, къ которой вся Европа прислушалась: его одушевлялъ моментъ, великій по своему значенію, когда два народа, прусскій и германскій, соединялись для того, чтобы идти къ одной общей цѣли. Коронованный ораторъ упоминалъ о препятствіяхъ, съ давнихъ поръ мѣшавшихъ этому соединенію, не смотря на давнишнее желаніе народовъ достигнуть выполненія этой трудной задачи; но до сихъ поръ задача эта еще не разрѣшена и представляетъ большія трудности, но изъ-за желаемаго нельзя жертвовать тѣмъ, до чего можно достигнуть. Онъ не забылъ упомянуть и о южно-германскихъ государствахъ: «нашимъ соотечественникамъ на югъ отъ Майна, мы всегда готовы содѣйствовать, мы готовы протянуть имъ руку для соглашенія съ ними, для мирнаго и свободнаго общенія съ ними; сѣверо-германскій союзъ первый готовъ будетъ предложить братскій союзъ южно-германскимъ государствамъ, лишь только устроитъ и упрочитъ свое внутреннее состояніе, что способенъ будетъ заключать договоры и соглашенія. Во всѣхъ отношеніяхъ характеръ сѣверо-германскаго союза чисто миролюбивый: «германскіе племена и народы соединяются не для нападенія, а только для обоюдной обороны.»

4 марта союзному сейму предложенъ былъ проектъ законовъ и отношеній между правительствами, вступающими въ союзъ. Проектъ этотъ не былъ выкроенъ по какому нибудь существующему, аккредитованному образцу, но выработанъ сообразно съ существующими потребностями Германіи; да и самый союзъ монархій было нѣчто новое, небывалое: это было то, что древніе называли равноправнымъ союзомъ foedus aequum, если только союзъ между однимъ сильнымъ и многими слабыми можетъ быть названъ равноправнымъ. Потому что изъ

7,561 кв. миль и 29.226,000 ж. въ цѣломъ сѣверо-германскомъ союзѣ на долю Пруссіи выпадало $^6/_7$; второе по величинѣ своей государство этого союза было королевство Саксонія; въ немъ насчитывалось 2.300,000 на 272 кв. миляхъ; остальныя 21 государство союза были несравненно меньше и незначительнѣе. Но малыя государства не имѣли причины быть недовольными своимъ положеніемъ: они оставались независимы и самостоятельны во всемъ, въ чемъ небольшія государства могутъ желать распоряжаться независимо: только въ томъ, въ чемъ имъ никогда не слѣдовало имѣть своей воли, они были тѣсно связаны — въ военномъ отношеніи и внѣшней политикѣ. Жертвы на этотъ разъ пришлось приносить государямъ, а не ихъ подданнымъ.

Въ проектѣ союзнаго законодательства сперва пересчитывались государства, входящія въ составъ союза, а ужь потомъ переходили къ союзнымъ постановленіямъ: § 2. Законы союза имѣютъ преимущество передъ мѣстными законами. По § 3, вызванному потребностями времени и уменьшавшему зло, какое напоспѣ обособленіе преимущественно въ военное время: по образцу Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, каждый изъ подданныхъ одного изъ государствъ союза въ одно и тоже время есть гражданинъ всѣхъ остальныхъ союзныхъ державъ и имѣетъ равныя съ туземцами права; всѣ принадлежащіе къ союзу имѣютъ равныя права на покровительство остальныхъ союзниковъ. Далѣе, въ § 4, законы союза ограничивались извѣстнымъ числомъ общихъ отношеній: право безъ стѣсненій переходить съ одного мѣста жительства на другое; права родины и мѣста жительства, колонизація и право выселенія; торговые и таможенные законы, косвенные налоги; примѣненіе общей монетной системы, мѣры, вѣса, банковыхъ учрежденій, патентовъ на изобрѣтеніе и охраненіе духовной собственности, покровительство нѣмецкой торговлѣ въ иностранныхъ государствахъ; учрежденіе консульствъ, общаго для всей Германіи военнаго и торговаго флага, желѣзнодорожное движеніе, рѣчныя и водяныя пошлины, почтовое и телеграфное вѣдомство; общее для всѣхъ союзниковъ гражданское дѣлопроизводство, конкурсное учрежденіе, торговое и вексельное право — все это вмѣстѣ представляетъ область довольно обширной и многообразной дѣятельности и, въ случаѣ надобности, его всегда можно еще больше расширить. Законъ для союзнаго управленія можетъ быть данъ только по взаимному согласію союзнаго совѣта и сейма (Bundesrath и Reichstag). Союзный совѣтъ состоитъ изъ депутатовъ отдѣльныхъ государствъ, входящихъ въ составъ союза; всѣ они располагаютъ 43 голосами; на долю Пруссіи приходится 17, Саксоніи 4 и т. д., такъ что все-таки остается возможность перевѣшивать мнѣніе Пруссіи; каждый изъ членовъ союза имѣетъ право предлагать законъ; рѣшаются дѣла по большинству голосовъ; двѣ трети большинства рѣшаютъ законодательныя измѣненія; дѣлопроизводство такъ устроено, что союзный совѣтъ для главныхъ отраслей изъ своей среды назначаетъ постоянныя комиссіи, при этомъ исключительное вниманіе обращено было на знаніе дѣла назначаемыхъ, не принимая въ разсчетъ откуда они родомъ, хотя-бы они были депутатами такихъ ничтожныхъ областей какъ Вальдекъ или младшая линія Рейсъ; но за знаніе они становились выше, совсѣмъ не то что было при старинномъ устройствѣ союзнаго управленія; только для совѣтовъ по 1 и 2 статьѣ, т. е. для управленія арміей и флотомъ союзный фельдмаршалъ избираетъ членовъ, для всѣхъ прочихъ они назначаются выборами; каждый изъ членовъ имѣетъ право являться въ союзный совѣтъ и на сеймъ и также какъ министры въ палатахъ, имѣютъ право требовать, чтобы ихъ выслушали. Союзный сеймъ составляется по общему и прямому народному выбору. Его засѣданія публичны, и онъ имѣетъ право предлагать проекты законовъ; члены выбираются на трехгодичный срокъ; они — представители цѣлаго народа; отъ ихъ назначенія ихъ нельзя отвлекать: имъ нельзя давать порученій, ихъ не связываютъ инструкціи; они пользуются правами депутатовъ всякаго конституціоннаго государства, но не получаютъ никакихъ окладовъ. По IV статьѣ опредѣлялось президентство союза; какъ это можно было ожидать, оно исключительно предоставлено было прусской коронѣ. Президентство союза, отъ имени союза, рѣшаетъ войну и миръ, заключаетъ договоры и союзы, принимаетъ иностранныя посольства и выдаетъ кредитивы своимъ; назначаетъ управляющаго дѣлами союзнаго канцлера,

созываетъ, открываетъ, отсрочиваетъ и закрываетъ союзный совѣтъ и союзный сеймъ; но обязательно тотъ и другой собираются ежегодно; распускается союзный сеймъ по рѣшенію союзнаго совѣта и съ согласія президента. Если какое либо изъ союзныхъ государствъ не выполняетъ своихъ обязанностей въ отношеніи союза, то допускается экзекуція; если-бы отъ промедленія этой мѣры угрожала какая либо опасность, то союзный полководецъ можетъ отъ себя назначить экзекуцію, во всѣхъ же иныхъ случаяхъ она можетъ быть опредѣлена только союзнымъ совѣтомъ. Въ VI, VII и VIII статьѣ дѣло шло о таможенныхъ, торговыхъ, желѣзнодорожныхъ, почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденіяхъ; цѣль ихъ заключалась въ томъ, чтобы утвердить объединеніе Германіи; для этого особенно упрощены были почтовыя и телеграфныя правила съ тѣмъ, чтобы облегчить сношенія между союзниками; чиновники на всѣ должности по этимъ частямъ назначались президентствомъ, однакожъ съ согласія мѣстныхъ правительствъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ имъ приходится исполнять свою должность. Военный флотъ есть общая принадлежность союза, но находится подъ непосредственнымъ начальствомъ короля прусскаго; Вильгельмсгафенъ (Яде) и Киль сдѣланы союзными военными гаванями. Это по X статьѣ. По XI статьѣ опредѣлялось устройство союзнаго войска: войско общее, номера линейныхъ полковъ послѣдовательные для цѣлой арміи; клятву знамени солдаты приносятъ королю прусскому, какъ союзному фельдмаршалу; онъ назначаетъ и производитъ смотры и опредѣляетъ по своему усмотрѣнію начальниковъ на высшія военныя должности, выбирая ихъ не стѣсняясь изъ всѣхъ союзныхъ государствъ: остальныхъ офицеровъ выбираютъ мѣстные государи для своихъ частей войска. Въ XII статьѣ дѣло шло о финансахъ: гдѣ доходы союза, получаемые отъ таможенныхъ сборовъ, налоговъ, почтъ и т. д., недостаточны, тамъ положена было пополнять ихъ матрикулярнымъ сборомъ. Въ XIII статьѣ дѣло шло о примиреніи тяжущихся и объ уголовныхъ наказаніяхъ; статья XIV состояла изъ одного только, но очень важнаго постановленія: «послѣ утвержденія сѣверо-германскаго союзнаго законодательства, отношеніе союза къ южно-германскимъ государствамъ будетъ опредѣлено и установлено особыми договорами, проекты которыхъ будутъ предложены для разсмотрѣнія союзнаго сейма.»

Мы предоставляемъ читателю провести параллель между союзнымъ актомъ 1815 года, помѣщеннаго нами въ началѣ предъидущаго тома, и сравнить, на сколько великъ успѣхъ, сдѣланный Германіей въ теченіе пятидесятилѣтней своей дѣятельности. На этотъ разъ объединеніе Германіи, покрайней мѣрѣ сѣверной ея части, было достигнуто легко, безъ борьбы, внутреннихъ потрясеній; собравшіеся депутаты, какъ бы въ память парламентской попытки 1849 года, избрали своимъ президентомъ Симсона, того самаго, который, былъ президентомъ франкфуртскаго парламента, въ то достопамятное засѣданіе, когда онъ провозгласилъ германскимъ императоромъ Вильгельма, короля прусскаго. Польскіе и шлезвигскіе депутаты воспользовались этимъ случаемъ, чтобы протестовать противъ присоединенія польской и датской территоріи къ сѣверо-германскому союзу; кромѣ того нѣкоторыя затрудненія представляло военное законоположеніе и вопросъ о діэтѣ — о столовыхъ и суточныхъ деньгахъ, назначаемыхъ членамъ союзнаго сейма. Когда поднятъ былъ вопросъ о томъ, чтобы примѣнить прусское военное законоположеніе къ цѣлому союзу, пробудились дремавшія противорѣчія: но на этотъ разъ недоразумѣніе и споръ о томъ—два или три года обязательно прослужить въ войскѣ каждому изъ поступающихъ по призыву, былъ рѣшенъ голосами людей опытныхъ, генералами, отличившимися въ сраженіяхъ; въ числѣ ихъ Мольтке осязательно доказалъ, что не одно и тоже обучать 100,000 войско, или пользоваться обученымъ 100,000 войскомъ. Уроками, пріобрѣтенными опытомъ, воспользовалась вновь образовавшаяся партія національныхъ либераловъ, и требованія ея были умѣренны, тогда какъ ежедневно уменьшающаяся партія прогрессистовъ оставалась при своихъ укоренившихся убѣжденіяхъ. Относительно числа ежегоднаго призыва къ военной службѣ остановились на томъ, что до 13 декабря 1871 года, къ службѣ должно являться по 1% народонаселенія; но дальнѣйшее опредѣленіе числа поступающихъ въ войско по призыву будетъ опредѣлено союзнымъ законодательствомъ; что же касается вопроса о діэтѣ,

то сеймъ окончательно подчинился объясненію Бисмарка: онъ говорилъ, что союзныя правительства въ этомъ дѣлѣ ни въ какомъ случаѣ не уступятъ; въ этомъ косвенномъ способѣ ограничить избирателей и гыбранныхъ онъ видѣлъ средство противодѣйствовать опаспостямъ, какія представляетъ всеобщее—равное право голоса; но опасныя стороны этого опыта обнаружились только нѣсколько лѣтъ спустя. Апрѣля 16 въ 1867 году, весь проектъ союзнаго законодательства былъ принятъ сеймомъ, большинствомъ 230 голосовъ противъ 53; а 17 апрѣля, Бисмаркъ объявилъ согласіе правительствъ на измѣненія, сдѣланныя сеймомъ въ проектѣ. Въ тронной рѣчи, произнесенной при закрытіи засѣданій сейма, выразилось удовольствіе по случаю оконченнаго преобразованія.

Сдѣланъ былъ очень важный шагъ; историку было бы не трудно и пріятно прослѣдить за постепеннымъ ходомъ совѣщаній и показать, сколько дѣятельности, благоразумія, осмотрительности и краснорѣчія выказали члены парламента, какъ дружно и съ какимъ соревнованіемъ дѣйствовали депутаты, сошедшіеся съ различныхъ частей Германіи, какъ самый духъ партій началъ иначе дѣйствовать, чѣмъ до сихъ поръ поръ; вмѣсто того, чтобы истощать свои силы въ непроизводительныхъ мечтательныхъ системахъ и теоріяхъ, постоянно измѣняющихся, тутъ, на общей почвѣ, имъ представился обширный кругъ дѣятельности, въ которой каждый могъ находить себѣ дѣло; при парламентской формѣ, чувство единства стремленій развивалось и быстрѣе и энергичнѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ исчезла недовѣрчивость между народными представителями и королевскою властью и перестали другъ другу ставить препятствія и связывать всякое начинаніе; но теперь напротивъ, другъ другу оказываютъ довѣріе и помогаютъ въ правильномъ стремленіи для достиженія одной общей цѣли—народнаго благосостоянія. Но для полнаго счастья еще недоставало одного, существеннаго: вся нація еще не соединялась подъ однимъ, общимъ кровомъ. Неопредѣленность отношеній между сѣверо и южно-германскими государствами особенно ясно обозначилась нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ военныхъ событій, но она имѣетъ внутреннюю связь съ ними; пробнымъ камнемъ именно былъ Люксембургъ.

Великое герцогство Люксембургское 46 кв. миль, съ 200,000 жителей, лично черезъ короля связано съ Нидерландами, но въ сущности принадлежитъ къ Германскому союзу; однако съ тѣхъ поръ, какъ союзъ рушился, оно осталось въ какомъ-то международномъ положеніи и безъ опредѣленнаго мѣста въ строѣ государствъ. Чтобы избѣжать разъясненій и толковъ, Пруссія не послала приглашенія великому герцогу, т. е. королю нидерландскому, присоединиться къ новому составляющемуся нѣмецкому союзу; но маленькая земелька по прежнему принадлежала къ цоллферейну, и прусскій гарнизонъ, по прежнему, занималъ крѣпость. Право государственнаго положенія Люксембурга оставалось неясно, пріобрѣсти его въ число союзниковъ новаго Германскаго союза не представляло ничего заманчиваго для прочихъ членовъ, слѣдовательно, пріобрѣтеніе это было бы сомнительнаго достоинства. Далѣе, король голландскій нуждался въ деньгахъ, на что—ему одному извѣстно; съ другой стороны императоръ французовъ нуждался, или правильнѣе желалъ пріобрѣсти лишній клочекъ земли: но такъ какъ онъ отъ Пруссіи не могъ ничего добиться, то онъ считалъ время удобнымъ, чтобы выторговать что нибудь съ этой стороны. Оба, герцогъ и императоръ сговорились между собою и согласились; Наполеонъ вновь подступилъ къ Пруссіи съ искушеніемъ. Онъ обѣщался признать новый порядокъ Германскаго союза, дать свое согласіе на федеральное соединеніе сѣверо-германскаго союза съ южнымъ, подъ покровительствомъ Пруссіи; но за то Пруссія, съ своей стороны, должна ему помочь въ пріобрѣтеніи Люксембурга и если бы, при этомъ попадобилось, то двинуть войска въ Бельгію; для приведенія этой мечты въ исполненіе, Наполеонъ предполагалъ заключить оборонительный и наступательный союзъ, при взаимной гарантіи границъ обоихъ государствъ. Пруссія, начиная новую эру Германскаго союзнаго существованія, ни въ какомъ случаѣ не могла согласиться, чтобы хотя малѣйшая частица Германіи отошла къ Франціи; поэтому не захотѣла входить въ переговоры и объявила объ этомъ королю голландскому. Такимъ образомъ слухъ о предложеніи Наполеона распространился; во Франціи поднялся воинственный говоръ; около этого времени обнаружился, до

сихъ поръ остававшійся тайнымъ, оборонительный и наступательный союзъ, еще прежде заключенный между южно-германскими государствами и Франціей; первая выдала этотъ секретъ Баварія.

Духъ національности сильно развивался въ Германіи; во время сейма (Reichstag), 1 апрѣля 1867 года поднятъ былъ люксембургскій вопросъ; онъ былъ предложенъ королю прусскому: готовъ-ли онъ отстаивать эту область для Германіи, въ случаѣ нужды, даже и оружіемъ. Люди знающіе утверждаютъ, что Мольтке былъ за эту войну; онъ надѣялся окончить ее успѣшно, но Бисмаркъ совѣтовалъ королю лучше упрочить новый порядокъ отношеній въ Германіи, а это дѣло на время оставить въ сторонѣ; вслѣдствіе такого взгляда баварскому посланнику Тауфкирхену, при вѣнскомъ дворѣ, дано было тайное порученіе попытаться сблизить Пруссію съ Австріей; министръ фонъ Бейстъ воспользовался этимъ, чтобы въ длинныхъ и подробныхъ депешахъ выказать свои дипломатическія способности. Но и самъ императоръ Наполеонъ не на столько жаждалъ войны, какъ это утверждали журналы; онъ чувствовалъ, что не въ силахъ выйти на борьбу, не былъ увѣренъ въ побѣдѣ и потому началъ улаживать отношенія. Австрійскій министръ, жаждавшій политической дѣятельности, готовый воспользоваться всякимъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы выдвинуть Австрію, заставить ее разыгрывать важную роль въ совѣщаніяхъ и въ тоже время заслужить благодарность Франціи, вызвался быть посредникомъ. Австрія предложила: или оставить Люксембургъ подъ управленіемъ короля нидерландскаго, но объявить его вполнѣ нейтральнымъ, или передать его Бельгіи съ тѣмъ, чтобы она уступила Франціи нѣкоторую частицу своихъ владѣній: но въ томъ и другомъ случаѣ Пруссія теряла право содержать гарнизонъ въ крѣпости. Послѣдняя часть предложенія—уступить Люксембургъ Бельгіи—прямо отвергнута была королемъ Леопольдомъ II; онъ не захотѣлъ присоединять Люксембурга къ своему королевству; оставались при первомъ способѣ и такъ какъ со всѣхъ сторонъ желаніе было покончить дѣло миролюбиво, то безъ труда нашли возможность выпутаться. Россія предложила составить конференцію изъ государствъ, гарантировавшихъ договоръ 1839 года, на которомъ основывалось самое основаніе герцогства, и сообща опредѣлить его положеніе; конференція порѣшила дѣло и мая 11 подписанъ былъ договоръ: Люксембургъ, какъ до сихъ поръ, оставался подъ скипетромъ оранскихъ королей, на вѣчныя времена составляя нейтральное государство;—положеніе это было гарантировано государствами, принимавшими участіе въ конференціи: кромѣ первоклассныхъ державъ Европы, подъ договоромъ подписались: Италія, Голландія, Бельгія и Люксембургъ. Прусскій гарнизонъ очистилъ крѣпость, а король на собственный свой счетъ разорилъ ее и разобралъ до основанія съ тѣмъ, чтобы ея никогда больше не возобновлять; такое дѣло, очень понятно, не принесло Голландіи тѣхъ денежныхъ выгодъ, какихъ можно было ожидать отъ перепродажи герцогства. Оно по прежнему оставалось членомъ германскаго таможеннаго союза: это была единственная нить, связывавшая интересы герцогства съ германскими; къ тому же, апатичное, довольное своимъ положеніемъ народонаселеніе маленькой земельки не хотѣло ничего лучшаго: оно сочувствовало тому, что говорилось въ припѣвѣ народной пѣсни: «мы хотимъ оставаться тѣмъ, что мы теперь.» (Wir welle bluive, sat wir sin): съ политической, финансовой и территоріальной точки зрѣнія эта земелька и не стоила того, чтобы два большихъ и могущественныхъ народа изъ-за нея проливали кровь.

Жертва, принесенная миру, была незначительна: національное чувство чести не пострадало: прусское право содержать гарнизонъ въ крѣпости само собою было потеряно съ той минуты, какъ старый германскій союзъ былъ преобразованъ и въ сущности уничтоженъ; къ тому же, значеніе крѣпости въ стратегическомъ отношеніи не представляло большой важности для Германіи; но по этому поводу обнаружилось, что сѣверо-германскій союзъ на долгое время не можетъ обойтись безъ южно-германскаго. Всѣ одушевленные истиннымъ патріотизмомъ и по ту и по сю сторону Майна были глубоко убѣждены, что статья пражскаго мира, вѣроятно внесенная только въ угоду Франціи, не долговѣчна и что Майнъ не можетъ навсегда оставаться раздѣльнымъ рубежемъ для сѣверныхъ и южныхъ германскихъ государствъ. На союзномъ сеймѣ 9-го марта, депутатъ Микуэль

высказалъ это чувство: «Майнская пограничная линія не есть раздѣлительная для двухъ могущественныхъ государствъ, Пруссіи и Австріи—она скорѣе мѣсто для остановокъ, станція желѣзной дороги, гдѣ мы запасаемся водою и углемъ, гдѣ отдыхаемъ, чтобы вскорѣ продолжать путь свой.» Сѣверо-германскія державы на своемъ сеймѣ сдѣлали поправку въ статьѣ законодательства, касательно отношеній своихъ къ южно-германскимъ государствамъ, и выразили смыслъ его въ болѣе точной и опредѣленной формѣ. По предложенію депутата Миуэля-Ласкера, сказано было такъ: «присоединеніе южно-германскихъ государствъ или хотя бы одного изъ нихъ къ сѣверо-германскимъ, можетъ состояться только по предложенію президента союза и путемъ союзнаго законодательнаго порядка.»

Не было сомнѣнія въ томъ, что южно-германскія государства дѣйствительно когда либо составятъ союзъ, предположенный и даже предписанный пражскимъ мирнымъ договоромъ; въ этой истинѣ были убѣждены всѣ тѣ, до свѣдѣнія которыхъ доведенъ былъ актъ и для которыхъ не было тайною положеніе дѣлъ и отношенія между государствами: было сдѣлано нѣсколько слабыхъ попытокъ то съ той, то съ другой стороны, чтобы осуществить эту мечту, но всякій разъ безуспѣшно, и тѣмъ подавали новое доказательство того, что союзъ между южно-германскими государствами невозможенъ. Если смотрѣть на слово южно-германскій, какъ на выраженіе политическаго понятія, какъ на внутреннее единство трехъ, или четырехъ различныхъ государствъ, подходящихъ подъ это опредѣленіе, то это во всѣ времена не имѣло опредѣленнаго значенія и было пустымъ звукомъ. Даже самое народонаселеніе государствъ, на югъ отъ Майна вовсе не считало себя южно-германскимъ; такъ, для коренного жителя Вюртемберга, сѣверная Германія начиналась уже отъ Гейдельберга; вообще всѣ части Германіи, лежащія за границами своего государства, для нѣмца были извѣстны подъ однимъ общимъ, неопредѣленнымъ названіемъ—нѣмецкая чужбина; для него все равно подъ словомъ чужая сторона подразумѣвались всѣ города, кромѣ своихъ; онъ чувствовалъ себя одинаково дурно и въ Аугсбургѣ, и въ Нюренбергѣ, и въ Гамбургѣ, и въ Берлинѣ, и въ Лейпцигѣ. Если объединеніе Германіи состоитъ въ сближеніи отдѣльныхъ частей ея, въ дружественномъ сосѣдственномъ чувствѣ народонаселеній, то даже самый поверхностный наблюдатель могъ замѣтить, что въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, не смотря на линіи желѣзныхъ дорогъ и телеграфныя проволоки, особенно между южными государствами, сближеніе не сдѣлало ни малѣйшаго успѣха: такого успѣха можно было достигнуть тогда, когда всѣ отдѣльные интересы и особенности сольются въ одномъ общемъ, всеобъемлющемъ цѣломъ, которое поглотило бы всѣ отдѣльныя щепетильности мелкихъ владѣній. Хотя создать такое цѣлое представляло большія затрудненія, но все-таки оно было несравненно легче, нежели устроить отдѣльный южный союзъ, въ которомъ бы исчезла мелкая племенная зависть и династическія претензіи, до сихъ поръ въ зародышѣ губившія всякое чувство единенія.

Проще укладывались дѣла Бадена. Великій герцогъ и большинство народонаселенія, только покоряясь географическому положенію, очень неохотно примкнули къ коалиціи; переворотъ, на сколько возможно, совершился здѣсь уже въ іюлѣ еще въ военное время, потому что самъ герцогъ былъ горячимъ сторонникомъ національнаго чувства объединенія Германіи и сознавалъ необходимость его. Въ такомъ смыслѣ и самое министерство было перемѣнено; первое мѣсто въ новомъ составѣ его занялъ энергическій, много вытерпѣвшій въ жизни, патріотъ Карлъ Мати, —человѣкъ съ твердо установившимся образомъ мыслей. Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ фонъ-Фрейдорфъ: онъ еще въ то время, когда шли толки о заключеніи мира, выразился, что не союзники, жертвою которыхъ сдѣлался Баденъ, одержали побѣду, но ихъ противникъ; здѣсь съ перваго раза утвердилась мысль о томъ, чтобы при первой возможности присоединиться къ сѣверогерманскому союзу и всѣми силами этого домогаться; здѣсь отвергали возможность составленія союза изъ южно-германскихъ государствъ; только самая маленькая партія радикаловъ и клерикальная были противнаго мнѣнія.

Совсѣмъ не то мы видимъ въ Вюртембергѣ. Потребно было довольно продолжительное время на то, чтобы этотъ богато-одаренный, стремящійся къ прогрессу, но крайне упрямый народъ, безплодно и попапрасну тратившій свои

лучшія силы въ мелочной борьбѣ и въ пустыхъ формальностяхъ, чтобы этотъ народъ дошелъ до сознанія, что лучше быть членомъ одного великаго цѣлаго, нежели, при тщательномъ охраненіи своей особенности, дѣлаться добычей тѣсной бюрократіи и радикаловъ-болтуновъ, тѣшившихся собственнымъ успѣхомъ. Здѣсь малочисленная нѣмецкая партія вела упорную борьбу съ двуязычнымъ министромъ и съ палатой, составленной по обветшалому избирательному закону, которая могла служить представительницею всего, чего угодно, только не умственной и духовной жизни народа. Однакожь, мирный договоръ нужно было принять: сначала вторая палата подчинилась ему 10 октября, большинствомъ 86 голосовъ противъ одного, принадлежавшаго отставному сельскому пастору, никогда не подававшему мнѣнія безъ того, чтобы не отличиться какою нибудь смѣшною и неумѣстною выходкою радикализма. Ненависть къ Пруссіи доходила въ этой странѣ до крайнихъ предѣловъ смѣшнаго, тѣмъ не менѣе въ послѣднее перемиріе прусскія войска, занимавшія различныя части Вюртемберга, расположили народъ въ свою пользу на столько, что ненависть ко всѣмъ пруссакамъ вообще нѣсколько уменьшилась. Побѣда и здѣсь, какъ вездѣ, производила свое обаятельное вліяніе на простой народъ и заставляла его смотрѣть на побѣдителей съ выгоднѣйшей точки зрѣнія; но самый большой успѣхъ заключался въ томъ, что призракъ симпатіи къ Австріи и обратно, столько времени тѣшившій народъ, теперь потерялъ свою силу и сохранился только въ верхней католической Швабіи, а въ остальныхъ частяхъ Вюртемберга перестали ожидать спасенія и всякихъ благъ отъ Австріи.

Гораздо понятнѣе и естественнѣе была ненависть къ Пруссіи въ Баваріи; основаніемъ ея была естественная и понятная зависть могущественнаго государства средней величины, находившаго въ своей исторіи моменты настоящаго величія, подававшіе ему надежды на независимое, успѣшное и самостоятельное развитіе; кромѣ того и большинство народонаселенія, будучи римско-католическаго вѣроисповѣданія, скорѣе тяготѣло къ католической Австріи, нежели къ протестантской Пруссіи. Несмотря на врожденную ненависть къ Пруссіи мирный договоръ, однакожь, былъ принятъ палатой депутатовъ, большинствомъ голосовъ; противъ него былъ только одинъ голосъ, принадлежавшій представителю ультрамонтанской партіи: но палата и вмѣстѣ съ нею большинство народонаселенія показали, что въ нихъ живетъ здравое пониманіе политическихъ отношеній и что надъ страстями господствуетъ нѣмецкій духъ, стремящійся слиться съ однороднымъ и одноплеменнымъ ему духомъ: палата, при рѣшительномъ большинствѣ голосовъ, совѣтовала королю тѣснѣе примкнуть къ Пруссіи, которая одна можетъ довести Баварію до желанной цѣли, т. е. объединить Германію, дать ей парламентскую, свободную форму правленія и тѣмъ обезопасить ее отъ могущаго произойти столкновенія съ иностраннымъ государствомъ.

Правда, послѣдняя цѣль могла быть достигнута наступательными и оборонительными союзами, но все-таки они не могли бы содѣйствовать успѣшному внутреннему развитію общественной и государственной жизни и особенно не могли бы сблизить народовъ Германіи. Послѣдняго можно было достигнуть только правильнымъ періодически-возобновляемымъ взаимодѣйствіемъ всѣхъ народныхъ силъ для достиженія одной, опредѣленной цѣли; сѣверо-германскія государства могли надѣяться достигнуть этого: первымъ общимъ звѣномъ для нихъ были союзные сеймы, которые, какъ предполагалось, должны были ежегодно собираться; они могли выдвигать столько замѣчательныхъ талантовъ, являвшихся изъ самыхъ разнообразныхъ нѣмецкихъ городовъ съ тѣмъ, чтобы трудиться на одномъ, для всѣхъ общемъ поприщѣ дѣятельности. Черезъ каждые три года положено было дѣлать выборы, которые, въ свою очередь, народонаселеніе всѣхъ земель, примкнувшихъ къ сѣверо-германскому союзу, соединяли къ одной общей для всѣхъ, энергической дѣятельности. Теперь задача заключалась въ томъ, чтобы къ этой общей дѣятельности привлечь и южно-германскія государства: для достиженія этой предположенной цѣли представлялась, до поры до времени, одна только возможность: надобно было воспользоваться цоллферейномъ, чтобы перекинуть мостъ черезъ Майнъ; этотъ мостъ казался удобнѣе и прочнѣе моста оборонительныхъ и наступательныхъ договоровъ, которыми пользоваться можно было бы только въ отчаян-

ныхъ случаяхъ; цоллферейнъ, подобно всѣмъ прочимъ общегерманскимъ учрежденіямъ, былъ нарушенъ войною; послѣ заключенія мира его возстановили въ старой формѣ, на-скоро, по договору 24 августа 1865 года, и никакихъ исправленій, сообразныхъ съ потребностями, не успѣли въ немъ сдѣлать, но была однакожь оговорка, что по мѣрѣ надобности его можно измѣнить, обязываясь только заблаговременно, за шесть мѣсяцевъ, довести о томъ до общаго свѣдѣнія.

Дѣло цоллферейна съ учрежденіемъ сѣверо-германскаго союза измѣнилось; для него началась новая эпоха. По конституціи союза, законодательство этого таможеннаго союза подчинено было союзному совѣту и союзному сейму; если южно-германскія государства не хотѣли безусловно подчиняться рѣшеніямъ сейма, то они должны были пріискать средства какимъ образомъ посылать своихъ представителей, чтобы защищать свои торговыя выгоды въ союзныхъ законодательныхъ корпораціяхъ. Новое союзное законодательство было на столько эластично, что могло допустить депутатовъ отъ цоллферейна южныхъ государствъ Германіи: Бисмаркъ предложилъ южно-германскимъ державамъ войти въ соглашеніе съ сѣверо-германскимъ союзомъ, чтобы опредѣлить, на какихъ началахъ южно-германскія государства пришлютъ своихъ депутатовъ въ союзный совѣтъ и союзный сеймъ для обсужденія торговыхъ вопросовъ; онъ предполагалъ: присоединивъ депутатовъ къ обѣимъ корпораціямъ сѣверо-германскаго союза, образовать таможенный союзный совѣтъ и таможенный парламентъ, затѣмъ, когда дѣло будетъ покончено, тогда уполномоченные и депутаты южныхъ государствъ могутъ спокойно уѣхать домой. Какъ бы ни было незначительно въ сущности это сближеніе, но это все-таки было больше того, что въ прежнія времена дѣлалось для сближенія и объединенія членовъ германскаго союза: ультрамонтаны и консерваторы прикидывающіеся демократами видѣли, куда дѣло идетъ, и находили, уже теперь, что слишкомъ много сдѣлано для объединенія. 8 іюля 1867 года состоялся окончательный таможенный договоръ между четырьмя сильнѣйшими южно-германскими государствами и сѣверо-германскимъ союзомъ; положено было, чтобы таможенный союзный совѣтъ составленъ былъ изъ 58 членовъ; изъ нихъ Баварія присылала 6, Вюртембергъ 4, Баденъ и Гессенъ каждый по три; относительно этой крошечной, но важной статьи законодательства союзной конституціи, включая сюда и систему выборовъ членовъ въ союзный совѣтъ и союзный сеймъ,—что также было примѣнено къ южнымъ государствамъ,—можно было предполагать, что положено было основаніе для надежды, что изъ таможеннаго союза, какъ его называли, разовьется полный союзъ, а изъ таможеннаго парламента вскорѣ разовьется полный союзный парламентъ.

Итакъ, дѣла шли хорошо: въ Баваріи въ концѣ 1866 года, на мѣсто фонъ-деръ-Пфордена назначенъ былъ государственный человѣкъ, съ истинно нѣмецкимъ направленіемъ, князь Гогенлоэ-Шиллингсфюрстъ; онъ еще въ августѣ, въ палатѣ рейхсрата совѣтовалъ присоединиться къ Пруссіи, потому что находилъ это единственной цѣлесообразной политической мѣрой, совершенно правильной для выгодъ Баваріи; но голосъ его не нашелъ поддержки и потому смолкнулъ, не вызвавъ дѣйствія. Касательно военнаго устройства Баденъ вполнѣ принялъ прусскую систему, ставшую теперь системою сѣверо-германскаго союза, гдѣ она дѣятельно вводилась; по возможности вводить туже самую систему пытались Бавaрія и Вюртембергъ; выгоды ея, доказанныя въ послѣднюю войну, были такъ очевидны, что спорить противъ этого нельзя было и самые злые толки не могли найти причины отрицать ея хорошихъ сторонъ. Въ августѣ этого года произошелъ съѣздъ государей въ Зальцбургѣ; если Наполеонъ надѣялся, проѣздомъ плѣнить и привлечь на свою сторону южно-германскихъ государей, то онъ ошибся. Великій герцогъ Баденскій не показывался, а короли вюртембергскій и баварскій держались въ строгихъ границахъ вѣжливости и не пускались ни въ какія сердечныя изліянія; ходили самые разнообразные слухи о томъ, что происходило между государями, о чемъ говорилось; лучшимъ отвѣтомъ на всѣ предположенія могла служить тронная рѣчь великаго герцога Баденскаго, произнесенная 5 сентября; опредѣляя свое положеніе, онъ сказалъ очень просто: «Мое рѣшеніе неизмѣнно, я всѣми силами буду стремиться къ національному единству; а вмѣстѣ со мною и народъ мой, мы готовы принести всѣ жертвы, неразрывно связанныя

съ тѣмъ, чтобы присоединиться къ системѣ объединенія.“ Согласно съ этимъ рѣшеніемъ, народная палата депутатовъ приняла всѣ договоры, и Баденъ присоединился къ сѣверо-германскому союзу, въ октябрѣ. Примѣру этому послѣдовалъ Гессенъ. Въ Баваріи одинъ изъ этихъ договоровъ, а именно оборонительный и наступательный, по существующимъ законамъ, не могъ получить полной силы безъ согласія палатъ; таможенный союзный договоръ былъ принятъ палатой депутатовъ, большинствомъ 117 голосовъ противъ 17, впрочемъ не безъ того, чтобы горячо не поговорили о кандалахъ рабства, о подчиненіи Пруссіи и т. п.; совѣмъ не то было въ палатѣ государственныхъ совѣтниковъ: тутъ набралась масса упрямства и недостатка знанія дѣла; для этихъ господъ мѣщанскіе финансовые, торговые вопросы и причины, дѣлающія цоллферейнъ для Баваріи необходимымъ, не существовали; для нихъ это была недостойная мелочь; кромѣ того и въ другихъ слояхъ общества южной Германіи часто попадались люди, утверждавшіе, что цоллферейнъ несравненно нужнѣе для сѣверной Германіи, нежели для южной. Палата рейхсрата назначила комиссію для рѣшенія этого дѣла; она большинствомъ девяти голосовъ противъ одного положила не приступать къ таможенному союзу; но изъ различныхъ частей государства посыпались телеграммы и депеши, умолявшія верхнюю палату принять договоръ. Настроеніе народа было таково, что можно было ожидать волненія, если договоръ будетъ отвергнутъ; отвергнуть его, не смотря на общія просьбы, у этихъ людей не доставало мужества и полнаго убѣжденія; они готовы были бы приступить къ новому цоллферейну, еслибы за Баваріей осталось право безусловно соглашаться и отвергать опредѣленія таможеннаго союзнаго совѣта и слѣдовательно сохранять за собою извѣстное историческое, хотя и не очень разумное право liberum veto, отвергать не давая никому отчета, почему. Князь Гогенлоэ пригласилъ главнаго баварскаго представителя, враждебнаго въ этомъ дѣлѣ Пруссіи, фрейгерра фонъ-Тюнгена, ѣхать немедленно вмѣстѣ съ нимъ въ Берлинъ, чтобы на самомъ дѣлѣ убѣдиться, исполнимо ли это желаніе. Они поѣхали; и противникъ Пруссіи убѣдился въ томъ, что Бавaрія не можетъ оставить за собою liberum veto; узнавъ это, государственные совѣтники должны были послѣдовать примѣру плебеевъ и покориться необходимости; таможенный договоръ былъ принятъ большинствомъ 35 голосовъ противъ 13.

Самая ограниченная и неспособная изъ германскихъ палатъ, вторая вюртембергская палата дожидалась рѣшенія баварской дворянской палаты, чтобы подать свое рѣшеніе. Между тѣмъ нѣмецкая партія продолжала организоваться въ Вюртембергѣ. Руководящій министръ, Фарнбюлеръ, былъ достаточно прозорливъ, чтобы вѣрно оцѣнить измѣненное положеніе дѣлъ; но онъ принужденъ былъ дѣйствовать осмотрительно, чтобы не лишиться мѣста; и потому онъ очень постепенно измѣнялъ свой способъ дѣйствія: наконецъ онъ рѣшительно, ясно и съ искусствомъ опытнаго государственнаго человѣка высказался въ пользу наступательнаго и оборонительнаго договора. Напрасно оспаривалъ его дѣлопроизводитель большинства голосовъ комиссіи, Моритъ Моль, употреблявшій противъ него всю силу своего краснорѣчія, въ напыщенныхъ, преувеличенныхъ фразахъ безконечно длинной рѣчи; договоръ былъ принятъ большинствомъ 57 голосовъ противъ 32; во время подачи голосовъ пришло извѣстіе изъ Мюнхена; телеграмма извѣщала о подачѣ голосовъ и рѣшеніи палаты рейхсрата; на слѣдующій день и здѣсь принятъ былъ таможенный договоръ, большинствомъ 73 голосовъ противъ 16. Моль въ жару своей рѣчи съ неутомимымъ стараніемъ пытался остановить рѣшеніе и, не щадя своей глубокой учености, доказывалъ, что предвидитъ неминуемую гибель вюртембергской производительности и торговлѣ, если зловредный договоръ цоллферейна будетъ принятъ. Въ первой вюртембергской палатѣ было больше знающихъ и дѣловыхъ людей, знакомыхъ съ потребностями края, нежели во второй, поэтому тамъ скорѣе оцѣнили выгоды таможеннаго договора, и онъ былъ принятъ единодушно, а договоръ о союзѣ съ значительнымъ большинствомъ голосовъ; это было въ ноябрѣ.

Между тѣмъ въ сентябрѣ происходило открытіе перваго настоящаго сейма сѣверо-германскаго союза. За нѣсколько дней предъ тѣмъ Бисмаркъ въ циркулярной депешѣ по поводу слуховъ о зальцбургской конференціи объявлялъ очень ловко намекомъ, обращеннымъ къ императору Наполеону, что отношенія между сѣ-

веро-германскимъ союзомъ и южными государствами принадлежатъ къ внутреннимъ дѣламъ Германіи. Тронная рѣчь была произнесена въ чисто офиціальномъ тонѣ; совершенно такъ и надобно было; народные представители должны были и могли спокойно приняться за дѣло, чтобы пожать плоды посѣяннаго въ предъидущемъ году. По случаю совѣщаній при отвѣтномъ адресѣ, Бисмаркъ сказалъ, что у него нѣтъ и тѣни желанія торопить южныя государства, чтобы они скорѣе вступили въ союзъ сѣверныхъ, но если придетъ пора и вся нація—и сѣверъ, и югъ захотятъ слиться въ одно, тогда не найдется довольно могущественнаго, или правильнѣе, довольно безразсуднаго министра, который захотѣлъ-бы, или могъ-бы помѣшать этому соединенію. Сессіи были очень плодовиты, потому что сеймъ и канцлеръ союза работали дружно, неутомимо, стремясь къ одной и той же цѣли; военная организація въ сѣверо-германскомъ союзѣ установилась, союзный флагъ — черный, бѣлый и красный признанъ и принятъ большимъ числомъ германскихъ государствъ; нѣмцы, разсѣянные въ отдаленныхъ государствахъ и частяхъ свѣта, съ восторженною радостью встрѣтили національный флагъ, какъ символъ дѣйствительнаго могущества Германіи; путешественники въ неизвѣстныхъ странахъ Африки и Америки водружали на незнакомой почвѣ тотъ же новый нѣмецкій флагъ. Срокъ диктаторства Пруссіи окончился съ 10 октября и замѣненъ былъ законодательствомъ Пруссіи: военныя соглашенія заключены и утверждены для мелкихъ государствъ; почтовыя правила, законъ о свободѣ селиться, гдѣ угодно, союзное консульство въ различныхъ мѣстахъ, законъ о государственныхъ долгахъ союза разсмотрѣны и соглашены. Такимъ образомъ быстро, листъ за листомъ, цвѣтъ за цвѣтомъ развивалось здоровое дерево германскаго единства, искуснымъ садовникомъ освобожденное отъ нароста, мѣшавшаго и останавливавшаго его возростаніе и не дававшаго ему раскинуться въ полной красотѣ своей своеобразной силы. Надобно замѣтить, что учрежденіе, потерявшее свое первоначальное значеніе, національное общество, какъ больше ненужное, само собою уничтожилось, 11 ноября этого года.

Правильное развитіе сѣверо-германскаго союза въ свою очередь дѣйствовало на внутреннія дѣла Пруссіи. 15 ноября 1867 года король открылъ сессіи прусскаго сейма; въ немъ въ первый разъ присутствовали депутаты вновь присоединенныхъ земель; учреждено было 18 новыхъ мѣстъ для членовъ палаты господъ, между ними былъ даже одинъ еврей — Ротшильдъ, какъ представитель Франкфурта: это служило отраднымъ примѣромъ совершенно новаго, небывалаго въ этой корпораціи Германіи образа мыслей. Правительство видимо склонялось къ либеральнымъ началамъ; одинъ изъ министровъ, возбуждавшихъ общую ненависть во время парламентскаго несогласія, министръ юстиціи, графъ цуръ-Липпе, былъ уволенъ отъ должности въ декабрѣ, а на его мѣсто назначенъ недворянскаго происхожденія, ганноверецъ родомъ, докторъ Леонгардъ. Реформа окружнаго законодательства была предпринята; непріятный споръ о свободѣ рѣчи депутатовъ былъ навсегда покончень; бывшему королевству ганноверскому назначенъ отдѣльный провинціальный фондъ для свободнаго распоряженія на нужды чиновъ и общинъ; подобныя учрежденія были предположены и для прочихъ провинцій, тѣмъ болѣе, что неудачный урожай въ восточной Пруссіи указывалъ, что пора приступить къ подобнымъ улучшеніямъ; штаты на 1868 годъ были приняты единодушно, за исключеніемъ одного голоса—депутата Якоби, въ послѣднее время уже потерявшаго все вліяніе, какимъ онъ прежде пользовался. Можно упомянуть о новомъ постановленіи, уничтожавшемъ всѣ игорные банки, существовавшіе при различныхъ минеральныхъ водахъ; это постановленіе приноситъ тѣмъ больше чести новому времени, что притворно-благочестивыя христіанскія правительства до сихъ поръ терпѣли и поощряли это зло. Большія препятствія встрѣтилъ законъ, по которому лишенному престола королю ганноверскому назначалось вознагражденіе на значительную сумму въ 16 милл. Законъ этотъ былъ принятъ только потому, что Бисмаркъ съ жаромъ доказывалъ, что лишенные престола государи, принимая вознагражденіе, хотя не юридически, по крайней мѣрѣ морально будутъ чувствовать себя обязанными не нарушать больше новаго порядка вещей. Но это было ошибочное мнѣніе, особенно касательно короля Георга и курфюрста гессенскаго. Король

Георгъ нѣсколько недѣль спустя праздновалъ въ Гитцингѣ свою серебряную свадьбу; пользуясь стеченіемъ гостей, онъ доказывалъ, что готовъ, для славы своего вельфскаго трона, всѣмъ жертвовать и что нравственныя обязательства его нисколько не связываютъ; онъ поднялъ бокалъ шампанскаго и выпилъ его: «за скорое возвращеніе и свиданіе въ королевствѣ Вельфовъ!» Онъ не зналъ, что самъ произноситъ этимъ окончательное рѣшеніе своей участи. Вслѣдъ за праздникомъ началось дѣятельное формированіе вельфскаго легіона на французской почвѣ, и тѣмъ онъ ускорилъ рѣшеніе своей участи. Въ томъ же мѣсяцѣ курфюрстъ гессенскій издалъ прокламацію, адрессованную ко всѣмъ служащимъ освобожденной страны: «гессенцы, скоро наступитъ время, когда начнется второе дѣйствіе великой трагедіи, начатой политикой графа Бисмарка въ нашемъ великомъ отечествѣ—Германіи преимущественно тяготѣющей надъ нашей несчастной родиной — Кургессеномъ!» Герцогъ, по обыкновенію и даже больше обыкновеннаго, употреблялъ цвѣтистыя выраженія. Но изгнанные, лишенные престоловъ государи слишкомъ разсчитывали на кротость и незлопамятность прусскаго короля: вслѣдъ за закономъ о вознагражденіи послѣдовалъ королевскій приказъ, подвергавшій конфискаціи личное имущество короля Георга.

29 февраля происходило закрытіе прусскаго сейма; но въ Германіи парламентскихъ учрежденій стало такъ много, что одно смѣнялось другимъ; такъ и теперь, наступала пора открыть союзный сеймъ (Reichstag); на этотъ разъ въ немъ должны были въ первый разъ присутствовать депутаты нѣмецкаго таможеннаго парламента (Zollparlament). По поводу избранія депутатовъ въ этотъ парламентъ въ южно-германскихъ государствахъ происходило сильное волненіе; при этомъ о таможенныхъ правилахъ и вопросахъ не было почти рѣчи, выборы имѣли чисто политическій характеръ. Въ Баденѣ, благодаря праву общей подачи голосовъ и слишкомъ большой увѣренности въ успѣхѣ національной партіи и слѣдовательно нѣкоторой небрежности съ ея стороны, клерикальная партія выставила 6 депутатовъ изъ 14, выпадавшихъ на долю Бадена. Въ Баваріи католическая клерикальная партія собрала всѣ свои средства, пустила въ дѣло всѣ свои способы агитаціи, какими никогда и нигдѣ никакая партія не обладала, и успѣхъ, ею достигнутый, былъ поразителенъ: изъ 48 членовъ вообще, 12 были выбраны изъ партіи съ національными стремленіями, 9 изъ числа лицъ умѣренныхъ, способныхъ къ соглашенію, а 24 члена изъ клерикальной партіи демократическій-отсепаративной. Напротивъ того въ Гессенѣ, на сколько допускался вопросъ къ общему разрѣшенію, всѣ шесть депутатовъ выбраны были изъ партіи съ національнымъ стремленіемъ къ объединенію; даже въ Майнцѣ, этомъ городѣ чистѣйшаго ультрамонтанства, несмотря на старанія епископа Кетлера и союзной партіи клерикаловъ и радикаловъ, все-таки избранъ былъ Людовикъ Бамбергеръ, человѣкъ рѣшительно стремившійся къ національному объединенію. Особенно сильна была избирательная борьба въ Вюртембергѣ, гдѣ партіи особенно рѣзко и враждебно относились другъ къ другу. Видимые успѣхи нѣмецкой партіи очень справедливо пробуждали злобу ультрамонтановъ и бѣшенство старой вюртембергской ретроградной партіи, къ которой присоединилась демократическая. Демократы сознавали, что ихъ пора прошла, что на открывавшемся обширномъ политическомъ поприщѣ нельзя уже отдѣлываться обветшалыми фразами 1848 года, которыми еще пробавлялись ихъ плачевныя газеты, клубы и народныя собранія. Не лучше было настроеніе правительственной партіи, особенно раздраженной тѣмъ, что противная ей партія не скрывала своего неудовольствія мелочностью мелкопомѣстной бюрократіи и ея взглядомъ на вещи вообще, а на вюртембергскія въ особенности; въ придворныхъ кружкахъ не могли скрыть своей досады на то, что въ октябрѣ 1867 года на станціи желѣзной дороги въ вюртембергскомъ городѣ Гейслингенѣ, проѣзжавшаго прусскаго короля привѣтствовали радостными и восторженными кликами «какъ германскаго императора, самимъ Богомъ предназначеннаго къ этому сану.» Такое явное нарушеніе подданническихъ чувствъ казалось непростительнымъ; всѣ средства противъ него были пущены въ ходъ; правительство горячо, со всѣмъ раздраженіемъ личной досады, ринулось въ борьбу; правящій министръ фонъ-Фарнбюлеръ, хотя самъ про себя уже рѣшился перейти въ національный лагерь, ѣздилъ по деревнямъ суро-

выхъ Альпъ и какъ опытный сельскій хозяинъ и овцеводъ добивался благосклонности горцевъ, надѣясь при общей подачѣ голосовъ пріобрѣсти побольше голосовъ за себя; другой — министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, фонъ-Гольтеръ, отличавшійся своимъ духомъ нетерпимости и опозорившій свое имя инквизиторскимъ поступкомъ противъ тюбингенскаго профессора Паули, замѣтивши, что выборы въ Штутгартѣ благопріятно выпадаютъ для нѣмецкой партіи, воскликнулъ съ озлобленіемъ, что въ этомъ виноваты одни только чиновники и что въ случаѣ нужды, онъ и прочіе министры покажутъ, что и они съумѣютъ управляться по примѣру Бисмарка. Но онъ ошибался: способу, какъ обходиться съ не совсѣмъ покорными чиновниками, можно было легче и основательнѣе всего научиться въ конституціонномъ Вюртембергѣ. Здѣсь успѣхъ крутыхъ мѣръ былъ несомнѣнный и полный: всѣ 17 депутатовъ были выбраны изъ партикуляристовъ всевозможныхъ партій.

У пруссаковъ существовалъ планъ открыть сессіи союзнаго сейма совѣщаніями таможеннаго парламента и такъ какъ тутъ были бы на лицо представители всѣхъ государствъ, слѣдовательно, какъ бы цѣлой Германіи, т. е. всей націи, то открытіе предполагалось сдѣлать особенно торжественно; но этотъ планъ не удался, потому что представители Вюртемберга не явились во время; сессіи уже открылись, а между тѣмъ въ Вюртембергѣ выборы еще не были покончены, можетъ быть даже нарочно съ цѣлью замедлены. Марта 23 происходило второе засѣданіе союзнаго сейма, но съ 25 марта обычный ходъ парламентскихъ дѣлъ былъ остановленъ и съ 27-го таможенный парламентъ началъ свои засѣданія и разсужденія. Король въ своей тронной рѣчи, при открытіи, говорилъ о силѣ повсемѣстнаго національнаго стремленія къ объединенію, выражавшагося непрестанно, даже между южно-германскими, открытыми врагами объединенія. Президентомъ избранъ былъ Симсонъ, первенствующій членъ союзнаго сейма, вице-президентомъ баварскій призидентъ министровъ, фонъ Гогенлоэ; на мѣсто втораго вице-президента былъ единодушно избранъ герцогъ Уестъ; въ его пользу подали мнѣніе даже южные сепаратисты, если не съ иною цѣлью, то хотя бы для того, чтобы предупредить избраніе во всѣхъ отношеніяхъ ненавистнаго Беннигсена, человѣка для нихъ особенно ненавистнаго, какъ вождь національнаго собранія и какъ ганноверецъ, съ опредѣленною склонностью къ Пруссіи. Нѣкоторыя недоразумѣнія и непріятныя столкновенія съ южно-германскими представителями, которыхъ было всего 57 голосовъ, произошли при пересмотрѣ не совсѣмъ честно произведенныхъ вюртембергскихъ выборовъ; но такъ какъ въ число вюртембергскихъ депутатовъ не попался ни одинъ изъ кандидатовъ нѣмецкой партіи, то сторонникамъ партикуляристовъ нетрудно было отразить всѣ нападенія противниковъ, незнакомыхъ съ обстоятельствами и потребностями швабскихъ интересовъ. Все собраніе вообще было очень непокорно и упрямо, оно грозилось немедленно оставить засѣданіе, если адресъ, предложенный національными либералами, будетъ принятъ; оно поставило на своемъ въ томъ отношеніи, что адресъ оставили всторонѣ и перешли къ текущимъ дѣламъ, но этотъ случай только увеличилъ притязательность и заносчивость депутатовъ. Однакожь ихъ нѣсколько сбило съ толку, когда они убѣдились, что сѣверо-германскій союзъ вовсе не такъ усердно ищетъ случая къ своему расширенію, и что всѣ ихъ выходки, приготовленныя для того, чтобы отражать эти попытки, не нашли случая быть примѣненными; черезъ нѣсколько времени одинъ изъ самыхъ ярыхъ въ числѣ депутатовъ, вюртембергскій ультрамонтанъ Пробстъ и вмѣстѣ съ нимъ всѣ его приверженцы были проучены Бисмаркомъ; они увидѣли, что этотъ государственный человѣкъ, такъ выдвинувшійся своею дѣятельностію въ 1866 году, можетъ съ успѣхомъ первенствовать и на ораторскомъ поприщѣ, и поражать своихъ противниковъ ихъ же оружіемъ. Въ собраніи, въ которомъ опять въ первый разъ явились представители цѣлой Германіи, Пробстъ позабылъ, что надобно строго взвѣшивать каждое слово, заходящее за предѣлы разсужденій о торговыхъ дѣлахъ; онъ зашелъ дальше и сказалъ: «на свѣтѣ есть нѣкто, съ жаднымъ вниманіемъ слѣдящій за тѣмъ, когда несогласія, существующія между сѣверной и южной Германіей, выразятся рѣзче чтобы произошли столкновенія, отъ которыхъ миръ съ этимъ извѣстнымъ кѣмъ-то могъ быть нарушенъ.» Бисмаркъ немедленно возразилъ на это, что напрасно

приписываютъ сѣверо-германскому союзу нетерпѣніе и желаніе объединенія, котораго у него въ дѣйствительности вовсе нѣтъ; онъ завершилъ свою рѣчь словами, окончательно низложившими неопаснаго противника: «совѣтую оратору и тѣмъ, которые такъ же настроены, какъ онъ, обдумать, что страха внушить нѣмцамъ нельзя: въ сердцѣ ихъ нѣтъ нитей, на которыя онъ могъ бы подѣйствовать.» По этому же поводу баварскій депутатъ Фелькъ произнесъ рѣчь, исполненную чувства: онъ доказалъ, что отдѣленіе южно-германской фракціи недовольныхъ неосновательно и что противоположность между сѣверной и южной Германіей—ни на чемъ неосновательная химера. Это настроеніе сдѣлалось общимъ; сильное впечатлѣніе на депутатовъ таможеннаго парламента отъ южныхъ государствъ произвела увеселительная поѣздка въ Киль, для того чтобы осмотрѣть вновь устраеваемый германскій флотъ; это новое національное пріобрѣтеніе произвело желанное впечатлѣніе; его не могъ ни пошатнуть, ни истребить коллективный отчетъ 31 члена южно-германскихъ недовольныхъ, посланный къ своимъ избирателямъ и составленный тюбингенскимъ профессоромъ Шефле; нѣсколько времени спустя, замѣтивъ, что во вновь организующейся Германіи нѣтъ простора для его страсти къ интригамъ, этотъ дѣятель оставилъ свою должность и отправился въ Австрію искать счастія; тамъ онъ сдѣлался членомъ враждебнаго Пруссіи и Германіи министерства, но и тамъ не ужился и бросилъ политическое поприще. При закрытіи сессій 23 мая, таможенный союзъ могъ указать только на нѣсколько торговыхъ договоровъ, заключенныхъ съ Австріей, съ Церковной областью, съ Испаніей, и на присоединеніе Мекленбурга къ цолферейну. Рѣчь при закрытіу семъ была окончена благоразумнымъ напоминаніемъ: «что надобно на первый планъ выставить все то, что насъ соединяетъ, и на послѣдній отодвинуть все то, что раздѣляетъ!»

Гораздо обширнѣе и полнѣе была дѣятельность союзнаго сейма; онъ по прежнему выполнялъ желанія, до сихъ поръ безполезно волновавшія умы и высказывавшіяся въ земскихъ сеймахъ. Къ числу такихъ успѣховъ принадлежитъ предложеніе Ласкера и его приверженцевъ, отъ 3 апрѣля 1868 года, чтобы закономъ для цѣлаго союза установлена была свобода рѣчи на земскихъ сеймахъ, при совѣщаніяхъ о новыхъ законахъ, при составленіи уголовныхъ законовъ, касательно всѣхъ подданныхъ союза, при опредѣленіи уголовныхъ процессовъ, о принятой общей новой системѣ мѣра и вѣса. 20 іюня сессіи были закрыты.

Но не въ одной только парламентской дѣятельности развивалась нѣмецкая жизнь; вскорѣ оказалось, какъ живительно дѣйствовала на нее новая политическая форма существованія Германіи; она простиралась даже на тѣ отрасли общественной дѣятельности, которыя не входили въ непосредственное столкновеніе съ политическою. Нѣтъ возможности вычислить всѣхъ проявленій нѣмецкой жизненной дѣятельности, показать, какъ ея отрасли другъ на друга дѣйствовали, и взвѣсить, которая изъ нихъ имѣла преобладающее вліяніе; въ церкви произошли перемѣны—образовались протестантскія общества, и противодѣйствующія имъ строго вѣрующія; происходило торжественное освященіе памятника Лютера и лютеранства, въ Вормсѣ. 24 іюня, происходило генеральное собраніе католическихъ общинъ Германіи въ Бамбергѣ, 31 августа; происходило волненіе въ мірѣ рабочихъ и собранія различныхъ партій и артелей, между собою враждовавшихъ; происходило почтенное и прочное собраніе нѣмецкихъ промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ; ихъ дѣятельность была направлена знающимъ и опытнымъ Шульцомъ Деличемъ. Но были не одни только полезныя собранія, были и такія, которыя кромѣ вреда ничего не приносили. Такъ, нѣкоторые праздномыслящіе, необдуманные люди увлекали работниковъ, представляя имъ, что они могутъ добиться своихъ правъ и прогресса только стачками, вслѣдствіе которыхъ необходимо прекратить работы. Теоріи эти проповѣдывались; организовалась обширная, правильно устроенная ассоціація нѣмецкихъ рабочихъ съ цѣлью содѣйствовать общему прогрессу; дойти до этого можно только посредствомъ временно-прекращенной работы; но при дальнѣйшемъ опредѣленіи отношеній между отдѣльными обществами работниковъ возникли несогласія, споры и ссоры. Кромѣ того, безчисленное множество конгрессовъ, сельско-хозяйственныхъ, торговыхъ, ремесленныхъ, юридическихъ съѣздовъ, хотя въ сущ-

ности они не принесли большой пользы, но все-таки свидѣтельствовали о стремленіяхъ народа къ общественнымъ интересамъ о томъ, что во всѣхъ кругахъ общества начинаютъ сочувствовать общимъ потребностямъ; эти движенія во всякомъ случаѣ важны потому, что служатъ какъ бы пополненіемъ политической дѣятельности, тоже ни на минуту не останавливающейся.

Въ октябрѣ происходили областные сеймы во вновь присоединенныхъ къ Пруссіи провинціяхъ, а 4 ноября происходило открытіе прусскаго сейма. Очень жаль, что при этомъ между палатой депутатовъ и правительствомъ не было полнаго согласія. Либеральная партія сильно нападала на министра внутреннихъ дѣлъ, графа Эйленбурга и на министра духовныхъ дѣлъ, фонъ Мюлера; между прочими очень дѣльными обвиненіями послѣдняго, упрекали, не совсѣмъ справедливо, въ томъ, что онъ нисколько не заботится о образованіи прусскаго юношества. Министру финансовъ фонъ деръ Гейдъ пришлось объявить о дефицитѣ въ 5 милліоновъ, а новый министръ юстиціи Леонгардъ въ крайне неловкой рѣчи своей, произнесенной 1 декабря, совершенно безполезно раздражалъ либераловъ; хорошо еще, что энергическія, дѣятельно и благоразумно производимыя реформы въ его вѣдомствѣ осязательно противорѣчили его словамъ. Но разногласіе было непродолжительно, спокойствіе опять возстановилось и бюджетъ былъ принятъ почти единодушно, за исключеніемъ двухъ отрицательныхъ голосовъ; рѣшеніе о запрещеніи, наложенномъ на имѣнія бывшаго короля ганноверскаго, было утверждено только съ ограниченіемъ, что запрещеніе можетъ быть снято только законнымъ постановленіемъ. Дворянская палата, хотя и съ неудовольствіемъ слѣдила за цѣлымъ ходомъ дѣла, но все таки не могла противодѣйствовать господствующему направленію и потому подала свой голосъ за рѣшеніе въ пользу запрещенія на имущество короля ганноверскаго.

Мы не достигли бы цѣли, нами предназначенной себѣ, еслибы вошли въ подробное развитіе политической дѣятельной жизни Германіи; по большой части она, подобно англійской, укладывалась въ правильныя дѣловыя парламентскія формы, и поэтому намъ нельзя слѣдить за парламентскими сессіями и за парламентскою очередью, наблюдаемой при совѣщаніяхъ. Надобно замѣтить, что различныя германскія государства, давшія своихъ представителей для союзнаго совѣта и для союзнаго сейма, работали дружно, съ неутомимымъ рвеніемъ и въ слѣдующія сессіи безъ всякаго перерыва. При этомъ выказалось, что уровень образованія депутатовъ одинъ и тотъ же, дозволявшій каждому высказать свои знанія и свою дѣятельность, не взирая на то, принадлежитъ ли онъ большему, или меньшему изъ государствъ союза, и этимъ яснѣе всего доказано было, что опасеніе южногерманскихъ государствъ, будто вся Германія и преимущественно сѣверо-германскій союзъ, о п р у с с а ч и т с я, предположеніе не основанное ни на чемъ. При закрытіи сессій 22 іюня 1869 года опять можно было указать на извѣстное количество очень успѣшно оконченныхъ дѣлъ: съ Баденомъ заключенъ былъ договоръ о свободномъ переселеніи военныхъ; новый порядокъ въ ремесленныхъ учрежденіяхъ, вексельный законъ, нѣмецкіе торговые законы, общій союзный верховный коммерческій судъ были предложены на обсужденіе временно установлены; между тѣмъ другіе законы подготовлялись; напримѣръ, распространеніе союзнаго права на всѣ гражданскія и частныя права вообще; предложено было учредить общее отвѣтственное союзное министерство, но это осталось только предположеніемъ и дальше не пошло. Опасенія старыхъ прусскихъ патріотовъ оказались столько же неосновательны, какъ и опасенія южно-германскихъ партикуляристовъ; старопрусскія особенности и преимущества не были подавлены новыми сѣверо-германскими союзными интересами, также какъ старые прусскіе національные цвѣта—черный-бѣлый, не поблекли передъ новыми цвѣтами Германіи — чернымъ-бѣлымъ-краснымъ: тѣ и другія знамена развѣвались рядомъ, не теряя ничего отъ того, что развѣвались вмѣстѣ, надъ однимъ и тѣмъ же союзнымъ войскомъ. Законодательные интересы прусскаго сейма остались въ полной силѣ и ничего не потеряли отъ того, что союзное законодательство энергически развивалось; напротивъ, оно обратно дѣйствовало животворно на Пруссію.

Правительство все болѣе и болѣе освобождалось отъ воспоминаній о столкновеніяхъ, бывшихъ у него съ народомъ, также и большинство либераловъ

успокоивалось и примирялось съ своимъ положеніемъ; они съ удовольствіемъ привѣтствовали перемѣну въ министерствѣ финансовъ; на мѣсто фонъ деръ Гейда назначенъ былъ президентъ морской торговли, старинный прирейнскій либералъ, Кампгаузенъ; онъ вмѣсто дефицита вскорѣ могъ указать на остатки. Новый министръ имѣлъ счастіе, или ловкость вступить въ должность съ совершенно готовымъ выработаннымъ планомъ: «дефицитъ, говорилъ онъ, при ближайшемъ и внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи уравновѣшивается 8 милліоннымъ погашеніемъ долга; это успѣхъ, которому завидовать могутъ многія изъ европейскихъ державъ.» Онъ предложилъ различныя государственныя обязательства, по которымъ были опредѣленные срочные платежи, соединить въ одно съ гораздо отдаленнѣйшимъ срокомъ постепеннаго погашенія. Эта мѣра опрокинула планы партіи прогрессистовъ; она разсчитывала, воспользовавшись затруднительнымъ финансовымъ положеніемъ правительства, предложить для уменьшенія издержекъ ограничить военный бюджетъ и убѣдить правительство путемъ дипломатическихъ переговоровъ добиться въ Европѣ всеобщаго разоруженія. Это ребяческое предложеніе доказывало только, какъ мало эта партія знакома была съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, но страннѣе всего то, что руководитель партіи, всезнающій Вирховъ, составляя проектъ, показалъ такой недостатокъ опытности въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ иностранными государствами: проектъ его былъ отвергнутъ большинствомъ 215 голосовъ противъ 99. Попытка пошатнуть положеніе министра духовныхъ дѣлъ тоже не удалась; однакожь вслѣдствіе движенія по случаю собора въ Римѣ, поднялись вопросы, касающіеся церкви, такіе щекотливые, что министръ, противъ котораго были почти всѣ представители государства и который не имѣлъ для своей защиты даже простаго, яснаго и прочнаго убѣжденія, слѣдовательно не имѣлъ возможности отстаивать свою систему, не могъ разсчитывать удержаться на своемъ мѣстѣ, хотя бы на нѣкоторое время. 12 февраля 1870 г. прусскій сеймъ былъ закрытъ; но два дня спустя происходило открытіе союзнаго сейма.

Объединеніе Германіи, въ смыслѣ соединенія союза сѣверо-германскихъ государствъ съ южными, ни на волосъ не подвинулось впередъ: послѣднія сессіи таможеннаго парламента, длившіяся отъ 3 до 22 іюня 1869 года, принесли мало результатовъ, хотя южно-германскіе представители на этотъ разъ выказали меньше претензій, чѣмъ въ первый разъ. Вся сила объединенія заключалась въ сѣверо-германскомъ союзѣ, но, слѣдуя естественному закону упругости, и здѣсь послѣ того, какъ прошло первое вліяніе неожиданности и удивленія, силы партикуляризаціи опять проснулись и начали выказываться. Наступила непріятная минута: волненіе, произведенное перемѣной, успокоилось, новыя отношенія установились и превратились въ пензмѣнный порядокъ; всѣ мечты и ожиданія исчезли: то, что въ маленькихъ земелькахъ называлось простотою нравовъ, какъ напримѣръ домашняя безцеремонность, съ какою судьи и др. правительственныя лица исполняли свою должность, въ халатѣ, съ длиннымъ чубукомъ, или съ папиросой въ зубахъ, навсегда исчезло передъ строгой формальностью прусскаго чиновничества. Только постепенно, мало-по-малу, сознавались передъ собою въ осязательныхъ выгодахъ, какія представляло присоединеніе незначительной области къ большому государству; даже въ Франкфуртѣ начали замѣчать, что при ближайшемъ знакомствѣ, прусскіе офицеры и чиновники вовсе не такъ дурны, какъ предполагали. Доказательствомъ того, что при прусскомъ управленіи жить можно, служить: что въ 1868 году въ Франкфуртѣ, послѣ послѣдней ревизіи, когда насчитывалось 66,000 жит., народонаселеніе увеличилось до 78,000, а нѣсколько лѣтъ спустя, оно возросло до 91,000 жителей.

Какъ бы то ни было, хорошо-ли, худо-ли, но положеніе сѣверо-германскаго союза опредѣлилось. Гораздо хуже было состояніе южно-германскихъ государствъ. Они, казалось-бы, могли наслаждаться жизнью; они получили то, чего желали: полную самостоятельность, никто не противорѣчилъ ихъ желаніямъ, а между тѣмъ они не знали, что имъ дѣлать съ своей свободой. Въ Гессенѣ не удавалось удалить министра Дальвига, хотя всѣ ему недовѣряли, какъ человѣку двоедушному; за нимъ даже Бисмаркъ напрасно зорко наблюдалъ. Въ Баваріи князь Гогенлоэ держался съ трудомъ: клерикальная партія его ненавидѣла, а извѣстно, ея ненависть несравненно хуже и дѣйствительнѣе всякой другой.

Ненавистна для нея была программа министра, касательно нѣмецкаго вопроса, въ которомъ онъ дѣйствовалъ такъ, что рѣшенія его согласовались съ рѣшеніями сѣверо-германскаго союза; они служили путеводною нитью для политики баварцевъ; но клерикальная партія еще болѣе ненавидѣла министра за то, что онъ понималъ ея планы и всѣми средствами старался мѣшать имъ; чтобы отнять у цихъ элементарныя школы и слѣдовательно непосредственное вліяніе на подрастающее юношество, онъ издалъ новый уставъ для школъ, отдававшій ихъ въ руки свѣтскихъ властей; не менѣе злобы пробудилъ онъ тѣмъ, что сдѣлалъ попытку возстановить правительство противъ неразумныхъ и несвоевременныхъ начинаній въ Римѣ, достойныхъ только временъ варварскихъ. Ожесточенная и трудная борьба шла въ Баваріи между нѣмецкимъ патріотизмомъ, разумными требованіями и религіознымъ фанатизмомъ клерикаловъ, соединившихся со всѣмъ тѣмъ, что есть дурнаго въ нравахъ народа; ненависть къ Пруссіи поджигалась печатью, дошедшею въ своемъ раздраженіи до крайнихъ предѣловъ приличія, до какихъ она прежде никогда и нигдѣ не доходила. Она начала называть себя патріотическою партіей и подъ этой фирмой при выборахъ 22-го мая, захватила 79 депутатскихъ мѣстъ, а на долю либераловъ осталось только 75. Но князь Гогенлоэ не уступалъ, когда же въ сентябрѣ открыта была новая палата, то случилось происшествіе, очень рѣдкое въ исторіи парламентской формы правленія и доказавшее, что присоединеніе къ болѣе крупному цѣлому для Баваріи необходимо. Надобно было избрать президента; нѣсколько разъ производилась избирательная подача голосовъ, и неудовлетворительный результатъ оставался все тотъ же; въ той и другой партіи неизмѣнно 71 голосъ выпадали противъ 71, и тѣ и другіе, одинаково рѣшительные и неизмѣнные, не оставляли возможности помѣстить между ними примиряющаго начала или установить между противниками компромисъ. До 6 октября семь разъ подавали голоса и семь разъ повторился одинъ и тотъ же результатъ; оставалось одно—распустить парламентъ. При новыхъ выборахъ баварская патріотическая партія выставила 80 депутатовъ, а либеральная только 74; на этотъ разъ паденіе ненавистнаго министра вполнѣ удалось. 17 января 1870 года, происходило открытіе палаты. Ультрамонтанская партія во второй палатѣ нашла поддержку въ палатѣ государственныхъ совѣтниковъ; къ числу послѣднихъ принадлежали шесть принцевъ королевскаго дома и одинъ протестантъ, раздѣляющій ихъ взглядъ, а именно консисторіальный совѣтникъ Гарлесъ; обѣ палаты требовали удаленія министерства, но король колебался и не хотѣлъ рѣшиться на это. Въ теченіе двѣнадцати-дневныхъ преній патріотическое большинство, съ самымъ краснорѣчивымъ и даровитымъ представителемъ ультрамонтанскаго воззрѣнія, депутатомъ Іергомъ, во главѣ, изливало все, что въ теченіе лѣтъ накопилось въ душѣ недовольныхъ послѣ того, какъ въ обѣихъ палатахъ выражено было недовѣріе къ министерству черезъ подачу голосовъ, причемъ во второй палатѣ оказалось 77 противъ 62 голосовъ, король не могъ болѣе противиться и распустилъ министерство; баварскому посланнику при вѣнскомъ дворѣ, графу Брай-Штейнбергу поручено было составить новое; онъ вступилъ въ должность 7 марта 1870 года. Отъ него нельзя было ожидать дальнѣйшихъ дѣйствій для сближенія съ сѣверомъ, но также нельзя было предполагать, чтобы хотя одинъ шагъ имъ былъ сдѣланъ для тѣснѣйшаго соединенія южныхъ государствъ: потому что яснѣе прежняго обнаружилась невозможность существованія и развитія подобнаго южнаго союза; кромѣ того союзъ этотъ долженъ былъ бы составиться по программѣ вюртембергскихъ демократовъ, извѣстныхъ своею неспособностью вести политическія дѣла и предпріятія.

Въ Вюртембергѣ между тѣмъ партія эта, вмѣстѣ съ ультрамонтанами и при содѣйствіи нѣкоторыхъ министровъ, овладѣла верховною властью. Заняться исправленіемъ, или хотя бы изслѣдованіемъ настоящихъ злоупотребленій страны никому не приходило въ голову, потому что никто не хотѣлъ серьезно приниматься за дѣло; но за то они опять выкопали изъ-подъ спуда весь агитаціонный аппаратъ 1848 года; раздробили своихъ приверженцевъ въ общества, которыя, развѣтвляясь, охватили всю страну; органомъ ихъ былъ журналъ «Beobachter» (Наблюдатель); онъ ввелъ своего рода терроризмъ, преслѣдуя всѣхъ несогласно съ нимъ мыслящихъ; особенному гоненію подвергались чиновники, имѣв-

шіе мужество противиться несообразнымъ требованіямъ, или выказывавшіе приверженность къ Пруссіи и подозрѣваемые къ ней. Надъ министерствомъ, не имѣвшимъ моральной силы, они уже давно взяли перевѣсъ; они открыто стремились къ тому, чтобы всѣ договоры были нарушены и чтобы образовать народное войско съ возможно-короткимъ срокомъ дѣйствительной службы, или вовсе безъ всякой дѣйствительной службы (Praesenzzeit); нѣкоторые мечтали даже о присоединеніи къ Швейцаріи, потому что нельзя исчислить всѣхъ нелѣпостей, приходившихъ имъ въ голову; по временамъ какою нибудь крупною выходкою отводили себѣ душу; такъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1868 года, совѣтъ, управлявшій дѣлами и избранный изъ вюртембергской народной партіи, издалъ адресъ, въ духѣ и въ стилѣ 1848 года къ испанскому народу; онъ давалъ испанцамъ совѣтъ не выбирать себѣ новаго короля: они, вюртембергскіе демократы, говорилось въ адресѣ, не выбирали бы себѣ короля, если бы находились въ подобныхъ обстоятельствахъ. Въ сентябрѣ 1869 года, въ Вюртембергѣ праздновали 50-лѣтній юбилей конституціи; король пригласилъ депутатовъ на обѣдъ; чтобы принять участіе въ этомъ торжествѣ и быть на королевскомъ обѣдѣ, депутатъ Карлъ Майеръ, редакторъ Beobachter'a, сидѣвшій въ крѣпости за какую-то вину противъ постановленій печати, выпросилъ себѣ трехъ-дневный отпускъ, который ему былъ данъ; это доказываетъ, какая патріархальность существовала въ управленіи и въ государственныхъ постановленіяхъ. Народная партія въ этотъ день дожидалась амнистіи, но такъ какъ ея не послѣдовало, то они вмѣстѣ съ своими нѣмецкими союзниками не явились къ обѣду.

Демократическіе агитаторы прежде всего направили свои дѣйствія на законъ о военной повинности, постановленіе ни въ какомъ отношеніи не нравившееся имъ: во-первыхъ, оно возлагало на народъ обязанности не совсѣмъ пріятныя, во-вторыхъ, оно чисто прусскій законъ и учрежденіе примѣняло къ Вюртембергу. При дѣятельно организованной партіи не много труда стоило собрать подписи, чтобы подать коллективную просьбу въ обширномъ размѣрѣ о томъ, чтобы законъ этотъ былъ отмѣненъ; подъ прошеніемъ подписалось 150,000 человѣкъ. Но 1869 годъ прошелъ, а палата депутатовъ не собиралась для засѣданій; только въ мартѣ 1870 года были отпущены потребныя суммы, вслѣдствіе чего палата была призвана и собрана. Нападеніе на министерство было открыто вопросомъ одного изъ многихъ адвокатовъ, занимавшихъ мѣста депутатовъ. Зигмундъ Шотъ поставилъ вопросъ такъ: самъ ли Вюртембергъ рѣшитъ, обязанъ ли онъ, на основаніи договора 1866 года, въ случаѣ надобности подавать союзникамъ помощь, подать ее, или нѣтъ: крайне недальновидный и нехитрый вопросъ; онъ только показывалъ, что прусское правительство, въ случаѣ войны, должно дѣлать, когда въ Штутгартѣ подобное министерство стоитъ во главѣ управленія. Но главная борьба началась 11 марта; 45 демократовъ и ихъ приверженцевъ подали проектъ объ уничтоженіи срочнаго времени военной службы по призыву, потому что страна не имѣетъ средствъ покрывать издержекъ на войско въ такомъ размѣрѣ, въ какомъ оно находится въ настоящее время. Партія эта поставила на своемъ: военный министръ Вагнеръ, особенно непріятный для этой партіи, получилъ увольненіе. Казалось, самый вліятельный человѣкъ текущаго времени былъ депутатъ Пробстъ, отличавшійся и какъ демократъ и какъ ультрамонтанъ; онъ ежеминутно ожидалъ, что король призоветъ его къ себѣ и поручитъ ему составить министерство; на всякій случай у него на готовѣ былъ уже военный министръ, въ лицѣ отставнаго полковника, получавшаго пенсіонъ. Но Пробстъ не дождался назначенія, и коалиція, къ своему крайнему изумленію, узнала, что хотя военный министръ дѣйствительно и былъ уволенъ, но что его замѣнилъ еще болѣе энергическій человѣкъ и еще болѣе опасный сторонникъ прусской системы—Зуковъ, вступившій въ министерство съ условіемъ, чтобы министръ вѣроисповѣданій фонъ-Гольтеръ былъ уволенъ, а между тѣмъ на его помощь демократы полагались больше всего, потому что онъ сильно и отъ глубины души ненавидѣлъ всѣхъ преданныхъ Пруссіи; король согласился на требованія Зукова и уволилъ Гольтера. Наконецъ произошла еще перемѣна: министръ внутреннихъ дѣлъ, Геслеръ, такъ спокойно допускавшій демократамъ ихъ народныя сходки и не обращавшій вниманія на ихъ зажигательныя рѣчи, тоже

былъ уволенъ, а на мѣсто его назначенъ статскій совѣтникъ Шейерленъ; еще въ 1848 году, будучи очень молодымъ человѣкомъ и неважнымъ чиновникомъ, онъ доказалъ тогдашней демократической партіи, что онъ ея вовсе не боится, да и теперь старая львиная шкура, которою она прикрывалась, не возбуждала въ немъ и тѣни страха. Перемѣна министерства, однакожь, не означала присоединенія къ Пруссіи, она означала только, что опять намѣреваются управлять государствомъ: кто бы ни далъ королю этотъ совѣтъ, все равно, но совѣтъ былъ хорошій и того довольно. Съ той минуты, какъ положено было подобрать распущенные поводья управленія, сближеніе съ Пруссіей и сѣверо-германскимъ союзомъ было уже естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ; потому что здѣсь было, по крайней мѣрѣ, что нибудь опредѣленное, положительное, явилась прочная законная власть, между тѣмъ какъ въ Вюртембергѣ была полная распущенность: въ палатѣ, при открытыхъ дверяхъ напримѣръ, безнаказанно издѣвались надъ королевскимъ достоинствомъ. Установить южно-германскій союзъ—дѣло нетрудное, говорилъ депутатъ Майеръ, только это будетъ стоить нѣсколькихъ коронъ; желая остановить потокъ его рѣчи, ему напоминали о его присягѣ подданства, но онъ не затрудняясь отвѣчалъ: нѣтъ надобности, чтобы такого рода перемѣны и упраздненія были насильственными: если мы допустимъ, что монархія, подобно инымъ феодальнымъ тягостямъ, можетъ быть уничтожена безъ потрясеній, то цѣль достигнута. Къ счастію, приближалось время, когда подобные болтуны, какъ другія феодальныя тягости, могли быть смѣнены.

Ближайшія слѣдствія перемѣны министерства заключались въ томъ, что нѣмецкая партія, освобожденная отъ гнета народной партіи, опять вздохнула свободнѣе и къ ней примкнули всѣ тѣ, которые понимали выгоды, какія можетъ ожидать государственная и частная жизнь отъ того, если государство, обуреваемое партіями, примкнетъ къ одному великому цѣлому. На земскомъ собраніи въ Штутгартѣ, 18 апрѣля, нѣмецкая партія энергически выступила съ своими планами и мнѣніями, основанными на убѣжденіи въ правотѣ своего дѣла и на сознаніи, что противникъ лишенъ твердой почвы подъ ногами; даже высшее дворянство и рыцарство начали понемногу склоняться на сторону національности.

Въ Баденѣ, не смущаясь, продолжали идти по пути, однажды принятому. Въ лагерѣ либеральной партіи произошелъ разладъ, частію вызванный личными неудовольствіями, частію тѣмъ, что дѣло объединенія ни на шагъ не двигалось впередъ, но неудовольствія были тотчасъ прекращены, когда клерикальная партія попыталась воспользоваться разладомъ либеральной для своихъ цѣлей. Выборы въ августѣ, опять по примѣру прошлыхъ годовъ, выпали въ пользу либераловъ; баденское войско, по своей организаціи и по обмундировкѣ, сдѣлалось частью германо-прусскаго союзнаго войска и въ довершеніе всего великій герцогъ избралъ прусскаго генерала Бейера своимъ военнымъ министромъ. Неудовольствіе въ народѣ и въ одной части либераловъ было очень основательно: небольшое великое герцогство несло всѣ тягости объединенія съ Германіей, не пользуясь выгодами его. На союзномъ сеймѣ, собравшемся 14 февраля 1870 года, это неудовольствіе ясно высказалось. По случаю юридическаго договора между союзомъ и Баденомъ съ Гессеномъ, Вюртембергомъ и Баваріей—зашла рѣчь 24 февраля о томъ, чтобы Баденъ былъ принятъ въ сѣверо-германскій союзъ; первый заговорилъ объ этомъ германскій союзный депутатъ Ласкеръ; онъ говорилъ: «мы должны идти за Майнъ—Германія не можетъ и не должна быть раздѣлена на двѣ части.» Слова его встрѣчены были съ сочувствіемъ; возраженіе Бисмарка не казалось убѣдительнымъ: «нельзя давать молоку скиснуться, снимая съ него сливки—на Баварію и Вюртембергъ нельзя давить, отдѣляя отъ нихъ въ національномъ духѣ настроенный Баденъ и присоединяя его одного къ сѣверо-германскому союзу.» Ему не вполнѣ вѣрили, думали, не таятся ли за этими рѣчами другія мысли—можетъ быть и министръ зналъ больше того, что считалъ нужнымъ высказать. — Союзный сеймъ, между тѣмъ, спокойно продолжалъ свое дѣло, одинъ проектъ слѣдовалъ за другимъ: проектъ измѣненія уголовныхъ законовъ; присоединеніе къ обществу для постройки желѣзной дороги черезъ Сенъ-Готардъ; эта дорога, кромѣ торговаго, имѣла еще политическое значеніе: вѣдь, это «почти непосредственно прямое сообщеніе съ Италіей, съ которой, какъ мы надѣемся, дружба

паша надолго установилась», говорилъ Бисмаркъ; далѣе законъ о пособіи поселяющимся въ союзныхъ государствахъ. Таможенный парламентъ, прервавшій засѣданія сейма, дѣлалъ свое дѣло безъ особенныхъ потрясеній. Только однажды пришлось оспаривать мнѣніе представителей южныхъ государствъ, а именно: по предложенію Бамбергера, разсматривался съобща—въ сессіяхъ таможеннаго союза—проектъ закона о введеніи одной общей въ Германіи монетной системы, но для введенія одной общей монеты надобно было сначала сдѣлать изысканія и въ южно-германскихъ государствахъ, что и послужило поводомъ къ несогласію представителей ихъ. Вюртембергскій депутатъ Бехеръ, пришедшій въ засѣданіе съ самымъ недружелюбнымъ направленіемъ,—выраженнымъ еще во время выборовъ въ рѣчи, въ которой онъ изложилъ свои правила: «назначеніе южно-германскаго депутата, говорилъ онъ: заключается въ томъ, чтобы всѣми зависящими отъ него средствами портить все то, что Бисмаркъ будетъ дѣлать съ цѣлью установить единство Германіи», и онъ дѣйствительно не упускалъ случая препятствовать всѣмъ подобнымъ попыткамъ,—такъ и теперь съ большею горячностью чѣмъ нужно было, возставалъ противъ этой мѣры, утверждая, что о монетной системѣ таможенный парламентъ не можетъ разсуждать, такъ какъ это превышаетъ его власть. Несмотря на его протестъ, проектъ однакожь былъ принятъ.

Мая 26-го былъ оконченъ первый законодательный періодъ сѣверо-германскаго союзнаго сейма. Король въ своей заключительной рѣчи, пересматривая работы за эти три первые года союза, могъ указать на большее число полезныхъ реформъ, нежели прежній германскій союзъ за какія нибудь 50 лѣтъ своего застоя: онъ могъ указать на законодательный союзный актъ, черезъ который союзу дано было настоящее единство: каждый изъ подданныхъ 22 государствъ, вошедшихъ въ составъ сѣверо-германскаго союза, чувствовалъ себя вполнѣ гражданиномъ одного великаго, свободнаго и могущественнаго цѣлаго; на новыхъ началахъ организовано было союзное войско и союзный флотъ; цѣлый рядъ международныхъ договоровъ былъ удачно заключенъ; общія гражданскія права и учрежденія, внутреннія отношенія, государственная экономія — утверждены были на прочныхъ основаніяхъ. Для тѣхъ, которые съ 1815, или даже съ 1848 года жили сознательною жизнію, было довольно причины оставаться довольными тѣмъ, что достигнуто, и надѣяться и впередъ продолжать мирно развиваться и совершенствоваться. Но оставалось на горизонтѣ одно облако: пока оно не разсѣется, Германія не могла спокойно, съ полною безопасностью заниматься своими дѣлами: пока отношенія Германіи съ Франціей не опредѣлятся, не будутъ приведены въ ясность, до тѣхъ поръ промышленная дѣятельность народа должна была оставаться стѣсненною и ему небыло возможности заниматься торговлей и ремеслами, какъ того требовалъ духъ времени. Какъ бы то ни было, но пока съ этой стороны еще не представлялось никакой опасности. Напротивъ, то, что тамъ дѣлалось, давало надежду на миролюбивыя сношенія между обѣими націями, но въ данную минуту все вниманіе, казалось, было обращено на римскія происшествія и на возрастающую оппозицію относительно того новаго и послѣдняго звѣна цѣпи, которою курія окончательно намѣревалась сковать умъ и сердце вѣрующихъ. Въ народѣ уже происходило сильное волненіе, и многіе приготовлялись къ долгой междоусобной войнѣ, по всѣмъ вѣроятностямъ предназначенной вспыхнуть на вѣчно посредническої почвѣ—Германіи. Но все это были только опасенія и предположенія, ни на чемъ не основанныя; на политическомъ горизонтѣ не поднималось ни одного подозрительнаго облачка; совершенно одинъ, даже не взявъ съ собою ни одного изъ своихъ министровъ, король Вильгельмъ прибылъ 20-го іюня на минеральныя воды въ Эмсъ.

4. Франція.

Императоръ велъ политическія отношенія Франціи во время рѣшительной борьбы въ Германіи такъ, что не выказалъ ни дальновидности, ни осторожности, однимъ словомъ, ни одного изъ качествъ, связанныхъ съ почетными свойствами опытнаго политика. Основаніемъ всѣхъ политическихъ предположеній

Франціи и руководящихъ ея министровъ служило предсказаніе, что Пруссія «дорого поплатится за свои смѣлые планы и попытки»; когда же пришло извѣстіе о рѣшительныхъ побѣдахъ пруссаковъ, правительство и народъ были поражены изумленіемъ. Только на короткое время и поверхностно болѣзненное изумленіе было уравновѣшено и вознаграждено вторымъ извѣстіемъ, что Австрія уступила императору Наполеону Венецію со всею къ ней прилежащею областью. Много поддѣльнаго было въ восторгѣ и въ празднествахъ, вызванныхъ этою вѣстью; іюля 5 она была обнародована въ Парижѣ и затѣмъ передана всѣмъ префектурамъ Франціи, въ свою очередь извѣстившимъ меровъ, а тѣ обнародовали эту радостную вѣсть въ приходахъ; шумныхъ и блестящихъ праздниковъ было много. Франція явилась посредницей между враждующими государствами, и эта роль посредничества показалась народу даже важнѣе, чѣмъ она въ дѣйствительности была, потому что Пруссія въ сущности достигла всего того, чего желала. Одно было несомнѣнно: форма, въ какой явилась Германія послѣ пражскаго мира, была совсѣмъ не та, въ какой она была прежде и какою изобразилъ ее императоръ Наполеонъ въ своемъ письмѣ къ Друэнь де л'Юи, написанномъ 11-го іюня; еще больше была бы разница, если бы знали о тѣхъ союзахъ, какіе впослѣдствіи были заключены. Только одна часть комбинацій была извѣстна, а именно та, что «Пруссія на сѣверѣ стремится пріобрѣсть больше силы и округлить свои владѣнія»; это удалось Пруссіи даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ она сама предполагала; съ другой стороны Австрія вполнѣ утратила то выгодное положеніе, какимъ она пользовалась въ Германіи и какое французскій императоръ желалъ бы упрочить за нею; что же касается до южно-германскихъ второстепенныхъ государствъ, то изъ нихъ большая часть примкнула къ сѣверо-германскимъ, а оставшіяся не были способны исполнить желаніе Франціи — сомкнуться въ тѣснѣйшій и надежнѣйшій союзъ. Но неудовольствіе императора и всего французскаго народа было пробуждено не тѣмъ, что Германія явилась въ новой формѣ, что она, можетъ быть, со временемъ соединится въ одно могущественное цѣлое; хуже всего для нея было то, что маленькое, невидное королевство Прусское явилось соперницей Франціи на военномъ поприщѣ, что оно совершило подвиги, не только не уступающіе, но даже далеко превосходящіе побѣды при Сольферино и Маджентѣ, и что слѣдствіемъ прусскихъ побѣдъ — значительное увеличеніе прусскаго государства, тогда какъ итальянскія побѣды ровно никакой пользы не принесли Франціи; вотъ на что больше всего досадовала Франція. Но послѣ этого передѣла на долю Россіи и Англіи тоже ничего не досталось, а онѣ не жаловались, между тѣмъ какъ французскій министръ Друэнь де л'Юи вздумалъ потребовать для Франціи исправленія пограничной линіи и вознагражденія за пріобрѣтенія Пруссіи. Прусское правительство прямо и твердо отвергло предложенія, сдѣланныяей въ этомъ смыслѣ; тогда придумали очень ловкую увертку: чтобы вынести этотъ рѣзкій отказъ, объявили, будто императоръ былъ боленъ и предложеніе это было сдѣлано посланникомъ, помимо его воли. Не задумываясь, однакожь, Наполеонъ, по возвращеніи въ Парижъ 17 августа, послѣ курса минеральныхъ водъ въ Виши, заставилъ неловкаго министра поплатиться за неудачную попытку что-нибудь выторговать для Франціи; онъ отставилъ министра, а на мѣсто его назначилъ константинопольскаго посланника, маркиза Мутье; однакожь, не дожидаясь его появленія, Наполеонъ чувствовалъ потребность дать иное направленіе умамъ и характеру общественнаго мнѣнія. За дѣло принялись необыкновенно торопливо: министръ внутреннихъ дѣлъ Лавалеттъ, управлявшій временно министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, написалъ по этому поводу циркуляръ 16 сентября. Этотъ циркуляръ, написанный самимъ императоромъ, пытался выставить дѣло въ наилучшемъ свѣтѣ. Коалиція сѣверныхъ государствъ, стояло въ немъ, распалась; также и германскій союзъ, являвшійся вмѣстѣ съ Австріей и Пруссіей чѣмъ-то цѣлымъ—въ 80 милліоновъ жителей, исчезъ; Италія, составлявшая прежде часть Австріи, до сихъ поръ не имѣла права на отдѣльное самостоятельное существованіе, не составляла отдѣльной націи. Этому прошедшему надобно противопоставить новое начало, господствующее теперь въ Европѣ — свободу союзовъ. Увеличившаяся Пруссія является оплотомъ независимости Германіи, въ которой, надобно полагать, волненіе и броженіе вскорѣ улягутся; но Фран-

ція, гордая своимъ единствомъ, можетъ спокойно смотрѣть на это. Италія не удалится отъ народа, пролившаго кровь за ея независимость и за ея существованіе. Папскій престолъ огражденъ соглашеніемъ отъ 15 сентября, а Австрія сосредоточиваетъ свои силы на востокѣ; что бы она теперь ни вынесла, но она все-таки останется могущественной имперіей въ 35,000,000 жителей; ее не отдѣляютъ отъ Франціи ни вражда, ни народные интересы. Непреодолимое могущество влечетъ народы соединяться однородными крупными массами и составлять племенныя государства; этому требованію неизбѣжно подчиниться, и политика должна стать выше тѣсныхъ предразсудковъ прежнихъ временъ. Надобно радоваться, что эти великія перемѣны произошли безъ болѣзненныхъ потрясеній, производимыхъ революціей. Изъ послѣдней войны Франція должна извлечь для себя благодѣтельное правило, правило, къ счастью, не купленное кровью. «Мы изъ примѣровъ послѣдней войны видимъ: для того чтобы съ успѣхомъ защищать свои границы, мы немедленно должны усовершенствовать нашу военную организацію.»

Въ этихъ словахъ было много правды; къ несчастію, у Наполеона не было довольно энергіи, чтобы противиться извращеннымъ умамъ и страстямъ людей близкихъ къ нему, и легкомыслію и непостоянству народа, которому самъ онъ подчинялся изъ-за своихъ личныхъ выгодъ. Если Франція дѣйствительно была довольна своею судьбою, то отчего бы ей и не быть довольной своимъ географическимъ и политическимъ положеніемъ; что за дѣло ей и ея императору было до того, какимъ путемъ Германія отыскивала свое спокойствіе и свое счастіе?

Ничего предосудительнаго не было въ томъ, что Франція свою воинскую систему хотѣла преобразовать, что по событіямъ послѣдней войны она сознала всю необходимость этой реформы; что за нужда, если она, приступая къ этому преобразованію, ввела бы общую воинскую повинность на манеръ прусской; такая реформа могла быть даже ручательствомъ мира, потому что ни одна изъ военныхъ системъ меньше этой не допускаетъ возможности безполезныхъ войнъ для завоеваній. Какъ бы то ни было, но 26 октября императорскимъ декретомъ учреждена была комиссія изъ министровъ и военныхъ компетентныхъ личностей, съ цѣлью составить планъ военной реформы. 12 декабря былъ изготовленъ проектъ, по которому военныя силы Франціи, подобно тому, какъ въ Пруссіи, состояли бы изъ дѣйствующей арміи, изъ резервовъ и изъ подвижной національной гвардіи, при ежегодномъ призывѣ въ 160,000 человѣкъ; такимъ образомъ въ шесть лѣтъ образовалась бы армія въ 1,232,000 человѣкъ. Но если цѣлый народъ дѣлается способнымъ носить оружіе, то спрашивается: каковъ характеръ народа, можетъ ли онъ быть вооруженъ, каковы его свойства вообще? Въ этомъ отношеніи можно было еще поставить вопросъ, дозволяло ли положеніе Франціи, въ эпоху второй имперіи, здоровое и свободное развитіе всѣхъ народныхъ силъ и сословій?

Мы уже видѣли, что эпоха диктаторства, т. е. сосредоточенія всей власти въ рукахъ императора, прошла. Наполеонъ самъ это сознавалъ, и уже сдѣлалъ нѣкоторыя уступки вновь пробуждающемуся народному духу. 19 января 1867 г. написалъ онъ государственному министру Руэ письмо, которое вмѣстѣ съ письмомъ къ военному министру Ніелю—безспорно самыя замѣчательныя изъ его политическихъ произведеній; въ этомъ письмѣ онъ высказываетъ намѣреніе опять отмѣнить пренія по поводу адреса, но за то дать палатѣ мудро направленное право возраженія; въ то время онъ намѣренъ былъ возстановить нѣкоторую свободу печати и право составлять общества и собранія, но только въ размѣрахъ, строго опредѣленныхъ закономъ; этимъ, говорилъ онъ, довершится зданіе, построенное волею народа. Февраля 14 происходило открытіе сессій законодательнаго корпуса. Тронная рѣчь, высказываясь о событіяхъ 1866 года, въ духѣ лавалетскаго циркуляра, объясняла, почему Франція не двинула ни одного вооруженнаго человѣка, и несмотря на это, все-таки кое-что пріобрѣла; было довольно комично, что, призывая, по своему обыкновенію, къ каждому дѣлу тѣнь Наполеона I, онъ и тутъ не пропустилъ случая назвать его первоначальнымъ творцомъ великой агломераціи одноплеменныхъ народовъ,—цѣль, къ которой теперь очевидно всѣ націи выказываютъ такое непреодолимое стремленіе. Съ меньшей увѣренностію говорилъ онъ о Мексикѣ, гдѣ только-что разыгралась печальная драма; онъ сознавался, что великое предпріятіе, великая идея не удалась; но, прибавлялъ онъ,

отношенія Франціи къ прочимъ державамъ удовлетворительны. «Пруссія тщательно избѣгаетъ всего, что можетъ оскорбить нашу національную чувствительность, или по крайней мѣрѣ затронуть ее. Пора,-продолжалъ онъ, обращаясь къ внутреннимъ отношеніямъ и дѣламъ, наши учрежденія окончательно развить и искать новой гарантіи для нашей политической свободы; увеличеніе оборонительной силы Франціи необходимо; вліяніе народа зависитъ отъ числа вооруженныхъ людей, которыхъ онъ можетъ выставить въ поле». Надобно замѣтить, что ораторская каѳедра, вынесенная изъ законодательной палаты въ 1852 году, опять была поставлена; кажется, было дано достаточное ручательство въ томъ, что свобода будетъ возстановлена; Оливье и партія умѣренныхъ при первомъ удобномъ случаѣ заявили свое удовольствіе. Въ срединѣ марта, по поводу дипломатическихъ отношеній къ иностраннымъ державамъ, произошло разномысліе, послужившее поводомъ къ продолжительнымъ преніямъ. Руэ былъ принужденъ въ рѣшительное время обнаружить тайныя намѣренія правительства: «я смѣло скажу, что 3-е іюня былъ очень трудный день для тѣхъ, которые призваны управлять дѣлами этого государства.... армія, равно какъ и общественное мнѣніе, были твердо убѣждены, что Пруссія дорого поплатится за свою отважную попытку.... при этомъ неожиданномъ событіи наше патріотическое чувство невольно сжимается и трепещетъ». На это Тьеръ бросилъ свое обоюдоострое двусмысленное выраженіе: «il n'y a plus une faute à commettre», чѣмъ хотѣлъ онъ сказать: «теперь нельзя больше дѣлать ни одной ошибки», или «нѣтъ возможности сдѣлать большей ошибки». Правительство, въ лицѣ Руэ, могло только дерзко возразить: «никакой ошибки не было!» Но законодательный корпусъ, чувствуя себя тоже виноватымъ, выказалъ уступчивость; въ числѣ подавшихъ голосъ за ordre du jour, были Даримонъ и Оливье, который относительно Германіи очень благоразумно высказывалъ свой взглядъ.

Усилившаяся жизненная дѣятельность въ остальныхъ государствахъ Европы сама собою повліяла на Францію и вызвала въ ней усиленную парламентскую дѣятельность. Въ томъ же мѣсяцѣ поднялся спорный вопросъ изъ-за Люксембурга и пробудилъ общій интересъ въ Германіи и сосѣднихъ съ нею странахъ, но народонаселеніе Франціи не показало ни малѣйшаго участія въ этомъ дѣлѣ. Возможное пріобрѣтеніе по этому поводу казалось слишкомъ малымъ, и ни въ началѣ, ни въ ходѣ, ни при окончаніи этого дѣла не предвидѣлось ничего такого, что могло бы послужить къ прославленію императорскаго имени, или что могло бы облечь его очарованіемъ побѣдителя. Парижскія каррикатуры очень удачно сравнивали по этому поводу Наполеона съ охотникомъ, который послѣ дня неудачной охоты, гдѣ промахъ слѣдовалъ за промахомъ, возвращаясь домой, покупаетъ зайца у продавца, чтобы похвастаться передъ друзьями и родными своею добычей; однакожь на общество не произвело сильнаго впечатлѣнія, когда ему пришлось своего зайца отнести обратно въ Гаагу, продавцу. Очень спокойно и съ притворнымъ удовольствіемъ правительство объявило 13 мая о счастливомъ разрѣшеніи этого европейскаго вопроса. Одна удача все-таки была же при этомъ: прусскій гарнизонъ вышелъ изъ крѣпости. Но при этой тяжбѣ на французовъ произвело сильное впечатлѣніе то дружное единство національнаго чувства, какое выказалъ сѣверо-германскій союзъ, и твердость прусскаго министра, съ какою онъ съумѣлъ опрокинуть тайныя желанія и скромныя надежды французскаго правительства; напрасно министръ Руэ маскировалъ свою неудачу смѣлыми словами: «въ тотъ день, когда Пруссія осмѣлится напасть на Зюйдерзе, Франція и Англія заговорятъ такимъ языкомъ, что Пруссія пойметъ, что время безумныхъ претензій уже давно прошло. Но безумныя претензіи выказались въ иномъ мѣстѣ; касательно ихъ, Англія, несмотря на надежды министра, вела очень смирную рѣчь. Іюня 14 лордъ Станлей, министръ иностранныхъ дѣлъ, говорилъ въ нижней палатѣ, что европейская коллективная гарантія нейтральности Люксембурга вовсе не обязываетъ Англію браться за оружіе, когда ей будетъ угрожать какая либо опасность; слѣдовательно подпись Англіи подъ договоромъ была двусмысленнаго достоинства, или вовсе не имѣла никакого; но на томъ же актѣ стояла подпись Пруссіи, и весь ходъ этого дѣла доказалъ всякому способному понимать намеки, что при первой попыткѣ Франціи сдѣлать эту земельку своей добычей или замѣ-

нить ее другою, она на своемъ пути неминуемо встрѣтитъ Пруссію, а съ нею, можетъ быть, и всю Германію.

Чтобы занять мысли и отвлечь вниманіе, необходимо было развернуть другую картину. Этого Франція достигла своею всемірною выставкой, открытой 1 апрѣля и привлекшею въ Парижъ всѣхъ великихъ и высочайшихъ посѣтителей Европы. Длинной вереницей перебывали: принцъ уэльскій, бельгійская королевская чета, побѣдитель при Садовѣ, король прусскій, а съ нимъ Бисмаркъ и Мольтке. Императоръ гостепріимно угощалъ своихъ гостей; нѣсколько дней спустя былъ сдѣланъ первый шагъ къ объединенію всей Германіи, подписаны были таможенные договоры (Zollvereinsverträge); разумные французы видѣли въ этомъ полное присоединеніе Германіи къ Пруссіи; благоразумные нѣмцы видѣли въ этомъ первый шагъ къ объединенію Германіи, которое рано или поздно неминуемо должно произойти. Новое общее волненіе произвело покушеніе Березовскаго на жизнь русскаго императора, Александра Николаевича; не меньше 36 адвокатовъ употребляли всю изворотливость своей реторики на то, чтобы оправдать Березовскаго, но 15 іюля онъ былъ присужденъ на пожизненное заключеніе на галерахъ. 1 іюля, въ день закрытія всемірной выставки пришло извѣстіе о печальной кончинѣ несчастнаго мексиканскаго императора Максимиліана; въ законодательномъ корпусѣ еще разъ жарко разсуждали объ этомъ предпріятіи; Тьеръ и Жюль Фавръ сыпали свои справедливыя обвиненія; надобно было имѣть необыкновенную дерзость министра Руэ, чтобы спокойно вынести и выслушать то, что говорилось. Но большинство честно поддерживало правительство; новая организація войска встрѣчена была всеобщимъ неудовольствіемъ всѣхъ классовъ народа; можетъ быть, даже мысль, что потребуется нѣсколько лѣтъ на то, чтобы составить новое войско, обучить его, вооружить новымъ оружіемъ, была причиной миролюбиваго окончанія спорнаго люксембургскаго вопроса. Не смотря на это утвержденъ былъ чрезвычайный кредитъ въ 158 милліоновъ большинствомъ 236 голосовъ противъ 12, на новыя военныя реформы, да и весь военный бюджетъ былъ единодушно принятъ палатой; вслѣдъ за этимъ большинство шумно требовало, чтобы правительство представило подробный отчетъ издержекъ на мексиканскую экспедицію, но весь шумъ рѣчей не достигъ желаемаго результата, и 25 іюля сессіи законодательнаго корпуса были закрыты императорскимъ декретомъ. Въ промежутокъ, до новаго открытія засѣданій, т. е. до 18 ноября, произошло Зальцбургское свиданіе между императорами и важная нота Бисмарка, отъ 7 сентября, заключавшая въ себѣ объяснительную программу его и германской политики; парижская пресса пришла отъ ноты въ неописанную ярость; въ октябрѣ Францъ-Іосифъ отдалъ визитъ Наполеону; его посѣщеніемъ оканчивается длинный рядъ блистательныхъ пріемовъ, сдѣланныхъ парижскимъ дворомъ всѣмъ коронованнымъ лицамъ, бывшимъ свидѣтелями блеска и могущества императорскаго правленія.

Вслѣдъ за зальцбургскимъ свиданіемъ, въ сентябрѣ, произошелъ италіянскій кризисъ; при этомъ случаѣ Наполеону опять пришлось испытать, какъ невыгодно и непріятно его положеніе быть въ одно и тоже время поборникомъ и противникомъ революціоннаго движенія. Напрасно пытался онъ сбросить съ себя тяжесть своего положенія, или по крайней мѣрѣ раздѣлить его съ другими; напрасно разсылалъ онъ къ различнымъ и крупнымъ, и мелкимъ державамъ приглашенія къ конгрессу для рѣшенія римскаго вопроса; никто не захотѣлъ мѣшаться въ это дѣло, и всякій охотно предоставлялъ ему вѣдаться, какъ знаетъ. На призывъ къ конгрессу отозвался только одинъ изъ французскихъ приверженцевъ, дармштатскій министръ фонъ-Дальвигъ; онъ принялъ приглашеніе слишкомъ поспѣшно, безъ того, чтобы предварительно снестись съ своими нѣмецкими союзниками, за что навлекъ себѣ замѣчаніе со стороны Бисмарка. И въ этотъ разъ конгресъ не состоялся; въ сущности ни одинъ изъ дворовъ католическаго вѣроисповѣданія не хотѣлъ вмѣшиваться въ дѣло, котораго никакимъ образомъ нельзя было рѣшить на законномъ, раціональномъ основаніи, а можно было только механически привести къ концу. Во время совѣщанія министровъ въ Сенъ-Клу, все по поводу римскаго вопроса, присутствовала императрица, вліяніе которой въ послѣднее время замѣтно возрастало. Чудеса, произведенныя новымъ

оружіемъ, въ стычкѣ при Ментанѣ, разсѣяли дурное расположеніе духа императора и настроили его на самыя миролюбивыя мысли. Въ характерѣ его была черта: сознаніе силы пробуждало въ немъ миролюбіе; возможность начать войну, если-бы того потребовали обстоятельства, съ Германіей, съ превосходнѣйшимъ оружіемъ успокоивала и удовлетворяла его.

Въ ноябрѣ вновь происходило открытіе засѣданій законодательнаго корпуса. Рѣчь при открытіи была произнесена въ самомъ миролюбивомъ настроеніи: «пока ничто не угрожаетъ нашему достоинству и нашимъ интересамъ, мы не будемъ вмѣшиваться въ преобразованія и перевороты, какія дѣлаются по волѣ народовъ.» Этимъ намекалось на происшествія въ Папской области и на востокѣ, на Критѣ; послѣ этого въ общихъ выраженіяхъ рѣчь коснулась дальнѣйшаго развитія либеральныхъ учрежденій, «не касаясь однакожъ правъ, предоставленныхъ авторитету правительства.» Но что тамъ ни говорилось, а важнѣйшую задачу составляла реформа военная; немедленно былъ предложенъ новый проектъ закона для организаціи войска, обсужденіе котораго поставлено было на первый планъ и который составлялъ центръ всеобщихъ интересовъ.

Очень легко и поверхностно коснулись италіянскихъ дѣлъ и того, что начали называть нѣмецкимъ вопросомъ. Извѣстному изреченію министра — никогда — сочувствовала почти вся палата, потому что къ Италіи ни одна изъ партій, даже республиканская не чувствовала симпатіи. Касательно нѣмецкаго вопроса можно было изворотиться, потому что, разсуждая о военномъ преобразованіи, въ тоже время разсуждали и о дѣлахъ Германіи. Эти пренія начались 19 декабря. Лѣвая сторона выставила свой проектъ объ образованіи милиціи, проектъ не хуже и не лучше такихъ же проектовъ и при такихъ же обстоятельствахъ представленныхъ въ сосѣдней Германіи, но Ніель опрокинулъ его безъ большаго усилія; чѣмъ лучше Франція будетъ вооружена, говорилъ онъ, тѣмъ миролюбивѣе будетъ ея настроеніе; очень замѣчательна и похвальна рѣчь Оливье, воспользовавшагося этимъ обстоятельствомъ, чтобы доказать, что необходимо личную правительственную власть замѣнить конституціонною, потому что въ противномъ случаѣ вѣчно будетъ угрожать военная опасность. Онъ былъ противъ закона военной реформы; у него достало мужества объявить большинству депутатовъ и военному министру, что они подъ словами мира ежедневно помышляютъ о войнѣ, что они ежедневно приходятъ въ раздраженіе, если имъ кто либо доказываетъ, что побѣда при Садовѣ уменьшаетъ блескъ и давно заслуженное обаяніе французскаго оружія; онъ говорилъ: что очень хорошо и похвально быть вполнѣ французами, но что это еще не налагаетъ обязанности мѣшать нѣмцамъ быть нѣмцами, а италіянцамъ — италіянцами. Только 14 января 1868 года дошли до окончательной подачи голосовъ; законъ о военной реформѣ былъ принятъ большинствомъ 199 голосовъ противъ 60: срокъ военной службы съ 7 лѣтъ былъ увеличенъ до 9, изъ нихъ 5 лѣтъ въ дѣйствующей арміи и 4 въ резервахъ; здѣсь допускалось замѣщеніе одного лица другимъ, но въ подвижной національной гвардіи это не допускалось; національная гвардія только въ случаѣ войны и по особому закону можетъ быть употреблена въ дѣло. Когда законъ о военной реформѣ былъ утвержденъ, дѣло дошло до законовъ о печати, за нихъ принялись 9 марта: предупрежденія были отмѣнены, но иныхъ важныхъ преобразованій не было сдѣлано; между прочимъ, въ огражденіе личности, за всякій пасквиль, или даже карикатуру на частный случай, или лицо, или за опубликованіе въ какомъ либо изъ періодическихъ изданій происшествій частной жизни назначенъ былъ штрафъ въ 500 франковъ. Въ такомъ же родѣ былъ составленъ законъ о собраніяхъ и сходкахъ, принятый 25 марта большинствомъ 209 голосовъ противъ 22; позволено было собирать публичныя политическія общества, но съ тѣмъ, чтобы своевременно дано было знать полиціи о мѣстѣ, времени и цѣли собранія; позволено было собираться съ избирательною цѣлью за пять дней до настоящаго срока выборовъ для того, чтобы страсти могли успокоиться и улечься до настоящихъ выборовъ; жестокія наказанія и очень большая отвѣтственность защищаютъ правительство отъ злоупотребленія дарованной свободой. Послѣ этого палата нѣкоторое время занималась рѣшеніемъ нѣкоторыхъ практическихъ учрежденій и вопросовъ: составленіемъ торговыхъ до-

говоровъ, страховыхъ учрежденій для рабочихъ, проектами желѣзныхъ дорогъ и финансовымъ положеніемъ города Парижа; оно было подвергнуто ближайшему разсмотрѣнію, особенно касательно общественныхъ построекъ, которыми баронъ Гаусманъ распоряжался, какъ будто ему принадлежали всѣ деньги, какія есть на свѣтѣ. «Никогда, въ цѣломъ свѣтѣ не предпринимали чего нибудь подобнаго массивной цѣлости работъ,» доносилъ этотъ императорскій городской префектъ своему государю, «что походило бы на перестройку цѣлаго Парижа.» 29 іюня начались всеобщія пренія по поводу бюджета, въ которыхъ отразился политическій характеръ времени. Тьеръ воспользовался случаемъ, чтобы обстоятельно изложить свой взглядъ на положеніе дѣлъ: оставаясь при своемъ характерѣ стариннаго француза, онъ оплакивалъ «плачевныя теоріи національностей,» которыя довели государство до того, что приходится истрачивать столько денегъ, чтобы поддерживать извѣстныя скоро преходящія современныя идеи и льстить имъ; что оставили ту великую и обширную политику, черезъ которую Франція сдѣлалась средоточіемъ міра—«мы создали единство Германіи неотвратимымъ».—Но онъ утѣшалъ себя надеждой, что рано, или поздно врожденный нѣмцамъ духъ федеральный (sentiment fédéral) опять проснется въ Германіи и дастъ ей иную физіономію. Не надобно мѣшать этой драгоцѣнной работѣ ума, говорилъ онъ, слѣдовательно съ нашей стороны ничего не должно быть упущено «чтобы сдѣлать насъ довольно могущественными, чтобы не допустить въ Европѣ новаго похищенія». Очень ловкимъ оборотомъ рѣчи онъ обошелъ запрещеніе разбирать и разсуждать о законахъ отечества, а между тѣмъ онъ это-то и дѣлалъ: «правда вырывается у меня, я не могу удержаться, чтобы не высказать ее: наше законодательство требуетъ полнаго, фундаментальнаго измѣненія». «Отчего нашъ бюджетъ такой большой?» спрашивалъ ораторъ—«въ немъ таится вся наша политика—въ немъ Италія, Германія, Мексика, Парижъ—въ немъ наконецъ выборы — и что намъ стоятъ выборы, прибавилъ онъ при хохотѣ. «Этого я не посмѣю объявить вамъ!» — Не такъ замысловато, но съ такимъ же успѣхомъ на слушателей сказалъ Жюль Фавръ: «Если Франція можетъ назваться довольно богатой, чтобы платить при подобныхъ условіяхъ за императорскій титулъ.» Но на этотъ разъ дѣло еще не дошло до того, чтобы необходимо было платить за императорскій титулъ: оба бюджета, и обыкновенный, и чрезвычайный были приняты, при значительномъ большинствѣ голосовъ, и наконецъ новый внутренній заемъ въ 430 милліоновъ былъ тоже разрѣшенъ большинствомъ голосовъ; когда же въ августѣ была открыта подписка, то въ одну недѣлю собралось подписей въ 34 раза больше предполагаемаго займа,—«поразительное доказательство», доносилъ министръ финансовъ Мань—«величія нашего отечества, его увѣренности въ своихъ силахъ и средствахъ, вѣры въ прочность нашихъ учрежденій и въ мудрость нашего государя».

Какъ бы то ни было, но съ этихъ поръ французскій престолъ перестаетъ быть спокойнымъ и безопаснымъ мѣстомъ. Происшествія въ Испаніи, о которыхъ будемъ говорить ниже, причинили много заботъ императору и заставили его задуматься не на шутку. Въ сентябрѣ императоръ и императрица Франціи приготовились къ встрѣчѣ испанской королевы; свиданіе произошло очень просто на станціи желѣзной дороги въ Біарицѣ; Изабелла явилась сюда со всѣми остатками своего имущества: она бѣжала изъ Испаніи и отправилась въ замокъ По, назначенный ей императоромъ, для мѣстопребыванія.

Внутри государства было не совсѣмъ спокойно: опять зашевелилась самая опасная изъ оппозицій, а именно низшіе слои парижскаго народонаселенія; по тому уже, что журналистъ Рошфоръ, издававшій съ 1868 года свой плохой скандалезный листокъ «Фонарь» (Lanterne), сдѣлался важнымъ политическимъ дѣятелемъ, можно было заключить, что положеніе дѣлъ сильно измѣнилось, и не къ лучшему. 2 ноября, въ день всѣхъ святыхъ дошло до демонстраціи у могилы Каваньяка и депутата Бодена, извѣстнаго тѣмъ, что онъ 3 декабря 1841 года доказалъ, «какъ умираютъ изъ-за 7 франковъ діеты»; въ день годовщины этого происшествія, а именно 3 декабря, партія хорошо и многократно проученная, вздумала было сдѣлать очень крупную демонстрацію; правительство, предупреждая ее, приняло невообразимыя мѣры предосторожности, но поставило себѣ

тѣмъ въ очень смѣшное положеніе, потому что партія предпочла никакихъ демонстрацій не дѣлать; газеты потѣшались надъ большими приготовленіями полиціи, которымъ народъ не мѣшалъ; когда же правительство принялось преслѣдовать журналы за то, что они открыли подписку для памятника Бодена, массы выказали свое неудовольствіе, и адвокаты на зло правительству, защищая журналистовъ, на всѣ ноты и лады процѣдили происшествія 2 декабря. Перемѣна системы администраціи едва ли могла хоть сколько-нибудь поправить зло, укоренившееся въ народѣ и скрывавшееся гораздо глубже того, чѣмъ предполагали оппозиціонные журналы и оппозиціонные ораторы; однакожь потребность перемѣны чувствовалась, и съ этимъ чувствомъ начался новый 1869 годъ.

Въ тронной рѣчи своей императоръ подъ личной увѣренности и спокойствія пытался скрыть свое опасеніе, естественно проистекавшее изъ знанія исторіи и характера народа и его положенія. Въ рѣчи упоминалось объ усовершенствованномъ вооруженіи войска, объ арсеналахъ, наполненныхъ оружіемъ, о магазинахъ, о хорошо обученныхъ резервахъ, о подвижной національной гвардіи, реорганизація которой уже предпринимается,—о преобразованномъ флотѣ, о крѣпостяхъ, находящихся въ самомъ удовлетворительномъ положеніи—«вспомогательныя средства Франціи въ будущемъ времени справедливо займутъ мѣсто на той высотѣ, которую они предназначены занимать въ мірѣ.» Далѣе императоръ упоминалъ объ общественныхъ работахъ, своемъ обширномъ и благодѣтельномъ предпріятіи улучшить и исправить сѣть проселочныхъ дорогъ; для благосостоянія края онъ смотрѣлъ на это, какъ на мѣру въ высшей степени благодѣтельную, которая причтется ему въ вѣчную заслугу. Настроеніе народа, казалось ему, находится въ самомъ лучшемъ положеніи: «народныя массы постоянны въ своихъ вѣрованіяхъ и въ своей привязанности.» «Укажите мнѣ, спрашивалъ онъ съ гордостью, не подозрѣвая, какъ много оскорбительнаго для Франціи заключалось въ его вопросѣ: «укажите мнѣ, какое правительство до сихъ поръ подарило Франціи 17 лѣтъ спокойствія и постоянно возрастающаго благосостоянія?»

Первая парламентская борьба началась въ апрѣлѣ по поводу преній изъ-за бюджета; Тьеръ открылъ кампанію. Онъ съ настойчивостью неотступно требовалъ правъ, безъ которыхъ Франція существовать не можетъ, а именно: свободы голоса избирателей, отвѣтственности министровъ, участія народа въ дѣлахъ управленія. Онъ понималъ, на краю какой пропасти Франція стояла: «Францію нельзя подвергать опасности, когда нибудь, нежданно-негадано быть вынужденной дать повелѣніе своимъ сынамъ идти на границу, чтобы ихъ отстаивать.» Штаты министерства вѣроисповѣданія и народнаго просвѣщенія подали поводъ къ нападеніямъ. Правительство оспаривало жалкій ежегодный кредитъ въ 250,000 фр. на прибавки къ пенсіонамъ и жалованью учителей элементарныхъ училищъ; а между тѣмъ правительство немедленно согласилось отпустить сумму, потребную для пенсіоновъ въ 250 фр. для солдатъ-ветерановъ современныхъ первой имперіи. Оливье завелъ рѣчь о томъ, какъ должны и какъ будутъ держать себя французскіе епископы на соборѣ; при этомъ случаѣ депутатъ Пикаръ отпустилъ остроту, долгое время ходившую по городу и переходившую изъ одного современнаго изданія въ другое; онъ назвалъ римско-католическое вѣроисповѣданіе «свободной церковью въ не свободномъ государствѣ»; въ прочихъ дѣлахъ палата оставалась вѣрна себѣ: бюджеты были приняты.

Но общее вниманіе было возбуждено новыми выборами въ члены законодательной палаты; императорскимъ декретомъ приказано было произвести и окончить выборы въ короткій срокъ отъ 27 апрѣля до 23 мая.

При этомъ случаѣ сильная перемѣна въ общемъ настроеніи народонаселенія ясно обозначилась. Въ Парижѣ, больше чѣмъ гдѣ бы то ни было, съумѣли воспользоваться своими правами составлять общества и сходки, на которыхъ избраны были въ депутаты извѣстные непримиримые представители оппозиціи:—Пикаръ, Жюль Симонъ, Пелетанъ, Бансель и вмѣстѣ съ ними еще неизвѣстное новое историческое имя—Леонъ Гамбетта; надобно было радоваться, что при дополнительныхъ выборахъ жребій палъ на Тьера, и что вмѣсто ничтожнаго и незамѣчательнаго самого по себѣ Рошфора выбранъ былъ Жюль-Фавръ. Съ перваго раза сдѣлалось ясно, что до сихъ поръ преобладавшее большинство было осилено; пере-

вѣсъ былъ на сторонѣ умѣренной партіи; она пыталась устранить Руэ—олицетвореніе правительственной теоріи, этого императорскаго маіордома и вице-императора, и вмѣсто него хотѣла устроить конституціонную форму правленія, выкроенную по однажды установившемуся образцу. Но императоръ остался твердъ, не смущаясь новыми выборами. Онъ не уступалъ; онъ былъ убѣжденъ, что при подобныхъ обстоятельствахъ опаснѣе всего показать слабость. Къ 25 іюня законодательныя корпораціи были созваны для чрезвычайныхъ совѣщаній. При открытіи ихъ засѣданій Руэ объявилъ, что совѣщанія открыты съ цѣлью разсмотрѣть законность выборовъ и провѣрить ихъ; проекты же законовъ со стороны правительства откладываются до начала настоящихъ сессій. Если предполагать, что эта мѣра употреблена была, какъ средство охладить страсти, или какъ средство дать имъ охладиться самимъ собою, то цѣль эта не была достигнута; между тѣмъ какъ шла провѣрка выборовъ, при чемъ было не мало всевозможнаго шума, посредническая партія составляла адресъ, для котораго собирала подписи, и ихъ набиралось очень много: дѣло заключалось, въ томъ чтобы показать правительству необходимость уступить желанію народа, какъ выражались одни, необходимость принять *дѣйствительнѣйшія* (efficacement) мѣры, чтобы привести общее положеніе дѣлъ въ порядокъ или, какъ говорили умѣренные, для принятія болѣе дѣйствительныхъ мѣръ (plus efficacement); но въ прибавленіи общее желаніе было выражено гораздо яснѣе; указывалось на необходимость установить *отвѣтственное министерство*. Набралось болѣе 113 подписей, и теперь съ нетерпѣніемъ выжидали, чтобы повѣрка выборовъ была окончена и палаты окончательно составлены, и тогда уже попытаться низвергнуть Руэ. Но императоръ не дождался адреса. Уже 12 іюля написалъ извѣщеніе въ палату, наканунѣ только составленную, о тѣхъ реформахъ, какія правительство намѣрено предложить, лишь только правильныя засѣданія палатъ будутъ открыты: палата сама назначаетъ свое бюро; опредѣленіе бюджета должно происходить послѣ совѣщанія о каждой статьѣ въ отдѣльности; упрощеніе процедуры при подачѣ депутатами отдѣльныхъ мнѣній, при повѣркѣ или исправленіи предлагаемыхъ палатою законовъ; право замѣчанія и ограниченія расширено и упрощено; кромѣ того предлагались еще нѣкоторыя другія полезныя измѣненія; собраніе палатъ отсрочено на неопредѣленное время, но за то сенату предложены были всѣ эти проекты на обсужденіе для того, чтобы дать имъ силу закона. Недовольнымъ пришлось имѣть дѣло съ человѣкомъ, глубоко изучившимъ всѣ боковые ходы и выходы законодательства и у котораго кромѣ того былъ такой же искусный и надежный помощникъ. 17 іюля государственное министерство было распущено, Руэ уволенъ и возведенъ въ должность президента сената; министерство составлено вновь; 2 августа созванъ былъ сенатъ, чтобы произнести рѣшеніе надъ проектомъ закона, выработаннымъ совѣтомъ сената изъ оповѣщенія объ уступкахъ, на какія правительство готово было согласиться и о какихъ императоръ писалъ въ палату 12 іюля. Главныя статьи реформы заключались въ слѣдующемъ: законодательному корпусу предоставляется также, какъ императору, право предлагать законы; установлялась отвѣтственность министровъ; засѣданія и разсужденія сената должны быть открытыя, но по требованію 5 членовъ, могутъ происходить и при закрытыхъ дверяхъ; каждый членъ сената и законодательнаго корпуса имѣетъ право подавать свое возраженіе; бюджетъ обсуждается и разрѣшается по отдѣльнымъ статьямъ; законодательный корпусъ имѣетъ право голоса и совмѣстное дѣйствіе при международныхъ договорахъ, особенно торговыхъ и почтовыхъ.

Для партіи бонапартистовъ около этого времени происходило важное торжество: праздновалось столѣтіе дня рожденія основателя династіи, а именно 15 авг. 1869 г.; по этому случаю обнародована была амнистія; но народъ не показывалъ такого сочувствія какъ прежде и были даже нѣкоторые неблагопріятные для правительства признаки. Наканунѣ этого дня скончался маршалъ Ніель; самъ императоръ былъ опасно боленъ и самые зловѣщіе слухи о его состояніи внушали общія опасенія; курсъ на биржѣ пошатнулся; отъ здоровья или болѣзни одного человѣка зависѣлъ ходъ биржевыхъ операцій и, казалось, съ его жизнью соединена участь Франціи; такое положеніе дѣлъ показывало непормальное состояніе Франціи, да и остальной Европы тоже. Однакожь опасность миновала,

императоръ выздоровѣлъ; не въ Тюльерійскомъ дворцѣ ему суждено было окончить свою жизнь, исполненную приключеній. Онъ въ Парижѣ показался народу уже 10 сентября.

Между тѣмъ съ 1 до 6 сентября разбиралось и оспаривалось въ сенатѣ сенатское рѣшеніе, основанное на отчетѣ коммисіи, переполненномъ хвастовствомъ, лестью и всякими преувеличеніями. Либеральную сторону поддерживалъ и защищалъ принцъ Наполеонъ; въ этомъ собраніи императорскихъ пенсіонеровъ, большинствомъ 134 голосовъ противъ 3 принятъ былъ сенатусъ-консультъ въ томъ видѣ, какъ его изложилъ отчетъ комиссіи. Такимъ образомъ сдѣлалось возможнымъ собрать законодательный корпусъ; но почти общее неудовольствіе было возбуждено, когда начало сессій, слѣдовательно начало дѣлъ, было отсрочено на 29 ноября; популярные политики, готовые всегда шумѣть и волновать изъ-за дѣла и безъ дѣла, принимать демонстраціи и уличный шумъ за великія дѣла, требовали, чтобы лѣвая сторона, оппозиція непремѣнно явилась въ собраніе не позже 26 октября; по вольному истолкованію законодательства, это былъ крайній срокъ, въ который палата можетъ открыть свои засѣданія. Но депутаты оказались благоразумнѣе крикуновъ-поджигателей, они положили не дѣлать особеннаго дня изъ 26-го (une journée); говорилось: неизбѣжное волненіе, сопровождающее великую революцію «мирную, уже начавшуюся революцію,» можно употребить съ пользою, при дополнительныхъ выборахъ, оказавшихся нужными для Парижа. Лѣвая сторона выбрала Ледрю-Роллена, но у него не достало мужества для выполненія того, чего отъ него ожидали, и онъ въ обычныхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ отказался отъ предлагаемой чести; между тѣмъ Рошфоръ, добивавшійся этой чести, заставилъ говорить о себѣ; онъ изъ Брюсселя спѣшилъ въ Парижъ, но на границѣ былъ арестованъ, однакожъ выпущенъ по личному повелѣнію императора и попалъ въ число депутатовъ, выбранныхъ 22 ноября отъ города Парижа. Съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали тронной рѣчи при открытіи. Вся Европа съ любопытствомъ ждала, какъ Наполеонъ приспособится къ измѣненному положенію дѣлъ. Императоръ началъ свою рѣчь неоспоримою истиною: что во Франціи труднѣе всякаго другаго государства, ввести правильное, мирное и законное употребленіе свободы. «Франція нуждается въ свободѣ, но въ свободѣ, основанной на порядкѣ; за порядокъ стою я, помогите мнѣ черезъ порядокъ достигнуть свободы.» Императоръ говорилъ о томъ, что внѣшнее и внутреннее положеніе дѣлъ Франціи находится въ удовлетворительномъ порядкѣ; далѣе упомянулъ о славныхъ подвигахъ цивилизаціи, совершенныхъ въ теченіе года: объ окончаніи Суэцкаго канала и о альпійскомъ горномъ проходѣ, о туннелѣ Монъ-Сеннисѣ; на Германію особеннаго вниманія Наполеонъ не обращалъ, но говорилъ нѣсколько пространнѣе о соборѣ; приглашеніе на него произвело нѣкоторое волненіе и во Франціи. Одинъ кармелитскій монахъ, патеръ Гіацинтъ въ письмѣ къ начальнику своего ордена въ Римѣ осуждалъ римскую церковную политику; затѣмъ онъ самовольно оставилъ монастырь, гдѣ ему дѣлали сильныя и очень настойчивыя внушенія и не оставили въ покоѣ даже и послѣ того, какъ онъ оставилъ монастырь: но онъ твердо остался при своемъ протестѣ; въ этомъ поступкѣ одного монаха видѣли начало свободнаго движенія религіозныхъ и церковныхъ убѣжденій во Франціи, хотя, сказать мимоходомъ, ни того, ни другаго тутъ не было и тѣни. Императоръ съ своей стороны въ тронной рѣчи ограничился замѣчаніемъ, что отъ соединенія всѣхъ католическихъ епископовъ въ Римѣ, по справедливости, можно ожидать только рѣшеній, исполненныхъ мудрости и духа христіанской кротости и миролюбія, но неизвѣстно, на сколько самъ онъ вѣрилъ въ слова свои.

30-го нояб. начались засѣданія. Срединная партія, всего 130 членовъ, раздѣлялась направую, лѣвую сторону и центръ; остатки стариннаго большинства составляли правую сторону, противъ нихъ республиканцы—лѣвую, со всѣми своими оттѣнками до людей, подобныхъ Распайлю и Рошфору; изъ нихъ послѣдній нѣсколько дней спустя надѣлалъ скандалъ; изображая смѣшное положеніе императора въ Булони, онъ представилъ его въ неприличной карикатурѣ, называя его при этомъ «Monsieur le chef de l'état; такой пасквиль былъ бы непозволительною дерзостью, еслибъ относился даже къ послѣднему уличному работнику, не только къ импе-

ратору. 27 декабря окончилась повѣрка выборовъ, со всѣми своими скандалами, и начались порядочныя, настоящія засѣданія. Послѣ того какъ законодательный корпусъ, согласно съ своимъ новымъ правомъ, избралъ себѣ президента, Шнейдера, засѣданія были отсрочены до 10 января 1870 года. Между тѣмъ министерство было уволено, и Эмилію Оливье, вождю серединной партіи, поручено было составить новое министерство, первое парламентское министерство во Французской имперіи. Дѣйствительно, новый періодъ начинался.

Довольный тѣмъ, что на его долю выпала такая великая и славная обязанность, что онъ достигъ того, о чемъ онъ такъ давно мечталъ, полагаясь на свои логическіе выводы, онъ смѣло принялся за трудную задачу установить парламентскую форму правленія при императорѣ изъ дома Бонапартс и у такого народа, каковъ французскій. Ко 2 января онъ составилъ себѣ министерство изъ людей, принадлежавшихъ и къ правой, и къ лѣвой сторонѣ, и къ центру: къ послѣднимъ принадлежалъ графъ Дарю, министръ иностранныхъ дѣлъ, человѣкъ съ самостоятельнымъ характеромъ и образомъ мыслей; Сегрисъ назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія, Бюффе—финансовъ, самъ Оливье взялъ на себя министерство юстиціи и духовныхъ дѣлъ. Первымъ дѣломъ этого новаго порядка вещей было увольненіе префекта департамента Сены, Гаусмана; не смотря на совѣтъ добровольно отказаться отъ должности, онъ не захотѣлъ идти этимъ обычнымъ примирительнымъ путемъ, такъ что принуждены были ему дать отставку. Графъ Дарю изложилъ въ сенатѣ, 9 числа, а самъ Оливье въ законодательномъ собраніи 11-го, программу дѣйствій новаго правительства; онъ не поскупился на благозвучныя фразы, говорилъ о дружномъ стремленіи къ свободѣ, о честности, прямотѣ и откровенности; между прочимъ было сказано: «такимъ образомъ можемъ мы всѣ вмѣстѣ, дружно стремиться къ выполненію величайшаго, славнѣйшаго, когда либо совершеннаго политическими дѣятелями: мы достигнемъ прогресса безъ насилія, свободы безъ переворота.» Правая сторона дожидалась, какой выводъ будетъ изъ этой идеологіи; лѣвая напротивъ ясно понимала свое положеніе. Гамбетта по этому случаю очень опредѣленно и смѣло высказался: онъ говорилъ, что его партію отъ новаго правительства отдѣляютъ не случайные вопросы, но что между ними лежитъ принципъ—что правительство не должно разсчитывать на помощь лѣвой стороны. Не такъ дѣйствовалъ Жюль Фавръ; онъ высказалъ опасное правило: что общая подача голосовъ стоитъ выше всякаго писаннаго слова; эта партія поступала даже еще неумѣреннѣе противъ правительства, чѣмъ противъ Руэ; между тѣмъ оно, можетъ быть, готово было на уступки и склонно было дѣйствовать примирительно; но это не входило въ разсчеты лѣвой стороны.

Министры приступили къ управленію при очень неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. 10 января два приверженца Рошфора пришли къ принцу Петру Бонапарте; впрочемъ принцъ вовсе не домогался чести сдѣлаться лицомъ политическимъ, тѣмъ болѣе, что по случаю очень плебейской женитьбы поставилъ себя въ очень недружелюбныя отношенія ко двору. Не смотря на это приверженцы Рошфора явились къ нему съ вызовомъ послѣдняго, въ качествѣ его секундантовъ. Что происходило въ кабинетѣ принца — неизвѣстно, потому что свидѣтелей не было, а на слова той и другой стороны при судебномъ допросѣ и слѣдствіи положиться нельзя, потому что ихъ волновала обоюдная ненависть. Но съ достовѣрностью можно сказать, что два фанатика, явившіеся къ принцу, умѣли его довести до крайнихъ предѣловъ своего, до безумія вспыльчиваго характера; вскорѣ послѣ того, какъ вошли въ кабинетъ, они опять вышли на улицу, но одинъ изъ нихъ Викторъ Нуаръ, пораженный пулей принца, упалъ смертельно раненный на мостовую. Случаемъ этимъ воспользовались для самыхъ яростныхъ демонстрацій. Рошфоръ по этому случаю, въ одной изъ своихъ рѣчей въ палатѣ, назвалъ время, въ которое живетъ, временами Борджій. На похороны Ле Нуара стеклось несмѣтное количество народа; но онъ оставался спокоенъ, ничего враждебнаго не предпринималъ, потому что вождь его, Рошфоръ, объявилъ себя сторонникомъ мирныхъ демонстрацій. Слѣдствіе и процесъ этого дѣла начался въ Турѣ, 21 марта, въ государственномъ надворномъ судѣ и окончился оправданіемъ принца: въ сущности оправданіе было справедливо, потому что никто не могъ доказать неосновательность показанія принца, будто эти два чело-

вѣка его оскорбили дѣломъ, тѣмъ болѣе, что лица эти столько же сколько и самъ принцъ способны были ко всякаго рода грубости и необдуманности; во всякомъ случаѣ, процесъ вывелъ наружу съ той и другой стороны столько низости и испорченности, что порядочный человѣкъ долженъ былъ съ отвращеніемъ отвернуться, чтобы не слыхать ничего.

Въ палатѣ, правительство между тѣмъ мучалось безуспѣшно. 15 января Оливье опять излагалъ въ сенатѣ свою программу дѣйствій; а 17 января требовалъ предать Рошфора судебному преслѣдованію за неумѣренный языкъ, употребляемый имъ въ своемъ журналѣ «Marseillese», требованіе министра прошло при большинствѣ 226 голосовъ противъ 34. Но когда онъ опредѣлилъ нѣсколько новыхъ префектовъ и назначилъ генеральныхъ прокуроровъ, чтобы съ печатью обходиться строже, чѣмъ до сихъ поръ, онъ искалъ помощи у правой стороны; когда же онъ 15 февраля очень опредѣленно и основательно протестовалъ противъ закрытія палаты, лѣвая сторона напала на правительство 21 февраля, и Жюль Фавръ выставилъ недостатки во внутреннемъ управленіи и создалъ, въ довольно умѣренныхъ выраженіяхъ; теорію народнаго владычества, по которой черезъ каждый мѣсяцъ можно все было находить несообразнымъ и сомнительнымъ. Владѣя ѣдкимъ языкомъ искуснаго адвоката, онъ обратился къ «министрамъ праваго центра» и къ «министрамъ лѣваго центра»; графъ Дарю, самый благоразумный и самый почтительный человѣкъ новаго правительства, отвѣчалъ: «народъ искренно желаетъ реформы безъ революціи, права наблюдать за дѣйствіями правительства, но не думаетъ о баррикадахъ и о насильственныхъ потрясеніяхъ»; онъ между прочимъ прибавилъ»: политическая сцена не можетъ служить для эффектныхъ театральныхъ представленій»; къ несчастію, это изреченіе уже больше нельзя было примѣнить къ этой сценѣ. Не далѣе какъ 24 февраля правительство принуждено было высказаться противъ системы офиціальнаго кандидатства; это было причиной, что Гранье де Кассаньякъ, одинъ изъ главныхъ борцовъ правой стороны, возсталъ на правительство; поднялась жаркая борьба; каждый вопросъ отстаивался шагъ за шагомъ; правительство принуждено было прибѣгать къ угрозѣ и кончилось тѣмъ, что добились только простаго перехода къ очереднымъ дѣламъ при большинствѣ 185 голосовъ противъ 56. Правительство вздохнуло свободнѣе и предложило бюджетъ 26-го и начало разбирать нѣкоторыя важныя статьи его, какъ-то: децентрализацію и муниципальное право представительства для города Парижа; 9 марта Оливье объявилъ въ сенатѣ, что представитъ проектъ закона, который будетъ обнимать всѣ необходимыя реформы по законодательству. 24 марта законодательное собраніе единодушно приняло проектъ закона, который уничтожалъ извѣстный законъ общей безопасности, изданный въ 1858 году; 26 марта принятъ былъ другой законъ, связывавшій правительству руки при уменьшеніи и измѣненіи пошлинъ; наконецъ 28 марта сенату представленъ былъ проектъ реформы въ цѣломъ законодательствѣ. Существенная черта реформы состояла въ томъ, что три фактора законодательства и управленія императоръ, сенатъ и законодательный корпусъ поставлены были другъ къ другу въ конституціонныя отношенія: законодательный корпусъ лишался права—принимать прошенія, уничтожалась статья, по которой сенатъ, въ случаѣ еслибы законодательный корпусъ былъ распущенъ, имѣлъ право въ теченіе шести мѣсяцевъ утверждать законы, предложенные императоромъ, потому что ихъ требовала крайняя необходимость; также у правительства отнято было право назначать всѣхъ приходскихъ меровъ и старостъ.

До сихъ поръ императоръ выдержалъ свою роль съ большимъ искусствомъ; но теперь онъ видѣлъ, что дѣло принимаетъ серьезный оборотъ. Его могущество было лично имъ пріобрѣтенное, а не наслѣдственное; оно основывалось на непосредственномъ его сношеніи съ народною массою; онъ зналъ, что погибнетъ, если между нимъ и народомъ станетъ конституція съ своими принадлежностями и отвѣтственными министрами. Но у него достаточно было собственной прозорливости, какъ избѣгнуть петли, уже накинутой на него, да и совѣтникъ у него былъ хитрый на выдумки, Руэ; вмѣстѣ съ нимъ они придумали мастерской ходъ, чтобы поправить свои дѣла. Онъ потребовалъ, чтобы новое законодательство, уже утвержденное сенатомъ, подверглось суду народному и чтобы народъ окончательно

утвердилъ его общею подачей голосовъ; на сцену опять выступилъ плебисцитъ. Совѣтъ министровъ подчинился этому требованію и тѣмъ собственноручно вырылъ могилу для конституціоннаго правленія; въ нее оно должно было неминуемо низвергнуться. Императоръ, будучи увѣренъ въ своемъ дѣмѣ, сдѣлалъ мнимую уступку, позволивъ чтобы вопросъ о правительственной реформѣ и плебисцитъ были подвергнуты на обсужденіе въ законодательномъ корпусѣ, что и было сдѣлано въ замѣчаніи, поставленномъ Греви. Вожди оппозиціи согласно съ лѣвымъ центромъ напрасно силились доказать, что плеблесцитъ не что иное, какъ обманъ, что это только на словахъ народу дается законодательная власть, тогда какъ въ сущности ее отъ него окончательно отнимаютъ; напрасно Гамбетта съ одушевленіемъ произнесъ рѣчь, въ которой выставлялъ всѣ преимущества республики; онъ подалъ только случай Оливье выставить, какъ плебисциту предшествовавшія пренія выяснили народу всѣ его преимущества и что при этомъ случаѣ даже дозволено было выхвалять республику. Когда же ordre de jour, начиная съ праваго центра, выразилъ министерству довѣріе палаты — «довѣріе и преданность императорскому и парламентскому правительству», и мнѣнія прозорливаго Тьера и нѣкоторыхъ другихъ вопреки протесту лѣвой стороны были приняты, тогда министерство могло быть спокойно, считать, что оно стоитъ на прочномъ основаніи, но уже было не конституціонное, а императорское министерство, какъ многія предшествовавшія; и императоръ нашелъ возможность обновить свое дряхлѣющее могущество въ чудесномъ колодцѣ живой воды плебисцита.

На слѣдующій день 7 апрѣля Оливье былъ избранъ въ члены академіи на мѣсто Ламартина. Тутъ былъ онъ на своемъ мѣстѣ. Онъ въ простотѣ души и не замѣтилъ, какъ онъ изъ государственнаго человѣка въ теченіе нѣсколькихъ недѣль превратился въ придворнаго и сдѣлался послушнымъ орудіемъ въ рукахъ опытнаго и самовластнаго правителя. На него не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія, что отъ него отдѣлились опытнѣйшіе совѣтники его и люди съ твердыми правилами, какъ графъ Дарю и Бюффе. Онъ съ жаромъ приводилъ въ исполненіе плебисцитъ и въ циркулярѣ къ префектамъ обязательно требовалъ отъ нихъ «пожирающей дѣятельности». 13 апрѣля съ согласія палаты отсрочилъ онъ засѣданія въ ней до окончанія плебисцита. Онъ, или вѣрнѣе сказать личность императора теперь выступила на первый планъ, именно съ тѣхъ поръ, какъ сенатъ единодушно принялъ, послѣ ревизіи конституціи, положеніе, по которому личное управленіе должно окончиться. Императоръ издалъ прокламацію 23 числа въ которой предлагалъ вопросъ народу, т. е. всякому совершеннолѣтнему въ силу законовъ французу, все равно видѣлъ и читалъ ли онъ когда-нибудь въ живни какую бы то ни было газету и слыхалъ ли онъ, какого рода законами управляется его отечество; вопросъ состоялъ въ слѣдующемъ: «Французскій народъ одобряетъ либеральныя реформы въ законодательствѣ 1860 года, сдѣланныя императоромъ, при содѣйствіи великаго законодательнаго корпуса, и соглашается утвердить рѣшеніе сената отъ 20 апрѣля 1870 года — да или нѣтъ?» Языкъ этотъ для $^3/_4$ народонаселенія Франціи былъ совершенно непонятенъ. Для нихъ вопросъ этотъ упрощался и сводился къ быть ли Наполеону или нѣтъ; кромѣ того крестьянамъ можно было растолковать его и такъ: да — миръ, нѣтъ — война; да — порядокъ, нѣтъ — безпорядокъ и грабежъ, республика, т. е. увеличеніе налоговъ; не напрасно Наполеонъ отказался отъ всякаго вмѣшательства въ религіозныя дѣла, что неминуемо раздражило бы духовенство и лишало бы его этого важнѣйшаго народнаго двигателя и совѣтника; съ самаго начала по поводу собора онъ черезъ своего министра Дарю велѣлъ куріи напомнить о конкордатѣ и о томъ, что между правительствомъ и церковью долженъ существовать миръ и согласіе. Но чтобы подачѣ голосовъ дать еще болѣе ясный и опредѣленный характеръ, единственно понятный для народа, онъ каждому избирателю послалъ печатное циркулярное письмо, въ которомъ просилъ дать свое да. Къ 8 мая получилъ онъ отвѣтъ: 7,300,000 да и 1,538,000 нѣтъ. Бюро палаты подало выводъ подачи голосовъ императору 21 числа, и президентъ Шнейдеръ поздравилъ его съ полною удачей. Министерство было пополнено 15-го; императоръ былъ доволенъ; онъ крѣпче прежняго держалъ въ своихъ рукахъ власть: на мѣсто

графа Дарю, самаго самостоятельнаго изъ министровъ кабинета Оливье, назначенъ былъ герцогъ Граммонъ, бывшій до тѣхъ поръ посланникомъ въ Вѣнѣ; это былъ человѣкъ издавна извѣстный своими ограниченными способностями и тѣмъ, что всегда былъ только слѣпымъ орудіемъ императора, но то и другое онъ еще осязательнѣе доказалъ при окончательномъ паденіи имперіи.

Итакъ искусное дѣло совершилось: императоръ опять сдѣлался полновластнымъ повелителемъ государства, на столько, на сколько онъ самъ не подчинялся постороннему вліянію. Послѣ этого правительство представило палатѣ извѣстное число полулиберальныхъ проектовъ; между ними особенно ничтожный былъ объ умсньшеніи сенаторскаго жалованья съ 30,000 на 15,000 франковъ. Гораздо большаго вниманія и несравненно важнѣе были пренія по случаю состава войска и его бюджета на 1871 годъ. Правительство уже довольно долгое время занималось разооруженіемъ и давало себѣ видъ, что у него самыя миролюбивыя намѣренія, и на этотъ разъ требовало вмѣсто 100,000 только 90,000 человѣкъ, утверждая, что меньше этого нельзя имѣть подъ ружьемъ; на это одинъ изъ республиканскихъ ораторовъ — Гарнье-Паже, опять выставилъ самую несообразную изъ демократическихъ идей, идею о народномъ войскѣ; онъ обратилъ вниманіе слушателей на то, что Франція на свое войско тратитъ больше денегъ, нежели Австрія и сѣверо-германскій союзъ, вмѣстѣ взятые; на это воскликнулъ Гранье, настоящій типъ спутниковъ и приверженцевъ второй имперіи, грубый, неотесанный журналистъ и парламентскій бретеръ, всегда готовый свои слова поддерживать шпагой и палкой; онъ провозгласилъ: «если мы возьмемъ Рейнъ, то намъ на 200,000 челов. меньше надобно будетъ войска.» Императоръ хотя и зналъ, что Тьеръ не изъ числа его друзей, но послалъ его просить поддержать правительство въ этомъ дѣлѣ. Тьеръ на это отвѣчалъ: оппозиція въ этомъ случаѣ не права; 90,000 ежегоднаго набора послѣ Садовы меньшее число увеличенія войска, какимъ правительство можетъ удовольствоваться: «Садова для меня равняется огромному патріотическому страданію — несчастіе ничѣмъ неисправимое». Притрогиваясь къ этой ранѣ, онъ въ тоже время влилъ въ нее ядъ, тѣмъ, что восхвалялъ графа Бисмарка; онъ не оставилъ безъ вниманія также и южную Германію; онъ, какъ бы выражая миролюбивыя чувства, однакожъ будто невольно обнаруживалъ то, что и безъ того лежало на душѣ каждаго француза: «недавно спрашивали, кому принадлежатъ южная Германія? на это я отвѣчу: самому осторожному. Какъ самый осторожный, графъ Бисмаркъ настроенъ миролюбиво, и мы въ свою очередь должны быть расположены къ миру; должны стараться всѣми силами не бросить юга Германіи въ объятія Пруссіи.» По этому-то случаю Оливье произнесъ свою знаменитую фразу: «я увѣряю, что правительство не имѣетъ причины безпокоиться; все тихо; никогда еще миръ не былъ такъ проченъ, какъ въ настоящее время: куда ни посмотришь, нигдѣ не представляется вопроса, кроющаго въ себѣ опасности.»

Въ эту минуту Оливье, навѣрное, не говорилъ преднамѣренной неправды. Политическія интриги, какія велись за его спиною, должно быть, были ему неизвѣстны, потому что противорѣчіе и недоброжелательство, которыя онъ встрѣчалъ съ лѣвой стороны, заставили его слѣпо отдаться правительству и сдѣлаться его орудіемъ. Три дня спустя послѣ этой миролюбивой прокламаціи, изъ Испаніи пришло извѣстіе, имѣвшее самое сильное вліяніе на судьбу Франціи; извѣстіе это само по себѣ не имѣло важнаго значенія, какъ всякое внутреннее извѣстіе о государствѣ, хотя и значительномъ, но уже съ давнихъ поръ не имѣвшемъ никакого вліянія на ходъ европейской жизни, а между тѣмъ оно именно подало поводъ и предлогъ для неслыханной въ своихъ подробностяхъ, въ ходѣ и даже началѣ войны.

5. Испанія.

Это государство уже давно было тѣнью своего прежняго всемірнаго историческаго значенія, но мѣра несчастій его еще не была исполнена, его ожидало еще униженіе, мѣра, какую правительство даннаго времени намѣрева-

лось предложить народнымъ представителямъ; но еще прежде, чѣмъ они успѣли высказать свой взглядъ на нее, условиться, обсудить ее, эта самая мѣра сдѣлалась поводомъ къ войнѣ — не къ междоусобной войнѣ, но къ войнѣ государства, ни прямо, ни косвенно не принимавшаго участія во внутреннихъ вопросахъ, спорныхъ пунктахъ и недоразумѣніяхъ этого государства. Самое прихотливое воображеніе не могло представить себѣ, чтобы революція въ Испаніи могла быть началомъ рѣшительной борьбы между Франціей и Германіей и служить какъ бы прелюдіей къ этой страшной и въ тоже время роковой войнѣ.

Въ іюнѣ 1866 года, какъ мы уже говорили, королева Изабелла образовала реактивное министерство, подъ руководствомъ Нарваэца, съ обычною энергіей дѣйствовавшаго противъ своихъ враговъ. Послѣ того какъ, 20 октября, засѣданія кортесовъ были закрыты, были отмѣнены законы касательно общинныхъ и провинціальныхъ совѣтовъ и на мѣсто ихъ установлены временныя правила съ тѣмъ, чтобы ихъ впослѣдствіи предложить на обсужденіе и на рѣшеніе кортессовъ; въ тоже время предписано было приступить къ выборамъ новыхъ совѣтовъ, но и эти выборы, подобно всѣмъ выборамъ въ Испаніи, окончились въ пользу правительства, какое существовало въ минуту выборовъ. Когда же 28 декабря нѣкоторые члены кортесовъ подали королевѣ почтительный адресъ, въ которомъ протестовали противъ солдатскаго способа управленія министра Нарваэца, то королевскимъ декретомъ кортесы были распущены и дано было повелѣніе, къ марту 1867 года, произвести новые выборы; когда же президентъ сената, маршалъ Серрано, бывшій любимецъ королевы, тоже пытался сдѣлать представленія, то по повелѣнію Нарваэца его арестовали и выпроводили изъ Мадрида, 30 декабря. Послѣ этого ареста пошли другіе; даже одинъ королевскій инфантъ, Энрико, впалъ въ немилость и лишился всѣхъ своихъ должностей; но 8 марта осадное положеніе было опять снято, потому что въ немъ не оказывалось больше надобности. Не смотря на общее неудовольствіе выборы, однакожь, окончились въ пользу правительства. Требованія правительства были выполнены, предложенные законы приняты большинствомъ 245 голосовъ противъ 4, такъ что этими кортесами королева была довольна; сессіи были закрыты 13 іюля. Въ государствѣ установилась совершенная тишина, но внимательнаго наблюдателя она не могла обмануть; уже въ августѣ то тутъ, то тамъ начались волненія и возстанія, вслѣдствіе чего Каталонія, Андалузія и Мадридъ опять были объявлены въ осадномъ положеніи. Но преждевременное и необдуманное возстаніе вскорѣ было подавлено; королева съ особеннымъ удовольствіемъ сообщила это кортесамъ, вновь собравшимся 27 декабря. Въ тоже время она хвалила храбрость и вѣрность арміи, предложила систему законовъ, направленныхъ противъ революціонныхъ движеній; она дѣйствовала съ полною увѣренностію, что найдетъ поддержку во Франціи, разсчитывая на дружбу и союзъ съ императоромъ; она опиралась еще и на то, что ея начинанія освящены благословеніемъ его святѣйшества — папы, свѣтскую власть котораго она въ свою очередь рѣшилась поддерживать и спасать всѣми своими силами, какъ физическими, такъ и нравственными—надѣясь склонить къ тому-же и другія католическія державы.

Она и не воображала, какъ близокъ конецъ ея собственнаго владычества. Папа въ знакъ своего уваженія прислалъ Изабеллѣ освященную розу—знакъ непорочности и чистоты: не смотря на то, что королева уже много лѣтъ отличалась своимъ безобразнымъ поведеніемъ, роза все-таки прислана была 6 февраля 1868 года. Въ томъ же году, 13 апрѣля, внезапно умеръ министръ-президентъ Нарваэцъ; онъ былъ убѣжденъ, что престолъ испанскій можетъ существовать только при помощи арміи, и потому держалъ ее въ рукахъ. На мѣсто его назначенъ былъ министръ внутреннихъ дѣлъ Гонзалецъ Браво: «нами руководитъ,» сказалъ онъ 14 кортесамъ, «тѣнь герцога Валенцскаго; оружіемъ мы должны подавлять вооруженную революцію, а законами — невооруженную.» Энергически взялся онъ за дѣло; прежде всего собраніе кортесовъ было отсрочено, затѣмъ совершенно неожиданно были арестованы нѣсколько генераловъ 7 іюля, и отвѣзены или во внутреннія провинціи, или на острова; сестра королевы и супругъ ея герцогъ Монпасье получили предписаніе оставить Испанію. Они протестовали, справедливо утверждая, что упрекъ, будто они служатъ предлогомъ смутъ для не-

довольныхъ правительствомъ, совершенно неосновательнъ: различныя партіи оппозиціи уже давно не нуждались больше въ династической личности, чтобы затѣвать смуты и открытыя возстанія; въ сентябрѣ недовольныхъ собралось такъ много, что они считали минуту удобною, чтобы открыто взяться за оружіе. Королева Изабелла находилась въ Санъ-Себастіанѣ, ожидая для свиданія императора французовъ, отъ этого свиданія ожидали важныхъ послѣдствій; пользуясь отсутствіемъ королевы, адмиралъ Топете на кораблѣ своемъ «Сарагосса» поднялъ знамя возстанія; онъ разослалъ прокламацію жителямъ Кадикса. Туда же, по предварительному соглашенію, явился изгнанный генералъ Примъ; городъ сдался, а гарнизонъ присталъ къ возмутившимся; 18 сентября, составлена была временная юнта, а 19 сентября, прибыли еще изгнанные прежде генералы, Серрано, Дульче, и революція быстро охватила всю Андалузію.

Королевѣ не хотѣлось возвращаться въ Мадридъ, тѣмъ болѣе, что отъ нея требовали, чтобы она возвратилась одна (sola) безъ ненавистнаго любовника своего Марфори. Хотя она въ Мадридъ не ѣхала, но она не хотѣла также и отказаться отъ своихъ правъ на престолъ; она назначила генерала Конха министромъ и резидентомъ; онъ объявилъ Мадридъ въ осадномъ положеніи и командировалъ генерала Новалихеса въ Андалузію противъ возставшихъ. 15 сентября, при первой встрѣчѣ съ приближающимся войскомъ Серрано, авангардъ правительственнаго войска передался; за тѣмъ на берегахъ Гвадалквивира произошла короткая битва между королевскими войсками и революціонными Серрано, и королевскія были разбиты. На слѣдующій день и въ Мадридѣ вспыхнуло возмущеніе, и онъ присоединился къ Серрано. Примѣру столицы послѣдовала Барцелона и Сарагосса, и мадридская юнта 30 сентября произнесла приговоръ: лишить престола Изабеллу и всю династію Бурбоновъ.» Изабелла видѣла, что положеніе ея отчаянное, и считая свое дѣло совершенно проиграннымъ, она съ пестрой толпою своихъ приближенныхъ направилась во Францію; но она не преминула обнародовать обычный въ такомъ случаѣ протестъ, который былъ написанъ въ замкѣ По. Въ тотъ же день внукъ донъ-Карлоса въ силу отреченія отца своего провозгласилъ себя королемъ, подъ именемъ Карла VII, но въ Каталоніи Орензе поднялъ республиканское знамя, «противъ короля, потому что всякій король больше или меньше врагъ свободы». Серрано вошелъ въ Мадридъ; *тамошняя юнта* передала ему свое полномочіе, на сколько сама пользовалась имъ. 8 сентября Серрано составилъ министерство изъ прогрессистовъ и членовъ «либеральнаго союза»; первое лицо послѣ него былъ военный министръ генералъ Примъ.

Новое правительство почти безпрекословно было признано провинціальными юнтами; пошли нескончаемыя привѣтственныя и поздравительныя депутаціи, мирныя, народныя собранія и всевозможныя подобныя демонстраціи, какъ въ Мадридѣ, такъ и во всей Испаніи: можно бы сказать, что цѣлымъ народомъ овладѣло чувство восторга, по случаю освобожденія отъ тяжелаго гнета націи, праздновавшей свое обновленіе и начало новаго счастливѣйшаго существованія. Но важный неотлагаемый вопросъ былъ поднятъ: надобно было рѣшить, какую окончательную форму правленія дать Испаніи. Самые выдающіеся вожди революціи, Примъ, Олозага, Серрано и др. объявили себя приверженцами конституціонной монархіи; на ихъ сторонѣ былъ инстинктъ народной массы и большинство здравомыслящихъ людей. Но пока поприще еще было доступно для всевозможныхъ теорій и домогательствъ, къ тому же не было недостатка во всевозможныхъ карлистскихъ, республиканскихъ, альфонстистскихъ манифестахъ; на этотъ разъ иностранныя державы не преминули возобновить сношенія съ правительствомъ, не то, что прежде: въ Испаніи такъ часто смѣнялись короли и королевы, что произошелъ бы *полный застой въ сношеніяхъ съ Испаніей другихъ государствъ, еслибы пришлось* выждать, чтобы какое нибудь правительство прочно утвердилось. Слѣдуетъ замѣтить, что 11 ноября правительствующее министерство разрѣшило въ Мадридѣ построеніе протестантской церкви; въ этотъ разъ священническая каста потерпѣла основательное пораженіе. Окончательное устройство законодательной и правительственной формы предоставлено было законодательнымъ кортесамъ; по избирательнымъ законамъ временнаго правительства, каждый испанецъ, перешедшій за 25 лѣтъ, имѣлъ избирательное право голоса. 11 февраля (1869) проис-

ходило первое засѣданіе этихъ кортесовъ: они большинствомъ 180 голосовъ противъ 62 положили объявить благодарность временному правительству и назначить маршала Серрано главою правительства; онъ съ своей стороны утвердилъ министровъ, до сихъ поръ занимавшихся дѣлами.

Составилась комиссія изъ министровъ, для того, чтобы выработать законодательство; проектъ былъ уже готовъ 30 марта: предположено ввести конституціонную наслѣдственную монархію, основанную на демократическихъ началахъ, народу предоставлялось всеобщее право голоса, учреждались двѣ правительственныя палаты, какъ до сихъ поръ. Къ 1 іюня уже кончились совѣщанія и пренія и проектъ былъ принятъ 214 голосами противъ 56, а 6-го новая конституція торжественно обнародована. Чтобы пощадить республиканскую партію, не потребовали, чтобы кортесы клятвенно признали новую конституцію. Но дѣло было еще не кончено, надобно было найти короля. Прежде всего корону предложили королю португальскому Фердинанду; но онъ отказался отъ шаткаго испанскаго престола: а потому, чтобы не нарушать съ перваго раза новой конституціи, предложено было учредить регентство до тѣхъ поръ, пока не найдется достойный король; регентомъ назначенъ былъ маршалъ Серрано.

Герцогъ Монпасье призналъ новое законодательство, но духовенство не хотѣло покориться; оно устроило новое возстаніе, и Серрано принужденъ былъ 21 іюля опять объявить государство на военномъ положеніи. Однако возстаніе было очень непродолжительное; оно окончилось уже въ концѣ іюля. Республиканцы опять было зашевелились, когда въ октябрѣ засѣданія кортесовъ вновь были открыты, но и это волненіе вскорѣ было потушено. Въ опроверженіе требованій республиканской партіи, во главѣ которой былъ ораторъ и почитаемый идеалистъ Эмиліо Кастеларъ, кортесы постановили отмѣнить конституціонныя гарантіи и этимъ вызвали еще въ теченіе октября новое возстаніе республиканцевъ; но это еще яснѣе показало, какъ велика потребность въ скорѣйшемъ времени найти короля, чтобы занять пустой престолъ. Можно было бы подумать о герцогѣ Монпасье; если бы здѣсь, какъ въ другихъ государствахъ, не захотѣли совсѣмъ порвать всякую династическую связь съ историческимъ прошедшимъ, то лучше этого человѣка нечего было бы искать: но сынъ Людовика Филиппа не пользовался привязанностію народа и противъ него былъ императоръ французовъ. Представлялся другой претендентъ, принцъ изъ Савойскаго дома, возвысившагося при новѣйшихъ либеральныхъ идеяхъ и утвердившагося на революціоной почвѣ. Начались переговоры со вторымъ сыномъ Виктора Эмануила, съ герцогомъ Аостскимъ; но переговоры кончились ничѣмъ, потому что герцога приберегали для итальянскаго престола. Изъ этого дома можно было бы найти другаго кандидата, несовершеннолѣтняго племянника Виктора Эмануила, Ѳому, принца Савойскаго, герцога Генуезскаго; глава династіи Викторъ Эмануилъ далъ свое согласіе, но мать молодаго принца, женщина умная и любящая, зная, что почести и деньги иногда покупаются слишкомъ дорогою цѣною, не позволила своему малолѣтнему сыну принять предлагаемую корону. До поры до времени обходились безъ короля: но большинство кортесовъ твердо держалось того мнѣнія, что для Испаніи необходима монархія; болѣе всего мнѣніе это поддерживалъ самый вліятельный изъ людей новой Испаніи, Примъ; а для тѣхъ, которыхъ особенно интересовалъ вопросъ объ испанскомъ королевствѣ, приходило на умъ кандидатомъ назначить человѣка, вполнѣ подходящаго подъ всѣ требованія; были люди, которые считали возможнымъ на престолъ возвести стараго Эспартеро, но такихъ было очень мало. Казалось бы, нечего искать лучшаго кандидата, какъ Леопольда, старшаго сына князя Антона Гогенцоллернъ-Зигмарингенскаго, брата того, который сдѣлался румынскимъ княземъ. Это человѣкъ въ порѣ цвѣтущей силы жизни, католикъ, получившій хорошее образованіе; онъ въ родствѣ съ Наполеономъ; имя его предковъ заслужило почетъ въ Европѣ, какъ въ войнѣ, такъ и въ мирѣ. Кажется, лучшаго кандидата нельзя было бы желать для Испаніи. 10 іюня въ собраніи кортесовъ Примъ въ первый разъ намекнулъ на этого принца; онъ сказалъ: «Тотъ, кого въ настоящее время имѣютъ въ виду, еще не можетъ рѣшиться принять вѣнецъ: правительство до сихъ поръ не имѣло удачи въ своихъ переговорахъ, и потому не можетъ кортесамъ предло-

жить кандидата для испанской короны. По крайней мѣрѣ, въ настоящую минуту не можетъ предложить ни одного; но будетъ ли такой черезъ нѣсколько времени?—этого я сказать не могу.»

Между тѣмъ переговоры, на которые Примъ намекалъ, шли своимъ путемъ и приближались къ желанному концу. 3 іюля испанскій посланникъ въ Парижѣ получилъ наконецъ извѣстіе отъ Прима, что принцъ Леопольдъ Гогенцоллернскій принимаетъ предложеніе, и приказано было официально довести это до свѣдѣнія французскаго правительства.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

I. ФРАНЦУЗСКО - ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА.

Отъ іюля 1870 до мая 1871 года.

1. Поводъ и начало войны.

Выборъ, сдѣланный руководящимъ министромъ испанскаго правительства, былъ лучшій, какого только можно было желать и ожидать при текущихъ обстоятельствахъ; люди, заинтересованные политическими событіями, или по службѣ, или просто изъ любви къ дѣлу, уже давно слѣдили за намѣреніями людей сильныхъ и тотчасъ узнали, что выборъ палъ на Леопольда Гогенцоллернскаго. Еще въ запискѣ, поданной 23 октября 1869 года и обнародованной въ видѣ отдѣльной брошюры, одна изъ замѣчательныхъ личностей, депутатъ кортесовъ Салазаръ-и-Мазарредо, очень подробно изложилъ всѣ выгоды, сопряженныя съ тѣмъ, если на испанскій престолъ взойдетъ принцъ Леопольдъ; въ брошюрѣ его говорилось: «этотъ принцъ католическаго вѣроисповѣданія; онъ очень образованъ, богатъ, красивой наружности, въ самой цвѣтущей порѣ жизни, 34 лѣтъ, очень счастливъ въ супружествѣ; супруга его—сестра царствующаго португальскаго короля; и у нихъ уже есть сыновья, вышедшіе изъ перваго дѣтства»; въ немъ авторъ находилъ одинъ только недостатокъ: для испанцевъ трудно произносить его длинную, чисто-нѣмецкую фамилію. Въ этой брошюрѣ съ особеннымъ вниманіемъ выставлялось, что принцъ находится въ родственныхъ связяхъ съ различными европейскими царствующими домами, напр. съ португальскимъ и бельгійскимъ; указывалось на родственныя отношенія къ императору Наполеону—мать его происходитъ изъ дома Богарне; кромѣ того, не забыто и то, что онъ въ дальнемъ родствѣ съ прусскимъ царствующимъ домомъ. Послѣднее подлежитъ еще сомнѣнію: неизвѣстно, происходятъ ли отъ одного общаго родоначальника швабская, католическая княжеская фамилія Гогенцоллерновъ и прусская протестантская королевская фамилія Гогенцоллерновъ; разбирать это могутъ ученые геральдики и архиваріусы; но одно неизмѣнно вѣрно: эти князья Гогенцоллернъ не имѣютъ никакихъ, даже мечтательныхъ правъ на наслѣдство въ Пруссіи; это также вѣрно, какъ и то, что мать принца Леопольда—дочь великой герцогини баденской Стефаніи, племянница императрицы Жозефины и усыновленная дочь императора Наполеона I.

Извѣстіе объ этомъ призваніи на престолъ произвело сильное волненіе въ Парижѣ. Въ залахъ законодательнаго корпуса объ этомъ только и шла рѣчь: въ одной изъ преданныхъ правительству газетъ отъ 4 іюля стояла фраза о скипетрѣ Карла V, отданномъ прусскому принцу, причемъ прибавляли, что этотъ принцъ—внукъ принцессы изъ дома Мюрата, имя, пробуждающее въ Испаніи одни только непріятныя воспоминанія. Въ тотъ же день французскій посланникъ явился въ департа-

ментъ иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ, чтобы выразить «горестное впечатлѣніе», произведенное въ Парижѣ тѣмъ, что принцъ принялъ предложенное ему кандидатство. Статсъ-секретарь, заступавшій мѣсто Бисмарка, подобно другимъ министрамъ, уѣхавшаго на лѣто изъ Берлина, отвѣчалъ посланнику, что прусское правительство въ этомъ дѣлѣ не принимаетъ никакого участія. Почти такой же отвѣтъ получилъ герцогъ Граммонъ отъ прусскаго посланника Вертера, съ которымъ говорилъ о томъ же; 5 іюля, Вертеръ изъ Парижа отправился въ Эмсъ, гдѣ прусскій король пользовался минеральными водами. Но уже съ 6 іюля дѣло приняло серьезный оборотъ.

Открытіе засѣданій законодательнаго корпуса происходило при большомъ возбужденіи. Наканунѣ, вѣроятно по внушенію свыше, депутатъ Кошери и нѣкоторые другіе подали записку касательно испанскихъ дѣлъ; герцогъ Граммонъ отвѣчалъ на нее, что ему еще неизвѣстны подробности переговоровъ: «ихъ ведутъ отъ насъ втайнѣ; французское правительство во все время представляемыхъ кандидатовъ сохраняло строжайшій нейтралитетъ»; но, продолжалъ онъ, ударяя себя въ грудь, «мы не считаемъ себя обязанными, изъ уваженія къ правамъ сосѣдняго народа, выносить, чтобы чужая держава, сажая своего принца на престолъ Карла V для собственныхъ выгодъ, нарушала равновѣсіе Европы и тѣмъ подвергала опасности честь и интересы Франціи. Мы надѣемся, что этого не будетъ; мы полагаемся на мудрость нѣмецкаго и дружбу испанскаго народа; но еслибы вышло иначе, то мы, твердо полагаясь на помощь націи, безъ колебанія выполнимъ нашу обязанность, съ должною силою.» Троекратные, восторженные клики и рукоплесканія сопровождали эту рѣчь; за нею послѣдовала одна изъ шумныхъ сценъ, какими обыкновенно отличается парламентская жизнь Франціи; когда же все поуспокоилось и засѣданіе могло продолжаться, а оппозиція недозволяла продолжать преній о бюджетѣ, то Оливье взошелъ на каѳедру и по-попытался смягчить впечатлѣніе произведенное словами герцога Граммона. «То, что сказалъ министръ иностранныхъ дѣлъ, вовсе не объявленіе войны, говорилъ онъ: «правительство желаетъ мира, оно его страстно желаетъ, увѣряю васъ честью; ни у одного изъ насъ нѣтъ затаенной, задней мысли, мы чистосердечно завѣряемъ, что жаждемъ мира»; При частыхъ и бурныхъ крикахъ, при стараніи большинства водворить порядокъ, Эмануилъ Араго воскликнулъ: «мы не можемъ хладнокровно продолжать преній о бюджетѣ, въ то время, когда министръ поставилъ Францію въ критическое положеніе; онъ однимъ разомъ сдѣлалъ два дѣла,—назначилъ короля испанскаго и объявилъ войну».

Неслыханно дерзкая рѣчь французскаго министра, показывавшая или его неспособность, или желаніе начать войну, или наконецъ, то и другое вмѣстѣ, разомъ уничтожила увѣренность, въ которой находилась Европа, что ничто не угрожаетъ миру. Ожидавшееся рѣшеніе римскаго собора относительно непогрѣшимости папы, потеряло свою занимательность, потому-что внезапно возникъ новый вопросъ, покрывшій весь политическій горизонтъ тучами. Вскорѣ обнаружилось, что слова французскаго министра, будто переговоры о кандидатурѣ на престолъ испанскій велись втайнѣ, сущая неправда; французскій посланникъ въ Мадридѣ могъ узнать объ нихъ, если-бы захотѣлъ, и его обязанность заключалась въ томъ, что бы извѣстить свое правительство о кандидатурѣ, о которой въ Мадридѣ, покрайней мѣрѣ, всѣмъ и каждому было извѣстно. Если намѣреніе это не нравилось французскому правительству, то кандидатура эта могла быть устранена даже намекомъ, во время даннымъ, также какъ это сдѣлано было по поводу призванія герцога Монпансье, находившагося въ такихъ же обстоятельствахъ. Германіи нечего было искать и не о чемъ заботиться въ этомъ дѣлѣ; оно до нея не касалось. Въ Германіи все было спокойно, повсюду царствовала увѣренность, что государственное управленіе, какъ гражданское, такъ и военное, въ надежныхъ рукахъ, что иностранныя дѣла ведутся какъ слѣдуетъ; на начало испанской революціи смотрѣли, какъ на полезное отвлеченіе вниманія Франціи и ея воинственнаго расположенія; надѣялись, что это окончательно помѣшаетъ Наполеону питать воинственныя наклонности относительно Германіи. Но французская пресса не такъ смотрѣла на дѣло; она съ каждымъ днемъ выражалась все рѣзче и рѣзче. Газеты, находившіяся на сторонѣ правительства, задавали тонъ, а остальныя его поддерживали: одна изъ нихъ, считавшаяся органомъ Оливье, «Монитёръ», находила (8 іюля), что

взглядъ на вопросъ долженъ быть расширенъ, «потому что прусское правительство въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ злоупотребляетъ нашимъ терпѣніемъ»; меньшее, чего въ настоящее время можно требовать, — это самое точное выполненіе прагскаго мирнаго договора и очищеніе Майнца; нѣкоторые благоразумные журналы хотѣли остановить увлекающихся: напрасно возвышали голосъ нѣкоторые органы прессы, «Temps», Siècle», «Journal des Débats», но ихъ заглушила масса крикуновъ; такъ, напримѣръ, въ «Pays» отъ 8 іюля стояло: «кавдинское иго приготовлено для Пруссіи, она принуждена будетъ склониться подъ нимъ, если не захочетъ принять борьбу, исходъ которой не подлежитъ сомнѣнію; нашъ военный кличъ до сихъ поръ еще остается безъ отвѣта, нѣмецкое прирейнское эхо еще молчитъ; еслибы Пруссія заговорила съ нами языкомъ, какимъ мы выражаемся съ нею, мы давно уже были бы въ дорогѣ»; между тѣмъ, другой журналъ, которому нечего было терять, «Liberté» Эмиля Жирардена, говорилъ о томъ, что пруссаковъ надобно ружейными прикладами прогнать за Рейнъ. Около 10 іюля договорились до того. что, или въ самомъ дѣлѣ опасались, или дѣлали видъ, что опасаются, какъ бы Пруссія не уступила и тѣмъ не лишила Францію возможности воевать изъ-за Рейна. Французское правительство прикидывалось, что у него нѣтъ инаго желанія, какъ устранить кандидатуру Леопольда на испанскій престолъ. Въ официальномъ разговорѣ съ англійскимъ посланникомъ лордомъ Лайонсомъ, герцогъ Граммонъ очень настойчиво увѣрялъ, что добровольный отказъ принца Гогенцоллернскаго можетъ счастливо разрѣшить всѣ затрудненія, и просилъ англійское правительство употребить все свое вліяніе, чтобы достигнуть этой цѣли. Но все это было только начало. Французскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, графъ Бенедетти, изъ Вильдбада прибылъ въ Эмсъ, гдѣ находился король Вильгельмъ. Посланникъ надоѣдалъ ему безпрерывными аудіенціями, которыхъ требовалъ, начиная съ 10 іюля. Онъ требовалъ, чтобы король отсовѣтовалъ принцу принимать испанскій престолъ и, если нужно, то прямо запретилъ бы это. Король на-отрѣзъ отказался, потому что принцъ не малолѣтнее дитя и не рабъ, слѣдовательно, приказывать ему невозможно; къ тому же, его настоящее мѣстопребываніе даже неизвѣстно при дворѣ, да и дѣло не такое спѣшное, чтобы нельзя было повременить нѣсколькими днями. На послѣднее выраженіе посланникъ въ новой аудіенціи отвѣчалъ, 11 іюля: положеніе палатъ и народа во Франціи таково, что долѣе ждать французскіе министры не могутъ, неизвѣстность можетъ ихъ поставить въ критическое положеніе. Между тѣмъ министры не ждали, а сдѣлали еще одинъ шагъ впередъ; говорилось о томъ, что король прусскій долженъ запретить принцу принимать испанское кандидатство, или дать ему совѣтъ, какъ его король; о добровольномъ отказѣ не было больше помину, его совсѣмъ отодвинули на задній планъ; а между тѣмъ начали готовиться къ войнѣ. Араго, 11 іюля, въ палатѣ требовалъ разъяснить вопросъ: ограничиваются ли недоразумѣнія съ Пруссіей только вопросомъ о гогенцоллернской кандидатурѣ, или есть еще другія неудовольствія, съ этимъ несвязанныя. Министръ хотѣлъ было отвѣчать, но его приверженцы, дѣйствовавшіе съ нимъ за одно, зашумѣли и остановили его словами: «не отвѣчайте, не отвѣчайте!»

Въ Германіи пресса сохраняла еще спокойствіе, хотя запасъ терпѣнія уже сильно истощился: ожидали, что недоразумѣнія разрѣшатся миролюбиво, когда принцъ добровольно откажется отъ престола. Онъ до-сихъ-поръ еще былъ частнымъ человѣкомъ, его еще не связывалъ актъ, составленный и утвержденный испанскими кортесами; онъ могъ сдѣлать этотъ шагъ, не роняя себя; принявъ это въ соображеніе, принцъ рѣшился отказаться отъ кандитатуры; испанскій посланникъ въ Парижѣ получилъ телеграмму отъ князя Зигмарингенскаго, отца принца, въ которой онъ, отъ имени сына, отказывался отъ предлагаемаго престола. Посланникъ съ телеграммою въ рукахъ поспѣшилъ въ бюро иностранныхъ дѣлъ; онъ засталъ герцога Граммона въ разговорѣ съ прусскимъ посланникомъ; Олозага сообщилъ извѣстіе и прочелъ телеграмму; послѣ этого разговоръ продолжался съ того, на чемъ остановился; на полученное извѣстіе французскій министръ смотрѣлъ уже какъ на побочное дѣло, и продолжалъ доказывать, что императорское правительство ни подъ какимъ видомъ не дозволило бы Гогенцоллернскому принцу взойти на испанскій престолъ;

но что дѣло это очень взволновало умы, и теперь королю прусскому, для того, чтобы успокоить народное настроеніе и возстановить хорошія отношенія, остается написать императору письмо, которое можно было бы опубликовать. Въ письмѣ этомъ королю слѣдовало бы написать, что, дозволяя принцу принять испанскую кандидатуру, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія вредить интересамъ и достоинству французскаго народа; къ настоящему отказу принца король могъ бы присовокупить желаніе и надежду, что причина несогласія между двумя великими народами окончательно исчезла. Министръ указывалъ даже и на то, чего въ письмѣ писать не слѣдовало: онъ просилъ, чтобы въ письмѣ не было рѣчи о родственныхъ связяхъ, существующихъ между принцемъ и императоромъ Наполеономъ, потому что это указаніе было бы для Франціи непріятно. Къ рѣчи герцога Граммона присоединился министръ юстиціи Оливье; оба настаивали на томъ, чтобы дѣло это производилось по телеграфу; кромѣ того, они говорили, что письмо такого содержанія необходимо даже лично для ихъ положенія, какъ министровъ, точно будто королю прусскому нужно было заботиться объ упроченіи ихъ министерскаго положенія; но чего ни тотъ, ни другой не договаривалъ—заключалось въ томъ, что такого рода письмо навсегда положило бы конецъ этому дѣлу. Но они говорили другое: такое письмо дало бы имъ право явиться ревностными защитниками короля при неизбѣжныхъ нападкахъ на него по этому дѣлу.

Министръ Оливье отличался тѣмъ, что мнѣнія его были крайне шатки: онъ и шести часовъ, какъ увѣряли, не могъ оставаться при одномъ и томъ же. Онъ въ тотъ же день поспѣшилъ въ законодательный корпусъ, въ которомъ собралось множество народа всѣхъ сословій; онъ на-право и на-лѣво сообщалъ только-что полученное радостное и въ тоже время мирное извѣстіе объ отреченіи принца; онъ также сообщилъ объ этомъ только-что показавшемуся на порогѣ Тьеру; мудрый и опытный государственный человѣкъ тутъ же далъ емудобрый совѣтъ—удовольствоваться этимъ и ничего больше не требовать: «Будьте спокойны, миръ у насъ въ рукахъ, онъ отъ насъ не уйдетъ.» Но бонапартисты, какъ безумные, только и думали о войнѣ. Довѣренный императора, Клеманъ-Дювернуа началъ толковать о гарантіяхъ, чтобы избѣжать повторенія нескончаемыхъ недоразумѣній съ Пруссіей; споры и пренія продолжались даже послѣ закрытія засѣданія палаты, въ боковыхъ залахъ и корридорахъ, именно потому, что министры не дали офиціальныхъ отвѣтовъ на предложенные имъ вопросы: несмотря однако на весь этотъ шумъ, европейскіе политики въ этотъ день спокойно уснули съ мыслью, что всѣ недоразумѣнія исчезли и что миръ упроченъ.

Но на другой день къ ихъ пробужденію война уже была готова. Еще въ ночь императоръ Наполеонъ отправилъ изъ Сенъ-Клу 12 іюля, своему посланнику Бенедетти предписанія такого рода, что война дѣлалась неизбѣжною.

Здѣсь будетъ у мѣста разсмотрѣть, на комъ лежитъ отвѣтственность великаго преступленія, безъ всякой нужды зажечь войну, послужившую поводомъ къ смертельной ненависти между двумя великими народами, и пробудить вражду, конца которой предвидѣть нельзя. Когда Наполеона III уже постигла судьба, онъ напрасно пытался свалить съ себя обвиненіе, приписывая войну возбужденному состоянію народа, принудившаго его взяться за оружіе: нѣтъ, онъ одинъ вполнѣ заслуживаетъ позоръ и проклятіе зато, что началъ войну безъ надобности, безъ повода. Онъ надѣялся упрочить свою династію тѣмъ, что сдѣлаетъ Рейнъ границей Франціи, или, покрайней мѣрѣ, расширитъ владѣнія Франціи въ этомъ направленіи. Онъ слишкомъ неосновательно надѣялся, что достигнетъ этого безъ борьбы; съ самаго начала царствованія онъ съ этою цѣлью повелъ двойную интригу, нити которой преслѣдить можно до того мгновенія, до котораго мы довели разсказъ свой; онъ хотѣлъ или дѣйствовать за одно съ Пруссіей противъ Австріи, или за одно съ Австріей противъ Пруссіи, чтобы такимъ путемъ достигнуть своей цѣли. Мало-по-малу, постепенно дошелъ онъ до убѣжденія, что съ Пруссіей дѣйствовать заодно невозможно; его кривые пути постоянно перекрещивались съ прямымъ, откровеннымъ образомъ дѣйствій прусскаго короля, и на каждомъ шагу чувствовалъ онъ превосходство великаго государственнаго человѣка, совѣтамъ котораго король слѣдовалъ и въ патріотическомъ духѣ котораго былъ увѣренъ. Этотъ человѣкъ своимъ обширнымъ умомъ съумѣлъ превзойти самаго умнаго изъ

умныхъ, заставилъ его служить себѣ для своихъ великихъ цѣлей и достигъ того, что казалось недостижимымъ: соединилъ несогласную, раздробленную, безсильную Германію въ одно могущественное тѣло, и достигъ этого, не уступивъ Франціи ни одной пяди германской почвы; при томъ же явно доказалъ, что не боится имперіи, для всѣхъ такой страшной. Послѣ Пруссіи императоръ попытался сблизиться съ Австріей, но пока ему удалось только пріобрѣсти дружбу государственнаго канцлера фонъ-Бейста, который поспѣшилъ протянуть Наполеону руку; фонъ-Бейстъ спалъ и видѣлъ, какъ бы дождаться удобнаго случая, чтобы вмѣстѣ съ Франціей и Италіей разрушить новую Германію. Казалось, теперь желанная минута наступила. Императоръ надѣялся на успѣхъ: ружья шасспо, митральезы и новая организація войска были готовы; тутъ кстати подвернулся династическій вопросъ, который можно было выставить, какъ порожденіе прусскаго властолюбія; эта причина казалась достаточною, чтобы раздражить народы южной Германіи и заставить ихъ остаться холодными, безучастными зрителями борьбы; плохіе корреспонденты и посланники не собрали достаточныхъ свѣдѣній ни о характерѣ, ни о настроеніи южно-германскихъ правителей и народовъ. Покрайней мѣрѣ во Франціи были увѣрены, что они останутся нейтральными, но что послѣ первыхъ побѣдъ, на которыя французы надѣялись, какъ на что-то вѣрное, они сдѣлаются союзниками французовъ. Императоръ не раздѣлялъ этой самоувѣренности, онъ колебался, не хотѣлъ сдѣлать рѣшительнаго шага. Нерѣшительность его вознаграждалась рѣшительностью необдуманной, надменной и легкомысленной женщины, раздѣлявшей его тронъ; она съ неслыханною безтактностью смотрѣла на столкновеніе двухъ народовъ, въ 40 милл. въ каждый, какъ на ничтожную войну; она сгорала нетерпѣніемъ, чтобы борьба поскорѣе началась, и поминутно спрашивала то того, то другаго министра, когда же начнется ея маленькая война: «quand aurai-je ma petite guerre?» Да, это дѣйствительно была ея война, война между католическимъ, романскимъ племенемъ и протестантскимъ нѣмецкимъ, только съ тою разницею, что племенное начало взяло тутъ перевѣсъ надъ религіознымъ: даже южные католики Германіи присоединились къ сѣвернымъ протестантамъ, именно слѣдуя племенному, а не религіозному влеченію.

Соучастниками главнаго виновника этой преступной войны были господствующіе круги и классы общества французскаго народа въ обширномъ смыслѣ, включая сюда и оппозицію, сгаравшіе желаніемъ мести за Садову; большая отвѣтственность падаетъ даже и на такихъ людей, какъ Тьеръ, которые, въ своемъ ослѣпленіи, слишкомъ высоко цѣнили перевѣсъ Франціи надъ остальной Европой, выражали слишкомъ неумѣренное требованіе уваженія къ какимъ-то мечтательнымъ правамъ народа; виноватъ былъ и герцогъ Граммонъ, нѣсколько времени спустя высказавшій свой тогдашній взглядъ на войну: «я французъ, слѣдовательно, я также твердо вѣровалъ въ непобѣдимость французскаго войска, какъ вѣрую въ истину моей религіи». Соучастниками иного рода можно назвать всѣхъ тѣхъ, которые раздѣляли широко распространившійся предразсудокъ о непобѣдимости французскаго оружія, всѣхъ вѣрившихъ хвастовству французовъ и тѣмъ только поддерживавшихъ и укрѣплявшихъ ихъ въ высокомѣріи и надменномъ презрѣніи къ другимъ народамъ; еще винить можно вѣроломство и подобострастіе саксонскаго посланника въ Вѣнѣ, непростительную трусость министерства Гладстона въ Англіи и, какъ мы увидимъ, нѣкоторыхъ другихъ.

Рѣшительнымъ днемъ было 13 іюля, онъ же и самый славный и достойный уваженія въ исторіи дома Гогенцоллерновъ. Утромъ на прогулкѣ въ Эмсѣ, король Вильгельмъ подалъ Бенедетти только что полученное прибавленіе «Кельнской Газеты»; въ немъ стояло извѣстіе объ отреченіи принца Леопольда отъ испанскаго престола. На это посланникъ отвѣчалъ, что объ этомъ ему уже сообщено изъ Парижа ночью; король, ни чего не подозрѣвая, замѣтилъ, что считаетъ теперь дѣло оконченнымъ; но французскій посланникъ, получившій за ночь особыя инструкціи, требовалъ, чтобы король далъ обязательство, что онъ никогда впередъ не дастъ своего согласія, еслибы когда нибудь опять возникло дѣло о кандидатурѣ принца; разговоръ происходилъ на бульварѣ; французъ жестикулировалъ, король слушалъ его спокойно. Такое требованіе по своему безстыдству, неслыханному въ исторіи народовъ, крайне раздосадовало короля, но онъ не показалъ своего негодованія; онъ

могъ бы отвѣчать съ полнымъ достоинствомъ, что существуетъ неизмѣримая разница между тѣмъ обстоятельствомъ, если прусскій офицеръ, честный нѣмецъ и къ тому же король, даетъ слово; и тѣмъ, если Бонапарте даетъ клятву;—если простое согласіе, данное королемъ, недостаточно, то недостаточно будетъ и торжественное обѣщаніе, данное имъ на будущія времена: на такомъ точно основаніи французское правительство могло бы потребовать, чтобы король въ обезпеченіе вѣрности своего слова послалъ кронпринца заложникомъ въ Парижъ, или чтобы онъ свое обѣщаніе повторялъ ежемѣсячно въ первое воскресенье. Предположимъ далѣе: если бы король дѣйствительно подчинился неслыханному требованію, или еслибъ онъ тутъ же, въ Эмсѣ на прогулкѣ, далъ французскому посланнику полномочіе, сообщить по телеграфу въ Парижъ требуемое обѣщаніе, дѣло все-таки не было бы покончено и онъ не отдѣлался бы отъ настойчиваго посланника, мѣшавшаго ему пользоваться эмсскими водами. Нѣтъ, этимъ не окончилось бы дѣло; въ Парижѣ непріязненные королю сообщники думали только о томъ, какъ бы его сперва унизить, а потомъ все-таки объявить ему войну; еслибы этотъ способъ не привелъ ихъ къ цѣли, они нашли бы другой. То, что король отвѣчалъ на прогулкѣ французскому посланнику, въ сущности все-таки носило на себѣ характеръ частнаго разговора; французы могли только требовать, чтобы сказанное, какъ частнымъ лицомъ, король повторилъ и подтвердилъ торжественнымъ правительственнымъ актомъ, или, какъ выразилась одна изъ бонапартистскихъ газетъ, вся династія должна подписаться подъ торжественнымъ объясненіемъ короля. Такъ, или почти такъ бы и случилось, если бы можно было о дальнѣйшемъ ходѣ дѣлъ судить по его началу. Но король Вильгельмъ, безъ тайныхъ и явныхъ государственныхъ совѣтниковъ, безъ министровъ, руководимый чувствомъ чести и чувствомъ обязанности короля, однимъ разомъ разорвалъ сѣти, опутывавшія его. Онъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ уступчивости, до которыхъ дойти можетъ государь съ миролюбивымъ характеромъ, чтобы избавить міръ и своихъ подданныхъ отъ ужасовъ войны. Когда прибыла телеграмма отъ князя Зигмарингенскаго съ отреченіемъ его сына, король съ этимъ извѣстіемъ послалъ адъютанта къ посланнику; но тотъ сказалъ адъютанту, что получилъ отъ своего правительства приказаніе испросить у короля аудіенцію, чтобы еще разъ изложить ему желаніе французскаго правительства, а именно: чтобы онъ подтвердилъ отреченіе принца и далъ обѣщаніе, что и впередъ никогда больше не будетъ рѣчи объ этомъ кандидатствѣ. На это король, черезъ своего адъютанта, велѣлъ сообщить французскому посланнику, что онъ отреченіе принца одобряетъ въ томъ же самомъ смыслѣ и объемѣ, какъ одобрялъ, когда принцъ принялъ предлагаемое кандидатство; касательно втораго пункта, онъ ссылался на то, что сказалъ по утру. Посланникъ, вѣрный своей жалкой роли, въ вечеру того же дня, опять просилъ у короля аудіенціи по тому же самому дѣлу; король тутъ приказалъ сказать ему, что онъ находится вынужденнымъ окончательно отказаться входить въ дальнѣйшія разсужденія по этому предмету, такъ какъ онъ уже сказалъ свое послѣднее окончательное слово.

Чтобы вполнѣ понять это происшествіе, надобно оглянуться на то, что въ это самое время происходило въ Парижѣ въ законодательномъ собраніи. Одна изъ статей газеты «Constitutionnel» сообщаетъ слова Оливье, въ вечернемъ нумерѣ отъ 12 числа; эти слова доставили его друзьямъ на биржѣ большіе барыши, слѣдовательно достигли своей цѣли: «принцъ Гогенцоллернскій не будетъ царствовать въ Испаніи. Больше этого мы ничего не требовали и потому съ гордымъ самодовольствіемъ получили извѣстіе объ этомъ миролюбивомъ разрѣшеніи вопроса; это великая побѣда, не стоившая ни одной слезы, ни одной капли крови». Но въ то же время герцогъ Граммонъ объявилъ въ палатѣ, что переговоры съ Пруссіей продолжаются, на что одинъ изъ самыхъ воинственныхъ депутатовъ, Жеромъ Давидъ, возразилъ: «достойно замѣчанія, что твердыя патріотическія объясненія министровъ, какъ напр. отъ 6-го числа, находятся въ рѣзкомъ противорѣчіи съ медленною и смѣшною копотностью дипломатическихъ переговоровъ». Когда же министръ отложилъ отвѣтъ на это замѣчаніе на два дня, т. е. до пятницы, другой изъ воинственныхъ ораторовъ, хотя и не принадлежащій къ бонапартистской партіи, Кератри, сказалъ: «Эта отсрочка слишкомъ долгая, вы тянете на сторону Пруссіи; какъ французъ, я протестую противъ этой политики». Это опять подало

поводъ къ дальнѣйшимъ, необдуманнымъ заблужденіямъ; люди, раздраженные медленностію министерства, восклицали: «у этого министерства на будущее время будетъ одно только названіе:—позорнаго министерства». Предсказаніе это исполнилось, только не въ томъ смыслѣ, какъ было сказано.

Между тѣмъ и въ Германіи начали яснѣе видѣть и понимать дѣло. Одинъ только Бисмаркъ не ошибался; когда англійскій посланникъ, лордъ Лофтусъ, поздравлялъ его съ счастливымъ окончаніемъ недоразумѣній и восторгался умѣренностію короля при такомъ дерзкомъ и грозномъ тонѣ французскаго правительства, особенно при томъ раздраженіи, какое охватило почти всю Германію, Бисмаркъ не принялъ поздравленія. Когда же 14-го, извѣстіе о томъ, что произошло въ Эмсѣ, облетѣло Германію, тогда загорѣлось общее негодованіе и вся нація, какъ одинъ человѣкъ, готова была подняться въ полнотѣ сознанія своей силы. То, что не удавалось выполнить въ теченіе многихъ столѣтій, сдѣлалось въ одинъ день. Какъ по волшебству исчезли всѣ разногласія, такое долгое время разъединявшія государства и племена Германіи; они позабыли о различіи вѣроисповѣданій и партій: у нихъ погасло воспоминаніе о 1866 г.; позабыли горечь, все еще таившуюся съ тѣхъ поръ въ сердцахъ; пруссаки пылали негодованіемъ за оскорбленіе, нанесенное ихъ старцу-королю; всѣ остальные нѣмцы припоминали оскорбленія и позоръ, вынесенные ихъ отечествомъ отъ хищныхъ французовъ; припоминали о томъ количествѣ развалинъ, какія до сихъ поръ стоятъ на нѣмецкой почвѣ, и разореніе, какое выносили отъ этихъ враговъ въ теченіе трехъ столѣтій. Вражда, накопившаяся въ тысячелѣтіе, сплотилась въ одно могучее, неотразимое чувство ненависти и ожесточенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, заставила Германію слиться въ одно крѣпкое цѣлое, готовое воспользоваться безуміемъ своего исконнаго врага, чтобы наказать его. Настала великая, торжественная пора для нѣмецкаго народа. Кому пришлось пережить это время, тотъ помнитъ полноту чувства, охватившаго всѣ сердца; забыта была вся горечь, поднятая годами униженія, безполезныхъ надеждъ и не выполненныхъ стремленій: всякій чувствовалъ, что онъ стоитъ не только за правое, но и за святое дѣло, не за одно только отечество свое, но и за всю Европу, за дѣло нравственнаго прогресса противъ людей, слушающихся только внушеній корыстолюбія и всѣхъ дикихъ страстей произвола.

Король изъ Эмса отправился въ Берлинъ 15-го числа. Въ лицѣ его хотѣли оскорбить всю Германію, но онъ поступилъ просто, съ достоинствомъ, какъ подобаетъ поступать первому человѣку въ своемъ народѣ и въ цѣлой Европѣ: онъ очень вѣжливо и твердо выпроводилъ изъ дверей постыднаго слугу чужой дерзости; это сознаніе одушевляло нѣмцевъ. Путешествіе короля въ Берлинъ походило на тріумфальное шествіе: въ Касселѣ, Геттингенѣ, повсюду его встрѣчали восторженными криками радости; несмѣтныя толпы тѣснились вокругъ станцій желѣзной дороги; общій восторгъ былъ такъ шуменъ и великъ, что король даже и не замѣтилъ, когда именно переѣхалъ чрезъ границу собственной Пруссіи. Энтузіазмъ при его въѣздѣ въ Берлинъ былъ невыразимый. До 11 ч. ночи несмѣтныя толпы народа окружали дворецъ и восторженно привѣтствовали короля; наконецъ вышли нѣкоторые придворные и отъ имени короля просили народъ разойтись, королю нужна тишина, потому что ему ночью еще предстоитъ важная и спѣшная работа; народъ разошелся по домамъ.

На станціи желѣзной дороги, въ минуту прибытія, король получилъ извѣстіе о томъ, что въ этотъ день происходило въ Парижѣ. Около двухъ часовъ пополудни, хранитель государственной печати, Оливье, взошелъ на каѳедру въ законодательномъ собраніи и отъ имени правительства прочиталъ изложеніе дѣла; въ этой запискѣ, между прочимъ, говорилось: что правительство, при всемъ своемъ миролюбіи и умѣренности, было крайне изумлено извѣстіемъ, что король прусскій извѣстилъ французскаго посланника черезъ своего адъютанта, что не хочетъ больше принимать его; французское правительство, не желая придавать этому отказу двусмысленнаго характера, поспѣшило официально сообщить объ этомъ событіи европейскимъ кабинетамъ. Это изложеніе окончилось словами: «Мы ничего не упустили, чтобы избѣжать войны, теперь же мы будемъ вооружаться, чтобы выдержать войну, которую намъ предлагаютъ; — со вчерашняго дня мы разослали повѣстки резервамъ, чтобы собрать

ихъ; при ихъ помощи мы немедленно можемъ приступить къ нужнѣйшимъ мѣрамъ, для охраненія интересовъ, безопасности и чести Франціи» — Въ отвѣтъ на это, депутатъ Гамбетта требовалъ, чтобы предъявлена была депеша, послужившая причиной войны. На это Оливье отвѣчалъ повтореніемъ уже сказаннаго, что отказъ дать посланнику аудіенцію уже офиціально сообщенъ европейскимъ дворамъ, двумя правительственными агентами — потомъ мы увидимъ, какого рода агенты это были. — Правительство получило «депеши на счетъ этихъ нотъ» — въ первой изъ депешъ, не говорилось ни слова ни о прусской нотѣ, ни о депешѣ; во второй говорилось о депешѣ Бисмарка и увѣрялось, что она передана почти слово въ слово, но въ ней не упоминалось, кому эта д е п е ш а адресована. Со стороны военнаго министра и министра финансовъ, между тѣмъ, были представлены проекты законовъ: о томъ, чтобы постановить на военную ногу подвижную гвардію, вербовать волонтеровъ, и испрашивался кредитъ для морскаго министерства. На каѳедру вновь взошелъ Оливье съ обѣщаніемъ сообщить истинную правду; на этотъ разъ онъ ни слова не говорилъ о нотѣ, но только о з а м ѣ ч а н і я х ъ, п о л у ч е н н ы х ъ п о т е л е г р а ф у: онъ находилъ «поступокъ короля прусскаго тѣмъ знаменательнѣе», что «адъютантъ, извѣстившій нашего посланника, что онъ не можетъ быть принятъ, не переставалъ разсыпаться въ вѣжливостяхъ, такъ что нашему посланнику и въ умъ не приходило, какъ обиденъ преднамѣренный отказъ принять его», но въ Парижѣ это чувствовалось лучше и глубже: «насъ хотѣли унизить и дать намъ пинка, чтобы на насъ вымести́ть принужденное отреченіе принца Гогенцоллернскаго.» Затѣмъ Оливье повторилъ первую неправду, будто нѣмецкія власти втайнѣ сговорились возвести на испанскій престолъ прусскаго принца. Этотъ заговоръ, о которомъ первому министру слѣдовало бы знать лучше всякаго другаго и, какъ потомъ обнаружилось, когда одинъ началъ сваливать на другаго вину за начало войны — заговоръ этотъ состоялъ въ томъ, что въ маѣ 1869 года, графъ Бенедетти и графъ Бисмаркъ очень долго и очень спокойно разсуждали о принцѣ Леопольдѣ. Послѣ этого Оливье выставлялъ долготерпѣніе французскаго правительства, выказанное въ недоразумѣніяхъ съ Пруссіей; считая требованіе, выраженное одному изъ сильнѣйшихъ государей, бездѣлицей, онъ еще спрашивалъ: «могли-ли быть требованія наши скромнѣе этихъ.» Самое справедливое въ этой рѣчи, обѣщавшей высказать всю правду, было ея окончаніе: «я распространяюсь въ объясненіяхъ и выводахъ, которые, я убѣжденъ, совсѣмъ лишніе для большинства членовъ палаты.» Послѣ него, на каѳедру взошелъ Тьеръ, этотъ истинный французъ, но человѣкъ честный и опытный политикъ: прерываемый криками нетерпѣливаго большинства, онъ сказалъ, что Пруссія, выставивъ этого кандидата, сдѣлала важную ошибку, но такъ какъ принцъ отказался, то на это можно смотрѣть, какъ на достойное возмездіе Пруссіи за сдѣланный ею промахъ. Тьеръ, дѣйствительно, вѣрилъ или притворялся будто вѣритъ, что принцъ Леопольдъ — кандидатъ, выставленный Пруссіей. Франція должна довольствоваться отреченіемъ принца, потому что это успѣхъ; послѣ такой уступки требовать отъ Пруссіи подписки въ томъ, что она никогда больше не предложитъ принца вновь въ кандидаты, значитъ, приписывать ей безуміе, какого въ ней быть не можетъ. По мѣрѣ того, какъ Тьеръ говорилъ, его прерывали все чаще и чаще: «это рѣчь, достойная пруссака!» «потребуется не малое число прусскихъ батальоновъ на то, чтобы сдѣлать вашему отечеству столько вреда, сколько вы ему теперь невольно дѣлаете!» При возрастающемъ шумѣ ораторъ однакожъ съ ударе́ніемъ остановился на томъ, что главная цѣль достигнута, что потомъ въ споръ внесены вопросы, касающіеся чисто этикета, и этимъ задѣто самолюбіе и гордость обоихъ народовъ и они натравлены другъ на друга; съ словами: «мы начинаемъ войну не изъ-за существенныхъ интересовъ Франціи, но изъ-за ошибокъ кабинета!» онъ оставилъ каѳедру. Большинство было теперь на сторонѣ министровъ, потому что даже вчерашніе сторонники мира присоединились къ вонтелямъ и къ поджигателямъ, подобнымъ Жерому Давиду и Гранье. Жюль Фавръ неотступно требовалъ, чтобы д е п е ш и были представлены и прочитаны въ палатѣ, но предложеніе его было отвергнуто; однакожъ, засѣданіе было прервано для того, чтобы коммисія внимательно разсмотрѣла эти депеши, взвѣсила требованія министровъ и выслушала ихъ доводы. Эта примѣрная коммисія выслушиваетъ

министровъ, требуетъ отъ герцога Граммона акты, чтобы сообщить ихъ содержаніе палатѣ, но сама коммисія не читаетъ актовъ, она ихъ только «видѣла». «господинъ герцогъ Граммонъ ихъ читалъ,» акты остались на столѣ, гдѣ и лежали передъ тѣмъ. Съ этими показаніями они возвратились въ палату, засѣданіе которой возобновлено. Маркизъ Тальуэ читалъ отчетъ и совѣтовалъ согласиться на кредитъ; коммисія выслушала министровъ, въ томъ числѣ и Оливье, «сообщавшаго дипломатическія ноты и дававшаго дальнѣйшія объясненія.» Еще разъ потребовалъ Гамбетта, чтобы депеши были показаны, особенно депеши Бисмарка ко всѣмъ европейскимъ кабинетамъ: «коммисія видѣла депешу», поспѣшно отвѣтилъ герцогъ Граммонъ — онъ не осмѣлился сказать, что коммисія читала депешу, потому что въ самомъ дѣлѣ такой депеши вовсе не было.— Гамбетта повторилъ свое требованіе; Оливье опять возобновилъ свою игру словъ: «я могу только повторить, что мы получили отъ всѣхъ нашихъ дипломатическихъ агентовъ с о о б щ е н і е о нотахъ, о которыхъ идетъ рѣчь.» Съ лѣвой стороны потребовали п р о ч т е н і я депешъ; на это требованіе отвѣчали дерзко: «мы ч е с т ь ю увѣряемъ, что обидное дѣло существуетъ, для палаты этого должно быть достаточно; довольно словъ потрачено, теперь пора намъ взяться за дѣло.» И дѣйствительно, принялись за дѣло: кредитъ въ 50 милліоновъ, по требованію правительства, былъ утвержденъ большинствомъ, имѣвшимъ противъ себя только 10 голосовъ, остальные проекты законовъ приняты тоже почти единодушно. Итакъ война была объявлена.

Въ сенатѣ дѣло велось еще проще, тутъ не было ни малѣйшей надобности прикрывать ложь завѣреніями и честнымъ словомъ. Изложенія (exposé) правительства было достаточно, чтобы пріобрѣсть общее одобреніе: «теперь пора мечу французскому исполнять свое дѣло!» сказалъ президентъ Руэ, закрывая засѣданіе, безъ дальнѣйшаго объясненія. На слѣдующій день, весь сенатъ отправился въ Сенъ-Клу, чтобы выразить императору всю глубину своей преданности. Президентъ сказалъ императору рѣчь, вполнѣ соотвѣтствующую положенію дѣлъ и обществу. «Ваше величество обнажаете мечъ — отечество готово слѣдовать вашему примѣру, дрожа отъ негодованія и гордости.» «Твердо сопротивляясь общему нетерпѣнію,» смѣло продолжалъ Руэ, хотя лучше другихъ былъ знакомъ съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ, «императоръ, однакожъ, умѣлъ в ы ж и д а т ь, но въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ дѣятельно занимался вооруженіемъ и обученіемъ войска и довелъ армію до высшей степени совершенства, и организацію нашей военной силы до полнаго развитія: благодаря его заботливости и трудамъ, Франція готова къ борьбѣ». — На этомъ рѣчь не могла остановиться. «Вскорѣ благодарное отечество признаетъ за своими сынами честь тріумфальной славы. Когда Германія будетъ освобождена отъ господства, теперь подавляющаго лучшія ея силы, когда миръ въ Европѣ будетъ возстановленъ блескомъ славы нашего оружія, ваше величество опять можете спокойно заняться великимъ дѣломъ исправленія государственнаго строя, опять вы всецѣло отдадитесь реформамъ; эта отсрочка не продолжительна. Франція въ томъ увѣрена, и геній вашего величества служитъ намъ достаточнымъ ручательствомъ, что вамъ для этого потребуется только время, нужное для побѣдъ.»

Итакъ война была неизбѣжна, хотя еще прошло нѣсколько дней до формальнаго объявленія ея, со стороны Франціи. Въ ночь съ 15 на 16 король Вильгельмъ созвалъ сеймъ сѣвернаго германскаго союза, назначивъ ему собраться въ Берлинѣ къ 19 числу; онъ подписалъ приказаніе мобилизировать войско. Это былъ толчекъ, чтобы привести въ движеніе колеса страшной машины сѣверогерманскаго войска. Не было сомнѣнія, Франціи предстояла борьба съ цѣлой Германіей.

Посмотримъ, какъ остальныя государства Европы смотрѣли на это новое положеніе, неожиданно представшее передъ ними

И с п а н і я, подавшая императору Наполеону жалкій поводъ къ войнѣ, безропотно, безъ печали и стыда покорилась презрѣнной роли, указанной ей Франціей. Кортесы должны были собраться къ 20, но собраніе ихъ было отмѣнено и незамѣтно было, чтобы эти маршалы, генералы, высокотитулованные гидальго почувствовали, что ихъ кастильская гордость опозорена. А н г л і я, основы-

вался на 23 параграфѣ протокола парижской конференціи 1856 года, по которому европейскія державы согласились, въ случаѣ возникающихъ несогласій, обращаться къ дружественной державѣ и при ея посредствѣ разрѣшать сомнѣніе прежде, чѣмъ взяться за оружіе, — основываясь на этомъ §, Англія предложила свое посредничество, но это только сдѣлано было для виду. Свое послѣднее слово Англія уже сказала 15-го, когда лордъ Лайонсъ заявилъ герцогу Граммону, что англійское правительство имѣетъ причину «считать себя разочарованнымъ, если не оскорбленнымъ»: его увѣряли, будто отреченіе принца Леопольда—все, чего Франція требуетъ; съ этой цѣлью просили содѣйствія Англіи, и она съ своей стороны сдѣлала все, чтобы достигнуть этого отреченія; теперь же вдругъ, говорятъ, Франція предъявляетъ новыя требованія. Въ самомъ дѣлѣ, Англію, также какъ и всю Европу, даже и собственныхъ подданныхъ, французское правительство дурачило и «разочарованные или вѣрнѣе оскорбленные» англійскіе министры готовы были бы посчитаться за полученную обиду, но для этого имъ сперва нужно было разсчитать, что выгоднѣе всего предпринять въ томъ случаѣ, когда Франція, показавшая такую дерзость до войны, вдобавокъ еще останется побѣдительницей. Въ былыя времена въ Англіи были государственные люди, которые не позволили бы поступать съ собою такимъ образомъ; еще въ 1855 г. былъ такой человѣкъ; онъ увѣрялъ, что собственноручно убьетъ того дерзкаго, кто осмѣлится нарушить миръ Европы. Настоящій представитель министерства, Гладстонъ окончилъ разговоръ словами: «какъ бы тамъ ни было, но дружественное отношеніе этимъ не нарушено между обоими правительствами и обоими народами, столько лѣтъ находившимися въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ между собою.» Итакъ, до поры до времени, Англія оставалась нейтральною: но въ англійскомъ народѣ было много прямоты и чувства справедливости; поэтому въ народѣ обнаружилось самое живое участіе къ дѣлу, и газеты выражали негодованіе на то, что война между образованными народами начинается безъ всякой причины. Вожди крупныхъ и вліятельныхъ партій Англіи отдавали Германіи справедливость, и пожертвованія, въ пользу пострадавшихъ отъ войны, начались немедленно и производились въ обширномъ объемѣ; общественное мнѣніе все-таки не додумалось до того, что общій интересъ европейскихъ народовъ заключается въ томъ, чтобы унизить и сломить высокомѣріе Франціи, но и въ этомъ отношеніи нашлись люди, какъ напримѣръ Ѳома Карлейль, съ самаго начала постигшій, что въ этомъ-то именно и заключается вся идея борьбы.

Языкъ англійскаго посланника, какъ бы презрителенъ онъ ни былъ, заключаетъ себѣ все-таки мужество, особенно сравнительно съ тѣмъ, какъ говорили и какъ на событіе смотрѣли руководители иностранной политики Австріи. Въ той замѣчательной коммисіи 15 іюля, умѣвшей такъ мастерски видѣть, а не читать депеши, герцогъ Граммонъ не тотчасъ явился въ засѣданіе; онъ очень таинственно извинялся тѣмъ, что ему надобно было сперва немедленно переговорить съ австрійскимъ и итальянскимъ посланниками, но надѣется, что его не будутъ разспрашивать, въ чемъ заключался разговоръ. Образъ мыслей и политика графа Бейста неподражаемо характеристично высказались въ одной депешѣ къ князю Меттерниху, отъ 20 іюля; она заслуживаетъ того, чтобы ее привести цѣликомъ, потому что объясняетъ, отъ какихъ людей Германія освободилась посредствомъ войны 1866 года. «Потрудитесь повторить его величеству и министрамъ, что мы, оставаясь вѣрны нашимъ обязательствамъ, установленнымъ перепискою прошедшаго года, смотримъ на дѣло Франціи, какъ на наше личное, и что мы готовы содѣйствовать успѣху ея оружія, на сколько это будетъ зависѣть отъ границъ возможнаго.» «Эти границы», стоитъ дальше, «будутъ зависѣть отъ внутреннихъ отношеній Австріи столько же, сколько и отъ политическихъ причинъ». Пруссія и Россія на столько согласны между собою, что при малѣйшемъ вмѣшательствѣ Австріи, русскія войска могутъ также явиться дѣятелями; слѣдовательно, нейтралитетъ Россіи зависитъ отъ нейтралитета Австріи. Вотъ почему Россію надобно сдерживать до тѣхъ поръ, пока наступившая зима не сдѣлаетъ для нея невозможнымъ сосредоточить свои войска; императоръ Наполеонъ будетъ справедливъ къ нему, графу Бейсту, и не станетъ обвинять Австрію въ ограниченномъ эгоизмѣ: «мы думаемъ столько же о его благѣ, сколько о соб-

ственно своемъ.» Далѣе онъ упоминалъ, какъ трудно будетъ всколыхнуть венгерцевъ, когда надобно, чтобы они жертвовали деньгами и кровью, чтобы помочь Австріи вновь пріобрѣсть положеніе, потерянное въ Германіи; между тѣмъ какъ противъ Россіи они готовы будутъ ко всякаго рода пожертвованію; кромѣ того не надобно упускать изъ виду, что 10 милліоновъ австрійскихъ нѣмцевъ на войну съ Франціей смотрятъ, какъ на начало національной борьбы.» «При такихъ обстоятельствахъ мы произносимъ слово нейтралитетъ съ крайнимъ сожалѣніемъ и только потому, что насъ принуждаетъ къ тому неотвратимая необходимость и потому, что строгій и спокойный взглядъ на положеніе дѣлъ и отношеній нашихъ интересовъ насъ къ тому принуждаетъ. Но этотъ нашъ нейтралитетъ есть только средство — средство приблизить насъ къ истинной цѣли нашей политики, средство пополнить и окончить наше вооруженіе.» Кромѣ того, онъ вошелъ въ сношеніе съ Италіей и далъ добрый совѣтъ, какъ ее можно привлечь на свою сторону: «никогда мы не будемъ имѣть итальянцевъ за себя и душей и тѣломъ, если мы не вытащимъ у нихъ римскую занозу:» лучше всего было бы итальянцамъ, съ согласія Австріи и Франціи, войти въ Римъ. Но при этомъ честь должна остаться за Австріей, ей должно быть предоставлено право окончательно разрѣшить римскій вопросъ: «она должна совершить этотъ актъ истиннаго либерализма, только такимъ образомъ у враговъ ея будетъ отнято главнѣйшее оружіе и воздвигнута плотина противъ тевтонскаго волненія, которымъ пользуется Пруссія, существенно протестантское государство Германіи, по своему вліянію вдвойнѣ опасное.»

Этой депеши нечего объяснять; она сама за себя говоритъ и достаточно опредѣляетъ характеръ человѣка, который обманывалъ всѣхъ: и венгерцевъ, и своихъ соотечественниковъ, считавшихъ его истиннымъ патріотомъ, и своего новаго государя, и своихъ парижскихъ друзей, но болѣе всѣхъ самого себя. Впрочемъ Австрія должна была держаться нейтралитета по необходимости, тѣмъ болѣе, что венгерцы того желали несравненно серьезнѣе, чѣмъ графъ Бейстъ, а еще болѣе потому, что Россія, дѣйствуя въ духѣ преданнаго и вѣрнаго сосѣда Пруссіи, очень недвусмысленно дала знать, что намѣрена дѣлать, если Австрія открыто приметъ сторону Франціи; но еще большая опасность грозила такой дружбѣ именно со стороны того, что Бейстъ называлъ «тевтонскимъ волненіемъ;» дѣйствительно, австрійскіе нѣмцы съ каждымъ днемъ все опредѣленнѣе выказывали свое сочувствіе къ дѣлу Германіи: у кого изъ австрійскихъ нѣмцевъ была хоть искра патріотизма въ душѣ, тотъ съ отвращеніемъ отвергалъ мысль, составлявшую основаніе всей этой телеграммы, — вонзить ножъ въ спину Германіи, которая за свою жизнь борется съ Франціей.

Италія нерѣшительно смотрѣла на начинавшуюся борьбу между ея обоими покровителями. Рѣшительная побѣда нѣмцевъ очень просто и удовлетворительно разрѣшала римскій вопросъ: это понимали всѣ знакомые съ политикой и вліятельные люди, въ томъ числѣ и Викторъ Эммануилъ. Онъ, какъ и нѣкоторые изъ его приближенныхъ, однакожь болѣе всего хотѣлъ бы приступить къ союзу съ Наполеономъ, но у него достаточно было благоразумія, чтобы удержаться отъ этого желанія.

Скандинавскія государства, Швеція и Норвегія не были заинтересованы въ начинающейся борьбѣ и потому, сохраняли строгій нейтралитетъ; но сочувствія въ народѣ было несравненно больше къ Франціи. Объявленіе войны со стороны Франціи было съ восторгомъ принято въ Копенгагенѣ, чувство понятное и извинительное; но правительство и народъ, еще не оправившіеся отъ вынесенныхъ потерь, все-таки благоразумно воздержались отъ союза съ Франціей, да и Наполеонъ самъ вовсе не домогался его. Нейтральныя государства, Бельгія и Швейцарія энергически дѣлали необходимыя приготовленія, чтобы съ достоинствомъ выполнить ту задачу, какая выпадала на ихъ долю при столкновеніи двухъ могущественныхъ народовъ. Еще надобно упомянуть о томъ, что папа въ посланіи, исполненномъ достоинства, предлагалъ свое посредничество; но сердце и симпатіи его окружающихъ были на сторонѣ французовъ.

Въ Германіи, еще до формальнаго объявленія войны, раздраженіе и ярость, охватившія народъ въ первое мгновеніе, мало-по-малу улеглись и усту-

пили мѣсто спокойной рѣшимости и твердому убѣжденію въ счастливомъ исходѣ борьбы. Казалось, будто всѣ благоразумныя стремленія, всѣ честныя силы и задатки возвышенныхъ чувствъ патріотизма проснулись въ народѣ и взяли перевѣсъ надъ всѣми его заблужденіями; въ самое короткое время всѣ государи южной Германіи, безъ исключенія и безъ малѣйшаго колебанія, объявили французскимъ посланникамъ, что они сочувствуютъ своимъ соотечественникамъ. Патріотическія заявленія слѣдовали другъ за другомъ нескончаемой вереницей и во всѣхъ выражалось теплое сочувствіе къ общественному благу и къ безопасности, одинаково въ сѣверо- и южно-, въ ново- и старо-прусскихъ городахъ и селеніяхъ; пламеннѣе всего это сочувствіе выразилось въ государствахъ, до сихъ поръ выказывавшихъ самую сильную ревность сохранить свою индивидуальность, какъ наприм. въ Вюртембергѣ; этотъ энергическій, способный къ глубокому одушевленію, богатый нравственными силами и дарованіями народъ, разомъ понялъ, какое мѣсто онъ долженъ занимать въ минуту величайшей опасности и отчаянной борьбы; даже самые отчаянные противники прусскаго вліянія тутъ поняли, что борьба на этотъ разъ со стороны Германіи не есть династическая, не кабинетами выдуманная: даже партія демократически-соціалистическая, если не вся, то изъ нея та часть, которая умѣетъ разсчитывать, въ собраніи, происходившемъ въ Берлинѣ 17 іюля, показала, что въ ней еще не угасло чувство истиннаго патріотизма. Хотя тамъ и сямъ возвышался голосъ несочувственный, недружелюбный, но онъ служилъ только на то, чтобы еще тѣснѣе и крѣпче сплотить остальныхъ. Въ Мюнхенѣ редакторъ ультрамонтанскаго листка «Отечество» — нѣкто Зиглъ опозорилъ себя, написавъ: «Война готова начаться. Пруссія во что бы то ни стало хочетъ быть побита; съ козлинымъ упрямствомъ, достойнымъ лучшей цѣли, она отказывается дать Франціи гарантію.» Въ Кенигсбергѣ городскіе представители поднесли королю адресъ съ выраженіемъ преданности, но одинъ изъ представителей, Іоаннъ Якоби, отказалъ въ своей подписи, говоря: «въ странѣ, въ которой король имѣетъ право по произволу начинать войну и заключать миръ, не посовѣтовавшись съ народомъ, подданному приходится молчаніемъ отвѣчать на его дѣйствія, чтобы не лишиться собственнаго уваженія.» Очень жаль, что этотъ господинъ не примѣнилъ къ себѣ этого правила, тогда онъ не написалъ бы такой статьи. Не такъ на вещи смотрѣли нѣмецкіе изгнанники 1848 года, жившіе въ Англіи и въ Америкѣ; напримѣръ Карлъ Блиндъ отстаивалъ правоту дѣла въ Англіи, а Карлъ Шурцъ на митингѣ въ Нью-Іоркѣ говорилъ: «Вы спрашиваете, что случилось?— Французскій посланникъ поступилъ съ прусскимъ королемъ такъ, какъ не поступилъ бы ни одинъ джентльменъ въ отношеніи другаго; напротивъ того король Вильгельмъ велъ себя, какъ истинный джентльменъ»; выраженіе сочувствія эмигрантовъ по ту сторону океана дополняетъ картину общаго, единодушнаго, чудеснаго духа единства нѣмецкаго племени. Въ Германіи однакожъ не остановились на патріотическихъ возгласахъ: начались пожертвованія въ обширномъ размѣрѣ: организовались санитарныя отдѣленія для раненыхъ, подвижные лазареты, дѣлались сборы для обезпеченія семействъ солдатъ, пошедшихъ на войну; женщины и дѣти, каждый по мѣрѣ силъ и умѣнья, принимали участіе въ общемъ дѣлѣ и не жалѣли ни времени, ни трудовъ, ни издержекъ на то, чтобы содѣйствовать военнымъ нуждамъ.

Во Франціи народъ бушевалъ и пѣнился, какъ молодое вино, наслаждаясь заранѣе своими будущими военными успѣхами. Услужливые префекты писали о воинскомъ энтузіазмѣ общинъ департаментовъ; иностранные агенты Франціи, какъ это оказалось по документамъ, впослѣдствіи найденнымъ въ Сенъ-Клу, были люди ничтожные, обманывавшіе правительство ложными свѣдѣніями и донесеніями. Они писали, что ландверъ въ Пруссіи собрать трудно: «приходятъ со слезами, дрожа отъ страха передъ французами, особенно передъ тюркосами; въ вагоны ихъ сажаютъ насильно»; другой очень серьезно пишетъ императору, совѣтуя ему не допускать къ себѣ нѣмцевъ, говоря, чтобы онъ всегда помнилъ «Канта и Коцебу»; по улицамъ Парижа чернь шумѣла, и 14 іюля напала на отель прусскаго посольства; военныя демонстраціи не прекращались; постоянно слышался крикъ: «въ Берлинъ! въ Берлинъ!» Имѣли ли пруссаки причину опасаться предводителей французской арміи—можно судить по слѣдующей

телеграммѣ отъ маршала Базена изъ Метца, 20 числа: «Пруссаки всѣ свои гражданскія должности поручаютъ калѣкамъ и ведутъ на Францію всѣхъ здоровыхъ молодыхъ людей, начиная съ 19 до 36 лѣтъ.» Около этого самаго времени прусскій маіоръ генеральнаго штаба Краузе составилъ, по газетнымъ извѣстіямъ и по другимъ источникамъ, очень полный планъ будущихъ военныхъ дѣйствій французовъ (ordre de bataille), который впослѣдствіи, съ очень небольшими измѣненіями, приведенъ былъ въ исполненіе *).

Іюля 19, послѣ полудня доставлено было объявленіе войны Франціи канцлеру нѣмецкаго союза; это былъ первый документъ, или письменное сообщеніе во всемъ этомъ дѣлѣ, какое представлено было прусскому правительству. Актъ недостойный Франціи; въ немъ было столько же неправды, сколько фразъ: на проектъ возвести нѣмецкаго принца на испанскій престолъ Франція должна смотрѣть, какъ на посягательство на безопасность французской территоріи; французское правительство требовало отъ прусскаго короля, чтобы подобная комбинація не дѣлалась съ его согласія—а между тѣмъ такого требованія вовсе не бывало. Король, говорили, отказалъ въ этомъ требованіи и не далъ желаннаго обѣщанія, напротивъ далъ посланнику понять, что онъ предоставляетъ себѣ въ этомъ и во всякомъ другомъ случаѣ право дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами: — этого король не говорилъ. Въ этихъ словахъ, неимѣющихъ ни офиціальнаго, ни политическаго смысла, ни законодательной, или документальной силы, французское правительство увѣряло, что видитъ тайный смыслъ, представляющій опасность, какъ для спокойствія Франціи, такъ и для равновѣсія Европы; соглашеніе было еще затруднено черезъ объяснительныя ноты, посланныя ко всѣмъ кабинетамъ Европы, чтобы разъяснить, почему король не захотѣлъ принять императорскаго посланника и объясниться съ нимъ по дѣлу отреченія принца; мы уже знаемъ, что то и другое неправда и что объ офиціальныхъ переговорахъ французскій посланникъ даже и не пытался просить. Все это изложилъ канцлеръ союза въ циркулярѣ къ дипломатическимъ агентамъ сѣверо-германскаго союза; лучшій отвѣтъ на это былъ уже данъ за часъ передъ полученіемъ депеши въ тронной рѣчи, произнесенной прусскимъ королемъ при открытіи засѣданій сейма. Въ краткихъ, но ясныхъ словахъ, король объяснилъ, что кандидатура нѣмецкаго принца на испанскій престолъ есть только предлогъ, чтобы оправдать начало войны, но что это способъ уже съ давнихъ поръ не употребляемый и обветшалый, сохранившійся только въ исторіи дипломатическихъ сношеній: «если Германія молча выносила насиліе, какое дѣлали ея праву и ея чести, то она въ прошлыя столѣтія это терпѣла только потому, что по своей разрозненности и безурядицѣ не знала, какая сила въ ней таится; но теперь, когда насъ связываетъ духовный союзъ, основанный на законномъ правѣ, союзъ, начавшійся между народами Германіи со времени борьбы за освобожденіе, и сплотившій теперь вооруженную Германію такъ тѣсно, что нѣтъ мѣста, куда могло бы насъ поразить вражеское оружіе,—Германія сама въ себѣ найдетъ силу, чтобы оградить себя отъ новой попытки враждебнаго насилія Франціи». Король окончилъ рѣчь словами: «Мы, по примѣру отцовъ нашихъ, будемъ биться за нашу свободу и за наше право, спасая себя отъ насилія иноземныхъ завоевателей, не имѣя иной цѣли, кромѣ цѣли упрочить спокойствіе Европы. Цѣль эта такова, что съ нами будетъ Богъ, какъ Онъ былъ съ отцами нашими!»

Въ первое засѣданіе послѣ открытія, происходившаго въ 3 часа того же дня, Бисмаркъ сообщилъ сейму только-что полученное отъ Франціи объявленіе войны: оно было встрѣчено шумными восклицаніями. Онъ замѣтилъ, что ему нечего прибавить къ тому, что король сказалъ поутру; какъ бы объясненіемъ и пополненіемъ его словъ могъ служить манифестъ о возобновленіи ордена *желѣзнаго креста*, опубликованный на слѣдующій день. На слѣдующій день союзный канцлеръ предложилъ сейму на разсмотрѣніе акты, присланные при объявленіи войны. Онъ указалъ, что то, что французское правительство публично титулуетъ *нотами*, было простое частное сообщеніе газетной телеграммы нѣкоторымъ посланникамъ дружественныхъ державъ; но по поводу смѣшнаго изви-

*) Werk des Generalstates. 1 Heft. S. 88.

нительнаго письма, онъ, Бисмаркъ, сказалъ посланнику, что онъ вѣроятно не понялъ желанія французскихъ министровъ, до такой степени подобнаго рода требованіе казалось ему смѣшнымъ и несообразнымъ.

Отвѣтный адресъ на тронную рѣчь былъ составленъ очень скоро, принятъ безъ преній и представленъ королю: «Ваше величество и союзныя германскія правительства видятъ, что мы, также какъ наши братья на югѣ, готовы на все; дѣло въ томъ, чтобы защитить нашу честь и свободу, спокойствіе Европы и благосостояніе народовъ», стояло въ заключеніи адреса; въ трехъ засѣданіяхъ было рѣшено все, потребное на первое время: по случаю необыкновенныхъ издержекъ на армію и флотъ была предложена прибавка къ военному бюджету въ 120 милліоновъ, положено было на военное время оставить законодательный строй неизмѣненнымъ и кромѣ того были приняты многіе необходимые въ данномъ случаѣ законы, по большей части, значительнымъ большинствомъ или единодушно; послѣ этого сессіи закрыты.

Исчезло послѣднее сомнѣніе, что Германія явится нерѣшительной, или несогласной. Въ Баденѣ, ближе всего подверженномъ войнѣ, съ самаго начала не было неувѣренности и колебанія; народные представители Баваріи и Вюртемберга тотчасъ же примкнули къ національной политикѣ своихъ правительствъ. Нѣкоторое время опасались оппозиціи со стороны второй баварской палаты: «патріотическая партія палаты рѣшилась не соглашаться отпускать ни одного крейцера въ пользу мобилизаціи войска, предписаннаго правительствомъ, въ пользу Пруссіи», телеграфировалъ 17 редакторъ Зиглъ своимъ вельфскимъ друзьямъ въ Парижѣ. Но общее настроеніе, голосъ національной совѣсти имѣли вліяніе и на эту партію, которая должна была вынести униженіе быть заклейменной словомъ патріотической человѣкомъ, на котораго многіе смотрѣли, какъ на измѣнника; общій энтузіазмъ на этотъ разъ былъ сильнѣе ненависти къ Пруссіи, на этотъ разъ увлекшей только нѣсколькихъ приверженцевъ Рима. Для нихъ Германія и Баварія, король и отечество имѣли значеніе на столько, на сколько это было необходимо для ихъ верховнаго главы въ Римѣ и на сколько можно извлекать изъ нихъ пользы на службу папѣ.

Палата въ то время, когда явилась опасность войны съ запада, была занята проектомъ о введеніи системы милиціи, предложенной демократомъ статистикомъ Кольбомъ. Правительство и молодой король, ни минуты не задумываясь, рѣшились пристать къ сѣверо-германскому союзу; хотя молодой король и не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ политическимъ интригамъ и не чувствовалъ ни малѣйшаго честолюбія отличиться на этомъ поприщѣ, все-таки по своему идеально-поэтическому, возвышенному характеру тотчасъ всѣмъ сердцемъ оцѣнилъ положеніе своихъ единоплеменниковъ и не колеблясь первый потребовалъ, чтобы Баварія присоединилась къ сѣверо-германскимъ государствамъ, стала объ руку съ ними; когда былъ данъ приказъ привести войска на военную ногу и всѣ необходимыя распоряженія уже сдѣланы, тогда только король потребовалъ отъ палаты необходимой на военныя издержки суммы. Палата избрала комиссію для обсужденія этого вопроса, назначивъ членами по большей части изъ такъ называемой патріотической партіи, а дѣлопроизводителями и докладчиками ультрамонтана Іерга и демократа Кольба. Первый изъ нихъ далъ отчетъ 19 іюля, что комиссія, большинствомъ голосовъ, положила требовавшіеся на первый разъ 6 милліоновъ флориновъ отпустить, съ цѣлью установить вооруженный нейтралитетъ. Ультрамонтанскій фанатикъ касательно повода къ войнѣ прямо становился на точку зрѣнія французовъ; онъ былъ увѣренъ, или покрайней мѣрѣ хотѣлъ увѣрить другихъ, что король прусскій однимъ своимъ словомъ могъ отвратить войну: «какимъ образомъ, спрашивалъ онъ, можетъ Пруссія защитить насъ, въ случаѣ вторженія французовъ?» Участь палатината мало безпокоила этого мнимаго патріота: «Франція предложила намъ сохранять нейтралитетъ, и если я не ошибаюсь, съ исключительной гарантіей Палатината (Pfalz)»;— «Герцогъ Граммонъ объявилъ, что война эта не дастъ Франціи ни одной пяди германской почвы» *). Однакожь и этотъ человѣкъ не посмѣлъ

*) Ораторъ не зналъ, или забылъ проектъ трактата 1866 года: Pour la France le terri-

коснуться національнаго чувства и потому онъ присовокупилъ: «о присоединеніи къ Франціи не можетъ быть рѣчи, и такая мысль не пришла бы въ голову ни одному изъ членовъ комиссіи; національное чувство до того могущественно въ насъ, что несмотря на наше отвращеніе къ Пруссіи мы все-таки не можемъ и помыслить о присоединеніи къ врагамъ ея.» А между тѣмъ политика, какую этотъ человѣкъ излагалъ отъ имени большинства членовъ комиссіи, только въ такомъ случаѣ имѣла смыслъ, если бы побѣда осталась на сторонѣ Франціи; противникамъ не было надобности съ такимъ краснорѣчіемъ и жаромъ опровергать его, какъ они силились доказать ему, что онъ и люди подобные ему—за одно съ Францісй. Честная партія истинныхъ патріотовъ отдѣлилась отъ нихъ: «между вчерашнимъ и сегодняшнимъ днемъ», сказалъ Сеппъ, одинъ изъ патріотовъ, «легло десятилѣтіе: болѣе всего оскорбило меня то, что изъ Франціи осмѣлились писать намъ письма, въ которыхъ говорилось, что само собою разумѣется, мы съ французами должны быть братьями по оружію, и что настало время отомстить Пруссіи»; пасторъ Вестермайеръ высказалъ всю сумму безразсудствъ, отъ которыхъ Германія такъ долго страдала, словами: «когда въ собственномъ домѣ насъ ожидаетъ опасность, то мы прежде всего и больше всего должны заботиться о своемъ домѣ, а не спѣшить на помощь къ сосѣду.»

Министрамъ не трудно было опровергнуть такую жалкую болтовню. Очень мѣтко сказалъ военный министръ Пранкъ: «дѣло короля рѣшать, съ кѣмъ Баваріи быть въ союзѣ, и онъ рѣшилъ: мы обязаны охранять самостоятельность Баваріи, этого мы достигнемъ, если свободная и самостоятельная Баварія въ настоящее время выполнитъ свою обязанность къ Германіи: какъ человѣкъ заинтересованный, я говорю съ вами съ полнымъ убѣжденіемъ, что власть должна быть одноплеменная и однородная; я съ вами говорю, какъ старый баварецъ, но въ то же время и какъ нѣмецъ». Въ ту же ночь въ половинѣ одиннадцатаго, дѣло Германіи и здѣсь было выиграно: большинствомъ 101 голоса противъ 4 проектъ закона, предложенный правительствомъ, былъ принятъ. Палата совѣта (Reichsrathskammer) единодушно дала свое согласіе. Графъ Тюнгенъ читалъ отчетъ; онъ въ 1866 году былъ открытымъ врагомъ Пруссіи, но тутъ онъ говорилъ, какъ истинный нѣмецъ, какъ настоящій дворянинъ, потомокъ рыцарей: «теперь дѣло другое; опасность грозитъ Германіи, нашему отечеству, самыя обстоятельства показываютъ, съ кѣмъ намъ заключать союзъ: честь Германіи есть личная честь каждаго изъ насъ; король прусскій не могъ принять оскорбленія, ему сдѣланнаго, ни на себя, ни на свой народъ».

И въ Вюртембергѣ необходимый военный кредитъ былъ отпущенъ, подъ вліяніемъ патріотическаго одушевленія, загорѣвшагося здѣсь ярче, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Демократически-партикуляристическая партія была также увлечена общимъ примѣромъ; одинъ изъ членовъ ея, Моритъ Моль, подалъ бы голосъ за вооруженный нейтралитетъ, если бы Баварія осталась нейтральною; одинъ бывшій приходскій священникъ, Гопфъ, подалъ голосъ противъ военнаго кредита; но и этому обстоятельству суждено было сложиться такъ, чтобы доказать правоту Германіи.

Король прусскій назначилъ кронпринца главнокомандующимъ арміи, составленной изъ южно-германскихъ ополченій, долженствовавшихъ присоединиться къ сѣверо-германскимъ войскамъ. Кронпринцъ пріѣхалъ сперва въ Мюнхенъ, потомъ въ Штутгартъ. Его приняли съ шумными изъявленіями восторга. Богомъ, владыкою судебъ, суждено было, чтобы первая удача выпала на долю побѣдителя при Кениггрецѣ и южногерманскаго войска этой въ народной войнѣ, наконецъ въ первый разъ соединившей всѣ племена: пруссаковъ, баварцевъ, швабовъ, гессенцевъ, воиновъ съ береговъ Вислы и Нѣмецкаго моря и съ Альпійскихъ горъ.

Дни тревожнаго ожиданія приходили къ концу: войска, готовыя начать роковую борьбу, уже находились въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга.

---

toi re entre Moselle et Rhin sans Coblence ni Mayence, comprenant 500,000 âmes de Prusse, la Bavière rive gauche du Rhin, Birkenfeld, Homburg, Darmstadt 213,000 âmes. Preuss. Staatsanz. von 1870, pag. 2962.

2. Война до битвы при Седанѣ.

А. Саарбрюкенъ и Вейсенбургъ. Вертъ и Шпихернъ.

Поводъ, или выставленная причина войны уже давно была забыта; всѣхъ одушевляла мысль, что два самые сильные и воинственные народа Европы готовятся вступить въ рѣшительную борьбу, которая на долго, если не навсегда рѣшитъ, на чьей сторонѣ преобладаніе; такія войны, какая предстояла, случаются рѣдко; между ними ложатся столѣтія. Одни, безъ союзниковъ, эти два разноплеменные народа стояли лицомъ къ лицу. Французы вызвали на бой; надобно было полагать, что они готовы къ войнѣ, что у нихъ готовъ военный планъ, лазаретная система, военачальники, однимъ словомъ все, что требуется для подобной войны. Военный министръ, маршалъ Лебефъ далъ комиссіи свое честное слово, что онъ вполнѣ готовъ (archiprêt), и распространяя отвѣтъ свой послѣ новаго запроса, увѣрялъ: «если война продлится цѣлый годъ, то мы не будемъ имѣть надобности покупать ни одной пуговицы ».

Германія приготовилась нести всѣвозможныя невзгоды на себѣ, въ ней и во всей Европѣ были убѣждены, что война начнется нашествіемъ французскихъ войскъ. Въ рукахъ французскихъ офицеровъ и генераловъ были только карты германскихъ пограничныхъ областей; еще до объявленія войны, или вѣрнѣе, до окончанія переговоровъ, которые въ Эмсѣ велись только для виду, французскія войска, какія можно было мобилизировать, придвинуты были къ восточной границѣ; было предположено, переправившись черезъ Рейнъ, продвинуться между южной и сѣверной Германіей и, опираясь на нейтралитетъ, если не на дѣятельную поддержку южно-германскихъ государствъ, начать военныя операціи по направленію къ Эльбѣ; въ то же время флотъ долженъ былъ высадить дессантъ на сѣверѣ въ надеждѣ, что датчане и прочіе недруги Пруссіи соберутся подъ наполеоновскими знаменами. Само собою разумѣется, что великая армія, предназначенная для выполненія этой идеи, носила многознаменательное названіе Рейнской арміи. Дѣло дѣйствительно шло изъ-за обладанія Рейномъ, вотъ почему никто во Франціи, даже самые яростные противники имперіи не были противъ этой войны, обѣщавшей раздвинуть границы Франціи до Рейна; одна изъ оппозиціонныхъ газетъ le Siècle, жарче всѣхъ возставшая противъ войны, начатой по такому ничтожному поводу, теперь, когда дѣло было рѣшено, обозначала минимумъ того, чего Франція могла ожидать и требовать отъ этой войны: мечъ Франціи, однажды обнаженный, долженъ покрайней мѣрѣ отбить «старинные французскіе города», Ландау и Сарлуи, съ прилежащими къ нимъ областями, и такимъ образомъ завладѣть «ключами Эльзаса и Лотарингіи, возвратить ихъ Франціи; что касается остальныхъ нѣмецкихъ провинцій лѣваго берега Рейна, то благоразумному патріоту нечего мечтать объ ихъ присоединеніи къ Франціи, но покрайней мѣрѣ надобно добиться ихъ нейтрализаціи подъ покровительствомъ европейскихъ державъ.» Это было повтореніе мнѣнія, возникшаго въ 1866 году, когда также шла рѣчь о нейтрализаціи прирейнскихъ областей.

Новая организація французской арміи, начатая въ 1866 году, была еще не окончена: сила французскаго войска, безъ подвижной гвардіи, въ ту минуту равнявшейся нулю, около половины іюля доходила до 567,000 человѣкъ; за исключеніемъ десанта, внутреннихъ гарнизоновъ, алжирскаго войска и т. д. на военную ногу можно было поставить и вывести въ поле 336,000 человѣкъ; во флотѣ насчитывалось 33 панцырныхъ судна, 100 деревянныхъ и 96 транспортныхъ, разной величины. Съ такимъ большимъ флотомъ маленькому германскому флоту немыслимо было вступать въ борьбу; поэтому Германіи предстояло исключительно заботиться объ увеличеніи береговой защиты. Наполеонъ издалъ 2-го іюля декретъ, передававшій регентство, на время его отсутствія, императрицѣ Евгеніи, а въ прокламаціи къ народу, сваливалъ отвѣтственность за войну на него самого: «въ жизни народовъ есть торжественныя мгновенія, въ которыя чувство національной чести встаетъ съ непобѣдимымъ могуществомъ; оно господствуетъ надъ всѣми

частными интересами и самовольно принимаетъ на себя направлять судьбу отечества»; не вступая въ дальнѣйшія частности, не разъясняя хода дѣлъ, далѣе говорилось «о притязаніяхъ Пруссіи»; Франція почла своею обязанностію сдѣлать свои возраженія; но на нихъ отвѣчали съ дерзкою насмѣшкою; «въ отвѣтъ (на обиду) военный кличъ немедленно пронесся изъ конца въ конецъ Франціи»; «войну ведемъ мы не съ Германіей; независимость ея мы уважаемъ», стояло дальше; «мы только хотимъ завоевать прочный миръ, основанный на истинныхъ выгодахъ народовъ, и положить конецъ этому непріятному положенію дѣлъ, въ которомъ всѣ народы истощаютъ свои источники богатства, чтобы вооружаться другъ противъ друга». Послѣ этого императоръ говорилъ «о великихъ идеяхъ цивилизаціи, возникшихъ изъ великой революціи», которая и на этотъ разъ явилась представительницей французскаго знамени; самъ императоръ становится во главѣ арміи, въ четырехъ частяхъ свѣта умѣвшей приковать къ себѣ побѣду; своего сына беретъ онъ съ собою, не взирая на его молодость; «но онъ знаетъ, какую обязанность на него возлагаетъ его имя». Прокламація оканчивалась словами, столько же неосновательными, какъ и въ остальныхъ актахъ: «великій народъ, защищающій правое дѣло, непобѣдимъ.» Утромъ рано 28 числа оставилъ онъ Парижъ и отправился въ Метцъ, гдѣ устроилъ свою главную квартиру; тутъ онъ опять издалъ новую прокламацію къ войску—эта прокламація уже скромнѣе и не такъ заносчива, какъ прежнія, что показываетъ, что Наполеонъ началъ сознавать опасность затѣянной войны и не совсѣмъ спокойно смотрѣлъ на будущее. «Вамъ придется сражаться съ одною изъ лучшихъ армій Европы; но другія арміи, храбростію не уступавшія этой, не могли противустоять вашему оружію; начинающаяся война будетъ долгая и трудная, потому что она будетъ происходить на мѣстности, усѣянной крѣпостями и другими препятствіями». И въ этой прокламаціи чувствовалось, что онъ раздѣляетъ общее мнѣніе, будто война непремѣнно будетъ происходить на почвѣ Германіи; мнѣніе это вѣроятно и пошло изъ Франціи: «по какой дорогѣ бы мы ни пошли, стояло въ прокламаціи, перейдя границы—мы на ней найдемъ слѣды, оставленные нашими славными предками.» И здѣсь повторялась фраза, будто отъ успѣховъ этого сонма солдатъ зависитъ участь свободы и цивилизаціи Европы.

Французская армія, на которой лежала обязанность поддерживать цивилизацію, около этого времени насчитывала подъ ружьемъ до 210,000 человѣкъ, растянутыхъ по границѣ на 45 миль, отъ Тіонвилля на сѣверѣ, до Бельфора на югѣ. Армія состояла изъ семи корпусовъ и гвардіи: лѣвое крыло, на Мозелѣ составлялъ IV корпусъ генерала Ладмиро, близъ Тіонвилля; II корпусъ генерала Фроссара и III—маршала Базэна, расположенный близъ Метца, II корпусъ выдавался дальше всѣхъ—до Сентъ-Авольда; правое крыло составляли: I корпусъ маршала Макъ Магона, и VII генерала Фелпкса Дуэ; изъ этихъ двухъ корпусовъ первый расположенъ былъ близъ Стразбурга, второй близъ Бельфора; оба крыла соединялись V корпусомъ де Файльи; главная квартира находилась въ Бичѣ; далѣе назади, близъ Нанси, находилась гвардія, подъ начальствомъ генерала Бурбаки, и наконецъ въ шалонскомъ лагерѣ VI корпусъ-маршала Канробера. Но всѣ эти корпуса еще не были въ полномъ составѣ; только гораздо позже обнаружилась сумятица, господствовавшая повсюду; не было порядка при собираніи резервовъ, въ доставленіи продовольствія, недостатокъ въ уходѣ за ранеными, совершенное отсутствіе одного общаго управленія; въ вооруженіи безчисленное множество пробѣловъ; но всего этого еще не обнаруживалось, а для Германіи одно только было ясно: проходили дни за днями, а нападенія, предвидѣннаго и страшнаго, все еще не было; но-все таки никто не надѣялся на успѣхъ, скорѣе ждали первой неудачи и успокоивали себя тѣмъ, что ее можно перенести, лишь бы дальше было хорошо.

У французовъ былъ планъ—сосредоточить 150,000 близъ Метца, 100,000 близъ Стразбурга, 50,000 въ шалонскомъ лагерѣ, потомъ обоимъ первымъ арміямъ соединиться близъ Максау, на сѣверо-западъ отъ Карлсруэ, перейти черезъ Рейнъ, принудить южно-германскія государства остаться нейтральными и потомъ уже пойти на поиски за прусскою арміей; но весь этотъ планъ построенъ былъ, не взявъ въ разсчетъ движеній и силъ противника. Главное же, тутъ не было ни знанія дѣла, ни строгаго исполненія долга, ни предусмотрительности, тогда какъ

все это можно было найти у противниковъ; тамъ еще въ мирное время все было предусмотрѣно, разсчитано, приготовлено такъ, что минута опасности не могла нагрянуть невзначай.

Но это не должно было и не могло оставаться тайною для французовъ: французскій военный агентъ въ Берлинѣ, баронъ Стоффель уже давно сообщилъ въ Парижъ самыя подробныя и точныя извѣстія и описанія пруской военной организаціи; въ особомъ донесеніи, онъ съ особеннымъ стараніемъ указывалъ на преимущества нѣмецкой военной системы и говорилъ, что армія, такимъ образомъ организованная, становится особенно сильна оттого, что у нея есть готовые военачальники, отличающіеся особеннымъ знаніемъ дѣла и военными дарованіями; но по всѣмъ распоряженіямъ и приготовленіямъ французскихъ высшихъ военныхъ властей не видно, чтобы донесеніе это было читано и чтобы оно произвело какое либо впечатлѣніе; ночью 15, какъ мы уже говорили, дано было повелѣніе поставить войско на военную ногу. Колеса огромной прусской военной машины начали двигаться: призывъ срочныхъ былъ разосланъ, приказы заранѣе лежали уже готовые, ихъ оставалось только помѣтить, запечатать и разослать и это было исполнено въ теченіе нѣсколькихъ часовъ: каждый безсрочный солдатъ имѣлъ 24 часовой срокъ, чтобы привести свои домашнія дѣла въ порядокъ, и послѣ этого онъ спѣшилъ на сборный пунктъ, заранѣе опредѣленный, тамъ его одѣвали и вооружали; точно разсчитано было время, разстояніе и случайныя промедленія, независящія отъ усердія; на все это въ планѣ данъ былъ срокъ, изо дня въ день; въ назначенный по этому же плану часъ, войска садились въ вагоны желѣзной дороги; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначенъ былъ отдыхъ, въ извѣстный часъ, на извѣстное количество людей стояли накрытые столы, съ готовымъ кушаньемъ; происходило настоящее переселеніе народовъ, полмилліона солдатъ были доставлены на границы; при этомъ все обошлось счастливо, былъ только одинъ несчастный случай. Въ короткій, десятидневный срокъ дѣло было сдѣлано; сѣверо-германское союзное войско, находящееся въ мирное время въ кадровомъ состояніи, не превышавшее 300,000 человѣкъ, тутъ въ нѣсколько дней возросло до 900,000 человѣкъ; съ сѣверо-германскою арміей въ точности и быстротѣ соперничала на этотъ разъ и южная армія: ровно черезъ недѣлю послѣ приказа поставить на военную ногу войско, дивизія Баденскаго герцогства уже выступила въ походъ къ Раштадту; 27-го іюля вюртембергцы и баварцы начали перевозить свои полки по желѣзной дорогѣ. Но за готовыми, вооруженными войсками выростали еще новыя, какъ бы изъ-подъ земли. Каждый пѣхотной полкъ оставлялъ за собою одинъ учебный батальонъ, каждый кавалерскій полкъ оставлялъ резервный эскадронъ и подобно этому и всякое другое войско; въ этихъ-то резервахъ обучались и формировались рекруты вновь являющіеся по призыву; итакъ за первою линіей стоялъ резервъ, превосходный по своей энергіи, по патріотическому чувству, по своей численности и неистощимости: ландверъ—зерно несокрушимой силы. Между тѣмъ, какъ государства такимъ образомъ приводили въ движеніе свои организованныя силы, гражданскіе чиновники и всѣ классы общества добровольно принимали живѣйшее участіе въ войнѣ, начиная отъ дѣтей на школьныхъ скамьяхъ до стариковъ, вездѣ — и въ деревняхъ, и во дворцахъ.

По повелѣнію главнокомандующаго союзными силами, короля Вильгельма Прусскаго, послѣ 18-го іюля, когда уже приведенъ былъ въ исполненіе приказъ о вооруженіи войска, 13-ть корпусовъ арміи сѣверо-германскаго союза были готовы; два баварскіе корпуса, баденская, гессенская и вюртембергская дивизіи уже стояли подъ ружьемъ; все войско было, какъ въ 1866 году, раздѣлено на три арміи. Верховное начальство было въ рукахъ самого короля и не только по имени, но по своимъ военнымъ знаніямъ и по знанію службы, онъ могъ наблюдать за всѣмъ, до мельчайшихъ подробностей; по своей неутомимости, по простотѣ, по солдатской точности, по способности выносить величайшее утомленіе, онъ могъ служить образцемъ какъ для офицеровъ, такъ и для солдатъ. Шефомъ его генеральнаго штаба былъ Мольтке; онъ еще задолго до 19-го іюля 1870 года, т. е. до начала войны, составилъ планъ военныхъ дѣйствій на случай, еслибы съ Франціей дѣло дошло до войны, и планъ свой представилъ зимою 1868—1869 года. Тутъ не было ни надеждъ на союзы, и на неопредѣленную помощь съ той или другой стороны, но все было здраво

взвѣшено, разсчитано съ точностью дѣловаго человѣка, основанной на истинѣ; соображено время, мѣсто, человѣческія силы и способности; основныя мысли этого плана заключались въ томъ, чтобы всѣ военныя силы нагромоздить въ баварскомъ Палатинатѣ.

Планъ былъ хорошъ и его теперь старались выполнить. Какъ ближайшую операціонную цѣль, планъ указывалъ на необходимость отыскать главныя силы дѣйствующей арміи противника и напасть на нихъ тамъ, гдѣ случится ихъ встрѣтить. Первою арміею, составлявшею правое крыло и стянутою подъ Кобленцомъ, командовалъ старый генералъ Штейнметцъ; она состояла изъ двухъ армейскихъ корпусовъ, составлявшихъ въ богемскомъ походѣ эльбскую армію, изъ 7-го вестфальскаго корпуса подъ начальствомъ генерала Цастрова, изъ 8-го рейнскаго—генерала Гебена и двухъ кавалерійскихъ дивизій. Вторая армія собиралась близъ Майнца и Бингена; эта центральная армія находилась подъ начальствомъ Фридриха Карла и была сильнѣе всѣхъ остальныхъ: въ ней была гвардія, подъ командой принца Августа Вюртембергскаго, 3 корпусъ бранденбургскій Альвенслебена 2-го; 4 магдебургскій и тюрингенскій, Альвенслебена 1-го, 9-я шлезвигъ-гольштейнская и гессенская дивизія—Манштейна; 10-я, ганноверская, ольденбургская, брауншвейгская—Фоггтсъ-Ренца; 12 королевско-саксонская подъ начальствомъ своего кронпринца Альберта и кромѣ того двѣ кавалерійскія дивизіи; лѣвое крыло, стягивавшееся близъ Маннгейма-Майнау, составляла III армія кронпринца; шефомъ генеральнаго штаба у него теперь, какъ и въ 1866 году, былъ генералъ Блументаль; у него въ распоряженіи были слѣдующія войска: 5-й корпусъ нижне-силезскій и познанскій, подъ командою генерала Кирхбаха; 11-й кургессенскій, нассаускій, тюрингенскій подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Бозе; два баварскихъ корпуса, 1-й фонъ-деръ-Танна и 2-й Гартманна; соединенный вюртембергско-баденскій корпусъ генерала Вердера съ двумя кавалерійскими дивизіями. Итакъ, на первую боевую линію, Германія выдвинула силу въ 450,000 человѣкъ съ 1200 орудіями; 3-е августа было назначено, какъ крайній срокъ, къ которому все должно быть готово для начала военныхъ дѣйствій.

Эти громадныя силы все-таки были не все, что союзная Германія могла выставить. Въ запасѣ оставались еще три съ половиной армейскихъ корпуса: 1 восточно-прусскій генерала Мантейфеля, 2 померанскій—Франсеки, 6 силезскій Тюмплинга и еще нѣсколько полковъ, всего 190,000 человѣкъ; къ этому надобно прибавить 160,000 вполнѣ готоваго къ выступленію, вооруженнаго ландвера и запасныхъ войскъ разнаго оружія 226,000 человѣкъ; это резервъ достаточный не только противъ сухопутныхъ силъ Франціи, но и для защиты береговъ, еслибы флотъ сдѣлалъ попытку высадиться на сѣверѣ, или даже еслибъ случилось нападеніе со стороны Австріи, т. е. еслибы графу Бейсту удалось привести въ исполненіе задуманный имъ планъ. Вся союзная Германія на военное время раздѣлена была на пять округовъ или генералъ-губернаторствъ, съ мѣстами управленія въ Ганноверѣ, Берлинѣ, Кобленцѣ, Бреславлѣ и Дрезденѣ, охрана береговой линіи, т. е. генералъ-губернаторство Ганноверское было вручено энергическому и искусному генералу Фогель-фонъ-Фалкенштейну. Чтобы обезопасить эту часть Германіи, немедленно приняты были самыя дѣятельныя мѣры: въ первый же день мобилизаціи войскъ, по берегамъ Нѣмецкаго и Балтійскаго морей сняты были всѣ морскіе знаки, брандвахты отведены и маяки потушены; въ это же время четыре броненосца, вышедшіе для пробнаго плаванія въ Атлантическій океанъ, возвратились; когда 28 французскій флотъ подошелъ къ Скагену, безъ десантнаго войска, никакой прямой опасности больше не предвидѣлось; генералъ-губернаторъ сдѣлалъ воззваніе къ народу и радушно принялъ содѣйствіе, добровольно предложенное частною морскою полиціею; регулярнымъ войскомъ командовалъ великій герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій.

Король Вельгельмъ, 31 іюля, оставилъ Берлинъ, объявивъ на прощанье амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ; вмѣстѣ съ нимъ отправились подвижное военное министерство и канцлеръ сѣверо-германскаго союза, графъ Бисмаркъ. Между тѣмъ какъ войска со всѣхъ сторонъ двигались на сборные пункты военнаго поприща, ему удалось еще ловко и счастливо обнаружить одну новую политическую западню.

Циркуляръ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, разосланный ко всѣмъ дворамъ, еще разъ попытался сдѣлать для всѣхъ понятною и извинительною причину неумѣстно-затѣянной борьбы. 25-го Times опубликовалъ проектъ договора, составленный еще въ 1867 году; въ немъ Франція предлагала Пруссіи наступательный и оборонительный союзъ, а за свою помощь требовала уступки Люксембурга и Бельгіи; по поводу этого документа начался споръ: одни считали его дѣйствительнымъ, другіе подложнымъ. Чтобы порѣшить дѣло, Бисмаркъ далъ объясненіе, по которому этотъ проектъ оказался однимъ изъ множества такихъ-же проектовъ, какими черезъ своихъ явныхъ и тайныхъ агентовъ Франція осыпала Пруссію съ самаго того времени, какъ начались несогласія съ Даніей: онъ присовокупилъ, что даже въ послѣднюю минуту, когда всѣ военныя приготовленія были уже окончены, еще была бы возможность покончить миролюбиво, но тогда Бельгія сдѣлалась бы цѣною мира; кромѣ того, очень справедливо прибавилъ онъ, что до тѣхъ поръ не обнажали меча, пока не истощили всѣхъ способовъ мира, надеждъ было тѣмъ больше, что измѣненіе во французской политикѣ всегда должно считать возможнымъ. Такъ дѣйствительно велись Пруссіей и слѣдовало вести политическія сношенія съ иностранными государствами, а вовсе не такъ, какъ это дѣлалось у графа Бейста; 29-го онъ опубликовалъ проектъ оборонительнаго и наступательнаго союза, написанный въ маѣ 1866 года, и сообщилъ о дальнѣйшихъ попыткахъ по этому дѣлу. Напрасно виновные корчились въ сѣтяхъ, разставленныхъ для другихъ, но въ которыхъ сами попались; проектъ договора 1867 года былъ написанъ на бумагѣ французскаго посольства и почеркъ писавшаго былъ знакомъ его сослуживцамъ по дипломатическому корпусу. Но не такъ легко можно было обличить людей, привыкшихъ бѣлое называть чернымъ, а черное бѣлымъ. Бенедетти заявилъ 29-го въ запискѣ, поданной палатѣ, что въ одномъ изъ разговоровъ съ Бисмаркомъ, канцлеръ выразилъ живѣйшее желаніе «чѣмъ нибудь вознаградить равновѣсіе, нарушенное послѣдними пріобрѣтеніями Пруссіи», и даже согласился, чтобы дать самому себѣ точный отчетъ въ своихъ соображеніяхъ, изложить свои мнѣнія подъ диктовку; графъ Бисмаркъ оставилъ исписанный листъ у себя, чтобы сообщить его королю. Но Оливье, въ короткое время изъ всѣми уважаемаго государственнаго человѣка и начальника партіи сдѣлавшійся лгуномъ и придворнымъ шутомъ, еще подробнѣе зналъ это дѣло: «господинъ Бисмаркъ», сказалъ онъ 20 депутаціи редакторовъ газетъ, «пытался уговорить нашего посланника принять этотъ проектъ. Въ разговорѣ г. Бисмаркъ вдругъ воскликнулъ: мы постоянно возвращаемся къ одному и тому же пункту... напишите основанія... садитесь сюда, я вамъ продиктую. Господинъ Бенедетти схватился за перо и написалъ то, что Бисмаркъ ему диктовалъ». Такимъ образомъ эти люди, не стыдясь, выставляли себя на позоръ и даже въ самой Франціи навлекли на себя на смѣшки, а на Бисмарка ненависть и негодованіе за то, что онъ ихъ перехитрилъ; но насмѣшки осыпали оправданія этихъ политическихъ дѣятелей, съ ними обходились какъ съ мальчишками, пойманными на шалости; вся эта возня замолкла передъ грознымъ гуломъ начинающейся борьбы.

Уже въ теченіе двухъ недѣль происходили незначительныя стычки и авангардныя дѣла. Нѣмцы предпочитали, до полнаго сбора войскъ, выдвинуть на границу только самые слабые передовые отряды. Такъ напримѣръ, при Саарбрюкенѣ, на лѣвомъ берегу Саары, стоялъ отрядъ изъ нѣсколькихъ ротъ пѣхотнаго гогенцоллернскаго егерскаго полка № 40 и нѣсколькихъ эскадроновъ уланъ полка № 7; они и до войны находились тутъ; когда война началась, эта горсть дѣлала разъѣзды, посылала патрули, такъ часто показывалась то тутъ, то тамъ, что французамъ показалось будто передъ ними—значительный корпусъ; въ такую ошибку могли они впасть только потому, что не дѣлали серьезныхъ рекогносцировокъ; кромѣ того воображеніе парижскихъ журналистовъ дѣйствовало неутомимо, и незначительный отрядъ у нихъ возросъ до 200,000 армія. Такія значительныя силы требовали значительнаго противодѣйствія, и французы мало-по-малу стянули туда два корпуса; вмѣсто того, чтобы отступить, храбрый нѣмецкій командиръ, подполковникъ Пестель просилъ, чтобы ему позволено было оставаться на этомъ опасномъ постѣ, потому что, ему казалось, французы дѣйствуютъ нерѣшительно и даже трусливо: они медлили, а каждый день замедленія ухудшалъ ихъ положеніе и улучшалъ положеніе нѣмцевъ. Въ нетерпѣливомъ и, надобно сказать, тревожномъ ожиданіи

проходили дни, а нападенія французовъ на Сенъ-Жанъ-Саарбрюкенъ все еще не происходило: наконецъ 2-го августа прусскіе разъѣзды возвратились съ извѣстіемъ, что по шоссе изъ Форбаха движутся значительныя непріятельскія колонны. На этотъ разъ французы рѣшились сдѣлать нападеніе: три французскія дивизіи, раздѣленныя на двѣ колонны, появились на противолежащихъ высотахъ Шпихерна и двинулись къ Саарбрюкену, выславъ густые ряды стрѣлковъ; но еще раньше громили городокъ пушками. Подполковникъ Пестель поставилъ своихъ егерей по обѣимъ сторонамъ шоссе, на плацъ-парадѣ и на Винтербергѣ, часть отряда осталась въ городѣ въ резервѣ, еще одна помѣщена была близъ Сентъ - Арно и наконецъ двѣ по ту сторону Саары; на всю французскую артиллерію, онъ могъ отвѣчать только своими четырьмя пушками. Это крошечное войско, съ чисто солдатскою точностію. удерживало свою позицію, само собою разумѣется до тѣхъ поръ, пока это было благоразумно и возможно и представляло нѣкоторую выгоду; и наконецъ отступило спокойно, въ порядкѣ, какъ будто на ученьѣ; потеря съ той и другой стороны была не больше 70 человѣкъ. Генералъ Фроссаръ побѣдителемъ вошелъ въ Саарбрюкенъ, но онъ былъ озадаченъ, когда узналъ отъ бургомистра, что одержалъ побѣду надъ тремя ротами; это не помѣшало ему однакожь въ своемъ донесеніи написать: «наша армія начала наступленіе, перешла черезъ границу и утвердилась на прусской почвѣ. Войска расположились на завоеванной позиціи». Самъ императоръ, находившійся на мѣстѣ сраженія, для того, чтобы одушевить солдатъ, заставилъ своего бѣднаго малолѣтняго сына выстрѣлить изъ первой митральезы; по окончаніи дѣла Наполеонъ послалъ довольно странное извѣстіе въ Парижъ, въ немъ онъ писалъ императрицѣ Евгеніи; «нашъ Луи только-что принялъ крещеніе огнемъ», а далѣе объ успѣхѣ очень ловко говорилъ: «наша армія перешла въ наступленіе»; «не смотря на крѣпкую непріятельскую позицію, достаточно оказалось нѣсколькихъ батальоновъ, чтобы занять высоты, господствующія надъ Саарбрюкеномъ». «Порывъ нашихъ солдатъ былъ такъ великъ, что наши потери незначительны». Это двусмысленное описаніе однакожь было раздуто журналами и газетами въ геройскій подвигъ, способный хотя нѣсколько успокоить нетерпѣливую публику. Можно себѣ представить, что не было недостатка въ разсказахъ о чудесномъ дѣйствіи ружей Шассно и о митральезахъ; когда воображеніе уже слишкомъ расходилось, то встрѣчались фразы: «выстрѣлы скашиваютъ и кладутъ въ лоскъ цѣлые батальоны». Но нападеніе на этомъ и остановилось; уже 3-го числа французы опять отошли на свою прежнюю позицію, на возвышенность Шпихернъ, продержавшись въ городѣ нѣсколько часовъ и безъ всякой надобности бросивъ нѣсколько гранатъ въ дома и по улицамъ.

Въ тотъ же день, 3-го, какъ это предполагалось по утвержденному плану, нѣмецкое войско тоже начало наступать. По утру рано 2-го король Вильгельмъ съ своею главною квартирой прибылъ въ Майнцъ; въ этотъ же день онъ отдалъ приказъ по войскамъ: «сегодня я принимаю начальство надъ всею арміей и начинаю войну, какую отцы наши, находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, славно вели и до насъ. Вмѣстѣ со мною все наше отечество съ довѣренностью взираетъ на васъ: Господь Богъ будетъ на сторонѣ нашего праваго дѣла». О планѣ дѣйствій французовъ ничего неизвѣстно, и какъ кажется, вовсе никакого плана, между 2-ымъ и 5-мъ августа, во французской главной квартирѣ не было; уже дошли до того, что начали соображаться съ дѣйствіями противниковъ; но нѣмцы по всей линіи перешли въ наступленіе.

Честь перваго нападенія выпала на долю кронпринца; онъ, 3-го, изъ своей главной квартиры въ Шпейерѣ далъ приказаніе двинуться на Лаутеръ, составляющую границу между баварскимъ палатинатомъ и французскою территоріей. Принимая начальство, кронпринцъ издалъ приказъ по арміи, 31-го іюля, имѣвшій самое благодѣтельное вліяніе на солдатъ и народъ, потому что написанъ былъ съ сердечною теплотою. «Солдаты III арміи, будучи назначенъ его величествомъ королемъ прусскимъ главнокомандующимъ III арміей, я привѣтствую собранныя подъ моимъ начальствомъ прусскія, баварскія, вюртембергскія и баденскія войска! Мое сердце исполнено гордостью и радостью, что я стою во главѣ сыновъ, стекшихся со всѣхъ концовъ нашего отечества, и что мы общими силами родственно будемъ защищать національное дѣло, нѣмецкое право и честь нѣмецкаго народа.

Мы готовимся къ великой и трудной битвѣ; но одушевленные нашимъ правомъ, при вашей храбрости, самоотверженіи и дисциплинѣ, мы можемъ надѣяться на счастливое и удачное окончаніе борьбы. Такъ будемъ же братски выносить то, что насъ ожидаетъ, вѣрно защищая общее дѣло, биться рядомъ и тогда съ Божіей помощью мы развернемъ наши знамена для новыхъ побѣдъ, будемъ стоять за соединенную Германію, за ея славу и миръ». Съ этой именно стороны ожидали нападенія французовъ, поэтому немедленно привели въ исполненіе нужныя мѣры: взорвать мостъ при Келѣ, вооружить крѣпость Раштадтъ. Но ничего этого не успѣли сдѣлать. Вюртембергскій отрядъ въ верхнемъ Шварцвальдѣ игралъ здѣсь туже самую роль, какую егеря и уланы Пестеля играли при Саарѣ; они своими демонстраціями, появленіями то здѣсь, то тамъ заставили ожидать вторженія нѣмецкой арміи въ верхній Эльзасъ; 3-го числа вюртембергская дивизія при Максау перешла черезъ Рейнъ и предприняла смѣлую рекогносцировку, далеко въ непріятельскую землю. Седьмой французскій корпусъ Феликса Дуэ, еще далеко недокончившій свои военныя приготовленія, находился близъ Бельфора; первый—Магъ-Магона, стоялъ близъ Страсбурга, гдѣ между народомъ одушевленіе было сильнѣе, нежели гдѣ бы то ни было; отъ этого I корпуса маршалъ, начальствовавшій лично правымъ крыломъ, выдвинулъ дивизію генерала Авеля Дуэ до Лаутера, къ Вейсенбургу. Здѣсь, 4-го дѣло дошло до значительной битвы. Между тѣмъ какъ баварцы, дивизіи Ботмера, на сѣверъ отъ этого маленькаго городка, поддерживали сильную перестрѣлку съ французами, пятый прусскій корпусъ, генерала Кирхбаха, приблизился; почти въ одно время съ нимъ съ сѣвера вступили въ сраженіе баварцы; они столкнулись съ страшными для нѣмцевъ тюркосами; прусское войско съ юга ворвалось въ городъ: при этомъ во власть нѣмцевъ попалось 400 человѣкъ плѣнными; это былъ уже большой успѣхъ, но самое трудное дѣло было еще впереди: надобно было приступомъ взять укрѣпленную возвышенность Гейсбергъ, находящуюся подлѣ шоссе, за одинъ часъ пути, не доходя до города. Новая битва началась артиллерійскимъ огнемъ прибывшаго между тѣмъ II корпуса, Бозе; французскіе стрѣлки разсыпаны были по откосамъ горы, въ хмѣлевыхъ плантаціяхъ и въ садахъ; они непрерывнымъ убійственнымъ огнемъ встрѣтили штурмовыя колонны, но 7 полкъ королевскихъ гренадеръ, роты 47 полка и 5 егерскій батальонъ, несмотря на жестокія потери, все-таки ринулись впередъ и проложили себѣ путь; въ половинѣ перваго по полудни, они овладѣли высотою, откуда въ часъ уже могли сдѣлать дружное нападеніе на замокъ Гейсбергъ, сильнѣйшую точку французской позиціи: въ два часа была одержана первая побѣда нѣмцевъ на французской почвѣ. Побѣдители понесли большія потери; у нихъ было убито 1460 рядовыхъ и 90 офицеровъ, но очарованіе непобѣдимости французскаго оружія было нарушено, 1000 человѣкъ взято въ плѣнъ, отнято одно орудіе, лагерь и палатки одной дивизіи, начальникъ которой былъ убитъ, достались побѣдителямъ; остатки разбитыхъ полковъ отступили въ безпорядкѣ къ Гагенау.

Въ Парижѣ между тѣмъ все еще разбирали и разсуждали о слѣдствіяхъ побѣды при Саарбрюкенѣ; одна газета предвидѣла начало новой эры въ исторіи военнаго искусства, другая газета видѣла въ ней предсказаніе и даже завѣреніе дальнѣйшихъ побѣдъ и успѣховъ, наконецъ нѣкоторыя сожалѣли о путаницахъ, какія неминуемо возникнутъ вслѣдствіе этой побѣды, когда коснется мирныхъ переговоровъ; но это мирное занятіе было внезапно нарушено непріятной вѣстью о событіяхъ при Вейсенбургѣ. На этотъ разъ однакожъ утѣшали себя тѣмъ, что неудача произошла отъ несомнѣннаго численнаго превосходства непріятелей. Журналисты не могли знать и не давали себѣ отчета въ томъ, какую важность эта побѣда имѣла на нравственную сторону не только нѣмецкаго войска, но и цѣлаго народа; всѣ радовались не столько успѣху нѣмецкаго оружія, сколько умѣнью и твердости, съ какою начальники распоряжались солдатами, движенія которыхъ были несравненно опредѣленнѣе и стройнѣе французскихъ; однимъ словомъ, увѣренность въ свои силы возросла въ нѣмецкомъ войскѣ, и непобѣдимость французскаго оружія уже не казалась непреложною истиною. Обстоятельства эти, незамѣченныя и непредвидѣнныя французами, съ самаго начала значительно повредили имъ, но еще больше вредило ихъ высокомѣрное убѣжденіе въ своей силѣ и презрѣніе, съ какимъ они смотрѣли на нѣмцевъ.

Съ напряженнымъ нетерпѣніемъ, но уже съ нѣкоторою увѣренностію, выжидали въ Германіи дальнѣйшаго развитія дѣлъ. Маршалъ Макъ-Магонъ, въ одну битву при Маджентѣ заслуживший имя великаго полководца, въ начавшейся войнѣ еще не успѣлъ проявить своихъ дарованій; онъ 5-го занялъ очень выгодную и крѣпкую позицію при деревнѣ Вертъ, въ пяти часахъ пути отъ Вейсенбурга въ долинѣ Зауера, рѣчки текущей съ сѣвера на югъ, и извиваясь на востокъ впадающей въ Рейнъ. Макъ-Магонъ намѣренъ былъ прикрывать путь изъ Страсбурга черезъ Бичь въ Метцъ. Онъ доносилъ объ этомъ императору, и тотъ предоставилъ ему въ распоряженіе V корпусъ, генерала Файльи, стоявшій близъ Бича; по утру, 6-го, одна изъ дивизій V корпуса выступила, чтобы приблизиться къ корпусу Макъ-Магона, но вдругъ получила приказаніе остановиться и возвратиться къ Файльи, потому что на него могло быть сдѣлано нападеніе, со стороны Цвейбрюкена. Итакъ Макъ-Магонъ принужденъ былъ довольствоваться своимъ собственнымъ корпусомъ, 2 кавалерійскими дивизіями и одною дивизіей 7 корпуса—Феликса Дуэ, что все вмѣстѣ составляло войско не превышавшее 45,000 человѣкъ. Но недостатокъ соллатъ могъ быть замѣненъ отличнымъ и крѣпкимъ мѣстоположеніемъ, избраннымъ для сраженія. Луговая долина, по которой протекаетъ Зауеръ, не шире 1000 шаговъ; западныя высоты его береговъ, покрытыя виноградниками и хмѣлевыми плантаціями, гораздо выше восточныхъ и слѣдовательно давали возможность обстрѣливать приближающагося непріятеля, и дальнострѣльными ружьями, и пушками. Естественно укрѣпленная позиція, опирающаяся на Вертъ на востокѣ, Эльзасгаузенъ—на юго-западѣ и Фрешвиллеръ—на сѣверо-западѣ, представляла крѣпкій треугольникъ—еще лучше защищенный искусственными укрѣпленіями. Главная квартира маршала находилась въ замкѣ Фрешвиллерѣ; съ колокольни этой деревни можно было слѣдить за движеніями приближавшихся нѣмцевъ.

Авангардъ нѣмцевъ достигъ, 5-го, высоты на восточномъ берегу Зауера. На обоихъ берегахъ рѣчки заблестѣли бивуачные огни. Ни у кого не было опредѣленнаго намѣренія дать рѣшительную битву на слѣдующій день, 6-го, потому что большая часть нѣмецкаго войска еще не придвинулась. Но французы на разсвѣтѣ открыли артиллерійскій огонь по V корпусу Кирхбаха, приближавшемуся со стороны Прейшдорфа; это заставило баварцевъ праваго крыла, II-й баварскій корпусъ Гартманна, тоже явившійся черезъ Матшталь и Лангензульцбахъ, напасть на французовъ. Живая перестрѣлка завязалась на лѣвомъ французскомъ крылѣ, дивизіей Дюкро, находившейся сѣвернѣе Фрешвиллера; битва въ центрѣ, близъ Верта, за то ослабѣла. Между тѣмъ на юго-востокъ отъ Верта показался авангардъ XI корпуса Бозе, близъ Гунстета; отъ перешелъ рѣчку и напалъ на правое крыло французовъ, расположенныхъ въ кустахъ, по склону берега, на югъ отъ Эльзасгаузена; всѣ эти стычки, въ которыхъ французы брали верхъ, не носили еще на себѣ характера общаго рѣшительнаго сраженія, какое кронпринцъ откладывалъ до тѣхъ поръ, пока всѣ его силы не будутъ въ сборѣ. Но битва на всей линіи уже завязалась такъ, что прекратить ее было бы опасно; около полудня рѣшено было принять битву, и въ часъ пополудни кронпринцъ съ своимъ штабомъ явился на высотѣ передъ Вертомъ, чтобы лично принять начальство. Можно было надѣяться, что въ теченіе дня прибудутъ еще значительныя, свѣжія войска, поэтому сраженіе возобновилось съ новымъ жаромъ по всей линіи. Самое опасное положеніе было V корпуса Кирхбаха—въ центрѣ; онъ понесъ значительный уронъ, пытаясь овладѣть высотами Верта, поднимавшимися на западъ, за деревней. Три раза деревня переходила изъ рукъ въ руки; въ 1 часъ она осталась въ рукахъ нѣмцевъ; но войска такъ были истощены и ряды ихъ порѣдѣли, что невозможно было продолжать наступленія. Помощь пришла съ лѣваго крыла. Корпусъ Бозе, откинутый около полудня черезъ Зауербахъ, съ новыми силами сдѣлалъ нападеніе на правое крыло французской позиціи и отбилъ Морсбронъ, Альбрехтсгейзеръ-гофъ, Эбербахъ, Боденъ и утвердился въ нихъ; чтобы остановить это стремленіе, командиръ французской дивизіи, Лартигъ, приказалъ кирасирской бригадѣ Мишеля идти въ атаку, но бѣглый огонь пѣхоты остановилъ, разстроилъ и частію уничтожилъ кавалерію. Началась упорная битва съ той и другой стороны, одно нападеніе шло за другимъ; французы старались вытѣснить пруссаковъ, засѣвшихъ въ кустистой покатости берега, но находившейся подъ огнемъ Эльзасгау-

зена; въ половинѣ третьяго, пруссаки, съ отчаянною стремительностью, бросились на горящую деревню, взяли ее приступомъ, утвердились въ ней и за нею; потеря эта пошатнула всю французскую позицію. Макъ-Магонъ попытался опять вырвать это мѣсто изъ рукъ нѣмцевъ; первую попытку сдѣлала пѣхота, но нападеніе ея было отбито; затѣмъ было кавалерійское нападеніе—кирасирской дивизіи Боннемена, та же самая участь постигла и ее; вюртембергцы, явившіеся вскорѣ послѣ этого близъ Эльзасгаузена, съ содроганіемъ видѣли рядами лежащихъ всадниковъ и лошадей, безполезно погибшихъ. Между тѣмъ какъ эти битвы шли на правомъ французскомъ крылѣ, центръ и лѣвое крыло подвергались нападеніямъ вновь прибывающихъ войскъ: I баварскій корпусъ Танна, подкрѣпленный свѣжими силами, медленно подвигался впередъ; около четырехъ часовъ они дошли до того, что можно было штурмовать Фрешвиллеръ; часть вюртембергскаго войска стремилась въ тылъ французской линіи къ Рейхсгофену. Маршалъ долженъ былъ рѣшиться начать отступленіе, потому что медлить болѣе нельзя было; онъ протянулъ битву на столько, чтобы отступленіе можно было начать въ порядкѣ. Въ 5 часовъ битва при Фрешвиллерѣ прекратилась, и началось преслѣдованіе отступающихъ.

Побѣда была полная и рѣшительная. Правое крыло французской позиціи было окончательно разгромлено; не было и рѣчи о защитѣ вогезскихъ соединительныхъ проходовъ. Въ руки побѣдителей досталось 9,000 плѣнныхъ, въ томъ числѣ 260 офицеровъ, 1 орелъ, 4 знамени, 28 орудій и 5 страшилищъ-митральезъ, потерявшихъ тоже свою обаятельную силу; около 8,000 убитыхъ, или раненыхъ покрывали поле битвы; остатки праваго крыла французскаго войска были оттѣснены отъ остальнаго войска; безобразной и смятенной толпою солдаты бѣжали черезъ Гагенау къ Страсбургу, куда еще съ поля битвы откомандирована была баденская дивизія съ приказаніемъ обложить городъ. Маршалъ Макъ-Магонъ собралъ, 7-го, близъ Заберна только около 15,000 человѣкъ; съ ними онъ безостановочно продолжалъ отступать. Нѣмцамъ побѣда эта тоже дорого обошлась; они потеряли 10,153 человѣка и 489 офицеровъ; уронъ былъ несравненно больше, чѣмъ близъ Кениггреца.

Въ тотъ же день вечеромъ, во всѣхъ нѣмецкихъ газетахъ напечатана была телеграмма кронпринца: «побѣда одержана близъ Верта; Макъ-Магонъ отъ большей части моей арміи потерпѣлъ рѣшительное пораженіе»; телеграмма помѣчена была: «на полѣ битвы, близъ Верта въ 4½ часа пополудни». Трудно описать восторгъ, произведенный этимъ извѣстіемъ; такихъ торжественно-радостныхъ минутъ у нѣмцевъ еще не бывало. Для одной части Германіи извѣстіе это было еще пополнено телеграммой, отправленной съ праваго крыла. Близъ Саарбрюкена въ тотъ же день и въ тѣ же часы войска I и II арміи также одержали кровавую побѣду.

Французскій корпусъ Фроссара перешелъ, 2-го, опять въ наступательное движеніе и занялъ позицію, на которой стоялъ до сраженія: высоты, находящіяся на югъ отъ Саарбрюкена на французской почвѣ, на западъ тянутся до форбахъ-саарбрюкенскаго шоссе, а на востокъ до Саары; выше Сентъ-Арно отъ деревушки, находящейся на этой высокой плоскости, она получила названіе высотъ Шпихернъ.

Если стоять на плацъ-парадѣ, или на Виттербергѣ за Саарбрюкеномъ и смотрѣть на югъ, то высоты являются сильнымъ естественнымъ укрѣпленіемъ; онѣ такъ неприступны, такъ трудны для всхода, что невольная дрожь пробираетъ при одной мысли, что эти высоты люди брали приступомъ, въ то время, когда съ нихъ гремѣли пушки и перекатывался непрерывный огонь дальнострѣльныхъ пѣхотныхъ ружей; особенно если еще взять въ соображеніе, что добраться до высотъ Шпихерна можно только, спустившись сперва съ южной стороны саарбрюкенской высоты и пройдя долину въ четверть мили шириною, на которой ни деревцо, ни кустикъ не защищаютъ отъ направленныхъ на наступающихъ выстрѣловъ. Взвѣсивъ все это, надобно еще съ большимъ сочувствіемъ и удивленіемъ смотрѣть на храбрецовъ, прошедшихъ 6-го августа по этому опасному пути и взявшихъ неприступныя высоты.

Первая армія Штейнметца и II-я принца Фридриха Карла наступали къ югу; Сенъ-Жанъ-Саарбрюкенъ назначенъ былъ пунктомъ соединенія; здѣсь лѣ-

вое крыло I-й арміи должно было соединиться съ правымъ крыломъ II-й. Лѣвое крыло II-й арміи шло на Сааргемюндъ; тутъ-то предполагалось дать первое сраженіе, но кровопролитная битва завязалась 6 августа только потому, что боялись, какъ бы французы не отступили.

Отъ I-й арміи, 13-я дивизія Глюмера направилась западнѣе къ Путлингену, а 14-го, фонъ-Камеке, пошла восточнѣе на Гюпхенбахъ. Ея авангардъ приблизился къ Сааръ; а къ 10 часамъ утра былъ у Саарбрюкена, нашелъ высоты прямо за Саарбрюкеномъ, плацъ-парадъ и Винтербергъ, свободными отъ французскаго войска; полагая, что непріятели отступаютъ, генералъ Каймеке, надѣясь на обѣщанное подкрѣпленіе и будучи увѣренъ, что оно не замедлитъ подойти, началъ атаку. Въ 12 часовъ началась битва; прежде всего надобно было пройти по открытой для непріятельскихъ выстрѣловъ долинѣ и затѣмъ уже начать нападеніе на высоты. Стремленіе нѣмцевъ было остановлено убійственнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ французовъ; покрытыя кустами и деревьями крутыя высоты, храбро защищенныя превосходнымъ числомъ французовъ, казались недоступными. Они сами были убѣждены въ этомъ, тѣмъ болѣе, что они и безъ того крѣпкую позицію свою укрѣпили ретраншаментами; ходитъ даже молва, будто генералъ Фроссаръ до того былъ спокоенъ, что при начавшейся перестрѣлкѣ не выѣхалъ къ войску, а оставался спокойно въ Форбахѣ, за бутылкой шампанскаго и когда ему сказали о приближеніи пруссаковъ, спокойно замѣтилъ: «les pauvres Prussiens!» До 3 часовъ 12 прусскихъ батальоновъ, 39-го полка нижнерейнскихъ стрѣлковъ, 74 и 77-го ганноверскихъ, 53-го вестфальскаго и четыре батареи съ отрядомъ кавалеріи держались противъ 39 батальоновъ корпуса Фроссара; французскій генералъ дѣйствовалъ слабо, или вѣрнѣе ничего не дѣлалъ: онъ могъ бы энергически напасть на слабѣйшаго непріятеля, вступившаго въ преждевременную битву, и положить предѣлъ его дерзкой попыткѣ, но ничего этого не было сдѣлано. Самую сильную и отчаянную битву выдержалъ 74 полкъ, сдѣлавшій приступъ на скалистую высоту Красной горы, на правомъ крылѣ французской позиціи; отважный полкъ подъ начальствомъ своего генерала Франсуа, не смотря на безпрерывный непріятельскій огонь, съ невообразимою отвагой взобрался на отвѣсную почти скалу; смѣлый начальникъ наступающихъ съ одной ротой 39 полка былъ впереди, но достигнувъ высоты, съ восклицаніемъ: «впередъ, мои храбрые тридцать девятаго полка!» онъ палъ мертвый, пронизанный пятью пулями. Въ 3 часа пополудни высота была взята окончательно и осталась за побѣдителями; около этого времени, мало-по-малу, начали появляться подкрѣпленія. Командованіе высотою перебывало въ рукахъ генераловъ Гебена, Цастрова и наконецъ вечеромъ главноначальствующаго Штейнметца; постепенно удалось туда перевезти и артиллерію. Битва по всей линіи пріостановилась; прошло нѣсколько часовъ; между 4 и 6 часомъ, сраженіе на Красной горѣ и въ лѣсу, находившемся за нею, возобновилось, равно какъ и на лѣвомъ крылѣ французовъ, близъ Штирнига на форбахскомъ шоссе; французы ободрились только къ 6 часамъ и попытались сдѣлать нападеніе: ихъ лѣвое крыло при Штирингѣ рвнулось впередъ и оттѣснило пруссаковъ; на плоской возвышенности битва колебалась. Пруссаки опять заняли Штирингъ на форбахскомъ шоссе; на этомъ мѣстѣ французы рѣшительно дрогнули и начали отступать, а при наступленіи сумерокъ, совсѣмъ покинули свою позицію. Такъ какъ форбахское шоссе было отбито, то Фроссаръ по неволѣ долженъ былъ отойти къ Сааргемюндъ, что при увеличивающейся темнотѣ имъ исполнено было въ величайшемъ порядкѣ.

Французскія газеты и историческіе очерки умалчиваютъ объ этомъ дѣлѣ, или упоминаютъ о немъ вскользь, потому что тутъ нельзя говорить о превосходящей силѣ прусскаго войска, нельзя сказать, чтобы оно было въ три, четыре, или десять разъ сильнѣе французскаго, какъ напримѣръ при описаніи битвы при Вейсенбургѣ, или Вертѣ. Прусскихъ 27 батальоновъ, постепенно вступавшихъ въ бой, и 16 батарей здѣсь отняли неприступную почти позицію французовъ, защищенную 39 батальонами пѣхоты и 15 батареями артиллеріи, и принудили ихъ отступить. Когда вѣсть объ этой побѣдѣ разнеслась по прусскому войску, нѣсколько вюртембергскихъ офицеровъ, собравшись въ кружокъ, одушевленные побѣдой, воскликнули: «теперь нѣтъ ничего невозможнаго!» Побѣдители при Вертѣ сочувство-

вали побѣдителямъ Шпихерна, и впечатлѣніе было тѣмъ сильнѣе, что обѣ побѣды совпали въ одно и то же время. При этомъ потеря на сторонѣ нѣмцевъ, какъ нападавшихъ, была значительнѣе; на мѣстѣ легло 4,648 солдатъ и 223 офицера, со стороны французовъ погибло 3,829 рядовыхъ и 249 офицеровъ, въ плѣнъ взято было 1,500 человѣкъ, число это увеличилось на слѣдующій день. Ночь остановила битву, на полѣ лежали только убитые и раненные. Жители Сенъ-Жанъ-Саарбрюкенъ выказали неутомимую дѣятельность и неистощимое милосердіе къ раненнымъ: они отыскивали на полѣ битвы раненныхъ нѣмцевъ и французовъ безразлично, приносили ихъ въ городъ и оказывали имъ помощь, стараясь по мѣрѣ силъ уменьшать зло, какое приноситъ съ собою война.

b. Битвы близъ Метца.

Когда первое опьянѣніе побѣды прошло, въ Германіи на эти побѣды, 6-го августа начали взирать, какъ на событіе предвѣщавшее окончаніе ойны, и надобно прибавить, подробности этихъ сраженій и того, что было вслѣдъ за ними, служили только къ тому, чтобы поддержать это мнѣніе, составленное по первому впечатлѣнію. По этимъ сраженіямъ начали убѣждаться, что во французской арміи не достаетъ верховнаго, руководящаго начала и что поэтому-то у начальниковъ отдѣльныхъ корпусовъ вовсе нѣтъ силы дѣйствовать самостоятельно; хотя этотъ выводъ на первый разъ и кажется противорѣчащимъ первому положенію, но это такъ: Макъ-Магонъ, при Вертѣ, Фроссаръ при Шпихернѣ, принуждены были сражаться одни; ни къ тому, ни къ другому не подоспѣла помощь, хотя въ обоихъ случаяхъ свѣжія войска стояли по сосѣдству и громъ пушекъ могъ бы имъ дать знать о начавшемся сраженіи; къ Макъ-Магону могъ бы подоспѣть де-Файдьи съ своимъ корпусомъ, а къ Фроссару—Базенъ; но ни одинъ изъ нихъ не двинулъ своего корпуса, тогда какъ, напротивъ, первые пушечные выстрѣлы привлекали къ Шпихерну всѣ близлежащія, готовыя къ сраженію прусскія войска, и эти своевременныя подкрѣпленія, очень понятно, рѣшили дѣло, сначала очень сомнительное.

Первое благопріятное впечатлѣніе усилилось еще появленіемъ огромнаго количества плѣнныхъ по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ; жители Германіи толпились на станціяхъ, и, надобно признаться, очень радушно встрѣчали и провожали нежданныхъ гостей; страхъ увидѣть вооруженныхъ французовъ у себя уже исчезъ и потому тѣмъ охотнѣе встрѣчали безоружныхъ. Французы потеряли 6 августа не только двѣ битвы, но гораздо больше. Въ полдень того-же дня въ Парижѣ распространился слухъ, должно быть пущенный какимъ нибудь спекуляторомъ на биржѣ, о великой побѣдѣ, одержанной французскими войсками; народонаселеніе Парижа быстро повѣрило слуху, не зная порядочно, гдѣ расположены войска, говорили, будто сраженіе происходило при Ландау, что Базенъ и Макъ-Магонъ разгромили войско кронпринца; увѣряли, будто получена телеграмма изъ Лондона; ее уже отпечатали и прибиваютъ въ биржевой залѣ къ стѣнѣ, — увѣряли люди, шумѣвшіе и волновавшіеся внѣ биржи,—а внутри въ залахъ биржи говорили, что депешу прибиваютъ къ внѣшнимъ стѣнамъ ея; число убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ нѣмцевъ возрастало съ каждой минутой и доходило до нѣсколькихъ тысячъ, отнятыхъ пушекъ тоже было множество, съ 40 число ихъ возросло до 80; кронпринцъ и вмѣстѣ съ нимъ всѣ остальные принцы, ранены, взяты въ плѣнъ, или перебиты; разыгравшаяся фантазія не знала препятствій и ежеминутно возрастала. Въ Палe де жюстисъ производство дѣлъ прекратилось, и президентъ возвѣстилъ побѣду; восторгъ быстро возрасталъ и охватывалъ все народонаселеніе столицы, народъ ликовалъ, весь городъ увѣшивался разноцвѣтными флагами и коврами. Но мало-по-малу распространилось извѣстіе, что въ высшихъ правительственныхъ кругахъ ни о какой побѣдѣ нѣтъ вѣстей, и что возмездіе за Вейсенбургъ только еще подготовляется; общее настроеніе измѣнилось, какъ по волшебствоу, каждый негодовалъ на преднамѣренный обманъ, тогда какъ, въ самомъ дѣлѣ, каждый могъ пенять только на себя за свою не-

осмотрительность и непростительное легковѣріе и безначаліе. Толпы раздраженныхъ народныхъ массъ окружили министерство юстиціи; чтобы отдѣлаться отъ нихъ, министръ прибѣгнулъ къ неправдѣ: онъ сказалъ, что виновникъ ложной депеши открытъ и уже арестованъ.

На слѣдующее утро, послѣ подготовительнаго вступленія, офиціальная газета распространилась о цѣляхъ стратегическихъ передвиженій, конечно еще не выразившихся, но прибавила: «у враговъ есть какія-то неизвѣстныя цѣли, они намѣрены что-то предпринять противъ насъ, что вызываетъ съ нашей стороны великія стратегическія соображенія и можетъ представить намъ большія выгоды»; но подъ конецъ все-таки сообщались извѣстія, полученныя ночью и сообщенныя Наполеономъ. «Макъ-Магонъ потерялъ сраженіе, Фроссаръ принужденъ отступить къ Саарѣ. Отступленіе совершается въ должномъ порядкѣ. Все можетъ еще поправиться!» Таково содержаніе этой первой изъ императорскихъ депешъ. Достойно примѣчанія, что эта депеша сообщаетъ единственное вполнѣ справедливое извѣстіе, полученное французами отъ своего императора; въ теченіе войны, постоянно несчастной для Франціи, гдѣ одно пораженіе слѣдовало за другимъ, слова: «генералъ потерялъ сраженіе» впослѣдствіи не были произнесены ни однимъ изъ министровъ, генераловъ или диктаторомъ. Слѣдующія затѣмъ депеши доказываютъ, какъ мало годился настоящій правитель Франціи начальствовать войскомъ, которымъ онъ хотѣлъ завоевать Германію; въ депешахъ утѣшалъ онъ себя и народъ «отмѣнно бодрымъ духомъ войска, расположеннаго вокругъ Метца»; «всѣ враждебныя настроенія, кажется, сгладились», говорилось въ послѣдней телеграммѣ, полученной изъ Метца въ полдень, 7-го числа. Въ государствѣ здоровомъ и правильно устроенномъ несчастіе и опасность особенно плотно соединяютъ государя и народъ: но здѣсь, при этомъ распадающемся управленіи, первыя пораженія потрясли все государственное зданіе. Въ прокламаціи къ народу при переѣздѣ изъ Сенъ-Клу въ Тюльери, императрица умоляла всѣхъ добрыхъ и вѣрныхъ гражданъ заботиться о сохраненіи порядка; прокламація министровъ извѣщала о томъ, что палаты немедленно будутъ созваны, мѣра очень двусмысленная, и объявила Парижъ въ оборонительномъ, и «чтобы удобнѣе, вѣрнѣе и своевременнѣе вести военныя приготовленія» въ осадномъ положеніи. Оппозиціонныя газеты требовали всеобщаго вооруженія, а для защиты столицы составить комитетъ изъ депутатовъ Парижа для организаціи средствъ обороны: дѣйствительно, пора было позаботиться о защитѣ Парижа. Вмѣсто 11, палаты были созваны на 9, что показывало большую слабость и неувѣренность правительства; теперь выразилось то, чего надобно было ожидать, когда вторая битва была проиграна. Дворецъ законодательнаго корпуса находился подъ военнымъ прикрытіемъ; если на улицахъ показывались военные отряды, чернь ихъ осыпала бранью и кричала: «на границу, каски, на границу!» Засѣданія палатъ начались бурною сценою. Нѣкоторые члены полагали, что единое спасеніе для Франціи заключается въ генералѣ *Трошю*, отличившемся очень зрѣлою и либеральною критикою всей французской воинской организаціи; требовали, чтобы ему поручено было главное начальство надъ войскомъ; лѣвая сторона, пылая ненавистью, а не патріотизмомъ, громко требовала немедленно назначить комитетъ для защиты столицы, составленный изъ 15 членовъ, вмѣсто всѣхъ существующихъ нынѣ властей, и чтобы «всѣ граждане немедленно вооружились»: «въ виду того, что государственный глава Франціи своею неспособностью привелъ ее въ настоящее опасное положеніе и что наши солдаты, не смотря на свою испытанную храбрость и геройскій духъ, потеряли два большихъ сраженія». За этими словами поднялся невообразимый шумъ и гамъ; герцогъ Граммонъ въ суматохѣ получилъ пощечину, а Оливье только съ величайшимъ трудомъ избѣгнулъ такого же посрамленія. Министерство потребовало подачи голосовъ о томъ, что оно заслуживаетъ довѣрія, но ему было отказано въ голосованіи, поэтому оно просило объ увольненіи. Черезъ нѣсколько времени министры опять вошли въ залу собранія и сказали, что императрица приняла ихъ просьбу объ увольненіи и поручила графу Паликао, генералу Монтобану, побѣдителю китайцевъ, составить новое министерство. Этотъ человѣкъ вполнѣ соотвѣтствовалъ этой палатѣ, этой оппозиціи, этой прессѣ и этому народу: это былъ 73-лѣтній старикъ; въ теченіе своей 56-лѣтней службы онъ добился извѣст-

ности предводителя въ походѣ, описаніемъ котораго сдѣлался посмѣшищемъ всякаго, мало-мальски знакомаго съ географической картой. Свое министерство составилъ онъ изъ отъявленныхъ бонапартистовъ, и это была очень хорошая мѣра, еслибы только выбранные имъ люди могли похвалиться твердымъ характеромъ. Палата 10-го приняла проектъ закона, по которому всѣ холостые граждане отъ 25—30 лѣтъ, еще не причисленные къ подвижной гвардіи (garde mobile), на время войны должны поступать въ военную службу. Послѣ этого дѣятельно занялись защитою Парижа; первая мѣра заключалась въ томъ, что дано было приказаніе всѣмъ нѣмцамъ, находившимся въ Парижѣ немедленно оставить его; при этомъ министръ Дювернуа не постыдился сказать, что Пруссія начала съ подобной же мѣры.

Но легкомысленные и подвижные парижане не долго волновались; они успокоились, когда нѣсколько дней прошло безъ всякихъ непріятныхъ извѣстій съ мѣста военныхъ дѣйствій. Для большинства достаточно было нѣсколькихъ энергическихъ выраженій: «мы побѣждены, какъ Леонидъ при Ѳермопилахъ, какъ Роландъ при Ронсевалѣ, но за то месть наша будетъ блистательная, Богъ даруетъ ее намъ»; другіе ссылались на историческіе факты временъ революціи, приходившіеся по вкусу радикаламъ и тѣмъ болѣе подходящіе, что сенатъ уже предписалъ вооруженіе народныхъ массъ. Нѣкоторые утѣшались мыслью, что европейскія державы вмѣшаются; въ одномъ официальномъ листкѣ отъ 8 числа стояло, что прусскія побѣды должны побудить прочіе народы Европы вооружиться противъ ея честолюбія: «Со стороны Англіи уже есть очень благопріятные признаки сочувствія; Швеція, Норвегія и Данія горятъ патріотическимъ одушевленіемъ; императоръ всероссійскій удостоиваетъ нашего посланника своею исключительною благосклонностью; императоръ австрійскій, король итальянскій и ихъ министерства выказываютъ намъ свою благосклонность; Австрія и Италія дѣятельно вооружаются, вѣнское и пештское министерства одушевлены одною и тою же идеею; приближается минута, когда Пруссія поставлена будетъ въ самое большое затрудненіе!.. «Довѣрія! Довѣрія! Нашъ патріотизмъ спасаетъ насъ отъ всякой опасности».

Вскорѣ оказалось, что Франціи нечего разсчитывать на европейское вмѣшательство и на европейскихъ союзниковъ. Въ Англіи поднялось общее негодованіе, когда прусское министерство иностранныхъ дѣлъ обнародовало замыслы Наполеона на Бельгію; когда же французское правительство малодушно отвергло подлинность документовъ, тогда вся честная и благородная часть народонаселенія не могла удержаться отъ глубочайшаго презрѣнія; энергическое, спокойное развитіе силъ со стороны нѣмецкаго, родственнаго Англіи народа, пробудило общее сочувствіе; извѣстіе о двухъ значительныхъ побѣдахъ, одержанныхъ надъ французами, было встрѣчено съ радостью. Лордъ Грэнвиль, черезъ австрійскаго посланника, послалъ графу Бейсту предостереженіе: онъ совѣтовалъ ему быть осторожнымъ «въ интересахъ добраго согласія между нейтральными державами и для того, чтобы войнѣ не давать расширять своихъ предѣловъ». Но у этого государственнаго человѣка воинскій пылъ давно уже потухъ. Онъ увѣрялъ, какъ бы всякій другой на его мѣстѣ, что военныя приготовленія въ Австріи дѣлались съ чисто оборонительной цѣлью; можетъ быть, онъ надѣялся къ сентябрю подготовить все на столько, чтобы сбросить съ себя маску и поспѣшить на помощь къ своимъ французскимъ друзьямъ; но кто бы могъ ожидать такого поворота? Теперь нечего было больше помышлять объ этомъ; побѣды союзниковъ волновали все нѣмецкое населеніе Австріи, оно сочувствовало славѣ своихъ соплеменниковъ; славяне и поляки, исконные враги нѣмцевъ, ясно говорили, что имъ пока остается только печать, чтобы вести войну съ нѣмцами, и что теперь ни о какомъ другомъ оружіи помышлять невозможно. Между тѣмъ австрійскій государственный канцлеръ дѣлалъ, что могъ. Онъ на предостереженіе англійскаго министра отвѣчалъ, что почитаетъ за особое счастіе удостовѣриться въ согласіи, существующемъ между нейтральными державами—чего англійскій министръ вовсе не говорилъ—и что, **не будучи связанъ никакимъ обязательствомъ**, вполнѣ готовъ дѣйствовать въ томъ же духѣ: итакъ этотъ политикъ думалъ о европейскомъ вмѣшательствѣ, заступничествѣ и посредничествѣ. Но всякому свое

спокойствіе было дорого: ни у кого не было охоты снять съ Франціи отвѣтственность за ея необдуманные и дерзкіе поступки и остановить занесенный надъ нею мечъ, поднятый соединенной силой всей Германіи. Можетъ быть, въ нѣкоторыхъ итальянскихъ кружкахъ сильна была склонность содѣйствовать «этому единомыслію нейтральныхъ державъ», чтобы предложить свое посредничество. Король Викторъ-Эммануилъ, лично непмѣющій никакого политическаго значенія, вѣроятно охотно сталъ бы объ руку съ императоромъ Наполеономъ и сражался бы подъ его знаменами, можетъ быть, чтобы добиться слѣдующаго чина въ легіонѣ зуавовъ, въ которомъ онъ числился на службѣ; но положеніе дѣлъ было такого рода, что нельзя было съ достовѣрностью сказать, за какую Францію пришлось бы сражаться: за наполеоновскую, за республиканскую, или за королевскую, потому что принцы изъ королевскаго Орлеанскаго дома уже предлагали свои услуги, а графъ Шамборъ уже приготовлялъ перо и бумагу, чтобы писать прокламаціи. Въ народѣ симпатія была тоже на сторонѣ французовъ, особенно между любителями каррикатуръ: имъ больше нравилось, чтобы выгоды оставались на сторонѣ французовъ, нежели пруссаковъ; но люди дальновидные и опытные изъ успѣховъ нѣмецкаго оружія выводили заключеніе, что французы, со всѣхъ сторонъ стѣсненные, непремѣнно будутъ принуждены вывести свои войска изъ Чивита-Веккіи. Августа 3 французское правительство извѣстило объ этомъ итальянское, присовокупивъ замѣчаніе, что съ этихъ поръ обѣ державы становятся въ тѣже взаимныя условія, въ какихъ находились вслѣдствіе сентябрскаго соглашенія. На первый случай итальянское правительство приняло это только къ свѣдѣнію; «мы намѣрены, отвѣчалъ министръ иностранныхъ дѣлъ, Висконти-Веноста, 4-го числа, оставаться въ границахъ, опредѣленныхъ условіями 1864 года;» хотя лѣвая сторона палаты требовала, чтобы король немедленно отказался отъ сентябрскихъ условій, но правительство отвергло это требованіе. Теперь дѣло было въ томъ, на долго ли продержится это рѣшеніе. Люди свѣдущіе въ политикѣ могли безошибочно предсказать, что послѣ первой значительной побѣды германскихъ союзниковъ, итальянское правительство объявитъ, что не считаетъ сентябрскихъ условій для себя обязательными, и тогда вѣтеръ унесетъ листъ бумаги, теперь находящійся между королевствомъ Италіей и ея столицей — Римомъ.

Даже союзъ между Франціей и Даніей, считавшійся непреложнымъ въ цѣлой Германіи, въ сущности не состоялся; союзъ этотъ вѣроятно состоялся бы, если бы довольно сильное французское дессантное войско высадилось на берегахъ Пруссіи; но теперь объ этомъ не могло быть и рѣчи. Французскій флотъ, подъ начальствомъ вице-адмирала Буэ-Вилломэ, дѣйствительно вышелъ изъ Шербурга, 25-го іюля, и явился въ Балтійскомъ морѣ, но у него не было дессантнаго войска, поэтому онъ держался въ почтительномъ разстояніи отъ береговыхъ укрѣпленій. Такъ какъ теперь опасность со стороны Даніи была отстранена, также какъ и со стороны Австріи, то остававшіеся въ прилежащихъ областяхъ корпуса, восточно-прусскій, подъ начальствомъ Мантейфеля, и померанскій, подъ командой Франсеки, оставили свое наблюдательное положеніе и присоединились къ великой западной арміи, отъ которой зависѣла участь войны.

Пораженіе, вынесенное въ двухъ мѣстахъ, 6-го числа, разъединило французское войско на двѣ части; чтобы имъ соединиться, необходимо было отступить: «французская армія по всей линіи повернула назадъ и идетъ во Францію», стояло въ офиціальной телеграммѣ, отправленной изъ Майнца, 6-го вечеромъ, гдѣ въ этотъ день находилась главная квартира нѣмецкаго войска. Остатки арміи Макъ-Магона отступали на Шалонъ-на-Марнѣ, гдѣ побѣжденный маршалъ могъ надѣяться получить первыя подкрѣпленія и дать отдохнуть своему усталому войску; въ императорской главной квартирѣ колебались, не отвести ли рейнскую армію, которой суждено было никогда не заслужить своего названія и даже не видать рѣки, давшей ей имя, также къ Шалону; двѣ недѣли послѣ открытія военныхъ дѣйствій дошли уже до того, что главной заботой сдѣлалось прикрывать столицу. Если бы объ этомъ серьезно позаботились, какъ увѣряютъ люди знающіе, это было бы совершенно раціонально; но Наполеонъ, зная, какъ потрясено его положеніе, опасался отдать безъ битвы всю линію Мозеля до Марны и поэтому рѣ-

шился держаться на Мозелѣ. Вслѣдствіе этого рѣшенія, къ 11-му вокругъ Метца соединились всѣ корпуса рейнской арміи; потери, понесенныя въ прежнихъ битвахъ, были вознаграждены присоединеніемъ 6 корпуса, Канробера, до сихъ поръ остававшагося въ Шалонѣ и комплектовавшагося; затѣмъ вся армія близъ Метца состояла отъ 180,000 до 200,000 человѣкъ.

Чтобы достигнуть Мозельской линіи, надобно было всей арміи сдѣлать поворотъ направо; при этомъ лѣвое крыло нѣмецкой арміи, а именно, III-й пришлось описать большую дугу, а I-я должна была оставаться почти на мѣстѣ и служить поворотной точкой и главной опорой всей линіи. Оставимъ пока III-ю армію кронпринца прусскаго всторонѣ и разскажемъ, что происходило съ I-й и II-й арміями, въ рукахъ которыхъ таилось рѣшеніе всей войны. Первая армія, подкрѣпленная 1 корпусомъ Мантейфеля, выбирая самую короткую дорогу, шла отъ Саарбрюкена, черезъ Форбахъ къ Метцу; вторая армія, къ которой присоединенъ былъ 2-й корпусъ Франсеки, шла отъ Сааргемюнде черезъ Понтъ-а-Муссонъ, находящійся въ трехъ миляхъ южнѣе Метца на Мозелѣ. Королевская главная квартира 9-го находилась въ Саарбрюкенѣ, а 11-го въ Сентъ-Авольдѣ, на французской почвѣ; при переходѣ черезъ границу въ тотъ же вечеръ король издалъ прокламацію къ французскому народу; въ очень умѣренныхъ выраженіяхъ, король извѣщалъ народъ, чего отъ него требуетъ война, и взамѣнъ спокойнаго и точнаго исполненія требованій обѣщалъ народу полную личную безопасность и сохраненіе имущества; напротивъ, если народъ приметъ нѣмцевъ враждебно, будетъ имъ причинять какое бы то ни было зло, то и войско будетъ относиться къ народонаселенію враждебно и оно само себя лишитъ покровительства, какого могло ожидать отъ военной дисциплины. «Я веду войну съ французскими солдатами, а не съ гражданами Франціи», говорилось въ прокламаціи: когда Франція впослѣдствіи попалась въ руки, хуже наполеоновскихъ, жалкіе политики хотѣли воспользоваться этими словами и, извращая ихъ, утверждали, что король самъ въ прокламаціи объявилъ, что ведетъ войну съ Наполеономъ, а не съ французскимъ народомъ. Точное указаніе начальствовавшихъ войсками установило повинности, какія народъ долженъ нести во время прохода или остановокъ нѣмецкаго войска.

Между тѣмъ главное начальство надъ французскою арміей перешло въ другія руки. Императоръ Наполеонъ наконецъ замѣтилъ, что не рожденъ великимъ полководцемъ и что не знаетъ, какъ вести обширныя военныя операціи; поэтому онъ главное начальство надъ войскомъ передалъ маршалу Базэну; народъ съ радостью узналъ объ этой перемѣнѣ, и опять началъ строить воздушные замки. Время уходило, пора было на что-нибудь рѣшиться; хотя во французской главной квартирѣ извѣстія о движеніяхъ и силѣ нѣмецкой арміи были самыя неудовлетворительныя, но все-таки тамъ можно было опасаться, какъ бы нѣмцы не отрѣзали отъ Парижа французской позиціи при Метцѣ; согласно съ этимъ опасеніемъ Базэнъ рѣшился оставить въ Метцѣ достаточный гарнизонъ, а съ остальнымъ войскомъ отступить черезъ Верденъ. Какъ доказательство преступной небрежности, съ какою французскіе генералы вели дѣло, можетъ служить то, что они не охраняли переходовъ черезъ Мозель; нѣмецкая кавалерія II-й арміи, дѣлая, 12 августа, свои разъѣзды до Мозеля, нашла, что переходы при Понтъ-а-Муссонъ, Дьелуаръ и при Нанси недостаточно защищены; отрядъ улановъ безъ сопротивленія занялъ Нанси, главный городъ прежней Лотарингіи, насчитывавшій до 45,000 жителей. Появленіе улановъ и занятіе Нанси заставило Макъ-Магона отказаться отъ своего намѣренія отступать по дорогѣ къ Нанси и Туль.

Нѣмцы приближались; Базэну нечего было медлить; если онъ хотѣлъ счастливо совершить отступленіе, то ему нельзя было терять ни одного часа. Отступать съ 180,000 арміей, съ полнымъ обозомъ—предпріятіе само по себѣ въ высшей степени трудное и многосложное, а тутъ еще нужно было переправиться съ праваго берега Мозеля на лѣвый, пройти по узкимъ, извилистымъ улицамъ Метца и черезъ двое тѣсныхъ крѣпостныхъ воротъ. Только 13-го войску данъ былъ приказъ приготовиться выступить въ походъ 14 августа; въ ночь на 14 войско еще находилось на правомъ берегу Мозеля. Съ разсвѣтомъ началось движеніе; впередъ потянулись колонны обоза.

Между тѣмъ войска I-ой нѣмецкой арміи приближались къ деревнямъ на востокъ отъ Метца; генералъ Штейнметцъ перешелъ черезъ границу. Полагали, что французская армія воспользуется выгодною позиціей при Нидѣ и будетъ защищаться въ приготовленныхъ для этого земляныхъ окопахъ; но она отступала, и окопы были оставлены. Армія нѣмецкая быстро шла впередъ и то тутъ, то тамъ подбирала плоды своей побѣды при Шпихернѣ; народъ вездѣ былъ печаленъ, уныль и смотрѣлъ на нѣмцевъ враждебно, съ ненавистью, особенно за то, что передъ этим ипришельцами померкла слава французскаго оружія и исчезло обаяніе его непобѣдимости.

Французскій гвардейскій корпусъ, подъ начальствомъ Бурбаки, 2-й подъ начальствомъ Фроссара, 6-й—Канробера, двѣ дивизіи 4го—Ладмиро и резервная кавалерійская дивизія перешли 14 черезъ Мозель. Но 3-й корпусъ Декаена и остатки 4-го корпуса оставались еще по ту сторону рѣки. Нѣмецкій авангардъ, прибывшій въ 2 часа послѣ полудня, замѣтилъ движеніе французскаго войска и отступленіе колоннъ по направленію къ Метцу. Начальникъ авангарда 7-го корпуса, генералъ фонъ-деръ-Гольцъ, съ перваго раза понялъ, что выгоднѣе всего задержать отступленіе французской арміи. Подобно тому, какъ при Шпихернѣ, но на этотъ разъ съ большимъ правомъ, онъ сформировалъ изъ своей бригады колонны для нападенія; французы при этомъ сдѣлали непростительную оплошность: вопреки точной инструкціи маршала, они приняли сраженіе и стянули подкрѣпленія; такъ произошло первое сраженіе при Метцѣ; нѣмцы называютъ его сраженіемъ при Коломбэ-Нуальи, а французы называютъ его сраженіемъ при Борни. Начальствовалъ надъ французскимъ отрядомъ генералъ Ладмиро; французы часъ отъ часу больше запутывались, а между тѣмъ не воспользовались рѣшительнымъ перевѣсомъ силъ, какой былъ на ихъ сторонѣ. Со стороны нѣмцевъ въ сраженіе вступили 7 и 1-й корпуса—Цастрова и Мантейфеля; сражались съ той и другой стороны упорно, до поздняго вечера; французы къ ночи ушли въ свои форты, куда непріятель не могъ за ними слѣдовать: такой маневръ считался до того удачнымъ, что французы назвали его полной побѣдой, и императоръ, поздравляя маршала Базэна съ побѣдой, говорилъ, что очарованіе наконецъ снято съ французской арміи, и она опять начинаетъ побѣждать. Базэнъ отъ поздравленія не отказался, а между тѣмъ битва состоялась безъ его желанія и вопреки его инструкціи. Даже еслибы это была полная побѣда, одержанная французами, поздравлять ихъ было бы не съ чѣмъ, потому что они потеряли 24 часа времени и лишились возможности отступить на Верденъ. Потеря со стороны нѣмцевъ была значительнѣе: они лишились 4,600 чел., а французы только 3,400, какъ они сами доносили.

Наступило 15-е августа, день Св. Наполеона, день считавшійся однимъ изъ величайшихъ праздниковъ имперіи, но на этотъ разъ его нечѣмъ было ознаменовать; не исполнились завѣтныя надежды императора, его нельзя было отмѣтить ни чѣмъ особенно важнымъ, какъ, напримѣръ: переходомъ черезъ Рейнъ, или какою нибудь генеральною битвой, или блистательной побѣдой, или даже торжественнымъ входомъ въ Берлинъ; ничего подобнаго не вышло; французскій главнокомандующій могъ бы достойно отпраздновать этотъ день, еслибы ему удалось удачно и безопасно отступить на Верденъ.

Если выйти изъ Метца въ западныя ворота, Портъ-де-Франсъ, то шоссе идетъ налѣво, на юго-западъ, къ Гравелотту, гдѣ оно опять раздѣляется на двѣ вѣтви. Одна изъ нихъ, южная, прямо идетъ съ востока на западъ, черезъ деревни Резонвиль, Віонвиль и Марсъ-ла-Туръ, въ Верденъ; вторая вѣтвь, сѣверо-западная,—черезъ Данкуръ, Конфланъ, Этьень, идетъ туда же. Обѣ дороги были открыты, и маршалъ могъ ими воспользоваться для отступленія. Но отступленіе совершалось нестройно, медленно: казалось, будто арміи не суждено было разстаться съ Метцомъ; вслѣдствіе неловкой и неискусной диспозиціи и неточнаго выполненія ея, первыя маршевыя колонны 3-го и 4-го корпусовъ 15-го вечеромъ находились близъ Сенъ-Марселя на сѣверной дорогѣ, а голова второй колонны, кавалерійская дивизія Фортона, дошла только до Віонвилля на южной дорогѣ; тутъ она встрѣтилась съ разъѣздами нѣмецкой кавалеріи.

Рано поутру 16-го движеніе продолжалось. Императоръ съ своей стороны отправился по сѣверной дорогѣ въ Верденъ. «Все приготовлено къ генеральному

сраженію», телеграфировалъ онъ въ Парижъ; это служитъ доказательствомъ, до какой степени ему непонятно было собственное его положеніе: «и надобно надѣяться, что побѣда будетъ на нашей сторонѣ; я могу почти гарантировать, что побѣда будетъ рѣшительная.» Великій стратегъ, графъ Паликао, въ тотъ-же день изрекъ въ законодательномъ собраніи полновѣсныя слова: «Пруссаки отказались отъ попытки прорвать линію нашего отступленія и помѣшать соединенію нашихъ армій». «Телеграмма Жандармеріи,» продолжаетъ онъ, «хотя и неофиціальная, доноситъ, что пруссаки направились на Коммерси (это находится западнѣе Туля на Маасѣ), изъ этого можно заключить, что они потерпѣли пораженіе.» Этотъ великій воинъ не зналъ, гдѣ ему отыскивать пруссаковъ; но это извинительно,—онъ былъ въ Парижѣ; тогда какъ, къ стыду дѣйствующей рейнской арміи, надобно признаться, что свѣдѣнія ея о нѣмцахъ были немногимъ лучше и полнѣе.

Совсѣмъ не такъ распоряжались нѣмцы. Кавалерійская дивизія Рейнбабена отдѣлилась отъ II арміи, перебралась на лѣвый берегъ Мозеля и 15-го вечеромъ стала бивуаками на югъ отъ южнаго шоссе. На разсвѣтѣ 16-го, 3 корпусъ бранденбургскій—Альвенслебена—двинулся изъ долины Мозеля, черезъ возвышенность Горцы, къ шоссе; разъѣзды увѣдомили, что французскіе форпосты разставлены были по дорогѣ, а за ними тянулись ряды палатокъ. Генералъ Альвенслебенъ зналъ, что ему дѣлать: ему нужно было задержать враговъ; возможность была, но не легкая; надобно было съ незначительными силами, какими онъ могъ располагать, удерживать несравненно большее и лучше расположенное войско; надобно было завязать дѣло и нести на себѣ всю тяжесть битвы, пока не подойдетъ подкрѣпленіе, чего нельзя было ожидать раньше вечера.

Такимъ образомъ поневолѣ дѣло дошло до второй битвы при Метцѣ; она называется по двумъ деревнямъ, расположеннымъ на югъ отъ дороги,—Віонвиль-Марсъ-ла-Турскою битвой; по храбрости сражавшихся, по готовности жертвовать собою, по выносливости солдатъ, эта битва можетъ считаться первой между всѣми замѣчательными сраженіями этой жестокой войны. Поле битвы находилось на плоской горной высотѣ, на западъ отъ Резонвилля, по обѣимъ сторонамъ шоссе. Сраженіе начала кавалерійская дивизія Рейнбабена нападеніемъ съ запада; она врасплохъ захватила французовъ въ лагерѣ. Гранаты посыпались въ лагерь; произошло смятеніе, но корпуса Фроссара и Канробера выстроились и стали фронтомъ къ западу, между Сенъ-Марселемъ и Резонвиллемъ, и растянулись даже на югъ отъ дороги; до полудня бранденбургскій корпусъ одинъ отбивался отъ двухъ французскихъ корпусовъ, онъ отнялъ у нихъ Віонвиль и Флавиньи. Благодаря нерѣшительности и медленности французскихъ генераловъ, бранденбургскія войска удержали за собою отнятыя селенія; около 12 часовъ прибыло подкрѣпленіе,—10-й корпусъ. Маршалъ Базэнъ самъ явился на мѣсто битвы, въ половинѣ перваго послалъ онъ въ аттаку два кавалерійскихъ полка—уланскій и гвардейскихъ кирассировъ; но ихъ отразилъ бѣглый огонь 52-го линейнаго полка; вслѣдъ за отступающими погнались два прусскихъ гусарскихъ полка; они ринулись стремительно, заскакали въ гвардейскую артиллерійскую баттарею и чуть-чуть было не взяли въ плѣнъ французскаго главнокомандующаго. Но слабость нѣмецкаго отряда не могла оставаться тайной; два французскіе корпуса 3-й Лебефа и 4-й Ладмиро тоже вступили въ сраженіе; первый изъ нихъ противъ лѣваго нѣмецкаго крыла. Канроберъ рѣшился отнять въ центрѣ позицію Віонвиль. Чтобы остановить наступленіе, которое при существующемъ положеніи дѣлъ могло сдѣлаться гибельнымъ, особенно при значительномъ перевѣсѣ французскихъ силъ, генералъ фонъ-Альвенслебенъ, не имѣя болѣе пѣхотнаго резерва, приказалъ 6-й кавалерійской дивизіи герцога Вильгельма Мекленбургскаго броситься въ аттаку; она кинулась впередъ, не смотря на убійственный огонь, которымъ ее встрѣтила пѣхота, но должна была возвратиться безъ успѣха. Но время было все-таки выиграно; вмѣсто того, чтобы воспользоваться своими средствами и нанести рѣшительный ударъ, французскій главнокомандующій долженъ былъ замѣнять свѣжими силами свои утомленныя войска. Время тянулось медленно; дня еще было много впереди; въ 3 часа пополудни опасность для центра начала опять возрастать, но ее опять отсрочила кавалерійская аттака, подобной которой нѣтъ примѣра въ исторіи военныхъ дѣй-

ствій; аттака эта дѣйствительно—чудо: три эскадрона магдебургскаго кирасирскаго полка № 7 и три эскадрона альтмарскаго уланскаго полка № 16, всего 900 всадниковъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора фонъ-Бредова, бросились на встрѣчу къ приближающемуся непріятельскому корпусу и, можно сказать, шли на вѣрную смерть. Съ палашами и пиками въ рукахъ они ворвались въ непріятельскую батарею; неудержимымъ потокомъ скакали дальше, опрокидывали, разгоняли, разбрасывали пѣхоту, но при этомъ ряды кавалерійскіе смѣшались; напрасно раздавались сигнальныя трубы, солдаты не сбирались, не строились, а между тѣмъ на нихъ неслась конная дивизія генерала Фортона; въ виду неизбѣжной гибели отважные кавалеристы поодиночкѣ, небольшими кучками, на запыхавшихся лошадяхъ, начали выбиваться изъ смертельной опасности, со всѣхъ сторонъ окружавшей ихъ; они должны были вновь пробиваться черезъ пѣхоту, только что ими прорванную, но опять сомкнувшуюся; изъ кавалерійскихъ эскадроновъ уцѣлѣла только одна треть. Но цѣль опять была достигнута: французскій центръ, два корпуса, не продолжали болѣе своего наступленія. Впослѣдствіи, разговаривая съ графомъ Шметтовымъ, начальникомъ кирасировъ, начальникъ генеральнаго штаба корпуса Канробера, генералъ Генри, сказалъ: «мы никакъ не могли подумать, чтобы два полка такъ безумно пошли на явную смерть, не имѣя у себя въ тылу значительнаго подкрѣпленія.»

Около 3-хъ часовъ явились новыя подкрѣпленія: пришелъ 10-й корпусъ Фогта-Ретца, составленный изъ ганноверскихъ, вестфальскихъ и ольденбургскихъ солдатъ; но всѣ были утомлены долгимъ и труднымъ переходомъ. Лѣвое крыло нѣмецкаго войска тоже подвергалось большой опасности. Но и здѣсь смѣлымъ движеніемъ удалось смутить французовъ, и здѣсь, въ самое опасное мгновеніе, 1-й и 2-й драгунскіе полки бросились на встрѣчу наступающей пѣхотѣ. Со стороны французовъ не было замѣтно опредѣленнаго плана дѣйствія: постоянное опасеніе Базэна за свое лѣвое крыло, чтобы его не оттѣснили отъ Метца, парализовало всю силу нападенія, съ какою его правое крыло могло бы дѣйствовать противъ Марсъ-ла-Туръ; начиная съ 6-ти часовъ пополудни перевѣсъ очевидно клонился на сторону нѣмецкаго оружія.

Проскакавъ три мили отъ Понтъ-а-Муссонъ, въ одинъ часъ времени, принцъ Фридрихъ-Карлъ самъ явился на мѣсто сраженія. Къ 6-ти часамъ явилось новое подкрѣпленіе—рейнскіе полки 8-го корпуса и гессенская бригада 9-го корпуса; они дѣйствовали на правомъ крылѣ и продолжали сраженіе до сумерокъ. Послѣдняя кавалерійская атака была сдѣлана, когда уже смерклось; было уже 10 часовъ вечера, когда замолкли послѣдніе выстрѣлы; это жестокое сраженіе длилось 12 часовъ. Потеря съ той и другой стороны была очень большая; 15,000 пруссаковъ и нѣмцевъ и 16,000 французовъ остались на полѣ битвы; но у нѣмцевъ въ распоряженіи было 60,000 человѣкъ, а у французовъ 120,000.

Обѣ стороны расположились на самомъ полѣ битвы бивуаками; удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ французы приписываютъ себѣ побѣду, и даже очень добросовѣстные писатели говорятъ о пораженіи нѣмецкой арміи; но ничего иначе и ожидать нельзя было. До поры до времени французы еще могли хвалиться,—они еще не потерпѣли окончательнаго пораженія, но съ каждымъ днемъ, съ каждымъ шагомъ впередъ гибель ихъ была неизбѣжна. Дѣло было очень просто: только полная, несомнѣнная побѣда французскаго войска могла ему открыть отступленіе, могла ему дать возможность выпутаться изъ отчаяннаго положенія, въ какомъ оно находилось. Побѣды не было, и путь къ отступленію былъ уже въ рукахъ нѣмцевъ 16-го числа вечеромъ; тактически, говорятъ знающіе люди, битва при Марсъ-ла-Турѣ осталась не рѣшенною, но стратегически напротивъ; въ этомъ могъ убѣдиться всякій мало-мальски понимающій дѣло; эту битву можно назвать рѣшительной побѣдой нѣмцевъ. Для отступленія, въ распоряженіи Базена оставались еще двѣ сѣверныя дороги, ближайшая черезъ Конфланъ и Этень и дальнѣйшая, еще сѣвернѣе, та, которая большою дугою приводитъ въ Верденъ, или обходитъ Верденъ съ сѣвера и приводитъ прямо въ Шалонъ; но не было ни малѣйшей возможности предпринять такой трудный и опасный походъ съ войсками, утомленными такою битвою, какая происходила 16-го числа, и имѣя съ фланга сильнаго и неразбитаго непріятеля. Ба-

зону по крайней мѣрѣ надобно было 24 часа времени, чтобы пополнить боевые снаряды и окончить необходимыя приготовленія для подобнаго перехода; онъ далъ повелѣніе стянуть войска ближе къ крѣпости. Но не прошло сутокъ, а у нѣмцевъ армія возросла до значительнаго перевѣса; у нихъ теперь было втрое больше того числа, съ которымъ французы, будучи вдвое сильнѣе, бились въ теченіе 12-ти часовъ и не могли одолѣть.

Утромъ рано, 17-го числа король Вильгельмъ лично обозрѣвалъ поле битвы, тотчасъ рѣшилъ что дѣлать и далъ нужныя приказанія. Войскамъ, сражавшимся 17-го числа, дана была дневка, но за то свѣжіе полки I и II арміи, исключая 1-го корпуса, которому вмѣстѣ съ кавалерійскою дивизіей поручено было наблюдать за берегами Мозеля, двинулись, чтобы занять пути отступленія противниковъ. Главное нападеніе на всю французскую армію назначено было на 18-е число Рѣшено было дать генеральное сраженіе; самъ король принялъ начальство надъ войскомъ; донесенія приказано было присылать на высоту, на востокъ отъ Флавиньи, на полчаса ѣзды, на юго-востокъ отъ Віонвилля.

Мы не можемъ останавливаться на всѣхъ подготовительныхъ движеніяхъ— это принадлежитъ спеціальной военной исторіи, но мы можемъ только дать общее понятіе о ходѣ дѣйствій. Французская армія насчитывала около 140,000 человѣкъ; 18-го числа она заняла свою новую позицію на возвышености, на западъ отъ Метца; она растянулась съ юга на сѣверъ на $1^3/_4$ мили; на югѣ она опиралась на дорогу изъ Метца къ Гравелотту до Ронкура, а на сѣверъ до дороги изъ Метца въ Бріэ. Начиная съ лѣваго крыла къ правому стояли корпуса 2-й Фросара, 3-й Лебефа, 4-й Ладмиро, 6-й Канробери; резервы и гвардія находились на лѣвомъ крылѣ, на высотѣ Плапневилля, ближе къ Метцу. Позиція была очень крѣпкая; передъ большею частью фронта, обращеннаго на западъ, передъ лѣвымъ крыломъ и центромъ, въ глубокомъ ущельѣ, протекала рѣчка Манса; она впадаетъ, близъ Аара-на-Мозелѣ, южнѣе Метца, въ Мозель. Маршалъ Базэнъ съ своимъ штабомъ помѣстился на высотѣ Сенъ-Кантеня, за лѣвымъ крыломъ—и здѣсь опять проглядываетъ опасеніе, какъ бы не оттѣснили французской арміи отъ Метца, тог да какъ напротивъ всѣ старанія нѣмецкихъ полководцевъ были направлены на то, чтобы откинуть французовъ къ Метцу; крѣпость эта была бы неприступна, если бы се вмѣсто 140 или 180,000 человѣкъ защищало только 20,000. Въ 6 часовъ утра король Вильгельмъ прибылъ на высоту Флавиньи, откуда командовалъ войсками. Всѣ начальники отдѣльныхъ частей войска получили ясную и точную инструкцію дѣйствій и всѣ приблизительно знали общую цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться, и предполагаемый планъ сраженія; потомъ, когда все было распредѣлено, войска начали нападеніе: I армія, подъ начальствомъ генерала Штейнметца, съ 7-мъ и 8-мъ корпусомъ составляла правое крыло; II армія, подъ командой принца Фридриха-Карла, примкнула къ нему; лѣвое находилось прямо противъ французскаго центра и праваго крыла. Начиная съ правой стороны къ лѣвой стояли 9-й гвардейскій и 12-й саксонскій корпуса, за ними подъ именемъ резерва 3-й и 19-й корпусъ, герои 16-го августа; саксонцы направились къ Мари-о-Шенъ, находящемуся по дорогѣ Метца-Бріэ. Сраженіе должно было рѣшиться, если нѣмцамъ удастся обойти правое крыло французовъ; но пока это будетъ выполнено, войска праваго нѣмецкаго крыла и центра, 7-го, 8-го и 9-го корпусовъ должны были отвлекать вниманіе французовъ и занять ихъ.

Въ центрѣ, при Верневиллѣ, гессенская и шлезвигъ-голштейнская артиллерія открыла огонь въ полдень противъ 4-го французскаго корпуса; въ 1 часу открылся огонь съ баттарей праваго крыла, съ высотъ, на востокъ отъ Гравелотта съ праваго берега Мансы; около двухъ часовъ подоспѣлъ гвардейскій корпусъ къ Сентъ-Айль, на сѣверъ отъ Верневилля; его артиллерія немедленно открыла огонь; въ нѣмецкомъ войскѣ въ битвѣ при Гравелоттѣ дѣйствовало до 230 орудій, и потому ее можно назвать артиллерійскою. Пѣхота дѣйствовала въ центрѣ, въ кустарникахъ и рощахъ Верневилля.

За этой линіей корпусъ и резервы, предназначенные для дѣйствія въ рѣшительное мгновеніе, для того, чтобы обойти непріятельское правое крыло, выступили въ шесть часовъ утра и совершали свой трудный и долгій переходъ; саксонскому корпусу пришлось пройти по крайней мѣрѣ четыре часа. Са-

мое жаркое сраженіе происходило на правомъ крылѣ и въ центрѣ; до шести часовъ французы почти не потеряли ничего на линіи отъ Сенъ-Руффина до Аманвилліэ и съ успѣхомъ отстаивали свою крѣпкую позицію; нѣмцы нѣсколько разъ отваживались дѣлать приступы, но всякій разъ дальнострѣльныя ружья шассіо оказывали свое губительное дѣйствіе и выгоды; не смотря, однакожь, на свои успѣхи, французы все-таки не переходили къ наступательнымъ дѣйствіямъ: маршалъ заботился только о томъ, какъ бы держаться поближе къ Метцу; можетъ быть, онъ надѣялся утомить своихъ противниковъ долгими и безуспѣшными нападеніями и тогда, наконецъ, сдѣлать нападеніе. За свое правое крыло онъ былъ спокоенъ,— это доказываетъ, какъ мало онъ былъ подготовленъ къ задачѣ, доставшейся ему.

А между тѣмъ это была самая слабая сторона, и здѣсь должна была рѣшиться не только участь сраженія, но, гораздо важнѣе, исходъ всей войны; съ 5-ти часовъ здѣсь начались событія, предвидѣнныя нѣмецкимъ главнокомандующимъ, но неожиданныя для французскаго.

Близъ деревни Сентъ-Маріи-о-Шенъ принцъ Августъ Вюртембергскій съ своею гвардіей занялъ выжидательную позицію, пока саксонскій корпусъ не совершитъ обхода праваго французскаго крыла и не появится въ тылу у Канробера. Но такъ какъ день уже клонился къ вечеру и онъ опасался, что настанутъ сумерки, а рѣшительнаго нападенія не будетъ произведено, то онъ, въ началѣ шестаго часа, рѣшился на безумно отважное нападеніе на Сентъ-Прива. Мѣстность между Сентъ-Маріи и высотою въ 1028; Сентъ-Прива-ла-Монтань, была открытая; дома, усадьбы и дворы послѣдней изъ этихъ деревень были превращены французами, особенно искусными въ этомъ дѣлѣ, въ настоящія цитадели; противъ этой-то твердыни двинулись лучшія, отборныя войска нѣмецкой арміи, гвардейскіе полки императора Франца и королевы Августы; солдаты шли твердо, спокойно и гордо; на нихъ сыпались выстрѣлы митральезъ, пушекъ и дальнострѣльныхъ шассіо; штабъ-офицеры оставались на лошадяхъ, пока онѣ не были убиты; выдерживая ужаснѣйшій огонь, устилая путь трупами, они наконецъ дошли до такого разстоянія, что выстрѣлами могли отвѣчать на выстрѣлы и могли уже поражать до сихъ поръ невидимаго врага. Но геройское мужество этихъ пѣхотныхъ полковъ было даромъ потрачено, надобно было дожидаться, пока саксонцы не подойдутъ съ сѣвера. Около шести часовъ они наконецъ показались со стороны Ранкура, очищеннаго французами, которые стянулись къ Сентъ-Прива; нападеніе на этотъ пунктъ теперь производилось съ двухъ сторонъ: гвардейскіе полки пошли опять въ атаку съ запада и юга, а саксонцы съ сѣвера; послѣ упорнаго кровопролитнаго побоища отъ одного дома къ другому, отъ одного палисада до другаго, все брали приступомъ, шагъ за шагомъ; къ сумеркамъ французы очистили деревню и потянулись вдоль дороги; слѣдовательно, отступленіе на Верденъ въ этомъ мѣстѣ было отрѣзано.

Между тѣмъ какъ здѣсь успѣхъ былъ уже пріобрѣтенъ, центръ французской позиціи еще держался. Только къ семи часамъ, когда уже на противоположномъ крылѣ дѣло почти было рѣшено, лѣвое крыло наконецъ перешло въ наступленіе; оно энергически двинулось на правое нѣмецкое крыло. Подъ прикрытіемъ роя стрѣлковъ, густыя колонны напали на 7-й и 8-й корпуса, стремительнымъ движеніемъ откинули ихъ въ долину Мансы и прорвались къ мосту, на востокъ отъ Гравелотта; это мѣстечко было переполнено ранеными,—при видѣ наступавшихъ французовъ поспѣшили сдѣлать необходимыя приготовленія для защиты ихъ. Но нападеніе ослабѣло еще до того, какъ колонны достигли дефилеевъ Гравелотта; полчаса спустя, 2-й померанскій корпусъ Франсеки поспѣшилъ на выручку; къ нему на встрѣчу, чтобы поторопить его, поскакалъ самъ генералъ Мольтке; этотъ корпусъ, не смотря на крайнее утомленіе послѣ долгаго перехода, отважно бросился на непріятеля и оттѣснилъ его до горѣвшей усадьбы Пуанъ-дю-Журъ, но за темнотою битва прекратилась; войска остановились бивуаками на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ бились; такъ какъ французы были въ виду и непобѣждены, то полки отдыхали въ боевомъ положеніи, въ перестроенныхъ рядахъ съ ружьями на готовѣ. Французы очистили свою позицію только къ утру слѣдующаго дня, 19-го числа, въ то-же время 6 и 4 корпуса—правое крыло и центръ частію разстроенные,—отошли въ долину Мозеля. Мольтке еще поздно вечеромъ извѣстилъ

короля прусскаго о несомнѣнной побѣдѣ; но всю ночь ожидали, что французы предпримутъ какое-нибудь отчаянное усиліе, и дѣйствительно, въ 10½ часовъ ночи тишина была нарушена залпомъ всей артиллеріи съ главнаго военнаго пункта французской боевой линіи. Король провелъ ночь въ крошечной бѣдной комнаткѣ деревни Резонвилль.

Жители Метца знали, что ихъ ожидаетъ. Съ эспланады, куда обыкновенно по вечерамъ собиралось народонаселеніе, чтобы гулять и слушать музыку, теперь, съ тревожнымъ любопытствомъ, наблюдали за тѣмъ, что происходило на ближайшемъ французскомъ лѣвомъ крылѣ, и прислушивались къ оглушительному пушечному гулу битвы; нѣкоторые съ разсвѣтомъ опять заняли свой наблюдательный постъ. Зрѣлище, имъ представившееся, объяснило смыслъ битвы: французы длинными колоннами отступали къ крѣпости; они шли по шоссе отъ Гравелотта.

Битва при Гравелоттѣ — третья изъ битвъ близъ Метца; всѣ онѣ вмѣстѣ взятыя, по своему кровопролитію и по значенію, могутъ равняться лейпцигской битвѣ, съ тою только разницею, что тутъ сражались не европейскіе народы, а только двѣ націи: нѣмецкая и французская. Самыя большія жертвы въ этой битвѣ, но за то и честь и слава военныя выпали на долю нѣмцевъ, но выгоды, пріобрѣтенныя этими побоищами, отразились на всей Европѣ. Послѣдняя изъ этихъ трехъ битвъ была самая кровопролитная, и потери, понесенныя нѣмцами,—самыя значительныя: нѣмцы потеряли 19,000 человѣкъ солдатъ и 904 офицеровъ, французы—11,700 солдатъ и 600 офицеровъ.

Чтобы дать волю своему озлобленію, ненавистники Пруссіи впослѣдствіи увѣряли будто пруссаки на самыя опасныя мѣста всегда ставили своихъ нѣмецкихъ союзниковъ, а сами, по возможности, держались въ сторонѣ—тамъ гдѣ опасности было меньше; достойно замѣчанія, что во всѣхъ до сихъ поръ происходившихъ побоищахъ пруссаки всегда были впереди и потому потери ихъ значительнѣе, такъ напримѣръ, изъ 100,000 прусскаго войска, бывшаго въ дѣлѣ, изъ строя выбыло 15,400 человѣкъ рядовыхъ и 700 офицеровъ, у саксонцевъ 1,800 чел. солдатъ и 89 офицеровъ, у гессенцевъ 1,706 солдатъ и 71 офицеръ; прусская гвардія лишилась больше всѣхъ остальныхъ войскъ—у нея было 7,785 солдатъ и 315 офицеровъ убитыми, что составляетъ половину всей потери прусскаго войска.

Иначе и быть не могло—эта битва не была импровизирована; она не состояла изъ счастливыхъ и несчастныхъ случайностей, но она намъ является, какъ сознательное рѣшеніе великой военной задачи, поставленной неизбѣжнымъ роковымъ стеченіемъ обстоятельствъ; это было выполненіе зрѣло обдуманнаго плана, требовавшаго большихъ жертвъ, потому что позиція французовъ была особенно крѣпкая и храбрость и духъ войска еще не сломлены, а вѣра въ успѣхъ оружія еще не поколебалась, что дѣлало опасность для нѣмецкаго войска больше и требовало особенной энергіи со стороны побѣдителей. Въ первой телеграммѣ, посланной королемъ прусскимъ съ бивуака, близъ Резонвилля, въ 9 часовъ вечера, стояло: «на французскую армію, на очень крѣпкой позиціи на западъ отъ Метца, войска подъ моимъ начальствомъ сдѣлали нападеніе и послѣ девятичасовой битвы вполнѣ разбили непріятелей; они отрѣзаны отъ сообщенія съ Парижемъ и отброшены къ Метцу.» «Какая участь ожидаетъ враговъ нашихъ, стѣсненныхъ въ лагерѣ вокругъ Метца—писалъ король въ письмѣ къ королевѣ—этого еще опредѣлить нельзя».

с. Катастрофа при Седанѣ.

Но въ главной квартирѣ нѣмецкой арміи вычисляли все, что только можно было вычислить. Здѣсь, послѣ второй крупной удачи, тотчасъ опредѣлили всѣ выгоды, какія можно извлечь изъ нея, и при ясномъ взглядѣ на весь ходъ дѣлъ, при пониманіи отношеній, отличавшихъ всѣ распоряженія предводителей нѣмецкаго войска, ничего не теряли изъ виду, и главное—не теряли времени. Все что надобно было сдѣлать, чтобы упрочить успѣхи, пріобрѣтенные 14-го, 16-го и 18-го чиселъ, тотчасъ было предпринято, не потеряно было ни минуты времени, ничего не было

предоставлено случаю, тѣмъ менѣе громкимъ фразамъ, какъ это водилось въ лагерѣ противниковъ. Первая, величайшая удача этихъ сраженій заключалась въ томъ, что безспорно лучшая часть французскаго войска откинута была къ крѣпости и прижата къ ней, и можно было видѣть, и что при такомъ громадномъ скопленіи войска въ ней не на долгое время станетъ съѣстныхъ припасовъ. На 6 или 8 дней французская армія была обезсилена и лишена возможности сдѣлать попытку прорваться сквозь ряды нѣмецкой арміи, которая ее окружала; въ нѣмецкой главной квартирѣ разсуждали о томъ, какъ этотъ промежутокъ времени употребить, чтобы французамъ не осталось возможности прорваться. Вечеромъ 18 числа саксонской кавалеріи удалось отрѣзать всякое сообщеніе между Метцомъ и Тіонвиллемъ. Начиная съ 19-го числа у Базэна была отнята всякая возможность сообщаться по телеграфу съ остальными городами Франціи и, слѣдовательно, ему сдѣлалось невозможнымъ ожидать внѣшней помощи, чтобы освободиться изъ того положенія, въ какое онъ попалъ. Того-же 19-го числа вся нѣмецкая армія занялась тѣмъ, чтобы крѣпче обложить французскую армію и какъ можно лучше укрѣпить естественныя, почти неприступныя позиціи, находящіяся вокругъ этой сильнѣйшей изъ крѣпостей: повсюду строили шанцы, аппроши и прикрытія для стрѣлковъ; дороги, шоссе, мосты и переходы были укрѣплены завалами и засѣками. Чтобы охранять важную плѣнную рейнскую армію, нѣмцы оставили семь корпусовъ отъ I и II арміи, а именно: 1—3, 7—10 корпуса, подъ начальствомъ принца Фридриха-Карла; это составило войско, по крайней мѣрѣ, въ 160,000 человѣкъ; кромѣ того, сюда направлены были изъ Германіи подкрѣпленія: ландверъ и оказавшійся тамъ лишнимъ 13 корпусъ; такимъ образомъ здѣсь скопилось такъ много войска, что оно могло вынести и отразить какое бы то ни было нападеніе. Изъ остальныхъ корпусовъ,—изъ гвардейскаго, саксонскаго, 12-го и четырехъ кавалерійскихъ дивизій составилась новая, IV или маасская армія, подъ командою кронпринца Альберта Саксонскаго. Генералъ Штейнмецъ, послѣ сраженія при Гравелоттѣ, вышелъ изъ службы и замѣненъ былъ генераломъ Мантейфелемъ; назначеніе вновь сформированной арміи состояло въ томъ, чтобы вмѣстѣ съ III арміей кронпринца Прусскаго, дѣйствовать противъ остальной французской дѣйствующей арміи маршала Макъ-Магона; обѣ нѣмецкія арміи вмѣстѣ насчитывали 240,000 человѣкъ.

Армія кронпринца Прусскаго къ 16-го августа расположилась въ окрестностяхъ Нанси, на Мозелѣ; главная квартира находилась въ городѣ, слѣдовательно, она находилась въ такомъ положеніи, что при неблагопріятномъ исходѣ дѣлъ при Метцѣ могла быть подъ рукою. Но армія эта послѣ своихъ побѣдъ продолжала пользоваться пріобрѣтенными выгодами. Какъ мы говорили, баденская дивизія отдѣлилась отъ арміи и безъ остановокъ продолжала идти на югъ, ея кавалерійская бригада явилась 8-го числа передъ Гагенау, взяла городъ нечаяннымъ нападеніемъ и захватила тамъ около сотни въ плѣнъ; къ 12-му числу, продолжая свое наступленіе, дивизія явилась передъ Страсбургомъ, и къ 15-му числу крѣпость была уже обложена. Остальная армія продолжала идти на западъ; маленькія горныя укрѣпленія въ Вогезахъ,—Лихтерберъ былъ взятъ 9-го, а Лютцельштейнъ 10-го числа; но за то хорошо укрѣпленный и защищенный Пфальцбургъ крѣпко держался,—надобно было довольствоваться тѣмъ, чтобы обложить эту крѣпость также, какъ и Бичъ. Армія 10-го числа перешла черезъ гребень Вогезовъ; 12-го вечеромъ кронпринцъ принялъ вызолоченные ключи города Люневилля; городской мэръ никакъ не соглашался вручить ключъ этого неукрѣпленнаго города гусарскому патрулю, требовавшему его сдачи, и соглашался отдать ключи только королевскому принцу. Въ тотъ же день, какъ мы уже замѣтили, отрядъ уланъ овладѣлъ старинымъ главнымъ городомъ Лотарингіи—Нанси, гдѣ онъ, въ видѣ контрибуціи, потребовалъ себѣ обѣдать и удовольствовался очень незатѣйливымъ; 16-го числа самъ кронпринцъ прибылъ въ городъ, стараясь, по возможности, облегчить для жителей неудобства и тягости, сопряженныя съ проходомъ непріятельскихъ войскъ въ военное время. Въ его прокламаціи отъ 18-го числа стоятъ слова: «Германія ведетъ войну съ императоромъ французовъ, но не съ французскимъ народомъ». Хотя выраженіе это не очень вѣрно и не слишкомъ нѣжно, но, само собою разумѣется, смыслъ его тотъ же, какой заключался въ прокламаціи короля отъ 11

числа. «Война цивилизованныхъ народовъ, христіанскаго вѣроисповѣданія, 19 столѣтія, есть война государства съ государствомъ, есть борьба геніевъ народовъ между собою», какъ выразился одинъ остроумный писатель, но война образованныхъ народовъ не включаетъ въ себя личной ненависти и вражды подданныхъ одного государства къ подданнымъ другаго.

Послѣ того, какъ армія французская была замкнута подъ Метцомъ, обѣ арміи III и IV одновременно направились къ Шалону, гдѣ надѣялись найти враговъ. Прямой путь туда для арміи кронпринца преграждала крѣпость Туль; взять ее безъ правильной осады нельзя было; предложенныя кронпринцемъ выгодныя условія капитуляціи были отвергнуты комендантомъ; также безуспѣшно было обстрѣливаніе города изъ большихъ полевыхъ орудій; 23-го числа главная квартира кронпринца находилась въ Линьи, а королевская—въ Баръ-ле-Дюкъ. Въ Линьи ожидали посѣщенія короля на 24 число; въ то время, когда войско и офицеры готовились встрѣтить своего главнокомандующаго, а жители—посмотрѣть на чужаго короля, къ кронпринцу прискакалъ гусаръ и привезъ извѣстіе, что непріятельскія войска очистили Шалонъ.

Извѣстіе поразительное, но справедливое; когда драгуны, отправленные для рекогносцировки, прибыли къ Марнѣ, они увидѣли, что знаменитый укрѣпленный лагерь оставленъ и повсюду замѣтны слѣды поспѣшнаго отступленія.

Чтобы понять военныя событія, предшествовавшія этому отступленію и вынудившія его, надобно бросить взглядъ на политическое положеніе Франціи. Причина, облегчившая побѣду нѣмцевъ и окончательно сдѣлавшая ее полною, заключается въ политической дезорганизаціи, которой подвергалась Франція и которая возрастала со дня на день; ходъ военныхъ дѣйствій зависѣлъ теперь не отъ однихъ только военныхъ соображеній,—на нихъ производили вліяніе иные элементы.

Общая масса публики живетъ тѣмъ, что ей даетъ та или другая газета, не изслѣдуя насколько извѣстіе достовѣрно, или нѣтъ; поэтому неудивительно, что три побоища при Метцѣ представлены были, какъ три побѣды французовъ, и потери, понесенныя пруссаками, выставлены были въ чудовищныхъ размѣрахъ. Но даже болѣе достовѣрныя и благоразумныя газеты находили, что положеніе дѣлъ въ послѣдніе дни поправилось. Правда, не мало безпокоились о томъ, что французская армія еще не показывается у Вердена; съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидали телеграммы о счастливомъ прибытіи ея туда; жители Вердена глаза высмотрѣли, не увидятъ ли облака пыли, возвѣщающей приближеніе арміи; то тотъ, то другой увѣрялъ, что видитъ вдали пыль, но радостная вѣсть не подтверждалась. Такъ какъ прежде утѣшали себя тѣмъ, что отступленіе къ Вердену «есть стратегическая мѣра», предпринятая Базэномъ, такъ теперь ему приписывали глубокомысленный планъ, по которому онъ съ намѣреніемъ удерживаетъ пруссаковъ передъ Метцомъ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе уничтожить ихъ; то та, то другая газета въ своемъ разгоряченномъ воображеніи шла дальше и утверждала, что французская армія ближе къ Берлину, чѣмъ нѣмецкая къ Парижу. Но обманъ воображенія вскорѣ разсѣялся. Мало-по-малу пришлось сознаться, что рейнская армія пока еще не освободилась, что Базэнъ пока отрѣзанъ отъ Парижа. Отъ флота тоже не было утѣшительныхъ извѣстій: онъ разъѣзжалъ по Нѣмецкому и Балтійскому морю, довольствовался блокадой береговъ и по временамъ перестрѣливался съ какимъ-нибудь нѣмецкимъ смѣлымъ военнымъ кораблемъ, или же, при случаѣ бралъ незначительные призы. Выносить подобное унизительное положеніе было невозможно; это превосходило всѣ нравственныя силы французскаго народа. Во многихъ случаяхъ, и не только въ средѣ простаго народа, съ плѣнными обходились очень дурно, также нѣмцамъ, осѣдлымъ во Франціи, приходилось расплачиваться за побѣды своихъ одноплеменниковъ. Война съ беззащитными стариками, женщинами и дѣтьми была удобнѣе и легче, нежели съ вооруженными солдатами, а чувства рыцарской чести было не достаточно, чтобы каждому въ отдѣльности указать, какъ слѣдуетъ поступать. Въ законодательномъ корпусѣ Евгеній Пеллетанъ, движимый чувствомъ чести, возставалъ противъ изгнанія нѣмцевъ массами, называя это варварскою мѣрою и указывая на то, что шпіоновъ все еще остается много да и средствъ противъ нихъ не могло и уличенныхъ въ шпіонствѣ всегда можно казнить военными законами; но то тутъ, то тамъ надобно было приносить жертвы, чтобы успокоить болѣзненное

раздраженіе народа, и потому высылка все еще продолжалась; хуже всего было то, что высылка производилась способомъ, недостойнымъ образованнаго народа и не приносящимъ чести націи, всегда считавшейся передовою; это относится не къ простому только народу. Но судьба уже приготовила наказаніе если дать волю ненависти и злобѣ народа, то нѣтъ болѣе возможности управлять ими; по нѣкоторымъ выходкамъ можно было заключить, чего ожидать Франціи отъ раз, нузданныхъ страстей черни; такъ образчикомъ будущаго могло служить волненіе 14-го августа. Толпа народа, вооруженная кинжалами и револьверами, напала на часовыхъ передъ казармами пожарныхъ на бульварѣ Вилетты, перебила нѣсколькихъ солдатъ и разбѣжалась.

Но хуже всего было то, что дезорганизація простиралась и на высшіе слои общества и упрочивала будущіе безпорядки. Самъ императоръ уже потерялъ свое значеніе; обвиненія, направленныя въ законодательномъ корпусѣ, 11-го августа, противъ его начальника штаба генерала Лебефа, въ сущности относились къ нему самому; Тьеръ, между прочимъ, приписывалъ несчастія арміи неспособности ея предводителей, «неспособности, равной которой найти нельзя»; нѣсколько дней спустя военный министръ, графъ Паликао, доносилъ палатѣ, что маршалъ смѣненъ и что начальство надъ всѣми корпусами арміи поручено маршалу Базэну. Гамбетта въ засѣданіи 13-го августа предлагалъ палатѣ сдѣлать рѣшительный выборъ между благомъ и спасеніемъ отечества, и династіи; въ слѣдующемъ тайномъ засѣданіи онъ первый заговорилъ о л и ш е н і и Бенапартовъ престола; въ томъ же засѣданіи было сдѣлано предложеніе выбрать особую коммиссію для національной защиты а до тѣхъ поръ постановить ежедневно собираться депутатамъ Парижа въ залу законодательнаго корпуса, если не для засѣданій, то для частныхъ совѣщаній. Признакомъ ненормальнаго положенія Франціи можетъ служить то, что въ минуту опасности, когда правительство нуждается въ полной своей силѣ, палата объявляетъ претензію на самоуправленіе, или на управленіе современное, съ которымъ министры ежедневно, даже ежечасно, должны толковать, совѣщаться и спорить; лѣвая сторона готова была бы забрать въ свои руки всю верховную власть, но династическая партія пока сохраняла еще полную силу.

Между тѣмъ, при Метцѣ совершились важныя событія съ нетерпѣніемъ ожидали правительственныхъ вѣстей; послѣ того, что произошло близъ Метца, палатѣ и народу еще никогда правительство не представляло болѣе неполныхъ и жалкихъ свѣдѣній, какъ это дѣлало послѣднее императорское министерство: «извѣстія съ поля битвы, сказалъ графъ Паликао 18-го числа въ палатѣ, очень удовлетворительныя. Пруссаки домогались перемирія, чтобы имѣть возможность похоронить своихъ убитыхъ; они остановили своенаступательное движеніе на Баръ-ле-Дюкъ. Наконецъ-то мы имѣемъ вѣрныя свѣдѣнія. Цѣлая кирассирская дивизія, графа Бисмарка, уничтожена». Само собою разумѣется, что послѣднее извѣстіе съ поля битвы объ отчаянно-дерзкомъ нападеніи трехъ эскадроновъ магдебургскихъ кирассиръ послужило основаніемъ этого разсказа и пробудило въ народѣ полный восторгъ. «При Ш л е т т а д т ѣ, продолжаетъ этотъ безпримѣрный военный министръ, происходило небольшое дѣло. Наконецъ, по одной прусской депешѣ, полученной черезъ Бельгію, получено извѣстіе о происходившемъ сраженіи, но ни слова не говорится о побѣдѣ; изъ этого слѣдуетъ, что прусское войско разбито.» 19-го продолжаются такія же химерическія извѣстія, а между тѣмъ отъ правительства, втеченіе 30 часовъ, не было никакихъ офиціальныхъ извѣстій: «Пруссаки распространяютъ молву, будто они 18-го одержали побѣду, но я долженъ объявить, что это ложное извѣстіе: дѣло въ томъ, что 18-го три прусскіе корпуса соединенными силами напали на маршала Базэна, но мнѣ достовѣрно сообщено, что враги отброшены въ каменноломни Жомонъ». А между тѣмъ, этихъ каменноломенъ на самой подробной топографической картѣ трудно было доискаться; каменноломни, въ которыя можно было откинуть 70,000 армію, занимали маленькое мѣстечко близъ Сенъ-Прива; несмотря на такую географическую неточность, эти каменноломни, наравнѣ съ истребленными «бѣлыми кирассирами Бисмарка», играли въ печати и въ воображеніи народа не послѣднюю роль. Нѣсколько дней спустя, 22-го, народу и палатѣ было сказано: «такъ какъ втеченіе двухъ дней правительство не получаетъ депешъ отъ рейнской арміи, потому что телеграфическое сообщеніе прервано, то есть основаніе предположить, что мар-

шалу Базэну еще не удалось выполнить утвержденнаго плана. »Тогда какъ всякій читающій газеты въ цѣлой Европѣ зналъ, что ему думать, какое слѣдствіе вывести изъ битвъ подъ Метцомъ и положенія запертой французской арміи, сенатъ удовольствовался замѣткой, что маршалъ, 18-го, послѣ девяти-часоваго боя, оттѣснилъ враговъ и удержался на всей своей позиціи, но никто не заботился узнать какъ, когда, гдѣ и надолго ли. Но малу-по-малу терпѣніе оппозиціи начинало истощаться. 23-го, Гамбетта настоятельно требовалъ отъ палаты болѣе точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ: «я увѣренъ, сказалъ онъ, отечество наше, не подозрѣвая того, стремится въ пропасть.» 24-го возобновилась сцена смятенія, когда Кератри предложилъ составить комитетъ изъ 9-ти членовъ для защиты столицы; онъ спросилъ министра, правда ли, что пруссаки уже перешли черезъ Шалонъ, и просилъ объяснить, какой былъ исходъ сраженія 18-го числа. Вся Европа знала, чѣмъ кончилась 11-ти часовая битва, въ одной только Франціи въ теченіе шести дней ничего не знали. Министръ внутреннихъ дѣлъ отвѣчалъ: «каждому извѣстно, въ какомъ положеніи находится наша армія и что маршалъ Базэнъ ограничился присылкою телеграммы, сообщенной военнымъ министромъ за два дня передъ этимъ. Но съ тѣхъ поръ,—прибавилъ онъ тономъ очень недвусмысленнымъ и яснымъ для тѣхъ, кто не хотѣлъ закрывать глаза,—съ тѣхъ поръ маршалъ Базэнъ озабоченъ такими важными соображеніями, что не нашелъ времени письменно извѣщать правительство о своихъ планахъ и дѣлахъ». Вновь происходило бурное засѣданіе палаты 25-го, когда она сама себя назначила исполнять должность тайнаго комитета для изслѣдованія дѣйствій правительства, но и тутъ не могла добиться положительнаго отвѣта. Графъ Паликао на этотъ разъ нашелъ новый способъ увернуться: «еслибы даже, говорилъ онъ, я случайно зналъ, гдѣ находится прусская армія, я бы не сказалъ этого, потому что не хочу, чтобы Макъ-Магонъ узналъ это, потому что это могло бы помѣшать ему при выполненіи плана его операцій » Когда же, 27-го Араго спросилъ: не будетъ ли опасною нескромностью, если министръ сообщитъ палатѣ, гдѣ въ настоящее время находятся арміи маршаловъ Макъ-Магона и Базэна: — «я ничего не могу сказать, и еслибы кто-нибудь изъ офицеровъ вздумалъ отвѣчать вамъ на то, что вы спрашиваете, то я его велѣлъ бы разстрѣлять сегодня же!» воскликнулъ министръ. Но 26-го министръ внутреннихъ дѣлъ опять замѣтилъ, что нѣмецкое войско вновь двинулось къ столицѣ и что ей не худо приготовиться вынести осаду.

Въ палатѣ отдѣлывались словами и рѣчами,—даже оппозиція не высказывалась ясно. Казалось, она хотѣла довести правительство до признанія, что армія находится въ неблагопріятномъ положеніи, и, пользуясь этимъ сознаніемъ, настаивать на низверженіи династіи, потому что положеніе было извѣстно и нечего было убѣждаться въ немъ и разспрашивать о немъ министровъ; военныя дѣйствія не были тайной, — не было европейской газеты, въ которой бы не говорилось о нихъ. Вѣроятно, правительство знало очень многое, но министръ этого сказать не могъ.

Въ то время какъ министръ и палата играли въ прятки, между дворомъ въ Сенъ-Клу и главною квартирой Макъ-Магона шла дѣятельная телеграфическая переписка; съ 16-го августа императоръ Наполеонъ находился въ главной квартирѣ Макъ-Магона. Переписка эта представляетъ жалкую картину смятенія, съ какимъ велись государственныя и военныя дѣла людьми, за мѣсяцъ передъ тѣмъ претендовавшими распоряжаться судьбами европейскихъ народовъ и предписывать имъ законы.

Оставивъ за собою ничего незначущую прокламацію, императоръ выѣхалъ изъ Метца 14-го, провелъ ночь съ 15-го на 16-е въ корчмѣ Гравелотта и успѣлъ уѣхать очень рано утромъ,—очень во время, а то могъ бы попасться въ руки нѣмецкихъ разъѣздовъ; но онъ, вмѣстѣ съ сыномъ, избѣгнулъ опасности и къ вечеру прибылъ въ шалонскій лагерь. Здѣсь нашелъ онъ мало утѣшительнаго. Тутъ собралась армія изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, назвавшаяся Шалонскою арміей: тутъ были разбитыя при Вейсенбургѣ и Вертѣ полки 1 корпуса, теперь подъ начальствомъ генерала Дюкро, 5 корпусъ генерала Файльи, вновь сформированный 12-й корпусъ подъ командой Трошю— о корпусахъ 9, 10 и 11 никто ничегоне слышалъ и не зналъ; къ этому войску присоединились 12,000 морскихъ солдатъ, часть полковъ возвращенныхъ изъ Чивита-веккіи и призванныхъ изъ Алжира; отъ

содѣйствія подвижной гвардіи, преимущественно отъ парижской, отказались, потому что съ этимъ своевольнымъ, недисциплинированнымъ народомъ не было ладовъ, и они оказались ни на что негоднымп. Въ цѣломъ, это войско простиралось до 120,000 человѣкъ, къ нимъ еще присоединился 7-й корпусъ Дуэ, призванный изъ Бельфора, несмотря па множество мытарствъ и препятствій, счастливо добравшійся до своего назначенія. Моральное настроеніе этого войска, исключая впрочемъ морскіе экипажи, было далеко неудовлетворительное. Подвижную гвардію, 15,000 ч., по большей части состоявшую изъ парижанъ, принуждены были отправить обратно въ окрестности Парижа, потому что своимъ неповиновеніемъ они могли подвергнуть опасности цѣлую армію; ранцы они должны были отдать уцѣлѣвшимъ отъ пораженія при Вертѣ войскамъ, потому что тѣ растеряли свои частію на полѣ битвы, частію во время быстраго отступленія, похожаго на бѣгство. Но хуже всего было то, что императоръ находился въ лагерѣ: больной, безъ энергіи, безъ авторитета, нерѣшительный, лишній во всемъ, онъ только мѣшалъ распоряженіямъ, отнималъ у нихъ силу и увеличивалъ безначаліе въ войскѣ тѣмъ, что неуваженіе къ начальству, и безъ того уже довольно сильное, черезъ его присутствіе еще увеличивалось и укрѣплялось въ войскѣ.

Наказаніе уже постигло Наполеона III; этотъ человѣкъ, втеченіе 18-ти лѣтъ самовластно управлявшій Франціей, старавшійся на все законодательство и па все управленіе наложить печать **своей личности**, своего характера, теперь, двѣ недѣли послѣ начала войны, въ которую онъ ринулся такъ необдуманно, которую вызвалъ, какъ бы играючи, онъ очутился личностью самою ненужною, самою лишнею во Франціи. Первое пораженіе лишило его главнаго начальства надъ войскомъ; еслибы послѣ этого Макъ-Магонъ, или Базэнъ, или еще кто-нибудь другой одержалъ побѣду, это не помогло бы ему, а между тѣмъ теперь всякое новое пораженіе ставили ему въ вину и, надобно сознаться, не совсѣмъ безъ основанія; но первое новое значительное пораженіе должно было отнять у него престолъ и, вѣроятно, вовлечь всю его династію въ погибель.

Въ Шалонѣ происходилъ военный совѣтъ 17-го числа; на немъ присутствовалъ самъ императоръ, Макъ-Магонъ, принцъ Наполеонъ, генералы: Шмитцъ, Бертоо и только-что прибывшій Трошю. Императору старались разъяснить, что онъ болѣе не начальствуетъ надъ войскомъ и не управляетъ государствомъ, „не сидитъ на тронѣ“,—необходимо на что нибудь рѣшиться что нибудь выбрать: или опять принять начальство надъ войскомъ, или взять въ свои руки управленіе государствомъ.— Онъ рѣшался на послѣднее, потому что это было для него дѣло знакомое и привычное: въ этомъ дѣлѣ онъ былъ искуснѣе, чѣмъ женщина, въ рукахъ которой было теперь регентство, и для государства онъ былъ бы полезнѣе всей той компаніи, которая вскорѣ ему наслѣдовала. Положили: императору возвратиться въ Парижъ, а генерала Трошю, сдѣлавшагося популярнымъ, назначить губернаторомъ Парижа и приготовить умы къ возвращенію императора въ столицу. Какъ измѣнилось положеніе Наполеона! Чтобы возвратиться въ столицу, онъ долженъ былъ прятаться за популярное имя; далѣе Макъ-Магону поручено было съ арміей отойти къ Парижу, чтобы защищать его во время осады, уже предвидѣвшейся. Генералъ Трошю поѣхалъ въ Парижъ, но императоръ не посдѣдовалъ за нимъ. Въ Тюльери не хотѣли слышать о возвращеніи Наполеона въ Парижъ и еще менѣе объ отступленіи войска къ Парижу. Общественнаго мнѣнія здѣсь боялись несравненно больше пруссаковъ; когда генералъ Трошю прибылъ въ Парижъ, императрица не хотѣла, чтобы онъ начиналъ свою прокламацію къ жителямъ словами; „императоръ назначаетъ меня губернаторомъ Парижа“, она находила, что опасно начинать воззваніе именемъ императора. Правительство и императрица не довѣряли генералу Трошю, и потому приняли его холодно и недружелюбно; но пришлось уступить необходимости и терпѣть его, потому что у него подъ рукою были преданные ему преторіанцы. Подвижная гвардія Парижа, немедленно за нимъ прибывшая въ окрестности Парижа, расположилась лагеремъ въ Сентъ-Морѣ. Нѣсколько дней спустя генералъ Трошю далъ этой гвардіи приказъ, очень характеризующій все увеличивающееся безначаліе: „солдаты національной подвижной гвардіи Парижа. я требовалъ вашего немедленнаго возвращенія въ Парижъ, потому что вы имѣете право на возвращеніе, потому что вы призваны исполнять свой долгъ

здѣсь; потому что я всѣ свои надежды основываю на васъ." Государство погибаетъ, если приходится такимъ тономъ говорить съ солдатами; это не разъ доказывала исторія Франціи, а яснѣе всего въ этотъ разъ. Назначеніе Трошю губернаторомъ Парижа ни на волосъ не поправило дѣлъ, потому что между правительницей-императрицей и между нимъ не было довѣрія; при томъ онъ ни на волосъ не былъ лучше остальныхъ генераловъ и правительственныхъ лицъ этого времени. Онъ увѣрялъ императрицу въ своей вѣрности, истинно бретонской; онъ дѣйствительно родился въ 1815 году въ Бретани въ Морбиганѣ, и любилъ выставлять свою бретонскую преданность; онъ говорилъ, что если опасность будетъ угрожать династіи, или законодательному собранію, онъ будетъ защищать ихъ до послѣдней капли крови и умретъ на лѣстницѣ Тюльерійскаго дворца; но это былъ говорунъ, распространявшійся въ рѣчахъ или въ газетныхъ статьяхъ, но на дѣлѣ слабый. На сколько можно было, онъ способствовалъ крайнему ослабленію верховной правительственной власти въ Парижѣ.

У императрицы и ея министровъ преобладалъ страхъ, что революція можетъ начаться, и этотъ страхъ застилалъ собою всѣ другія опасенія и другія соображенія. Она, по этой причинѣ, особенно боялась возвращенія императора и всѣми силами отклоняла его отъ этого; вотъ почему онъ измѣнилъ свое рѣшеніе и остался при войскѣ въ качествѣ самаго ненужнаго и непроизводительнаго изъ волонтеровъ; плачевное впечатлѣніе производитъ его попытка чѣмъ-нибудь сдѣлаться полезнымъ, онъ, какъ бы заботясь о благосостояніи войска, телеграфируетъ: «здѣсь большой недостатокъ въ суповыхъ мискахъ и въ полевыхъ фляжкахъ—нельзя ли заказать ихъ въ Парижѣ въ большомъ количествѣ и доставить сюда?»—Безъ сомнѣнія это было возможно.—Вотъ чѣмъ занимался человѣкъ, къ словамъ котораго, за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, прислушивалась вся Европа. Но опасеніе революціи направляло не только гражданскія, но даже всѣ военныя распоряженія; оно то внушило маршалу Паликао безумный планъ, хуже котораго трудно было придумать даже при томъ положеніи, въ какомъ находились дѣла: онъ-то и довелъ войско до той ужасной катастрофы, равной которой нѣтъ въ исторіи военныхъ дѣйствій.

Макъ-Магонъ понималъ, что единственное благоразумное и необходимое дѣло было отступить со всею арміей къ Парижу, защищать эту обширную крѣпость, дать войскамъ отдохнуть, пополнить ихъ и исправить недостатки вооруженія; все это было такъ легко понять, что не было надобности быть для того главнокомандующимъ и обладать военными знаніями и дарованіемъ; къ тому же это было бы вѣрнымъ средствомъ въ самомъ зародышѣ уничтожить революціонное движеніе, чего можно было достигнуть съ преданной арміей и надежными офицерами, какіе дѣйствительно при ней находились. Но при запутанномъ состояніи дѣлъ въ Парижѣ, власть уже по большей части перешла въ руки громче всѣхъ говорящихъ, а люди знающіе, или, покрайней мѣрѣ, такіе, которымъ знать бы слѣдовало, не имѣли яснаго понятія о военномъ положеніи арміи; императрица ея министры и прочіе совѣтники вѣрили тому, что имъ говорили, и были убѣждены, что величайшая для нихъ опасность есть революція, въ какой-бы формѣ она ни явилась, и что она неминуемо разразится, если не будетъ подана помощь Базэну; о положеніи его тоже не давали себѣ яснаго отчета; трудно представить себѣ, что эти распорядители разумѣли подъ словами подать помощь Базэну—какого рода помощь? Въ такомъ смыслѣ, 17, телеграфировалъ Паликао императору въ отвѣтъ на рѣшеніе военнаго совѣта; императоръ отвѣчалъ опять телеграммой, 18-го, что онъ покоряется его мнѣнію. Макъ-Магонъ уклонился отъ рѣшенія; онъ отступилъ къ Реймсу, чтобы быть ближе къ Парижу и, все-таки, удержать за собою возможность пойти на Метцъ. Эта—полумѣра все-таки не спасла его отъ окончательнаго пораженія.

Повелѣніе очистить Шалонскій лагерь дано было 20; выступленіе изъ лагеря, какъ и все въ этой войнѣ, было несвоевременно; чего нельзя было увезти съ собою, было сожжено, при этомъ сожгли тысячи двѣ паръ башмаковъ, тогда какъ нѣсколько дней спустя оказался недостатокъ въ обуви; съ 21 войска начали выступать изъ лагеря 1-й и 2-й корпуса направились къ Реймсу, а 22 туда же послѣдовали 5-й и 7-й Файльи. Императрица и ея совѣтники все еще опасались, какъ бы въ одинъ прекрасный день императоръ не нагрянулъ къ нимъ въ Парижъ. Въ предупрежденіе

этого, они отправили Руэ, самаго умнаго человѣка изъ своего лагеря, въ главную квартиру въ Реймсъ, чтобы убѣдить главнокомандующаго идти къ Метцу. Маршалъ Макъ-Магонъ предугадывалъ опасность этого движенія: онъ опасался, что встрѣтится съ фронтомъ I и II нѣмецкой арміи и кромѣ того, подвергнется нападенію во флангъ, со стороны III нѣмецкой арміи; онъ далъ знать, что между тѣмъ сдѣлано со стоонры нѣмцевъ, и предположеніе его было вѣрно. Въ Реймсѣ Макъ-Магонъ получилъ 22-го депешу отъ Базэна, отъ 19 числа, въ ней былъ краткій отчетъ о битвѣ; депеша оканчивалась словами: «я все еще думаю освободиться съ сѣверной стороны къ Монмеди..» Такъ думалъ маршалъ 19-го, но что думали нѣмцы? и главное что они сдѣлали въ эти послѣдніе четыре дня? Не яснѣе ли всего на этотъ вопросъ отвѣчало то обстоятельство, что въ теченіе этихъ четырехъ дней отъ Базэна не было никакихъ вѣстей? — Несмотря на это, императора, а черезъ него и Макъ-Магона, удалось убѣдить въ смыслѣ парижскихъ стратеговъ, изъ которыхъ каждый при неудачѣ готовъ былъ взвалить свою вину на плечи другаго: 22-го доносилъ главнокомандующій «Шалонской арміи» начальнику Рейнской арміи, что онъ предпринимаетъ походъ на Монмеди, что онъ 24 будетъ на Энѣ, гдѣ начнетъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, чтобы подать ему помощь. Было болѣе чѣмъ сомнительно дойдетъ ли эта депеша по своему адресу, получится ли отвѣтъ на нее, и когда этотъ отвѣтъ дойдетъ до посылающаго; но до этого парижскимъ стратегамъ не было дѣла,—они были довольны— ихъ требованіе было выполнено, для нихъ лично это была отсрочка; они жили изо дня въ день, тѣшась самообольщеніями. Въ одной изъ ежедневныхъ газетъ Парижа высчитывали, что 30-го или 31-го августа произойдетъ рѣшительная битва и «если Макъ-Магонъ и Базэнъ побѣдятъ» — разсуждали въ газетѣ — «тогда французская армія будетъ ближе къ Берлину, нежели прусская къ Парижу.»

Никому въ голову не приходило изслѣдовать, возможна ли побѣда. Самый поверхностный взглядъ на карту показывалъ, что 150-тысячная французская армія только послѣ огромнаго обхода могла достигнуть предположенной цѣли; что во время этого перехода она подойдетъ слишкомъ близко къ бельгійской границѣ, что ей предстоитъ опасность во время перехода на какомъ бы то ни было разстояніи отъ Метца встрѣтиться лицомъ къ лицу съ нѣмецкою арміей, вынести натискъ съ фланга и, при самомъ благопріятномъ исходѣ, быть оттѣсненной за границу Бельгіи; все это были немпнуемыя опасности для шалонской арміи; очень невѣренъ былъ планъ ея совмѣстнаго дѣйствія съ рейнской арміей; предположивъ даже, что обѣимъ арміямъ удалось бы соединиться, положеніе ихъ представило бы новый рядъ опасностей. Стоило только поверхностно перечислить всѣ эти обстоятельства, чтобы понять, до какой степени такое дерзкое предпріятіе опасно — переходъ 150,000 арміи въ сосѣдствѣ съ границей иностраннаго государства съ одной стороны и двухъ сильныхъ непріятельскихъ войскъ съ другой—такое предпріятіе могло быть удачно только при особенно хорошемъ начальствованіи, при искусныхъ движеніяхъ, при хорошемъ и достаточномъ провіантѣ, при способности солдатъ выносить большіе переходы, при строгой дисциплинѣ, чрезвычайной бдительности собственнаго войска и непростительной небрежности и невнимательности вражескаго. Французская армія ни въ одномъ изъ этихъ условій не могла назваться удовлетворительною. Недостатокъ дисциплины былъ повсемѣстный. 23, когда корпуса Дуэ и де-Файльи прибыли къ главной арміи, нѣсколько сотъ человѣкъ, отсталыхъ въ Реймсѣ, напали на товарную станцію желѣзной дороги, разграбили ее и украденный товаръ продавали открыто на площади передъ станціей, гдѣ тотчасъ образовалось что-то въ родѣ ярмарки, чтобы привести солдатъ въ порядокъ, начальство принуждено было объявить; что будетъ употреблять самыя жестокія наказанія, если безчинство не прекратится. Но этимъ нельзя было возстановить дисциплины, главное основаніе которой—сознаніе, что каждый солдатъ есть звѣно цѣлаго и что, при разумномъ управленіи, цѣлое только тогда сильно, когда каждая часть его въ точности будетъ выполнять свое назначеніе. Не лучше были и другія условія, необходимыя для удачи похода; несмотря на это, роковое движеніе началось. 23-го войско выступило по направленію къ Сюиппе, лѣваго притока Эне, 24-го въ Ретель, гдѣ дорога развѣтвляется на востокъ къ Маасу. 25-го

армія оставалась въ этой позиціи; это былъ день, въ который король прусскій далъ нѣмецкому войску приказаніе выступить къ Маасу.

Пороховой дымъ на полѣ битвы близъ Гравелотта не успѣлъ улечься, какъ нѣмецкому войску дано было повелѣніе идти впередъ, по направленію къ Парижу. Арміи кронпринца Прусскаго и вновь сформированная—кронпринца Саксонскаго должны были идти впередъ, на Шалонъ и тамъ соединиться. Но разосланные каваллерійскіе разъѣзды, во всю войну отличавшіеся точностію и искусствомъ, съ какимъ всегда умѣли скрывать движеніе своей арміи и выслѣживать непріятельское, извѣстили 24, что Шалонскій лагерь оставленъ и что непріятель отступаетъ по дорогѣ въ Реймсъ. Поняли мысль, заставившую предпринять это передвиженіе, и тотчасъ остановленъ былъ дальнѣйшій походъ на Шалонъ; открывалась возможность пріобрѣсть неисчислимыя выгоды, если предположеніе вѣрно—если у французскаго главнокомандующаго дѣйствительно родилась несбыточная фантазія дерзко пройти между бельгійскою границей и нѣмецкимъ войскомъ, то можно было бы ему преградить путь на Метцъ и въ то-же время отрѣзать отступленіе къ Парижу и принудить его къ битвѣ при самыхъ невыгодныхъ для него условіяхъ; при самомъ вѣрномъ исходѣ этой битвы французская армія могла быть отброшена за границу Бельгіи, а можетъ быть и этого исхода ей не останется, а выйдетъ что-нибудь похуже; такъ разсуждали въ нѣмецкой главной квартирѣ.

Огромная выгода могла быть пріобрѣтена, но успѣхъ зависѣлъ отъ умѣнья и распорядительности, отъ огромныхъ переходовъ и лишеній не только удобствъ, но и самыхъ необходимыхъ частей продовольствія. Розданы были необходимыя приказанія, чтобы произвести это громадное передвиженіе массы на сѣверъ; несмотря на неудобства почвы, на дурную погоду, на утомительные переходы, на недостатокъ въ продовольствіи, проистекавшій отъ внезапной перемѣны операціонной линіи, передвиженіе огромной арміи совершено было съ блистательною точностію. Правое крыло составляла армія кронпринца Саксонскаго, 4-й 12-й и гвардейскій корпуса, къ нимъ нѣсколько дней спустя должны были примкнуть два баварскихъ корпуса. Эта армія перешла черезъ Маасъ 25 на сѣверъ и на югъ отъ крѣпости Верденъ. Нѣмецкія войска попытались было взять ее нечаяннымъ нападеніемъ, но были отбиты и потому оставили ее въ сторонѣ; переправившись черезъ Маасъ, они продолжали движеніе къ верховьямъ Эры (Aire) по лѣвому ея берегу, гдѣ начинается Аргонскій лѣсъ, чтобы отсюда дѣйствовать на дорогу, ведущую изъ Ретеля къ востоку черезъ Бузье, Бюзанси, Нуаръ, на Стенэ на Маасѣ, и отсюда дальше къ Монмеди. Задача состояла въ томъ, чтобы встрѣтить на этомъ пути французовъ, оттѣснить ихъ на сѣверъ, задержать, пока не подоспѣетъ нѣмецкое лѣвое крыло, III армія. Не было сомнѣнія, что французская армія пойдетъ этимъ путемъ, потому что 25 саксонская каваллерія наткнулась при Бюзанси на французскую пѣхоту и каваллерію. Оба баварскіе корпуса соединились уже 26 съ арміей на Маасѣ; слѣдовательно, маршалу Макъ-Магону уже не оставалось возможности напасть на нее съ превосходными силами.

Съ той минуты, когда не оставалось болѣе сомнѣнія на счетъ движенія французской арміи, нужныя приказанія были отправлены къ III арміи. Ея передовыя войска достигли 27-го числа Сентъ-Меннегудъ на Энѣ, на западной окраинѣ Аргонскаго лѣса, и къ вечеру того же дня Макъ-Магонъ могъ достигнуть Метца, только послѣ рѣшительной побѣды надъ нѣмецкою арміей. Въ этотъ же день, по словамъ корреспондента газеты «Times», генералъ Блументаль, начальникъ штаба арміи кронпринца Прусскаго, подвелъ англичанина къ картѣ, показалъ ему расположеніе войска и сказалъ, что французская армія пропала: «она или должна спасаться въ Бельгію, или должна принять битву и неминуемо погибнуть». Указанное мѣсто находилось между Кариньяномъ и Мезьеромъ, гдѣ находится, сдѣлавшійся потомъ знаменитымъ—Седанъ. Вдоль Мааса, на югъ отъ Стенэ, по правому и лѣвому берегу рѣки, находилась IV армія, съ юга, по дорогѣ Вузье-Стенэ, приближалась III армія. Макъ-Магонъ убѣдился въ своемъ невыгодномъ положеніи. Онъ телеграфировалъ въ Парижъ: «I и II нѣмецкая армія, 200,000 человѣкъ блокируютъ Метцъ, говорятъ, 50,000 войска стоитъ на правомъ берегу Мааса, чтобы воспрепятствовать мнѣ приближеніе къ Метцу. Мнѣ доносятъ, что армія кронпринца, въ 50,000 человѣкъ, идетъ къ Арденнамъ... Съ 19-го числа не

имѣю никакихъ извѣстій о Базэнѣ... Если я буду продолжать идти къ нему на встрѣчу, на меня съ фронта нападетъ часть I и II арміи... Въ то же время угрожаетъ и армія кронпринца прусскаго, которая мнѣ перерѣзываетъ соединительную линію съ тылу...» Дѣйствительно, таково было положеніе Макъ-Магона, только еще хуже; онъ рѣшился отступить на Мезьеръ, «откуда я, смотря по обстоятельствамъ, буду продолжать отступленіе на западъ». Но въ Парижѣ о такомъ исходѣ и слышать не хотѣли: «если вы оставите Базэна», отвѣчалъ военный министръ, графъ Паликао, виновникъ гибели французскаго войска, не главнокомандующему, а прямо императору, «революція въ Парижѣ вспыхнетъ», и прибавлялъ онъ: «вы сами будете атакованы всѣми силами враговъ вашихъ; мнѣ кажется, есть только одно спасеніе какъ можно скорѣе пробиться къ Базэну...» Но военному министру недостаточно было одинъ разъ сказать такую безсмыслицу, онъ еще разъ телеграфировалъ ее 28-го числа въ главную квартиру Макъ-Магона въ Стоннъ; графъ Паликао умолялъ маршала «именемъ совѣта министровъ и тайнаго совѣта» (consile privé) поспѣшить на помощь къ Базэну: «династія погибла и мы съ нею, если вы не исполните желанія народонаселенія Парижа».

Такъ уже не разъ дѣлалось во Франціи: династія погибала, если она не исполняла желанія народонаселенія Парижа. Маршалъ Макъ-Магонъ повиновался безумному приказанію; часто повторявшіяся стычки вскорѣ доказали ему, что онъ уже находится въ сосѣдствѣ съ нѣмецкою маасскою арміей. Походъ продолжался къ Маасу медленно, отъ недостатка продовольствія, отъ противорѣчащихъ другъ другу распоряженій; лѣвое крыло I-й и XII-й корпуса шли сѣвернѣе, на Музонъ, правое крыло, VII-й и V-й корпуса—южнѣе, на Стенэ; послѣднему изъ корпусовъ, Файлли 29-го числа путь былъ прегражденъ сраженіемъ при Нуарѣ; приказаніе посланное ему, идти сѣвернѣе, черезъ Бомонъ къ Маасу, попалось въ руки нѣмцевъ.

Положеніе французской арміи становилось очень опаснымъ. Она находилась теперь въ районѣ нѣмецкаго войска, которое уже обошло ее, описавъ широкую дугу съ праваго фланга и съ тыла; спереди она должна была наткнуться на значительныя силы, если оставалась при своемъ намѣреніи продолжать наступленіе черезъ Маасъ; осторожный нѣмецкій главнокомандующій далъ приказаніе двумъ корпусамъ арміи, расположенной близъ Метца, отъ Этеня, переправившись черезъ Маасъ, выступить впередъ; но уже 30-го числа пришла отмѣна, и корпуса должны были отступить въ свою прежнюю позицію, близъ Метца, что и было исполнено очень быстро и совершенно во время.

Въ этихъ корпусахъ на Маасѣ уже не было надобности. Неотвратимую катастрофу Мольтке уже предсказалъ 29-го числа, опредѣливъ по часамъ, что будетъ, и не ошибся. Французамъ оставалось только одно средство спасти половину, или четверть войска, но во всякомъ случаѣ значительные остатки арміи—слѣдовало начать нападеніе со всѣми соединенными силами и пробиваться по одному направленію; но для этого надобно было имѣть энергію, порывъ отчаянной храбрости, во всю эту войну не обнаруженный французами, тогда какъ, въ прежнія времена, на этомъ часто основывался успѣхъ ихъ. Наступило 30 число, день очень несчастный для нихъ, уничтожившій послѣднія надежды. V корпусъ де-Файльи опять получилъ повелѣніе, черезъ Бомонъ, идти къ Маасу; онъ избѣгнулъ непріятельскаго нападенія только утомительнымъ ночнымъ переходомъ. Поутру, прибывши къ городку Бомонъ, утомленные солдаты расположились отдохнуть въ палаткахъ. Небрежность во французскомъ войскѣ дошла до крайнихъ предѣловъ: отрядъ расположился на отдыхъ и не выставилъ ни часовыхъ, ни патрулей по дорогамъ, ведущимъ черезъ лѣсъ на югъ отъ Бомона, и замѣтили приближеніе враговъ только тогда, когда гранаты посыпались въ лагерь. Застигнутые врасплохъ, французы оставили свой лагерь съ полусъѣденной и полусваренной пищей и, подъ прикрытіемъ артиллеріи, выстроились сѣвернѣе Бомона; послѣ сильной перестрѣлки они отошли дальше къ Музону; они достигли переправы въ очень разстроенномъ видѣ: всѣ полки и всякаго рода оружія войска перемѣшались; французы потеряли до 3,000 плѣнными и отъ 20 до 30 пушекъ. Въ тотъ же день и 8-й корпусъ пришелъ въ дурное состояніе. Онъ въ этотъ день пошелъ на западъ отъ 5-го корпуса на Ошъ, Виллеръ къ Маасу, но, не пройдя больше

мили, къ 11 часамъ утра его началъ безпокоить непріятель; онъ измѣнилъ направленіе и пошелъ къ сѣверу на Ремпльи, оставивъ свой обозъ, подъ прикрытіемъ пѣхотной дивизіи, на произволъ судьбы; на дивизію напала баварская пѣхотная дивизія изъ корпуса фонъ-деръ-Танна, въ долинѣ Вонкъ, разогнала и разметала ее, а обозъ попался въ руки баварцевъ. Такимъ образомъ большая часть французскихъ корпусовъ въ печальномъ положеніи дошла до Мааса. Лѣвое крыло, состоявшее изъ 1-го корпуса, переправилось черезъ Маасъ, близъ Ремпльe, и направилось къ Карпньяну, на Шьерѣ; 12-й корпусъ стоялъ близъ Музона и составлялъ правое крыло; между ними находились оба корпуса, только что потерпѣвшіе сильный уронъ; нѣмецкое войско было такъ расположено, что въ одинъ переходъ вся масса его, исключая 6-го корпуса, стоявшаго еще при Вузье, могла вступить въ сраженіе. Король назначилъ свою главную квартиру при Бюзанси, на половинѣ пути отъ Вузье въ Стенэ; онъ далъ приказъ на слѣдующій день Мааской арміи мѣшать лѣвому французскому крылу уклониться на востокъ, а III арміи продолжать наступленіе и загнать непріятельскую армію въ тѣсное пространство между Маасомъ и бельгійской границей. Императоръ Наполеонъ телеграфировалъ императрицѣ 30-го числа въ 5 часовъ пополудни изъ Карпньяна, что происходило незначительное сраженіе, оставшееся безъ послѣдствій. Но оно было вовсе не такъ незначительно, какъ онъ говорилъ, потому что въ тотъ же день съ экстреннымъ поѣздомъ онъ самъ отправился изъ Карпньяна, на Шьерѣ, назадъ въ Седанъ, на Маасѣ, а маршалъ далъ всѣмъ корпусамъ приказъ поспѣшно стягиваться къ Седану. «Макъ-Магонъ доноситъ военному министру, что онъ принужденъ отступить къ Седану», стояло въ телеграммѣ, напечатанной 31-го числа утромъ; слѣдовательно, отъ похода на Метцъ маршалъ отказался. Военный министръ въ своей отвѣтной телеграммѣ жалуется на недостаточность свѣдѣній: «ваша депеша не объясняетъ мнѣ причины вашего отступленія; оно, во всякомъ случаѣ, произведетъ сильное волненіе. Депеша оканчивалась очень простодушнымъ вопросомъ: «развѣ маршалъ потерпѣлъ пораженіе?»

Никому еще и въ умъ не приходила возможность катастрофы, быстро приближавшейся; она вообще должна была произойти, безъ того французы не повѣрили бы ей. Въ одной статьѣ одного изъ самыхъ замѣчательныхъ современныхъ изданій «Revue des deux mondes», случайно вышедшей въ свѣтъ 1-го сентября, очень подробно разбиралось все расположеніе французскаго войска и преимущественно арміи при Метцѣ; на предположеніе нѣмецкихъ и англійскихъ газетъ, что маршалу наконецъ остается одинъ только исходъ—сдаться на капитуляцію, авторъ смотритъ, какъ на смѣшную фантазію: «Маршалъ Франціи во главѣ 100,000 арміи можетъ ли сдаваться на капитуляцію!» восклицаетъ онъ съ негодованіемъ, точно будто это можетъ нарушить міровой порядокъ; но не прошло и 24 часовъ, какъ чудо это совершилось, и не одинъ разъ, а оно повторилось три раза подъ различными формами въ теченіе этой злополучной войны.

Около этого времени и въ главной квартирѣ Макъ-Магона эта мысль никому еще въ голову не приходила, потому что о непріятельскихъ силахъ, о расположеніи войска имѣлись только самыя смутныя понятія. 31-е число прошло безъ важныхъ стычекъ, только множество военноплѣнныхъ было захвачено нѣмцами на различныхъ пунктахъ. Маршалъ стянулъ свое войско къ крѣпости Седанъ, находящейся на правомъ берегу Мааса, въ долинѣ, простирающейся на востокъ отъ рѣки до селенія Базейль, на югъ; долина шириною въ 2,000 шаговъ, но ее окружаютъ высоты, господствующія надъ крѣпостью, что при нынѣшнемъ дальнострѣльномъ оружіи представляетъ большую опасность. При дурномъ продовольствіи, неблагоразумномъ управленіи, отъ нескончаемыхъ переходовъ войско было утомлено и обезсилено; ему прежде всего нуженъ былъ, хотя бы непродолжительный отдыхъ, его-то оно и надѣялось найти подъ прикрытіемъ крѣпости; но въ разсчеты противниковъ не входило дать французской арміи возможность оправиться. Опять и здѣсь верховное начальство оказалось непредусмотрительнымъ и недогадливымъ: нѣмецкія войска, приближавшіяся съ востока и съ запада, нашли, что обѣ переправы черезъ Маасъ, на юго-востокъ отъ Седана въ Базейль и на западъ близъ Доптери, не уничтожены и не защищены. Вотъ почему нѣмцы, тоже до послѣдней крайности утомленные долгими переходами, спокойно и безопасно перепра-

вившись черезъ Маасъ, безпрепятственно приближались 31-го числа къ Седану. Первую линію нѣмецкаго войска составляли 4-й армейскій корпусъ, вюртембергская дивизія и 5½ кавалерійскихъ дивизій; тотчасъ за первою линіей слѣдовалъ 3-й армейскій корпусъ и кавалерійская дивизія; нѣмцы подступили къ Седану такъ, что въ тотъ же день вечеромъ у французовъ отрѣзано было отступленіе на востокъ, черезъ Монмеди, и на западъ, черезъ Мезьеръ; оставался только одинъ свободный выходъ отъ Седана на сѣверъ къ бельгійской границѣ, находящейся въ полутора миляхъ. Сначала предполагалось дать нѣмецкимъ войскамъ тоже день отдыха, но положеніе дѣлъ было таково, что нужно было предпочесть рѣшить дѣло уже на слѣдующій день. Утвердившись въ этомъ рѣшеніи, король, съ обычною точностію и ясностію, разослалъ изъ своей главной квартиры распоряженія для слѣдующаго дня; между тѣмъ со стороны французскаго главнокомандующаго не было сдѣлано никакой общей диспозиціи, но, напротивъ, каждому отдѣльному начальнику предоставлено было выпутываться изъ своего отчаяннаго положенія, какъ можетъ и какъ знаетъ.

Итакъ, приближалась рѣшительная битва, дѣйствительно, такая рѣшительная, какой мало подобныхъ найдется въ военной и всемірной исторіи; можетъ быть, древняя битва при Каннахъ могла назваться такою же окончательною и рѣшительною, какъ эта; поле битвы съ востока ограничено было рѣчкою Живонной, вытекающей на бельгійской границѣ; течетъ она прямо съ сѣвера на югъ, черезъ деревни Живоннъ, Дэньи, Ла-Монсель и, близъ Базейля, впадаетъ въ Маасъ; на высотахъ праваго западнаго берега этой рѣчки расположены были 12-й корпусъ Лебрена и 1-й корпусъ Дюкро, лицомъ обращенные на востокъ. Отъ Живонны до Флуана, отъ востока къ западу, тянется другая высота; ея сѣверная оконечность образуетъ плоскій выступъ—плато д'Илли; передъ высотою протекаетъ рѣчка Илли, на западъ, направляющаяся къ Маасу; на этой высотѣ находился 7-й корпусъ Дуэ, составляя лѣвое крыло французской позиціи; въ промежуткѣ, но нѣсколько за этими двумя позиціями, ближе къ Седану, и даже до него находилась въ видѣ резервовъ кавалерія и столько пострадавшій при Бомонѣ 5-й корпусъ; начальствовалъ имъ, вмѣсто генерала Файльи, генералъ Вимпфенъ, только 30-го числа прибывшій къ арміи. Изъ Парижа былъ отправленъ, какъ подкрѣпленіе, 13-й только-что сформированный корпусъ, подъ начальствомъ генерала Винуа; но это подкрѣпленіе не могло дойти до маршала, потому что всѣ пути были слишкомъ хорошо заняты и защищены нѣмецкою арміей, и это его спасло отъ участи, постигшей все войско. Восточная часть позиціи, близъ Живонны, служила цѣлью для нападенія баварцевъ и саксонцевъ IV-й арміи; на сѣверную часть нападала III армія. Ей пришлось сдѣлать большой обходъ, обойти большую излучину Мааса, ниже Седана, и вновь подняться по линіи, образованной теченіемъ Илли; если бы лѣвое крыло арміи при Иллѣ вошло въ сообщеніе съ правымъ крыломъ маасской арміи, съ прусскою гвардіей, тогда полное кольцо охватывало бы французскую армію, и отступленіе къ бельгійской границѣ сдѣлалось бы невозможнымъ.

Битва началась рано утромъ; баварцы напали на правое французское крыло, корпусъ Лебрена, близъ Базейля. Произошло ожесточенное сраженіе, одно изъ самыхъ сильныхъ въ текущей войнѣ; нѣмцамъ пришлось тутъ сражаться съ лучшими солдатами французской арміи, съ морскими экипажами; 3, 4, 6 часовъ, съ небольшими перерывами, длилась ожесточенная битва посреди пылающихъ деревень; нѣкоторые изъ жителей принимали участіе въ сраженіи, другіе изливали свою злобу надъ безсильными ранеными и убивали ихъ, что, наконецъ, со стороны побѣдителей - баварцевъ вызвало кровавую месть. Въ 7 часовъ, когда битва была въ полномъ разгарѣ, на высотѣ между Базейль и Ла-Монсель явился самъ маршалъ; тутъ онъ былъ раненъ осколкомъ гранаты и лишенъ возможности принимать дальнѣйшее участіе въ битвѣ и тѣмъ избавился отъ личнаго пораженія; но битва изъ оборонительной вскорѣ перешла въ отчаянное сопротивленіе, гдѣ бились только изъ-за того, чтобы спасти честь оружія. Для французскаго войска было истиннымъ несчастіемъ, что начальство перемѣнилось въ самую критическую минуту; Макъ-Магонъ назначилъ послѣ себя Дюкро главнокомандующимъ, но генералъ Вимпфенъ, какъ старшій, имѣлъ право первенства; отъ этого произошла нерѣшительность, и оттого въ движеніяхъ замѣтно было смятеніе и коле-

баніе, что, однакожь, не имѣло вліянія на результатъ дѣла. Между тѣмъ, битва закипѣла по всему протяженію отъ Базейля до Живонны; сильный артиллерійскій огонь слѣдовалъ за сраженіемъ пѣхоты; въ 10 часовъ селенія Базейль и Дэньи были уже во власти баварцевъ и саксонцевъ; вскорѣ послѣ этого прусская гвардія овладѣла селеніемъ Живонной, и нѣмцамъ досталось значительное количество пушекъ и плѣнныхъ.

Между тѣмъ битва на востокѣ развивалась со всею ужасающей силой между маасской арміей и 12 и 1 французскими корпусами; нѣмцы съ величайшими усиліями завоевывали шагъ за шагомъ; III армія кронпринца Прусскаго, 11 и 5 корпусъ приближались черезъ Бинь-о-Буа, слѣдуя большой излучинѣ Мааса, къ лѣвому французскому крылу, 17-му корпусу Дуэ, расположенному между Илли и Флуанъ, на югъ отъ рѣчки Илли. Сначала нѣмцы вывезли сильную артиллерію на высоты Сенъ-Менга, чѣмъ и началось нападеніе на Флуанъ и на высоты на югъ отъ рѣки Илли. Начальствовавшій здѣсь генералъ Дюкро далъ было приказаніе выставить на плато Илли столько артиллеріи сколько можно, но приказанія этого уже нельзя было выполнить, потому что превосходная числомъ нѣмецкая артиллерія не позволяла ставить ни одной баттареи, немедленно сбивая ее. Сдѣлали послѣднюю, отчаянную попытку: одиннадцать кавалерійскихъ полковъ кирасировъ, африканскихъ егерей и гусаръ попытались сдѣлать нападеніе на высоты, чтобы отнять ихъ у нѣмцевъ; отважные полки ходили въ аттаку, но число ихъ таяло отъ непрерывнаго бѣглаго огня пѣхоты; сотни лошадей, безъ сѣдоковъ, бѣгали по полю, а остатки разбитыхъ эскадроновъ ускакивали, что было мочи, пользуясь всякимъ свободнымъ мѣстомъ, чтобы пробраться. На каждомъ шагу становилось очевиднымъ, что вся сила сопротивленія французской арміи сломана. Около этого времени, т. е. между 3 и 4 часами, генералъ Вимпфенъ, еще за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ толковавшій о томъ, чтобы опрокинуть враговъ въ Маасъ, теперь предложилъ императору отобрать нѣсколько тысячъ отчаянныхъ, на все готовыхъ солдатъ, стать посреди нихъ и пробиться къ Монмеди. Императоръ съ самаго утра, какъ призракъ бродившій по полю битвы, искавшій смерти, нарочно подвергался сильнѣйшему огню гранатъ сначала при Ла-Монсель, потомъ близъ Живонны, и наконецъ при Илли, но съ 11-ти часовъ, видя, что смерть не хочетъ его принять, рѣшился жить и отправился въ Седанъ; онъ не согласился на предложеніе генерала, доказывая его неосновательность; генералъ все-таки съ своими нѣсколькими тысячами попытался пробиться черезъ Живонну, но его солдаты были разбиты, разсѣяны и бѣжали въ Седанъ подобно прочимъ; такъ же неудачно окончилась другая попытка, направленная въ сторону Балана.

Около 3 час. прусская гвардія соединилась съ лѣвымъ крыломъ и докончила кольцо, охватывавшее французское войско; послѣ этого можно сказать, что битва уже окончилась. Повсюду порядокъ нарушился: арміи больше не существовало, а была безпорядочная дикая толпа, отчаянно спасавшая жизнь свою; то тутъ, то тамъ ихъ погоняли гранаты и ружейные выстрѣлы; всѣ, слѣдуя слѣпому инстинкту самосохраненія, стремглавъ бѣжали въ Седанъ; въ тѣсныхъ крѣпостныхъ воротахъ и улицахъ сперлась артиллерія, кавалерія, пѣхота и обозы; напрасно генералы и штабъ-офицеры горячились и кричали, пытаясь возстановить какой бы то ни было порядокъ: къ 4 часамъ нигдѣ не видно было ни одного французскаго батальона въ боевомъ составѣ. Такое безотрадное зрѣлище представляло поле битвы; но лѣсу находящемуся за Илли и позиціей Живонны, справа и слѣва летали нѣмецкія гранаты, а между деревьями мелькали отчаянные бѣглецы, повсюду цѣлые отряды бросали оружіе и отдавались въ плѣнъ; вездѣ валялись раненные и мертвые, подбитыя орудія и повозки; повсюду метались лошади безъ сѣдоковъ — это была печальная картина; но улицы Седана представляли еще худшее зрѣлище; надобно замѣтить, что съ близлежащихъ высотъ, занятыхъ нѣмцами, можно было слѣдить за всѣмъ, что происходило въ улицахъ: это былъ хаосъ людей, лошадей, повозокъ, пушекъ, беззащитныхъ, открытыхъ для выстрѣловъ нѣмецкой артиллеріи, громившей городъ съ высоты; одна баттарея выстраивалась рядомъ и за предъидущей; пушекъ тутъ набралось уже до 600, и всѣ были обращены къ городу и извергали пламя. За артиллеріей, въ боевомъ порядкѣ, стояли семь съ половиной

корпусовъ нѣмецкой арміи; они занимали только-что очищенную французами позицію и готовы были къ послѣднему, рѣшительному удару.

Для разбитой, запертой въ крѣпости императорской арміи были только два исхода—или сдаться, или быть окончательно истребленной. Для императора, постигнутаго карающей судьбой, положеніе было ужасно; но онъ могъ облегчить участь войска. Нечего и говорить, что вмѣстѣ съ войскомъ онъ терялъ и престолъ: но ему представлялась возможность спасти жизнь нѣсколькимъ тысячамъ людей; онъ рѣшился, и взялъ на себя вести переговоры съ непріятелемъ. Онъ приказалъ въ 3 ч. поднять парламентерскій флагъ, но раздраженные этимъ окружающіе тотчасъ сорвали его, и пруссаки даже не видали его; затѣмъ онъ отправилъ парламентеромъ къ непріятелямъ генерала Лебрена; но близъ дер. Балана, онъ встрѣтился съ генераломъ Вимпфеномъ; тотъ задержалъ его и рѣшился окончить этотъ ужасный день отчаянной попыткой; онъ привелъ въ исполненіе свою мысль прорваться къ Монмеди; при этомъ онъ прорвался до деревни Баланъ; но, нѣсколько минутъ спустя, набранные имъ солдаты оставили его и бѣжали къ Седану, спасая свою жизнь. Время проходило, французы не присылали парламентера, поэтому въ 5 часовъ дано было приказаніе нѣсколькимъ баварскимъ баттареямъ, близъ Вилетты, начать бомбардированіе крѣпости; вскорѣ тамъ загорѣлся магазинъ съ соломою. Этого примѣра было довольно; король прусскій, находившійся на высотѣ близъ Френуа, на лѣвомъ берегу Мааса и командовавшій войсками, въ это время послалъ отъ себя одного изъ офицеровъ генеральнаго штаба требовать сдачи. Онъ на пути встрѣтился съ французскимъ парламентеромъ. Вечеромъ въ 7 часовъ явился императорскій генералъ-адъютантъ съ собственноручнымъ письмомъ Наполеона; онъ подалъ его прусскому королю, находившемуся на высотѣ близъ Френуа, окруженному генералами Мольтке, Роономъ, Блументаль, въ присутствіи кронпринца, Бисмарка и нѣмецкихъ князей, находившихся въ главной квартирѣ. Король прочиталъ письмо; въ немъ стояло только нѣсколько словъ: «такъ какъ мнѣ не удалось умереть посреди моего войска, то мнѣ остается только вручить мою шпагу Вашему Величеству». Даръ этотъ самъ по себѣ не имѣлъ никакого значенія, но король, принимая эту шпагу, давалъ своему великому военноплѣнному возможность существовать, не сгарая отъ стыда. Такъ какъ ни одинъ непріятельскій выстрѣлъ не принесъ ему смерти на полѣ сраженія, то для него лучше всего было сдѣлаться военно-плѣннымъ; это положеніе было несравненно лучше роли, которую онъ разыгрывалъ въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль, и несравненно лучше того, что его ожидало, еслибы ему удалось вернуться въ Парижъ. Для Германіи было очень лестно, что самъ императоръ находился въ числѣ военно-плѣнныхъ; это могло служить многознаменательнымъ, блистательнымъ символомъ того, до чего соединенной Германіи удалось достигнуть; но побѣдитель не могъ удовольствоваться притупившейся шпагой человѣка, нѣкогда бывшаго императоромъ французовъ, онъ долженъ былъ требовать большаго. Король отвѣчалъ императору, что онъ сожалѣетъ, что ему и императору приходится свидѣться при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, и проситъ прислать къ нему офицера, снабженнаго достаточнымъ полномочіемъ, чтобы условиться о капитуляціи арміи.

Въ ночь на 2-го сент. въ Доншери съѣхались генералъ Мольтке и послѣдній главнокомандующій шалонской арміей, генералъ Вимпфенъ; къ нимъ присоединился графъ Бисмаркъ и нѣсколько офицеровъ генеральнаго штаба. Нѣмцы требовали выдачи оружія и чтобы армія сдѣлалась военно-плѣнною, сдачи крѣпости Седана со всѣми военными припасами; со стороны французской выговаривали свободный пропускъ арміи, съ оружіемъ и багажемъ, съ обѣщаніемъ не поднимать оружія противъ нѣмцевъ втеченіе этой войны. Мольтке настаивалъ на своихъ условіяхъ: онъ безъ преувеличенія, но и безъ пощады развернулъ картину положенія, въ какомъ находилась армія и доказалъ, что иныхъ условій нельзя ни ожидать, ни требовать. Но онъ не высказалъ своей затаенной мысли, что подобныхъ условій на честное слово нельзя дѣлать съ народомъ, предводителемъ и войскомъ, правительство у котораго было такъ шатко и измѣнчиво, какъ у французовъ въ тогдашнее время, и это мнѣніе оказалось впослѣдствіи очень вѣрнымъ. Нечего упоминать, что французамъ вообще не вѣрили: въ теченіе всей войны со стороны французскихъ офицеровъ, докторовъ и солдатъ очень часто нарушались строгія

учрежденія женевской конвенціи, а между тѣмъ, Франція, наравнѣ съ другими державами, приступила къ ней и подписалась подъ ней; было много случаевъ, когда вопреки установившимся военнымъ обязательствамъ, французскіе солдаты стрѣляли по парламентерамъ, хотя ихъ всегда издали можно было узнать; съ нѣмецкими военноплѣнными обходились въ городахъ безжалостно, не говоря ужь о мнимыхъ шпіонахъ. Но, немного спустя, оказалось, что даже такіе люди какъ маршалъ Макъ-Магонъ, и чуть было не сдѣлавшійся главнокомандующимъ генералъ Дюкро имѣли очень шаткое понятіе о данномъ словѣ и честномъ обѣщаніи; а многіе офицеры всевозможныхъ чиновъ доказали, что не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о честномъ словѣ, въ военномъ дѣлѣ данномъ. Революція должна была вспыхнуть въ Парижѣ, и тогда во главѣ управленія должны были появиться люди, для которыхъ условіе, заключенное между главнокомандующимъ—генераломъ императорскаго войска и пруссаками, не могло имѣть никакого обязательства, тѣмъ менѣе честное слово, данное не служить противъ побѣдителя. Всѣ эти соображенія не дозволяли соглашаться на условія императора; къ тому же въ памяти нѣмцевъ было свѣжо, что въ началѣ войны французское правительство постоянно употребляло слова: «по чести», «мы увѣряемъ честнымъ словомъ» въ такихъ случаяхъ, когда явная ложь тотчасъ же обнаруживалась. Итакъ, здѣсь, при этомъ положеніи дѣлъ, въ этомъ государствѣ и народѣ, при этомъ войскѣ, при такихъ разнородныхъ партіяхъ, данное честное слово не могло быть ручательствомъ, и для исполненія условій надобно было запастись матеріальнымъ залогомъ; Мольтке повторилъ свои требованія и прибавилъ, что немедленно, по истеченіи срока перемирія, т. е. въ 9 часовъ 2-го сент., концентрированный огонь будетъ открытъ по городу изъ всѣхъ нѣмецкихъ баттарей.

Генералъ Вимпфенъ созвалъ военный совѣтъ къ 6 часамъ утра. Совѣтъ призналъ безполезность и безнадежность дальнѣйшаго сопротивленія и, слѣдовательно, необходимость сдаться на капитуляцію на условіяхъ, предписанныхъ нѣмцами; протестовали только двое, генералъ Пелле и Карре де Бельмаръ; они впослѣдствіи утѣшались своимъ недорого купленнымъ геройствомъ, утверждая, что они «противились этой постыдной капитуляціи». Императоръ все еще надѣялся личнымъ вмѣшательствомъ и просьбами смягчить условія; онъ рѣшился обратиться къ королю лично. Рано утромъ, въ сопровожденіи генераловъ и адъютантовъ, отправился онъ въ Доншери, гдѣ находился Бисмаркъ; его тотчасъ призвали; императоръ вошелъ съ нимъ въ лачужку рабочаго, гдѣ нашелся одинъ столикъ и два стула, и тутъ начались совѣщанія; но въ комнаткѣ было душно, поэтому Наполеонъ и Бисмаркъ вышли въ садикъ подлѣ дома и продолжали разговоръ на открытомъ воздухѣ. Свиданіе для обоихъ было тягостно—много толковать было нечего. Нѣмецкій государственный человѣкъ не сомнѣвался, что передъ нимъ находится низверженный съ престола императоръ; зная французскій народъ, онъ не могъ въ этомъ ошибаться; онъ поэтому спросилъ императора въ отвѣтъ на его требованія дать побѣжденному войску болѣе выгодныя условія сдачи, имѣетъ ли онъ намѣреніе немедленно вступить въ переговоры о мирѣ. Отвѣтъ былъ такой, какой Бисмаркъ ожидалъ: будучи самъ военноплѣннымъ, императоръ не можетъ предлагать мирныхъ условій, онъ ссылался на парижское регентство, къ которому просилъ обратиться, на что Бисмаркъ отвѣчалъ, что положеніе дѣлъ сегодня «не представляетъ инаго практическаго разрѣшенія, кромѣ военнаго». Императоръ просилъ свиданія съ королемъ; свиданіе состоялось, но, по желанію короля, только тогда, когда всѣ военныя дѣла были покончены, и когда капитуляція уже была подписана.

Переговоры о сдачѣ окончились еще до полудня въ тотъ же день, въ Френуа, и конвенція была подписана Мольтке и генераломъ фонъ Вимпфенъ. Онъ горько жаловался на судьбу, выпавшую на его долю: 48 часовъ послѣ его прибытія изъ Африки, сутки послѣ того, какъ онъ принялъ на себя команду войскомъ, онъ долженъ былъ выставить свое имя на капитуляціи, неслыханной ни во французской, ни во всемірной исторіи; но все равно, онъ или иной кто подписался бы, но подписаться нужно было. Король согласился отпустить офицеровъ на честное слово «въ виду храбраго сопротивленія этой арміи»; генералы съ благодарностью приняли эту милость и съ чувствомъ признательности слѣдили за не рѣзкими и не

жестокими формальностями, съ какими Мольтке велъ все это дѣло. По первой статьѣ, выраженной сухимъ офиціальнымъ тономъ, опредѣлялся фактъ: «французская армія сдается въ плѣнъ, потому что она въ настоящую минуту окружена превосходнымъ числомъ непріятельскаго войск»; все оружіе, всѣ военные припасы войска, крѣпость Седанъ съ полнымъ вооруженіемъ, въ томъ видѣ, какъ она въ настоящую минуту есть, сдается въ полное распоряженіе короля прусскаго. Эта капитуляція отдавала нѣмцамъ: 83,000 солдатъ, въ томъ числѣ 2,866 офицеровъ, одного маршала Франціи, 40 генераловъ, 230 штабъ-офицеровъ — «и одного императора», прибавлялось въ телеграммѣ, извѣщавшей объ этой побѣдѣ. Въ битвѣ французы лишились 13,000 чел. убитыми и раненными; 25,000 нераненныхъ было взято въ плѣнъ, 3,000 человѣкъ бѣжало черезъ границу Бельгіи; число одиночныхъ бѣжавшихъ, или пробравшихся кучекъ солдатъ и офицеровъ, собравшихся въ Мезьеръ, по словамъ французскихъ сочиненій, равняется 10,000 человѣкъ; кромѣ отнятыхъ во время сраженія орудій, нѣмцамъ досталось 104 крѣпостныхъ орудія, 350 полевыхъ, 70 митральезъ, 12,000 лошадей; съ своей стороны они купили эту великую побѣду, уничтожившую главную непріятельскую 140,000 армію, очень умѣренною потерей—они лишились всего 9,860 челов., въ числѣ ихъ убитыми 1,310 человѣкъ.

Въ половинѣ 12 ч. Мольтке принесъ королю подписанную конвенцію; послѣдній сообщилъ ее собравшимся принцамъ и генераламъ и произнесъ нѣсколько словъ о важности одержанной побѣды и о значеніи этого безпримѣрнаго историческаго событія. Отсюда король поѣхалъ въ маленькій замокъ Бельвю, гдѣ его дожидался императоръ Наполеонъ. Оба государя увидѣлись въ стекляномъ павильонѣ замка; ихъ разговоръ продолжался очень короткое время: если вѣрить словамъ англійскаго корреспондента газеты «Times», то король, вообще по природѣ человѣкъ мягкій, милостиво обошелся съ бывшимъ императоромъ, начавшимъ войну и въ пору своей силы и величія оскорбившій его, но за то теперь униженный судьбою; только одно выраженіе короля прусскаго въ этомъ разговорѣ было рѣзко: когда Наполеонъ, извиняясь въ томъ, что началъ войну, ссылался на общественное мнѣніе, принудившее его взяться за оружіе, король отвѣчалъ ему: «ваше величество говорите, что объявили войну, чтобы удовлетворить общественное мнѣніе, но общественное мнѣніе было создано вашими министрами.» По словамъ этого же корреспондента, Наполеонъ былъ убѣжденъ, что побѣду при Седанѣ рѣшилъ принцъ Фридрихъ Карлъ; но онъ крайне удивился бы, еслибы узналъ, что принцъ стоитъ передъ Метцомъ съ семью корпусами арміи. Король предложилъ императору для жительства замокъ Вильгельмсгее, близъ Касселя — бывшій резиденціей веселаго короля вестфальскаго Жерома. Наполеонъ присовокупилъ просьбу дать ему сильную стражу, пока онъ будетъ проѣзжать по французскимъ владѣніямъ; просьба эта была напрасная,—и безъ того его не отправили бы безъ прикрытія въ Германію. По утру 3-го онъ оставилъ замокъ, а 5-го уже прибылъ въ Вильгельмсгее; само собою разумѣется, что обстановка и прислуга у него были приличные его сану; но нашлись люди, упрекавшіе короля за то, что онъ для плѣннаго императора выписалъ поваровъ изъ Берлина, точно хорошій столъ могъ утѣшить этого униженнаго судьбою человѣка; сколько бы побѣдитель ни старался смягчить его участь, положеніе его все-таки было горькое, и онъ могъ принимать его какъ кару за вину, лежащую на немъ.

Послѣ свиданія съ императоромъ, король отправился къ своимъ войскамъ, которыя объѣзжалъ втеченіе 5-ти часовъ; привѣтственные клики восторга нескончаемымъ гуломъ переливались съ одного конца арміи до другаго; съ нимъ не могъ даже сравняться тотъ восторгъ, который встрѣтилъ извѣстіе объ этой побѣдѣ на всей нѣмецкой землѣ и въ городахъ, и въ селеніяхъ. Если можно сравнивать и взвѣшивать выраженіе радостнаго восторга, переполнившаго весь нѣмецкій народъ и съ энтузіазмомъ выражавшагося повсемѣстно, то можно сказать, что опьяненіе, произведенное этимъ успѣхомъ, далеко превышавшимъ самыя смѣлыя мечты, въ столицахъ южногерманскихъ государствъ было сильнѣе и полнѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ. У южныхъ народовъ всякое ощущеніе сильнѣе и выражается болѣе открыто нежели у сѣверныхъ народовъ, гдѣ всякое чувство сдержаннѣе; на югѣ одушевленіе, возбужденное побѣдой, охватило всѣ классы общества и въ

своихъ гордыхъ порывахъ потопило цѣлыя миріады устарѣлыхъ предразсудковъ, горькихъ воспоминаній и ложныхъ воззрѣній; даже города, подобно нѣкоторымъ прирейнскимъ, погрязшіе въ рабствѣ, наложенномъ папизмомъ и собственнымъ суевѣріемъ, сдѣлавшіеся равнодушными ко всѣмъ событіямъ, не связаннымъ съ ихъ тѣснымъ кругомъ понятій, всколыхнулись отъ своего застоя и ихъ нельзя было узнать въ то достопамятное утро, когда ко всѣмъ угламъ улицъ прибиты были объявленія о совершившемся великомъ событіи. Пріятно было при этомъ не только то, что нація сознавала великость совершившагося историческаго факта, небывалаго въ тысячелѣтней исторіи Германіи, но и то, что она наконецъ поняла, чего она можетъ достигнуть при дружномъ взаимнодѣйствіи, что тутъ обнаружилась сила, которой не можетъ сокрушить ни злоба папизма, ни политическое безуміе, ни церковный фанатизмъ.

Съ вечера 3-го числа капитуляцію начали приводить въ исполненіе. Генералъ Вимпфенъ издалъ прокламацію къ войску; въ ней онъ объяснялъ печальное положеніе арміи и горькую необходимость сдачи, которой принужденъ покориться вмѣстѣ съ нею; но положеніе умовъ было таково, что прокламація не произвела слишкомъ сильнаго впечатлѣнія; кому пришлось видѣть французскихъ военноплѣнныхъ, тысячами отправляемыхъ по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ Германіи, тотъ можетъ засвидѣтельствовать, что плѣнные всѣхъ возрастовъ и состояній, очень спокойно переносили свою участь и находили утѣшеніе въ легкомысліи, свойственномъ этому народу; кромѣ того, участь ихъ старались облегчать, внимательное и предусмотрительное начальство заботилось о нихъ; а человѣколюбіе любопытныхъ, но добродушныхъ нѣмцевъ, съ своей стороны, дѣлало что могло.

Ударъ, нанесенный Франціи 1-го сент., уничтожилъ не одну только шалонскую армію: положеніе рейнской арміи при Метцѣ было рѣшено тѣмъ же самымъ ударомъ; капитуляція 2-го сентября сдѣлала и ея гибель неизбѣжною. Въ это самое время Базэнъ сдѣлалъ попытку прорвать линію, желѣзными стѣнами окружавшую его; онъ старался пробиться черезъ армію принца Фридриха-Карла, но это ему неудалось.

Послѣ того какъ 19-го августа нѣмцы убѣдились, что армія Базэна отступила къ Метцу, главнокомандующій нѣмецкой арміи занялъ только - что оставленныя французами позиціи и далъ нужныя приказанія немедленно укрѣплять ихъ по всѣмъ правиламъ фортификаціи. Принцъ Фридрихъ-Карлъ предвидѣлъ, что Базэнъ съ своею 150,000 отборною арміей, лишь только она отдохнетъ и поправится, опять перейдетъ въ наступленіе и попытается открыть себѣ дорогу на западъ. Нѣмцы, по обыкновенію, не теряли времени: всѣ мѣстечки, селенія и усадьбы были укрѣплены, въ лѣсахъ дѣлали засѣки, завалы для стрѣлковъ, открытые и закрытые шанцы, проводили канавы для прикрытія стрѣлковъ; на Мозелѣ построены были мосты, чтобы войскамъ, расположеннымъ на обоихъ берегахъ, доставить возможность скораго и удобнаго сообщенія; черезъ рѣку протянуты были рыбачьи и проволочныя сѣти, чтобы уничтожить всякую возможность водяной корреспонденціи. Форпостная служба установлена была самая строгая; всѣ походныя аптеки были снабжены лекарствами, на тотъ случай, если бы въ войскахъ открылась какая нибудь эпидемія и чтобы можно было остановить въ самомъ началѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней вокругъ Метца выросла другая крѣпость — цѣлая цѣпь укрѣпленныхъ позицій, съ часу на часъ усиливавшихся все болѣе и болѣе; для большихъ удобствъ всѣ эти позиціи были связаны телеграфомъ. 26-го августа Базэнъ началъ дѣлать приготовленія, чтобы прорваться на сѣверъ, но отложилъ свое намѣреніе, потому что сильные дожди размягчили почву, и ему показалось, что это можетъ затруднить движеніе войска. Онъ не былъ готовъ въ то время, когда можно было воспользоваться удобной минутой, когда два корпуса отошли къ Маасу; впрочемъ, онъ объ этомъ узналъ слишкомъ поздно; но корпуса эти уже возвратились и опять заняли свою прежнюю позицію; кромѣ того, съ востока еще приближался корпусъ великаго герцога Мекленбургскаго и увеличивалъ число блокирующаго войска; наконецъ, 29-го августа Базенъ окончилъ приготовленія къ нападенію, чтобы прорвать линію его окружающую, но онъ не съумѣлъ взяться за дѣло; 31-го августа привелъ онъ свой планъ въ дѣйствіе; онъ намѣревался дѣйствовать на правомъ берегу, хотѣлъ соединенными силами ударить

на одну точку, прорваться и идти на Тіонвиль; но онъ такъ неудачно, съ такимъ незнаніемъ распоряжался, что не воспользовался ни одною изъ выгодъ, какія представляло ему его центральное положеніе въ отношеніи къ растянутой линіи окружающей его арміи. Нападеніе было сдѣлано на возвышенность св. Варвары, на востокъ отъ Метца: вмѣсто того, чтобы воспользоваться ночною темнотою, сосредоточить свои войска и всѣми силами, рано утромъ, стремительно ударить на одну точку и пробиться черезъ нее, французы начали собираться только когда разсвѣло, двигались такъ медленно и лѣниво, что Мантейфель, корпусу котораго угрожала опасность, успѣлъ стянуть ближайшія, самыя необходимыя подкрѣпленія и приготовиться къ встрѣчѣ. Только въ 4 часа пополудни началось нападеніе: выступили II, III, IV, VI корпуса и гвардія, слѣдовательно нападеніе началось съ превосходными силами на I восточно-прусскій корпусъ и дивизію ландвера, подъ начальствомъ Куммера; кромѣ того, еще придвинуты были войска, какія и сколько можно было набрать для подкрѣпленія; но въ этотъ день французы могли подвинуться впередъ только очень мало—они прошли Куансп, Фланвиль, Нуассевиль, Сервиньи, слѣдовательно, по дорогѣ, занятой нѣмцами вовсе не подвинулись, но къ сѣверу; до 10-ти часовъ ночи бились на отдѣльныхъ пунктахъ; на этомъ мѣстѣ французы на опытѣ узнали, что такое нѣмецкій ландверъ, надъ которымъ газеты не переставали потѣшаться. То, что не удалось 31-го августа, становилось невозможнымъ 1-го сентября. Въ этотъ день нѣмцы перешли въ наступательное положеніе, потому что они успѣли переправить на правый берегъ Мозеля достаточно значительныя силы; въ 11 часовъ Нуассевиль былъ уже опять въ ихъ рукахъ. Французское движеніе къ сѣверу, къ Файли и Шарли было неудачны; въ 4 часа, т. е. послѣ 36 ч. битвы, французы находились опять въ той же позиціи, въ какой стояли прежде. Потери со стороны нѣмцевъ были значительныя—3,000 ч., а французы потеряли еще болѣе—3,500 человѣкъ. Но съ этой неудачей исчезла надежда собственными силами высвободиться изъ желѣзныхъ когтей нѣмецкой арміи; сколько тамъ ни шумѣли впослѣдствіи, при процессѣ Базэна, но одно было несомнѣнно—нѣмецкая крѣпкая позиція съ каждымъ днемъ становилась крѣпче, армія нѣмецкая увеличивалась, тогда какъ сила нападенія французовъ уменьшалась и лишала маршала всякой надежды спасти остатки своей арміи; чтобы высвободиться, Базэнъ, при измѣнившихся его обстоятельствахъ, при уменьшившейся арміи долженъ былъ бы одержать рѣшительную побѣду въ сраженіи, нисколько не меньше сраженія при Гравелоттѣ, и это все-таки не было бы еще освобожденіемъ, а только первымъ шагомъ къ освобожденію. Вскорѣ явилась необходимость для продовольствія 150,000 арміи, для которой недоставало съѣстныхъ припасовъ, употреблять конину; отъ этого съ каждымъ днемъ уменьшалось количество артиллеріи и кавалеріи; даже сраженіе при Нуассевиллѣ Базэнъ началъ съ тревожнымъ духомъ; онъ долженъ былъ предвидѣть, что если ему удастся прорваться въ одномъ мѣстѣ, то принужденъ будетъ вынести нападеніе всей нѣмецкой арміи въ открытомъ полѣ; но и послѣднее мужество маршала упало отъ политической путаницы, происшедшей вслѣдствіе Седанской битвы.

Прежде нежели мы изложимъ слѣдствія Седанской катастрофы, бросимъ взглядъ на морскія операціи, чтобы убѣдиться, какъ плачевно на всѣхъ точкахъ расшаталось и разрушалось обманчивое зданіе величія Франціи, созданное незнаніемъ и непониманіемъ прошедшаго, незнаніемъ настоящаго, ненавистью, высокомѣріемъ, изъ подобныхъ столько же непрочныхъ матеріаловъ. 22-го іюля вице-адмиралъ Буэ-Вилломэ, назначенный императоромъ Наполеономъ начальникомъ флота Балтійскаго моря, отправился въ Шербургъ и поднялъ свой адмиральскій флагъ на бортѣ панцырнаго фрегата «La Surveillante». Съ своими 14 панцырными фрегатами и со всѣми принадлежностями къ нимъ, эскадра вышла изъ Шербурга 24-го въ море; вторая эскадра подъ начальствомъ Ла-Ронсіеръ-ле-Нури съ 30,000 десантнаго войска, послѣдовала за первою. Тѣ-же самые недостатки и грубыя ошибки, доведшія сухопутную армію до седанской катастрофы, существовали и здѣсь, съ тою только разницею, что нѣмецкій флотъ долженъ былъ прятаться отъ огромнаго количества французскихъ военныхъ судовъ, съ 1462 пушками; слѣдовательно объ открытомъ боѣ съ такою громадною силою нечего было и думать. Французскій адмиралъ нигдѣ не встрѣчался съ нѣмецкимъ флотомъ, который прятался по

гаванямъ; такая пустая погоня непріятно дѣйствовала на французовъ; за этимъ первымъ разочарованіемъ послѣдовали другія. У флота не было точныхъ береговыхъ морскихъ картъ, также какъ у сухопутной арміи не было точныхъ топографическихъ картъ; кромѣ того, на флотѣ были другіе недостатки, потому что въ морскихъ арсеналахъ и другихъ приморскихъ городахъ, также какъ въ сухопутныхъ арсеналахъ, былъ одинаковый безпорядокъ. Но дессантное войско было отозвано, потому что съ самаго начала войны оказался недостатокъ въ сухопутномъ войскѣ, чтобы отразить нашествіе нѣмецкой громады; съ той минуты, какъ на французскомъ флотѣ оказался недостатокъ въ дессантѣ, о союзѣ съ Даніей нечего было и помышлять; если на этомъ основывались разсчеты, то отъ нихъ надобно было отказаться. Когда до Капенгагена дошли вѣсти объ успѣхахъ нѣмцевъ, тамъ были очень довольны, что остановились во время и не вмѣшались въ эту войну; здѣсь однѣ только газеты продолжали шумѣть, тѣшиться каррикатурами и заботами о французскихъ раненыхъ. Время проходило въ безполезныхъ и противорѣчившихъ другъ другу инструкціяхъ. 2-го авг. адмиралъ получилъ повелѣніе вступить въ Балтійское море; онъ прошелъ по Большому Бельту, произвелъ осмотръ нѣмецкихъ береговъ и нашелъ, что они повсюду хорошо защищены, что къ нимъ нигдѣ подступиться нельзя, потому что въ распоряженіи адмирала не было ни береговыхъ мелкихъ судовъ, ни дессантнаго войска, съ которымъ можно было бы попытать счастья на твердой землѣ. Близъ острова Рюгена, 6-го августа, получилъ онъ приказаніе возвратиться во Францію, но 7-го пришла опять отмѣна приказанія. Адмиралъ собралъ совѣтъ изъ капитановъ и офицеровъ и вмѣстѣ съ ними долго взвѣшивалъ и разбиралъ, что можно предпринять противъ растянутой береговой линіи въ 180 миль длиною; наконецъ, рѣшились дѣйствовать на Кольбергъ, но самъ начальствующій флотомъ ожидалъ мало пользы отъ этого предпріятія; не успѣлъ онъ привести свой планъ въ исполненіе, какъ получилъ извѣстіе, что нѣмецкій флотъ вышелъ изъ Яде; это его заставило возвратиться; но извѣстіе это было ложное, потому что французскій флотъ Балтійскаго моря подъ начальствомъ адмирала Фуришона, держалъ весь нѣмецкій флотъ въ заливѣ Яде, въ тѣсной блокадѣ. Но адмиралъ въ Балтійскомъ морѣ не имѣлъ больше успѣха, чѣмъ Буэ-Вилломе въ Нѣмецкомъ морѣ. Единственный успѣхъ этой экспедиціи заключался въ нѣсколькихъ захваченныхъ купеческихъ судахъ; нѣмецкія военныя суда поддразнивали французскій флотъ, но ему ни разу не удалось захватить ни одного изъ нихъ; погода становилась холодная и бурная; смѣшная роль, какую игралъ французскій флотъ, непріятно дѣйствовала на офицеровъ и матросовъ; когда же пришла вѣсть о несчастныхъ августовскихъ событіяхъ во Франціи, тогда большому французскому флоту стыдно стало заниматься пустою блокадою береговъ, въ то время когда въ отечествѣ нуждались въ каждой парѣ здоровыхъ рукъ; это чувство еще усилилось, когда 5-го сентября пришло извѣстіе о катастрофѣ близъ Седана. Между тѣмъ адмиралъ Буэ-Вилломэ, находясь 9-го числа, при входѣ въ Большой Бельтъ, гдѣ дожидался дальнѣйшей инструкціи, получилъ приказаніе, отъ новаго правительства въ Парижѣ, продолжать блокаду нѣмецкихъ береговъ и употреблять всевозможныя усилія, чтобы причинить какъ можно больше вреда врагамъ; вотъ почему онъ рѣшился возобновить свое намѣреніе и начать бомбардированіе Кольберга. Но и въ этомъ случаѣ ему не было удачи. Начавшаяся бурная погода мѣшала тотчасъ приняться за бомбардированіе, когда же наконецъ погода поправилась и онъ, 13-го, готовъ былъ начать дѣйствія, было получено извѣстіе, что флотъ Нѣмецкаго моря уже отправился обратно въ Шербургъ, и что надобно ожидать появленія нѣмецкаго флота въ Балтійскомъ морѣ. Нѣсколько дней спустя, и онъ получилъ повелѣніе возвратиться въ Шербургъ. Онъ исполнилъ приказаніе и, проѣзжая мимо Яде, доставилъ находящимся тамъ нѣмецкимъ кораблямъ удовольствіе видѣть, что сильный французскій флотъ, послѣ 66 дневнаго крейсерства, возвращается домой, ничего не сдѣлавши.

3. Битвы подъ Парижемъ.

а. Событія до капитуляціи Метца.

Всякій получившій извѣстіе о капитуляціи Седана, могъ предполагать, что вслѣдъ за крупной военной неудачей, обозначенной названіемъ ничтожной пограничной крѣпостцы, въ скоромъ времени послѣдуетъ великій политическій переворотъ. При здоровомъ, правильномъ государственномъ бытѣ тяжкія несчастія и потери, кто бы ни былъ виновникомъ ихъ, всегда тѣснѣе соединяютъ государя съ народомъ; можно, не нарушая общаго равновѣсія, перемѣнить министерство, замѣстить неискуснаго или несчастнаго полководца болѣе счастливымъ или болѣе искуснымъ; но народъ въ минуту невзгоды долженъ крѣпко держаться существующаго государственнаго строя, при которомъ представителемъ верховной власти, и долженъ быть царствующій домъ. Ребяческіе мечтатели, обманываясь превыспренними теоріями, находятъ это правило отсталымъ, полнымъ предразсудковъ и раболѣпства; но пока люди останутся тѣмъ, чѣмъ они во все времена были, это самое вѣрное и единственно-справедливое и благоразумное воззрѣніе; въ минуту величайшаго бѣдствія, благо народу, если у него есть одна связующая сила, одинъ центръ, одинъ символъ одинаково священный и понятный для всѣхъ слоевъ общества, не смотря на то, что по степени умственнаго развитія всякій понимаетъ его по своему. Но Франція утратила это драгоцѣнное національное благо: буря революцій залила кровью и разметала идею національной наслѣдственной монархіи; она была загублена толпою безумцевъ и злодѣевъ; когда же, въ 1815 году иностранные побѣдители опять возстановили павшую династію и вмѣстѣ съ нею идею наслѣдственнаго королевскаго значенія, то это было сдѣлано насиліемъ и не могло привиться къ народному сознанію; двѣ позднѣйшія революціи, легкомысленно закипѣвшія въ нѣсколько часовъ, также измѣняли порядокъ вещей и имѣли только одно преимущество передъ первою: не были такъ ужасны и кровавы, какъ она. Народный деспотизмъ замѣнилъ призракъ свободы, но черезъ нѣсколько недѣль, въ четвертый разъ, втеченіе 18 лѣтъ, народъ, пользуясь какъ бы неограниченной свободой выбора, общей подачей голосовъ, освятилъ и наложилъ клеймо законности на правителя, захватившаго верховную власть насиліемъ. Но неограниченное довѣріе народа, выразившееся плебисцитомъ, однакожъ, не допускало возможности, чтобы тотъ, кому дозволялось по прихоти, или по своему желанію начинать войну, потерпѣлъ пораженіе. А тутъ, какъ нарочно, этотъ представитель народа, этотъ государь, плебисцитомъ возведенный на престолъ, потерпѣлъ пораженіе и, надобно замѣтить, жесточайшее; гордыя надежды, искусственно поддерживаемыя газетами и правительствомъ до войны и въ началѣ ея, разлетѣлись, какъ дымъ, и жалкая дѣйствительность обнаружилась во всей своей печальной наготѣ; легко себѣ представить, какъ 2 сентября отозвалось на Парижѣ.

Съ напряженнымъ безпокойствомъ ожидали минуты, когда арміи двухъ маршаловъ соединятся. Газеты по прежнему велерѣчиво толковали о превосходномъ планѣ движенія, «о славномъ столкновеніи съ врагами» и т. п., но изъ-подъ этихъ громкихъ фразъ выглядывала боязнь. Сентября 3-го, послѣ полудня, пришло громовое извѣстіе въ Парижъ: двое сутокъ уже съ волненіемъ ожидали извѣстія о столкновеніи; нѣкоторыя редакціи газетъ уже получили подробное извѣстіе о случившемся, но не смѣли обнародовать ихъ, опасаясь народной мести и волненія; народъ, между тѣмъ, какъ будто чувствовалъ бѣду и глухо волновался; никто во всю ночь не смыкалъ глазъ; всякій инстинктивно чувствовалъ, что утро принесетъ бѣду. Правительство, тоже скоро узнало истину, и ему пора было на что нибудь рѣшиться; въ полночь собрался законодательный корпусъ. Военный министръ изложилъ положеніе дѣлъ арміи: онъ сказалъ, что послѣ трехсуточной геройской битвы, армія была оттѣснена къ Седану и, будучи окружена превосходнѣйшимъ числомъ непріятельскихъ войскъ, не имѣя ни малѣйшей возможности отступить, принуждена была сдаться на капитуляцію. Такъ какъ правительство не можетъ

принять какого-либо окончательнаго рѣшенія, онъ требовалъ отсрочки, чтобы обдумать положеніе дѣлъ. Президентъ Шнейдеръ явился въ собраніе смущенный, безъ орденской ленты почетнаго легіона; онъ тоже не зналъ, что придумать, и предложилъ собраться вновь на слѣдующій день, въ полдень; въ это время съ своего мѣста всталъ Жюль-Фавръ и молча положилъ на столъ письменное предложеніе: Людовикъ Наполеонъ и его династія, въ силу законовъ, объявляются отрѣшенными отъ престола; назначается комиссія съ обязательствомъ защищать столицу и государство до послѣдней крайности; генералъ Трошю утверждается въ должности парижскаго генералъ-губернатора. Законодательный корпусъ разошелся въ глубокомъ безмолвіи. Утромъ 4-го, на всѣхъ углахъ Парижа выставлена была прокламація совѣта министровъ; въ ней говорилось о капитуляціи арміи «послѣ геройскихъ сраженій съ 300,000 вражеской арміей»; надобно замѣтить, что въ прокламаціи упоминалось только о сдачѣ 40,000 войска; «но это ужасное несчастіе не можетъ поколебать нашего мужества... правительство дѣйствуетъ единодушно съ великими государственными корпораціями, оно употребитъ всѣ средства, какихъ требуетъ важный ходъ происшествій,..» Хотя императрица увѣряла, что думаетъ объ одномъ только благѣ Франціи и о ея будущности, но въ душѣ она все-таки надѣялась, что народъ столпится вокругъ нея, и она останется правительницей: всѣ ея надежды опирались на генерала Трошю—давно ли онъ честью завѣрялъ, что скорѣе прольетъ послѣднюю каплю крови, умретъ на ступеняхъ тюльерійскаго дворца, но не измѣнитъ своему долгу. Депутаты въ полдень собрались въ Бурбонскій дворецъ; для безопасности, по приказанію графа Паликао, онъ окруженъ былъ многочисленнымъ войскомъ. Посреди шума и крика, Трошю читалъ предложеніе правительства составить правительственный совѣтъ изъ пяти членовъ, для національной защиты, предлагая себя въ генеральнаго штатгальтера при этомъ совѣтѣ. Тьеръ и нѣсколько другихъ депутатовъ противопоставили ему другое предложеніе—предоставить палатѣ назначить правительственную и оборонную комиссію и, лишь только обстоятельства дозволятъ, созвать конституціонное собраніе; Жюль-Фавръ и его друзья между тѣмъ настаивали на своемъ проектѣ—отрѣшенія императорской династіи отъ престола; на ихъ сторонѣ была вся народная масса. Эта уличная аристократія Парижа опять взялась за законодательную роль и воля ея уже становилась закономъ для цѣлаго государства. Для министерства событія при Седанѣ не оставались тайной еще съ полудня 3-го числа; но по ходу событій оно давно могло приготовиться къ тому, что его теперь постигло: довольно времени было даже съ вечера 3-го до полудня 4-го числа, чтобы принять какое нибудь рѣшеніе и начать дѣйствовать; но время проходило и ничего не дѣлалось; между тѣмъ народныя массы, раздраженныя пораженіемъ, волновались и приходили въ полную ярость; онѣ безпорядочными толпами бродили по улицамъ и шумѣли; нашлись предводители, и народныя волны потекли къ дворцу законодательнаго корпуса, нагромождаясь часъ отъ часу все болѣе и болѣе. Депутаты заперлись въ своихъ бюро, чтобы обсудить сдѣланныя предложенія; но народъ шумѣлъ, волновался и готовъ былъ ворваться въ залы: слабое сопротивленіе войска не могло удержать его. Между народомъ можно было различать мундиры національной гвардіи, и ихъ было много; масса шла впередъ съ громкими криками: «долой императора, долой Бонапартовъ!» Во внутреннихъ дворахъ и на лѣстницахъ разставлены были линейныя войска; и на этотъ разъ они были побѣждены и обезоружены средствомъ, многократно испытаннымъ. При видѣ солдатъ народъ только крикнулъ: «да здравствуютъ линейные полки!» При этомъ привѣтствіи, ружья, нацѣленныя на народъ, опустились, и народныя массы безпрепятственно проникли въ залы дворца, наполнили ихъ и съ каѳедръ начали шумно толковать и спорить между собою. Президентъ палаты депутатовъ наконецъ появился въ залѣ, чтобы возобновить засѣданіе: депутаты вышли изъ своихъ бюро; нѣкоторые вожди оппозиціи: Гамбетта, Доріанъ, Жюль-Фавръ пытались, повидимому довольно усердно, унять волненіе и гамъ. Но попытки были ихъ напрасны. Уличныя толпы все гуще и гуще наполняли залы, не могло больше быть и рѣчи о правильномъ засѣданіи; депутаты, мало-по-малу, одинъ за другимъ уходили и къ 3-мъ часамъ ни одного не осталось въ залахъ; толпа бушевала, шумѣла нѣкоторое время, но никакихъ насилій не дѣлала. Отсюда народъ повалилъ въ Отель-

де-Виль, гдѣ все дальнѣйшее произошло само собою. Здѣсь вожди лѣвой стороны, уже давно приближавшіеся къ своей цѣли, собрались заблаговременно и составили временное правительство, но устроили такъ, чтобы царственный народъ самъ утвердилъ ихъ въ этомъ званіи. Депутаты города Парижа составили «правленіе національной обороны» и присоединили къ своему комитету генерала Трошю, назначивъ его президентомъ; главными членами были извѣстные ораторы и адвокаты оппозиціи—Эмануилъ Араго, Кремье, Жюль-Фавръ, Ферри, Гамбетта, Гле-Бизоэнъ, Пеллетанъ, Пикаръ, Жюль-Симонъ и, наконецъ, въ теченіе дня освобожденный изъ заключенія Рошфоръ. Оставалось доказать, умѣютъ ли эти люди управлять лучше императорскаго министерства; имперія падала безъ борьбы, отъ однихъ только криковъ и требованій нѣсколькихъ тысячъ черни; единственный человѣкъ, способный дѣйствовать, опытный, энергическій, знающій дѣло, полный правительственнаго ума и таланта, мужественный Тьеръ отказался вступить въ число этихъ правителей. Но генералъ Трошю не задумываясь принялъ предложенную ему честь президентства, несмотря на то, что долгъ чести и присяги привязывалъ его къ императорской династіи. Онъ вѣроятно полагалъ, что помочь ей ничѣмъ не можетъ; къ тому же во Франціи въ теченіе послѣдняго столѣтія привыкли легко относиться къ присягѣ, и на перемѣну политическихъ убѣжденій смотрѣли какъ на вещь обычную.

Императорскій правительственный строй дѣлалъ очень слабыя попытки сопротивленія и вскорѣ не подавалъ больше признаковъ жизни. Императрица женскимъ чутьемъ убѣдилась, что до поры до времени всѣ надежды династіи рушились, и поэтому еще задолго до послѣдней катастрофы, пока министры еще появлялись къ ней, убѣждала ихъ неоднократно не думать о династіи, но все свое вниманіе обратить на спасеніе и на благо Франціи; 4-го числа она оставила Тюльерійскій дворецъ еще задолго до того времени, какъ народъ его осадилъ. Никѣмъ не замѣченная и неузнанная, она счастливо добралась до приморской гавани Трувиль; тутъ ея приближенные довѣрили тайну одному англичанину; онъ принялъ ее со свитой на свою яхту и перевезъ въ Англію.

Значительное число членовъ законодательнаго корпуса собралось въ домѣ своего президента и рѣшилось принять предложеніе Тьера, сдѣланное еще наканунѣ въ полдень, и единственно благоразумное въ данныхъ обстоятельствахъ, а именно: назначить правительственную и оборонную комиссію, а впослѣдствіи созвать конституціонное собраніе, но теперь, посредствомъ депутатовъ, войти въ сношеніе съ депутатами, утвердившимися въ Отель-де-Виль. Въ 8 часовъ вечера, опять началось засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Тьера. Въ этомъ засѣданіи явились Жюль-Фавръ и Жюль-Симонъ, не какъ депутаты, но какъ члены новаго правительства, составленнаго въ Отель-де-Виль. «Если вы дадите свою ратификацію на то, что мы устроили, сказали они, мы будемъ вамъ очень благодарны, еслижъ нѣтъ, то намъ и горя мало; что же касается насъ, людей порядка и свободы, то мы, принимая наше назначеніе, смотримъ на него какъ на патріотическую миссію и постараемся выполнить нашъ долгъ.» Послѣ этого они удалились; оставшіеся депутаты начали разсуждать о томъ, какъ имъ держать себя въ этомъ новомъ положеніи. Тьеръ совѣтовалъ поддерживать временное правительство, особенно въ мѣрахъ предпринимаемыхъ имъ для защиты отъ враговъ; когда же нѣкоторые изъ членовъ предложили протестовать противъ насильственнаго похищенія власти, онъ замѣтилъ, что и онъ въ свое время былъ членомъ національнаго собранія, и содержался въ государственной тюрьмѣ Мазасъ, но что протесты всегда и особенно въ настоящую минуту ни къ чему не ведутъ. Въ 10 часовъ вечера разошлись, ни на что не рѣшившись; это была самая благоразумная мѣра, какую можно было придумать; сенатъ умеръ еще скорѣе и еще легче. Сенатъ собрался въ 12 часовъ того же самаго 4-го числа. Члены его проводили время въ пустословіи: то тотъ, то другой изъ этихъ пенсіонеровъ правительства высказывалъ свою преданность къ царствовавшей династіи и свое негодованіе на предложеніе объ отрѣшеніи ея отъ престола, сдѣланное въ палатѣ депутатовъ; такъ какъ не было предмета для обсуживанія и рѣшенія, то засѣданіе было прекращено и вновь открыто въ 3 часа; отъ законодательнаго корпуса не было представлено никакого проекта, никакого дѣла и ничего ожидать нельзя было; поэтому лучшее, чего можно было желать и надѣяться для

этой корпораціи, было бы, чтобы какая нибудь изъ шаекъ народныхъ забѣжала сюда и сенатъ былъ бы разогнанъ силой, слѣдовательно, съ эфектомъ сошелъ бы со сцены. Но никто не подумалъ о сенатѣ и никто изъ черни не заглянулъ въ него. Послѣ этого оставалось самимъ сенаторамъ разойтись, и бывшій министръ юстиціи Барошъ произнесъ заключительную рѣчь. «Еслибы мы имѣли основаніе ожидать, сказалъ онъ съ удивительнымъ простодушіемъ, что революціонныя силы, хлынувшія въ засѣданіе законодательнаго корпуса, обратятся и на сенатъ, то, по моему мнѣнію, каждый изъ насъ долженъ бы былъ оставаться на своемъ мѣстѣ и съ радостью отдать свою жизнь... Къ несчастію, у насъ нѣтъ этой надежды... но расходясь по домамъ и покидая свой постъ, мы все таки уступаемъ силѣ...» Предложеніе, сдѣланное однимъ изъ членовъ, что сенатъ объявитъ свой составъ неизмѣннымъ и постояннымъ, было отвергнуто и засѣданіе закрыто; представленіе кончилось, и всѣ участвовавшіе въ немъ разошлись по домамъ.

Въ Парижѣ, такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ произошла революція, какъ похвалялись, безъ капли крови. По крайней мѣрѣ въ данную минуту на улицахъ не пролито было крови; ближайшее будущее однако показало, какъ дорого она все-таки обошлась народу. Но пока все шло привычнымъ образомъ: въ тотъ же вечеръ появилась прокламація новаго правительства: «Французы, народъ, замѣтивъ нерѣшительность палаты, самъ дѣйствовалъ. Чтобы спасти отечество отъ опасности, въ которой оно находится, народъ потребовалъ республиканской формы правленія. Онъ своимъ представителямъ поручилъ отечество въ минуту опасности. Республика отбила нашествіе иноплеменныхъ въ 1792 году, мы и теперь того же ожидаемъ отъ нея. Республика совершилась во имя права и общественнаго счастія.» Въ такомъ же родѣ было сдѣлано обращеніе къ народонаселенію Парижа и къ арміи—на сколько она еще существовала, мы увидимъ позже. Французы легкомысленно перешагнули черезъ событіе, разрѣшавшее данную присягу и пошатнули чувство привязанности, вѣрности и чести въ сердцѣ солдатъ: «Если генералъ не выполняетъ своего долга, нарушаетъ обязанности командованія, его у него отнимаютъ. Если правительство своими ошибками подвергаетъ опасности народное благо, его отставляютъ. Это самое Франція только-что сдѣлала. Отрѣшая отъ престола династію, виновницу нашихъ несчастій, она передъ лицомъ цѣлаго свѣта совершила великій подвигъ справедливости...» Это могло бы заставить улыбнуться, если бы не было такъ серьезно: Франція посредствомъ этой прокламаціи узнала, что такое она сдѣлала, и нигдѣ не послышалось протеста, никто не роптalъ на то, что кучка людей, временное правительство, или вѣрнѣе одинъ генералъ дѣйствуетъ во имя націи, накапливаетъ на нее долги; это здѣсь надобно понимать не въ переносномъ, но въ буквальномъ значеніи слова.

Но беззаконіемъ захваченная власть не смущала этихъ людей, они спокойно дѣлили между собою должности и раздавали министерства самымъ способнымъ изъ своей среды. Иностранное министерство принялъ Фавръ, внутреннее — Гамбетта, безспорно самый даровитый изъ всѣхъ членовъ временнаго правительства; военное министерство принялъ генералъ Лефло, морское — адмиралъ Фуришонъ, юстиціи—Кремье, финансовъ—Пикаръ, просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ—Симонъ, земледѣлія и торговли — Маньянъ; дальнѣйшія событія показали, насколько безразлично было, кому досталось управленіе министерствомъ внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ — много или мало понимали эти люди порученныя имъ дѣла, каждый изъ этихъ людей, искусныхъ въ судебныхъ и палатскихъ преніяхъ, испытанныхъ въ революціонныхъ и государственныхъ переворотахъ, въ заговорахъ, интригахъ и т. д., каждый изъ нихъ считалъ себя способнымъ быть министромъ всякаго отдѣльнаго министерства безразлично—внутреннихъ, или иностранныхъ дѣлъ, военнаго, финансовъ, культа, торговли, все равно, лишь бы быть министромъ; что вышло при такого рода распредѣленіи занятій и отъ неумѣлыхъ распоряженій—вскорѣ обнаружилось въ яркихъ чертахъ. Между тѣмъ никто не заботился о томъ, законно ли присвоена верховная власть тѣмъ или другимъ лицомъ; способны ли они выполнять свои обязанности. Главное условіе было выполнено: правительство было составлено исключительно изъ противниковъ имперіи; это соотвѣтствовало преобладающему настроенію общества, въ высшей степени раздраженнаго противъ всего, что носило на себѣ отпечатокъ преданности императорскому правленію. Впрочемъ

послѣднее рѣшеніе участи Франціи предоставлялось самому народу, потому что объявлено было, что немедленно будетъ созвано національное собраніе; но такимъ людямъ, какъ Гамбетта, вовсе не хотѣлось собирать національныхъ представителей—для него и для подобныхъ ему, первая, важнѣйшая задача заключалась въ войнѣ; при своемъ фанатизмѣ и незнаніи, они ожидали чудесъ отъ республики, думали, что она, однимъ именемъ своимъ, развѣетъ нѣмецкое войско, какъ прахъ. Не пересматривая и не вникая въ исторію собственнаго отечества и сосѣднихъ государствъ, они опирались только на фактѣ, что нашествіе въ 1792 г. было отражено побѣдоносными войсками республики, не принимая въ соображеніе, что тутъ кромѣ республики были еще другія важнѣйшія причины успѣха и, наконецъ, что нѣмецкія войска 1870 года вовсе не похожи на войска нѣмецкой коалиціи 1792 года. Но большинство народонаселенія Франціи думало такъ. Со всѣхъ сторонъ ему натолковали о непобѣдимости Франціи, и никто не сомнѣвался въ этомъ. Императорскіе военачальники и войска очень ясно доказали, что при такомъ порядкѣ дѣлъ побѣды нѣтъ, слѣдовательно, все то, чего можно было ожидать отъ французскаго оружія, заключалось въ магической силѣ республики, и что только при этой формѣ правленія Франція непобѣдима. Къ тому же, это была новизна, тѣшившая народъ, и онъ, бушуя и радуясь, повсюду выказывалъ свой энтузіазмъ, разрушая и ломая императорскіе бюсты, или забрасывая чѣмъ попало императорскіе памятники, низвергая императорскіе орлы, ломая и коверкая портреты. Такъ тѣшились жители Парижа въ теченіе нѣсколькихъ дней; за республиканскими демонстраціями, за восклицаніями: «vive la république», позабыли о приближеніи прусскаго войска.

Новое республиканское правительство дало о себѣ знать всѣмъ европейскимъ дворамъ: министръ иностранныхъ дѣлъ, Фавръ, послалъ 6 сент. циркуляръ ко всѣмъ дипломатическимъ агентамъ Франціи. Но циркуляръ этотъ не могъ дать выгоднаго мнѣнія о новомъ правительствѣ: этотъ актъ былъ произведеніемъ политическаго диллетантизма, настолько же лживаго, насколько лживы были послѣдніе акты императорскаго управленія; но въ этомъ гальское высокомѣріе еще соединилось съ непонятнымъ ребячествомъ. «Мы,—т. е. люди сами себя поставившіе правителями Франціи—мы всегда громко противились войнѣ и отвергали ее, выражая полное наше уваженіе и сочувствіе къ правамъ народовъ, мы требовали, чтобы Германіи предоставлено было право распоряжаться своею судьбою...» «Императорское министерство отвергло нашу политику... но мы опять возвращаемся къ ней въ надеждѣ, что Франція, наученная опытомъ, будетъ имѣть благоразуміе слѣдовать ей...» При настоящемъ положеніи дѣлъ Франціи не трудно было бы послѣдовать этому совѣту; въ этомъ актѣ говорилось дальше: «Съ своей стороны Прусскій король объявилъ, что ведетъ войну не съ Франціей, но съ императорской династіей. Теперь династія низвержена. Освобожденная Франція воспрянула. Неужели Прусскій король захочетъ продолжать постыдную войну, которая для его народа можетъ быть такою же роковою, какъ для насъ?... Если это вызовъ, то мы его принимаемъ. Мы не уступимъ ни одной пяди нашей почвы, не отдадимъ ни одного камня отъ нашихъ крѣпостей. Безчестный миръ былъ бы началомъ истребительной войны, послѣ короткаго промежутка времени...» Затѣмъ адвокатъ съ гордою самонадѣянностію началъ высчитывать свои военныя силы: «Парижъ защищенъ фортами, за фортами брустверы, за брустверами баррикады. Парижъ можетъ держаться три мѣсяца и можетъ побѣдить; но положимъ даже, онъ падетъ, тогда на зовъ его поднимется Франція, чтобы мстить за него, она не устанетъ, она будетъ продолжать борьбу, и при такой твердости противникъ непремѣнно долженъ погибнуть. Пусть вся Европа это знаетъ!»

Но эта громкая рѣчь не могла обмануть ни Германіи, ни остальной Европы: горькая истина говорила сама за себя съ неумолимою осязательностію фактовъ. Мысль, скрытая въ циркулярѣ, была ясна: желательно было бы, чтобы король Прусскій сдѣлалъ первый шагъ къ миру и началъ переговоры, но при этомъ не могло быть и рѣчи о территоріальной уступкѣ, даже не допускалось разрушеніе крѣпостей—дѣятелямъ хотѣлось, чтобы дерзко вызванныя на бой нѣмецкія войска обратились вспять, въ ту минуту, когда они одержали, подъ начальствомъ своего короля, славную побѣду, когда передъ ними цѣлая армія принуждена была положить оружіе и отдаться въ плѣнъ, и когда вторая часть французской арміи должна была ожидать

той же участи;—уступить требованію людей, называвшихъ себя Франціей, но не убѣжденныхъ въ томъ, что завтра новая толпа ихъ не свергнетъ, такъ, какъ вознесла сегодня. Нѣтъ, требованіе ихъ не заслуживало серьезнаго обсужденія людей умныхъ.

Для нѣмцевъ дѣло было ясно и не требовало никакихъ объясненій; не было ни малѣйшей разногласицы въ мнѣніяхъ: всякій понималъ, что дальше неминуемо будетъ. Королю Прусскому, какъ мы уже замѣтили, и въ умъ не приходило объявлять, что онъ ведетъ войну съ Наполеономъ, а не съ Франціей; онъ только просто-на-просто въ своей прокламаціи высказалъ правила войны между цивилизованными народами, во времена христіанскія, въ отличіе отъ войнъ во времена языческія, правила, по которымъ сражаются только войска, а не жители, когда каждый какъ и чѣмъ можетъ бьется для удовлетворенія своей личной мести: такое правило должно быть понятно само собою, но французы (по мнѣнію нѣмцевъ) не понимали его и старались вредить не только вооруженнымъ непріятелямъ, но и мирнымъ гражданамъ; они, къ стыду своему, изгоняли изъ пограничныхъ областей поселившихся тамъ нѣмцевъ и отнимали ихъ имущество. Нѣтъ, войну велъ не Прусскій король съ Наполеономъ, но Германія съ Франціей, и теперь она могла высказать свои требованія не Наполеону, не возведеннымъ въ должность временнаго правительства адвокатамъ, а самой Франціи и отъ нея требовать того, чего могутъ требовать побѣдители—вознагражденія за несправедливое нападеніе и гарантіи, чтобы это впередъ не повторилось. Въ такомъ смыслѣ король и его союзники формулировали условія мира; война могла быть окончена, если Франція уплатитъ всѣ военныя издержки и отдастъ Германіи Эльзасъ и Лотарингію.

Напрасно французскій министръ пытался запугать германское войско воспрянувшей Франціей и подобными угрозами; онъ нѣмецкое войско называлъ «вооруженнымъ народомъ», да это былъ вооруженный народъ, но онъ еще далеко не весь былъ налицо: въ отечествѣ оставалось еще много готоваго и подготовленнаго для войны народа, рѣшившагося не класть оружія до тѣхъ поръ, пока ихъ отечеству не будутъ возвращены области, нѣкогда отнятыя у него въ минуту слабости. Втайнѣ французское временное правительство не столько разсчитывало на пробуждающуюся Францію, сколько на вмѣшательство европейскихъ державъ; полагали невозможнымъ, чтобы Европа допустила «увеличеніе Пруссіи и ослабленіе Франціи»; надежда на вмѣшательство Европы возрастала, говорили, что Европа не допуститъ нападенія на Парижъ, потому что Парижъ есть достояніе всей Европы. Викторъ Гюго, возвратившійся изъ изгнанія, напечаталъ манифестъ къ нѣмецкимъ войскамъ; въ немъ между прочимъ стояло: «Я, какъ европеецъ, т. е. другъ Парижа, я, какъ парижанинъ, т. е. другъ народовъ, предостерегаю васъ отъ опасности, которой вы подвергаетесь, мои нѣмецкіе братья—Парижъ опасенъ, бойтесь Парижа...» Далѣе онъ обращался къ своимъ соотечественникамъ, которые охотнѣе прислушивались къ словамъ его и болѣе сочувствовали имъ: «Спасти Парижъ, значитъ спасти не только Францію, но цѣлый міръ; Парижъ есть средоточіе человѣчества, Парижъ священный городъ; кто поднимаетъ руку на Парижъ, нападаетъ на цѣлый родъ человѣческій.» Не только люди пылкіе, какъ Викторъ Гюго, увлекающіеся своими политическими фантазіями, но и люди болѣе серьезные, государственные люди, посѣдѣвшіе въ правительственныхъ заботахъ, не могли допустить возможности, чтобы Германія неизбѣжнымъ условіемъ мира поставила пріобрѣтеніе двухъ провинцій, когда-то ей принадлежавшихъ. Гизо, долгое время стоявшій во главѣ управленія первостепенной европейской державы, въ письмѣ своемъ отъ 3-го сентября съ ужасомъ смотритъ на декретъ, изданный нѣмецкими властями въ Эльзасѣ и Лотарингіи; декретомъ этимъ отмѣнялась конскрипція и рекрутскій наборъ, здѣсь предписанный для пополненія французской арміи—онъ смотритъ на это, какъ на превышеніе власти и призываетъ въ свидѣтели и защитники смыслъ англо-французскаго союза, который долженъ служить залогомъ и мѣриломъ нравственной чести и обязанности для обоихъ враждующихъ народовъ.

Европейское вмѣшательство какого бы то ни было рода, до происшествія при Седанѣ, когда еще во Франціи существовало признанное всѣми правительство, было сомнительно; но съ 4-го сентября оно сдѣлалось чисто невозможнымъ.

Дѣло было не въ томъ, что новое правительство было республиканское, что во Франціи случайно установилась республиканская форма: вреда отъ этого ожидать нельзя было, но самое важное заключалось въ томъ, что правительство это было минутное, никто не могъ сказать, долго ли оно продержится: можетъ быть черезъ нѣсколько недѣль, или дней оно будетъ замѣнено еще болѣе радикальнымъ.

Англія съ самаго начала рѣшилась на строгій нейтралитетъ и теперь не находила ни малѣйшаго повода измѣнять своего рѣшенія; тамъ на вещи смотрѣли очень холодно, тамъ предполагали, «что прусская жажда къ завоеваніямъ», о которой толковали во французскихъ газетахъ, вовсе не опасна и менѣе всего можетъ коснуться Великобританскихъ острововъ. Касательно же французовъ англичане такъ разсуждали: еслибы имъ, въ случаѣ удачи, пришлось захватить ту или другую часть рейнскихъ провинцій, то Англія не помѣшала бы удержать ихъ за собою; такъ и теперь, еслибы, наоборотъ, съ ними самими случилось что нибудь подобное. Россія оставалась благосклонна къ Германіи и по своимъ основнымъ правиламъ не могла сочувствовать правительству, постоянно измѣняющемуся и пользующемуся всѣми революціонными случайностями и приключеніями. Въ Вѣнѣ, съ полною удачею при Седанѣ, окончательно потухло всякое воинственное настроеніе. Нѣмецкое народонаселеніе Австріи радовалось этой удачѣ и привѣтствовало побѣду, какъ общее народное достояніе Германіи; оно предчувствовало, что отъ этого успѣха на долю нѣмецко-австрійскаго населенія перепадетъ какая нибудь польза, что нѣмецкое единство неминуемо должно вслѣдъ за этимъ возникнуть, что будетъ чисто нѣмецкое единое государство, съ которымъ венгерско-австрійское принуждено будетъ жить въ мирѣ и согласіи, и что нѣмецкій элементъ въ Австріи получитъ новый вѣсъ; такъ разсуждала австрійская пресса и справедливо указывала на вліяніе, какое седанскіе побѣдители будутъ имѣть въ дѣлахъ своихъ соплеменниковъ. Одинъ только политикъ—графъ фонъ-Бейстъ, морщился и былъ недоволенъ, что всѣ его хитрые ходы разстроены; онъ не могъ скрыть своего неудовольствія, никто не обращался къ нему за помощью, никто не нуждался въ ней. Какъ бы то ни было, но и здѣсь утвердилась политика невмѣшательства, и даже воинственный органъ войнолюбивой партіи «Vaterland» раздѣлялъ это мнѣніе.

Событія 2-го и 4-го Сентября поставили Италію въ исключительное положеніе. Еще во время своего пребыванія въ арміи, Наполеонъ отправилъ своего двоюроднаго брата, зятя итальянскаго короля, во Флоренцію, чтобы по возможности убѣдить его принять участіе въ войнѣ: это по крайней мѣрѣ было занятіе для принца, а то въ лагерѣ ему нечего было дѣлать, и онъ могъ собою только увеличить число плѣнныхъ. Наполеонъ, понятно, не надѣялся на успѣхъ своего посольства: ему нечего было предложить Итальянскому королевству, да и вообще у него ничего больше не оставалось, а замѣнившее его республиканское правленіе и того меньше. Между тѣмъ пораженіе французскаго войска представляло несомнѣнныя выгоды: по непонятнымъ велѣніямъ судьбы побѣды нѣмцевъ, болѣе всего надѣлавшихъ зла Италіи, какъ бы для искупленія своей національной вины, теперь довершали полное объединеніе Италіи и давали ей возможность пріобрѣсть то, чего ей не доставало и чего она такъ желала. Путь въ Римъ былъ открытъ. Лишь только вѣсть о пораженіи при Седанѣ дошла до Флоренціи, какъ посыпались прошенія, появились депутаціи отъ лѣвой стороны, убѣждавшія короля немедленно приступить къ занятію Рима; либеральныя газеты зашумѣли и настаивали на томъ же. Министерство наконецъ рѣшилось: 7-го, министръ иностранныхъ дѣлъ Висконти-Веноста отправилъ циркуляръ ко всѣмъ итальянскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ; онъ въ немъ оповѣщалъ, что итальянское правительство для общей безопасности папы и Италіи, намѣрено занять войсками всѣ необходимые пункты Церковной области, но готово войти въ соглашеніе съ европейскими державами на счетъ обезпеченія духовной независимости папы; 8-го числа итальянскія войска перешли черезъ римскую границу, и королевскій посланный привезъ папѣ письмо, начинавшееся словами: «Съ сыновнею любовью, съ вѣрою истиннаго католика, съ прямотою и честностью короля, съ чувствомъ итальянца еще разъ обращаюсь къ чувству вашего святѣйшества», далѣе дѣлались предложенія войти въ соглашеніе съ Италіей, т. е. уступить ей свѣтскую и удержать одну только духовную власть. Папа отвергъ это предложеніе жесткимъ,

но заслуженнымъ сравненіемъ: «вы—повапленные гробы», и въ короткихъ, но рѣзкихъ выраженіяхъ отказался входить въ какое бы то ни было соглашеніе. Приверженцы папы сравнивали итальянскаго короля съ разбойникомъ, который грабитъ священника и въ то же время проситъ у него отпущенія грѣховъ. Прусскій посланникъ Арнимъ попыталъ было свое посредничество, но оно было отвергнуто; 20-го итальянскія войска явились подъ стѣнами Рима и требовали сдачи. Городъ не сдавался; началась осада, пробита была брешь, но по папскому приказанію дальнѣйшее сопротивленіе было прекращено, и итальянскія войска заняли городъ. Октября 2-го происходила общая подача голосовъ относительно присоединенія Рима къ итальянскому королевству, а 8-го депутація поднесла выводъ плебисцита королю; онъ въ своемъ отвѣтѣ сказалъ, что этимъ пріобрѣтеніемъ много обязанъ счастію; но онъ не показалъ, насколько счастіе это зависѣло отъ успѣховъ нѣмецкаго оружія. Послѣ этого объ участіи во французской войнѣ противъ Германіи не могло быть и рѣчи. Но Италія, т. е. часть итальянскаго народа, сочувствуя погибающей Франціи все-таки послала ей защитника:—Гарибальди, воспламененный названіемъ республики, оставилъ свой островъ и поспѣшилъ во Францію, чтобы раздѣлить послѣднее, самое унизительное пораженіе ея и частію содѣйствовать ему.

Итакъ, ни одна изъ европейскихъ державъ не находила интереса помогать Франціи, добровольно накликавшей на себя бѣду и опасность, и теперь ей приходилось одной собирать плоды, посѣянные ея политикой, вездѣ старавшейся преобладать и насиловать мнѣнія — она оскорбила всѣ державы: Россію, Австрію, Германію; со всѣми вела войну, или всѣмъ грозила войною, съ каждой или противъ каждой интриговала, въ отдѣльности или пыталась вовлечь въ интриги и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствовала подчиняясь идеѣ, какъ въ итальянскомъ вопросѣ, не воспользовалась чувствомъ благодарности потому, что потеряла на него право, оставивъ дѣло неконченнымъ и захвативъ богатое вознагражденіе за то малое, что сдѣлала.

Вслѣдъ за циркуляромъ Фавра, разосланнымъ къ европейскимъ дворамъ, Тьеръ предпринялъ путешествіе къ нимъ, чтобы поддержать свое шаткое правительство и подкрѣпить доводы Фавра; въ отвѣтъ на то и другое Бисмаркъ указалъ только на логику фактовъ. Въ циркулярѣ, написанномъ въ Реймсѣ, 13 сентября, онъ указалъ, какъ единодушно народные представители и пресса Франціи требовали войны противъ Германіи и что въ видахъ такой воинственности, сосѣдняя Германія не можетъ считать себя и впередъ безопасной отъ подобныхъ покушеній къ завоеваніямъ и не можетъ полагаться на миролюбивое настроеніе народа, выраженное въ циркулярѣ Фавра. Далѣе, онъ замѣтилъ, что Франція никогда не забудетъ и не проститъ вынесеннаго ею пораженія и побѣдоносно отраженнаго покушенія ея на завоеванія въ Германіи: „Если мы теперь выйдемъ изъ Франціи, не отнявъ у нея нѣкоторыхъ областей и не взявъ контрибуціи, довольствуясь только славою, пріобрѣтенною нашимъ оружіемъ, то ненависть къ намъ и готовность къ мести отъ этого ни на волосъ не уменьшатся, потому что наши успѣхи оскорбили честолюбіе Франціи и ея страсть къ преобладанію; французы будутъ только выжидать перваго удобнаго случая, чтобы дать волю этимъ чувствамъ выразиться въ дѣйствіяхъ.“ Но нельзя ожидать, чтобы нѣмцы, во всякую данную минуту способны были къ такимъ усиліямъ и къ такому самопожертвованію, какъ въ настоящее время; вотъ почему необходимо заручиться матеріальными залогами безопасности Германіи и, слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ упрочить общеевропейскій миръ, потому что Германія не нарушитъ его, этого нечего опасаться. Бисмаркъ не оставилъ недоговореннымъ, въ чемъ именно состоятъ эти залоги: „Поэтому мы можемъ, при заключеніи мира, ясно поставить наши требованія: чтобы затруднить нападеніе со стороны Франціи на нѣмецкія, до сихъ поръ беззащитныя южныя границы — мы эти границы должны отодвинуть и крѣпости, которыми Франція угрожала намъ, присоединить къ Германіи съ тѣмъ, чтобы онѣ служили ей защитой.“

Послѣ этого Франціи оставалось оружіемъ защищать эти области и крѣпости; надобно признаться, въ этомъ случаѣ люди, захватившіе власть, были въ своемъ правѣ. Какъ бы сомнительна ни была побѣда, но такое первостепенное государство, какъ Франція, при своихъ историческихъ воспоминаніяхъ, при тѣхъ средствахъ

какими она обладала, при тѣхъ претензіяхъ, какія имѣла,— не могла и не должна была соглашаться на территоріальное уменьшеніе, не испытавъ всѣхъ зависящихъ отъ нея и даже отчаянныхъ средствъ защиты. Нельзя уважать характера большинства людей, захватившихъ верховную власть, нельзя сочувствовать ихъ хвастовству будущими побѣдами, ихъ самохвальству, ихъ грубой брани, какою они осыпали своихъ противниковъ; надобно удивляться незнанію дѣла, отвѣтственность за которое, однакожь, приняли на себя; однимъ словомъ, по большей части, они были не лучше зачинщиковъ войны и подобно имъ обманывали другихъ и себя также, какъ тѣ; но имъ надобно отдать справедливость, что въ минуту величайшей опасности, въ какой находилась Франція, они не упали духомъ и мужественно призывали французскій народъ къ оружію, чтобы отчаянно бороться съ судьбою, готовящеюся одолѣть несчастную Францію, призывали народъ къ борьбѣ на жизнь и на смерть, къ борьбѣ отчаянной, на которую холодный разсудокъ не совѣтовалъ бы рѣшаться, но которую неотступно требовала національная честь.

Надобно отдать честь французскому народу: въ то время, когда регулярная армія почти вся до тла была уничтожена, народъ все-таки продолжалъ сопротивляться въ теченіе пяти мѣсяцевъ, опираясь на Парижъ, эту величайшую въ мірѣ крѣпость, и пользуясь всѣми средствами, какія могло доставить богатое и воинственное народонаселеніе государства, наполненнаго крѣпостями и въ теченіе многихъ вѣковъ приготовлявшагося къ войнѣ; съ другой стороны, сражаться при такихъ обстоятельствахъ и для нѣмецкаго войска, хотя испытаннаго въ бояхъ и одушевленнаго успѣхомъ, было дѣло трудное. Мы просто-на-просто эту вторую половину войны назовемъ б о р ь б о ю и з ъ - з а П а р и ж а и замѣтимъ, что по употребленнымъ для того усиліямъ, по представлявшимся трудностямъ эта половина нисколько не уступаетъ первой.

Парижъ сдѣлался цѣлью всѣхъ военныхъ операцій нѣмецкаго войска. Только отъ взятія его можно было ожидать мира. Значеніе Парижа, какъ столицы, было для Франціи важнѣе всякой другой столицы для своего государства. „Э т о в е л и к о е ц ѣ л о е“, сказалъ Тьеръ въ своей рѣчи 1840, когда онъ въ палатахъ депутатовъ излагалъ необходимость своего проекта укрѣпленія Парижа, „оно думаетъ, движется и дышетъ, какъ одинъ человѣкъ — но только при томъ условіи, если у него будетъ одинъ общій центръ, отъ котораго будетъ распространяться живительная пульсація.—Поразите этотъ центръ, и вся Франція будетъ походить на человѣка, пораженнаго въ голову.“ Пришло время испытать, въ самомъ ли дѣлѣ Парижъ былъ центромъ такъ хорошо укрѣпленнымъ, какъ тогда увѣряли, и дѣйствительно ли благодаря ему, Франція непобѣдима. Защитники его разсуждали такъ: пока Парижъ и Метцъ будутъ сдерживать и отвлекать главныя непріятельскія силы, новыя войска будутъ организоваться въ отдаленныхъ частяхъ Франціи, а народная война разовьется въ самомъ обширномъ размѣрѣ. Энергическое предписаніе новаго министра внутреннихъ дѣлъ, Гамбетты, отъ 8 сент., вмѣняло въ обязанность всѣмъ префектамъ не думать о чемъ иномъ, кромѣ войны и все прочее подчинить этому взгляду; правительство отъ себя отдѣлило делегацію, отправивъ ее въ Туръ, съ тѣмъ, чтобы организовать правильную оборону съ этой стороны; мысль была хороша, но сдѣлали ошибку: вмѣсто того, чтобы это дѣло поручить молодому и энергическому Гамбеттѣ, или, еще лучше, какому нибудь дѣятельному и знающему генералу, оно было поручено семидесяти четырехлѣтнему старику Кремье, никогда не показывавшему особенной энергіи и военныхъ способностей, и столько же неспособному, Гле-Бизоэну.

Послѣ первыхъ пораженій, въ Парижѣ уже начали подумывать и поговаривать о возможности осады, поэтому несмотря на то, что во всѣхъ другихъ отношеніяхъ фантазировали и обманывали себя призраками, въ этомъ поступали обдуманно, и дѣлали очень серьезныя приготовленія къ оборонѣ. Укрѣпленія Парижа состояли изъ ряда отдѣльныхъ фортовъ, охватывавшихъ Парижъ кольцомъ въ $7^1/_2$ нѣмецкихъ миль длины; затѣмъ, укрѣпленные валы Парижа простирались на 4 мили. За валами работала коммиссія устройства баррикадъ; во главѣ ея стоялъ Рошфоръ, котораго ни на что иное нельзя было употребить; но это домашнее средство защиты не имѣло никакой важности, потому что на него нельзя смотрѣть, какъ на дѣло военное, это скорѣе была одна изъ многихъ уступокъ дилетантизму воин-

ственныхъ радикаловъ. Парижъ, безъ спору, была громаднѣйшая изъ крѣпостей въ мірѣ; ее надобно было защищать отъ трехъ враговъ: отъ внутренняго возстанія, отъ голода и отъ внѣшнихъ враговъ.

Первый изъ этихъ трехъ враговъ былъ самый опасный; онъ уже обнаруживалъ признаки своего существованія съ первыхъ дней революціи, съ 4 сентября; одинъ изъ тѣхъ безумныхъ злодѣевъ, которые завладѣли наконецъ несчастнымъ городомъ, появился уже 8-го числа, онъ называлъ себя генераломъ Клюзере; онъ напечаталъ статью, порицавшую назначенія, сдѣланныя новымъ правительствомъ, и иныя правительственныя распоряженія; онъ упрекалъ Гамбетту за то, что онъ угождаетъ Пруссіи; но на первое время отъ этихъ необузданныхъ людей еще не предвидѣлось серьезной опасности. Нападеній втораго врага — г о л о д а — парижане еще не знали; городъ былъ на столько снабженъ всѣмъ нужнымъ, что голодъ появился только несравненно позже—нѣмцы, никакъ не предполагали, чтобы въ Парижѣ было такъ много съѣстныхъ припасовъ. Еще при императорѣ, министръ Клеманъ Дювернуа подготовилъ много продовольствія—съ необыкновенной энергіей и предусмотрительностью. По желѣзнымъ дорогамъ и по водѣ, на пароходахъ свозили отовсюду припасы; всѣ жители окрестностей Парижа, слѣдуя собственному чувству страха и патріотизма, или привлеченные жаждою корысти, со всѣми своими запасами, имуществомъ, скотомъ и жатвой набирались въ Парижъ и чувствовали себя въ безопасности только за фортами; кромѣ того, городъ, съ постоянными 2 милліонами жителей—цѣлый отдѣльный міръ—тоже обладалъ огромными запасами; много было припасено для торговли и для другихъ цѣлей; много помощи предложила наука, онъ изыскала новые источники продовольствія, однимъ словомъ, осажденный Парижъ продержался долѣе, чѣмъ ожидали. Но, къ несчастію, а р м і я, долженствовавшая защищать городъ отъ враговъ, была въ дурномъ состояніи. Изъ регулярнаго войска былъ только корпусъ Винуа, счастливо избѣжавшій вражескаго преслѣдованія,—его подкрѣпляло нѣсколько тысячъ солдатъ, бѣжавшихъ отъ Седанской катастрофы; но тѣ и другіе прибыли въ Парижъ въ самомъ жалкомъ видѣ; кромѣ того, здѣсь формировался новый корпусъ, XIV, однако онъ былъ еще не готовъ,—онъ состоялъ изъ резервовъ гвардіи и различныхъ линейныхъ полковъ, всего около 65,000 человѣкъ. Кромѣ того, въ Парижъ стянули отъ 15 до 18,000 морскихъ солдатъ, превосходно обученныхъ и дисциплинированныхъ; ихъ преимущественно раздѣлили по фортамъ, въ качествѣ артиллеристовъ; были еще пограничная и таможенная стража, жандармы, лѣсная стража, собранные изъ различныхъ провинцій, пожарные, всего до 100,000 человѣкъ; все это были настоящіе солдаты. Почти столько же было подвижной гвардіи, пополненной, очищенной и подкрѣпленной лучшими элементами, привлеченными изъ департаментовъ; кромѣ того, еще была на лицо постоянная національная гвардія (garde nationale sédentaire), увеличенная и подкрѣпленная безчисленнымъ множествомъ рабочихъ, оставшихся безъ дѣла и поддерживавшихъ такимъ образомъ свое существованіе — ихъ всего могло набраться до 200,000 человѣкъ, такъ что сумма всѣхъ обмундированныхъ и распадавшихся на группы волонтеровъ подъ различными фантастическими названіями—вольныхъ стрѣлковъ прессы, дѣтей Парижа и т. д., превышала 400,000 чел. Изъ всей этой вооруженной массы составились три арміи: I, составленная изъ 266 батальоновъ національной гвардіи, находилась подъ командой генерала Томаса, II армія — подъ начальствомъ Дюкро и, наконецъ, III армія — подъ командою самого Трошю. Но задача состояла въ томъ, чтобы изъ этой массы людей образовать хорошее, способное, мужественное войско; осада длилась 132 сутокъ, въ каждыхъ суткахъ по 24 часа, казалось бы, времени довольно, чтобы разрѣшить задачу, но время прошло, а войска хорошаго изъ этой разнородной массы не составилось. Во-первыхъ, оно было не довольно хорошо вооружено, и оружіе разнокалиберное; это разношерстое войско должно было начать обученіе съ самыхъ элементарныхъ началъ, но для этого нужны были хорошіе, знающіе офицеры, а ихъ не было. Линейные полки, находившіеся въ Парижѣ, сами были плохо обучены и дисциплинированы, и поэтому не могли служить образцомъ для новобранцевъ; но чувствительнѣе всего было отсутствіе нравственнаго, организующаго и правящаго начала. Губернаторъ, начальникъ города и войска, не имѣлъ той желѣзной воли, какой требовало отчаянное положеніе дѣлъ. Генералъ Трошю былъ человѣкъ

знающій, глубоко изучившій военныя науки, либеральный, строго-нравственный; онъ во времена имперіи всегда удалялся отъ военныхъ проходимцевъ и выскочекъ преторіанцевъ, тѣснившихся около престола императорскаго, и обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что постоянно писалъ дѣльныя критики, охуждавшія новую организацію войска; то, что онъ говорилъ при началѣ войны, теперь оправдалось; когда опасность увеличилась, тогда всѣ начали видѣть въ немъ человѣка, способнаго спасти отечество, и положились на него съ слѣпою довѣренностію, хотя онъ ничѣмъ не доказалъ способностей полководца, но кромѣ него оппозиція не могла указать ни на одного, сколько нибудь замѣчательнаго генерала. Генералу очень лестно было такое мнѣніе; онъ старался поддержать его и еще болѣе заслужить общее расположеніе, издавая прокламаціи, въ которыхъ до смѣшнаго льстилъ народу, выхвалялъ его мужество, стойкость и преданность, когда еще не было случая выказать ни одной изъ этихъ военныхъ доблестей. Онъ самъ выказалъ очень незначительный талантъ, какъ организаторъ и какъ предводитель войска, хотя былъ отличнымъ военнымъ теоретикомъ и превосходнымъ знатокомъ дѣла, но онъ взялъ на себя защиту города безъ внутренняго убѣжденія въ необходимости ея, хотя и старался противное внушить своимъ подчиненнымъ: онъ на защиту Парижа, т. е. на продолженіе войны, въ душѣ хотя и смотрѣлъ, какъ на героическое дурачество, но, все-таки, необходимое. Онъ показалъ непростительную слабость характера относительно шумящихъ народныхъ силъ и разглагольствующихъ журнальныхъ дилетантовъ и демагоговъ.

Время до появленія нѣмецкаго войска прошло въ приготовленіяхъ и въ шумныхъ тирадахъ, которыми ораторы и народъ пытались поддерживать и разжигать свое мужество и пробудить какъ можно сильнѣйшее негодованіе противъ приближающихся нѣмецкихъ варваровъ, вандаловъ и гунновъ. У французовъ не доставало одного изъ важнѣйшихъ условій удачи: они не придавали настоящей цѣны и значенія своимъ врагамъ, и всѣ начиная отъ генерала до послѣдняго солдата и новобранца презирали нѣмецкое войско. Между тѣмъ, напротивъ, нѣмецкіе военачальники и государственные люди вполнѣ сознавали, какія трудности имъ предстояли при осадѣ Парижа, при дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ и, болѣе всего, какъ трудно будетъ добиться мира.

О мирѣ пока еще и думать нельзя было: интересы Германіи требовали дальнѣйшей войны; надобно было сломить силу Франціи и дождаться, чтобы республиканская партія достаточно нахозяйничалась и уходилась. На миръ можно было только тогда надѣяться, когда побѣда будетъ полная и окончательная.

Нѣсколько часовъ послѣ капитуляціи седанской арміи и крѣпости, изъ нѣмецкой главной квартиры даны были приказанія для дальнѣйшаго движенія къ столицѣ Франціи. Уже 4-го сентября двинулись арміи обоихъ кронпринцевъ; авангардъ состоялъ изъ кавалеріи, приблизившейся уже черезъ нѣсколько дней къ Парижу. На пути были нѣкоторыя задержки. Городъ и крѣпость Лаонъ, находившаяся на операціонной линіи IV арміи, сдалась 10-го сентября на капитуляцію; линейные полки сдѣлались военноплѣнными, подвижная гвардія, послѣ того, какъ дала обѣщаніе не служить противъ нѣмецкой арміи, распущена; въ то самое время, когда гарнизонъ выходилъ изъ цитадели, а нѣмецкіе егеря занимали ее, пороховой погребъ, находившійся во дворѣ, взлетѣлъ на воздухъ и произвелъ ужасное опустошеніе между оставшимися еще въ цитадели французами и вступившими нѣмцами. Герцогъ Вильгельмъ Мекленбургскій и французскій комендантъ были ранены. Погребъ взорвалъ одинъ французскій унтеръ-офицеръ, горячо ненавидѣвшій нѣмцевъ. Ненависть къ нѣмцамъ возрастала со дня на день между простымъ народомъ, и потому на этотъ взрывъ смотрѣли какъ на величайшій подвигъ геройства; виновникъ являлся какъ бы новымъ Леонидомъ или Винкельридомъ, имя его повторялось съ восторгомъ и важность его подвига была до крайности преувеличена. Даже новый министръ иностранныхъ дѣлъ, говоря объ этомъ, повторилъ преувеличенія: по его словамъ, вмѣстѣ съ погребомъ взлетѣлъ на воздухъ и прусскій генеральный штабъ; онъ прибавилъ въ офиціальномъ донесеніи: «пруссаки не мстятъ жителямъ города, но они очень упали духомъ, они убѣждены, что найдутъ въ Парижѣ свою могилу».

Первые нѣмецкіе кавалерійскіе отряды явились близъ Корбеля 15, а послѣдній

поѣздъ желѣзной дороги отошелъ изъ Парижа 17-го сен.; «всѣ дороги и всѣ поля покрылись врагами», стоитъ въ одномъ изъ дневниковъ; 15-го обѣимъ нѣмецкимъ арміямъ данъ былъ приказъ окружить городъ; 19-го главная квартира короля перенесена была въ Ферріеръ, загородный замокъ барона Ротшильда; кронпринцъ Прусскій, 20-го, занялъ Версаль, на югозападъ отъ Парижа, а кронпринцъ Саксонскій помѣстился въ Грандъ-Трампле, на сѣверовостокъ отъ города.

Первое столкновеніе произошло 19-го, на южной сторонѣ отъ фортовъ Монружъ и Бисетръ. Войска Винуа и Дюкро, XIII и XIV корпуса, попытались помѣшать движенію баварцевъ; послѣ непродолжительнаго сраженія баварцы ихъ отбросили назадъ и захватили ихъ укрѣпленную позицію; разбитые французскія войска бѣжали въ городъ и распространили ужасъ между жителями. Къ вечеру того же дня городъ былъ окончательно окруженъ.

Но сравнительно, городъ обложило очень ничтожное войско: шесть армейскихъ корпусовъ, не превышавшихъ 170,000 человѣкъ, при 622 орудіяхъ, разставленныхъ на очень растянутой линіи, длиною въ 11 нѣмецкихъ миль. Недостаточное количество осаднаго войска старались вознаградить укрѣпленіями. Очаровательныя окрестности Парижа съ замками, дворцами, загородными домами и садами были оставлены жителями; нѣкоторыя изъ нихъ были ограблены мародерами и червью, нѣмцы же употребили всѣ эти постройки, какъ укрѣпленія; по всей линіи, какъ по волшебству, выростали полевыя укрѣпленія; загородные дома, деревни, замки и дворцы превращались въ крѣпости; повсюду устраивались баррикады, волчьи ямы, прикрытія для стрѣлковъ, блокгаузы, засѣки; каждая случайность почвы употреблена была, какъ можно лучше, вездѣ разставлены пикеты и снабжены самыми лучшими зрительными трубами; лагерная служба строго распредѣлена, указанія пути вездѣ выставлены; вскорѣ полевой телеграфъ связалъ всѣ позиціи для того, чтобы при малѣйшей опасности можно было призвать помощь изъ ближайшихъ мѣстъ. Нѣкоторые военные люди утверждаютъ, что можно было воспользоваться удачей 19-го числа и вслѣдъ за бѣгущими линейными войсками ворваться въ городъ, воспользоваться минутнымъ страхомъ жителей и приступомъ овладѣть городомъ. Можетъ быть это могло бы удаться, но такого рода смѣлая попытка была не въ характерѣ нѣмецкаго войска и нѣмецкихъ военачальниковъ; они никогда не рѣшились бы тяжкимъ трудомъ добытые успѣхи подвергнуть случайностямъ такого нападенія; они могли дѣйствовать только послѣ зрѣлаго обсужденія и на строгомъ выводѣ разсчета, жертвуя при томъ только такимъ количествомъ человѣческой крови, какое неизбѣжно для достиженія предположенной цѣли.

Еще до начала осады, Фавръ, написавшій циркуляръ 6-го сентября и отнявшій имъ у себя всякую возможность покончить войну, теперь, очень не во время, вздумалъ начать переговоры. Онъ на этотъ шагъ рѣшился по своей собственной волѣ, безъ согласія остальныхъ министровъ; 10-го сентября онъ просилъ у Бисмарка свиданія; при содѣйствіи англійскаго посланника свиданіе состоялось; нѣмецкій государственный человѣкъ очень благоразумно при этомъ не протестовалъ противъ безправности этого новаго французскаго правительства. 20-го числа Фавръ пріѣхалъ въ Ферръеръ, въ нѣмецкую главную квартиру. Разговоръ сначала вертѣлся на идеѣ мира вообще, а потомъ Фавръ говорилъ о томъ: что Франція высоко цѣнитъ миръ и желаетъ его, и тутъ же увѣрялъ, что нынѣшнее правительство во всѣ времена, даже цѣною своей популярности, противилось войнѣ,—которая, слѣдовательно, была не согласна съ волей народной. Но въ то же время онъ съ энергіей говорилъ о непоколебимомъ рѣшеніи народа не соглашаться на условія мира, «которыя изъ мира сдѣлали бы только кратковременное и грозное перемиріе». На это Бисмаркъ отвѣчалъ, что если бы онъ подобный миръ считалъ возможнымъ, то ни минуты не задумываясь, тотчасъ подписалъ бы его, насколько бы оппозиція, стоящая теперь во главѣ управленія, ни отвергала войны; но со временъ Людовика XIV до Наполеона III Франція постоянно находилась во враждебномъ и воинственномъ настроеніи относительно Германіи. Когда же Фавръ настаивалъ на томъ, чтобы Бисмаркъ сказалъ ему, на какихъ условіяхъ онъ считаетъ миръ возможнымъ, Бисмаркъ отвѣчалъ ему, что Германія нуждается въ Стразбургѣ, «какъ въ ключѣ своего дома» и, послѣ дальнѣйшихъ настояній, прибавилъ, что надобно бы присоединить еще оба департамента верхняго и нижняго Рейна, часть департамента

Мозеля съ Метцомъ, Шато-Салинъ и—какъ Фавръ утверждалъ, передавая свой разговоръ министрамъ—съ Суассономъ. Очень можетъ быть, что онъ смѣшалъ Суассонъ съ Тіонвиллемъ; министръ иностранныхъ дѣлъ забылъ, что Суассонъ на 100 миль отстоитъ отъ департамента Мозеля и находится въ департаментѣ Энѣ. Неудивительно, что Фавръ ошибся, немного спустя военный министръ тоже ошибся, смѣшавъ Шалонъ-на-Марнѣ съ Шалономъ-на-Саонѣ. Фавръ замѣтилъ, что согласіе народонаселенія присоединяемой страны болѣе, чѣмъ сомнительно, на это Бисмаркъ сухо отвѣчалъ, что онъ это знаетъ, что эта область на первое время будетъ настоящимъ бременемъ для Германіи, но, несмотря на это, все-таки бремя это должно быть принято и донесено до конца. Болѣе практическій характеръ выказался во второмъ свиданіи; дѣло шло о перемиріи, въ теченіе котораго предполагалось созвать избранное собраніе представителей для того, чтобы упрочить правительство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, положить начало переговорамъ о мирѣ. Это совѣщаніе кончилось поздно ночью; на слѣдующій день въ 12 часовъ, опять возобновилось послѣ того, какъ Бисмаркъ переговорилъ съ королемъ. Фавръ не сознавалъ, что перемиріе, заключенное при настоящихъ обстоятельствахъ, было бы со стороны нѣмцевъ уже значительной уступкой; онъ требовалъ, чтобы въ теченіе перемирія Парижъ и Метцъ, по возможности, снабжаемы были съѣстными припасами, но съ своей стороны не соглашался ни на какія уступки. Бисмаркъ условіями перемирія предложилъ: сдачу Туля, Страсбурга и нѣкоторыхъ маленькихъ крѣпостей, пересѣкавшихъ линію сообщенія нѣмецкой арміи съ родиной, и притомъ требовалъ, въ виду положенія осадныхъ работъ, чтобы гарнизоны сдались военнопленными; но при этомъ требованіи Фавръ вскочилъ съ своего мѣста—такъ больно отозвались въ немъ эти слова и воскликнулъ: «вы забываете, что говорите съ французомъ», и прибавилъ съ очевиднымъ незнаніемъ дѣла: «вы хотите, чтобы мы пожертвовали геройскимъ гарнизономъ, составляющимъ честь и удивленіе Франціи и цѣлаго міра».—Надобно замѣтить, что въ послѣднее время парижане забавлялись тѣмъ, что клали лавровые вѣнки къ ногамъ покрытой флеромъ статуи этого города.—«Нѣтъ, такой поступокъ былъ бы непростительною, постыдною трусостью, и я даю вамъ обѣщаніе никому не говорить, что вы мнѣ дѣлали такого рода предложеніе». Бисмаркъ выслушалъ взрывъ этого патріотизма очень спокойно и холодно возразилъ: «это чисто вопросъ артиллерійскій, отъ пушекъ зависитъ, во сколько дней Страсбургъ падетъ». Еще другая фраза Фавра получила, если не немедленный, то ужасный отвѣтъ; Бисмаркъ указалъ на возможность, что парижская чернь, по прежнимъ примѣрамъ, низвергнетъ существующее правительство; Фавръ прервалъ его, горячо увѣряя, что въ Парижѣ нѣтъ черни, что тамъ живетъ развитое, преданное населеніе, неспособное дѣйствовать за одно съ врагами. Однакожь, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, побѣдоносные враги могли спокойно наблюдать, какъ развитое и преданное населеніе Парижа буйствуетъ противъ господствующаго законами утвержденнаго правительства и подозрительныхъ согражданъ, наполняя столицу убійствами и поджигательствами.

Ясно видно было, что въ данную минуту не было возможности заключить ни мира, ни перемирія. Театральнымъ оборотомъ рѣчи Фавръ простился съ своимъ противникомъ, произведшимъ на него, однакожь, сильное впечатлѣніе *); можетъ быть, французы желали этого свиданія и этихъ переговоровъ только для того, чтобы оживить пламя потухающаго народнаго одушевленія и найти предлогъ

---

*) Въ своемъ сочиненіи «Le gouvernement de la défense nationale»—мѣсто, напечатанное въ «Indépendance Belge» 12 декабря 1871 г.—есть мастерская характеристика Бисмарка; вотъ она:—«У меня еще передъ глазами изображеніе могучаго собесѣдника, игравшаго первую роль... Хотя графу Бисмарку былъ уже пятьдесятъ восьмой годъ, но онъ казался еще въ полной силѣ мужества. Его высокій ростъ, могучая голова, выразительное лицо придавали ему видъ внушающій уваженіе и въ то-же время жесткій, но естественность и простота, доходящая почти до простосердечія, смягчали первое впечатлѣніе... Когда разговоръ начался, онъ сдѣлался снисходителенъ и сообщителенъ... я былъ пораженъ опредѣленностію его идей, прямотою и точностію его оригинальнаго ума... Я убѣдился, что онъ политическій дѣятель—выше всего, что можно себѣ представить; онъ принимаетъ въ соображеніе и опирается только на дѣйствительные факты... онъ остается равнодушенъ ко всему, что не ведетъ прямо къ полезной цѣли.»

чтобы отсрочить національное собраніе, вовсе неудобное для нѣкоторыхъ членовъ временнаго правительства. По крайней мѣрѣ таковъ былъ непосредственный смыслъ вывода отчета, который Фавръ отдалъ своимъ товарищамъ по управленію. Эти, съ своей стороны, вовсе не дождавшись донесенія Фавра, очень громко и съ обычнымъ паѳосомъ обнародовали, что вся ихъ политика будетъ постоянно клониться къ тому, чтобы «не уступить ни одного дюйма французскихъ владѣній и ни одного камня французскихъ крѣпостей»; нѣкоторыя газеты тутъ же присовокупили: «и ни одного франка нашихъ денегъ». Турская делегація съ своей стороны изъ отчета Фавра вычеканила прокламацію 24-го сентября; въ ней стояло: «Объявленіе нашихъ враговъ состоитъ въ слѣдующемъ: Пруссія намѣрена продолжать войну и низвести Францію на степень второстепенной державы; Пруссія хочетъ отхватить Эльзасъ и Лотарингію до Метца, въ силу права завоевателя; за согласіе на перемиріе Пруссія осмѣливается требовать сдачи Страсбурга, Туля и Монъ-Валеріена... На такія дерзкія требованія можно отвѣчать только битвой до послѣдней крайности...» Но этими хвастливыми словами хотѣли только отсрочить созваніе и выборы національнаго собранія — республиканцы, захватившіе власть, очень справедливо опасались, чтобы не обнаружились и не опрокинулись посредствомъ національнаго собранія ихъ тайныя стремленія во что бы то ни стало удержать республиканскую форму управленія. Бисмаркъ, съ своей стороны, нашелъ нужнымъ обличить невѣрность Фаврскаго донесенія—онъ исправилъ нѣкоторые пункты его и обнародовалъ циркуляромъ 1-го октября. Онъ указывалъ на то, что Франція за свою помощь Италіи, потребовала и получила территоріальное вознагражденіе, что при началѣ войны, она отъ Германіи потребовала территоріальной уступки и, въ случаѣ побѣды, непремѣнно взяла бы себѣ захваченныя земли; слѣдовательно, и для Франціи подобное условіе мира вовсе не унизительно, потому что честь Франціи не разнится отъ чести другихъ государствъ; что уступка области вокругъ Метца и Страсбурга уменьшитъ французскія владѣнія почти ровно на столько, на сколько ихъ увеличило пріобрѣтеніе Савойи и Ниццы; что при этомъ народонаселеніе Франціи уменьшится только на $^3/_4$ милліона и, слѣдовательно, выраженіе прокламаціи, будто Пруссія хочетъ низвести Францію на степень второстепенной державы, не имѣетъ ни малѣйшаго значенія; впрочемъ, вопросъ объ условіяхъ мира еще не сдѣлался дѣловымъ, текущимъ вопросомъ.

Итакъ, война пошла своимъ кровавымъ путемъ. Мы этотъ отдѣлъ раздѣлимъ на три момента: борьба изъ-за Парижа, изъ-за Метца и борьба на восточномъ военномъ поприщѣ и далѣе на югъ, къ Луарѣ.

Сначала ходъ военныхъ событій въ области восточныхъ военныхъ дѣйствій принялъ оборотъ счастливый для нѣмецкаго оружія. Крѣпость Туль сдалась на капитуляцію 23-го сентября; это пріобрѣтеніе было важно, потому что Туль находился на линіи желѣзной дороги, соединявшей парижское осадное войско съ Германіей, и постоянно мѣшалъ свободному сообщенію; гарнизонъ Туля, 2,300 человѣкъ, былъ объявленъ военноплѣннымъ, а офицеры отпущены на честное слово. Нѣсколько дней спустя, 27-го сентября, въ 5 часовъ вечера, на колокольнѣ страсбургскаго собора появилось также бѣлое знамя, почти изо дня въ день 189 лѣтъ послѣ того, какъ Страсбургъ занятъ былъ французскими войсками и присоединенъ къ Франціи. Мы уже говорили, что тотчасъ послѣ битвы при Вертѣ, баденская дивизія получила приказаніе осадить Страсбургъ, и кавалерія съ конноартиллерійскою бригадою появилась передъ городомъ 8-го; мало-по-малу осадное войско возросло до 50,000 человѣкъ и, послѣ того, какъ баденскій военный министръ, Бейеръ, захворалъ, начальство надъ войскомъ принялъ генералъ Вердеръ. Французскій гарнизонъ въ Страсбургѣ доходилъ до 17,000 человѣкъ; онъ былъ составленъ частію изъ солдатъ, бѣжавшихъ съ поля сраженія при Вертѣ, изъ отряда подвижной гвардіи и изъ національной гвардіи; комендантомъ крѣпости и начальникомъ гарнизона былъ генералъ Урихъ, эльзасскій уроженецъ, храбрый и рѣшительный человѣкъ, безъ большихъ военныхъ дарованій, но проникнутый французскимъ духомъ и страстью выражаться громко; онъ обѣщался защищать городъ «до послѣдняго солдата, сухаря и патрона», но обѣщаніе это было далеко не выполнено.

Еще до начала правильной осады, нѣмецкій генералъ попытался бомбардированіемъ нагнать на жителей страхъ и принудить коменданта къ сдачѣ. Бом-

бардированіе дѣйствительно оставило въ городѣ ужасные слѣды разрушенія и не мало увеличило страданія осажденныхъ жителей, но это было вовсе не такимъ варварствомъ, какъ французскіе журналы въ то время говорили; война многое извиняетъ, а примѣровъ подобнаго бомбардированія въ исторіи—не мало; къ числу ихъ принадлежитъ нѣмецкій городъ Кель, ничѣмъ не защищенный и подвергнувшійся въ то-же время бомбардированію изъ страсбургской цитадели. Офранцузившееся народонаселеніе Страсбурга держалось мужественно и отстаивало свою свободу; оно уже свыклось съ своимъ новымъ отечествомъ и ни подъ какимъ видомъ не хотѣло вновь возвращаться къ Германіи. Въ числѣ самыхъ важныхъ потерь, понесенныхъ городомъ, была потеря городской библіотеки и уничтоженіе всѣхъ драгоцѣнныхъ книгъ и рѣдкостей, въ ней сохранявшихся; никому изъ приставленныхъ къ библіотекѣ не пришло въ голову скрыть отъ огня при началѣ войны сокровища, имъ порученныя. Но бомбардированіе не сломило мужества осажденныхъ, и нѣмцамъ пришлось приступить къ правильной осадѣ, веденной съ примѣрнымъ знаніемъ дѣла; когда все было готово къ приступу, крѣпость сдалась. Условія капитуляціи были тѣ-же, что при Седанѣ: 17,000 солдатъ сдѣлались военноплѣнными, офицеры отпущены на честное слово; побѣдителямъ досталось много всякихъ военныхъ снарядовъ и, между прочимъ, 1,000 пушекъ; при осадѣ нѣмецкія войска лишились 750 человѣкъ рядовыхъ и 45 офицеровъ; успѣхъ этотъ былъ причиной торжества въ Германіи и преимущественно въ южной. 30-го нѣмецкія войска торжественно вступили въ городъ и благодарственное богослуженіе совершилось въ церкви св. Ѳомы; нѣмцы съ наслажденіемъ нашли въ городѣ слѣды нѣмецкаго элемента и радовались, что французское начало еще не достигло глубины костей, не проникло въ кровь эльзасцевъ. Между жителями Страсбурга поселилось очень незначительное число чистыхъ французовъ: на вывѣскахъ и домахъ этого 85,000 городскаго населенія находились все нѣмецкія фамиліи, очень незначительно измѣненныя, или окончаніемъ, или удареніемъ, неумѣстно поставленнымъ; несмотря на эти измѣненія, корень слова можно было указать и найти точно такія же названія во всей южной Германіи. При встрѣчѣ страсбургскихъ жителей съ нѣмецкими солдатами на улицахъ, въ гостинницахъ, трактирахъ и домахъ, напрасно они старались досаждать побѣдителямъ тѣмъ, что между собою исключительно говорили по-французски; у нихъ сначала рѣчь лилась быстро, но, незамѣтно для нихъ самихъ, они впадали въ свою обычную нѣмецкую болтовню и въ пылу разговора не замѣчая, что употребляютъ тотъ же языкъ, какимъ говорятъ ненавистные побѣдители. Народонаселеніе Страсбурга особенно офранцузили—привычка, двухсотлѣтняя традиція и болѣе всего торговые и промышленные интересы; можно надѣяться, что въ непродолжительномъ времени городъ и провинція не замедлятъ слиться съ одноплеменною имъ Германіей, не въ силу одного права завоеванія, но на основаніи нравственныхъ выгодъ, доставляемыхъ націей цивилизованной, нравственно-развитой и подчиненной строгому законному порядку. Генералъ-губернаторъ Эльзаса и Лотарингіи, назначенный лично самимъ королемъ Прусскимъ, тотчасъ переѣхалъ въ Страсбургъ. Защитникъ Страсбурга, генералъ Урихъ, на себѣ испыталъ, какъ шатко общественное мнѣніе и невѣрно чувство признательности французскаго народа. Пока защита Страсбурга продолжалась, имя Уриха постоянно произносилось съ величайшимъ уваженіемъ, по его имени называли улицы и городскія площади, потому что всѣ названія, напоминавшія прежнее императорское правленіе, были отмѣнены, и ихъ замѣняли новыми; когда Урихъ послѣ сдачи Страсбурга пріѣхалъ въ Туръ, ему тотчасъ предложено было занять должность военнаго министра, но онъ отказался, потому что далъ честное слово не служить. Нѣсколько спустя, онъ былъ обвиненъ за свои распоряженія при защитѣ Страсбурга и подвергнутъ военному суду; защиту нашли достойною величайшаго порицанія, а между тѣмъ противники на эту защиту смотрятъ, какъ на очень посредственную, извиняя коменданта тѣмъ, что составъ гарнизона и его число были недостаточны, и что военныя силы ихъ были дурнаго свойства, къ тому же укрѣпленія были въ дурномъ состояніи.

Часть осаднаго войска немедленно направилась къ Парижу, чтобы усилить находящіеся тамъ осадные полки, облегавшіе столицу; въ Страсбургѣ осталась только одна дивизія,—остальная часть войска образовала 14 армейскій корпусъ, подъ на-

чальствомъ генерала Вердера; ему дано было порученіе въ департаментахъ верхней Сены и Марны обезоружить народонаселеніе и помѣшать формированію новыхъ войскъ. Въ то-же время вновь прибывшей изъ Германіи резервной дивизіи, подъ командою генерала Шмелинга, дано было приказаніе дѣйствовать въ верхнемъ Эльзасѣ противъ находящихся тамъ крѣпостей и отрядовъ вольныхъ стрѣлковъ. Октября 1-го Вердеръ выступилъ; усмиреніе вооруженныхъ жителей удалось послѣ нѣсколькихъ небольшихъ сраженій и одного значительнаго; формировавшіеся резервы и полки были разогнаны, безъ большихъ затрудненій, но народная война надѣлала много хлопотъ; вольные стрѣлки, пользуясь свойствомъ почвы, по большей части гористой, надѣлали много вреда пруссакамъ; имъ надобно было быть постоянно настороже и своею дѣятельностію и подвижностью предупреждать вредъ, имъ приготовляемый.

Осада Парижа началась; войска съ той и другой стороны устроились. Линія, охватывающая городъ, была усилена 11 корпусомъ и различными другими отрядами; во второй половинѣ октября изъ Страсбурга пришла гвардейская дивизія ландвера; около этого времени подъ Парижемъ находилось 200,000 пѣхоты, 34,000 кавалеріи и 900 орудій; этой массы войска было бы слишкомъ недостаточно, еслибы гарнизонъ состоялъ изъ однихъ только героевъ, какъ говорилось въ прокламаціяхъ разсылаемыхъ по департаментамъ, и если бы, въ то-же время, многочисленные формирующіеся въ департаментахъ отряды были на столько готовы, чтобы быть годными для употребленія, какъ это говорилось въ парижскихъ прокламаціяхъ.

Жители Парижа уже примирились съ своимъ новымъ положеніемъ, и по своему счастливому темпераменту даже щеголяли своею непривычною ролью. Газеты разсуждали о политикѣ правительства и перецѣнивали рѣчи Фавра; кромѣ того, имъ доставлялись также развлеченія извнѣ; такъ, напримѣръ, съ немалымъ удовольствіемъ встрѣчено было признаніе республиканской формы правленія со стороны Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, поднесенное посланникомъ, и не менѣе вѣжливое письмо отъ швейцарскаго союза. Кромѣ того, парижанъ не покидала надежда на вмѣшательство Европы; ожидали всевозможныхъ благъ отъ путешествія Тьера, на благоразуміе и на знаніе дѣла котораго твердо надѣялись. Между тѣмъ, цѣль, съ какою предпринято было совѣщаніе въ Ферріерѣ, вполнѣ удалась: негодованіе массы возросло въ такой мѣрѣ, что оно походило на мужество и на рѣшительность.

Хотя Парижъ охваченъ былъ осадными войсками и ни въ него проникнуть, ни изъ него выйти нельзя было, однакожь очень оживленная корреспонденція шла между нимъ и окружающими городами посредствомъ воздушныхъ шаровъ и почтовыхъ голубей. Извѣстія о взятіи Туля и Страсбурга не произвели на парижанъ слишкомъ болѣзненнаго впечатлѣнія—между ними всегда находились люди, умѣвшіе во всемъ находить хорошую сторону и ораторскимъ краснорѣчіемъ скрашивать всякую неудачу. Въ числѣ этихъ людей надобно назвать Виктора Гюго; онъ 3-го октября, обнародовалъ новый манифестъ съ поэтическими фразами: «Міръ удивится, увидѣвъ какъ величественно Парижъ умѣетъ умереть. Пантеонъ спрашиваетъ самъ себя: гдѣ ему взять мѣста, чтобы похоронить героевъ, которые заслужатъ права, покоиться подъ его сводами. О! Парижъ, ты цвѣтами увѣнчалъ статую Страсбурга, но исторія увѣнчаетъ тебя звѣздами.» Очень рѣдко случалось, чтобы какая либо статья журнальная осмѣливалась взглянуть дѣйствительности прямо въ лицо или, по крайней мѣрѣ, приподнять одинъ изъ уголковъ покрова, скрывающаго ее.

Осадное войско, окружающее Парижъ, было такъ распредѣлено: на западъ и юго-западъ 5 корпусъ генерала Кирхбаха, составленный изъ познанскихъ и силезскихъ полковъ; на югъ—два баварскихъ корпуса — Гартмана и Танна, на юго-востокъ 6 корпусъ Тюмплинга—силезцы, а на востокъ—вюртембергскія войска, къ нимъ примыкали саксонскія подъ начальствомъ принца Георга; на сѣверовостокѣ былъ опасный пунктъ для осаждающихъ и удобный для осажденныхъ, сюда они направляли всѣ свои вылазки; здѣсь находился прусскій гвардейскій корпусъ, подъ командой Августа принца Вюртембергскаго; на сѣверѣ и сѣверозападѣ къ нему примыкалъ 4 и 5 корпуса шлезвигъ-гольштейнскіе, подъ начальствомъ Альвенслебена; эти корпуса замыкали звено, охватывавшее городъ. Пер-

вую попытку прорвать линію, или отодвинуть ее, французы сдѣлали 30-го сентября вылазкою на югъ, между фортами Бисетръ, Монружъ и Иври; но не имѣли успѣха; затѣмъ прошло опять четыре недѣли, въ которыя нѣмцы, безъ помѣхи, укрѣпляли свою позицію. Октября 5 королевская главная квартира перенесена была въ Версаль, король помѣстился въ домѣ префектуры, а въ обширныхъ залахъ дворца устроена была больница. Также неудачна была вылазка 13-го октября, тоже направленная на югъ;—послѣ нѣсколькихъ часовъ битвы французы принуждены были спрятаться въ свои форты. Весь промежутокъ времени до новой вылазки осажденные поддерживали пальбу изъ орудій, но довольно безвредную,—въ то же время, 13-го октября, отъ выстрѣловъ съ форта Монъ-Валеріенъ загорѣлся прелестный загородный замокъ С.-Клу; но нѣмецкимъ солдатамъ удалось спасти изъ горящаго зданія самыя драгоцѣнныя произведенія искусства. Октября 21-го была сдѣлана новая вылазка, направленная на юго-западъ, на полуостровъ, образованный изгибомъ Сены, Нантеръ; вылазкѣ предшествовала сильнѣйшая канонада съ Монъ-Валерьена—опять неудача и значительная потеря; неизвѣстно, на сколько достигнута была цѣль всѣхъ вылазокъ, о которыхъ Трошю писалъ: «черезъ такія, хорошо веденныя и исполненныя вылазки войска лучше всего приготовляются къ болѣе значительнымъ военнымъ предпріятіямъ.» Гораздо счастливѣе было начало вылазки, 28-го, къ сѣверу, противъ ле-Бурже: одна рота прусской гвардіи была разбита и выгнана изъ этого важнаго пункта Французы немедленно укрѣпились въ немъ и отстаивали его 29-го числа; но 30-го вся 2 гвардейская дивизія пошла въ аттаку; жесточайшая битва продолжалась въ деревнѣ съ 9 часовъ утра до 1; французы не устояли, и должны были отступить въ свои укрѣпленія.

Прошло шесть недѣль, и Парижъ, и Метцъ все еще держались; осажденные надѣялись, что департаменты воспользуются этимъ временемъ и съ вновь сформированнымъ войскомъ поспѣшатъ къ нимъ на выручку. Гамбетта и другіе изъ такихъ же пылкихъ, но неопытныхъ въ военномъ искусствѣ людей, твердо вѣрили, что если новонабранное войско и не будетъ обучено и достаточно приготовлено къ военной стойкости и точности, то своею массою вознградитъ то, чего ему будетъ недоставать въ знаніи; эта вѣра поддерживалась примѣрами, почерпнутыми изъ временъ первой французской революціи, служащей для ея поклонниковъ образцомъ всего великаго и прекраснаго. Энергическій и пылкій Гамбетта, скучая медленностію провинціальной помощи, на воздушномъ шарѣ предпринялъ, 7 октября, воздушное путешествіе изъ Парижа. Въ Турѣ онъ, 9-го октября, дѣятельно принялся за хлопоты; первое—издалъ прокламацію, написанную съ полною увѣренностію въ будущихъ побѣдахъ, онъ говоритъ такъ самонадѣянно, что читатель по неволѣ долженъ усомниться въ его собственной увѣренности въ дѣлѣ. Онъ исчисляетъ источники, изъ которыхъ Франція можетъ ожидать помощи, указываетъ на средства защиты и обороны и восклицаетъ въ полномъ восторгѣ: «Это—не мечта: взять Парижъ нѣтъ никакой возможности. Несмотря на это, мы все-таки должны напрягать всѣ свои усилія и изыскивать всѣ средства для его защиты; средства наши безконечны. Мы должны встряхнуть массу простаго народа, чтобы снять съ него оцѣпенѣніе; мы должны побороть въ немъ его безразсудный страхъ, должны вести партизанскую войну въ обширныхъ размѣрахъ, мы должны врагамъ нашимъ разставлять капканы, какъ на дикихъ звѣрей, дѣлать засады.. однимъ словомъ, мы должны возжечь народную войну». Затѣмъ онъ надѣялся и на помощь осеннихъ и зимнихъ непогодъ: «Я увѣренъ, восклицаетъ онъ съ одушевленіемъ, небо перестанетъ покровительствовать нашимъ противникамъ; настанутъ осенніе дожди, и полчища, обступившія Парижъ, далекія отъ своей родины, будутъ страдать отъ непогоды, болѣзней, отъ постоянныхъ нападеній съ нашей стороны, вылазки и голодъ будутъ уничтожать враговъ нашихъ и содѣйствовать намъ. Нѣтъ, не вѣрю, чтобы геній Франціи навсегда закрылъ лицо свое и отвернулся отъ насъ, чтобы великая нація отъ нашествія какихъ нибудь 500,000 человѣкъ навсегда оставила мѣсто, какое она по праву занимала въ мірѣ. Возстанемъ массами; лучше умремъ до единаго, нежели потерпимъ срамъ раздробленія Франціи на части.»

Умирать легко на словахъ, а не на дѣлѣ; эти люди, такъ громко передъ лицомъ цѣлаго міра дѣлавшіе свое завѣщаніе, передъ сраженіемъ заключали ус-

ловіе съ побѣдой, или смертью, которые клялись съ поля битвы возвратиться или побѣдителями, или лечь мертвыми, только попусту горячились; однакожь, молодой 32-хъ лѣтній энергическій и дѣятельный Наполеонъ-Гамбетта придалъ одушевленіе вялымъ до сихъ поръ распоряженіямъ и дѣятельности турскихъ властей. Съ полнымъ самосознаніемъ и увѣренностію въ своихъ дарованіяхъ, какъ истинный вождь республиканской и революціонной партіи, увѣренный въ томъ, что «революція,» однажды совершившаяся, одушевитъ своихъ приверженцевъ и въ свое время дастъ имъ знанія, какихъ имъ недостаетъ, Наполеонъ Гамбетта взялъ на себя министерство внутреннихъ дѣлъ и военное; онъ отыскалъ себѣ въ помощники, назначивъ его делегатомъ турскаго департамента, такого же мечтателя, какъ онъ самъ, горнаго инженера Фресине. Какъ бы то ни было, но Гамбетта — человѣкъ необыкновенный и заслуживаетъ вниманія историка. Но все-таки его замѣчательныя дарованія, только не военныя, не давали ему права, энергически и самовластно распоряжаться достояніемъ и жизнью своихъ согражданъ; это можно предоставить только человѣку геніальному, вполнѣ дающему себѣ отчетъ какъ и для чего онъ дѣлаетъ то, или другое; поэтому въ высшей степени удивительно, что французы выносили, чтобы человѣкъ, ничего несмыслящій въ военномъ искусствѣ, въ военныхъ событіяхъ и операціяхъ, еще меньше, какъ военачальникъ, хозяйничалъ, какъ диктаторъ, толкуя о концентрическихъ нападеніяхъ, всеобщемъ наступательномъ движеніи и тому подобныхъ полупонятныхъ и вовсе непонятныхъ для него вещахъ, между тѣмъ съ невѣжествомъ, непростительнымъ даже въ простомъ депутатѣ, тѣмъ менѣе въ правителѣ, поминутно выказывалъ скандальное элементарное незнаніе географіи своего отечества, толковалъ съ военными людьми, училъ ихъ и разъяснялъ имъ свои стратетическія предположенія, приходилъ въ крайнее раздраженіе, когда неосновательные его планы не выполнялись, отставлялъ генераловъ и назначалъ новыхъ, и Франція покорно все это переносила и терпѣливо склонялась подъ ферулой этого неспособнаго диктаторства, тратившаго народныя силы въ колоссальномъ размѣрѣ. Въ то-же самое время, 9 октября, городъ Туръ имѣлъ честь рядомъ съ Гамбеттой привѣтствовать испанскаго республиканца Кастеллара, провозглашавшаго: «да здравствуютъ латинскія республики», «когда мы изгонимъ пруссаковъ», въ тотъ же день прибылъ Гарибальди: онъ пытался убѣдить довѣрчивыхъ французовъ, что, по словамъ одного классика, подданные монархическаго правительства—дѣти, напротивъ, республиканцы—мужи. Время показало, на которой сторонѣ — дѣти, готовыя бѣгать за побрякушками, спорящія между собою, хвастающіяся, и съ которой — мужид ѣйствующіе.

Декретомъ повелѣвалось вооружить, обучить всѣхъ безъ исключенія людей, отъ 21 до 40 г., чтобы префекты изъ нихъ составили отряды, одѣли и обучили ихъ и представили военному министру для дальнѣйшаго назначенія; далѣе предписывалось, чтобы организація этихъ отрядовъ была окончена къ 19 ноября. Обѣщалось, что республика будетъ заботиться объ остающихся нуждающихся семействахъ и усыновитъ дѣтей лицъ, положившихъ жизнь, при защитѣ отечества. Слѣдовательно, арміи должны были вырости, какъ бы изъ земли, и онѣ, дѣйствительно, выростали; но, надобно замѣтить, что ни одна изъ этихъ созданныхъ армій не могла одолѣть ни одной изъ отдѣльныхъ частей нѣмецкаго войска и похвалиться какою бы то ни было замѣчательною побѣдой. Даже вольные стрѣлки, принимая въ разсчетъ растянутую операціонную линію нѣмцевъ, не причиняли имъ столько вреда, какъ бы могли и какъ бы, при другихъ обстоятельствахъ и въ другихъ странахъ, такіе партизанскіе отряды неминуемо причинили бы.

Для нѣмецкаго войска организованіе новыхъ полковъ и вооруженіе народа было вовсе не безразлично, и потому, не теряя времени, занялись тѣмъ, чтобы дѣятельно препятствовать имъ тѣми способами, какіе были подъ руками. Больше всего было сдѣлано на югъ отъ Парижа: вокругъ Орлеана формировалась Луарская армія, подъ начальствомъ генерала Моттеружа. Для наблюденія за нею откомандирована была кавалерія, вскорѣ возвратившаяся съ точными свѣдѣніями; 6-го отправленъ былъ баварскій корпусъ подъ начальствомъ фонъ-деръ-Танна; такъ какъ Луарская армія оставалась въ бездѣйствіи, то Таннъ перешелъ въ наступательное движеніе. Вообще въ его распоряженіи находилось 27,000 чел. пѣхоты, 9,000 кавалеріи и 160 орудій. Первое столкновеніе произошло близъ Артенэ, въ

четырехъ миляхъ отъ Орлеана,—французы были разбиты; два дня спустя, 11-го октября, произошло продолжительное и упорное сраженіе при Ормъ, ближе къ Орлеану; съ той и другой стороны уронъ былъ большой, но французы опять отступили, и нѣмцы къ вечеру явились передъ воротами Орлеана; ихъ встрѣтилъ мэръ города съ нѣкоторыми муниципальными членами, просить пощады городу. Въ тотъ же день, въ 9 часовъ вечера, нѣмцы заняли въ городъ.

Французская армія потеряла большое число ранеными, военноплѣными и убитыми; тутъ въ первый разъ въ сраженіи съ нѣмцами принимали участіе зуавы, возвратившіеся изъ папской арміи; послѣ этихъ битвъ, которыя, для отличія, можно назвать, первою битвою при Орлеанѣ, французская Луарская армія отступила къ Шеру, лѣвому притоку Луары. Первымъ, какъ казалось, самымъ естественнымъ слѣдствіемъ неудачи, т. е. того, что генералъ Моттеружъ съ своими новобранцами не съумѣлъ разбить стараго, обстрѣленнаго и обтерпѣвшагося въ бояхъ войска, было то, что военный министръ отнялъ команду у генерала Моттеружъ и поручилъ ее другому 70-лѣтнему ветерану, Орель-де-Паладину, впрочемъ, такому же хорошему и достойному уваженія человѣку, какъ его предшественникъ. Баварцы расположились очень спокойно и удобно въ богатомъ и большомъ городѣ, но не пошли дальше на югъ, потому что западнѣе, въ окрестностяхъ Шартра, Шатоденъ и Дрэ находились французскія войска, много вольныхъ стрѣлковъ и подвижной гвардіи (garde mobile). Пѣхотная дивизія, подъ командой генерала Виттиха, 18-го выдержала сильнѣйшее сраженіе, продолжавшееся до утра слѣдующаго дня, близъ города Шатоденъ; улицы были загромождены барр икадами, стрѣлки и подвижная гвардія храбро отстаивали каждый шагъ. Французы находились подъ командой отважнаго поляка Липовскаго — онъ загородилъ улицы баррикадами и утвердился за ними; часть городскихъ жителей, несмотря на протестъ большинства, принимала участіе въ битвѣ; французскія газеты громко выхваляли геройскую защиту города и не мало обвиняли нѣмцевъ за нарушеніе и разореніе его, хотя это —обыкновенное и неизбѣжное слѣдствіе битвы въ улицахъ; побѣжденные отряды опять собрались въ городъ Шартръ, но тутъ жители не допустили, чтобы нѣмцы начали его бомбардировать, хотя все уже было готово для этого; одна половина гарнизона выступила, другая положила оружіе. Подобно тому, какъ на югъ, такъ и на сѣверъ надобно было посылать отдѣльные корпуса, чтобы положить конецъ образованію вольныхъ стрѣлковъ; вюртембергская дивизія тоже послала отъ себя подвижную колонну на юго-востокъ, чтобы обезопасить свой флангъ; сначала французскія импровизированныя войска быстро разсыпались при столкновеніи съ регулярными войсками; когда же, какъ напримѣръ 8-го октября, при нападеніи эскадрона гусаръ на деревню Абли, жители помогали солдатамъ, пруссаки это считали величайшею виною передъ собою, и тотчасъ самымъ жестокимъ образомъ мстили жителямъ, или какъ они говорили: выполняли законное право войны въ отношеніи непокорныхъ жителей; нѣмцы считали такой образъ дѣйствія законнымъ, потому что находили въ немъ единственное средство самосохраненія для войска, заброшеннаго такъ далеко отъ родины, окруженнаго врагами. Но не было ни малѣйшаго сомнѣнія—осадная армія была недостаточно многочисленна, чтобы стеречь всѣ выходы и входы Парижа, не пропускать въ него и изъ него ни одной души, и въ то же время посылать отъ себя отдѣльные корпуса, чтобы бороться со свѣжими только-что сформированными отрядами и съ шайками вольныхъ стрѣлковъ, поминутно появляющихся то тутъ, то тамъ,—образъ войны очевидно пришедшійся по вкусу народа, жаднаго къ перемѣнамъ и къ жизни, исполненной опасностей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приключеній. Несмотря на это, въ Версали, въ главной квартирѣ всѣ были спокойны и дожидались только извѣстій изъ Метца: предвидѣли скорое паденіе Метца и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобожденіе второй нѣмецкой арміи, теперь занятой осадой. Тогда ей рѣшено было поручить разгонять шайки вольныхъ стрѣлковъ и мѣшать образованію регулярнаго войска по всѣмъ направленіямъ; ей предстояло разбить и разсѣять военныя силы, образовавшіяся въ южныхъ, западныхъ и сѣверныхъ департаментахъ Франціи, между тѣмъ какъ въ то же время осада Парижа будетъ идти своимъ чередомъ, пока эта исполинская крѣпость, слѣдуя обычному порядку всякой осады — обстрѣливанію и, благодаря, важнѣйшему союзнику всѣхъ осадъ, голоду, не падетъ, или пока буйное населеніе

его и гордые правители, оставивъ свое самообольщеніе, не сдадутся на капитуляцію.

Королевская главная квартира не ошиблась въ своемъ разсчетѣ: въ Версали еще съ половины октября знали, что рейнская армія, запертая въ Метцѣ, не продержится далѣе конца мѣсяца.

Послѣ большой вылазки 31-го августа и 1-го сентября и двухдневной битвы при Нуассевиллѣ, окончившейся отступленіемъ французовъ, положеніе Базэна и его арміи было отчаянное. Каждый день осадная армія усиливалась въ той же пропорціи, какъ осажденная ослабѣвала; послѣ несчастныхъ происшествій при Седанѣ, дошедшихъ до Базэна черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ они совершились, и даже со всѣми мельчайшими подробностями, ожидать помощи извнѣ было не отъ кого. Сначала осажденные утѣшали себя мыслію, что вскорѣ будетъ заключенъ миръ: онъ отворитъ ворота западни, въ которую попала армія, и дастъ Базену возможность, какъ единственно уцѣлѣвшему главнокомандующему послѣдней уцѣлѣвшей арміи, имѣть вліяніе на политическое состояніе Франціи и играть въ ней какую-нибудь роль. Но война продолжалась, и этотъ слабый лучъ надежды угасъ; тѣ свѣдѣнія, какія доходили до маршала изъ вражескаго лагеря, давали ему довольно вѣрное понятіе о ходѣ дѣлъ и о положеніи остальныхъ силъ Франціи, но картина, какую онъ себѣ могъ составить изъ тѣхъ неполныхъ свѣдѣній, какія до него доходили, была не такого рода, чтобы поддерживать мужество и надежды осажденныхъ; эти извѣстія имѣли то великое преимущество, что были правдивѣе тѣхъ, какими обманывали себя и другихъ въ Парижѣ и въ Турѣ. Наступили осеннія непогоды, заставившія страдать оба войска, но осаждающихъ больше, нежели осажденныхъ, потому что отъ холода, сырости и дождей появились между солдатами эпидемическій тифъ и диссентерія.

Съ середины сентября вылазки французовъ повторялись все чаще и чаще, но ихъ цѣль преимущественно заключалась въ томъ, чтобы захватывать по деревнямъ кое-какіе съѣстные припасы, потому что недостатокъ продовольствія ежедневно возрасталъ. Послѣдняя, самая значительная вылазка 4-го и 6-го корпусовъ гвардіи, на сѣверъ отъ лѣваго берега Мозеля, происходила 7-го октября; битва была отчаянная, длившаяся до поздней ночи, но дивизія Куммера и подоспѣвшіе на помощь 3-й и 10-й корпуса отбили вылазку французовъ: они отступили въ крѣпость съ значительною потерей; съ этихъ поръ каждый день приносилъ осажденнымъ новыя страданія, у нихъ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ доходилъ уже до всеобщаго голода. Послѣ строгаго перечня оказалось, что съѣстныхъ припасовъ достанетъ только до 20 числа. Большая часть кавалерійскихъ, обозныхъ и артиллерійскихъ лошадей была уже съѣдена; госпитали были наполнены больными тифомъ; нельзя было и думать о возможности пробиться—время было пропущено. Приходилось свыкаться съ идеей о капитуляціи. Базэнъ 10-го числа собралъ своихъ офицеровъ и генераловъ для военнаго совѣта и предложилъ имъ вопросъ: слѣдуетъ ли начать съ врагами переговоры объ условіяхъ конвенціи. Никто не рѣшался еще произносить ненавистнаго слова капитуляціи. Военный совѣтъ отвѣчалъ утвердительно и требовалъ, чтобы къ переговорамъ приступлено было немедленно, не дожидаясь того, чтобы голодъ довелъ городъ до крайности и заставилъ тогда согласиться на такого рода условія, какихъ принимать нельзя бы было; если же условія нѣмцевъ будутъ такія, что ихъ нельзя будетъ принять, тогда положено было пробиться во что бы то ни стало. Переговоры начались; послѣ того, какъ Базэнъ снесся съ главною квартирой принца Фридриха-Карла, а черезъ него получилъ согласіе изъ Версаля, старшій адъютантъ маршала Базэна, генералъ Бойе, отправился въ Версаль. Прибывъ въ главную квартиру, 13 числа, онъ изложилъ требованія маршала Базэна, — свободный выходъ арміи съ оружіемъ и обозомъ, впрочемъ, давши предварительно обязательство не служить болѣе противъ Германіи, втеченіе всей войны. Но положеніе арміи и крѣпости было не такого рода, чтобы можно было вынудить подобную конвенцію. Требованія не могли быть оправданы положеніемъ Метца въ военномъ отношеніи, потому что сопротивленіе арміи и крѣпости могло еще продолжаться только ограниченное число дней и часовъ; кромѣ того, нѣмецкое правительство не признавало существующаго правительства Франціи, слѣдовательно, условіе, заключенное съ маршаломъ, не могло имѣть законнаго характера; съ прусской сто-

роны кромѣ того замѣтили договаривающемуся генералу, что дѣла ведутъ съ существующимъ правительствомъ такъ, чтобы въ данную минуту, быть въ правѣ вести переговоры съ императрицею-регентшею, находящеюся теперь въ англійской деревенькѣ Чизельгорстъ. Нѣмецкаго канцлера французы впослѣдствіи обвиняли въ шаткости и двусмысленности выраженій и мыслей—его шаткость и двусмысленность зависѣли скорѣе отъ политическаго состоянія Франціи: не сама ли она легкомысленно вызвала на бой Германію, не справившись съ своими собственными средствами и силами и имѣя во главѣ правительство, которое пошатнулось при первой серьезной неудачѣ, а при второй окончательно рухнуло, оставивъ за собою хаосъ. Очень понятно, что разсчетливые нѣмцы съумѣли воспользоваться этимъ хаотическимъ состояніемъ французской политики; переговоры начались, но ихъ тянули съ намѣреніемъ, зная, что съ каждымъ днемъ положеніе осажденныхъ ухудшается, а осаждающихъ, напротивъ, упрочивается; генералъ, 18-го числа возвратился въ Метцъ; созванъ былъ военный совѣтъ; оставалась только одна, послѣдняя возможность спасенія: чтобы военный вопросъ былъ разрѣшенъ, вмѣстѣ съ политическимъ, что бы императрица-регентша немедленно заключила миръ и армія изъ Метца вышла, какъ императорская армія, въ качествѣ защитницы порядка, мира и императорскихъ интересовъ. Но эта возможность была химерическая: она могла придти въ голову только какъ несбыточная, мимолетная мысль; потому-что такимъ образомъ, рейнская армія сдѣлалась бы союзницею непріятеля. Однакожь, генералъ Бойе опять оставилъ Метцъ и поскакалъ въ Англію, въ деревеньку Чизельгорстъ, къ императрицѣ, чтобы испросить ея ходатайства и содѣйствія для заключенія болѣе выгодныхъ условій сдачи. Но и эта надежда погибла, подобно остальнымъ: генералъ возвратился изъ своего путешествія; послѣднее мгновеніе приближалось. Базэнъ, на 25-е число, созвалъ военный совѣтъ; здѣсь пришлось откровенно сознаться въ неотвратимой необходимости сдачи. Въ городѣ и между солдатами между тѣмъ ходили самые несбыточные слухи, и они строили самые небывалые дикіе планы. Въ военномъ совѣтѣ положено отправить стараго генерала Шангарнье, при самомъ началѣ похода явившагося на службу къ Наполеону, въ главную квартиру принца Фридриха-Карла, чтобы требовать для арміи свободнаго пропуска въ Алжиръ. Но, къ несчастію, армія была въ такомъ положеніи, что не могла больше предписывать условій; въ отвѣтъ на слова Шангарнье, принцъ просто потребовалъ сдачи арміи и крѣпости. Вечеромъ того же дня, 25-го октября, съѣхались въ замокъ Фрескати, на югъ отъ Метца, генералъ Шталь съ нѣмецкой стороны, и генералъ Сиссэ—съ французской: но въ одинъ день дѣла не покончили, прошелъ еще и еще день, пока наконецъ, 27-го числа, обо всемъ было переговорено. Военный совѣтъ, созванный маршаломъ 26-го числа, принужденъ былъ признать необходимость капитуляціи. Напрасно Канроберъ впослѣдствіе горячился, и обвинялъ маршала, когда его предали суду, въ томъ, что у него не достало мужества и величія души, что ему слѣдовало бы не сдаваться, но взорвать форты, истребить всѣ припасы, военные снаряды, знамена и тогда открыть ворота крѣпости, чтобы пруссаки могли свободно войти въ крѣпость и дѣлать съ безоружными, что угодно; но такъ можно было говорить и думать только въ досадѣ и такой планъ могъ найти сочувствіе только въ такихъ слушателяхъ, какъ тѣ, которые слушали судъ Базэна; да и тутъ выходка эта возбуждала только жалость. Переговоры съ начальникомъ штаба нѣмецкой арміи еще не вполнѣ были окончены, дѣло было преимущественно въ томъ, позволено ли будетъ офицерамъ и генераламъ сдавшейся арміи сохранить свои шпаги. Король прусскій сначала никакъ не хотѣлъ соглашаться на эту уступку; онъ былъ глубоко раздраженъ и оскорбленъ тѣмъ, что офицеры послѣ предъидущихъ капитуляцій, давшіе честное слово не обнажать болѣе меча противъ нѣмцевъ и не служить болѣе, нарушали данное слово и прямо поступали въ армію, или, подобно генералу Дюкро, обходили данное слово и предоставляли свои услуги, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, въ распоряженіе правительства, или, подобно генералу Кремеру, прямо принимали начальство надъ отдѣльною частью; однако, будучи человѣкомъ добрымъ и чувствительнымъ, король оцѣнилъ чувство скорби и униженія храбрыхъ противниковъ и позволилъ офицерамъ оставаться при своихъ шпагахъ; такимъ образомъ, въ 10 часовъ ночи 27-го

числа, кое-какъ улажены были существенныя черты капитуляціи, на тѣхъ же самыхъ началахъ, какъ при Седанѣ.

Октября 29-го, отъ 1 часа пополудни до глубокой ночи, изъ крѣпостныхъ воротъ, по разнымъ направленіямъ, печально выступали безоружные, плѣнные солдаты и проходили передъ побѣдителями, выстроенными въ два ряда; эта вторая сдача —самая громадная изъ всѣхъ, когда-либо бывшихъ; исторія не представляетъ подобнаго примѣра; даже для побѣдителей зрѣлище, представляемое полчищами побѣжденныхъ, безоружныхъ, плѣнныхъ враговъ, было поразительно и печально: капитуляціи 1806 года были ничтожны, сравнительно съ тѣмъ, что было при Метцѣ—сцена величественная, но въ то-же время болѣзненно подавляющая воображеніе—сдавалась цѣлая армія, въ полномъ своемъ составѣ: 3 маршала Франціи, 70 генераловъ, болѣе 4,000 офицеровъ, 173,000 рядовыхъ, 20,000 раненыхъ и больныхъ, въ томъ же числѣ 53 орла, 541 полевыхъ орудій, 66 картечницъ, 800 крѣпостныхъ орудій, 300,000 солдатскихъ ружей новаго устройства, и кромѣ всего этого, крѣпость еще никогда не побѣжденная и не взятая, и теперь въ цѣлости и невредимая опять возвращалась въ руки нѣмцевъ.

Армія, снаряженная Наполеономъ для того, чтобы сломить новую Германію и завоевать Рейнъ—теперь, чуть не до послѣдняго человѣка, была военноплѣнною и содержалась почти во всѣхъ крѣпостяхъ Германіи—пораженія, вынесенныя Германіей втеченіе нѣсколькихъ столѣтій, были отомщены и вознаграждены сторицею этими нѣсколькими исполинскими успѣхами. То, что было нѣкогда оторвано отъ Германіи, возвращено ей снова; поразительный успѣхъ подъ Метцомъ былъ купленъ не дорого: во многихъ отдѣльныхъ сраженіяхъ и отъ изнурительныхъ болѣзней нѣмецкое войско потеряло не больше 5,000 человѣкъ.

b. Отъ капитуляціи Метца, 27 октября 1870 года, до сраженій отъ 27 октября до 4 декабря.

Извѣстіе о капитуляціи арміи и Метца должно было у французовъ отнять всякую надежду на счастливое окончаніе войны и, дѣйствительно, народъ созналъ это и всѣ, исключая мнимыхъ политиковъ или политиковъ мечтателей, желали мира, какою бы цѣною онъ ни былъ купленъ, даже уступкою Эльзаса и Лотарингіи, все равно, лишь бы положенъ былъ конецъ этой несчастной войнѣ; на уступку провинцій смотрѣли какъ на необходимую жертву, но съ затаенною яростію и съ тайною надеждою рано или поздно, но возвратить потерянное. Такого рода политическое воззрѣніе было очень благоразумно, и послѣ паденія Метца этимъ путемъ можно было скорѣе идти, нежели послѣ Седана; въ нѣмецкомъ лагерѣ опасались, что французское правительство не преминетъ начать переговоры; но, къ счастію и къ выгодѣ Германіи, случилось не такъ: въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, французскіе правители не послушались голоса народнаго, не обратили вниманія на его настроеніе, не съумѣли принести уже потерянное и погубленное настоящее въ жертву надеждамъ будущаго—для блага и счастія народнаго, хоть на время, пожертвовать самолюбіемъ. Народъ склонялся теперь подъ деспотизмомъ вождей оппозиціи, точно также, какъ незадолго передъ тѣмъ гнулся подъ деспотизмомъ императора и не смѣлъ громко высказывать своего желанія; онъ не успѣлъ опомниться и всего сообразить, какъ его ошеломила прокламація, опубликованная турскимъ правительствомъ, подписанная Гамбеттой и недальновидными Кремье и Глэзъ-Бизуэнъ; въ этой прокламаціи повторялось мнѣніе, простительное неразумнымъ голодающимъ солдатамъ подъ Метцомъ и незнающимъ дѣло людямъ, но недостойное правителей,—прокламація эта громко и утвердительно, какъ фактъ, выставляла: «что Базэнъ измѣнилъ», что онъ соучастникъ Седанской катастрофы и союзникъ враговъ Франціи, что позабывъ долгъ чести, онъ опозорилъ армію; не испытавъ послѣднихъ рѣшительныхъ мѣръ, онъ безъ боя сдалъ непріятелю 120,000 солдатъ, 20,000 раненыхъ, ружья, пушки, знамена и самую сильную крѣпость Франціи. Для такого рода преступленія нѣтъ даже достойнаго наказанія. Посудите же теперь, французы, въ какую бездну золъ повергло васъ императорское пра-

вленіе!» — Въ прокламаціи къ арміи, Гамбетта, необдуманно, какъ истинный французъ, жертвуя минутному эффекту будущее спокойствіе, восклицаетъ: «солдаты, вы преданы, но не обезчещены; теперь, когда вы отдѣлались отъ вашихъ недостойныхъ вождей, сражайтесь за спасеніе и за свободу отечества!» Въ этихъ прокламаціяхъ видна только глубокая ненависть къ императорскому правительству, желаніе одушевить народъ и войско этимъ же чувствомъ; но иной цѣли здѣсь найти невозможно. Мы обязаны указать на вредъ, могущій произойти отъ того, если выполненіе каждой военной обязанности будетъ перетолковано, когда генералъ при каждой неудачѣ подвергается опасности быть выставленнымъ, какъ измѣнникъ, и когда люди, выброшенные уличными волненіями на вершину правительственной власти, будутъ натравливать чернь на нихъ, какъ на измѣнниковъ. Слѣдуетъ ли говорить о томъ, что безсмысленно называть Базэна измѣнникомъ, тогда какъ онъ просто неспособенъ былъ начальствовать большою арміей и когда незадолго передъ тѣмъ его величали: «нашъ знаменитый Базэнъ»; эти господа не думали о томъ, что сама Франція погибла бы безвозвратно отъ испорченности и продажности, если бы въ ея предѣлахъ нашелся военачальникъ способный за самую высокую цѣну, хоть бы за императорскую корону, безъ крайней нужды, подписать капитуляцію, подобную Метцской; нечего и говорить, что на это способенъ былъ бы рѣшиться только человѣкъ не въ здравомъ умѣ. Послѣ этого неудивительно, что нашлись еще большіе фанатики и безумцы, называвшіе правителей національной защиты измѣнниками и обозначавшіе «это смѣшное правительство слабымъ продолженіемъ бонапартизма.» Это утверждали люди, въ глазахъ которыхъ даже Рошфоръ сдѣлался подозрителенъ, или правильнѣе сказать, всегда былъ подозрителенъ, потому что они въ его прошедшемъ нашли три черныя пятна: — 1) будучи воспитанникомъ коллегіи Сенъ-Луи, онъ написалъ похвальное стихотвореніе по поводу бракосочетанія герцога Монпансье съ испанскою принцессою и за это получилъ отъ него золотой карандашикъ; 2) будучи въ Лондонѣ, онъ находился въ похоронной процессіи королевы Амаліи; напрасно клялся и божился Рошфоръ, что это было изъ простаго любопытства, но ему не вѣрили; и наконецъ 3) худшее изъ обличеній—при крещеніи одного изъ его сыновей, Викторъ-Эммануилъ былъ воспріемникомъ. Эти радикальныя силы, возникающія въ различныхъ мѣстахъ Франціи, въ нѣкоторыхъ уже захватили верховную власть, какъ напримѣръ, въ Ліонѣ, но въ другихъ городахъ уравновѣшивали вліяніе офиціально признаннаго правительства; и въ Парижѣ они уже сдѣлали первую попытку стать во главѣ управленія.

Тьеръ возвратился 21 октября изъ своего круговаго путешествія. Непонятный недостатокъ здравомыслія выказало импровизированное 4 сентября правительство, требуя отъ европейскихъ кабинетовъ, чтобы они вмѣшались въ дѣла Франціи и помогли ей, или дипломатическими средствами, или, въ случаѣ нужды, и оружіемъ: вмѣшаться въ пользу самозваннаго правительства, существованіе котораго не было обезпечено даже на одинъ день, и къ тому же побѣжденнаго въ войнѣ, затѣянной несправедливо французскимъ высокомѣріемъ, въ войнѣ, въ которой и справедливость и счастіе были на сторонѣ противниковъ, вмѣшательство при такихъ обстоятельствахъ было немыслимо; все, чѣмъ можно было пожертвовать въ пользу Франціи, могло ограничиться только горстью золота. Предпринять подобное круговое путешествіе къ европейскимъ дворамъ со стороны единственнаго великаго государственнаго человѣка Франціи, было жертвою, очень тяжкою, тѣмъ болѣе, что у него самого едва ли могла быть надежда на успѣхъ. Вездѣ онъ находилъ вѣжливый и предупредительный пріемъ, какого лично заслуживалъ, какъ замѣчательный государственный человѣкъ, извѣстный писатель и въ высшей степени развитой человѣкъ, исполненный высокаго и теплаго патріотизма; но вездѣ на просьбы его отвѣчали скромнымъ желаніемъ, чтобы кровопролитіе скорѣе окончилось и чтобы давно желанный миръ опять установился на цвѣтущихъ поляхъ Франціи; одинаковое личное уваженіе находилъ онъ въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ, при двукратномъ посѣщеніи Вѣны и во Флоренціи. Самое жаркое сочувствіе нашелъ онъ только у австрійскаго государственнаго канцлера, не упустившаго благопріятнаго случая осыпать его самыми теплыми словами. Онъ увѣрялъ, что вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе, энергически высказанное Тьеромъ, что нейтральныя державы должны наконецъ

общими силами вмѣшаться въ дѣло и положить конецъ войнѣ; онъ прибавилъ обиженнымъ тономъ, что, несмотря на всѣ свои усилія, не можетъ двинуть европейскихъ кабинетовъ на соединенное дѣйствіе: «вообще, я вовсе не замѣчаю признаковъ жизни въ европейскихъ кабинетахъ.» Но принять прямо, открыто сторону Франціи, несмотря на живѣйшее желаніе и сочувствіе къ ней, для Австріи было бы теперь несвоевременно; далѣе, онъ находилъ, что нельзя требовать отъ Пруссіи, чтобы она понапрасну проливала столько «благородной нѣмецкой крови»,—она имѣетъ право на вознагражденіе; что французамъ легче будетъ принести потребныя жертвы, если европейскія державы ей будутъ совѣтовать принести ихъ, *нежели въ то время, когда побѣдитель самъ предпишетъ имъ эти требованія*», этимъ замѣчаніемъ онъ вѣрно попалъ въ цѣль. Онъ, однакожь, не скрылъ отъ Тьера, котораго онъ нашелъ «нѣсколько обезкураженнымъ тѣмъ, что узналъ въ Петербургѣ,» что Россія и Англія держатъ себя такъ, что не подаютъ ни малѣйшей надежды на совмѣстное европейское вмѣшательство. Австрія же, съ своей стороны, не можетъ одна начать протестовать и, надобно сказать, замѣчаніе это было совершенно вѣрное. Разсказываютъ, будто Тьеръ въ Вѣнѣ встрѣтился съ знаменитымъ нѣмецкимъ историкомъ Леопольдомъ Ранке, и, между прочимъ, спросилъ его, противъ кого собственно нѣмцы теперь ведутъ войну и получилъ очень мѣткій и умѣстный отвѣтъ: «противъ Людовика XIV».

Нейтральныя державы могли только въ одномъ отношеніи помочь Франціи: онѣ могли содѣйствовать заключенію перемирія, съ цѣлью дать возможность естественнымъ народнымъ силамъ Франціи выразить свою волю и избавить ее отъ произвола олигархіи парижской уличной черни. Со стороны нѣмцевъ также желали перемирія, потому что этого требовали общегерманскія выгоды—только такимъ путемъ можно было добиться законнаго правительства во Франціи, съ которымъ можно было бы вести настоящіе переговоры, какъ съ благоразумными взрослыми людьми, а не какъ съ своевольными мальчишками. Графъ Бисмаркъ объяснилъ это въ памятной запискѣ; въ ней же онъ предсказывалъ всѣ ужасы положенія, до какого можетъ дойти народонаселеніе Парижа, состоящее изъ двухъ милліоновъ, отъ слишкомъ продолжительной осады, когда жизненные припасы будутъ истощаться и не будетъ средствъ пополнять ихъ. Въ той же памятной запискѣ отъ 4-го окт., онъ показывалъ, какъ мало шансовъ защитить эту огромную крѣпость и какъ безполезно сопротивленіе; во время всѣхъ до сихъ поръ происходившихъ вылазокъ изъ Парижа и сраженій, французскимъ войскамъ ни одного разъ не удавалось прорывать даже передовой линіи осаднаго войска. 10-го числа министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Шодорди, по желанію Гамбетты, отвѣчалъ на эту памятную записку очень слабымъ циркуляромъ; въ немъ, между прочимъ, говорилось: «сраженія и вылазки, о которыхъ говоритъ Бисмаркъ, оканчивались успѣхомъ для насъ и это не единственныя наши удачи. — Если пруссаки указываютъ на трудность снабжать Парижъ съѣстными припасами, то это происходитъ отъ того, что они сами терпятъ недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ и принуждены ослаблять свою армію, посылая ежедневно большія колонны для грабежа и фуражировки. Ихъ армія ослабляется и деморализируется — продолжать войну при наступающей непогодѣ для насъ очень выгодно. — Несмотря на это, Франція, однакожь, желаетъ мира, такъ какъ она его желала еще до начала военныхъ дѣйствій, но она желаетъ его на прочныхъ началахъ»... Подобная болтовня еще имѣла кое-какое значеніе до паденія Метца, но теперь, когда это событіе совершилось, французское правительство должно было, хотя бы только для виду, сдѣлать народу вопросъ, чего онъ хочетъ, а не деспотически распоряжаться его кровью и достояніемъ; только послѣ ясно высказанной народной воли, европейскія державы могли предложить свою помощь для окончательнаго заключенія мира. Для Германіи миръ, заключенный въ это время, не могъ представляться въ особенно заманчивомъ свѣтѣ, отношенія были бы тѣ-же, какія были послѣ катастрофы при Седанѣ; еще больше, чѣмъ тогда, французскій народъ приписывалъ бы всѣ свои пораженія императорскому правленію и измѣнѣ, но на себя и на Парижъ смотрѣлъ бы, какъ на непобѣдимыя силы, и готовъ былъ бы, при первой возможности, начать новую войну, чтобы отомстить за понесенныя потери и униженія. На этотъ разъ правительство національной обороны значительно облегчало роль нѣ-

мецкаго государственнаго человѣка и дало ему возможность, передъ цѣлой Европой, выказать свою умѣренность. Онъ могъ довести свою уступчивость до послѣдней степени возможности, съ увѣренностью, что всѣ переговоры ни къ чему не поведутъ, что они разобьются о безуміе и недальновидность этого правительства, обязаннаго не довольствоваться своимъ собственнымъ непониманіемъ дѣла, но принужденнаго сообразоваться съ настроеніемъ черни, газетныхъ крикуновъ и заносчивыхъ мальчишекъ, завладѣвшихъ общественнымъ мнѣніемъ.

Снабженный пропускными листами, изъ Тура Тьеръ явился 30-го въ Версаль, отсюда поѣхалъ въ Парижъ, чтобы добыть полномочія, безъ которыхъ не могъ начинать переговоровъ, и возвратился въ Версаль, въ главную квартиру прусскаго короля, чтобы условиться съ канцлеромъ германскаго союза о главныхъ статьяхъ перемирія; происходило нѣсколько свиданій между этими двумя замѣчательными людьми. Бисмаркъ, отъ имени своего короля, объявилъ, что готовъ согласиться на 25 дневное перемиріе съ тѣмъ, чтобы дѣла и войска оставались въ такомъ положеніи, въ какомъ находятся въ данную минуту. Онъ предлагалъ расположеніе войска оставить такимъ, какое оно будетъ въ день, когда перемиріе будетъ подписано; во время перемирія должны будутъ происходить выборы въ національное собраніе, для которыхъ со стороны нѣмцевъ будутъ сдѣланы всѣ потребныя облегченія; онъ соглашался даже на то, чтобы выборы производились также и въ Эльзасѣ. Дѣлая эти уступки, Бисмаркъ зналъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Правительство національной обороны дало своему договаривающемуся представителю инструкцію потребовать на все время перемирія, чтобы Парижъ былъ снабжаемъ провіантомъ. Бисмаркъ съ удивительнымъ самообладаніемъ спокойно выслушалъ требованіе посланника этого несообразнаго правительства, говорившаго подобно побѣдителю съ побѣжденнымъ, и удовольствовался только вопросомъ: имѣетъ ли Тьеръ возможность предложить какое-либо равнозначащее военное вознагражденіе въ обмѣнъ на громадную уступку, какую отъ него требуютъ: Тьеръ принужденъ былъ сознаться, что ничего не можетъ предложить.

Однакожъ, надобно отдать справедливость правительству національной обороны: дѣлая терпѣливому побѣдителю такого рода требованіе, оно не имѣло инаго выбора и принуждено было такъ поступить. Оно обманомъ и напыщенными фразами подняло и вооружило народныя полчища; теперь народъ, чувствуя свое превосходство и свою силу, поступалъ, какъ будто все ему сказанное и обѣщанное было истинною правдою: обманъ получалъ справедливое возмездіе. Если Парижъ дѣйствительно непобѣдимъ, какъ говорилось; если они, его защитники, такіе герои, какъ увѣряли; если вся непобѣдимая Франція поднимется изъ конца въ конецъ поголовно, чтобы выручить Парижъ; если Метцъ палъ только отъ измѣны; если нѣмецкое войско голодаетъ и погибаетъ отъ недостатка и болѣзней, какъ ихъ увѣряли, если, наконецъ, все это правда, то зачѣмъ вести переговоры, на что перемиріе? Навѣрное и тутъ есть измѣна, толковали въ народѣ; между правителями, дѣйствительно, были люди подозрительные: Трошю и нѣкоторые другіе изъ членовъ имѣли непростительную слабость вѣрить въ Бога, о прочихъ членахъ правленія національной обороны этого достовѣрно не знали,— но, какъ бы то ни было, это въ глазахъ демагоговъ не были настоящіе мужи народные, имъ не того нужно было; имъ нужно было, чтобы всякія традиціонныя и религіозныя вѣрованія и гражданскія добродѣтели были также отвергнуты, какъ они сами со всѣмъ этимъ уже давно покончили. Вожди взволнованнаго, обманутаго и отуманеннаго политическими тонкостями народа, видѣли, что часъ ихъ пришелъ. 31 окт., послѣ обѣда, члены правительства собрались въ Hôtel de Ville, чтобы разсуждать о перемиріи; къ нимъ явилась депутація отъ какой-то части города, съ просьбою утвердить правила для новыхъ муниципальныхъ выборовъ; но вскорѣ оказалось, что эта депутація подложная, что это только авангардъ неудержимо прибывающей массы черни; произошла сцена смятенія, безчинства и всякаго безобразія; она окончилась въ сумеркахъ, назначеніемъ, по примѣрамъ прежнихъ переворотовъ, членовъ новаго временнаго правительства, а именно: Флурана, Милліера, Делеклюза, Бланки, Феликса-Піа — все заклятые враги, не пруссаковъ, но всякаго божескаго и человѣческаго порядка вещей, все такіе люди, какъ вскорѣ оказалось, передъ которыми анабаптисты Мюнстера въ X столѣтіи и другіе

фанатики «убійцы-пророки» показались бы кроткими и человѣколюбивыми; даже имя Рошфора передъ этими злодѣями не заслуживало пощады. Они оставили у себя заложниками членовъ прежняго правительства національной обороны; ихъ жизнь висѣла на волоскѣ и можно почесть чудомъ, что они сохранили ее; но въ 8 часовъ вечера смѣлое нападеніе батальона національной гвардіи вырвало нѣкоторыхъ изъ нихъ: Трошю, Араго, Ферри изъ рукъ возмутившихся; пользуясь наставшимъ смятеніемъ, и Пикару удалось спастись. Онъ нисколько не потерялся, но, вырвавшись на свободу, приказалъ бить тревогу, собралъ нѣсколько надежныхъ батальоновъ національной гвардіи, повелъ съ ними атаку на бунтовщиковъ и къ полуночи ему удалось прогнать этихъ б е л л ь в и л ь с к и х ъ м у ж е й назадъ въ ихъ кварталъ; надобно замѣтить, что большинство ихъ состояло изъ белльвильскихъ рабочихъ. Послѣ этого Пикаръ освободилъ и остальныхъ членовъ правительства. Они, особенно Ж. Фавръ, находясь въ рукахъ мятежниковъ, выказали мужество; но личный опытъ однакожь не научилъ ихъ распознавать, съ какимъ народомъ они имѣли дѣло. И такъ, порядокъ былъ возстановленъ, но побѣда была не полная: ни у одного изъ правителей, а менѣе всего у Трошю, не было достаточнаго мужества энергическими мѣрами прекратить безурядицу, захватить начальниковъ бунта и казнить ихъ, какъ государственныхъ преступниковъ. Правительство національной обороны, напротивъ, заставило народъ поголовно подать голосъ въ томъ, что довѣряетъ ему, но положеніе дѣлъ было теперь таково, что нельзя было отваживаться заключить перемиріе: это подало бы поводъ къ новому неудовольствію, и опять поднялись бы обвиненія въ измѣнѣ, да и турскій товарищъ по управленію, Гамбетта, могъ на это взглянуть косо, тѣмъ болѣе, что онъ ни о перемиріи, ни о мирѣ и слышать не хотѣлъ.

Послѣ этого, переговоры были прерваны и войну рѣшились вести до послѣднихъ крайностей (à outrance); эту политику Тьеръ впослѣдствіи называлъ политикой умалишенныхъ. Нѣмецкіе военачальники были довольны такимъ исходомъ. Теперь можно было спокойно продолжать начатое дѣло: въ военномъ отношеніи низложить Францію, какъ республику, также какъ низложена и побѣждена была Франція, какъ имперія.

2 ноября турская правительственная делегація обнародовала декретъ, повелѣвавшій явиться подъ ружье всѣмъ, безъ исключенія, способнымъ носить оружіе, отъ 20 до 40 лѣтняго возраста: мѣра безумная, потому что ни время, ни средства не позволяли изъ этой громадной массы сформировать годное войско; надобно признаться—усилій не жалѣли: старались по крайней мѣрѣ вооружить новобранцевъ; по какой бы то ни было цѣнѣ скупали оружіе въ Англіи, Америкѣ и на своихъ собственныхъ оружейныхъ заводахъ. Кромѣ луарской арміи, довольно хорошо организованной и поставленной на военную ногу, составились еще четыре армейскія команды: на сѣверѣ Бурбаки съ своими полками, главная квартира его находилась въ Лиллѣ; западная часть арміи, подъ начальствомъ генерала Фіерекъ; главная квартира его находилась въ Ле-Мансѣ; центральная часть, подъ начальствомъ генерала Полэ—главная квартира въ Буржѣ и наконецъ восточная, подъ начальствомъ генерала Камбріеля—главная квартира его расположена была въ Безансонѣ. Кромѣ того, въ различныхъ пунктахъ учреждены были учебные лагери, въ которыхъ эти рекруты приготовлялись къ своему назначенію; кавалерію, безъ которой ни одно войско не можетъ обходиться, казалось, эти несвѣдущіе правители считали лишнею и не заботились о томъ, чтобы сформировать ее; лучше всего подготовлена была артиллерія: въ такое короткое время она доведена была до такой степени совершенства, какого никакъ нельзя было ожидать.

Послѣ капитуляціи Метца въ распоряженіи нѣмецкаго главнокомандующаго находилась I и II арміи, всего до 200,000 чел. отборнаго, испытаннаго въ бояхъ войска; еще до паденія крѣпости были сдѣланы нужныя распоряженія, и теперь каждая изъ частей осаднаго войска двинулась для выполненія назначенной задачи. Изъ числа осадныхъ войскъ въ Метцѣ остался 7 армейскій корпусъ, составленный изъ вестфальцевъ, подъ командою Цастрова; ему поручено было содержать караулы въ крѣпости и напасть на крѣпости Тіонвиль и Монмеди, также и препроводить военноплѣнныхъ рейнской арміи въ Германію; съ 8 и 1 корпусомъ главноначальствующій I арміей, генералъ Мантейфель, пошелъ 7 ноября къ западу и

далѣе къ сѣверу, чтобы обезопасить осаждающихъ отъ какой либо попытки внѣшнихъ французскихъ отрядовъ, подать помощь Парижу и снять съ него осаду. Передовыя войска прибыли на операціонную линію, простирающуюся по среднему Уазу, на сѣверъ отъ Парижа и оканчивавшуюся на югъ Сеной, между Компьнемъ и Сенъ-Кентеномъ—въ его распоряженіи находилось около 38,000 пѣхоты, 4,500 кавалеріи и 180 орудій. II армія, 3, 9 и 10 корпуса Альвенслебена 2-го, Манштейна, Фогтсъ-Ретца и 1 кавалерійская дивизія, состояла подъ непосредственнымъ начальствомъ принца Фридриха-Карла — послѣ паденія Метца онъ, наравнѣ съ кронпринцемъ прусскимъ, возведенъ былъ въ санъ фельдмаршала, честь одинаково высокая въ прусскомъ войскѣ и королевскомъ домѣ; онъ двинулся къ средней Луарѣ, гдѣ предстояла самая большая надобность.

До сихъ поръ въ мѣстности этой находился генералъ фонъ-деръ-Таннъ, съ очень незначительными силами; 3 ноября онъ получилъ донесеніе, что враги стягиваютъ значительныя военныя силы выше Орлеана къ правому берегу Луары, слѣдовательно, на его правомъ крылѣ: надобно было ожидать, что, пользуясь уже готовою къ войнѣ луарской арміей, французы двинутся къ Парижу раньше, чѣмъ войска, освободившіяся изъ-подъ Метца, успѣютъ подоспѣть на помощь незначительному отряду Танна. Этотъ генералъ сдѣлалъ немедленно всѣ необходимыя распоряженія, чтобы не открыть своего тыла и сохранить сообщеніе съ Парижемъ; онъ очистилъ Орлеанъ, оставивъ въ немъ только больныхъ и нѣсколько батальоновъ гарнизона, и стянулъ свои войска къ Кульмье, на сѣверо-западъ отъ Орлеана; тамъ они уже 9-го наткнулись на французскія войска, приближавшіяся со стороны Вандома. Началось сраженіе, при которомъ 25,000 корпусъ фонъ-деръ-Танна до вечера выдерживалъ натискъ вдвое сильнѣйшаго французскаго отряда, подъ начальствомъ Орель-де-Паладинъ; только при ночной темнотѣ фонъ-деръ-Таннъ отступилъ къ Сенъ-Перави. Потеря простиралась до 1,100 человѣкъ; французамъ достались два орудія и больные, оставшіеся въ Орлеанѣ, но гарнизонъ успѣлъ во время удалиться. Французскій начальникъ отряда извѣщалъ объ этомъ успѣхѣ въ очень справедливыхъ и умѣренныхъ выраженіяхъ; но въ Турѣ и въ Парижѣ, куда это извѣстіе дошло по голубиной почтѣ 14-го, этотъ успѣхъ раздутъ былъ въ огромную побѣду; на него смотрѣли, какъ на начало счастливой перемѣны въ судьбѣ оружія; такое преувеличеніе считали необходимымъ, чтобы утвердить шаткое положеніе правительства въ Парижѣ: «мы видимъ, скоро настанетъ время, когда мы въ состояніи будемъ подать дружескую руку нашимъ братьямъ, спѣшащимъ къ намъ на помощь изъ департаментовъ, и тогда вмѣстѣ съ ними мы очистимъ почву нашего отечества отъ враговъ». Епископъ орлеанскій Дюпанлу, привыкшій слѣдовать общей страсти преувеличеній, написалъ пастырское посланіе съ тѣмъ, чтобы восхвалять «великую побѣду»; въ немъ упоминалъ онъ о томъ, что нѣкогда, въ былыя времена, Атилла съ своими ордами дошелъ до Орлеана, но молитвами епископовъ, испрашивавшихъ помощь Божію, опять былъ изгнанъ и отступилъ: «отсюда повелъ онъ свои орды варваровъ въ Каталаунскія поля, гдѣ Провидѣнію угодно было нанести ему послѣдній ударъ». Радикальныя газеты величались побѣдой, потѣшались насмѣшками надъ нейтральными державами и надъ ихъ попытками заключить перемиріе и прибавляли особенно воинственнымъ тономъ, что о мирѣ не можетъ быть рѣчи, пока послѣдній пруссакъ не покинетъ почвы Франціи.

Но происшествія шли своимъ роковымъ чередомъ. Между 27 ноября и 4 декабря участь Парижа и, слѣдовательно, войны, была окончательно рѣшена. Корпусъ фонъ-деръ-Танна безпрепятственно отступилъ и соединился съ войсками великаго герцога Мекленбургскаго, который принялъ команду надъ этою частью германскаго войска: 1-мъ баварскимъ корпусомъ и 2-ою пѣхотною и 2-ою кавалерійскою дивизіей; онъ занялъ очень растянутую позицію близъ Турп-Рамбулье; здѣсь онъ держался въ оборонительномъ положеніи, пока не подошло войско принца Фридриха-Карла и не заняло мѣстности къ западу. Между тѣмъ какъ великій герцогъ съ своими войсками двинулся къ Дре и Шатонефъ, и цѣлымъ рядомъ успѣшныхъ сраженій оттѣснялъ враговъ, показывавшихся даже въ шести миляхъ отъ Версаля, II армія приближалась съ поспѣшностью, на какую способно только такое испытанное въ бояхъ войско. 20-го, великій герцогъ получилъ приказаніе преслѣдовать

французовъ, отступавшихъ на Ламаншъ, только небольшими отрядами, а съ главными силами идти къ Луарѣ; но раньше нежели это распоряженіе успѣли выполнить, французы перешли въ наступленіе. Подъ защитой большаго лѣса, который тянется вдоль Луары и Орлеанскаго канала, на сѣверъ отъ Орлеана, французскіе полки собрались въ значительномъ количествѣ и 28-го напали на лѣвое крыло арміи принца Фридриха-Карла, занимавшее мѣстность на востокъ отъ дороги, ведущей изъ Парижа въ Орлеанъ, между Боонъ-ла-Роландъ и Питивье. Самая ожесточенная битва происходила изъ-за самаго городка; съ 10 часовъ утра до 4 пополудни его отстаивали два прусскихъ полка. Одинъ приступъ слѣдовазъ за другимъ, но ихъ отбивали стойкіе саксонцы, превосходныя орудія и точность, съ какою исполнялись спокойныя и предусмотрительныя приказанія командировъ; при такихъ условіяхъ даже огромное количество нападающихъ ничего не значило; они своими трупами устилали землю, но не могли одолѣть; только подъ вечеръ, когда уже не оставалось больше патроновъ, нападенія стали рѣже. Французы отошли; ихъ потери были вдесятеро больше нѣмецкихъ: 7,000 мертвыхъ и раненыхъ, 1,600 плѣнныхъ; это большое число плѣнныхъ опять доказываетъ, что французскіе новобранцы не пріучились къ стойкости. Только 29-го, войска великаго герцога Мекленбургскаго присоединились къ арміи принца Фридриха-Карла, и теперь въ его распоряженіи находилась армія въ 110 или 120,000 человѣкъ, при томъ 19,000 кавалеріи и 480 пушекъ; противъ нея находилась вся луарская армія, не уступавшая ей числомъ; въ ней насчитывалось отъ 150 до 200,000 человѣкъ. Но турскіе военные дилетанты смотрѣли на это иначе: двое изъ членовъ делегаціи, Кремье и Гле-Бизуэнь, явились въ лагерь, чтобы внушить молодымъ защитникамъ республики, что каждый изъ нихъ лучше двухъ пруссаковъ или двухъ-трехъ баварцевъ; при этомъ Гамбетта и его совѣтники высказали все, что могли придумать о концентрированіи войска, о наступательныхъ движеніяхъ и выложили все свое знаніе, или незнаніе географіи Франціи. 2 декабря вновь начались сраженія близъ Орлеана. На этотъ разъ Орель попытался прорвать правое крыло при Луаньи, на востокъ отъ парижско-орлеанской дороги, но здѣсь успѣха было еще меньше, чѣмъ 28-го, при нападеніи на лѣвое крыло, а потери — такія же значительныя. Послѣ этой неудачи луарская армія была достаточно ослаблена и нѣмцы могли предпринять нападеніе на Орлеанъ; ввечеру 2 числа уже дѣлались приготовленія для того. Передъ нѣмцами находилась вся луарская армія; битва должна была сдѣлаться рѣшительною. Въ назначенный часъ, 3 числа, выступили колонны нѣмецкаго войска; походъ продолжался до сумерекъ короткаго зимняго, суроваго дня. Главная задача состояла въ томъ, чтобы сосредоточить всю силу нападенія на Орлеанъ, подъ стѣнами котораго французы заняли укрѣпленную позицію, частію вооруженную орудіями крупнаго калибра; задачу эту разрѣшить предполагалось на слѣдующій день.

Съ обыкновенною точностію, свойственною прусской арміи, были выполнены предписанныя передвиженія войска къ Орлеану. Къ вечеру корпусъ Манштейна занялъ предмѣстье Сенъ-Жанъ и вокзалъ желѣзной дороги шлезвигъ-гольштейнскими и силезскими полками; битва продолжалась и уже приближалась къ городу, но комендантъ крѣпости, опасаясь бомбардированія, прислалъ сказать отъ имени генерала Орель-Паладина, что городъ будетъ очищенъ черезъ два часа. Ровно въ полночь съ музыкой и барабаннымъ боемъ входили нѣмцы съ одной стороны, тогда какъ французы поспѣшно переходили мостъ съ другой. Впрочемъ, этого сраженія нельзя назвать кровопролитнымъ: потеря со стороны нѣмцевъ убитыми и ранеными доходила до 1,500 человѣкъ; французы всего потеряли 14,000 человѣкъ, но въ числѣ ихъ было 12,000 плѣнныхъ. Нѣмцамъ при этомъ досталось 60 пушекъ, богатые запасы всякаго рода и 4 канонерскія лодки, предназначавшіяся на то, чтобы, въ случаѣ успѣха, дѣйствовать на Рейнѣ. При этомъ чуть было нѣмцамъ не попался въ руки самъ диктаторъ Гамбетта; онъ спѣшилъ было на мѣсто сраженія, чтобы лично удостовѣриться, какъ исполняются его мудрыя распоряженія, но встрѣченный пулями нѣмецкихъ ружей, не захотѣлъ съ ними ближе познакомиться и поѣхалъ назадъ туда, откуда пріѣхалъ. Начиная съ 28 ноября по 5 декабря, до 24,000 человѣкъ, т. е. почти пятая часть луарской арміи попалась въ плѣнъ.

Въ тѣ же самыя числа и Трошю съ своею парижскою арміей понесъ пораженіе. Съ того дня, 31 октября, какъ случилось возстаніе, парижское правительство находилось въ возбужденномъ состояніи; оно опасалось народной партіи, но прикидывалось очень мужественнымъ и тѣшилось отважными прокламаціями, при случаѣ говорило рѣчи, возбуждая энтузіазмъ жителей къ битвѣ съ врагами, обложившими городъ, а между тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не вѣрилъ самъ въ возможность продолжительной обороны, по крайней мѣрѣ въ это не вѣрили члены, хоть сколько нибудь знакомые съ военнымъ искусствомъ. Но ни у одного изъ нихъ недоставало мужества громко сознаться въ этомъ; вскорѣ половина Парижа думала такъ же; пролетаріямъ осада Парижа пришлась очень по вкусу: у нихъ были средства къ жизни, безъ работы, за патріотическую преданность имъ хорошо платили и отъ нихъ не требовали никакихъ пожертвованій,—приходилось только понемножку маршировать каждый день, учиться стрѣльбѣ и содержать караулы; свободнаго времени было довольно: можно было вволю шумѣть въ клубахъ, дѣлать демонстраціи, слушать восторженныя рѣчи и т. п. Правительство льстило имъ и не осмѣливалось ограничивать ихъ своеволія. Между высшими слоями общества сожалѣли о томъ, что переговоры о перемиріи прекращены, но никто не осмѣливался громко высказаться; пресса или повторяла героическія выходки и фразы, по большей части изъ страха предъ баталіонами рабочихъ, требовавшихъ непремѣнно продолженія войны вовсе не изъ патріотизма, какъ это вскорѣ оказалось. Извѣстіе о мнимой побѣдѣ при Кульмье подновило чувство патріотизма и оживило надежду даже у тѣхъ, кто очень спокойно и здраво смотрѣлъ на ходъ событій; съ своей стороны Гамбетта не жалѣлъ средствъ, чтобы въ своихъ извѣстіяхъ выставлять положеніе дѣлъ въ самомъ выгодномъ свѣтѣ; при этомъ, однакожь, надобно замѣтить, что никакое другое правительство и никакой народъ не вдавался бы въ обманъ и не вѣрилъ бы сладкорѣчивымъ извѣстіямъ. Говоря объ этихъ обстоятельствахъ, англійскій историкъ Ѳома Карлейль пишетъ: «этотъ народъ упрямо отказывался видѣть факты, находящіеся у него подъ ногами, и въ этомъ сходны между собою и министры, и чернь.»

Пришла пора дѣйствовать: несмотря на затрудненія при сообщеніяхъ, однакожь, произошло соглашеніе о совмѣстномъ дѣйствіи парижской и луарской арміи, положено было одновременно въ послѣднихъ числахъ ноября, парижской арміи, сдѣлавъ вылазку, устремиться къ Орлеану и попытаться прорвать линію осаждающихъ, а луарской арміи устремиться отъ Орлеана къ Парижу. 28 го граждане Парижа читали на углахъ улицъ прокламацію, въ которой оповѣщалось предпринимаемое движеніе; въ ней генералъ Трошю и еще болѣе Дюкро наобѣщали много. Дюкро особенно самоувѣренно восклицалъ: «минута давно желанная настала; пора прорвать желѣзное кольцо, насъ охватывающее и готовое насъ задушить, послѣ долгой и болѣзненной агоніи.» Далѣе онъ напоминалъ войскамъ о ихъ громадномъ количествѣ и увѣрялъ, что нѣмцы отправили къ Луарѣ самыя надежныя и храбрыя войска свои. Эта прокламація, подобно многимъ предъидущимъ, служитъ доказательствомъ, что не одна имперія жила самохвальствомъ и обманомъ; въ концѣ ея стояло: «что до меня касается, то я уже рѣшился: клянусь передъ вами и передъ цѣлой націей, что или умру, или побѣдителемъ возвращусь въ Парижъ. Вы можете быть свидѣтелями моей смерти, но не отступленія; если же я паду, не останавливайтесь: впередъ, отомстите за меня!» Это были слова, годныя для театра, выхваченныя изъ роли героя. Нечего говорить, генералъ этотъ и до сихъ поръ живъ.

По обыкновенію, жестокая, но безцѣльная канонада предшествовала вылазкѣ и предупредила нѣмцевъ. Послѣ различныхъ демонстрацій 29, наконецъ 30 была сдѣлана сильная вылазка по направленію къ юго-востоку: французы устремились на 12-й корпусъ,—саксонскіе и вюртембергскіе полки; тѣ и другіе съ жадностью ринулись въ бой, радуясь случаю, что могутъ доказать свою храбрость и что занимаютъ не послѣднее мѣсто въ нѣмецкомъ союзномъ войскѣ. Однакожь французы на этотъ разъ пробились до Бри и до Шампаньи, на лѣвомъ берегу Марны, и удержали за собою позицію; между тѣмъ на прочихъ пунктахъ, къ югу и сѣверу, они ограничились одними маневрами. Но этимъ и покончились успѣхи парижской арміи; на слѣдующій день, 1 декабря, нападеніе не продолжалось. Но за

то 2-го возобновилась борьба за эти деревни; дрались съ большимъ ожесточеніемъ. У французовъ преимущественно дѣйствовали регулярныя войска, они выказали и храбрость, и стойкость; къ ночи 2-го числа Бри и часть Шампаньи еще оставались въ ихъ рукахъ; несмотря на это они удовольствовались этимъ успѣхомъ; Трошю приказалъ отступить на утро слѣдующаго дня. Прорвать линію возможно было только въ первый день; напоръ французскаго войска удерживали храбрые вюртембергцы; но теперь у нѣмцевъ довольно было стянуто силъ, чтобы отразить болѣе стремительное и сильное нападеніе нежели французское. Генералъ Дюкро, командовавшій нападеніемъ, остался живъ, но онъ ловко вывернулся: «битва не проиграна, она только на время пріостановлена, сказалъ онъ своимъ разбитымъ войскамъ, но мы на дняхъ съ свѣжими силами возобновимъ борьбу.» Потери съ той и другой стороны были жестокія: со стороны французовъ пало 12,000 человѣкъ, со стороны нѣмцевъ — 2 корпусъ, подъ командой Франсеки, составленный изъ померанцевъ — потерялъ половину.

Дни, отъ 27 ноября до 4 декабря, можно назвать критическими: на трехъ различныхъ пунктахъ: передъ Парижемъ, на берегахъ Луары и на сѣверѣ болѣе 500,000 человѣкъ жестоко бились; о двухъ сраженіяхъ мы говорили, но и на третьемъ пунктѣ, на сѣверѣ, побѣда осталась на сторонѣ нѣмцевъ.

Генералу Мантейфелю поручено было держать французскія войска подальше отъ Парижа и заботиться о безопасности осаждающихъ, ограждать ихъ отъ попытокъ съ этой стороны снять осаду съ стѣсненной столицы. Французская сѣверная армія была далеко не такъ хорошо организована, какъ луарская; ядро ея составляли нѣкоторые запасные полки, нѣсколько гарнизоновъ изъ крѣпостей и нѣсколько тысячъ морскихъ солдатъ; къ нимъ присоединили отряды подвижной гвардіи и вольныхъ стрѣлковъ. Числомъ эта армія была меньше луарской; ею командовалъ Бурбаки, но передъ луарской арміей у нея была значительная выгода: она опиралась на цѣлый рядъ крѣпостей: Ла-Феръ, Перонъ, Арра, Дуэ, Лилль, къ тому же, въ нѣмецкомъ лагерѣ не было извѣстно ни количества солдатъ этой арміи, ни гдѣ она расположена. Генералъ Мантейфель прежде всего направился къ Аміену; тамъ, начиная съ 26-го, были почти ежедневныя встрѣчи непріятельскихъ войскъ; начальство надъ сѣверной арміей, между тѣмъ, отъ Бурбаки, отозваннаго для другаго назначенія, перешло къ генералу Фэдербъ; 27-го дѣло дошло до большаго сраженія между германской и сѣверной арміей. Со стороны нѣмцевъ преимущественно дѣйствовали войска изъ рейнскихъ провинцій; около 4 часовъ пополудни участь битвы была рѣшена; послѣдняя французская позиція Виллье-Бретонне была взята штыками; разбитые французы воспользовались ночною темнотою и отошли за Сомму: кромѣ потери въ нѣсколько тысячъ убитыми, ранеными и плѣнными, изъ французскаго войска еще разбѣжалось значительное число подвижной гвардіи. Побѣду эту еще дополнила сдача крѣпостцы Ла-Феръ, о чемъ извѣстіе пришло еще во время сраженія, причемъ 2,500 человѣкъ гарнизона опять достались нѣмцамъ. Кромѣ этой крѣпостцы, послѣ паденія Стразбурга во власть нѣмецкаго войска отданы были крѣпости: 16 октября Суассонъ, причемъ военноплѣнныхъ было 4,600 человѣкъ и 128 орудій; 8 ноября Верденъ 4,000 плѣнныхъ и 136 орудій; Шлеттштадтъ — 2,400 плѣнныхъ и 120 пушекъ; Нейбрейзахъ и фортъ Мортье 7 и 10 ноября съ 5,200 плѣнными и болѣе 100 пушекъ, Тіонвиль, 25-го, съ 4,000 плѣнными и 200 пушками; къ этому надобно еще присовокупить цитадель Аміена, сдавшуюся 30-го. Мантейфель оставилъ въ Аміенѣ генерала Гребена съ нѣсколькими батальонами пѣхоты, эскадронами кавалеріи и достаточнымъ количествомъ артиллеріи, а самъ съ главными силами двинулся ко второму важному пункту, къ главному городу Нормандіи—Руану на нижней Сенѣ. Послѣ этого можно было ожидать, что нѣмецкія войска побѣдоносно дойдутъ до французскихъ береговъ Атлантическаго океана.

4. Миръ.

а. Возсозданіе новой германской имперіи.

Приказомъ отъ 6 декабря главноначальствующій союзными войсками, король Прусскій сдѣлалъ обзоръ всѣхъ битвъ по Луарѣ, близъ Парижа и на Соммѣ, происходившихъ въ теченіе ноября и первыхъ чиселъ декабря, и указалъ на результатъ ихъ, какъ на рѣшительный: «Мы опять стоимъ на рубежѣ новаго отдѣла этой войны... всѣ попытки непріятеля прорвать осадную линію вокругъ Парижа повсюду рѣшительно отбиты... арміи, со всѣхъ сторонъ спѣшившія къ Парижу, чтобы снять осаду, всѣ до одной разбиты.»

Никто въ Европѣ, исключая Франціи, не сомнѣвался болѣе въ томъ, какой исходъ будетъ имѣть война. До сихъ поръ политическая жизнь Европы какъ бы застыла; всѣ съ напряженнымъ чувствомъ ожиданія смотрѣли, что выйдетъ изъ ужаснаго столкновенія двухъ сосѣднихъ націй, изъ которыхъ въ каждой около 40 милліоновъ жителей; кабинеты не высказывали своего мнѣнія, выжидая, на какую сторону склонится побѣда; теперь дѣло было ясное, сомнѣній быть не могло больше, и державы готовились дѣйствовать, сообразно съ рѣшеніемъ судьбы, очевидно осуждавшей Францію, хотя временно, на безсиліе.

Мы увидимъ дальше, какъ чувствительно припомнилось Англіи, на сколько она лишилась своего кредита, и какъ исчезъ страхъ передъ ея могуществомъ, вслѣдствіе недостойнаго положенія, въ какое ея правительство себя поставило при началѣ этой великой войны. Октября 31-го циркулярною депешею русскій государственный канцлеръ князь Горчаковъ оповѣстилъ державы, подписавшія парижскій трактатъ 1856 года, что русскій императоръ, «полагаясь на чувство справедливости державъ», объявляетъ, что не считаетъ болѣе для себя обязательными статей договора, ограничивавшихъ его верховныя права на Черномъ морѣ. Онъ опирался на то, что нейтралитетъ Чернаго моря, утвержденный договоромъ, многократно былъ нарушенъ; что весь договоръ 1856 года и въ другихъ частяхъ своихъ также не соблюдался; напримѣръ, параграфы касательно дунайскихъ княжествъ неоднократно бывали нарушены; впрочемъ императоръ, не желая возобновлять восточнаго вопроса, готовъ войти въ соглашенія съ державами. Въ Англіи и Австро-Венгріи поднялось сильное негодованіе на такое самовластіе; но исходъ можно было предвидѣть. Единственная сильная европейская держава, Россія, съ самаго начала борьбы на жизнь и на смерть между Германіей и Франціей, держала себя честно и прямодушно; она своимъ благородствомъ, при строгомъ исполненіи условій нейтралитета, заслужила, чтобы при этомъ случаѣ и Германія съ своей стороны не мѣшала ей достигнуть желаемой цѣли; къ тому же, это не касалось ни прямыхъ, ни косвенныхъ жизненныхъ интересовъ ея, поэтому не для чего было и мѣшать ей. Франція же въ эту минуту не могла имѣть голоса въ какомъ бы то ни было европейскомъ вопросѣ.

Въ Германіи на войну смотрѣли, какъ на дѣло оконченное, и не дожидаясь ея фактическаго конца принялись собирать плоды, ею взращенные. На счетъ условій мира, какія слѣдуетъ предписать Франціи, не было разногласія. Одинъ только горячій мечтатель Д. Якоби протестовалъ: онъ въ Кенигсбергѣ, въ собраніи общества такъ называемой народной партіи, въ своей рѣчи съ жаромъ протестовалъ противъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи, называя это оскорбительнымъ нарушеніемъ «права самоопредѣленія народа»; совершенно лишнимъ былъ его арестъ 20 числа и то, что его посадили въ крѣпостную тюрьму; этотъ неглубокій демагогъ и безъ того былъ уже довольно безвреденъ. За исключеніемъ этой небольшой горсти демагоговъ, ставившихъ бредни своей партіи выше народнаго блага, никто не думалъ противорѣчить очевидной потребности Германіи — отдѣлить свои владѣнія болѣе надежной границей отъ будущихъ претензій *самоопредѣленія* французскаго народа; затѣмъ не менѣе опредѣленно выяснилась мысль, что драгоцѣнный плодъ общезавоеванной побѣды долженъ заключаться въ тѣснѣйшемъ соединеніи всей націи: она должна слиться въ одно политическое цѣлое,

чтобы сохранить свое величіе и свою силу. Въ сѣверной и южной Германіи мысль эта выражалась одинаково опредѣленно; она уже сдѣлалась осязательною до непреложности, со дня подъ Седаномъ; государи: Фридрихъ Баденскій, Людвигъ Гессенскій, Карлъ I Вюртембергскій, Людвигъ II Баварскій находили это справедливымъ и естественнымъ. Начиная съ 25 октября въ Версали шли переговоры между уполномоченными поименованныхъ державъ и канцлеромъ сѣверогерманскаго союза; тутъ разбирали и обсуживали законодательные вопросы Германіи; переговоры эти окончились соглашеніемъ 15 ноября съ Баденомъ и Гессеномъ, 23 ноября съ Баваріей и 25 съ Вюртембергомъ. 4 декабря какъ доказательство того, что всѣ части, племена и государства Германіи слились въ одно цѣлое, король Баварскій собственноручно написалъ письма ко всѣмъ нѣмецкимъ государямъ и къ тремъ сенатамъ вольныхъ городовъ; въ нихъ онъ предложилъ, чтобы прусскій король, послѣ присоединенія южно-германскихъ государствъ къ сѣверо-германскому союзу, былъ президентомъ всего германскаго союза, охватывающаго всю Германію, отъ сѣвера до юга, съ титуломъ нѣмецкаго императора.

Между тѣмъ рейхстагъ сѣверо-германскаго союза былъ открытъ 24 ноября. Отъ него потребовалось согласія на новый заемъ въ 100 милліоновъ, для продолженія войны. Немногочисленные соціалистическіе вожди: Бебель, Либкнехтъ, Менде шумѣли по своему, противясь продолженію войны, и заслужили похвальный отзывъ отъ французскихъ газетъ, готовыхъ привѣтствовать даже такихъ незначительныхъ союзниковъ; когда началась подача голосовъ, геттингенскій профессоръ Эвальдъ примкнулъ къ нимъ; этотъ ученый, при замѣчательномъ талантѣ, какъ писатель, и обширной учености—но голова котораго наполнена была самыми извращенными теоріями,—не только въ этомъ случаѣ поступилъ безтактно, но и прежде при всякой возможности отличался тѣмъ же: онъ самымъ непристойнымъ и неумѣреннымъ образомъ бранилъ проектъ также, какъ сочиненія другихъ ученыхъ. 6 декабря начались пренія по поводу договоровъ съ представителями южно-германскихъ государствъ; 9-го, послѣ третьяго чтенія, проектъ былъ принятъ большинствомъ 195 голос. противъ 32; между тѣмъ германскіе государи согласились на предложеніе короля баварскаго, и въ измѣненную конституцію включены были слова: императоръ и имперія; при первомъ, второмъ и третьемъ чтеніи, перемѣна была принята, и депутація изъ 30 членовъ отправилась съ адресомъ къ королю прусскому, въ которомъ сѣверо-германскій союзъ «вмѣстѣ съ государями Германіи» просятъ его принять корону нѣмецкаго императора, чтобы освятить великое дѣло объединенія.

Главою депутаціи былъ президентъ Симсонъ, тотъ самый, который за 21 годъ передъ тѣмъ, во главѣ депутаціи Франкфуртскаго парламента, предлагалъ прусскому королю нѣмецкую корону. Депутація прибыла въ Версаль 18 декабря, въ воскресенье, и была принята королемъ въ своей главной квартирѣ, въ домѣ префектуры. Все кругомъ носило на себѣ военный характеръ, вдали раздавался неумолкаемый громъ пушекъ съ форта Монъ-Валеріенъ. Для оратора депутаціи не трудно было найти краснорѣчивыя и умѣстныя выраженія въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все кругомъ давало пищу его воображенію, гдѣ все само за себя говорило: на полѣ битвы, въ борьбѣ съ старинымъ врагомъ своимъ, послѣ борьбы, длившейся не три мѣсяца, а нѣсколько столѣтій, германская нація, т. е. старинное королевство Генриха I, нашло не имперію Карла, или Оттона Великаго, но настоящую германскую имперію. Король Вильгельмъ очень скромно отвѣчалъ депутаціи, что онъ принимаетъ титулъ императора, если государи на это согласны и если народъ этого желаетъ,—на этотъ разъ и то, и другое дѣйствительно такъ было.

b) Послѣднія сраженія въ департаментахъ.

На какихъ бы условіяхъ ни состоялся миръ, но объединеніе Германіи совершилось на прочныхъ, незыблемыхъ основаніяхъ; всѣ нѣмецкія племена дружно, братски сражались въ этой войнѣ; ихъ сроднила, сблизила опасность и слила въ одно цѣлое. Теперь дѣло шло не о побѣдахъ, а о мирѣ: надобно было принудить лица, имѣющія власть, выслушать волю французскаго народа, большинство кото-

раго, безъ сомнѣнія, жаждало мира, т. е. всѣ тѣ, которые не отказались отъ собственной воли и не преклонялись подъ игомъ республиканскаго диктаторства такъ, какъ до этого преклонялись подъ гнетомъ императорскаго диктаторства. Но такого принужденія, при настоящемъ положеніи дѣлъ, можно было достигнуть только взятіемъ Парижа; если это удастся, разсуждали нѣмцы, тогда разлетятся всѣ самообольщенія, всѣ обманы и ясно выступитъ неизбѣжная необходимость. Защитникъ Парижа, генералъ Трошю, впослѣдствіи, въ опроверженіе всѣхъ своихъ прокламацій, утверждалъ, что онъ на защиту Парижа съ самаго начала смотрѣлъ, какъ на геройское безуміе, «une folie héroïque», но необходимое для поддержанія народной чести; такое воззрѣніе было вѣрно, относительно той минуты защиты, о какой мы теперь говоримъ, но съ того мгновенія, какъ столица Франціи рѣшилась защищаться, она должна была служить примѣромъ для всей Франціи и продолжать защиту до крайней возможности, какъ бы ни была несбыточна эта защита.

Надежда на помощь извнѣ, можно сказать, уменьшалась соразмѣрно возрастанію французскаго ополченія въ департаментахъ; подобно тому, какъ и вся война, и эта часть ея служитъ поразительнымъ доказательствомъ незнанія и неопытности въ военномъ и въ политическомъ отношеніи; люди, взявшіеся не за свое дѣло, думали, что чувство патріотизма, массы солдатъ, дикая поспѣшность въ ихъ обученіи, можетъ вознаграждать то, что пріобрѣтается долголѣтнимъ, терпѣливымъ и совѣстливымъ исполненіемъ долга, тяжкой службой, немилосердой строгостью при обученіи и привычкою. Нѣмцы смотрятъ на этотъ послѣдній отдѣлъ войны, какъ на самый главный, потому что онъ требовалъ большихъ усилій и пожертвованій отъ войска, уже пресыщеннаго войною и помышлявшаго только о возвращеніи на родину; побѣда была уже полная, нужно было только, чтобы она была признана врагами, потерпѣвшими пораженіе, что отъ побѣдителей требовало новыхъ усилій, вдвое непріятнѣе и труднѣе тѣхъ, какія войско, одушевленное надеждою на побѣду, сначала переноситъ легко и охотно.

Луарская армія понесла большія потери въ первыхъ числахъ декабря, но она еще не была окончательно разбита. У французовъ не было войска способнаго побѣждать, но все-таки было много солдатъ, способныхъ вести войну; какъ бы плохи они ни были въ военномъ отношеніи, но все-таки ихъ нужно было побѣдить. Правое крыло луарской арміи, подъ начальствомъ Бурбаки, послѣ пораженія, пошло вверхъ по теченію Луары на югъ и юго-востокъ, а лѣвое крыло, подъ командой новаго начальника — генерала Шанзи, замѣнившаго генерала Орель-де-Паладинъ, впавшаго въ немилость у Гамбетты, пошло по теченію Луары внизъ, по направленію къ Блуа. Гамбетта, утѣшая себя и легковѣрныхъ приверженцевъ республики, поддерживая вѣру въ ея непобѣдимость, къ величайшему удовольствію сообщилъ, что вслѣдствіе сраженій при Орлеанѣ, положеніе арміи не ухудшилось, а напротивъ, и что теперь, вмѣсто одной луарской арміи, у Франціи ихъ двѣ. Армія Шанзи, оправившаяся и усиленная собранными на западѣ отрядами, дала сраженіе 7-го, при Мінѣ и Божанси, непріятели встрѣтились и на правомъ берегу Луары, въ лѣсахъ Маршнуаръ. Французы выждали преслѣдующія ихъ войска великаго герцога мекленбургскаго и послѣ сильнаго и энергическаго сопротивленія попытались было сами перейти въ наступленіе; четверо сутокъ длилось сраженіе съ небольшими промежутками, но 11-го французы все-таки принуждены были отступить къ Туру и Блуа; нѣмцы не могли однакожъ нанести имъ рѣшительнаго пораженія: они были обезсилены постоянными сраженіями, къ тому же, движенія ихъ затруднялись большимъ количествомъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ. Изъ Версали пришло приказаніе остановить дальнѣйшее преслѣдованіе, удовольствоваться наблюденіемъ и сосредоточить войска—великому герцогу близъ Шартра, II арміи, Фридриха-Карла, близъ Орлеана; за Блуа и Шьенъ только наблюдать и, такимъ образомъ, дать войскамъ возможность отдохнуть и поправиться. Нѣсколько дивизій, между тѣмъ, проникли до Тура и бросили въ городъ нѣсколько гранатъ; городъ выставилъ бѣлое знамя; делегація правительства еще 9-го оставила городъ и переселилась въ Бордо. Въ какомъ положеніи находилась импровизированная армія, можно заключить изъ декрета военнаго министра отъ 11-го числа: учреждался постоянный военный судъ въ тылу каждой изъ армій, къ нему прикомандировывался полкъ конныхъ жандармовъ, которымъ приказано

было тутъ же на мѣстѣ рубить бѣглецовъ, или тѣхъ, которые кричатъ: «sauve qui peut!» Но самъ Гамбетта все еще не терялъ мужества, или притворялся, что не теряетъ его. «Со дня на день, писалъ онъ въ Парижъ 14-го, становится яснѣе, что пруссаки отступаютъ, кажется, война ихъ утомила. Если мы еще останемся тверды, будемъ держаться,—а мы это можемъ,—то мы восторжествуемъ надъ ними».

На время луарская армія, подъ начальствомъ Шанзи, дала нѣмцамъ минуту покоя; она сама поправлялась близъ Ле-Манъ, за Сартою; только къ концу мѣсяца она опять начала подавать признаки жизни. Правое крыло, Бурбаки, начало дѣйствовать только въ началѣ слѣдующаго мѣсяца.

На сѣверѣ, генералъ Мантейфель, между тѣмъ, безпрепятственно достигнулъ Руана и 6 декабря занялъ городъ; французскія войска оставили городъ еще наканунѣ утромъ. Отсюда подвижныя колонны разосланы были по всѣмъ направленіямъ, чтобы обезопасить всю мѣстность по обоимъ берегамъ Сены. Нѣмецкія войска послѣ этого пріостановили свои дѣйствія, они обширной дугою, черезъ Аміенъ, Руанъ, Эвре, Дре, Шартръ и Орлеанъ стояли вокругъ осажденной столицы, чтобы воспрепятствовать всякому покушенію на освобожденіе ея съ сѣвера, запада и юга и, такимъ образомъ, подготовить разрѣшеніе главной задачи: по нѣкоторымъ несомнѣннымъ признакамъ видно было, что эта громадная центральная крѣпость уже приближается къ концу своего сопротивленія.

Декабря 5, генералъ Мольтке написалъ парижскому правительству письмо; въ немъ онъ извѣщалъ о пораженіи луарской арміи и о занятіи Орлеана, тутъ же приглашалъ одного изъ офицеровъ, или генераловъ осажденной арміи отправиться на мѣсто, чтобы убѣдиться въ истинѣ словъ его. Это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе на нѣкоторыхъ членовъ, какъ напримѣръ Жюля-Фавра и Пикара; первый изъ нихъ, послѣ того, какъ побывалъ въ нѣмецкой главной квартирѣ, очевидно, кое-чему научился и началъ совсѣмъ иначе смотрѣть на положеніе Парижа; оба они, пользуясь этимъ случаемъ, готовы были бы вступить въ переговоры, но на этотъ разъ Трошю,—не знаю, какъ назвать,—внушилъ остальнымъ членамъ мужество, или трусость продолжать войну, потому что для начала переговоровъ требовалось не меньше мужества, чѣмъ для продолженія войны; на этотъ разъ Трошю даже рѣшился на смѣшную ложь: онъ увѣрялъ, что Мольтке рѣшился написать письмо только потому, что сами пруссаки чувствуютъ, въ какомъ невыгодномъ положеніи они находятся, что они страдаютъ отъ зимней стужи и отъ своего неудобнаго положенія посреди вражеской земли. Основываясь на этомъ миражѣ, правительство рѣшилось продолжать войну.

Опять старая пѣсня пошла обычнымъ порядкомъ; между прочимъ, чтобы обмануть осаждающихъ прибѣгали даже къ ребяческимъ уловкамъ: нѣсколькимъ плѣннымъ прусскимъ офицерамъ подавали отличные, роскошные обѣды и, накормивъ ихъ, или размѣнивали, или совсѣмъ отпускали, чтобы осязательнымъ манеромъ доказать осаждающимъ, въ какомъ довольствѣ живутъ осажденные, а между тѣмъ въ цѣломъ мірѣ извѣстно было изъ англійскихъ газетъ, что около этого времени цѣна за жирную крысу доходила уже до $1\frac{1}{2}$ фр., а въ нѣмецкомъ лагерѣ отъ плѣнныхъ и дезертеровъ имѣли самыя вѣрныя извѣстія о положеніи Парижа. Ненависть парижанъ и французовъ къ нѣмцамъ вообще ежедневно усиливалась; она даже дошла до того, что составились общества изъ промышленниковъ, которые обязались въ теченіе десяти лѣтъ не принимать къ себѣ нѣмцевъ въ услуженіе и въ работники и не имѣть съ ними никакого дѣла. Мужество парижанъ между тѣмъ кое-какъ поддерживалось прокламаціями Трошю; но то въ той, то въ другой газетѣ изрѣдка и робко раздавалась критика на правительственныя распоряженія и на военныя дѣйствія, критика робко спрашивала: что до сихъ поръ выполнено изъ всѣхъ громкихъ обѣщаній; и почему это то того, то другаго начальника, то тотъ, то другой батальонъ подвергали военному суду за паническій страхъ, за недостатокъ дисциплины, за пьянство, или еще за какую-либо подобную вину. Только къ 21 декабря осажденные собрались съ силами и сдѣлали большую вылазку: на этотъ разъ на сѣверъ, на прусскую гвардію и на востокъ, на саксонскіе корпуса; но и тутъ, и тамъ были отбиты. Нападеніе на гвардію сломилось о геройскую твердость, оказанную при защитѣ Ле-Бурже: пруссаки отстаивали каждый камень и держались, пока не подоспѣла помощь. Послѣ многихъ попытокъ,

нападенія французовъ были отбиты 24-го, и они должны были отступить за линію своихъ фортовъ.

До сихъ поръ нѣмцы довольствовались тѣмъ, что обложили Парижъ, отбивали вылазки и предоставили покореніе крѣпости голоду и, можетъ быть, внутреннему волненію. Бисмаркъ сказалъ остроту по этому случаю, повторявшуюся во всѣхъ, а особенно въ англійскихъ газетахъ: «мы сваримъ Парижъ въ его собственномъ соку». Однакожь времени не теряли понапрасну и подготовляли все необходимое, чтобы предпринять аттаку, въ случаѣ, еслибы осажденные выказали особенную твердость, или еслибы терпѣніемъ нельзя было взять города. Изъ Германіи подвозили громадное количество осадныхъ орудій и военныхъ снарядовъ, чтобы обстрѣливать исполинскую крѣпость; 27 декабря можно было уже открыть огонь изъ 76 осадныхъ орудій; выстрѣлы направлены были на самый восточный изъ фортовъ, на возвышенности Монъ-Авронъ. Гранаты посыпались огненнымъ потокомъ; замерзшая земля смягчалась и разлеталась пылью отъ частаго града лопающихся гранатъ; удивленное народонаселеніе Парижа было ошеломлено; но гарнизонъ собрался съ духомъ и на выстрѣлы отвѣчалъ выстрѣлами съ ближайшихъ фортовъ. Но противиться такому граду было нельзя. Вечеромъ 28-го генералъ Трошю, лично удостовѣрившійся, что позиція держаться не можетъ, приказалъ очистить ее; 29-го, отправленные изъ нѣмецкаго лагеря патрули нашли, что высота очищена, и могли удостовѣриться, какое страшное опустошеніе произвели нѣмецкія орудія.

Гарнизонъ принесъ въ Парижъ извѣстіе о силѣ артиллерійскаго нападенія и распространилъ ужасъ въ городѣ. Артиллерійское нападеніе, о которомъ никто больше не думалъ, потому что такъ долго медлили начать его, теперь разразилось со всѣмъ своимъ ужасомъ. Испуганные жители начали думать о несчастіяхъ, какія поведетъ за собою бомбардированіе. Страхъ былъ основателенъ: по южному фронту этой исполинской крѣпости теперь выставлено было 275 дальнострѣльныхъ осадныхъ орудій, способныхъ попадать въ цѣль на разстояніи отъ 2.300 до 5.000 шаговъ. Итакъ, настало время, когда жизненные припасы истощались, предстояло бомбардированіе и исчезла всякая надежда на помощь отъ департаментовъ и отъ возстанія всей массы народонаселенія.

Массы, правда, поднимались, даже гарнизонъ Парижа доходилъ до громадной массы въ 450:000 человѣкъ, изъ которыхъ для вылазки, вполнѣ готовыхъ, снабженныхъ многочисленною и отлично обученною артиллеріей было 200.000 человѣкъ, но этого было недостаточно. Гарнизону содѣйствовать могла бы сѣверная армія, находившаяся подъ начальствомъ генерала Федерба; она состояла изъ 50 или 60.000 чел., къ ней можно было бы присоединить 20-й корпусъ генерала Бріанъ, находившійся близъ Гавра. Была еще западная армія, подъ командою Шанзи; она возросла втеченіе декабря до значительнаго количества 150.000 чел. На востокѣ генералъ Кремеръ, нарушившій слово, данное имъ, какъ военноплѣнный, тоже собралъ отрядъ въ 10.000 чел., а Гарибальди изъ отрядовъ подвижной гвардіи, вольныхъ стрѣлковъ и волонтеровъ, явившихся со всѣхъ концовъ свѣта, составилъ корпусъ въ 20.000 чел ; кромѣ того, оставалась 100.000 армія генерала Бурбаки. Такимъ образомъ всю массу вооруженнаго на защиту Франціи войска въ послѣднихъ числахъ декабря можно опредѣлить въ 800.000 чел., но у нихъ недоставало одного всеобъемлющаго, правящаго, организующаго военнаго предводителя.

Германскія войска были распредѣлены такъ: III и маасская армія обложили Парижъ; I подъ начальствомъ Мантейфеля, опиралась на Амьенъ и Руанъ; она имѣла въ своихъ рукахъ желѣзную дорогу, связывающую эти два города и, слѣдовательно, мѣшала французской сѣверной арміи предпринимать что бы то ни было для освобожденія Парижа. Съ юга и съ запада осаждающихъ охраняли войска великаго герцога Мекленбургскаго и II армія фельдмаршала принца Фридриха-Карла; первая изъ нихъ сосредоточивалась близъ Шартра, а вторая близъ Орлеана; всѣ важнѣйшіе на этомъ протяженіи пункты были заняты: Шіенъ, Блуа, Вандомъ; далѣе къ востоку находился 7-й корпусъ, подъ командою Цастрова, стоявшій близъ Нюи въ верхнемъ Армансонѣ; по прямой линіи, дальше къ востоку находился генералъ Вердеръ съ своими полками, при Везулѣ и Грей; изъ этого перечня видно, что нѣмецкія военныя силы еще не были истощены и, слѣ-

довательно, осажденные напрасно разсчитывали на ихъ безсиліе. Германія еще не употребила своихъ остальныхъ военныхъ силъ и еще не была доведена до необходимости призывать къ оружію неорганизованную массу народа. Изъ числа незначительныхъ осажденныхъ нѣмцами крѣпостей, Пфальцбургъ сдался 12-го, а Монмеди 14 декабря. Комендантъ Пфальцбурга, маіоръ Тайльянъ, долго защищалъ укрѣпленія, и онъ, и гарнизонъ выказали необыкновенное мужество; храбрый предводитель никакъ не хотѣлъ подписать капитуляцію; онъ, однако, кончилъ тѣмъ, что велѣлъ сказать побѣдителямъ, что капитуляціи не подпишетъ, но пусть нѣмцы идутъ, городскія ворота будутъ настежъ, а гарнизонъ безъ оружія, но, все-таки, не побѣжденъ.

c) Паденіе Парижа.

Когда нѣмецкія войска собрались съ силами, немного отдохнули и оправились, они въ различныхъ пунктахъ департаментовъ опять начали наступательныя дѣйствія, одновременно съ тѣмъ, какъ осаждающіе начали артиллерійскую аттаку Парижа. На западѣ и сѣверѣ, почти въ одно время было сломлено послѣднее сопротивленіе и у французовъ отнята послѣдняя надежда подать помощь осажденному Парижу. На востокѣ, послѣ того, какъ главныя силы были разбиты, несчастной Франціи, ея недостаточно приговленнымъ войскамъ и неискуснымъ генераламъ суждено было вынести послѣднее, самое чувствительное униженіе. Намъ, слѣдовательно, остается прослѣдить событія января 1871 года въ ихъ четырехъ важнѣйшихъ моментахъ дѣйствія: на западѣ и сѣверѣ, передъ Парижемъ и на востокѣ, гдѣ сдѣлана была послѣдняя, отчаянная попытка нападенія со стороны французовъ; здѣсь нѣмцы опять выказали всю свою стойкость и опять довели враговъ своихъ до послѣдней чувствительной катастрофы.

Принцъ Фридрихъ-Карлъ 1 января получилъ изъ главной квартиры въ Версали приказаніе перейти черезъ Луаръ, впадающій съ сѣвера, выше Тура, въ Луару, и опять начать наступательное движеніе на французскую армію. Для этого у него въ распоряженіи было 60.000 чел. пѣхоты, 15.000 кавалеріи и 318 орудій; кромѣ того, близъ Орлеана оставалось достаточное количество войска, чтобы отразить генерала Бурбаки, еслибы онъ вздумалъ идти къ Парижу; еще въ то время не знали, что онъ замышляетъ и къ чему готовится.

Быстрому движенію нѣмецкаго войска мѣшали короткіе зимніе дни, непогоды, постоянные дожди, морозы и вьюги, но болѣе всего самая мѣстность; западная Вандея, хорошо извѣстная и ознаменовавшая себя еще во времена первой революціи, это — справедливо прозванная — страна холмовъ и загородокъ; въ ней мало деревень, но много отдѣльныхъ усадебъ и дворовъ, огороженныхъ колючими терновыми изгородями. Нападеніе было устремлено на Ле-Манъ; съ 6 января начались ежедневныя сраженія, болѣе или менѣе ожесточенныя, но сопротивленіе становилось тѣмъ упорнѣе, чѣмъ ближе подходили къ цѣли. Послѣ шестидневнаго медленнаго отступленія, въ окрестностяхъ Ле-Манъ, Шанзи занялъ выгодную позицію и рѣшился дать отпоръ. Его войско, пострадавшее отъ сраженій и усиленныхъ переходовъ, состояло, однакожъ, еще изъ 100.000 человѣкъ; 11-го произошло сильное сраженіе, но къ вечеру самыя важныя позиціи уже находились въ рукахъ нападающихъ; нѣмцы 12-го готовились нанести рѣшительный ударъ, который, при счастливомъ исходѣ, могъ повести за собою катастрофу, подобную седанской. Но французскій военачальникъ предвидѣлъ опасность и избѣгнулъ ея тѣмъ, что въ ночь на 12-е отступилъ съ своимъ войскомъ. Стычки, продолжавшіяся 12-го между Юинъ (Huisne) и Сартой, происходили только для того, чтобы прикрывать отступленіе; оно началось до обѣда, при большомъ туманѣ, продолжалось во время раннихъ зимнихъ сумерекъ и даже ночью. Но и при такихъ обстоятельствахъ армія была въ жалкомъ состояніи и не могла ничего больше предпринять противъ сильнѣйшаго непріятеля. Въ теченіе послѣднихъ шести дней нераненныхъ было взято въ плѣнъ до 18.000 человѣкъ; число это ежедневно возрастало: лишь только нѣмцы раскладывали костры своихъ бивуаковъ, къ нимъ стекались толпы перебѣжчиковъ. Генералъ Шанзи сдѣлалъ все,

что можно было сдѣлать съ арміей новобранцевъ; но все-таки не имѣлъ успѣха; онъ отвелъ остатки своего войска за Майенъ, слѣдовательно 35 миль дальше отъ своей цѣли—Парижа; тутъ онъ собралъ до 70.000 человѣкъ; но войско его было до того разстроено, что о дальнѣйшихъ битвахъ и помышлять нельзя было. Потеря нѣмцевъ въ этихъ сраженіяхъ доходитъ до 4.000 человѣкъ; для преслѣдованія отряжались только подвижныя колонны; имъ удалось 17-го неподалеку отъ Лаваль на Майеннѣ захватить 2.000 плѣнныхъ; почти такъ же шли военныя дѣйствія и на другихъ мѣстахъ.

Войска были теперь свободны, можно было и на другихъ точкахъ обширнаго поприща военныхъ дѣйствій подготовить окончательное рѣшеніе. Два корпуса остались близъ Ле-Манъ, отрядъ подъ начальствомъ генерала Гартмана занялъ 19-го Туръ, а великій герцогъ Мекленбургскій съ своимъ войскомъ, составлявшимъ правое крыло арміи принца Фридриха Карла, въ сраженіи при Ле-Манъ, получилъ приказаніе двинуться къ Руану, чтобы тамъ противодѣйствовать французской сѣверной арміи.

Онъ прибылъ на мѣсто своего назначенія 15 января; но здѣсь дѣло было рѣшено гораздо раньше. Декабря 23, 1870 г, обѣ арміи: французская сѣверная, подъ командой Федерба и нѣмецкая I армія Мантейфеля встрѣтились на Галлѣ—незначительномъ правомъ притокѣ Соммы; произошла битва, окончившаяся отступленіемъ французовъ въ ихъ сѣверное каре крѣпостей; 27-го обложена была маленькая крѣпостца Перонн, находящаяся между Амьеномъ съ запада и Сенъ-Кентеномъ съ востока, по самой прямой дорогѣ съ сѣвера въ Парижъ. Къ 1 января I армія состояла изъ 46.000 человѣкъ и 200 орудій; одна часть этой арміи находилась близъ Амьена на Соммѣ, а другая близъ Руана по обоимъ берегамъ нижней Сены. Послѣдняя стояла противъ незначительнаго французскаго отряда, и, послѣ столкновенія, отбросила его къ Гавру и Гонфлеръ. Центръ военныхъ операцій находился теперь на правомъ крылѣ нѣмецкой арміи, на Соммѣ, куда генералъ Федербъ вновь устремился изъ своей укрѣпленной позиціи, чтобы снять осаду съ Перонн. Слѣдствіемъ этого движенія было сраженіе, 3-го января, близъ Бапомъ, сѣвернѣе Перонн: здѣсь генералъ Гебенъ, съ корпусомъ немного больше 10.000 ч., цѣлый день держался противъ несравненно сильнѣйшаго французскаго генерала; нѣмецкій генералъ отступилъ, 4-го, по направленію къ Перонн; французы приписали себѣ побѣду; но генералъ Федербъ за ночь также отступилъ по направленію къ Арра.

Января 5-го, по приказу изъ Версаля, генералъ Мантейфель получилъ другое назначеніе, а начальство надъ I арміей поручалось генералу Гебену. Въ ночь на 10-е Перонн сдался на капитуляцію; гарнизонъ, состоящій изъ 8.000 человѣкъ, отдался въ плѣнъ; взятіе этой крѣпости было для нѣмцевъ какъ нельзя больше во время, потому что генералъ Федербъ опять вышелъ изъ каре своихъ крѣпостей. Онъ чувствовалъ, въ какой мѣрѣ Парижъ нуждается въ помощи, и потому торопился. Въ нѣмецкой арміи вскорѣ получено было извѣстіе, что французское войско пошло восточною дорогой черезъ Сенъ-Кентенъ, на Лаонъ и Реймсъ,—скрыть этого движенія отъ враговъ не было ни малѣйшей возможности, тѣмъ болѣе, что французское войско почти вовсе не имѣло кавалеріи, тогда какъ, наоборотъ, нѣмецкое въ концѣ войны увеличивало, еще болѣе нежели въ ея началѣ, число коннаго войска, доказавшаго на дѣлѣ, какъ оно важно. Вечеромъ 18-го, французскій генералъ, проникшій до Сенъ-Кентена, принужденъ былъ остановиться и принять сраженіе; онъ расположилъ свое войско на западъ и на югъ отъ города, на обоихъ берегахъ Соммы. На слѣдующій день, 19-го, произошла битва, положившая конецъ всѣмъ дальнѣйшимъ попыткамъ французской арміи съ этой стороны. Послѣ семичасовой битвы вся сѣверная французская армія, т. е. около 40,000 человѣкъ, была на всѣхъ пунктахъ выбита изъ своей позиціи и оттиснута къ Сенъ-Кентену. Тутъ повторилось тоже, что было при Ле-Манъ. Въ высшей степени способный и знающій французскій генералъ сдѣлалъ все, что можно было сдѣлать въ такое короткое время, но онъ видѣлъ, что ему въ сраженіи не устоять, поэтому онъ уже съ полудня началъ подготовлять все необходимое для отступленія и въ ночь на 20-е началъ отступать. Такимъ образомъ онъ спасъ остатки своей арміи отъ окончательнаго пораженія; онъ довелъ ее до спасительнаго каре въ

состояніи, близкомъ къ совершенной дезорганизаціи. Въ плѣнъ къ нѣмцамъ попалось совершенно здоровыхъ, нераненыхъ до 10,000 человѣкъ, да 3,000 раненыхъ, лежавшихъ въ Сенъ-Кентенѣ и въ окрестныхъ деревняхъ. Нѣмцы потеряли около 3,000 человѣкъ; отношеніе все то же, какое было въ теченіе всей войны; потери были на сторонѣ недостаточно обученной и непривычной къ трудамъ милиціи. Нѣмецкія войска послѣ битвы были такъ измучены, что не могли преслѣдовать отступающихъ, оставили это до слѣдующаго дня, но никакого результата не добились. Надобно было ожидать, что отважный генералъ Федербъ не удовольствуется бездѣйствіемъ и опять выйдетъ изъ своихъ укрѣпленій. Генералъ Гебенъ получилъ, 28-го извѣстіе, что передъ Парижемъ, начиная съ полуночи, огонь съ баттарей остановленъ; ночью 29-го получилъ онъ телеграфическую депешу о томъ, что перемиріе заключено отъ полудня 31 января. Прежде, чѣмъ намъ опять возвратиться къ разсказу о событіяхъ передъ Парижемъ, гдѣ надобно было ожидать окончанія всѣхъ военныхъ дѣйствій и единственно гдѣ миръ могъ быть заключенъ,—намъ слѣдуетъ бросить взглядъ на третье, или четвертое поприще военныхъ дѣйствій—на восточное, и прослѣдить на немъ всѣ событія до роковой январской недѣли, отъ четверга 12-го числа до четверга 19-го, въ теченіе которой произошли послѣднія значительныя сраженія на западѣ, востокѣ, сѣверѣ и передъ Парижемъ.

Мы предоставимъ спеціальной военной исторіи описывать запутанныя передвиженія войскъ генераловъ Вердера, Шмелинга, Цастрова и фонъ-деръ-Гольцъ, пытавшихся наилучшимъ образомъ выполнить возложенную на нихъ задачу: поддерживать свободное сообщеніе между Германіей и дѣйствующей арміей, отражать и по возможности уничтожать засѣвшіе въ горахъ отряды гарибальдійцевъ и вольныхъ стрѣлковъ и удерживать отъ нападенія войска Кремера; порученіе это было выполнено съ успѣхомъ. Въ началѣ ноября генераломъ Тресковымъ обложена была крѣпость Бельфоръ, а 18 декабря генералу Глюмеру, откомандированному отъ корпуса Вердера, удалось разбить 20.000 корпусъ генерала Кремера, близъ Нюи, между Дижономъ и Бономъ; въ это же самое время генералъ фонъ-деръ-Гольцъ взялъ крѣпостцу Лангръ и срылъ ее до основанія, потому что она служила главной точкой опоры для вольныхъ стрѣлковъ. Около конца декабря изъ юговосточныхъ частей Франціи пришли извѣстія, встревожившія нѣмцевъ; узнали, что вражескія войска сосредоточились близъ Безансона, а 20-го органъ Гамбетты—«Moniteur» оповѣстилъ цѣлому міру о новомъ планѣ Гамбетты; онъ на этотъ разъ навѣрное надѣялся повернуть военное счастье на свою сторону: онъ намѣревался дивизію Бурбаки двинуть къ Вогезамъ, чтобы опять овладѣть восточною линіей сообщеній и такимъ образомъ отрѣзать врагамъ сообщеніе въ тылу арміи. Тогда, говорилось дальше въ этой неумѣстной статьѣ, пруссаки ужаснутся и немедленно оставятъ провинціи, которыя они теперь высасываютъ; лишь только нѣмцы принуждены будутъ отступить, генералъ Трошю выйдетъ изъ Парижа и прорветъ линію осаждающихъ, и осада будетъ снята; итакъ, спасеніе Парижа зависитъ отъ движеній на востокѣ, а вовсе не отъ Шербурга, какъ это прежде полагали. Окончаніе этой статьи было особенно замѣчательно и достойно журнальныхъ храбрецовъ: «Франція должна выйти изъ оборонительнаго положенія, несоотвѣтственнаго ни характеру, ни темпераменту народному; пусть она положится на искусство своихъ генераловъ, на преданность всѣхъ — однимъ словомъ, пусть она сдѣлаетъ послѣднее усиліе, названное Корнелемъ прекраснымъ отчаяніемъ!»

Какъ кажется, планъ этотъ вполнѣ очаровывалъ Гамбетту, и онъ не могъ удержаться отъ желанія, какъ можно скорѣе сообщить его свѣту и тѣмъ существенно повредилъ его удачному выполненію; планъ, въ самомъ дѣлѣ, очень хорошій, но для выполненія, его надобно было держать втайнѣ и главное имѣть достаточно силъ, а между тѣмъ и тѣ, какія были, не соотвѣтствовали требованіямъ, фантазеры опять предполагали, что знаніе генераловъ, ихъ воинскія доблести, мужество и исполнительность солдатъ были на сторонѣ французовъ, а всѣ ошибки, незнаніе и т. п. на сторонѣ противниковъ; опытъ до сихъ поръ еще не научилъ ихъ, что въ дѣйствительности все — напротивъ; къ тому же вся удача плана зависѣла отъ того, чтобы его содержали втайнѣ и чтобы его, какъ можно быстрѣе привести въ исполненіе; но опять эти два условія были нарушены и у враговъ

было довольно времени, чтобы сдѣлать всѣ приготовленія для отраженія нападенія.

Генералъ Вердеръ оставилъ Дижонъ и стянулъ свои силы къ Везулю; когда же удостовѣрился, что французская южная армія идетъ на Бельфоръ, онъ еще отошелъ и занялъ выгодную позицію, находящуюся на западъ отъ Бельфора, за рѣчкой Лизэнь на холмистомъ протяженіи между Фройе съ сѣвера и Монбельяромъ съ юга; эта линія тянется почти на 5 миль. Вердеръ достигнулъ ея и укрѣпился на ней только благодаря медленности противниковъ и тому, что энергическимъ нападеніемъ при Виллерсекселѣ смутилъ французовъ и остановилъ ихъ и потому успѣлъ окончить свое отступленіе и укрѣпить высоты; изъ Бельфора, между прочимъ, привезли 36 осадныхъ орудій и установили ихъ на приличныхъ мѣстахъ. Здѣсь, близъ Лизэни, 15-го, 16-го и 17-го происходила знаменитая трехдневная битва при сильномъ морозѣ, сковавшемъ рѣки и открывшемъ свободныя переправы черезъ нихъ и на почвѣ, покрытой густымъ слоемъ снѣга; здѣсь 50.000 баденскихъ и прусскихъ полковъ, имѣя въ тылу крѣпость, выносили нападеніе 150,000 войска; нѣмцы не отступали ни на шагъ и отбивали аттаки; каждый солдатъ про себя рѣшался лучше погибнуть, нежели открыть путь на родину, не даромъ они восклицали: «здѣсь ни одного не пропустимъ!» Нападенія французовъ 15-го и 16-го числа были отбиты удачно; въ ночь на 17-е они предприняли повую атаку на лѣвое крыло нѣмцевъ. До трехъ часовъ утра длился бой; но въ теченіе 17-го сила нападающихъ мало-по-малу ослабѣвала, а 18-го вся армія отступила, оставивъ на полѣ битвы 7.000 убитыми и ранеными и 4.000 плѣнныхъ, между тѣмъ какъ со стороны геройски защищавшагося корпуса Вердера потеря ограничивалась 2.000 человѣкъ. На извѣстіе о сраженіи, посланномъ генераломъ Вердеромъ, король отвѣчалъ телеграммой, отъ 20-го: «ваша удачная защита позиціи въ продолженіи непрерывныхъ трехдневныхъ аттакъ, имѣя при томъ вражескую крѣпость въ тылу, по справедливости, можетъ быть причислена къ величайшимъ военнымъ подвигамъ всѣхъ временъ». Отступившихъ французовъ Вердеръ не въ силахъ былъ преслѣдовать, потому что войско его до послѣдняго солдата и коня сбилось съ ногъ въ теченіе трехдневной защиты; но свыше суждено было, что Бурбаки не избѣгнетъ своей участи.

Между тѣмъ бомбардированіе Парижа началось 8-го января, въ холодный, свѣтлый зимній день; съ первыхъ часовъ нѣсколько отдѣльныхъ бомбъ упало въ Люксембургскій садъ и въ улицу Сенъ-Жакъ, части города, находящіяся на лѣвомъ берегу Сены. Начиная съ половины января, въ городъ ежедневно падало отъ 2 до 300 гранатъ, однакожь не причиняя городу очень большаго вреда по причинѣ его обширности, прочности его построекъ и обширныхъ садовъ, встрѣчающихся даже въ самыхъ населенныхъ кварталахъ. Но Парижу суждено было, не со стороны нѣмцевъ, испытать значительный вредъ какой можетъ причинить осадная артиллерія; несмотря на незначительныя порчи, причиняемыя осаждающими, Парижане однакожь и печатно и изустно называли нѣмцевъ вандалами, могиканами; но это, само собою разумѣется, было слѣдствіемъ раздраженія. Генералъ Трошю жаловался, что нѣмцы нарочно осыпали гранатами и ядрами зданія общественной благотворительности; на это Мольтке отвѣчалъ ему, что это случайность, что злонамѣренныхъ прицѣловъ въ такого рода строенія нѣтъ, что этого можно было-бы избѣжать, если-бы воздухъ былъ чище и разстояніе меньше.

Итакъ, бомбардированіе Парижа дѣлало не много вреда городскимъ строеніямъ, а скорѣе служило для того, чтобы оживить остатокъ жизненной силы сопротивленія и агитаціи; въ жителяхъ Парижа закипѣла новая ненависть къ осаждающимъ и новое высокомѣріе. Жизненные припасы между тѣмъ со дня на день незамѣтно уменьшались, и можно было сказать безошибочно, что ихъ достанетъ не надолго; сильный холодъ продолжался, и топливо было истреблено; въ различныхъ отдаленныхъ частяхъ города приходилось отстаивать городскіе сады отъ бушующей толпы грабителей, готовыхъ рубить деревья и разорять общественныя деревянныя постройки; добываніе газа прекратилось и недостаточное освѣщеніе улицъ придавало еще болѣе мрачный характеръ положенію города; прошло то время, когда остроумные, веселые и легкомысленные парижане посмѣивались надъ обѣдами, провизію для которыхъ добывали въ Jardin des plantes;

или въ клоакахъ Максима; въ хлѣбъ начали примѣшивать столько посторонних веществъ, что онъ сдѣлался вполнѣ несъѣдобнымъ; порціи конскаго мяса съ каждымъ днемъ уменьшались. Смертность увеличилась вчетверо противъ обыкновенной цифры; число перебѣжчиковъ и военно-плѣнныхъ увеличивалось; отъ нихъ осаждающіе узнавали о положеніи города.

О капитуляціи нѣкоторые смѣльчаки начали поговаривать съ конца декабря. Возрастающій голодъ пока вызвалъ только жестокую и запальчивую критику на военныя распоряженія главнокомандующихъ и на неудачныя военныя операціи; въ клубахъ кварталовъ рабочихъ кричали и шумѣли ораторы, не щадившіе громкихъ и энергическихъ фразъ, стараясь пробудить негодованіе противъ Трошю и остальныхъ измѣнниковъ; теперь насчитывали цѣлый рядъ ошибокъ Трошю, изъ которыхъ самая большая заключалась въ томъ, что онъ ни разу не побѣдилъ. Слабая надежда на помощь европейскихъ державъ мелькнула въ воображеніи осажденныхъ, когда, по иниціативѣ Бисмарка, конференціи положено было собраться въ Лондонѣ для рѣшенія вопроса о Черномъ морѣ, поднятомъ Россіей; между прочими державами и Франція получила приглашеніе прислать отъ себя уполномоченнаго представителя. Въ очень напыщенной циркулярной депешѣ министръ иностранныхъ дѣлъ извѣщалъ, что онъ самъ намѣренъ отправиться въ Лондонъ, если только у него въ рукахъ будетъ пропускъ и если положеніе дѣлъ въ Парижѣ дозволитъ ему отлучиться; онъ напередъ былъ увѣренъ, что найдетъ должное сочувствіе въ европейскихъ державахъ, къ которымъ онъ намѣренъ отъ лица всего правительства возвать о помощи во имя справедливости и нравственнаго достоинства; онъ увѣренъ, что Европа уважитъ его голосъ и оцѣнитъ его желанія, тѣмъ болѣе, что они соотвѣтствуютъ ея собственнымъ интересамъ. Говоря о бомбардированіи Парижа, онъ выставлялъ, какъ черту варварства, какъ настоящее преступленіе противъ цивилизаціи, что пруссаки съ особеннымъ стараніемъ стрѣляли по госпиталямъ, по училищамъ, церквамъ и подвижнымъ лазаретамъ. Въ отвѣтъ на эту депешу Бисмаркъ совѣтовалъ ему обратиться къ военнымъ властямъ, чтобы получить пропускъ, и въ то-же время приказалъ напомнить этому заносчивому государственному человѣку, что у него дома, въ Парижѣ, есть дѣло поважнѣе лондонскихъ разсужденій, гдѣ республиканцы было приготовили торжественную встрѣчу для импровизированнаго правителя.

Безпомощное положеніе Парижа не могло оставаться тайною для правительственныхъ лицъ; мы, въ самомъ дѣлѣ, приближаемся къ концу, пишетъ Ж. Фавръ, 16-го января министру иностранныхъ дѣлъ при Гамбеттѣ; но ни у одного изъ нихъ не доставало мужества признаться въ этомъ передъ цѣлымъ народомъ и потребовать отъ него дальнѣйшихъ жертвъ; еще 6-го января издана была прокламація Трошю, губернатора Парижа; мысль о сдачѣ онъ называлъ клеветою и не преминулъ кинуть громкую фразу: «Парижскій губернаторъ никогда не сдастся на капитуляцію». Новая вылазка, новая рѣзня доказала, какъ ничтожны и неосновательны всякія попытки измѣнить положеніе осажденныхъ, но это знали, должно быть, и раньше; главная задача теперь состояла въ томъ, чтобы вылазками опровергнуть мнѣніе, будто правительство не только ничего не сдѣлало для освобожденія города, но даже ничего порядочнаго и придумать не съумѣло, не опровергнуть такого упрека не могъ и не посмѣлъ бы ни одинъ изъ этихъ горячихъ патріотовъ. Съ такою цѣлью рѣшено было сдѣлать сильную вылазку, и для этого назначено было 19-е января.

Наканунѣ, т. е. 18-го января, совершилось въ Версалѣ многознаменательное историческое событіе: въ прокламаціи къ нѣмецкому народу король прусскій Вильгельмъ объявлялъ, что принимаетъ для себя и для своихъ потомковъ титулъ нѣмецкаго императора. На слѣдующій день происходило въ Версали торжественное возстановленіе германской имперіи и титула германскаго императора; при этомъ присутствовало множество князей, принцевъ, генераловъ и другихъ начальниковъ различныхъ частей войска; такого торжественнаго событія не могла бы предвидѣть самая прихотливая и причудливая фантазія самаго яраго изъ патріотовъ, а между тѣмъ эта небывальщина совершилась. Въ это самое число въ Парижѣ дѣлали приготовленія для послѣдней, отчаянной попытки къ спасенію; 19-го января на всѣхъ углахъ и улицахъ парижане довольно равнодушно

читали прокламацію Трошю: «одинъ дружный возгласъ слышится повсюду: къ оружію!... будемъ терпѣть и умирать, если неизбѣжно, но побѣдимъ!»—Да, это была теперь главная задача, но какую пользу осажденнымъ могла принести побѣда... что будетъ дальше?—Зналъ-ли губернаторъ, что дѣлалось на западѣ?... на сѣверѣ, или еще гдѣ-бы-то ни-было?... Надобно полагать, что главнокомандующій не надѣялся на побѣду, не считалъ ее возможной вообще; его распоряженія во время сраженія 19-го января, прозваннаго французами битвою при Монъ-Валерьенѣ—были такого свойства, что человѣкъ безпристрастный могъ бы подумать, что Трошю вовсе и не хочетъ побѣждать. Вылазка на этотъ разъ была направлена на юго-западъ, противъ диспозиціи 5-го корпуса, Кирбаха, въ случаѣ удачи намѣревались проникнуть до Версаля. Трошю лично принялъ команду надъ войскомъ почти въ 100,000 чел.; оно собралось на полуостровѣ, образованномъ изгибомъ Сены, стремящейся сперва на сѣверо-востокъ, а потомъ на юго-западъ, полуостровъ прозванный по мѣстечкамъ тутъ находящимся, Женневилье и Нантеръ. Со стороны нѣмцевъ сюда набралось до 33,000 человѣкъ; имъ поручено было охранять укрѣпленіе, протянутое при входѣ на полуостровъ и простирающееся на $^3/_4$ мили. Французы двинулись тремя колоннами: генералъ Дюкро командовалъ правою, генералъ Бельмаръ центральной, а генералъ Винуа лѣвою, направленною къ Монтрету и къ разрушенному французскими выстрѣлами Сенъ-Клу. Но для удачнаго нападенія у французовъ недоставало быстроты и одновременности въ натискѣ. Правое крыло опоздало нѣсколькими часами; единственный успѣхъ вылазки состоялъ въ томъ, что нападающіе завладѣли шанцами Монтрету на правомъ крылѣ нѣмецкаго войска, укрѣпленіемъ изстрѣленнымъ и до половины разметаннымъ съ форта Монъ-Валерьенъ, господствующаго надъ мѣстомъ, но вечеромъ въ 9 часовъ, когда битва на всѣхъ пунктахъ уже затихла, нѣмцы опять бросились на отнятое у нихъ укрѣпленіе и вновь завоевали его; далѣе Гарша французы не проникли; къ вечеру нѣмецкіе передовые посты заняли опять свои прежнія позиціи. На слѣдующее утро нѣмцы подготовились встрѣтить дальнѣйшій напоръ французовъ, но напора этого вовсе не было, французскій отрядъ, занявшій сѣверную часть Сенъ-Клу и во время не примкнувшій къ отступающимъ, 20-го былъ взятъ въ плѣнъ; вообще потеря со стороны французовъ въ этотъ день доходила до 6,500 человѣкъ, вдесятеро больше того, чего лишились нѣмцы. Въ тоже самое, 20-го числа, какъ мы знаемъ, сѣверная армія Федерба потерпѣла пораженіе при Сенъ-Кентенѣ; на слѣдующій день послѣ битвы и вылазки началось бомбардированіе сѣверной стороны Парижѣ—Сенъ-Дени. Это былъ послѣдній ударъ; парижанами начиналъ овладѣвать страхъ и унынie, съ часу на часъ общее настроеніе жителей становилось мрачнѣе. 20-го Жюль-Фавръ собралъ меровъ Парижа, изложилъ имъ положеніе осажденнаго города; онъ говорилъ: если собрать все, что есть годнаго въ пищу, то и тогда продовольствія въ Парижѣ останется только до 1 февраля; затѣмъ Трошю сообщилъ своему совѣту, что Шанзи и Федербъ разбиты, что нечего ожидать отъ нихъ помощи, а еще и того меньше отъ Бурбаки: чтобы свалить съ себя отвѣтственность, они предложили муниципалитету начать переговоры съ нѣмецкимъ главнокомандующимъ, но меры отклонили отъ себя отвѣтственность политическую, которую на нихъ возлагали въ послѣднюю минуту, тогда какъ раньше, когда еще можно было бы что нибудь сдѣлать, народъ убаюкивали лестными и громкими обѣщаніями. Съ часу на часъ яснѣе раздавались протесты противъ войны; число благоразумныхъ, желавшихъ спокойствія, увеличивалось и требованія капитуляціи становились опредѣленнѣе, но уличная сволочь, не принимавшая прямаго участія въ войнѣ и постоянно старавшаяся держаться внѣ выстрѣла, теперь особенно громко требовала продолженія войны и осыпала бранью партію, желавшую капитуляціи (capitulards). Въ военномъ совѣтѣ 21-го ни одинъ изъ генераловъ не хотѣлъ брать на себя отвѣтственность за новую вылазку. Но въ тоже время и капитуляціи никто не бралъ на себя. Опасались красныхъ, ярыхъ безумцевъ, подобныхъ Флурану, Феликсу Піа и т. д., которые въ послѣднее время очень шевелились. Можно содрогнуться при одной мысли о томъ, что могло бы случиться, еслибы эти люди, для которыхъ нѣтъ инаго мѣста, кромѣ дома неисцѣлимо умалишенныхъ, захватили верховную власть...

Генералъ Трошю отказался отъ должности губернатора и главнокомандующаго, но удержалъ мѣсто президента совѣта министровъ; французскій писатель Сарсе, останавливается на этомъ и съ насмѣшкой замѣчаетъ: «такимъ образомъ выполнилось сказанное въ писаніи: Парижскій губернаторъ никогда не сдается на капитуляцію». Мѣсто его занялъ генералъ Винуа; первымъ его дѣломъ было поставить надежный караулъ въ Hôtel de ville, чтобы защищать его отъ нападенія радикаловъ, уже не разъ пытавшихся завладѣть имъ. Правительство нашло нужнымъ и умѣстнымъ показать свою власть: оно издало декретъ, закрывавшій клубы на все время осады; затѣмъ, въ округѣ первой военной дивизіи число военныхъ судовъ было увеличено и изданіе нѣсколькихъ самыхъ радикальныхъ журналовъ было запрещено; наконецъ въ полдень 23-го Бисмаркъ получилъ письмо отъ Жюля Фавра; въ немъ тотъ у него просилъ позволенія пріѣхать въ Версаль.

Вечеромъ 23-го, на 129 день блокады Парижа, Фавръ прибылъ въ нѣмецкую главную квартиру. Онъ съ честью могъ приступить къ переговорамъ о сдачѣ столицы, сдѣлавшей все, чего можно было ожидать отъ такой огромной крѣпости, и отъ главнаго города такого большаго государства; Парижъ падалъ съ честью; его оборона покрыла его славой. Надобно отдать честь и справедливость самой Франціи, она довольно долго боролась, не жалѣя ни крови, ни достоянія своихъ сыновъ; народъ не виноватъ, что некому было имъ управлять, что верховная власть въ минуту общаго бѣдствія досталась въ руки дилетантовъ, фантазеровъ, не имѣвшихъ ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ вести дѣла управленія и какъ начальствовать войскомъ; нація мужественно боролась съ судьбою неотразимо постигавшей ее; она хотя своевольно и призвала на себя бѣду, но она противилась ей настолько, насколько могла; теперь за нею оставалось право заключить миръ, какой бы то ни было миръ, все равно ни одинъ изъ самыхъ тягостныхъ не могъ быть постыднымъ миромъ для нея: постыднымъ для націи была только манера, съ какою война была начата, и смѣшное высокомѣріе, съ какимъ она отвѣтственность неудачи свалила на одного человѣка и затѣмъ смѣшно, что не предполагая съ своей стороны какой - бы то ни было уступки, требовала мира, какъ право взятое съ боя. Однакожъ, до мира было еще далеко; заключать его правительство національной обороны не считало себя въ правѣ—оно хотѣло только перемирія, въ теченіе котораго можно бы было созвать національное собраніе и предоставить ему получить отъ народа полномочіе для окончательнаго мира. Положеніе дѣлъ было, дѣйствительно, очень двусмысленное: правительство, захватившее власть, не было ни призвано, ни уполномочено народомъ, оно захватило власть, потому, что она попалась ему случайно подъ руки; не предвидя ничего опаснаго, оно смѣло поплыло по теченію, потому что опасности были скрыты, отъ глазъ новыхъ правителей національной обороны; крѣпко уцѣпившись за руль, плыли они по бурному морю военныхъ событій, пока наконецъ корабль ихъ готовъ былъ пойти ко дну; въ эту минуту, когда онъ уже крѣпко сидѣлъ на мели, между скалами и порогами, испуганные, неопытные кормщики начали призывать націю на помощь; нація вскорѣ поняла, что для спасенія остается одно только средство—заключить миръ—и она его желала.

Согласно инструкціямъ, даннымъ Фавру въ послѣднемъ засѣданіи членовъ правительства, онъ съ нѣмецкимъ канцлеромъ говорилъ очень высокомѣрно, что Парижъ далеко не побѣжденъ, что онъ готовъ на дальнѣйшую оборону, что вступая въ переговоры, Парижъ входитъ въ соглашеніе за себя, но не считаетъ своихъ уступокъ обязательными для цѣлой Франціи; Бисмаркъ выслушалъ его не прерывая: и очень холодно и сухо отвѣтилъ, что Фавръ съ переговорами опоздалъ; пруссаки уже вели переговоры съ императоромъ, и есть намѣреніе возстановить законодательный корпусъ и замѣнить имъ парламентское начало существующаго управленія; Бисмаркъ очень хорошо зналъ, что угрозой возстановить имперію, онъ скорѣе всего достигнетъ желаннаго результата. Такое начало озадачило Фавра и мало-по-малу переговоры пошли своимъ правильнымъ путемъ безъ всякихъ отступленій. Бисмаркъ выказалъ очень большую умѣренность въ своихъ требованіяхъ; своими умѣстными и точными вопросами, онъ доказалъ, что знаетъ положеніе Франціи и ея обстоятельства лучше находившагося передъ нимъ импровизированнаго государственнаго человѣка. Главная задача

Фавра заключалась въ томъ, чтобы отвратить тріумфальное вступленіе нѣмецкихъ войскъ въ Парижъ, что казалось для него, а вмѣстѣ съ нимъ и для большей части французовъ невыносимѣе и постыднѣе всѣхъ вынесенныхъ пораженій. Кромѣ того, онъ горячо отстаивалъ требованіе —оставить оружіе всей національной гвардіи; въ этомъ требованіи онъ впослѣдствіи горько каялся передъ Богомъ и людьми; напротивъ, Бисмаркъ, лучше понимавшій характеръ народный, настаивалъ на томъ, чтобы оружіе сохраняли только батальоны національной гвардіи, существовавшіе еще до начала войны, увѣряя, что эта мѣра въ интересахъ Франціи, нужна для сохраненія въ ней тишины и порядка; но Фавръ слушать не хотѣлъ и настаивалъ на своемъ. Впрочемъ, затрудненія переговоровъ все больше вертѣлись на условіяхъ второстепенной важности: говорилось о сохраненіи знаменъ и о другихъ внѣшнихъ знакахъ чести и т. п. Фавръ по временамъ совѣщался съ оставшимися въ Парижѣ членами правительства; вообще большинство изъ нихъ находили условія Бисмарка снисходительными, какъ они дѣйствительно и были, только нѣкоторые изъ членовъ, какъ Гарнье-Паже и Араго предъявляли странныя требованія, напримѣръ: для заключенія договора истребовать, черезъ общую подачу голосовъ, согласія жителей Парижа и другія подобныя неумѣстныя вещи; Бисмарку, съ другой стороны, свои умѣренныя требованія приходилось брать чуть не съ боя; потому что военные люди, окружавшіе короля, не хотѣли дѣлать никакихъ уступокъ врагу, неспособному сопротивляться болѣе и въ сущности находившемуся во власти побѣдителя: какъ бы то ни было, но Версальская конвенція была подписана 28-го вечеромъ. По этому договору перемиріе было заключено на 21 день; перемиріе начиналось для Парижа немедленно—уже съ ночи 26-го на 27-е огонь съ осадныхъ баттарей былъ прекращенъ—для департаментовъ, исключая находящихся близъ Котъ д'Оръ, Дубсъ и Юры, перемиріе начиналось съ 31-го числа; французское правительство обязывалось созвать въ Бордо національное собраніе, которому предоставить рѣшеніе войны, или мира. Демаркаціонная линія для сухопутныхъ и морскихъ силъ обозначена съ точностію: выборы производить съ полною независимостію, даже и въ мѣстностяхъ, занятыхъ нѣмецкими войсками; они отъ себя обязаны были по возможности облегчать всѣ условія выбора. Парижскіе форты, со всѣми военными запасами и принадлежностями, французы должны были выдать нѣмцамъ; туда же предполагалось свезти всѣ лафеты отъ крѣпостныхъ орудій, находящихся на крѣпостной стѣнѣ Парижа; впродолженіе всего перемиріе нѣмецкое войско имѣло право вступать въ Парижъ. Войска, находящіяся въ Парижѣ, объявлялись военноплѣнными и должны были выдать оружіе, кромѣ дивизіи въ 12.000 человѣкъ, которая осталась вооруженною, подъ командой парижскаго военнаго начальства, чтобы занимать караулы, но парижскіе военноплѣнные и впередъ оставлялись въ Парижѣ, не отправлялись въ Германію; національная гвардія сохраняла оружіе и обязана была заботиться о порядкѣ и тишинѣ въ городѣ; всѣ отряды вольныхъ стрѣлковъ должны быть распущены повелѣніемъ правительства національной обороны. Правительство обязалось немедленно приступить къ размѣну нѣмецкихъ плѣнныхъ и, наконецъ, столица Франціи, Парижъ, обязана была немедленно уплатить контрибуцію въ 200 милліоновъ франковъ.

Съ 29-го начали приводить въ исполненіе статьи заключеннаго перемирія; форты заняты были нѣмцами, безъ сопротивленія. Слова капитуляція очень ловко избѣгли, замѣнивъ его словомъ конвенція, и поэтому народонаселеніе Парижа очень спокойно приняло неизбѣжное и покорилось ему; можетъ быть оно противилось и шумѣло только потому, что каждый въ отдѣльности боялся остальныхъ, или передъ ними хотѣлъ разыгрывать героя. Прокламація отъ правителей національной обороны, отъ 28-го, старалась оправдать совершающееся выполненіе конвенціи: «мы покажемъ Франціи, до какого положенія мы дошли и послѣ какихъ усилій Парижъ покорился.» Нечего и говорить, что за тѣмъ слѣдовали преувеличенія и очень смѣшныя неправды; «бомбардированіе продолжалось цѣлый мѣсяцъ, городъ Сенъ-Дени равно какъ и всѣ кварталы по лѣвому берегу Сены разметаны;» на сколько тутъ было правды, можно было легко убѣдиться, взглянувъ на неповрежденныя зданія. Также много неправды было и въ томъ, что говорилось о непрерывномъ огнѣ національной гвардіи, о ея неустрашимости и о томъ,

что она, забывая себя, только и рвалась впередъ, чтобы опять возобновить битву; впрочемъ, ни другихъ, ни жителей Парижа эти прокламаціи не могли обмануть: всякому извѣстно было, что готовность къ битвѣ и къ смерти у національной гвардіи вовсе не такъ велика была, какъ утверждалось въ прокламаціи, гдѣ говорилось о нуждахъ и лишеніяхъ, какія безразлично выносили всѣ жители Парижа; очень справедливо было то, что они ссылались на мужество, съ какимъ народъ терпѣлъ лишенія и это приноситъ величайшую честь особенно тѣмъ классамъ, которые не могли себя утѣшать ни наслажденіемъ, какое доставляетъ власть, ни энтузіазмомъ, сопряженнымъ съ званіемъ защитника отечества. Мы можемъ смѣло вовсеуслышаніе сказать, что Парижъ все исполнилъ, чего можно требовать отъ осажденнаго города. Если, послѣ пятимѣсячной осады, Франція можетъ указать на Парижъ еще не стертый съ лица земли, то она можетъ гордиться своей столицей.

Безъ сомнѣнія, исторія запишетъ славную оборону города и отдастъ ей полную справедливость. Да, Парижъ тогда только сдался, когда хлѣба оставалось только на 8, а конскаго мяса на 14 дней, дальнѣйшее сопротивленіе повело бы за собою невообразимые ужасы: невозможно въ короткое время, при разстроенныхъ сообщеніяхъ съ окресностями доставить продовольствіе городу въ 2,400,000 жителей. Для того чтобы удовлетворить первымъ, величайшимъ потребностямъ города, нѣмецкое правительство, на первый случай, могло отправить только 60,000 центнеровъ муки; только черезъ двѣ недѣли цѣны на хлѣбъ упали на городскихъ рынкахъ до обычныхъ размѣровъ.

А. Послѣднія сраженія и заключеніе мира.

Парижскія верховныя власти сдѣлали то, что на ихъ мѣстѣ сдѣлали-бы всякіе обыкновенные смертные, никогда не говорившіе такихъ громкихъ фразъ, какъ они: они отказались отъ сопротивленія, когда ясно увидѣли, что оно ни къ чему не ведетъ; несмотря на обѣщаніе умереть, но не сдаваться, не смотря на клятвы передъ цѣлой націей—изъ вылазокъ возвращаться или побѣдителями, или остаться на полѣ битвы, они возвращались разбитые и продолжали жить даже и послѣ сдачи Парижа. Но дѣло было еще не кончено, перемиріе не вполнѣ принято, надобно было еще толковать съ правительственной делегаціей въ Бордо; Жюль Фавръ, при своемъ совѣщаніи съ Бисмаркомъ, не скрылъ отъ него, что парижское правительство не можетъ ручаться за повиновеніе и точное выполненіе условій перемирія въ департаментахъ. Въ сущности же, въ департаментахъ вовсе не было особенно большаго воинственнаго настроенія. Какъ оказалось, народъ усталъ отъ войны и только отдѣльные крикуны еще требовали продолженія ея до крайней возможности: «la guerre à outrance»; гдѣ этотъ возгласъ повторялся агентами волненія, тамъ крестьяне и миролюбивая партія отвѣчала крикомъ: «la paix à outrance»—миръ, хотя бы съ бою взятый. Когда извѣстіе о заключенномъ перемиріи дошло до Бордо, 29-го, тамъ тотчасъ начались демонстраціи для продолженія войны, и Гамбетта 31-го издалъ одну изъ своихъ зажигательныхъ прокламацій, пытавшихся говорить языкомъ временъ первой революціи: «чужестранцы нанесли Франціи величайшее оскорбленіе, какое можетъ быть причинено нашему народу, нанесли этой несчастной войною, на которую мы должны смотрѣть, какъ на чрезмѣрное наказаніе за наши заблужденія и слабости. Парижъ, укрѣпленій котораго взять нельзя, измученный голодомъ, не могъ долѣе противиться нѣмецкимъ ордамъ... но городъ до сихъ поръ остается неприкосновеннымъ; это послѣдняя дань, какую варвары принуждены воздать его моральному величію и могуществу»... Но не одни варвары смущали воинственнаго республиканца: «Кажется, будто судьба еще не утомилась въ своемъ преслѣдованіи, она намъ приготовила новое страданіе: безъ нашего вѣдома перемиріе подписано; легкомысленное содержаніе его мы, къ несчастію, узнали слишкомъ поздно. Пруссія разсчитываетъ на это перемиріе. Замѣчательно, говоря о Германіи, диктаторъ упоминаетъ только о Пруссіи, точно будто не зналъ о существованіи прочихъ частей германской имперіи, «но, продолжаетъ онъ, отъ насъ

зависитъ посрамить всѣ эти мудрые разсчеты. Употребимъ перемиріе на то, чтобы обучить какъ можно лучше наши юныя арміи, и будемъ вести войну съ большей энергіей, чѣмъ когда бы-то-ни было. Будемъ остерегаться, чтобы не запятнать нашей исторіи, и не отдадимъ въ руки варваровъ достоянія, унаслѣдованнаго нами отъ нашихъ предковъ... Поклянемся, какъ свободные граждане, защищать Францію и республику отъ всякихъ покушеній... Къ оружію! Да здравствуетъ Франція, да здраствуетъ нераздѣльная республика!» Нельзя предположить, чтобы Гамбетта самъ вѣрилъ въ возможность продолжать войну; онъ только на нѣмцахъ срывалъ свое озлобленіе, осыпая ихъ ругательствами; будь на мѣстѣ нѣмецкой, какая либо другая армія, такія оскорбленія вызвали-бы только большую строгость и жестокость со стороны побѣдителей къ побѣжденнымъ; будь на мѣстѣ нѣмецкаго правительства какое бы то ни было другое, оскорбленія эти заставили бы только предписать болѣе тяжелыя условія мира; но Гамбетта обо всемъ этомъ не заботился,—у него была только одна цѣль: онъ всѣми силами старался удержать за собою значеніе главы партіи и по этому онъ своими выходками старался заслужить отъ немыслящей толпы названіе единственнаго энергическаго и непобѣжденнаго человѣка во Франціи. Онъ свое политическое поприще окончилъ самымъ дерзкимъ присвоеніемъ власти; толкуя о свободѣ, онъ также, какъ и вся республиканская Франція, не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о ней; въ глазахъ его и французской республиканской партіи свобода просто-на-просто есть наибольшее присвоеніе власти тою или другою партіей и больше ничего. Гамбетта 25-го декабря распустилъ генеральные совѣты въ департаментахъ и правительство, т. е. онъ самъ, предоставило себѣ право назначать новыхъ генеральныхъ совѣтниковъ или «департаментскія коммиссіи» по представленію префектовъ; это самовластіе превышало всякое вѣроятіе; этого не позволялъ себѣ до сихъ поръ даже ни одинъ изъ деспотовъ. 29-го декабря, парижское правительство предписало приступить къ выборамъ членовъ для всеобщаго національнаго собранію на основаніи закона 15 марта 1849 года, слѣдовательно, при общей подачѣ голосовъ и согласно съ этимъ, при общемъ правѣ быть избираемымъ; декретомъ отъ 31-го янв. бордосская делегація сдѣлала поправки въ парижскомъ предписаніи: «справедливость требуетъ, чтобы всѣ соучастники правительства, захватившаго власть 2-го декабря и окончившаго свое существованіе катастрофой при Седанѣ, оставивъ Францію въ наслѣдство чужеземному нашествію и разоренію.... ихъ слѣдуетъ обречь тому же политическому безсилію, въ какомъ находится династія, соучастниками и орудіями которой они были»... Далѣе объявлялось, что лишаются права быть выбранными всѣ лица, съ 2-го декабря 1851 года до 4-го сентября 1870 года, занимавшія должности: министровъ, сенаторовъ, государственныхъ совѣтниковъ, префектовъ, или состоявшихъ на какихъ бы-то ни было подчиненныхъ должностяхъ, или имѣвшихъ только претензіи на должности и состоявшіе кандидатами. Изъ этого видно, что республика не хуже, а можетъ быть и лучше бонапартизма умѣла составлять списки изгнанія.

Но избирательная свобода французскаго народа на этотъ разъ нашла дѣятельныхъ помощниковъ въ пруссакахъ, и Гамбетта своимъ декретомъ достигнулъ только того, что Франція принуждена была вынести новое постыдное униженіе, допустивъ вмѣшательство враговъ въ дѣло, по естественному праву бывшее чисто внутреннимъ французскимъ. Надобно было предвидѣть, что Бисмаркъ не допуститъ при выборахъ такой несправедливости, какъ предписало республиканское своеволіе. Онъ тотчасъ послалъ телеграмму прямо къ республиканцу Гамбеттѣ; содержаніе этой телеграммы заслуживаетъ того, чтобы выписать его, тѣмъ болѣе, что черезъ нее обнаружилось, какъ глубоко Франція пала черезъ льстецовъ, одинаково многочисленныхъ и при императорствѣ и при демократизмѣ. «Во имя свободы выборовъ, охраняемой и обезпеченной перемиріемъ, я протестую противъ изданнаго вами распоряженія, исключающаго многочисленную категорію французскихъ гражданъ отъ выборовъ и лишающаго ихъ права быть избранными; выборы, произведенные подъ гнетомъ притѣсненія и произвола, не могутъ пользоваться правами, которыя конвенція перемирія признаетъ за свободно выбранными депутатами». Депешу такого же содержанія Бисмаркъ отправилъ къ министру иностранныхъ дѣлъ, Фавру, 3-го февраля, и вскорѣ получилъ отъ него отвѣтъ,

что правительство уничтожитъ декретъ: не напрасно, писалъ Фавръ, Бисмаркъ обращается къ его чувству чести. Трошю, въ собраніи правительственныхъ органовъ, горячо возставалъ противъ союзничества Бисмарка, принявшаго въ дѣлѣ о выборахъ сторону парижскаго правительства; на это болѣе разсудительный Пикаръ замѣтилъ, что при существующихъ обстоятельствахъ это неизбѣжно и что правители обязаны, въ отношеніи Гамбетты, выказать должную твердость, и выборы произвести 8-го февраля, по установленному порядку; въ крайнемъ случаѣ, рѣшилъ даже Ж. Фавръ, надобно арестовать Гамбетту. Правители собрались духомъ и скрѣпивъ сердце, отправили въ Бордо Ж. Симону, сообразно съ этимъ рѣшеніемъ, нужныя приказанія; но ихъ не пришлось употребить въ дѣло. Послѣ того, какъ Гамбетта излилъ въ новомъ, послѣднемъ объявленіи, свою ярость на Бисмарка, который высказалъ ему очень непріятныя и жестокія правды, онъ самъ подалъ въ отставку, и парижское правительство очень охотно приняло его просьбу.

Такимъ образомъ окончилась эта несчастная для Франціи самоуправа Гамбетты, содѣйствовавшая увеличенію народнаго бѣдствія. Люди вообще склонны удивляться всякому проявленію энергіи и, надобно признаться, энергія ненависти къ варварамъ чужеземцамъ и къ бонапартистамъ у Гамбетты доведена была до крайнихъ предѣловъ возможности. Эта ненависть, основанная на чувствѣ патріотизма, оправдываетъ въ глазахъ нѣкоторыхъ насиліе, какое Гамбетта втеченіе своего шестимѣсячнаго управленія давалъ чувствовать Франціи; какъ бы-то ни было, но патріотизмъ оправдывалъ его въ собственныхъ глазахъ и удовлетворялъ возбужденныхъ и взволнованныхъ гражданъ Франціи, деньги и жизнь которыхъ онъ тратилъ безъ счета и безъ разбора: никто и не подумалъ справляться, есть-ли у этого человѣка дѣльный планъ дѣйствія, имѣетъ-ли онъ достаточное знаніе дѣла, чтобы разрѣшить задачу, за которую такъ дерзко принялся. До сихъ поръ еще никто въ подробностяхъ не прослѣдилъ и критически не изслѣдовалъ шестимѣсячнаго диктаторства Гамбетты, но даже поверхностному наблюдателю ясно, что этотъ адвокатъ исполнялъ свою роль съ достаточной дозой незнанія, довольно постыднаго для народа, избравшаго его себѣ въ вожди; единственная сила его заключалась въ реторикѣ ненависти, которою онъ мастерски владѣлъ, во всякое данное время. Нѣтъ ни малѣйшаго повода предполагать, чтобы настоящій, знающій свое дѣло военный съумѣлъ бы измѣнить ходъ военныхъ дѣйствій, или окончательно измѣнить судьбу этой войны, послѣ сдачи Седана и Метца, когда вся обученая и организованная армія Франціи была уничтожена; но, во всякомъ случаѣ, можно было-бы облегчить участь народа и содѣйствовать тому, чтобы пораженіе было менѣе жестоко, и что еще важнѣе, въ теченіе войны положить основаніе новому войску, которое для цѣлой націи могло-бы служить зерномъ возрожденія, школой дисциплины, порядка и повиновенія законамъ; организованіе защиты государства отъ нашествія враговъ могло быть съ успѣхомъ поручено только солдату, но ни въ какомъ случаѣ не адвокату, не приготовленному къ военному дѣлу и даже лишенному самыхъ элементарныхъ свѣдѣній о своемъ отечествѣ, тѣмъ болѣе незнакомому съ иностранными государствами и ихъ военными силами. Тьеръ называлъ политику бордоскихъ правителей политикой умалишенныхъ (fous furieux); но хуже всего было то, что она и впослѣдствіи выдавала себя за истинно національную. Гамбетта въ извѣстномъ отношеніи былъ столько же виноватъ въ несчастіяхъ Франціи, сколько Наполеонъ III, оба походили другъ на друга, оба одинаково говорили неправду, оба были искатели приключеній, оба были незнающи въ военномъ дѣлѣ, но Гамбетта все это въ гораздо высшей степени; народъ, однакожъ, на Гамбетту смотрѣлъ гораздо лучше и снисходительнѣе, потому что первыя неудачи, первыя пораженія заставляли извинять послѣднія, къ тому же Гамбетта лучше Наполеона, умѣлъ льстить народу, онъ не былъ, подобно императору, связанъ чувствомъ сознанія отвѣтственности, возложенной на него законами совѣсти и самоуваженія; всего этого у республиканскаго узурпатора не было, потому что онъ всякое свое дѣйствіе прикрывалъ и освящалъ словами: республика, революція, свобода, и именемъ этихъ дорогихъ для французскаго народа представленій заранѣе упрочивалъ за собою отпущеніе за всѣ свои промахи и ошибки.

Но и этой политикѣ суждено было потерпѣть конечное пораженіе въ то время, когда почти въ цѣлой Франціи военныя дѣйствія уже были пріостановлены и выборы депутатовъ для національнаго собранія въ полномъ ходу. Въ Версальской конвенціи было оговорено, что военныя дѣйствія въ департаментахъ: Дубъ, Котъ-д'Оръ и Юры, равно какъ и осада Бельфора будутъ идти своимъ порядкомъ, несмотря на заключенное перемиріе, до самаго того мгновенія, пока договаривающіеся съ точностію не опредѣлятъ демаркаціонной линіи въ означенныхъ мѣстностяхъ. Кажется, что и со стороны французовъ не очень-то дѣятельно заботились о томъ, чтобы распространить перемиріе и на эти департаменты, что слѣдовало бы сдѣлать, хотя бы цѣною сдачи Бельфора, который могъ еще продержаться нѣсколько недѣль; въ Бордо еще съ 25-го числа было извѣстно, въ какомъ отчаянномъ положеніи находится гарнизонъ Бельфора, да и въ Парижѣ это могло бы быть тоже извѣстно. Не даромъ Ж. Фавръ жаловался, что не смотря на его требованія при переговорахъ о перемиріи въ Версали, ему въ помощники не дали ни одного знающаго дѣло военнаго; одно это обстоятельство могло бы быть вопіющею виною Трошю: онъ самъ былъ военный, онъ съ неумолимою критикою разбиралъ все то, что дѣлали другіе; при всякомъ случаѣ указывалъ, какъ и что надобно дѣлать, а тутъ упустилъ удобную минуту, что-бы выказать свое знаніе и свою дѣятельность. Но министръ иностранныхъ дѣлъ не нуждался ни въ знающемъ дѣло офицерѣ, ни въ помощникѣ, ни въ особенной мудрости въ то время, когда надобно было извѣстить бордоскую делегацію правительства не только о заключенномъ перемиріи, но и объ ограниченіи относительно восточныхъ департаментовъ. Въ ночь на 28-ое Жюль Фавръ телеграфировалъ въ Бордо своимъ товарищамъ по управленію о только что подписанномъ перемиріи; но ни его двадцатипятилѣтняя дѣятельность на поприщѣ общественной дѣятельности, ни его пятимѣсячная имъ самимъ избранная должность министра иностранныхъ дѣлъ, не сдѣлали его осмотрительнѣе въ дѣлахъ политики: онъ забылъ включить въ телеграмму о перемиріи оговорку и ограниченіе касательно восточныхъ департаментовъ.

Объ этомъ упущеніи нельзя не упомянуть, чтобы доказать, что администрація несчастной страны была одинаково плоха и во времена имперіи, и во времена республики; участь восточной арміи была уже рѣшена и это обстоятельство не произвело никакой перемѣны въ ея положеніи, хотя французскіе критики гибель ея приписываютъ этому ограниченію и отвѣтственность сваливаютъ на нѣмцевъ; но это вовсе не такъ.

Когда до нѣмецкаго военачальника дошло извѣстіе о приближеніи войска Бурбаки къ слабому корпусу генерала Вердера, немедленно сдѣланы были распоряженія о подкрѣпленіи его. Изъ всѣхъ близъ него находившихся, незанятыхъ войскъ, 2-го и 7-го корпуса Франсески и Цастрова и 14-го Вердера составилась южная армія; начальство надъ нею поручено было генералу Мантейфелю, отозваннаго, какъ мы видѣли, отъ сѣверной арміи, гдѣ его замѣстилъ генералъ Гебенъ. Мантейфель отправился въ Версаль, чтобы лично принять инструкцію, и оттуда пріѣхалъ прямо въ Шатильонъ на Сенѣ, гдѣ и принялъ начальство надъ вновь составленной южной арміей: «его величество приказалъ мнѣ принять начальство надъ арміей, но предупредилъ меня, что задача, ей предстоящая, очень трудная; однако, государь знаетъ свои полки и надѣется на нихъ. Солдаты южной арміи, постараемся, съ Божьей помощью, оправдать довѣренность нашего короля.» — Южная армія состояла, кромѣ корпуса, осаждавшаго Бельфоръ, изъ 80 или 90.000 чел. съ 288 орудіями; прежде всего она должна была помочь 14-му корпусу Вердера, на котораго устремлена была вся масса французской восточной арміи. Къ нему на помощь спѣшилъ Мантейфель большими и трудными переходами, при жестокомъ морозѣ, по дорогамъ, покрытымъ снѣгомъ, еще хуже при оттепели, столько же затруднявшей движеніе войска, сколько и морозы и снѣгъ; но колонны 2-го и 7-го корпуса, не будучи обезпокоены непріятелемъ, счастливо перешли горную цѣпь Котъ-д'Оръ и достигли долины Саоны; назначая маршрутъ, генералъ Мантейфель далъ только одинъ приказъ: «если враги загородятъ путь, то ихъ должно опрокинуть.»

Въ распоряженіи Гарибальди находились значительныя силы, отъ 20 до 30,000

человѣкъ, расположенныхъ близъ Дижона; ему слѣдовало встрѣтить войска Мантейфеля въ горахъ и задержать его, что было бы не трудно, при опасномъ и затруднительномъ переходѣ черезъ нихъ. Но въ горахъ нигдѣ невидно было ни одного изъ пестрой толпы, находившейся подъ его командой и составленной изъ волонтеровъ, сбѣжавшихся отовсюду: у него были и вольные стрѣлки смерти, и батальоны равенства, и восточные гверильясы, и батальоны des enfants perdus de Paris и т. п. сбродъ. Но Гарибальди, съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался французскимъ генераломъ и командовалъ французскимъ сбродомъ, выказалъ неспособность управлять имъ, а можетъ быть и дѣйствительно не способенъ былъ бороться съ правильно обученнымъ и организованнымъ, крѣпко сплоченнымъ войскомъ, тогда какъ до сихъ поръ имѣлъ дѣло только съ государственнымъ устройствомъ, готовымъ разсыпаться отъ перваго толчка; во Франціи, кромѣ того, онъ себѣ много повредилъ своею ненавистью къ духовенству, здѣсь вовсе неумѣстною, потому что вмѣстѣ съ помощью духовенства онъ лишался самой главной помощи — народной. Нѣмецкіе корпуса шли прямо на Везуль, слѣдовательно, въ прямомъ направленіи на востокъ, къ позиціи, занимаемой Вердеромъ; но, какъ мы видѣли, Вердеръ, 16-го, 17-го и 18-го, одинъ справился съ французами; какъ мало французскіе вольные стрѣлки были приготовлены къ народной войнѣ, видно изъ того, что въ мѣстности, ими занятой, они даже не прервали сообщеній между частями нѣмецкаго войска; обо всѣхъ битвахъ Вердера Мантейфель по телеграфу получалъ извѣстія, точно будто находился въ странѣ совершенно спокойной. Послѣ удачи Вердера, дѣла приняли другой оборотъ,—Мантейфель разсудилъ: если ему отказаться отъ перваго плана—соединиться съ Вердеромъ, но свои войска направить на Дижонъ и Безансонъ, т. е. на югъ, то можно сдѣлать французкую армію совершенно безвредною, или даже уничтожить ее: такимъ маневромъ у нея былъ бы отрѣзанъ возвратный путь во Францію и армію можно бы отбросить къ ближайшей швейцарской границѣ. Не откладывая своего намѣренія, Мантейфель сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія еще 19-го, но удача этого отважнаго маневра зависѣла столько же отъ точнаго исполненія приказаній, отъ способности ближайшихъ начальниковъ, отъ выносливости войска, отъ своевременнаго и успѣшнаго доставленія провіанта, сколько отъ невниманія, бездѣйствія и нераспорядительности французскаго войска. Три корпуса южной арміи направились къ французской восточной арміи, находившейся на лѣвомъ берегу Дубъ, близъ Дижона; въ виду корпуса Гарибальди оставленъ былъ генералъ Кетлеръ, чтобы занять вниманіе враговъ и отвлечь ихъ отъ главныхъ силъ; но для этой цѣли ему данъ былъ очень небольшой отрядъ. Съ отвагой генералъ этотъ началъ съ того, что атаковалъ впятеро сильнѣйшій отрядъ Гарибальди, и, такимъ образомъ, ввелъ Гарибальди въ заблужденіе: никакъ не предполагая, что передъ нимъ — незначительныя силы, онъ, напротивъ, полагалъ, что имѣетъ дѣло со всею арміей Мантейфеля. Его прокламаціи, написанныя въ это время, возбуждаютъ сожалѣніе: онѣ доказываютъ до какой степени этотъ честный, благородный воинъ ошибался,—онъ радуется своимъ мнимымъ побѣдамъ, видитъ впереди дальнѣйшіе успѣхи, думаетъ, что передъ нимъ цѣлая армія, а не нѣсколько жалкихъ батальоновъ, и затѣмъ упускаетъ существенное: вмѣсто того, чтобы служить прикрытіемъ для фланга арміи Бурбаки, онъ ее подвергаетъ ужасному бѣдствію. Увлеченный высокопарными прокламаціями остальныхъ военачальниковъ, онъ и самъ вдается въ ихъ ошибку и самъ наряжается въ лохмотья революціи 1792 года; онъ восхваляетъ «молодую милицію святаго дѣла республики», показываетъ, какая ужасная разница существуетъ между рабами деспота и поборниками свободы; говоритъ о прочномъ союзѣ между ненавистной тираніей и духовенствомъ; говоритъ объ имперіи и ея мрачномъ исчадіи; т. п. вещи служили ему побрякушками; но вся Франція взволновалась и заликовала, когда на третій день битвы въ руки Гарибальди попалось знамя, дѣйствительное прусское знамя 2-го батальона померанскаго полка № 61; это былъ первый военный трофей, пріобрѣтенный французами въ эту продолжительную войну послѣ несчетнаго множества маленькихъ столкновеній и крупныхъ сраженій. Но знамя это не было выхвачено изъ рядовъ сражающихся, не было отнято у живаго, но его отняли у мертваго знаменщика въ грудѣ труповъ, оставшихся послѣ ночнаго сраженія въ лѣсу и послѣ поспѣшнаго отступленія нѣмецкаго отряда; на новомъ

знамени, данномъ королемъ этому храброму батальону, 9 августа 1871 года, виситъ одна изъ кистей стараго, случайно найденная нѣмецкими войсками. Генералъ Кетлеръ послѣ трехдневной упорной битвы, при которой онъ проникнулъ даже до Дижона, не въ силахъ былъ дальше держаться противъ несравненно многочисленнѣйшаго французскаго отряда; онъ отступилъ, сосредоточилъ свои силы и удовольствовался тѣмъ, что наблюдалъ за Гарибальди; это обмануло стараго народнаго вождя и онъ говоритъ въ прокламаціи, въ это время написанной: «Храбрые воины вогезской арміи! Вы видѣли пятки грозныхъ солдатъ арміи Вильгельма; да, вы видѣли ихъ, молодые солдаты свободы!.. вы побѣдили самые храбрые воинственные полки въ мірѣ!..» Гораздо хуже была другая прокламація, напечатанная по приказанію Гарибальди, нѣсколько дней спустя; онъ обвинялъ нѣмцевъ за дурное обращеніе съ плѣнными и докторами и за умерщвленіе тѣхъ и другихъ, но послѣ немедленнаго слѣдствія то и другое оказалось ложнымъ, ни на чѣмъ не основаннымъ извѣстіемъ А между тѣмъ ни Гарибальди, ни кому либо иному не пришло на умъ всѣми своими силами устремиться на находящіяся передъ нимъ войска и убѣдиться, стоитъ ли передъ нимъ вся южная армія или только нѣсколько батальоновъ.

Въ главной квартирѣ Бурбаки около этого времени былъ также застой, казалось, будто въ ней даже остатокъ энергіи угасъ. При видѣ печальнаго положенія своего войска, въ которомъ изъ 100.000 человѣкъ, дѣйствительныхъ солдатъ было небольше 40.000, раздражаемый депешами Гарибальди, требовавшими отъ него чудесъ, Бурбаки впалъ въ унынie и въ припадкѣ черной меланхоліи покусился даже на свою жизнь (26-го), но и это ему не удалось. Команду вмѣсто него принялъ генералъ Клиншанъ: задача незавидная. Въ тотъ самый день, когда Гарибальди публиковалъ свои побѣдныя прокламаціи въ Дижонѣ, 23-го, прямое сообщеніе съ Ліономъ было отрѣзано. Нѣмецкія колонны на пути своемъ находили, что мосты черезъ Уаньонъ и Дубъ нигдѣ не были истреблены проходившими тутъ передъ ними французскими войсками; хотя 2-й, 7-й и 14-й корпуса не могли идти непрерывною нитью, но движенія всѣхъ частей ихъ были такъ точны и своевременны, что они составляли какъ бы одно цѣлое; съ 24 числа столкновенія происходили все чаще и чаще, а число военноплѣнныхъ увеличивалось; 27-го числа, французская армія начала уже отступать и съ сѣвера, и отъ Безансона, направляясь на Понтраліе, гдѣ оставалась открыта только одна дорога на югъ, по западному склону Юры, вдоль самой границы Щвейцаріи. Постоянное отступленіе, при неблагопріятныхъ сраженіяхъ, холодъ, недостаточное продовольствіе, дурная одежда, все это отнимало у солдатъ мужество, и по всей дорогѣ, на каждомъ шагу, встрѣчались слѣды возрастающаго разстройства арміи. Къ величайшему удовольствію измученныхъ солдатъ, 29-го распространилось извѣстіе о только что подписанномъ перемиріи. Это говорили меры деревень, черезъ которыя французы проходили; главноначальствующій извѣстилъ объ этомъ непріятелей, указывая на это извѣстіе, какъ на новость офиціальную, и въ этомъ онъ былъ правъ: въ телеграммѣ, отправленной къ Гамбеттѣ, стояло: «перемиріе заключено на 21 день, конституціонное собраніе должно быть созвано въ Бордо на 15 февраля, сообщите это извѣстіе цѣлой Франціи!» Ни слова не говорилось объ ограниченіи и о томъ, что перемиріе для департаментовъ начинается только съ 31-го, три дня позже парижскаго; все это было позабыто министромъ иностранныхъ дѣлъ. Генералы Цастровъ и Франсеки съ своей стороны согласились сохранять перемиріе до тѣхъ поръ, пока не получатъ отвѣта на запросъ, ими сдѣланный въ главную квартиру главнокомандующаго, находящуюся въ Артуа, по прямой линіи на западъ отъ Попталіе. Но тамъ знали все гораздо точнѣе: Мольтке въ своей телеграммѣ ничего не позабылъ; движеніе тотчасъ возобновилось, и еще въ то же, 31-е число, при непрерывныхъ сраженіяхъ занятъ былъ и послѣдній путь, на югъ къ Сенъ-Лорану; въ то-же время южная армія къ сѣверу вошла въ сообщеніе съ 14-мъ корпусомъ Вердера. Съ 1 февраля можно было нѣмецкимъ корпусамъ начать концентрическое нападеніе на Понтралье разомъ со всѣхъ сторонъ. Къ полудню это мѣсто было занято безъ особенно сильнаго сопротивленія; между тѣмъ, переговоры французскаго генерала съ начальникомъ союзнаго швейцарскаго войска, съ генераломъ Герцогомъ, о переходѣ гонимой арміи на нейтральную почву Швейцаріи, были окончены; произошло послѣднее, отчаянное сраженіе въ горахъ, близъ

Ла-Клюзъ, гдѣ 18-й французскій корпусъ, занявъ выгодную, крѣпкую позицію, защищалъ отступленіе остальнаго войска.

Французская восточная армія состояла изъ 150.000 человѣкъ, въ то время, когда она приближалась, чтобы снять осаду съ Бельфора, завоевать вновь Эльзасъ и, если можно, вторгнуться въ Германію; но теперь черезъ границу Швейцаріи перешли только остатки этой арміи, всего 83.000 человѣкъ, въ положеніи близкомъ къ тому, въ какомъ остатки арміи Наполеона I возвратились изъ похода въ Россію. Но послѣднимъ и самымъ болѣзненнымъ униженіемъ для послѣдней уцѣлѣвшей изъ французскихъ армій было просить помощи у Швейцаріи, этой маленькой, ничтожной земельки, которую Тьеръ въ своемъ историческомъ сочиненіи постоянно называетъ маленькимъ скупымъ народомъ; генералъ Герцогъ въ приказѣ, отданномъ по войску, выставляетъ остатки французской восточной арміи какъ ужасный примѣръ того, до чего можетъ дойти армія, если въ ней ослаблены всѣ узы дисциплины. Передача такого огромнаго войска и для Швейцаріи была очень тягостна. Въ южно-германскихъ карикатурныхъ журналахъ не переставали насмѣхаться надъ тѣмъ, что неуклюжій нѣмецкій Михель къ своимъ далеко недружественнымъ сосѣдямъ прислалъ столько непрошеныхъ гостей; а про себя нѣмцы радовались тому, что отдѣлались отъ этой прибавки къ тому полумилліону военнопленныхъ, которые уже объѣдали Германію.

Прокламація французскаго главнокомандующаго пыталась смягчить для своей арміи переходъ на нейтральную почву: онъ выставилъ этотъ шагъ, какъ горькую необходимость, происшедшую вслѣдствіе несчастной ошибки: онъ смѣло утверждалъ, что проходъ черезъ горную цѣпь Юры еще за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ былъ открытъ; но извѣстіе о миромъ перемиріи заставило его потерять время и вмѣстѣ съ нимъ надежду на спасеніе: напрасно французскій главнокомандующій хлопоталъ и старался успокоить умы своихъ солдатъ; для большинства его арміи переходъ этотъ не являлся такимъ ужаснымъ, какъ его выставляетъ этотъ актъ; при этомъ надобно замѣтить, что между дѣйствительнымъ настроеніемъ массы и между языкомъ прокламацій существовалъ самый рѣзкій контрастъ. По крайней мѣрѣ у плѣнныхъ нельзя было подмѣтить искры того, что Корпель и Гамбетта называютъ прекраснымъ отчаяніемъ. Труппа актеровъ, находившаяся въ числѣ военноплѣнныхъ въ Дейтцѣ, напримѣръ, въ день капитуляціи Парижа очень весело разыгрывала французскіе водевили, и театръ былъ биткомъ набитъ французами; оскорбленное военное чувство чести утѣшало себя тѣмъ, что виною всѣхъ несчастій арміи и Франціи—измѣна; это же самое чувство успокоивало и теперь, при бѣгствѣ въ Швейцарію, тѣхъ, которые неспособны были безмолвно подчиниться постигшему ихъ униженію.

Въ то самое время, когда восточная армія переходила черезъ границу Швейцаріи нѣмецкія войска заняли Дижонъ, куда между тѣмъ спѣшили подкрѣпленія. Наканунѣ ночью Гарибальди отступилъ изъ Дижона, и окончилъ свое неславное поприще во Франціи, гдѣ надѣлалъ много ошибокъ, и гдѣ ему довольно жестко ошибки эти были высчитаны. Начальство надъ Вогезскою арміею, уже вполнѣ разстроенной и готовой разбѣжаться, онъ передалъ сыну своему Меноттѣ. Крѣпость Бельфоръ, послѣ мужественнаго и продолжительнаго сопротивленія, сдалась на капитуляцію: гарнизонъ, подъ начальствомъ полковника Данферта, былъ отпущенъ съ военными почестями.

Между тѣмъ выборы въ конституціонное собраніе были окончены, и депутаты въ первый разъ собрались въ большомъ театрѣ въ Бордо. Первое дѣло, предложенное на разсмотрѣніе, и цѣль, съ какою собраніе было открыто—рѣшить чему быть: войнѣ, или миру; но положеніе и дальнѣйшій ходъ дѣлъ были такого рода, что при этомъ оставаться не могло. Но мы еще не имѣемъ дѣла съ этимъ роковымъ и обширнымъ значеніемъ собранія; оно открываетъ новый и замѣчательный отдѣлъ исторіи Франціи. Самый важный и замѣтный человѣкъ настоящаго мгновенія, безъ сомнѣнія, былъ Тьеръ; онъ былъ избранъ депутатомъ болѣе нежели въ 20 избирательныхъ округахъ. Онъ одинъ только энергически говорилъ противъ войны, когда опьянѣвшее большинство законодательнаго корпуса съ шумомъ требовало войны, такъ постыдно теперь окончившейся: его замѣчательный умъ, его парламентская привычка, его богатый и обширный за-

пасъ знаній, его знаменитое имя пріобрѣли ему общее довѣріе. Этотъ государственный человѣкъ старой школы, всегда отличавшійся своею умѣренностію, знакомый съ политическимъ движеніемъ прежнихъ временъ, былъ одинаково пріятенъ и для иностранныхъ кабинетовъ и для враговъ: но больше всего въ немъ нуждалась Франція, это былъ единственный, выдающійся человѣкъ, который не принадлежалъ ни къ одной изъ партій и стоялъ выше ихъ. Онъ возвысился при Орлеанской династіи; но когда она пала, онъ однакожь не лишилъ отечества ни своихъ дарованій, ни знаній, и отдалъ ихъ на службу импровизированной республикѣ; на нѣкоторое время онъ пострадалъ отъ 2-го декабря, но когда имперія утвердилась, онъ не показалъ непримиримой ненависти и къ этому порядку вещей и при своей уступчивости онъ все-таки съумѣлъ сохранить свою независимость и твердость. Когда же, 4 го сентября, зданіе императорскаго могущества рухнуло, Тьеръ отказался вступить въ число временныхъ правителей, потому что для него всегда всякое похищеніе власти было ненавистно; а можетъ быть и составъ временнаго правительства не нравился ему: однакожь, своимъ согражданамъ совѣтовалъ онъ признать это правительство и самъ, когда того потребовали обстоятельства, не отказался служить ему. Утверждаютъ, будто онъ слишкомъ много о себѣ заботился; можетъ быть это и правда, но скорѣе можно упрекнуть его, что онъ слишкомъ много о себѣ говорилъ; однако роль, какая ему теперь выпала, требовала человѣка съ истиннымъ глубокимъ патріотизмомъ и надобно съ величайшимъ уваженіемъ сказать, что патріотизмъ этотъ у него былъ, чего нельзя сказать о многихъ общественныхъ дѣятеляхъ Франціи; онъ пользы и выгоды своего отечества всегда ставилъ выше собственныхъ интересовъ и что еще важнѣе, выше интересовъ своей партіи. Но надобно сознаться, что въ нѣкоторомъ смыслѣ, онъ самъ былъ виновникомъ этой несчастной войны; онъ, наравнѣ съ прочими писателями, льстилъ національной гордости, называлъ французскую армію непобѣдимой, говорилъ о необходимости естественныхъ границъ и о первенствѣ Франціи, въ числѣ остальныхъ первостепенныхъ державъ Европы; но все это теперь было болѣе или менѣе благопріятно и дѣлало его одинаково пріятнымъ для всѣхъ партій.

Февраля 17-го, національное конституціонное собраніе единодушно избрало Тьера главою исполнительной власти французской республики, откладывая окончательное рѣшеніе, какую форму правленія Франція наконецъ приметъ; за Тьеромъ признана была власть избрать министровъ. Къ 18-му министерство было уже составлено, все изъ людей умѣреннаго образа мыслей, преимущественно изъ республиканской партіи; Дюфоръ получилъ портфель министерства юстиціи, Фавръ—иностранныхъ дѣлъ, Пикаръ—внутреннихъ дѣлъ, Симонъ—культа; президентомъ національное собраніе избрало тоже умѣреннаго республиканца Греви. Правители національной обороны въ первый же день сложили свою должность и передали власть собранію національному. Тьеръ въ своей рѣчи 19-го очень опредѣленно высказалъ собранію, что онъ не въ состояніи представить формальной программы управленія; что теперь его задача состоитъ только въ умиротвореніи и реорганизаціи страны, въ возрожденіи кредита, въ оживленіи рабочихъ силъ Франціи. «Это наша политика и при такой политикѣ каждый благоразумный человѣкъ, будь онъ монархистъ, или республиканецъ, можетъ съ пользой трудиться въ интересахъ государства.» Что большинство членовъ конституціоннаго національнаго собранія жаждало мира, чувствовало потребность въ немъ и нисколько не обманывалось въ неизбѣжности заключить его, видно было съ самаго начала; тоже настроеніе видѣлось и въ томъ, что Гарибальди, выбранный въ депутаты отъ города Бордо, былъ встрѣченъ очень холодно; онъ почувствовалъ свое ложное положеніе, отказался отъ депутатства и уѣхалъ на свой островъ Капреру, съ котораго на этотъ разъ ему было бы лучше вовсе не уѣзжать. Эльзасскій депутатъ Келлеръ 17-го, отъ имени всѣхъ эльзасъ-лотарингскихъ депутатовъ, внесъ предложеніе, чтобы національное собраніе выразило твердую рѣшимость Франціи сохранить Эльзасъ и Лотарингію для Франціи—собраніе, парируя слова словами, устранило это предложеніе протоколомъ: «принимая объявленіе господина депутата Келлера съ величайшимъ сочувствіемъ, собраніе съ довѣренностью полагается на мудрость и патріотизмъ своихъ уполномоченныхъ.» Затѣмъ къ Тьеру и другимъ уполномоченнымъ присоединена

была комиссія изъ 15 членовъ, которые вмѣстѣ съ ними отправились въ Версаль.

Въ Германіи между людьми здраво мыслящими не было разногласія въ существенныхъ условіяхъ мира да и въ народѣ было убѣжденіе, что германскій императоръ и его совѣтъ будутъ дѣйствовать согласно съ желаніемъ народа: надѣялись, что будутъ уплачены всѣ военныя издержки этой безпричинно начатой войны и какъ обезпеченіе и защиту отъ будущихъ подобныхъ нападеній должны быть возвращены Германіи нѣкогда ей принадлежавшія области Эльзасъ съ Стразбургомъ и Лотарингія съ Метцомъ; только тамъ и сямъ являлись трусы, или слишкомъ совѣстливые резонеры, какихъ въ Германіи всегда много, которые не хотѣли Метца, потому что онъ французскій городъ, и допускали только предположеніе срыть крѣпость до основанія. Нашлись тоже и чувствительныя души, которыя заявляли, что Стразбурга нечего присоединять къ Германіи; Стразбургъ совсѣмъ французскій городъ и, сперва надобно узнать желаніе народа; нѣмецкіе государственные люди безъ всякаго плебисцита могли знать, что жители Эльзаса и Лотарингіи охотно остались бы французскими подданными, что у нихъ уже образовалась двухстолѣтняя привычка. Но нѣмецкіе государственные люди считали безуміемъ позволять каждой провинціи, каждой деревнѣ въ важныхъ случаяхъ быть верховными судьями своей участи. Нынѣ существующая генерація Эльзаса и Лотарингіи давала свое согласіе на войну, цѣлью которой было отнять у Германіи лѣвый берегъ Рейна; нигдѣ ни въ какой мѣстности французское войско не находило такого сочувствія, какъ здѣсь, а это въ глазахъ ея теперешнихъ судей была великая вина; слѣдовательно, провинціи Эльзасъ и Лотарингія должны благодарить Бога, что на нихъ возлагается только это, а не худшее наказаніе, если жъ между жителями найдутся такіе, которымъ невыносимо слиться съ народонаселеніемъ юной, возраждающейся Германіи, для тѣхъ пути стоятъ открыты: они могутъ переселиться на ту сторону Вогезовъ. Вновь народившееся и выросшее поколѣніе изъ полуфранцузовъ, надобно полагать, сдѣлается нѣмецкимъ, а третье уже будетъ довольно, что опять присоединено къ странѣ, родственной по племени, по языку, характеру, географическому мѣсту и, оставивъ въ сторонѣ 200 лѣтній эпизодъ французскаго владычества, по преданіямъ и исторіи за много столѣтій.

Переговоры велись со стороны французской Тьеръ и Ж. Фавръ, съ нѣмецкой графъ Бисмаркъ, баварскій министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Брай, вюртембергскій ф. Вехтеръ, баденскій, государственный совѣтникъ Жолли. Срокъ перемирія вмѣсто 14-го продлили до 26-го. Французскіе уполномоченные принуждены были согласиться на уступку Эльзаса и Лотарингіи, потому что отстоять ихъ не было возможности; но изъ-за Лотарингіи и преимущественно изъ-за Метца они сильно спорили: это была великая жертва для народа, привыкшаго при заключеніи мира всегда пріобрѣтать, а не уступать земли; къ тому же, уступка Метца непріятельскую границу приближала къ Парижу на 20 часовъ пути и вмѣстѣ съ Стразбургомъ отнимала всякую возможность нечаяннаго нападенія, или быстраго нападенія, когда бы вздумалось вновь начать такую войну, какъ въ предъидущемъ году; противъ нея Тьеръ и прочіе ораторы оппозиціи возставали и осуждали ее потому только, что она не была достаточно подготовлена и потому, что ее объявило правительство, которому они не сочувствовали, но въ сущности она была по вкусу всѣмъ вообще; но переговоры пришлось вести съ человѣкомъ, у котораго была непоколебимая, желѣзная воля. На этотъ разъ надобно было условливаться не съ коаліціей, но съ націей, пробужденной къ чувству своей силы и сплоченной въ одно цѣлое. Какъ единственное облегченіе тягостныхъ условій, по мнѣнію нѣмцевъ, было возвращеніе завоеванной крѣпости Бельфоръ; ее уступали именно потому, что не считали ея крайне нужной для пограничной защиты—такимъ образомъ состоялись версальскія прелиминарныя условія мира, 26-го. Франція уступила: Эльзасъ и часть Лотарингіи съ Метцомъ и Тіонвиллемъ, который мѣстные крестьяне называетъ Диденгофенъ, т. е. 263 кв. мили съ $1^1/_2$ милліонами жителей; изъ нихъ $^7/_8$ было нѣмцевъ; кромѣ того, Франція обязывалась уплатить 5 милліардовъ франковъ, или 1.330 милліоновъ талеровъ вознагражденія за военныя издержки; окупаціонный корпусъ оставался въ одной части французскихъ департаментовъ съ

обязательствомъ постепенно, по мѣрѣ уплаты долга, очищать области; дальнѣйшихъ подробностей условій мира историческому разсказу нечего высчитывать, это принадлежитъ исторіи трактатовъ. Дабавочное соглашеніе продлило перемиріе до 12 марта; второе добавленіе опредѣлило, какая часть Парижа можетъ быть занята нѣмецкими войсками. Французскіе уполномоченные очень горячо оспаривали полное занятіе карауловъ въ Парижѣ нѣмецкими войсками, хотя, сказать мимоходомъ, они занятіе Берлина французскими войсками считали бы совершенно естественнымъ, въ порядкѣ вещей; но Парижъ, эта столица по преимуществу, не могла бы вынести такой обиды, такого полнаго осязательнаго доказательства ея паденія; но ей суждено было, чтобы въ непродожительномъ времени государственные люди Франціи сами пожалѣли о томъ, что Парижъ не весь цѣликомъ занятъ войсками побѣдителей. Ограничились только занятіемъ одного квартала на правомъ берегу Сены, и то на короткое время и сравнительно незначительнымъ корпусомъ въ 30,000 человѣкъ.

Съ такимъ проектомъ мира Тьеръ возвратился въ Бордо, 28-го вечеромъ. Національное собраніе тотчасъ было созвано для совѣщанія, и Тьеръ представилъ проектъ мирныхъ условій, первая статья начиналась словами: «Національное собраніе, уступая необходимости и устраняя отъ себя отвѣтственность, принимаетъ прелиминарныя условія мира, подписанныя въ Версали.» Читать дальше отдѣльныя статьи этого договора Тьеръ отъ волненія не могъ; онъ предоставилъ это дѣло своему начальнику кабинета Бартелеми Сентъ-Илеру и удалился изъ собранія: онъ былъ утомленъ переѣздомъ и еще болѣе нравственно разбитъ, какъ истинный патріотъ и французъ, мечтавшій о естественныхъ границахъ для Франціи и неоднократно указывавшій, что сама природа очертила ихъ: Альпы, Пиринеи, Океанъ и Рейнъ должны были обозначать ихъ, а теперь ему самому приходилось отрѣзать такую значительную область—понятно, какъ это его тяготило. Но вскорѣ онъ успокоился, собрался съ силами и возвратился въ собраніе; онъ посовѣтовалъ какъ можно болѣе поспѣшить окончаніемъ этого дѣла, такъ какъ каждый изъ присутствующихъ членовъ въ душѣ уже порѣшилъ его; онъ представлялъ, что, можетъ быть, черезъ поспѣшность можно будетъ столицу избавить отъ тяжкаго горя и униженія. На слѣдующій день Викторъ Лефранкъ, отъ лица комиссіи читалъ отчетъ и совѣтовалъ принять проектъ. Если-бы національное собраніе состояло только изъ людей серьезныхъ, уважающихъ себя, оно безъ дальнихъ словъ, немедленно приняло бы договоръ вынужденный неумолимой и неотвратимой необходимостью, одни только эльзасскіе депутаты могли бы заявить свой протестъ, хотя протестъ такой былъ бы вполнѣ безплоднымъ, но все-таки онъ имѣлъ бы законность, потому что нѣмецкое правительство, фактически уже отхватившее эти провинціи, все-таки позволило въ нихъ производить выборы депутатовъ для національнаго собранія, и, протестуя, они были бы въ своемъ правѣ; но въ національномъ собраніи такого самоуваженія не доставало; въ немъ вскорѣ же обнаружилось, въ какомъ отчаянномъ положеніи находится внутреннее состояніе побѣжденной страны. Одинъ изъ депутатовъ радикаловъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы всю свою злобу излить въ ругательствахъ, какими осыпалъ Наполеона; нѣкоторые изъ шести, или семи бонапартистовъ-депутатовъ защищали его, и одинъ изъ нихъ, Конти, имѣлъ мужество проговорить полчаса, при оглушительномъ шумѣ и безпрерывныхъ перерывахъ, не дававшихъ ему сказать пяти словъ связно. При возрастающемъ шумѣ, депутатъ Лангле наконецъ воскликнулъ: «подавайте голоса за лишеніе престола Наполеона.»—Предложеніе это было подхвачено и послѣ того, какъ оно было облечено неизбѣжными формальностями, было внесено въ собраніе, какъ проектъ закона. Напрасно этому противились и протестовали немногіе изъ приверженцевъ павшаго императора, представляя, что у національнаго собранія совсѣмъ другая цѣль, что оно прежде всего должно заняться вопросомъ о мирѣ, что у него нѣтъ права произносить приговора надъ династіей Бонапарте, потому что ему не дано законодательной, конституціонной силы. Надѣясь отмѣнить, или, покрайней мѣрѣ, смягчить процедуру, Тьеръ опять взошелъ на каѳедру и со всѣмъ искусствомъ и краснорѣчіемъ своимъ пытался защитить династію, но она была отрѣшена безъ дальнихъ преній, несмотря на то, что она пріобрѣла законность четырьмя плебисци-

тами и 18-лѣтнею рабскою покорностью французовъ; рѣшеніе было единогласно, кромѣ пяти-шести голосовъ; между ними только одинъ, или много два принадлежали депутатамъ не изъ партіи бонапартистовъ. Успокоившись на этотъ счетъ, національное собраніе продолжало свои дебатты о прилиминарныхъ условіяхъ мира. Викторъ Гюго говорилъ о томъ, чтобы отвергнуть ихъ, и призывалъ на помощь революцію. «Съ завтрашняго дня у Франціи будетъ только одно помышленіе—она будетъ питать свое священное негодованіе, образуетъ войско, состоящее изъ цѣлаго народа, она всѣми силами будетъ стараться сдѣлаться великой Франціей, Франціей 1792 года, Франціей идеи и меча. И придетъ время, когда она поднимется непобѣдимая и опять отниметъ Лотарингію, Эльзасъ, Рейнъ, Майнцъ и Кельнъ.» Но когда благоразумнѣйшіе члены національнаго собранія заропотали, онъ продолжалъ: «и эта Франція воскликнетъ: Германія, вотъ и я. Развѣ мы враги? Нѣтъ, я тебѣ сестра!... Будемъ же союзными штатами Европы, представительницами универсальнаго мира, универсальной свободы. Я никогда не забуду, что ты меня освободила отъ моего императора, будь увѣрена, я тебя освобожу отъ твоего.» Трудно себѣ представить, чтобы въ палатѣ депутатовъ до 1848 года могла быть произнесена подобная рѣчь; не лучше ея, но гораздо простительнѣе была рѣчь эльзасца Келлера: онъ объявлялъ заключаемый договоръ недѣйствительнымъ; онъ призывалъ Бога, потомство, всѣ народы и мечи всѣхъ храбрыхъ людей на помощь, чтобы какъ можно скорѣе уничтожить этотъ постыдный договоръ. Наконецъ Тьеръ, этотъ истинный государственный человѣкъ и ораторъ, а не пустословъ и фантазеръ, какъ другіе, взялъ перевѣсъ надъ ихъ задорными возгласами и перевелъ дебатты опять на надлежащую почву человѣческаго смысла. Онъ, нисколько не прикрашивая, во всей полнотѣ выставилъ, что у Франціи нѣтъ правильно-организованнаго войска: «пусть при такомъ положеніи военныхъ силъ кто нибудь мнѣ скажетъ, что мы можемъ бороться съ правильно обученной регулярной арміей въ 500,000 человѣкъ—я ему отвѣчу: Нѣтъ, мы бороться не можемъ, а только доведемъ Францію до гибели, повергнемъ ее въ нищету, лишимъ послѣднихъ источниковъ помощи и отнимемъ у нея всѣ средства возстановить свою будущность, о которой вы мечтаете и надежда на которую составляетъ мое единственное утѣшеніе. Вы должны имѣть на столько мужества, чтобы сознаться въ правдѣ: только при этомъ вы можете назваться почтенной націей и будете заслуживать лучшей участи.» 546 человѣкъ выказали это мужество и подали голосъ за договоръ; 107 были противъ него. 3-го числа депутаты уступленныхъ провинцій оставили національное собраніе.

Въ то время, когда въ Бордо происходили совѣщанія, нѣмецкія войска 1 марта вступили въ Парижъ; прокламація парижскихъ правителей подготовила народъ къ этой неизбѣжной необходимости. Нѣмецкій императоръ производилъ смотръ своимъ войскамъ на равнинѣ Лонгшанъ; оттуда они, вдоль улицы Великой Арміи (avenue de la Grande Armée) черезъ тріумфальныя ворота и по Элисейскимъ полямъ дошли до указанной имъ границы. Но такъ какъ 3 марта миръ уже былъ заключенъ, то войска опять вскорѣ оставили Парижъ; кромѣ очень небольшихъ выходокъ, жители Парижа оставались спокойны: на второй день любопытство взяло даже перевѣсъ надъ ненавистью къ пруссакамъ, и народъ группами тѣснился на пограничной линіи, чтобы посмотрѣть на ненавистныхъ побѣдителей. Долѣе оставаться въ городѣ не было причины, да и не представляло никакого удовольствія: настроеніе жителей было таково, что въ каждую данную минуту можно было опасаться волненія, безпорядковъ, и тогда нѣмцы были бы поставлены въ непріятное положеніе унимать волненіе въ побѣжденной столицѣ.

Въ недрахъ Парижа таился врагъ, несравненно опаснѣйшій нежели нѣмецкія войска; Бисмаркъ понималъ опасный характеръ этой партіи, враждебной общественному порядку, тѣмъ болѣе, что въ короткое время она уже два раза давала знать, что въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ съ самыми блестящими кварталами Парижа таится врагъ, сравнительно съ которымъ нѣмецкія войска могли показаться союзниками; приверженцы этой гибельной партіи могли воспользоваться для своихъ цѣлей присутствіемъ враждебнаго войска. Національная гвардія предмѣстій рабочихъ Ла Виллетъ, Монмартра и Бельвиля, въ то время пока нѣмцы занимали отведенныя имъ части города, взвезли нѣсколько пушекъ и митральезъ на высоты

Монмартра: на вопросъ: зачѣмъ это? они отвѣчали, что хотятъ, на всякій случай, приготовить это мѣсто, чтобы защищать прилегающіе кварталы отъ пруссаковъ. Они, или вѣрнѣе вожди ихъ, въ рукахъ которыхъ они были только покорными орудіями, отлично знали, что пруссакамъ больше и въ умъ не приходило воевать съ Парижемъ; пруссаки были ихъ врагами настолько насколько врагами имъ могли быть люди, повинующіеся законамъ, королю и поставленнымъ надъ ними уважаемымъ начальникамъ. Для нихъ истинными врагами были всѣ сторонники порядка, гдѣ бы они ни были—во Франціи, Германіи, Англіи, въ какомъ бы государствѣ, въ какой бы части свѣта то ни было: для нихъ были враждебны твердо установившійся общественный порядокъ, во что бы то ни было они хотѣли его опрокинуть и замѣнить чѣмъ-то новымъ; но чѣмъ, до этого пока имъ не было дѣла; сперва имъ надобно было покончить съ старинными понятіями объ обязанности гражданина, о духовенствѣ, христіанствѣ, семействѣ, бракѣ, патріотизмѣ и тому подобными заблужденіями, выше которыхъ этотъ сбродъ, называвшій себя народомъ, считалъ самого себя. Однимъ словомъ, это была парижская чернь, прямо сказать, предводительствуемая извѣстнымъ количествомъ злодѣевъ; между ними—очень небольшое число искреннихъ мечтателей; это была именно та чернь, противъ покушеній которой графъ Бисмаркъ предостерегалъ чистаго идеолога Фавра, и по поводу которой получилъ въ отвѣтъ отъ этого заоблачнаго и неспособнаго къ дѣйствительной дѣятельности человѣка, что въ Парижѣ такой черни нѣтъ. Предводителями черни руководило желаніе удовлетворить свои страсти, между которыми честолюбіе можно было почесть еще лучшею. Въ военное время и чернь и ея вожди кое-чему научились: во первыхъ, они познали сладость бездѣйствія, хорошо оплачиваемаго правительствомъ; во-вторыхъ, во время осады, кромѣ того получили нѣкоторую воинственность и солдатское умѣнье владѣть оружіемъ и, наконецъ, въ третьихъ они инстинктомъ познали, что самое благопріятное для нихъ время настало—теперь, они видѣли, что умѣренная республика точно также пришла къ своему концу, какъ и имперія, что нынѣшнему новому правительству, безъ прочно установившагося авторитета, надобно было все разомъ возстановлять и при томъ, не имѣя даже достаточныхъ военныхъ силъ. Предводителямъ черни было извѣстно, что по одной изъ статей мирнаго договора, французское правительство обязано отвести за Луару всѣ свои военныя силы и по сю, сѣверную сторону отъ нея, оставить не болѣе 40.000 человѣкъ. Вмѣсто того, чтобы подавить возстаніе въ самомъ зернѣ, во что бы то ни стало овладѣть выгодною и грозною высотою Монмартра, военный губернаторъ Парижа генералъ Винуа началъ вести переговоры; между тѣмъ одна пушка, одна митральеза за другою отправлялись на ту-же высоту, пока наконецъ на ней не набралось до 400 орудій; улицы, туда ведущія, были заперты прочно построенными баррикадами, ихъ охраняли пикеты и цѣпи часовыхъ. Не успѣли оглянуться, какъ полное возстаніе было готово, новое правительство, избранное и утвержденное національнымъ собраніемъ, перебралось 10 марта въ Версаль, вмѣстѣ съ національными депутатами; при начавшемся возмущеніи первою обязанностью правителей было отнять столицу у шайки злодѣевъ, возобновившихъ ужасы террористовъ 1793 года и превзошедшихъ ихъ.

Но разсказъ объ этомъ кровавомъ, исполненномъ ужасовъ заключеніи великой войны, относится къ слѣдующему отдѣлу нашего историческаго повѣствованія; мы прежде бросимъ бѣглый взглядъ на отдѣльныя государства и сдѣлаемъ очеркъ тѣхъ слѣдствій, какими на нихъ отразилось великое столкновеніе въ 1870 и 71 годахъ. Но прежде мы должны еще сказать нѣсколько словъ объ окончательномъ мирномъ договорѣ враждующихъ сторонъ.

Марта 17-го императорская главная квартира опять перенесена была въ Берлинъ. Вильгельмъ I за восемь мѣсяцевъ передъ тѣмъ оставилъ ее, какъ король Прусскій и президентъ сѣверогерманскаго союза, а теперь возвращался, какъ германскій императоръ. Этому 74 лѣтнему старцу суждено было соединить всѣ нѣмецкія племена въ одномъ воинскомъ предпріятіи, въ первый разъ въ теченіе тысячилѣтія, дружно вести ихъ противъ внѣшняго врага, въ чужую землю, въ военной удачѣ обновить древнее германское королевство. Нигдѣ, никогда корона не пріобрѣталась съ такимъ правомъ, какъ здѣсь; истощивъ всѣ средства для поддержанія мира, Вильгельмъ съ чистою совѣстью взялся за мечъ и бился

имъ съ полною преданностію дѣлу, съ полнымъ пониманіемъ своей обязанности, съ неустрашимымъ мужествомъ, служа самымъ блестящимъ примѣромъ для всѣхъ своихъ армій; теперь же онъ также спокойно, съ чистою совѣстью, могъ положить мечъ, потому что достигъ всего, чего только нація можетъ требовать отъ такой войны. Народъ все это прочувствовалъ и потому нѣтъ надобности разсказывать съ какимъ полнымъ восторгомъ встрѣчали старца героя на границѣ, при проѣздѣ въ каждомъ городѣ, на каждой станціи и наконецъ въ самой столицѣ: на этотъ разъ факты говорили сами за себя, говорили энергичнѣе всѣхъ кудреватыхъ привѣтственныхъ рѣчей, понятнѣе всѣхъ публичныхъ изъявленій радости, въ видѣ праздниковъ, иллюминацій, флаговъ, знаменъ и т. п. изъявленій общей радости, къ какимъ Германія, въ послѣднее время, не только привыкла, но даже пресытилась ими.

Марта 28-го, когда возстаніе въ Парижѣ было уже въ полномъ разгарѣ и коммуна неистовствовала, уполномоченные обѣихъ договаривающихся сторонъ съѣхались въ Брюсселѣ, чтобы прелиминарныя статьи договора превратить въ окончательныя. Несмотря на то, что нѣмцы честно помогали французскому правительству въ его борьбѣ съ бѣшеными дикарями въ Парижѣ, все-таки при окончательномъ заключеніи мира оно дѣлало проволочки и возраженія въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ подробностяхъ; переговоры, можетъ быть, продлились бы нескончаемое время, еслибъ государственный канцлеръ князь Бисмаркъ не положилъ имъ конецъ. Это произошло при личномъ свиданіи его съ французскими министрами Фавромъ и Пюйе-Кертье въ Франкфуртѣ, 10-го мая 1871 года; въ этотъ день окончательно подписанъ былъ мирный трактатъ между Франціей и Германіей; императоръ далъ свою ратификацію 16-го, а французское національное собраніе свое согласіе 18-го большинствомъ 440 голосовъ противъ 98.

Іюня 16-го происходило торжественное возвращеніе прусскихъ войскъ въ Берлинъ; въ день Ватерлооской битвы, 18-го іюня происходило благодарственное богослуженіе въ цѣлой германской имперіи. Пусть этимъ днемъ, такъ явно напомнившимъ всей Германіи, что высшая воля руководитъ судьбами народовъ, что она на этотъ разъ направила ее къ ея благу, пусть этимъ днемъ окончится нашъ отдѣлъ, пусть заключительный моментъ этой славной эпопеи германской исторіи послужитъ и для насъ заключительной точкой.

II. ОТДѢЛЬНЫЯ ГОСУДАРСТВА ЕВРОПЫ.

Начиная съ 1870 года*).

Историческое повѣствованіе наше, въ строгомъ смыслѣ слова, должно быть предварительно закончено Франкфуртскимъ миромъ, если оно не хочетъ подвергаться опасности зайти въ область текущей политики и перейти въ раздражительной тонъ полемики, который вовсе ему неприличенъ. Однакожъ, наша задача была бы далеко не выполнена, если бы мы не попытались изобразить положенія важнѣйшихъ государствъ, положенія, сложившагося подъ вліяніемъ послѣднихъ міровыхъ событій. Война и послѣдовавшій за нею миръ между Германіей и Франціей и происшедшія вслѣдствіе этого перемѣны здѣсь и тамъ можно и теперь уже обозрѣть и взвѣсить, не прибѣгая къ глубокимъ выводамъ и довольствуясь только одними фактами. Простой разсказъ событій, до конца 1873 года, въ безъискусственномъ хронологическомъ порядкѣ, достаточенъ для того, чтобы выставить борющіяся между собою силы настоящаго и чтобы понять, какія задачи достались нашимъ современникамъ въ наслѣдство отъ нашихъ предковъ. Кромѣ того, послѣдній отдѣлъ всемірныхъ событій нашихъ дней можетъ и долженъ научить каждаго въ отдѣльности, какъ исполнять свой долгъ, какъ смотрѣть на обязанности, возлагаемыя на каждаго члена общества, къ которому онъ принадлежитъ.

Мы находимъ, сообразно съ нашею цѣлью, если мы далѣе въ нашемъ повѣствованіи будемъ разсматривать государства сообразно съ ихъ могуществомъ, и поэтому сперва бросимъ взглядъ на великія первостепенныя державы, потомъ переберемъ державы средней величины, въ соединеніи съ ними немногія маленькія государства, уцѣлѣвшія при этомъ стремленіи народныхъ силъ къ образованію большихъ, самостоятельныхъ державъ.

---

*) Мы предпочитаемъ, вмѣсто краткаго обозрѣнія, о какомъ мы говорили въ предисловіи къ этому сочиненію, и эту часть изложить въ формѣ непрерывнаго историческаго повѣствованія, тѣмъ болѣе, что всякій разсказъ о событіи только-что совершившемся самъ собою получаетъ характеръ хроники.

А. ВЕЛИКІЯ ДЕРЖАВЫ.

1. Германская имперія.

Торжественный тріумфальный входъ войска въ Берлинъ, 16-го іюня, лично подъ начальствомъ новаго германскаго императора и его ближайшихъ довѣренныхъ военныхъ и государственныхъ людей, былъ только однимъ изъ многихъ тріумфальныхъ шествій, какихъ Германіи привелось быть свидѣтельницей въ теченіе этого года: 29-го іюня въ Штутгартѣ было такое шествіе, 30-го въ Ганноверѣ, 11-го въ Дрезденѣ, а 16-го въ Мюнхенѣ; сообразно съ празднествами въ столицахъ, каждый городъ, городокъ и деревня праздновали возвращеніе своихъ согражданъ, или чтили память погибшихъ воиновъ, ставили имъ памятники, чтобы возрастающее поколѣніе, съ первыхъ лѣтъ своего самосознанія, привыкло уважать память этихъ великихъ восьми мѣсяцевъ и удивляться имъ. Радость и почести на этотъ разъ были очень умѣстны: радость и самодовольство побѣды, хотя само по себѣ—чувство варварское и грубое, но оно навѣрное еще не скоро исчезнетъ съ лица земли и останется въ полной силѣ до тѣхъ поръ, пока на землѣ не наступитъ царство вѣчнаго мира; но это чувство, на этотъ разъ, облагороживалось сознаніемъ правоты, убѣжденіемъ, что война была насильственно навязана, а не проистекала изъ свободнаго выбора; это была самооборона и ничего больше; но радость эту пополняло чувство гордости при видѣ политическаго успѣха, достигнутаго этой войною: она возвратила Германіи древнія области Эльзасъ и Лотарингію, сама Германія сплотилась въ одно великое цѣлое—въ государство изъ 41 милліона жителей. Еще важнѣе этого было то, что дни безсилія, дни смутъ и раздоровъ нравственныхъ, раздиравшихъ Германію восходя и къ 1848, 1830 и 1815 и далѣе годамъ, прошли окончательно. Нація теперь не только пріобрѣла возможность жить спокойно и мирно, никого не стѣсняя, но она безспорно стала на ряду съ величайшими, первостепенными державами Европы и заняла первое преобладающее мѣсто въ центральной Европѣ, и не для одного только личнаго своего блага, это вскорѣ доказали событія. Высокомѣрнымъ претензіямъ Франціи, поперемѣнно дававшей чувствовать свою волю и насиловавшей, или угрожавшей поперемѣнно всѣмъ государствамъ Европы, теперь положенъ былъ конецъ; также и на такихъ политиковъ какъ графъ Бейстъ было наложено молчаніе. Итальянское движеніе къ объединенію, подъ непосредственнымъ вліяніемъ войны, доведено было до счастливаго окончанія; на итальянское окончательное движеніе можно смотрѣть, какъ на одинъ изъ эпизодовъ этой войны, богатой событіями: итальянское дѣло точно будто устроилось по велѣнію верховной воли, и, что неменѣе удивительно, австрійская династія не воспротивилась этому послѣднему акту объединенія. Теперь, когда громъ оружія вездѣ за-

молкъ, начала возникать надежда на общій европейскій миръ; племена европейскихъ народовъ пріобрѣли возможность жить рядомъ, безъ обиды и въ мирѣ, потому что первые зачинщики всѣхъ неурядицъ, французы лишены были надолго, если не навсегда, возможности затѣвать какія либо смуты.

Въ Германіи тотчасъ принялись извлекать выгоды изъ сообща завоеванныхъ побѣдъ. Еще изъ Версаля нѣмецкій императоръ далъ предписаніе, 23 января 1871 года, приступить къ выборамъ депутатовъ для перваго германскаго имперскаго сейма (Reichstag) на 3 марта. Марта 21-го происходило открытіе рейхстага въ Берлинѣ самимъ побѣдителемъ Вильгельмомъ: «Мы достигли того, говорилъ императоръ въ своей тронной рѣчи, чего наши отцы съ незапамятныхъ временъ домогались: органическаго объединенія Германіи, безопасности нашихъ границъ, независимости въ развитіи нашихъ національныхъ правъ... новая Германія, въ томъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ горнила войны, навсегда останется вѣрною порукою европейскаго мира, потому что она имѣетъ достаточно могущества и самосознанія, чтобы самостоятельно устраивать свою общественную жизнь; право это она всегда будетъ охранять, какъ свое исключительное, самостоятельное, наслѣдственное право.» Рѣчь свою императоръ окончилъ словами: «Дай Богъ, чтобы за общей нѣмецкой, имперской войною, которую мы такъ славно окончили, послѣдовалъ такой же славный имперскій миръ; дай Богъ, чтобы дальнѣйшая задача для нѣмецкаго народа отнынѣ заключалась лишь въ томъ, чтобы мы остались побѣдителями на поприщѣ мирныхъ пріобрѣтеній: но во всемъ да будетъ воля Божія!»

Однакожь, уже при совѣщаніяхъ относительно отвѣтнаго адреса видно было, что надежда на невозмутимый имперскій миръ не исполнится. При выборахъ депутатовъ для имперскаго сейма уже обнаружилось немаловажное вліяніе, какое имѣли религіозныя несогласія, пробужденныя рѣшеніями ватиканскаго собора; они продолжали волновать умы. Пользуясь своимъ преобладаніемъ надъ голосами избирателей, обширнымъ вліяніемъ предоставленнымъ духовенству организаціей церкви, ультрамонтаны не стѣсняясь, воспользовались своимъ правомъ въ очень обширномъ размѣрѣ: въ Познани, Силезіи, Вестфаліи и особенно на Рейнѣ, они своими домогательствами провели значительное число своихъ кандидатовъ, тогда какъ въ Баваріи, и вообще въ южной Германіи, должны были уступить національной и либеральной партіи: они на новомъ имперскомъ сеймѣ составили сомкнутую партію изъ 63 депутатовъ, назвавшуюся партіей центра, а впослѣдствіи законодательной партіей; они положили прежде всего озаботиться объ интересахъ римско-католической церкви, и рѣшили принять направленіе это путеводною нитью для всѣхъ своихъ политическихъ дѣйствій. Ихъ непріятно поразила фраза въ тронной рѣчи: «уваженіе, какого Германія желаетъ, чтобы оказывали ея самостоятельности, заставляетъ ее съ уваженіемъ относиться къ самостоятельности всѣхъ другихъ государствъ и народовъ, какъ слабыхъ, такъ и сильныхъ»; но еще непріятнѣйшее впечатлѣніе на нихъ произвелъ проектъ отвѣтнаго адреса комиссіи, выражавшій принципъ невмѣшательства въ еще болѣе опредѣленной формѣ: этой партіи очень бы хотѣлось, чтобы Германія замолвила слово о возстановленіи свѣтской власти папы, а тутъ вышло совсѣмъ противное; по крайней мѣрѣ имъ хотѣлось отвратить, чтобы съ самаго начала развитія Германской имперіи невмѣшательство не установилось, какъ законъ. Пренія были очень оживленныя; при этомъ очень опредѣленно и ясно обнаружилось, какой опасности подвергается существованіе новой имперіи; не смотря на это, адресъ, составленный людьми изъ другихъ партій былъ принятъ большинствомъ 243 голосовъ противъ 63. Нѣсколько дней спустя, побѣжденная партія попыталась на новоенападеніе. Многообразная, способная принять на себя какую угодно личину, ловко приспособляясь ко всякой роли но вездѣ и во всемъ преслѣдуя свою опредѣленную цѣль, она теперь сдѣлалась поборницей свободы: она внесла предложеніе, чтобы въ конституцію Германской имперіи перенесены были нѣкоторыя основныя права изъ прусскаго законодательства: касательно свободы печати, процентныхъ правъ, свободы вѣроисповѣданія и права самоуправленія для всѣхъ религіозныхъ обществъ вообще. Но въ собраніи депутатовъ были люди, хорошо знакомые съ исторіей и частію на себѣ испытавшіе, какого рода свободу разу-

мѣютъ ультрамонтаны, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они преобладаютъ; поэтому никого не отуманило краснорѣчіе епископа майнцскаго и другихъ вождей партіи, съ жаромъ требовавшихъ, какъ основнаго права—свободы вѣроисповѣданія, а самп между тѣмъ крѣпко держались папскаго декрета 1864 года, признававшаго всякую вѣротерпимость заблужденіемъ, достойнымъ осужденія и проклятія. Это предложеніе было отвергнуто большинствомъ 59 голосовъ; черезъ короткое время послѣ этого, безъ всякаго промежуточнаго событія, утверждена была имперская конституція, на основаніи и по образцу сѣверогерманской союзной конституціи и версальскихъ договоровъ; затѣмъ произошло незначительное несогласіе по поводу діэтъ для депутатовъ, но эти пренія не имѣли большаго значенія. Во всѣхъ прочихъ статьяхъ принято было законодательство сѣверогерманскаго союза, съ самаго начала написанное такъ, что, по мѣрѣ надобности, къ нему можно было дѣлать прибавки и дополненія, что и было сдѣлано, когда четыре южныя державы приступили къ союзу. Король прусскій офиціально принялъ титулъ германскаго императора, въ качествѣ наслѣдственнаго предсѣдателя германскаго союза, включающаго въ себѣ всѣ, чисто, германскія государства; число членовъ союзнаго совѣта было увеличено съ 43 на 68; 382 депутата имперскаго сейма избирались общею, но тайною подачей голосовъ, какъ это было установлено прежде; впрочемъ, такой избирательный способъ на долгое время упрочиваетъ за ультрамонтанами и соціальными демократами большое вліяніе и сильно парализируетъ дѣятельность благоразумной партіи свободы и общаго блага. Права президента германскаго союза въ нѣкоторыхъ статьяхъ были ограничены: при объявленіи войны, съ участіемъ союза, требовалось согласіе совѣта союза, исключая тѣхъ случаевъ, если бы сдѣлано было вторженіе въ союзныя области; также совѣту союза было предоставлено рѣшеніе, когда, при какомъ случаѣ, слѣдуетъ употреблять экзекуцію, или нѣтъ. Въ версальскихъ договорахъ, заключенныхъ съ южногерманскими государствами, имъ были предоставлены нѣкоторыя права и преимущества, особенно относительно податей, почтоваго вѣдомства и военныхъ отношеній; но на цѣлое это не имѣло вреднаго вліянія, а вюртембергскимъ и баварскимъ подданнымъ приносило мало пользы. Единство имперскихъ союзныхъ интересовъ было на столько обезпечено, что стремленіе къ территоріальнымъ обособленіямъ не могло повредить цѣлости союза, хотя за каждымъ изъ союзниковъ оставалась довольно большая сфера самодѣятельности: въ ней каждый изъ отдѣльныхъ союзныхъ правителей могъ своимъ подданнымъ дѣлать много добра и очень мало зла. Но не съ этой стороны являлась опасность для новой имперіи: съобща совершенные подвиги и съобща добытая слава содѣйствовали тому, чтобы идея объединенія Германіи проникла до самой бѣдной, послѣдней хижины, и воспоминанія объ этихъ событіяхъ были такого рода, что не могли скоро изгладиться изъ памяти народной. Новый императорскій домъ былъ тѣсно связанъ съ этими славными воспоминаніями и черезъ нихъ получилъ популярность; въ каждомъ разсказѣ о побѣдѣ, или о счастливо преодолѣнной опасности героями являются: мужественный 74-хъ лѣтній императоръ, или статный, смѣлый, ласковый кронпринцъ, или отважный до дерзости, прямодушный принцъ Фридрихъ-Карлъ; разсказы о нихъ повторялись и старыми, и малыми, и глубже, и глубже запечатлѣвались въ памяти народной; надобно замѣтить странность: въ южногерманскихъ частяхъ, въ простомъ народѣ, въ хижинахъ больше и чаще встрѣчаются изображенія разныхъ моментовъ изъ послѣдней войны и больше портретовъ дѣйствовавшихъ лицъ, нежели въ сѣверной Германіи. Это можно такъ объяснить: для народонаселенія Пруссіи и небольшихъ государствъ, издавна находившихся подъ прямымъ вліяніемъ, ея жизнь привычная сильному и вліятельному государству для нихъ была уже не новость; у нихъ уже существовала многознаменательная военная и государственная исторія раньше 1870 года; между тѣмъ, какъ баденцы и гессенцы, виртембергцы и баварцы, въ первый разъ чувствовали себя полными соучастниками всѣхъ выгодъ, доставляемыхъ большимъ государствомъ въ 41 милліонъ жителей. Они съ гордостью чувствовали, что, проливая лучшую, благороднѣйшую кровь свою, они помогали основать и утвердить существованіе великаго государства; толки о нищенски выпрошенныхъ выгодахъ доставляемыхъ Пруссіей своимъ приверженцамъ, теперь уже не повторялись больше, а если кое-гдѣ и

поднимался такого рода говоръ, то это встрѣчалось только въ мелкихъ захолустныхъ газетахъ ультрамонтанизма. Слѣдуетъ предоставить дальнѣйшему развитію народной жизни возможность пріобрѣсти способность сочувствовать и оцѣнивать, кромѣ воинской славы, и развитіе національной общественной жизни въ большемъ объемѣ и научить единицы народныя воспринимать тѣ блага, какія даетъ общественная жизнь крупнаго цивилизованнаго государства; для небольшихъ государствъ такая жизнь въ обширнѣйшихъ интересахъ въ послѣднее время уже дала себя почувствовать. Возьмемъ хоть, напримѣръ, энергическое движеніе въ народѣ, происходящее періодически, каждые три года, при выборахъ въ депутаты; при этомъ повсемѣстно просыпается сознаніе національной жизни и дѣятельности, передъ которыми всѣ мѣстные, территоріальные выборы блѣднѣютъ и отступаютъ на второй планъ.

Однакожь, могло случиться, что общему дѣлу повредилъ бы эгоистическій партикуляризмъ общества; можетъ быть, на политическую дѣятельность въ новой имперіи вредно подѣйствовало бы равнодушіе жителей и ихъ нежеланіе взяться за обязанности, возлагаемыя общимъ дѣломъ, а потому выборы депутатовъ во многихъ мѣстахъ производились бы жалкимъ меньшинствомъ. Но, по милости Провидѣнія, два обстоятельства отвратили отъ Германіи эту опасность: во-первыхъ, на Германіи лежала обязанность сберечь общественное пріобрѣтеніе, въ лицѣ недавно возвращенныхъ ей областей Эльзаса и Лотарингіи; во-вторыхъ, немедленно послѣ оконченной славной войны возникли церковные вопросы, — въ нихъ масса народа обыкновенно принимаетъ несравненно больше участія, нежели въ чисто политическихъ дѣлахъ; эти церковные вопросы ближе всего касались Пруссіи и Баваріи, двухъ сильнѣйшихъ государствъ союза, между которыми безъ этого скорѣе всего могло возникнуть непріязненное чувство зависти, или затаеннаго неудовольствія. Но по поводу совмѣстныхъ интересовъ и одинаковыхъ религіозныхъ отношеній между этими двумя государствами продолжались самыя дружественныя отношенія, и тутъ повторилась и продолжалась уже во время войны замѣченная особенность, а именно то, что Пруссія и Баварія лучше всѣхъ понимали другъ друга и дѣйствовали единомысленно.

Уступленныя Франціи провинціи увеличили народонаселеніе Германіи полутора милліонами жителей и увеличили ея территорію на 263 кв. мили; теперь былъ вопросъ, какой политическій видъ дать этимъ областямъ. Нѣкоторыя вліятельныя лица совѣтовали, безъ дальнихъ околичностей, присоединить ихъ къ Пруссіи, какъ зависящія отъ нея провинціи; но прусское правительство избѣгало дать поводъ молвѣ, будто вся война была предпринята только съ цѣлью увеличить прусскія владѣнія; затѣмъ представлялось еще неудобство: народонаселеніе этихъ провинцій было не столько офранцужено, сколько однородно съ южногерманскимъ племенемъ, и поэтому гораздо труднѣе было бы его сдѣлать нѣмецкимъ и преимущественно прусскимъ, чѣмъ пробудить въ немъ еще не истребившіеся инстинкты чисто Эльзасскіе. Руководящій, великій современный государственный человѣкъ справедливо разсчиталъ, что прежде всего надобно воспользоваться духомъ стремленія къ самобытности, свойственнымъ всѣмъ германскимъ племенамъ и развивая его, заставить народъ примириться съ настоящимъ новымъ положеніемъ дѣлъ. Съ этою цѣлью имперскому союзному сейму представленъ былъ проэктъ закона о томъ, чтобы этимъ провинціямъ, какъ вошедшимъ въ составъ германскаго союза, дать собственное самостоятельное управленіе. Мѣсто государя занималъ союзный совѣтъ, а именемъ его управлялъ бы самъ императоръ; до 1 января 1873 года, учреждено было диктаторство, но съ этихъ поръ на Эльзасъ и Лотарингію распространялась имперская союзная конституція; вмѣстѣ съ правомъ посылать депутатовъ въ рейхстагъ, они получали свое собственное представительное правленіе и пользовались своею особенною конституціей, наравнѣ съ каждою нѣмецкою областью и государствомъ, входящимъ въ составъ Германской имперіи. Затѣмъ съ завоеванной страною старались обходиться какъ можно милостивѣе; разоренія, причиненныя войною, вознаграждались очень широко, и съ этой стороны «варварское владычество завоевателей понравилось»; были многіе стразбургскіе домовладѣльцы, искренно жалѣвшіе о томъ, что какая нибудь милосердая бомба

не разметала ихъ стараго дома, и они не имѣли предлога построить себѣ новый на деньги, отпущенныя побѣдителями. Амнистія для жителей Эльзаса и Лотарингіи была объявлена 26 іюля. Человѣкъ, достойный уваженія, оберъ-президентъ ф. Миллеръ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ, 7 сентября; онъ немедленно занялся тѣмъ, чтобы учредить въ Стразбургѣ нѣмецкій университетъ; онъ былъ открытъ 1 мая 1872 года и вскорѣ достигъ цвѣтущаго состоянія. Сельское народонаселеніе обучалось на одномъ нѣмецкомъ языкѣ, вмѣсто того, чтобы разомъ учиться двумъ языкамъ; введено было элементарное преподаваніе тѣхъ же предметовъ и въ томъ же объемѣ, какъ во всѣхъ остальныхъ германскихъ народныхъ школахъ; надобно признаться, что при преобразованіи высшихъ учебныхъ заведеній было сдѣлано много грубыхъ, непростительныхъ ошибокъ, но въ цѣломъ трудная задача, огерманить край, все-таки была выполнена безъ особенно крутыхъ насилій и довольно удовлетворительно. Народонаселеніе вообще, и преимущественно городское, противилось немедленному введенію воинской повинности и не хотѣло вступать въ нѣмецкое союзное войско: въ этомъ отношеніи, по существующему принципу, не дѣлалось уступокъ, хотя во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, руководствуясь соображеніемъ, брали во вниманіе обстоятельства отдѣльныхъ лицъ и дѣлали нѣкоторыя послабленія. Но воинственный духъ сельскаго юношества очень скоро примирился съ новою военною формою;—не съ этой стороны явились препятствія и затрудненія при заключеніи новаго союза, установленнаго войною. Эти препятствія возникли отъ тѣхъ же началъ, изъ какихъ въ коренной Германіи возникли неурядицы при новомъ политическомъ устройствѣ; а именно всѣ неудовольствія произошли отъ того, что $^3/_4$ всего народонаселенія было римско-католическаго вѣроисповѣданія; очень понятно, что въ этомъ народѣ, недовольномъ политической перемѣной, совершившейся въ его бытѣ, еще взволнованномъ недавнею войною, не трудно было представить владычество Пруссіи, какъ истино-еретическое, и духъ національнаго гальскаго патріотизма какъ пылающій пукъ соломы поддерживать болѣе прочнымъ и жарко горящимъ матеріаломъ религіознаго фанатизма. Съ этою цѣлью распускали нескладныя предсказанія и разсказы о совершавшихся чудесахъ, понятно, увлекавшихъ и воспламенявшихъ суевѣрную массу народа; кто не шумѣлъ и не волновался изъ религіознаго фанатизма, тотъ принималъ участіе въ безпорядкахъ только для того, чтобы досадовать нѣмецкихъ жандармовъ.

Первая борьба возникшая въ обновленной Германіи, очень понятно, началась съ романскимъ универсальнымъ владычествомъ духовенства; здѣсь въ Эльзасѣ, она соединилась съ преданностью къ Франціи, точно также какъ въ иныхъ мѣстахъ, она соединилась съ иными народными стремленіями и симпатіями;однакожъ, разногласіе въ этой первой имперской сессіи еще не вполнѣ выразилось. Сессіи окончились послѣ первыхъ столкновеній довольно миролюбиво: конституція была утверждена 14 апрѣля, послѣ третьяго чтенія, дано согласіе на военный заемъ въ 120 милліоновъ, 24 апрѣля, съ цѣлью ускорить мирные переговоры, нѣсколько затянувшіеся въ Брюссельскихъ конференціяхъ; уголовные законы, составленные сѣверо-германскимъ союзомъ, получили силу имперскаго закона для всей Германіи, 7 мая; кромѣ денежныхъ наградъ и арендъ для раздачи заслуженнымъ военачальникамъ, предоставленныхъ благоусмотрѣнію императора, ему еще предложено было четыре милліона изъ суммы полученной за военныя издержки на вспомоществованіе солдатамъ резервовъ и ландвера, которые черезъ войну лишились своихъ занятій и потерпѣли убытки. Послѣ того, какъ оба проекта законовъ были приняты, несмотря на нѣкоторыя затрудненія и противорѣчія со стороны вождей партій, заискивавшихъ популярности, рейхстагъ былъ закрытъ наканунѣ тріумфальнаго вступленія побѣдоносныхъ войскъ въ Берлинъ; но члены его могли быть свидѣтелями торжества, какимъ встрѣчали войска послѣ кампаніи славно оконченной и равной которой нѣтъ въ цѣлой исторіи Германіи. Нечего сожалѣть о томъ, что торжество и ликованіе побѣды было прерываемо отдѣльными, хотя и очень ясными признаками начавшейся уже новой гражданской войны; нація, самимъ Провидѣніемъ предназначенная для борьбы за духовную свободу, должна была вступить въ эту новую борьбу, и надобно радоваться, что немедленно послѣ побѣды, одержанной надъ внѣшними врагами, нація призвана была къ новой,

несравненно труднѣйшей духовной борьбѣ; благодаря ей, нація избавилась отъ застоя и для ея меркантильной и корыстной дѣятельности нашелся благотворный противувѣсъ, который могъ поддержать въ народѣ духовную дѣятельность и трезвость, а то промышленность и торговля, освобожденныя отъ военнаго гнета, могли увлечь нѣмцевъ и пробудить въ нихъ низкое корыстолюбіе, грубую погоню, за быстрымъ увеличеніемъ богатства и породить у однихъ—хвастливую роскошь высокомѣріе и неумѣренную расточительность, у другихъ жажду наслажденій.

Мы видѣли, что ученіе о непогрѣшимости папы было въ Германіи объявлено въ одинъ и тотъ же день, какъ объявлена была война съ Франціей. Есть даже люди, которые предполагаютъ связь между обоими событіями; они смотрятъ на оба, какъ на дѣло, іезуитами подготовленное; съ одной стороны приписываютъ это ихъ вліянію на слабаго папу, съ другой—на императрицу французскую, надъ которою господство ихъ было упрочено. Этой связи между обоими историческими событіями нельзя ни доказать, ни даже считать вѣроятной и возможной; связь есть, но только посредственная. Во время волненій, вызванныхъ войною, церковный вопросъ естественно отступилъ на задній планъ; но когда миръ былъ заключенъ, онъ опять поднялся съ удвоенной силой и на долгое время сдѣлался средоточіемъ европейской и преимущественно нѣмецкой жизни.

Несообразное ученіе, возвѣщенное консилемъ, 18 іюля 1870 года, возбудило въ Германіи, особенно между мыслящими католиками, сильный протестъ гораздо раньше, чѣмъ соборъ принялъ и утвердилъ это ученіе; мы уже говорили, что нѣкоторые католическіе епископы смотрѣли на него, какъ на извращеніе древняго и истиннаго ученія католической церкви. Теперь же, когда ученіе это было принято большинствомъ членовъ, составляющихъ соборъ, епископы были поставлены въ непріятное положеніе; спрашивалось: захотятъ ли они въ этомъ рѣшеніи видѣть проявленіе воли Святаго Духа, или захотятъ, продолжая поддерживать свое первоначальное убѣжденіе, противиться этому догмату; послѣднее безспорно вело за собою раздвоеніе такъ называемаго универсальнаго римско-католическаго государства. Нѣкоторые противники ученія, желая избѣгнуть опасности сдѣлаться схизматиками и стремясь сохранить единство католической церкви, хотя послѣ внутренней борьбы, но понаружности приняли ученіе; гораздо легче и спокойнѣе, какъ будто безъ борьбы и колеба- нія, масса духовенства, а за нимъ и народъ, приняли это ученіе, также какъ и всякое другое, безъ дальнихъ разсужденій и оцѣнокъ. Но проводя новое ученіе, столько же измѣнявшее самый уставъ церкви, сколько и внутреннее духовное и нравственное значеніе ея, надобно было ожидать, что, вслѣдствіе этой перемѣны, произойдутъ столкновенія съ правительствомъ государствъ съ одной стороны, а съ другой—съ совѣстью тѣхъ католиковъ, которые въ новомъ догматѣ видѣли іезуитское искаженіе святаго христіанскаго католическаго ученія. Во главѣ послѣднихъ стоялъ первый изъ даровитыхъ нѣмецкихъ ученыхъ католическихъ теологовъ, каѳедральный пробстъ Дёллингеръ; онъ въ Мюнхенѣ уже съ давнихъ поръ составлялъ главу и центръ оппозиціи; въ очень краснорѣчивомъ посланіи къ архіепископу мюнхенскому, отъ 28 марта 1871 года, онъ объявлялъ, что не можетъ принять ученія и покориться системѣ, заключающейся въ немъ: ни какъ христіанинъ, потому что оно противорѣчитъ чистымъ и яснымъ основаніямъ ученія Христа Спасителя и его Апостоловъ, ни какъ богословъ, потому что ученіе это противорѣчитъ истиннымъ преданіямъ церкви, ни какъ историкъ, потому что стремленіе упрочить существованіе папской теоріи о его всемірномъ безапелляціонномъ владычествѣ произведетъ повсюду самыя вредныя послѣдствія, ни, наконецъ, какъ гражданинъ, потому что, предъявляя претензію на безпрекословную покорность совѣсти волѣ и даже произволу папы, и черезъ политическое положеніе, какое неминуемо чрезъ то пріобрѣтаетъ духовенство, непремѣнно должны возникнуть нескончаемыя столкновенія между церковью и государствомъ; онъ съ особенной энергіей, кромѣ того, еще указывалъ на то, что это ученіе, отъ послѣдствій котораго древне германскій государственный строй уже рушился, и теперь, привившись къ католической части націи, дастъ новой, возраждающейся нѣмецкой имперіи зародышъ неисцѣлимой и смертельной болѣзни. Къ этому онъ присовокупилъ, что тысячи духовныхъ и сотни тысячъ свѣтскихъ мыслящихъ людей смотрятъ на это дѣло такъ, какъ онъ; но, къ несчастію, изъ сотенъ ты-

сячъ мало кто, а изъ тысячъ только кое-кто, имѣли достаточно мужества и силы убѣжденія, чтобы, подобно ему, откровенно и твердо высказать свое мнѣніе. Не смотря на это, вокругъ него все-таки группировались единомышленники его и энергически протестовали; въ Баваріи, Баденѣ, Швейцаріи, католической части Пруссіи, въ нѣмецкой Австріи, образовалась многочисленная партія, назвавшаяся старо-католической, соединявшая въ себѣ все, что выдавалось въ духовномъ и научномъ отношеніи въ католическомъ мірѣ, потому что, принимая догматъ непогрѣшимости, наука исчезала. Могла существовать только схоластика, но духовенство принуждено было наотрѣзъ отказаться отъ теологіи, какъ отъ науки.

Въ Вюртембергѣ епископъ Гефеле Роттенбургскій, честный и смѣлый человѣкъ, создалъ въ это бурное время какъ бы оазисъ мира: онъ хотя и провозгласилъ ученіе о папской непогрѣшимости, но объяснилъ его такъ, что оно потеряло свою нестерпимость; онъ долѣе всѣхъ оставался при своемъ толкованіи, но наконецъ палъ; онъ послѣдній изъ епископовъ пожертвовалъ своимъ мнѣніемъ, чтобы спасти единство католической церкви; но вездѣ, во всѣхъ остальныхъ католическихъ частяхъ Германіи, загорѣлась жестокая борьба. Епископы грозили отлученіемъ отъ церкви всякому, кто не подчинялся безусловно рѣшеніямъ собора; большинство католическаго духовенства, воспитанное въ правилахъ іезуитизма, не привыкшее размышлять самостоятельно въ духѣ христіанскаго ученія, всѣми силами старалось доказать своимъ епископамъ, что ихъ нельзя причислять къ тысячамъ, обозначеннымъ Деллингеромъ; въ одномъ общемъ пастырскомъ посланіи, отъ 30 мая, большинство нѣмецкихъ епископовъ обратилось къ католическому народонаселенію Германіи: въ немъ восхвалялось обнародованное ученіе о непогрѣшимой учительской миссіи высшаго пастыря церкви, представляя это какъ милостивый даръ Провидѣнія, въ такое время, когда: «безумная гордыня науки, почитающая себя непогрѣшимой» такъ возвышаетъ сама себя; они, безъ сомнѣнія, слишкомъ твердо надѣялись побѣдить эту гордыню своимъ ученіемъ о непогрѣшимости, хотя имъ слѣдовало бы знать, что самый ограниченный умъ могъ бы безъ усилія различить слабыя и несостоятельныя стороны этой непогрѣшимости и не могъ бы себя заставить подчиниться ей. Имъ вторило генеральное собраніе католическихъ обществъ Германіи (14 сентября); въ немъ ультрамонтанская партія собирала все, что есть ярой нетерпимости для преслѣдованія всего того, что не хотѣло уложиться въ тѣсныя кандала узкихъ воззрѣній, по мѣркѣ выкроенныхъ римской куріей. Это собраніе, между прочимъ, протестовало противъ похищенія и грабежа, совершеннаго итальянскимъ правительствомъ въ отношеніи папы, противъ безсмысленнаго искаженія новаго догмата и толковало о дѣятельномъ распространеніи истинно католической науки, чтобы противодѣйствовать заблужденіямъ нѣмецкой науки; такъ могли бы толковать люди, которыхъ бы въ Германіи не знали, но здѣсь всѣ они были наперечетъ. Противъ этого заявленія поднялась во всей своей силѣ старо-католическая партія. Съ 22 до 24 сентября длился съѣздъ конгресса старыхъ католиковъ въ Мюнхенѣ; на него явились делегаты со всѣхъ частей Европы; для этого собранія составлена была программа, выработанная людьми, ученой дѣятельностью которыхъ католическая партія всегда хвалилась и даже могла ставить ее выше протестантскихъ дѣятелей на поприщѣ науки; программа была составлена такъ удовлетворительно, что конгресъ ее принялъ почти безъ измѣненій. Въ семи пунктахъ программы выразились основанія движенія старо-католической партіи: она намѣрена была держаться старинной католической вѣры, стариннаго культа, стариннаго устава церкви, но признавала необходимость реформы въ церковномъ управленіи, при ограниченномъ законами участіи народа въ дѣлахъ церкви; распространеніе наукъ и серьезное изученіе ихъ, при образованіи католическаго духовенства и болѣе достойное, огражденное отъ произвола епископовъ, положеніе низшаго духовенства. Въ то время, какъ программа съ энергіей принимала сторону правительства въ борьбѣ съ ультрамонтанизмомъ и говорила противъ вреднаго вліянія ордена іезуитовъ, она въ то же время въ своей послѣдней статьѣ толковала о сохраненіи правъ на всѣ церковныя преимущества и достоинства, какъ членовъ католической церкви, для лицъ, протестовавшихъ противъ декретовъ Ватикана.

Такимъ образомъ, совершилось то, что считалось невозможнымъ за нѣсколько передъ тѣмъ лѣтъ. Посреди единаго католическаго міра произошелъ раздоръ; церковь раздѣлилась на двѣ партіи; изъ нихъ каждая считала себя истинной католической общиной. Тотчасъ обнаружились неудобства новаго положенія, созданнаго всесвѣтною мудростію іезуитовъ, непонятной для людей обыкновенныхъ; послѣдовалъ цѣлый рядъ практическихъ фактовъ, при которыхъ государство должно было на что-нибудь рѣшиться и принять извѣстное положеніе. Такъ, напримѣръ, при гимназіи въ Браунсбергѣ былъ католическій законоучитель, несоглашавшійся принять новаго догмата и подчиниться ему; епископъ требовалъ, чтобы начальство отставило его и отдало мѣсто другому законоучителю, истинно вѣрующему, по взгляду епископа; тоже самое могло случиться и съ приходскимъ священникомъ и дѣйствительно случилось: по воззрѣнію одной изъ католическихъ партій, такой законоучитель и такой приходской священникъ, само собою разумѣется, были достойны отлученія отъ церкви, хотя это отлученіе и не произносилось въ тѣхъ средне-вѣковыхъ, варварскихъ формулахъ, которыя оскорбляютъ истинное ученіе Іисуса Христа, — и, наоборотъ, по воззрѣніямъ второй католической партіи, такой законоучитель и такой приходской священникъ достойны уваженія за то, что они крѣпко держатся истинной католической вѣры, какъ она существовала до 18 іюля 1870 года. Какъ тутъ было поступать свѣтской власти? Ей ли было рѣшать: считать ли догматъ 18 іюля истинно католическимъ, или ересью? Былъ ли тотъ соборъ дѣйствительнымъ, вселенскимъ, законнымъ, какъ въ Римѣ утверждали, или былъ онъ незаконнымъ, недѣйствительнымъ, частнымъ, какъ утверждали старо-католики? До поры, до времени, было все равно, что приверженцевъ у послѣднихъ насчитывалось только тысячами, тогда какъ у первыхъ были милліоны; въ глазахъ свѣтскихъ, гражданскихъ властей каждый честный, ничѣмъ незапятнанный гражданинъ, выдающій себя за католика, имѣлъ право на покровительство законовъ, когда возникаетъ вопросъ о томъ, чтобы лишить его мѣста, содержанія, квартиры и т. д. Сами епископы съ самаго начала предвидѣли, что подобнаго рода запутанности неминуемо возникнутъ, вслѣдствіе ученія о новомъ догматѣ; къ ихъ величайшему сожалѣнію, имъ выпала судьба теперь прикидываться, будто нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что составляетъ истинную католическую вѣру и истинную католическую церковь.

Итакъ, борьба началась; предвидѣли ли ее или нѣтъ тѣ, кто ее началъ— нечего спрашивать. Церковь, съ самаго начала выдающая себя за единую истинную, божественную и всеобщую, не добивающаяся этого путемъ мирнаго убѣжденія и обращенія, но утверждающая, что она таковая съ самаго начала своего бытія, что она всегда была единой истинной, единой божественной и не только въ своемъ ученіи вѣры, но и во всѣхъ своихъ установленіяхъ и во всѣхъ своихъ учрежденіяхъ въ частностяхъ, — церковь, приписывающая главѣ своему способность по собственному своему разумѣнію непогрѣшимо разрѣшать и опредѣлять все, входящее въ область религіи и нравственности, т. е. во всемъ касающемся до человѣческихъ дѣлъ и намѣреній церковь, которая не довольствуется тѣмъ, чтобы объявить несправедливымъ противное мнѣніе, не довольствуется тѣмъ, чтобы оспаривать, или заставлять оспаривать противное мнѣніе, но прямо о с у ж д а е т ъ его, проклинаетъ дерзкихъ, осмѣливающихся противорѣчить этому канону; церковь, которая отвергаетъ и не признаетъ ни государства, ни государя, ни общества человѣческаго, пока оно отвергаетъ этотъ догматъ, не подчиняется указанной нормѣ. Такая церковь, съ самаго начала, должна вступить въ борьбу и продолжать ее неустанно, пока она не подчинитъ всего міра своей системѣ и своему главѣ, намѣстнику Божію на землѣ. Преобладающая въ ней партія имѣла дерзость или, вѣрнѣе сказать, безразсудство возобновить въ XIX столѣтіи эту старинную, вѣковую борьбу и возобновить ее въ рѣзкихъ формахъ; въ начавшуюся битву горячо ринулись всѣ защитники новаго догмата, начиная отъ папы до послѣдняго капуцина. Презирая установившіяся конституціонныя формальности при испрашиваніи королевскаго согласія, баварскіе епископы своевольно публиковали ватиканскіе декреты; правительства принуждены были вступить въ борьбу съ непокорнымъ духовенствомъ, и при этомъ опять Германіи выпала честь быть первой, начавшей борьбу. Прусское

правительство тихо, безъ шума, сдѣлало первый шагъ по должному пути. Повелѣніе короля отмѣнило всѣ отдѣленія и раздѣленія католическихъ и евангелическихъ дѣлъ въ министерствѣ культа; положено было разсматривать и рѣшать эти дѣла съ точки зрѣнія чисто государственнаго права.

Въ заинтересованныхъ родилось убѣжденіе, что столкновеніе, здѣсь начавшееся не преходящее, что это не начало его, а его послѣдняя рѣшительная ступень, минута, когда борьба съ той и другой стороны ведется съ полнымъ сознаніемъ; таково было общее настроеніе, когда, 15 октября, рейхстагъ вновь собрался. Клерикальная партія оспаривала какъ проектъ о составленіи имперской военной кассы въ 40 милліоновъ, принятый однако послѣ третьяго чтенія 6 ноября, такъ и проектъ Ласкера—допустить компетентность имперскаго совѣта касательно всѣхъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ и судебныхъ административныхъ учрежденій. Ораторомъ клерикальной партіи былъ прежній ганноверскій министръ Виндгорстъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы прежнихъ мелкихъ владѣтелей, слѣдовательно защитниковъ партикуляризма, пріобрѣсти для клерикальной партіи; надобно признаться, Виндгорстъ свое дѣло велъ съ большимъ искусствомъ, и надобно прибавить, что вся партія имѣла въ своемъ распоряженіи замѣчательные парламентскіе таланты. До непосредственнаго и сильнаго столкновенія дошло по поводу проекта закона, предложеннаго союзному совѣту Баваріей; по этому проекту къ § 167 уголовнаго кодекса предлагалось сдѣлать дополненіе: если духовное лицо съ каѳедры, или пользуясь инымъ какимъ либо положеніемъ своего сана, будетъ говорить и разбирать политическія дѣла въ смыслѣ, могущемъ вредить общественному спокойствію, или инымъ способомъ злоупотреблять своимъ положеніемъ, то оно подвергается суду и тюремному заключенію, даже до двухъ лѣтняго срока. Союзный совѣтъ принялъ проектъ 19 ноября; исключительное состояніе привиллегированнаго до сихъ поръ духовенства оправдывалось самою исключительностью его положенія, дававшаго ему право съ каѳедры, или передъ церковью, на паперти, очень спокойно разсуждать о политическихъ дѣлахъ и, не выходя изъ своего положенія, имѣть возможность очень дѣятельно волновать народъ. 23-го начались сильныя пренія въ сеймѣ. «Сущность, зерно вопроса заключается въ томъ, сказалъ баварскій уполномоченный, членъ союзнаго совѣта, министръ ф. Лутцъ: «кому быть главою государства, правительству, или римскокатолической церкви?» Съ другой стороны партія центра жаловалась, что этотъ законъ исключенія законъ самаго ненавистнаго свойства; партія притворялась поборницею свободы и требовала фактическихъ доказательствъ того, что духовные злоупотребляли каѳедрой, употребляя ее для цѣлей агитаторскихъ; требованіе это легко было выполнить: факты были на лицо и вѣроятно опонентамъ столько-же извѣстны, сколько ихъ противникамъ. При этомъ депутатъ Виндгорстъ съ насмѣшкой воскликнулъ: «съ какихъ это поръ баварскій левъ укрывается подъ крыломъ прусскаго орла»? На это ему и другимъ можно было отвѣтить, что законъ исключенія есть неизбѣжная, необходимая поправка перваго закона, вызванная исключительнымъ положеніемъ клерикаловъ, дозволяющая имъ, подъ личиной и въ формѣ проповѣди, распространять политическое ученіе; что такого рода пропаганда для нихъ доступнѣе, чѣмъ для какой бы то ни было другой партіи, и что уже давно пора напомнить пылкимъ капелланамъ, что ихъ первая и единственная обязанность заключается въ томъ, чтобы распространять евангельское ученіе и толковать его. Этотъ каѳедральный параграфъ былъ принятъ 28 ноября значительнымъ большинствомъ голосовъ и воспрепятствовалъ по крайней мѣрѣ самому грубому способу волновать народъ, и положилъ конецъ публичной дѣятельности духовныхъ агитаторовъ; но это, само собой разумѣется, оказалось мѣрой недѣйствительной противъ дѣятельности тайныхъ и хитрыхъ агитаторовъ, переносившихъ изъ одного дома въ другой свои планы и свои замыслы.

Декабря 1-го былъ закрытъ рейхстагъ послѣ того, какъ военные штаты утверждены были на три года, по той причинѣ, что было бы неумѣстно, въ теченіе того времени, какое нѣмецкій окупаціонный корпусъ вѣроятно останется на почвѣ Франціи, подвергать состава войска и иныя потребности его парламентскимъ разбирательствамъ и преніямъ. Но за то церковный споръ и

несогласія перенесены были въ частные парламенты отдѣльныхъ государствъ, преимущественно Пруссіи и Баваріи.

Прусскій ландтагъ былъ открытъ 17-го ноября 1871 года. Засѣданія и разсужденія начались отчетомъ о блестящемъ положеніи государственныхъ финансовъ: предложены были проекты законовъ объ уничтоженіи государственной казны, сдѣлавшейся лишнею съ тѣхъ поръ, какъ учреждена была имперская казна; былъ предложенъ проектъ о реформѣ податнаго сбора: министръ народнаго просвѣщенія внесъ проектъ закона о системѣ наблюденія за обученіемъ, поставивъ основаніемъ очень важное правило: что такого рода наблюденіе—исключительное право правительства и что всѣ существующіе донынѣ способы наблюденія за общественнымъ обученіемъ и образованіемъ выполняются по порученію правительства и занимающіе въ нихъ должности впредь будутъ получать назначеніе отъ него. Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ новый переработанный проектъ новаго о к р у ж н а г о п о р я д к а для шести восточныхъ провинцій королевства: всѣ законодательныя работы, во всѣхъ отрасляхъ государственнаго строя закипѣли съ новой силой. Важный успѣхъ палаты заключался въ томъ, что существовавшій до тѣхъ поръ министръ культа, ф. Мюлеръ былъ удаленъ; онъ былъ одинаково ненавистенъ либераламъ всѣхъ партій; вотъ почему ему невозможно было оставаться на своемъ мѣстѣ при начавшейся серьезной борьбѣ съ ультрамонтанизмомъ, причемъ министръ долженъ разсчитывать на полную и сильную поддержку палаты; да и клерикальной партіи онъ сдѣлался непріятенъ своею неловкостью, съ какою онъ взялся и велъ дѣло старо-католическаго законоучителя при Браунсбергской гимназіи. На мѣсто уволеннаго министра назначенъ былъ, января 22-го, оберъ-юстиціи совѣтникъ Ф а л ь к ъ; онъ взялъ проекты своего предшественника назадъ и оставилъ только проектъ о наблюденіи за преподаваніемъ. Преніи по поводу этого проекта начались 9-го февраля; со стороны католическаго и евангелическаго духовенства посыпались адресы. Даже князь Бисмаркъ принялъ въ преніяхъ дѣятельное энергическое участіе: онъ указывалъ на союзниковъ въ польскомъ лагерѣ и въ лагерѣ партикуляристовъ, которые стояли за клерикальную партію: «въ то время, когда на государство нападали республиканцы и когда воздвигались баррикады, я считалъ своею обязанностію стоять на бреши. Вы и теперь меня найдете на бреши, это мнѣ повелѣваетъ христіанство и моя вѣра;» поэтому поводу произошелъ окончательный разрывъ между нимъ и между партіей «Крестовой Газеты». Февраля 11-го тамъ напечатана была статья окончательнаго разрыва. Февраля 13-го принятъ былъ законъ, дававшій государству возможность положить конецъ неурядицамъ тамъ, гдѣ школы стояли подъ непосредственнымъ наблюденіемъ духовныхъ инспекторовъ и гдѣ они пытались дѣйствовать во враждебномъ духѣ для правительства. Противники однакожь еще не считали себя побѣжденными; всю свою надежду они возлагали на палату господъ; но и эта надежда ихъ обманула; когда ультрамонтаны и союзники ихъ, феодалы, истратили все свое краснорѣчіе, либеральная партія, п о д к р ѣ п л е н н а я извѣстнымъ количествомъ членовъ, вновь назначенныхъ правительствомъ, взяла перевѣсъ и законъ былъ утвержденъ большинствомъ 125 голосовъ противъ 76. Нѣсколько времени спустя, 23-го марта, въ палатѣ депутатовъ начались новыя преніи по поводу столько же важнаго закона; разсуждали о проектѣ учрежденія новаго окружнаго правленія, чтобы возвести проектъ въ законъ, съ цѣлью управленіе о к р у г о в ъ, какъ посредствующаго звѣна между провинціальнымъ и общиннымъ, организовать на началахъ самоуправленія. Либеральная палата депутатовъ и консервативное правительство вошли между собою въ соглашеніе и проектъ прошелъ въ палатѣ депутатовъ; но гораздо труднѣе было провести его черезъ палату господъ, тѣмъ болѣе, что ея комиссія была враждебна плану. Законодательныя работы прусскаго парламента были пріостановлены, потому что съ 8-го апрѣля 1872 опять были открыты сессіи рейхстага.

Тяжкая борьба происходила у баварскаго правительства съ римскою партіей. Здѣсь, въ Баваріи, римская партія имѣла очень слабое большинство во второй палатѣ и очень сильные резервы въ лицѣ нѣкоторыхъ членовъ династіи и въ рейхсратѣ. По случаю жалобы аугсбургскаго епископа на покровительство, оказанное правительствомъ старо-католическому священнику, надъ которымъ епи-

скопъ хотѣлъ употребить насиліе, поднялись очень щекотливые вопросы, и о нихъ-то происходили пренія въ парламентѣ 23-го до 27-го января. Ультрамонтаны особенно сильно налегли на то, чтобы такъ называемые старо-католики объявили себя, какъ о т д ѣ л ь н у ю р е л и г і о з н у ю о б щ и н у, и чтобы на нихъ только такъ и смотрѣли; а между тѣмъ старо-католики твердо стояли на томъ, что они члены истинной католической церкви, единой, какою она была до ватиканскихъ декретовъ; поднялись пренія и ультрамонтанамъ пришлось выслушивать очень непріятныя и рѣзкія истины отъ своихъ прежнихъ сторонниковъ и друзей; для нихъ готовился еще болѣе жестокій ударъ, когда, послѣ голосованія, жалобы епископа и предложеніе комиссіи обратить на нихъ особенное вниманіе было отвергнуто 76 голосами противъ столькихъ же 76 голосовъ, а такое равенство голосовъ по конституціи равнялось отрицательному мнѣнію: этотъ неожиданный результатъ произошелъ отъ того, что двое изъ партіи патріотовъ захворали, а трое измѣнили и перешли на сторону противниковъ. Въ такомъ печальномъ положеніи находились дѣла; пессимисты желали даже, чтобы попытались составить министерство изъ партіи патріотовъ для того, чтобы цѣлому свѣту доказать, что управлять государствомъ, по ихъ принципамъ, буквально невозможно. Когда же лѣтомъ въ томъ же году президентъ министерства графъ Гегненбергъ-Дуксъ умеръ, начали не на шутку толковать о томъ, чтобы составить министерство изъ ультрамонтановъ—предполагалось возложить э т о т ъ санъ перваго министра на Г. ф. Гассера—посланника при Штутгардскомъ дворѣ, умѣреннаго изъ ультрамонтановъ; но объ этомъ только потолковали и дѣло тѣмъ и кончилось. Для государства, раздираемаго партіями, раздвоеннаго двумя религіозными партіями, было истиннымъ, величайшимъ счастіемъ, что оно, какъ членъ, связано было въ одно цѣлое съ обширнымъ самостоятельнымъ государствомъ. Это сознаніе ясно обнаружилось, когда кронпринцъ германской имперіи въ августѣ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы произвести смотръ баварскимъ войскамъ, и здѣсь, также какъ въ Вюртембергѣ и Гессенѣ, оппозиціонная пресса римской партіи, пользуясь этимъ случаемъ, горячилась и въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ издѣвалась надъ положеніемъ Баваріи, и въ очень недвусмысленныхъ указаніяхъ старалась поджечь недовольныхъ къ измѣнническому союзу съ Франціей.

Въ разсужденіяхъ вновь составленнаго рейхстага на первомъ планѣ стояла опять борьба между римско-католическою церковью и правительствомъ или какъ начали просто говорить—между государствомъ и церковью, Staat und Kirche, потому что каждому извѣстно было, о какой церкви идетъ рѣчь. Императоръ Вильгельмъ извѣстилъ папу, что назначилъ на должность посланника къ римскому двору,—кардинала римской церкви, брата прежняго баварскаго министра президента, князя Гогенлоэ; папа Пій IX сдѣлалъ грубую ошибку, отвѣтивъ императору, что не желаетъ принять этого посланника, потому что не раздѣляетъ его взгляда на вещи, а между тѣмъ втайнѣ дѣло заключалось въ томъ, что онъ не нравился всесильной партіи іезуитовъ; папа и его ближайшіе совѣтники еще усилили нанесенное императору оскорбленіе тѣмъ, что извѣстили приверженныя имъ газеты объ этомъ отказѣ раньше, чѣмъ онъ былъ сообщенъ германскому правительству, и пресса его разгласила заранѣе. При совѣщаніяхъ въ рейхстагѣ о штатахъ дѣло о посланникѣ было поднято и подвергнуто преніямъ. На этотъ разъ князю Бисмарку не трудно было осмѣять своихъ противниковъ и опрокинуть ихъ слабую, ни на чемъ не основанную защиту: «будьте увѣрены, замѣтилъ онъ клерикаламъ, мимоходомъ, «изъ-за этого мы не пойдемъ въ Каноссу.» На это можно положиться—этотъ человѣкъ привыкъ исполнять данное обѣщаніе, для него такія причины не могли быть причинами, достаточными, чтобы обнажить оружіе; онъ доказалъ, что смѣло вступаетъ въ кровавую борьбу, не смотря на опасность, не такую ничтожную, какъ эта. Рейхстагъ съ своей стороны далъ также своего рода отвѣтъ на обиду. По внушенію конгресса старо-католиковъ, въ рейхстагъ доставлено было множество адресовъ съ просьбою у н и ч т о ж и т ь о р д е н ъ і е з у и т о в ъ на почвѣ Германіи. Почти всѣ либеральныя партіи и ихъ подраздѣленія выразили то-же самое желаніе. Союзный совѣтъ 11-го іюня согласился въ подробностяхъ и формѣ проекта закона по этому поводу и внесъ его въ рейхстагъ; 14-го начались по его поводу разсужденія. Вскорѣ остановились

на томъ, чтобы ограниченія этого вреднаго для спокойствія имперіи ордена превратить въ полное запрещеніе его. Одна часть партіи прогресса (Fortschritts-partei) по обыкновенію стояла за дѣло клерикальной партіи, но, несмотря на ея энергическую защиту, 17 числа проектъ ограниченія, усиленный и передѣланный въ запретительный, былъ принятъ и превращенъ въ законъ большинствомъ 183 голосовъ противъ 101; а 5-го іюля императоръ подтвердилъ его своею подписью. По этому закону изъ областей германской имперіи изгонялся орденъ іезуитовъ и родственныя съ нимъ общины; повелѣвалось въ шестимѣсячный срокъ распустить и закрыть всѣ монастыри и учрежденія, принадлежавшія этому ордену; иностранцы, причислявшіеся къ нему, должны были выѣхать изъ Германіи, туземные должны были покинуть нѣкоторыя изъ мѣстъ своего жительства и переѣхать въ иныя, имъ указанныя. Приводя эти строгія постановленія въ дѣйствіе, никто не обольщалъ себя надеждою, что тѣмъ уничтожится іезуитское направленіе и духъ вкоренившійся въ народѣ и упрочившійся въ немъ втеченіе десятковъ лѣтъ; но тѣмъ не менѣе, мѣра эта полезная и дѣйствительная, потому что нельзя было надѣяться уладить отношенія и возстановить согласіе между государствомъ и этой церковью, направляющею совѣсть милліоновъ подданныхъ и руководящею ихъ нравственностію, пока не будетъ устранено вліяніе этого, во всѣхъ отношеніяхъ вреднаго общества, общества всѣми своими помыслами ищущаго дать этой церкви жажду къ могуществу и тираническому преобладанію надъ цѣлымъ общественнымъ строемъ. Пій IX, казалось, сознавалъ это справедливое стремленіе къ самозащитѣ, выраженное въ новомъ законѣ, и оправдывалъ эту мѣру какъ и всѣ дальнѣйшія мѣры, для защиты народныхъ интересовъ; въ одномъ изъ своихъ отвѣтовъ на многочисленныя рѣчи депутацій, не дававшихъ ему покоя, онъ произнесъ очень таинственное изреченіе: «маленькій камешекъ, который въ скоромъ времени отдѣлится отъ вершины, скатится внизъ съ тѣмъ, чтобы раздробить подножіе колосса.» Трудно сказать, что означаетъ этотъ камешекъ: очень ясно, что колоссъ означаетъ Германскую имперію, не смотря на то, что діалектика ультрамонтановъ объясняла его и либерализмомъ и другими нравственными схожими съ нимъ ученіями.

Іюня 19-го рейхстагъ былъ закрытъ; но прежде установлено было какъ раздѣлить французское вознагражденіе за военныя издержки; кромѣ того, принятъ былъ общій военно-уголовный кодексъ для союзныхъ германскихъ земель и такимъ образомъ, покрайней мѣрѣ въ рейхстагѣ, уничтоженъ послѣдній остатокъ партикуляризма, потому что еще раньше положено было всѣмъ депутатамъ вообще подавать голоса и мнѣнія даже по поводу дѣлъ, касающихся одной части союза, вопреки версальскимъ договорамъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ отдѣлявшимъ сѣверогерманскій союзъ, но теперь этотъ раздѣлъ былъ уничтоженъ. Такъ, напримѣръ, по поводу пошлинъ на пиво, по версальскимъ договорамъ, не всѣ депутаты могли бы подавать голоса, но теперь это сдѣлалось общимъ дѣломъ.

Законъ о іезуитахъ не остался мертвою буквой. Прусское правительство, принявшись за борьбу, вело ее съ своею обычной энергіей, къ какой сплоченная организація ея управленія дѣлала ее способной; для Пруссіи очень важно было, что она въ этой религіозной борьбѣ могла защищать и поддерживать партію старо-католическую. Она, между тѣмъ, укладывалась въ болѣе опредѣленныя и рѣзкія формы. Однимъ изъ величайшихъ затрудненій и препятствій было обстоятельство, что ни одинъ изъ нѣмецкихъ епископовъ не примкнулъ къ постоянно возрастающей и усиливающейся партіи старо-католиковъ; но этотъ пробѣлъ можно было вознаградить и пополнить тѣмъ, что партія могла примкнуть къ уже готовой, давно существующей старо-католической церкви, до сихъ поръ стоящей въ тѣни, но получившей значеніе при настоящемъ положеніи дѣлъ. Мы говоримъ о маленькой янсенистической церкви въ Голландіи, существующей тамъ съ 1723 года; въ ней есть одинъ архіепископъ и два епископа; эта церковь утверждаетъ, что въ чистотѣ сохранила апостольскія преданія. Архіепископъ утрехтскій, къ величайшей досадѣ нѣмецкихъ епископовъ, принявшихъ ученіе новаго догмата, принялъ на себя обязательство рукоположенія и другихъ епископскихъ актовъ для нѣмецкихъ старокатоликовъ на то время, пока они не будутъ имѣть своего собственнаго епископа.

Второй конгресъ старокатолической партіи въ Кёльнѣ происходилъ съ большимъ достоинствомъ, и рѣшенія его были очень дѣйствительныя; онъ длился отъ 20-го до 22-го сентября; принимая во вниманіе блезплодные протесты генеральнаго бреславльскаго собранія католическихъ общинъ, 12-го сентября, старокатолики взвѣсили свои средства и силы, чтобы организовать движеніе католической церковной реформы. Представилось зрѣлище давно невиданное въ Германіи: о церковныхъ и религіозныхъ вопросахъ разсуждали публично, въ огромныхъ собраніяхъ,—тутъ говорили люди съ глубокимъ и полнымъ знаніемъ дѣла, съ убѣжденіемъ, почерпнутымъ изъ глубины христіанскаго вѣрованія. Особенно утѣшительно и достойно уваженія было то, что въ этихъ разсужденіяхъ и спорахъ принимали участіе люди до сихъ поръ или уклонявшіеся отъ такого рода изученія, или не интересовавшіеся этими вопросами, но теперь они изучали путь, на который вступили, восходили до самыхъ источниковъ вѣры, изъ которыхъ вытекала жизнь нѣмецкаго народа съ того самаго времени, какъ онъ вступилъ въ историческое существованіе; изъ нихъ Германія почерпала силу духовной жизни. На протестантскій міръ это движеніе старокатолической партіи имѣло хорошее вліяніе: «мы изъявляемъ наше душевное, братское сочувствіе тѣмъ католикамъ, которые, подчиняясь совѣсти и силѣ истины, открыто противустали злу возникавшему изъ рѣшеній послѣдняго ультрамонтанскаго консиля» стояло въ объясненіи, доставленномъ евангелической общиной на одномъ изъ церковныхъ съѣздовъ, отъ 1-го до 3-го октября въ С.-Галленѣ; такое же теплое сочувствіе выражено было изъявленіемъ протестантскаго собранія, около того-же времени, имѣвшаго также свой съѣздъ; общее настроеніе съѣзда выразилось въ фразѣ, которою начинается годичный отчетъ: «всѣ церковныя учительскія формы—человѣческія установленія.»

Борьба принимала многообразныя формы, которыхъ перечислить невозможно; отъ характера обстоятельствъ зависѣлъ способъ, какимъ прусское правительство справлялось съ своимъ высшимъ духовенствомъ. Столкновенія и публичная борьба были для епископовъ очень желаннымъ явленіемъ, потому что изъза публичности споровъ забывали жалкую роль, какую они разыгрывали при вопросѣ о догматѣ непогрѣшимости; чѣмъ болѣе рабскаго униженія они показывали въ Римѣ, тѣмъ большую и неумолимую строгость они выказывали къ тѣмъ изъ своихъ подчиненныхъ, которымъ совѣсть не позволяла вѣровать въ это крайне несообразное ученіе, и тѣмъ съ большею дерзостью они относились къ государству. Они отлично знали, что мученическій вѣнецъ, какой имъ надѣнетъ правительство, если оно доведено будетъ до крайнихъ предѣловъ терпѣнія, будетъ такого свойства, что его носить можно будетъ безъ большаго страданія. Мы не утверждаемъ, будто между этими обращенными не были личности глубоко убѣжденныя и вѣрующія, что догматъ непогрѣшимости папы, однажды утвержденный соборомъ, — такого рода, что въ него, для спасенія души и для достиженія спасенія и райскаго блаженства, необходимо вѣровать и, принявъ эту вѣру, искренно держались ея и готовы были пострадать за нее.

Одинъ изъ такихъ искренно вѣрующихъ, епископъ Эрмеландскій началъ борьбу съ того, что изрекъ «великое отлученіе отъ церкви» надъ законоучителемъ браунсбергской гимназіи, отрицавшимъ догматъ; при такого рода средневѣковомъ отлученіи, между прочимъ, существовало полное изгнаніе изъ общества вѣрующихъ; съ отлученнымъ никто не имѣлъ права входить въ сношенія, подъ опасеніемъ также подвергнуться—второму малому отлученію отъ церкви. Такой актъ, слѣдовательно, велъ за собой прямой вредъ общественной и дѣловой жизни человѣка, подпавшаго отлученію и, слѣдовательно, при этомъ церковная власть вторгалась въ политическую и въ гражданскую. Вслѣдствіе этого прусское земское право (Landrecht) постановило, чтобы въ случаѣ отлученія кого либо отъ церкви и исключеніе изъ прихода, духовенство не иначе могло произносить свой приговоръ, какъ съ согласія гражданской власти, потому что отлученіе нарушаетъ гражданскія права и честь личную подсудимаго. Вслѣдствіе этого между прусскимъ министромъ культа и епископомъ началась переписка, окончившаяся тѣмъ, что правительство наложило запрещеніе на темпораліи, отпускавшіяся епископу, 23 сентября. Нѣмецкіе епископы смотрѣли на это, какъ на личное дѣло, съѣхались, отъ 18 до 20 сентября въ Фульду, ко «гробу Св. Бонифація» и изложили въ памятной запискѣ то положеніе,

въ какое поставили себя, и разъяснили свою точку зрѣнія. Но они напрасно тратили силу ихъ краснорѣчія, и чернила; они утверждали, что общество, организованное точь въ точь на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ существуетъ государство, съ своими формальностями, статутами и учрежденіями божественнаго свойства, неприкосновенно; этотъ характеръ церкви возлагаетъ на ея служителей обязанность въ тѣхъ случаяхъ, когда священныя учрежденія приходятъ въ столкновеніе съ государственными учрежденіями и законами, не повиноваться этимъ законамъ, противиться имъ и даже возлагаетъ на своихъ членовъ обязанность сопротивляться имъ; это неминуемо должно вести за собою уничтоженіе цѣлости государства: что было понятно всякому здравомыслящему, человѣку мало мальски знакомому съ исторіей. Прусскіе епископы собрались также для конференціи (отъ 9 до 11 апрѣля) тоже въ Фульдѣ; здѣсь, послѣ долгихъ споровъ и совѣщаній, положено было подчиниться закону, предоставляющему правительству наблюденіе за школьнымъ преподаваніемъ. Эти пренія служили только доказательствомъ того до чего можетъ дойти авторитетъ правительства, если главы, или вожди какой либо общины, составленной изъ милліоновъ, вполнѣ преданныхъ своимъ вождямъ, подобно тому какъ эти повинуются своему главѣ въ Римѣ, будутъ разсуждать о томъ, слѣдуетъ ли повиноваться тому либо другому государственному закону, или нѣтъ?

Представлялась необходимость найти для правительства оружіе, которымъ эти притязанія можно побѣждать дѣйствительнѣе, нежели до сихъ поръ. Октября 20-го, опять открытъ былъ земскій сеймъ (Landstag). Первое дѣло заключалось въ томъ, чтобы довести до конца проектъ объ устройствѣ округовъ. Партія феодаловъ одержала побѣду: проектъ былъ отвергнутъ въ палатѣ господъ большинствомъ 125 голосовъ противъ 18; вопросъ поставленъ былъ такъ что даже либеральная партія не могла согласиться на него. Вслѣдствіе этого наступилъ министерскій кризисъ; но король не принялъ просьбы объ отставкѣ, поданной министромъ Эйленбергомъ, и дѣла приняли другой оборотъ; ноября 1 правительство закрыло земскій сеймъ, но вновь созвало его на 12 число. Министръ вошелъ въ соглашеніе съ вождями партій на счетъ нѣкоторыхъ измѣненій въ проектѣ; такимъ образомъ измѣненный проектъ предполагалось провести въ палатѣ господъ, замѣнивъ нѣкоторыхъ членовъ новыми. Такъ и сдѣлали. Ноября 26 палата депутатовъ приняла проектъ; въ палатѣ перовъ произошла передвижка послѣ новаго министерскаго кризиса, король назначилъ 25 новыхъ членовъ въ палату господъ, и здѣсь проектъ былъ принятъ большинствомъ 25 голосовъ; подали 116 голосовъ противъ 91.

Въ началѣ слѣдующаго года произошло важное, рѣшительное столкновеніе по поводу церковнаго спора. Января 9-го 1873 года, министръ культа, Фалькъ, предложилъ парламенту четыре проекта законовъ. Первый изъ нихъ касался границъ, до какихъ можетъ доходить церковь, при назначеніи своихъ исправительныхъ и карательныхъ мѣръ; этотъ законъ предполагалось составить изъ четырехъ параграфовъ: ни одинъ изъ служителей религіи не имѣетъ права публично заявлять, какія лица подлежатъ церковнымъ исправительнымъ и карательнымъ мѣрамъ, хотя бы они были наложены съ согласія правительства. Второй параграфъ заключалъ въ себѣ условія, какія требовались для образованія духовныхъ лицъ и при ихъ назначеніи на священническую должность; требовалось: гимназическое свидѣтельство объ окончаніи гимназическаго курса, трехгодичное пребываніе въ нѣмецкомъ университетѣ на богословскомъ факультетѣ и наконецъ выдержать экзаменъ по установленнымъ правиламъ, для поступленія на государственную службу (Staatsprüfung). Духовное начальство обязывалось доносить о назначеніяхъ оберпрезиденту, которому предоставлялось право, въ извѣстныхъ случаяхъ, протестовать; за сопротивленіе этому постановленію, какъ опредѣляющіе, такъ и опредѣляемые подвергались денежному штрафу. Третій параграфъ относился къ выходу изъ духовнаго званія; четвертый заключалъ въ себѣ постановленіе о судебномъ учрежденіи для разбирательства дѣлъ церковныхъ и устанавливалъ королевскую дисциплинарную власть. Рѣчь министра, служившая введеніемъ къ этимъ проектамъ, была такъ же ясна и опредѣленна, какъ и самые проекты законовъ. Онъ указывалъ на прежнюю уступчивость прусскаго правительства и до чего она довела: теперь дѣло шло о томъ, чтобы отразить нападеніе клерикальной партіи, уступая ей ничего не поправишь, но можно будетъ дойти до слѣдствій, могущихъ пошатнуть основ-

ныя начала германскаго государства. «Духовенство въ своемъ внутреннемъ и внѣшнемъ составѣ находится теперь въ зависимости отъ внѣшняго могущества, которому не знакомъ ни національный характеръ, ни потребности германской имперіи.» Партія центра энергически отстаивала свои интересы по всѣмъ инстанціямъ, по какимъ законъ долженъ былъ проходить; ее поддерживали остатки уцѣлѣвшей въ парламентѣ партіи феодаловъ и нѣкоторые члены партіи прогрессистовъ; послѣдніе еще очень простодушно пробавлялись убѣжденіемъ, будто можно самымъ обыкновеннымъ путемъ народнаго образованія и свободы въ дѣлахъ вѣры,—замѣтимъ: для нихъ не было различія между римской и другою церковью,—побѣдить могущество духовенства, которое могущественно обладало умомъ и совѣстью массы народа не имѣющаго времени ни думать, ни читать, но которое въ грубыхъ формахъ все-таки даетъ ему религіозныя понятія, на сколько они ему доступны, и хотя понятія эти далеко уклонились отъ первоначальнаго духа ученія Іисуса Христа, но все-таки, даже при этомъ уклоненіи, сообщаютъ народу и сохраняютъ въ себѣ часть всепобѣждающей міровой силы этого божественнаго ученія.

Прежде всего къ законодательной статьѣ, очень коротко упоминающей о томъ, что религіозныя общины свои дѣла сами приводятъ въ порядокъ и распоряжаются ими, прибавлено было объясненіе, дававшее болѣе опредѣленное значеніе словамъ закона, потому что трудно было бы сказать, чего церковь не можетъ назвать своимъ дѣломъ. По этому поводу опять загорѣлись жаркіе парламентскіе споры и пренія; въ нихъ принимали участіе всѣ партіи и еслибы мѣсто и размѣръ нашего повѣствованія позволяли, то стоило бы прослѣдить эту грандіозную парламентскую борьбу, затрогивавшую всѣ важнѣйшія стороны человѣческихъ и національныхъ интересовъ народа, съ XVI столѣтія постоянно напрягавшаго свои силы для рѣшенія этихъ вопросовъ. Во время преній объ этихъ законодательныхъ вопросахъ въ палатѣ господъ, 11 марта, князь Бисмаркъ съ особенной энергіей останавливался на томъ, что вопросъ этотъ—въ сущности политическій, точно также какъ идея о значеніи папы въ сущности—идея о достиженіи политической власти и что для прусскаго правительства чисто невозможно допустить создать одно государство подлѣ другаго, или вѣрнѣе, одно государство въ другомъ. Законы были приняты 5 мая послѣ того, какъ они прошли черезъ всѣ парламентскія инстанціи; 11-го король утвердилъ ихъ своею подписью.

Столкновеніе съ католическими духовными властями тутъ-то началось съ полной силой, мы говоримъ католическими, потому что евангелическое и протестантское духовенство только то тутъ, то тамъ выказывало сопротивленіе и заявляло протесты. Съ 29 апрѣля по 2 мая, прусскіе католическіе епископы съѣхались въ Фульдѣ; послѣ своихъ меморандумовъ и протестовъ они убѣдились, что измѣнить новые законы не могутъ: поэтому въ циркулярѣ, разосланномъ къ вѣрующимъ, прямо объявили, что подчиняться этимъ законамъ не намѣрены, и приглашали народъ и низшее духовенство присоединиться къ нимъ. Правительство приняло противъ этого мѣры, на какія имѣло законное право и напередъ установленныя кодексомъ. Задача нашего сочиненія не заключается въ томъ, чтобы слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ этого дѣла, тѣмъ болѣе, что оно еще составляетъ текущій интересъ и на долгое время останется имъ. Требованія майскихъ законовъ ничѣмъ не касаются сущности религіи; самымъ существеннымъ требованіямъ этихъ законовъ епископы подчинились въ другихъ государствахъ германскаго союза, даже въ Вюртембергѣ, хотя сначала и протестовали; но такъ какъ епископы прусскіе сопротивляются законамъ, конституціоннымъ порядкомъ постановленнымъ, они этимъ самымъ подаютъ лучшее доказательство того, на сколько законы эти необходимы. Для прусскаго и для прочихъ правительствъ Германіи очень важно, что они на скользкой почвѣ религіознаго несогласія нашли сильнаго союзника въ движеніи старо-католической партіи. Въ этомъ направленіи 4 іюня 1873 года сдѣланъ былъ новый шагъ впередъ; въ собраніи старо-католиковъ въ Кельнѣ былъ избранъ въ епископы профессоръ Іосифъ Губертъ Рейнкенсъ; 11 августа происходило посвященіе его янсенистскимъ епископомъ Девентера, а 7 октября онъ въ Берлинѣ уже приносилъ присягу (Homagialeid). Нѣмецкая и старо-католическая партія съ истиннымъ удовольствіемъ убѣждалась въ

томъ, что въ рѣчахъ и поступкахъ этого человѣка высказывается истинное и глубокое убѣжденіе христіанскаго духа, который съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе исчезаетъ у противной партіи, а слѣдовательно, онъ своимъ примѣромъ и ученіемъ можетъ имѣть, и уже имѣетъ, благодѣтельное вліяніе на сердца и умы, въ какихъ бы формахъ они ни стремились къ познанію правды; но если эти стремленія истинныя, то эта правда, къ которой они стремятся, какъ стоитъ въ писаніи, дѣлаетъ человѣка свободнымъ и проникаетъ его міровою силою убѣжденія, обѣтованною самимъ Іисусомъ Христомъ вѣрнымъ послѣдователямъ святаго ученія Его.

Впрочемъ, намъ нечего сожалѣть о началѣ этой борьбы, подобная которой возникла и въ евангелической церкви. Она не даетъ застаиваться жизни націи, она даетъ ей содержаніе и основныя черты, исполненныя достоинства; она даетъ понять, что, кромѣ военной славы, внѣшнихъ почестей и матеріальнаго благосостоянія, въ жизни человѣка есть идеальныя блага, изъ-за которыхъ онъ способенъ приносить жертвы. Напротивъ, вовсе не отрадное явленіе, если руководители и пастыри обширной христіанской общины ссылаются на то, что совѣсть имъ запрещаетъ повиноваться тому, или другому государственному закону, тогда какъ законъ отъ нихъ ничего такого не требуетъ, что могло бы быть противно совѣсти; какъ же непріятно видѣть, что одинъ изъ этихъ пастырей церковныхъ публично жалуется на притѣсненія правительства, называя ихъ діоклетіановскими, на то, будто отъ нихъ требуютъ, чтобы они, подобно древнимъ христіанамъ въ Римѣ, приносили жертвы передъ изображеніемъ императора; безсильны саддукеи, сражающіеся своимъ тупымъ оружіемъ противъ этихъ фарисеевъ, стараясь низложить ихъ оружіемъ заимствованнымъ изъ наскоро затверженныхъ отрывковъ популярнаго естествознанія, осколками эстетики, незначительнымъ знаніемъ музыки: но этими ли слабыми средствами можно истребить могущество, пустившее глубокіе корни въ человѣческое сердце; при этой борьбѣ отраднѣе всего то, что сила религіознаго убѣжденія опять получаетъ въ жизни народовъ почетное мѣсто, потому что одно оно можетъ возвышать сердце и давать ему силу переносить и многообразную нужду и отчаяніе—неразрывныя съ человѣческой жизнью.

На поприщѣ гражданской жизни замѣчался постоянный и неизмѣнный прогрессъ. Министръ финансовъ донесъ, 20-го февраля 1873 года, прусской палатѣ депутатовъ, что есть остатокъ въ 20 милліоновъ талеровъ и что на всѣхъ отрасляхъ промышленной дѣятельности отозвалась благодѣтельная помощь, упавшая на нее свыше. Государства средней величины при помощи, какая на ихъ долю досталась изъ суммы, полученной въ вознагражденіе за военныя издержки, могли довольно сносно пережить переходное состояніе, въ какомъ находились; за то мелкія государства матеріально какъ бы вздохнули свободнѣе, они на опытѣ убѣдились, какъ дорого имъ стоилъ ихъ прежній порядокъ дѣлъ, какъ много имъ приходилось тратиться на жалованье статсъ-секретарямъ и министрамъ, тогда какъ должности эти могъ съ успѣхомъ выполнять самый обыкновенный секретарь, за самое умѣренное жалованье. Повсемѣстно чувствовалось оживленіе, проистекающее отъ сознанія, что самая малѣйшая частица націи живетъ великою, общею жизнію всей націи въ цѣломъ. Въ Саксоніи, Гессенѣ, Вюртембергѣ, повсюду, гдѣ реформа десятки лѣтъ не развивалась, производилась реформа законодательства; даже самая неподатливая изъ германскихъ конституцій, а и м е н н о м е к л е н б у р г с к а я, наконецъ была на очереди: марта 11-го, рейхстагу подано было прошеніе, подписанное 20,000 мекленбургцевъ. Вообще надобно замѣтить, что если какой либо вопросъ касательно частнаго устройства той, или другой части въ союзныхъ державахъ по чему нибудь не ладился, то изъ него немедленно дѣлали общее дѣло и переносили въ рейхстагъ; были даже такіе вопросы, рѣшенія которыхъ съ самаго начала готовы были бы взвалить на рейхстагъ, такъ напримѣръ устройство элементарныхъ народныхъ школъ охотнѣе всего предоставили бы выполненію юной имперіи. Но самое важное изъ постановленій—общіе военные законы, обѣщанные въ конституціи, еще не приведены были въ окончательную ясность, не только въ сессіи рейхстага въ 1871 году, но даже были перенесены во вновь избранный и открытый рейхстагъ 12 марта 1873 года; такая же участь постигла попытку черезъ рейхстагъ добиться большей свободы печати, нежели

какую допускали прусское и другія правительства; не лучше посчастливилось проекту, предложенному палатой о гражданскомъ бракѣ, сдѣлавшемуся необходимымъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ начались несогласія между церковью и правительствомъ; многіе признавали необходимость гражданскаго брака; его оспаривали только тѣ, которые не хотѣли видѣть и понять, что въ бракосочетаніи есть двѣ стороны—гражданская и религіозная, что надобно отдѣлить интересы общественные отъ чисто-духовной, религіозной его стороны. Точно также еще не могли согласиться при устройствѣ верховнаго имперскаго судилища; но за то, 14-го іюня, было принято предложеніе объ учрежденіи одного общаго желѣзнодорожнаго управленія; 20-го проектъ этотъ былъ принятъ союзнымъ совѣтомъ; 24-го принятъ законъ объ уравненіи монеты; 25-го рѣшена реформа пошлины и временный законъ объ ассигнаціяхъ. Въ тотъ же день сессіи были закрыты,—онѣ и безъ того уже, къ большой досадѣ депутатовъ, слишкомъ долго продолжались.

Общій интересъ нѣмецкаго народа былъ сперва поглощенъ предстоящими выборами для прусскаго ландстага, а немного спустя—выборами для рейхстага. На первомъ планѣ при этихъ выборахъ, само собою разумѣется, стояли несогласія церковныя. Правительство, пользуясь общимъ настроеніемъ умовъ, обнародовало 14-го октября письмо папы, написанное имъ 7-го августа къ императору, и отвѣтъ на него, отправленный 3-го сентября. «Всѣ мѣры, предпринятыя въ послѣднее время Вашимъ Величествомъ, начиналось посланіе папы, стремятся къ уничтоженію католицизма»; далѣе въ посланіи есть замѣчательное мѣсто, надѣлавшее много шума, хотя, въ сущности, оно выражаетъ только давно установившуюся претензію: «каждый принявшій св. крещеніе принадлежитъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, или въ нѣкоторомъ смыслѣ, объясненіе котораго здѣсь не мѣсто, принадлежитъ, говорю я, папѣ.» На эти слова императоръ съ достоинствомъ отвѣчалъ: «Евангелическая вѣра, къ которой я принадлежу, подобно моимъ предкамъ, какъ это не безъизвѣстно Вашему Святѣйшеству, также какъ и большинство моихъ подданныхъ, не дозволяетъ намъ въ отношеніи къ Богу имѣть инаго посредника, кромѣ нашего Господа Іисуса Христа.» Въ такомъ же тонѣ письмо короля отвѣчало на жалобы папы на притѣсненія католиковъ—другою жалобой на враждебныя правительству волненія, производимыя одною частью католическаго народонаселенія Пруссіи. Эта переписка однакожь никого не вразумила: партіи уже утвердились въ своихъ границахъ; выборы, происходившіе 4-го ноября, только еще рѣзче обозначили противоположность, существующую между мнѣніями. Старо-консервативная партія въ палатѣ ослабѣла и осталось только небольшое количество голосовъ; но большее число депутатовъ принадлежало къ партіи либераловъ, самыхъ различныхъ подраздѣленій; правительство могло опираться и разсчитывать на безусловную поддержку въ церковной политикѣ 182 національныхъ либераловъ и 40 свободныхъ консерваторовъ, а условно на 69 голосовъ изъ партіи прогрессистовъ; противъ нихъ были 65 клерикаловъ, 18 поляковъ и 2 или 3 изъ партіи вельфовъ. Всякій наблюдатель могъ изъ послѣдней цифры заключить, какой быстрый политическій переворотъ произошелъ отъ недавней войны въ 1870 году съ романскимъ племенемъ и отъ борьбы съ папскою непогрѣшимостью; при прежнемъ порядкѣ государственнаго строя прошло бы не одно десятилѣтіе, пока выборы приняли бы такой составъ. Ноября 12-го происходило открытіе земскаго сейма, ландстага; но предстояли еще новые выборы для рейхстага, и вмѣстѣ съ тѣмъ новая борьба; къ ней приготовлялись всѣ партіи; при этомъ случаѣ въ первый разъ народонаселеніе всей Германіи было объято однимъ общимъ интересомъ и приняло участіе въ дѣлѣ, близкомъ для каждаго члена новой имперіи. Каждый гражданинъ въ отдѣльности по какому бы то принципу ни было, но напрягалъ всѣ свои нравственныя силы, чтобы служить общему отечеству и своими знаніями, и своимъ убѣжденіемъ.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ сложились отношенія Германіи къ другимъ государствамъ Европы, съ 1871 года. Хотя нѣмцы и оказали французскому правительству непосредственно значительную помощь при усмиреніи возстанія коммуны, но, понятно, за это не заслужили благодарности; всякій здравомыслящій ясно видѣлъ, что, помогая Франціи оправиться, нѣмцы дѣйствовали въ своихъ личныхъ интересахъ. Франція удивительно скоро

оправилась, особенно въ финансовомъ отношеніи: 16 сентября 1872 года послѣдній нѣмецкій солдатъ былъ уже выведенъ изъ Франціи, потому что вся военная контрибуція была выплачена. Старинная вражда между тѣмъ съ удвоенной силой тлѣла подъ пепломъ, и было достовѣрно, что миръ съ Франціей продлится не болѣе крайне неизбѣжнаго срока. Еще окупаціонныя войска не выведены были изъ Франціи, а ненависть народная уже выказывалась въ отдѣльныхъ кровавыхъ событіяхъ, и Бисмаркъ принужденъ былъ 7 декабря написать посланнику германской имперіи въ Парижѣ ф. Арниму депешу, въ которой онъ извѣщалъ французское правительство, что нѣмецкое военное управленіе принуждено будетъ самовольно распоряжаться и судить, если убійства еще будутъ повторяться, и особенно если французскій судъ присяжныхъ, при злоумышленномъ, доказанномъ преступленіи, будетъ оправдывать убійцу, только потому, что онъ французъ, а убитый — нѣмецкій солдатъ. Несмотря на эти частныя непріятности, благодаря благоразумію и осторожности нѣмецкаго главнокомандующаго, генерала фонъ-Мантейфеля, трудное и непріятное время было прожито довольно спокойно. Императоръ Вильгельмъ оцѣнилъ заслуги генерала и наградилъ его, въ сентябрѣ 1873 года, титуломъ фельдмаршала.

Блистательныя побѣды, одержанныя нѣмцами надъ самымъ воинственнымъ и самымъ страшнымъ народомъ Европы, само собою разумѣется, пробудили зависть и опасенія въ остальныхъ народахъ; но правительство новосозданной имперіи прежде всего позаботилось о томъ, чтобы всѣмъ вообще дать понять, что новое положеніе Германіи представляетъ возможность установить всеобщій продолжительный и прочный миръ. Мы объ этомъ поговоримъ при обозрѣніи отдѣльныхъ государствъ и покажемъ, какой смыслъ имѣли посѣщенія государей другъ друга; при обыкновенномъ ходѣ дѣла они не имѣли бы значенія, но теперь служили признакомъ мирныхъ, дружественныхъ залоговъ. Къ числу такихъ свиданій надобно отнести свиданіе германскаго императора съ австрійскимъ въ 1871 году, 11-го августа въ Ишелѣ и 6-го ноября въ Зальцбургѣ; но важнѣе всего было свиданіе трехъ императоровъ: русскаго, германскаго и австрійскаго въ Берлинѣ, 4-го сентября 1873 года. За этимъ происшествіемъ послѣдовало посѣщеніе Виктора Эмануила, прибывшаго въ Вѣну 17-го сентября, откуда онъ, вмѣстѣ съ своими министрами, отправился въ Берлинъ; затѣмъ германскій кронъ-принцъ въ августѣ того-же года посѣтилъ Стокгольмъ и Копенгагенъ; въ томъ же году европейскіе дворы были изумлены небывалымъ до сихъ поръ посѣщеніемъ персидскаго шаха, объѣхавшаго важнѣйшія государства. Съ каждымъ годомъ становится чувствительнѣе, какое важное мѣсто заняла Германія въ центрѣ Европы, образовавъ одно могущественное крѣпко сплоченное федеральное государство, довольное своимъ внутреннимъ устройствомъ въ политическомъ отношеніи, и поставленное въ возможность твердо и неуклонно стремиться къ своему совершенствованію. Французскіе журналы не переставали стращать Европу германскою жаждою къ завоеваніямъ; сегодня они приписывали Бисмарку и Пруссіи несбыточный планъ завоевать русскія остзейскія губерніи, завтра—помыслы, какъ бы захватить нѣмецкія земли, принадлежащія Австріи, и соединить ихъ съ Пруссіей; богатая фантазія французскихъ журналистовъ находила признаки опасныхъ замысловъ Пруссіи завоевать Голландію, Бельгію, Швейцарію, Италію, Испанію, Скандинавію или даже заатлантическія европейскія владѣнія. Французская журналистика никакъ не хотѣла видѣть истины, однакожь, очень ясной для мало-мальски безпристрастнаго наблюдателя. Германская имперія, касательно своего территоріальнаго состава, достигла крайнихъ границъ своихъ желаній, и пріобрѣтенія ея въ Эльзасѣ и Лотарингіи превзошли даже предѣлы самой пылкой фантазіи. Желаніе пріобрѣсти колоніи въ другихъ частяхъ свѣта было вспышкою юношеской фантазіи патріотическаго духа нѣмецкаго либерализма; даже послѣ значительныхъ побѣдъ, одержанныхъ въ послѣдніе годы, мысль эта хотя опять зарождалась то въ той, то въ другой горячей головѣ, но послѣ зрѣлаго взгляда на вещи, эти патріоты должны были сознаться, что пріобрѣтеніе колоній по ту сторону океана принесетъ только новую тягость для государства и можетъ сдѣлаться причиной несогласія и вражды съ другими европейскими государствами. Германія старалась доказать, что отъ такого самоограниченія зави-

ситъ неоцѣненное благо ея мирнаго развитія и процвѣтанія, частію же и дружественное отношеніе къ Англіи; къ тому-же, надобно сознаться, что нѣмецкій флотъ по недостатку точекъ опоры и отдохновенія на океанахъ, всегда будетъ занимать скромное мѣсто второстепенной морской державы, что вовсе не лестно; касательно территоріальныхъ европейскихъ сосѣдей, существованіе Скандинавіи, Голландіи, Бельгіи и Швейцаріи, какъ самостоятельныхъ государствъ, для Германіи—больше чѣмъ для кого бы то ни было—крайне необходимо и составляетъ особенно счастливое обстоятельство, потому что Германія, какъ государство чисто-континентальное, поставлена въ непріятное положеніе, или жить со всѣми сосѣдями въ мирѣ и согласіи, или начать со всѣми войну и, какъ это уже много разъ случалось, опять сдѣлаться обширнымъ военнымъ поприщемъ борьбы европейскихъ народовъ; противъ этого сказать нечего. Идею присоединить нѣмецкія области Австріи къ новой германской имперіи, Бисмаркъ, при свиданіи съ однимъ изъ австрійскихъ газетныхъ редакторовъ, опровергъ очень удачной насмѣшкой: если бы нѣмецкія области Австріи непремѣнно захотѣли присоединиться къ Германіи, ему, Бисмарку, пришлось бы вести съ ними войну; что же касается неумѣстной идеи—захватить русскія остзейскія губерніи, такую несообразность можно бы сравнить только съ претензіей возстановить владычество Гогенштауфеновъ въ Италіи; стоитъ бросить бѣглый взглядъ на карту, чтобы понять всю несообразность той и другой фантазіи. Во внѣшнихъ сношеніяхъ германская имперія прежде всего должна быть миролюбивою; больше всего это мирное настроеніе поддерживалось тѣмъ обстоятельствомъ, что ей приходилось бороться съ клерикальнымъ неблагоразуміемъ, и эта навязанная ей внутренняя борьба привлекаетъ на сторону ея правительства сочувствіе почти всѣхъ европейскихъ державъ, да и тѣ, которыя до сихъ поръ остаются холодными зрителями, и тѣ вскорѣ примутъ сторону ума и истины; само собою разумѣется, враждебно будетъ смотрѣть на это только одно изъ государствъ: въ немъ взаимная ненависть партій между собою утихла только въ однэмъ отношеніи и онѣ даже соединились въ одномъ общемъ чувствѣ ненависти къ Германіи.

2. Франція.

Чашу стыда отъ пораженій Франція выпила до дна; но и этого униженія судьбѣ казалось не достаточнымъ для несчастной страны: почти въ самый день выступленія нѣмецкихъ войскъ изъ Парижа начался постыдный рядъ скорбныхъ дней, передъ которыми даже униженіе при Седанѣ заключало въ себѣ что-то утѣшительное. Столица, послѣ выступленія нѣмецкаго войска, досталась въ руки бѣшеной толпы варваровъ, которые съ безумнымъ, преступнымъ жестокосердіемъ истребляли все, что уцѣлѣло отъ непріятельскихъ бомбъ и отъ вражескаго нашествія; французамъ пришлось самимъ у себя завоевывать свою столицу шагъ за шагомъ.

Количество пушекъ, взвезенныхъ на Монмартръ по приказанію невидимыхъ начальниковъ радикальной національной гвардіи, къ 1-му марта, какъ мы уже говорили, возросло до громаднаго числа—отъ 3 до 400 орудій; это было важное пріобрѣтеніе для радикаловъ; о сохраненіи его заботилось тайное, могущественное правленіе «центральнаго комитета національной гвардіи.» Съ этимъ-то комитетомъ генералъ Винуа началъ переговоры о выдачѣ укрѣпленной позиціи. Комитетъ наотрѣзъ отказалъ требованію генерала; затѣмъ происходили бурныя народныя собранія въ восточныхъ кварталахъ города: Монмартрѣ, Белльвиллѣ, Ла-Вилеттѣ; на собраніяхъ единодушно и шумно положено было силой отражать всякое покушеніе правительства обезоружить народъ. Рабочій классъ парижскаго народонаселенія и праздношатающаяся чернь не хотѣли отказаться отъ привольнаго житья и войти въ прежній порядокъ жизни; вмѣсто очень порядочной поденной платы за полное бездѣйствіе, вмѣсто обезпеченнаго продовольствія, не хотѣлось приниматься за тяжелую работу, получать за нее плохое вознагражденіе, оплачивать каждый кусокъ хлѣба и фунтъ картофелю—это невесело, да еще на придачу каждый могъ предвидѣть, что явятся требованія за наемъ квартиры и выплывутъ обязательства, давно не уплаченныя, недоимки податей и другихъ сборовъ; такая

перспектива для парижской черни была далеко неблистательна; кромѣ того, нашлись люди, готовые воспользоваться такимъ настроеніемъ умовъ эти; господа находили время очень удобнымъ для приведенія въ исполненіе своихъ соціалистическихъ идей: они считали возможнымъ пересоздать міръ въ пользу пролетаризма и наконецъ осуществить ученіе своего новаго евангелія, давно уже распространеннаго въ народѣ. Ему уже давно натолковали, что настоящій, самый закоренѣлый врагъ народа есть общество, такъ организованное, какъ оно существуетъ; что прежде всего свободный человѣкъ долженъ отмѣнить всякую религію, и мнимую справедливость Божію замѣнить человѣческою; бракъ, какъ учрежденіе, дѣлающее женщину рабою своего мужа, нужно уничтожить; прямую законодательную силу и, само собою разумѣется, выполненіе законовъ предоставить народу; право наслѣдства уничтожить, а всю поземельную собственность сдѣлать общинною собственностью. Центральный комитетъ, на первыхъ порахъ, требовалъ продлить поденную плату народу по 1 фр. въ день до тѣхъ поръ, пока всѣ національные гвардейцы не найдутъ себѣ работы или обезпечивающей должности, и предоставить національной гвардіи свободное право избирать своихъ офицеровъ. Пока длились переговоры, правительство, переведенное, между тѣмъ, вмѣстѣ съ національнымъ собраніемъ, изъ Бордо въ Версаль, усилило свое войско и въ ночь съ 17-го на 18-е марта овладѣло высотами. Только къ утру собралась національная гвардія съ тѣмъ, чтобы вновь отбить ихъ: но это оказалось ненужнымъ: одинъ полкъ, 88 линейный, обратилъ оружіе назадъ и прямо, не колеблясь, передался возставшимъ. Примѣръ подѣйствовалъ заразительно, — нѣкоторые солдаты передались возмутившимся, другіе позволили себя обезоружить, нѣкоторые разбѣжались; два генерала, Леконтъ и Тома, попались въ плѣнъ; ихъ въ тотъ же день разстрѣляли въ саду. Комитетъ возмутившихся укрѣпился въ Отель-де-Виллѣ; совѣтъ министровъ въ Версали рѣшился оставить Парижъ и стянуть въ Версаль незначительныя силы оставшихся вѣрными солдатъ; парижскіе форты, изъ которыхъ вышли нѣмецкія войска, тоже попались въ руки возмутившихся, исключая Монъ-Валерьена; къ возставшимъ примкнули толпы мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ, запутанныя дѣла которыхъ на время улаживались возстаніемъ; они, такимъ образомъ, или вовсе разрушали, или отсрочивали свои обязательства, которыя при обыкновенномъ ходѣ дѣлъ, — при возстановленіи прежняго порядка, — неминуемо надѣлали бы имъ много хлопотъ. Красное знамя было выставлено на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ; 21-го образовалось новое правительство; оно опубликовало программу своихъ дѣйствій и установило нѣкотораго рода организацію: учрежденъ былъ верховный совѣтъ делегатовъ, батальонный округъ, легіонный совѣтъ, центральный комитетъ; жалованье національной гвардіи продолжали производить. Духъ этого новаго управленія характеризуется тѣмъ, что оно предоставляло національной гвардіи право назначать и смѣнять всѣхъ своихъ начальниковъ, если они не оправдывали ожиданія своихъ избирателей.

Но до сихъ поръ еще не весь городъ былъ въ ихъ рукахъ. Оставалась еще часть консервативной національной гвардіи, готовой защищать порядокъ и возстановить его, но для этой цѣли ей нужно было добиться нѣкоторыхъ уступокъ въ пользу возмутившейся массы, правительство же ей въ этомъ отказало. Тьеръ объявилъ, что въ настоящее время онъ не въ состояніи помочь ей. Послѣ этого они попытались прибѣгнуть къ демонстраціи, подѣйствовать на толпу своимъ великодушіемъ,—безъ оружія, съ самымъ миролюбивымъ чувствомъ толпа консервативной національной гвардіи отъ 3 до 4000 человѣкъ пошла вдоль улицы Мира съ восклицаніемъ: «да здравствуетъ порядокъ!» Но на буйную, ожесточенную толпу нельзя было подѣйствовать такою сантиментальной выходкой. Здѣсь были люди, смотрѣвшіе на каждаго порядочно одѣтаго человѣка, какъ на личнаго врага; когда процессія вошла на Вандомскую площадь, разставленная здѣсь національная гвардія дала залпъ по безоружной массѣ и выстрѣлы, пущенные на удачу, поражали кого попало. Несмотря на такое злодѣйство, адмиралъ Сессе все-таки еще началъ переговоры съ разбойниками; отъ этого дерзость ихъ только возрасла,—они окончательно завладѣли цѣлымъ городомъ и разослали отъ себя эмиссаровъ по провинціямъ.

Но попытки ихъ не имѣли удачи ни въ Ліонѣ, ни въ Марсели, ни въ

иныхъ городахъ. Въ провинціальныхъ городахъ не доставало главнаго повода къ возмущенію: у жителей не было того высокомѣрія и той заносчивости парижанъ, изъ которыхъ выросло раздраженіе къ «мужицкому собранію» въ Версали и къ правительству, имъ созданному. Парижъ не могъ примириться съ мыслію, что лишился своего преобладанія; въ провинціальныхъ городахъ такой побудительной причины къ возстанію не было,—вотъ почему оно и ограничилось однимъ Парижемъ. Марта 26-го центральный комитетъ заставилъ, посредствомъ выборовъ, утвердить за собою тѣнь законности; онъ назвалъ былъ «Парижскою комуною.» Кандидаты ея были утверждены большинствомъ 120.000 голосовъ; а 28-го новая комуна была торжественно провозглашена. Она отъ себя установила правительственныя коммиссіи для управленія городомъ и объявила, что не принимаетъ и не признаетъ повелѣній версальскаго правительства. Началась настоящая междоусобная война: 2-го апрѣля выступилъ отрядъ въ 6000 чел. противъ Версаля, но попытка была неудачна, равно какъ и вторая, предпринятая на слѣдующій день съ большими силами. Тьеръ съ своей стороны поручилъ начальство маршалу Макъ Магону надъ арміей, составленной, по соглашенію съ нѣмецкими военными властями, изъ солдатъ, возвращавшихся изъ плѣна. Начавшіяся военныя дѣйствія, понятно, придали больше жестокости парижскому терроризму. Декретомъ комуны новаго общиннаго совѣта Парижа, Тьеръ и его министры были объявлены подлежащими суду и собственность, какую они имѣли въ Парижѣ, была конфискована; 4-го архіепископъ и нѣкоторая часть духовенства, какъ говорилось въ этомъ богопротивномъ актѣ: «священнослужители, такъ называемаго, Бога,» были арестованы, какъ заложники; непокорныхъ вѣрныхъ порядку національныхъ гвардейцевъ насильно вытаскивали изъ домовъ; съ этого времени не проходило дня, чтобы онъ не былъ отмѣченъ какою либо дикою, безумною мѣрою; изъ нихъ самая сносная и невинная была та, которая повелѣвала разрушить императорскую вандомскую колонну, потому что она, какъ памятникъ варварства, постоянно напоминаетъ нарушеніе одной изъ трехъ основныхъ добродѣтелей республики, а именно—братства. Битвы продолжались съ перемѣннымъ счастіемъ: со стороны версальскаго правительства дѣйствовали съ величайшею осторожностью, потому что опасно было бы подвергнуть пораженію войска, моральная сила которыхъ была потрясена до основанія, а самоувѣренность уничтожена; съ другой стороны невозможно было бы унизиться до того, чтобы потребовать непосредственнаго вмѣшательства нѣмецкаго войска, хотя, надобно замѣтить мимоходомъ, ихъ одно присутствіе уже не мало содѣйствовало успѣху правой стороны. Марта 19-го парижская комуна обнародовала объявленіе съ цѣлью «точнѣе опредѣлить характеръ движенія 18-го марта.» Она протествовала противъ «деспотической, несообразной, своевольной и тягостной централизаціи» управленія, одинаково тяготѣвшей надъ Франціей и подъ именемъ имперіи и монархіи, и въ парламентскомъ управленіи;» вмѣсто этого единства «должно быть свободное соединеніе всѣхъ мѣстныхъ инціативъ, а абсолютная автономія общинъ должна быть распространена на всѣ мѣстности Франціи; эта новая «коммунистическая революція открываетъ новую эру позитивной, основанной на наукѣ, опытной политики»; она есть конецъ старинаго правительственнаго и церковнаго міра, конецъ солдатства, чиновничества, биржевой игры и спекуляцій, конецъ монополій и привиллегій, въ которыхъ лежитъ начало рабства пролетаріевъ, и изъ которыхъ вытекаетъ несчастіе и гибель отечества». Эта революція была осколкомъ революціоннаго безобразія 1793 года. Понятно всякому, что эта новая эра политической свободы начала съ того, что запретила и уничтожила всѣ журналы, которые имѣли дерзость противорѣчить существующей анархіи. Не лучше обходились и съ личною свободой гражданъ: во-первыхъ, ни одинъ изъ захватившихъ власть не считалъ себя въ безопасности отъ покушеній своихъ товарищей хищничества; замѣчательно, какъ характеристическая черта времени, что 3, или 4-го военный министръ коммуны Россель, не находя своего положенія безопаснымъ, просилъ объ отставкѣ словами: «честь имѣю покорнѣйше просить отвести мнѣ келью въ Мазасѣ.» Апрѣля 20-го произошелъ переворотъ, названный парижскою комуной эволюціей; генералъ Клюзере поставленъ былъ во главѣ управленія, но уже 2-го мая, онъ принужденъ былъ уступить свое мѣсто Росселю. Каждый изъ этихъ тирановъ пользовался

короткимъ срокомъ своего владычества для удовлетворенія своихъ страстей — властолюбія, ненависти и другихъ низкихъ инстинктовъ.

Правительственныя войска, между тѣмъ, понемногу подвигались: они построили 128 батарей противъ города, и открыли огонь: 9-го взятъ былъ фортъ Исси, а 14-го фортъ Ванвръ, 16-го фортъ Монружъ; въ это время парижская комуна тѣшилась тѣмъ, что разорила домъ Тьера и обрушила Вандомскую колонну; особенное наслажденіе безумцы находили въ томъ, чтобы выбрасывать изъ церквей всю утварь, скамейки и т. д. и осквернять опустошенныя святыни всевозможнымъ способомъ. Вылазка, сдѣланная 19-го, была неудачна; комуна видѣла, что провинціи оставались спокойны, слѣдовательно, на нихъ нечего было разсчитывать; кромѣ того она предвидѣла, что нельзя будетъ противустоять версальскимъ войскамъ. На такой случай комуна постановила, 20-го, приготовить для свободы достойный погребальный пиръ, «предавъ общественныя зданія пламени.» Войска въ городъ проникли 21-го: одинъ изъ парижскихъ гражданъ, по имени Жюль-Дюкатель, съ опасностью жизни, пробрался къ отряду, расположенному близъ воротъ Сенъ-Клу, и извѣстилъ его, что на городской стѣнѣ на этомъ мѣстѣ нѣтъ гарнизона.

Комунисты были оттѣснены и имъ приходилось защищаться за баррикадами; 22-го правительственныя войска входили въ Парижъ изъ различныхъ воротъ. Къ несчастію, на 23-е войскамъ дали отдыхъ; злодѣйская комуна воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, чтобы приготовиться къ преступной тризнѣ: «гражданину Мильмеръ съ 150 фейерверкерами повелѣно зажечь всѣ подозрительные дома и общественныя зданія на лѣвомъ берегу Сены»; на долю другихъ выпали другіе кварталы—«гражданину Раулю Риго вмѣстѣ съ гражданиномъ Режеромъ поручено было привести въ исполненіе декретъ парижской комуны, касательно заложниковъ,» такъ говорилось въ декретѣ 2-го и 3-го преріаля 79 года. Изъ всѣхъ дней, исполненныхъ ужасовъ, о какихъ упоминаетъ исторія Франціи, безспорно дни отъ 23-го до 28-го мая 1871 года были самые ужасные. Въ пяти колоннахъ правительственныя войска приближались къ Отель-де-Вилю: между тѣмъ, какъ они медленно шли впередъ, передъ ними вспыхивалъ одинъ пожаръ за другимъ. Тюльерійскій дворецъ, Лувръ, Отель-де-Виль, Пале-рояль, министерство финансовъ, музей Jardin des Plantes, монастыри, театры, церкви, вокзалы желѣзныхъ дорогъ и частные дома погибали; лексиконъ словъ, изобрѣтенныхъ ужасами революціи, увеличился новыми словами: petroleurs и petroleuses, какъ назвали мужчинъ и женщинъ, наливавшихъ керосинъ въ дома и подвалы и зажигавшихъ ихъ такимъ образомъ. Раздраженные войска застрѣливали тѣхъ изъ комунистовъ, которые имъ попадались въ руки; эти разбойники съ своей стороны, въ другомъ мѣстѣ, предавались своему неистовству: «граждане Рауль Риго и Режеръ» исполняя кровавое порученіе свое, казнили заложниковъ, въ числѣ ихъ былъ архіепископъ парижскій Дарбуа, казненный во дворѣ тюрьмы Ла-Рокеттъ; такимъ образомъ въ двадцатилѣтній срокъ погибло три парижскихъ архіепископа или отъ кинжала, или отъ пули. Къ 27-му, инсургентовъ стѣснили въ крайній уголъ городской стѣны, на востокъ, а 28-го битва окончилась. Послѣдній изъ начальниковъ комуны, Делеклюзъ, окончилъ борьбу чисто театральной сценой: онъ безоружный сталъ на баррикадѣ и черезъ нѣсколько минутъ палъ, пронизанный пятью пулями. Разстрѣливанье продолжалось; 30.000 плѣнныхъ находились въ рукахъ правительства; въ битвахъ на баррикадахъ, въ домахъ, или въ иныхъ мѣстахъ виновныхъ или нѣтъ, неизвѣстно, но отъ разъяренныхъ солдатъ погибло больше 14.000 человѣкъ комунистовъ.

Побѣждая комуну, французское правительство низложило врага, противящагося всякому человѣческому прогрессу, всякому стремленію къ совершенствованію и, между прочимъ, сильнаго противника при образованіи національнаго штата, не только во Франціи, но и повсюду. Нашелся даже въ рейхстагѣ одинъ изъ приверженцевъ этихъ празднослововъ, осмѣливающихся говорить во имя новой аристократіи, которая имѣла дерзость называться партіей р а б о ч и х ъ, точно будто всѣ остальные люди ничего не дѣлаютъ, — и говоря о парижскихъ кровавыхъ оргіяхъ комуны, назвалъ ихъ неистовства маленькимъ авангардомъ дѣломъ наступающей великой борьбы пролетаріатства съ капиталомъ. Примѣръ, поданный

Парижемъ, нашелъ вскорѣ подражателей въ Испаніи. Пусть остальныя государства Европы поймутъ данный имъ урокъ, пусть обдумаютъ и взвѣсятъ предостереженіе, заключающееся въ этой борьбѣ, способной унизить гордое самосознаніе общества XIX столѣтія.

Черезъ эту побѣду правительство пріобрѣло возможность хотя нѣсколько привести въ порядокъ несчастную страну, такъ много испытавшую, и надъ паденіемъ и окончательнымъ разрушеніемъ которой, втеченіе восьми мѣсяцевъ, трудились всевозможныя разрушительныя силы. Миръ 18 мая, принятый національнымъ собраніемъ, налагалъ на Францію огромную денежную пеню, а пока она не будетъ уплачена, большая часть Франціи будетъ занята значительнымъ окупаціоннымъ корпусомъ. Къ огромной выкупной суммѣ въ 5 тысячъ милліоновъ франковъ надобно прибавить еще такую же для покрытія другихъ расходовъ и убытковъ, причиненныхъ войною. Эта тягость, способная подавить всякое другое европейское государство, за исключеніемъ развѣ только одной Англіи, оказалась по силамъ Франціи; благодаря ея дѣятельному народонаселенію, ея промышленности, ея счастливому географическому положенію, благодатному климату, Франція такъ легко вынесла наложенную на нее контрибуцію, что удивила всю Европу и заставила замолчать обвинявшихъ Германію за ея безчеловѣчную жестокость и чрезмѣрныя требованія. Іюня 6-го въ 1871 году, министръ финансовъ внесъ въ палату проектъ закона, дозволявшаго правительству сдѣлать внутренній заемъ въ $2^1/_2$ тысячи милліоновъ. Въ полусожженномъ, только что вырванномъ изъ рукъ злодѣевъ Парижѣ, тотчасъ составилась подписка въ $2^1/_2$ милліарда, а въ остальной Франціи и на прочихъ европейскихъ торговыхъ биржахъ подписка дала 5 милліардовъ. Новое соглашеніе, бывшее въ сентябрѣ, постановило: взамѣну нѣкоторыхъ таможенныхъ льготъ въ пользу уступленныхъ Германіи провинцій, окупаціонный корпусъ долженъ очистить еще шесть департаментовъ и число его будетъ уменьшено до 50.000 чел.; въ декабрѣ возстансвлены правильныя дипломатическія сношенія между Германіей и Франціей. Тьеръ отправилъ маркиза Гонто-Бирона посланникомъ въ Берлинъ. Съ нимъ въ іюнѣ 1872-го было заключено новое соглашеніе касательно уплаты остальной суммы военныхъ издержекъ; 8 іюля правительство получило отъ національнаго собранія дозволеніе на заемъ въ 3 милліарда—это самый колоссальный заемъ, о какомъ упоминается въ исторіи; уже 20-го министръ финансовъ могъ собранію представить результатъ займа; хотя, вѣроятно, употреблено было много искусственныхъ мѣръ, чтобы возвысить подписку, но все-таки эта подписка на заемъ можетъ служить блистательнымъ доказательствомъ того, какъ великъ кредитъ государства: вмѣсто 3-хъ милліардовъ, потребныхъ правительству, подписка дала 41 милліардъ. Декабря 11-го были уплачены остальные 3 милліарда военной контрибуціи; 15-го марта 1873 послѣдовало новое соглашеніе и остатки окупаціоннаго корпуса начали свое выступленіе, а 16 сентября 1873 года послѣдній нѣмецкій солдатъ, какъ мы уже говорили, оставилъ Францію.

Хотя окупаціонныя войска составляли немаловажную тягость для народа, но правительство умѣло изъ нихъ извлечь косвенную пользу: присутствіе чужихъ солдатъ налагало на различныя партіи обязанность сдерживать свои порывы и дало возможность, до поры до времени, не затрогивать нѣкоторыхъ затруднительныхъ вопросовъ, касательно окончательной формы законодательства. Неисправленный императоръ, изъ своего мѣстопребыванія въ Вильгельмсге, издалъ прокламацію; въ ней онъ говорилъ, что молчалъ до тѣхъ поръ, пока у него еще оставалась тѣнь надежды на удачную защиту Парижа: «но теперь, когда исчезла всякая благоразумная надежда на побѣду, теперь время потребовать отъ похитителей власти отчета въ безполезно пролитой крови; потребовать отчета въ развалинахъ, загромоздившихъ Францію, отчета въ разметанныхъ и растраченныхъ попусту источникахъ благосостоянія націи. Въ виду нашего общаго несчастія, мы должны забыть наше личное честолюбіе, но пока народъ посредствомъ свободныхъ выборовъ не соберетъ своихъ законныхъ представителей и черезъ нихъ не объявитъ своей воли, до тѣхъ поръ моя обязанность, какъ истиннаго, законнаго представителя народнаго состоитъ въ томъ, чтобы, обращаясь къ націи, сказать ей все, что дѣлается безъ непосредственно выраженной воли народа — неза-

конно.» Это обращеніе къ націи вызвало очень бурное засѣданіе національнаго собранія и повело за собою отрѣшеніе династіи Бонапарте отъ престола, 1 марта; послѣ этого и второе домогательство верховной власти во Франціи было устранено: комуна была только что разгромлена; въ настоящее время Франція, по своей формѣ правленія, была республикой, во главѣ которой стояло національное собраніе, составленное изъ 700 членовъ; оно-то и было теперь настоящимъ верховнымъ правителемъ Франціи и въ силу этой дарованной ему верховной власти 17-го, назначенъ былъ Тьеръ главою исполнительной власти — «въ ожиданіи рѣшенія, какую форму правленія Франція окончательно приметъ.» Большинство членовъ національнаго собранія рѣшилось на предварительную республиканскую форму правленія, потому что смотрѣло на нее, какъ на совершившійся фактъ, но истинныхъ республиканцевъ по убѣжденію въ національномъ собраніи едва ли насчитывалось больше одной трети. Большинство членовъ предоставило себѣ право на будущее время сообразно съ обстоятельствами дать этому «бордоскому условію» такое значеніе, какое найдетъ для себя пригоднымъ, и, если можно, то склониться къ монархіи, къ которой питало самое большое сочувствіе. Самъ Тьеръ раздѣлялъ такого рода симпатію, но онъ дѣйствовалъ, соображаясь съ разсудкомъ, а не съ сердечнымъ влеченіемъ и по этому поводу выразился въ собраніи такъ: на французскій престолъ есть три претендента, а мѣсто на немъ только для одного, поэтому гораздо лучше оставаться при республиканскомъ правленіи — онъ могъ бы прибавить, что эта форма можетъ служить соединительной для всѣхъ партій, но повторилъ только сказанное въ 1848 году: «намъ слѣдуетъ держаться республики, потому что она насъ менѣе всего разъединяетъ», можетъ быть, тутъ была и небольшая доля эгоизма, вѣдь онъ былъ президентомъ республики. Итакъ, Франція была «республикой господина Тьера»; но большинство было предано монархическимъ преданіямъ; это выказалось въ томъ, что національное собраніе назначило мѣстомъ своихъ засѣданій Версаль, и даже тогда, когда комуна была побѣждена и спокойствіе возстановилось въ Парижѣ, оно все-таки не хотѣло оставлять Версаль и переселяться въ Парижъ. Парижскіе насмѣшники прозвали національное собраніе мужицкимъ собраніемъ; но это не помѣшало ему выказывать склонность къ особенно усиленной централизаціи власти. Апрѣля предположено было назначать мэровъ посредствомъ общинныхъ выборовъ, но Тьеръ энергически выразилъ требованіе, чтобы мэры городовъ, въ которыхъ не менѣе 20.000 жителей, равно какъ въ главныхъ городахъ, департаментахъ и округахъ, назначаемы были, какъ прежде, отъ правительства; въ случаѣ несогласія національнаго собранія на его требованіе, онъ готовъ былъ отказаться отъ своей должности.

Претенденты, между тѣмъ, начали появляться. Такъ долго и зло осмѣянный графъ Шамборъ вдругъ сдѣлался очень важнымъ лицомъ и попытался занять первоклассное политическое мѣсто; 12 мая онъ опубликовалъ письмо, въ которомъ съ энергіей высказался за независимость папской власти, въ пользу которой духовенство уже начало волноваться. Іюня 8-го національное собраніе съ значительнымъ перевѣсомъ большинства голосовъ, отмѣнило законъ объ изгнаніи членовъ дома Бурбоновъ изъ Франціи и допустило до выборовъ принцевъ изъ Орлеанскаго дома, вслѣдствіе чего они, въ томъ же году (19 декабря), несмотря на обѣщаніе, данное Тьеру, не домогаться мѣстъ въ собраніи, все-таки поступили въ него и заняли свои мѣста. Опять начали дѣлать попытки къ осуществленію прежней мечты: слить старшую и младшую линіи Бурбоновъ, и такимъ образомъ добиться возможности возстановить старую французскую монархію. Графъ Шамборъ съ своей стороны поднялъ знамя — «знамя Генриха IV, Франциска I и Орлеанской дѣвы»,—5 іюля, онъ издалъ манифестъ, въ которомъ высказалъ готовность помочь своему отечеству. Въ связи съ этимъ манифестомъ находятся пренія 22 іюля по поводу прошеній епископовъ о возстановленіи свѣтской власти папы; такъ какъ Бонапарты очевидно лишились всякой надежды на господство во Франціи, то клерикальная партія покинула ихъ и толпами, не теряя времени, передавалась въ лагерь легитимистовъ, въ старый королевскій лагерь, и въ массѣ своихъ прошеній требовала законной монархіи и поддерживала ея права, оставляя пока въ сторонѣ интересы папы и какъ бы прежде

всего заботясь о ближайшихъ потребностяхъ Франціи; этотъ бурный наплывъ прошеній былъ въ высшей степени неудобенъ для республиканскаго правительства. Съ своею обычною изворотливостію Тьеръ отдѣлался отъ клерикальной партіи и отъ ея представителя, епископа орлеанскаго Дюпанлу, ласковыми рѣчами и полуобѣщаніями, которыя ни къ чему не обязывали: «съ одной стороны я никогда не рѣшусь подвергнуть политику моего отечества опасности; съ другой — буду отстаивать и защищать независимость святаго папскаго престола до послѣдней возможности»; за это онъ получилъ такого рода дневной приказъ, который въ случаѣ нужды можно было назвать изъявленіемъ довѣренности. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Жюль Фавръ, былъ принесенъ въ жертву большинству и замѣненъ Ремюза—старинным другомъ Тьера, чтобы противодѣйствовать монархическому стремленію; лѣвый центръ предложилъ продлить полномочія, данныя «главѣ исполнительной власти» на трехгодичный срокъ, съ титуломъ президента республики. Во время совѣщаній, 30 и 31 августа, какъ при всякомъ важномъ совѣщаніи, дѣло дошло до очень бурныхъ сценъ. Лѣвая сторона оспаривала у національнаго собранія законодательное право, представляя, что оно выбрано только съ цѣлью рѣшить: быть войнѣ, или миру; съ правой стороны горячо и съ негодованіемъ возставали на похищеніе власти въ день 4 сентября. Волненіе закончилось тѣмъ, что принятъ былъ законъ Риве, смягчавшій противоположность между главою исполнительной власти и большинствомъ членовъ національнаго собранія. Тьеру данъ былъ титулъ президента республики съ тѣмъ, чтобы, «пока авторитетъ національнаго собранія продлится, и работы, имъ предпринятыя, не окончатся, онъ исполнялъ должность, возложенную на него декретомъ 17 февраля»; кромѣ того, по предложенію министра юстиціи, Дюфора, въ законѣ упомянуты были заслуги Тьера, послужившія поводомъ къ этому закону. Но за то по 2 статьѣ его полномочія какъ президента въ нѣкоторомъ смыслѣ ограничивались. Требовалось, чтобы онъ присутствовалъ, «послѣ предварительнаго оповѣщенія», при совѣщаніяхъ національнаго собранія. Большинство не могло еще обходиться безъ Тьера, хотя недовѣріе къ нему уже возрастало все болѣе и болѣе. Сентября 13-го, по предложенію президента, собраніе было на время распущено, для того, чтобы правительству дать время выработать проекты законовъ и приготовить ихъ къ предложенію на разсмотрѣніе.

Пока засѣданія національнаго собранія были закрыты, не обошлось безъ волненій. Сентября 4-е прошло очень тихо, потому что правительство запретило праздновать этотъ день, да и, признаться, никто не находилъ достаточной причины для празднованія. Между тѣмъ началось преслѣдованіе попавшихся въ плѣнъ комунистовъ—ихъ наскоро судили, приговаривали къ смерти и разстрѣливали; назначена была коммиссія для разбора капитуляцій крѣпостей въ послѣднюю войну; по рѣшенію національнаго собранія, отъ 24 іюня, по всей Франціи начали, мало-по-малу, незамѣтно распускать національную гвардію и вмѣсто нея усиливать постоянныя регулярныя войска, вмѣсто ежегоднаго набора въ 100.000 человѣкъ положено было набирать по 120.000 человѣкъ. При удобномъ случаѣ, Тьеръ попыталъ свои правительственныя способности въ легкомъ столкновеніи съ папой, который думалъ было воспользоваться переходнымъ временнымъ состояніемъ дѣлъ во Франціи для того, чтобы дѣйствовать въ свою пользу: онъ, при назначеніи епископовъ, хотѣлъ, незамѣтно для французскаго правительства закинуть удочку: онъ придумалъ употреблять praesentavit вмѣсто nominavit, но Тьера на эту удочку нельзя было поймать. Партіи, между тѣмъ, ограничивались борьбою при выборахъ въ генеральные совѣтники, хотя они по основнымъ правиламъ не имѣли никакого дѣла съ политикой. Выборы въ члены этихъ департаментскихъ собраній, или въ окружные съѣзды, выпали почти вездѣ въ духѣ и въ видахъ правительства; бонапартистская партія добилась только 120 мѣстъ изъ числа нѣсколькихъ тысячъ.

Декабря 4-го опять открыты были засѣданія національнаго собранія, а 7-го Тьеръ, какъ президентъ, предложилъ свой подробный отчетъ. Въ послѣднихъ числахъ декабря Орлеанскій домъ напомнилъ о себѣ. Правительство предложило возвратить имѣнія, конфискованныя у Орлеанскаго дома декретомъ 22 января 1852 года, исключая тѣхъ, которыя уже были проданы и въ настоящее

время находятся во владѣніи иныхъ лицъ. Герцогъ Омальскій и принцъ Жуанвильскій сдѣлались членами національнаго собранія; кромѣ того, первый изъ нихъ 30 декабря былъ выбранъ въ члены академіи. Очень большое число генеральныхъ совѣтниковъ высказалось за введеніе общей военной повинности и общей школьной повинности; въ числѣ проектовъ законовъ, предложенныхъ собранію, былъ также законъ относительно элементарныхъ народныхъ школъ, составленный въ понудительномъ смыслѣ Ж. Симономъ, министромъ народнаго обученія. Можно было надѣяться, что уроки, данные 1870 годомъ, не пропали даромъ, и надобно полагать, теперь начнется возрожденіе Франціи, о которомъ не переставали толковать журналы. Однакожь, коммиссія, составленная собраніемъ 4 января 1872 года для того, чтобы предварительно разсмотрѣть и обсудить проектъ, къ несчастію, составлена была изъ 13 противниковъ и только 2 защитниковъ проекта; докладчикомъ назначенъ былъ епископъ Дюпанлу, только-что отказавшійся быть членомъ академіи, потому что не хотѣлъ сидѣть рядомъ съ философомъ Литтре, извѣстнымъ по своему матеріалистическому воззрѣнію.

1872 годъ начался кризисомъ, вызваннымъ Тьеромъ, настаивавшимъ на томъ, чтобы сырые продукты обложены были пошлиной; это равнялось повороту къ охранительной таможенной системѣ, уничтожало всѣ заслуги наполеоновской эры и ставило вопросъ возможно-ли соблюдать множество торговыхъ договоровъ съ различными государствами Европы. Тьеръ, какъ это часто бываетъ съ умными людьми, воображалъ, что обладаетъ глубокими знаніями въ этомъ отношеніи, тогда какъ былъ только дилетантомъ и въ преніяхъ старался взять перевѣсъ рѣзкими выходками. Когда же послѣ продолжительныхъ преній отъ 9-го до 19-го января, онъ не могъ привести свои желанія въ исполненіе, то потребовалъ увольненія; но кончилось все же тѣмъ, что позволилъ упросить себя остаться, и 2 февраля, все-таки добился того, что торговый договоръ съ Англіей былъ объявленъ недѣйствительнымъ. Необдуманность этого личнаго способа дѣйствія взволновала духъ партій. Графъ Шамборъ новымъ манифестомъ напомнилъ о своемъ существованіи; нѣкоторые члены правой стороны попытались соединить всѣхъ сторонниковъ монархическаго правленія, чтобы изъ всѣхъ подраздѣленій и партій монархистовъ создать сплоченное большинство въ національномъ собраніи и дѣйствовать сообща, по одной общей программѣ; между тѣмъ Тьеръ старался сблизиться съ элементами лѣвой умѣренной партіи и яснѣе, чѣмъ до сихъ поръ, высказывался за «консервативную республику.» Бонапартисты съ своей стороны не дремали,— пользуясь ложнымъ положеніемъ дѣлъ, они съ необыкновенною дерзостью начали возвышать голосъ въ печати; 11 февраля ихъ незначительная кучка въ національномъ собраніи нашла сильную поддержку, защитника и вождя, въ лицѣ Руэ, депутата, выставленнаго Корсикой, этой чисто бонапартистскою областью. 15 марта начались пренія по поводу бюджета, требовавшаго опять возвышенія податей на 160 милліоновъ; ихъ можно было бы найти посредствомъ экономіи на счетъ войска, но объ этомъ никто не хотѣлъ и слышать. Никто не досадовалъ на Тьера и не упрекалъ его въ томъ, что онъ на 100 милліоновъ превысилъ дозволенный бюджетъ и теперь на нормальныя издержки по войску требовалъ 80 милліоновъ больше, нежели на него расходовалось во времена имперіи. Отчетъ военной коммиссіи требовалъ введенія общей воинской повинности, за нее же высказались и генеральные совѣтники; лозунгомъ третьяго, или четвертаго претендента, Гамбетты, также было—«обученная и вооруженная нація», необходимая для счастія Франціи. Гамбетта въ апрѣлѣ предпринялъ большое путешествіе; онъ объѣхалъ полъ-Франціи, съ тѣмъ, чтобы волновать народъ и подготовить его— возвратить семейству французскаго народа часть отторгнутаго ея населенія, но готоваго возвратиться, лишь только Франція опять возстанетъ.

Когда національное собраніе вновь открыло засѣданія, послѣ непродолжительнаго отдыха, на очереди былъ проектъ закона о дополненіи войска, разсматривавшійся отъ 27-го до 30-го іюня; при этомъ не было недостатка въ указаніяхъ на недавнее прошлое; уже 22-го, Руэ съ необыкновенною дерзостью произнесъ апологію имперію и тутъ же рѣшился смѣло напасть на правительство 4-го сентября; но время его еще не пришло. Послѣ жаркаго преній между старикомъ генераломъ Шангарнье и защитникомъ Бельфора, рѣшено было ввести об-

щую военную повинность. Во время этихъ споровъ очень настойчиво высказывали и поддерживали свое мнѣніе генералъ Трошю, герцогъ Омальскій и епископъ Орлеанскій. Въ дальнѣйшихъ спорахъ Тьеръ также принялъ участіе, чтобы *настоять на пятилѣтней дѣйствительной службѣ въ арміи*; на этомъ срокѣ онъ основывалъ особенно большія надежды, а до общей повинности ему было мало дѣла; 22-го іюня утвержденъ былъ законъ о военной службѣ. По этому закону каждый годный подъ ружье французъ долженъ былъ прослужить пять лѣтъ въ дѣйствительной службѣ, четыре года въ резервахъ, пять лѣтъ «въ территоріальной арміи» и, наконецъ, *шесть лѣтъ еще числиться въ ея резервахъ*. У одного только Трошю достало мужества возставать противъ этого долгаго срока службы; но слова его: «облегчите свой бюджетъ, уменьшивъ военныя издержки», пробудили общее негодованіе. Министръ финансовъ внесъ, 24-го, проектъ о новыхъ пошлинахъ; поднялись жаркія пренія изъ-за пошлинъ на сырыя произведенія; говорили о томъ, что правая сторона, озабоченная тѣмъ, что всѣ дополнительные выборы производятся въ пользу республиканской партіи, намѣрена была воспользоваться проектомъ Тьера, чтобы свергнуть его, потому что ни просьбами, ни депутаціями не могла склонить его на свою сторону. Пренія о пошлинѣ на сырые продукты шли ожесточенныя и очень часто переходили въ политическія; выходили даже скандалы; такъ напримѣръ, 12-го іюля негодованіе монархической партіи разразилось съ ожесточеніемъ; Тьеръ не могъ добиться тишины, его поминутно прерывали, — его упрекали въ нарушеніи «Бордосскаго договора» и въ очевидномъ пристрастіи къ республикѣ. Въ вопросѣ о пошлинѣ на сырые продукты Тьеръ достигъ своей цѣли и 26-го наложили пошлину почти на 300 сырыхъ матеріаловъ, вслѣдствіе чего принуждены были обложить пошлиной соотвѣтственные имъ иностранные ввозные товары. Проектъ былъ принятъ большинствомъ 311 голосовъ противъ 265; но на первое время его нельзя было привести въ исполненіе, потому что сперва надобно было, сообразно съ этимъ распоряженіемъ, отмѣнить нѣсколько торговыхъ договоровъ, или дождаться окончанія ихъ сроковъ. 1-го августа, національное собраніе разошлось на три мѣсяца; но еще до закрытія сессій, 11-го іюля слушали докладъ епископа Орлеанскаго о народныхъ школахъ, докладъ составленный по рѣшенію большинства членовъ коммиссіи, назначенной разсматривать этотъ проектъ; само собою разумѣется, докладъ былъ написанъ вполнѣ въ духѣ клерикальной партіи и, слѣдуя тактикѣ, которой придерживались повѣйшіе ультрамонтаны, въ немъ играли понятіемъ и словомъ с в о б о д а, налагая на родителей только м о р а л ь н у ю о б я з а н н о с т ь учить своихъ дѣтей, но предоставляя имъ неотъемлемое право по своему произволу выбирать для того учителей и школу. Впрочемъ, клерикальная партія и не очень-то хлопотала о школьномъ законѣ, потому что существующее правительство, опасавшееся ея власти, предоставляло ей свободу преслѣдовать свои идеи и цѣли.

Временемъ закрытія сессій національнаго собранія каждая изъ партій пользовалась по своему. Республиканская партія домогалась, чтобы собраніе, созванное только съ цѣлью заключить миръ, было распущено и замѣнено новымъ, которому Франція дастъ повелѣніе опредѣлить окончательную форму своего законодательства; судя по тому, какъ выпали послѣдніе дополнительные выборы, казалось несомнѣннымъ, что при новыхъ выборахъ большинство представителей будетъ республиканскаго образа мыслей. Гамбетта опять предпринялъ путешествіе по Франціи; особенное впечатлѣніе произвела рѣчь, произнесенная имъ въ Греноблѣ, 26-го сентября; она была полна одушевленія, льстила гальскому высокомѣрію, и хотя по пріемамъ казалась умѣренною, но въ самомъ дѣлѣ энергически требовала, чтобы національное собраніе было распущено; при этомъ ораторъ нападалъ на буржуазію и говорилъ о н о в ы х ъ с л о я х ъ о б щ е с т в а, призванныхъ обнаружить свою силу и свое значеніе въ государственной жизни. Постоянная коммиссія, оставленная палатой, считала это достаточнымъ побужденіемъ, чтобы войти къ президенту республики съ вопросомъ, какъ правительству держать себя при такой манифестаціи радикальной партіи; Тьеръ выразилъ свое неудовольствіе по этому поводу, но въ то-же время сказалъ, что въ настоящее время республиканская форма правленія необходима: «въ душѣ можно быть вполнѣ монархистомъ, но монархію теперь возстановить во Франціи невозможно.» Но большинство

монархической партіи еще не возвысилось до того холоднаго взгляда на вещи, какимъ обладалъ просвѣщенный Тьеръ. Значительное число монархистовъ вѣрило въ королевство, и пропитано было роялистическимъ духомъ; роялисты вѣрили въ свою звѣзду и считали хорошимъ предзнаменованіемъ слѣдующее: въ то время, когда Франція была, убѣждена что роялистовъ больше нѣтъ, что они перемерли, они вдругъ возникли въ большомъ количествѣ, пріобрѣли силу и значеніе въ парламентѣ, слѣдовательно, могли надѣяться, что имъ удастся возвратить на престолъ своего законнаго короля и возстановить древнюю французскую монархію. Они разсчитывали найти поддержку въ народѣ, глубоко жаждущемъ возстановленія прочнаго порядка вещей; кромѣ того, самые пылкіе легитимисты надѣялись, что, по примѣру древнихъ временъ, само Провидѣніе совершитъ для нихъ чудо,—возстановитъ счастье Франціи и утвердитъ старинную династію на престолѣ.

Клерикальная партія, пользуясь рядомъ пораженій, вынесенныхъ французскими войсками отъ нѣмецкихъ, постаралась увеличить и упрочить свое вліяніе надъ умами; она объясняла политическія событія такъ, чтобы упрочить свою власть надъ одними и возвратить къ церкви другихъ, впавшихъ въ вольнодумство и невѣріе. Здѣсь нечего было заботиться о томъ, чтобы ватиканскіе декреты были приняты безпрекословно. Здѣсь не было рѣчи объ истинномъ религіозномъ движеніи, подобномъ старокатолическому въ Германіи; хотя разрозненныя движенія и были, но ихъ легко подавляли; но за то католицизмъ, соединившись съ политикой и питаемый жаждою мести къ нѣмцамъ, развивался въ народѣ въ самыхъ преувеличенныхъ и фанатическихъ формахъ; духовенство поджигало народъ шумными и эффектными процессіями, говорило о чудесахъ, совершавшихся то тутъ, то тамъ, и тѣмъ дѣйствовало на суевѣрную, грубую массу. Мѣстомъ для пилигримствъ было избрано мѣстечко Лурдъ, находящееся далеко отъ большихъ дорогъ, на границѣ Испаніи; здѣсь Пресвятая Дѣва Марія являлась нѣсколькимъ вѣрующимъ въ уединенномъ гротѣ. «Мы, наконецъ, находимся на пути къ моральному прогрессу,» стояло въ воззваніи, написанномъ женскимъ комитетомъ отъ 19 сентября, «въ чемъ и заключается причина соціальнаго обновленія». Появленіе Пресвятой Дѣвы въ гротѣ, навѣрное, положитъ значительный вѣсъ на вѣсы нашихъ судебъ; тамъ высочайшая точка нашей эпохи.» Далѣе воззваніе говорило, что во Франціи воскресаетъ здоровая вѣра временъ крестовыхъ походовъ; дѣйствительно, здоровая, то есть, простонародная вѣра развивалась, появлялось и упрочивалось новое поклоненіе «святому сердцу»; духовенство и его приверженцы по своему пользовались минутнымъ увлеченіемъ и настроеніемъ народа; они подавили въ себѣ сожалѣніе о потерянныхъ провинціяхъ, захваченныхъ нѣмцами, гдѣ чудеса были столько же многочисленны, но воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобъ извлекать пользу для духовно-политическаго движенія во Франціи съ ультрамонски-легитимистическими цѣлями. Новый манифестъ графа Шамбора отъ 25-го октября—«Франція въ сущности страна католическая и монархическая»— содѣйствовалъ этому движенію.

11-го ноября національное собраніе опять открыло свои засѣданія въ Версали. Партіи ожесточеннѣе прежняго готовились къ борьбѣ. Тьеръ въ своемъ отчетѣ, отъ 13-го, изложилъ положеніе страны. Онъ описывалъ его, какъ необыкновенно удовлетворительное и останавливался долго на томъ, какъ много хорошаго произошло отъ послѣдняго займа,—этими удивительно благопріятными успѣхами Франція обязана энергическимъ мѣрамъ, какія были предприняты для того, чтобы поддержать въ ней порядокъ; затѣмъ онъ прямо и съ удареніемъ говорилъ въ пользу республиканской формы правленія,—консервативной республики,—какъ единственной и прочной для Франціи. «Республика существуетъ, это теперь единственное законное правленіе для Франціи; домогаться какого бы то ни было другаго значило бы вызвать новую революцію, самую ужасную и гибельную изъ всѣхъ, когда либо существовавшихъ.» Онъ увѣрялъ, что наступаетъ рѣшительная минута, что обязанность собранія заключается въ томъ, чтобы дать республикѣ необходимую прочную форму и нужную силу.

Большинство членовъ смотрѣло на этотъ отчетъ, какъ на объявленіе войны. Нѣкоторые изъ членовъ правой стороны немедленно протестовали; 18-го, по слу-

чаю чтенія и объясненія рѣчи Гамбетты, которую излагалъ, генералъ Шангарнье, Тьеръ опять повторилъ свое приглашеніе приступить къ окончательному рѣшенію вопроса, какого рода правленію быть во Франціи? Національное собраніе составило коммиссію, чтобы разсмотрѣть и взвѣсить отчетъ Тьера отъ 13-го; отъ имени коммиссіи Батби читалъ 26-го докладъ. Онъ говорилъ объ успѣхахъ радикаловъ и о томъ, что имъ надобно противупоставить «воинствующее правленіе,» что для этой цѣли правительству необходимо оружіе, а именно верхнюю палату, вмѣстѣ съ которой, въ случаѣ серьезнаго столкновенія, подобно тому, какъ въ иныхъ государствахъ, можно было бы распустить нижнюю палату. Хотя большинство членовъ въ коммиссіи готово было бы разсмотрѣть это предложеніе, но теперь безотлагательная необходимость заключалась въ согласномъ взаимодѣйствіи національнаго собранія и исполнительной власти, а между тѣмъ, въ этомъ отношеніи существенный вредъ приноситъ личное вмѣшательство главы исполнительной власти въ пренія національнаго собранія. Докладъ оканчивался предложеніемъ составить коммиссію изъ 15-ти членовъ, которая въ самый непродолжительный срокъ обязывалась представить національному собранію проектъ закона объ отвѣтственности министровъ. Тьеръ, по своему пристрастію къ ораторской каѳедрѣ, не могъ отказаться отъ нея, и потому черезъ своего министра юстиціи, Дюфора, представилъ противъ этого другой проектъ; онъ предложилъ составить коммиссію изъ 30 членовъ, для того, чтобы опредѣлить законное отношеніе между правительственными началами и условія отвѣтственности министровъ. Послѣ жаркихъ преній побѣда осталась за Тьеромъ; на его сторонѣ было большинство 372 голосовъ, а противъ него 335. Но эта побѣда была не полная, а скорѣе только отсрочка; на слѣдующій же день его министру внутреннихъ дѣлъ, Лефранку, было выражено недовѣріе національнаго собранія. Это былъ человѣкъ съ республиканскимъ образомъ мыслей, но недовѣріе собранія, такъ опредѣленно выраженное, принудило президента дать ему увольненіе отъ должности, а 6 декабря въ коммиссію тридцати были выбраны 19 изъ числа монархическихъ противниковъ его и только 11 приверженцевъ республиканскаго начала. Англійскія газеты выразили свое мнѣніе такъ: если Тьеръ хочетъ удержаться и упрочить существованіе республиканской формы правленія, то онъ долженъ распустить національное собраніе и приступить къ новымъ выборамъ. Средство было бы дѣйствительное; но, чтобы употребить его, Тьеръ долженъ бы былъ быть инымъ человѣкомъ; онъ мелочными средствами пытался успокоить и примирить съ собою правую сторону.

Коммиссія тридцати членовъ не торопилась покончить возложенное на нее дѣло; а между тѣмъ мы не можемъ слѣдить за подробностями преній между комиссіей и Тьеромъ, не возбуждающихъ въ интереса при тѣхъ обстоятельствахъ, при какихъ предоставляется право говорить въ національномъ собраніи и защищать свое мнѣніе. Прошелъ годъ въ этихъ безконечныхъ, ни къ чему не ведущихъ преніяхъ, и ничто не измѣнилось въ сущности положенія страны, которой ни республика, ни монархія не могли вывести изъ того хаоса, въ которомъ тратились ея силы.

Слѣдующій 1873 годъ начался событіемъ, которое взволновало бы всю Европу, еслибы случилось за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, но теперь прошло незамѣтно и для Франціи и для Европы: 9 января Наполеонъ III скончался въ своемъ изгнаніи, въ Чизельгёрстѣ. Нечего говорить, всякій самъ догадается, что Франція послала ему во слѣдъ въ могилу нѣсколько проклятій, вмѣсто прощанія, потому что она въ немъ видѣла только виновника стыда, вынесеннаго ею подъ Седаномъ, забывая все хорошее, что онъ въ свое время сдѣлалъ для нея. А между тѣмъ, настоящее состояніе Франціи было таково, что изъ него нельзя было вывести заключенія, что нація заслуживаетъ лучшей участи и лучшаго правительства, которое бы она сама вызвала изъ среды своей, не изъ чего не видно было, чтобы она не заслуживала участи нести ту своеобразную цезарскую тиранію, которую наложилъ на нее Наполеонъ и подъ которой она гнулась цѣлыхъ 18 лѣтъ; напротивъ, изъ всего хода дѣлъ можно было заключить, что Франція до сихъ поръ не много выиграла отъ перемѣны правленія, установившагося съ 4 сентября. Попытка выйти изъ временнаго положенія, въ какомъ она находилась, не удалась: она напрасно старалась сбросить съ себя неопредѣленное положеніе, въ теченіе

двухъ лѣтъ подвергавшее ее постоянной опасности потерять въ одинъ день все добытое съ такимъ стараніемъ; невозможно было даже начать великаго перерожденія; такъ, напримѣръ, 26 министръ народнаго просвѣщенія принужденъ былъ взять назадъ свой проектъ о школахъ, потому что епископъ Дюпонлу открыто возставалъ противъ него и искажалъ его смыслъ для своихъ клерикальныхъ цѣлей. Между тѣмъ, комиссія тридцати приготовила проектъ «конституціоннаго законодательства», и съ 27-го начались пренія по случаю этого новаго временнаго уложенія. Тьеръ настаивалъ на органическомъ устройствѣ правленія, а большинство членовъ коммиссіи и національнаго собранія думало только о томъ, какъ бы отодвинуть на второй планъ прочныя учрежденія, и дѣйствовать только съ цѣлью ограничить вліяніе президента, уже неудовлетворявшаго болѣе ихъ требованіямъ и управлявшаго не въ ихъ смыслѣ. Марта 13 проектъ былъ принятъ крайней лѣвой и крайней правой стороной, большинствомъ 407 противъ 225 голлосовъ. Но проектъ этотъ ни на волосъ не измѣнилъ положенія дѣлъ, хотя въ немъ и говорилось, что національное собраніе, до закрытія своихъ сессій, должно опредѣлить: организацію законодательной и исполнительной власти, равно и способъ, какъ составить вторую палату, опредѣлить новый законъ для выборовъ и требовать отъ правительства, чтобы немедленно представлены были проекты законовъ по всѣмъ этимъ частямъ. Большинство сомнулось по причинѣ постоянно повторявшихся выборовъ въ республиканскомъ духѣ и при всѣхъ, для большинства представителей неблагопріятныхъ признакахъ рѣшилось наконецъ, 4 апр. приподнять маску, за которой скрывалось: вмѣсто президента Греви, до сихъ поръ честно исполнявшаго свою должность, человѣка съ республиканскимъ образомъ мыслей, но отказавшагося отъ своего назначенія, такъ какъ онъ созналъ все ничтожество своего неблагодарнаго положенія, большинствомъ 304 человѣкъ противъ 285 избранъ былъ на его мѣсто Бюффѣ, человѣкъ по своимъ убѣжденіямъ, непріятный для правительства; на это республиканская партія захотѣла выразить свое неудовольствіе демонстраціей, какъ всегда крайне неловкой, и тѣмъ оказала противникамъ Тьера истинную услугу, давъ толчекъ его и безъ того шаткому положенію. Надобно было выбрать одного дополнительнаго депутата отъ г. Парижа; собралась депутація отъ самыхъ значительныхъ гражданъ Парижа и предложила кандидатство министру иностранныхъ дѣлъ, Ремюза, личному другу Тьера, чтобы доказать ему благодарность за только-что состоявшееся соглашеніе съ Германіей; Ремюза принялъ предложенное ему кандидатство. Радикалы, въ числѣ ихъ Гамбетта, не доказавшій въ этомъ дѣлѣ восхваляемаго въ немъ таланта государственнаго человѣка, противупоставили этому кандидату бывшаго ліонскаго мэра Бародѣ. Радикалы досадовали на то, что національное собраніе не задолго передъ тѣмъ навязало городу Ліону городское положеніе Парижа; но такъ какъ Ліонъ вовсе не былъ настроенъ въ пользу клерикальной партіи, то не хотѣлъ упустить удобнаго случая надосадить большинству; при общемъ голосованіи оказалось, что за Бародѣ было 180.000 голосовъ, 135.000 за Ремюза и 27.000 за полковника Стоффеля, послѣдняго императорскаго военнаго агента въ Берлинѣ. За него было всего-на-все 27.000, но вѣрнымъ признакомъ того настроенія, въ какомъ находилось общество, можетъ служить то, что все, не принадлежавшее къ республиканской партіи, было за кандидата изъ лагеря бонапартистовъ; банапартисты опять на столько сдѣлались сильны, что кто не принадлежалъ къ республиканской партіи—принадлежалъ къ нимъ.

Неловкость, сдѣланная республиканцами выборомъ Бародѣ, была очевидна. Большинство депутатовъ сосчитало дополнительные выборы, съ 7 іюля 1781 года, и оказалось, что изъ 144 депутатовъ на ихъ долю выпало только 29; этотъ послѣдній выборъ далъ имъ право спросить, куда же ведетъ правленіе г. Тьера, и тутъ же заставило подумать, что пора его удалить. Тьеръ, съ своей стороны, 18-го мая, призвалъ въ кабинетъ министровъ—трехъ умѣренныхъ республиканцевъ—въ числѣ ихъ Казиміра Перрьѣ, и уволилъ одного республиканца, Симона, особенно ненавистнаго клерикальной партіи, и одного консерватора—Гулара. Засѣданія національнаго собранія открыты были 19-го; генералъ Шангарнье тотчасъ объявилъ свое замѣчаніе по поводу новѣйшихъ перемѣнъ въ министерствѣ, его подписали 320 человѣкъ. Министръ юстиціи, Дюфоръ подалъ проекты законовъ объ организаціи исполнительной власти и объ учрежденіи верхней палаты; въ веде-

ніи къ проектамъ было сказано, что предметомъ ихъ служитъ намѣреніе ввести, законами утвержденную, правильно организованную республику, которой требуютъ обстоятельства и политика. Но этотъ проектъ законовъ не былъ даже допущенъ до совѣщанія. Все было рѣшено уже во время преній изъ-за протеста Шангарнье: правая сторона была увѣрена въ успѣхѣ,—ея части соединились и подкрѣпились нѣсколькими подкупными голосами лѣваго центра. Пренія начались 23-го, напрасно Тьеръ употребилъ въ дѣло свое краснорѣчіе, основывая всѣ свои доказательства на одномъ очень логическомъ положеніи—«есть только одинъ, тронъ а троимъ на немъ нѣтъ мѣста.» Онъ съ особенной энергіей останавливался на томъ, что онъ съумѣлъ поддержать матеріальный порядокъ во Франціи; но такъ какъ онъ говорилъ посреди французовъ, то и не затруднился похвастаться, что порядокъ, имъ установленный, «во сто разъ прочнѣе и лучше даже того, какой въ настоящее время у нашихъ побѣдителей.» Надобно замѣтить, что около этого времени въ Штутгартѣ и во Франкфуртѣ чернь поднялась и бунтовала, что показываетъ, что чернь повсюду останется чернью и не въ одномъ только Парижѣ лакома до чужаго добра.—Тьеръ видѣлъ, что дѣло его уже до половины проиграно, это доказывалось раздраженіемъ, съ какимъ онъ поразилъ герцога Брольи, виновника всей коалиціи правой стороны. Послѣдній какъ-то упрекнулъ Тьера въ томъ, что ему покровительствуютъ радикалы; Тьеръ сказалъ ему: «что и онъ самъ находится подъ покровительствомъ, но протекторы его такого рода, что старый благородный отецъ его, герцогъ Брольи, съ отвращеніемъ отказался бы отъ ихъ покровительства, потому что самъ находится подъ покровительствомъ имперіи.» Но это были напрасно потраченныя слова: приказъ (ordre du jour), составленный по словамъ депутата Эрну, выразилъ только сожалѣніе по поводу назначенія новыхъ министровъ и былъ принятъ большинствомъ 360 голосовъ противъ 344, тогда какъ приказъ, предложенный правительствомъ, былъ отвергнутъ. Сессіи были отложены, но вновь открыты въ тотъ же день въ 8 часовъ вечера. Министръ Дюфоръ представилъ просьбу объ отставкѣ, поданную президентомъ. Лѣвая сторона предложила не принимать этого прошенія; но предложеніе это было отвергнуто большинствомъ 368 голосовъ противъ 339; дѣйствіе на эту тему продолжало развиваться: соединилось 390 голосовъ съ намѣреніемъ избрать новаго президента. Выборъ палъ на разбитаго близъ Рейхсгофена, но, тѣмъ не менѣе, славнаго маршала Макъ-Магона. Въ $11^3/_4$ часовъ ночи предсѣдатель національнаго собранія, Бюффе, принесъ извѣстіе, что маршалъ «не безъ труда» рѣшился принять предложенное ему назначеніе.

Такимъ образомъ не прошло и трехъ лѣтъ послѣ импровизированной третьей гражданской республики, какъ опять дошло до того, что во главѣ Франціи поставленъ былъ военный человѣкъ. На свѣтѣ часто дѣлаются такого рода непонятныя вещи: одного изъ наполеоновскихъ маршаловъ, Базэна, готовились подвергнуть военному суду и, можетъ быть, приговорить къ смерти, тогда какъ произволъ и случайность возводили втораго, на самомъ дѣлѣ, ничѣмъ не лучше и не хуже перваго, но счастливаго тѣмъ, что ему удалось во время получить рану и что онъ не подписывалъ своего имени подъ капитуляціей, столько же необходимой и постыдной, какъ капитуляція Метца, но теперь, благодаря этой случайности, или вѣрнѣе этой ранѣ, его—возводили на верховную ступень правительственной власти во Франціи. Какъ обѣднѣла французская нація! она теперь довольствовалась именемъ побѣжденнаго; но для цѣлей составившейся коалиціи партій, имѣвшихъ общимъ только ненависть ко всему, что отзывалось республикой, такой человѣкъ, какъ Макъ-Магонъ, былъ вполнѣ пригоденъ: у него не было самостоятельнаго политическаго воззрѣнія, не было возвышенныхъ честолюбивыхъ стремленій, онъ былъ доволенъ тѣмъ, что его осыпали лестными титулами «честнаго солдата», новѣйшаго Баярда и т. п.

Маршалъ составилъ свое министерство изъ различныхъ элементовъ коалиціи; тутъ были и орлеанисты, и легитимисты, и даже бонапартисты, которые мало-по-малу, шагъ за шагомъ шли впередъ; къ ихъ партіи принадлежалъ министръ финансовъ Мань (Magne) и военный министръ де Сиссэ; къ партіи орлеанистовъ надобно причислить главу новаго кабинета, министра иностранныхъ дѣлъ, герцога Брольи. Въ посланіи, обращенномъ къ національному собранію, отъ 25 мая, новый президентъ выказался покорнѣйшимъ слугою собра-

нія, т. е. большинства: «Я смотрю на себя на томъ постѣ, на который вы меня поставили, какъ на часоваго, поставленнаго для того, чтобы оберегать неприкосновенность верховной власти, вамъ врученной».

Новое правительство выказало себя, какъ сила воюющая, обязанная напрягать всѣ свои средства, чтобы остановить отъ ежедневно усиливающагося радикализма то, что оно называло «моральнымъ порядкомъ» и что ежедневно надобно было или поддерживать, или возстановлять. Но ея усилія не встрѣтили большаго сопротивленія. Члены лѣвой стороны собранія и вожди республиканскихъ партій съ своей стороны проповѣдывали также сохраненіе самаго строгаго порядка, они, казалось, думали, что правленіе подъ руководствомъ «честнаго солдата» измѣнится само собой, безъ насильственныхъ мѣръ, и потому не считали предосудительнымъ и съ своей стороны сказать ему доброе слово; ожидать перемѣны они были въ нѣкоторомъ смыслѣ въ правѣ, потому что большинство, возведшее президента, было очень незначительно и коалиція партій, давшая этотъ перевѣсъ, не могла продержаться долго. Приверженцы Тьера чуть шевелились—они довольствовались не шумными и безвредными демонстраціями въ пользу «великаго гражданина, «освободителя Франціи отъ иноплеменниковъ» и т. п. восклицаніями, предназначенными для того, чтобы порадовать Тьера и надоѣсть его противникамъ. Такое напоминаніе о его существованіи было недурно, потому что на сторонѣ противниковъ были клерикалы и солдаты. Новый президентъ въ сношеніяхъ съ иностранными державами показалъ большую скромность; герцогъ Брогліо утвердилъ прежнихъ посланниковъ при иностранныхъ дворахъ и подтвердилъ инструкціи, имъ прежде данныя, но за то во внутреннемъ управленіи производились перемѣны: смѣняли низшихъ чиновниковъ и префектовъ, замѣченныхъ въ республиканскомъ образѣ мыслей; намѣренія, служившія поводомъ къ перемѣнамъ, прямо высказаны въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ Бёле, разосланномъ префектамъ: «національное собраніе, прежде всего, требуетъ отъ новаго правительства, чтобы оно поставило во главѣ консервативнаго управленія правительственный персоналъ, заслуживающій довѣрія и подчиненный твердой волѣ верховныхъ двигателей». Въ наставленіи префектамъ было сказано: «говорите громко, безъ стѣсненія, на какой сторонѣ ваша симпатія, и встрѣтите наши поощренія». Въ направленіи нельзя было сомнѣваться: на каждомъ шагу это давали чувствовать республиканскимъ префектамъ, мэрамъ и издателямъ газетъ. Даже мертвые должны были подчиниться новымъ требованіямъ правительства; такъ, напримѣръ, ревностный префектъ Ліона позволялъ вывозить мертвыхъ и исполнять всѣ похоронныя процессіи только до 6 часовъ утра; никто не протестовалъ и не возражалъ, когда декретъ этотъ поясняся и оправдывался тѣмъ, что, по существующимъ санитарнымъ постановленіямъ, жители городовъ обязывались очищать городъ и вывозить изъ него все, заражающее воздухъ до разсвѣта.—Одновременно съ поклоненіемъ святому сердцу усилились пилигримства, — клерикальная партія пыталась придать этому увлеченію новую силу. Открылись еще новыя мѣста поклоненій и творились новыя чудеса то тутъ, то тамъ; болѣе всего съ Лурдомъ соперничала новая святыня Парэ-ле-Моніаль; въ процессіяхъ принимали участіе многіе изъ членовъ національнаго собранія, офицеровъ и множество людей, старавшихся быть замѣченными новымъ правительствомъ и заслужить его благосклонность. Франція забывалась въ процессіяхъ, въ горячихъ молитвахъ, возносимыхъ сердцу Господа Іисуса Христа, или Пресвятой Дѣвы, или еще какому-либо изъ мѣстныхъ святыхъ; въ этомъ увлеченіи принимали участіе папа и Эльзасъ, знамена, флаги и цвѣта котораго, всегда прикрытые чернымъ крепомъ, служили постояннымъ украшеніемъ этихъ мѣстъ поклоненія. Это движеніе имѣло въ печати свой собственный органъ Pélérin, а мѣсяцъ августъ былъ особенно богатъ такого рода торжествами. Іюля 25-го, національное собраніе приняло проектъ закона для учрежденія на Монмартрѣ церкви подачи голосовъ. Въ тотъ же день сдѣлана была поправка въ законѣ о пошлинахъ на сырые продукты, изданномъ по настоянію и подъ вліяніемъ Тьера. Но 30-го засѣданія національнаго собранія были закрыты; въ постоянной комиссіи, исполнявшей его должность, 16 членовъ принадлежали коалиціи, а 9 были или полу, или полными республиканцами.

Несмотря на преобладаніе монархической партіи, вопросъ о томъ, какъ возстановить тронъ и кому изъ трехъ претендентовъ отдать его, не подвигался къ окончательному рѣшенію. Нельзя, однакожъ, сказать, чтобы партіи оставались въ бездѣйствіи; нѣсколько дней спустя, случилось важное сближеніе, до сихъ поръ никакимъ образомъ неудававшееся. Августа 5-го, внукъ Людовика-Филиппа, глава младшей линіи, графъ Парижскій посѣтилъ въ Фросдорфѣ графа Шамбора, главнаго представителя вновь возстановленнаго дома французскаго; визитъ ему отданъ былъ на слѣдующій день въ Вѣнѣ. «Теперь уже рѣшено и утверждено», говорилось въ газетѣ, преданной Орлеанскому дому, «что во Франціи нѣтъ болѣе двухъ царствующихъ домовъ, а остался только одинъ, графъ Шамборъ — глава этого дома; слѣдовательно, если монархія во Франціи будетъ возстановлена, то должно обратиться къ нему, какъ къ законному королю. Теперь всѣ монархическія партіи съ энергіей стремились къ этой цѣли. Духовенство дѣятельно принялось за дѣло; папскій нунцій изо всѣхъ силъ хлопоталъ о счастливомъ разрѣшеніи вопроса; была надежда пріобрѣсти большинство голосовъ въ національномъ собраніи, однако, не гнались за особенно значительнымъ большинствомъ: были бы довольны только однимъ лишнимъ въ свою пользу голосомъ,—въ согласіи маршала-президента не сомнѣвались: на него дѣйствовала жена его, горячо преданная легитимистамъ. Нѣкоторыя газеты уже подготовляли общество къ предполагавшейся перемѣнѣ; не смотря на слабые протесты и демонстраціи республиканцевъ, въ обществѣ господствовало чувство покорности, и нѣкоторыя иностранныя газеты, хорошо знакомыя съ ходомъ дѣла, уже указывали, какъ на нѣчто вѣрное, на реставрацію Генриха V. Но было маленькое разногласіе между депутатами, стоявшими за это дѣло: чистые легитимисты хотѣли, чтобы возвратившійся король пользовался неограниченною властью; напротивъ, орлеанисты и съ ними всѣ тѣ, которые, не принадлежа ни къ той, ни къ другой партіи, не противились, однакожъ, возстановленію королевской власти, желали только дать несчастной странѣ какое бы то ни было спокойствіе, они хотѣли, чтобы возстановленіе монархіи и короля было связано извѣстными условіями, хотѣли хартіи, или основныхъ ограниченій конституціоннаго правленія; хотѣли добиться гарантій—въ духѣ свободы, чтобы дорого купленныя права, начиная съ 1789 года, не пропали даромъ; но разногласіе было не сильно и можно было согласить противорѣчія. Самъ графъ, или будущій король, въ письмахъ, и окончательно въ письмѣ отъ 19 сентября, написанномъ къ одному изъ легитимистическихъ депутатовъ, называлъ болтовню—о возстановленіи десятиннаго налога, о феодальныхъ правахъ, о религіозной нетерпимости,— несбыточными и нелѣпыми фантазіями; депутація, отправлявшаяся для переговоровъ въ Фросдорфъ, тоже привезла оттуда самыя утѣшительныя вѣсти. Собранія и разсужденія правой стороны всевозможныхъ партій становились чаще и продолжительнѣе, а противодѣйствующія имъ республиканскія и бонапартистическія сходки происходили вяло, безъ энергіи. Къ 12-му прибыли посланные отъ партіи роялистовъ, гг. Люсіенъ, Брюнъ и Шенелонъ (Lucien, Brun и Chesnelong) въ Зальцбургъ, чтобы представиться королю Генриху V.

Въ Парижѣ готовились къ рѣшительной парламентской борьбѣ,—вся лѣвая сторона рѣшилась поручить свои интересы Тьеру; 22 октября въ двухъ отдѣльныхъ собраніяхъ приготовляли проекты законовъ и разсуждали о нихъ, чтобы немедленно предложить ихъ національному собранію; толковали о томъ, при какихъ условіяхъ и ограниченіяхъ призвать главу старинной королевской династіи Франціи: Генриха - Карла - Фердинанда - Марію - Дьёдонне на наслѣдственный тронъ королей французскихъ. Послѣднее недоразумѣніе возникло изъ-за цвѣтовъ королевскаго знамени. Предложеніе нарочно для этого устроенной комиссіи заключалось въ слѣдующемъ: «трехцвѣтное республиканское знамя останется; въ немъ ничего не можетъ быть измѣнено безъ согласія между королемъ и національными представителями». Но всѣмъ было извѣстно, что графъ Шамборъ имѣетъ свои предубѣжденія по поводу этого пункта; однако, казалось, въ этой второстепенной вещи можно будетъ помириться: если король согласится сохранить трехцвѣтное знамя, то съ другой стороны представители народные, навѣрное, согласятся прибавить бѣлую повязку, полосу, двѣ-три бѣлыя кисти, двѣ-три

лиліи. Г. Шенелонъ, возвратившись изъ Фросдорфа, думалъ, что можетъ дать въ этомъ отношеніи самыя успокоительныя вѣсти. Узнали, что графъ и графиня Шамборъ готовятся къ путешествію; оба подраздѣленія правой стороны окончательно соединились; послѣдній актъ драмы могъ разыграться.

Но 30 октября, самымъ неожиданнымъ и почти смѣшнымъ образомъ для всѣхъ, разлетѣлись пестрыя мечты о возстановленіи королевскаго дома Бурбоновъ. Графъ Шамборъ написалъ письмо г. Шенелону, въ которомъ ясно доказалъ, что Франціи не отъ него ждать спасенія. Онъ очень подробно старался разъяснить недоразумѣнія, возникшія между ними. Смыслъ длиннаго и неяснаго письма его заключался въ словахъ, что онъ не хочетъ быть законнымъ королемъ революціи, что онъ не хочетъ отказываться отъ бѣлаго знамени, что онъ и слышать не хочетъ объ условіяхъ и гарантіяхъ, а между тѣмъ присовокуплялъ: «я—единственный кормчій, способный довести корабль Франціи до гавани, потому что на мнѣ лежитъ миссія исполнить это и мнѣ для того дана свыше потребная сила.»

«Моя личность — ничто, но мой принципъ — все», гласило это жалкое письмо; въ немъ плачевный внукъ нѣкогда великаго и могущественнаго королевскаго рода отталкивалъ отъ себя корону, которую ему уже подавали. Первая половина приведеннаго нами предложенія справедлива, но принцъ забылъ: если личность его ничто, тогда и принципъ его превращался въ ничто, потому что представителемъ всякаго принципа должна быть личность, одаренная силою и значеніемъ. Можетъ быть, его разсужденія о бѣломъ знамени, о знамени Иври и т п., — былъ только предлогъ, за которымъ онъ скрывалъ гораздо важнѣйшія причины; можетъ быть, у него не доставало мужества принять на себя великую задачу, или онъ видѣлъ, что незначительное большинство голосовъ въ собраніи изъ 700 депутатовъ не есть прочное основаніе для возстановленнаго трона.

Какъ бы то ни было, но реставрація, окончательно подготовленная, черезъ это посланіе, сдѣлалась невозможной. Итакъ, вмѣсто того, чтобы мечтать о возстановленіи древняго королевскаго дома, пришлось придумывать иное средство для устройства дѣлъ Франціи. Нѣчто подобное нашли, когда предложенъ былъ проектъ продлить власть настоящаго правителя на нѣсколько лѣтъ—на 5, 8 или 10 лѣтъ, смотря по общему мнѣнію. Дѣловая и вся промышленная дѣятельность народа жестоко страдала отъ неопредѣленнаго положенія правительства; но учредить постоянное и прочное правильство теперь не было возможности, надобно было, до поры до времени, удовольствоваться тѣмъ, чтобы продлить настоящее положеніе дѣлъ на нѣсколько лѣтъ — это походило бы на удлиненный срокъ перемирія, такъ какъ заключить настоящаго мира не было возможности. Самъ маршалъ указывалъ на этотъ исходъ въ отчетѣ, которымъ 5 ноября привѣтствовалъ вновь собравшееся національное собраніе. У правительства нѣтъ достаточно обезпеченнаго могущества при положеніи, которое не сегодня, такъ завтра можетъ измѣниться, оно съ трудомъ можетъ отвѣчать за спокойствіе одного дня, но за безопасность слѣдующаго отвѣчать не можетъ. Какъ эхо на этотъ отчетъ, послѣдовало предложеніе Шангарнье предоставить исполнительную власть маршалу Макъ-Магону на тѣхъ же условіяхъ, какъ до сихъ поръ, до подачи голосовъ, касательно конституціоннаго законодательства; чтобы обсудить и разобрать это предложеніе, онъ требовалъ—назначить комиссію изъ 15 членовъ.

Монархическія партіи встрѣтили это предложеніе съ удовольствіемъ, потому что оно избавляло ихъ отъ окончательнаго рѣшенія провозгласить ненавистную республику и давало имъ возможность, пока длится временное правительство, волновать народъ и интриговать для своихъ личныхъ цѣлей. Въ этотъ промежутокъ времени, все-таки что нибудь могло бы случиться, напримѣръ: графъ Шамборъ могъ бы умереть и открыть мѣсто графу Парижскому и дать ему возможность сдѣлаться главою французскаго царственнаго дома, или—вещь болѣе невѣроятная,—самъ гр. Шамборъ могъ бы сдѣлаться разумнѣе; бонапартисты, съ своей стороны, могли полагать, что нѣсколько лѣтъ ожиданія не повредятъ незрѣлому юношѣ, представителю ихъ партіи, говорившему рѣчь въ Чизельгорстѣ 15 августа. Это предложеніе отчасти понравилось даже республиканцамъ: имъ оставалось набрать еще не много

голосовъ, чтобы пріобрѣсти перевѣсъ въ національномъ собраніи, слѣдовательно на время они могли дожидаться. Но болѣе всѣхъ предложеніе это понравилось тѣмъ, которые особенно сильно возставали противъ предложенной лѣвой стороною мѣры — распустить національное собраніе; это равнялось бы уничтоженію ихъ самихъ, потому что теперь они, какъ члены этого самаго національнаго собранія, принимали участіе въ правленіи. Но съ той минуты, какъ права, данныя маршалу, будутъ продолжены и положено будетъ — установить прочное конституціонное законодательство, существованіе національнаго собранія утвердится на долгій срокъ; при искусственныхъ же средствахъ его можно еще продлить на неопредѣленное время. Но десятилѣтній срокъ для президентства показался слишкомъ продолжительнымъ, поэтому комиссія изъ 15 членовъ предложила пятилѣтній срокъ; однако, маршалъ началъ торговаться; вслѣдъ за нимъ и партіи; окончилось тѣмъ, что срокъ для президентства назначенъ былъ семилѣтній. Партія бонапартистовъ, вѣрная своей методѣ, предложила рѣшить дѣло плебисцитомъ, но предложеніе отвергнуто было большинствомъ 83 голосовъ; послѣ этого, 19 ноября 1873 года, принята была большинствомъ 378 голосовъ противъ 310 форма правленія, для котораго нѣтъ названія ни въ одномъ учебникѣ государственнаго права и для котораго выдумали особенное названіе септенната.

Эта форма правленія нынѣ существуетъ во Франціи: это ни рыба, ни мясо, ни республика, ни монархія. Это новаго рода тиранія, во главѣ которой стоитъ не одно лицо, а цѣлое собраніе, несогласное въ своихъ составныхъ частяхъ и согласное только въ томъ, чего оно не хочетъ; оно при каждомъ голосованіи должно опасаться, чтобы противная партія не усилилась новыми выборами и не пересилила бы существующаго правительства; исполнительная власть въ рукахъ президента, не имѣющаго своихъ опредѣленныхъ взглядовъ на политику, съ очень ограниченными способностями какъ правителя, выбирающаго своихъ министровъ изъ людей, знающихъ ту, или другую спеціальность, но не заботящагося о томъ, чтобы они имѣли какое либо одно политическое направленіе; довольствующагося при выборѣ тѣмъ, чтобы угодить одной, другой, или третьей партіи, смотря по тому, которая изъ трехъ беретъ перевѣсъ въ національномъ собраніи. Слѣдовательно, при этой формѣ правленія до сихъ поръ выиграли только бонапартисты, потому что они знаютъ, чего хотятъ и чего добиваются, да еще выигралъ Римъ съ своею партіей: она пользуется общей сумятицей, общественнымъ несчастіемъ страны, частію ею самою причиненнымъ, и извлекаетъ изъ него свои выгоды.

Въ такомъ-то печальномъ положеніи находилась Франція на третій годъ, послѣ своего, такъ называемаго, возрожденія. Ея внѣшняя политика тоже не представляла ничего утѣшительнаго: изъ нея мы узнаемъ самое необходимое, когда будемъ разсматривать отдѣльныя государства Европы, на которыхъ отражалось вліяніе Франціи. Но въ глубинѣ всѣхъ помысловъ и начинаній во всѣхъ партіяхъ одинаково таится глубокое чувство мести къ Германіи; оно готово вспыхнуть при первой возможности. Богатая Франція по тому же самому чувству охотно несетъ тяжесть, возложенную на нее преобразованіемъ арміи; но страна, потрясенная въ цѣломъ составѣ своемъ, отданная на растерзаніе партіямъ, ясно доказавшая недостатокъ въ правительственныхъ организующихъ силахъ, способная довольствоваться эфемернымъ правительствомъ, въ сущности такая страна не можетъ имѣть крѣпкой и здоровой внѣшней политики и, въ этомъ отношеніи историкъ принужденъ будетъ сознаться, что настоящее правительство Франціи есть худшее, когда либо въ ней существовавшее.

3. Австрія.

Мы уже говорили, что министерство графа Потоцкаго распустило, 21-го мая 1870 года, рейхсратъ и земскіе сеймы, исключая богемскаго, и что въ данное время происходила борьба противоположныхъ направленій; и положеніе дѣлъ въ цислей-

танской половинѣ государства не могло придти въ равновѣсіе; боролось направленіе централизаціи съ федеральнымъ, послѣднее взяло перевѣсъ. Мы не будемъ вдаваться въ подробности, касательно выборовъ депутатовъ для различныхъ сеймовъ, равно какъ и не будемъ говорить о разсужденіяхъ и преніяхъ въ этихъ корпораціяхъ; замѣтимъ только, что сознаніе силы проснулось въ нѣмецкой части народонаселенія Австріи, и идея племеннаго и государственнаго объединенія, при видѣ преувеличенныхъ требованій и претензій отдѣльныхъ коронныхъ земель, значительно усилилась и получила особенное значеніе отъ сознанія побѣдъ, одержанныхъ ихъ соотечественниками въ теченіе августа и сентября надъ французами; побѣды эти болѣзненно отозвались въ клерикальныхъ чешскихъ и феодальныхъ кружкахъ; здѣсь на нихъ смотрѣли, какъ на столько же пораженій. Между тѣмъ центробѣжная сила партіи въ большей части сеймовъ брала перевѣсъ; богемскій сеймъ, или вѣрнѣе богемское собраніе — потому что чешское большинство не признавало за сеймомъ законнаго права существованія,—ободренное нерѣшительностію правительства, отправило адресъ императору; въ немъ опять съ особенной энергіей оно настаивало на правѣ индивидуальнаго существованія королевства Богемскаго и предлагало отправлять въ рейхсратъ только депутаціи для различныхъ переговоровъ, но не соглашалось посылать формальныхъ депутатовъ въ рейхсратъ.

Въ 1870 году, 17-го сентября императоръ открылъ засѣданія рейхсрата, далеко не полнаго. Въ своей тронной рѣчи онъ указывалъ на необходимость жертвовать частными желаніями и потребностями для потребностей общихъ, сожалѣлъ, что въ рейхсратѣ нѣтъ богемскихъ депутатовъ, указывалъ, какъ на первую необходимость привести въ порядокъ цѣлый рядъ отношеній между католической церковью и государственнымъ управленіемъ, потому что 30-го іюля того же года конкордатъ былъ отмѣненъ формальнымъ рѣшеніемъ; поступокъ этотъ оправдывался очень ловкимъ замѣчаніемъ: такъ какъ одна изъ договаривавшихся сторонъ, папа, черезъ обнародованное имъ ученіе о непогрѣшимости, существенно измѣнилъ юридическій характеръ своей власти, то отношенія, опредѣленныя конкордатомъ, нарушились, сдѣдовательно и самый договоръ существовать долѣе не можетъ. Въ рейхсратѣ партіи централистовъ и федералистовъ противустояли другъ другу почти при равныхъ силахъ. Когда же правительство, испытавъ силу убѣжденія и кроткія увѣщанія, приказало произвести въ Богеміи выборы, непосредственно самимъ народонаселеніемъ, депутатовъ прямо для рейхстрата, тогда отношенія между партіями измѣнились: 24 депутата, приверженцы конституціи, избранные народомъ, вступили въ рейхсратъ, а 36 депутатовъ, принадлежащихъ къ партіи декларантовъ, не воспользовались своимъ назначеніемъ и не явились въ рейхсратъ. Министерство, сдѣлавшее своимъ девизомъ: примиреніе разноплеменной національной оппозиціи, держалось не крѣпко. Нѣмецкая партія упрекала министерство за нарушеніе конституціи, а палата господъ въ своемъ энергическомъ адресѣ высказала, что министерство не надежно: оно стремится достигнуть невозможнаго, пытаясь примирить контрасты, что однажды принятаго законодательства необходимо крѣпко держаться, положить конецъ неповиновенію основнымъ законамъ и заставить смотрѣть на нихъ, какъ на неприкосновенную святыню; съ своей стороны графъ Потоцкій принужденъ былъ сознаться, что его переговоры съ чехами ни къ чему не повели. Палата депутатовъ, пользуясь своими правами, положила продолжать собирать подати только въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ слѣдующаго года (ноября 21-го); министерство еще протянулось нѣкоторое время, но 7-го февраля 1871 года получило давно желанное увольненіе.

Въ то-же время узнали, что графу Гогенварту поручено было составить новое министерство; императорское письмо къ нему называетъ его министерство стоящимъ свободно, выше всѣхъ партій, внѣ парламентскимъ, потому что ни одинъ изъ новыхъ министровъ не былъ членомъ ни въ палатѣ господъ, ни въ палатѣ депутатовъ. Нѣкоторые изъ министровъ были чехи, какъ, напримѣръ, министръ юстиціи Габитинекъ, министръ культа Іеречекъ; но первое мѣсто по своимъ дарованіямъ между министрами занималъ министръ торговли, Альбертъ Шеффле. Онъ родился въ Вюртембергѣ, былъ издателемъ газетъ,

публицистомъ и профессоромъ; нѣкоторое время онъ исполнялъ неблагодарную роль вождя южно-германскаго отдѣленія въ германскомъ таможенномъ парламентѣ, но оставилъ эту должность, замѣнивъ ее профессорскою каѳедрою въ Вѣнѣ, гдѣ читалъ политическую экономію. Этотъ человѣкъ одаренъ былъ способностью неимовѣрно много и усидчиво работать; у него была замѣчательная способность вести интриги, но для своего назначенія, какъ государственнаго человѣка, онъ не былъ приготовленъ; онъ принесъ съ собою въ министерство только сильное честолюбіе, очень опытное и ловкое перо и безконечную самоувѣренность. Съ неподражаемымъ простодушіемъ взялись эти люди за рѣшеніе трудной задачи: въ своей программѣ они говорили тономъ людей, у которыхъ въ рукахъ находится совсѣмъ готовый подробный спасительный планъ государственнаго устройства. Они говорили объ «истинно австрійскомъ правленіи»; не допускали безполезныхъ компромиссовъ съ сепаратистами, говорили о твердой почвѣ законности, на которой однакожъ взяты въ разсчетъ и предупреждены всѣ законныя желанія, всѣ возникающія трудности; въ этомъ смѣломъ актѣ говорилось о томъ, что правительство противупоставитъ всѣмъ могущимъ возникнуть трудностямъ и неповиновенію непреклонное мужество и непобѣдимое сопротивленіе, какое можетъ быть почерпнуто только въ чистой совѣсти, въ ясномъ сознаніи цѣли и въ открытыхъ, честныхъ политическихъ дѣйствіяхъ. Въ такомъ же духѣ выражался графъ Гогенвартъ (20-го) въ рейхсратѣ: «въ законодательномъ и административномъ отношеніи правительство не преминетъ дать инціативу»; тенденцію законовъ, предположенныхъ представить для обсужденія, онъ обозначилъ словами: «законодательныя измѣненія въ учрежденіяхъ должны ограничить автономію отдѣльныхъ странъ въ большей степени, нежели того требуетъ благо цѣлаго.» Палата депутатовъ и палата господъ встрѣтили новое министерство съ нескрываемымъ и, надобно признаться, заслуженнымъ недовѣріемъ. Всѣ центробѣжныя силы съ шумомъ задвигались; правительство полицейскими мѣрами прекратило празднества по случаю нѣмецкихъ побѣдъ во Франціи. Апрѣля 11-го былъ назначенъ министромъ полякъ, но безъ портфеля и съ оговоркою—не какъ исключительный министръ для Галиціи; 25-го предложенъ былъ рейхсрату проектъ закона, по которому вся тяжесть законодательныхъ работъ возлагалась на земскіе сеймы, но 9-го мая, при голосованіи въ палатѣ депутатовъ, законъ этотъ отвергнутъ былъ большинствомъ 88 голосовъ противъ 58. Депутатъ Гербстъ при этомъ совершенно основательно замѣтилъ, что дѣло ясное и понятное каждому, даже никогда не изучавшему народной экономіи и государственной политической экономіи: если предложеніе это получитъ силу закона, то поведетъ за собою неминуемый хаосъ въ законодательствѣ. Такъ какъ со дня на день становилось яснѣе, что истинно-австрійская программа дѣйствій этого министерства явно клонится къ чистѣйшему федерализму, то 21-го мая, палата депутатовъ рѣшилась большинствомъ 93 голосовъ противъ 66 написать императору адресъ, въ которомъ выражено было бы недовѣріе палаты депутатовъ къ проектамъ законовъ, изданныхъ министерствомъ, и къ ихъ составителямъ, потому что законы не являются продуктами глубокихъ соображеній, но скорѣе вызваны случайными обстоятельствами; о дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ этихъ законовъ сами составители ихъ, очевидно, не давали себѣ яснаго понятія. Одинъ нѣмецко-чешскій депутатъ по этому случаю высказалъ мысль, которою министры могли бы воспользоваться и которая могла бы ихъ заставить серьезно подумать: уже если примиреніе сдѣлать лозунгомъ, то еще остается одно послѣднее примиреніе—съ нѣмцами—богемскими и находящимися въ остальной Австріи; «это примиреніе труднѣе и требуетъ большей осмотрительности, потому что мы, австрійскіе нѣмцы,—члены одного великаго народа, котораго насчитывается до 40 милліоновъ, а послѣ 1870 года это въ Европѣ кое-что значитъ.»—Императоръ продолжалъ поддерживать министерство; 6-го и 7-го іюня палата депутатовъ разсуждала о томъ, не слѣдуетъ ли отказать правительству въ требуемой суммѣ по бюджету; большинствомъ только 77 голосовъ противъ 66 палата положила не приступать еще къ этой крайней мѣрѣ. Но за то отказала, 30-го іюня, въ кредитѣ въ 60 милліоновъ, котораго правительство требовало; кромѣ того дѣлала затрудненія, наравнѣ съ палатой господъ, при различныхъ

проектахъ законовъ, предложенныхъ по различнымъ отдѣльнымъ частямъ бюджета. Вслѣдствіе этого, правительство распустило, 11-го августа, палату депутатовъ и земскіе сеймы, остававшіеся твердо въ границахъ, опредѣленныхъ законами, и предписало приступить къ новымъ выборамъ. Выборы депутатовъ въ земскіе сеймы только частію выпали сообразно съ желаніемъ правительства; но такъ какъ члены земскихъ сеймовъ должны были отъ себя избирать депутатовъ во вторую палату рейхсрата, то можно было разсчитывать, что тамъ образуется большинство, годное для экспериментовъ министерства. Въ этой палатѣ депутатовъ нѣмцы, во всякомъ случаѣ, не составили бы большинства; кромѣ того, этому министерству, составленному изъ очень посредственныхъ дарованій, предстояло рѣшить задачу, передъ которой задумались бы люди, несравненно опытнѣе и даровитѣе Іеречека и гораздо мужественнѣе Шефле—«имъ приходилось попытать счастья съ Австріей, безъ нѣмецкаго элемента.»

Сентября 14-го происходило открытіе всѣхъ сеймовъ. Было бы лишнимъ ихъ разбирать въ отдѣльности, показать положеніе партій, или разсматривать проекты, адресы и протесты на нихъ. Рѣшительнымъ было положеніе богемскаго сейма и требованія правительства отъ него. Королевскій рескриптъ, данный этому сейму 14-го сентября, выражалъ относительно чеховъ подчиненное положеніе Австріи, касательно короны богемской. «Принимая въ соображеніе государственное право богемской королевской короны, мы охотно признаемъ права этого королевства и готовы подтвердить и возобновить это признаніе нашею королевскою клятвою.» Далѣе въ рескриптѣ упоминалось объ обязанностяхъ императора относительно прочихъ королевствъ и странъ, вошедшихъ въ составъ Австріи, и выражена была надежда, что богемскій сеймъ, дѣйствуя въ духѣ умѣренности и примиренія, начнетъ совѣщаться о томъ, чтобы отыскать возможность покончить долгое законодательное несогласіе, раздирающее австрійскую имперію.

Нѣмецкія земли очень серьезно выказывали свое неудовольствіе и громко выразили несогласіе съ этимъ рескриптомъ: нижне-австрійскій, силезскій и штирійскій сеймы протестовали противъ основныхъ положеній королевскаго рескрипта; отдѣльные вожди нѣмецкой конституціонной партіи отправились въ Пештъ, чтобы сговориться съ вождями руководящихъ партій Венгріи и сообща противодѣйствовать разрушительной политикѣ министерства Гогенварта. Между тѣмъ прагскій сеймъ составилъ комиссію изъ 30 членовъ, чтобы предварительно составитъ и обсудитъ отвѣтный адресъ императору; въ немъ предполагалось высказать цѣлый рядъ условій примиренія, такъ называемые фундаментальные параграфы, «которые бы черезъ подачу голосовъ, законами утвержденнаго сейма, и черезъ санкцію вашего величества получили права основныхъ законовъ Богемскаго королевства.» Въ этихъ фундаментальныхъ статьяхъ, утвержденныхъ сеймовъ—въ совѣщаніяхъ по этому, замѣтимъ, нѣмецкое меньшинство не принимало участія—заключались условія и измѣненія законовъ, при которыхъ богемскій сеймъ готовъ былъ войти въ соглашеніе съ Венгріей и со всѣмъ къ этому относящимся; въ этихъ параграфахъ говорилось, что члены делегаціи впередъ должны быть выбираемы 17-ью земскими сеймами, а не рейхсратомъ и на долю Богеміи должно было приходиться 17 депутатовъ; всѣ отношенія и дѣла, которыя не будутъ прямо поименованы въ актѣ соглашенія съ Венгріей общими, дѣлаются по своему принципу достояніемъ отдѣльнаго законодательства земскаго сейма Богеміи (§ 9); впрочемъ, и въ этой категоріи могутъ быть стороны, которыя слѣдовало бы рѣшать и разсматривать сообща (§ 11), такъ, напримѣръ, монетная система, пути сообщенія, войско, финансы и т. д;но и эти предметы, имѣющіе общую важность, могутъ быть рѣшены сообща только конгрессомъ делегатовъ различныхъ земскихъ сеймовъ; эти предметы должны быть разсматриваемы и обсуждены конгрессомъ, какъ законодательныя статьи; администрація этихъ общихъ дѣлъ можетъ быть поручена министерству, составленному изъ отдѣльныхъ спеціальныхъ министровъ и гофканцлеровъ отдѣльныхъ государствъ,(§ 13), вошедшихъ въ Австрійскую имперію; касательно расходовъ по дѣламъ общимъ государствамъ не венгерскимъ, равно какъ и относительно государственнаго долга, королевство Богемія, по примѣру Венгріи, въ настоящее время должно нести часть общихъ издержекъ, сообразно назначенному на ея долю проценту;

касательно этой повинности богемская депутація на съѣздѣ должна войти въ соглашеніе съ депутаціями другихъ земель (§ 15;) изъ-за иныхъ общихъ дѣлъ государственной политики, депутаціи также могутъ и должны съѣзжаться; по § 17 даже полагалось, что для рѣшенія извѣстныхъ дѣлъ можетъ быть учрежденъ сенатъ; но власть, предоставленная ему предъидущими параграфами, была бы крайне ограниченная: Надобно замѣтить, что во всемъ этомъ адресѣ и проектѣ о соглашеніи нигдѣ не упоминается слово государство и государственныя дѣла или потребности. Приложенное объясненіе выказало трудность сдѣланныхъ Богеміей уступокъ и притворно говорило, что эти фундаментальныя статьи, которыя въ сущности у Австріи отнимали все, кромѣ названія, тяжкія жертвы, приносимыя королевствомъ богчемскимъ для пользы «великаго цѣлаго.» Примѣръ, данный Богеміей, тотчасъ нашелъ подражателей. Октября 10-го проектъ былъ принятъ богемскимъ сеймомъ, а 13-го тирольскій сеймъ и въ тотъ же день моравскій подали императору адресы въ такомъ же духѣ: послѣдній изъ сеймовъ усвоилъ всѣ фундаментальныя статьи, безъ перемѣны и въ придачу требовалъ только отдѣльнаго моравскаго гофканцлера, наравнѣ съ богемскимъ, и отдѣльной наслѣдственной присяги для вѣрнаго маркграфства; въ тотъ же день большинство славянскихъ депутатовъ сейма требовало также для себя вольностей и привиллегій для историческаго герцогства Крайны. Трудно вообразить себѣ, сколько человѣческаго знанія потребовалось бы, чтобы всю эту махинацію покончить не на дѣлѣ, а только на бумагѣ; одно достовѣрно: какое бы то ни было человѣческое занятіе, какая бы-то нибыла участь, какое бы то дѣло ни было, — всякое, самое трудное, лучше и привлекательнѣе, чѣмъ носить имя и титулъ императора Австрійскаго, графа Тирольскаго, маркграфа Моравскаго, герцога Крайнскаго, короля Богемскаго и т. д., особенно не для того только, чтобы носить эти титулы, но и быть тѣмъ дѣйствительно, что они выражаютъ.

Положеніе дѣлъ становилось затруднительнымъ. Это безпримѣрное министерство, во главѣ котораго, или вѣрнѣе, самою выдающеюся личностью котораго былъ очень обыкновенный профессоръ политической экономіи, не задолго передъ тѣмъ вступившій на почву Австріи—довелъ дѣла до той точки, послѣ которой одинъ шагъ впередъ поднялъ бы повсюду сумятицу, несравненно сильнѣйшую и опаснѣйшую бывшей въ 1848 году. Между тѣмъ, какъ германская имперія—съ трудомъ поборовшая нѣмецкую страсть къ дробленію, духъ территоріальный,—наконецъ, дѣйствительно сплотилась въ одно цѣлое и крѣпкое государство, здѣсь министерство, составленное изъ людей неспособныхъ и незнающихъ, трудилось надъ тѣмъ, чтобы кое-какъ связанное, едва избавленное отъ бурныхъ колебаній государство, съ величайшими усиліями соединенное въ одно цѣлое, опять раздробить на его составныя части. Однакожь, въ государствѣ нашлись люди, которые открыли императору глаза на опасности, которымъ уже подвергался весь государственный строй. Въ совѣтѣ министровъ, въ которомъ 20-го октября разсуждали объ отвѣтѣ на богемскій адресъ, принимали участіе фонъ-Бейстъ, въ качествѣ государственнаго министра, и графъ Андраши, какъ венгерскій министръ-президентъ; первый изъ нихъ, сколько бы ни заслуживалъ порицаній во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, сравнительно съ графомъ Гогенвартомъ и Шеффле, все-таки былъ государственнымъ человѣкомъ перваго разряда; Бейстъ доказалъ императору, что если согласиться на фундаментальныя статьи богемскаго сейма, то это повело бы за собою распаденіе Австріи. Онъ указалъ на 4 пункта, которые императорскій отвѣтъ долженъ выяснить: они клонились къ тому, чтобы ограничить реформы, какихъ требовала Богемія, соглашавшаяся на уступки только въ границахъ и на основаніяхъ, утвержденныхъ венгерскимъ согласительнымъ актомъ, и производить ихъ реформы путемъ предписаннымъ законами. На это вожди чешскаго движенія, Ригеръ и Кламъ-Мартиницъ, объявили, что не хотятъ принимать участія ни въ какихъ больше совѣщаніяхъ.

Затѣмъ послѣдовалъ рѣшительный и быстрый переворотъ. 30-го октября, министерство графа Гогенварта было уволено. 4-го ноября отправленъ былъ отвѣтъ императора богемскому сейму; ему предлагалось немедленно прислать своихъ представителей въ рейхсратъ, чтобы содѣйствовать общему стремленію и

общимъ трудамъ въ дѣлѣ примиренія. Уже 6-го, того же мѣсяца, ко всеобщему удивленію, и графъ Бейстъ былъ уволенъ отъ службы; но для чеховъ это было вовсе неутѣшительно, потому-что на мѣсто его назначенъ былъ венгерскій министръ-президентъ графъ Андраши; онъ не хотѣлъ ничего знать о дальнѣйшихъ соглашеніяхъ, кромѣ венгерскихъ; но 16-го для новаго цислейтанскаго министерства назначенъ былъ князь Адольфъ Ауэрспергъ, человѣкъ честно преданный конституціоннымъ понятіямъ. Къ 25-му онъ составилъ свое министерство, а 27-го опять собрался рейхсратъ; попыткамъ федерализма такимъ образомъ положенъ былъ конецъ.

Въ тронной рѣчи отъ 28-го мы находимъ выводъ, извлеченный изъ этого движенія; въ рѣчи говорилось: «происшествія послѣдняго времени убѣдили насъ въ томъ, что подобно тому, какъ земскимъ сеймамъ предоставлено независимое положеніе, такъ и за рейхсратомъ должна быть упрочена полная независимость тѣмъ, что представительство въ немъ должно быть избрано и составлено на совершенно независимыхъ началахъ»; но время, благопріятное для этой избирательной реформы, само правительство укажетъ и назначитъ. За этимъ на нѣкоторое время послѣдовало относительное спокойствіе, хотя прежнее колебаніе продолжалось въ земскихъ сеймахъ: протесты меньшинства и т. п. не переставали сыпаться, и къ неразрѣшеннымъ вопросамъ присоединились еще новые, въ числѣ ихъ не мало усложнялъ дѣло вопросъ старо-католическій. Послѣ того, какъ богемскій сеймъ составилъ и подачей голосовъ утвердилъ протесты, онъ былъ распущенъ; новые выборы выдвинули большинство депутатовъ, преданныхъ и вѣрныхъ существующему законодательству; вотъ это-то большинство и приступило къ выборамъ депутатовъ въ рейхсратъ; чешская партія не принимала участія въ выборахъ. Но Богеміи пришлось, втеченіе того же года испытать на опытѣ, по случаю ужасныхъ опустошеній, произведенныхъ наводненіемъ, въ маѣ, что бываютъ случаи, когда очень желательно имѣть государственный парламентъ, который нуждающимся тотчасъ можетъ отпустить милліонъ, и что въ такихъ случаяхъ выгоднѣе составлять часть большаго государства, нежели обладать ненужными дипломами и письменными льготами и записями.

Избирательная реформа одна могла закончить законодательныя перемѣны и прекратить долговременныя парламентскія страданія Австріи; надобно было надѣяться, что съ этой реформой, состоявшейся въ 1873 году, для Австріи настанутъ болѣе счастливые дни. 15-го февраля 1873 года правительство, наконецъ, внесло проектъ давно ожидаемаго избирательнаго закона; предполагалось число депутатовъ въ палатѣ депутатовъ увеличить съ 203 человѣкъ на 351 чел., избирать этихъ представителей въ рейхсратъ по существующей системѣ группъ, но избраніе предоставить самому народу, а не земскимъ сеймамъ, какъ до сихъ поръ. Это, дѣйствительно, въ случаѣ неудачи, былъ огромный прогрессъ. Для объединенія невенгерскихъ частей государства, самой большой пользы отъ рейхсрата можно было ожидать только тогда, когда депутаты для него будутъ избираемы непосредственно самими народами австрійской имперіи. Живое сознаніе единства въ массѣ народа можетъ пробудиться только тогда, когда онъ весь будетъ интересоваться общимъ составленіемъ палаты депутатовъ для управленія цѣлымъ государствомъ, а не только его частицей черезъ земскій сеймъ, и если ему предоставлена будетъ забота посылать представителей въ рейхсратъ. Все, что противодѣйствовало новѣйшему стремленію къ образованію большихъ, крѣпко сплоченныхъ государствъ; все, что напротивъ желало, по примѣру давнихъ поръ, раздробленія и разъединенія, все это пыталось измѣнить убѣжденіе императора и нашептывало ему о вредѣ, какой можетъ произойти отъ предпринятыхъ реформъ, но всѣ эти старанія были напрасны: проектъ закона, между тѣмъ, счастливо проходилъ по всѣмъ инстанціямъ и окончательно получилъ силу закона. 6-го марта, Гербстъ, отъ имени комиссіи, читалъ отчетъ; на этотъ разъ поляки создавали препятствія и воздвигали обстоятельства, при которыхъ невозможно было приступить къ окончательному парламентскому рѣшенію; 37 польскихъ депутатовъ встали съ своихъ мѣстъ и вышли изъ залы, чтобы не принимать участія въ преніяхъ о законѣ, который нарушаетъ ихъ частные интересы. Преній не допустили,— не хотѣли заниматься мелочами, когда общій интересъ и общій прогрессъ стояли

на первомъ планѣ. Въ палатѣ депутатовъ законъ былъ принятъ большинствомъ 120 голосовъ противъ 2, а въ палатѣ господъ большинствомъ 93 голосовъ противъ 14, голосованіе это происходило 27-го марта. 3-го апрѣля, министръ-президентъ князь Ауэрспергъ сообщилъ палатѣ депутатовъ, что императоръ утвердилъ своею подписью законъ о выборахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и городахъ законъ этотъ былъ встрѣченъ съ сочувствіемъ и послужилъ поводомъ къ торжествамъ и праздникамъ.

24-го апрѣля императоръ открылъ рейхсратъ, при этомъ онъ объявилъ, что въ скоромъ времени будетъ открыта всемірная выставка въ Вѣнѣ, и замѣтилъ, что эта промышленная выставка начинается при очень благопріятныхъ обстоятельствахъ: въ Европѣ полный миръ и ничто, кажется, не можетъ его нарушить; Австрія можетъ похвалиться прогрессомъ по всѣмъ отраслямъ своей общественной и государственной жизни. Однакожь, текущій годъ не оправдалъ оптимистскаго воззрѣнія императора. Не успѣлъ онъ открыть, 1-го мая, выставку, какъ началась большая биржевая катастрофа; она вызвана была неразумными фантастическими предпріятіями, и первые, потерпѣвшіе крушеніе, получили только должное наказаніе, но, какъ въ такихъ случаяхъ всегда бываетъ, съ однимъ виновнымъ погибали десятки невинныхъ, или, вѣрнѣе, страдали больше невинные и только нѣкоторые изъ виновныхъ. Это биржевое несчастіе, вмѣстѣ съ холерной эпидеміей, въ нѣкоторомъ смыслѣ, помѣшало полному успѣху выставки и распространило свое гибельное вліяніе на всю Европу; вѣнскія банкротства повели за собою сильныя потрясенія торговой и промышленной дѣятельности всѣхъ народовъ. Несмотря на эти несчастія, въ австрійскихъ подданныхъ тѣмъ не менѣе пробуждалось успокоительное чувство и, помимо матеріальныхъ заботъ, являлось сознаніе, что все самое худшее уже прошло, что надобно надѣяться на счастливое развитіе дальнѣйшихъ преобразованій и что Австрія, послѣ долгаго неувѣреннаго блужданія, наконецъ попала на истинный путь. 7-го сентября, императорскимъ патентомъ распущена была палата депутатовъ и повелѣно было приступить къ новымъ выборамъ, по вновь утвержденнымъ законамъ. Конституціонная партія при этомъ пріобрѣтала несомнѣнный перевѣсъ, но это все-таки не избавляло ея отъ многообразной оппозиціи, давшей тоже значительное число представителей. Въ рѣчи, которою императоръ Францъ-Іосифъ открылъ засѣданія рейхсрата, говорилось, что посредствомъ новаго избирательнаго закона палата составлена такъ, что тутъ всѣ партіи могутъ выражать свои требованія и желанія и предлагать ихъ на общее обсужденіе: «послѣ трудной и многолѣтней борьбы, веденной съ перемѣннымъ счастіемъ», говорилось въ концѣ рѣчи, «является намъ обновленная Австрія, въ своемъ внутреннемъ управленіи и принуждаетъ сосѣдей смотрѣть на себя съ уваженіемъ»; несмотря на такое счастливое положеніе дѣлъ все-таки не было недостатка въ вопросахъ, требующихъ серьезнаго вниманія. Но можно сказать утвердительно, если въ какомъ либо государствѣ преобладающія въ немъ противоположности на столько смягчились и сблизились, что интересы ихъ могутъ быть разсматриваемы сообща и представители ихъ могутъ дѣйствовать при условіяхъ одной общей парламентской жизни, то они уже теряютъ свою вредную сторону и даже борьба между ними будетъ плодотворна для національной жизни цѣлаго.

Чрезвычайно полезно для остальныхъ австрійскихъ владѣній было то, что Венгрія ужь больше непосредственно не участвовала въ законодательной борьбѣ. Даже въ то время, когда государство отстаивало отъ римской церкви свое домашнее право свободы дѣйствія, эта борьба, не стѣсняемая Венгріей, была очень полезна для Австріи; надобно замѣтить, что она въ Австріи не принимала такого ожесточеннаго характера, какимъ отличалась въ новой Германіи, гдѣ къ ней примѣшивалась романская вражда и куда она сосредоточила всю силу своего нападенія.

Въ Венгріи границы государства были расширены на 600 квадр. миль и число жителей увеличено на 1.200.000 чел. (отъ 1871 до 1872 года); этого достигли посредствомъ уничтоженія такъ называемой Военной границы и превращеніемъ ея въ провинціи, причисленныя къ Венгріи,—мѣра эта приведена была въ исполненіе безъ особенно большихъ затрудненій. На мѣсто Андраши, призваннаго въ Вѣну, послѣ удаленія Гогенварта и его министерства, чтобы занять дол-

жность Бейста, въ Венгріи министромъ-президентомъ назначенъ былъ министръ финансовъ Лоніай; въ 1872 году и онъ также внесъ въ венгерскій парламентъ проектъ избирательной реформы, но такъ какъ онъ предполагалъ возвысить ценсъ и продлить срокъ депутатства на 5 лѣтъ, слѣдовательно, предлагалъ вещи очень непріятныя для лѣвой стороны, то и проектъ его не понравился и на время былъ устраненъ. По новымъ выборамъ, произведеннымъ въ іюлѣ, министерская партія—Діака, усилилась до 245 голосовъ, а оппозиціонная была составлена изъ 145; тронная рѣчь указывала этому новому сейму нарѣшеніе очень важныхъ задачъ, необходимыхъ для организаціи государственной жизни и вызванныхъ частью очень неудовлетворительнымъ состояніемъ государственныхъ финансовъ. Графъ Лоніай, между тѣмъ, не очень-то честнымъ путемъ сошелъ съ политическаго поприща; на мѣсто его назначенъ былъ министръ торговли; онъ дѣйствовалъ благороднѣе своего предшественника и больше заботился о пользѣ государства, нежели о своей личной. При этомъ министерствѣ произошло окончательное соглашеніе съ Кроаціей, потому что то, которое попытались установить въ 1868 году, не состоялось; послѣ этого первый министръ занялся тѣмъ, чтобы представить сейму рядъ реформъ,—между ними реформа самаго сейма занимала первое мѣсто. Картина, представленная имъ, 8 ноября 1873 года, вновь собравшемуся сейму, о состояніи государства вовсе не была такого рода, чтобы порадовать народъ и преобладающую партію. Положеніе финансовъ было печальное, заемъ можно было сдѣлать только при самыхъ тяжкихъ условіяхъ, министръ жаловался, что съ 186[illegible] года расходы и требованія сейма принуждали правительство къ несоразмѣрно большимъ издержкамъ,—особенно непропорціонально увеличены были издержки на венгерскую армію: «чтобы уравновѣсить неравенство, существующее между западной и восточной частями государства, чтобы перевѣсъ въ финансовомъ и умственномъ развитіи первой уравновѣсить преобладающей военной силой второй.» При этомъ отчетѣ у многихъ мелькнула мысль, не будетъ ли вредно для общаго благосостоянія края то, что Венгрія такъ радикально отдѣлилась отъ остальныхъ частей имперіи.

Въ цѣломъ, однакожь, событія 1867 года принесли хорошіе плоды; самая отрадная сторона существованія австро-венгерскаго государства въ послѣднее время состоитъ въ томъ, что общіе интересы ежегодно разбираются и обсуждаются сообща делегатами обѣихъ половинъ государства. Быстрая и полная побѣда нѣмцевъ надъ французами не осталась безъ хорошаго вліянія на Австро-Венгрію: она дала опредѣленное направленіе, какому ея внѣшняя политика должна слѣдовать, и положила конецъ колебаніямъ ея государственныхъ людей. 14 декабря 1870 года, Бисмаркъ официально извѣстилъ австрійское правительство о предстоящемъ и частію уже совершившемся преобразованіи Германіи и своимъ простымъ, честнымъ и откровеннымъ способомъ выраженій изложилъ необходимость такого измѣненія отношеній нѣмецкаго союза и прибавилъ увѣреніе, что въ Германіи существуетъ полная готовность сохранить дружескія отношенія къ сосѣдней Австріи и что для той и другой части великаго германскаго племени, общіе интересы заключаются въ свободномъ и дружественномъ обмѣнѣ духовной и матеріальной жизни. Графъ Бейстъ на это отвѣчалъ, 26 декабря, въ такомъ же миролюбивомъ тонѣ: онъ считаетъ не практичнымъ, замѣчаетъ онъ, подпимать вопросъ о томъ, соотвѣтствуетъ ли новое государственное устройство Германіи пражскимъ условіямъ мира, или нѣтъ: хотя германскій государственный дѣятель и касается этого вопроса, но онъ признаетъ въ объединеніѣ Германіи, подъ руководствомъ Пруссіи, историческій фактъ величайшей важности и полагаетъ возможнымъ присовокупить, что во всѣхъ преобладающихъ слояхъ Австро-Венгерскаго государства существуетъ самое непритворное желаніе сохранить самыя лучшія дружественныя отношенія къ могущественному сосѣднему государству, окончательное образованіе и соединеніе котораго неминуемо послѣдуетъ. Эта благоразумная политика встрѣтила полное сочувствіе въ засѣданіи делегацій; только графъ Чирмай, глава венгерской депутаціи, замѣтилъ, что можно было бы также благоразумно разсуждать три года тому назадъ, тогда, можетъ быть, обошлось бы безъ большой войны. Въ австрійской делегаціи также выразилось сожалѣніе о сдѣланныхъ промахахъ; однакожь, хотя и поздно, но единственный надежный путь, не-

обходимый для спокойствія Европы, былъ найденъ; 1 іюля, когда делегаціи вновь собрались и открыли свои засѣданія, государственный канцлеръ, безъ всякой необходимости, еще разъ и во всѣхъ направленіяхъ развивалъ необходимость этой политики. Онъ смотрѣлъ на Бисмарка, какъ на своего соперника на политическомъ поприщѣ, но долженъ былъ сознаться, что ему удалось выполнить великое дѣло: Бисмаркъ воздвигнулъ Германію въ новой, прочной формѣ; на собственную же долю Бейста досталась, хотя незначительная заслуга, въ отношеніи Австріи, но все-таки, смывающая много такого, въ чемъ онъ прежде былъ виновенъ: онъ помогъ своему императору и своему новому отечеству отдѣлаться отъ интригъ и хитросплетеній недальновидныхъ государственныхъ дѣятелей, которые хотѣли пародировать возстановленіе германской имперіи, выгребая изъ архива давно забытое самостоятельное королевство Богемію; и въ то время, когда Германія сплочилась въ одно могущественное крѣпкое союзное государство, они старались изъ Австріи сдѣлать кучу историческихъ королевствъ, герцогствъ и маркграфствъ. Итакъ, Бейстъ съ честью сошелъ съ своего поприща, а мѣсто его занялъ венгерскій государственный человѣкъ; онъ, судя по всему его прошедшему, былъ несравненно способнѣе своего предшественника и въ состояніи были провести новую политику; вслѣдъ за фонъ-Бейстомъ и самое преданное орудіе его—князь Меттернихъ, оставилъ, въ ноябрѣ 1871 года, свой постъ въ Парижѣ. Съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что событія 1866 и 1870 годовъ принесли много пользы даже Австріи: она сдѣлалась могущественнѣе, заслужила большее уваженіе, сдѣлалась крѣпче и здоровѣе во всѣхъ своихъ частяхъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ отдѣлалась отъ своего ложнаго положенія относительно Италіи и Германіи; къ тому же, не подлежало сомнѣнію, что нѣмецкое народонаселеніе Австріи тѣснѣе и дружественнѣе будетъ относиться къ своимъ нѣмецкимъ братьямъ въ новосозданной Германіи, потому что между ними не воздвигались больше политическіе вопросы, служившіе имъ въ прежнія времена причиной несогласія. Съѣздъ трехъ императоровъ въ Берлинѣ, въ сентябрѣ того же года (1872), посѣщеніе русскаго императора Вѣны въ іюнѣ и короля Виктора Эммануила въ сентябрѣ, и наконецъ посѣщеніе германскаго императора Вѣны, въ октябрѣ 1866 года, доказываютъ, что со всѣхъ сторонъ время многому научило государей и заставило ихъ многое забыть; надобно отдать справедливость, что самая большая честь и слава въ этомъ отношеніи принадлежитъ тому изъ государей, которому опытность и забвеніе пришлось купить самою дорогою цѣною. Будемъ надѣяться, что судьба не позабудетъ вознаградить за это императора Франца-Іосифа и поможетъ ему провести вторую половину своего царствованія не такъ бурно и не такъ горько, какъ его первыя 25 лѣтъ и чтобы этотъ испытанный судьбою государь въ тишинѣ и мирѣ наслаждался плодами развитія государственной жизни, выросшей подъ плодотворными бурями, которыя создали новую Австрію въ тоже самое время, когда создавали новую Германію и новую Италію, т. е., вызвали тутъ и тамъ новый порядокъ вещей, встрѣчающій повсюду однихъ и тѣхъ же друзей и особенно однихъ и тѣхъ же враговъ.

4. Россія.

Мы уже говорили, что Россія воспользовалась удобнымъ случаемъ—нѣмецко-французской войною и слѣдующимъ за ней безсиліемъ Франціи,—чтобы освободиться отъ унизительныхъ ограниченій на Черномъ морѣ, связывавшихъ ее съ 1856 года однимъ изъ условій парижскаго мира. Нота князя Горчакова, отъ 31 октября 1870 года, высказавшая это, но въ то-же время завѣрявшая, что русскій императоръ не намѣревается вновь поднимать восточнаго вопроса, нота эта произвела сильнѣйшее неудовольствіе въ Вѣнѣ, Пештѣ, Лондонѣ и, безъ всякой надобности, даже во многихъ мѣстахъ Германіи. До чего дойдетъ, роптали повсюду, если мирный договоръ, окончившій такую большую войну, можетъ быть нарушенъ простымъ заявленіемъ, что онъ не считается болѣе обязательнымъ для одной изъ договаривавшихся сторонъ? Англійскій уполномоченный Одо Россель, находившійся въ нѣмецкой главной квартирѣ въ Версалѣ, заговорилъ о войнѣ;

на сколько слова его согласовались съ взглядомъ двора и парламента, неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ миролюбіе, до сихъ поръ выказываемое Англіей, заставляло сомнѣваться, чтобы англійское правительство такъ поспѣшно взялось за оружіе. Мало-по-малу на заявленіе князя Горчакова начали смотрѣть спокойнѣе и нашли, что требованія и претензіи русскаго правительства вовсе не такъ несообразны, какъ это показалось въ первую минуту досады. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ государства и съ тѣхъ поръ, какъ они ведутъ между собою войну и заключаютъ миръ на вѣчныя времена, это только офиціальная форма; государство, связанное неудобными, или тяжелыми условіями мира, держится ихъ только до первой возможности нарушить ихъ и готово вновь начать войну, если безъ нея нельзя обойтись; никому и въ умъ не приходило порицать Пруссію за то, что она разорвала тильзитскій миръ; никто не удивится, если Франція когда нибудь объявитъ, что не считаетъ франкфуртскаго мира для себя обязательнымъ. Только новички въ политикѣ, или люди вовсе не имѣющіе понятія о ней, могутъ упрекать русское правительство въ томъ, что оно воспользовалось этимъ временемъ; одинъ изъ тогдашнихъ противниковъ ея былъ до того слабъ, что не могъ шевельнуться, второй — Англія имѣла правительство, далеко не воинственное и готовое выносить грубѣйшія оскорбленія, наконецъ, препятствія отъ нѣмцевъ ожидать нельзя было, потому-что они должны были чувствовать глубочайшую благодарность къ Россіи за то, что въ трудной борьбѣ ихъ съ Франціей, въ самую опасную минуту, строгій военный нейтралитетъ Россіи обезопасилъ тылъ прусской арміи отъ всякихъ покушеній, какія могла бы имѣть Австрія. Время было вѣрно разсчитано; дѣла приняли самый миролюбивый оборотъ; нашли, что Россія требуетъ не больше того, что въ 1867 году первый министръ австрійскій, во что бы то ни стало, хотѣлъ навязать ей. Бисмаркъ предложилъ разсмотрѣть и взвѣсить это требованіе въ особой конференціи въ Лондонѣ; предложеніе было принято. Конференція собралась къ 17-му января 1871 года и покончила дѣло къ 13-му марта; къ послѣднему засѣданію подоспѣлъ французскій посланникъ герцогъ Брольи и подписался подъ протоколомъ, утверждавшимъ требованія Россіи и уничтожавшимъ 11 § парижскаго трактата.

Русское правительство было довольно успѣхомъ политическихъ конференцій, хотя у него и не было ни малѣйшаго желанія начать опять непріязненныя отношеній съ Турціей и перейти въ нападеніе. Доброе согласіе съ Германіей продолжалось; замѣчательная телеграмма императора Вильгельма отъ 27-го февраля 1871 года во всеуслышаніе признавала заслуги русскаго императора, оказанныя Германіи во время послѣдней войны: «Пруссія никогда не забудетъ, чѣмъ она обязана вашему величеству; она помнитъ, что вы помѣшали войнѣ припять такіе грозные и обширные размѣры, какіе она могла бы принять.» Да и самъ императоръ Александръ, при каждомъ удобномъ случаѣ, выражалъ свою благосклонность и дружбу къ германскому императору; такого рода политика повела за собою сближеніе съ Австріей, о чемъ мы уже говорили. Отношенія къ Англіи также сдѣлались хорошими, не смотря на нѣкоторое неудовольствіе, послѣдовавшее за непріятнымъ протоколомъ о Черномъ морѣ. Но въ 1873 году подозрительность англійскаго правительства вновь была возбуждена; чтобы обезопасить свои восточныя границы и чтобы обезпечить свои торговыя сношенія, русское правительство рѣшилось послать военную экспедицію противъ хивинскаго хана, съцѣлью заставить степныя племена Аму-Дарьи уважать превосходство и силу русскаго оружія; чтобы объяснить свои намѣренія и успокоить опасенія Англіи, русское правительство до начала экспедиціи послало съ этою цѣлью нарочно графа Шувалова въ Лондонъ. Походъ начался въ апрѣлѣ; войска двинулись нѣсколькими колоннами, подъ начальствомъ генерала Кауфмана; колонны сошлись подъ Хивою, столицею ханства; въ этомъ городѣ происходила дѣятельная торговля невольниками; успѣхъ былъ на сторонѣ русскихъ,—кочующіе степные народы по низовьямъ Аму-Дарьи получили урокъ; къ 24-му іюля все было кончено: съ ханомъ былъ подписанъ миръ, онъ обязался уничтожить торговлю невольниками и преслѣдовать ее, уступилъ восточный правый берегъ Аму-Дарьи Россіи съ тѣмъ, чтобы она могла отдать его эмиру бухарскому, дозволилъ учрежденіе русскихъ факторій на лѣвомъ берегу той же рѣки, предоставилъ русскимъ свободу

торговли и заплатилъ военныя издержки. Для Россіи было бы лучше немедленно и окончательно присоединить Хиву къ своимъ областямъ, нежели удовольствоваться непрочнымъ и двусмысленнымъ положеніемъ хивинскаго хана, какъ вассала, но этого нельзя было сдѣлать изъ опасенія возбудить неудовольствіе Англіи. Вскорѣ послѣ этого при европейскихъ дворахъ стало извѣстно, что предполагается бракъ между однимъ изъ сыновей королевы англійской, герцогомъ Эдинбургскимъ, и дочерью императора, великою княжною Маріей Александровной. Это первый примѣръ, чтобы русскій царствующій домъ роднился съ англійскимъ; родство это должно служить залогомъ дружбы между этими двумя первостепенными державами Европы. Такими родственными связями Франція однакожь не могла на будущее время закрѣпить за собою союзницу, съ помощью которой она когда нибудь могла бы дать волю своей затаенной злобѣ противъ Германіи и удовлетворить месть, составляющую основу ея политики. Касательно внутренняго устройства государства, реформа, начатая императоромъ, идетъ своимъ путемъ, правда, медленнымъ, потому-что огромныя разстоянія и недостаточное народонаселеніе мѣшаютъ быстрымъ и повсемѣстнымъ перемѣнамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ крестьяне освобождены и крѣпостное право окончательно уничтожено, русское общество стало въ тѣ-же самыя отношенія, какъ и всѣ остальные европейскія народы; къ тому же и въ главной европейской реформѣ, въ военной, Россія съ 1870 года тоже приняла участіе: императоръ приказалъ ввести общую военную повинность, и въ 1873 году происходилъ послѣдній рекрутскій наборъ по старинной системѣ.

Постройка желѣзныхъ дорогъ идетъ своимъ порядкомъ; по мѣрѣ того, какъ Россія покрывается сѣтью желѣзныхъ дорогъ, она дѣлается доступнѣе для европейцевъ и въ Европѣ исчезаетъ паническій страхъ, внушаемый русскими. Чѣмъ крѣпче сплотится сосѣдняя Германія и утвердится Австрія, тѣмъ меньше будетъ толковъ и фантазій о панславизмѣ и тому подобныхъ мечтательныхъ планахъ на будущее, которыми питаютъ свои надежды чешскіе вожди въ Богеміи и другія народности, потерпѣвшія пораженіе въ 1870 и 1871 годахъ; предаваясь чувству злобы и ненависти къ нѣмецкимъ своимъ побѣдителямъ, эти люди теряютъ время на пустыя бредни, вмѣсто того, чтобы предаться честному труду.

5. Англія.

Способъ, какимъ Англія держалась въ теченіе большой войны на твердой землѣ, не могъ заслужить ни съ какой стороны ни благодарности, ни уваженія; англичанъ можно было поблагодарить только за щедрую помощь, оказанную частными лицами въ пользу раненыхъ, ихъ личную безкорыстную помощь, при которой они не щадили ни трудовъ, ни собственнаго здоровья и тѣмъ принесли не мало пользы. Общее настроеніе народа измѣнилось къ концу 1870 года; когда успѣхъ нѣмецкаго оружія сдѣлался несомнѣннымъ, тогда симпатія склонилась на сторону побѣжденныхъ. Лондонскіе жители хотѣли было выказать свое сочувствіе французскому министру иностранныхъ дѣлъ Ж. Фавру, котораго ожидали въ Лондонѣ для конференціи, по поводу вопроса о Черномъ морѣ, и приготовить ему самую торжественную встрѣчу; но ожидаемый гость не явился и приготовленія пропали даромъ. Миръ между тѣмъ былъ подписанъ, и Англіи ничего не удалось сдѣлать для Франціи: ни выторговать милліарда, ни отстоять хотя малую полосу уступленной территоріи; но о такой неудачѣ никто особенно не сокрушался, потому что никто особенно сильной привязанности не чувствовалъ къ Франціи; кромѣ, того на нейтралитетъ Бельгіи теперь можно было твердо разсчитывать; и Англіи больше нечего было заботиться о немъ,—это тоже была польза, извлеченная изъ войны. Вообще же Англія могла быть довольна результатами оконченной войны и могла спокойно слѣдить за дальнѣйшимъ политическимъ развитіемъ въ Германіи, равно какъ и во Франціи; всѣ прочные, надежные элементы англійскаго народа опять начали больше сочувствовать своимъ нѣмецкимъ соплеменникамъ. Такой перемѣнѣ не мало содѣйствовала торговая политика Тьера; слѣдствіемъ ея было

уничтоженіе англо-французскаго торговаго договора; но въ скоромъ времени онъ замѣненъ былъ новымъ, нисколько не измѣнившимъ прежнихъ существенныхъ торговыхъ отношеній между обѣими державами; гораздо важнѣе было то, что Франція все болѣе и болѣе подчинялась владычеству ультрамонтанизма и клерикальной партіи, между тѣмъ какъ въ Германіи борьба съ этими силами велась съ возрастающимъ рвеніемъ и продолжалась въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: или какъ борьба науки съ догматикой, или какъ національнаго государства съ универсальнымъ, или какъ борьба старокатолическаго воззрѣнія съ нововведеніемъ, противорѣчащимъ евангелію и священному преданію,—все формы, изъ которыхъ каждая находила въ кружкахъ англійскаго общества сочувствіе и ревностныхъ приверженцевъ. На почвѣ Великобританіи романское увлеченіе также довольно сильно обнаружилось; къ числу самыхъ жаркихъ заступниковъ и распространителей новаго догмата, серьезно, съ восторгомъ благоговѣвшихъ передъ обоготвореніемъ папы, былъ архіепископъ Маннингъ; онъ не только вѣровалъ въ новый догматъ, но готовъ былъ признавать каждое изъ чудесъ, совершавшихся во Франціи или гдѣ бы то ни было въ иномъ мѣстѣ въ подтвержденіе его. Сила и роскошь пилигримствъ во Франціи значительно увеличивалась притокомъ пилигримовъ изъ Англіи; такія движенія особеннаго вниманія заслуживаютъ въ Ирландіи, потому что здѣсь національная особенность поддерживалась и становилась рѣзкою отъ религіозной и наоборотъ. Тронная рѣчь указывала, какъ на особенно благопріятное обстоятельство, на то, что преступленія въ сельскомъ народонаселеніи значительно уменьшились и что движеніе феніевъ, къ счастію, уже значительно уменьшилось; но за то старинное, укоренившееся отвращеніе кельтовъ къ саксамъ приняло новую форму и высказалось въ агитаціи за домашнее управленіе (Home-rule); въ сущности это было только подновленное движеніе стариннаго Repeal-agitation, только въ нѣсколько болѣе радикальной формѣ: цѣль его состояла въ томъ, чтобы требовать учрежденія отдѣльнаго ирландскаго парламента и унію между Англіей и Ирландіей превратить въ чисто федеральное отношеніе; это движеніе въ скоромъ времени отправило своихъ авангардныхъ борцовъ въ парламентъ. Въ тоже время ирландское духовенство дѣлало правительству различныя затрудненія, а именно при школьныхъ преобразованіяхъ; кромѣ того при выборахъ въ члены парламента духовенство хлопотало и тянуло на свою сторону, что было силы. Правительство попыталось остановить эти стремленія и удержать ихъ въ границахъ, но при томъ, когда оно внесло въ мартѣ 1872 года былъ объ ирландскомъ университетѣ, парламентъ упрекнулъ его за то, что оно дѣлаетъ слишкомъ большія уступки ультрамонтанскимъ требованіямъ; между тѣмъ въ то же самое время, съ другой стороны, ирландскіе епископы, и во главѣ ихъ кардиналъ Колленъ (Cullen) ничего не хотѣли знать объ этомъ биллѣ, потому что онъ давалъ слишкомъ мало. При вторичномъ чтеніи билля въ нижней палатѣ, 12-го марта 1872 года, онъ былъ отвергнутъ; вмѣстѣ съ нимъ пало министерство Гладстона, но оно, по необходимости, принуждено было вновь взяться за дѣла, потому что вождь партіи торіевъ, Дизраэли, отказался принять на себя составленіе новаго министерства. Протестантскій элементъ Великобританіи встревожился еще сильнѣе, когда въ англиканской церкви обнаружилось новое стремленіе къ католицизму. Въ началѣ іюля 1873 года происходилъ большой митингъ въ Эксетргаллѣ, подъ предсѣдательствомъ графа Шафтсбюри; такъ какъ многіе англиканскіе духовные настаивали на необходимости ввести исповѣдь въ англиканскую церковь, то гр. Шафтсбюри и митингъ нашли нужнымъ положить границы этому стремленію. Вслѣдствіе проявленія католическаго духа въ англиканской церкви, очень понятно, что всѣ мыслящіе и разумные классы общества обратили вниманіе на то, что происходитъ въ Германіи; они слѣдили за движеніемъ старокатоликовъ и ожидали, чѣмъ кончится борьба прусскаго и германскаго государственнаго управленія съ римскою іерархіей, захватывающей все больше и больше власти въ области свѣтскаго правленія. Съ истиннымъ удовольствіемъ можно замѣтить, что между Германіей и Англіей существуетъ живое и дѣятельное общеніе, какъ въ религіозномъ, такъ и въ научномъ отношеніи, между тѣмъ какъ въ послѣднее время между Англіей и Франціей мы этого

не замѣчаемъ, и даже какъ будто настало какое-то отчужденіе другъ отъ друга въ проявленіи умственной дѣятельности обоихъ народовъ.

О внутреннихъ реформахъ въ теченіе этихъ годовъ, отъ 1870 до 1873, мало на что можно указать. Съ особеннымъ удовольствіемъ англичане во время войны сознавали удобство своего положенія на островѣ—оно избавляло прекрасные и великолѣпные загородные дома и дворцы ихъ богачей и вельможъ отъ опасности такъ же пострадать, какъ пострадали очаровательныя виллы и дворцы въ окрестностяхъ Парижа; однакожь война принесла также нѣкоторую пользу и англичанамъ, внимательно слѣдившимъ за всѣми ея случайностями изъ безопасной гавани, въ которой находились: они занялись лучшей организаціей своей арміи, подчинивъ и в о л о н т е р о в ъ военно-техническому надзору и смотрамъ. Давно существовавшее въ Англіи злоупотребленіе—продавать офицерскія должности—было отмѣнено еще въ 1871 году: такъ какъ палата лордовъ не давала своего согласія, чтобы этотъ законъ былъ принятъ и утвержденъ, то правительство добилось того прямымъ административнымъ порядкомъ, издавъ королевское повелѣніе. Въ томъ же 1872 году введена была при парламентскихъ выборахъ, т а й н а я п о д а ч а г о л о с о в ъ, на что долгое время не соглашалась верхняя палата. Въ Англіи каждая идея, будь она мудрая, или безумная, всегда находитъ послѣдователей и выражается свободно: такъ, между прочимъ, здѣсь тоже происходила а г и т а ц і я въ пользу в в е д е н і я р е с п у б л и к а н с к и х ъ у ч р е ж д е н і й; во главѣ этого движенія стоялъ баронетъ, сэръ Чарльзъ Дельке; но онъ почти никакого успѣха не имѣлъ. Во Франціи и въ Испаніи республиканская форма правленія все еще никакъ не могла упрочиться, какъ бы всѣми способами стараясь доказать народу, что человѣчество, при самыхъ счастливыхъ условіяхъ, должно сдѣлаться на нѣсколько столѣтій старше и умнѣе прежде, чѣмъ можетъ подчиниться этой формѣ правленія; въ Англіи самый инстинктъ подсказалъ народу способъ указать границы этой праздной и безцѣльной идеологіи. По случаю опасной болѣзни наслѣднаго принца Уэльсскаго, въ концѣ 1871 года, роялистическій образъ мыслей народа выказался во всемъ своемъ могуществѣ; когда же въ мартѣ 1872 года республиканецъ - баронетъ вздумалъ сдѣлать парламенту предложеніе потребовать отчета въ расходахъ бюджета королевскаго (liste civile), въ парламентѣ поднялся такой шумъ, какого въ этомъ серьезномъ засѣданіи никогда не бывало и какой былъ возможенъ только въ испанскихъ и во французскихъ палатахъ; этимъ палата депутатовъ ясно доказала, что она не намѣрена позволять касаться, или колебать краеугольныхъ камней государственнаго строя и тѣмъ мѣшать спокойному и безопасному ходу и развитію дѣлъ. А между тѣмъ она же ни однимъ пальцемъ не шевельнула, когда въ октябрѣ того же 1871 года, делегація и н т е р н а ц і о н а л ь н о й п а р т і и въ Лондонѣ на конференціи вновь высказала свои сильныя изреченія о «воинственной организаціи рабочихъ классовъ во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ»; эти негодные тунеядцы, которые своими разглагольствіями дѣйствовали на рабочихъ вреднѣе всѣхъ «жестокосердыхъ капиталистовъ», мѣшали имъ идти тяжкимъ, но честнымъ путемъ труда, бережливости и нравственной сдержанности, чтобы улучшить свое положеніе; эти-то мнимые друзья р а б о ч и х ъ к л а с с о в ъ требовали, чтобы они составили свою собственную, отдѣльную политическую партію, которая бы уравновѣшивала «совокупность силы достаточныхъ классовъ», забывая, что каждому рабочему путь въ эти привиллегированные классы въ нынѣшнее время открытъ скорѣе, нежели въ какое бы то ни было изъ прошедшихъ временъ. Англійское правительство отвергло предложеніе испанскаго, дѣйствовать дружно для того, чтобы подавить это общество и преслѣдовать его преступную теорію, хотя въ сущности каждый честный человѣкъ и патріотъ обязанъ всѣми силами стараться побѣдить это вредное общество, чтобы не допустить до гибели трудъ цивилизаціи, созданной столѣтіями, а это было бы неминуемо, если бы восторжествовала эта мнимая д е м о к р а т і я, которая по своему свойству хуже и презрѣннѣе всякой изъ когда либо бывшихъ о л и г а р х і й.

Во внѣшней политикѣ Англіи, въ разсматриваемый нами промежутокъ времени, тоже ничего замѣчательнаго не произошло. Спорный вопросъ съ С. Америкой изъ-за вознагражденія за убытки, понесенные отъ Э л э б а м ы и подоб-

ныхъ ей крейсеровъ южныхъ штатовъ, мы уже прослѣдили до того времени, когда дерзость американскихъ требованій утомила даже англійское терпѣніе, при самомъ миролюбивомъ и терпѣливомъ изъ когда либо существовавшихъ миролюбивыхъ министерствъ. Сумма въ 15 милліоновъ долларовъ, присужденная женевской конференціей Америкѣ, какъ вознагражденіе за понесенные убытки, не могла быть обременительной для Англіи, потому что она ежегодно публиковала о своихъ экономическихъ остаткахъ; однакожь, надобно признаться, способъ, какимъ производилось все дѣло объ этомъ вопросѣ, не приносилъ особенной чести искусству британскаго правительства. Второй спорный пунктъ между Англіей и Американскими штатами заключался въ такъ называемомъ вопросѣ о Санъ-Жуанѣ; оба государства судьею въ этомъ недоразумѣніи избрали германскаго императора. Дѣло заключалось вотъ въ чемъ: надобно было опредѣлить часть пограничной линіи, раздѣляющей на сѣверо-западѣ сѣверо-американскія владѣнія отъ владѣній великобританскихъ и рѣшить вопросъ: кому долженъ принадлежать островъ Санъ-Жуанъ и нѣсколько другихъ незначительныхъ островковъ—Великобританіи, или Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ; германскій императоръ разобралъ мнѣнія за и противъ и рѣшилъ, 21-го октября 1872 года, споръ въ пользу американскаго толкованія.

Пораженіе, понесенное Англіей въ непріятномъ дѣлѣ изъ-за Чернаго моря; однакожъ не надолго опечалило Британію: она вскорѣ позабыла непріятность; въ вопросѣ объ отношеніяхъ, для краткости названныхъ центрально-азіатскими. Россія поступила предупредительно, какъ мы уже говорили:—до начала хивинской экспедиціи она прислала чрезвычайное посольство, чтобы войти въ соглашеніе съ Англіей и объяснить ей свои намѣренія. Самое послѣднее военное предпріятіе Англіи вызвано было непріязненными дѣйствіями варварскаго племени ашанти на западныхъ берегахъ Африки, сдѣлавшаго нападеніе на англійскія колоніи, на берегахъ верхней Гвинеи; къ воинственнымъ ашанти присоединились многія изъ негритянскихъ, имъ сосѣдственныхъ племенъ. Въ этомъ случаѣ министерство Гладстона выказало всю свою энергію; впрочемъ этимъ усиліемъ и окончилось существованіе его министерства,—дни его были сочтены; пришлось испытать то, что въ Англіи не повторялось со временъ билля о парламентской реформѣ: составилось сомкнутое консервативное большинство въ нижней палатѣ и образовалось сильное консервативное министерство. Надобно признаться, что не въ одной Англіи консервативное начало взяло верхъ надъ всѣми выродками и заблужденіями, попеременно овладѣвавшими умами и колебавшими правительства; не въ одной Англіи созрѣло убѣжденіе, что въ различныхъ фазисахъ развитія народной жизни есть моменты, когда интересы свободы требуютъ прежде всего утвердить и упрочить власть въ рукахъ правительства.

Правило это прежде всего испытать на себѣ суждено было Испаніи; съ тѣхъ-поръ, какъ она подала поводъ французскому императору и его клевретамъ затѣять войну съ Германіей, хотя она сама тутъ не принимала ни малѣйшаго участія, ни сознательно, ни безсознательно, — съ тѣхъ поръ вниманіе Европы все-таки было обращено на нее.

В. ГОСУДАРСТВА СРЕДНЕЙ ВЕЛИЧИНЫ И НЕБОЛЬШІЯ.

---

1. Испанія.

Испанія осталась нейтральною въ войнѣ, возникшей изъ-за гогенцоллернской кандидатуры на испанскій престолъ, и въ дѣлахъ, предшествовавшихъ ей; они были довольно постыдны какъ для испанскаго правительства, такъ и для народа. Нейтралитетъ Испаніи былъ очень понятенъ; у нея не было никакого спеціальнаго интереса, который она должна была бы отстаивать, потому что не было рѣшенія кортесовъ, утверждавшаго гогенцоллернскую кандидатуру; къ тому же отказъ принца принять корону окончательно развязалъ руки Испаніи; но для Франціи выставить обсерваціонный корпусъ на испанской границѣ было лишнее и не было вызвано серьезными опасеніями. Побѣда нѣмцевъ при Седанѣ порадовала испанцевъ и удовлетворила ихъ оскорбленную гордость; Испанія могла быть довольна дальнѣйшимъ ходомъ войны и окончательными ея результатами, потому что Франція на долгое время лишена была возможности оскорблять своихъ сосѣдей и принуждена была обходиться съ ними осторожнѣе. Между тѣмъ нашелся король для опустѣвшаго престола: Фердинандъ Амедей, герцогъ Аостскій, второй сынъ итальянскаго короля,—Виктора Эмануила—далъ свое согласіе занять предлагаемый ему престолъ, 2-го ноября. Онъ былъ избранъ и утвержденъ кортесами 16-го; 191 голосъ былъ на сторонѣ герцога Аостскаго; 25-ть подали голосъ за герцога Монпансье, 8 за старика Эспартеро, 2 за сына Изабеллы; 12 человѣкъ карлистовъ подали бѣлыя записки; въ числѣ этого меньшинства значительное количество принадлежало республиканцамъ, а именно 63 голоса. Итакъ, новый король Амедей 1, принялъ корону 4-го декабря; бюджетъ (liste civile) утвержденъ былъ въ 24 милліона реаловъ; на безсильные протесты королевы Изабеллы и втораго короля, Донъ Карлоса никто пока не обращалъ вниманія. Однакожъ, новое правительство начало свое царствованіе при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. При самомъ первомъ шагѣ на испанскую почву король узналъ, что маршалъ Примъ, болѣе всѣхъ содѣйствовавшій его избранію, возвращаясь изъ одного изъ засѣданій въ палатѣ кортесовъ, былъ смертельно раненъ. Онъ умеръ 30-го декабря; убійцы скрылись.

Января 2-го 1871 года, король прибылъ въ Мадридъ и принесъ присягу конституціи. Законодательные кортесы разошлись и маршалу Серрано поручено было составить первое министерство при новомъ королѣ. Иностранныя европейскія государства безъ затрудненія признали Амедея I королемъ испанскимъ. Наружность его понравилась народу, и первое впечатлѣніе, произведенное его по-

явленіемъ было благопріятно; но на первыхъ же порахъ выказалась деморализація, господствовавшая во всѣхъ частяхъ управленія Испаніи: нѣсколько офицеровъ и унтеръ-офицеровъ отказались присягать королю, избранному народными представителями. Апрѣля 3-го новое собраніе кортесовъ открыло засѣданія,—это было пестрое собраніе представителей всевозможныхъ партій, изъ нихъ только незначительное большинство было на сторонѣ новаго порядка вещей; большинствомъ 168 голосовъ кандидатъ министерства—Олозага—былъ избранъ президентомъ кортесовъ. Первая тронная рѣчь была наполнена ласковыми словами; надеждами на будущее она убаюкивала народъ и его представителей; но савойскій принцъ при самомъ искреннемъ желаніи добра и при качествахъ, во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ дѣлавшихъ его способнымъ принести много пользы и добра, здѣсь взялся за рѣшеніе задачи, превышавшей его силы. Первыя затрудненія явились со стороны республиканцевъ: въ угожденіе имъ, отъ кортесовъ не потребовали, чтобы они приняли присягу въ вѣрности: принимать присягу конституціоннымъ порядкомъ и хранить данную клятву не было въ привычкахъ и въ правилахъ новѣйшихъ грандовъ Испаніи, вельможъ этого республиканскаго фазиса; вѣрности къ присягѣ можно было требовать или отъ королей, или отъ ихъ министровъ, но, понятно, не отъ ихъ подданныхъ. Мая 22-го глава республиканской партіи Эмиліо Кастеларъ требовалъ возстановленія республики, а карлисты, на сторонѣ которыхъ было вѣроятно больше приверженцевъ въ народѣ, нежели на сторонѣ республиканцевъ, требовали возведенія донъ Карлоса на престолъ и поддерживали его права; здѣсь въ Испаніи не было рѣчи о твердой поддержкѣ министерства посредствомъ преданнаго ему большинства между народными представителями, тѣмъ менѣе можно было ожидать особенныхъ подвиговъ отъ какого бы то ни было министерства, которое не чувствовало подъ собой твердой почвы и считало каждую минуту послѣднею для своей дѣятельности; вотъ почему мѣста во главѣ управленія не требовали, чтобы лица занимающія ихъ, имѣли опредѣленный характеръ и образъ мыслей, чтобы они обладали извѣстными качествами и извѣстными знаніями, необходимыми, чтобы вести поручаемое имъ дѣло. Къ величайшему удивленію, министерство Серрано продержалось до іюля; еще въ іюнѣ онъ подавалъ королю просьбу объ отставкѣ, непосредственно послѣ того, какъ новый военный законъ и отвѣтный адресъ на тронную рѣчь, предложенные министерствомъ, были приняты большинствомъ кортесовъ; это была новизна, къ которой король никакъ не могъ примѣниться:—онъ говорилъ, что понимаетъ перемѣну министерства, при его несогласіи съ парламентомъ, но не понимаетъ такой перемѣны вслѣдствіе интригъ различныхъ клубовъ и партій; король очень ясно высказалъ это передъ народными представителями,—этому своевольному и неспособному обществу—и отказалъ министру въ требуемомъ увольненіи. Но съ серединѣ іюля не было больше возможности удержать министровъ при ихъ назначеніяхъ; послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ поручено было Зориллѣ составить новое министерство; онъ его набралъ частію изъ партіи радикаловъ, частію изъ прогрессистовъ. Пользуясь тѣмъ временемъ, когда засѣданія кортесовъ были закрыты, король предпринялъ путешествіе по своему государству; вездѣ его принимали хорошо, но когда онъ возвратился въ Мадридъ, здѣсь его встрѣтилъ новый министерскій кризисъ. Кортесы опять собрались 1-го октября; при избраніи президента палаты кандидатъ правительства потерпѣлъ пораженіе: ему предпочли вождя консервативной партіи, прогрессиста Сагаста. Такимъ образомъ съ 20-го октября существовало министерство Малькампо, опиравшееся на партію прогрессистовъ; но 13-го ноября кортесы уже подали заявленіе о недовѣріи къ этому министерству, а между тѣмъ оно не успѣло выказать себя ни съ хорошей, ни съ дурной стороны. Непонятно, откуда представители народные брали матерьялъ для продолжительнаго нападенія на дѣйствія министерства и на его защиту, а между тѣмъ то и другое длилось по нѣсколько дней и даже нѣсколько мѣсяцевъ. Министерство, однакожъ, пало 18-го подъ обвиненіями кортесовъ; оно отдѣлалось только тѣмъ, что отложило до 8-го января 1872 года засѣданія кортесовъ.

Годъ еще не окончился, какъ новое министерство, но съ тѣмъ же направленіемъ, подъ предсѣдательствомъ Сагасты, принялось за дѣла; но

22-го января, тотчасъ послѣ того, какъ кортесы собрались, оно уже подало просьбу объ увольненіи, потому что, по поводу какого-то незначительнаго вопроса, не могло отстоять своего мнѣнія въ палатѣ. Король однакожь не согласился принять прошенія министровъ; онъ предпочелъ распустить палату. При новыхъ выборахъ карлисты принимали участіе; избраны были 229 членовъ изъ преданныхъ министерству и 137 опозиціонныхъ, самыхъ различныхъ оттѣнковъ. Но одной части изъ опозиціонной партіи, а именно карлистской, надоѣла «смѣшная комедія либерализма» и они предпочли приняться за оружіе; ихъ банды явились въ полѣ въ Бискайи и Наваррѣ. Донъ Карлосъ съ своей стороны, въ манифестѣ отъ 15-го апрѣля, объявилъ в о й н у всѣмъ «ухищреніямъ либерализма, передовымъ отрядамъ керосинниковъ и разрушителямъ общественнаго порядка, войну во имя Бога, отечества и монархіи»; онъ «Герцогъ мадридскій,—какъ его еще титуловали—«требовалъ передъ лицомъ міра, чтобы ему предоставлено было начальство надъ передовымъ полкомъ великаго войска католицизма, которое есть войско Божіе, престола, собственности и семейства.» Въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, было извѣстно, чего онъ намѣренъ держаться. Въ то время, когда маршалъ Серрано, въ качествѣ генералиссимуса, съ войскомъ пошелъ на сѣверъ противъ карлистовъ, на парламентской аренѣ, вновь открытой съ 24-го апрѣля, началась борьба; республиканская партія оставалась спокойною зрительницей, радикальные прогрессисты толковали о томъ, чтобы выйти изъ палаты кортесовъ, а къ 22-го мая господство министерства Сагасты окончилось. Новое министерство поручено было составить адмиралу Топете; но уже черезъ нѣсколько дней маршалъ Серрано былъ избранъ предсѣдателемъ. Онъ возвратился изъ экспедиціи противъ карлистовъ, не успѣвъ довести ее до конца. Онъ далъ своимъ противникамъ конвенцію, или вѣрнѣе, самъ предложилъ ее, а именно: к о н в е н ц і ю А м о р е в і е т а (24-го мая); въ ней онъ предлагалъ обширную амнистію тѣмъ, которые немедленно положатъ оружіе и согласятся на условіе, возможное въ одной только Испаніи, а именно, чтобы «предводители и офицеры возставшихъ возвратились въ королевскую армію съ тѣми же чинами, въ какихъ находились до начала возстанія.» Въ тоже самое время появилась прокламація одного изъ карлистскихъ предводителей, Тристани, къ каталонцамъ; въ ней онъ осыпаетъ новаго короля всевозможными оскорбленіями: въ угоду горсти искателей приключеній, Испанія несетъ иго иноземца, «отлученнаго отъ церкви принца»; въ этой прокламаціи жители Каталоніи призывались къ оружію, чтобы отстоять права законнаго короля и Божіи.

Министерство Серрано тоже не долго длилось. Большинство кортесовъ готово было предоставить ему обширныя права, чтобы дать ему возможность возстановить общественный порядокъ и спокойствіе; король колебался, не зная соглашаться ли ему на эту мѣру, но уступилъ энергическимъ рѣчамъ радикаловъ и республиканцевъ, стращавшихъ его: онъ не далъ своего согласія, вслѣдствіе чего министерство вышло въ отставку и составилось новое, радикальное министерство, во главѣ котораго сталъ З о р и л л а, за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ вышедшій изъ кортесовъ, потому что не раздѣлялъ общаго воззрѣнія. Засѣданія кортесовъ были отложены на неопредѣленное время. Опять посыпались объясненія и протесты; но 21-го іюля кортесы были окончательно распущены. Передъ тѣмъ, 19-го іюля, произошло первое покушеніе на жизнь королевской четы, къ счастію неудавшееся; 24-го августа производились общіе выборы въ кортесы; въ этомъ всѣ партіи принимали живѣйшее участіе, исключая карлистовъ. Выборы дали рѣшительное большинство въ пользу существующаго правительства, хотя оно въ выборахъ принимало очень мало участія. Сентября 15-го послѣ возвращенія изъ путешествія по сѣвернымъ провинціямъ, король открылъ сессіи кортесовъ; на разсмотрѣніе кортесамъ предложено было много проектовъ законовъ первой необходимости; между прочимъ тутъ былъ и проектъ о военной реформѣ: предлагалась общая воинская повинность. Все, казалось, шло очень хорошо, но 10-го ноября, по поводу очень неудачнаго назначенія, открылись различные, крайне важные недостатки въ управленіи. Правительство назначило генерала Г и д а л ь г о въ генералъ-капитаны Бискайской провинціи. Этого человѣка обвиняли въ безчестномъ поступкѣ, совершенномъ въ одно изъ безчисленныхъ

происходившихъ здѣсь возстаній — онъ замедлилъ спасти одного артиллерійскаго офицера, котораго, въ 1866 году, его взбунтовавшіеся солдаты тащили на смертную казнь. Начальникъ бискайской артиллерійской бригады, состоявшей подъ исключительнымъ начальствомъ Гидальго, безъ отпуска, оставилъ своихъ солдатъ и поспѣшилъ въ Мадридъ, чтобы объяснить дѣло и протестовать противъ этого назначенія. Это послужило сигналомъ къ общей стачкѣ: даже въ этомъ столѣтіи *общихъ стачекъ рабочихъ*, такой необыкновенной стачки не бывало: всѣ артиллерійскіе офицеры Испаніи, безъ исключенія, потребовали отставки. Правительство рѣшилось не уступать и начало принимать мѣры, чтобы преобразовать составъ этой части войска; но для короля такая неурядица была невыносима. 10-го февраля 1873 года Зорилла принужденъ былъ довести до свѣдѣнія кортесовъ, что король рѣшился отказаться отъ престола. Король выполнилъ свое намѣреніе и все осталось очень тихо и спокойно. 12-го король съ своимъ семействомъ отправился въ Лиссабонъ, чтобы оттуда на пароходѣ отплыть на родину; кортесамъ онъ оставилъ посланіе, въ которомъ съ большимъ достоинствомъ и спокойствіемъ приводитъ причины своего твердаго рѣшенія отказаться отъ престола за себя и за своихъ потомковъ—это отреченіе приноситъ больше чести ему, нежели Испаніи. Посланіе это, въ очень умѣренныхъ выраженіяхъ, исполненныхъ достоинства, критически разсматриваетъ безнадежное положеніе, въ какомъ находится государство: «Въ Испаніи всѣ единогласно говорятъ о любви къ отечеству, всѣ трудятся, бьются изъ-за его блага, но посреди оглушительнаго грома битвъ, посреди смутныхъ, оглушительныхъ и противорѣчащихъ другъ другу возгласовъ партій, посреди многочисленныхъ, противорѣчащихъ другъ другу выраженій общественнаго мнѣнія, нѣтъ ни малѣйшей возможности распознать истину и еще невозможнѣе найти цѣлебное средство для поправленія всеобщаго зла. Я ревностно отыскивалъ это средство въ области, дозволенной мнѣ законами, и не нашелъ его; *внѣ* закона я не имѣю права отыскивать его, потому что поклялся хранить законъ.»—Впрочемъ, внѣ закона средствъ для своихъ цѣлей отыскивали многіе изъ вождей партій и имъ отъ того не было хуже; но рѣшаться на то, что здѣсь осмѣливался дѣлать каждый генералъ и каждый начальникъ партіи, потому только, что онъ природный испанецъ, не могъ и не долженъ былъ король, потому что онъ былъ иностранецъ.

Итакъ, испанцы опять остались безъ короля. Въ тотъ же день, когда король уѣхалъ, законодательные кортесы провозгласили *республику*, какъ необходимую и единственно спасительную форму правленія для Испаніи; очень ничтожный и плачевный адресъ служилъ отвѣтомъ на посланіе короля; депутація провожала его до границы. Демократы Европы должны были, или искренно, или притворно радоваться тому, что *двѣ* великія державы Европы наконецъ приняли единственно свободную и достойную свободныхъ существъ государственную форму правленія и что западная оконечность нашей части свѣта теперь занята республиками.

Правительство — теперь полновластныхъ — кортесовъ состояло частію изъ радикаловъ, частію изъ республиканцевъ, однакожъ послѣдніе были многочисленнѣе первыхъ. Президентъ совѣта министровъ, Фигуэрасъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, Пи-и-Маргалъ и министръ иностранныхъ дѣлъ, Кастералъ, были республиканцы, и уже къ 25-го февраля все министерство, во всѣхъ своихъ частяхъ, было на столько измѣнено кортесами, что оно сдѣлалось почти чисто-республиканскимъ. Самая первая забота состояла въ томъ, чтобы не позже какъ черезъ три года были вновь собраны законодательные и учредительные кортесы, чтобы окончательно упрочить какое нибудь законодательство, можетъ быть, на какіе нибудь $1^1/_2$ года, небольше, все равно—на сколько придется, лишь бы не оставаться безъ всякаго опредѣленнаго устройства; къ выборамъ этимъ допускались всѣ испанцы, достигшіе 20 лѣтняго возраста. Подъ названіемъ предполагаемой, или уже введенной республики понимали *федеральную республику*; форма эта, казалось, была удовлетворительная и лучше всякой другой; она соотвѣтствовала понятіямъ о свободѣ и потребностямъ государства, т. е. предполагалось разложить единство Испаніи на столько отдѣльныхъ государствъ, или штатовъ, изъ скольнихъ она составилась, и изъ всѣхъ этихъ штатовъ образовать союзъ, подоб-

ный Швейцарскому, или Сѣвероамериканскимъ Соединеннымъ Штатамъ. На первый случай, простой народъ понималъ все это съ своей точки зрѣнія, а именно: что все старое отмѣняется и, слѣдовательно, каждый можетъ дѣлать, что ему нравится, и не дѣлать того, что его стѣсняетъ, или ему не нравится. Больше всего это замѣтно было въ арміи: примѣръ артиллерійскихъ офицеровъ имѣлъ гибельныя послѣдствія; дисциплина военная со дня на день ослабѣвала; въ странѣ, гдѣ не уважали законовъ, гдѣ отъ нихъ каждый отдѣлывался легкомысленной фразой и поступалъ такъ, какъ ему казалось лучше или удобнѣе, деморализація арміи была неизбѣжна,—въ ней не было солдатъ, которые соглашались бы повиноваться, и не было офицеровъ, чтобы командовать ими. Надобно было образовать войско изъ охотниковъ; ему предстояло рѣшить двѣ задачи: 1) противиться успѣхамъ карлистовъ на сѣверѣ, особенно ободренныхъ тѣмъ, что республика была провозглашена, а во 2) мѣшать дѣйствіямъ враговъ, возникшимъ повсюду и въ тоже время невидимымъ, неосязаемымъ: эти враги — люди не удовлетворенные уничтоженіемъ старинной испанской монархіи, не хотѣвшіе дѣлать никакихъ уступокъ историческимъ воспоминаніямъ, не хотѣвшіе знать о какихъ бы то ни было соглашеніяхъ—мы говоримъ о коммунистахъ, объ интранзигентахъ. Люди честные и незаблуждающіеся, какъ напримѣръ, военный министръ Акоста и Кастеларъ, сознавали, что свобода, даже и республиканская, тогда только благодѣтельна, когда она будетъ опираться на порядокъ, слѣдовательно, съ него-то и надобно начать, и что для порядка необходимы, не только при королевскомъ или императорскомъ правленіи, но и при республиканскомъ, солдаты, войско—хорошо обученное и пріученное къ строгой дисциплинѣ. Они тотчасъ принялись за эту трудную задачу, но безпорядокъ глубоко вкоренился во всѣхъ отрасляхъ управленія. Члены кортесовъ, по большей части были р а д и к а л ы, а не р е с п у б л и к а н ц ы; закрывая засѣданія, составили коммиссію для того, чтобы контролировать правительство, и дали ей право, въ случаѣ встрѣтившейся надобности, въ промежутокъ времени до избранія новыхъ кортесовъ, созывать старые. Въ этой-то комиссіи партія, противная министерству, составляла большинство и поэтому правительству осталось только или произвести государственный переворотъ, или терпѣливо переносить свое положеніе. Правительство предпочло первое: закрыло постоянную комиссію кортесовъ 24-го апрѣля; члены ея, по большей части, бѣжали за границу. 10-го мая происходили выборы; царственный народъ прислалъ въ палату 360 федеральныхъ республиканцевъ, кромѣ того нѣсколько радикаловъ и консерваторовъ; іюня 1-го засѣданія были открыты, а 8-го преобладающая партія избрала одного изъ своихъ, Орензе, въ президенты. Президентъ министерства, Фигуэрасъ, сложилъ съ себя свою должность, а на мѣсто его выбранъ былъ Пи-и-Маргалъ; затѣмъ кортесы выбрали остальныхъ министровъ изъ своей федерально-республиканской партіи; кромѣ того, назначена была особенная законодательная комиссія; Кастералъ поручилъ ей выработать проектъ законодательства. Между тѣмъ, какъ онъ занимался этимъ современнымъ сочиненіемъ и пріискивалъ должныя формулы для защиты правъ человѣчества—отдѣлъ этотъ долженъ былъ составлять самую видную и главную часть законодательства,—на югѣ Испаніи поднялся цѣлый хаосъ безпорядковъ: произошло нѣсколько коммунистическихъ возстаній; коммунисты не обращали ни малѣйшаго вниманія на кортесы, засѣдавшіе въ Мадридѣ; коммунисты подняли Малагу, Севилью, Кадиксъ, Алькойю, Картагену и др. города Они надѣялись на поддержку и защиту президента Пи-и-Маргала, раздѣлявшаго ихъ образъ мыслей; но онъ отказался отъ своей должности и на мѣсто его возведенъ былъ С а л ь м е р о н ъ. Въ Картагенѣ чернь распоряжалась по своему, и отъ себя назначила выборныхъ для о храненія общей безопасности и общаго благосостоянія: комунисты захватили нѣсколько военныхъ кораблей и пытались, при ихъ помощи, поспѣшить на выручку своихъ единомышленниковъ въ разныхъ приморскихъ городахъ, гдѣ ихъ уже одолѣвали приверженцы порядка и тишины. При этомъ случаѣ германскій военный фрегатъ «Принцъ Фридрихъ Карлъ» съ капитаномъ Вернеромъ, сдѣлалъ доброе дѣло: онъ поймалъ одинъ изъ коммунистическихъ кораблей и отвелъ его въ Гибралтаръ и іюня 25-го, сдалъ его тамъ; остальнымъ коммунистическимъ судамъ не удалось выйти въ море въ виду

крейсировавшихъ передъ гаванью германскихъ и англійскихъ кораблей, посланныхъ въ защиту ихъ соотечественниковъ, находящихся въ испанскихъ приморскихъ городахъ. Такимъ образомъ дѣйствія и подвиги коммунистовъ должны были ограничиться Картагеной, къ которой уже приближались правительственныя войска, подъ начальствомъ генерала Кампосъ; въ остальныхъ южныхъ городахъ спокойствіе было возстановлено. Но на сѣверѣ, карлисты усиливались и дѣйствовали успѣшно; здѣсь энергическое правительство было необходимѣе, нежели усилія рѣшить вопросъ, какъ далеко должна простираться индивидуальная свобода каждаго испанца въ отдѣльности, относительно общины,—далѣе независимость общины относительно штата, а потомъ штата относительно союза и т. п. тонкости, надъ рѣшеніемъ которыхъ кортесы напрягали свои умственныя способности. Сальмеронъ, благодаря своей сантиментальности, никакъ не допускалъ дать силу военному артикулу и военной дисциплинѣ, называя это возобновленіемъ смертной казни, отмѣненной кортесами; онъ отказался отъ своего поста и на мѣсто его кортесы выбрали Эмиліо Кастеллара, который согласился принять президентство только съ тѣмъ, чтобы ему предоставлены были исключительныя права. Собраніе кортесовъ закрыто было 19-го до конца года, а 21-го явился декретъ, на время отмѣнявшій всѣ «конституціонныя гарантіи. Ко всѣмъ существующимъ бѣдамъ присоединилось еще непріятное столкновеніе съ Сѣвероамериканскими Штатами, по поводу происшествія бывшаго въ связи съ безпорядками на Кубѣ: сѣвероамериканскій корабль «Виргинія,» подвозившій военные снаряды и волонтеровъ къ возставшимъ, попался въ руки правительства Кубы, которое, не долго думая, конфисковало грузъ, судило военнымъ судомъ экипажъ и разстрѣляло главныхъ виновниковъ. Можно было предполагать, что Испанія по этому случаю лишится послѣднихъ остатковъ своихъ колоній на Кубѣ; но благодаря уступчивости мадридскаго правительства, вскорѣ все уладилось.

Годъ окончился дальнѣйшими успѣхами карлистовъ. Подъ личнымъ начальствомъ донъ Карлоса они придвинулись къ Бильбао, предварительно разгромивъ правительственныя войска, подъ командою Моріонеса; доведенный до крайности, онъ искалъ спасенія на корабляхъ, находившихся въ Санъ-Себастіанѣ, и оттуда спасался въ Сантандеръ. Въ Мадридѣ, между тѣмъ, разногласіе между Кастелларомъ, президентомъ министровъ, и Сальмерономъ, президентомъ коммиссіи кортесовъ, возросло въ значительной степени, и если бы этому разногласію не положила конца какая нибудь посторонняя, хотя бы грубая, солдатская сила, то при вновь открывшихся засѣданіяхъ кортесовъ разногласіе еще болѣе увеличилось бы и произошелъ бы разрывъ, который открылъ бы донъ Карлосу дорогу въ Мадридъ, а съ нимъ должна бы начаться новая эра реакціи и революцій.

О Португаліи намъ остается сказать нѣсколько словъ. Здѣсь, въ маѣ 1870 года, также произошла военная революція, подъ предводительтвомъ Сальданга: онъ вздумалъ предписывать королю законы; но вскорѣ конституціонное начало взяло верхъ надъ военнымъ, и все опять пошло своимъ, законами назначеннымъ путемъ; послѣ этого понятно, почему идея, возникшая посреди испанскихъ неурядицъ и волненій, соединить весь Пиринейскій полуостровъ подъ властью одной португальской династіи, здѣсь, въ Португаліи, не встрѣтила ни малѣйшаго сочувствія.

2. Италія.

Между тѣмъ, какъ Испанія, во имя свободы, пыталась раздроблять единую монархію на части, образовать изъ нихъ пучекъ почти ничѣмъ не связанныхъ, самостоятельныхъ союзныхъ штатовъ, Италія наконецъ пріобрѣла свою естественную столицу и сомкнулась въ одно крѣпкое цѣлое. Послѣ долгихъ страданій, огромныхъ усилій, послѣ долгихъ и трудныхъ жертвъ, Италіи, однакожъ, улыбнулось счастье, и она увидѣла, что жертвы, усилія и труды ея не пропали даромъ, что ей удалось преодолѣть всѣ препятствія и достигнуть того, чѣмъ Испанія владѣла съ давнихъ поръ: Италія соединилась въ одно территоріально

сплошное государство и пріобрѣла національную независимость. Здѣсь также, какъ въ Германіи, блистательно оправдалась зиждительная, умѣряющая и соединительная сила національной монархической власти: безъ этой силы ни здѣсь, ни тамъ не было бы окончено великое дѣло объединенія. Для довершенія національнаго единаго королевства было очень важно, чтобы Римъ, это естественное средоточіе Италіи, освященное историческими воспоминаніями, до сихъ поръ бывшее центромъ духовнаго и свѣтскаго универсальнаго государства, да и теперь еще оставшійся имъ, сдѣлался наконецъ ея столицею.

Не могло быть и рѣчи о соглашеніи двухъ разнородныхъ властей—итальянской королевской и папской. Парламентъ еще во Флоренціи занялся тѣмъ, чтобы составить законъ, который гарантировалъ бы власть папы, предоставлялъ бы ему полную свободу при исполненіи обязанностей, соединенныхъ съ его положеніемъ, какъ главы католической церкви: личность папы признана священною и неприкосновенною и огражденною такимъ же образомъ какъ личность короля; ему полагалась на содержаніе ежегодная рента въ 3.200.000 лиръ; въ его владѣніи, на вѣчныя времена, оставлены нѣсколько дворцовъ и садовъ въ Римѣ; они составляютъ неотъемлемую собственность папы, куда безъ особеннаго дозволенія папы не можетъ проникнуть ни одинъ чиновникъ отъ правительства; посланники папы при иностранныхъ дворахъ и посланники иностранныхъ дворовъ при папскомъ, пользуются всѣми правами и преимуществами, предоставленными посланникамъ международнымъ правомъ, свободу вести переписку съ цѣлымъ католическимъ міромъ безъ вмѣшательства со стороны правительства и т. д. Мая 2-го законъ этотъ былъ принятъ и утвержденъ сенатомъ. Но это были пустыя слова: мая 15-го, папа вновь объявилъ, безъ всякой надобности, что онъ никогда, не приметъ гарантій, выдуманныхъ «субальпинскимъ» правительствомъ; какого бы рода онѣ ни были, онъ никогда не признаетъ ни тѣхъ, ни другихъ; папа почиталъ себя плѣнникомъ и узникомъ, что, однакожъ, не препятствовало ему вести самую оживленную переписку съ цѣлымъ католическимъ міромъ и управлять имъ, какъ и до сихъ поръ управлялъ.

Новый порядокъ былъ введенъ безъ особенно существенныхъ препятствій съ этой стороны. Что касается до внутренняго устройства Италіи, благодаря правильной организаціи конституціоннаго порядка, оно развивалась спокойно, безъ сильныхъ потрясеній. Нѣкоторыя республиканскія демонстраціи, какъ, напримѣръ, по поводу смерти Мадзини, 10-го марта 1872 года, не имѣли значительнаго вліянія и не нарушили спокойнаго хода администраціи. Іюня 24-го 1871 года палаты прекратили свои сессіи во Флоренціи; а 2-го іюля 1871 король торжественно въѣхалъ въ Римъ. Онъ принималъ въ первый разъ въ Римѣ, въ Квириналѣ, около 100 депутацій отъ итальянскихъ муниципальныхъ собраній; въ своей отвѣтной рѣчи на ихъ привѣтствіе онъ, между прочимъ, сказалъ: «да, мы въ Римѣ и мы въ немъ останемся»; въ томъ же году 27-го октября, происходило открытіе парламента,—тутъ опять для Италіи начинается новый параграфъ ея исторіи и мы будемъ ждать, что впишетъ она въ эту страницу, пока еще бѣлую. «Дѣло, на которое мы посвятили жизнь свою, окончено, были первыя слова тронной рѣчи, произнесенной королемъ при открытіи парламента,—послѣ долгихъ испытаній, борьбы и несчастій, Италія наконецъ отдана самой себѣ и Риму.» Далѣе говорилось объ отдѣленіи церковной власти отъ свѣтской; замѣтимъ, что извѣстное число монастырей уже при самомъ началѣ перемѣнъ было закрыто и имѣнія ихъ конфискованы. Ноября 20-го въ 1872 году правительство предложило парламенту проектъ закона о закрытіи монастырей также и въ этой новой провинціи Италіи, т. е. въ римской; въ слѣдующемъ 1873, году, въ маѣ проектъ этотъ получилъ силу закона. Больше всего затрудненій при этомъ представлялъ вопросъ, какъ поступить съ такъ называемыми генералатами, т. е. такими монастырями, которые предназначались для мѣста пребыванія генераловъ орденовъ, имѣвшихъ кромѣ того свои монастыри въ цѣломъ католическомъ мірѣ; самое большое затрудненіе заключалось въ томъ, что закрытіе ихъ имѣло бы вліяніе на иностранныя государства; предложеніе министра Риказоли, если и не уничтожило эти препятствія, то по крайней мѣрѣ обходило ихъ, а именно: чтобы генералы орденовъ, въ настоящее время находящіеся на

должности, по прежнему оставались въ монастыряхъ, служащихъ мѣстомъ ихъ жительства, и монастыри эти со всѣми доходами оставались неприкосновенны, пока служеніе генераловъ, какъ начальниковъ орденовъ, не прекратится; всѣ остальные монастыри, хотя и послѣ неизбѣжнаго протеста со стороны братіи, были закрыты и очищены. Надобно замѣтить, что дѣла церковныя здѣсь не представляли особенно большихъ затрудненій и улаживались тихо; здѣсь покорялись необходимому, и между духовенствомъ и народомъ происходила акомодація, кромѣ того клерикальная партія понемногу начала интересоваться гражданскою жизнію и принимать участіе въ выборахъ по приходамъ, но еще безъ особеннаго вліянія. Очевидно, здѣсь народъ не такъ серьезно смотрѣлъ на свои отношенія къ церкви, какъ по ту сторону горъ; 15-го октября 1873 года одинъ изъ приходовъ, близъ Мантуи, подалъ примѣръ, очень опасный въ іерархическомъ отношеніи: несмотря на грозные протесты епископа, приходъ самъ для себя избралъ священника.

Городъ Римъ тоже не имѣлъ причины быть недовольнымъ перемѣнами, хотя онѣ, какъ всякая новизна, имѣли много неудобствъ и много непривычнаго. Вмѣсто духовной пышности и блестящихъ процессій, жителямъ пришлось довольствоваться свѣтскими развлеченіями. Иностранцевъ-путешественниковъ являлось столько же, какъ и прежде, кромѣ того изъ всѣхъ частей свѣта наѣзжали многочисленныя депутаціи, чтобы поклониться «ватиканскому плѣннику», но при удобномъ случаѣ эти депутаціи разсыпались и по городу и по окрестностямъ, чтобы посмотрѣть на то, чего въ иныхъ мѣстахъ увидѣть нельзя. Народонаселеніе, привыкшее къ неурядицѣ въ управленіи, почувствовало благодѣянія быстраго и правдиваго судопроизводства и правильной, законами направляемой администраціи; повсюду заводились школы, число ихъ ежегодно увеличивалось; но успокоительнѣе и сильнѣе всего дѣйствовало сознаніе, что каждый городокъ, каждая деревушка есть часть одного сильнаго цѣлаго; отъ этого чувствовалась особенная крѣпость и сила, хотя еще многое надобно было измѣнить и исправить въ отдѣльныхъ частяхъ управленія королевства, равно какъ и въ цѣломъ его строѣ. Отчетъ министра финансовъ Селла, представленный парламенту, въ январѣ 1872 года, показалъ, какъ, несмотря на огромный дефицитъ и на постоянно возрастающіе налоги, благосостояніе народа замѣтно улучшалось: правильные доходы государства возросли въ десятилѣтіе, отъ 1861—1871 года, съ 458 до 1056 милл. лиръ; въ 1861 году товаровъ вывезено было на 479 милл. лиръ, тогда какъ привезено было на 821 милл. лиръ; только въ 1871 году въ первый разъ вывозъ превышалъ ввозъ; линій желѣзныхъ дорогъ стало втрое больше, равно какъ и телеграфныхъ путей; число путешественниковъ значительно увеличилось. Для того, чтобы покрывать расходы объединенной Италіи, средства отыскивать нужно было въ самомъ народѣ, обременяя его новыми налогами, потому что политика народной экономіи была такого рода, что сберегать было не изъ чего: все нужно было заводить и усовершенствовать; относительно войска и флота также нельзя было, дѣлать экономіи, оставаться безъ сильнаго войска и флота нельзя было самое существованіе королевства того не допускало.

Какъ бы то ни было, но положеніе дѣлъ въ Италіи, какъ внутреннее, такъ и внѣшнее, сдѣлалось несравненно благопріятнѣе прежняго. Союзъ, заключенный съ Пруссіей, продолжался и съ Германской имперіей; а безуміе ультрамонтанизма было причиной, что союзъ этотъ, безъ писанныхъ и припечатанныхъ пергаментовъ, основывался на прочныхъ интересахъ обоихъ государствъ; молодая Италія существуетъ и падетъ вмѣстѣ съ молодой Германіей. «Не только обоюдная склонность и общіе интересы, сказалъ министръ иностранныхъ дѣлъ Висконти-Веноста, 28-го ноября 1872 года, въ Римѣ во второй палатѣ, «связываютъ насъ съ Германіей, но и наши общіе враги». Министръ подъ этимъ разумѣлъ «могущественную партію, поднявшуюся противъ насъ и готовую захватить въ въ свои руки владычество надъ цѣлымъ міромъ», но вмѣстѣ съ нею и всѣхъ тѣхъ, которые готовы были поддерживать эту партію не только морально, но и болѣе осязательно. Къ счастію, Австрія перестала принадлежать къ числу этихъ враговъ. И тамъ также установился новый государственный строй, противъ благосостоянія котораго возставали тѣже самыя противодѣйствующія силы, какъ и противъ Германской имперіи и Итальянскаго королевства. Мы уже говорили,

что одинаковые интересы преимущественно побудили Виктора-Эмануила предпринять, въ сентябрѣ 1873 года, путешествіе къ вѣнскому и берлинскому двору. Итальянцы съ напряженнымъ сочувствіемъ слѣдили за этимъ путешествіемъ; итальянцы дожили до того, что въ Венеціи, на площади Св. Марка, вновь послышался австрійскій народный гимнъ, но на этотъ разъ не по принужденію, а по доброй волѣ; муниципальные же совѣты римскій и берлинскій обмѣнялись поздравительными телеграммами.

Король Викторъ-Эмануилъ сдѣлалъ это путешествіе вмѣстѣ съ своимъ новымъ министромъ-президентомъ Мингетти; онъ занялъ мѣсто президента послѣ паденія министерства Ланца-Селла; оно пало вслѣдствіе одного финансоваго вопроса (іюля 10-го 1873 г.). Новое министерство, набранное изъ членовъ правой стороны, считалось болѣе расположеннымъ къ французамъ, нежели предъидущее; оно свои дѣйствія начало съ того, что уговорило короля предпринять путешествіе, тогда какъ онъ вообще избѣгалъ всего, что его стѣсняло. Въ это самое время монархическое движеніе во Франціи достигло высочайшей точки своего развитія и уже можно было надѣяться на возвращеніе Бурбоновъ. Но первая задача Генриха V, альфа и омега его политики, заключалась въ томъ, чтобы возстановить папу въ его прежнихъ свѣтскихъ правахъ; слѣдовательно, возвращеніе Бурбоновъ для Италіи было бы символомъ, если не немедленной войны, то во всякомъ случаѣ отъявленной вражды съ Франціей. Послѣ паденія Тьера не только новое правительство очень недружелюбно смотрѣлона королевство Италію и на его независимость, но и вся Франція смотрѣла, какъ на крайне обидную вопіющую несправедливость, что вся Европа не заступилась за нее и не остановила Германіи, когда она такъ безпощадно ее поражала; болѣе же всѣхъ виновна въ ея глазахъ была Италія, обязанная своею свободой заступничеству Франціи, а между тѣмъ она съ своей стороны пальцемъ не шевельнула тогда, какъ для спасенія своей избавительницы должна была бы выставить все свое войско, до послѣдняго солдата; такъ всѣ въ одинъ голосъ толковали во Франціи, и ужасались неблагодарности Италіи. Но сколько ни бранили Италію, а дѣло было непоправимо,— что бы тамъ ни было, а побѣда при Седанѣ возвратила Италіи Римъ, и на это можно смотрѣть, какъ на новое чувствительное пораженіе Франціи въ теченіе этого ужаснаго года. Тьеръ очень осторожно и благоразумно отдѣлывался полуобѣщаніями и успокоительными выраженіями отъ неотступныхъ требованій епископовъ и ихъ приверженцевъ заступиться за папу; несмотря на это однакожь всѣмъ и каждому было извѣстно, что его вовсе нельзя было упрекнуть въ дружбѣ къ новой Италіи; еслибы и этого не было, еслибы, напротивъ, онъ даже сочувствовалъ ей, то все-таки долженъ былъ бы обращать вниманіе на партію легитимистовъ и на могущественное и многочисленное духовенство Франціи и ихъ приверженцевъ. Вотъ почему Тьеръ и его министерство, относительно Италіи, постоянно выказывали сомнительное расположеніе:—такъ, напримѣръ, въ іюлѣ 1871 года, когда король Викторъ-Эмануплъ торжественно въѣзжалъ въ Римъ, французскій посланникъ при папскомъ дворѣ оставилъ городъ, а французскій посланникъ при королевскомъ управленіи уѣхалъ въ отпускъ на минеральныя воды. Когда же въ 1872 году въ Парижѣ собрался метрическій конгресъ, папа послалъ отъ себя посланникомъ единственнаго ученаго, которымъ могъ располагать, знаменитаго астронома патера Секки, то Тьеръ принялъ его съ такими же точно почестями, какъ и всѣхъ остальныхъ посланниковъ; ученый представился ему, какъ представитель владѣтеля Церковной области. Въ водахъ Италіи передъ Чивита-Веккіей постоянно находился французскій военный корабль для того, чтобы папа могъ имъ воспользоваться, когда ему надоѣстъ плѣнъ въ его 11.000 комнатахъ Ватикана и его садахъ. Въ началѣ 1873 года скончался Наполеонъ,—между французами единственный, искренно преданный другъ Италіи; надобно отдать итальянцамъ справедливость, они оцѣнили его привязанность, встрѣтили извѣстіе о его смерти съ сожалѣніемъ и очень серьезно выказали это чувство не только трауромъ, но и рѣчами, произнесеными въ парламентѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя республика Тьера пала; первый министръ иностранныхъ дѣлъ Брольи при новомъ президентѣ циркуляромъ увѣдомилъ всѣхъ представителей Франціи при иностранныхъ дворахъ, что инструкціи ихъ не измѣняются; но

цѣль всѣхъ стремленій французской внѣшней политики вскорѣ обнаружилась; во всѣхъ пилигримствахъ непрестанно раздавались крики и звучала молитва: «Господи, спаси Римъ и Францію!» Однакожъ, прошла опасность, чтобы эти пилигримы и ихъ сторонники и покровители посадили на французскій престолъ короля по своему вкусу; тѣмъ не менѣе Франція не сдѣлалась для Италіи сосѣдкой, на которую можно полагаться: она оставалась для Италіи столько же ненадежной сосѣдкой, какъ была для Испаніи и для Германіи. На сколько можно было довѣрять дружбѣ или хотя бы только нѣкоторому расположенію Франціи, видно изъ того, какъ французское правительство и его чиновники относились къ врагамъ правительства во в р е м я в о й н ы карлистовъ въ сѣверныхъ провинціяхъ, доставляя имъ въ своихъ французскихъ пограничныхъ областяхъ всевозможную помощь. Натянутое положеніе между Италіей и Франціей еще увеличивалось и поддерживалось тѣмъ, что въ областяхъ, присоединенныхъ въ 1860 году къ Франціи, образовалась довольно сильная партія въ пользу Италіи и что никто не можетъ ни предугадать, ни предвидѣть будущей участи Франціи.

Между тѣмъ Италія, подобно Германіи, принуждена содержать по возможности сильную армію. 28-го октября 1873 года, министерство объявило, что парламентъ принялъ законъ о новой организаціи войска, которое при общей повинности могло возрости до 214,000 ч. въ мирное время; вообще проектъ этого закона былъ основанъ на тѣхъ же началахъ, какъ и въ Германіи; превосходство этой системы доказано было въ послѣднюю войну. Въ послѣдней тронной рѣчи, произнесенной 15-го ноября 1873 года, король указалъ на новыя мѣры для преобразованія войска,—онъ поручалъ войско и флотъ благосклонному вниманію парламента, припомнилъ о дружескихъ отношеніяхъ ко всѣмъ сосѣднимъ державамъ, и особенно долго и подробно останавливался на недавно установившей ея дружбѣ съ Австріей и уже нѣсколько упрочившейся съ Германіей, но о Франціи упоминалъ только вскользь.

Нѣсколько дней спустя, 21-го ноября, папа написалъ циркулярное посланіе патріархамъ, архіепископамъ и епископамъ католическаго міра: онъ жаловался на угнетеніе церкви во всѣхъ странахъ Европы; неизвѣстно, какое сочувствіе посланіе это пробудило въ остальныхъ государствахъ, но въ Италіи оно прошло безслѣдно.

3. Турція и Греція.

Религіозная борьба и смуты, поднявшіяся въ западной Европѣ съ силой, и не обнаруживавшіяся въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, не имѣли однакожъ никакого почти вліянія на восточныя части нашего материка, а именно, на Россію, Турцію и Грецію;былъ, правда споръ, и въ армянской церкви, и Порта приняла участіе въ партіи, противной римской церкви, но несогласіе вскорѣ покончилось; она признала главу этой партіи патріархомъ; о двухъ послѣднихъ государствахъ, Турціи и Греціи намъ остается сказать только нѣсколько словъ.

О П о р т ѣ въ эти годы мало говорили, и она въ послѣднее время обращала на себя мало вниманія. Когда Россія въ 1870 году объявила, что не считаетъ для себя обязательнымъ параграфа Парижскаго мира на счетъ Чернаго моря, Порта довольно безстрастно приняла это заявленіе и оказывала мало препятствій при разрѣшеніи этого дѣла на Лондонской конференціи: и далѣе, отношенія Турціи къ ея могущественной сосѣдкѣ, Россіи, оставались безъ всякой перемѣны. Но за то области, на половину получившія самостоятельность, развивались. Б о л г а р а м ъ султанъ далъ въ 1872 года позволеніе избрать своего собственнаго э к з а р х а и, съ дозволенія константинопольскаго патріарха, установить свое собственное независимое церковное управленіе. Вице-король е г и п е т с к і й, во время своего посѣщенія Константинополя выхлопоталъ себѣ фирманъ (8-го іюня 1873 года), дававшій ему почти полную независимость въ финансовомъ и въ военномъ отношеніи. С е р б і и и Р у м ы н і и въ этомъ отношеніи почти ничего больше не оставалось желать. Сербія въ 1870 году могла похвалиться,

что у нея набралось сокровище въ 6.000.000 флориновъ чистою монетою; кромѣ того у нея было значительное войско; скупщина пересматривала и дополняла конституцію и къ общему удовольствію разрѣшала различныя парламентскія дѣла; въ 1872 году молодой князь Миланъ достигъ совершеннолѣтія и принялъ самъ управленіе вмѣсто регентства, до сихъ поръ завѣдывавшаго дѣлами.

Гораздо больше вниманія привлекала на себя Румынія. Первенствующіе классы общества, во время и послѣ германско-французской войны, чувствовали живѣйшую симпатію къ Франціи, и постоянно выражали ее; но нѣкоторыя изъ подобнаго рода манифестацій доказывали, какого рода образованіе молодежь почерпнула на парижскихъ улицахъ и въ низшихъ слояхъ общества, у котораго только и могла научиться тому, чему научилась, но больше нигдѣ: по случаю нѣмецкихъ побѣдъ, нѣмцы, живущіе въ Букарестѣ, устроили было праздникъ, но преданная французамъ толпа отвѣтила на это одной изъ своихъ ожесточенныхъ демонстрацій. Правительствующему, съ 1866 года, князю и представителямъ покровительствующихъ державъ однакожь удалось поддержать порядокъ и изъ этого грубаго, полуварварскаго народнаго матерьяла, при неустанныхъ стараніяхъ, создать законодательный корпусъ для водворенія порядка въ государствѣ и не смотря на постоянныя препятствія, встрѣчаемыя въ неразвитомъ народѣ, все таки направить его дѣятельность на то, чтобы учредить законное конституціонное правленіе; при такихъ условіяхъ, только при помощи представителей покровительствующихъ державъ, князь Карлъ еще оставался въ Румыніи и не выполнилъ своего намѣренія броситъ все и возвратиться въ центральную Европу; на это онъ уже готовъ былъ рѣшиться въ 1871 году. Составилось консервативное министерство, которое опиралось на вновь избранную палату депутатовъ. Въ непріятной и неблаговидной распрѣ по поводу желѣзныхъ дорогъ между правительствомъ и капиталистами, давшими деньги на постройку этихъ желѣзныхъ дорогъ, произошло наконецъ соглашеніе и только тогда представилась возможность продолжать постройку дорогъ, столь важныхъ въ вопросѣ цивилизаціи какого бы то ни было края, а тѣмъ болѣе Румыніи.

Греція въ теченіе трехъ лѣтъ, послѣ 1870 года, только и дѣлала, что замѣняла одно министерство другимъ, закрывала и отсрочивала сессіи палаты депутатовъ, да еще занята была далеко не приносящимъ чести правительству дѣломъ по разработкѣ рудниковъ Лавріона, такъ хорошо извѣстныхъ каждому знающему аѳинскую исторію. Французско-итальянская компанія получила концессію на разработку этихъ залежей; само собою разумѣется, серебряная руда уже давно была выбрана, но тутъ оставались еще выброшенные прежде остатки, изъ которыхъ промышленники западной Европы однакожь умѣли извлекать выгоды. Когда же алчные, корыстолюбивые греки увидѣли, какихъ выгодъ лишились сами, они мигомъ издали законъ, въ которомъ объявили эти горы національною собственностью. Французскій и итальянскій посланники потребовали, чтобы общество, такимъ образомъ внезапно лишившееся своего достоянія, было должнымъ образомъ вознаграждено; пошли переговоры, греческое правительство очень открыто выражало желаніе подвергнуть это дѣло рѣшенію греческихъ судовъ, но державы, подданные которыхъ были заинтересованы въ этомъ дѣлѣ, не могли изъ личныхъ выгодъ подвергать случайностямъ, а можетъ быть и произволу греческихъ судовъ; дѣло тянулось, министерства перемѣнялись; но дѣло оставалось нерѣшеннымъ и при Комундуросѣ, и при Займисѣ, и Булгарисѣ и Делигеоргисѣ, т. е. до 1873 года, когда палата наконецъ разрѣшила купить рудники въ пользу государства.

4. Скандинавія.

Обстоятельства въ самомъ началѣ нѣмецко-французской войны сложились такъ, что не оставили Даніи и ея народонаселенію ни малѣйшей надежды, воспользоваться начавшейся войною, чтобы возвратить себѣ отнятую Шлезвигъ-Гольштинію. Французскій дипломатъ, пріѣзжавшій съ цѣлью соблазнить Данію, однакожь не имѣлъ успѣха и принужденъ былъ оставить Копенгагенъ 12-го

августа 1870 года. А 18-го декабря 1871 года, военный министръ, вполнѣ убѣдившись въ невозможности что либо предпринять, открыто высказалъ свой образъ мыслей въ народномъ собраніи (фолькстингѣ); до конца 1873 года за тѣмъ Данія исключительно занята была рѣшеніемъ вопросовъ касательно внутренняго благосостоянія, но существовавшее согласіе было нарушено столкновеніемъ между министерствомъ графа Гольштейнъ-Гольстенборга и большинствомъ членовъ фолькстинга. Большинство подало свое мнѣніе недовѣрія къ министерству, а оно опиралось на короля и на ландстингъ; фолькстингъ былъ распущенъ: но вновь произведенные выборы опять дали демократической партіи тотъ же самый перевѣсъ.

Швеція и Норвегія не имѣли ни малѣйшаго желанія измѣнить однажды принятому нейтралитету, хотя симпатія народная и была на сторонѣ французовъ. Король воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы опять возобновить планы реорганизаціи войска; когда шведскій сеймъ былъ открытъ, 18-го января 1871 года, ему предложенъ былъ планъ реорганизаціи войска, основанный на общей воинской повинности. Но въ этомъ году ему не удалось довести этого дѣла до конца, потому что сеймы обѣихъ союзныхъ державъ—Швеціи и Норвегіи—при значительномъ большинствѣ голосовъ отвергли этотъ проектъ. Въ слѣдующемъ, 1872 году, замѣщеніе одного лица другимъ при отбываніи военной повинности было отвергнуто обѣими шведскими палатами и этимъ самымъ утверждался принципъ всеобщей воинской повинности. Это былъ послѣдній успѣхъ, какимъ воспользовался король, потому что жизнь его окончилась, сентября 18-го; ему наслѣдовалъ братъ его Оскаръ II; января 10-го въ слѣдующемъ 1873 году, новый король открылъ свой первый народный сеймъ; въ немъ, также какъ въ Даніи, лѣвую сторону составляла партія ландманновъ, т. е. большинство, съ демократическимъ образомъ мыслей. Изъ видовъ экономіи столько же, сколько по своему радикальному образу мыслей это большинство было противъ обряда и церемоніи коронованія; 25-го февраля партія ландмановъ настояла на томъ, чтобы королевскій бюджетъ былъ уменьшенъ на 100.000 талеровъ, хотя весь liste civile состоялъ изъ 900.000 талеровъ. Марта 11-го происходила коронація короля въ Швеціи, потому что король принялъ на себя издержки коронаціи; а 18-го марта,—въ Норвегіи, въ Дронтгеймѣ. Норвегія по прежнему коснѣла въ своемъ отчужденіи отъ всѣхъ государствъ; она отказалась приступить къ общей монетной системѣ, состоявшейся между Швеціей и Даніей; только послѣ долгой нерѣшительности Норвегія только согласилась присоединиться къ скандинавской почтовой конвенціи съ одинаковыми почтовыми сборами для внутренней корреспонденціи, во всѣхъ трехъ скандинавскихъ государствахъ. Религіозныя волненія новѣйшаго времени не коснулись Скандинавіи, потому что власть римскаго папы не простирается сюда, такъ далеко къ сѣверу; въ Даніи очень мало подданныхъ универсальнаго государства, а въ Швеціи и Норвегіи можно сказать, что ихъ почти вовсе нѣтъ.

5. Бельгія. Голландія. Швейцарія.

Изъ этихъ трехъ государствъ война почти вовсе не коснулась Голландіи: нейтральный Люксембургъ, признающій короля Голландскаго своимъ великимъ герцогомъ, очень долгое время не хотѣлъ серьезно смотрѣть на свои обязанности нейтральнаго государства; только послѣ очень внушительной ноты сѣверогерманскаго союзнаго канцлера, отъ 3-го декабря 1870 года, Люксембургъ принялся выполнять свою обязанность. Миръ сохранилъ этой маленькой земелькѣ ея интернаціональное положеніе и предоставилъ французской партіи возможность давать волю выраженію своей ненависти къ нѣмцамъ—побѣдителямъ. Воинственное время и въ Голландіи подняло вопросъ о преобразованіи войска на началахъ общей воинской повинности; но правительству до конца 1873 года не удалось пробудить въ палатахъ сочувствія къ этой реформѣ. Къ этому времени относятся запутанныя отношенія къ одному изъ независимыхъ малайскихъ пле-

менъ, къ королевству Ачинъ, на Суматрѣ. Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать принципу общей воинской повинности, это обстоятельство напротивъ поддерживало систему замѣщенія, потому что подобныя экспедиціи могутъ быть вынесены только навербованными солдатами, т. е. такими, для которыхъ военное ремесло есть призваніе; первая изъ экспедицій противъ Ачина была неудачная и войска возвратились на Яву, ничего не добившись; это опять было новой причиной придерживаться старинной методы организаціи войска.

Религіозное движеніе коснулось Голландіи: $^{3}/_{5}$ всего народонаселенія, состоящаго изъ $3^{3}/_{4}$ милліоновъ жителей—католическаго вѣроисповѣданія; здѣсь какъ и вездѣ, они, очень шумѣли, хотя составляли меньшинство народонаселенія. Вторая палата подала, въ декабрѣ 1870 года, интерпелляцію; въ ней она отъ правительства требовала, чтобы оно сдѣлало, что можетъ, для возстановленія свѣтской власти папы. Это неблагоразумное предложеніе, которое однакожъ служитъ однимъ изъ способовъ дѣйствія партіи римскаго универсальнаго государства, очень просто опровергли простымъ приказомъ дня (ordre dujour). Въ началѣ 1871 года окончился продолжительный кризисъ министерскій; во главѣ правленія опять стало либеральное министерство, подъ руководствомъ Торбека, въ третій разъ стоящаго на этомъ постѣ, самаго замѣчательнаго государственнаго человѣка либеральной партіи. Когда въ ноябрѣ въ нижней палатѣ происходили пренія по поводу бюджета, мѣсто посланника при папскомъ дворѣ было уничтожено большинствомъ 39 голосовъ противъ 33; католическіе епископы написали прошеніе королю, умоляя его сохранить посольство при папскомъ дворѣ, но такъ какъ просьба не произвела желаемаго дѣйствія, они осыпали верхнюю палату прошеніями и протестами. Но и здѣсь все осталось безуспѣшнымъ,—въ февралѣ 1871 года постъ при папскомъ дворѣ былъ уничтоженъ. Въ апрѣлѣ того же года торжественно праздновали событіе, положившее начало независимости германскихъ и протестанскихъ Нидерландовъ отъ Испаніи, а именно занятіе морскими гейзами, 1-го апрѣля 1872 года, маленькаго городка Бріелль. Отъ сопротивленія, оказаннаго по поводу этого торжества римской клерикальной партіей, праздникъ этотъ принялъ чисто національный характеръ. Мы уже видѣли, какое значеніе маленькая старокатолическая церковь, Утрехтская, имѣла на крупное движеніе старокатоликовъ въ германской имперіи. Въ іюнѣ того же года скончался министръ Торбеке; однакожъ либеральное министерство еще продержалось до конца 1873 года; но такъ какъ оно располагало очень незначительнымъ перевѣсомъ въ палатѣ депутатовъ, то оно не могло провести ни одного замѣчательнаго закона.

Въ Бельгіи, напротивъ, клерикальная партія господствовала во всей своей силѣ, потому что она опиралась на значительное большинство въ палатѣ и въ сенатѣ; однакожъ въ большихъ городахъ либеральная партія брала рѣшительный перевѣсъ и дѣйствовала успѣшно при выборѣ приходскихъ совѣтниковъ. Въ декабрѣ 1871 года, обнаружились сумасбродства клерикала Лангранда; но когда при этомъ оказалось, что въ его обманѣ принимали участіе лица, очень близкія къ правительству, тогда министерство было уволено и на мѣсто его избрано болѣе умѣренное, подъ руководствомъ Де-Те. Во внутреннемъ управленіи, слѣдовательно, ничто не измѣнилось; сношенія же съ иностранными державами были такъ рѣзко и такъ ясно обозначены, что было почти все равно, какое министерство стоитъ во главѣ управленія,—клерикальное, или либеральное. Обязанность правительства заключалась въ томъ, чтобы точно и совѣстливо выполнять правила, налагаемыя нейтралитетомъ въ войнѣ, въ которой, нѣкоторымъ образомъ, рѣшалась также и судьба Бельгіи. Народонаселеніе, близкое къ Франціи по языку, по хорошимъ и дурнымъ чертамъ характера и по обычаямъ, нисколько не стѣсняясь, громко выражало свою симпатію къ французамъ и, съ другой стороны, свое негодованіе и злобу на нѣмцевъ: особенно ярко вспыхивали эти чувства при всякой новой побѣдѣ нѣмцевъ. Когда козни французскія, относительно Бельгіи, обнаружились, открытіе это не произвело глубокаго впечатлѣнія на народъ: все приписали императору и радовались тому, что судьба наконецъ его покарала; на плечи Седанскаго плѣнника взвалили всю вину, и бельгійскія газеты, наперерывъ съ французскими, изливали на него всю горечь своего гнѣва. Но

симпатія бельгійцевъ къ французамъ принесла имъ не много пользы: когда въ февралѣ 1872 года одинъ изъ французскихъ претендентовъ, графъ Шамборъ, прибылъ въ Антверпенъ и началъ принимать безчисленныя депутаціи французскихъ легитимистовъ, народонаселенію это не понравилось, оно грозно зашевелилось, вслѣдствіе чего графъ Шамборъ принужденъ былъ уѣхать.

Подобно тому, какъ Германія и Франція, также и Бельгія, въ вопросѣ о клерикальномъ преобладаніи, должна была дѣйствовать въ видахъ народнаго благосостоянія и спокойствія, а не слѣдовать личнымъ склонностямъ правительства: оно даже пришло, въ ноябрѣ 1872 года, въ столкновеніе съ римской куріей. Папа вздумалъ самовольно учредить новое римское консульство въ Антверпенѣ, но правительство наложило на это своевольное учрежденіе запретъ.

Хотя въ послѣднюю войну Бельгіи только приходилось обезоруживать отдѣльные отряды, переходившіе границу, но люди знающіе и внимательно слѣдившіе за военными дѣйствіями, все-таки вывели заключеніе, на счетъ выгодъ какія новая нѣмецкая система составленія и обученія войска представляетъ воюющей державѣ и какъ полезно было бы и для Бельгіи ввести у себя общую военную повинность. Повсемѣстно въ Германіи установившаяся общая воинская повинность давала ей такой авторитетъ и такой военный перевѣсъ надъ всѣми остальными государствами, что они по-неволѣ должны были слѣдовать ея примѣру, чтобы сохранить свое вліяніе. Вскорѣ и въ Бельгіи между военными существовало одно общее убѣжденіе въ необходимости этой системы. Но общая воинская повинность можетъ благодѣтельно повліять на общественную жизнь только тогда, когда вмѣстѣ съ ней поднимется весь уровень народнаго образованія; слѣдовательно, съ введеніемъ этой системы неразрывно связаны самыя энергическія мѣры для народнаго обученія—заведеніе народныхъ школъ и бдительный надзоръ за обученіемъ въ нихъ. Но такой оборотъ дѣла не могъ нравиться клерикальной партіи; она въ глубинѣ своихъ убѣжденій оставалась вѣрна своей теоріи обскурантизма, она въ настоящую минуту, какъ и во всѣ времена и уничтожая послѣдній проблескъ свободы касательно величайшаго блага человѣческаго дѣйствованія какъ свободнаго, т. е. самостоятельно мыслящаго существа, въ то-жевремя наружно подчинялась народнымъ желаніямъ и потребностямъ и повсюду содѣйствовала тому, что попросту называлось свободой; вездѣ отстаивала свободу печати и право составлять общины; старалась, какъ можно сильнѣе, воспламенять неудовольствіе народа къ самой неудобной изъ государственныхъ обязанностей, именно къ воинской обязанности, которая неминуемо за собою ведетъ другую, столько же непріятную обязанность, а именно податную. Военный министръ, генералъ Гильомъ, потерялъ мѣсто, потому что онъ, какъ увѣряли, не захотѣлъ сдѣлать епископамъ уступокъ, какихъ они требовали въ вознагражденіе за то, чтобы они подготовили общественное мнѣніе къ принятію общей воинской повинности (дек. 1872); не смотря на это произведены были нѣкоторыя реформы въ штатахъ войска, возвысившія отпускаемую на нихъ ежегодную сумму на три, или четыре милліона, но принципъ общей, личной военной повинности, однакожъ, на время оставленъ былъ въ сторонѣ. Такимъ образомъ, клерикальная партія почти повсюду давала направленіе ходу дѣлъ. Но въ бельгійскомъ религіозномъ движеніи не было и тѣни того плодотворнаго, живительнаго начала, какое мы находимъ въ религіозномъ движеніи сосѣдней Германіи; старокатолическое движеніе не нашло здѣсь отголоска, потому что здѣсь точно также, какъ во Франціи, было только два сорта людей: или всему вполнѣ вѣрующіе, или ничему не вѣрующіе.

Въ Швейцаріи, напротивъ, уже кипѣла дѣятельность, вызванная ватиканскими декретами: народъ вооружался, чтобы стать въ оборонительное положеніе; но французская война на короткое время отвлекла вниманіе отъ церковныхъ вопросовъ. Въ теченіе критическаго времени маленькая Швейцарія съ примѣрнымъ рвеніемъ выполняла свои обязанности, какъ нейтральная держава. Благодѣяніями гостепріимства этого маленькаго, какъ Тьеръ въ своей исторіи прозвалъ, скупаго народа, преимущественно воспользовались французы; сюда спасались женщины, дѣти и старики съ пограничнаго театра военныхъ дѣйствій, но преимущественно выселившіеся изъ Стразбурга; несчастные, выведенные изъ осажденнаго

города особенной депутаціей, посланной за ними изъ Швейцаріи, но къ довершенію всего явилась цѣлая армія незванныхъ гостей, армія Бурбаки, постыднымъ образомъ загнанная за границы. Между швейцарцами на мгновеніе было мелькнула мысль воспользоваться бѣдственнымъ положеніемъ Франціи, чтобы поднять вопросъ о сѣверной Савойѣ, вопросъ такъ быстро и насильственно замятый въ 1860 году. Федеральный совѣтъ, однакожъ, не согласился бить лежачаго и отказался поднимать вопросъ о Савойѣ, тѣмъ болѣе, что военныя неудачи положили конецъ всѣмъ французскимъ претензіямъ на Женеву; кромѣ того, въ Швейцаріи было много республиканцевъ, съ особеннымъ сочувствіемъ смотрѣвшихъ на Францію съ тѣхъ поръ, какъ и въ ней, все равно какимъ путемъ, но утвердилась единственно истинная и спасительная республиканская форма правленія. Приверженцы французовъ между низшими слоями общества своимъ грубымъ манеромъ выказывали имъ свое сочувствіе, такъ, напримѣръ, когда многочисленная партія нѣмцевъ, живущихъ въ Цюрихѣ, вздумала устроить праздникъ по случаю нѣмецкихъ побѣдъ (9-го марта), уличная чернь, которой никто не мѣшалъ скучиться, ворвалась въ залу пиршества, но здѣсь ее встрѣтилъ неожиданный отпоръ; чернь, жестоко наказанная за свое покушеніе, безъ полицейскаго вмѣшательства, принуждена была удалиться со стыдомъ и съ сознаніемъ, что сама вызвала постигшее ее наказаніе.

Постепенно разгоравшаяся церковная распря, совершенно противъ воли заинтересованныхъ и вопреки ожиданіямъ ихъ, однакожъ по необходимости сблизила Германію съ Швейцаріей. Изъ $2^1/_2$ милліоновъ жителей Швейцаріи, около $1^1/_2$ милліона реформатовъ и милліонъ католиковъ; между послѣдними рѣшенія ватиканскаго собора встрѣтили сильнѣйшее сопротивленіе. Средоточіемъ этого сопротивленія сдѣлался кантонъ Солотурнъ для нѣмецкихъ католическихъ кантоновъ, а для французскихъ—Женева; но такъ какъ римская іерархія грубо и необдуманно взялась за дѣло, то вопросъ этотъ вскорѣ сдѣлался дѣломъ общимъ для всего Швейцарскаго союза. Такъ называемая, епархіальная конференція, составленная изъ представителей кантоновъ Солотурна, Люцерна, Берна, Ааргау, Тургау, Базеля и Цуга, принадлежавшіе къ Базельскому епископству, написала епископу базельскому Лаша письмо, въ которомъ объявляла, что не можетъ признать ватиканскаго собора всемірнымъ, равно какъ и принять ученіе о непогрѣшимости папы, имъ объявленное, какъ непреложный догматъ; поэтому епископу предлагалось не распространять этого ученія. Происходили послѣ этого шумныя собранія, гдѣ толковали за и противъ этого рѣшенія: здѣсь, при республиканскомъ законодательствѣ и настроеніи приходскихъ общинъ, войну съ іерархіей можно было вести несравненно успѣшнѣе, чѣмъ въ Германіи. Въ ноябрѣ 1872 года, епископъ Лаша отрѣшилъ отъ должности и отлучилъ отъ церкви одного приходскаго священника въ Штаркирхе, въ кантонѣ Солотурнѣ, за то, что ни онъ, ни его приходъ не хотѣли признавать новаго догмата; правительство отмѣнило рѣшеніе епископа и объявило его недѣйствительнымъ: но духовенство епархіи приняло его сторону. Епархіальная конференція приняласъ за дѣло: она потребовала отъ епископа, чтобы онъ отмѣнилъ всѣ отлученія отъ церкви, число которыхъ ежедневно увеличивалось, потому что число старокатоликовъ быстро прибывало. Епископъ отказался исполнить требованіе конференціи; вслѣдъ за этимъ, въ январѣ 1873 года, конференція, на основаніи предложенія, сдѣланнаго Берномъ, безъ долгихъ разсужденій и проволочекъ, отставила епископа отъ должности: «высокопочтенный епископъ Лаша, воспитанный въ иностранныхъ государствахъ, не понимаетъ нашихъ отношеній,» стояло въ «прокламаціи къ католическимъ» гражданамъ Швейцаріи. Однакожъ, кантоны Цугъ и Люцернъ все еще признавали Лаша епископомъ; большое число католическаго духовенства, а именно 70 лицъ, въ кантонѣ Солотурнѣ также объявили о своей преданности епископу и въ этомъ духѣ поднесли ему адресъ; еще 97 лицъ духовнаго званія, въ кантонѣ Бернѣ, точно также поступили, и 103 въ Ааргау. Кантоны Солотурнъ и Бернъ на это заявленіе отвѣчали тѣмъ, что требовали непокорныхъ духовныхъ къ отвѣту, или прямо отставляли ихъ отъ должности, кантональныя правленія начали набирать войска. На пастырское посланіе швейцарскихъ епископовъ стеклось большое народное собраніе въ Солотурнѣ. 15-го

юня, оно изъявило единодушное желаніе, чтобы въ союзныхъ кантонахъ не было больше папскаго нунція и чтобы всѣ связи съ Римомъ были порваны; въ тоже время конгресъ старо-католиковъ въ Ольтенѣ, 31-го августа, положилъ составить прочно организованное духовное общество. Нѣкоторые кантоны, пользуясь своимъ законодательствомъ, умѣли отстаивать свои права отъ притязаній іерархіи, при чемъ они на своей сторонѣ имѣли большинство народонаселенія и потому твердо и быстро шли къ своей цѣли.

Еще быстрѣе окончилось это столкновеніе во французской Швейцаріи, гдѣ оно тоже вызвано было самовластіемъ Рима. Женевскій кантонъ составлялъ часть Лозанскаго епископства, но римская курія хотѣла возвести Женеву въ отдѣльное епископство; для этого епископъ, помѣстившій свое управленіе и свою резиденцію въ Фрейбургѣ, на мѣсто себя въ Женевѣ генеральнымъ викаріемъ назначилъ патера Мермильо еще съ 1864 года. Въ клерикальныхъ листкахъ было сказано, что папа этого самаго аббата Мермильо теперь возводитъ въ епископы, со всѣми обычными формами, не взирая на основные законы женевской конституціи; женевское правительство, отрицая законность епископской мѣры, 1864 года, по которой Мермильо сдѣланъ былъ главнымъ викаріемъ, объявило, что признаетъ его только женевскимъ приходскимъ священникомъ и запрещаетъ ему пользоваться правами и преимуществами епископа въ женевскомъ кантонѣ; но такъ какъ Мермильо на это объявилъ, что не намѣренъ подчиняться такому требованію, то дѣло это было перенесено на разсмотрѣніе въ федеральный совѣтъ. Дерзость Мермильо еще увеличилась и развилась, когда папа, 16-го января 1873 года, не смотря на права федеральнаго совѣта и кантональнаго управленія, назначилъ его апостолическимъ викаріемъ въ Женевѣ, со всѣми правами и преимуществами епископа. Когда папскій нунцій довелъ объ этомъ рѣшеніи до свѣдѣнія федеральнаго совѣта, послѣдній отвѣчалъ нунцію, что не признаетъ Мермильо епископомъ; но этотъ, несмотря на предостереженіе, продолжалъ являться, какъ женевскій епископъ и исполнять сопряженныя съ епископскимъ званіемъ обязанности,—женевское правительство послало ему повелѣніе выѣхать изъ Женевы; въ тоже время постановило закономъ, чтобы назначеніе приходскихъ священниковъ впредь зависѣло отъ выбора прихожанъ; въ то-же время прежній патеръ Гіацинтъ началъ въ Женевѣ говорить проповѣди въ духѣ старокатолическомъ, пытаясь такимъ образомъ перенести на французскую почву движеніе, упрочившее свое вліяніе во многихъ приходахъ и кантонахъ нѣмецкой Швейцаріи. Въ декабрѣ 1873 года произошелъ рѣшительный шагъ. Въ энцикликѣ, опубликованной папой 21-го ноября, папа Пій IX излилъ на старокатоликовъ всю горечь накипѣвшей у него злобы: онъ осыпалъ «лжеепископа» всевозможными укоризнами, при этомъ не забылъ коснуться «Гельветскаго союза» въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, какими отличаются обыкновенно такого рода горячія и неумѣренныя посланія и которыя лишаютъ всякое правительство возможности вести съ Римомъ сношенія, какія утверждены правилами дипломатической и общественной вѣжливости, формы которой уже установились въ текущемъ столѣтіи. Федеральный совѣтъ на энциклику отвѣчалъ письмомъ къ папскому нунцію монсиньору Агноцци; въ письмѣ этомъ очень вѣжливо просили нунція извѣстить федеральный совѣтъ о днѣ, въ какой ему угодно будетъ оставить Швейцарію; потому что съ нынѣшняго дня, по винѣ св. папскаго престола, Швейцарскій союзъ не можетъ впредь принимать папскаго посланника, въ качествѣ аккредитованнаго дипломатическаго представителя папской власти.

Всѣ эти происшествія ясно показали Швейцарскому союзу, что необходимо тщательно пересмотрѣть союзное законодательство и дать ему болѣе прочное и энергическое единство; однажды какъ-то уже готовы были предпринять это дѣло; но планъ тогда не удался. Послѣ предварительнаго рѣшенія федеральнаго совѣта проектъ этотъ вновь былъ предложенъ на обсужденіе народа и отдѣльныхъ кантоновъ, но они вновь съ незначительнымъ перевѣсомъ 13 кантоновъ противъ 9 отвергли проектъ, да и народъ также большинствотъ 261.000 голосовъ противъ 255.000 отвергнулъ его; несмотря на это, однакожь, выборы въ члены федеральнаго совѣта, происходившіе въ октябрѣ того-же года, дали большинство, готовое принять на себя трудъ пересмотрѣть національное законодательство.

Этимъ мы оканчиваемъ послѣдній отдѣлъ нашего изложенія жизни человѣчества, или вѣрнѣе сказать, мы обрываемъ разсказъ свой; но замѣтимъ сначала, что отказываемся бросить взглядъ на историческое движеніе не европейскихъ державъ съ 1870 года, потому что оно не сплетается съ чисто, европейскими событіями. Европа и въ 1873 году остается главнымъ театромъ историческаго дѣйствія, средоточіемъ всемірной исторической дѣятельности точно такъ же, какъ она была тѣмъ же 1815 году. Если мы еще бросимъ взглядъ на пройденную нами эпоху, заключающую въ себѣ двѣ человѣческія жизни, считая отъ заключенныхъ трактатовъ Вѣнскаго конгреса до конечной точки—до Франкфуртскаго мира и ближайшихъ его слѣдствій, если сравнимъ нынѣшнее положеніе дѣлъ съ этою ихъ исходной точкой, тогда мы должны сознаться, что въ территоріальномъ, особенно политическомъ раздѣленіи европейскихъ государствъ произошли значительныя перемѣны. На сѣверозападной окраинѣ и крайней юговосточной точкѣ нашего материка явились два самостоятельныхъ государства, а именно: Бельгія и Греція, а между тѣмъ Польша, на картахъ 1815 года, еще стоявшая какъ отдѣльное государство, исчезла, равно какъ и вольный городъ Краковъ, обломокъ того же большаго нѣкогда королевства Польскаго. Франція съ одной стороны пріобрѣла Савойю и Ниццу отъ Италіи, но за то съ другой стороны потеряла значительныя области Эльзасъ и Лотарингію, уступленныя ею Германіи. Іоническіе острова присоединены къ Греціи и тѣмъ увеличили нѣсколько это миніатюрное королевство. Австрія пріобрѣла Краковъ, но за то лишилась Ломбардіи и Венеціи. Процесъ отдѣленія вассальныхъ владѣній Египта, Сербіи Румыніи, отъ турецкаго государства до сихъ поръ еще не окончился и намъ предстоитъ ожидать этого конца. Но самыя большія перемѣны въ политическомъ раздѣленіи Европы произошли на одной изъ окраинъ ея и въ центральной части материка, а именно: въ Италіи и въ Германіи. Карта Италіи является передъ нами такою, какою мы ее уже однажды видѣли, при Теодорикѣ Великомъ, господствовавшемъ надъ Италіей отъ 493—до 526 года. Изъ географическаго понятія, какъ говорилъ Меттернихъ, Италія сдѣлалась политическимъ сомкнутымъ могущественнымъ государствомъ, однимъ сильнымъ королевствомъ въ 5.375 кв. миль поверхности и съ 25 милліонами жителей; въ числѣ многихъ исчезнувшихъ въ національномъ потокѣ королевствъ и герцогствъ находится послѣднее изъ духовныхъ поземельныхъ владѣній—Церковная область. Но еще крупнѣе и многознаменательнѣе перемѣны, происшедшія съ картою Германіи. Территоріальныя принадлежности ея уменьшились: нѣмецко-австрійскими областями, Люксенбургомъ и крошечнымъ княжествомъ Лихтенштейномъ, которое осталось въ своемъ прежнемъ положеніи, какъ будто для того, чтобы служить священнымъ воспоминаніемъ прежняго германскаго союза; но за то Германія увеличилась на востокъ: провинціями Познанью и собственной Пруссіей, на сѣверъ герцогствомъ Шлезвигомъ, на западъ: Эльзасомъ и Лотарингіей: всего около 11,464 кв. мил., а именно противъ 1815 года стало 9.888. кв. милями больше въ 1874 году. При этихъ округленныхъ предѣлахъ внутреннія перемѣны въ Германіи, можно сказать, также значительны: королевство Ганноверское, курфюршество Гесенское, герцогства Нассауское, Гольштейнское, Лауэнбургское, княжества Гогенцоллернъ Зигмарингенское и Гехингенское, ландграфство Гессенъ-Гомбургское и вольный городъ Франкфуртъ-на-Майнѣ прибавились къ Прусскому королевству; оно съ 1815 года съ 5.100 кв. миль возросло въ 1866 году до 6.396 кв. мил. Въ цифрахъ, приведенныхъ нами и обозначающихъ измѣненія, происшедшія въ наружномъ видѣ Италіи и Германіи, заключается результатъ, достигнутый историческимъ развитіемъ событій, продолжавшихъ свою работу въ теченіе періода послѣднихъ двухъ человѣческихъ возрастовъ. Италія, слегка уменьшенная въ своей сѣверозападной части, но за то прочно сплотившаяся въ своихъ естественныхъ границахъ и получившая одну политическую форму, съ другой стороны Германія, хотя значительно уменьшенная въ своемъ объемѣ, но за то преобразованная и объединенная, составляютъ два могущественныхъ довольныхъ своимъ положеніемъ государства; они являются какъ бы опорными державами для центральнаго европейскаго развитія и могутъ служить вѣрнымъ залогомъ здороваго

и мирнаго прогресса европейской исторической жизни; какъ бы то ни было, но при такомъ положеніи дѣлъ общее спокойствіе основано на болѣе прочныхъ началахъ, нежели то, какое представляли на пергаментѣ писанные трактаты Вѣнскаго конгреса. Но мы уже говорили о томъ, какое благодѣтельное вліяніе имѣетъ эта новая форма, въ какую облеклась общественная жизнь и ея отношенія: не одна Германія и Италія возвращены себѣ; но можно сказать и объ Австріи, и она возстаетъ во всей своей силѣ изъ кучи полуразвалившихся государствъ; нейтральное положеніе маленькихъ державъ—Швейцаріи, Голландіи и Бельгіи теперь стоитъ на прочныхъ основаніяхъ; кромѣ того вся часть свѣта обезопасна отъ властолюбія и универсальнаго преобладанія окраинныхъ ея государствъ—Россіи и Франціи, особенно отъ воинственныхъ французовъ, въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій нарушавшихъ миръ на землѣ; но теперь они на долгое время заключены въ своихъ предѣлахъ.

Если мы посмотримъ на внутреннюю жизнь государствъ съ ихъ политической стороны, то должны сознаться, что и тутъ насъ поражаетъ огромный прогрессъ. Что въ 1815 году удалось достигнуть только въ одномъ государствѣ и то не вполнѣ и не прочно, а именно примирить королевскую власть съ правами народа и дать ему прочную форму законами огражденной монархіи, то самое мы теперь видимъ въ цѣлой Европѣ и признаемъ, какъ совершившійся фактъ. Свобода народа, по словамъ Мирабо, нуждающаяся въ королевской власти, и наоборотъ королевское могущество, нуждающееся въ свободномъ народѣ—теперь существуетъ въ большей части европейскихъ государствъ; но они дошли до этого согласія послѣ долгой и опасной борьбы между собою. Конституціонная монархія, по нашему мнѣнію, самая лучшая и прочная форма правленія для людей, какъ они есть, безъ прикрасъ и фантазій; сознаніе это теперь распространяется и увеличивается: послѣ всѣхъ случайностей, внутреннихъ содроганій и борьбы это самая пригодная форма для европейскихъ государствъ; именно эта форма правленія восторжествовала на нашемъ вѣку въ Европѣ и сдѣлалась почти господствующей. Она теперь преобладаетъ отъ самой югозападной оконечности Европы, отъ Португаліи, до крайняго скандинавскаго сѣвера; мы видимъ, какъ въ Германіи и Италіи ограниченная конституціонная монархія готова сгладить всѣ неровности внутреннихъ элементовъ и препятствія, ими воздвигаемыя, видимъ какъ въ непрестанной, законной, стройной, дружной дѣятельности государь и народъ, правительство и парламентъ идутъ къ прогрессу, и порядокъ государственной жизни развивается, хотя медленно, но непрестанно. Мы видимъ, что тѣмъ же путемъ Австрія готова разрѣшить труднѣйшую изъ задачъ—соединить національности самыхъ разнородныхъ племенъ; наконецъ можемъ сказать, что видимъ, какъ осуществляются принципы тѣхъ же самыхъ идей даже въ Россіи и какъ они, хотя подъ иною формою, но пускаютъ глубокіе корни въ ея почву. Напрасныя опасенія, можно сказать, неосновательный страхъ, какой охватывалъ недозрѣлыхъ правителей далеко за половину разсматриваемаго нами періода, при одной мысли о возможности революціи, теперь вполнѣ исчезъ, или исчезаетъ все болѣе и болѣе; новымъ доказательствомъ того, что эта форма правленія есть лучшая для государствъ, богатыхъ разнообразными историческими событіями, можетъ служить между прочимъ и то, что единственная ихъ нынѣ республиканская великая держава въ Европѣ Франція въ сущности вовсе не республика, а остается ею только потому, что до сихъ поръ не нашла людей, достойныхъ, надежныхъ и способныхъ занять у ней опустѣвшій тронъ. И такъ, вся Европа состоитъ изъ государствъ монархическихъ, или по существующей формѣ правленія, или по своимъ существеннымъ началамъ, и къ тому же, по большей части все—монархіи ограниченныя законами и представителями народными; остается одна только истинная республика—Швейцарія, она одна не подходитъ подъ общее правило и ее надобно мѣрить особенною мѣркою.

Европейское человѣчество сдѣлалось старше на 60 лѣтъ, полныхъ событіями; большинство его познало, что истинная свобода, знамя которой поднято было въ прошедшемъ столѣтіи, не зависитъ отъ той, или другой формы правленія, что она можетъ поддерживаться только при прочно установившемся государственномъ порядкѣ и что порядокъ вообще можетъ существовать лучше и

безопаснѣе при конституціонномъ монархическомъ правленіи, нежели при республиканскомъ: въ послѣднемъ нѣтъ ничего такого, что стояло бы выше всего и хотя бы по имени управляло часто обманывающимся и обманутымъ народомъ, нѣтъ ничего такого, что могло бы поставить границы честолюбію, лести и очень часто открытому насилію людей дерзкихъ. Въ настоящую минуту кажется даже и въ этихъ понятіяхъ наступила реакція своего рода: есть множество людей, которые убѣждены, что демократическому стремленію, или правильнѣе сказать демагогическому направленію сдѣлано черезчуръ много уступокъ и что пора опять дать силу авторитету, снабдить правительства болѣе обширною властью.

Съ 1815, 1830 и 1848 года Европа сдѣлалась умнѣе въ томъ отношеніи, что подъ словомъ с в о б о д а не исключительно понимается то, что составляетъ одну только сторону этого понятія, именно—свобода политическая, и не то, что подъ этимъ словомъ понимали либералы 1848 года,—то прямое значеніе этого слова, на первый взглядъ несложное и не мудреное, но которое на дѣлѣ представляетъ совсѣмъ не такое ограниченное понятіе. Нашъ вѣкъ указалъ на потребность дать э к о н о м и ч е с к и м ъ о б с т о я т е л ь с т в а м ъ народа должную свободу и должное мѣсто въ его политической жизни. Успѣхи, сдѣланные Европой въ этомъ отношеніи, въ теченіе 60 лѣтъ, такъ значительны и такъ опредѣленны, что объ этомъ нѣтъ надобности говорить подробно, потому что дѣло слишкомъ ясно и каждому извѣстно. Мы уже упоминали о громадномъ переворотѣ, происшедшемъ отъ введенія пара въ промышленную дѣятельность и во всѣ области человѣческой дѣятельности и человѣческихъ способовъ сообщеній. Эта вновь открытая, неизвѣстная дотолѣ сила въ свою очередь разсыпала въ послѣднія десятилѣтія свои неисчислимыя богатства передъ человѣкомъ и дала ему возможность пользоваться тѣмъ, о чемъ у него такъ недавно не было даже предчувствія; но для человѣка мыслящаго это особенно важно потому, что богатствами этими пользоваться можетъ несравненно большее количество людей и въ несравненно высшей степени, чѣмъ прежде. Еслибы намъ понадобилось доказать свое мнѣніе, то доказательства мы нашли бы въ самыхъ волненіяхъ соціалистовъ, въ томъ способѣ, какой употреблялся въ послѣдніе десятки лѣтъ для того, чтобы возбудить эти волненія; каждому, хоть поверхностно знакомому съ жизнью и сколько нибудь вникавшему въ характеръ людей, зажигавшихъ соціалистическія волненія и руководившія ими, навѣрное извѣстно, что не нужда, не нищета были главными двигателями ихъ, но ими двигали иныя побужденія. Нѣтъ сомнѣнія, на землѣ довольно много людей, неправдами нажившихъ себѣ состояніе, много чванливыхъ своимъ богатствомъ; много низкихъ страстей скрыто подъ роскошью, также есть много глубоко-несчастныхъ, тяжко нуждающихся, доведенныхъ до отчаянія нищетою; но за то есть также и много людей трудолюбивыхъ, честною работою и бережливостію создавшихъ себѣ довольство; да, на свѣтѣ есть возможность выбиться изъ бѣдности съ тѣхъ поръ, какъ открылась свободная дѣятельность въ области сельскохозяйственной и государственной экономіи, поприще дѣятельности, завоеванное свободою въ теченіе этихъ же самыхъ двухъ человѣческихъ возрастовъ — человѣкъ трудолюбивый находитъ работу, работа его лучше оплачивается и усилія его скорѣе находятъ должную оцѣнку нежели въ прежнія времена; лучше того — во многихъ государствахъ Европы честный трудъ открываетъ путь въ высшіе слои общества и находитъ себѣ тамъ вознагражденіе. Говоря вообще, въ настоящее время, каждый человѣкъ самъ можетъ собственной силой, трудомъ, бережливостію и самообладаніемъ создать себѣ свое общественное положеніе, независимо отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, — это истины неоспоримыя.

Однакожь человѣчество живетъ не однимъ насущнымъ хлѣбомъ и не одною заботой о пропитаніи; у него есть высшія потребности и судьба уже позаботилась о томъ, чтобы потребности эти находили пищу; народъ сознаетъ, что политическіе и экономическіе успѣхи одни еще не составляютъ для него истинной абсолютной свободы. Мы уже видѣли, какъ въ послѣднее время покушеніе 18-го іюля 1870 года на человѣческую независимость выдвинуло р е л и г і о з н ы е в о п р о с ы на первый планъ народныхъ интересовъ; признаться, и въ этомъ обстоятельствѣ мы видимъ существенный прогрессъ, если сравнить его съ положеніемъ умовъ на исходной точкѣ, отъ которой начинается наше повѣствованіе. Іерархическія силы

въ наше время поднялись съ такимъ могуществомъ, къ какому въ началѣ текущаго столѣтія ихъ не считали способными; они пускаютъ въ дѣло всѣ современные рычаги, они обнаруживаютъ претензіи и требованія, не приходившія на умъ даже Григорію VII, или Бонифацію VIII; крайне неблагоразумно было бы предполагать, что такого рода движеніе можно остановить однѣми обыкновенными, полицейскими мѣрами, или преодолѣть ихъ и дать имъ иное направленіе путемъ обыкновенныхъ убѣжденій, поученіями и просвѣщеніемъ. Это борьба, въ которой опять-таки дѣло идетъ о свободѣ; она будетъ продолжительная и, безъ сомнѣнія, упорная; кто въ ней намѣренъ, выполняя долгъ свой, принять участіе, тотъ долженъ запастись глубокимъ убѣжденіемъ и сильнымъ одушевленіемъ. Ему нужно будетъ вооружиться силою чистѣйшей любви къ Богу и человѣчеству—силою истинной вѣры, способной вознестись надъ текущимъ мгновеніемъ и надъ его разочарованіями, противупоставить эпикуреизму — этой модной философіи нашего времени—крѣпкую и неуклонную вѣру въ основныя истины ученія Іисуса Христа; потому что ученіе это преимущественно есть ученіе о свободѣ. Основывая всѣ человѣческія дѣйствія не на самолюбіи, не на личныхъ выгодахъ, но на самообладаніи и на самоотверженіи, оно укрѣпляетъ духъ человѣческій, дѣлаетъ его болѣе пригоднымъ выполнять требованія глубоко взволнованнаго времени, которое безпрерывно предлагаетъ на разрѣшеніе новыя общественныя и нравственныя задачи, которое за доставляемый человѣчеству внѣшній блескъ и новыя наслажденія требуетъ отъ него новой дѣятельности, новаго труда и безкорыстной преданности на служеніе всему, что есть добраго, честнаго и благороднаго.

КОНЕЦЪ.